

Перевод с галансково письма... что всякому уряднику в ратном строе подобает ведать

Перевод с галансково письма... что всякому уряднику в ратном строе подобает ведать. И против тех воспросов — ответ / Публ. [и примеч.] А. Малова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 7—9. — [Т.] VI.

Перевод с галансково письма, что подал

боярину Илье Даниловичу Милославскому

райтарсково строю полковник Исак фан Буковен,

как всяких чинов урядников воспросить

про ратное ученье,

что всякому уряднику в ратном строе подобает ведать.

И против тех воспросов — ответ

Первой воспрос: спросить всяково урядника, что салдату подобает первее всего ученья ведать.

Ответ: первое подобает салдату быть всем урядником послуш(ным).

Второй воспрос: что салдату подобает знать, чем ему возвышения чина своево дослужитца.

Ответ: салдату подобает добру и верну стоять на карауле, где его поставят, и всем оружием научитца владеть. И потом ему мочно быти ис рядовых салдатов гефрейтером, сийречь шляхтичем, потому что первое шляхетство родитца доброю службою.

Воспрос: что подобает гефрейте(ру) (сире)чь шляхтичу в своем чину ведать.

Ответ: подобает ему в полках и в городе будучи всякие караулы (досма)тривать и на отводных ка(раулах) самому стоять с пикою или с (...) и с пистолетом на голо. И с тово отводново караула не сойти, покаместа ево с отводново караула сведет саржант или иной какой большого чину урядник, хотя ево на отводном карауле и убьют. И как услышит, что люди против нево идут, и ему надобно в стан отойтит до другово и до третевго караула, покаместа к Большому караулу придет и приход неприятельских людей объявит, чтоб на Большом карауле мочно ко всполоху изготовитца.

Воспрос: обучене сколько людей в роте в ученье надобно быть, как роту учить, и сколько с мушкетами, и сколько с пиками, и в сколько шерэг, и в сколько рядов их ставит в ученье.

(Ответ): на меншую статью (н)ад(о) (...) быть как роту учить, в роте восемьдесят человек, в то числе сорок человек с мушкетами по десяти человек в ряд, а по осми человек в шерегу. (А) коников поставит по правую, а пикенерником на левую сторону. А к бою ставят по-иному обычаю, смотря по неприятельским полкам и по месту.

Воспрос: скольким урядником у такой роты подобает быть.

Ответ: у такой роты подобает быть пяти человеком урядником окромя карпралов, одному человеку капитану, одному человеку порутчику, одному человеку прапорщику, двум человеком саржантом да трем человеком карпралом. А карпралы в рядах и в шеренгах стоят с рядовыми

салдаты.

Вопрос: каким обычаем роте в поход идти, как в роте сто человек будет, и каким роте в поход идти, как в роте будет сто пятьдесят человек и болши.

Ответ: как в роте сто человек будет или менши, и им подобает идти мушкетником всем вперед на меньшую статью по пяти человек в шеругу, а рядов — сколько станет ровными шеругами, а пикинерником сим за ними идти по тому же, по пяти человек в шеругу. А как в роте болши ста человек, ино подобает такую роту урядить в три ровные доли. Двум долям быть с мушкетами да третьей доле с пиками. А в поход идти, перво, одной доле с мушкетами на перед, а затем другой доле с пиками, а затем третьей доле опять с мушкетами, что были пики в шеругах.

Вопрос: как подобает урядником у рот идти.

Ответ: капитану подобает передом идти пред мушкетники, а поручику — за ротою, а прапорщики — перед пиками, а саржантом — по обе стороны. А карпралом — всякому у своего карпралства в первой шеруге с правой руки. А барабанщиком — у мушкетников промеж третьей и четвертой шеруги.

Вопрос: что есть уставы и промежутки салдатские и как их называют в походех и в учене.

Ответ: бывают в салдатском строе три промежутки. Первой промежуток слывет розступ, то есть как салдаты по шти ступеней ряд от ряда и шеруга от шеруги стоят. Второй промежуток слывет приближанье, то есть как салдаты по три ступеней друг от друга стоят. Третьей промежуток слывет сомкнетей, — как салдат от салдата в шеругах по полутера ступеней друг от друга стоят.

Вопрос: как велет вскоре теми промежутки ставитца?

Ответ: первой промежуток, что слывет розступ, учить сиим обычаем: велет салдатом руки высовыват, и как рука с рукою соткнетца и тот промежуток будет по шти ступеней в шеругах. Второй промежуток, что слывет приближанье, учить сиим обычаем: велет салдатом руки к бокам своим принкнуть, и как локоть с локтем сомкнетца, и тот промежуток будет три ступеней в шеругах. Третьей промежуток, что слывет сомкнетей, то есть как салдаты плечо от плечо стоят, и тот промежуток будет полторы ступеней в шеругах.

Вопрос: для чего розступной про(ме)жуток учат и к чему то годно.

Ответ: как учить доведетца оружием владеть, и им доведетца тем розступным промежуток стоять, а потом привести и выучить ином сложным промежуток.

Вопрос: каким промежуток в походе идти подобает.

Ответ: как сквоз город или куды в поход идти ино, подобает трехступенным промежуток салдату от салдата идти. А как уским или лесным местом идти ино подобает сомкнутым ближним промежуток идти. А как мимо отсадного города идти, где отсадные люди в осаде сидат, ино подобает розступным промежуток идти, ч(тоб) з города от осадных людей своим людям шкоды не учинить.

Сии вопросы подобает всякому уряднику ведат и ответ против всякого вопросу дат от карпрала до саржанта, и до прапорщика, и до поручика, а болши того капитану и маору, и подполковнику и полковнику. И подобает все ведать, и по(до)бает им всяким оружием: мушкетом, и пикою, и алабардом, (и) (...)менем, и партазаном самим (вла)дет и роты всякому ратному строю (учить). А полковнику подобает не то(лко) роту, но и полк умет учить (подобает), и на многие стат(и) в ополч(ени)е в оправе ставит, чтоб полком (сво)им неприятельским людям на всякие стати шкоды умет учинит и стройным обычаем от неприятельских людей отойтить, чтоб людей своих не потерять. То же подобает ведать и полковнику, и маору. А только хто тово не

знает, и тому в таком большом чину не подобает быт.

Да им же подобает ведать: ответ дать от карпрала и до полковника, что чины их обдержат, и для чево их такими чинами называют. Потому что всякому урядническому чину — свой толк. А что чины всякие обдержат, и что толк всякому урядническому чину и о том боярину Илье Даниловичу Милославскому преж сево на писме подал.

А будет хто скажет, что пехотною службою не служивал, и тех мо(жно) райтарскими ротами и полками (осве)детельствовать и велеть им (в) (рай)тарские роты и полки учить (...) объявитца: хто что умеет.

История воинских формирований европейского строя в русском войске начинается со времен Ливонской войны, когда Иваном Грозным были взяты на русскую службу 85 пленных шотландцев¹. Тогда будущие государственные мужи России могли убедиться, сколь развилось воинское искусство в Европе. Уже М. В. Скопин-Шуйский пытался с помощью шведов учить русские войска нидерландскому военному строю². При Василии Шуйском был переведен, а при Михаиле Федоровиче дополнен «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до ратной науки»³. Сведений об использовании этого устава на практике не имеется.

Постоянное войско «нового (иноземного — А. М.) строя» возникает в России лишь при Михаиле Федоровиче. В 1630 г. появляются первые полки, возглавляемые иноземными начальными людьми (первыми были два солдатских полка, сформированные Александром Лесли и Францем Петцнером), а в середине века число их весьма умножается. Иноземцы учат русских солдат согласно правилам и традициям, сложившимся в тех землях, откуда они прибыли, руководствуясь положениями тех уставов, которыми они пользовались в прежней службе. Очевидно, существовали некоторые различия в системах и уровне подготовки начальных иноземных людей. «И для свидетелства, что умеет ли он рейтарскому строю, и для ученья дана ему рейтарская Давыдова рота Дромонта... И он тою ротою ворочал двожды, а иного никакого учения не оказал, а сказал, что де в свейской земле болши того учения, что поворачивают в коло ротами не бывает. А полковники Александр Лесли и Александр Краферт, и Яган Бутлер сказали то ж, что и капитан сказал Кондратей Реймер, и что он добр и рейтарскому строю достаточно умеет. А полковник Исак фан Буковен той Давыдове роте Дромонта и иным рейтарским ротам своего полку в учене и к стрельбе оказывал в многие стати чево, — сказали они, Александр Лесли с товарищи, и не видали»⁴.

Иноземцы должны были готовить не только солдат, но и начальных людей или урядников. Правительство сочло необходимым выпустить устав ратных дел на русском языке. Такое издание было осуществлено в 1647 г.⁵ Источники подтверждают использование этого устава в войсках⁶. Обучение солдат и урядников в первую очередь зависит не от устава, а от компетентности учителей. Важным оказался вопрос проверки профессиональной готовности иноземных инструкторов, поэтому им устраивались проверки-освидетельствования при приеме на службу. Иногда людей случайных удавалось «отсеивать». «Яков Стюарт выходил с мушкетом, шурмовал и стрелял, и застрелил трех человек: толмача Нечая Дрябина да двух солдат немцев. У Нечая да у немчина испортил по руке да на всех на них прожег платье, за пику солдатскую принялся и шурмовать не умел и по смотру худ добре; а майор фон Буковен говорил, что Гариох в капитаны, а Стюарт и в солдаты не годится»⁷.

Сведения о низкой боевой подготовке большей части иноземного командного состава полков нового строя позволяют сделать вывод о том, что не всегда было возможно проверить воинские навыки иноземных урядников при записи их в службу. Для подобных ситуаций, очевидно, и предназначался публикуемый документ.

В 1651 г. главе Иноземного приказа, боярину Илье Даниловичу Милославскому было подано письмо голландского полковника рейтарского строя Исака фан Буковена, с которого был сделан перевод, дошедший до нас в комплексе документов Разрядного приказа. Автор этого письма,

будучи служилым человеком «старшего выезда», являлся консультантом центральной администрации в вопросах приема на службу иностранцев, определения их чинов, обучения солдат и русских урядников. Нельзя исключать, что Исаком фан Буковеном письмо было подготовлено по заказу. Это означало бы, что перед нами «рабочая инструкция» по проверке профессиональной пригодности иностранных урядников. Серьезный аргумент против такого взгляда — статья документа о переходе в шляхетство за службу простого солдата⁸. Это говорит о том, что перед нами лишь проект своеобразного теста. Письмо содержит минимум информации, который должны были знать все урядники. В него вошли элементы строевого и караульного уставов. Из текста следует, что это уже вторая записка подобного рода.

Публикуемое письмо хранится в РГАДА (Ф. 210. Разрядный приказ. Московский стол. Стб. 875. Л. 227—233, 244), написано скорописью XVII в. Края листов рукописи повреждены, имеются дыры. Восстановленные места воспроизводятся в ломаных скобках.

Публикация А. МАЛОВА

Барон Мюнхгаузен — российский кирасир. Документы 1739—1741 гг.

Барон Мюнхгаузен — российский кирасир: Документы 1739—1741 гг. / Публ. [вступ. ст. и примеч.] А. П. Капитонова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 10—55. — [Т.] VI.

В июле 1737 г. при штурме турецкой крепости Очаков отличился высокопоставленный волонтер русской армии принц Антон Ульрих Брауншвейгский. Во время жаркого боя один из его пажей был убит, а другой ранен. Но немецкий принц мог не беспокоиться о пополнении своего штата. Юные слуги, находившиеся при Брауншвейгском дворе, с радостью напрашивались на каждое путешествие.

И действительно, в ноябре-декабре того же 1737 г. из Вольфенбюттеля пришли известия о скором отъезде в Санкт-Петербург новых пажей. Одним из них звали Иеронимус Карл Фридрих фон Мюнхгаузен.

Так началась «российская» биография легендарного барона Мюнхгаузена, человека удивительной судьбы и беспримерной славы.

Почти через пятьдесят лет он станет прототипом популярнейшего литературного героя. Талантливые книги Распэ и Бюргера, замечательные иллюстрации Дорэ, счастливый графический облик — шляпа-треуголка, ботфорты, шпага, косица с бантом, само имя — повсюду вызывают неизменные симпатии.

Однако в сознании многих современников, а тем более потомков, исторический барон и барон литературный слились в единый образ.

Читателей и исследователей занимали, как правило, его книжные приключения, хотя и реально существовавший Мюнхгаузен не был обойден вниманием**.

Главные вехи его жизненного пути восстановлены по имеющимся в Германии источникам.

Иеронимус фон Мюнхгаузен родился 11 мая 1720 г. в наследственном поместье Боденвердер, недалеко от Ганновера. С 1735 по 1737 г. состоял пажом правящего Брауншвейгского герцога Карла, который и отправил его к брату в Россию. В 1739 г. Мюнхгаузен был определен корнетом в кирасирский полк; в 1740 г. — он уже поручик, а в 1750 г. — ротмистр. Еще в 1744 г.

он женился на лифляндской дворянке Якобине фон Дунтен; однажды ездил домой в отпуск, окончательно покинув пределы Российской империи в конце 1750 г. На родине вел жизнь типичного помещика: занимался хозяйством, судился с крестьянами, забавлялся охотой, прославив на дружеских пирушках бесподобным рассказчиком невероятных историй. Появление в печати своего двойника, по крайней мере внешне, Мюнхгаузен встретил с неудовольствием. В 1790 г. он потерял жену. Последние годы жизни были омрачены неудачной женитьбой бездетного барона, судебными тяжбами и болезнями. Он умер 22 февраля 1797 г. и похоронен в древней монастырской церкви...

К сожалению, сведения о пребывании Мюнхгаузена в России ограничивались отдельными скудными фактами. А между тем именно впечатления молодости, прошедшей в далекой и загадочной для европейца стране, легли в основу увлекательных и, возможно, не таких уж и баснословных рассказов.

И это не случайно. За минувшие столетия огнем, водой и людским небрежением уничтожены документы, которые буквально день за днем позволили бы воссоздать послужной список самого знаменитого российского кирасира. Недаром еще полковые историки сетовали на отсутствие архивных материалов, относящихся к XVIII в.

И тем не менее «настоящий» барон не затерялся на страницах отечественной истории, и к счастью, не все эти страницы оказались утрачены.

Предпринятые нами архивные разыскания дали значительные результаты**. Достаточно указать на десятки автографов, чтобы представить уникальность этих источников; не говоря уже о содержательной стороне документов, касающихся военной карьеры Мюнхгаузена.

Совершенно конкретную трактовку получили те или иные сюжеты. Так, если вопрос о его участии в русско-турецкой войне 1735—1739 гг. пока остается открытым, то в отношении русско-шведской войны 1741—1743 гг. подобный вопрос можно считать вполне выясненным. В «особливой ведомости» Военной коллегии, направленной в императорский Кабинет, среди «отлучных же за делами ея императорского величества» в «бывшую шведскую войну» мы обнаружили и интересующую нас персону: «Того ж полку (Кирасирского его императорского высочества — А. К.) Минихгаузен находился в Риге при оставшей от того полку команде и в компании не был».

Вместе с незабвенным бароном на документальном уровне возвращается целый историко-культурный пласт XVIII столетия.

Первая систематическая публикация, раскрывающая обстоятельства службы Мюнхгаузена в 1739—1741 гг., включает материалы официального делопроизводства военного ведомства. Прежде всего это рапорты, ордера и другие полковые бумаги. Сохранность столь обширного комплекса объясняется, как ни странно, превратностями политического развития — попыткой вычеркнуть из исторической памяти кратковременное царствование Иоанна Антоновича. В правление Императрицы Елизаветы и ее ближайших преемников было изъято, уничтожено или сокрыто огромное количество дел с так называемым известным титулом. К ним относилась и полковая переписка, немалая часть которой также безвозвратно погибла.

Обнаруженные документы характеризуют Мюнхгаузена как профессионального военного — офицера русской армии, задавая масштаб восприятия и понимания его фигуры в контексте эпохи.

Будучи пажом, он занимал скромную, но весьма почетную ступень общественной иерархии. Перед ним открывались неплохие перспективы, тем более что, прибыв в страну на исходе царствования Анны Иоанновны, он был свидетелем невиданного возвышения и влияния иностранцев.

Внешняя роскошь Петербургского двора не могла не поразить и не захватить молодого человека. Балы и концерты, торжественные приемы и церемонии, фейерверки и гвардейские парады, охота и другие развлечения сменяли друг друга, скрывая подчас жестокую и беспощадную борьбу правящих группировок.

Имевший необходимую выучку, Мюнхгаузен вряд ли слишком тяготился исполнением служебных обязанностей. Среди важнейших событий тех лет, по всей видимости, было его участие в подготовке своего патрона к летней кампании 1738 г., а также в долгожданной свадьбе Антона Ульриха и племянницы российской Императрицы в июле следующего года.

Тогда Мюнхгаузен находился в том возрасте, когда почти каждый дворянин посвящал себя военному делу. В декабре 1739 г. он становится офицером Брауншвейгского кирасирского полка — весьма престижной части русской армии.

Полки российских латников-кирасир были сформированы в начале 30-х гг. для усиления боевой мощи и успешных действий как против легкой турецкой конницы, так и против западной тяжелой кавалерии. Ряд преимуществ отличал их от остальной армии и приближал к гвардии. Они были расквартированы в наиболее удобных местах, получали повышенные оклады жалованья, имели превосходство в чинах. У кирасирских офицеров было больше шансов продвинуться по службе, несмотря на то, что часто не хватало вакансий, а казенное содержание не покрывало даже обязательных расходов на дорогой мундир и лошадей.

Отправившись к полку, Мюнхгаузен покинул Санкт-Петербург, пушечной пальбой, иллюминациями и маскарадами празднующий заключение мира с Турцией; город с блистающим среди дворцов «Ледяным домом» — довольно зловещим символом уходящего десятилетия.

В 1740 г. он уже в Риге, где находит очень хороший прием у дам и кавалеров. Это естественно, если вспомнить особое положение Лифляндии и Эстляндии, отошедших к России в ходе Северной войны. Прибалтика обладала значительной автономией, являясь для империи прежде всего оборонительным и наступательным плацдармом. Потомки немецких крестоносцев, завоевавших эти территории еще в XIII в., а также горожане из немцев сохранили и даже укрепили относительную независимость. Остзейские бароны, гордо именующие себя рыцарством, распоряжались в местных органах самоуправления, добились почти неограниченной власти над крестьянами, исключительного права на земельную собственность. Они были вольны служить или не служить русским монархам.

В городах заправлял патрициат — верхушка немецкого бюргерства, цехи ремесленников ревностно оберегали свою неприкосновенность, а торговцы стремились не допускать в свои ряды чужаков.

Язык, вера, традиции, архитектурный облик средневековой Риги напоминали новоиспеченному корнету о доме. В этой среде он вполне мог чувствовать себя своим. Представитель уважаемого в Европе дворянского рода, протеже отца российского Императора, офицер привилегированного кавалерийского полка, командовавший первой ротой, состоящей при генерал-губернаторе, — все это обеспечивало достаточно высокий статус и обещало многое в будущем...

Конечно, наиболее привлекательной была парадная сторона кирасирской службы. Могучие кони, отборные всадники, богато украшенные мундиры; грохот литавр и звуки серебряных труб — производили незабываемое впечатление. Ярким зрелищем для рижан и приезжих становилось участие кирасир в различных церемониях. С восторгом отзывались о российских латниках именитые очевидцы, как это было, например, в 1744 г.: «Я очень хвалила виденные мною (войска — А. К.) и в особенности кирасирский полк, который действительно чрезвычайно красив»*.

Первая рота, или лейб-компания, считалась в полку образцовой, поэтому поддержание в ней надлежащего порядка требовало от Мюнхгаузена немалых усилий. Квартируя в крупнейшем

военно-административном центре, он часто выступал в роли ходатая и посредника, отстаивая полковые интересы. Нелегко, как видно, давалось овладение премудростями русского языка, на котором велась официальная переписка, а главное, навыками бумаготворчества. В послужных документах ротмистра Мюнхгаузена начала 50-х гг. по поводу умения читать и писать сказано: «умеет по немецки, а по руски только говорит»**. Но это была общая проблема для офицеров-иноземцев, составлявших большинство в кирасирских полках. Помимо лифляндцев, эстляндцев и курляндцев, в них служили австрийцы, пруссаки, англичане, французы, итальянцы, ганноверцы и т. д.

Фактически целый год жизни «благородного и почтенного господина поручика» Мюнхгаузена отражен в представленной публикации.

Благодаря его незаурядной судьбе востребованы оригинальные, ценнейшие источники, обычно не достаивающиеся воспроизведения. В них зафиксированы не только любопытнейшие подробности армейского быта, взаимоотношения начальников и подчиненных, конфликтные и даже анекдотические ситуации. Сквозь бесстрастную констатацию фактов, повседневную рутину, канцелярский стиль проступают силуэты «больших» и «маленьких» людей, очерчиваются характеры; звучат живые голоса и интонации, создавая неповторимую атмосферу ушедшего времени.

Мировая «Мюнхгаузиада» пополнилась интереснейшей российской главой, и есть все основания полагать, что она будет не последней.

1

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ

1739 г(ода) декабря 5-го дня, среда

Господа присутствующие в коллегии прибыли пополуночи:

Генерал-майор Измайлов¹ в 9-м часу

Обер-секретарь Ижорин

В присутствие слушано:

Объявление генерала, ковалера и ея императорскаго величества² генерала-адъютанта господина Ушакова³ о пожаловании пажа Гиранимуса Карла Фридриха фон Минихаузина в Вонфельбительской кирасирской полк⁴ в карнеты.

Решено: Определить в тот полк и на чин дать патент.

2

ПРОТОКОЛ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ

№ 86 По указу ея и. в., объявленному чрез генерала, ковалера и ея и. в. генерала-адъютанта господина Ушакова, сего декабря 5-го дня государственная Военная коллегия приказали:

Пожалованного из пажей Гиранимуса Карла Фридриха фон Минихаузина в кирасирской Брауншвейской полк в корнеты определить в том полку на порожнюю ваканцию¹ и жалованье давать², а при первой даче за повышение вычесть на гошпиталь. И верности присягу учинить ему при команде как указы повелевают. И для того велеть ему при команде явитца на срок по

регламенту, в чем взяв от него реверс³, для проезду дать пашпорт и на чин патент. А х команде и для ведома в Обер-цалмейстерскую⁴ и Провиантскую канторы послать указы. А в Кабинет ея и. в. для известия подать репорт.

Петр Измайлов

G. W. de Hennin⁵

Обер-секретарь Петр Ижорин

Декабря 8-го дня 1739 года

Секретарь Иван Рудин

Пометы: № 34.

Копию взял Иван Некрасов.

3

РАСПИСКА МЮНХГАУЗЕНА В ПОЛУЧЕНИИ

ПАТЕНТА НА ЧИН КОРНЕТА

(1739 года декабря) в 19-й де(нь)

(№) 736 Кирассирского Брауншвейгского полку карнету Гиронимусу Карлу Фридриху фон Минихаузину из пажей 1739 года декабря 4-го дня.

Ich habe das obegemalte empfangen

H. C. F. von Munchhausen¹

4

КОРНЕТ МЮНХГАУЗЕН — В ПОЛКОВУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ

Кирасирского Броуншвейхского полку

в полковую канцелярию от корнета Минихгаузина

Репорт

Ордер¹ за рукою его высокоблагородия господина подполковника фон Любрехта², пущенной от 2-го, мною сего ж месяца 7-го числ(а) покорно получен, и притом с указов его императорского величества³ копии:

1. О титуле е. и. в. формы⁴.

2. Печатно указ о приводжении людей к присяге⁵ и о получении одного репортовать, и об отчислении государевой нестроевой лошади.

На которое его высокоблагородия предложение покорно доношу: по силе присланных с указов копей непременно исполнение чинитца будет.

Cornet v(on) Munchhausen

Ноября 8-го дня 1740 году

Рига

Помета: № 1035.

5

ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ П. П. ЛАССИ —

ПОДПОЛКОВНИКУ Х. Л. ФОН ЛЮБРЕХТУ

Благородны(й) и высокопочтенны(й) господин подполковник

Сего ноября (...) дня по указу е. и. в., а по розсмотрению моему¹ произведен мною Брауншвейгского кирасирского полку карнет Менехгоузен в тот же полк на порозжую ваканцию в порутчики². И, ваше благородие, извольте вышереченного карнета Менехгоузена в означенной Брауншвейгской кирасирской полк тем ево чином причислить и привести по указу к присяге. А заслуженное жаловонье³ и разыонные деньги⁴ ему выдать с того числа как прапорщичья ваканция состоит.

Вашего благородия к службе охотны(й)

Pete de Lasy

Ноября 26-го дня 1740 году

Рига

Пометы: № 323.

№ 2699.

Г. Любрехту.

6

ПОДПОЛКОВНИК Х. Л. ФОН ЛЮБРЕХТ —

ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛУ П. П. ЛАССИ

Генералу-фелтьмаршелу фон Лессии

Репорт

Вашего высокографского сиятельства высокоповелительный ордер, отпущенной из Риги минувшего ноября от 26-го, о произведении полку вашего высокографского сиятельства кирасирского Брауншвейгского карнета Минехгоузена на порозжую ваканцию в порутчики, в комплект причислен. А заслуженное жалованье и рацыонные деньги с того числа как порутчичья ваканция состоит выданы быть имеют.

(фон Любрехт)

Декабря 2-го дня 1740 году

(Венден)

ПОДПОЛКОВНИК Х. Л. ФОН ЛЮБРЕХТ —

РОТМИСТРУ Я. МЕЛБЕКУ

Благородный и высокопочтенный господин ротмистр¹,

государь мой

По ордеру его высокографского сиятельства, высокоповелительного господина генерала-фелтьмаршела и Лифляндии генерала-губернатора, кирасирского Брауншвейгского полку полковника и разных ординов ковалера графа фон Лессии, полку его сиятельства ис корнетов Минихгаузен произведен в порутчики и ныне обретаецца в Риге при лейб-компании². А по указу надлежит на тот новопожалованный чин привести к присяге.

Того ради вас, государя моего, прошу, чтоб означенной порутчик Минихгаузен вами в Риге приведен был к присяге в церкви, которая к нему послана. И по привозе с подпискою руки ево прислать в полковую канцелярию в Венден.

(фон Любрехт)

Декабря 3-го дня (1740 году)

(Венден)

8

ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ

Порутчику Минехгоузену

По получении сего изволите, ваше благородие, посланных при сем закомплектных кирасир в комплект в кирасиры причислить: Еремея Капралова, Семена Петрова, сентября с 1-го числа, и в верности учинить им присягу, которая при сем посылаетца. И оную за подписками рук их прислать в полковую канцелярию, ибо оныя за неимением здесь в Вендене полкового попа к присяге не приведены. А определенных в Смоленской гарнизон кирасир Придвишкина и Белова из роты выключить. При сем же послано со оных отставных снето: кафтанов новых два, калетов два, а камзолчики голубые и штаны отданы им отставным¹.

Також и вашему благородию присяга на новопожалованной порутчицкой ранг при сем посылаетца, которую учиня и подписав, прислать в полковую канцелярию купно с кирасирскою присягою.

(фон Любрехт)

Декабря 3-го дня 1740 году

(Венден)

9

ПОРУЧИК МЮНХГАУЗЕН — В ПОЛКОВУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ

Кирасирского Броуншвейхского полку

в полковую канцелярию от порутчика Минихгаузена

Ордер за рукою его высокоблагородия господина подполковника фон Любрехта, пущенной прошедшего ноября 29-го, мною сего ж течения 3-го числ(а) покорно получен, и притом с указов е. и. в. копии; на которые покорно репортую:

1. О титулах е. и. в. форма¹.

2. О пожаловании от е. и. в. любезнейшего государя родителя² генералисимусом и протчих министров и генералитетов³, о которых в лейб-компании всем чинам опубликовано⁴.

3. О даче с начала нынешней осени до самого лета для пробы сена каждой лошади против⁵ стага с убавкою, а именно: кирасирской по 16, драгунской по 15, подъемной по 12 фунтов в сутки⁶.

А в лейб-компании на кирасирских, драгунских и подъемных лошадей по указу Рижской генерал-губернской канцелярии положено давать на месяц, а именно: кирасирской овса 4 пур⁷, сечки то ж число, сена 20 кит⁸, соломы 5 снопов; а на драгунских и подъемных овса по 3 пур, сена по 18 кит, соломы по 12 снопов. И по помянутому положению то число фуража и получаетца, и вместо овса даецца вполы ечменю, а именно: на месяц кирасирской 2 пур, а на драгунских и подъемных по 1 ? пур. И по опробацьи ныняшними зимними месецами тем фуражем лошадей удовольствованы быть не могут. И не так в бытности как прежде, ежели бы давано было на месяц кирасирской овса 4 пур, сена 22 киты, сечки 4 пур, соломы 5 снопов, а вместо овса ечменю по 2 пур и 15 гарцов⁹; подъемным овса 4 пур, сена 22 киты, соломы 5 снопов, то удовольствованы тем фуражем быть могут, чего и требуетца.

Сим же репортуецца: тако прошедшего ноября 27-го числа в покорности моей в полковую канцелярию представлено было, чтоб прислать денех на пользование государевых кирасирских лошадей, которых пользует Фаншмит Лейб-кирасирского полку¹⁰ лейб-компании, своим собственным лекарством, також и о присылке другаго трубача; на которое не токмо денех, но и резелюцы(и) и трубача и поныне не имеетца. Ибо оное требовано по приказу его высокографского сиятельства, на которое покорно прошу в резелюцью или о присылке предложить меня своим ордером, ибо я и поныне предостерегая своих командиров, его высокографскому сиятельству не докладываю, а егда изволит уведать будет гневатца, понеже в лейб-компанию Лейб-кирасирского полку на лекарство лошадей деньги погодно отпускаютца. А посланной коновал объявляет, что у него лекарства не имеетца, и по усмотрению нашему он к тому неискусен.

Також уведомился я чрез канвойного кирасира, которой был командирован в Сан-Питербурх с камисаром¹¹ для приему денежныя казны, и она в полк на раздачу жалования привезена. А на лейб-компанию и поныне в Ригу в привозе не имеетца, от чего кирасиры в содержании и в совершенной чистоте и исправности имеют немалую нужду. Понеже и здесь особливо от Лифляндии стоящих рот чрез вседневныя поряды¹² требуют чистоты, чего для, предостерегая своих командиров, я до сего времени его высокографскому сиятельству и не докладовал, дабы не возымел далее гнева. И покорно прошу для необходимости преслать, а ежели прислано не будет, то принужден буду трудить его высокографского сиятельства.

Також его высокографское сиятельство изволил мне объявить, что от его высочества Антона Улриха герцога Броуншвейх-Люнебургского и генералисимуса, и Конно(й) е. и. в. гвардии¹³ подполковника по присланному ордеру к его высокографскому сиятельству, пожалован я в порутчики. И ежели в полку такой ордер имеетца, то покорно прошу по силе оного меня предложить.

Сим же репортую: по силе приказу его высокографского сиятельства и здешних командиров надлежит быть всегда при конюшни в день 3 раза при чищении лошадей и при задаче овса афицерам, також и в смотре чистоте и в исправности аммуниции; а у меня при лейб-

компании по силе положенного по статусу друга офицера не имеетца. Того ради покорно прошу прислать для вспоможения мне карнета, ибо при вседневном (изпра)влении в чистоте людей и лошадей исправитца невозможно. По тому ж, в бытность при лейб-компании господина карнета Жеребцова¹⁴, отобранныя от ружья кирасирского десять медных скобок что над спуском, и отосланы оной лейб-компанией с капралом Глебовым в Венден для починки к меднишному мастеру кирасиру Александре Колокольникову; ис которых он Колокольников четыре скобки утратил, о чем при отбытии из Венден лейб-компанией управляющему за адъютанта карнету борону Шульцу¹⁵ и репортовано. На что он объявил, что де он зделавши, пришлет, которых и поныне в присылке не имеетца. И оныя скобки здесь в Риге делать я подряжал, за которых просят от штуки по пятидесят копеек. Того ради, дабы повелено было за оныя с него 2 рубля денех вычесть или ему, зделав скобки, прислать.

Генералиссимус герцог Антон Ульрих Брауншвейг-Люнебургский

Генералиссимус герцог

Антон Ульрих Брауншвейг-Люнебургский

Сим же покорно прошу прислать ко мне надлежащую офицерскую амуницу, конской убор и прочее¹⁶ против прочих своего брата господ офицеров. Поданное ко мне доношение от капрала Брыкмона, которым просит о даче ему апшты¹⁷ и о представлении куда надлежит; которым же объявляет, что об оном уже наперед сего тоекратно трудил полковую канцелярию, но резолюции никакой не получил. Из чего оной капрал намерен был персанально трудить его высокографского сиятельства, токмо от меня позволения не получил, которое доношение при сем сообщаю.

Lieutenant v(on) Munchhausen

Декабря 5-го дня 1740 году

Рига

Помета: № 1134.

10

ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — КОРНЕТУ Ю. ГЛАЗНОПУ

Карнету Глазному¹

Понеже ныне имеетца при шестой роте за неимением в комплекте порутчицкой кирас с прибором, також ныне вновь построенные на тот чин в Риге мундирные и амуничные вещи: серебряной позумент и конской убор; а ныне вновь пожалован в порутчики Минихгоузен, которой вышеписанных вещей у себя не имеет, а обретаетца при лейб-компанией в Риги.

Того ради изволите, ваше благородие, означенные на поручицкой чин вещи и кирас с нарочным капралом отослать в Ригу и приказать отдать ему порутчику господину Минехгаузену с роспискою. А что каких вещей по сортам отправлено будет, о том с приобщением подробной ведомости в полковую канцелярию репортовать². Також и на что сукна и серебряной позумент принадлежит, о том сообщить к нему порутчику.

(фон Любрехт)

Декабря 11-го дня 1740 году

(Венпен)

ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ

Порутчику Минихгоузену

На репорт вашего благородия¹ следующее в резелюцию предложить нахожу:

На пользование государевых кирасирских лошадей денег при полку не имеетца, ибо на все принятые в нынешнем годе деньги куплено лекарства, ис коего надлежащее число отправлено будет в Ригу.

Другой трубач Лесунов послан, которой по се число надеюсь уже и явился. Для роздачи жалованья з денежною казною в Ригу карнет и камисар Полянской² вскоре отправитца. В команду вашу к лейб-компании афицера ныне командировать некого, ибо Брауншвейгского полку при всех ротах только состоит по одному афицеру, а егда ис команд прибудут, тогда к вашему благородию в помощь афицер немедленно командирован быть имеет. Оружейныя скобки четыре медником Колокольниковым вскоре зделаютца и к вам присланы будут. Надлежащую вашему благородию афицерскую амуницу, конской убор и прочее против других господ афицеров велено послать из 6-й роты, оставшие от порутчика Ушакова³. По доношению капрала Брынкмана о даче ему абшита от меня к командующему генералитету представлено будет немедленно. (фон Любрехт) Декабря 12-го дня 1740 году (Венден) 12 ПОРУЧИК МЮНХГАУЗЕН — В ПОЛКОВУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ Кирасирского Броуншвейхского полку в полковую канцелярию от порутчика Минихгаузина Репорт Два ордера за рукою его высокоблагородия господина подполковника фон Любрехта, пущенныя порошедшого 740 году декабря первой от 21-го, второй от 20 23-го числ, и притом печатно указ и с указов е. и. в. восемь копей, мною того ж течения первой 27-го, второй 30-го числ покорно получены, в которых предложено: 1. О продолжении беглым драгунам, салдатам и матросам, и рекрутам ко объявлению и их до декабря месяца сего 741 году, и о присылке в полковую канцелярию печатного указа, которым объявлено против вышеписанного, пущенного прошедшого ноября 29-го числ(а)¹. 2. О присутствии в Сенате тайному советнику Федару Наумову² и о протчих, о которых в лейб-компании всем чинам опубликовано, и требомой печатной указ при сем сообщаетца. Також и о умершем ротмистре князе Сибирском³ всем чинам опубликовано. А ведомость в продаже государевых негодных кирасирских лошадей, купно им, деньгам и расписка в прошедшем сентября 5-го числа в полковую канцелярию за рукою господина карнета Жеребцова отправлена, и в приеме тех денех карнета и комисара Полянского за рукою имеетца при роте расписка. Во втором, об отправлении всемогущему Господу Богу благодарения для возшествия на Всероссийский престол всепресветлейшаго державнейшаго великого государя нашего императора Иоанна Антоновича приказать учинить целибиярцыи⁴ при благодарении всемогущему Богу с троекратною из мелкого ружья залпом пальбу и о имени годоваго траура⁵; и о публикации о пожаловании по имянному е. и. в. указу господина ротмистра Мурзина⁶ в армейския полки примьер-маэором. На которое покорно доношу: Об отправлении ко всемогущему Богу благодарений по генеральному приказу торжественная пальба учинена прошедшого декабря 3-го числа, и об ротмистре Мурзине всем чинам опубликовано. Також по справке при лейб-компании явствует, что вычтено ротмистром князем Сибирским в бытность при оной лейб-компании в местечке Богодухове порутчиком, с кирасира Ивана Кудрявцева за утраченный им на Украинской линии⁷ кирас денех два рубли сорок копеек, которые и по сие число деньги с него в роту не получены. Того ради полковую канцелярию покорно прошу о вычете с него Сибирского помянутых денех учинить свое благорасмотрительное определение. Lieutenant (von) Munchhausen Генваря 4-го дня 1741 году Рига Р. S. Сим же репорту: кирасир Федор Лебедев украл бывши на конюшне на крауле* овса четыре четверика⁸, об котором репортовано его высокографскому сиятельству. На что его высокографское сиятельство изволит рассмотрение учинить, сам которой и по сие число содержитца под краулом. Lieutenant v(on) Munchhausen Пометы: Генваря 5-го дня 1741 году. № 18. 13 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгоузену По получении сего изволит

— ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ порутчику минихгаузену по получении сего изволите, ваше благородие, атестованных к отставке 1-й роты кирасир: Василья Пердунова, Михея Андропова, извощика Никиту 21 Завьялова, да оставленного при лейб-компании 2-й роты кирасира Осипа Чупина, с посланными отсель в Ригу, представить обще его высокографскому сиятельству. Генваря 26-го дня 1741 году (Венден) 14 ПОРУЧИК МЮНХГАУЗЕН — В ПОЛКОВУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ Кирасирского Броуншвейхского полку в полковую канцелярию от порутчика Минихгаузина Репорт Два ордера за рукою его высокоблагородия господина подполковника фон Любрехта, пущенныя от 21-го, и притом с указов е. и. в. две копии, мною сего ж течения 25-го числ(а) покорно получены, в которых предложено: В 1-м, о бытии генералом-полицмейстером тайному советнику Наумову¹ и о протчих. В 2-м, чтоб отобрать от старых муштуков² кольца и смыки медныя, пришить к новым, а от новых железныя кольца и смыки отобрав, к старым пришить, и оныя седла и муштуки впредь до ордера содержать под охранением. На которое покорно доношу: Седел и муштуков новых при лейб-компании в получении еще не имеетца, и ежели оныя к полку уже привезены, прошу командировать ли для приему оных в Венден или присланы будут, предложить своим ордером. Також требмая ведомость аб патронах при сем же сообщаетца. Lieutenant v(on) Munchhausen Генваря 27-го дня 1741 году Рига Пометы: Получено генваря 29-го дня 1741 году. № 70. 15 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгаузину Понеже сего числа положенные по воинскому статусу на лейб-компанию вновь построенные седла кирасирские привезены в Венден, того ради по получении сего изволите, ваше благородие, от лейб-компании прислать четырех подъемных лошадей с канвоем в Венден для приему и отвозу в роту помянутых седел в немедленном времени. На нынешних отставных кирасир дву человек прислать калеты в Венден тотчас. Февраля 12-го дня (1741 году) (Венден) 16 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгаузину Вашему благородию чрез сие предложить нахожу: Старые кирасирские седла изволите, собрав в одно место, содержать в бережении впредь до ордера. 22 Карнету господину Ламакову¹ кирас афицерский с прибором 1-й роты с кирасиром отсель отправлен, а протчего убору при полку не имеетца, которой может он от себя построить. Из хлопцов в денщики февраля с 6-го числа ему причислить до определения ему из рекрут, может и правиянт на оного производить с протчими. (фон Крокау²) Февраля 17-го дня 1741 году (Венден) Автограф поручика Мюнхгаузена 17 ПОРУЧИК МЮНХГАУЗЕН — В ПОЛКОВУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ Кирасирского Броуншвейхского полку в полковую канцелярию от порутчика Минихгаузина Репорт Ордер за рукою его высокоблагородия господина подполковника фон Крокау, пущенной от 21-го, мною сего ж февраля 23-го числ(а) покорно получен, и притом с указов е. и. в. десеть копей, в которых предложено: В первой, о бытии генералу-лейт(е)нанту и обер-каменда(н)ту Игнатьеву¹ в Военной коллегии виц-прозыдентом и о протчем, по которым в лейб-компании всем чинам опубликовано. 23 При сем же о получении из рижского могазейна на сей февраль месяц сего 741 году провианта и фуража людям и лошедям, и о роздаче в лейб-компании две ведомости сообщаютца. Lieutenant v(on) Munchhausen Февраля 26-го дня 1741 году Рига Помета: № 172. 18 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгоузину По представлению вашего благородия Фаншмит Эринк с надлежащим лекарством для пользования лейб-компании кирасирских и протчих лошадей при сем посылаетца, которого без излишняго задержания прислать обратно в Венден, ибо как и вам довольно известно, что при полку Фаншмит один обретаецца. (фон Крокау) Марта 17-го дня 1741 году (Венден) 19 ПОРУЧИК МЮНХГАУЗЕН — В ПОЛКОВУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ Кирасирского Брауншвейхского полку в полковую канцелярию от порутчика Минихгаузина Репорт Семь ордеров за рукою его высокоблагородия господина подполковника фон Крокау, пущенныя первой от 5-го, второй от 6-го, третьей от 12-го, четвертой и пятой от 13-го, шестой, седьмой от 15-го числ, и притом с указов е. и. в. четыре копи(и), мною сего ж течения 18-го числа покорно получены; в которых предложено: В 1-м, о публикации о пожалованных квартирмистра¹ Ивана Шупинского и протчих. В 2-м, об отставке шляхетства Военной коллегии² и о укомплектовании полков людьми и лошедьми³, и о исправлении припасов к предбудущему апрелю месяцу, и о пожалованных чинами в прошлом 740-м году⁴. В 3-м, о довольствии кирасирских и протчих лошадей фуражем. В 4-м, о публикации об пожалованных и выпущенных из Броуншвейхского в полевая полки карнета Алымова и о протчих. В 5-м, о достоинстве в годные новопостроенных

кирасирских седел. В 6-м, о публиковани(и) об отставке от воинских и стацких дел первого министра генерала-фельтмаршела и ковалера фон Миниха⁵. В 7-м, о присылке ведомости в которых годах, месяцах и числах, и сколько именно в роту получено шпаг ундер-афицерских и кирасирских, и нестроевых, и с того числа каким случаем и кем утрачены, и в полковую канцелярию репотовано ль; и о присылке ротных журналов, книг и протчих в полковую канцелярию для свидетельства, и о получении оных ордеров репортовать. И о репортовании 24 месячных репортов о людех и о лошедах, которые в службе быть неспособны; и присылке ведомости, кто имяны ис кирасир не имеют голубых камзольчиков, и для приему сукна. На которые его высокоблагородия предложения покорно доношу: По первому и по второму, по третьему и по четвертому в лейб-компании всем чинам опубликовано и непременно(е) исполнение чинитца. По пятому, привезенные из Москвы новопостроенные кирасирские седла из Вендена отпущенное число в лейб-компанию исправно получены, которые нами обще с карнетом Ломаковым против обра(з)цового свиде(те)льствованы и явились мастерством и таваром сходствием. Да к тому ж уповательно, что уже обретающимися при полку господам(и) штап и обер-афицерами оные седла достойны, егда и в лейб-компанию присланы. По 6-му, об отставке первого министра и енерала-фельтмаршела и кавалера графа фон Миниха в лейб-компанию всем чинам опубликовано. По 7-му, о приеме шпаг и откудова, и которого году, месяца и числа, и кем именно в лейб-компанию приняты, куда и каким случаем, или кем именно убыли и утрачены, и куда о том репортовано, и какая на то резелюция воспоследовала, о том при сем ведомость покорно сообщаю. Ротные книги и журналы по силе сообщенного реестру от его превосходительства господина енерала-маеора фон Бутлераб копии, которые можно сочиня, впредь за неимением при роте ундер-афицеров и капралов с кирасирам Кнутовым присланы будут немедленно. А за протчия годы и сочинить невозможно, ибо обстоятельных журнальных записок не имеетца. При сем же, кто имяны ис кирасир лейб-компании не имеют голубых камзольчиков, о том ведомость сообщается. Lieutenant v(on) Munchhausen Марта 20-го дня 1741 году Рига Пометы: Получен марта 22-го. № 265. 20 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгоузину Ваше благородие, имеете меня тотчас репортовать чего для оной ордер, в котором предложено, чтоб карнет Ломаков для щету книг сюда (не)* прибыл, исполнения не учинено, понеже оной ордер уже в среду к вам прибыл, а он, карнет в пятницу в Митау отъехал. А что же он от его высокографского сиятельства увольнения выпросил не могу экскузовать¹, ибо ежелишь ваше благородие оное его высокографскому сиятельству должным образом объявили бы, что он такой ордер от меня получил, то, конечно, ведаю, что ему увольнение никакое дано не было; но более есть суды ехать с поспешением сами б приказали бы, понеже в щетах полковых немалой интерес зависит, чтоб их в скорости окончать, а только за карнецким отбытием так долго остановились оные щеты. Того для ожидаю вашего репорту: вы ли или карнет в том винен, что оной ордер не решпехтовали², чтоб оное его высокографскому сиятельству покорно донести мог и подлежаще наказать на то выпросить. 25 Приобщенной ордер х карнету Ломакову надлежит вашему благородию тотчас к нему отправить, чтоб он по прочтении оного сюда в Венден явитца мог безо всякого замедления, ибо в скорости иного к щетам определить и командировать не имею. Також и о ружье, и о шпажных клинках изволите по осмотре своем при лейб-компании, обстоятельно немедленно меня репортовать: что имеет быть ис карабин и писталет к службе впредь неспособных и за чем именно, и что впредь еще могут быть в годных и(з) шпажных клинков; и чтоб были одним калибром и по длиною. А в присланной от вашего благородия ведомости о стволах карабинных и писталетных не упомянуто годны ль все или другие, за чем негодны. А ежелишь что впредь при смотре моем усмотрено будет в какой неисправности и не по силе предложеней, то изволите дать в том ответ. (фон Крокау) Марта 23-го дня 1741 году (Венден) 21 ПОРУЧИК МЮНХГАУЗЕН — В ПОЛКОВУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ Кирасирского Брауншвейхского полку в полковую канцелярию от порутчика Минихгаузина Репорт Два ордера за рукою его высокоблагородия господина подполковника фон Крокау, пущенныя сего апреля, первой от первого, второй от пятого*, и притом с указов е. и. в. из государственной Военной коллегии две копии, в которых предложено: В 1-м, о довольствии государевых кирасирских, нестроевых лошадей фуражем, о требовании и в дачю о произвождении по последнем его высокореисхграфского сиятельства предложению¹. а именно: в месяш на кирасирскую по три

лофа офса, сена по десети пуд, сечки по три лофа² или хотя и больше, и по три снопа соломы в сутки, а нестроевой по одной лофе ячменю и по одной же лофе офса, сена по девяти пуд, да по двенадцати снопов соломы на неделю; притом же о поимке и о публикации Лейб-кирасирского полку беглого капрала Казинича. Во оном же его высокоблагородия ордере объявлено, что сообщены две копии: первая с указа е. и. в. об объявлении Бироновых пожитков³, вторая со ордера его императорского высочества высокоповелительного генералисимуса о неподаче афицерам мимо своих командиров доношений и челобитен⁴. В 2-м, о довольствии кирасирских и протчих лошадей фуражем по определению его высокографского сиятельства, и о воздержании штап и обер-афицерам себя как честь их и должность требует, и о исполнении оных репортовать⁵. На которое его высокоблагородия предложение покорно доношу: По 1-му, на довольство государевых кирасирских, нестроевых и протчих лошадей фураж в лейб-компанию получаетца по силе Рижской генерал-губернаментской канцелярии указа, а именно: в месец кирасирской овса по одной и по одной трети четверти^б, сечки по одной четверти, сена по десети пуд, соломы по два и пол пуда, а на нестроевых, подъемных и в число кирасирских русских по четыре четверика овса, по два четверика ячменя, по девяти пуд сена и по шести 26 пуд соломы; и о поимке Лейб-кирасирского полку беглого капрала Казинича в лейб-компании всем чинам опубликовано. А что упоминаетца, что с указа е. и. в. об объявлении Бироновых пожитков и со ордера его императорского высочества высокоповелительного генералисимуса о неподаче афицерам мимо своих командиров доношений и челобитен, копии не сообщены и в лейб-компанию при оном ордере не получены. И ежели в полку оныя копии имеютца, то прошу прислать, из чего б за неприсылкою какого надлежащаго ко исполнению дела не воспоследовало препятства; и то видно, что полковая канцелярия за поспешением не успела прислать.

Фельдмаршал П. П. Ласси По 2-му, в лейб-компании непременно исполнение чинитца и всем чинам опубликовано. А привезенное из Москвы и в роту отпущенное число холста рубашечного восемьсот семьдесят четыре аршина, порточного четыреста девяносто четыре аршина на полной комплект и протчие получены, и в дачю на нынешней 741 год произведен. Також присланной при ордере в лейб-компанию прошедшаго марта 17-го дня Фаншмит Эринг для пользования государевых кирасирских больных и храмых, и протчих лошадей, которой обретался при лейб-компании свыше реченного числа, оного ж марта по 29-е число; и в бытность оного пользы никакой не воспоследовало, в которых и ныне при лейб-компании состоит кирасирских больных на все четыре ноги, мало владеют две, храмая одна, драгунская храмая одна, итого четыре лошади. И оной Фаншмит по отбыти(и) своем для пользования оных лошадей лекарства никакого не оставил. Того ради покорно прошу для пользования вышеозначенных лошадей прислать Фаншмита, и чтоб оному повелено быть при лейб-компании до излечения оных лошадей. 27

Також, присланные в лейб-компанию на место несостоящих в комплекте шпаг кирасирских с медными эфесы, две получены. Lieutenant v(on) Munchhausen Апреля 12-го дня 1741 году Рига Пометы: Получен апреля 13-го дня. № 339. 22 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгоузену Минувшего февраля 17-го дня вашему благородию от меня предложено, чтоб состоящие в лейб-компании старые кирасирские седла с уборы, собрав в одно место, содержать в бережении впредь до ордера¹. А по присланному в полк е. и. в. указу велено, чтоб помянутыя седла с приборы со общего определения всех господ штап и обер-афицеров оценены были настоящими ценами, и по той оценке продавать с публичного торгу. Того ради по получении сего изволите, ваше благородие, из находящихся ныне при лейб-компании в сохранении старых кирасирских седел с уборы, выбрав трех доброт, по одному самое лутчее, посредственное и самое негодное, в Риге чрез повеление рижской немецкой ратуши² и русской таможни, и с тамошними жители ценить с публичного торгу с подписками рук их. И тот подписной руками оценщиков лист прислать в полковую канцелярию с первою почтою, а седел с приборы до получения от меня резелюции не продавать. (фон Крокау) Апреля 14-го дня 1741 году (Венден) 23 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгоузину Барс¹ до вашего благородия отправлен с корнетом и камисаром Грековым², а полатки ныне при полку не состоит, и ежелишь у вашего благородия не имеетца, то изволите прислать в полковую канцелярию требовательную ведомость, по которой можно б предложить в Москву порутчику Фетцову³ для постройки на вагнv персонv. Також и о шапфe. почему б можно было прислать к вашему благородию. (фон

вашему поручику: так как же шурфе, по чему с можно было принять к вашему высокоблагородию (фон

Крокау) Апреля 15-го дня 1741 году (Венден) 24 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Поручику Минихгоузину Из репорту вашего благородия¹ усмотреть я мог, что де в посланном ордере к вашему благородию объявлено: прилагаютца копии с указа е. и. в. об объявлении Бироновых пажитков и с ордера его императорского высочества 28 высокоповелительного генералисимуса о неподаче афицерами мимо своих командиров доношений и челобитен, а оных не получено и то де видно, что полковая канцелярия за поспешением не успела прислать. А как ваше благородие сами ис того ордера могли усмотреть, что хотя (оные) указы в ордере сентенциею² прописаны, да за поспешением написать копей за которым шествием отсель в Ригу почты непосланы, и в ордере именно оско(р)блены, чего б и представлять недолжно. И то знатно учинено тако, что ваше благородие по руски читать недовольны, а у ундер-афицера и определенного к правлению письменных дел кирасира пре том были глаза затворены, смелость такую приняли канцелярию репремандовать³. Рядовой и офицер кирасирских полков 30-е — начало 40-х гг. XVIII в. С которых указа и ордера при особливом ордере к вашему благородию копии до получения от вас репорта посланы, по которым изволите непременно исполнение учинить и в полковую канцелярию репортовать. А впредь посылаемые ордера изволите сами разсматривать и по ним непременно исполнение чинить. Також с неудовольствием предпринял, что Фаншмит Эринк для пользования государевых кирасирских больных и храмых, и протчих лошадей, которой обретался при лейб-компании марта с 17-го по 29-е число, а пользы от него лошадям невоспоследовало. И то учинено видно вашим неприлежным смотрением, ибо оному чрез так долгое бытие в Риге можно вылечить. А ныне для пользования оных лошадей ево послать неможно, ибо довольно известно вашему 29 благородию, что и при полку Фаншмит один и то бесперестанно по ротам для пользования лошадей ездит, и ныне в ротах обретаетца. А какие для означенных больных, храмых и протчих лошадей потребны лекарства, оным прислать вскорости ведомость, по чему б отсель отпустить видно было, коих довольствоваться может Лейб-кирасирского полку лейб-компании Фаншмит. (фон Крокау) Апреля 15-го дня 1741 году (Венден) 25 ПОРУЧИК МЮНХГАУЗЕН — В ПОЛКОВУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ Кирасирского Брауншвейхского полку в полковую канцелярию от поручика Минихгаузина Репорт По силе ордера¹ его высокоблагородия господина подполковника фон Крокау, которым велено чрез Риги немецкой ратуши и русской таможни из находящихся при лейб-компании старых седел оценить и по оценке б за подписанием оных оценщиков, чтоб прислать в полковую канцелярию подписку, на которое предложение и требовано. На что оная ратуша и таможня объявили, что без ордера его высокогравского сиятельства оных оценщиков не определили, и на оное был принужден трудить его высокографское сиятельство. На что его высокографское сиятельство изволил объявить, что де в полк в резелюцию ордер послан будет. При сем покорно представляю о состоянии лейб-компании сего 741 году генварской третной о ружье, мундире и амуниции, что годного, негодного, и на место утраченного и непринятого требуетца в добавок, табель. А о людях и о лошадях с прибылью и убылью третной генварской репорт, и требуемую ведомость, что надлежит построить и каких вещей, и к приему е. и. в. заслуженного денежного жалованья за сию генварскую треть имянной список при сем сообщаетца². Також по силе предложения требовано Лейб-кирасирского полку лейб-компании от Фаншмита Дица ведомости, что и какого для пользования государевых лошадей лекарства потребно. На что он объявил: болея пользоваться не хочет и ведомости не дал за то, что прежняя ему за пущение крови и за лекарство не заплачено. Lieutenant v(on) Munchhausen Апреля 19-го дня 1741 году Рига Пометы: Получен апреля 24-го дня 1741 году. № 365. 26 ПОРУЧИК МЮНХГАУЗЕН — В ПОЛКОВУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ Кирасирского Брауншвейхского полку в полковую канцелярию от поручика Минихгаузина Репорт Два ордера за рукою его высокоблагородия господина подполковника фон Крокау, пущенныя сего апреля, первой от 19-го, второй от 21-го, мною сего ж течения 22-го числ(а) покорно получены, в которых предложено: В 1-м, о присылке по силе сообщенной формы ведомостей о приеме и о раздаче на людей провианта, а на государевых кирасирских лошадей фуража. 30 В 2-м, и притом со ордера его императорского высочества высокоповелительного генералисимуса государя герцога Брауншвейх-Люнебургского две копии¹: о починке ружья, мундиру и амуниции, фурманов², патронных ящиков и протчего; и о присылке ведомости что не имеетца ль в службе е. и. в. из швейцкой напы(и) афицеров и протчих чинов³. и

ведомости, но не известна ли в службу е. и. в. из шведской нации) офицеров и протчих чинов, и

о прибытии мне в Венден для подписки щетов. На которое его высокоблагородия предложение покорно доношу: По первому, по силе сообщенной, ведомости о приеме и о раздаче провианта и фуража за генварь и февраль, март и апрель месяцы при сем покорно сообщаютца. По второму, требуемую ведомость при сем покорно представляю и о протчем непременно исполнение чинитца. При сем же о треб(ов)ании на место непринятых в комплект мундирных и амуничных вещей, а что и каких по званию, о том ведомость сообщаетца. Також на обретающихся при лейб-компании 5-й роты цырюльник, 9-й роты коновал, на которых привезенного из Москвы нижнего мундиру при приеме в лейб-компанию на оных не отпущено, и из рот и по сие число оным не прислано, из чего оныя имеют немалую нужду. Того ради, дабы оным повелено было прислать по силе положенного на оных стату, что надлежит. Lieutenant v(on) Munchhausen Апреля 26-го дня 1741 году Рига Пометы: Того ж числа. № 396. 27 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Благородный и почтенный господин порутчик Минувшего апреля 29-го дня получена при ордере от его превосходительства господина генерала-маэора фон Бутлера с указу е. и. в. из государственной Военной коллегии копия о поручении бывших под командою перваго е. и. в. министра генерала-фелтмаршела и ковалера графа фон Миниха, которой от воинских и стацких дел уволен¹, полки генералитету, кому которые по состоянию нынешних винтер-квартир² близостию способны, и о протчем. С которой для ведома и публикации в лейб-компани(и) всем чинам при сем сообщается точная копия. Вашего благородия охотный слуга v(on) Крокау Маия 1-го дня 1741 году Венден На обороте: Благородному и почтенному господину порутчику Минихгоузену кирасирского Броуншвейского полку. В Риге. Печать полковой канцелярии. Пометы: Получен маия 4-го дня 1741 году. № 57. Г. Мин(хгау)зину. 31 28 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгоузину Сего маия 15-го дня посланными промемориями¹ кирасирского Брауншвейгского полку ис полковой канцелярии требовано ис камисии Генерального военного походнаго камисариата² полковника и обер-крикс-камисара Апушкина³ на лекарство государевых кирасирских немецких лошадей денег 210 рублей 90 копеек с половиною, да от рижской артиллериской канторы на обучение кирасир экзерциции⁴ пальбою пороху тритцать пуд. По которым промемориям, егда из оных канторы и камисии деньгам и пороху отпуск учинен будет, оное, ваше благородие, изволите принять. И из пороха, оставя при себе три пуда, достальное 27 пуд, такожде и деньги, прислать в полк на подъемных лошадях, находящихся при лейб-компании, и что учинено будет репортовать. Приписано: Також ежелишь имеетца при лейб-компании кирасирския лошади больные, то изволите приказать осмотреть Фаншмиту Лейб-кирасирского полку лейб-компании, и что лекарства потребно против Фаншмитова рецепта, изволите в Риге из аптеки взять и при себе содержать для пользования лошадей. И какого лекарства взято будет и за сколько, о том в полковую канцелярию репортовать, по чему б можно деньги отпустить, токмо, чтоб излишнего забрано не было. (фон Крокау) Маия 15-го дня 1741 году (Венден) 29 ПОРУЧИК МЮНХГАУЗЕН — В ПОЛКОВУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ Кирасирского Брауншвейхского полку в полковую канцелярию лейб-компании от порутчика Минихгаузина Репорт Четыре ордера за рукою его высокоблагородия господина подполковника фон Кронкау, пущенные, первой от 7-го, второй, третей и четвертой от 10-го, мною сего ж маия 14-го числ(а) покорно получены, в которых предложено: В 1-м, на репорт в резолюцию и о присылке квартирмистра Дирина в немедленном времени, и об отправлении с ним конского лекарства по прежде приобщенному рецепту. Во 2-м, о присылке ведомости с начала прошлого 738 году сего 741 году по май месяц, коликое число чрез оное время пало кирасирских, нестроевых, подъемных, драгунских и в упряжку лошадей, и со оных шкур много ль числом и где проданы, и какою ценою, також и те деньги. В 3-м, також об отправлении лекарства с квартирмистром Дириным и о даче посланному ундер-афицеру из лейб-компании двух подъемных лошадей с одним кирасиром в Митаву. В 4-м, и притом с указов е. и. в. две копии о публикации о награждении рангами бывших неповинно в аресте разных чинов¹, и о протчем. На которые его высокоблагородия предложении сим покорно репортуетца: 32 По 1-м, квартирмистр Дирин сего маия 17-го числа отправлен будет. Ибо оной был при роте один из ундер-афицеров и уповательно, что оной в роту возвращен не будет, того ради с вахмистром Алексеевым² сменяютца. А лекарство с присланным и от аптекаря, а заплат денег рецептами при сем отправлено и кузнец прибыл. По 2-м, требуемая ведомость не(изменно) прислана будет. По

сем отправлено, и купец привыл. По 2-м, требуемая ведомость немедленно прислана будет. По

третьему и по четвертому исполнено и всем чинам опубликовано. v(on) Munchhausen Lieutenant
Маия 16-го дня 1741 году Пометы: Получено маия 18-го. № 470. 30 ИЗ ПОЛКОВОЙ
КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгоузину Сего числа
отправлено с капралом Толем комлот1 за печатью моей для отвозу и отдачи в Митаве купцу
Ферману, которой по привозе к вам в Ригу чрез капрала Толя получен быть имеет. То изволите,
ваше благородие, приказать отправить чрез нарочного и доброго кирасира вышеобъявленной
комлот в Митаву х купцу Ферману, отдать в целости и взять в том росписку, которою прислать
ко мне в Венден. (фон Крокау) Маия 31-го дня 1741 году (Венден) 31 ИЗ ПОЛКОВОЙ
КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгаузину Минувшего
маия 15-го дня па посланному от меня к вашему благородию ордеру1 велено (в) Брауншвейгской
кирасирской полк из рискской артилериской канторы принять на обучения экзерцицы (и) пороху
30 пуд, которое число вами и принято. И ис того числа оставили при лейб-компании 3 пуда, а
достальное отослали в полк, которого здесь весом явилось дватцать пять пуд и против требования
не явилось двух пуд. Того ради изволите, ваше благородие, прислать в полковую канцелярию
ведомость коликое число оног пороху принято весом, и не в том ли весу бочки и не оставлено
ль при лейб-компании болея трех пуд, о чем в артилерискую кантору и промемория послана о
требовании достальных 2-х пуд. Изволите, ваше благородие, принять и прислать в Венден
вскорости. (фон Крокау) Июня 2-го дня 1741 году (Венден) 32 ИЗ ПОЛКОВОЙ
КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгоузину Минувшаго
апреля 24-го дня по ордеру его высокографского сиятельства высокоповелительного господина
генерала-фельтмаршала, Лифляндии генерала-губернатора, кирасирского Брауншвейгского
полку полковника и разных ординов 33 ковалера графа фон Лесия велено от кирасирского
Брауншвейгского полку ветхие амуничные вещи и конской убор, как будет в полях конской
корм, отправить в Ригу и отдать в цейгауз обер-крикс-камисару Апушкину. И по силе оног его
высокографского сиятельства предложения означенныя ветхия амуничныя и протчия вещи от
здешних рот собраны и отправлены в Ригу с кварталер-мистром Бутаковым, а находящиеся при
лейб-компании таковыя ж ветхия вещи велено содержать впредь до ордера в бережении. Того
ради изволите, ваше благородие, егда кварталермистр Будаков с отправленными отсель вещьми
прибудет в Ригу, то находящиеся при лейб-компании старыя амуничныя вещи и протчее, на место
которых новые приняты, отдать для отдачи в цейгауз кварталермистру Бутакову с роспискою, а
что каких вещей порознь отдано будет, об оных прислать немедленно ведомость в полковую
канцелярию. Також изволите выбрать ис кирасир х кананерской должности и обще со
отправленными отослать для обучения к артилерии1, и в полковую канцелярию репортовать хто
имяны. (фон Крокау) Июня 4-го дня 1741 году (Венден) 33 ПОРУЧИК МЮНХГАУЗЕН — В
ПОЛКОВУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ Кирасирского Броуншвейхского полку в полковую канцелярию
лейб-компании от поручика Минихгаузина Репорт В полученных сего июня 2-го числа за рукою
его высокоблагородия господина подполковника фон Крокау ордерах, которыми предлагаетца: В
1-м, о присылке ведомости, что и каких парадных вещей кому потребно. В 2-м, и притом с
ордеров от его высокопревосходительства господина генерала-аншефа и ковалера, кирасирского
Минихова полку1 полковника и Ревельской губернии губернатора барона фон Левендаля2 копии
о пожаловании Пермского пехотного полку полковника князя Семена Волконского3 в Лейб-
кирасирской полк на место выключенного генерал-маэора де Бутлера в вице-полковники, и о
протчем; и притом с указу е. и. в. из государственной Военной коллегии копию о наикрепчайшем
смотре над больными, дабы от глазной и протчих болезней припадками своими повреждений
не чинили4, и о протчем. На которое сим покорно доношу: в лейб-компании всем чинам
публиковано и непременно исполнение чинитца будет. v(on) Munchhausen Lieutenant Июня 7-го
дня 1741 году Рига Пометы: Получено июня 8-го дня. № 566. 34 ПОРУЧИК МЮНХГАУЗЕН —
В ПОЛКОВУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ Кирасирского Броуншвейхского полку в полковую
канцелярию лейб-компании от порутчика Минихгаузина Репорт В полученных сего июня 8-го и
9-го числ ордерах за рукою его высокоблагородия господина подполковника фон Крокау и
протчих, в которых предложено: 34 В 1-м, об отдаче находящихся в лейб-компании ветхих
амуничных вещей, на место которых новыя приняты, для отдачи в цехауз кварталермистру
Будакову с роспискою, и о присылке ведомости что и каких вещей отдано будет, и о отдаче ис
кирасир х кананерской должности для обучения артилериской науке1. В 2-м, и притом с указу е

кирасир а капанерской должности для обучения артиллерийской наукой. В 2-м, и притом с указу с.

и. в. из государственной Военной коллегии копию о публикации о пожаловании от е. и. в. бригадира и Генерал-крикс-камисарской канторы² директора Семена Караулова³ в генералы-маэоры, и о прочем; и о заготовлении ис провианта сухарей, а о неимении толчи⁴. В 3-м, о публикации о произведенном во оной кирасирской Броуншвейхской полк в секунд-маэоры кирасирского Минихова полку ротмистра Ивана фон Витена⁵ и о пожаловании ротмистра господина Бетхера⁶ в Рижской гарнизон в подполковники. На которое его высокоблагородия предложение сим покорно доношу: По 1-му, находящиеся при лейб-компании ветхие амуничные вещи для отдачи в цехах у квартирмейстеру Будакову отданы, а что и каких вещей по званию, в том при сем влагаетца ведомость, и в лейб-компании оныя выключены. По 2-му, о пожаловании от е. и. в. бригадира и Генерал-крикс-камисарской канторы директора опубликовано. А о заготовлении ис принятого ль месячного провианта или впредь требовать из магазейна без зачету или в зачет на приходящие месяцы на оныя сухари, и ежели ис принятого месячного провианта сухари заготовлять, то никак невозможно, понеже не токмо излишнего, но и до приему первого числа месяц от месяца с немалою нуждою становитца, а хотя из оного и заготовитца, токмо к последним числам и сухари за недостатком провианта в том же месяце употреблены быть имеют. К тому ж и е. и. в. денежного жалования не получали, ис чего претерпевают кирасиры немалою нужду исправитца в починке ружья и амуници(и), за неимением денег чинитца немалый недостаток. Того ради на означенные сухари не повелено ль будет требовать откуда и впредь о том предложить меня ордером, а комисара, дабы повелено было для роздачи жаловани(я) в лейб-компанию прислать вскоре. По 3-му, в лейб-компании всем чинам опубликовано, притом же поданное от вахмистра Алексеева о старшинстве его доношение в полковую канцелярию отправлено, на которое требуетца резолюции. Також по силе предложения, коликое число с начала 738 сего 741 году мая по 17-е число пало государевых кирасирских, нестроевых и подъемных, також драгунских и в упряжку лошадей, и что со оных шкур снято и где по какой цене проданы, и за негодностию что не снято, о том при сем ведомость сообщаетца. А за проданные шкуры имеющиеся деньги впредь для отдачи в козначе(й)ство чрез нарочного неумедля присланы будут. v(on) Munchhausen Lieutenant Июня 14-го дня 1741 году Рига Пометы: Получено июня 15-го дня. № 572. 35 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Поручику Минихгоузину Хотя наперед сего к вашему благородию предложено было, чтоб в Риге, когда построены будут ундер-афицерские темляки¹, принять и прислать в полк, 35 токмо оных и поныне от вашего благородия в присылке не имеетца. А как надежно быть может, что оные уже построены, того ради по получении сего изволите, ваше благородие, оные темляки принять и прислать в полк немедленно. А деньги за оные к вашему благородию с капралом Ячминским посланы были, и приняв, в 1-й роте ундер-афицерам, а именно: вахмистру, квартирмейстеру и каптенармусу² по темляку изволите отдать. (фон Крокау) Июня 21-го дня 1741 году (Венден) 36 ПОРУЧИК МЮНХГАУЗЕН — В ПОЛКОВУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ Кирасирского Брауншвейхского полку в полковую канцелярию от поручика Минихгаузина Репорт Три ордера за рукою его высокоблагородия господина маэора Шилинга¹ пущенные, первой от 16-го, втория два от 17-го, мною сего течения 20-го числ(а) покорно получены, в которых предложено: В 1-м, о присылке по инспектурской инструкцы(и) списка формового о людях с показанием: сколько кому отроду лет, с которого году в службе, из каких хто чинов, которые грамоте и писать умеют или не умеют, и как она форма гласит с прибылью и убылью. По тому ж о кирасирских, драгунских, нестроевых и подъемных лошадях: в каковые оныя шерсти и приметы, лета и меру, и где приняты, в самой крайней скорости. В 2-м, о публикации о недовани(и) никому из дворцовых вотчин без именных е. и. в. указов и о непринимани(и) нигде о том ни у кого челобитен, и о прочем. О приеме и о употреблении по крайнему недостатку в сене кирасирским лошадям до изростия новаго сена сечки, а на осыпку оной вместо сена муки по надлежащему числу. В 3-м, о публикации о пожаловании генерала-лейт(е)нанта Михаила Волкова² за долговременные службы в генералы и о бытии ему в Москве в Сенацкой канторе, и о прочем. На которое его высокоблагородия предложение сим покорно доношу: По 1-му, требуемые списки по форме по инспектурской инструкцы(и) о людях и о лошадях с прибылью и убылью в немедленном времени, сочиня, присланы будут. По 2-му и 3-му в лейб-компании всем чинам опубликовано и неперменное исполнение чинитца. При сем же о состоянии лейб-компаний о людях и о лошадях с прибылью и убылью репорт сообщаетца. v(on)

Munchhausen Lieutenant Июня 21-го дня 1741 году Рига Пометы: Получено июня 25-го дня. № 611. 37 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгоузину Вашему благородию чрез сие предложить нахожу: На обретающихся в Риге Брауншвейгского кирасирского полку кирасир 36 в кананерской науке девети человек¹ правиянт изволите принимать из рижского магазейна с лейб-компаниею и в дачю производить оным сполна, о чем и в посылаемых к правиянским делам ведомостям именно описывать. При сем же влагаетца требование в Рижскую регирунс-канцелярию² о даче на государевых кирасирских немецких лошадей на будущей июнь месяц вместо сена травы, которое требование изволите, ваше благородие, во оную регирунс-канцелярию подать и по оному ходата(й)ствовать, чтоб в полковую канцелярию во ответ сообщено было. И что по сему учинено и происходить будет о том в полковую канцелярию репортовать. В лейб-компанию в Риге от купца Рама немецких ремонтных трех лошадей изволите, ваше благородие, в кирасирския в комплект причислить. (фон Крокау) Июня 26-го дня 1741 году 38 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгоузину Сего июня 15-го дня получил я при ордере от его высокопревосходительства господина генерала-аншефа и ковалера, Ревельской губернии губернатора, кирасирского Минихова полку полковника барона фон Левендаля с указу е. и. в. из государственной Военной коллегии копию, в которой предложено, чтоб Брауншвейгской полк снабдить пушками¹ с принадлежащею аммуницією из рижского цейгауза, и об отпуске оной от полку к его превосходительству господину генерал-маэору и цытодельской крепости обер-каменданту фон Радингу² доношением представлено. Того ради изволите, ваше благородие, вложенное при сем доношение его превосходительству подать и по оному двух полковых медных пушек с мартирцами и с принадлежащею к ним аммуницією и с конским убором требовать, и как скоро дана будет тотчас отправить в Венден на подъемных лейб-компаний лошадах с надежным канвоем. При приеме же оной артиллерии смотреть, чтоб она была во всякой исправности и ничего худого и ветхаго не находилось, и ежели ж паче чаяния ветхое и негодное что найдетца, об оном требовать на перемену ветхаму целаво. Оное все именно описать и в том в цейгауз дать квитанцию, а какова дана будет такову ж сообщить в полковую канцелярию для ведома, и о всем, что учинено будет и о получении сего репортовать. (фон Крокау) Июля 6-го дня 1741 году (Венден) 39 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгоузину Сего июля 6-го дня в ордере ко мне от его высокопревосходительства господина генерала-аншефа и ковалера, Ревельской губернии губернатора, кирасирского Минихова полку полковника барон(а) фон Левендаля предложено: ко окончанию сентенции¹ в учинившейся у кирасир с солдатами драке, были ис кирасирского полку афицеры, и для того от Брауншвейгского командировать из стоящей при Риге роте половину афицеров. 37 Того ради изволите, ваше благородие, егда от его превосходительства господина генерал-маэора и рижского обер-каменданта фон Радинга вашему благородию предложено будет, то при окончании реченной сентенции быть вашему благородию, и о получении сего репортовать. (фон Крокау) Июля 7-го дня 1741 году (Венден) 40 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгоузину Сего июля дня репортовал меня обретающейся в Риге у приему в кирасирские полки лошадей Минихова полку ротмистр Лизандер¹, что уже по заключенному кантракту у рижского купца Рама из за моря немецкие лошади вскоре привезены быть могут, и чтоб для приему из оных третей части от Брауншвейгского полку афицер с командою командирован был². Того ради изволите, ваше благородие, егда от помянутого ротмистра Лизандера к вашему благородию известие, как лошади из за моря привезены будут, дано имеет быть, того изволите третью часть в Броуншвейгский полк принимать, чтоб оные лошади были в лета и рост по силе заключенного контракта здоровые. И когда сколько оных лошадей приняты будет, отправлять з добрым канвоем лейб-компаний в Венден в самой скорости. А на довольство оных в пути заблаговременно из рижской экономии требовать репортицы(и), дабы в надлежащих станциях оной приуготовлен был, чтоб во время оных маршу в довольствии не понесли нужды. А в какие лета, шерсти и приметы оные лошади приняты будут присылать в полковую канцелярию списки, и о всем, что происходить будет почасту репортовать. (фон Крокау) Июля 12-го дня 1741 году (Венден) 41 КИРАСИР Ф. ТОМИЛОВ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Кирасирского Броуншвейгского полку лейб-

компании его высокоблагородию господину порутчику фон Минихгаузину Оной же лейо-

компании от кирасира Феофана Томилова Покорнейшее доношение Понеже я нижеименованны(й) обретаюсь в службе е. и. в. с 730 году мая с 18-го числа, отроду мне тридцать лет, из крестьянства, холост, а сего 741 году июня 29-го дня зговорил я нижеименованны(й) у рижского мещенина иноземца, мастоваго мастера Крестьяна Ганцова родную ево сестру, девицу Лавизию Обросимову дочь за себя в замужество, которая имеетца вольная и помещика никакова у себя не имеетца. К тому ж и напредь сего, как в замужестве и в заручении ни за кого зговорена не была, в чем имеютца у брата ея, також и за ней свидетельства из здешних же знающих об ней мещан. Того ради вашего высокоблагородия всепокорнейше прошу, дабы повелено было мне нижайшему на помянутой зговореной девице женитца и об оном 38 в полковую канцелярию представить или куда надлежит, и на мое нижайшего прошение учинить свое высокорассмотрительное определение. Июля 12-го дня 1741 году У подлинного подписано тако: К сему доношению одного ж полку, оной же роты, вместо вышеписанного кирасира Феофана Томилова, кирасир Федор Лебедев по ево прошению руку приложил. Помета: Копия. Резолюция: Кирасиру Феофану Томилову женитца позволяетца. К порутчику предложено Мингаузену. 42 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгаузину Понеже первой роты вахмистр Алексеев командирован от полку для покупки на строения трубачам сукна и тесьмы, также на починку к артиллерийским материалам кож и протчаго, о чем к нему при сем ордер посылаетца, которой ордер по получении сего изволите ему отдать и для приготовления оных вещей в первой роты его командировать. Ежели ж паче чаяния к строению трубаческого мундира в Риге чего достать не может, то по требованию ево изволите придать ему от той же роты капрала доброго, которой послан будет до Митавы. (фон Крокау) Июля 21-го дня 1741 году (Венден) 43 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгаузину Сего июля 30-го дня получил я от его превосходительства генерала-аншефа и ковалера, кирасирского Минихова полку полковника и Ревельской губернии губернатора барона фон Левендаля ордер, которым предлагать изволит, чтоб для приема с обретающимся от кирасирского Минихова полку ротмистром Лизандером в Риге, от купца Рама, выписанных им из за моря на кирасирския полки немецких лошадей по контракту, от состоящей при Риге лейб-компании афицера мне определить, дабы как оные в Ригу придут, чтоб в скорости приняты быть могли, понеже де оной Рам от некоторого приема может излишнее издержанье на караул тех лошадей на счет ставить и от того де казенному интересу убыток последовать может. И кто афицер определен будет, чтоб к его высокопревосходительству репортовать. А понеже еще до получения от его высокопревосходительства ордера, принимать тех лошадей определено вашему благородию, и как их содержать и в полк отправить о том в прежде посланном вашему благородию ордере ясно изображено, но ныне чрез сие, по силе полученного от его высокопревосходительства ордера накрепчайше подтверждаетца. Егда к команде тому купцу Раму немецкие лошади в привозе будут, оные от него как скоро возможно принимать, не продолжая времени, токмо имея всемерное осмотрение, чтоб те лошади были указных лет и меры, здоровые и крепкие, и к службе е. и. в. годные. И по 39 приеме содержать, и в полки их отправить, как прежде посланным ордером определено. В противном же случае можете ответствовать и что подлежит до взыскания одного не избегните. (фон Крокау) (Июля 31-го 1741 году) (Венден) 44 ПОРУЧИК МЮНХГАУЗЕН — В ПОЛКОВУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ Кирасирского Броуншвейхского полку лейб-компании от порутчика Минихгаузина в полковую канцелярию Репорт Сего августа 8-го, 10-го и 13-го чисел получил я четыре ордера, в которых предлагать изволит: 1. За рукою его высокоблагородия господина подполковника фон Крокау, о выступлении из лагеря в Ригу в прежния квартиры 1. Да за рукою господина примьер-маэора Шиленга: 1. О подаче приобщенного при том ордере коверта в Рижскую регирулс-канцелярию и по оному изходатойствовать, и что по тому изходатайству учинено будет о том репортовать. 2. Об отчислении упалой государевой лейб-компании лошади, да о даче господину карнету Ломакову канвою. 3. О пользовании кирасирских лошадей имеющемуся при лейб-компании рускому коновалу, а что надлежит и каких лекарств, описав именно, и требовать. И на оное предложение покорно доношу, что по силе вышеписанного предложения: По 1-му, из лагеря сего августа 11-го дня выступил и в прежния квартиры в Риге вступил, и государевых кирасирских лошадей по силе е. и. в. указу

получаемым фуражом довольствуютца. 110 2-му, приобщенной коверт в регирулс-канцелярию

подал и по тому резелюции требовано о показании в Вендене и близ Вендена квартир, и о получении провианта и фуража репортиции. На что в регирулс-канцелярии мне объявили: в силе вышеписанного требования как о квартирах, так и о даче провианта и фуража определение немедленно и репортиция послана в полк будет². Месячной августской репорт, и о ружье, мундире табель, о людях имянной список с отлучками, в самой скорости присланы быть могут. По 3-му, упавшая государева подъемная лошедь по силе предложения из лейб-компаний отчислена и об оной по форме ведомость при сем посылаетца. Карнету Ломакову по требованию ево в канвой дано кирасир два человека, лошадей подъемных две. По 4-му, имеющейся при лейб-компаниях русской коновал каких лекарств для пользования больных государевых кирасирских лошадей знать не может. И о том полковая канцелярия как повелит, на что требую скоро резелюции. v(on) Munchhausen Lieutenant Августа 15-го дня 1741 году Рига Помета: Получена августа 18-го дня 1741 году. 40 45 ПОРУЧИК МЮНХГАУЗЕН — В ПОЛКОВУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ

Кирасирского Броуншвейхского полку в полковую канцелярию лейб-компаний от порутчика Минихгаузена Репорт По силе полученного сего августа 25-го дня от его высокоблагородия господина примьер-маэора Шиленга ордера¹ о выпуске из Броуншвейхского кирасирского полку ротмистра Апухтина² в лейб-компаниях всем чинам опубликовано, и о прочем. И по силе одного ж его высокоблагородия ордера, взятые скаски³ со обретающихся в лейб-компаниях в службе е. и. в., кои из церковников ныне находятца в кирасирах и за каким обстоятельством, о том при сем за их руками сообщаютца. Також и к получению е. и. в. заслуженного денежного жалования список сего году за сию майскую треть покорно сообщаетца. И об находящихся в лейб-компаниях государевых кирасирских немецких кобылицах, коликое число оных находятца ныне налицо при лейб-компаниях и каких лет, шерсти и примет, меры, где и которого числа принеты, по форме ведомость покорно представляю. Також по силе требования от полковой канцелярии мною исходатайствовано из Рижской регирунс-канцелярии о показании близ Вендена квартал о приеме провианта и фуража, и для пасьбы табуна о показании лугов, в полк уже определение сего августа 20-го дня послано. v(on) Munchhausen Lieutenant Августа 26-го дня 1741 году Помета: Получен августа 29-го дня 1741 году. 46 АТТЕСТАТ КИРАСИРА П. БОРМАШЕВА Аттестат Я, нижеподписавшийся кирасирского Броуншвейхского полку порутчик, сим атестую одного ж полку лейб-компаний кирасира Петра Бормашева, которой за старостию и драхлостию и долговременною службою кирасирской должности нести не может. А ко определению в другие, драгунския полки, может ундер-афицерскую должность понести, и понеже оной службу е. и. в. продолжал всебезпорочно. В чем и подписуюсь v(on) Munchhausen Lieutenant Помета: Получен августа 21-го дня 1741 году 47 ПОРУЧИК МЮНХГАУЗЕН — ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ Д. Ф. ЕРОПКИНУ Его высокопревосходительству господину генералу-лейтенанту и ковалеру Дмитрею Федоровичу Еропкину¹ Кирасирского Броуншвейгского полку от состоящей в Риге лейб-компаний от порутчика Минихгаузена 41 Репорт Сего августа против 31-го числа, в ночи, бежало безвесно оной лейб-компаний кирасир два человека. А именно, Семен Кашлев, отроду ему 22 года, в службу взят в 739-м году апреля 15-го дня, ростом двух оршин девяти вершков, приметами: волосы русые с тупеем², глаза серые, лицом моложав. Второй, Дмитрий Коретников, отроду ему 35 лет, в службу взят в 739-м году апреля 15-го дня, ростом двух аршин осьми вершков, приметами: волосы русые, глаза серые, лицом ряб. Которые снесли при себе государева мундиру: епанеч васильковых две, кафтанов васильковых два, камзольчиков голубых два, штанов лосиных двои, перчаток замшенные двои, шпор пар двои, сапогов смазных новых пар двои, чулков пар две, рубаш пар две, порт пар две, галстуков красных два, пистолет один, патронов с пули дватцать³. Российские кирасиры 30-е — начало 40-х гг. XVIII в. И об оном вашего высокопревосходительства покорно прошу: в команде вашего высокопревосходительства полков и на заставах о сыску и о поимке оных беглых приказать опубликовать. И ежели где оныя беглыя явятца или пойманы быть имеют, чтоб оных содержать под караулом или прислать к лейб-компаниях. v(on) Munchhausen Lieutenant Августа 31-го дня 1741 году Рига Пометы: № 386 Подано августа 31-го. 42 48 ПОРУЧИК МЮНХГАУЗЕН — В ПОЛКОВУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ Кирасирского Броуншвейхского полку в полковую канцелярию от порутчика Минихгаузена Репорт По силе полученного сего числа от его высокоблагородия господина примьер-маэора Шиленга ордера справлено мною в комиссии полковника и обер-крикс-камисара Апушкина о

производении и о вычете с штап и обер-афицеров денежного жалования и рационов, которые отпускаются в дома. И оная комиссия объявила, что де по именному е. и. в. указу, которые штап и обер-афицеры отпущены были в дома, чтоб у них вычитать обще как денежное жалование, так и рационы. При сем же покорно доношу: По силе приказу его высокопревосходительства господина генерала-лейтенанта и ковалера Еропкина, а по ордеру его превосходительства господина генерал-маэора фон Радинга, выбранные (в) кирасирской Броуншвейхской полк мастеровые и нестроевые, кроме горнодер* что в кирасиры, а именно: трубач, писарь, кузнец, плотник, извозчики и денщики, все отпущены возвратно в прежние их полки, с которого ордеру точную копию при сем покорно сообщаю. А выбранные из горнодер в кирасиры немедленно в полк отправлены быть имеют1. v(on) Munchhausen Lieutenant Сентября 2-го дня 1741 году Рига 49 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгаузену Понеже во Пскове на команду и лейб-компани(и) двум человекам привезенные из Москвы мундирные вещи, а именно, сапоги, штаны кирасирские новые выданы, а по привозе в Венден мундирных и аммуничных вещей выдано в лейб-компанию на людей и с отлучными полное число сапогов и штанов, того ради изволите, ваше благородие, передаточные две пары сапогов и двоя штанов кирасирских новых прислать в Венден немедленно, понеже оные вещи надлежит отдать в другую роту. (Шиллинг) Сентября 4-го дня 1741 году (Венден) 50 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгаузену Сего сентября 7-го числа посланною от меня в рижскую цыдодольскую** артиллерийскую кантору промеморию, которая для подания в ту кантору при 43 сем к вашему благородию сообщается, требовано вместо употребленного в пальбу кирасирами и артиллериею по выступлении(и) команды моей1 при церемониях в викариальные дни2: пороху пятнадцать пуд, армяку к артиллери(и) на мешки двенадцать аршин, на засыпку пушек ручного пороху один пуд, да и впредь об отпуске потребного числа для таких же церемоний по разсуждению той канторы. Того ради по получении сего изволите, ваше благородие, о приеме того пороху и других принадлежащих потребности, где во оной канторе прилежное ходатайство иметь. Как отпущен будет, то отправить к команде моей при канвое, на подъемных лошадях без замедления, а что чинится будет о том ко мне по первой почте репортовать. (фон Крокау) Сентября 7-го дня 1741 году (Дерпт) 51 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгаузену По получении(и) сего изволите, ваше благородие, имеющейся при лейб-компани(и) умершего трубача иностранца Шединга мундир, за которой подлежащей вычет у него уже учинен, да вахмистра Алексеева з достальною тесьмою и с прочим о чем ему камисия поручена, прислать сюда немедленно. (Шиллинг) Сентября 26-го дня 1741 году (Венден) 52 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгаузену Вчерашнего числа получил я при ордере от его высокоблагородия господина подполковника фон Кракау с указу е. и. в. из государственной Военной коллегии (копию) о пожаловании генералитета, да сообщение к его высокографскому сиятельству из Кабинета е. и. в. о награждении генералитета и штап-афицеров, которые были при счастливой акции с шведами1. Копии с которых для ведома и объявления таковых при сем к вашему благородию сообщаю, по которым изволите в роте всем чинам публиковать. (Шиллинг) Сентября 29-го дня 1741 году (Венден) 53 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгаузену Наперед сего предложено от меня к вашему благородию неоднократно, чтоб месячной сентябрьской репорт от первой роты прислать ко мне в Венден, конечно ко 18-му числу сентября, токмо по оным моим предложениям исполнения не учинили, а послали оной репорт прямо в Дерпт. А как вашему благородию известно, что я при оставшей команде здесь состою главным командиром1 и 44 надлежало было вам оной репорт по предложениям моим прислать в Венден, а не в Дерпт. Чего было вам чинить не подлежало и главного командира предложению уничтоживать не подлежит. Того ради изволите прислать ко мне ответ немедленно: чего ради по ордерам моим исполнения не учинили и нашлись противны, и по каким ордерам репорт отправили в Дерпт. (Шиллинг) Сентября 29-го дня 1741 году (Венден) 54 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгаузену Имеющаяся в Дерпте 1-й роты государева лошеть прислана с щетчиком, выезжим в Венден, и велено по ордеру его высокоблагородия господина подполковника фон Крокау отправить ту лошеть во оную первую роту, которая при сем и посылается. Также взятой мною из Рижского гарнизону из рекрут в денщики Степан Логачев

еще в Брауншвейгской полк был не причислен, которой при сем же отправлен. И изволите одного денщика отдать по прежнему в Рижской гарнизон, куда от его высокопревосходительства господина генерала-лейт(е)нанта и ковалера Еропкина приказано будет, и по исполнении репортовать. (Шиллинг) Октября 5-го дня (1741 году) (Валки) 55 ПОРУЧИК МЮНХГАУЗЕН — В ПОЛКОВУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ Кирасирского Броуншвейхского полку в полковую канцелярию одного ж полку лейб-компания от поручика Минихгаузина Репорт Два ордера за рукою его высокоблагородия господина подполковника фон Крокау, писанныя сего октября 3-го, мною сего ж течения 8-го числ(а) покорно получены, в которых предложено, в 1-м и притом с указу е. и. в. копии: 1. О всемилостивейшем е. и. в. о награждении генералитета и штап-афицеров, которые при счастливой с шведами акцы(и) и победе присутствовали, за храбрые их поступки¹, и о прочем. В 2-м, о довольствии(и) государевых драгунских, нестроевых и подъемных лошадей фуражем ныне до наступления указного термина², и чтоб ис табунов на ночи приганять в квартиры, определенным и по статусу положенным сего октября с 16-го ноября по 1-е число. Також о присылке обстоятельных ведомости, сколько какого порознь получено на государевых кирасирских лошадей фуража по выступлении из Дерпта на сентябрь месяц, ис которых мыз и от кого. Також и что по вступлении в нынешние винтер-квартиры по данным репортициям распределено по числу людей и лошадей, на которые мызы и по чему, и за тем против репортиции от которой мызы что останетца от октября месяца. И об находящихся 45 ныне при первой роте драгунских, нестроевых и подъемных лошадей, кои весьма к службе быть неспособны о присылке атестата за афицерскими руками в Дерпт немедленно, ибо де таковых по силе указов и генералитетских ордеров велено продавать, и о прочем. На которое его высокоблагородия предложение сим доношу: По первому, в лейб-компании всем чинам опубликовано. По 2-му, государевы драгунские, нестроевые и подъемные лошади ночным временем фуражем довольствованы быть имеют из принятого из рижского магазейна сего октября с 16-го ноября по 1-е число, а что требуетца обстоятельных ведомости, сколько какого порознь получено на государевых кирасирских лошадей фуража по выступлении из Дерпта на сентябрь месяц, но токмо оной лейб-компании движения с винтер-квартир из Риги никуда не было. А что на сентябрь месяц получено на людей провианта, а на государевых лошадей фуража, о том кирасирского Броуншвейхского полку к провиантским делам сего октября 4-го дня две ведомости посланы. А репортици(и) о получении провианта и фуража при лейб-компании никакой быть не имеетца, а провиант и фураж получаетца из рижского магазейна по подаваем(ым) от меня ведомостям в рижскую рснтерию³ на наличное число людей и лошадей. Також драгунских, нестроевых и подъемных лошадей, кои весьма к службе быть не способны, при лейб-компании таких быть не име(е)тца, а по благости Божи находяца все здоровые. v(on) Munchhausen Lieutenant Октября 9-го дня 1741 году Рига Помета: № 787. 56 ПРЕМЬЕР-МАЙОР Г. ШИЛЛИНГ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгаузину Репорт вашего благородия я получил, ис которого с неудовольствием усмотреть мог, которым на посланные мои два ордира ответствуете¹: понеже де по присланному ордеру от его высокоблагородия господина подполковника фон Кракоу месячной сентябрьской репорт в Дерпт прямо отправил до получения моих ордиров, ибо известны были, что полковая канцелярия отправилась в Дерпт. И чего мне понемалу удивительно, что ваше благородие так о(т)важились присылкою ко мне месячного репорта. А небезизвестно вам есть, что мне команда поручена по выступлени(и) господина подполковника в Дерпт и тако надлежало вашему благородию месячной репорт прислать ко мне, а другой в полковую канцелярию. (Шиллинг) Октября 11-го дня 1741 году 57 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгаузину (На) репорт вашего благородия следующая резолюция: На 1-е, лейб-компани(и) капрал фон Толь, которой от меня был уволен в дом ево на две недели, то есть октября по 1-е число, ежели оной поныне к лейб-компании не прибыл, изволите находящемуся в Риге брату ево объявить, чтоб он к нему, капралу Толю, прибытием по прежнему в роту, отписал. 46 На 2-е, сухарей два четверика, которые взяты были в бытность мою в Риге на кирасир 2-й роты, оные с той роты возвращены и отданы в шестую роту, вместо взятых лейб-компании кирасиру Анисимом Нечаевым, Дмитрием Михайловым. Которого числа оным кирасирам изволите не дадовать и тако будет расход уже лейб-кампании на кирасир, и заимообразно не числить. Октября 14-го дня 1741 году 58 ПОРУЧИК МЮНХГАУЗЕН — В ПОЛКОВУЮ

КАНЦЕЛЯРИЮ Кирасирского Броуншвейхского полку в полковую канцелярию лейб-компаний

от порутчика Минихгаузина Репорт Ордер за рукою его высокоблагородия господина подполковника фон Крокау, писанной сего октября дня, мною одного ж течения 21-го числа, покорно получен, в котором предложено, чтоб от лейб-компаний выбрать доброго и надежного из кирасир в щетчики, которому б де можно в интересе е. и. в. верить. На которое его высокоблагородия предложение сим доношу: Хотя и есть из шляхетства кирасир Иван Бурмашев, токмо оной грамоте и писать не умеет, а кроме одного из шляхетства при лейб-компаниях из кирасир не находитца, а из протчих, которые не из шляхетства, атестовать таковых мне невозможно, ибо е. и. в. указом запрещаетца. И о том кирасирского Броуншвейхского полку полковая канцелярия как да благоволит, или по справке формового списка, как штап и обер-афицеры ково о выборе и атестовать изволят. v(on) Munchhausen Lieutenant Октября 25-го дня 1741 году Рига Помета: № 812. 59 ПОРУЧИК МЮНХГАУЗЕН — В ПОЛКОВУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ Кирасирского Броуншвейхского полку в полковую канцелярию Репорт Понеже в бытность в Риге при присланном от полку щетчике Нелюбове имеющаяся при нем государева пятой роты драгунская лошадь, а другая при карнете и комисаре Грекове, оной же роты, которая довольствованы при лейб-компаниях принимаемым из рижского магазейна на имеющихся государевых лошадях фуражем заимообразно, первая минувшего октября с 16-го, вторая с 23-го сего ноября по 13-е число, на которых издержано фуража: овса одна четверть два четверика, сена девять пуд тритцетъ восемь фунтов. Того ради кирасирского Броуншвейхского полку полковую канцелярию прошу, дабы повелено было оной фураж из той пятой роты в лейб-компанию прислать, или не повелено ль будет то число принять из рижского магазейна и о том предложить меня своим ордером, котораго поджидать буду. Нежели оной фураж возвращен не будет, 47 то впредь приежающим из полку без фуража, хотя и заимообразно, без ордеру давать не буду. Сим же репорту: За прошедшую сего году майскую треть на наличное число людей в лейб-компаниях заслуженное е. и. в. денежное жалование по окладам своим от карнета и комисара Грекова получили. v(on) Munchhausen Lieutenant Ноября 18-го дня 1741 году Рига Пометы: Получен ноября 20-го дня 1741 году. № 909. 60 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгоузину Понеже ныне обретаются в Курляндии для покупки в кирасирской Броуншвейхской полк дубель-клеперов¹ порутчики Дрейшер² и Полянской, при которых надлежит для лутчаго смотрения лошадей быть кирасирам, ибо из салдат хотя и определены, токмо к лошадям не обыкли. Того ради изволите, ваше благородие, егда от помянутых порутчиков Дрейшера и Полянского требуется будет, то от лейб-компаний командировать кирасир четырех человек и велеть оным явитца у них в самой скорости. Також, егда покупные ими лошади из Курляндии в Ригу приведены будут, оных в лейб-компанию принять и довольствовать с протчими принимаемым фураж(ом) из рижской экономии, и ко мне тотчас репортовать. Ноября 19-го дня (1741 году) 61 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгоузину Сего ноября 20-го дня по полученному мною от его высокографского сиятельства, высокоповелительного господина генерала-(фельдмаршала), Лифляндии генерала-губернатора, кирасирского Брауншвейгского полку полковника и разных ординов ковалера графа фон Лессия ордеру, велено из командированных из кирасирского Брауншвейгского полку в Санкт-Питербурх флигельманов¹ лейб-компаний Алексея Пospelова, которой де прошедшего июля 17-го дня определен лейб-гвардии в Конной полк в рейторы, из полку выключить. Того ради по получении сего изволите, ваше благородие, по силе одного высокографского сиятельства ордера, помянутого кирасира Пospelова из лейб-компаний выключить, а присланное ево ружье, мундир и аммуницию при сем с капралом Назарьевым посылаетца, а что чего значит, реэстр. (фон Крокау) Ноября 20-го дня 1741 году 48 62 ИЗ ПОЛКОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПОРУЧИКУ МЮНХГАУЗЕНУ Порутчику Минихгаузину Ордер Из репорту вашего благородия усмотрено, что имеетца ныне при лейб-компаниях одна клеперская лошадь, а откуда принята репорту от вашего благородия не прислано, также производитца де оной лошади от рижской рентери(и) фуража против подъемных лошадей: овса на месяц по четыре четверика, ячменю по два четверика, сена по девяти пуд, соломы по шести пуд. А понеже во всем полку драгунским и подъемным лошадям производитца сена на месяц по тритцати кит, того ради по получении сего изволите по первой почте прислать ко мне известие: откуда принята дубель-клеперная лошадь и по какому определению по девяти

пуд на месяц оной лошади и другим кирасирским немецким, подъемным и нестроевым лошадям принимаетца, и каким фуражем, по сколько овса, сечки, сена и соломы, ис чего я мог знать обстоятельно. (фон Крокау) Ноября 26-го дня (1741 году) ПРИМЕЧАНИЯ Все публикуемые документы хранятся в РГВИА. Большинство из них — подлинные рапорты самого Мюнхгаузена в канцелярию Брауншвейгского кирасирского полка, а также копии с отпусков на его имя, извлеченные из книг (журналов) исходящих бумаг полковой канцелярии. Тексты документов переданы с сохранением основных языковых и стилистических особенностей XVIII в. Для лучшего понимания, где это необходимо, введено деление на абзацы, предложения, слова. Выносные буквы внесены в строку, титла раскрыты. Сокращенные и недописанные слова, пропущенные буквы, повреждения (утраты) в тексте заключены в ломаные скобки; вводится отсутствующий в словах мягкий знак. Вышедшие из употребления буквы заменены современными. Унифицировано написание титулов и обращений. Отдельные слова и текстуальные неисправности разъясняются под строкой. Отсутствующие под документами подписи и места их отправления, где это возможно, восстанавливаются по контексту или другим источникам. Пометы воспроизводятся после текста документа. Даты приведены по старому стилю. 1. РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 549. Л. 768. Подлинник. 1 Измайлов Петр Васильевич (?— 1772), генерал-поручик; в 1739 г. — генерал-майор, член Военной коллегии. 2 Анна Иоанновна (1693—1740), дочь царя Ивана (V) Алексеевича и Прасковьи Федоровны Салтыковой, племянница Петра I, вдова герцога Курляндского Фридриха Вильгельма; с 1730 г. — российская Императрица. Далее в тексте — ея и. в. 3 Ушаков Андрей Иванович (1672—1747), граф, генерал-аншеф, начальник Тайной канцелярии (Канцелярия тайных розыскных дел). 4 Официальное название — Брауншвейгский кирасирский полк, в честь полковника (шефа) принца Антона Ульриха, который принадлежал к Брауншвейг-Вольфенбюттельской (до 1735 г. Брауншвейг-Бевернской) линии Брауншвейгского дома. См. прим. 2 к док. 9. С момента окончательного формирования (на базе Ярославского драгунского полка) и во время службы в нем Мюнхгаузен носил следующие названия: Бевернский кирасирский полк (21.06.1733—15.04.1738); Брауншвейгский кирасирский полк (15.04.1738—31.01.1742); Кирасирский его королевского высочества герцога Гольшейн-Готторпского полк (31.01.1742—4.12.1742); Кирасирский Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Петра Федоровича полк (4.12.1742—27.12.1761). 2. РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 561. Л. 116. Подлинник. 1 Мюнхгаузен был зачислен в 1-ю роту Брауншвейгского кирасирского полка корнетом, состоящим сверх комплекта. 2 Годовое жалованье корнета кирасирского полка составляло 180 рублей. 3 Реверс — здесь: письменное обязательство, расписка. 4 Обер-цалмейстерская контора ведала выдачей жалованья генералитету, офицерам, а также ассигнованием и отправкой денег в полки. 5 Геннин де, Вилим Иванович (Георг Вильгельм) (1676—1750), артиллерии генерал-лейтенант, член Военной коллегии; управляющий 49 Оружейной канцелярией и оружейными заводами, член канцелярии Главной артиллерии и фортификации. 3. Из Книги записной обер-офицерским патентам с 1739 по 1741 год. РГВИА. Ф. 2. Оп. 12. Св. 118. Д. 10. Л. 46 об. Подлинник. Расписка-автограф. 1 Формально это первая запись, сделанная Мюнхгаузеном в качестве офицера русской армии. 4. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 240. Л. 30. Подлинник. Подпись-автограф. 1 Ордер — приказ, предписание. 2 Любрехт фон, Христиан Людвиг, подполковник, командующий Брауншвейгским кирасирским полком с 1739 г. (формально по 4.11.1740, когда был пожалован в полковники Астраханского драгунского полка; фактически по 24.01.1741). 3 Иоанн III (VI) Антонович (1740—1764), сын герцога Антона Ульриха Брауншвейг-Люнебургского и Вел. Кн. Анны Леопольдовны; с 17.10.1740 по 25.11.1741 — российский Император. После переворота в пользу Елизаветы Петровны заточен в Шлиссельбургскую крепость, где был убит при попытке освобождения. Далее в тексте — е. и. в. 4 Форма о титулах Иоанна III от 18.10.1740. 5 Присяги осуществлялись на основе манифестов от 5.10.1740 (о порядке престолонаследия) и 17.10.1740 (о кончине Императрицы Анны Иоанновны и вступлении на престол Иоанна Антоновича), соответствующих указов от 7.10.1740 и 18.10.1740. Фактическим правителем в качестве регента, по завещанию Императрицы, 18.10.1740 был провозглашен Э. И. Бирон. Высочайшим указом от 20.10.1740 разъяснялась необходимость принесения именно двух присяг (как о наследовании всероссийского престола, так и о верной службе е. и. в.). Третья, подтвердительная присяга, проходила уже после отрешения Бирона от

регентства и поручения правления Вел. Кн. Анне Леопольдовне до совершеннолетия ее сына (манифест от 9. 11.1740). 5. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 238. Л. 28. Подлинник. Подпись-автограф. 1 Ласси (Ласи, Лессий) Петр Петрович (1678 — 1751), граф, генерал-фельдмаршал, генерал-губернатор Лифляндии, командующий русскими войсками в Прибалтике. На российской службе с 1700 г., участник Северной войны; в 1733 — 1734 гг. командующий корпусом в Польше. Во время русско-турецкой (1735 — 1739) и русско-шведской (1741 — 1743) войн командовал армиями, одержав ряд значительных побед. Когда под давлением Бирона герцог Брауншвейг-Люнебургский низложил свои воинские звания, Ласси был назначен с 1.11.1740 полковником (шефом) Брауншвейгского кирасирского полка, получив об этом подтверждение я после отстранения регента от власти. 2 Разночтения в документах относительно времени производства Мюнхгаузена в поручики потребуют дополнительных изысканий. 3 Годовое жалованье поручика кирасирского полка составляло 240 рублей. 4 Рационные деньги (рационы) — особые отпуски фуражного довольствия. Годовая сумма 5 рационов, полагающихся корнету, составляла 27 рублей (из расчета 5 рублей 40 копеек — 1 рацион), поручику — 43 рубля (8 рационов). 6. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 243. Л. 62 об. Копия с отпуска. 7. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 243. Л. 63. Копия с отпуска. 1 Мелбек Яков, ротмистр Лейб-кирасирского полка (с 9.08.1740), на службе с 1730 г. 2 Лейб-компания — 1-я полковая штандартная рота, состоящая «при лице высокого генералитета»; комплектовалась лучшим офицерским и рядовым составом, имела преимущества в обеспечении и расквартировании; отличалась, как правило, более высоким уровнем строевой подготовки. Кирасирский полк состоял из 10 рот — 5 эскадронов. На конец 1740 г. общая численность по штату мирного времени — 976 человек (включая 6 артиллерийских служителей), в военное время добавлялись корнет, полковой обозный и денщик. Списочный состав роты (лейб-компании) Мюнхгаузена на 18.10.1741 — 90 человек: поручик, корнет, вахмистр, квартирмейстер, каптенармус, гефрейт-капрал, 3 капрала, писарь, цирюльник, 67 кирасир, кузнец-иноземец, плотник, 4 извозчика, 2 денщика, а также трубач-иноземец, полковой профос, литавщик, ученик литавщика. 8. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 243. Л. 64. Копия с отпуска. 1 Как правило, нижние чины получали обмундирование в собственность, выбывая из строя по старости или болезни, если они проносили его не менее года. Бесплатно выдавались нижний мундир и обувь, а также выплачивался 1 рубль на обзаведение одеждой. 9. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 240. Л. 37—38 об. Подлинник. Подпись-автограф. 1 Форма о титулах Иоанна III от 7.10.1740, а также форма поминовений Императора, его родителей и Цесаревны Елизаветы Петровны во время богослужений от 9.11.1740. 2 Антон Ульрих (1714—1776), герцог Брауншвейг-Люнебургский, сын герцога Фердинанда Альбрехта и герцогини Амалии Антуанетты (в документах 30-х — начала 40-х гг. упоминается как принц Бевернский, Брауншвейгский, Вольфенбюттельский, Брауншвейг-Люнебургский, Брауншвейг-Вольфенбюттельский, герцог Брауншвейгский и Люнебургский). Муж Вел. Кн. и правительницы России Анны Леопольдовны (с 3.07.1739), отец Императора Иоанна III. В 1740—1741 гг. (после свержения Бирона) — Его Императорское Высочество, российский генералиссимус. В России с 1733 г. в качестве официального жениха племянницы 50 Императрицы; тогда же назначен полковником (шефом) кирасирского полка. Участвовал в кампаниях русско-турецкой войны (1737 и 1738 гг.). После переворота 1741 г. сослан в Холмогоры. См. также прим. 4 к док. 1. 3 После переворота в пользу Брауншвейгской фамилии было заявлено о пожаловании 10.11.1740 крупнейших сановников Империи: Антона Ульриха — генералиссимусом, Б. Х. Миниха — первым министром, А. И. Остермана — генерал-адмиралом (быть вице-канцлером и кабинет-министром), А. М. Черкасского — великим канцлером (быть в Кабинете), М. Г. Головкина — вице-канцлером (быть кабинет-министром); К. Р. Левенвольде, А. И. Ушаков, А. Б. Куракин, С. Ф. Апраксин, Д. А. Шепелев, К. Л. Менгден, В. И. Стрешнев, Б. Г. Юсупов, И. Ю. Трубецкой, С. В. Лопухин были награждены орденами, деньгами, землями. 4 Публиковать — оглашать, обнародовать. 5 Против — такое же, в сравнении, как и; здесь: в сравнении со штатом. 6 Указ фельдмаршалу Ласси от 18.11.1740. 7 Пура — мера сыпучих тел (рижская), соответствующая примерно 211/3 гарнца российской меры. 8 Кита — сенной выюк. 9 Гарц (гарнц, гарнец) — мера сыпучих тел, равная примерно 3,28 литра. 10 Лейб-кирасирский полк — один из старейших и заслуженных полков русской армии. Получил свое название 21.06.1733 (с момента окончательного сформирования на базе Невского драгунского полка). 11

Комиссар — должность полкового обер-офицера (корнет и комиссар), непосредственно

ведавшего приемом и раздачей денежного жалованья, а также другими видами довольствия. 12
Поряд — заведенный порядок, обычай; здесь: повседневная служба. 13 Конная гвардия (лейб-
гвардии Конный полк) — первая гвардейская кавалерийская часть русской армии (с 31.12.1730);
кирасиры. 14 Жеребцов Иван, в 1740 г. — корнет Брауншвейгского кирасирского полка (на
службе ротным писарем с 4.03.1738); на 1751 г. — полковой квартирмейстер (квартирмейстер) той
же части. 15 Шульц фон, Карл, барон, в 1740 г. — корнет Брауншвейгского кирасирского полка;
произведен 8.04.1741 в поручики Вологодского драгунского полка. 16 См. прим. 2 к док. 10. 17
Абшид (абшит) — отставка, увольнение; документ об отставке. 10. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д.
239. Л. 71. Копия с отпуска. 1 Глазноп Юрий (Юрья), в 1740 г. — корнет Брауншвейгского
кирасирского полка (из лифляндцев, на российской службе с 27.02.1738). 2 Ведомость,
содержащая детальное описание мундира, амуниции и вооружения поручика Мюнхгаузена, не
обнаружена. Воссоздание же максимально точного внешнего облика российских кирасир 30—
40-х гг. XVIII в. требует тщательной реконструкции (на основе новых архивных данных). Тем не
менее возможно дать общее представление о том, как выглядел Мюнхгаузен в интересующий нас
период. Он имел два мундира — строевой (парадный) и всedневный. Строевой мундир: колет из
лосиной кожи (короткий кафтан, застегивающийся на крючки, с отложным воротником,
небольшими обшлагами из голубого сукна или бархата, завернутыми полами, обшитыми по
краям голубой, тканой серебром, шелковой тесьмой); одеваемый под колет голубой камзольчик
без рукавов, обшитый серебряным позументом; лосиные штаны; высокие тупоносые сапоги с
небольшими отворотами и железными шпорами; черная треугольная шляпа, обшитая
серебряным позументом, с белым бантом и золоченой пуговицей на левой стороне; лосиные
перчатки с перерезными штюльпами (отворотами), обшитые серебряным позументом. Сверх
колета одевалась нагрудная лата — железная черная кираса, крепящаяся с помощью лосиных
ремней, с вызолоченной медной оправой, вензелевой бляхой посредине, подложенная замшей и
имеющая бархатную выпушку по краям. Лосиная шпажная португеза обкладывалась по краям
серебряным позументом. По поясу как знак отличия офицеры носили шарф с кистями.
Вооружение состояло из пары пистолетов и шпаги с золоченым медным эфесом. Волосы
убирались в косу, оплетенную лентой, или носили короткий парик с буклями. Повседневный
мундир: кафтан из василькового сукна с голубыми обшлагами и воротником, застегивающийся
до пояса на медные золоченые пуговицы. Вне полкового строя офицер мог также носить
суконные штаны и суконный камзол лосинового цвета с золочеными пуговицами до пояса;
башмаки и чулки. На холодное время и непогоду полагалась суконная васильковая епанча с
воротником, застегивающаяся у ворота на крючок. Конский убор (снаряжение) состоял из так
называемого немецкого седла, мундштучного оголовья с медным посеребренным резным набором;
голубого суконного чепрака под седло, обложенного серебряным позументом; чушек —
суконных крышек (также с позументом), предохраняющих оружие от влаги и надеваемых на
ольстры (кожаные сумы для пистолетов по обеим сторонам спереди седла). См. также прим. 1 к
док. 23. Воспроизводимые в тексте иллюстрации кирасирской униформы отражают в целом
уровень знаний середины XIX в. 11. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 239. Л. 79. Копия с отпуска. 1
См. док. 9. 2 Полянский Авраам, корнет Брауншвейгского кирасирского полка (с 10.10.1737), на
службе — драгуном с 22.04.1722; на 1751 г. — поручик того же полка. 51 3 Вероятно, имеется в
виду поручик Игнатий Ушаков (в 1733 г. упоминается как корнет и полковой казначей
Беве́рнского кирасирского полка). 12. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 251. Л. 14—15 об. Подлинник.
Подпись-автограф. 1 На основе манифеста от 5.11.1740, указа от 13.11.1740, других
законодательных актов, начало нового царствования ознаменовалось некоторыми «милостями»,
закключающимися в том числе в отмене наказания для беглых солдат, драгун, матросов и
рекрутов в случае их явки до декабря 1741 г., а также в освобождении уже сосланных в
каторжную работу с вырезанием ноздрей и расселении их по дальним городам Сибири. 2 Наумов
Федор Васильевич (? — 1760), действительный тайный советник, сенатор, генерал-полицмейстер.
(Указ от 4.11.1740.) 3 Сибирский Сергей Васильевич (? — 27.11.1740), князь, ротмистр
Брауншвейгского кирасирского полка (переведен из корнетов Минихова кирасирского полка
7.12.1732 с чином поручика). 4 Целибияция — празднование, торжество (от лат. *celebratio*). 5
Указ от 25.11.1740. Имеется в виду годовой траур по Императрице Анне Иоанновне. 6 Мурзин

Александр, ротмистр Брауншвейгского кирасирского полка, был пожалован в премьер-майоры за поддержку Брауншвейгской фамилии во время правления Бирона; в 1741 г. определен в Ингерманландский пехотный полк. 7 Одно из редчайших свидетельств, относящихся к периоду русско-турецкой войны, не зафиксированное в полковых историях. Из документов выясняется, что и в конце 1737 г. полк находился в м. Богодухове на Украинской линии (3.11.1737 — инспекторский смотр). Известно, что в марте 1738 г., направляясь в действующую армию, принц Брауншвейгский также делал смотр своему полку, а команда кирасир участвовала в так называемом Бендерском походе к Днестру. Именно с этой кампанией могут быть связаны наиболее вероятные предположения относительно участия пажа Мюнхгаузена в русско-турецкой войне. 8 Четверик — мера сыпучих тел, равная примерно 8 гарнцам. 13. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 13 об. Копия с отпуска. 14. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 251. Л. 31—31 об. Подлинник. Подпись-автограф. 1 Ф. В. Наумов 22.12.1740 был назначен генерал-полицмейстером в ранге армейского генерал-лейтенанта. 2 Мундштук — элемент конского снаряжения, железные удила с подъемной распоркой у нёба. 15. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 38. Копия с отпуска. 16. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 46 об. Копия с отпуска. 1 Ломаков Петр, корнет Брауншвейгского кирасирского полка (произведен из вахмистров 6.02.1741). 2 Крокау фон, Федор, принят 4. 11.1740 из майоров прусской службы подполковником в Брауншвейгский кирасирский полк, получив команду с конца января 1741 г. (до 1748 г. числился в полку). 17. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 251. Л. 59. Подлинник. Подпись-автограф. 1 Игнатьев Степан Лукич (?—1747), генерал-поручик, обер-комендант С.-Петербурга, вице-президент Военной коллегии. (Указ от 2.01.1741.) 18. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 85 об. Копия с отпуска. 19. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 251. Л. 79—79 об. Подлинник. Подпись-автограф. 1 Квартермистр (квартирмейстер) — обер- или унтер-офицер, ведавший маршрутами движения, а также порядком размещения части на квартирах и в лагерях. 2 Указ от 30.01.1741 подтверждал возможность отставки для дворян по выслуге 25-летнего срока или по болезни, а также разъяснял порядок комплектования армии рекрутами. 3 Указ фельдмаршалу Ласси от 21.02.1741. 4 Имеются в виду следующие пожалования: 25.10.1740 — А. П. Баскаков — президент Ревизион-коллегии, Я. Н. Кропоткин — действительный статский советник (далее д. с. с.), Б. И. Бибиков — вице-президент Ревизион-коллегии; 27.10.1740 — А. А. Оболенский — д. с. с., Д. А. Друцкой — д. с. с., И. С. Потемкин — в отставку тайным советником, М. Т. Раевский — вице-президент Юстиц-коллегии, Г. М. Кисловский — вице-президент Камер-коллегии, И. Г. Нащокин — статский советник (далее с. с.); 28.10.1740 — Я. П. Шаховской — д. с. с.; 30.10.1740 — И. Л. Талызин — советник Адмиралтейств-коллегий, К. Н. Зотов — генерал-экипажмейстер, Ф. А. Лопухин — д. с. с., Л. Г. Микулин — д. с. с., А. Ф. Бредихин — д. с. с.; 3.11.1740 — Л. Я. Соймонов — генерал-лейтенант, В. А. Мещерский — с. с.; 6.11.1740 — С. П. Долгоруков — с. с. 5 Миних Бурхард Христофор (Кристоф) (1683—1767), граф, генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии, первый министр. На русской службе с 1721 г.; крупнейший государственный и военный деятель 30-х — начала 40-х гг. Отличился как строитель и инженер (Ладожский канал). В 1734 г. руководил осадой Данцига. В 1735—1739 гг. командовал русской армией в войне с Турцией. Осуществил ряд военных преобразований (в том числе учреждение кирасирских полков). Совершил 8—9.11.1740 переворот в пользу Анны Леопольдовны, арестовав Бирона и его сторонников; занимал до 3.03.1741 ведущее место в государстве. 52 В 1742 г. — сослан Елизаветой Петровной, в 1762 г. — возвращен Петром III. 6 Бутлер фон (де), генерал-майор; в 1735—1741 гг. — вице-полковник Лейб-кирасирского полка; в его бригаду также входил и Брауншвейгский кирасирский полк. 20. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 90—90 об. Копия с отпуска. 1 Экскузовать — извинять, оправдывать (от лат. excusare). 2 Решпехтовать — принимать во внимание (от лат. respectare). 21. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 251. Л. 98—99 об. Подлинник. Подпись-автограф. 1 Указ фельдмаршалу Ласси от 17.03.1741. 2 Лоф — мера веса, примерно 100 фунтов. 3 Имеется в виду Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772), герцог Курляндский, обер-камергер, фаворит Императрицы Анны Иоанновны. С 18.10 по 9.11.1740 — регент при Иоанне III. Арестован Минихом, отстранен от власти и сослан. Возвращен в 1762 г. Петром III, получив от Екатерины II в управление Курляндию. Указ от 2.03.1741 обязывал всех подданных заявить в Тайную канцелярию о находящемся у кого-либо имуществе или деньгах бывшего герцога Курляндского, его братьев (Густава и Карла), а также кабинет-министра А. П.

Бестужева-Рюмина и генерал-аншефа Р. А. фон Бисмарка. 4 Ордер герцога Брауншвейг-

Люнебургского фельдмаршалу Ласси от 12.03.1741. 5 Указ фельдмаршалу Ласси от 13.03.1741. 6 Четверть — мера сыпучих тел, равная примерно 8 пудам. 22. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 114. Копия с отпуска. 1 См. док. 16. 2 Рижская немецкая ратуша — орган самоуправления Риги. 23. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 115. Копия с отпуска. 1 Барс — очевидно, речь идет о звериной шкуре, являвшейся элементом парадного обмундирования кирасирского офицера Брауншвейгского полка. Интереснейший и важный факт для истории отечественной униформологии. См. также прим. 2 к док. 10. 2 Греков Иван, в 1741 г. — корнет и комиссар Брауншвейгского кирасирского полка. 3 Федцов Савва, поручик Брауншвейгского кирасирского полка (с 9.11.1739). 24. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 116—116 об. Копия с отпуска. 1 См. док. 21. 2 Сентенция — здесь: краткое изложение, сущность. 3 Репремандовать — порицать, делать выговор (от фр. *reprimander*). 25. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 251. Л. 106—106 об. Подлинник. Подпись-автограф. 1 См. док. 16, 22. 2 Выплата жалованья (также и представление различных отчетных документов) производилась 3 раза в год — за январскую, майскую и сентябрьскую треть. 26. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 251. Л. 123—124. Подлинник. Подпись-автограф. 1 Ордера герцога Брауншвейг-Люнебургского фельдмаршалу Ласси от 3.04.1741. 2 Фурман — крытая повозка для клади. 3 В связи с обострением отношений между Россией и Швецией служившим в русской армии шведам, если они одновременно числились и в национальной армии, предлагалось сделать выбор в пользу одной из них. 27. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 243. Л. 139—139 об. Подлинник. Подпись-автограф. 1 См. прим. 5 к док. 19. 2 Винтер-квартиры — зимние квартиры, на которых войска располагались после летних лагерей («кампаментов») или военных действий, обычно с конца августа до конца мая. 28. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 138 об. — 139. Копия с отпуска. 1 Промемория — один из видов документов (памятная записка, представление), которыми сносились равные по положению учреждения XVIII в. 2 Генеральный походный кригс-комиссариат создан в 1736 г. для более гибкого руководства комиссариатской частью на местах в условиях военного времени (денежное, вещевое, провиантское, фуражное довольствие). 3 Апушкин Никифор Андреевич, в 1741 г. — полковник, обер-кригс-комиссар. 4 Экзерциция — учение, упражнение. 29. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 251. Л. 152—153. Подлинник. Подпись-автограф. 1 В указах от 7.12 и 15.12.1740, манифесте, опубликованном 4.04.1741, было объявлено о пожаловании участников заговора против Бирона, подвергшихся в октябре 1740 г. преследованиям, арестам и пыткам: А. Яковлев — д. с. с., Л. Пустошкин — полковник, П. Ханыков и М. Аргамаков — капитаны л.-гв. Преображенского полка, И. Алфимов — подпоручик и И. Путятин — капитан л.-гв. Семеновского полка, М. Семенов — ассессор Иностранной коллегии. Деньгами и чинами также были награждены: В. Чичерин, Н. Соковнин, А. Колударов, А. Вельяминов-Зернов, И. Ознобишин, Н. Акинфиев, Ф. Сеченой, И. Власьев, И. Романчуков, А. Мурзин, И. Бровкин, В. Аристов, П. Муравьев, П. Постельников, Я. Милюков, И. Зиновьев, О. Пустошкин, Б. Тырков, Ф. Ушаков. 2 Алексеев Иван, в 1741 г. — вахмистр 1-й роты Брауншвейгского кирасирского полка, на службе с 1.04.1729. 30. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 161 об. Копия с отпуска. 53 1 Камлот — плотная шерстяная ткань. 31. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 166 об. Копия с отпуска. 1 См. док. 28. 32. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 170 об. Копия с отпуска. 1 Во время русско-турецкой войны (не позднее 1738 г.) в состав Брауншвейгского кирасирского полка вошла артиллерийская команда (канонир, 2 фузилера, 3 фурлейта), которая обслуживала 2 трехфунтовые пушки и 2 шести-фунтовые мортирцы. В конце 1745 г. состоялось решение о передаче кирасирской полковой артиллерии в полевую артиллерию. 33. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 251. Л. 196—196 об. Подлинник. Подпись-автограф. 1 Минихов кирасирский полк — первый армейский полк русской тяжелой кавалерии (с 18.11.1731). Назван в честь полковника (шефа) Б. Х. Миниха (сформирован на базе Выборгского драгунского полка); с 31.12.1742 — бывший Минихов кирасирский полк. 2 Левендаль фон, Ульрих Фридрих Вольдемар Владимир (1700—1755), граф, маршал Франции. Отличился в войнах России с Турцией (1735—1739) и Швецией (1741—1743); покинув в 1743 г. русскую службу, прославился как французский полководец. В 1741 г. — барон, генерал-аншеф, ревельский губернатор, полковник (шеф) Минихова кирасирского полка. По ордеру герцога Брауншвейг-Люнебургского от 30.04.1741 до прибытия фельдмаршала Ласси в Ригу Брауншвейгский и Лейб-кирасирский полки поступали под общую

команду Левендаля. 3 Волконский Семен Федорович (1703—1768), князь, генерал-аншеф; в 1741—1748 гг. — вице-полковник Лейб-кирасирского полка (определен по ордеру герцога Брауншвейг-Люнебургского фельдмаршалу Ласси от 13.05.1741 из полковников Пермского пехотного полка на место генерал-майора Бутлера). 4 Указ от 2.05.1741. 34. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 251. Л. 197—198. Подлинник. Подпись-автограф. 1 См. док. 32. 2 Генерал-кригс-комиссариатская контора — структурная часть комиссариатского ведомства, ведала сбором доходов и подушных денег на военные нужды. 3 Караулов Семен Юрьевич, генерал-поручик, член Военной коллегии; участник войн России со Швецией, Турцией, Персией, Семилетней войны, с 1764 г. — в отставке. В 1741 г. — директор Генерал-кригс-комиссариатской конторы; 11.05.1741 пожалован в генерал-майоры. 4 Толча — истолченные сухари. 5 Виттен фон, Иван, секунд-майор Брауншвейгского кирасирского полка (с 29.05.1741); из курляндцев (на российской службе с 3.06.1726), на 1751 г. — премьер-майор того же полка. 6 Бетхер фон, Готфрейд (Готфрид), ротмистр Брауншвейгского кирасирского полка (с 28.01.1734); указами 3.11.1740, 11.04 и 23.05.1741 определен в подполковники Рижского гарнизона. 35. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 189. Копия с отпуска. 1 Темляк — кожаный ремень или тесьма в форме петли с кистью на эфесе холодного оружия для его надежного удержания в бою. 2 Каптенармус — унтер-офицер, отвечающий за состояние оружия и боеприпасов. 36. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 251. Л. 206—207. Подлинник. Подпись-автограф. 1 Шиллинг Григорий, в 1741 г. — премьер-майор Брауншвейгского кирасирского полка (из курляндцев, на российской службе с 6.03.1722); в 1748—1755 гг. — подполковник, командующий тем же полком. 2 Волков Михаил Яковлевич (? — 1751), генерал-аншеф, в 1731—1742 и 1744—1751 гг. — глава так называемой Канцелярии экономии (Канцелярия генерала Волкова), ведавшей приемом и хранением неизрасходованных государственными учреждениями денежных средств. 37. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 197 об. Копия с отпуска. 1 См. док. 32. 2 Регирунгс-канцелярия (немецкая канцелярия) — исполнительно-распорядительный и контрольно-надзорный орган власти местного лифляндского дворянства (во главе с 2 регирунгсратами-советниками), управляющий губернией от имени российского губернатора (за исключением главным образом военных вопросов). 38. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 210. Копия с отпуска. 1 См. прим. к док. 32. 2 Радинг фон, в 1741 г. — генерал-майор, обер-комендант Риги. 39. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 212 об. Копия с отпуска. 1 Сентенция — здесь: приговор военного суда. 40. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 224 об. — 225. Копия с отпуска. 1 Лизандер фон, Иван, ротмистр Минихова кирасирского полка (с 13.04.1741), на российской службе с 1.09.1732. 2 Обеспечение кирасирских полков лошадьми — одна из труднейших проблем, стоявших в 30—40-х гг. XVIII в. перед военным ведомством. До середины 50-х гг. значительная часть конского состава покупалась за границей, например в Голштинии. Мощные и красивые кони (высота в холке от 2 аршин 4 вершков до 2 аршин 6 вершков) стоили 60—80 рублей и требовали кроме того тщательного ухода и качественного фуража. При нехватке лошадей, пока развертывалось отечественное коннозаводство, в Прибалтике и других областях производились 54 закупки более выносливых и дешевых животных (высота в холке от 2 аршин 2 вершков до 2 аршин 4 вершков и даже ниже) стоимостью 30—40 рублей. Помимо повседневных забот, связанных с содержанием лошадей, десятки военнотружущих кавалерийских частей занимались только вопросами конского ремонта. Так, в 1741 г. от Брауншвейгского кирасирского полка при заводе на Украине находилось 47 человек, а при закупке лошадей — 14. См. также прим. 1 к док. 60. 41. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 251. Л. 178—178 об. Копия. 42. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 233. Копия с отпуска. 43. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 252. Л. 6 об. — 7. Копия с отпуска. 1 См. док. 40. 44. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 251. Л. 212—213. Подлинник. Подпись-автограф. 1 Примерно с конца мая до конца августа войска находились в летних лагерях («кампаментях»), где обучались «конной и пешей экзерциции с пальбою». 2 По ордеру фельдмаршала Ласси от 18.09.1741 зимние квартиры Брауншвейгскому кирасирскому полку были определены в Венденском и Дерптском уездах, а лейб-компания — в Риге. 45. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 251. Л. 216—216 об. Подлинник. Подпись-автограф. 1 См. прим. 1 к док. 50. 2 Апухтин Андрей, ротмистр Брауншвейгского кирасирского полка (с 28.04.1738 по 1741 г.). 3 Скаска (сказка) — здесь: запись объяснений. 46. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 251. Л. 215. Подлинник. Подпись-автограф. 47. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 1534. Ч. 2. Л. 249—249 об. Подлинник. Подпись-автограф. 1 Еропкин Дмитрий Федорович

(?—1750), в 1741 г. — генерал-лейтенант, комендант Риги. 2 Тупей — вихор, чуб. 3 Документ

очень интересен не только отражением конкретной ситуации, но и емкой характеристикой рядового состава кирасирской лейб-компании, начиная от физического облика и кончая обмундированием. 48. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 251. Л. 225—225 об. Подлинник. Подпись-автограф. 1 Командиры кирасирских полков настаивали не только на полном укомплектовании своих частей, но и на замене малорослых кирасир. 49. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 246. Копия с отпуска. 50. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 250. Копия с отпуска. 1 В связи с ростом напряженности в русско-шведских отношениях и угрозой войны войска под командованием фельдмаршала Ласси к концу июля 1741 г. были стянуты к Выборгу. Подполковник фон Крокау, получив 26.07.1741 приказ о выступлении из Вендена к Дерпту, 30.07.1741 начал выдвижения с частью полка (400 человек), оставив резерв (400 человек) под командованием премьер-майора Шиллинга. Лейб-компания находилась в Риге. Летом команды от лейб-кирасир и брауншвейгцев (84 человека) были назначены к патрулированию вдоль Балтийского побережья от Риги до Пернова. В военных действиях 1741 г. полк участия не принимал. 2 Торжественные церемонии состоялись: 15.07.1741 — день рождения Вел. Кн. Екатерины Антоновны, 9.08.1741 (в честь взятия Нарвы), 12.08 и 29.08.1741 — дни рождения и тезоименитства Императора Иоанна III, 17.08. 1741 — день рождения Антона Ульриха герцога Брауншвейг-Люнебургского, 5.09.1741 — дарование победы над шведами (в честь взятия Вильманстранда). 51. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 270. Копия с отпуска. 52. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 315 об. Копия с отпуска. 1 Имеется в виду первая крупная победа русской армии в начавшейся войне России и Швеции (1741—1743). Корпус под командованием фельдмаршала Ласси (10 тыс. человек) 21.08.1741 начал наступление от Выборга к Вильманстранду, 23.08 прорвал позиции шведов, разбил отряд генерал-майора Врангеля (3 тыс. человек) и овладел крепостью. Несмотря на возвращение русской армии к Выборгу и усиление шведов, в 1741 г. активных действий с обеих сторон не велось (шведские войска отошли к Фридрихсгаму). За победу были награждены военачальники и офицеры русской армии: фельдмаршал Ласси — 30 гаков земли в Лифляндии, генерал Дж. Кейт — годовая пенсия, генерал-лейтенант Ф. Штофельн — орден Св. Александра Невского и годовое жалованье, генерал-лейтенант И. Бахметьев — годовое жалованье; генерал-майоры Г. Ливен, В. Фермор, И. Альбрехт — ордена Св. Александра Невского, полковник Х. Киндерман — в генерал-майоры; полковники и штаб-офицеры — годовое жалованье; другие участники — повышения в чинах. 53. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 315 об. Копия с отпуска. 1 См. прим. 1 к док. 50. 54. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 316. Копия с отпуска. 55. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 251. Л. 236—237. Подлинник. Подпись-автограф. 1 См. прим. к док. 52. 2 Термин — срок. 3 Рентерия — казначейство. 56. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 282. Копия с отпуска. 55 1 См. также док. 53. 57. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 282 об. Копия с отпуска. 58. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 251. Л. 247—247 об. Подлинник. Подпись-автограф. 59. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 251. Л. 261—262. Подлинник. Подпись-автограф. 60. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 309. Копия с отпуска. 1 Дубель-клеппер (doppel-klepper) — т. е. двойной клеппер (лошадка); распространенная в Прибалтике порода (рост в холке, как правило, от 2 аршин до 2 аршин 2 вершков); хорошо сложенное, быстрое и крепкое животное. 2 Дрешерн Яков, поручик Брауншвейгского кирасирского полка (с 4.02.1741), из курляндцев, на российской службе с 16.10.1733; на 1744 г. — в полку. 61. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 310. Копия с отпуска. 1 Флигельман — наиболее подготовленный нижний чин, правофланговый в подразделении, являвшийся образцом выполнения приемов строевого учения. 62. РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. Д. 253. Л. 313 об. Копия с отпуска. Публикация А. П. КАПИТОНОВА

И. И. Завалишин о русско-шведской войне 1741—1743 гг.

Завалишин И. И. О русско-шведской войне 1741—1743 гг. / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Г. Р. Якушкина, М. М. Якушкиной // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 56—75. — [Т.] VI.

Иринарх Иванович Завалишин родился в 1770 г., был записан в лейб-гвардии Преображенский полк. С 4 июля 1785 г. — прапорщик в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, где пробыл до 10 декабря 1792 г.; в чине капитана перешел в Фанагорийский гренадерский полк А. В. Суворова и к 1795 г. дослужился до полковника.

13 сентября 1799 г. Завалишин был пожалован чином генерал-майора с назначением шефом Таврического гренадерского полка. Командирован Императором Павлом I в Голландию с отрядом русских войск. После возвращения в Россию в 1800 г. впал в немилость и отставлен от службы. При Императоре Александре I назначен военным начальником в Астрахань и инспектором всей Кавказской линии.

В 1805—1806 гг. Завалишин возглавлял экспедицию по Каспийскому морю. В июне 1807 г., во время моровой язвы в Астрахани, усмирал волнения народа против мер, принятых для прекращения эпидемии. По несправедливому обвинению в 1808 г. отставлен от службы. 20 декабря 1808 г. вернулся с чином инженер-генерал-майора в ведомство путей сообщения.

Выйдя в отставку в 1820 г., проживал с семьей в Твери, исполняя поручения по надзору за путями сообщения. Умер в 1821 г. (по другим сведениям, в 1822 г.).

Завалишин известен своей литературной деятельностью. Он автор поэмы «Сувориада», посвященной Суворову, горячим поклонником которого он был, перевода книги «Военная наука, состоящая в правилах и наставлениях знаменитейших воинских сочинителей, собранных Фрешем».

Публикуемое сочинение является первым опытом специального изучения русско-шведской войны 1741—1743 гг.

ВОЙНА МЕЖДУ РОССИЕЮ И ШВЕЦИЕЮ

с 1740го по 1743й год

Несогласия у России с Швециею начались еще в правительстве императрицы Анны Иоанновны¹ Сия государыня, неприязненностию турков на брань вызванная², была крайне недовольна союзом, заключенным между Швециею и Оттоманскою Портою³, кои соединились единственно для того, чтоб противодействовать видам и намерениям Петербургскаго двора. От сего произошло запрещение вывозить в Швецию хлеб⁴, без коего они подвергались крайнему недостатку. 1740 год.

Собранной в Штокгольме Сейм представлял единое только словопрение. В нем были две различные партии: одна имяновалась шляпошниками, состоящая почти из всего шляхедства, военнотружущих, чиновников и некоторых сенаторов, и жаждала войны; а другая, имевшая главою самого короля, и называлась колпашниками. Она заключила в себе степенных и пожилых людей, благоразумных вельмож, о могуществе России достаточными и верными сведениями обладающих. Сия настояла беспрестанно в том, что мир и доброе согласие соблюдать надобно и нарушать было опасно, предвидя по опытности своей те гибельныя следствия, кои другим, пустым надмением исполненным, казались невероятны и несбыточны. И пока сии спорующияся партии занимались доведением Сейма к одному мнению, в то время российской кабинет, чрез министра своего извещаемой о всех подробностях их тайных совещаний в Сенате и комитетах происходивших, не опускал брать надлежащия предосторожности к приведению в оборонительное состояние тех из границ своих, которые с Швециею были сопредельны.

Партия шляпников и с своей стороны не усыпала. Она внушила шведскому посланнику Нолькену⁵, при Российском дворе находящемуся, что войны желает дворянство не без причины, то ежели верховной глава Швеции показывает себя по наружности от оной отвращающагося, то единственно для того, чтоб оной дать лутчей вид и тем учинить ее важнее и законнее, что весь народ оной требует. И только нужна одна убедительная причина о слабости России, что сия

империя со временем прошедшей войны, Карлом XII столь неудачно произведенной^б, имеет на умы некоторых из шведов такое влияние, коего без яснаго и уверительнаго от него министра донесения ничем преодолеть не можно. Воспоминания Полтавскаго сражения еще сильно действует на сердца многих. С таковыми речми были подсланы к Нолькену преданные Сенату люди, истинные пользы своего Отечества с молотка всякому продать готовые, а министру чего оставалось больше и требовать. Он бывшими таковыми советами оболещен или обманут, соответствовал в полной мере коварным видам злобствующих и несмыслие среди чертогов Сейма, гадательно пожинающих победы неопытных своих соотечественников. Донесения его к шведскому двору на счет^{*} России были такового рода, что российская армия совсем изтощена походами противу турков, что полки, потерявши в буджатских и очаковских степях своих старых салдатов, ныне состоят почти из одних рекрутов, кои насилиу и ружьем владеть умеют, что некомплект во всем войске простирается почти до половины, что флоты, после Петра I^{го} в небрежении оставленные, почти все огнили от долговременнаго стояния в гаванях, что морские чиновники и матросы, не имея практики, от службы отвыкли, и другия подобныя оным уведомления заставили впоследствии и осмотнительнейших шапошников поколебаться.

Целой оной год прошел в бесполезных негосиациях и предложении посредничеств, кои Швециею враждою бышущею^{**} все были отклонены и отринуты. Готфы расказами и уверительностию шляпошников ослепленные, дышали войною, не принявши ради произведения оной надежных мер. Так то бывает везде, где не внемлет разсудку долговременным упражнением в делах и опытностию усовершенному.

Швеция, стремящаяся разорвать мир с Россиею, не имеет в Финляндии не достаточнаго количества войск, ни добрых и надежных крепости, ниже снабденных продовольствием магазинов: она, ставши обманутою, мнит победить Россию с горестию людей; надеется на наши запасницы и предполагает возвратить отторгнутые свои провинции и уничтожить одним походом то, что дватцатилетнею войною, неоднократно знаменитыми победами ознаменованной, Петр Великий создал, возрастил и на чем, окоренив, утвердил свое владычество. Но сия есть общая участь всех тех, которые хотят умствовать, не имея ума. Естли бы здравой разсудок и обдуманная дальновидность в начинаниях и делах нами руководствовали, а паче в лице тех, коим провидение вверило правление над народами, то не происходило бы в свете столько бед и злключений, каковыми все века и были и будут исполнены, ибо люди никогда страстям работать не престанут.

В сие время наша армия имела к предводителству своему двух больших генералов: графа Миниха⁷ и Лассия⁸, кои оба были уже фелдмаршалами, они походами своими снискали уже себе доверие от войск и уважения от двора и общества. Бирон⁹, особа у императрицы Анны более других в доверии находящаяся, хотя и был неприятель всякаго дарования, а паче патриотизма, однако ж чувствуя себе внутренне к началству на войне неспособным, к тому ж опасаясь оставить двор, при коем ради жестокости своей был всеми ненавидим, чтоб не быть заочно с занимаемаго им поста свержену, и против воли своей сих обеих фелдмаршалов ласкал и поддерживал, стараясь посредством их иметь на своей стороне и армию. Миних был послан в Кронштат для приведения оного в безопасность. Гарнизон онаго был умножен десятью тысячами пехоты, не забыта была и Финляндия. Выборг, Кексгольм и Шлиссельбург были усилены войском. В первом заведены болшия магазины. И вся граница, тем же Минихом обозренная, приведена в надлежащую оборону. Флоты карабельной и гребной изготовлены к сооружению. Часть Кронштатскаго гарнизона для десанта долженствовала быть посажена на последний. Советования начальников сухопутных и морских определили, как надлежало действовать, естли бы шведы приступили к разрыву мира, за сохранение коего никому более поручатся уже было невозможно.

Кончина императрицы Анны Иоанновны послужила поводом ко многим переменам в России. Потомство Петра Великаго сею последнею правительствовавшею государынею было от престола отдалено и перенесено в поколение царя Иоанна Алексеевича¹⁰, ея родителя, чрез

объявление сперва наследником, а по смерти и императором Иоанна Антоновича¹¹, 1740. 28 октября, коего малолетство доставало Бирону случай захватить в свои кровожаждущие руки всю верховную власть. Он происками и убеждениями своими довел покойную императрицу до того, что она по кончине своей во время младенчества Иоанна Антоновича до 16-летнего его возраста объявила Бирона регентом Российской Империи, отчуждая от правления мать его герцогиню Мекленбургскую Анну Петровну¹². Бирон сколько могущ и страшен ни был, однако ж чувствовал, что власть его основана на зыбком элементе. С самых первых дней его правления Петербург узнал, что мстительная его душа никакого предела для себя не имеет. Забрание под стражу, ссылки, утеснения не преставали поражать сердца и умы каждого россиянина. Но для Бирона все сие казалось еще недостаточным. Ему по примеру всех похитителей хотелось, чтоб и потомство его окоренить на сем славном престоле, на котором знаменитое колено Рюриково столь продолжительно царствовало.

Император Иоанн, яко младенец, приверженными Бирону окруженный, никаких препон замыслам его положить не мог. Он боялся только общественной ненависти и герцогини Анны Петровны. Ее хотел он сбить с рук, в чем может быть предупредил бы, естли бы умел выиграть истинную дружбу фельдмаршала Миниха, коего он оскорбил и против себя поставил, отказавши возвести его на степень генералиссимуса.

Бирон был тою же болезнию заражен, как и Меншиков¹³, коему хотелось выдать свою дочь за императора Петра III¹⁴, а сына женить на царевне Елисавете Петровне¹⁵. Бирон предполагал достичь до онаго иным образом. Он умыслил сперва женить болшаго своего сына на сей же царевне, а потом дочь свою выдать за герцога Голштинскаго и, призвавши его в Питербург, разрушить духовную императрицы Анны Иоанновны, и перенести престол опять в колено Петра Великаго, а Иоанна Антоновича, яко неправильно возведеннаго, объявя свергнутым, отослать к родителям его в Германию. В таковых замыслах был погружен самолюбивый и злодейством упоенный Бирон, когда роковой час его ударил. 1740. 20 ноября, и он посреди глубокой ночи бывши Минихом арестован, потерял в одну минуту и власть, и свою свободу. Герцогиня Мекленбургская Анна Петровна объявила себя правительницею, над Бироном произведен суд, по коему он лишен был всех своих достоинств и имения и сослан в Сибирь. Но недолго и Миних ползовался своим случаем. Услуги его скоро были забыты, власть его ограничена и, наконец, доведен он был до того, что попросил отставку, которая против чаяния ему и последовала.

Когда все сие в Петербурге происходило, в то время продолжался в Штокгольме Сейм, коего все советывания и поступки предвозвещали о неукоснительном разрыве мира с Россиею. Петербургское министерство долго пребыло в том мнении, что невозможно Швеции объявить России войну, не имея средства с выгодною производить оную. Сия уверительность была еще остаток того духа величия, каковым век Петра Великаго всех преисполнил. Прав(да), что пятнадцать лет слабого и переворотнаго правления, из рук в руки преходящаго, довели было отечественныя ополчения и паче морскую силу до того, что шведы может быть имели и основательную причину при неудовольствии всех умов, видевших себя совершенно иностранцам поработенных, надеятся от войны с Россиею приобретения каких-нибудь выгод. Однако ж и то есть неоспоримая истинна, что русские и на рейных кораблях и по морям ходить и драться умеют. Шведской министр по повелению своего двора оставил Петербург. 1741. 15 июня. И хотя отъезду своему и давал предлогом, будто домашния его дела онаго востребовали, однако ж тому не верили. На Сейме решительно определено объявить России войну.

Правительница, получивши последния о сем известия, не упустила взять надлежащия предосторожности. За фельдмаршалом Лассием и генералом Кейтом¹⁶ посланы были нарочные. Между тем, в военном придворном совете, в коем поистинне ни одного генерала не было, кроме министров и придворных, положено было собрать армию и разделить оную на части. Самая главная долженствовала действовать в Финляндии под начальством Лассия и генерала Кейта. Другая предъозначалась для Ингермоландии, коей главной пост был у Красной Горки ради недопущения сделать десант, естли бы шведы на оное покусились. Третья имела в виду охранение Естляндии и Лифляндии. В сие время генерал Кейт в Петербург прибыл. И получивши

наставления, занял первой лагерь под Осиновою Рощею, в двадцати верстах от столицы.

Между тем усилия в Швеции войны желающих и французские луйдоры произвели то, что в Штокгольме война России была формально объявлена. 1741. 1 августа. За главные причины, побудившие к оной, были выданы «учиненное запрещение вывозить из России в Швецию хлеб, исключение царевны Елисаветы Петровны Голштинскаго герцога от Российскаго престола и неограниченная власть, каковую иностранцы над российскою нацією себе присвоили и прочее».

Французской двор, ведший брань с Австрийским, ничего не щадил к возбуждению шведов против Отечества. Он предполагал в том свои выгоды, чтоб Россию занять и чрез то недопустить вмешаться в дела Венскаго двора. Ухищренная политика Версальскаго кабинета всегда для нас была неприязненна.

Шведское правительство по объявлении нам войны и хотя приняло было строгия меры к недопущению о сем в Россию известия, 1741, однако ж Петербургской двор, чрез прибывшей из Швеции один купеческий корабль в Либлену в самой час публикации с рейды Гангамской вышедшей, получа о том уведомление, отправил немедленно курьера к генералу Кейту, под Выборхом уже стоящему, чтоб и он, опубликовавши манифест против Швеции, начал немедленно против оной военныя действия. 24 августа. Вслед за сим и фелдмаршал Лассий, прибывши в Финляндию, принял над армиею главное начальство. Он, осмотревши оную, пошел к Вильмонстранту. Гористое местоположение сей страны не позволяло иначе учредить марш, как в одну колонну, коею надлежало идти по дороге, у коей по сторонам везде находились каменные скалы, лесом покрытыя, либо глубокия овраги, протоки, озера и болота. Такова есть вся Финляндия. Не сыщешь в оной ни единого места, на коем бы можно было поставить в одну линию хотя шесть баталионов, конница в оной бывает мало полезна, там во всех сражениях пушки и егеря имеют наибольшее участие, и у кого вернее глазомер, кто умеет занять лучшую позицию, обладает большим хладнокровием и лучше своего противника ведает о местном расположении земли, тот и выигрывает. Одна храбрость тут мало пользует, лбом стены не прошибешь. В Финляндии каждая гора, всякой камень может служить за ретраншамент, а всех не перештурмуешь. И без выше приведенных средств и познаний никаких успехов получить невозможно. Упрямство усугубит только напрасную трату в людях. Цельные выстрелы артиллерии, исправной приклад, решимость, обходы и добрая диспозиция при отаке, а при обороне стойкость ни одни увенчивают здесь лаврами. Нигде дисциплина войска и знания генерала столько не нужны, как воюя в сей земле. Без оных на каждом шагу делаются погрешности и невозвратимыя, сколько мы видели тому крморов в последнюю войну со шведами.

Шведская крепость Вильмонстранд, на берегу озера Саймы лежащая, имела до 600 человек гарнизону. Ускоренное выступление наших войск воспрепятствовало неприятелю изготавиться к обороне своей страны надлежащим образом. Шведы по совокуплении всех своих сил, в Финляндии тогда находившихся, составили два корпуса, каждой из четырех тысяч человек под командою генералов Врангеля и Буденброка¹⁷. Первой находился к Вильмонстранту ближе последнего. Все прочие войска поземельныя и регулярныя были в то время еще в марше, а ожидаемыя из Швеции хотя и оказались на виду берегов, но не были высажены. Фелдмаршал Лассий, желая воспользоваться сими обстоятельствами, предпринял учинить нападение на раздробленнаго неприятеля на каждую часть порознь. Начавшие действия атакою Вильмонстранда, 1741. 1 сентября, о слабости коего он довольно был известен. Наша армия вступила в шведские пределы, не встретивши на границе и во внутренности оной по дороге ни единого вооруженнаго шведа, кроме нескольких чухон, по лесам укрывающихся, которые и были первые вестовщики, доставившие вильмонстрантскому коменданту уведомление о походе российских войск. Безпечность коменданта сего города столь далеко простиралась, что он не прежде узнал о приближении нашей армии, как в то время, когда она, подошедши к городу, в шести верстах от онаго лагерем расположилась. Подосланной ночью неприятельской патруль осмотрительным часовым был принят за предшествовавшей шведскому авангарду. Он по нем выстрелил и произвел в лагере тревогу, которая скоро была унята. Несколько наших драгунских лошадей испугавшихся оторвались от коновезей и побежали по дороге к городу. От одной

неприятельской караул, стоявшей за две версты от крепости, услыша в лагире нашем выстрелы и

чуя приближающейся к себе топот лошадиной, принял оной за наступающей на него наш отряд, почему опрометью ударился бежать к городу. Драгунския кони, наскочавши на оной, смешались с караульными и прежде, нежели при впуске успели поднять мост, они в город вбежали. Испуганные шведы тогда толко опознали напрасной свой страх, когда усмотрели среди крепости бегущих лошадей без всадников. Естли бы фелдмаршал Лассий, остановившись столь близко от крепости, по причинении неприятелю незапным своим появлением изумления, попытался в ту ночь произвести на Вильмонстранд и в самом деле по аске, может быть завладел бы он сею крепостию прежде, нежели неприятель о наступе его проведаль. На войне минуты дороги, ночная темнота равняет слабого с сильным: при оной и муха, кажется, покажется слоном. В предприятиях сего рода иногда и излишняя отважность бывает бесполезна. На другой день 1741. 2 сентября армия наша приблизилась к городу, заняла свой стан у деревни Армила, верстах в двух от крепости находящейся. Фелдмаршал Лассий и генерал Кейт под прикрытием одного баталиона пехоты и двух сот конных гранодеры рекогносцировали город и его окрестности. Около половины того же дня нашими передовыми пикетами обозрено было приближающееся к Вильмонстранду неприятельское войско. Ето был корпус генерал-майора Врангеля, которой, известившись о подступлении нашем к городу, пришел к оному на помощь, 3 сентября, давши знать о том и генералу Буденброку. Фелдмаршал, получивший сие известие, тот час приказал армии подвинуться вперед и занять высоты напротив неприятельских. А естли бы не застигла ночь, то еще того же дня дошло бы дело до сражения. Но распространившейся мрак удержал обе стороны. Наши войска, оставя достаточную стражу на высотах, вошли под вечер в свой лагерь, а шведы остановились на занятом ими под пушками города весьма выгодном местоположении. Фелдмаршал Лассий находился в великом недоумении не зная, один ли корпус Врангелев пред ним находится, либо и Будстберхов к нему же присоединился. В первом случае он был сильнее и мог на все отважиться, но в последнем надлежало иметь крайнее благоразумие и осторожность, ибо за стеною в Выборхе не оставалось ничего и понадеялся было не на што. Неравность земли скрывала неприятельскую позицию, она была причиною, что невозможно было сделать верного ближайшаго заключения о настоящей силе сего деташамента. И когда командующий по зрелом разсуждении, не хотевши себя бесполезно отважить, намеревался отступить к Выборху и брал нужная для сего меры, в то время чрез шпионов получено было известие, что Буденброк находится еще в сорока верстах. Фелдмаршалу Лассию более сего ничего не было и не надобно. В предприимчивости у него недостатку не было и решимости в нем не недоставало, он предопределил неприятеля атаковать. Баталия при Вильмонстранде. Созванные на великой совет начальники все были согласны на его мнение, почему около второго часа пополудни 4 сентября армия пошла на неприятеля разными колоннами. И как неприятельская позиция была скрыта, то фельдмаршал не зделал к отаке никакого особеннаго распоряжения кроме того, чтоб нападающия части хранили должную связь общаго ордера баталии и не вводили бы резервы в дело без крайней нужды. Предоставивши себе и генерал Кейту учить оное по занятии высот, пред неприятелем лежащих и нашими оберегаемых, драгуны, по местоположению бывши бесполезны на правой, шли по левой стороне, где лес был не так густ. Два гранодерския полка следовали на переди и заняли место против середины неприятельской позиции.

Генерал Врангель, о приближении нашем извещенный, поставил свой корпус по откоску горы, учредя в центре своей линии на высоте большую батарею. Левое его крыло было примкнуто к глубокому рву, под ружейными выстрелами с крепости находящемся, а правое распространялось до небольшой деревни, позади коей, несколько уступя, в малой долине поставлены были его драгуны. Наши войска, учредившись под шведскими ядрами на высотах, открыли и свои батареи. Между тем генерал Кейт, в центр находившейся, приказал вдруг гранодерским полкам под командою полковников Бальмена и Ломана, спустившись, атаковать центральную шведскую батарею, немалой вред нашей линии наносившую, полкам же Ингермонландскому и Астраханскому велено было оную атаку подкреплять. Полковник Манстейн¹⁸, сею подсадною линиею предводительствовавшей, долженствовал притом наблюдать, чтоб передовые не были взяты во фланг, а при удобном случае приказано было и ему, полагаясь вправо и влево, распространить атаку и по всему неприятельскому фронту. Вскось

подавал вправо и влево, распространить атаку и по всему неприятельскому фронту. Жестокость места не позволяла из стоящего наперед леса выходить и каково, как фрунтом по две роты

устроенным. К тому ж надлежало спускаться в крутой овраг, позиции обеих войск разделяющий, восходить на горы под всею жестокостию неприятельского картечного и мушкетного огня. Наши гранодеры, несколько покушений сделавшие, много убитыми и ранеными потерявшие и лишившиеся своих начальников, пришли от того в некоторую разстройку и начали было отступать, как генерал Кейт, приметивши оное благовременно, приказал полковнику Манштейну, выступивши из леса, атаковать неприятеля в левое его крыло. Сие повеление было тот час исполнено и столь решительно, что неприятельское крыло от первого залпа дрогнувши, штыков не дождалось, но показавши тыл, побежало к городу. Во время сего произшествия на правом нашем крыле, в центре и на левом делалось совсем противное. Шведы, приметивши разстройство в наших гранодерах, захотели оным воспользоваться и учинить нечто решительное, не зная, что делалось на их левом крыле. Они, спустившись вниз с занимаемой ими высоты, устремились было за нашими в штыки, в то время, когда Манштейн, почти до гласиса достигший, с застием* нашей пехоты правое их крыло атакующей, очутились, так сказать, у начинающего торжествовать их центра, в тылу и во фланге. Едва Лассий сие приметил, то и приказал подсадам подкрепить своих гранодер и преследующих встретить. Шведы, неблагоприятным движением лишившись выгодного своего положения, не могли сделать ни малейшего пособия опрокинутому своему левому крылу, ниже противоборствовать наступающим на них резервам. Притом обзревши свою опасность, пришли в беспорядок. Гранодеры оправились, и наши генералы, усмотревши оной наступ, свой усугубили. Сражение было жарко и кровопролитно.

Потеря шведов:

4600

3300 убитых и раненых

1300 в полон взято

4 штандарта, 12 знамен, 12 пушек

Потеря русских:

2363

526 убитых

1837 раненых

Линия их Манштейном была взята во фланг и с тыла, наконец, около пятого часа как горою, так и батареею овладели. Неприятель болшею частию был побит и изранен, самое малое количество спаслось бегством.

Фелдмаршал Лассий, окончавши полевое дело, отправил за бегущими вслед часть своей кавалерии, а сам с пехотою обратился тотчас с крепости, приказавши оборотить неприятельские пушки и произвести из оных по городу кононаду. Пред начатием оной послан был в крепость барабанщик с требованием здачи оной, но неприятель онаго не опустил и вопреки воинских законов с валов убил, чиня безпрестанную по нашим стрельбу. Фелдмаршал Лассий, таковым поступком коменданта огорченной, под сильным огнем из своей артиллерии повел войски на штурм и крепость сию взял приступом. 4 сентября в 7 часов пополудни. Из всего гарнизона кто не был убит, тот был ранен или достался в полон. Разбитые остатки Врангелева корпуса и последние тут погибли.

Естьли разсудить о превосходстве позиций шведскаго генерала, крепостию местного положения усиленной. и безвыгодах наших. то нельзя не отплатить справедливо похвалы российским генералам

и храбростию войска. Притом заслуживала бы одобрение и мужество неприятеля, когда бы он

имел больше стойкости и умел бы лучше сохранить дарованное ему щастием преимущество. Но такова есть общая доля всякаго сражения, что потеря онаго бывает завсегда причиною либо ошибка, либо искусство полководца, либо большая храбрость, дисциплиною укрепленная, противнаго войска. Без сих трех обстоятельств после боя не оставалось бы обыкновенно никого, кому бы можно было возгласить и тебе бога хвалим. Тогда боевая пуля представила бы ни что иное, как кладбище, трупами человеческими усыпанное. Ибо две армии, не учиня ошибки, бывши предводительствуемы генералами в искусстве друг другу не уступающими, сражающимися с равною храбростию, до тех пор дрались бы, пока не требились до последнего. У храброго надобно меч выбить, иначе он его не покидает, следственно надлежит его либо убить или так изранить, чтобы он уже владеть оным силы не имел. Но храбрый салдат и лежа обороняется. Он думает, что два века не жить, а смерти не миновать.

Потеря сего сражения и крепости Вильмонстрандской стоила генералу Буденброку головы. Его обвиняли в том, что он не подал надлежащей помощи Врангелю, которой, однако ж, всему злу был единственною причиною. Он, стоявши поблизости границ, не имел ни одной партии в поле и о разведывании о наших движениях столь мало пекся, что естли бы не воспоследовала в русском лагире тревога, то Лассий мог бы прийти к Вильмонстранду прежде, нежели он о марше его получил уведомление. Что неоспоримая истинна, что естли слишком заботливая бдительность служит иногда в обременение войску; то не менее и над меру уверительная безопасность соделывается весьма часто гибельною. Когда бы генерал Врангель менее полагался на себя и более бы видал достоинства в своем неприятеле; то мог бы о приходе нашем быть извещен ранее полусутками; а сие было для общаго дела шведской короли* великой важности потому, что он получил бы удобность известить о том благовременно генерала Буденброка, которой имел бы время прибыть к нему на помощь прежде, нежели он Лассием был разбит. Но генерал Врангель из всего вышеупомянутаго ничего не зделал, а только оставивши занимаемой им пост даже и без повеления своего командующаго генерала пошел к Вильмонстранду; которой отнюдь не в таком худом был положении, чтоб не мог выдержать трехдневной обороны. Тем более, что комендант онаго в разсуждении блискаго нахождения их войска в поле мог надеяться на скорую помощь и чрез то и защиту города долженствовал производить упорнее. Сколько бы фельдмаршал Лассий ни желал утеснить крепость, однако ж невозможно было бы ему так оную окружить, когда он знал, что чрез таковое положение мог себя оставить между двух огней, имея за спиною неприятеля сильнейшаго, нежели весь корпус его армии. Пускай бы Врангель к Вильмонстранду и двинулся, но не надлежало бы ему к самому городу подходить, а остановится в некотором отдалении и чрез то давая время Буденброку к нему присоединится. Мог бы он своим положением держать фелдмаршала Лассия в недоумении, коему в таком случае ничего бы инаго делать не оставалось, как только отойти на час к Выборху, ибо и провианту было взято не весьма много, и фельдмаршал не захотел бы по своему благоразумию отдать что-либо безразсудно на отвагу. Но генерал Врангель может быть слишком неумеренно и поспешно желал приобрести лавровых венков. Буденброк же был его старее, следовательно, соединившись с ним, уже все частельные успехи отнеслись бы к нему. Станется и то, что он предполагал наш корпус слабее, нежели каков он был в самом деле, а командующаго генерала менее решительным и искусным. А оттого и сделал превеликую и непростительную погрешность, каковые и всегда случатся с теми, которые общую пользу меняют на частную и собственныя свои еще гадательныя выгоды предпочитают государственным.

Фелдмаршал Лассий, снабдивши Вильмонстранд достаточным гарнизоном, с остальными войсками отступил в свои границы и расположился на самом том месте, на коем армия до поиска прежде лагерем стояла. Двор не был доволен тем, что фелдмаршал Лассий отступил к Выборху. Ему хотелось, дабы он компанию продолжил и чтоб напал на Буденброка, коего корпус в самом деле был крайне напуган. А после бы шел к Фридиксгаму и старался бы, пока шведския войска не были еще соединены, бить их по частям. Выполнение таковаго плана было дело невозможное. Естли у Лассия оставалось провианта толко на шесть дней, то ничто не препятствовало ему приказать повести онаго из Выборха. К тому ж и Вильмонстрантская крепость доставалась в руки

приказать подвести онаго из Выборга. К тому ж и Вильмонстрандская крепость досталась в руки не с пустыми магазинами. Недостаток в продовольствии, возмущение сил от сражения и прочих

откомандировок, кажется, были предлоги слабые, коими Лассий хотел только закрыть потаенные свои виды. В прочем, корпус еще был в полтора раза превосходнее Буденброкова, и хотя он и выдавал за причину своего отступа, что не имел учрежденного порядочного подвижного магазина, что, подавшись без онаго на дальнейшие действия, мог, наконец, ощутить недостаток в пропитании, естли б неприятель, как было и вероятно, в своем лагере его не дождется, а поведет за собою далее во глубину земли, что хотя бы Буденброк и за Кюмен ушел, то, не имея при себе осадной артиллерии и не бывши вспомоществуем гребным флотом, Фридрисгамскую крепость, при морском заливе лежащую, атаковать было бы ему невозможно. Что когда бы он с столь малым числом войска, каковое у него было далеко за неприятелем, да знамя*, не имея сзади себя никаких подсад, ниже надеясь вскорости получить оные из Петербурга, а неприятель между тем, спеющими к нему войсками усилившись, когда бы на него, отделенного от своих магазинов, напал, то мог бы он потерять весь корпус и чрез то уничтожить самопроизвольно добрые начала, при открытии войны последовавшие. Со всем тем оными доводами можно было ему убедить толко одних министров, о возможностях на войне мало сведущих. Двор был ими, равно как и тогдашним двором. Все его поступки**. А в самом деле Лассий, может быть, имел совсем другия сокровенные виды к прекращению военных действий, и, может быть, он ведал, что в Петербурге нечто затевается и долженствует произойти в непродолжительном времени, почему на всякой случай и хотел с войском быть от столицы поближе. Фелдмаршал, поручивши команду над армиею генералу Кейту, и отбыл в Петербург. Наша армия оставалась в поле до 8 ноября и после нескольких мало значущих стычек, партиями произведенных, когда получено было известие, что шведской генерал Левенгоупт¹⁹ армию свою из 23 700 состоящую распустил по зимним квартирам; то и генерал Кейт сделал тоже и с своею и сам по позыву двора ради присутствия на военных советах касательно до действий будущей компании был отозван ко двору. 65 Между тем генерал Левенгоупт с самага своего приезда в Финляндию не преставаля изыскивать всякия средства, кои бы доставили ему случай приобрести оружие своего государя удовлетворение за урон, на Вильмонстрандском сражении им понесенной. Когда он сведал, что генерал Кейт разставил свою армию по винтер-квартирам и сам уехал в Петербург; то и почел сие время самым удобнейшим к учинению нападения на наши границы. Он, собравши ближайшия свои войска, вошел с оными внезапно от стороны Фридрисгам в наши рубежи и, понудя обвещательныя наши порты к отступу, занял главную свою квартиру в Секиярви. Притом не упустил опубликовать и разсеять по нашей Финляндии манифест, в коем между прочем упомянул, «что Швеция нимало не намерена вести войны с российской нацією, что вступила в оную единственно для того, чтоб освободить руской народ от чужестраннаго ига и доставить ему средства избрать себе законнаго государя». Под сим названием разумелось здесь колено Петра Великаго в особе царевны Елисаветы Петровны как ближайшей наследницы отечественнаго престола. Сие может быть некоторым образом и справедливо, что императрица Елисавета I, видевши себя неправильным образом от трона удаленную, честной и родителю ее толико преданной и верной руской народ под бременем иноплеменных утесняемой, по испытанию и уверительности в неприязненном к себе расположении дворов венскаго и лондонскаго, из под руки при помощи версалскаго двора требовала от шведскаго, чтоб он ей способствовал достигнуть до кормила государственнаго правления; но она не имела ни малейшаго намерения получить оною открытою силою, ибо против лукавства потребны были хистрость и денги, а не внешнее нашествие вооруженных сил. Да и в состоянии ли Швеция с своими малыми средствами употреблять такая меры, которые приличны и свойственны одним только сильным государствам. Правительство наше однако ж не пренебрегло таковым известием, всем полкам, в Петербурге находящимся, дано повеление быть в готовности к походу в Финляндию, и генерал Кейт тотчас поскакал в Выборг в ночи 24 ноября, а на другой день в сей столице произошла та важная и великая перемена, коею покойная государыня Елисавета Петровна при помощи трехсот человек избранных и верных сынов Отечества на 25-е ноября возвела с собою на императорской престол поколение Петра Перваго, мудраго преобразителя России. Императрица, по кроткому нраву желая государствование свое ознаменовать доставлением России мирных и безмятежных дней и тем несколько изцелить глубокия раны, не столько внешними войнами, сколько частыми

переменами правления ей нанесенные, приказала фелдмаршалу Лассию остановить военные действия и заключить со Швецией безсрочное перемирие, 1742, пока обстоятельства позволяют

приступить к соглашениям о настоящем и прочном мире. Когда все сие происходило при берегах Невы, в то время в Штокгольме упоевались наиласкательнейшими мечтаниями. Шведское правление мнило, что императрица всем ему одолжена, а потому и не преминет быть признательною, хотя в прочем на оную никакова права не имели, ибо при открытии войны была бита, а со впадением Левенгоупта в пределы российские едва не отвлекла из Петербурга и те войска, без помощи коих и перемена правления последовать бы не могла. Россия, потерпевшая толико бедствий от наследия царя Иоанна Алексеевича, давно была готова принять и признать своею владычицею дочь вселюбезнейшаго своего просветителя Петра Великаго, ее возродившаго, превознесшаго. И естли бы сердца и умы всех россиян не были к сему колену привержены и к Елисавете I-й душою прилеплены, то возмогла ли бы сия государыня с тридцатью человеками, за коими после и прочие последовали, произвести 66 такой переворот, при коем не пролилось ни единой капли человеческой крови. Итак, возведением своим императрица никому не была обязана благодарностию, кроме как только самому рускому народу, которой при первом слухе о принятии оною правления повсеместно признал ее своею законною государынею, видя в ней образ обожаемого им Петра. Сие то мечтательное предположение Швеции и было причиною неумеренных ее требований, непосредственно Франциею подкрепляемых, которая по бытности ее царевною естли деньгами ее чрез министра своего и снабжала, только делала сие не из доброжелательства к особе императрицы, но надеялась чрез то при удаче выиграть ее благорасположение и отвлечь Россию от сближения с Венским двором, к коему имела непримиримую вражду. Что ж принадлежит до участия ее в подкреплении требований Штокгольмского кабинета, то сие делала, может быть, для того, чтоб умалить некоторым образом возросшую силу России, либо предвидя, что влияние оной на дела императрицы будет не долговременно, почему хитрая политика ее кабинета и взяла другой оборот, и внушила Штокгольмскому кабинету надменную мысль попросить Выборга с его уездом, бывши внутренне уверена, что с ответом будет отказ и затем последует и разрыв перемирия. Следственно Россия будет занята и оставит ее на свободе управляться с Австриею. И в самом деле императрица и слышать не хотела о таком предложении, вознамерившись твердо, яко достойная дочь Полтавскаго победителя, из отечественнаго своего достояния победами блаженной и вечно незабвенной памяти ее родителя умноженнаго, не уступать ни одной четверти земли. Почему продолжавшееся дотоле перемирие между обеими государствами рушилось, и в Финляндии вновь начались военные действия малою войною. 1742. 1 марта. Фелдмаршал Лассий по деятельности своей желал уже и зимою учинить поиск на Фридрихсгам по льду от Нарвы, но наставшая пред выступлением назначенных в сию экспедицию войск оттепель тому воспрепятствовала. Лассий сколько ни имел наклонности открыть компанию ранее обыкновеннаго, но за недостатком подножного корма, не прежде половины мая в Финляндии появляющегося, не мог того исполнить. Со всем тем он дал повеление всем полкам, под начальство его назначенным, чтоб собрались к Выборгу в исходе апреля м(еся)ца. И в то же время приказал разсеять по Финляндии объявления, коими финны увещевались не слишком полагаться на обнадеживание шведов, но от них отложиться и пристать к той стороне, которая, бывши несправедливым образом отакована и имея в руках своих более средств, может тем вернейшее доставить им покровительство. Финны, по сию сторону Кюмени обитающие, хотя и немного умны, но ясно выразумели всю важность делаемаго им внушения и как будто предвидели, что приемля обнадеживания России, тем повинуются законной своей государыне. Получаемые посредством их известия о состоянии неприятеля были большею частию верны и справедливы. Левенгоупт, о таковом расположении их проведавши, стал им не доверять, а чрез то и лишился способов узнавать о том, что в армии нашей делалось. Сие немало послужило к приобретению над ним последовавших успехов. Не меньшую Левенгоупт сделал ошибку и в том, что по соглашении о перемирии развел свое войско на зимняя квартиры в места столь от границ отдаленныя, что оным при надобности вскорости и собратся было невозможно, а во Фридрихсгаме и окрестностях его оставил не более 6000 человек. Он так был уверен о заключении скорого мира, что пренебрег и ни зделал даже и самых нужных распоряжений, покушение на сию крепость и дальнейшия наши действия приостановить могущия. В конце мая

фельдмаршал Лассий, учинивши смотр полкам, на зборное место под Выборг сошедшимся, с 28 батальонами пехоты, тремя кирасирскими, 300 конной гвардии, 6 гранодерскими полками, тремя гусарскими, 2500 казаков 67 и приличным числом полевой артиллерии, всего в 35 000 выступил в поход по Фридригсгамской дороге. На 43 гамрах и кайках находилось 10 000 пехоты, кои, следуя шкерами, ход свой соразмеряли с движениями береговой армии. Флот наш, в первую компанию из портов своих непоказавшейся, на нанешнее в числе 12 линейных карабелей и нескольких фрегатов получил повеление выйти в море под командою вице-адмирала Мишукова. Он большова дела не зделал, или лучше сказать ничего, ибо всегда противные ветры не допускали его атаковать флот шведской, хотя оной был и гораздо слабее нашего. А из старых боевых морских офицеров Петра Великого находилось уже очень мало, и то одни престарелые от долговременной и деятельной многотрудной службы при сем российском Нептуне, трудами и дряхлостью изнуренные. Когда Лассий пошел к Фридриксгаму, 1742-го 18 июня, в то время отправил генерал-майора Веделя с кавалерийским detaшментом, из 600 драгунов и 1000 гусаров состоящим, к Вильмонстранду; с таким предписанием, чтоб он от сего города шел по Валкурской дороге и, не доходя до Утинского урочища, поворотил бы к Фридриксгаму, соразмеряя свой марш с движениями главной армии посредством разведывальщиков; и нашествием с той стороны нанес бы неприятелю, под Фридриксгамскою крепостью стоящему, большую заботу, заставивши думать, что поставляют его между двух огней. Не отделил бы сего отряда Лассий, так сказать, на жертву неприятелю, естли бы не был уверен, что шведы в разсуждении своего разсеяния (ибо многия из их полков в сии время еще из квартир своих не выступали) нималого вреда оному причинить не в состоянии. Поход главной армии был расположен по дороге, идущей недалеко от морского берега. Гребной флот вез продовольствий для оной. Армия маршировала следующим порядком. Авангард оной составляли легкая конница с драгунами, кирасирами подкрепляемой, за ним шла артиллерия в провожании пехоты, что и составляло кор де баталии. В арьергарде следовали другая половина драгунов, но Лассий, усматривая, что положение страны требовало инова ордера, порядок путевого марша переменил и послал вперед пехоту как род того войска, коим одним в Финляндии только и можно действовать. Кто ведает о тактической системе вождения войск тогдашних времен, тот не удивится, что в страну каменистую и горами исполненную введено было такое необъятное количество конницы, для службы в оной вовсе бесполезной. В том веке педанство систематиков сильно действовало над умами генералов. Армии по большей части сооружались министрами одними класическими правилами, древних афинских военнучителей наполненными, а о практике и о том, на какой земле и каким войском действовать надобно, мало кто имел надлежащее сведение. Донесения генерал-майора Веделя дали знать фелдмаршалу, что шведы находятся в крайнем замешательстве от столь незапного наших войск на себя наступления, что они с великопоспешностию укрепляются при Мендолаксе, от Фридриксгама в 35 верстах по дороге к Выборху лежащем, что всем войскам их посланы повеления ускорять походом, что корпус их состоит из семи полков конницы и девятнадцати полков пехотных. Наконец, что сии войска как от зимы, так и от форсированных маршей очень изнурены и много потерпели. Между тем к главной армии, не выдавшей в глаза ни одного неприятеля по нескольких переходах, и генерал-майор Ведель присоединился. Он во время своего поиска не встретил никого, кроме одной шведской партии, в 30 человеках состоявшей, кою наголову погиб*. Чрез несколько дней он был вновь отправлен вперед по дороге для примечания неприятельских движений. 68 Когда дошли до реки Вереибки 30 июня, то фелдмаршал, пока строили на оной мост, усилил армию свою еще двумя гранодерскими и двумя мушкатерскими полками, снявши оные с судов. Генерал-майор Ведель чрез шпионов проведал, что 4000 войска и сам генерал Левенгоупт в Мендоланск прибыл и что стоящая недалеко от берегу их галеры могли доставлять ретрашменту всякия пособия, почему фелдмаршал и приказал генерал-порутчику Бреслю с частию российского гребного флота итти на неприятеля и стараться их галеры атаковать либо принудить занимаемое ими положение оставить. Сам же с армиею подвинулся вперед и в десяти верстах от ретраншаменты лагерем остановился. Отсуда фелдмаршал ездил рекогносировать неприятельский окоп, которой нашедши весьма крепким как от натуры, и так и по искусству, ибо правое его крыло примыкало к морю, а левое к большому озеру, между густым лесом, вдающемся в непроходимыя болота. Притом наведывался у проводников, не находится ли каких обходов или окружных дорог, во внутренность его довести могущих. И хотя и не

получил от них удовлетворительного ответа, однако ж атаковать его вознамерился. Две дороги к нему сопровождали. Не успел еще Лассий с армиею выступить, как от передовых постов

получил известие, что окоп шведами оставлен, 1742-го 6 июля, что неприятель, конечно, предвидевшей на себя нападение, из онаго ночью выбрался и бежит к Фридригсгаму. Тот час отправлены были за ним в погоню легкия войска, но как он имел к отступу своему довольно времени, чтоб взять перед, то посланные и настичь его не могли. Наша армия того же дня стала в неприятельском ретраншаменте лагерем. Чем более фелдмаршал разсматривал положение и укрепления сего поста, тем удивительнее казался ему поступок шведскаго генерала, что он без бою покинул столь превосходное и крепкое положение, осиление коего стоило бы нам, может быть, весьма дорого, естли бы он предприял его оборонить как следовало. На другой день фелдмаршал Лассий подвинулся далее и седмаго числа поставил свой лагерь пред Фридрисгамом. Сия крепость лежит на возвышении между морским заливом и болотистым озером. По ту сторону оной стоял с корпусом генерал Левенгоупт, от коего гарнизон мог получить всякое пособие. Сколько ни трудна казалась осада таковой крепости, однако ж Лассий оную произвести вознамерился. В ночи с 9-го на 10-е число положено было открыть праншею*, но шведы того не дождались. Они, зажегши город, его оставили, что не прежде было усмотрено нашими, как поутру. Занятие Фридригсгам 10-го июля. Фелдмаршал, вступивши в крепость, послал было легкия свои войска вслед за неприятелем, толко за скоростию его отступа даже и ариергарда его догнать не могли. Вильмонстрандское сражение поселило в шведов панический ужас, коим видно был объят и сам генерал Левенгоупт, потому что нигде держатся не отваживался и бросал такия укрепленные места, не зделавши к обороне их ни единого выстрела, около коих иной бы генерал заставил постучатся гораздо нарочитое время. Фридригсгам был так хорошо укреплен и столь достаточно снабден всякими припасами, что было бы не без труда и не без потери овладение оным. Левенгоупт как будто нарочно делал ошибку за ошибкою. С оставлением сей крепости он потерял уже всю страну до самой Кюмени и заведенной в оной великой магазиин. Лассий, введши во Фридриксгам нужной гарнизон, пошел за неприятелем, которой нигде не хотел дать боя и ретировался из поста в пост, даже за Кюмень, у коей несколько было позадержался, но скоро и от оной отступил к Буго. 12 июля. Фелдмаршал по первом о сем известии тот час приказал навесьть 69 чрез реку мосты, по коим на другую сторону и переправился. 13 июля. В сие время прибыл от двора курьер с повелением прекратить на сию компанию все военные действия и, учредивши по левому берегу Кюменя кардон, армию расположить в окрестностях Фридриксгама, почему Лассий созвал тотчас всех генералов на военной совет. Мнения были различны, одни советовали поход продолжать, а другие поддерживали, что, несмотря ни на что, указ императорской следовало выполнить. Наконец по многим советыванием было покорено, что естли бы двор знал вернее обстоятельства настоящих дел и ведал бы, с какой робостию неприятель уклоняется от встречи с нами, все бросая и всем жертвуя своему спасению, то всеконечно не дал бы никогда такова повеления. И что как уже переправа сделана и к успешным впредь действиям все меры были приняты, а потому и должно пользоваться приобретенными над неприятелем выгодами и преследовать его даже до самаго Гельзинфорса, взять сей город и его порт и тем компанию кончить, расположа армию по зимним квартирам вокруг онаго города. В следствие чего армия вступила по дороге к Буго и, маршируя по пятам неприятельским, не могла никак его довести до дела. 16 июля. Он из всех своих крепких позиций, заранее ретрашаменстами снабденных, иных едва ли приступных, ни в одном не держался по приближении наших, но все оные бросал, ретируясь безпрестанно к Гельзинфорсу, куда и российская армия за ними последовала. 18 июля. Еще того же вечера один фанской* крестьянин, пришедши к фелдмаршалу, объявил, что шведская армия, бывши поражена неимоверным страхом, не намерена и тут дать боя и защищать крепкой свой ретраншамент, но, выбравшись тихонько, предположила отступить к Абову, в чем ей, однако ж, легко воспрепятствовать можно. Естли он, фелдмаршал, только захочет словам его поверить и обнадежить его своим покровительством, во всяком бы другом случае можно было таковыя разказы принять за ухищрения со стороны неприятеля, что он, подославши лазутчика, хочет попытаться завести под засаду либо изведать намерения предводителя. Но скоропоспешная и торопливая ретирада Левенгоупта и войска его боязливость оправдывали предложения поселянина. Почему он был обласкан и наделен щедро золотом. Тогда он открыл, что сквозь лес есть дорога, которую еще Петр Великий во время войны сделать приказал, и что оную легко

исправить можно, вырубив только кустарник, в продолжение 30-ти на оной лет выросший, и что сия дорога идет с другой стороны леса на большую, лежащую из Гельзинфорса к Абову, по

которой шведы ретироваться были намерены. Лассий, обыкший на войне ничем не пренебрегать, обратил на оное все свое внимание. Тотчас отправлены были инженеры с сим проводником, кои, осмотревши оставленную дорогу и возвратившись, донесли главнокомандующему, что дорога действительно есть и что исправить ее скоро возможно. Фелдмаршал не медля нимало послал туда генерала Левендаля с 64-ю гранодерскими ротами и 4-ю батальонами пехоты, которой еще до разсвета рапортовал, что путь очищен и что он, прошедши по оному, занял свой пост на Абовской дороге и начал его укреплять. В четыре часа поутру вся наша армия выступила из своего лагеря, а в 6 часов с генералом Левендалем соединилась. Едва только она заняла свое место, то и увидели появившейся шведской авангард, 19 июля, которой, обозревши наши войска, крайне тому удивился, что нашел на таком месте, на коем быть их совсем не чаял. Тогда Левенгоупт пришел в совершенное изумление, ибо к уходу оному все пути нашлись пресечены. Ему ничего не оставалось более делать, как толкно либо пробиться сквозь нашу армию со шпагою в руках, или возвратиться к Гельзинфорсу в свой ретраншамент 70 и там предать себя неизвестности, бывши отрезанным со всех сторон. Таким образом, фельдмаршал отважным и решительным своим характером, занявши Абовскую дорогу, лишил шведов всякого сообщения с их магазинами и тем отнял у Левенгоупта всякую надежду получить какое-либо сухим берегом вспоможение и привел его в такое положение, по коему уже от сражения ему никак избежать было невозможно. Правда, мог бы он получать на некоторое время пособие себе с моря, но и там подоспевшей наш гребной флот запер его и с сей стороны, так что кроме малых судов к Гельзинфорсу или в Саборгу иным прохода не было. Естли бы Левенгоупт был предприимчив и храбр, то, ставши доведен до положения отчаянного, мог бы решиться на что-нибудь отважное, но тогда и прежния его поступки были бы инаковы. Между тем штокгольмской двор, беспрестанно получающий худыя и неприятныя для себя из Финляндии известия, был столько генералом Левенгоуптом недоволен, то дал повеление как его, так и Буденброка арестовать и привести в Штокгольм для произведения воинскаго суда, а команду над войсками поручил генерал майору Бускету. Когда все сие в шведском ретраншаменте происходило, в то время Лассий, имевший о состоянии дел в оном некоторое сведение посредством своих шпионов, не преставал делать виды, будто окопы атаковать намерен. Сия замашка и примеченныя к тому приуготовления ослабевших духом шведов столько испугали, что они к бою совсем охоту потеряли, в разсуждении чего и прислано было от них к фелдмаршалу предложение, что естли угодно будет, то они готовы сдать на капитуляцию, которая тем охотнее была принята, что Лассий довольно ведал, в каких силах был еще неприятель, он едва ли пятьюстами человеками превосходил того, которой сдать ему желает. И так надлежало быть весьма умеренну и снисходительну, дабы не довести до отчаяния столь могущаго еще противника. И когда дан был им благоприятной ответ, в то время от нашей стороны назначен был генерал Левендаль, которой с шведским генералом заключил и постановил следующую капитуляцию: 1742, 4 августа 1. Десяти финским полкам, находящимся в шведской армии, положить ружье, драгунским полкам отдать своих лошадей российским комиссарам и каждому возвратится в свою деревню. 2. Все магазины, полевую артиллерию и ружья, находящиеся в Гельзинфорсе, так же отдать российским комиссарам, а шведам дозволяется взять из магазинов столько провианта, сколько надобно им будет на дорогу до Швеции, причем оставлена им полковая артиллерия. 3. Инфантерию посадить на шведския галеры и другия суда ради отвозу в Швецию и генерал-фельдмаршалу Лассии дать им для безопасности в пути пашпорты. 4. Шведской кавалерии итти в Швецию по Торновской дороге в провожании однако ж одного российского капитана и шестидесяти гусаров. Все пункты оной капитуляции были исполнены, финны, отдавши свои ружья и лошадей, возвратились восвояси весьма довольными, что остались с целыми руками и ногами и не обязывались более служить в такой войне, в которой кроме несчастий и бед ничего не испытали. Можно сказать, что естли бы шведами не овладел сей непонятной страх, то число их, из 14 000 в день капитуляции состоящее, было почти равносильно нашей армии, от оставленных гарнизонов, от откомандировок к Тавастгусту, вверх по Кюменю и больными на половину почти умалившейся, не так бы легко было преодолеть в крепком их лагере, достаточною артиллериею снабженном, как то вообразить себе можно. Но наянливость и твердость в намерениях фелдмаршала Лассия были столь велики,

что они одни, так сказать, преодолели все 71 сии многотрудные преграды. Одним словом, поступки шведских генералов в продолжение оных двух компаний были так странны, непонятны и несоответственны с обыкновенным порядком на войне бываемых произшествий, что потомки с трудом сему поверят. Всконечно, начальство генерала Левенгоупта были чудно и несообразно с званием его, но ежели вникнуть хорошенко в подробность внутреннего состояния его армии и рассмотреть средства, каковыя ему к управлению оною были предоставлены от шведскаго правительства, то ясно увидим, что сам и стокгольмской двор был первою причиною, от коей дела* его в Финляндии текли безуспешно. С начала назначения Левенгоупта в предводители шведской армии, правда, снабден он был полномочием, но впоследствии кабинету, или, лучше сказать, государственным чинам, пришло в голову учредить при армии его уродливой военной совет, в котором сверх генералов и полковники заседали. Все дела в оном решились по большинству голосов, и командующий генерал не больше в оном имел, как король на сейме, только один голос по примеру всех прочих. Таковое многоначалие могло ли произвести что-либо доброе! Заседания онаго сопровождались беспрестанными прениями и спорами. Каждой из присутствующих хотел предлагать свои мнения и, почитая их за наилучшия, не преставаля другим противоборствовать. Недоброжелатели Левенгоупта подбирали голоса, и одни другим только что противоречили. У них нередко доходило до того, что совет, разделившись на две половины, принужден был посылать свои разсуждения на апробацию в Швецию, а между тем драгоценные минуты к получению видимых и ощутительных выгод протекали**, и генерал, не имевши большинства голосов совета, без повеления двора ничего предпринять был не в состоянии. Когда же приходило из Штокгольма решение, в то время переменявшиеся обстоятельства уже произвести того не позволяли, разве к явной своей невыгоде. Несогласие между шведскими генералами в их армии возрасло до того, что при настоящем положении их дел и самой искусной полководец, бывши таким образом связан по рукам и по ногам, не без труда бы мог оною командовать и произвести что-либо важное и государству полезное. Таким образом, по выпровождении неприятельских войск вся шведская Финляндия до самого Абова и Нийтата стало армии нашей открытие. Генерал Кейт, с знатным корпусом вперед отправленной, занял Абов и всю страну и поставлен в оной губернатором. Знатная часть галернаго флота оставлена в Свеабуре, наилучшим шведском порте при Гельзинфорсе лежащем, несколько галер послано в Фридригам, а достальные возвратились в Санктпетербург. Половина армии под начальством генерала Кейта расположилась в завоеванных неприятельских провинциях, частию по городам, частию по селениям, а прочия войска пошли на зимния квартиры в свою землю. Сам же фелдмаршал поехал ко двору. Сим окончалась единою твердостью и неизмеряемым усердием и приверженностью к трону генерал фелдмаршала Лассия ознаменованная оная славная компания, которая в летописях России долженствует занимать не последнее место. Под начальством сего то знаменитаго полководца герой наш граф Румянцов, будучи капитаном, получил первоначальныя наставления в ратном деле и приобрел опытность, коя впоследствии ставши усовершенна в наилучшей школе, каковую только иметь было возможно, сопровождала его к тем победам, коими он себя вознес и достиг до бессмертия. 72 КОМПАНИЯ 1743-го ГОДА 1743 год. Кабинет штокгольмской и шведской сенат, толикими бедствиями обуреваемые, делали разные поступы, домогаясь чрез оныя мира. Они отправили ко двору нашему поверенным полковника Лагеркройца с кредитивою, однако ж неполною, ради негосияции, но как заключенная им с министрами нашими конвенция ни королем, ни сенатом одобрена не была, а новыя их предположения не преставаля в себе заключать повторение прежних гордых и несообразных требований, то царствующая благополучно императрица Елисавета Петровна, по возстановлении совершенно внутреннего в России спокойствия, принялась наидеятельнейшим образом и взятии тех мер, кои к низложению враждебных неприятельских замыслов были нужны, вознамерившись продолжать войну и вооруженною рукою принудить шведское правление к принятию такова мира, каковой она ему предписать пожелает, чрез то наказавши их за коварство, отнять охоту у других, естли бы кто восхотел посягнуть на отеческое ея достояние. Елисавета I-я никогда не забывала, какая кровь течет в ея жилах и над каким народом бог поставил ея главою и повелительницею. Она твердо помнила сие святое правило ея родителя, «что кто желает мира, тот должен быть сильно вооружен и готов к войне». Все сухопутныя войска и морския ополчения, против шведов назначенныя, получили заблаговременно от военного департамента

повеление быть к походу в совершенной готовности, питербургские запасницы снабдили изобильно всеми припасами магазейны финские, и наступательная война морем была определена.

Фелдмаршал Лассий составил и нам компании*, которой ея императорское величество во всем его пространстве апробовала. Он был объявлен главнокомандующим против шведов как на сухом пути, так и на море, и самой карабельной флот под начальством адмирала Головина, из 17 линейных караблей и нескольких фрегатов составленной, был подчинен его ордеру. Сам же фелдмаршал должен был предводительствовать генеральным флотом, и при содействии карабельного приказано было ему внести оружие в сердце самой Швеции. 12 мая. Скоро потом фелдмаршал Лассий со всем своим флотом, заключающим в себе 36 галер и 70 кончубасов и каек с месячным провиантом, с Кранштатской рейды вышел в море, 1743-го 18 мая имея на борте восемь гранодерских рот и девять полков пехотных. Обстоятельства сего по шкерам похода не несоответствовала ожиданию фелдмаршала. Хотя он по многим препятствиям от противных ветров и за неимением хороших лоцманов и прибыл наконец к мысу Гангуту, но, обретши при оном шведской карабельной флот, им был в дальнейшем движении остановлен. Несколько неприятельских караблей проход заграждало. Тщетно Лассий старался изыскивать способы принудить неприятеля оставить занятое им выгодное место, но как галерам с кораблями, коих было 12, не считая фрегатов, драться было невыгодно, то все его усилия и оставались бесполезными. Наконец положено было на военном совете, 1743. 8 июня фелдмаршалом собранном, ожидать прибытия со флотом адмирала Головина и предоставить ему очистить подлежащий к дальнейшему плаванию проход, двумя шведскими кораблями особенно стрегомый. Около вечера получил фелдмаршал от адмирала Головина донесение, что он со флотом находится в десяти только морских милях от шведского флота и уже приуготовился его атаковать, что неминуемо и произведет в действие, как скоро способной к сему случай ему представится. Но сей случай был столько упрям и медлителен, что фелдмаршал начал уже писать к нашему адмиралу, когда либо явился. 73 Почему Лассий простоявши бесполезно на одном месте и на виду неприятеля коего в лице у себя он никогда терпеть не обык. Несколько недель таковым бездействием наконец наскучил и послал к адмиралу вторичной ордер, чтоб он неминуемо шведской флот при Гангуте атаковал, однако ж и сие повеление лучшего действия не возымело. Головин его не послушал и ссылался на морской Петра Великого регламент, в коем российским флотам запрещено, чтоб никогда шведскому флоту не давать баталии, естли не будет трех российских караблей противу двух шведских, а как имел он только 17 против 12, то в предписанное число одного корабля и не доставало. Из сего фелдмаршал ясно увидел, что естли он будет надеяться на помощь карабельного флота, то у Гангута достанется ему поджавши руки простоять до самой зимы. Он всячески старался убеждать адмирала, дабы довести его до того, чтоб он неприятеля атаковал, в чем казалось, что несколько и предупредил, ибо Головин к усилению своему потребовал от него 14 кончубасов. Шведы, приметивши отправленные от галерного к карабельному нашему флоту кончубасы, вынувши якоря и легши под паруса, хотели их перехватить. Такое их намерение понудило и Головина, снявшись с якоря, сделать к прикрытию кончубасов с кораблями некоторые движения. Лассий внутренне тому радовался, что кончубасы сии яблоко раздора, возбудило, так сказать, в обеих флагманах охоту друг к другу сблизиться. Оба флота, построясь на боевые линии, подались от берегов на глубину моря, куда последовали и стрегущия форватер два шведския корабля. Лассий, от взора коего ни что не укрывал, лишь только о сем известился, то, не пропуская ни одной минуты, тем и воспользовался и с галеры его зделал сигнал, чтоб весь гребной флот тотчас снялся с якоря, в предписанном для похода порядке следовал бы его движениям. Отдаление неприятеля от Гангута способствовало фелдмаршальскому предприятию. Он со всем своим гребным флотом обогнул благополучно Гангутской мыс 1743. 18 июня, около вечера был уже по ту сторону оного. Между тем оба флота, находясь в ордере баталии один против друга далее пушечного выстрела, до самого вечера только что друг на друга просматривали. Поднявшейся туман скрыл их из вида. Из средины оных у берегов слышал было несколько выстрелов, коими и все дело окончилось. Шведы, видя себя в таком малом числе в разсуждении нас, не разсудили за благо дожидаться в том же положении восхождения дневного светила, но при темноте ночной под туманом взяли свой румб прямо на Кальскрону и без дальних обиняков в оную убрались, благодаря от всего сердца графа Головина, что он их отпустил с целыми руками и ногами пользоваться жизнью и тем, чем бог

каждого благословил. А наш флот, в боевом порядке до утра пребывавшей, когда по ободнянии никого более пред собою не усмотрел и увидевши оставшимся и удержавшем место мнимой сей

баталии, почел себя победителем и, ради поправления повреждения в такелаже, пошел и сам к Гохланду, при коем и пробыл до заключения мира. Чрез трое суток фелдмаршал с своими галерами присоединился у Сутпона к стоящему там с частию гребного флота генералу Кейту. 1743. 23 июня. Он до прибытия фелдмаршала делал с оным многия поиски, гоняясь за шведами, но флотилия их завсегда от вступления в дело уклонялась, а как она хорошо ведала шкеры, в коих все оныя движения происходили, то и имела по известности мест ощутительное пред нами преимущество, следовательно, и могла легко от сражения отыгриваться, даже до того самого дня, когда она, получа из Штокгольма достаточное подкрепление, наконец, сама пред Кейтовою флотилиею явилась и его в заливе при Корпо атаковала. Во всю войну это только и был один случай, при коем шведы осмелились учинить нападение на российские войска. Морское сражение при Корпо. Генерал Кейт, коему о прибывшем 74 к неприятелю усилении было не безизвестно, как начальник осторожной, до присоединения к нему главного гребного флота малую свою часть на удачу отважить не хотел, почему и избрал сие место как наиспособнейшее к обороне за свое боевое поле. 31 мая. Берега онаго залива укрепил так, что шведы по жестоком и продолжительном усилении и огне, от всей их линии на некоторую толко часть из его судов произведенном, не могли ничего выиграть и принуждены были отойти назад с весьма знатным уроном. После сего генерал Кейт, исправивши некоторые повреждения в своих прамах, и сам было вознамерился их отаковать, 1743. 4 июля, однако ж противные ветры тому препятствовали. Между тем все приведено было в порядок, и Кейт, поднявши паруса, пустился было на неприятеля, но он, отрубивши свой якорь, опрометью побежал назад. Непонятен был для Кейта таковой поступок неприятельской, он, не изследывая оной, сделал сигнал, чтоб за оным всей флотилии гнаться. Однако ж суда шведские или были лучше, либо, как говорит, что у страха глаза велики, то может быть, что они парусам и веслами еще подмогали, только достичь их не было возможности. Кейт, усмотревши, что люди его уматались и что он находится против весьма выгодной бухты, со всею флотилиею в оной вошел, 1743. 4 июля и, познавши все ея преимущества, не преминул входы ея укрепить батареями, поставивши на них орудия, с судов снятыя. В сем месте пробыл он до самага присоединения к нему фелдмаршала Лассия, и пока гребной наш флот из Кронштата плыл, в то время пытались шведы делать на финляндския их берега, сухопутными войсками нашими занятыя, разныя покушения, но все оныя добрыми распоряжениями Кейта и подчиненных ему генералов отсюда были отбиваемы и до выполнения их предприятий не допущены. Фелдмаршал Лассий, получивши изустное уведомление от генерала Кейта о всех происшествиях, в Финляндии случившихся, между тем как в Абовете съехавшиися на конгресс министры обеих воюющих держав, уловляя друг друга, советовались о мирных соглашениях, делал над неприятелем различныя, но малозначущие происки, потому что шведской галерной флот завсегда тщательно избегал от схватки с нашими, и когда он был занят дальновидным планом, могущим принудить шведских поверенных в делах к отзывам решительнейшим, в то время прибытие его, и без того произведшее великое влияние на конгресс, скоро решило и самую участь войны. Фелдмаршал Лассий, готовившейся к дальнейшему походу, получил вдруг от генерала Румянцова и прочих министров, с нашей стороны на конгресс бывших, формальное извещение, что накануне того дня между обеими договаривающимися сторонами чрез обоюдных поверенных и полномочных министров их прелиминарные пункты были заключены и подписаны и что между ими до заключения окончательнаго мира условленность о перемирии, как на суше, так и на водах, вследствие чего фелдмаршал и послал во все места свои повеления, дабы повсюду с получения сего всякия воинския действия были прекращены, и кто где находился, там бы до будущаго приказанья и оставался. Прелиминары были для России весьма выгодны. Они содержали в себе то, что Швеция уступает вечно России Кюменегорскую провинцию с крепостью Фридригсгамом, уезд Вильмонстрандской и город, уезд Нейшлотской и крепость Нейшлот и что река Кюмень к западу должна составлять границу между обеими государствами. Граф Петр Александрович, ради многих сведений его при конгрессе в Абовете находившейся, отправлен был ко двору с возвещением о сем щастливом событии, за что, равно как и за службу свою, в продолжение сей войны оказанную, императрицею был пожалован в полковники и в последствии получил Астраханской пехотной

полк. 75 ПРИМЕЧАНИЯ Рукопись хранится в РГВИА (ВУА. Д. 1626). Текст печатается с сохранением языковых и стилистических особенностей начала XIX в. Даты и примечания,

сделанные автором на полях, воспроизводятся в тексте курсивом. В начале рукописи — карандашная надпись: «Сочин. ген.-маера Завалишина». 1 Анна Иоанновна (1693—1740), Императрица (1730—1740). Дочь царя Иоанна Алексеевичу вдовствующая герцогиня Курляндская. Возведена на престол Верховным тайным советом. 2 Русско-турецкая война 1735—1739 гг. Велась Россией (в союзе с Австрией) для пресечения набегов крымских татар и за выход к Черному морю. Русские войска под командованием Б. К. Миниха взяли Азов, Очаков, Яссы, дважды занимали Крым. Окончилась Белградским миром в 1739 г. 3 Союзный договор между Швецией и Турцией был заключен в 1739 г. 4 Беспощадный вывоз из России в Швецию хлеба, пеньки, льна и мачтового леса предоставился в соответствии со стокгольмским союзным договором, заключенным 22 февраля 1724 г. на 12 лет и продленным еще на 12 лет 55 г. 5 Нолькен Эрих Мариас (1694—1755), барон, шведский посланник в Петербурге (1738—1741), активный участник событий 1741 г., впоследствии канцлер и президент гофгерихта, высшей судебной инстанции. 6 Северная война 1700—1721 гг. между Россией (в составе Северного союза) и Швецией за выход к Балтийскому морю. Полтавская битва 27 июня (8 июля) 1709 г. окончилась полным разгромом шведов и бегством Карла XII в Турцию. Остатки шведских войск сдались у Переволочны. Война завершилась в 1721 г. Ништадским миром, по которому к России отошли Эстляндия, Лифляндия, Ингерманландия, часть Карелии. Россия обязалась уплатить Швеции денежную компенсацию и возвратить Финляндию. 7 Миних Христофор Антонович (Бурхард Кристов) (1683—1767), военный и государственный деятель. 8 Ласси Петр Петрович (1678—1751), генерал-фельдмаршал. 9 Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772), граф, фаворит Императрицы Анны Иоанновны. 10 Иоанн Алексеевич (1666—1696), сын Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской. По требованию стрельцов в 1682 г. должен был царствовать с Петром. Был слаб здоровьем, поэтому не принимал участия в управлении государством. 11 Иоанн Антонович после смерти Анны Иоанновны в 1740 г. был объявлен Императором под опекою матери Анны Леопольдовны. 12 Речь идет об Анне Леопольдовне (1718—1746), дочери герцога Мекленбург-Шверинского Карла-Леопольда и его супруги Екатерины Иоанновны, внучки царя Алексея Михайловича. Была увезена в Россию, воспитывалась Анной Иоанновной. 3 июля 1739 г. была обвенчана с принцем Антоном-Ульрихом (1714—1774), герцогом Брауншвейгским. 13 Меншиков Александр Данилович (1673—1729), ближайший сподвижник Петра I, генералиссимус. 14 Петр II (1715—1730), сын царевича Алексея, царствовал с 1727 г. по 1730 г. 15 Елизавета Петровна (1709—1761), Императрица (1741—1761), дочь Петра I. 16 Кейт Джеймс (Яков) (1696—1758), генерал-аншеф, фельдмаршал прусский. Брат Георга Кейта, наследственного лорда, маршала Шотландии. С 1728 г. — на русской службе в чине генерал-майора. В 1741 г. вызван из Малороссии, где был гетманом, для участия в войне со Швецией. В 1747 г. уходит в отставку и уезжает из России. Поступает на службу к Фридриху II. Избирается почетным членом берлинской академии (1749). Убит в сражении при Гохкирхине, похоронен в Берлине. 17 Буденброк Генрих Магнус — с молодых лет на военной службе. В 1741 г. командовал корпусом. Был обвинен в измене. Обезглавлен в Стокгольме в 1743 г. 18 Манштейн Христофор Герман (1711—1757), адъютант фельдмаршала Миниха во время русско-турецкой войны (1735—1739), впоследствии полковник. Автор мемуаров о России. 19 Левенгаупт Адам Людвиг, граф, шведский генерал-лейтенант, сеймовый маршал, главнокомандующий шведскими войсками в Финляндии. 20 Ведель Карл Генрих (1712—1782), генерал-майор, во время русско-шведской войны командовал кавалерией. В Семилетнюю войну генерал прусской армии. Войска под его командованием были разбиты Салтыковым при Кроссене и Циллихау. С 1761-го по 1779 г. — военный министр Пруссии. Публикация Г. Р. ЯКУШКИНА, М. М. ЯКУШКИНОЙ

Письма М. И. Кутузова к Ж. Б. Траверсе

Кутузов М. И. Письмо Траверсе Ж. Б., 26 августа 1807 г. // *Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах.* — М.: Студия ТРИТЭ:

Je vous remercie beaucoup, mon cher Admiral, pour votre lettre du 18 de ce mois, selon les nouvelles de Petersbourg il parait certain que nous avons evacue la Moldavie et la Valachie. On dit meme qu'il y a des ordres a cet egard; Monsieur Michelson est mort, dit-on ce que vous devez savoir mieux que nous, c'est pour la cinquieme fois peut-etre qu'on tue cet homme, je voudrai que cette derniere nouvelle fut un mensonge comme les autres; on dit encore que l'Empereur quitte Petersbourg le huit du mois prochain pour faire une tournee dans ses armees. Voila tout ce que nous savons; beintot il n'y aura plus de nouvelles importantes a donner, la guerre etant finie des deux cotes mais j'espere que notre amitie ne changera pas.

Je suis avec une estime que je vous ai vouee depuis longtemps et un attachement sincere votre
tres humble et obeissant serviteur

le 26 aout 1807

Koutousoff

Перевод:

Я Вам очень благодарен, мой дорогой адмирал, за Ваше письмо от 18 числа сего месяца, из петербургских новостей кажется достоверным, что мы покинули Молдавию и Валахию, говорят даже, что есть повеление на этот счет, сказывают, что господин Михельсон⁴¹ умер, это вы должны знать лучше, чем мы, наверное, это уже пятый раз, как его убивают, мне бы хотелось, чтобы и эта очередная новость была бы ложной, как и другие; поговаривают, что Государь собирается покинуть Петербург 8 числа будущего месяца⁴², чтобы осмотреть свои армии. Вот и все, что нам известно; более не предвидится вскорости важных новостей, хотя война и закончилась с обеих сторон, но я надеюсь, что наша дружба не переменится.

Остаюсь с уважением и искренней преданностью, кои я к Вам испытываю на протяжении всего нашего знакомства,

покорнейший и преданнейший слуга

26 августа 1807

Кутузов

Кутузов М. И. Письмо Траверсе Ж. Б., 15 июля 1807 г. Киев // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 89. — [Т.] VI.

Il n'y a plus de nouvelles interessantes a vous donner mon cher Admiral, mais notre correspondance ne doit pas cesser pour cela. Ce qui pourrait exciter un peu l'attention actuellement, c'est le parti du Danube, il faut voir comment cela finira; il y a toute une division ici, la 16 nommement qui est prete a marcher de votre cote, mais qui attend des ordres.

Je vous remercie beaucoup pour le maitre constructeur que vous m'aviez envoye; mais les circonstances etant changees vu la paix, je l'ai renvoye apres lui avoir paye ses progonis. Le prix qu'il m'a dit existant a l'Amiraute chez vous est trop bas pour que j'y puisse envoyer mes planches et poutres toutes faites et toutes taillees, et il faudra qu'ils fassent le voyage a Dantzic ou le gain est sur.

Je suis avec un attachement parfait et une estime inviolable de Votre Excellence le tres humble et tres obeissant serviteur

le 15 Juillet 1807 Kioff

le 15 Juillet 1807 / КИЮН

Koutousoff

Перевод:

Нет более интересных новостей для Вас, мой дорогой адмирал, но наша переписка не должна прекратиться из-за этого. Только кампания на Дунае сейчас могла бы несколько привлечь внимание, следует видеть, как она закончится; здесь находится дивизия, а именно 16-я, которая готова выступить, но дожидается приказа.

Я Вам очень благодарен за корабельного мастера, которого Вы ко мне прислали, но, поскольку после заключения мира обстоятельства изменились, я его отослал обратно, перед тем заплативши ему прогонные. Цена, которую он мне назвал, действующая в Адмиралтействе у Вас, слишком низка, чтобы я мог отправить мои доски и брус, совершенно выработанные и превосходного качества. Придется их направить в Данциг, где будет верная прибыль.

Остаюсь с совершенной преданностью и бесконечным уважением Вашего Превосходительства покорнейший и преданнейший слуга

Кутузов

15 июля 1807, Киев

Кутузов М. И. Письмо Траверсе Ж. Б., 8 июля 1807 г. Киев // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 88. — [Т.] VI.

Je vous envoie mon cher Admiral copie d'un rescrit que j'ai eu ces jours-ci de l'Empereur. Nous avons fete la paix par un te deum et des coups de canons; nous aurons pour frontieres la Narevka et le Narew jusqu'a son embouchure dans le Bug. On dit, mais ce sont des oui-dires que Bonaparte separe Warsovie et Dantzic avec une quantite de territoires de la Prusse pour en faire des Duches separees, mais ce n'est que des oui-dires je vous le repete. L'Empereur a l'heure qu'il est doit etre a Petersbourg. Je vous embrasse de tout mon coeur et suis avec un estime et un attachement inviolable

votre tres attache serviteur

le 8 Juillet 1807 a Kioff

Koutousoff

Перевод:

Я посылаю Вам, мой дорогой адмирал, копию рескрипта*, которую я на днях получил от Государя. Мы отпраздновали мир торжественным молебном и пушечными залпами; границами у нас будут Наревка и Нарев до его впадения в Буг. Сказывают, но, кажется, это только слухи, что Бонапарт разделяет Варшаву и Данциг территорией Пруссии, чтобы там сделать отдельные княжества, но я повторяю, что это только слухи. Государь в данное время должен быть в Петербурге. Я Вас обнимаю от всего сердца и остаюсь с уважением и искренней преданностью

Ваш верный слуга

8 июля 1807, в Киеве

Кутузов

Кутузов М. И. Письмо Траверсе Ж. Б., 7 июля 1807 г. Киев // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ.

Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ. Рос. Архив, 1995. — С. 88. — [Т.] VI.

Je vous envoie mon cher Admiral l'acte de l'armistice signe entre les deux Empires; dans trois — quatre jours j'espere avoir la nouvelle d'une paix definitive; il paroît certain que malgre notre desinterressement nous acceptons quelque chose de la Prusse. D'un autre cote il paroît certain que nous nous etablirons sur la rive gauche du Danube; il faut que chacun vive: nous avons fait d'assez grands sacrifices pendant cette guerre-ci pour ne pas nous faire payer un peu.

Je suis avec tout l'attachement possible

votre tres humble et votre obeissant serviteur

le 7 Juillet 1807 a Kiow

Koutousoff

Перевод:

Я посылаю Вам, дорогой адмирал, подписанный акт перемирия между двумя Империями⁴⁰; через три-четыре дня я надеюсь услышать новость об окончательном мире; очевидным видится, что, невзирая на наше безразличие, к нам отойдет кое-что от Пруссии. С другой стороны, представляется достоверным, что мы утвердимся на левом берегу Дуная; каждому жить: мы понесли довольно больших жертв в этой войне, чтобы нам не возместить немного.

Остаюсь с всевозможной преданностью

Ваш покорнейший и преданнейший слуга

7 июля 1807, в Киеве

Кутузов

Кутузов М. И. Письмо Траверсе Ж. Б., 7 июля 1807 г. Киев // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 88. — [Т.] VI.

Je vous envoie mon cher Admiral l'acte de l'armistice signe entre les deux Empires; dans trois — quatre jours j'espere avoir la nouvelle d'une paix definitive; il paroît certain que malgre notre desinterressement nous acceptons quelque chose de la Prusse. D'un autre cote il paroît certain que nous nous etablirons sur la rive gauche du Danube; il faut que chacun vive: nous avons fait d'assez grands sacrifices pendant cette guerre-ci pour ne pas nous faire payer un peu.

Je suis avec tout l'attachement possible

votre tres humble et votre obeissant serviteur

le 7 Juillet 1807 a Kiow

Koutousoff

Перевод:

Я посылаю Вам, дорогой адмирал, подписанный акт перемирия между двумя Империями⁴⁰; через три-четыре дня я надеюсь услышать новость об окончательном мире; очевидным видится, что, невзирая на наше безразличие, к нам отойдет кое-что от Пруссии. С другой стороны, представляется достоверным, что мы утвердимся на левом берегу Дуная; каждому жить: мы

предоставили достоянием, но мы утратили на левом берегу Дунаю, и тогда мы понесли довольно больших жертв в этой войне, чтобы нам не возместить немного.

Остаюсь с всевозможной преданностью

Ваш покорнейший и преданнейший слуга

7 июля 1807, в Киеве

Кутузов

Кутузов М. И. Письмо Траверсе Ж. Б., 19 мая 1807 г. Киев // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 83—84. — [Т.] VI.

Voila mon cher Admiral, les nouvelles les plus recentes de l'armee: apres les combats qu'ont eu Wittguenstein et Levis le General Comte de Schouvalov a combattu pres de Pultusk a la rive gauche de Narew un corps de 5000 hommes, Bavaois et

Francois qu'on a oblige a repasser la riviere, dans tous ces trois combats on a fait 500 prisonniers bien portants, excepte les ennemis blesses qu'on a ramasse et qu'on a envoye dans nos ambulances.

On dit que Massena fait des preparatifs pour passer le Narew a Rajony, on remarque en general que les Francois veulent venir nous voir de ce cote-ci: mais ce qui pourroit faire douter de ce dessein, c'est qu'on remarque tous les jours quelque nouvelle fortification de l'autre cote de la riviere pour nous empecher le passage.

Il y a dix jours que l'Archiduc Charles a passe Brest pour aller voir notre Empereur, on dit qu'il porte des paroles de paix.

Dantzig etoit serre de fort-pres, mais le General Major Kamensky etant arrivee avec toute une division par Pillau a attaque les ennemis et a l'aide d'une sortie faite par le Prince Scherbatov il a debloque Dantzig. Une lettre me dit qu'on attendait la flotte angloise tous les jours a la vue de Dantzig, mais une autre ecrite le meme jour, c'est-a-dire le 12 Mai me dit que le courrier arrivee le meme jour, de la grande armee avoit assure qu'on voyoit deja notre flotte de l'embouchure de la Vistule.

Nouvelle vague encore que les Suedois et les Francois traitoient toujours a faire une artifice; n'est-ce pas que tous les deux cherchent a gagner le temps? les uns pour travailler tranquillement autour de Dantzig.

Le Prince Wolkonsky s'est arrete aux environs d'Ortelsbourg pour observer Massena est a Prosnitz; ceci est bon.

Votre tres humble et tres obeissant serviteur

le 19 Mai a Kiow

Koutousoff

Перевод:

Вот, мой дорогой адмирал, самые свежие новости из армии: после баталий, которые вели Витгенштейн и Левиз, генерал граф Шувалов²¹ разбил у Пултуска на левом берегу Нарева 5-тысячный корпус из баварцев и французов, которых вынудил отступить за реку; во всех этих трех баталиях захвачено 500 пленных живых и здоровых, раненых же подбирали и отправляли в наши лазареты.

Поговаривают, что Массена²² готовится форсировать Нарев у Рожан, в общем заметно, что французы хотели бы нас атаковать на этом берегу, но в этой картине заставляет сомневаться то, что ежедневно на другой стороне реки появляется новое укрепление, дабы помешать нашей переправе.

Десять дней назад эрцгерцог Карл²³ проследовал через Брест, чтобы встретиться с нашим Императором, говорят, что у него с собой предложение о мире.

Данциг сжат со всех сторон, но генерал-майор Каменский²⁴, прибывший сюда с целой дивизией через Пиллау, атаковал неприятеля и при участии соединений князя Щербатова²⁵ деблокировал Данциг²⁶. В одном из писем мне пишут, что каждый день ждут английский флот в виду Данцига, в другом, написанном тогда же, то есть 12 мая, сообщают, что в донесении, доставленном в тот же день из главной армии, утверждается, что уже видели наш флот в устье Вислы.

Пока еще не подтвержденная новость о том, что шведы и французы переговаривают о перемирии; похоже, что каждый пытается выиграть время? одни, чтобы дожидаться высадки англичан, другие, чтобы спокойно действовать у Данцига.

Князь Волконский²⁷ остановился в окрестностях Орталсбурга, чтобы следить за Массеной, который находится в Праснице; это хорошо.

Ваш покорнейший и преданнейший слуга

19 мая (1807), в Киеве

Кутузов

Кутузов М. И. Письмо Траверсе Ж. Б., 19 мая 1807 г. Киев // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 83—84. — [Т.] VI.

Voila mon cher Admiral, les nouvelles les plus recentes de l'armee: apres les combats qu'ont eu Wittgusten et Levis le General Comte de Schouvalov a combattu pres de Pultusk a la rive gauche de Narew un corps de 5000 hommes, Bavaois et

Francois qu'on a oblige a repasser la riviere, dans tous ces trois combats on a fait 500 prisonniers bien portants, excepte les ennemis blesses qu'on a ramasse et qu'on a envoye dans nos ambulances.

On dit que Massena fait des preparatifs pour passer le Narew a Rajony, on remarque en general que les Francois veulent venir nous voir de ce cote-ci: mais ce qui pourroit faire douter de ce dessein, c'est qu'on remarque tous les jours quelque nouvelle fortification de l'autre cote de la riviere pour nous empecher le passage.

Il y a dix jours que l'Archiduc Charles a passe Brest pour aller voir notre Empereur, on dit qu'il porte des paroles de paix.

Dantzig etoit serre de fort-pres, mais le General Major Kamensky etant arrivee avec toute une division par Pillau a attaque les ennemis et a l'aide d'une sortie faite par le Prince Scherbatov il a debloque Dantzig. Une lettre me dit qu'on attendait la flotte angloise tous les jours a la vue de Dantzig, mais une autre ecrite le meme jour, c'est-a-dire le 12 Mai me dit que le courier arrivee le meme jour, de la grande armee avoit assure qu'on voyoit deja notre flotte de l'embouchure de la Vistule.

Nouvelle vague encore que les Suedois et les Francois traitoient toujours a faire une artifice; n'est-ce pas que tous les deux cherchent a gagner le temps? les uns pour travailler tranquillement autour de Dantzig.

Le Prince Wolkonsky s'est arrete aux environs d'Ortelsbourg pour observer Massena est a Prosnitz; ceci est bon.

Votre tres humble et tres obeissant serviteur

le 19 Mai a Kiow

Koutousoff

Перевод:

Вот, мой дорогой адмирал, самые свежие новости из армии: после баталий, которые вели Витгенштейн и Левиз, генерал граф Шувалов²¹ разбил у Пултуска на левом берегу Нарева 5-тысячный корпус из баварцев и французов, которых вынудил отступить за реку; во всех этих трех баталиях захвачено 500 пленных живых и здоровых, раненых же подбирали и отправляли в наши лазареты.

Поговаривают, что Массена²² готовится форсировать Нарев у Рожан, в общем заметно, что французы хотели бы нас атаковать на этом берегу, но в этой картине заставляет сомневаться то, что ежедневно на другой стороне реки появляется новое укрепление, дабы помешать нашей переправе.

Десять дней назад эрцгерцог Карл²³ проследовал через Брест, чтобы встретиться с нашим Императором, говорят, что у него с собой предложение о мире.

Данциг сжат со всех сторон, но генерал-майор Каменский²⁴, прибывший сюда с целой дивизией через Пиллау, атаковал неприятеля и при участии соединений князя Щербатова²⁵ деблокировал Данциг²⁶. В одном из писем мне пишут, что каждый день ждут английский флот в виду Данцига, в другом, написанном тогда же, то есть 12 мая, сообщают, что в донесении, доставленном в тот же день из главной армии, утверждается, что уже видели наш флот в устье Вислы.

Пока еще не подтвержденная новость о том, что шведы и французы поговаривают о перемирии; похоже, что каждый пытается выиграть время? одни, чтобы дождаться высадки англичан, другие, чтобы спокойно действовать у Данцига.

Князь Волконский²⁷ остановился в окрестностях Ортальсбурга, чтобы следить за Массеной, который находится в Праснице; это хорошо.

Ваш покорнейший и преданнейший слуга

19 мая (1807), в Киеве

Кутузов

Кутузов М. И. Письмо Траверсе Ж. Б., 16 мая 1807 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 83. — [Т.] VI.

Les premieres nouvelles que j'ai eues de l'armee, qui comme vous savez a etoit pendant longtemps dans un repos parfait, je m'empresse de vous les communiquer, mon cher Admiral; a notre aile gauche c'est-a-dire au corps de Touthkoff ci-devant Essen on a fait deux detachements, l'un sous les ordres du General-Major Levis, de huit cents hommes environ a longe la rive gauche du Nareve jusqu'a Sirotsk ou il a rencontre un corps Bavaois de quinze cents hommes qu'il a battu et fait cent cinquante prisonniers officiers et soldats, d'un autre cote le General Comte de Wittguenstein a passe le Nareve a Lomga avec la cavalerie et l'Infanterie; les Francois occupaient la rive droite de la petite riviere d'Omoulef qui depuis longtemps separait nos avant-postes avec ceux des Francois, qui pour ne pas

exposer leur cavalerie ont de l'Infanterie aux avant-postes, en redoutes et munie des canons; la nuit a trois heures du matin Wittguenstein passa sur plusieurs points emporta plusieurs de ces redoutes et ne se retira qu'à l'approche du gros de la division de Souchette, avec une cinquantaine de prisonniers et quatre canons qu'il avoit pris sur l'ennemi; notre perte est peu de chose et celle de l'ennemi pourroit etre passable vu qu'on a massacre dans quelques redoutes tout ce qui etoit vivant; ces petits preludes annoncent quelques prompts evenements dans notre grande armee, faisons des voeux et esperons.

Je suis avec un attachement inviolable et une estime tres sincere

le tres humble et tres obeissant serviteur

le 16 Mai 1807

Koutousoff

Перевод:

Спешу сообщить Вам, мой дорогой адмирал, первые новости, которые я имею из армии, долго находившейся, как Вы знаете, в бездействии. На нашем левом фланге, то есть из корпуса Тучкова¹⁷, прежде Эссена, посланы два отряда, один под командованием генерала Девиза¹⁸, примерно восемьсот человек, направился вдоль левого берега Нарева до Сироцка, где встретил баварский корпус из 15 сотен человек, разбил его и взял сто пятьдесят офицеров и солдат пленными. С другой стороны, генерал граф Витгенштейн¹⁹ пересек Нарев в Ломже с кавалерией и пехотой. Французы заняли правый берег маленькой речки Омулев, которая длительное время разделяла наши и французские аванпосты: неприятель, чтобы не рисковать кавалерией, имел пехоту и даже пушки на аванпостах и редутах; в три часа утра Витгенштейн переправился несколькими колоннами, с бою захватил несколько редутов и ретировался с пятьюдесятью пленными и 4 пушками, захваченными у неприятеля, только при приближении основных сил Сушетта²⁰. Наши потери невелики, неприятельские же могут быть значительными, оттого что в нескольких редутах истреблено было все живое; эти небольшие прелюдии предвещают грядущие события в нашей армии, дадим же обет и будем надеяться.

Остаюсь с бесконечной преданностью и искренним уважением

покорнейший и преданнейший слуга

16 мая 1807

Кутузов

Кутузов М. И. Письмо Траверсе Ж. Б., 29 марта 1807 г. Киев // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 80—81. — [Т.] VI.

Je n'ai rien a vous dire de trop interessant, mon cher Admiral, les operations dans les armees de Prussie, sont dans une espece de staniation*, depuis l'affaire

d'Eylau, l'ennemi s'etant retire quelques marches, s'est arrete dans les environs d'Osterode — pays foure et coupe d'eau; il desire beuacoup Dantzig, mais n'osant pas detacher beaucoup de son armee, pour ce siege, il s'est contente d'occuper Weiksselmunde, fort a l'embouchure de la Wistule, et dont la possession a coupe Dantzig de la mer. Il a eu plusieurs renforts, ayant tire a lui tout ce qu'il a pu. Il est oblige (ce qui lui arrive encore pour la premiere fois) de faire la guerre et non de courir aux conquetes; aussi depuis quelques jours il manoeuvre beaucoup, ses troupes vont et viennent chaque jour et a chaque heure; l'armee de Benigssen est renforcee jusqu'a quatre vingt dix milles hommes, le corps d'Essen excepte; et les gardes qui n'e'toient pas encore arrivees. Je trouve cependant le corps d'Essen trop faible, l'ennemi pourroit frapper un coup de ce cote-la, d'autant plus que ce corps est masque par les troupes

ennemies et que ses communications deviennent de jour en jour plus difficiles avec Benigssen.

Le General Fensche qui arrive tout fraîchement de Petersbourg vous joindra bientôt et vous en dira d'avantage.

Vous serez etonne, si je vous dis que la nouvelle de l'apparition d'une flotte angloise devant le serail a ete donnee officiellement du quartier General de Bucarest au Gouverneur de Kamenski signee par l'Agent diplomatique Mr Rodofinnikov qui paroît cependant etre tout a fait fausse.

Je suis avec une parfaite estime et un attachement inviolable de Votre Excellence

Le tres humble et tres obeissant serviteur

Koutousoff

le 29 Mars a Kiow

Перевод:

У меня нет для Вас ничего интересного, мой дорогой адмирал: операции в армиях в Пруссии приостановлены, после баталии при Прейсиш-Эйлау неприятель, отступив в несколько переходов, остановился в окрестностях Остероде — местности лесистой и болотистой. Он бы хотел в Данциг, но, не осмеливаясь сильно удаляться от своей армии, довольствовался захватом Вейксельмонде — форта в устье Вислы — и отрезал Данциг от моря. Он получил некоторые подкрепления, подтянув к себе все что мог. Он вынужден был (что также случилось с ним в первый раз) воевать, а не только одерживать виктории. Уже несколько дней он много маневрирует, его войска беспрестанно перемещаются каждый день и каждый час; Беннигсенова армия увеличилась до 90 000, не считая корпуса Эссена и гвардии, которая еще не прибыла. Меж тем я нахожу Эссенов корпус слишком слабым, и неприятель мог бы ударить с этой стороны, тем более что этот корпус отрезан неприятельскими войсками и его сообщение с Беннигсеном становится с каждым днем все более трудным.

Генерал Фенш⁹, который недавно прибыл из Петербурга, вскорости предстанет перед Вами и расскажет об этом больше.

Вы будете удивлены, когда я Вам сообщу, что новость о появлении английского флота перед сералем¹⁰ была передана губернатору Каменскому¹¹ и из штаб-квартиры в Бухаресте и подписана дипломатическим агентом господином Родофиникиным¹²: новость сия меж тем совсем не выглядит правдою.

Остаюсь с совершенным уважением и бесконечною преданностью Вашему Превосходительству

покорнейший и преданнейший слуга

Кутузов

29 марта (1807), в Киеве

Кутузов М. И. Письмо Траверсе Ж. Б., март 1807 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 80. — [Т.] VI.

Je n'ai pas grande chose a vous dire, mon cher Admiral, sur l'etat actuel des choses, voila ce qu'il y en est cependant; Bonaparte apres avoir marche depuis Preisiche Eilaou, jusque'a Osterode, a juge a propos de s'y arreter, c'est un endroit entoure de lacs de marais et de defiles. Benigssen s'est arrete de meme apres s'etre avance jusqu'a Liebstadt, le General Essen garde la meme position a Ostrolinko —

Vissoko-Mazovetsk, etc... Un corps intermédiaire aussi fort que celui du General Essen sous les ordres du Comte Tolstoy est a Ostelsbourg et Vilenberg. Les deux proclamations faites par Bonaparte et que je vous ai envoyées a ce qu'il me paroît, sont je crois des stratagemes. Dans la première il anonçoit qu'il alloit quitter la Pologne c'étoit pour endormir le cabinet de Vienne, et pour attedir celui de Petersbourg; la seconde ou il anonçoit qu'il alloit faire prendre du repos a ses troupes; c'est-a-dire passer la Vistule, étoit visiblement un appât pour faire courir Benigssen vers les defiles d'Osterode, et lui offrir la une belle occasion a se casser le nez... Nos nouvelles de l'armée vont jusqu'au 28 fevrier. Je vous remercie beaucoup pour la lettre dans laquelle vous me parlez d'Ismaïle, des flottilles, etc...

Je suis avec une vraie estime et un attachement tres sincere de Votre Excellence.

Le tres humble et tres obeissant seruiteur

Le Mars 1807

Koutousoff

Перевод:

Мой дорогой адмирал, у меня нет для Вас важных новостей о текущих событиях, вот тем не менее, что произошло: Бонапарт после марша от Прейсиш-Эйлау до Остероде, между прочим, принял решение там остановиться, это место, окруженное дефилами и озерами болот. Беннигсен также остановился после продвижения к Либштадту. Генерал Эссен сохраняет ту же позицию в районе Остроленки, Высоко-Мазовецк и т. д. Промежуточный корпус под командованием графа Толстого⁷ так же силен, как и корпус генерала Эссена, и находится в Ортельсбурге и Вилленберге. Две прокламации Бонапарта, которые я Вам послал, в том, что мне кажется, являются, я уверен, уловками. В первой он провозглашает, что собирается покинуть Польшу — это для того, чтобы усыпить венский кабинет и расхолодить петербургский; во второй он провозгласил, что собирается дать отдых своим войскам, то есть переправится через Вислу, это очевидная приманка, чтобы заставить Беннигсена устремиться к дефилам Остероде и получить чудную возможность расширить себе нос... Наши новости исходят из армии до 28 февраля. Я Вам весьма благодарен за письмо, в котором Вы рассказываете об Измаиле, о флотилиях⁸ и т. д.

Остаюсь с истинным уважением и искреннею преданностью Вашему Превосходительству.

Покорнейший и преданнейший слуга

март 1807

Кутузов

Кутузов М. И. Письмо Траверсе Ж. Б., 26 февраля 1807 г. Киев // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 79—80. — [Т.] VI.

Je vous envoie, mon tres cher Admiral la copie d'une circulaire du General Benigssen aux gouverneurs des provinces frontieres, datee du 4 et du 7 fevrier. Ce bulletin est le dernier que nous avons eu, et nous ne savons rien au-dela, jamais les nouvelles n'ont tarde si longtemps. Vous remarquerez que la position de Benigssen n'est bonne que pour couvrir Konigsberg, encore est-il dans la dependance entiere de l'ennemi, qui par des mouvements vrais ou simules, vers nos frontieres; peut la lui faire quitter, et le mener ou il veut. Le corps d'Essen comme vous voyez par le meme bulletin, gardant la rive gauche du Nareve, est dans une inaction parfaite; de sorte que malgre nos victoires nous faisons a peu pres ce qui plait a l'ennemi de nous faire faire. Le gain d'une bataille acceptee depend beaucoup et beaucoup de la fermete des bataillons, mais les operations dependent uniquement des Operateurs. D'un autre cote je n'aime pas qu'on se soit etendu en Valachie jusqu'a Bucarest et Jurgevo, cela ne paroît pas avoir ete combine avec les circonstances actuelles en general: tous ce que ie vous dis la mon respectable ami soit

comme avec les ennemis ennemis en general, tout ce que je vous en dis n'est que ce que j'ai dit entre nous.

Je vous remercie beaucoup pour Votre obligeante lettre en vous priant de continuer de me donner de vos nouvelles et surtout de me conserver votre amitie.

Je suis avec un parfait devouement de Votre Excellence

le tres humble et tres obeissant serviteur

le [26] fevrier 1807 Kiow

Koutousoff

P. S. Dans ce moment il nous arrive des lettres de l'armee, datees du 13 et 20 fevrier, qui annoncent que l'ennemi depuis le 7 continue a se retirer; notre quartier general a avance, de maniere que l'avant garde russe etait a Liebstadt; l'ennemi peese-t-il a passer serieusement la Vistule? Ou veut-il nous entrainer dans les defiles qui l'avoisinent, pour nous combattre avec avantage; voila qui est une question pour moi. S'il fait la premiere manoeuvre il se mettra a Torne, fortifiera la tete de pont; et restera a califourchon sur la riviere; il y a le meme moyen a Varsovie pour revenir de ce cote-ci quand il lui plaira.

Перевод:

Я отсылаю Вам, мой дорогой адмирал, копию циркуляра генерала Беннигсена¹ губернаторам пограничных губерний от 4 и 7 февраля. Этот документ — последний из полученных, и мы ничего больше не знаем. Никогда еще новости не запаздывали так надолго. Вы заметите, что позиция Беннигсена благоприятна лишь для прикрытия Кенигсберга, в остальном он находится в полной зависимости от неприятеля, который различными маневрами к нашим границам, истинными или обманными, может заставить его покинуть позиции и увлечь туда, куда этому неприятелю будет угодно. Корпус Эссена², как Вы видите из этого документа, занимая левый берег Нарева, находится в полном бездействии, так что, несмотря на наши победы, мы делаем почти то, что хотел бы от нас противник³. Победа в принятой битве очень зависит от стойкости войск, но успех операции зависит единственно от командующего. С другой стороны, мне не нравится, что фронт растянут в Валахии до Бухареста и Гюргева⁴. Кажется, что это не оправдано теперешнею общеою обстановкою.

Все, что я Вам здесь сказал, мой уважаемый друг, пусть останется между нами.

Я Вас очень благодарю за любезный ответ и прошу продолжать слать мне Ваши новости, а особо не оставлять меня Вашей дружбой.

Остаюсь бесконечно преданным Вашему Превосходительству

покорнейший и преданнейший слуга

Кутузов

26 февраля 1807, Киев

P. S. Только что к нам пришли письма из армии от 13 и 20 февраля, которые сообщают, что с 7-го неприятель продолжает отступать. Наша штаб-квартира⁵ продвинулась таким образом, что авангард русских находится теперь в Либштадте, намеревается ли всерьез неприятель пересечь Вислу? Или же он хочет увлечь нас в дефилаб, что ее окружают, и в битве иметь преимущество: это для меня главный вопрос. Если он осуществит первый маневр, то примется за Торн, укрепит плацдарм у моста и получит господство над рекой. Тот же способ он может употребить в Варшаве, чтобы вернуться на эту сторону, когда это ему будет угодно.

Кутузов М. И. Письмо Траверсе Ж. Б., 1 сентября 1807 г. Киев // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 90. — [Т.] VI.

Je vous remercie beaucoup mon cher Admiral, pour votre lettre du 22 ou vous aviez eu la bonte de joindre un Extrait des quelques Articles qui m'ont eclaire sur beaucoup de choses; de mon cote je veux vous communiquer les dernieres nouvelles venues du Nord de la Russie; il y a l'Ordre a quelque unes de nos troupes des Environs de Vitebsk de marcher a la hate vers Revel et autres points de la Mer Baltique, on parle d'une Flotte Angloise arrivee dans le Sund etc. Vous connaissez mieux que moi l'Etat de notre Marine dans la Baltique, je voudrais que ces nouvelles fussent fausses et doivent rester quelque temps entre nous; quelqu'un arriva a Kiov aujourd'hui me la dit.

J'envoie cet Expres a la recherche de la Comtesse Golovkin pour lui remettre une lettre de tres grande importance pour elle. Cette Dame est toujours par monts et par vaux — vous aurez donc la bonte de dire a mon Expres ou il pourrait la trouver. S'il se trouve qu'elle a tire vers la Crimée alors vous aurez la bonte de me renvoyer mon Expres, en lui reprenant la lettre adressee a Mme Golovkin que vous aurez la bonte d'envoyer incessamment a Perecop pour lui etre remise a son retour, mais si vous soupconnez qu'elle se trouve a Odessa alors mon Expres devra aller jusqu a elle.

Je vous demande pardon de toute la besogne que je vous donne et je vous embrasse de tout mon coeur

Koutousoff

Kiov, le 1 Septembre 1807

Перевод:

Я Вам очень благодарен, мой дорогой адмирал, за Ваше письмо от 22-го, куда Вы так любезно приложили извлечения из статей, которые дали мне понять многие предметы; со своей стороны я хочу Вам сообщить последние новости, пришедшие с севера России: имеется повеление некоторым из наших войск в окрестностях Витебска⁴³ спешно двигаться к Ревелю и другим пунктам Балтийского моря, говорят об английском флоте, вошедшем в Зунд⁴⁴, и т. д. Вы знаете лучше меня состояние нашего флота в Балтийском море, мне бы хотелось, чтобы эти новости не подтвердились, и пусть они некоторое время останутся между нами, один из прибывших в Киев мне их сообщил.

Я посылаю этого курьера на поиски графини Головкиной, чтобы вручить ей письмо чрезвычайной важности для нее. Этой даме не сидится на одном месте — соблаговолите сообщить моему курьеру, где бы он мог ее найти. Если случится, что она последовала в Крым, сделайте одолжение отослать моего курьера обратно, забравши у него письмо к графине, и соблаговолите, как можно поспешнее, переслать его в Перекоп, чтобы вручить ей по возвращении. Но ежели Вы подозреваете, что она находится в Одессе, тогда мой курьер должен следовать за нею.

Прошу Вас простить меня за все причиненные мною хлопоты, сердечно обнимаю

Кутузов

Киев, 1 сентября 1807

Кутузов М. И. Письмо Траверсе Ж. Б., 17 июня 1807 г. Киев // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 86—87. — [Т.] VI.

Je m'en vais vous entretenir mon cher Admiral des nouvelles de l'armee en Prusse. D'abord voila une

copie d'une lettre de M. Benigssen ecrite pour Grodno, vous y verrez une affaire generale qui a eu lieu le 29. Bonaparte y a ete repousse comme vous voyez; je n'aime pas seulement qu'il a depasse notre aile droite; comme vous voyez il veut se glisser entre Konigsberg et notre armee; mais M. Benigssen y prendra garde je crois. Je crains un peu pour le corps Prussien qui est a Heiligenbeil; il est certain qu'il est coupe, mais il lui reste Konigsberg.

Dantzic est pris, vous le saurez deja par les gazettes; je voudrais au moins que nous puissions delivrer Grandentz qui depuis le commencement des operations est cerne par les Francois. Quant a Konigsberg, M. Benigssen est trop fort pour se laisser jouer comme-ca. Les nouvelles divisions qui arrivent de l'interieur marchent a ce qu'il paroît vers le centre de notre position.

Nous verrons ce que fera votre Visir ou plutot Sebastiani qui le mene; mais Czerni-Georges doit toujours leur couper des soucis. J'etois presque serieusement afflige de la mort du Grand Seigneur et une mort violente; je l'ai connu personnellement pour un etre humain et qui voudroit tenir a nous; il avoit assez de bon sens pour avoir en horreur toutes liaisons avec la France.

Je suis tout-a vous

le 17 Juin a Kioff

Koutousoff

Перевод:

Собираюсь с Вами поделиться, мой дорогой адмирал, новостями из армии в Пруссии. Сперва перед Вами копия письма Беннигсена, направленного в Гродно, из него Вы узнаете о важном событии, происшедшем 29-го³¹. Как Вы видите, в нем снова действует Бонапарт, мне только не нравится, что он обошел наш правый фланг; Вы видите также, что он хочет заскочить между Кенигсбергом и нашей армией; но я верю, что Беннигсен там настороже, я опасаюсь немного за прусский корпус в Гейлигенбейле; совершенно ясно, что он отрезан, но у него — Кенигсберг³².

Данциг взят³³, Вы об этом знаете из газет; по меньшей мере мне бы хотелось, чтобы мы смогли освободить Грауденц, который с начала операций окружен французами. Что же касается Кенигсберга, г. Беннигсен слишком силен, чтобы позволить собой играть таким образом. Новые части, которые прибывают из тыла, продвигаются как будто к центру наших позиций.

Посмотрим, что будет делать Ваш Визирь или, скорее, Себастиани³⁴, который им управляет, но Черни-Жорж³⁵ должен все-таки отрезать их источники, я почти всерьез удручен смертью Великого Властелина³⁶, и смертью насильственной; я лично его знал как гуманного человека, который хотел бы опираться на нас; у него было довольно здравого смысла, чтобы ненавидеть любые связи с Францией.

Искренне Ваш

17 июня, в Киеве

Кутузов

Кутузов М. И. Письмо Траверсе Ж. Б., 16 июня 1807 г. Киев // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 85—86. — [Т.] VI.

Voila, mon cher Admiral les dernieres nouvelles de l'armee: le 28 du mois passe on s'est empare du poste de Gutstadt — il paroît qu'on a fait quelques essais le 25 et 26; l'arrivee du General Platoff paroît avoir decide la chose — on a fait sur l'ennemi 1500 prisonniers passes, d'autres disent 2000, jusqu'a 60 officiers de tous rangs. parmi lesquels le General de brigade Rochette et quelques canons: ce n'est pas

une bataille, mais c'est une jolie affaire de poste. On dit en outre que la perte de l'ennemi en tues va jusqu'a 4000. Ce n'est pas etonnant puisqu'il a ete oblige de passer deux rivières en sa retraite, c'est-a-dire: Alle et Passarge. La possession de Gutstadt par l'ennemi etoit insultante pour nous, etant de ce cote-ci de la Passarge. C'est un peu de terrain gagne et une position plus sure pour notre ligne qui peut defendre a l'ennemi le passage la Passarge; il est evident cependant que les deux armees ne resteront pas a cette petite affaire.

Je suis avec un attachement sincere de Votre Excellence

le tres humble et tres obeissant serviteur

le 16 Juin 1807 a Kiow

Koutousoff

Перевод:

Вот, мой дорогой адмирал, последние новости из армии: 28 числа прошлого месяца были взяты высоты у Гутштадта, кажется, что было предпринято несколько попыток 25-го и 26-го; все решило прибытие генерала Платова²⁹ — у неприятеля взято более 1500 пленных; другие сказывают о 2000 и до 60 офицеров всех званий, среди которых бригадный генерал Рошетт, а также о нескольких пушках; это не было настоящей баталией, но стало чудной стычкой. Сказывают еще, что потери неприятеля убитыми доходят до 4000. Это неувидительно, поскольку, отступая, ему пришлось переправиться через две реки, а именно Алле и Пассаргу. Захват Гутштадта неприятелем³⁰ оскорбителен для нас, находящихся на сей стороне Пассарги. Этот выигрыш территории и более крепкая позиция нашей линии может запереть неприятелю переправу через Пассаргу. Однако ясно, что обе армии не остановятся на этом маленьком деле.

Остаюсь с искренней преданностью Вашему Превосходительству

покорнейший и преданнейший слуга

16 июня 1807, в Киеве

Кутузов

Кутузов М. И. Письмо Траверсе Ж. Б., 3 июня 1807 г. Киев // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 84—85. — [Т.] VI.

Je ne peux pas vous amuser par de grandes nouvelles, mon cher Admiral. Nos lettres arrivant de l'armee vont jusqu'au 24. de mai du corps d'Essen, c'est-a-dire de l'aile gauche, et, jusqu'au 21. du quartier general de Benigssen; et par ceux de l'aile gauche nous savons qu'a peu pres jusqu'au 24. il n'y avoit rien de tres considerable par toute la ligne; cependant notre grande armee s'est mise en mouvement depuis le 21. et il faut s'attendre de jour en jour a quelque chose de tres significatif.

A present je vais vous attaquer un peu pour une affaire qui me regarde particulierement. Vous penserez, mon cher Admiral, serieusement et sans negligence a une chose qui interesse ma bourse; voila de quoi il s'agit: j'ai taille beaucoup de bois de chenes pour Dantzic; ce sont des poutres ou plutot de grosses planches pour Dantzic; ce sont des poutres ou plutot de grosses planches pour vaisseaux depuis 30 pieds jusqu'a 60 de longueur 12 pouces de largeur et de 3 a 4 pouces d'epaisseur, toutes taillees du bois de la meilleure qualitee. Ne pouvant pas les envoyer a Dantzic a present comme vous voyez, ne pourrai-je pas les envoyer pour l'Amiraute a Cherson, et quel seroit le prix, que je pourrais obtenir? Voila tout ce que je veux savoir de vous. Mon bois de chenes est renomme a Dantzic; il est de la meilleure qualite: j'espere que vous me ferez savoir le vrai prix et que vous me direz ce qu'il y a a? faire pour entrer en connexion avec l'Amiraute sur cet objet

consolation avec l'Amiral sur ses objets.

Je suis avec une parfaite estime et un attachement inviolable de Votre Excellence

le tres humble et tres obeissant serviteur

le 3 Juin 1807 a Kioff

Koutousoff

Перевод:

Я не могу Вас порадовать особыми новостями, мой дорогой адмирал. Пришедшие из армии письма отправлены до 24 мая из корпуса Эссена, то есть с левого фланга, и до 21 мая из главного штаба Беннигсена, благодаря этому мы знаем о левом фланге почти до 24. Вдоль всей линии не произошло ничего значительного; тем не менее наша главная армия пришла в движение с 21, и со дня на день приходится ожидать чего-нибудь очень значительного²⁸.

Теперь же хочу обратиться к Вам с одним делом, которое касается меня лично. Подумайте серьезно и внимательно, мой дорогой адмирал, о вещах, имеющих отношение к моим доходам; вот о чем идет речь: я приготовил много дубового леса для Данцига, это брус или, скорее, толстые доски для кораблей от 30 до 60 футов длиной — 12 дюймов шириной и от 3 до 4 дюймов толщиной, все изготовлено из леса лучшего качества. Не имея теперь, как Вы видите, возможности послать его в Данциг, не мог бы я отправить его для Адмиралтейства в Херсон, и какова была бы цена, которую я мог бы выручить? Вот все, что я хотел узнать у Вас. Мой дубовый лес назначен в Данциг: он лучшего качества, я надеюсь, что Вы мне дадите знать настоящую цену и скажете, что следует сделать, чтобы войти в сообщение с Адмиралтейством по этому предмету.

Остаюсь с совершенным уважением и бесконечной преданностью Вашему Превосходительству
покорнейший и преданнейший слуга

3 июня 1807, в Киеве

Кутузов

Кутузов М. И. Письмо Траверсе Ж. Б., 18 апреля 1807 г. Киев // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 82—83. — [Т.] VI.

Nos dernieres nouvelles de l'armee sont du 11 Avril — les nouvelles ne sont pas tres importantes; les armees gardent toujours la meme position depuis pres de deux mois. La garnison de Dantzig a ete renforcee par 8 bataillons russes et 2000 cosaques. On y avoit fait une sortie que a ce qu'on dit reussit parfaitement; le general Armfeld suedois avec un corps de troupes suedoises et prussiennes a penetre dans la Pomeranie Prussienne et a battu a plusieurs reprises, le corps du Marechal Mortier, qui etoit venu a sa rencontre; cette operation est la seule capable de sauver Dantzig. Le 11. l'Empereur n'etoit pas encore arrivee a? l'armee; on parle de paix.

Voila tout ce que nous avons jusqu'a present. Dites-moi, je vous prie quelques choses de votre flotte angloise. Venir devant Constantinople sans troupes de débarquement c'est combattre des moulins a la maniere de Donquichotte.

Je suis avec une estime parfaite et un attachement inviolable de Votre Excellence

le tres humble et tres obeissant serviteur

Le 18 d'Avril a Kiow

Koutousoff

Перевод:

Последние новости из армии относятся к 11 апреля и не содержат очень важных сведений; в продолжение уже двух месяцев армии сохраняют те же позиции. Гарнизон в Данциге усилен 8 русскими батальонами и 2000 казаков¹³. Там была сделана вылазка, которая, сказывают, превосходно удалась. Шведский генерал Армфельд¹⁴ с корпусом шведских и прусских войск проник в Прусскую Померанию и несколькими атаками разбил вышедший ему навстречу корпус маршала Мортье¹⁵; эта операция единственная, способная спасти Данциг. 11-го Государь еще не прибыл к армии¹⁶, поговаривают о перемирии.

Вот и все на сей день. Напишите, прошу Вас, что-нибудь о Вашем английском флоте. Идти к Константинополю без десантных войск — это сражаться с мельницами на манер Дон Кихота.

Остаюсь с совершенным уважением и бесконечной преданностью Вашему Превосходительству
покорнейший и преданнейший слуга

18 апреля (1807), в Киеве

Кутузов

Кутузов М. И. Письмо Траверсе Ж. Б., 11 апреля 1807 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 81—82. — [Т.] VI.

Je vous remercie beaucoup mon cher Admiral pour vos deux lettres que j'ai reçu ces jours-ci. Je voudrais bien que la nouvelle de la flotte angloise soit vraie et dans les termes qu'elle est debitee ici, c'est-a-dire qu'elle n'a pas quitte le mouillage de Constantinople. Ce qui concerne la grande Armee, toutes les deux se tiennent tranquilles selon les nouvelles en date du 13 de ce mois, excepte les exploits des cosaques, qui sont toujours a notre avantage. L'ennemi cependant a mis siege devant Dantzig depuis le 11 du mois passe, et je crains beaucoup pour cette [...].

Des escadres russes et suedoises dit-on ont ordre d'arriver au secours de Dantzig.

Soyez mon cher Admiral persuade de l'attachement et de l'estime que je vous porte et avec lesquels j'ai l'honneur d'etre de votre Excellence

le tres humble et tres obeissant serviteur

le 11 d'Avril

Koutousoff

Перевод:

Я весьма благодарен, дорогой адмирал, за Ваши два письма, которые я получил на этих днях. Мне очень хотелось, чтобы известие об английском флоте было справедливым в том смысле, как это было сказано, то есть что он не покинул стоянки у Константинополя. Что касается «великой армии», то обе ее стороны держат себя спокойно, судя по сообщениям от 3-го сего месяца, исключая поисков казаков, которые всегда в нашу пользу. Неприятель, однако, с 11-го числа прошедшего месяца начал осаду Данцига, и я очень опасаясь за него. Говорят, что русская и шведская эскадры получили распоряжение прибыть на помощь Данцигу.

Будьте уверены, мой дорогой адмирал, в преданности и уважении, которые я к Вам питаю и с которыми имею честь быть Вашего Превосходительства

покорнейший и преданнейший слуга

11 апреля (1807)

Кутузов

Сычев В. И., Сычева В. В., Федорова Т. С. Вступительная статья: Письма М. И. Кутузова к Ж. Б. Траверсе // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 76—78. — [Т.] VI.

«Слава Кутузова неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории», — писал А. С. Пушкин. Однако прежде чем полководец достиг своего величия, ему пришлось выдержать немало испытаний. М. И. Кутузов был главнокомандующим российскими войсками в четырех войнах: с Францией в 1805 г., с Турцией в 1811 г., во время Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода русской армии в 1813 г.

Мало известны иные стороны жизни Кутузова, когда он не участвовал в военных действиях, например его деятельность на посту военного губернатора Киева. Туда в сентябре 1806 г. его отправил Император в «почетную ссылку», переложив на него вину за поражение под Аустерлицем: «При настоящем положении обстоятельств, имея в виду требующий внимания пост киевского губернатора, оставшийся донныне без начальства, я возлагаю должность сию на вас. И вследствие сего повелеваю вам предписать всем войскам 6-й, 7-й и 8-й дивизий состоять под командою: первой — генерала от кавалерии барона Беннигсена, а последним двум — генерала от инфантерии графа Буксгевдена с тем, чтобы дивизионные командиры каждый по своему назначению немедленно отправили рапорты свои к вышеупомянутым генералам, кои главную квартиру свою будут иметь — барон Беннигсен в Гродне, а граф Буксгевден в Бресте-Литовском, и потом, учинив все нужные и от вас зависящие по сему предписанию распоряжения, отправиться в Киев и вступить в должность тамошнего военного Губернатора»*.

В этот сложный для полководца период написаны письма, адресованные главному командиру Черноморского флота маркизу де Траверсе.

Письма написаны на французском языке адъютантами Кутузова, подписаны им и содержат приписки, сделанные его рукой, выделенные при публикации курсивом. Письма приводятся в хронологическом порядке, даты указаны по старому стилю.

Письма Кутузова хранятся в фонде бывшего морского министра маркиза де Траверсе в РГАВМФ в Санкт-Петербурге. Часть из них опубликована в книге: М. И. Кутузов. Документы. В 5 т. М. 1950—1956. Т. 5. С. 623—631. К настоящей публикации подготовлены новые переводы всех писем Кутузова, среди них № 8, 12, 13, 15—17 ранее не публиковались. Указана современная нумерация страниц архивных дел.

При составлении комментариев использовались материалы, приведенные в следующих изданиях: М. И. Кутузов. Документы. В 5 т. 1950—1956. Т. 2.; М. И. Кутузов. Письма, записки. М. 1989.

Публикаторы выражают признательность праправнучке адмирала Траверсе Александре Борисовне Гатино (Коноваловой) за помощь при подготовке французских текстов.

Публикация предваряется краткой биографической справкой о маркизе де Траверсе, подготовленной по архивным материалам.

Маркиз Жан Батист Прево Сансак де Траверсе родился в 1754 г. на острове Мартиника. Он

происходил из семьи, давшей Франции многих известных моряков. В пятилетнем возрасте поступил в Сарезское королевское военное училище. Затем окончил школу морских офицеров в Рошфоре в чине мичмана. Лейтенантом участвовал в войне за независимость Соединенных

Штатов. Особо отличился в сражении при Чизапике в 1781 г., за что был награжден орденом Св. Людовика, генерал Дж. Вашингтон наградил его орденом Цинциннати.

Перед Великой Французской революцией имел чин капитана 2-го ранга и уже был представлен к повышению. Вынужденный в 37 лет покинуть родину, маркиз де Траверсе был приглашен Екатериной II в Россию, где его приняли на российскую службу «капитаном генерал-майорского ранга». Получил в командование Балтийский гребной флот от принца Нассау-Зигена и стал контр-адмиралом. Затем командовал гребной флотилией в Роченсальме (ныне Котка). По-видимому, в эти годы Траверсе познакомился с Кутузовым, который с 1795 г. был командующим и инспектором русских войск в Финляндии. Французский эмигрант быстро продвигался по службе: в 1797 г. Павел I присвоил ему чин вице-адмирала, а в первые дни царствования Александра I, в марте 1801 г., он получил чин адмирала. Траверсе учился русскому языку, осенью 1801 г. он написал по-русски в дневнике знаменательные строки: «...Россия ныне — мое отечество, она сохранила меня от нищеты. Я всегда должен быть благодарен и преданный к ней и трем Государям, от которых я столь много получал милостей. В России я получил фортуна, жену, милостей и честь, довольно, чтобы быть навсегда в числе её защитников и подданных». По-видимому, с этих пор в нем окончательно созрело решение навсегда остаться в России. Императоры ценили его за честное и беспрекословное выполнение приказов, подчиненные — за порядочность и щедрость. Траверсе был в те годы единственным в России полным адмиралом — выходцем из Франции. На командных постах традиционно находились англичане, да и П. В. Чичагов, с конца 1802 г. ставший во главе Морского министерства, не скрывал своих намерений следовать в России традициям английского флота. Тем не менее, как считают, благодаря своим личным качествам, Траверсе в 1802 г. был назначен главным командиром Черноморского флота и военным губернатором Севастополя и Николаева. В следующем году не без рекомендации маркиза на юг России был направлен герцог де Ришелье, сначала градоначальником Одессы, а затем генерал-губернатором Новороссийского края. Двум французам была отдана в управление область, в два раза превосходящая площадь Франции.

Траверсе энергично приступил к преобразованиям Черноморского флота. После смерти Г. А. Потемкина южные верфи пришли в запустение, и многие годы с их стапелей не спускали корабли. Траверсе возобновил регулярное строительство военных судов в Николаеве и Херсоне. При нем впервые на Черном море обшит медью военный корабль — линкор «Правый», на севастопольских верфях был заложен первый военный корабль. Однако уровня петербургских южные верфи не достигли. На Черном море были учреждены депо карт и мореходная инструментальная мастерская. Когда к концу 1803 г. обострились отношения с наполеоновской Францией, Траверсе получил приказ подготовить корабли для переброски десанта на защиту Ионических островов, находившихся под протекторатом России. В 1804 г. маркиз направил в Корфу с войсками семь линейных кораблей и пять фрегатов — все, что он имел в наличии. За обеспечение защиты островов был награжден орденом Св. Александра Невского. После прибытия эскадры Д. Н. Сенявина в Средиземное море Траверсе оказывал помощь в ее снабжении. После Аустерлица Траверсе обращается через Чичагова к Императору с новой просьбой о принятии в российское подданство (первая была направлена к Павлу I еще в 1797 г.). Отношение Чичагова к французскому эмигранту никогда не было теплым, и, несмотря на то что маркиз принял решение остаться в России в тяжелое для нее время, после впечатляющих побед Наполеона, Чичагов положил документы под сукно. К ним вновь обратились спустя пять лет.

Когда началась война с Турцией, мобилизовывались силы флота для помощи войскам на Дунае. После 15-летнего перерыва к активным действиям против турок на Черном море готовился российский парусный флот. Под командование Траверсе Император передал сухопутные войска на Кавказе. В начале 1807 г. Черноморскому флоту была поставлена задача подготовиться к совместной с эскадрой Сенявина атаке Константинополя и высадке десанта с целью взятия его.

Траверсе докладывал в Петербург о том, что к концу марта флот будет готов и вместе с транспортными судами сможет принять 17 000 человек десанта. Однако затем Ришелье и Траверсе в совместном рапорте Александру I отказались гарантировать успех операции из-за

того, что войска были наполовину укомплектованы необученными рекрутами. Через некоторое время в Петербург пришел доклад Сенявина о неудаче рейда к Константинополю английской эскадры адмирала Дукворта.

В действиях против турок громкие победы одержала средиземноморская эскадра Сенявина. На Черном море под командованием Траверсе были подготовлены корабли для операции против крепости Анапа. В эскадру вошли шесть кораблей, пять фрегатов, два брига, брандер и пять канонерских лодок. В апреле 1807 г. Анапа была взята. Участники операции были награждены, а Траверсе получил орден Св. Владимира 1-й степени. Ветхость судов и боязнь их потерять в непогоду стали причинами неудачи предпринятой спустя месяц атаки русскими турецкой крепости Трапезунд.

Кроме планирования военных операций Траверсе руководил постройкой военных судов. В течение двух лет, к 1808 году, на Черном море были спущены три корабля, фрегат и бомбардирское судно, в Херсоне строились еще три линейных корабля. Под руководством французского эмигранта возрождались черноморские верфи и флот. К этому периоду относится переписка двух военачальников — Кутузова и Траверсе. Письма Траверсе пока обнаружить не удалось.

Необычна дальнейшая судьба маркиза де Траверсе. В 1811 г. он возглавил Морское министерство, руководил подготовкой флота к обороне Петербурга и действиями против наполеоновской Франции. Российский флот при его правлении не достиг величия английского и не одержал блистательных побед. Но Россия может быть благодарна ему за замечательный период в истории своего флота, когда русские успешно конкурировали с англичанами в открытиях и освоении новых земель. В документах сохранились свидетельства об инициативе и личном участии Траверсе в организации экспедиций В. М. Головнина, Ф. Ф. Беллинсгаузена, братьев М. П. и Ан. П. Лазаревых, Г. С. Шишмарева, М. Н. Васильева, Ф. П. Литке, П. Ф. Анжу и Ф. П. Врангеля. Именем его названы первые острова, открытые русской антарктической экспедицией Беллинсгаузена и Лазарева. Трагедией Траверсе стало наводнение 7 ноября 1824 г., когда в Кронштадте были уничтожены и пришли в негодность почти все построенные при нем корабли. Траверсе довелось услышать обвинения в сознательном разрушении российского флота.

Свои дни российский адмирал, уроженец острова Мартиника в Карибском море, маркиз де Траверсе окончил в имении в глуши Лужского уезда в 1831 г.

Заметки и дневники Л. В. Дубельта

Дубельт Л. В. Дневник 1851 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 142—304. — [Т.] VI.

1851

ОКТАБРЬ 21. Префект Парижской полиции Карлье⁷³ вышел в отставку. — Жаль.

ОКТАБРЬ 22. Получено известие из Парижа, что там скорпостижно скончался 13/25 октября отставной генерал-майор Алексей Михайлович Жеребцов⁷⁴.

19-го октября скончалась в Санкт-Петербурге вдова действительного советника Максима Яковлевича Фон Фока⁷⁵.

ОКТАБРЬ 24. Вместо Карлье префектом парижской полиции сделан г-н Мопа⁷⁶.

ОКТАБРЬ 25. A Paris plusieurs tentatives ont ete faites pour former un nouveau ministere, et en premier lieu, est apparu spontanement Emile de Girardin, ce type de desordre et de confusion, ce melange extravagant d'audace et de vanite, de presumption et de perfidie, qui, comme les Harpies, gate tout ce qu'il touche; Le President l'a promptement evince de ses pretentions, en lui disant qu'il ne comprenait pas ses theories.

Louis Napoleon a dit «qu'ayant essaye de tous les partis qui represented l'ordre, il s'est persuade qu'on ne le comprenait pas, que maintenant, de guerre-lasse, il voulait mettre a l'epreuve les democrates purs».

Lors de l'entretien que M. Carlier a eu avec lui pour le detourner du projet de retablir le suffrage universel, il a eu beau lui représenter tous les dangers qui en decouleraient; mettant en avant sa longue experience, la connaissance qu'il avait de la disposition des esprits, et les renseignements qu'il recevait de tous les cotes, — il n'a trouve en lui qu'un entetement inebriable qu'il prend pour de la fermete. Il repondait a tout propos par ces paroles, prononcees jadis par lui dans un discours public: «La France ne perira pas dans mes mains!» — «Mais, lui repliqua le Prefet de police, vous pourriez bien perir par ses mains!» — Des lors, la disgrace de M. Carlier a ete arretee; et cependant, le President est le premier a convenir qu'il serait difficile et meme impossible de le remplacer; c'est, d'ailleurs, l'avis de presque tout le monde.

Перевод с французского:

В Париже сделано было несколько попыток образовать новое министерство, и на первое место предложил себя сам Эмиль де Жирарден⁷⁷, этот образец беспорядка и смуты, эта необычайная смесь отваги и тщеславия, высокомерия и вероломства, как гарпии портящий все, к чему прикоснется. Президент⁷⁸ быстро отклонил его притязания, заявив, что не понимает его теорий.

Луи Наполеон сказал, что, «перепробовав все партии, которые являются сторонниками порядка, он убедился, что его не понимают, и что теперь, утомившись, он желал бы подвергнуть испытанию чистых демократов».

Г-н Карлье, беседуя с ним, старался отклонить его от проекта восстановления всеобщей подачи голосов, но он напрасно указывал ему на все опасности, которые из этого проистекут; подчеркивал свою большую опытность, знание настроения умов, приводил сведения, получаемые им со всех сторон: он встретил только непоколебимое упрямство, им (Луи Наполеоном. — Прим. ред.) принимаемое за твердость. Луи Наполеон отвечал на все следующими словами, произнесенными им некогда, во время публичной речи: «Франция не погибнет в моих руках!» «Но, — возразил ему префект полиции, — Вы сами можете легко погибнуть от ее рук!» С тех пор опала г-на Карлье была решена. И однако президент первый соглашается, что будет трудно, даже невозможно его заменить; впрочем, таково мнение почти всех.

26. Les dernieres nouvelles sont: que Louis Napoleon persevere dans ses projets; a toutes les remontrances des hommes sages, il oppose une obstination immuable, et lorsqu'on lui prouve d'une maniere irrefragable que ses plans vont avorter et amener sa ruine, il repond: «Je m'en moque (il se sert meme d'un terme militaire, plus energique — tant pis pour la France!)» — on dirait que, reduit au desesperoir, il joue son va-tout.

Перевод с французского:

Последние новости заключаются в том, что Луи Наполеон настаивает на своих предположениях; всем возражениям благоразумных людей он противопоставляет неизменное упорство, а когда ему доказывают неопровержимым образом, что его планы не будут иметь успеха и доведут его до падения, он отвечает: «Мне смешно (он даже употребляет военное, более энергичное выражение) — тем хуже для Франции!» Похоже, что, доведенный до отчаяния, он рискует всем.

Только этого не доставало: известные Головин и Герцен называют себя головою и сердцем России! Эти два мерзавца начали издавать в Нице журнал⁷⁹. В введении № 1-го они выражаются

так: «Голова и сердце России Головин и Герцен, избегая преследований их правительства, прибыли в Ницу».

Было ли бы что на свете глупее России, если бы у нея была голова Головина, и было ли бы что на свете подлее России, если бы у нея было сердце Герцена?

ОКТАБРЬ 27. Опера «Пророк», хотя была переделана под заглавием «Giovanni di Leide», запрещена, по содержанию в высшей степени возмутительного духа; но при Дворе интригуют, чтобы эта опера была представлена.

Карлота Гризи⁸⁰ и балетмейстер Мазилье не нравятся публике, и во время их представлений театр бывает почти пуст. Она и он сказали, что ежели дела так будут идти, то они нарушат контракт.

ОКТАБРЬ 28. По известиям, полученным лично от моего агента из Карлсбада, в Австрии готовится к 1852 году большая перемена, в особенности в Богемии.

Замечателен в Карлсбаде книгопродавец Бобрович — от него можно получать много для нас полезных сведений.

Когда в Праге был получен манифест об уничтожении конституции⁸¹, все начали с трепетом ожидать окончательного решения дел в Франкфуртском сейме, и положено: ежели Австрия вступит в Германский союз со всеми славянами, то приступить к общей борьбе для уничтожения немецкого элемента, и когда предприятие славян увенчается успехом, то просить русского Царя об осуществлении давнишней мысли, чтоб русский Царь принял на себя название Славянского Императора.

Центральный революционный комитет в Лондоне посылал эмиссаров в Германию, и положено, чтобы там действовать так, как будут действовать во Франции. Во Франции же намерены начать смуты в апреле или мае 1852-го года и приглашают немцев начать то же в марте того года. Народы, то есть чернь, в Европе нам не преданы, чиновники же, напротив, преданы.

После Ольмуцкого смотра⁸² войско австрийское потеряло совершенно уважение к своему Императору, в особенности, когда увидели возле него Нашего Царя. Вообще дела там очень шатки, и ежели будет какое-нибудь возстание, то первыми жертвами будут Шварценберх и Грюн⁸³.

Когда Метерних⁸⁴ возвратился в Вену, то весь гарнизон был поставлен под ружье из предосторожности, чтобы не сделалось возмущение.

Князь Виндишгрец⁸⁵ такой ультра-аристократ, что по его мнению человек начинается с барона!

Раскольниковый митрополит, имевший свою резиденцию в Белокрынице, несмотря на требование нашего правительства, до сего времени проживает в Крагенфурте, близ Вены, и без наималейшего за ним полицейского надзора, а монастырь в Белокрынице распечатан и раскольники из оного ездят беспрепятственно к митрополиту, и даже он сам тайно приезжал в Белокрыницу⁸⁶.

ОКТАБРЬ 29. Государь Император пожаловал обер-гофмейстеру барону Льву Карловичу Боде⁸⁷ 36 т. рублей на уплату долгов.

ОКТАБРЬ 30. Получено из-за границы известие, что Принц Александр Гессенский 14/26

октября в Бреславле обвенчался с графиней Гауке (Morganatisch Vermahlt)*.

ОКТАБРЬ 31. Получено известие с Кавказа, что сын командира лейб-гвардии Горского полуэскадрона полковника Анзорова⁸⁸, воспитывавшийся в 1-м кадетском корпусе, бежал к Шамилю⁸⁹.

Полковник Анзоров огорчен до такой степени, что хочет убить своего сына, и когда был успокоиван, то сказал, чтобы его по крайней мере отпустили на Кавказ, что он непременно отыщет своего сына и предаст его в руки правительства.

НОЯБРЬ 1. В 11 ч. утра отправлен первый поезд в Москву по железной дороге. 5 вагонов, 200 пассажиров⁹⁰.

НОЯБРЬ 2. Слышны были жалобы на Московской железной дороге, что пассажиров заставляют снимать шляпы и что желающих ехать 1-го ноября в Москву было до тысячи человек, а приняли в вагоны только двести.

Генерал-адъютант Илья Гаврилович Бибииков⁹¹ не согласился принять под свое начальство действительного статского советника Бологовского, желавшего служить в Вильне губернатором. Впоследствии Бологовской умер, а вдова его и дочь написали к Бибиикову и супруге его такие неприличные письма, каких нельзя ожидать от порядочных женщин.

НОЯБРЬ 3. Маркиза Виргиния Боцелла, побочная дочь одного из князей Эстергази, — в тесной связи с Анатолием Николаевичем Демидовым.

2-го ноября генерал-майор Принц Александр Гессенский уволен от службы.

НОЯБРЬ 4. Лев Кирилович Нарышкин⁹², быв начальником экспедиции о заготовлении государственных бумаг, непрерывно имел неудовольствия с графом Вронченко⁹³ и при этих неудовольствиях напоминал, что он принадлежит к семейству Государя, что он царской крови!

Вместо Нарышкина назначен Действительный статский советник Ремизов⁹⁴. Узнав об этом, все чиновники той экспедиции отслужили молебен.

НОЯБРЬ 5. 31-го октября было напечатано в Северной пчеле письмо члена Государственного совета барона Модеста Андреевича Корфа⁹⁵ к редакторам той газеты с изъяснением неудовольствия, как-де они смели напечатать в пчеле похвалу ему, барону Корфу, и извлечь эту похвалу из статьи, помещенной в иностранных журналах, о цветущем положении публичной библиотеки! — Оказалось, что барон Корф сам лично и своеручно отдал особый отпечаток из немецкого журнала о себе, с желанием, чтобы он был напечатан, Н-ю И-чу Гречу⁹⁶ в английском клубе при 25-ти свидетелях, — а после приехал к Гречу и требовал, чтобы Греч напечатал его письмо, сиречь — чтобы прежде похвалить себя, а потом отречься от похвал. Когда князь Волконский⁹⁷ побранил его за то, что напечатал о себе похвалу, — оказалось еще и то, что он же напечатал письмо о себе в немецкой газете, ибо кроме его никто не мог знать таких подробностей о библиотеке.

Dixi.

НОЯБРЬ 6. Барону Стиглицу⁹⁸ Государь Император пожаловал Св. Владимира 3-й степени.

НОЯБРЬ 8. Известно, что принцу Александру Дармштадтскому объявлено, что через год он может приехать в Россию, но Его супруга никогда.

НОЯБРЬ 9. Граф Бобринский рассказывал, что он сам слышал в Москве сильный между народом ропот, когда отошел первый поезд по железной дороге без молебствия: «И ямщик, сев на телегу, снимет шапку да перекрестится!» — говорили в народе.

НОЯБРЬ 10. Получено известие о кончине короля Ганноверского⁹⁹.

НОЯБРЬ 11. Католический Епископ Головинский¹⁰⁰ посвящен в Митрополиты.

НОЯБРЬ 12. Карлотта Гризи, узнав, что отставной офицер Абаза рассказывает о тесной своей с нею связи, хотела написать к нему самое дерзкое письмо и воспретить ему вход в ее дом. Но ей советовали этого не делать, а только приказать своему швейцару не принимать его, — она исполнила этот совет, а между тем г-н Абаза точно рассказывает, что пользуется ее милостями, что в первый раз имел ее 4-го или 5-го ноября.

НОЯБРЬ 13. И. О. Сухозанет¹⁰¹ в английском клубе выиграл у А. И. Сабурова¹⁰² 60 т. руб. серебром.

НОЯБРЬ 14. В 1850 году отставной генерал-лейтенант Ершов подал Государю просьбу, что действительный статский советник Смирнов неправильно укрепил его, Ершова, имение за собой. Пошел суд, и уголовная палата присудила Ершова за клевету, выдержать в тюрьме полгода.

НОЯБРЬ 15. Праздные люди всегда что-нибудь выдумывают на счет князя Меншикова¹⁰³. Так начали рассказывать, будто бы граф Клейнмихель вызвал князя Меншикова на дуэль. «Не годится в наши лета стреляться, — отвечал князь Меншиков, — а лучше бросим жребий, кому проехать по железной дороге!»

НОЯБРЬ 16. Бахерахт¹⁰⁴ уведомил, что в Россию едет перчаточник Журдан с преступными поручениями от заграничных злоумышленников. Журдан был на границе арестован и доставлен в Санкт-Петербург. Он оказался совершенно невинным и освобожден.

НОЯБРЬ 17. Бахерахт уведомил, что в Магдебурге проживает купец Конт, что он человек вредный и в товарах своих пересылает в Россию разные преступные прокламации. По строгим справкам обнаружилось, что Конт строгий легитимист, ни в какие политические дела не вмешивается и скромно занимается только своею торговлею.

Частые предупреждения Бахерахта о злоумышленниках и непрерывное обнаружение, что донесения его оказываются неосновательными, доказывает, что он легко принимает впечатления на счет злоумышленников и что заметившие его слабость люди неблагонамеренные пользуются этой слабостию и делают ему доносы, конечно, из видов корыстолюбия — просто обманывают его и берут с него деньги.

НОЯБРЬ 18. Получено предупреждение, будто бы певец Итальянской оперы Формез ужасный революционист, что он в Германии и Швейцарии везде был первый на барикадах и что есть даже гравюры, его изображение со знаменем на барикадах.

Просили Рохова¹⁰⁵ узнать, до какой степени справедливы эти известия.

НОЯБРЬ 20. Немецкое танцевальное общество переведено из дома Косиковского в дом Якунчиковой и сего числа давало первый обед в своем новом помещении.

НОЯБРЬ 21. Курляндский дворянин барон Остен-Сакен, прожив 5 лет за границей, возвратился в Россию без паспорта и на границе объявил, что он адъютант принца Мекленбург-Стрелицкого. Его привезли к допросу в 3 отделение, где оказалось, что он это сделал из шалости. Повелено определить его юнкером в Уланский, принца Виртенбергского, полк.

По словам графа Клейнмихеля, на построение Московской железной дороги выдано ему от правительства 66 800 000 рублей серебром. Дорога эта будет приносить ежегодного дохода 7 200 000 рублей серебром, из коих граф Клейнмихель будет удерживать 3 200 000 рублей серебром на текущие расходы и на составление запасного капитала, а 4 000 000 рублей серебром будет отсылать ежегодно в государственный сундук.

НОЯБРЬ 22. Обнаружено, что Итальянской оперы певец Форнест* действительно находился на баррикадах в Вене. Приказано иметь за ним строгий надзор, а по окончании контракта выслать за границу и в Россию не впускать.

НОЯБРЬ 23. Утром на Неве лед остановился.

24-го. Государь Император и вся Царская фамилия переехала из Царского Села в С.-Петербург.

В Киеве, Житомире и Каменце-Подольском разнеслись слухи, будто бы Государь Император повелел католическую литургию перевести на славянский язык. Новое доказательство, какая кроется в том крае неблагонамеренность!

НОЯБРЬ 25. Смоленские дворяне изъявили желание отправить в Москву депутацию для принесения в Успенском соборном храме торжественного благодарения за дарованные России Государем Императором Николаем Павловичем благодеяния.

Прежде сего доходили сведения, что Смоленское дворянство имело намерение испросить Высочайшее соизволение на принятие Его Величеством имени Великого как наиболее соответственного великим делам Его и славе возвеличенного Им русского народа.

На докладе о желании из Смоленска послать депутацию в Москву Его Величество написал: «Молиться, буде хотят, могут везде, и может каждый про себя, а не в виде общем».

26. Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич¹⁰⁶ в 12 часов дня в Зимнем дворце в присутствии Государя Императора и всей Царской фамилии, чужестранных министров, членов Государственного Совета, сенаторов и других знатных особ произнес присягу как в верности царствующему Государю и Отечеству, так равно в соблюдении права наследства и семейного распорядка. Потом из церкви было шествие в Георгиевский зал, где перед тронем, под штандартом лейб-гвардии Уланского полка, Его Высочество присягнул на верность службы Государю и Отечеству.

Было 301 пушечных выстрелов.

Рышкин, Пузанов и Задорожный, три человека чрезвычайно недобросовестные, предложили графу Адлерберху купить Глушковскую фабрику графа Потемкина¹⁰⁷ с тем, что они найдут людей, которые эту фабрику сейчас у него перекупят с выгодой для него. То есть эти три господина хотели просто обмануть честного Адлерберха.

26. Получено телеграфическое известие, что президент Французской республики арестовал Шангорнье, Ламорисьера и Шара, первого за то, что он легитимист, второго за то, что он либерал, третьего за то, что он на челе монтаньяров¹⁰⁸.

НОЯБРЬ 27. Помещик Вилькомирского уезда Ляхницкий, живя в несогласии с соседним помещиком графом Коссаковским, приказал поймать на своем поле крестьянскую лошадь графа Коссаковского и своими руками отрезал ей ноздри, половину языка и между ребрами кусок мяса, от чего та лошадь вскоре сдохла.

Генерал-губернатор Бибиков¹⁰⁹ приказал Ляхницкому заплатить крестьянину за лошадь тройную цену, а его, Ляхницкого, за такой зверский поступок посадить в тюрьму.

Господи Боже мой! Есть ли между зверями такие звери, каких мы встречаем между людьми?!

Между тем этот Ляхновский* обращает на себя особенное внимание вообще необузданною дерзостью.

Получено известие, что Людовик Наполеон при арестовании Шангорнье, Ламорисьера и Шара сам провозгласил себя президентом республики на 10 лет и при этом случае сказал, что он или будет президент, или что в Елисейский дворец войдут не иначе как через его труп.

Посмотрим, что будет.

Париж объявлен в осадном положении.

НОЯБРЬ 28. Получено известие из Парижа, что движение народа делается опасным, на улицах поют la Marseillaise** и кричат: «A bas le Dictateur! — Mort au tyran!»***

Лудовик Наполеон сказал: «Je sais que je joue gros jeu, mais j'irai jusqu'au bout!»**** Его приверженцы надеются, что он возьмет верх, но опасаются изменнической пули.

В предместьях Сго Антония начали строить баррикады; некоторые из них были атакованы войском и взяты; при этом случае один из предводителей монтаньяров, Боден10, убит.

29. Лудовик Наполеон переменил несколько генералов в армии и заменил их людьми, ему преданными, между коими наиболее отличается генерал Рено, который открыто говорит о возстановлении империи.

НОЯБРЬ 30. Ceux qui voient Louis Napoleon en public, ne peuvent se faire une idee de son etat mental dans toute sa realite: son aspect froid et placide en apparence, recouvre un veritable volcan en ebullition. Dans ses receptions solennelles, il compose sa contenance et affiche l'indifference d'un homme qui est sur de son fait. Mais rentre dans son fort interieur, et en presence de personnes qui jouissent de sa parfaite confiance et de son intimite, son aspect change, sa face devient livide, ses yeux hagards et son irritation eclate en paroles vehementes; et comme il a la pretention d'imiter son oncle, meme dans des defauts et dans ses faiblesses, il lui arrive de donner une representation d'attaques de nerfs, simulant ainsi les scenes d'epilepsie a laquelle l'Empereur Napoleon etait sujet; et alors les imprecations coulent a plein bord; tout ce qui lui tombe sous la main est brise, mais sa fureur est intelligente, elle menage les objets de prix et ne s'exerce que sur ceux qui ont peu de valeur et beaucoup de solidite; c'est presque toujours les encriers, les sonnettes et les presse-papiers qui en sont les victimes.

149 Перевод с французского: Тем, кто видит Луи Наполеона публично, трудно представить об его духовном облике всей правды: его взгляд, холодный и спокойный по внешности, прикрывает настоящий кипящий вулкан. На своих торжественных приемах он принимает осанку сообразно обстоятельствам и старается выказать равнодушие человека, который уверен в своем успехе. Но по удалении в свои интимные покои и в присутствии людей, пользующихся его полным доверием и близких, его внешность меняется: лицо становится мертвенно-бледным, глаза свирепы и раздражение прорывается в запальчивых словах; а так как он имеет претензию быть похожим на своего дядю даже в его недостатках и слабостях, то он следует ему в представлении нервных припадков, симулируя сцены эпилепсии, которою страдал император Наполеон. — И тогда проклятия льются через край, все, что ему попадает под руку, — разбито; но ярость его разумна — она щадит ценные вещи и испытывают ее лишь те, которые недорого стоят и очень прочны: почти всегда только чернильницы, колокольчики и пресс-папье становятся жертвой!

ДЕКАБРЬ 1. On dit que le general Changarnier a eu une entrevue avec Ledru-Rollin. Changarnier, qui selon les feuilles anglaises, exprima son aversion pour l'Angleterre, ajouta que depuis plusieurs annees l'envahissement de ce pays avait ete le reve de sa vie; qu'il avait envoye des agents pour lever les plans, etudier les ports et recevoir de renseignements detaillés sur la topographie et les moyens de defense du pays, et que, d'apres ces donnees, il lui a paru que la prise et la destruction de la capitale anglaise etait possible; qu'il desirait vivement tenter cette entreprise, et venait demander a Ledru-Rollin les moyens de la mettre en execution. Celui-ci lui repondit que ces sortes d'affaires n'etaient pas dans ses attributions. Mais Changarnier repliqua qu'il pouvait reunir 12 000 hommes, appartenant a des regiments qu'il avait commande en Afrique; il demandait seulement de lui procurer les moyens de transports. Le General voulut lui prouver qu'avec ces troupes il s'emparerait de Wolwich, brulerait les vaisseaux dans les docks, fondrait sur Londres stupefie, ruinerait cette ville ou s'en rendrait maitre. — «En cas de non

reussite, ajouta-t-il, je vous autorise, vous et vos collegues a me desavouer» et lui donna sa parole d'honneur de soldat que, s'il etait pris, pendu ou fusille, il mourrait sans accuser personne. Ledru-Rollin lui fit observer que ce n'etait pas le moment, que la republique avait besoin de l'appui de l'Angleterre. «Nul doute, s'est-il ecrie, que la France ne prenne un jour sa revanche de la victoire de Waterloo; mais qu'aujourd'hui, la paix avec la Grande-Bretagne etait une necessite flagrante, que tel etait le voeu du peuple francais. — Au surplus, «il croyait que la France devait combattre un ennemi et venger son honneur a visage decouvert, a armes courtoises, et non par un acte de piraterie et qu'il etait indigne de la France d'attaquer en traître la vie et les proprietes des citoyens paisibles.» — Cette dernière phrase est évidemment de fabrication anglaise et fait trop d'honneur à la prétendue loyauté chevaleresque de M. Ledru, qui à cette même époque travaillait trahissement à l'envahissement de la Belgique. Перевод с французского: Говорят, что генерал Шангарнье имел свидание с Ледрю-Ролленом¹¹¹.

Шангарнье, согласно известий английских листков, высказал свое отвращение к Англии, прибавив, что в течение многих лет завоевание этой страны было целью его жизни, что у него были приглашены агенты для снятия планов, изучения портов и собирания сведений о топографии и способах защиты страны. По этим данным ему ясно, что захват и разрушение английской столицы возможны, каковое предприятие он страстно желал бы испытать. Он и явился к Ледрю-Роллену просить о средствах привести это в исполнение. Последний отвечал, что подобного сорта дела вне его компетенции. Но Шангарнье возразил, что он мог бы собрать 12 000 человек, принадлежащих к полкам, которыми он командовал в Африке, он просил только предоставить ему транспортные средства. Генерал хотел доказать ему, что с этими войсками он завладеет Вульвичем, сожжет корабли в доках, ворвется в пораженный ужасом Лондон, разрушит этот город или сделается 150 его хозяином. «В случае неудачи, — прибавил он, — я позволяю вам и вашим товарищам отречься от меня» и дал ему честное слово солдата в том, что, если будет взят в плен, повешен или расстрелян, умрет, не обвиняя никого. Ледрю-Роллен заметил ему, что теперь не время, что республика имеет нужду в помощи со стороны Англии. «Нет никакого сомнения, — воскликнул Ледрю-Роллен, — Франция когда-нибудь возьмет реванш за победу при Ватерлоо, но теперь мир с Великобританией был бы жгучей необходимостью, он — желание французского народа!» Кроме того, «он полагает, что Франция должна сразиться с врагом и отомстить за свою честь с открытым лицом, как на рыцарском поединке, а не по образцу пиратов; было бы недостойно Франции предательски посягнуть на жизнь и собственность мирных граждан». Последняя фраза очевидно английской фабрикации и делает слишком много чести мнимому рыцарскому прямотишию г-на Ледрю, работавшего предательски в это самое время над планом захвата Бельгии. ДЕКАБРЬ 10. Известия из Парижа. Le President ne cesse de repeter que c'est l'etoile de son oncle qui le guide. La troupe n'a plus d'autre cri que: „Vive L'Empereur!“ Thiers, quoique captif, tenait des propos assez libres sur le compte du President, comme: „tout n'est pas fini encore, rira bien qui rira le dernier!“ etc. — Le President a envoye le general Rebillot dire a Madame Thiers de prevenir son mari que s'il osait proferer la moindre parole de blame contre sa personne et ses actes, qu'il le ferait fusiller sur le champ. M. Carlier prete un loyal concours au prefet de police M. Maupas. C'est bien. Un grand nombre d'innocents ont ete victimes de leur curiosite ou d'un fatal hazard qui les avait porte sur les lieux des combats. On cite dans le nombre un Russe Paninsky de Kief. — Un autre Russe Stolyenin a ete arrete au moment ou il dejeunait au restaurant de la maison doree, lorsqu'elle fut investie; mais il a ete rendu a la liberte apres quelques heures de captivite. Перевод с французского: Президент не перестает повторять, что звезда его дяди ведет его. У войска нет другого клича, как «Да здравствует император!» Тьер¹¹², хотя и под арестом, произносил достаточно вольные слова в адрес Президента, как-то: — «Не все еще кончено! Хорошо смеется тот, кто смеется последний!» и т. п. — Президент послал генерала Ребилло сказать госпоже Тьер, чтобы она предупредила своего мужа, что, если тот осмелится произнести хоть малейшее слово порицания против его личности и его действий, он его расстреляет на месте. Г-н Карлье лояльно оказывает помощь префекту полиции г-ну Мопе. Это хорошо. Большое количество невинных стало жертвой своего любопытства или рокового безрассудства, которые привели их на места сражений. В том числе помещают и одного русского — Панинского из Киева. Другой русский, Столыпин, был задержан за завтраком в ресторане золотого дома во время его блокады, но после нескольких часов плена он был выпущен на свободу. ДЕКАБРЬ 11. Все эти дни слышен был ропот на счет распоряжения об уменьшении числа индигентов и что от этого многие войдут по миру. Рассуждают, что прежде должно бы

числа чиновников и что от этого многие пойдут по миру. Гассуждают, что прежде должно бы уменьшить и уничтожить бесполезные формы при переписке и что тогда число чиновников мало-помалу само собою уменьшилось бы. Известия из Парижа от 26 ноября (8 декабря). *Personne ne doute ici que le but du President est de proclamer L'Empire. Les affides de L'Elysee ne s'en cachent-ils*

nullement; — ils disent ouvertement que le salut de la France depend de l'Empire. Le commerce et la grande majorite de la bourgeoisie semblent tres satisfaits de cette revolution, car on commencait deja a se fatiguer de ce bavardage qui entravait la marche du gouvernement et paralysait le commerce. 151

Перевод с французского: Никто не сомневается здесь, что цель президента — провозглашение империи. Секретные агенты Елисейского дворца¹³ не скрываются нисколько — они открыто говорят, что спасение Франции зависит от империи. Торговые круги и огромное большинство буржуазии, кажется, очень удовлетворены этим переворотом, так как начали уже уставать от всей этой болтовни, мешающей ходу управления и парализующей коммерцию. От 28 ноября / 10 декабря. *L'ordre le plus parfait regne a Paris; mais les troubles qui dans ce moment-ci embrassent les provinces sont atroces! les hommes paisibles sont dans l'epouvante; les massacres continuent avec une intensite effrayante: c'est une veritable jacquerie dans toute sa hideuse reproduction. A Beziers le peuple massacrait sans distinction d'opinions pourvu qu'on appartienne a la classe aisee. On a vu des drapeaux qui portaient des inscriptions telles que celles-ci «Mort aux riches! — Partage des biens!» etc. —*

Quoiqu'il en soit, tant que l'ordre et la securite regneront dans Paris, le peril n'est pas aussi flagrant et peut etre conjure, non sans une grande effusion de sang, mais sans danger reel pour le Gouvernement. La police a porte a la connaissance du President que plusieurs russes tenaient des propos inconvenants contre sa personne et ses actes; Louis-Napoleon a ete fort irrite, et a ordonne d'expulser de France ceux qui se permettraient des paroles de blame contre lui. Et c'est tres bien! Перевод с французского:

Превосходнейший порядок царит в Париже, но волнения, охватившие в настоящий момент провинцию, ужасны! Мирные люди в страхе, избиения продолжаются с поразительной интенсивностью: это настоящая жакерия, во всем ее отвратительном воспроизведении. В Безье народ убивал всех без различия убеждений, только по принадлежности к зажиточному классу. Видны были знамена, на которых имелись надписи, например, такие: «Смерть богатым!», «Раздел имущества!» и т. п. Хотя пока порядок и беззаботность и царят в Париже, но опасность все так же жгуча и может быть отвращена с большим кровопролитием — но без реальной опасности для правительства. Полиция довела до сведения президента, что многие русские произносят против него самого и его действий непристойные речи. — Луи Наполеон был сильно рассержен и приказал изгнать из Франции тех, кто позволит себе выражать ему порицания. И это очень хорошо! 12. Министр императорского двора князь Волконский подал Государю Императору счет, что Его Величество в течение года проиграл в карты 1300 рублей. «Нет, такая игра разорительна, — сказал Государь, — лучше по вечерам ездить в театр!» 13. Правительство заметило, что обращающиеся в народе кредитные билеты без большого затруднения могут быть переводимы на камень и потом гравированы, а потому изобретено новое средство покрывать билеты таким лаком, который не допустит их перевода на камень. Экспедиция заготовления государственных бумаг уже изготовила таких билетов на 7 миллионов рублей, которые будут выпущены в обращение с нового 1852 года, а прежние билеты мало-помалу уничтожены. В Риге обнаружен литограф Матшков, который изготовил 600 десятирублевых фальшивых кредитных билетов и более ста успел уже пустить в оборот. Он и сам в этом сознался. В Саратове к единовременной часовне привезен был неизвестно кем колокол. Саратовский Епископ

Афанасий¹⁴ приказал колокол тот освятить и повесить на колокольне, но губернатор нашел нужным произвести следствие, не кроется ли тут воровство, и, узнав, что колокол был вылит на заводе Гудкова, ¹⁵²спросил его: кем был колокол заказан? Гудков отказался отвечать, назвав колокол секретным. Губернатор¹⁵ приказал Гудкова заслушание арестовать. Тогда епископ Афанасий написал к губернатору, что ежели сейчас не освободит Гудкова, то по уставу святых отец и власти, данной ему от Бога, отлучит его от церкви и предаст анафеме! Каков Афанасий?! Да это он возвращает нас в 15-е столетие! ДЕКАБРЬ 14. Большая часть французского духовенства объявила себя в пользу Людовика Наполеона. Все революционные эмблемы сняты полицией с трактирных вывесок. ДЕКАБРЬ 16. Генерал-адъютант Засс¹⁶, уволенный по собственному желанию от командования Кавалерийской Дивизией в корпусе Генерал-адъютанта барона Остен-Сакена¹⁷, при разводе во всеуслышание бранит Сакена и уверяет, что ни один

настоящий полководец с ним спутаться не может. При этом описав все недостатки и пороки Сакена

честный человек с ним служить не может. при этом случае рассказывал он два поступка Сакена, унижающие честь войск и выводящие оное из терпения: 1) Сакен был недоволен церемониальным маршем и приказал еще раз идти мимо его тихим шагом, сам он стоял задом к войскам и так заставил всех салютовать. 2) Весь корпус был в строю; в одном эскадроне шеренги не были выравнены; Сакен поехал домой и приказал дать себе знать, когда будет выравнено! Разумеется, что выравняли в одну минуту; но весь корпус ожидал два часа его вторичного приезда! ДЕКАБРЬ 17. Получено телеграфическое известие, что Пальмерстон¹ оставил министерство. Слава Богу. ДЕКАБРЬ 18. Во Франции обращает теперь на себя внимание вопрос о свободе тиснения. Кажется, что возвратятся просто к цензуре. Может быть, не столь строгой, какая нынешняя, но с некоторою свободою в суждениях. Пора. — Дай Бог. ДЕКАБРЬ 19. Сегодня я ценсоровал пресмешную пьесу: «Les droits de l'homme!»* Roger говорит: D'ailleurs tous les gouvernements ont reconnu la Republique**. Duroc отвечает: Je ne l'ai pas reconnue, moi! Roger. Mais vous n'etes pas un gouvernement, vous! Duroc. Si, Monsieur! je gouverne ma maison. Chaque menage est un gouvernement constitutionnel en petit. Le mari y represente le roi, le contrat la charte, et la femme y joue le role de la revolution en permanence***. ДЕКАБРЬ 20. В военном министерстве тревожатся, что пропустили 50-летие службы князя Воронцова¹ и не доложили об оном Государю Императору. ДЕКАБРЬ 21. Из штаба 4-й пехотной дивизии в Ломже 4 декабря бежал унтер-офицер Ладожского Егерского полка Андерсон сын Андресин. Он явился в Новогеоргиевскую комиссариатскую комиссию под именем подпоручика Олонецкого пехотного полка Рывоцкого и получил по двум подложным доверенностям жалование для чинов упомянутого штаба 15 тысяч рублей серебром. Мерзавец этот, кажется, скрылся за границу, потому что поехал на Ковно. 153 ДЕКАБРЬ 22. Слышны повсюду неудовольствия и даже вопль бедных чиновников, которых для сокращения государственных расходов предположено увольнять от службы. Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич изъявил желание, чтобы для Него не строили особенного дворца, но чтобы дозволено было Ему жить всегда в Зимнем дворце. Светлейший князь М. С. Воронцов ДЕКАБРЬ 27. Еще пишут из Парижа: On fremit d'horreur au recit de ce qui s'est passe dans les Departements: les massacres impitoyables, sans distinction d'opinions, d'age, ni de sexe; le pillage, la destruction, le viol, ont jete la terreur dans l'esprit de tous ceux qui ne professaient pas le socialisme, et ont fait repudier ces funestes doctrines a un grand nombre de personnes, qui les avaient d'abord epousees, mais qui n'en avaient pas calcule les terribles consequences. Bien que la presse rougissee des abominables excès qui ont ensanglantes le sol francais, et que, d'un commun accord, elle a jete le voile sur ces degoutantes turpitudes, il est impossible maintenant de revoquer en doute, d'apres les revelations de temoins oculaires que des bandes de forcenes ont envahi des couvents de femmes et des pensions de demoiselles et ont exerce sur les pieuses et innocentes creatures qui les peuplaient leur infame et sauvage brutalite; on a trouve dans un couvent des lambeaux de membres de femmes, qui presumablement, ont ete mises en pieces par ses feroces brigands, en resistant a leur violence. A Forcalquier (Dep. des Basses-Alpes), les brigands ont viole sur la place 154 publique, sept femmes des plus notables habitants de cette ville. Quelques miserables, apres avoir assouvi leur hideuse passion, massacraient les malheureuses victimes de leur ferocite. On est saisi d'epouvante quand on songe que si Louis Napoleon n'avait pas tranche le noeud Gordien par une resolution energique, ce que serait devenue la France en 1852! car, si aujourd'hui, lorsque rien n'etait prepare il s'est commis des actes d'une telle atrocite que serait-ce devenu a une epoque pour laquelle on se preparait? Le mot d'ordre des societes secretes avaient ete donne, le mai prochain, et un systeme de carnage et de spoliation s'organisait dans l'ombre. Dans une lettre que Louis Blanc vient de publier, il declare que tout n'est pas fini; il exhorte les bourgeois de donner la main au peuple pour recommencer une revolution, et predit qu'elle sera triomphante. Перевод с французского: Содрогаются в ужасе при рассказе о том, что произошло в департаментах: безжалостные убийства, не разбирая убеждений, возраста и пола, грабеж, разрушение, изнасилования терроризировали умы всех, кто не исповедует социализм, и заставили большое количество людей, ранее связанных с этой гибельной доктриной, но не оценивших ужасающих последствий, теперь отвергнуть ее. Хотя пресса стыдится мерзких эксцессов, обгагривших кровью французскую землю, хотя, в общем согласии, она набросила вуаль на эти внушающие отвращение гнусности, невозможно, однако, в настоящее время сомневаться, после откровенных рассказов свидетелей-очевидцев, что банды бешеных нахлынули в женские монастыри и

пансионы для девиц и изошрялись в своих гнусностях и диком скотстве над населявшими их благочестивыми и невинными созданиями. В одном монастыре нашли части тел женщин, которые, вероятно, были разорваны в клочки этими жестокими разбойниками при сопротивлении их насилию. В Форкалье (департамент Нижних Альп) разбойники изнасиловали на общественной площади семь женщин из наиболее почтенных семейств этого города. Несколько презренных, утолив свою гнусную страсть, убили несчастные жертвы своего злодеяния. Ужас охватывает при мысли, чем бы стала Франция в 1852 г., если бы Луи Наполеон не разрубил энергичным решением гордиев узел. Так как если теперь, когда ничего не было подготовлено заранее, совершаются акты подобной жестокости, то что случилось бы в то время, к которому бы приготовились? Лозунг выступления тайных обществ был дан на ближайший месяц, и система резни и грабежа организовывалась потихоньку. В письме, которое Луи Блан только что опубликовал, он объявляет, что не все покончено, убеждает буржуа подать руку народу, чтобы вновь начать революцию, и предсказывает, что последняя восторжествует. 28. Известия из Парижа. Le President travaille sans relache a la redaction d'une constitution; Il est certain qu'elle sera modulee sur celle de l'an 8; la reduction de toute autorite de l'assemblee... Перевод с французского: Президент работает без роздыха над редактированием конституции. Известно, что она будет смоделирована с конституции 8-го года — полное умаление власти законодательного собрания... 1852 ГЕНВАРЬ 10. ...ему ни одного вопроса, не потребовал от него оправдания и генерал-аудиториат представил о нем доклад, не заключающий в себе истины. Князь Чернышев приказал действительному статскому советнику Суковкину¹²⁰ рассмотреть и объяснение и жалобу Поливанова¹²¹. Суковкин представил доклад князю Чернышеву и, оправдывая Поливанова, в заключение сказал: «Справедливость, польза службы и собственная 155 честь вашей светлости требует, чтобы об этом деле было передложено Государю Императору». Генерал-майор барон Вревский¹²² написал: «Согласен с мнением Суковкина!» Дело еще не получило дальнейшего движения. ГЕНВАРЬ 11. Получено известие, будто бы один злодей, переодевшись в жандармский мундир, сделал выстрел в президента Французской республики. ГЕНВАРЬ 12. Генерал-аудиториат представил Государю Императору военно-судное дело об одном офицере и, во уважение 27-летней его безпорочной службы, ходатайствовал о смягчении приговора. Рассматривая дело, Его Величество заметил, что офицеру этому всего 36 лет от роду. За эту непростительную ошибку генерал-аудитор тайный советник Наинский¹²³ арестован на три дня. ГЕНВАРЬ 13. По случаю арестования тайного советника Наинского распространилось общее о нем сожаление, и, признавая его виновным, рассуждают, что его высокое звание должно было оградить его от подобного наказания. ГЕНВАРЬ 14. Княгиня Юсупова¹²⁴ купила за 500 тысяч рублей ассигнациями бриллиант «Северная Звезда», принадлежавший некогда князю Потемкину-Таврическому¹²⁵ и от него перешедший в семейство Юсуповых. Бриллиант этот потом принадлежал Рибопьеру¹²⁶ и был продан в Англии. Получено известие, что Император Австрийский уничтожил конституцию 4 марта 1849 года. Умно сделал. Президент Французской республики изгнал из Франции 151 представителя народного, которые более других шумели в палате депутатов. Приказано принять меры не впускать их в Россию. ГЕНВАРЬ 15. Получено известие, что президент Французской республики уничтожил Национальную гвардию. Хорошо сделал. Получено известие, что во Франции снова восстановлены дворянские титулы. Может быть, мало-помалу укротят этих разбойников. ГЕНВАРЬ 16. Герцог Лейхтенбергский 21-го декабря 1851 года прибыл в Александрию на пароходе, предоставленном в его распоряжение королем обеих Сицилий¹²⁷. ГЕНВАРЬ 17. Новое французское уложение включает в себе: 1-е, ответственный Глава государства, назначенный на 10 лет, 2-е, Министры, зависящие от исполнительной власти. 3-е, Государственный совет. 4, Законодательная палата. ГЕНВАРЬ 18. Президент Французской республики переехал из Елисейского дворца в Тюильри¹²⁸. ГЕНВАРЬ 19. Надворный советник Григорий Мироненко¹²⁹ подал митрополиту Никанору¹³⁰ объяснение, что Богородица была дева, а между тем в некоторых молитвах и в посланиях апостола Петра именуют ее «Жено», — и потому просит, чтобы это наименование Богородицы было уничтожено и священные книги перепечатаны. Митрополит имел с Мироненкою прение и доказывал, что слово «Жено» не означает замужней женщины, но выражает только пол. — Мироненко этим не удовольствовался и подал жалобу на митрополита в Сенат. ГЕНВАРЬ 20. Все иностранные изгнанники, живущие во Франции, получили приказание выехать из ее пределов

в самом непродолжительном времени. Хорошо сделано — этих канальев должно бы согнать с лица земли. 156 ГЕНВАРЬ 21. Президент приказал конфисковать все имущество Орлеанской фамилии¹³¹. Это произвело в публике неприятное впечатление. Получено известие из Парижа о следующих переменах, — назначены Персины министром внутренних дел, Мопа министром

полиции, Абатуччи министром юстиции, Бино министром финансов¹³². ГЕНВАРЬ 22. Пиетри назначен префектом полиции в Париже, вместо Мопа. Носятся слухи, что Великобританское правительство намерено укрепить Лондон. — Ежели это правда, то я уверен, что это укрепление будут делать против самих себя, сиречь против внутренних врагов. Вот до чего довела Англию политика гадкого Пальмерстона. Государь Император в манеже Инженерного замка делал смотр гренадерской резервной № 1 батарее. Прибыл в Санкт-Петербург персидский посол Магомет Гусейн. Его встретил на станции железной дороги один из полицеймейстеров и в придворном экипаже отвез в гостиницу Клея. 23. 18-го генваря был бал у генерал-адъютанта Ланского¹³³. Великие Князья Николай и Михаил Николаевичи¹³⁴ оставались там до 4-х часов утра. — На другой день Государь Император сделал за это замечание генерал-адъютанту Философову¹³⁵ и приказал, чтобы Их Высочества не оставались на балах долее полуночи. 21 числа был бал у генерал-адъютанта Игнатьева¹³⁶, на котором Их Высочества также присутствовали. В 12 часов ночи они хотели уехать, но Государь прислал сказать Им, что могут оставаться до ? 1-го часа, и потом позволил Им остаться там до 2-х часов пополудни. Их Высочества были очень этим довольны. Их Высочества рассказывают, что каждый из них влюблен в трех барынь: в девицу, в замужнюю и в танцовщицу. Николай Николаевич — в княжну Трубецкую, в княгиню Барятинскую и в Амосову. Михаил Николаевич — в фрейлину Пиллар, в графиню Адлерберх и Радину¹³⁷. Государь Император изволил быть в маскараде, в Дворянском собрании. Лейб-гвардии Преображенского полка прапорщик Безобразов¹³⁸ в маскараде поссорился за маску с отставным штабс-капитаном Степановым, при чем Безобразов обнажил саблю и ранил Степанова в голову. Безобразов предан суду, и повелено суд кончить в 24 часа. ГЕНВАРЬ 24. Получено известие, что герцог Лейхтенбергский прибыл в Каир. В первых числах генваря Его Высочество осматривал пирамиды. ГЕНВАРЬ 25. Государь Император изволил быть в маскарадах: в Большом театре — 1-го, 6-го и 20-го, в Дворянском собрании — 2-го, 16-го и 23-го генваря. ГЕНВАРЬ 26. Подтверждено запрещение лотерей. ГЕНВАРЬ 28. Были похороны генерала от инфантерии Гурко¹³⁹, на которых изволили присутствовать Государь Император и Наследник Цесаревич. ГЕНВАРЬ 29. Лейб-гвардии Измайловского полка прапорщик Перекрестов¹⁴⁰ влюбился в одну барышню и просил ее руки. Отец отказал. Тогда барышня бежала с Перекрестовым в Гатчину, с намерением там обвенчаться, но, не найдя священника, который бы решился на их обвенчание, они возвратились, и Перекрестов сам объявил Государю Наследнику Цесаревичу о своем поступке. Перекрестов арестован на 8 дней. 157 Лейб-гвардии Гусарского полка полковник Никитин, лейб-гвардии гарнизонного батальона капитан Юрьев, Государственного Контроля коллежский ассессор Лопатский, титулярный советник Парчевский, дворянин Стройновский, статский советник Дубецкий и коллежский советник Посников были по Высочайшему повелению арестованы и преданы военному суду за недобросовестные их поступки с Князем Марцелием Любомирским¹⁴¹, у которого они хотели приобрести покупкою имение его отца и жены. ГЕНВАРЬ 30. По случаю поступка прапорщика лейб-гвардии Преображенского полка Безобразова в маскараде предложено начальнику штаба гвардейского корпуса генерал-адъютанту Витовтову¹⁴² иметь в маскарадах скрытого агента, который наблюдал бы за поведением офицеров, которые иногда позволяют себе некоторые шалости. Персидский посол Магомет Гусейн представлялся Государю Императору. Он и его свита были привезены в Зимний Дворец в трех золотых каретах. ГЕНВАРЬ 31. Государь Император изволил смотреть в манеже Инженерного замка сводную гренадерскую резервную № 2-го батарею. ФЕВРАЛЬ 1. Статский советник Вонлярлярский жаловался Государю Императору, что граф Клейнмихель не платит ему денег за работы за шоссе и пришоссейные здания. Граф Клейнмихель представил Его Величеству свои оправдания и доказательства, что Вонлярлярский совершенно удовлетворен и что просьба его не основательна. Его Величество не убедился доводами графа Клейнмихеля, и этим недоверием он так огорчен, что занемог и утверждает, что не хочет и не может служить долее. ФЕВРАЛЬ 2. В Мадрите, во время шествия королевы Изабеллы 2-й¹⁴³ к литургии, монах Мерино нанес ей удар кинжалом. Рука убийцы была

удержана графом Пино Термозо, но и он и Она легко ранены. ФЕВРАЛЬ 3. Государь Император и Наследник Цесаревич изволили быть в маскараде Большого театра. ФЕВРАЛЬ 4. Государь Император изволил смотреть в манеже Инженерного замка нижних чинов и рекрут, поступивших на укомплектование гвардии. Был маскарад в пользу инвалидов, с лотереєю;

Государь Император, Наследник и Наследница присутствовали на оном. Особ было 3600.

ФЕВРАЛЬ 5. Жена надворного советника Назанского в 9 часов вечера ушла со двора и пропала. При дворе, в Эрмитаже, был спектакль: «Дон Пасквали и Катарина». Получено с Кавказа известие, что наказный атаман линейных казаков¹⁴⁴ генерал-майор Крюковской убит.

ФЕВРАЛЬ 6. У графа Кушелева-Безбородки¹⁴⁵ был бал-маскарад. Этот костюмированный бал посетили: Государь Наследник Цесаревич и Великие Князья Михаил и Николай Николаевичи.

ФЕВРАЛЬ 7. В Высочайшем присутствии был парад войскам гвардейского корпуса. Президент Французской республики запретил носить бороды и усы, предоставляя это только людям военным. В Елисейском саду один часовой сделал выстрел в президента и за это немедленно расстрелян. И дельно.

158 Во Франции сделано новое положение для жандармов. Оно совершенно сходно с нашим, исключая того, что французским жандармам дана и власть исполнительная — они могут сами собою арестовывать каждого. Государь Император изволил быть в маскараде Большого театра.

ФЕВРАЛЬ 8. Гвардии офицер Кавелин побил в театре капельдинера. Он просил у него прощения, и потому поступок этот оставлен без преследования. Канцелярский чиновник Иван Бердяев написал к актрисе Мила¹⁴⁶, что он во время обеда у Доминика слышал разговор двух армян, намеревающихся во время спектакля бросить ей на сцену неприличную штуку. Со

стороны полиции и 3-го отделения приняты меры предосторожности. ФЕВРАЛЬ 9. Государь Император изволил смотреть 329 человек, выбранных из 6-го пехотного корпуса в гвардейскую артиллерию.

ФЕВРАЛЬ 10. У Государя Наследника Цесаревича был бал, целый день, — так называемый: «Folle journée»*. Из Вильны коллежский регистратор Вальмус просил графа Орлова дать ему 300 рублей серебром на 10 лет без процентов, под собственное ручательство пресвятыя Богородицы. — Он не советует собирать справки о его поведении, а бросить эту

сумму на произвол Всевышнего, которому лучше известны и его поведение, и его нужды.

ФЕВРАЛЬ 13. Генерал-адъютант Геруа¹⁴⁷ скончался. Известный певец Тамбурин¹⁴⁸ получил от Государя Императора золотую медаль, украшенную бриллиантами, на андреевской ленте, для ношения на шее. Генерал-адъютант князь Горчаков¹⁴⁹ был опрокинут в санях и сломал себе ребро.

ФЕВРАЛЬ 14. Князь Варшавский¹⁵⁰ не любит приезжать в Петербург и приезжает всегда неохотно — он должен был приехать к Пасхе, а между тем находящийся в Петербурге генерал-адъютант князь Горчаков сломал себе ребро. Один из генералов, служащих в Царстве

Польском, сказал: «Судьба так во всем покровительствует князю Паскевичу, что ему в угоду ломает у людей ребра». ФЕВРАЛЬ 15. Были похороны генерал-адъютанта Геруа в присутствии Государя Императора. Скончалась супруга генерал-адъютанта графа Ржевущего¹⁵¹

родительница графини Орловой. ФЕВРАЛЬ 17. Великая княгиня Мария Николаевна

разрешилась в 6 часов вечера от бремени. Бог дал Ей сына Георгия¹⁵². В 10 ? часов вечера

Великие Князья Николай и Михаил Николаевичи отправились за границу. Их сопровождают: Философов, князь Трубецкой, князь Гагарин и граф Шувалов. ФЕВРАЛЬ 18. Статс-секретарь Туркуль¹⁵³ получил донесение из Варшавы, что там одна женщина родила ребенка с птичьей

головой и рыбьим хвостом. Его Императорскому Высочеству Князю Георгию

Максимилиановичу повелено состоять в полках лейб-гвардии Преображенском и Уланском

Наследника цесаревича и лейб-гвардии в Коннопионерном дивизионе. 17-го скончался инспектор батальонов военных кантонистов генерал-лейтенант Зейдлер¹⁵⁴. 159 ФЕВРАЛЬ 19. Маршрут Великих Князей Николая и Михаила Николаевичей изменен. Им приказано было ехать через

Варшаву в Вену, но получено известие, что императора австрийского нет в Вене, а потому повелено им ехать из Варшавы прежде в Берлин, а потом в Вену. Граф Киселев в таком

раздражительном состоянии, что ему не смеют докладывать о делах. По случаю больших

неисправностей и похищений по лесной части он очень недоволен товарищем своим

Гамалеем¹⁵⁵. ФЕВРАЛЬ 20. Получено известие, что Великий Князь Константин

Николаевич¹⁵⁶, ехав по железной дороге из Венеции, был подвержен опасности. — Крестьянин оставил на рельсах воз сена, с которым столкнулась машина, и вагоны чуть было не соскочили с рельсов. Светлейший князь Варшавский И. Ф. Паскевич-Эриванский ФЕВРАЛЬ 21. Тайный

советник Седлер уволен от службы, и по закону дана ему пенсия 500 рублей серебром в год. Государь Император изволил написать на докладе: «Он 50 лет тому назад служил со мною в одном полку, давать ему от меня по 2000 рублей в год». Граф Клейнмихель чрезвычайно огорчен: на него подал Государю Императору прошение статский советник Лярский, будто бы ему не платят денег за произведенные работы на шоссе. Его Величество изволит давать веру жалобам Лярского, но не совсем оправданиям или объяснениям графа Клейнмихеля. 160 Это так его расстроило, что он даже объявляет, что хочет оставить службу. ФЕВРАЛЬ 22. Здесь составила компания, желавшая взять на откуп зажигательные спички; в члены этой компании был приглашен и вступил статский советник Лярский. Когда он узнал все предположения компании для своих действий, то он отдельно подал просьбу о предоставлении ему этого откупа. Компания сочла это как бы изменою, исключила Лярского из числа своих членов. ФЕВРАЛЬ 23. Из Парижа пишут, что к графине Воронцовой-Дашковой¹⁵⁷, вместо Алексея Столыпина¹⁵⁸, поступил сын князя Метерниха. ФЕВРАЛЬ 24. Генерал-адъютанту Набокову¹⁵⁹ сделался удар и отнялась вся правая сторона. ФЕВРАЛЬ 25. Действительный статский советник Заика¹⁶⁰ в большой тревоге рассказывает, что граф Клейнмихель не будет в состоянии дать отчета в огромных суммах, им по его управлению израсходованных, что эти суммы от заимствования одной для других совершенно посторонних предметов так перепутаны, что едва ли будет возможно их распутать и привести в ясность. ФЕВРАЛЬ 26. Профессор Герман¹⁶¹ делал штуки в Зимнем дворце в присутствии царской фамилии. ФЕВРАЛЬ 27. Государь Император изволил уехать в Кронштадт. ФЕВРАЛЬ 28. Государь Император изволил смотреть сухопутные госпитали и остался очень недоволен беспорядком и нечистотою в оных; но в Кронштадте нашел госпиталь в таком отличном положении, что пожаловал главному доктору 4-го Владимира, а смотрителю 2-ю Анну. Князю же Долгорукову повелел ехать в Кронштадт и взять пример, как можно содержать госпитали. ФЕВРАЛЬ 29. Получено известие, что в Витебске вдруг 700 раскольников приняли православие. Слава Богу. На генерал-губернатора князя Голицына¹⁶² вопиют. Он окружил себя сералем, и женщины у него делают что угодно. Такие же неблагоприятные известия и из Вильно. Там смеются и не уважают Бибикова, а он всех бранит и даже о Государе говорит без должного уважения. Графа Адлерберха называет почтальоном, графа Протасова¹⁶³ попом. Учебная часть представляет совершенный хаос и удалилась от Русского начала. Бедный Государь, так много желает добра и так мало Ему к тому способствуют! МАРТ 1. Голландский подданный Костер и любский уроженец Скрейбер ночью напали в 1-й линии на трех женщин и ранили ножом защищавшего их полицейского унтер-офицера Красильникова. Государь повелел Костера и Скрейбера судить военным судом. МАРТ 2. Свет пошел навыворот! У нас есть тысячи просьб от барынь и девиц, что их соблазнили, что их изнасиловали. Теперь получена просьба от мещанина Тарасова, что дочь коллежского советника Баранова его соблазнила и, родив от него дочь, не отдает ее ему. Вот мерзавец! МАРТ 3. Действительный статский советник барон Корф¹⁶⁴ имеет претензию на Департамент железной дороги. Пять лет лежит дело на столе графа Клейнмихеля, и он не решает оно. Корф подал ему просьбу, он изорвал ее. ¹⁶¹ МАРТ 4. Государь Император повелел министру внутренних дел¹⁶⁵ взять у графа Клейнмихеля 400 тысяч рублей серебром и удовлетворить рабочих людей, которые работали на Смоленском шоссе у подрядчика статского советника Лярского. По этому случаю граф Перовский учредил особый комитет. МАРТ 5. Слышны непрерывные жалобы на начальство Московской железной дороги. На пути пассажиров не принимают, дурно кормят, вагоны протекают, — наконец заговорили, что движение по дороге будет остановлено на два месяца для исправления поврежденных частей дороги. Все это в совокупности побудило Государя Императора послать доверенное лицо узнать о степени справедливости жалоб. Но чтобы отклонить мысль, что Государь Император не имеет доверенности или преследует его, назначен для сего самый близкий графу Клейнмихелю человек, его племянник генерал-адъютант Огарев¹⁶⁶. МАРТ 6. Носятся слухи, что 5 мая Франция будет провозглашена Империею. МАРТ 7. Французы При всех обстоятельствах и во всех случаях смеются сами над собою. Теперь они говорят: «Le president desire l'Empire, et la France en rit (Henri)»¹⁶⁷. МАРТ 8. В городе опять большая смертность — умирает от 50 до 70 человек в сутки. 7 марта нового стиля Великие Князья Николай и Михаил Николаевичи прибыли в Дрезден и пробыли там 4 дня. МАРТ 9. Вчера Государь Наследник Цесаревич был у графа Клейнмихеля,

который больной, встревоженный и все еще недовольный делом Лярского, много оправдывался и долго плакал. Стараниями любителя русской старины графом А. С. Уваровым¹⁶⁸, обнаружено, что прах князя Дмитрия Михайловича Пожарского¹⁶⁹ покоится в Суздале в усыпальнице, носящей имя князей Пожарских. Епископ Иустин¹⁷⁰, тайный советник Арсеньев¹⁷¹, вице-губернатор Владимирской губернии Муравьев¹⁷², академик Погодин¹⁷³ и статский советник граф Толстой¹⁷⁴, разрыв в Спасо-Ефимьевом монастыре усыпальницу Князей Пожарских, обрели в ней прах Князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Честь и слава и царствие небесное доброму, великому русскому человеку. МАРТ 10. Получено известие из Парижа, что на всякого рода капиталы уменьшена плата на 1/2 процента. Дворянского полка кадет Верстовской вошел в алтарь, облачился в ризы и начал служить обедню. Священник, увидя это, выгнал его из алтаря. Государь Император и Наследник Цесаревич присутствовали при выносе тела кавалерственной дамы графини Моден¹⁷⁵. На одной из дочерей графини Моден женат генерал-майор Данези. Брак этот совершен вопреки желанию графини. Говорят, будто бы старая графиня при бракосочетании сказала: «Dieu de Misericorde: Benissez ma fille et Danezi, mon gendre (damnesy)»*. МАРТ 11. Предметы, заключающиеся в просьбе статского советника Вонлярлярского к графу Клейнмихелю: 1. Что по семи его претензиям он точно удовлетворен — получил 225 тысяч 162 рублей серебром. 2. Остается расчет по постройке почтовых домов. Разница в счетах невелика, то и оставляет эту претензию. 3. За песок по смете следовало ему получить 672 870 рублей серебром. — Он понизил цены на 90 383 рубля серебром, т. е. на 45%. — Так поставлял он песок в течение 1849 года, но вдруг получил приказание, чтобы шоссе было готово в 1850 году и потому должен был добывать песок с передачею от 6 до 8 рублей за сажень. Когда вся поставка песку была сделана, приказано платить ему только по 5 рублей за сажень. 4. Претензия за уширение мостов. По контракту устройство их было назначено на 5 рядах свай, а потребовали, чтобы было на 7 рядах. Законтрактована была ширина мостов 3 сажени, а заставили строить в 6 сажень. За уширение мостов просит вместо 437 рублей за погонную сажень по 582 рубля. Граф Л. А. Перовский 5. Расчистка дорожной полосы стоила по смете 5 688 293 рубля серебром — ему дали 3 042 275 рублей. 6. Отсрочили постройку, и от того на вырубленных местах выросли кусты, которые снова должно было расчищать. Эту работу произвел он бесплатно на протяжении 500 верст. 7. Наконец, доказывает, что всю работу кончил. МАРТ 12. Канцелярист в уголовном надворном суде Корюханов отрезал себе ножницами язык. МАРТ 13. Государь Император в чувстве строгой справедливости сам лично изволил 163 заняться разбором жалобы статского советника Лярского на неудовлетворение его за работы по постройке шоссе. Его Величество составил у себя комитет. Присутствовали граф Орлов, граф Киселев, граф Панин, князь А. Ф. Голицын, товарищ главноуправляющего путями сообщения генерал-майор Герстфельд¹⁷⁶ и проситель Лярский. Государь изволил говорить, что контракт есть Его вексель, который должен быть свято и с процентами выплачен; потом, составив собственноручную на шести страницах выписку из всего контракта и дела, доказал, что Лярский должен быть удовлетворен. Вследствие чего запрещение с имения Лярского снято, приказано выдать ему 1 миллион 500 тысяч рублей серебром, и все дело отдано князю Голицыну для составления подробного обозрения оногo. Славная страница в истории Государя Императора Николая Павловича. Пусть владыки целого света учатся, как на святой Руси Ея Венценосец соблюдает строгую справедливость. МАРТ 14. Бросают нехорошую тень на Управление путями сообщения. Рассказывают, что правление оногo прежде начала работ требует всегда огромные капиталы из Государственного казначейства, кладет их в Коммерческий банк и процентов нигде в приходе не показывает. Что постройка шоссе от Орла до Рославля была отдана подрядчику Гуюсу за 6 миллионов 240 тысяч рублей серебром для того, чтобы угодить Гуюсу, ибо он заведывает делами графа Клейнмихеля. Сумма такая огромная, что будто бы сам Гуюс уступил из оной 2 миллиона рублей серебром. МАРТ 15. Жалобы рабочих людей на Московской железной дороге продолжают. Видно, что они имеют основание, ибо Департамент железных дорог отпустил 200 тысяч рублей серебром на их удовлетворение. МАРТ 16. Сегодня было святое Крещение новорожденного Князя Георгия Максимилиановича. Обряд совершен в 11 часов утра, в Зимнем дворце, при съезде всех знатных особ и генералов, штаб- и обер-офицеров гвардии и армии. МАРТ 17. Граф Клейнмихель так огорчен последствиями дела Лярского, что хочет оставить службу, и жаль, что при этом случае он позволяет себе даже неприличные выражения насчет

своего Государя благодетеля! Число больных в городе увеличивается до невероятности. Обыкновенно занемогает в сутки около 70-ти человек, а 16-го и 17-го марта заболело: в первый день 627, во второй 618 человек. МАРТ 18. Господи! Какая всеобщая обнаруживается ненависть к графу Клейнмихелю! И стар, и млад, и мужчины, и женщины, все радуются огорчению, которому он подвергся по делу Лярского. Кровопийцей называют его и не верят счастью, что свойства его обнаруживаются. Французский консул Фамен непрерывно обнаруживал неудовольствие против нынешнего своего правительства. Он отозван. МАРТ 19. Из Берлина получено известие, что несколько сот рабочих вышли на кладбище, на котором похоронены убитые возмутители; там гуляли, напились и вернулись в город. Убитые и там похороненные будут перенесены на их приходские кладбища. Так приказал Король. Напрасно — я бы этих гуляк похоронил на том же кладбище. Воля ваша, а король в Пруссии первый революционер! В Английской клубе был годовой обед. Много пили и заставляли пить французского посланника Кастельбажака¹⁷⁷. Тот сказал: «Messieurs! Grace a 164 Vous, j'ai deja fait, en 1812, une retraite desastreuse, — permettez-moi, cette fois-ci, de faire une retraite honorable!»* В инвалидном концерте были Государь Император, Наследник Цесаревич с супругою и принц Мекленбург-Стрелицкий¹⁷⁸. Публики было довольно, но не полный театр. — После первого раза «Боже, царя храни» кричали ура, но немного, зато заставили повторить гимн три раза. МАРТ 20. Австрийский комиссар финансовой стражи Игнатий Гетлер от имени многих тысяч богемцев (так он выразился) пишет письмо Государю Императору, которым благодарит Его Величество за оказанную помощь Австрии. Громов и Лавров, петербургские купцы, высланы из Москвы графом Закревским¹⁷⁹ за карточную игру. С 17-го на 18 марта в 2-х верстах от Звенигорода отставной коллежский регистратор Бодров напал на почту, застрелил ямщика, выбил из саней почтальона и похитил 30 496 рублей серебром. Его поймали в Москве, нашли при нем 27 981 рубль серебром. Высочайше повелено судить его военным судом. Уж эти мне отставные коллежские регистраторы! МАРТ 21. Непрерывно получают сведения, что офицеры путей сообщения бессовестно пользуются незаконными доходами при Московской железной дороге. — Вся тайна жалоб крестьян состоит в том, что офицеры не выдают подрядчикам квитанций без того, чтобы не заплатить им за выдачу оных. Требования их иногда так неумеренны, что подрядчики не в состоянии исполнить оных, и потому квитанции выдаются по прошествии многого времени, а между тем рабочий народ остается без удовлетворения. Вопиют на этих офицеров, называют их грабителями, а между тем указывают, как роскошно они живут, какие у них экипажи, лошади, стол, вина. Графу Клейнмихелю несколько раз об этом докладывали, и он всегда отвечал: «Докажите!» МАРТ 22. Государь Наследник Цесаревич изволил смотреть в манеже гвардейской берейторской школы верховую езду гг. офицеров, прикомандированных к гвардейским кавалерийским полкам. Надворный советник Невахович возвратился из-за границы и рассказывает, что в Неаполе он оказал России государственную услугу. В трактире за табельдотом бранили Государя: «Господа! — сказал он. — Всякий из вас будет иметь дело со мною, ежели вы не перестанете бранить Государя». — Перестали и даже пили за Его здоровье! В Венеции оказал он услугу Великому Князю Константину Николаевичу. Его Высочество шел по улице со своею супругою и курил сигару. Один англичанин хотел об этом написать к Государю, полагая, что неприлично вести под руку свою супругу и курить сигару, и верно Константину Николаевичу досталось бы от Государя. Невахович упросил англичанина не писать об этом. Ай да Невахович! Господин Лярский рассказывает, что если бы заплатить все долги графа Клейнмихеля, то в Государственном казначействе не достало бы денег. Преувеличено!! МАРТ 23. Из Ковно прибыл мальпост. Между Гатчиною и Царским Селом он ехал 14 верст 10 часов. — Так дурно шоссе! ¹⁶⁵ МАРТ 24. Граф Клейнмихель находится в таком раздражительном положении, что трудящиеся при нем письменною частию не знают, что делать! — Большие с отчетностью доклады рвет по пяти раз, не указывая, как их переделать. Всех бранит, ругает, угрожает побоями, так что все его окружающие находятся в отчаянии. Тайный советник Шереметев¹⁸⁰, у которого похитили на железной дороге 27 тысяч рублей серебром, уведомил, что он сам заметил и другие утверждают, что в вагоне сидел на его месте, притворился спящим и потом шарил около его чемодана отставной поручик Абаза, который на этой же станции, где были похищены деньги, остался. Он, Шереметев, решительно подозревает Абазу, но не смеет удостоверить в истине своего подозрения. МАРТ 25. Дошло до сведения Государя Императора,

что князь Юсупов¹⁸¹, влюбленный в свою двоюродную сестру, дочь Рибопьера, хотел похитить ее и тайно жениться на ней. Его Величество, желая предупредить несчастье как для Юсупова, так и для девицы Рибопьер, повелел арестовать его и немедленно отправить на службу в Тифлис. Князю Юсупову намерены были способствовать в похищении девицы Рибопьер князь Гагарин и Воейков. Государь Император и Государь Наследник Цесаревич были на церковном параде лейб-гвардии Конного полка. МАРТ 26. В 8 часов утра прибыл в Санкт-Петербург г-н сенатор-фельдмаршал Князь Варшавский, граф Паскевич Эриванский. МАРТ 27. Государь Император изволил быть на похоронах генерала от артиллерии Гелленшмита¹⁸². Принц Ольденбургский¹⁸³ пригласил члена Государственного Совета Тенгоборского¹⁸⁴ обедать. Камердинер Тенгоборского сказал ошибкою, что он приглашен принцем Мекленбургским. Тенгоборский приехал к принцу Мекленбургскому, который, приняв его и видя, что он в обеденный час не уезжает, предложил ему у него отобедать, а между тем принц Ольденбургский ожидал Тенгоборского до 6-ти часов и вечером послал спросить его, здоров ли он и по какой причине не приехал к нему обедать! Тогда только открылась Тенгоборскому ошибка, в которую он впал неосторожностью своего камердинера. Через несколько дней приехал к Тенгоборскому ездовой от Государя Наследника Цесаревича с приглашением к обеденному столу. Напуганный предыдущим случаем Тенгоборский спросил у ездowego список приглашенным особам и увидел, что не он, а Вьельгорский¹⁸⁵ приглашен. Хорошо, что остерегся. МАРТ 28. Были похороны генерала от артиллерии Гавриила Александровича Игнатьева¹⁸⁶. МАРТ 29. Несколько французов не хотели присягнуть президенту. Другие при этом случае сказали: «Ne faites pas les difficiles: on ne donne pas le serment, on le prete»*. МАРТ 30. День Святыя Пасхи. При Дворе был большой выход. Христосовались с Государем Императором. Государыни Императрицы не было. Насчет отправления в Тифлис князя Юсупова носят неблагоприятные 166 толки: какое-де дело правительству вмешиваться в семейные дела! Бессовестные, — а если бы правительство допустило князя Юсупова исполнить преступление, тогда сказали бы: чего правительство смотрело, зачем не предупредило преступления! 30-го марта нового стиля Их Императорские Высочества Великие Князья Николай и Михаил Николаевичи прибыли в Мюнхен. Государь Император пожаловал лейб-гвардии Преображенскому полку вместо красного яйца картину, представляющую событие 14-го декабря 1825 года¹⁸⁷. Рассказывают, что князь П. М. Волконский, сидя за бумагами, задумался и сказал: «Ох, как эти бумаги мне наскучили, пора к войскам!» За день Святыя Пасхи Государь Император изволил пожаловать 53 полковников в генерал-майоры. МАРТ 31. On assure que le President de la republique Francaise a remis au 15 Aout le projet de se faire proclamer Empereur. Il porte sur lui une espece d'amulette, — on lui demanda ce que cela signifiait? — «C'est, repondit Louis Bonaparte, des reliques de Charlemagne; c'est un talisman qui me guide dans la grande oeuvre que je suis predestine a accomplir. La Providence m'a choisi pour regenerer la France, en aneantissant l'esprit revolutionnaire, en la rendant riche, prospere et glorieuse, en la ramenant a la religion et a la morale, et, je suis fache de le dire, apres l'asile hospitalier que j'ai recu en Angleterre, je suis predestine aussi a faire la guerre a la Grande Bretagne. Apres avoir rendu le bonheur a la France, il m'a ete predit que je serai assassine aux Tuileries.» Перевод с французского: Уверяют, что президент Французской республики отложил до 15 августа план провозглашения его императором. Он носит на себе нечто вроде амулета — его спросили, что это значит? «Это, — отвечал Луи Бонапарт, — реликвии Шарлеманя¹⁸⁸, это — талисман, который ведет меня к великому делу, которое я предназначен выполнить. Провидение избрало меня, чтобы возродить Францию, уничтожая революционный дух, давая ей богатство, благоденствие и славу и опять возвращая ее к религии и морали; кроме того, я также предназначен (я вынужден сказать это — после гостеприимного убежища, полученного мною в Англии!) воевать с Великобританией. После того как Франции будет дано счастье, я буду убит, предсказано мне, в Тюильри». 30 марта скончался Грузинский Царевич Фарнаваз Ираклиевич¹⁸⁹. 3-го апреля назначены похороны. Тело Его предадут земле в Невском монастыре. АПРЕЛЬ 1. Был приезд дамам в Зимний дворец для принесения поздравления Государыне Императрице. Обнаружено, что граф Дмитрий Николаевич Шереметев¹⁹⁰ имеет преступную связь с сестрою покойной его жены, девицею Варварою Сергеевною Шереметевою¹⁹¹. Ведя жизнь нетрезвую, она предложила графу Шереметеву учредить школу для девиц дворянского и духовного происхождения, под названием Анненской школы, в память графини. Граф Шереметев учредил эту школу под своим и ее

начальством. 11 марта смотрительница той школы Юрьева жаловалась Варваре Сергеевне Шереметевой на леность воспитанниц 4 класса. Шереметева приехала в заведение и сказала, что хочет расправиться с негодяйками. Когда высекли розгами весь 4-й класс, Юрьева сказала ей: «Накажите кстати 3-й, 2-й и 1-й классы». Разгоряченная вином Шереметева пришла в ярость,

выхватила розги у няньки и начала собственноручно наказывать. Не достало розог, 167 послали в сад за прутьями акации, секли попеременно, то она, то нянька. Наказано было около ста воспитанниц. Со многими от страха сделался обморок; девушки падали, а Шереметева говорила, что они притворяются. Смотрительница Юрьева не только не удерживала ее, но еще подстрекала. Ненаказанных осталось 40 девиц, которых наказание было отложено до следующего дня. Школу повелено закрыть, а граф Шереметев предложил всех девиц разместить по разным заведениям для окончания их воспитания на его счет и сверх того предложил вносить сумму на воспитание 20-ти девиц в учебных заведениях, состоящих под покровительством Государыни Императрицы. Это пожертвование принято. Император Николай I Варваре Сергеевне Шереметевой приказано выехать из дома графа Шереметева и жить при матери с тем, что ежели будет продолжать связь с графом, то ее заключат в монастырь. Графу Шереметеву предложено переехать из Москвы в Петербург, жить здесь и заниматься воспитанием своего сына. АПРЕЛЬ 2. У театральной Дирекции спросил министр императорского двора: почему не освещает театры тот немец, который освещает Дворцы? — Этот вопрос был сделан в том предположении, что освещение театров дорого. — Дирекция 168 отвечала: потому, что во дворцах каждый рожок у ламп освещается за 22 ? копейки, а в театрах за 9! АПРЕЛЬ 3. Было в Зимнем дворце заседание комитета под председательством Государя Наследника Цесаревича о сооружении железной дороги от Феодосии до Харькова. В комитете заседали: граф Нессельроде, граф Орлов, граф Гурьев, товарищ министра финансов Брок и предложивший сооружение этой дороги генерал-адъютант Кокошкин¹⁹². Решено: быть дороге, но предположено однако же снестись с министром финансов о денежных средствах. АПРЕЛЬ 4. Государь Император изволил потребовать от графа Клейнмихеля контракты, которые заключены для сооружения железной дороги в Варшаву. Граф Клейнмихель этим огорчился и говорит, что он потерял доверенность Его Величества. Театры понесли дивизицу в 1851 году 150 тысяч рублей серебром. АПРЕЛЬ 6. В 7 часов утра скончался министр финансов граф Вронченко. АПРЕЛЬ 7. Президент Французской республики прибавил Кастельбажаку 80 тысяч франков в год содержания. Я бы посоветовал Кастельбажаку попросить президента пожаловать ему эту сумму за год вперед и беречь копейку про черный день. Вчера Государь Император изволил быть в маскараде в Большом театре. Государь Император приехал к графу Вронченке в ту самую минуту, когда он скончался. Еще тело не остыло, — Его Величество поклонился его праху и сказал бывшему при том тайному советнику Броку: «Служи мне так же верно, как он служил». Говорят, что будто бы граф Вронченко, отделив часть своего состояния своему брату, остальное завещал Государю Императору. АПРЕЛЬ 8. Предполагают, что Министерство финансов будет поручено тайному советнику Броку, и при этом случае говорят, что он ужасно скуп. Лучше скупой министр финансов, нежели расточитель. АПРЕЛЬ 9. Похоронили графа Вронченку в Невском монастыре. Государь и Государь Наследник присутствовали. Князь П. М. Волконский хотел назначить гофмейстера Сабурова помощником Директора театров, но Государь не согласился. АПРЕЛЬ 10. 10-го апреля нового стиля герцог Лейхтенбергский прибыл в Триест. Получено известие, что родитель Великой Княгини Елены Павловны¹⁹³ скончался. При дворе наложен траур на 12 дней. Отставной поручик Неверов в Александринском театре наговорил дерзостей статской советнице Сокольской, оскорбляющих честь ее. Он арестован. Унтер-шихмейстер Болдарев застрелился. Полиция приказала тело его анатомировать, чтобы узнать о причине смерти!!! Анатолий Николаевич Демидов хочет сделать майорат в пользу своего племянника¹⁹⁴. В разных магазинах обнаружена продажа развратных предметов. Магазин Кёне опечатан. Кёне и иностранец Вольф, делавшие эти предметы, будут высланы за границу. В Демидовском доме трудящихся получено при безымянной записке 1500 рублей серебром с просьбою кормить сорок дней бедных за упокой души раба Божия Феодора. — Оказалось, что это от графа Вронченки. 169 Фельдмаршал князь П. М. Волконский пришел к Государю и сказал: «Вы уезжаете за границу и, вероятно, меня уже не застанете в живых, я пришел с вами проститься и просить, чтобы меня похоронили в церкви лейб-гвардии Семеновского полка». Князь П. М. Волконский

сказал доктору Буяльскому: «Уж эта болезнь мне надоела. Когда же это кончится?» — Буяльский равнодушно ответил: «И мне надоело, тем более что ежели еще и 20 лет будете жить, то никогда не выздоровеете». АПРЕЛЬ 13. Государь Император был в маскараде в Большом театре. В Гааге, по обыкновению, во время заутрени в день Святой Пасхи русские

прикладываются к кресту, потом делают поклон Анне Павловне. — Княгиня Вяземская, приложась к кресту, забыла сделать обычный поклон Ея Величеству. Ее Величество прогневалась, приказала просить у себя прощения, что княгиня Вяземская и сделала; но как при этом случае Королева сделала Вяземской замечание в самых крутых выражениях, то княгиня Вяземская уехала из Гааги в Париж, а муж ее ищет теперь другого места¹⁹⁵. 12. Мишле, Кине и Мицкевич¹⁹⁶ удалены от профессорства в College de France. АПРЕЛЬ 13. В Гостином дворе был пожар, сторела сапожная лавка от оставленной в одной после молебна свечи. АПРЕЛЬ 14. В отношении к России я сравниваю французов и немцев вот как: французы наши пиявки — сосет, сосет, да и отвалит, а немцы — клопы: сосет, сосет, да тут же и остается, чтобы опять сосать. По делу Лярского Государь Император, найдя его жалобу правильною, повелел всю сумму уплатить, Совету путей сообщения сделать выговор, а к графу Клейнмихелю Его Величество изволил писать письмо, но неизвестно какого содержания. После получения этого письма граф Клейнмихель говорил, что непременно уедет или в деревню, или за границу. Государыня Императрица отслужила напутственный молебен у Всех Скорбящих, а Государь Император в крепости и посетил коменданта Набокова. АПРЕЛЬ 15. В 10 часов утра Государыня Императрица уехала за границу. Сопровождает Ея Величество генерал-адъютант граф Апраксин¹⁹⁷. Государь Наследник Цесаревич сделал репетицию парада. Княгиня Ливен пишет из Парижа к графине Бенкендорф¹⁹⁸ в Петербург. «Je profite d'une occasion sure pour vous donner un renseignement curieux. Le 2 Avril est arrive ici Mr Chapot ex depute legitimiste de l'Assemblée, venant de Venise ou il avait passe 15 jours aupres du Comte de Chambord. Je rapporte que le Grand Duc Constantin est venu chez le prince francais, disant qu'il venait sur l'ordre expres de l'Empereur son pere, presenter ses respects au Roi. Il l'a appele Sire, Votre Majeste. Il a fait tirer le salut Royal en recevant le Comte de Chambord a son bord; il lui a donne un grand dine, ou Chapot l'a entendu lui meme lui donner vingt fois au moins le titre de Majeste. Chapot a raconte cela ici a tout le monde, Mole, Noailles; cela a vite courru; la plus grande joie a eclate dans le camp legitimiste. Samedi le 3, le gouvernement francais recoit du consul a Venise un rapport, qui parle des honneurs extraordinaires rendus au Comte de Chambord par notre Grand Duc, et de l'effet immense que cela produit a Venise. Grande colere a Elysee, de ce que le consul ne donne pas plus de details sur un fait aussi important; ordre envoye aussitot au consul de tout dire; ici meme tous les commerages de voyageurs arrives de Venise parviennent a l'Elysee, et le 4 Vous aurez vu le discours du President a la magistrature! C'est 170 une reponse a la Majeste de Venise, — un defi a l'Europe! — Vous voyez la gravite; des le 2 j'ai informe Kisseleff de tout ce que j'ai appris. Je ne touche pas du tout ce sujet dans ma correspondance avec St Petersburg, mais j'ai voulu que Vous en soyez informe afin de le faire parvenir chez nous, si Vous y voyez de la necessite. — Le Grand Duc avait-il l'ordre, ou a-t-il fait de sa tete, — car enfin le recit n'est pas menti. C'est en tout cas une facheuse histoire. Перевод с французского: «Пользуюсь удобным случаем сообщить вам интересное известие. 2 апреля приехал сюда г-н Шапо, ex-депутат-легитимист Законодательного собрания, прибывший из Венеции, где он провел 15 дней у графа де Шамбора. Он докладывает, что Великий Князь Константин явился к этому французскому принцу, говоря, что он прибыл по особому приказанию своего отца-императора выразить почтение королю. Он называл его: Государь, Ваше Величество. Он приказал дать королевский салют, принимая графа де Шамбора на борту своего корабля; он задал ему большой обед, на котором Шапо сам слышал, как он раз двадцать лично называл его Величеством. Шапо рассказал это здесь всему свету, Моле, Ноайлю¹⁹⁹. Это быстро разнеслось; величайшая радость охватила легитимистский лагерь. В субботу, 3-го, французское правительство получило от консула в Венеции рапорт, в котором говорится о необычайных почестях, возданных графу де Шамбору нашим Великим Князем, и о сильном впечатлении, произведенном этим в Венеции. Великий гнев в Елисейском дворце, что консул не дал больше подробностей о таком важном факте; приказание, посланное тотчас консулу, доложить обо всем; здесь даже все сплетни путешественников, приезжающих из Венеции, доходят до Елисейского дворца, и 4-го президент говорит речь магистратуре! Это — ответ на «Величество» в Венеции: вызов Европе! Вы

понимаете всю важность такого известия. 2-го я информировала Киселева²⁰⁰ обо всем что узнала. Я совершенно не затрагиваю этого сюжета в моей переписке с Санкт-Петербургом, но хотела бы, чтобы вы были поставлены в известность, прежде чем начать действовать у нас, если Вы в том увидите необходимость. — Имел ли Великий Князь приказание или измыслил сам, —

потому что рассказ не выдуман же, наконец! Во всяком случае, это досадная история». 16.

Государь Император изволил делать парад всему гвардейскому корпусу. Во время этого парада лейб-гвардии уланского полка поручик Лавров²⁰¹ упал с лошади и переломил себе ногу.

АПРЕЛЬ 17. В Кронштадте во время выборов в городские главы в Думе произошел шум и драка, так что жена сторожа принуждена была вытирать окровавленный пол присутственной камеры. В 8 1/4 часов вечера Государь Император в сопровождении генерал-адъютанта графа Орлова выехал в Варшаву. Его Величество предпринял путешествие в Варшаву, оттуда в Вену и Прагу, где будет 1-го мая, потом в Дрезден, в Веймар и Берлин. Здесь Его Величество пробудет 8 дней и потом возвратится в Варшаву, где пробудет 12 дней, и возвратится в Петербург 4-го или 5-го июня. АПРЕЛЬ 18. Дела по 3-му отделению собственной Его Величества Канцелярии повелено докладывать Государю Наследнику Цесаревичу. Его Высочество приказал быть у него с докладами по вторникам и пятницам. АПРЕЛЬ 19. Прибыл 17-го числа представлялся Государю вновь аккредитованный чрезвычайный посланник Императора Австрийского генерал-лейтенант граф Менсдорф-Пули²⁰². АПРЕЛЬ 20. В марте Князь Юсупов был отправлен в Тифлис. По этому делу Княгиня Зинаида Ивановна Юсупова была встревожена следующим случаем: обер-камергер Рибопьер начал выражать ей свое неудовольствие за то, что взаимная привязанность ее сына и его дочери дошла до сведения Государя, и сказал княгине, что их дети могли бы обвенчаться, а если бы этот брак не был бы признан законным, то потомки князя Николая Борисовича Юсупова могли бы носить фамилию Рибопьеров, которые так же знатны, как и фамилия Юсуповых. Тут Александр Иванович Рибопьер начал требовать, чтобы княгиня Юсупова сказала, кто тот молодой человек, который обнаружил эту тайну, и когда княгиня ему в этом отказала, то он грозил ей кулаками, кричал, что он член Государственного совета, что он в голубой ленте, что ежедневно бывает с Государем и с Государынею и что наделает ей много вреда. Княгиня Юсупова не назвала предателя и полагает, что такое домогательство Рибопьера имело ту цель, что молодой Юсупов вызвал бы на поединок предателя, был бы, может быть, им убит, и тогда из его огромного имения досталось бы 11 тысяч душ князьям Голицыным, 11 тысяч душ Потемкину, а 22 тысячи душ Рибопьеру. Прекрасный расчет, ежели подозрение княгини Юсуповой основательно. АПРЕЛЬ 21. Скончался генерал-адъютант Набоков, и комендантом Санкт-Петербургской крепости назначен генерал от инфантерии Мандерштерн²⁰³. АПРЕЛЬ 22. Был доклад у Государя Наследника Цесаревича. АПРЕЛЬ 23. По случаю тезоименитства Государыни Императрицы был съезд во дворце. АПРЕЛЬ 24. Государь Наследник Цесаревич изволил быть на похоронах генералов: Набокова и Лутковского²⁰⁴. АПРЕЛЬ 25. Получено известие, что Государь Император с Государынею Императрицею и великою Княжною Мариєю Максимилиановною благополучно прибыли в Варшаву 20-го апреля в 8 часов вечера. АПРЕЛЬ 26. Генерал-майор Шамшев²⁰⁵ получил от графа Вьельгорского фальшивое отношение, будто бы дочь его назначена фрейлиною к Великой Княгине Марии Николаевне с правом носить вензель Государыни Императрицы. Вручитель пакета потребовал от Шамшева за такое радостное известие 500 рублей серебром. — У Шамшева всех денег было только 53 — он их и отдал обманщику. Обнаружено, что Шамшева обманывал уволенный из купеческого звания Панченко, который в разное время забрал у Шамшева до 6 тысяч рублей серебром, уверив его, что эти деньги будут ему возвращены из мнимых наследственных сумм, о которых он предъявлял фальшивые документы. Панченко арестован и предан суду. К арестованному литератору Тургеневу допускались посетители. Повелено не допускать их. Тургенев арестован за то, что написал статью о смерти Гоголя. Ему в Петербурге запретили эту статью печатать, а он, скрыв это запрещение, напечатал оную в Москве²⁰⁶. Был доклад у Наследника Цесаревича. АПРЕЛЬ 27. Их Императорские Высочества Великие Князья Николай и Михаил Николаевичи 23 апреля нового стиля изволили прибыть в Венецию. Там же и Герцог Максимилиан Лейхтенбергский. Получено известие, что за границей Василий Андреевич Жуковский скончался. АПРЕЛЬ 28. В 10 часов утра лед на реке Неве прошел до взморья. АПРЕЛЬ 29. Был доклад у Государя Наследника Цесаревича. 172 МАЙ 1. На гулянье в Екатерингофе было публики до 25 тысяч

человек, экипажей до 2 тысяч. Погода была довольно теплая, но пасмурная. МАЙ 2. Их Императорские Высочества Великие Князья Николай и Михаил Николаевичи 28-го апреля прибыли в Болонь. Его Императорское Высочество Герцог Лейхтенбергский 22 апреля прибыл из Венеции в Мюнхен. МАЙ 4. У графини Бенкендорф был бал, на котором был Государь

Наследник Цесаревич. МАЙ 5. Государь Император 29-го апреля вечером выехал из Вены в Прагу, где пробудет только три часа. МАЙ 6. У Государя Наследника Цесаревича был доклад. Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич изволил делать на Марсовом поле смотр командам, прикомандированным от гвардейских полков к артиллерии. Перед окончанием этого смотра Его Высочество сделал тревогу лейб-гвардии Павловскому полку, который вместе с упомянутыми командами проходил церемониальным маршем. МАЙ 7. Тришатный²⁰⁷ скончался. Государь Наследник Цесаревич говорил мне, что его нечем похоронить и что Его Высочество повелел предать его земле на Его счет. Великие Князья Николай и Михаил Николаевичи 2 мая прибыли в Рим и посетили Папу. 10 мая нового стиля был в Париже парад войскам на Марсовом поле по случаю раздачи Орлов²⁰⁸. Государь Наследник Цесаревич изволил переехать в Царское Село. МАЙ 9. Был доклад у Государя Наследника Цесаревича в Царском Селе. Получено известие из Тифлиса, что Хаджи Мурат²⁰⁹ бежал, но на другой день его поймали и убили. Голова его доставлена в Тифлис. МАЙ 12. Государь император выехал из Веймара 4/16 мая и прибыл в Потсдам того же числа в 8 часов вечера. МАЙ 13. Государь Император повелел тайному советнику Сагтынскому²¹⁰ находиться при Государыне Императрице на Рейне во время пребывания Ея Величества в Шлангенбадене. 14 мая старого стиля прибыли в Потсдам Великий Князь Константин Николаевич и Великая Княгиня Александра Иосифовна²¹¹. У Государя Наследника Цесаревича был доклад. 12 числа пришли из-за границы первые три парохода: «Эмперор» и «Виктория» из Гулла и «Николай» из Любека. В Берлине во время парада прусских войск в присутствии нашего Государя один из самых рьяных революционеров, стоя в толпе зрителей, сказал: «Ну, перед таким монархом поневоле снимешь шляпу!» МАЙ 14. На пароходе «Николай» приехала супруга фельдмаршала князя Петра Михайловича Волконского²¹² и остановилась в Зимнем дворце. На том же пароходе возвратился из-за границы сын канцлера графа Нессельроде, чтобы взять от графа Борха²¹³ своего малолетнего сына и опять ехать с ним за границу. В Александринском театре отставной подпоручик Бушуев в нетрезвом виде наговорил дерзости чиновнику Бутурлину, за что и был выведен из театра. А все — отставные подпоручики! 173 МАЙ 16. Был доклад у Государя Наследника Цесаревича. МАЙ 20. Был доклад у Государя Наследника Цесаревича в Царском Селе. 15 мая Государь Император возвратился в Варшаву. В одной миле от Ченстохова было происшествие, которое, если бы не милость Божия, могло бы иметь самые несчастные последствия. Поезд соскочил с рельсов, и был опрокинут вагон с поклажею; потрясение было страшное; вагон, в котором находился Государь Император, также сошел с рельсов. Государь Император был, как и всегда в такие минуты, спокоен, хладнокровен и когда вышел из вагона, то первое Его попечение было, нет ли раненых, и тогда только совершенно успокоился, когда узнал, что, кроме писаря Его походной канцелярии, который переломил ключицу и который через 6 недель будет совершенно здоров, все остались невредимы. — Истинная милость Божия. Государю не угодно, чтобы это происшествие было представлено в увеличенном виде и дало повод к пустым и нелепым выдумкам. Линейные казаки, которые находились в вагоне, который следовал за опрокинутым, выскакивая один через другого, не помня о себе, в один голос кричали: где Государь? и в одну минуту выстроили фронт перед царским вагоном. Слава Богу. МАЙ 22. Был доклад у Цесаревича в Царском Селе. МАЙ 24 Великая Княгиня Мария Николаевна уехала в Москву. 23-го мая нового стиля прибыл в Берлин Великий Князь Константин Николаевич. 10-го мая нового стиля прибыли в Неаполь Великие Князья Николай и Михаил Николаевичи. Великие Князья Николай и Михаил Николаевичи прибыли 20 мая нового стиля в Модену. 25. Получено известие, что Государь Император из Сансуси²¹⁴ 18 мая нового стиля поехал в Берлин. Пишут: «Il était agreablement surpris par l'illumination brillante de toute la rue «Unter den Linden». La foule cria houra! et manifesta hautement sa joie que l'Empereur ne justifait la crainte qu'Il ne mettrait pas le pied dans la ville. Le 19, tres matin l'Empereur quitta tout seul le palais, se promena la large des «Linden» jusqu'au monument de Frederic le Grand, le contempla et retourna au palais seul comme Il en etait sorti.» Перевод с французского: «Он был приятно удивлен блестящей

иллюминацией всей улицы Unter den Linden. Толпа кричала «ура» и в этот момент во всеуслышание возвещала свою радость, что Император не позволил исполниться опасению, что он не вступит в город. 19-го, рано утром, Император, покинув совершенно один дворец, прогуливался вдоль «Лип» до памятника Фридриха Великого, созерцал последний и вернулся во

дворец один, как и вышел оттуда». Храни Его Господь. 27. Был доклад у Государя Наследника Цесаревича в Царском Селе. Великая Княгиня Мария Николаевна возвратилась из Москвы. Она изволила ездить в Сергиевскую пустынь. МАЙ 28. Опять начинают бесноваться. В Бремене открыто тайное демократическое общество под названием «Totgebund»*. Около 50 человек членов оно арестованы полицией, но общего числа всех членов еще определить нельзя. 174 Они большею частью принадлежат к ремесленному классу, от роду от 18 до 25 лет и отличаются решительностью характера. Однако же между ними нет лица замечательного по умственным способностям. При вступлении в союз члены обязывались клятвою предпочитать смерть измене, а цель их была умерщвление всех аристократов и владетельных особ для содействия великому делу революции. — Найдены статуты общества и обнаружено приготовление особого рода трехгранных кинжалов и панцирей для ношения под одежду. При заседаниях общества каждый раз ставили на стол череп между двумя кинжалами. Вот этих бы господ — сквозь строй! Императрица Александра Федоровна МАЙ 29. Государыня Императрица 215 2-го июня нового стиля изволила прибыть в Франкфурт и в то же время отправилась в Висбаден. МАЙ 30. Был доклад у Государя Наследника Цесаревича. ИЮНЬ 1. Государыня Императрица 30 мая нового стиля изволила выехать из Потсдама в Веймар. ИЮНЬ 3. В час пополудни в Елагинском дворце от стоявшей на крыше жаровни с углем для паяния крыши загорелись стропила. Пожарная команда Петербургской части тотчас прекратила пожар. ИЮНЬ 4. Получено известие, что город Бьернеборг²¹⁶ почти весь сгорел. 10 мая с 3-х часов пополудни до 3-х часов следующего утра пламя истребило 500 домов, 175 церковь, ратушу, школу, хлебный магазин. Неповрежденных домов осталось 20. Убытку от пожара полагают до миллиона рублей серебром. Государыня Императрица пребывает в Шлангенбадене под именем графини Знаменской. Великие Князья Николай и Михаил Николаевичи прибыли 5 июня нового стиля в Шлангенбаден. 7-го июня нового стиля Герцог Лейхтенбергский проехал через Франкфурт также в Шлангенбаден. Был последний доклад у Государя Наследника Цесаревича в Царском Селе. Государь Император изволил прибыть из путешествия в Царское Село. ИЮНЬ 6. Государь Император крестил у графа Бобринского²¹⁷, поскользнулся и упал, ушиб себе бок. Его Величество ушиб себе стремем ногу и должен был два дня не ходить. ИЮНЬ 7. Герцог Лейхтенбергский возвратился из заграничного путешествия. ИЮНЬ 12. По приглашению Государя Императора прибыли из Штетина командир 6-го прусского кирасирского полка, полковник граф Шлиппенбах и того же полка подпоручики Раух 1-й и Раух 2-й, прусский генерал-лейтенант фон Притвиц, майор Подевилльс и ротмистр Коломб, австрийский генерал-лейтенант граф Эдуард Клам-Галлас, подполковник барон Эдельсгейм и капитан граф Альфонс Вимпфен. ИЮНЬ 16. 16, 17 и 18 июня Государь Император изволил делать маневр с гвардейским корпусом. 15-го июня, в 2 1/2 часа пополудни, возвратились в Петергоф Их Высочества Великие Князья Константин, Николай и Михаил Николаевичи. Государь Император встретил их на пристани, посадил их в свою коляску, Константина Николаевича и Николая Константиновича подле себя, а Николай и Михаил Николаевичи стали на подножки. При этом Его Величество, обратясь к Наследнику Цесаревичу, сказал: «*Quel joli tableau!*»* ИЮНЬ 18. 21 апреля / 3 мая указом повелено, чтобы все дворяне западных губерний по достижении 18-летнего возраста поступали в военную или гражданскую службу. 10-го июня вышло постановление, как поступать при приеме их на службу. Государыня Цесаревна с Великими Князьями изволила уехать в Гапсаль. Государь Наследник Цесаревич сопровождает Ея Высочество и возвратится 23-го июня. 17, 18 и 19-го были маневры гвардейского корпуса. Государь Император не очень был доволен и много бранил генералов Берха²¹⁸ и Штрандмана²¹⁹. ИЮНЬ 23. Государь Император делал в Петербурге смотр полкам 16-й пехотной дивизии. В 6 часов пополудни кадеты всех корпусов в присутствии Государя Императора выступили в лагерь в Петергоф. ИЮНЬ 24. На Петербургской стороне перестраивали дом Гаврилова и нашли под полом нижнего этажа скелет. Объявлено, что 25-го июня Государь Император в Петергофе никого принимать не будет. 176 ИЮНЬ 25. В 9 часов утра после панный обелни Госуларь Император вехал в Штетин в сопровождении графа Оплова и

графа Адлерберха. ИЮНЬ 26. Я представлялся в Петергофе Государю Наследнику Цесаревичу, ибо дела повелено докладывать Ему. ИЮНЬ 27. Его Высочество уехал в Княжий двор осматривать Гренадерский корпус; возвратится в Красное Село 30 июня. ИЮЛЬ 1. В Красном Селе был бал и фейерверк. На Елагином острове гуляние и фейерверк. Была Великая Княгиня

Елена Павловна, публики до 60 тысяч человек, экипажей до 5 тысяч, 6 хоров военной музыки, 5 хоров песенников. ИЮЛЬ 2. В Красном Селе был доклад Наследнику. Получено известие, что Государь Император с Великими Князьями Николаем и Михаилом Николаевичами благополучно прибыли в Штетин 28 июня и того же числа в Берлин. Король прусский²²⁰ встретил Его Величество в Штетине. Государыня Императрица прибыла в Сансуси 24-го июня. ИЮЛЬ 5. Был доклад у Государя Наследника Цесаревича в Петергофе. Государь Император, Государыня Императрица, Великие Князья Николай и Михаил Николаевичи и с ними Принц прусский Фридрих Вильгельм²²¹ прибыли из-за границы благополучно в Петергоф в 8 часов вечера. ИЮЛЬ 6. Статс-секретарь князь Голицын ездил в Курляндию в свое имение и, к сожалению, заметил в Остзее между молодыми людьми нехороший образ мыслей; он заметил, так сказать, возрождение юной Курляндии, юной Лифляндии, юной Эстляндии! «Оттенок большой, — говорит князь Голицын, — между людьми пожилыми и молодежью тех провинций», и что много тому способствует сам князь Суворов²²², окруживший себя молодыми людьми, зараженными идеями Западной Европы. Губернатор Бреверн²²³ говорил князю Голицыну, что молодежь до того восторжествовала, что старым людям нет возможности оставаться в службе. Купеческий сын Блохин в религиозном заблуждении разбранил святейший синод самыми дерзкими и неприличными словами. Совращал его рыбинский мещанин Маслеников. Дело об них кончено, и решение чрезвычайно милостиво и снисходительно: Блохина повелено, не подвергая действию законов уголовных, предать церковной епитимии и поместить без назначения срока в Тихвинский монастырь с поручением настоятелю укреплять его в раскаянии и в познании истины, а Масленикова возвратить на место жительства с поручением полиции иметь строгое наблюдение, чтобы он не распространял своих раскольничьих заблуждений. Графы Браницкие²²⁴ в 1850 году заложили Ольшанскую волость за 286 тысяч рублей. Ныне намерены заложить в Опекунский совет 1812 душ Черкасского уезда за 145 тысяч рублей. Покойный отец, действительный тайный советник граф Браницкий, оставил в Коммерческом банке 670 тысяч рублей ассигнациями, и по духовному завещанию проценты с этого капитала назначались жене его графине Розе Браницкой, а самый капитал сыновьям ее, в том числе и Ксаверию, изгнаннику. Все они потребовали было выдачу им этого капитала, но им в том отказано. В конце 1851 года графиня Роза Браницкая и сыновья ее, графы Александр, Владислав и Константин Браницкие, и дочь ее, графиня Екатерина Потоцкая, получили из Одесской Коммерческой конторы 250 тысяч рублей серебром. Эта сумма принадлежала к общему капиталу, составляющему всего с процентами 935 739 рублей серебром капиталу, который оставался в Одесской Банковой конторе после покойного графа Браницкого и по духовному 177 завещанию предоставлен был четверем его сыновьям. Но в 1848 году весь капитал был выдан поверенному графов Браницких Пржесмыскому и в тот же день внесен Пржесмыским обратно в ту же контору, но уже на имя графини Розы Браницкой и сыновей ее, Александра, Владислава и Константина, и графини Екатерины Потоцкой, Ксаверий же Браницкий из сего капитала был исключен. Очевидно, что та сумма, которая приходилась на часть Ксаверия, скрыта и, так сказать, похищена у казны, ибо следовала поступить в казну в числе конфискованного имения. В контракте 1852 года графы Браницкие отдали часть своих имений на содержание других лиц и получили задатки. В их имении обнаружены преступные стихотворения, предосудительные бумаги, запрещенные книги, порох и дробь, перевезенные в Белую Церковь из конфискованного у Ксаверия Браницкого имения. Графы Браницкие находятся все за границей, а изгнанник Ксаверий Браницкий купил близ Парижа значительное имение Монтрезор. Они, несмотря на желание Государя Императора, доселе уклоняются от службы, и только граф Владислав Браницкий служит по выборам уездным предводителем дворянства. Вся их жизнь проходит в праздности, тунеядстве и в поездках за границу. Все это семейство чрезвычайно враждует нашему правительству, и все по внушению графини Розы Браницкой; это женщина самая неблагонамеренная, и мне кажется, что против этого семейства должно принять меры более строгие и менее снисходительные, нежели до сего времени были применяемы. Государь Император, отъезжая в Штетин, изъявил желание, чтобы

временный сын приемыша Государя Императора, отвозжал в Штетин, пожелав жениться, чтобы на одном из островов Петергофа построена была руина и чтобы эта руина была готова к его возвращению. Уехал Государь 25 июня, возвратился 5 июля. Генерал-лейтенант Лихордов²²⁵ исполнил волю Государя. Руина, как посредством волшебного железа, готова; на гранитном фундаменте, 6 аршин в землю, красуются мраморные колонны в аршин диаметра, в 5 сажен

вышины. Это похоже на «повеле и бысть!». Но чего не сделает русский царь и в русском царстве! В 5 часов утра Государь прислал ко мне фельдъегеря с приказанием, чтобы я сейчас приехал к нему в Петергоф. ИЮЛЬ 7. Я представлялся Государю Императору и, выйдя от него, не знал: видел ли я Царя или олицетворенную милость! Высочайше повелено, чтобы ту сумму из капиталов 935 тысяч рублей серебром и 670 тысяч рублей ассигнациями, которая следовала на часть преступника Ксаверия Браницкого, которую графиня Роза Браницкая и сыновья ее, графы Александр, Владислав и Константин, скрыли от правительства, взыскать с братьев графов Браницких. По моему мнению, этот поступок матери и сыновей бесчестен, — да от этой семьи честного и ожидать нельзя. ИЮЛЬ 8. Государь приказал иметь за испанкою Лопес строгий надзор, ибо заграничные злодеи присылают к нам различных шпионов и всякое средство к исполнению их преступных замыслов считают позволительным. Раскольники в Риге, у которых приказано было отобрать их метрические книги, не выдавали оных и возмутились. Государь приказал: «Действовать против них строго по смыслу закона, а с упорными поступить без всякого послабления, не допуская до бесчинства и буйства». 10. Сверх находящихся здесь австрийских и прусских генералов, штаб- и обер- офицеров еще ожидается прусский генерал Врангель с многочисленною свитою. На случай, если бы в придворной конюшне не достало верховых лошадей для 178 этих иностранцев, товарищ военного министра князь Долгоруков спрашивает, можно ли отделить для упомянутых лиц из жандармского дивизиона некоторое число выезженных лошадей. — Назначено 12 лошадей. ИЮЛЬ 11. Лейб-гвардии Преображенского полка капитан Назимов²²⁶ обедал в Петергофском ваксхале; за жареного цыпленка потребовали от него 75 копеек; ему это показалось дорого, он потребовал буфетчика, вместо которого пришел официант. Назимов ударил официанта, официант ударил Назимова, завязалась драка, и официант сорвал у Назимова эполеты. В Петергофе скончался генерал-адъютант Гербель²²⁷. В Шпалерной улице был пожар, сгорел дом купца Барковского; из 2-го этажа того дома из окна выскочила мещанка Васильева и сломала себе ногу, а в квартире оставила спящего грудного ребенка, который сгорел. Высочайшим приказом 25-го июня Великий Князь Константин Николаевич назначен Товарищем Начальника Главного морского штаба. ИЮЛЬ 15. В Петергоф прибыл Саксонский принц Альберт²²⁸. При нем майор Шимаф и ротмистр фон Пильцах. В Петергоф прибыл виртембергский принц Август²²⁹. ИЮЛЬ 16-го. 16, 17, 18 и 19-го чисел Государь Император изволил делать в Красном Селе различные учения. ИЮЛЬ 17-го. 15-го июля издан Высочайший манифест о наборе рекрут с западной полосы России, по 7 человек с тысячи. ИЮЛЬ 20. Государь Император был очень доволен ученьями в Красном Селе, но во время оных конной артиллерии поручик Сержпутовский столкнулся с прусским генералом Роот фон Штрэнкенштейн, и при этом столкновении генерал переломил себе ребра, а поручик так себе ушиб голову, что находится в опасном положении. ИЮЛЬ 21-го. Имел в Петергофе доклад у Государя Императора. Его Величество был очень доволен, что я распорядился отправить по железной дороге конвойных Его казаков, шедших с Кавказа через Москву и долженствовавших из Москвы до Санкт-Петербурга идти по шоссе. ИЮЛЬ 22. Великий Князь Константин Николаевич поехал морем в Штетин навстречу своей супруге. ИЮЛЬ 23. В Красном Селе было корпусное учение в присутствии Государя Императора. Привезено тело тайного советника Жуковского на пароходе «Владимире» для предания земле в Невском монастыре, и на том же пароходе приехали к Государю Императору прусские: генерал от кавалерии фон Врангель, капитан фон Врангель, полковник Фогель фон Фалькенштейн, ротмистр граф Бранденбург и майор фон Францески. Прусская подданная Росман жаловалась Государю Императору, что граф Бобринский, Павел²³⁰, соблазнил дочь ее. Дело кончено миролюбиво, дядя графа Павла Бобринского, граф Алексей Алексеевич Бобринский²³¹, дал госпоже Росман 1000 рублей серебром, а она подписку, что более претензий не имеет. Принц Прусский и Саксонский поехали в Москву в сопровождении генерал-адъютанта Ливена, генерал-майора Бетанкура²³² и флигель-адъютанта графа Орлова. Туда же поехали их свита и австрийские генералы: Гесс, Гавсдаб, граф Пейнинген и Станкович. 179 Государь Наследник

австрийские генералы. Гессе, Гауслаб, граф Шеннишен и Сташковит. 17-го Государь Наследник Цесаревич на пароходе «Грозный» изволил отправиться в Гапсаль. ИЮЛЬ 24. Получено известие, что князь Воронцов уволил князя Юсупова в Одессу. Мне кажется, что князь Воронцов не должен был и не имел права этого делать. ИЮЛЬ 27. Принцы Прусский и Саксонский и их свиты возвратились в Москву. ИЮЛЬ 28. Государь Наследник Цесаревич с

супругою и детьми²³³ возвратился на пароходе «Грозный» из Гапсали в Петергоф. ИЮЛЬ 29. Государь Наследник Цесаревич присутствовал в Невской лавре при похоронах тайного советника Василия Андреевича Жуковского. ИЮЛЬ 29. Великий Князь Константин Николаевич с супругою возвратился из-за границы в Петергоф. ИЮЛЬ 30. Государь Император начал маневры, которые продолжатся до 8 августа. 29-го июля возвратился из-за границы находившийся при Государыне Императрице в Шлангенбаден тайный советник Сагтынский. Получено известие, что весь город Ваза сгорел²³⁴. Государь Император послал туда флигель-адъютанта барона Фредерикса²³⁵ и вспомоществование. ИЮЛЬ 31. Известия, как управляет Астраханской губернией губернатор Басаргин²³⁶: человек он тихий и честный, знающий хорошо морское дело, но на суше ноль! Сидит всегда взаперти в своей комнате, никого не знает и никого не принимает, встает в три часа утра, обедает один в 3/4 12-го, ложится спать в 9. Губернию и все дела оной предал в руки правителя своей канцелярии надворного советника Везелева²³⁷, человека в высшей степени корыстолюбивого и нетрезвого. Жаль губернии! АВГУСТ 2. В Петергофском вакхсале в должности гофмейстера князю Дмитрию Петровичу Волконскому²³⁸ сделался нервический удар; однако жизнь его вне опасности. Жена священника Брестского пехотного полка Терлецкого 17 июля была требована в Севастопольскую полицию и не явилась под предлогом болезни. Полициеймейстер полковник Козлов²³⁹ приказал насильно ее вести в полицию; тогда муж ее, священник Терлецкий, нанес полковнику Козлову три удара по лицу. АВГУСТ 3. Французское посольство праздновало именины покойного Императора Наполеона. В Малтийской католической церкви был молебен и обедня, а у посланника Кастельбажака обед. АВГУСТ 4. Рассказывают, будто бы вдова покойного действительного статского советника Вилье²⁴⁰ сказала генерал-адъютанту Ростовцеву, что дядя ее мужа, действительный тайный советник Вилье²⁴¹, сделав духовное завещание, обидел детей своего родного племянника, которые суть ближайшие и единственные его наследники, и что он не оставляет им ничего из своего огромного состояния, простирающегося до семи миллионов рублей серебром. Ростовцев доложил об этом Государю Наследнику Цесаревичу, и Его Высочество, желая помочь г-же Вилье и ее детям, соизволил поехать к старику Вилье 180 и просить в пользу его племянницы. Вилье отвечал, что действительно он ничего не оставляет вдове своего племянника, но это потому, что у нее 2000 душ и огромный капитал, следовательно, ни она, ни ее дети не нуждаются. А как он все свое состояние нажил в России от щедрот двух Государей, то и желает их дары оставить в пользу России, и зная, что при всем желании Государя Императора и Наследника Цесаревича улучшивать и увеличивать учебные заведения они уже не имеют к тому средств, то все свое имение и оставляет на сооружение еще новых учебных заведений. В деревне Чернове была дуэль между ротмистрами лейб-гвардии Уланского полка Гербелем и Поливановым. Поливанов ранен пулею в бок. Секундант у них был один, того же полка поручик Чевкин. Они преданы военному суду²⁴². АВГУСТ 6. Генерал-адъютант Плаутин²⁴³ пишет к графу Орлову, что жена его скончалась в Ниссе и что он привез тело ее в Тауруген для предания земле в имении Огинского. Он просит позволения оставаться несколько дней в том имении для молитвы на могиле. Письмо Плаутина я представлял Государю Императору, и Его Величество на оном собственноручно написать изволил: «Искренно и душевно оплакиваю смерть покойной, которую душевно любил и уважал как добрейшую женщину; предоставить г. Плаутину совершенную свободу прожить, где и сколько того пожелает, изъясняя, сколько искренно я делю и соболезную его справедливой горести. Никто более меня не может ценить, какую жестокою он понес потерю. Да подкрепит его Господь». Как такие милостивые выражения Государя Императора должны неминуемо много утешить Плаутину, то я об них сообщил ему с нарочным курьером. Граф Закревский уехал 3 августа с Высочайшего соизволения на 28 дней в Нижегородскую и Пензенскую губернии. Должность свою он поручил: по части военной — коменданту, по части гражданской — губернатору, за исключением переписки с сенатом и министрами. АВГУСТ 10. Французский посланник Кастельбажак откланивался Государю Императору, он едет во Францию на 2 2 месяца. АВГУСТ 12-го. Был в Красном Селе парад

императору, он едет во Францию на 24 месяца. АВГУСТ 12-16. Был в Красном селе парад гвардии в присутствии Государя Императора. Принц Прусский отправился обратно за границу. АВГУСТ 13. Генерал-адъютант граф Орлов на пароходе «Прусский Орел» возвратился из-за границы. АВГУСТ 15. Государь Наследник Цесаревич с супругою и принцем Альбертом Саксонским изволил отправиться за границу. АВГУСТ 16. Во время отсутствия Государя

Наследника Цесаревича повелено командовать гвардейским и гренадерским корпусами генерал-адъютанту графу Ридигеру²⁴⁴. АВГУСТ 17. Сын генерал-лейтенанта Балабина²⁴⁵, человека почтенного, служащий в министерстве народного просвещения камер-юнкер коллежский советник Балабин²⁴⁶ в мае 1852 года отправился за границу под предлогом излечения болезни. Там принял он католическое исповедание и поступил в орден иезуитов. Высочайше повелено поступить с ним по всей строгости законов. Dans ce moment le veritable ennemi du repos de l'Allemagne, celui qui d'un instant a l'autre peut tout remettre en question, c'est le systeme politique suivi par la Prusse; c'est de ce systeme politique qu'il y a tant a craindre pour la tranquillite 181 de l'Allemagne, et si la Prusse persiste dans son systeme actuel, elle sera plus dangereuse pour l'Allemagne que la France, meme dans le cas d'un nouveau bouleversement dans ce dernier pays. Une observation d'une autre nature cause la plus vive satisfaction, c'est le changement qui s'est opere dans l'opinion publique relativement a la Russie, et surtout a l'egard de la Personne de L'Empereur. Toutes les classes sont unanimes dans l'aveu, que c'est sa sagesse et sa fermete qui ont sauve l'Europe, et en premiere ligne l'Allemagne du plus grand malheur dont elle ait jamais ete menacee; et on ne parle de Lui qu'avec admiration et reconnaissance. Перевод с французского: В настоящий момент истинный враг возрождения Германии, то, что в одну минуту может все поставить под вопрос — это система политики, практикуемая Пруссией; именно ее система заставляет очень бояться за спокойствие Германии. И если Пруссия будет настаивать на своей настоящей политике, она будет более опасна для Германии, чем Франция, даже при условии новых потрясений в этой последней стране. Наблюдение другого порядка доставляет живейшее удовлетворение — это изменение, происшедшее в общественном мнении по отношению к России и, в особенности, во внимании к личности Императора. Все классы единодушны в признании, что его мудрость и твердость спасли Европу — и в первую очередь Германию — от величайшего бедствия, которое ей некогда угрожало. О нем говорят не иначе, как с удивлением и признательностью. Французский консул в Москве просил графа Закревского о дозволении праздновать именины Императора Наполеона и украсить в тот день католическую церковь трехцветными флагами. Граф Закревский отклонил это желание, но выразился при этом довольно резко и приказал окружить церковь жандармами и никого в оную не впускать! Консул вошел по этому предмету с жалобой к своему правительству. 18. On nous ecrit de Berlin: «Le jeune prince Frederic Guillaume, fils du prince de Prusse, parait dans ses lettres de Petersbourg enthousiasme de tout ce qu'il a vu et etudie pendant son sejour en Russie. Les impressions de ce voyage ne peuvent pas manquer d'avoir une influence salutare sur ce jeune prince, qui parait etre doue du caractere et des vertus de son grand pere, le feu roi Fr. Guillaume III. C'est tout dire et Lui assure un avenir heureux. — D'abord, Il est bon soldat chef consciencieux d'une campagne du 1er regiment de la garde et administrates zeles, sans vouloir reformer et briller par trop d'activite. Le prince Frederic Guillaume aime a s'instruire et avant son depart pour la Russie il avait fait venir le conseiller aulique Schneider, pour etudier avec lui l'organisation et les institutions de l'armee russe. — Maintenant cette lacune importante dans les connaissances du Prince sera remplee, et comme tous nos princes, Il reviendra de la Russie un ami et un admirateur sincere. Ses lettres prouvent au moins, que ce changement heureux s'est deja opere.» Перевод с французского: Нам пишут из Берлина: «Молодой принц Фридрих Вильгельм, сын кронпринца, высказывает в своих письмах из Петербурга восхищение от того, что он видел и чему научился во время своего пребывания в России. Впечатления от этого путешествия не могут не оказать благотворного влияния на этого молодого принца, который наделен характером и добродетелями своего деда, покойного короля Фридриха Вильгельма III. Это говорят все и предсказывают ему счастливое будущее. Сверх того он хороший солдат, добросовестный командир роты 1-го полка гвардии и усердный администратор — без желания переделывать и блистать слишком большой расторопностью. Принц Фридрих Вильгельм любит знание и перед отъездом своим в Россию пошел к надворному советнику Шнейдеру²⁴⁷, чтобы изучить с ним организацию и 182 установления русской армии. — Теперь этот важный пробел в познаниях принца будет заполнен, и, как все наши принцы, он вернется из России другим и искренним поклонником ее. Его письма доказывают, по крайней мере, что это

госсии другом и искренним поклонником ее. Его письма доказывают, по крайней мере, что эта счастливая перемена уже произошла». По случаю отсутствия на некоторое время генерал-адъютанта князя Меншикова Морское министерство поручено Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу. 19. Пароход «Наследник», капитан Гейтман, встретил 14-го августа у Готланда русский пароход-фрегат «Смелый», шедший из Кронштадта в

Штетин с Принцем Прусским и больным генералом Штрекенштейном и требовавший немедленной помощи. Капитан Гейтман поспешил к пароходу «Смелый» и узнал, что машина его до того повреждена, что он не в состоянии идти далее. Волнение было сильное, и пароходу «Наследник» стоило много труда, чтобы завести швартов на пароход «Смелый», взять его на буксир и отвести к Ревелю. Он однако же совершил это благополучно, употребив на то 42 часа. Не доходя до Ревеля, показался пароход «Грозный», на котором находился Государь Наследник Цесаревич. Его Высочество, узнав о случившемся, изволил немедленно принять Принца Прусского на свой пароход и отправился далее к Штетину. Генерал же Штрекенштейн, которого по случаю сильного волнения не могли снять с парохода в открытом море, должен был идти сперва в Ревель и оттуда уже перевезен в Штетин пароходом «Храбрый». Государь Император повелел капитану Гейтману дать подарок в 300 рублей серебром, контр-метру 10-ти, двум машинистам по 5-ти, а 18-ти матросам по одному червонцу. АВГУСТ 20. Лейб-гвардии Уланского полка ротмистры Гербель и Поливанов, за бывшую между ними дуэль, разжалованы в рядовые до отличной выслуги и отправлены в войска Кавказского корпуса, а бывший у них секундант, того же полка корнет Чевкин, переведен в армию тем же чином. АВГУСТ 26. Все генералы и флигель-адъютанты и все чиновники Военного министерства были собраны в Петергофе в Золотой зале для поздравления князя Чернышева с совершившимся 25-летним управлением его Военным министерством. Актеры и актрисы обыкновенно не любят играть в последней пьесе представляемого спектакля. Вчера г-жа Мейер должна была играть в пьесе «Le riano de Berthe», которая назначена была к представлению последнею. В креслах граф Апраксин, живущий с г-жею Мейер, сын покойного сенатора графа Александра Ивановича, спросил у режиссера Пейсора, почему он распорядился таким образом, что г-жа Мейер должна играть в последней пьесе? Пейсор вежливо объявил ему причину, но граф Апраксин возразил: «Пора это кончить», — и ударил Пейсора палкой. Графа Апраксина вывели из кресел и отвезли к обер-полицеймейстеру²⁴⁸. АВГУСТ 27. 26-го августа военный министр князь Чернышев по его желанию уволен от должности военного министра с оставлением председателем Государственного совета. Управляющим Военным министерством назначен генерал-адъютант князь Долгоруков. 25 лет князь Чернышев был военным министром, честный и благонамеренный человек, — это 25-летие он провел с истинною славою. В знак своей признательности Государь Император сделал его сына флигель-адъютантом, а ему подарил министерский дом, в котором он живет, 183 и повелел выдавать ежегодно по 15 тысяч рублей серебром на содержание этого дома, доколе он будет находиться в фамилии Чернышевых. Генерал-адъютанты Берг и Игнатьев назначены членами Государственного совета. Генерал-адъютант Катенин²⁴⁹ дежурным генералом Главного штаба Его Императорского Величества, а свиты Его Величества генерал-майор граф Баранов²⁵⁰ командиром лейб-гвардии Преображенского полка. Сегодня в 2 часа пополудни в Петергофе скончался фельдмаршал князь Петр Михайлович Волконский. Вечером тело покойного фельдмаршала князя Петра Михайловича Волконского на пароходе привезено в Петербург и поставлено в церкви Удельного департамента. Граф А. А. Закревский По случаю кончины его при Высочайшем Дворе наложен траур на 8 дней, а для военных чинов на 3 дня. В день кончины князя Волконского Государь Император посетил его шесть раз. Князь подарил Государю свою шпагу, и при прощании Государь целовал у него руку. — Бог знает, это не Царь, а какое-то диво! АВГУСТ 31. Государь Император и вся царская фамилия переехали из Петергофа на Елагин остров. 17-го августа было открытие памятника Императору Петру Великому, воздвигнутого иждивением Владимирского дворянства в селе Веськове, в 4-х 184 верстах от Переславль-Залесского, на берегу Плещеева озера, где хранятся остатки флотилии Петра I-го. СЕНТЯБРЬ 1. Были похороны фельдмаршала князя Петра Михайловича Волконского. Тело его предано земле в церкви лейб-гвардии Семеновского полка. Государь Император провожал тело покойного, и за гробом следовал лейб-гвардии Семеновский полк, кавалергарды и вся гвардейская артиллерия, а гвардейская пехота была поставлена от Троицкого моста через Морской канал до Садовой и Греческой улиц. 20-го августа пароход, на котором граф

моста через марсово поле по Садовой и Пороховой улицам. 30-го августа генерал-адъютант граф Адлерберх назначен Министром Императорского Двора. Все радуются, что этот достойный человек получил такое назначение. Великие Князья Николай и Михаил Николаевичи изволили отправиться с Елагина острова в вояж. Рассказывают, что в Министерстве внутренних дел составился Красный департамент. Министра²⁵¹ окружили: Милютин, Мордвинов, Арапетов,

Надеждин и Гвоздев²⁵². Все они, как говорят, люди чрезвычайно либерального образа мыслей, и первых двух называют Лафаетами²⁵³. СЕНТЯБРЬ 2. Государь Император изволил уехать с Елагина острова в вояж: в Гомель, Чугуев, Харьков, Полтаву, Елисаветград, Вознесенск, Николаев. Севастополь и Киев. Его Величество сопровождают: граф Орлов и граф Адлерберх. Его Величество, отъезжая, повелел, чтобы в случаях необыкновенных я обращался к князю Чернышеву и уведомлял князя Долгорукова обо всем, что будет касаться до Военного министерства. Генерал-адъютант Бибииков назначен министром внутренних дел вместо графа Перовского, который назначен министром уделов, а генерал-майор князь Васильчиков²⁵⁴ исправляющим должность Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора.

СЕНТЯБРЬ 3. Разница между русским и немцем: немец с женою и детьми должен был переправиться через реку. Паром был невелик, и он, отправя на оном свое семейство, остался на берегу ожидать возвращения парома. На середине реки паром начал тонуть, и немец пришел в отчаяние. Он кричал: «Спасите мое семейство! Спасите моих жену и детей!» Между тем жена и дети утонули. Немец не переставал кричать. Тут сказали ему: «Вместо крику лучше бы вы сели в лодку, которая вот перед вами, и вы могли бы спасти утопавших!» «Ах, Боже мой, — отвечал немец, — это мне не пришло в голову!» На том же пароме переправлялись три русских мужика. Когда один из них начал тонуть, то другой, не умеющий плавать, бросился в воду, чтобы спасти своего товарища, и вместе с ним пошел ко дну. Тогда третий мужик, хороший пловец, кинулся в реку и спас обоих. Вытащив их на берег, он спросил второго мужика: «Как же, братец, ты бросился в воду для спасения своего земляка, когда ты не умеешь плавать?» — «Ах, Боже мой, это мне не пришло в голову!» — отвечал он. СЕНТЯБРЬ 5. По телеграфу получено известие, что в Катержной сломалась коляска Государя Императора, что и сделало остановку путешествию Его Величества. СЕНТЯБРЬ 7. Государыня Императрица изволила переехать с Елагина острова в Царское Село. Крепостной человек действительного статского советника Оленина²⁵⁵ Лев Васильев, являсь в полицию, объявил, что он нанес владельцу своему удар 185 по лбу обухом топора с намерением убить его. Полиция нашла Оленина живым, но тяжело раненным с повреждением черепа. Оленин женат на сестре князя Василия Андреевича Долгорукова, он человек, как говорят, крайне раздражительного характера и своим обращением с прислугою вывел оную из терпения. СЕНТЯБРЬ 8. Католический священник церкви святой Екатерины Юзефович имел переписку с иезуитами в Риме. Это обнаружено, и он выслан в Вологду. 3/15

СЕНТЯБРЯ. Hier matin le Duc de Wellington se leva, selon toute apparence, en bonne sante. Dans la matinee il sorti pour faire sa promenade habituelle pres du chateau, (Walmer-Castle, pres de Douvres), mais un peu apres son retour, il fut pris d'une attaque convulsive assez violente. On cru, neanmoins, que cette attaque provenait de quelque desordre passager dans l'estomac; et les medecins, le docteur Macarthur, de Walmer, et M. Hulke, chirurgien, de Deal, ayant ete immediatement mandes, prescrivirent un emetique. Il fut administre sans produire l'effet desire, et apres avoir eprouve une succession rapide de convulsions d'une violence semblable a la premiere, le Duc expira a trois heures un quart de l'apres-midi. Avant sa mort, le Duc parut etre en etat d'insensibilite, et fut incapable de parler. Перевод с французского: Вчера утром герцог Веллингтон²⁵⁶ поднялся по внешнему виду в добром здравии. В продолжение утра он вышел на обычную прогулку около замка (Walmer Castle близ Дувра), но немного спустя после своего возвращения подвергся довольно сильному судорожному припадку. Полагали, однако, что этот припадок происходит от некоторого расстройства желудка, и медики, доктор Макартур из Вальмера и г. Хюльке, хирург из Диля, немедленно вызванные, прописали рвотное. Оно было дано, не произведя желаемого эффекта, и, испытав непрерывный ряд судорог такой же силы, как и первая, герцог испустил дух в три часа с четвертью пополудни. Перед своей смертью герцог находился в бесчувственном состоянии и был не способен говорить. 9-го. Une conference du general Doubelt avec le Comte Rese, charge d'affaires de France a St. P. bourg. Le 9 septembre le general Doubelt recu du Baron Stiglitz la lettre suivante: «Le cuisinier Leturque, sujet francais, ayant donne lieu a des troubles et des desordres fort graves dans ma maison, qui me laissent

craindre le plus grand danger même si je l'éloignais de mon service, j'ose supplier les Hautes autorités de vouloir bien prendre des mesures nécessaires pour mettre ma maison à l'abri de ce danger, en faisant cette deposition sur ma foi la plus sacrée.» Le general Doubelt ayant decide le renvoi de Russie du nomme Leturque, sujet francais et cuisinier de profession, l'oncle de ce jeune homme le restaurateur Dusseau remua ciel et terre pour faire revoquer cette decision; il reussit enfin d'interessar dans cette

affaire le Comte Rese, qui vint personnellement, avec le Comte Reineval, a la 3me section de la chancellerie de L'Empereur pour en parler au general Doubelt. Lorsque ces Messieurs furent annonces au general, celui-ci sortit dans le salon qui precede son cabinet, fit un salut courtois aux deux diplomates francais et tendit la main au charge d'affaires; mais le Comte Rese, prenant un air d'importance, retira sa main et dit: «Monsieur le general! Pas avant que nous ayons termine l'affaire qui m'amene chez Vous.» — Alors le general, sans donner le moindre signe de la mauvaise impression que lui fit ce procede desobligeant, et presque impertinent, conduisit ces Messieurs avec une politesse froide dans son cabinet. La, assis tous les trois devant l'atre ardent de la cheminee, le Comte Rese fit tout un plaidoyer pour obtenir du General de faire revenir le nomme Leturque de Cronstadt, ou il avait deja ete envoye pour etre embarque. Le General Doubelt lui repondit: que cela 186 ne dependait plus de lui, qu'il ne faisait qu'executer les ordres du Prince Tschernicheff auxquels il n'avait pas droit de changer la moindre chose. Le Comte Rese eut alors recours aux supplications, en priant le General d'obtenir du moins le consentement du Prince Tschernicheff, a ce que le jeune homme en question ne fut point renvoye par les autorites Russes, mais qu'il fut remis a l'ambassade francaise, engageant sa parole d'honneur de le faire partir sous peu de jours pour la France. Le general lui ayant promis d'employer a cet effet ses bons offices aupres du Prince, et qu'il saisira avec empressement cette occasion pour lui etre agreable, le Comte Rese se confondit en remercements et en eloges sur la politesse et l'obligance des autorites superieures Russes envers les sujets francais et assura qu'il en rendra compte a son gouvernement. Le Comte Rese, s'etant leve pour s'en aller, tendit la main au General, mais celui-ci, retirant la sienne, et le saluant froidement, lui dit: «a mon tour Monsieur le Comte!» Le comte Rese un peu confus insista a ce que le General lui donna la main, celui-ci ayant repete: «a mon tour, Mr le Comte!», le charge d'affaires prit un ton presque suppliant, et dit: «Sans rancune, Mr le General, donnons nous la main et separons nous comme des amis. «Ah, Monsieur le Comte, fit le General, une fois qu'on s'adresse a moi de cette maniere, la voila!» et lui tendi la main. Cette conference, commencee avec peu de morgue, se termina presque amicalement, et le Comte Rese, a peine rentre chez lui, ecrivit au general Doubelt une lettre pleine de politesses et de remercements. Перевод с французского: Беседа генерала Дубельта с графом Резе, французским поверенным в делах в Санкт-Петербурге. 9-го сентября генерал Дубельт получил от барона Штиглица следующее письмо: «Повар Летюрк, французский подданный, дал место в моем доме буйству и крупным беспорядкам, которые заставляют меня бояться еще больших осложнений, даже если я удалил бы его с моей службы. Осмеливаюсь покорнейше просить высшие власти, не пожелают ли они принять необходимые меры для защиты моего дома от сказанной опасности, в чем даю свое честное и благородное слово». Генерал Дубельт имел намерение выслать из России названного Летюрка, французского подданного и повара по профессии. Дядя этого молодого человека, ресторатор Дюссо, употребил все силы, чтобы изменить решение. Он успел, наконец, заинтересовать в этом деле графа Резе, явившегося лично вместе с графом Рейнвалем в III-е отделение собственной Его Величества канцелярии, чтобы переговорить с генералом Дубельтом. Когда об этих господах было доложено генералу, последний вышел в салон, около своего кабинета, сделал вежливое приветствие обоим дипломатам и протянул руку поверенному в делах. Но граф Резе, приняв значительный вид, убрал свою руку и сказал: «Г-н генерал! — не раньше, чем мы покончим с делом, которое привело меня к вам». Тогда генерал, не подавая ни малейшего знака о дурном впечатлении, произведенном на него подобным неучтивым и почти что нахальным поступком, проводил этих господ с холодною вежливостью в свой кабинет. Там, сидя втроем перед пылающим очагом камина, граф Резе употребил все доводы, чтоб добиться от генерала возвращения названного Летюрка из Кронштадта, куда он был уже отправлен для посадки на корабль. Генерал Дубельт отвечал графу, что это дело более не зависит от него, что он только исполнил приказания князя Чернышева, в которых не имеет права абсолютно ничего изменить. Граф Резе тогда прибег к просьбам, убеждая генерала Дубельта добиться согласия князя Чернышева в том, что подозрительный молодой человек не будет выслан русскими властями, а будет отправлен во

французское посольство, и давал свое честное слово заставить его уехать вскоре во Францию. Генерал обещал ему использовать свои добрые отношения к князю и воспользоваться поводом оказать ему любезность. Граф Резе рассыпался в благодарностях и похвалах вежливости и обязательности русских высших властей по отношению к французским подданным и заверил, что даст об этом отчет своему правительству. 187 Граф Резе, поднявшись уходить, протянул руку

генералу, но последний, убрав свою и холодно раскланявшись, сказал: «Моя очередь, господин граф!» Граф Резе, смутившись немного, ожидал, что генерал подаст ему руку, но тот повторил: «Моя очередь, господин граф!» Поверенный в делах принял почти умоляющий тон и сказал: «Забудем прошлое, господин генерал, подадим друг другу руки и расстанемся друзьями!» «А, господин граф, — сказал генерал, — если ко мне обращаются в таком тоне, — вот она!» — и протянул ему руку. Эта беседа, начавшаяся немного спесиво, кончилась почти дружественно, а граф Резе, едва вернувшись к себе, написал генералу Дубельту письмо, полное учтивости и благодарности. СЕНТЯБРЬ 18-го. С Высочайшего соизволения персидский посланник с своею свитою посетил Екатерининский институт. Магомет-Гусейн провел там время от 10 часов утра до трех часов пополудни, все осматривал в подробности, и во время обеда девиц приготовлен был ему в их же столовой завтрак. Он был очень доволен всем, что видел, и прислал девицам 75 фунтов конфет. Получено известие, что генерал-адъютант Илья Гаврилович Бибилов присудил шесть человек грабителей в Гродненской губернии к наказанию шпицрутенами, каждого чрез тысячу человек по шести раз, и чтобы это наказание совершено было без медицинского свидетельства. Весьма естественно, что эти люди умерли под ударами, и Государь Император повелел спросить Бибилова, почему он употребил такую строгость? Что эти грабители стерты с лица земли, в том нет беда, туда им и дорога, но я всегда говорил и говорю, что наше правительство, в видах человеколюбия уничтожив смертную казнь, поступило неправильно, заменив оную шпицрутенами. Шпицрутены чрез 6 тысяч человек есть та же смертная казнь, но горшая, ибо преступник на виселице или расстрелянный умирает в ту же минуту, без великих страданий, тогда как под ударами шпицрутенов он также лишается жизни, но медленно, иногда через несколько дней и в муках невыразимых. Где же тут человеколюбие? Я сам был свидетелем наказания убийцы покойного князя Гагарина, его били в течение двух часов, куски мяса его летели на воздух от ударов, и потом, превращенный в кусок отвратительного мяса, без наималейшего куса кожи, он жил еще четыре дня и едва на пятый скончался в величайших страданиях. Народ, присутствовавший при наказании, когда привели убийцу на Семеновскую площадь, кричал: «Вот злодей! Он должен быть строго наказан!» Впоследствии принял в нем же участие и с сожалением говорил: «Боже мой! Можно ли мучить так человека!» Тут явно нравственная цель наказания потеряна, и вместо страха порождается в зрителях только сострадание к преступнику. По моему мнению, военный суд должен карать злодеев смертью, но смертью мгновенною, а не мученическою, и, по моему чувству, истинное человеколюбие состоит в том, чтобы преступника, заслужившего смерть, лишить жизни мгновенно, а не терзать его. Странно, что наше правительство, столь правосудное, столь человеколюбивое, не видит или не хочет видеть этой неоспоримой истины! СЕНТЯБРЬ 24. Были похороны известного Парота²⁵⁷, действительного статского советника. Тело его предано земле на Смоленском кладбище. Поганые французы! В Марселе опять открыта адская машина! Новая машина, подобная составленной злодеем Фиески²⁵⁸, но сложнее и ужаснее, найдена и захвачена. Это опять гнусный умысел на жизнь президента. 25 сентября полиция захватила орудие злодейства и одного из преступников. Потом арестованы были в Марселе еще 12 человек и несколько в Тулоне. Один из служащих при генерал-адъютанте Илье Гавриловиче Бибилове чиновников, приехав из Вильны, рассказывал, что Бибилов, не любя жандармов, недавно сказал: «Эти синие скоты не дают мне спокойно управлять краем!» 188 Бибилов беспрерывно красуется перед зеркалом, ездит на охоту и играет в карты. — Вот его управление! Слава Богу, что он нас бранит. Его похвала была бы хуже брани. СЕНТЯБРЬ 25. Вдова князя Петра Михайловича Волконского, княгиня Софья Григорьевна, просила Высочайшего соизволения начертать на памятнике покойного князя: «19-ое марта 1814-го года», в ознаменование того, что князь Петр Михайлович Волконский первый дал мысль Императору Александру 1-му идти прямо на Париж. На просьбу княгини Волконской воспоследовало Высочайшее соизволение. К просьбе этой побудил сын ее, князь Григорий Петрович Волконский²⁵⁹. СЕНТЯБРЬ 26. Князь

Мещерский²⁶⁰, который был женат на сестре князя Александра Ивановича Чернышева, секретно женился на купчихе Пановой, с которою он был в связи в течение 20-ти лет. Их венчали в деревне в 80-ти верстах от Петербурга. СЕНТЯБРЬ 28. Графиня Анастасия Ивановна Ностиц²⁶¹, вдова генерал-адъютанта, выдавая дочь свою за Безобразова, обещала дать в приданое дочери 250 душ в Екатеринославской губернии. После свадьбы Безобразов просил об исполнении этого обещания, но графиня объявила, что даст рядную, ежели Безобразов внесет ей 13 тысяч рублей серебром. — Безобразов имел неосторожность на это согласиться и выдал ей деньги. Получив сию сумму, графиня Ностиц отказала Безобразову в выдаче данной, а когда он просил возвратить ему по крайней мере его 13 тысяч рублей серебром и при том объявил, что отказывается от приданого, то она и в этом ему отказала. Честно!!! СЕНТЯБРЬ 30. Я всегда полагал, что люди от радости и от горя не умирают; случилось напротив. Отставной генерал-майор Кожин²⁶² сосватал дочь свою за конногвардейского поручика Лошкарева. Эту барышню воспитывала родная ее тетка Новикова и любила ее, как родную дочь. Горевала госпожа Новикова, что племянница ее выходит замуж и что она должна расстаться с нею. В церкви во время венца ей сделалось дурно, она упала в обморок и к утру скончалась! Есть праздные люди. Я называю их бездельниками, которые от нечего делать и между тем от недостатка ума и хороших чувств разглашают нелепые новости, которым народ верит, и чем более те новости нелепы, тем более им верит. — На днях разнесся слух, что были два брата купца, один очень богат и до невероятности скуп, другой очень беден. Бедный брат умер, и вдова его, не имевшая ни чем, ни в чем его похоронить, пришла к жене богатого брата и просила дать ей хоть рубаху для покойного. Та дала ей рубаху, но муж ее, пришед домой и узнав об этом, рассердился, разбил жену и пошел в церковь, где уже лежало тело его покойного брата, и начал снимать с него рубаху. Покойник схватил его за руку, и никакая сила не могла оторвать покойника от живого скряги! Так отвезли обоих в Обуховскую больницу. Покойнику отрезали руку, но кисти руки никак отрезать не могут! Никого нельзя уверить, что это неправда! ОКТЯБРЬ 4. В доме Таля, в котором живет граф А. Ф. Орлов, был пожар. Работники Английского клуба пришли в подвал того дома разливать вина в бутылки и печатать оные. Приказчик ушел из подвала и запер в оном рабочих. От неосторожности загорелась у них солома, и огонь сообщился ящикам с винами. Выбежать из подвала и объявить о пожаре они не могли, ибо были заперты снаружи, а крик их не был слышен. Но люди графа Орлова, увидя дым, выходивший из окон подвала, выломали двери, и огонь был потушен прежде, нежели успела приехать пожарная команда. 189 ОКТЯБРЬ 8. В Большом театре было представление оперы «Дон Пасквали», в которой первый раз участвовал Лаблаш²⁶³. Во время последнего антракта генерал-адъютанту князю Чернышеву сделалось дурно, и его светлость вышел из ложи. В коридоре встретил его бывший его адъютант граф Строганов²⁶⁴. Князь жаловался, что у него кружится голова. Граф Строганов взял его под руку и повел к подъезду, но он идти не мог, склонился головою на плечо Строганова и сел на лестнице; тогда с помощью других отвели его в кассу театра, где, после оказанной ему двумя докторами первоначальной помощи, он приведен в чувство и отвезен в дом свой. ОКТЯБРЬ 10. Государь Император и Великие Князья Николай и Михаил Николаевичи возвратились из вояжа по России в Царское Село. С ними приехал и граф Орлов. ОКТЯБРЬ 11. В одной из здешних больниц открылись три случая, доказывающие признаки холеры. Высочайше повелено в гошпиталях иметь приготовленные отделения для принятия заболевших холерою. ОКТЯБРЬ 13. Генерал-адъютант Философов назначен попечителем к Великим Князьям Николаю и Михаилу Николаевичам. ОКТЯБРЬ 15. Пошел лед по Неве, и мосты разведены. Начальник Царскосельской железной дороги подполковник Таубе²⁶⁵, провожая часто Великих Князей, привык говорить: «Ваше Императорское Высочество!» Сегодня Государь Император ехал из Царского Села и спросил о чем-то Таубе. Таубе отвечал: «Точно так, Ваше Императорское Высочество!» — «Был некогда!» — отвечал Государь. ОКТЯБРЬ 16. Из Парижа получено сведение, будто бы президент Лудовик Наполеон посредством поляков имеет сношения с Шамилем и что Абдель-Кадера²⁶⁶ он отправил на жительство за Константинополь по дороге к Кавказу из политических видов. Что Лудовик Наполеон имеет намерение жениться на дочери Чарторижского²⁶⁷, что дочь Иеронима Бонапарта Матильда Демидова беременна от мюлитора, графа Нейверкерн. ОКТЯБРЬ 17-ГО. Лед на реке Неве остановился. Известие о прибытии Государя Императора из вояжа в Санкт-Петербург получено в Москве по телеграфу в 21 минуту.

11-го октября минуло 40 лет, как Наполеон оставил Москву. В этот день граф Закревский собрал у себя уцелевших участников войны 1812 года. Их оказалось в Москве: 298 генералов, штаб- и обер-офицеров и 719 унтер-офицеров и рядовых, всего 1017 человек. Граф Закревский угостил их обедом. Ночью Герцогу Лейхтенбергскому сделалось так дурно, что должны были разбудить Государя Императора, и Его Величество был у Его Высочества. ОКТЯБРЬ 20. В три

часа пополудни скончался Его Императорское Высочество Герцог Лейхтенбергский. Повелено наложить траур на 3 месяца. Дай Бог ему царство небесное. Был добрый, благонамеренный и с благороднейшими чувствами человек. ОКТЯБРЬ 21. По железной дороге была отправлена воинская команда в Москву. Людей поместили в вагоне открытом и без скамеек. Государь Император был этим очень недоволен и повелел арестовать генерал-майора Романова на неопределенное время. 190 ОКТЯБРЬ 23. Были похороны Герцога Лейхтенбергского, супруга Великой Княгини Марии Павловны²⁶⁸. Тело его предано земле в Католической церкви Святого Иоанна Иерусалимского, что в Пажеском корпусе. Военные чины были в сюртуках. ОКТЯБРЬ 24. Для присутствия на похоронах фельдмаршала герцога Веллингтона, имеющих быть в Лондоне 6 ноября, назначен генерал-адъютант князь Горчаков, свиты Его Величества генерал-майор граф Бенкендорф²⁶⁹ и один штаб-офицер армии. ОКТЯБРЬ 25. Царская фамилия совсем переехала в город из Царского Села. ОКТЯБРЬ 27. Государь Император за обедом сказал графу Киселеву и генерал-адъютанту Ланскому, что между бумагами князя Волконского Его Величество нашел письмо Великого Князя Константина Николаевича об отречении от российского престола, которое Его Величество давно искал и не мог найти. «Я очень рад, что нашел это письмо, — присовокупил Государь, — а то Жеребцова похитила бы оно!»²⁷⁰ ОКТЯБРЬ 28. Президент Французской республики даровал Абдель-Кадеру свободу. Абдель-Кадер приехал в Париж благодарить Лудовика Наполеона. ОКТЯБРЬ 29. Покойный князь Волконский по духовному завещанию назначил одну табакерку графу Перовскому и одну графу Кушелеву-Безбородке. Вдова князя, княгиня Софья Григорьевна, оспаривает этот пункт завещания. После князя Петра Михайловича осталось 60 часов, княгине следует 4-я часть оных. Она взяла только десять часов, но выбрала все лучшие, брегетовые. Княгиня Софья Григорьевна имеет привычку ежедневно купаться в холодной воде и потом голая ходит несколько времени по комнате. Горничных девушек у нее нет. — Придворный лакей принес в ее комнату кофе и вошел именно в то время, когда она голая прогуливалась. Лакей в испуге остановился у дверей и хотел уже уйти из комнаты. «Ничего, — сказала княгиня, — зажмурься и поставь поднос на стол!» НОЯБРЬ 3. Князь Урусов²⁷¹, бывший адъютант графа Орлова, возвратясь из Парижа и рассуждая со своими приятелями, говорит: «La France est parvenue a un tel degre de civilisation, qu'elle n'a plus besoin d'un gouvernement!»* Бесподобно! НОЯБРЬ 5. По достоверным известиям дознано, что Нижегородскому драгунскому полку дают справочные цены: на четверть овса по 37, а на пуд сена по 25 копеек. Покупает же полковой командир овес по 27, а сено по 8 копеек и от этого имеет он ежегодную выгоду до 80 тысяч рублей серебром. — Ужасно и удивительно, как правительство не обратит на это внимания. НОЯБРЬ 6. Давно уже замечено, что Иван Аркадьевич Нелидов беспрерывно вмешивается в чужие дела и при своих ходатайствах употребляет меры неприличные. На днях Курский губернатор просил об удалении из Курска одного советника губернского правления. Директор департамента отвечал ему: «Помилуйте, да разве вы не знаете, что ему покровительствует Иван Аркадьевич Нелидов!»²⁷² 191 НОЯБРЬ 7. Государь Наследник Цесаревич с супругою в 11 часов вечера возвратился из-за границы. Высочайшим указом 3 ноября Великая Княгиня Мария Николаевна назначена президентом Академии художеств. Все члены академии и артисты в восторге. Генерал-адъютант Философов назначен попечителем к Великим Князьям Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу. НОЯБРЬ 10. 4-го ноября прибыла в Санкт-Петербург Ея Королевское Высочество вдовствующая Герцогиня Мекленбург-Шверинская²⁷³, сестра Государыни Императрицы. НОЯБРЬ 12. Лейб-гвардии Преображенского полка офицер Давыдов²⁷⁴ хотел жениться на девице Масловой. Настал день свадьбы, и он, вместо того, чтобы ехать в церковь, застрелился. 13. A propos du titre de Napoleon III, il court une anecdote qui, quelque dubitative qu'elle paraisse, est donnee neanmoins pour un fait reel, la voici: on disait que le gouvernement, en expediant ses agents dans les provinces que devait traverser le President, n'avait pas songe a leur donner des instructions pour faire crier Napoleon III; lorsque le maire de Bourges, en envoyant des circulaires aux communes qu'il

administre, pour leur recommander ce qu'il fallait crier, ecrivit que les seuls cris qui devaient etre proferes seraient: «Vive l'Empereur, vive Napoleon», et fit suivre ce dernier mot par trois signes d'interjection!!!, ce qui parut signifier le nombre III en chiffres romains; de sorte que, si le maire n'avait mis que deux signes d'exclamation, le peuple eut crie: «Vive Napoleon II» et des lors, toute l'economie du projet eut ete renversee. Перевод с французского: По поводу титула Наполеона III ходит

анекдот, который, несмотря на свою кажущуюся недостоверность, все-таки основан на действительном факте; вот он: утверждали, что правительство, отправляя своих агентов в провинции, через которые должен был проезжать президент, не намеревалось дать им инструкции провозглашать Наполеона III-м. Когда мэр города Буржа, рассылая своим подчиненным общинам циркуляры с предписанием, что именно следует кричать, написал, что единственное приветствие, предпочтительное перед всеми другими, есть крик: «Да здравствует император, да здравствует Наполеон», — он сопровождал это последнее слово тремя восклицательными знаками «!!!». Это показалось означающим число III по римскому счислению. Таким образом, если бы мэр поставил только два восклицательных знака, народ кричал бы «Да здравствует Наполеон II» — и все предполагаемые расчеты оказались бы спутанными. НОЯБРЬ 14. Наше правительство возымело намерение ко всем военным кораблям и другого рода судам приспособить винтовое движение. Мысль благая, и генерал-адъютант Огарев отправляется во Францию и Англию для приобретения машин и рабочих, нужных для сего дела. Начатием и совершением этого дела очень торопятся. НОЯБРЬ 15. Наши агенты заметили, что певец Марио²⁷⁵ очень бранит русских и даже с презрением о них отзывается. — Мерзавец, итальянская дрянь, пастух, смеет бранить русских, а, небось, ест хлеб русский! — Впрочем, наша публика сама тому виновата: эта каналья слишком важничает, позволяет себе в операх петь вполголоса и выбрасывать по две, по три арии, — и все-таки ему аплодируют и носят этого итальянского мужика на руках. НОЯБРЬ 16. Госпожа Буркова²⁷⁶ в Неаполе обратила на себя всеобщее внимание своею красотою, и оттуда пишут к Неаполитанскому посланнику, чтобы узнал 192 и уведомил, кто такая эта графиня Буркова, а она просто чиновница, живущая единственно по милости добрейшего, благороднейшего графа Адлерберха. Какой-то негодяй, желая испугать госпожу Обрескову²⁷⁷, уверил ее, что из Персии завезена сюда в халате сильнейшая чума и что уже была одна жертва этой заразы. Г-жа Обрескова всех расспрашивает, правда ли это? и по городу утвердилась почти уверенность, что чума точно к нам завезена. НОЯБРЬ 17. Ротмистр Новицкий²⁷⁸, уезжая из театра, прогневался и дерзко потребовал от подполковника Чудинова, чтобы его экипаж всегда стоял впереди. «А почему ваш экипаж должен стоять впереди?» — «Разве вы меня не знаете, я — адъютант шефа жандармов!» — ответил Новицкий. — «В таком случае, — возразил Чудинов, — вы первый должны знать порядок, служить для других примером и вежливо говорить со старшими!» Граф Орлов приказал за это объявить Чудинову благодарность. НОЯБРЬ 21. На Колпинской станции товарный поезд был разделен на две части и ночью, в одиннадцать часов, вторая половина этого поезда на Ушаковской станции наехала на первую. При этом случае убит один кондуктор, ранены 2 человека из прислуги и разбито 4 товарных вагона. НОЯБРЬ 23. 7-го ноября курский губернатор Казадаев был в Английском клубе, где Иван Аркадьевич Нелидов назвал его лгуном. Причина этому была следующая: курский предводитель дворянства Нелидов был представлен в эту же должность на следующее 3-летие, но Государь, предупрежденный невыгодно о Нелидове, не утвердил его. Иван Аркадьевич Нелидов, уверенный, что Казадаев дурно отнесся о его брате, начал его в том упрекать. Казадаев отвечал, что он никому ни дурно, ни хорошо о его брате не говорил, и вследствие этого Нелидов назвал Казадаева лгуном! Казадаев, обиженный таковою дерзостью, хотел вызвать Нелидова на поединок, но правительство, узнав об этом, предупредило дуэль. Были призваны флигель-адъютант Ахматов и надворный советник Никулин, при которых Нелидов сказал эту дерзость Казадаеву, и подтвердили это; тогда было предложено Нелидову просить прощения у Казадаева, что он и исполнил в доме графа Орлова, при генерал-лейтенанте Дубельте, при Ахматове и Викулине²⁷⁹. НОЯБРЬ 25. На графа Клейнмихеля слышны непрерывные жалобы. Теперь жалуется на него подрядчик Иконников. Ему должно получить за работы по железной дороге 3 500 000 рублей серебром, из коих 1 миллион 500 тысяч рублей серебром квитанции уже утверждены и представлены, но он не получает ни копейки. Иконникову не платят за мосты, по которым ездят уже полтора года, под тем странным

предлогом, что на те мосты сметы еще не сделаны. Шесть человек подрядчиков совершенно разорены и умерли в нищете от отчаяния. Никто не может получить платы, как с уступкой 50-ти копеек с рубля дистанционным офицерам. Недостатку у графа Клейнмихеля 14 миллионов, но он не смеет о том доложить Государю. НОЯБРЬ 26. Государь Великий Князь Михаил Николаевич принял присягу на верность престолу и службе. НОЯБРЬ 27. Из Предосторожности

от холеры Высочайше повелено учредить наистрожайший карантин между Черным и Азовским морями. 20-го ноября во Франции объявлена империя. Избирательных голосов оказалось 7 824 189, отрицательных — 253 145 и недействительных 63 326 Лудовик Наполеон провозгласил себя: Божию милостию и волею нации императором Наполеоном 3-м. 193 ДЕКАБРЬ 3.

Митрополит, довольный службою священника Правоведения, сказал, что нужно его представить к награде. Начальник школы Правоведения, генерал-майор Языков, полагая, что из одного приличия должно предупредить об этом обер-прокурора Синода графа Протасова, поехал к нему, но он так принял его грубо, что Языков обиделся и жаловался графу Орлову²⁸⁰. Лудовик Наполеон 20 ноября / 2 декабря ночевал в первый раз в Тюильри. Наружный караул содержится баталионом линейной пехоты, полубаталионом жандармов, занимающих почетные посты, и эскадроном карабинеров. Часовых везде расставлено много, как внутри дворца, так и снаружи. ДЕКАБРЬ 5. 30 ноября было собрание Географического общества под председательством Великого Князя Константина Николаевича. Его Высочество в первый раз ввел в это общество Великих Князей Николая и Михаила Николаевичей. Надеждин читал свое сочинение о древних русских преданиях, мифах, поговорках и т. п. Восторг был и изъявление оно было до того неуместно, что присутствовавшие дозволили себе громко рукоплескать при Их Императорских Высочествах. ДЕКАБРЬ 8. Князь Голицын, генерал-губернатор витебский и могилевский, сделал предложение, чтобы и в этих губерниях молодых дворян брали в службу, как в западных. Министр внутренних дел против этой меры, которая только огорчит те губернии — всегда спокойные. В городе носится слух, что одна чиновница заболела холерою и что муж ее, страстно ее любивший, употребил все меры для ее спасения, но тщетно — чиновница умерла, но после ее кончины она явилась во сне к неутешному мужу и сказала, что если бы вместо тех лекарств, которые ей давали, дали бы ей траву Душица, то она бы выздоровела. Теперь пробуют давать эту траву пораженным холерою, и, как говорят, она производит внезапный и сильный пот и спасает заболевших. 6-го декабря воспоследовал Высочайший Указ, которым повелено детям Великой Княгини Марии Николаевны именоваться Князьями и Княжнами Романовскими и титул Императорского Высочества сохранить им до правнуков Государя Императора Николая Павловича включительно. ДЕКАБРЬ 12. Из Берлина получено известие, что 12-го декабря туда прибыл Император Австрийский Франц Иосиф²⁸¹ и пробудет там несколько дней. При этом случае Король Прусский приготовил свои войска на смотр его Императорскому Величеству, но как в это время многие нижние чины в отпуску, то, дабы не казалось войско мало, то оные были построены в две шеренги. ДЕКАБРЬ 14. Получено известие из Парижа, что министром Французского императорского двора назначен Ашиль Фуль²⁸². Корпус жандармов, охраняющих Париж, будет называться «Парижскою стражею», а два баталиона подвижных жандармов будут называться отборными жандармами (Gendarmerie d'elite). ДЕКАБРЬ 15. Юбилей 100-летия Морскому кадетскому корпусу. Все морские чиновники были приглашены к обеденному столу Государя Императора. Обед был приготовлен на 1000 человек на 18-ти столах. Для угощения приглашенных к обеду лиц к каждому столу был назначен один генерал-адъютант и один флигель-адъютант. Государь пожаловал Морскому кадетскому корпусу новое знамя, которое и было освящено в здании корпуса. По ночам неизвестные люди начали давать извозчикам для размена 194 фальшивые рубли. Полиция поймала в этом преступлении пехотного солдата Иванова, крестьянина Иванова, дворового человека Мочалкина и дорогобужского мещанина Кочурина. ДЕКАБРЬ 16. Тело Герцога Лейхтенбергского похоронено в Католической церкви, что в Пажеском корпусе, а 2-го декабря флигель-адъютант граф Алопеус²⁸³ привез в Мюнхен сердце покойного Герцога, которое в ожидании торжественного погребения помещено в дворцовой церкви. ДЕКАБРЬ 17. По случаю юбилея Морского кадетского корпуса был в том корпусе 16-го числа бал, на котором было 7000 человек гостей. Был там Великий Князь Константин Николаевич с супругою. Камергер барон Офенберх²⁸⁴ говорит, что в Остзее князем Суворовым все довольны, но что он очень дурно окружен, в

особенности же Гернгросс²⁸⁵ — человек неблагонамеренный. Сам же князь излишне пылок, шумит и от того часто делает ошибки, от коих однако же по благородству чувств часто сам возвращается. В Остзее желают только одного, чтобы князь Суворов поставил себя в хорошие отношения с министром внутренних дел Бибиковым, ибо распри с графом Перовским много вредили краю. В распри же князя Суворова с графом Перовским обвиняют князя Суворова,

который неосторожно и беспрерывно позволял себе громогласно бранить, даже неприлично, графа Перовского, что без сомнения доходило до его сведения и не могло внушить ему большой любви к князю Суворову. ДЕКАБРЬ 19. Сын графа Дмитрия Николаевича Шереметева, восьмилетний мальчик²⁸⁶, очень болен, так что мало надежды к его выздоровлению. Жаль, это единственный наследник огромного имения. Отец его не подходит к его кровати, а сдалека беспрерывно его благословляет и пред образами молится за него Богу. — Станный человек граф Шереметев: Государыня Императрица, узнав о болезни его сына, два раза приезжала к подъезду его дома и с подробностью расспрашивала о здоровьи малютки; отец не выходил к Ея Величеству и давал ответы через прислугу и даже не ездил благодарить Государыню! Он никого не принимает, ни к кому не ездит и проводит время в обществе своих кучеров и лакеев!

ДЕКАБРЬ 20. Скончался член Государственного совета обер-гофмейстер Федор Петрович Опочинин²⁸⁷. Скончался от холеры директор инспекторского департамента гражданского ведомства тайный советник Ковальков²⁸⁸. ДЕКАБРЬ 21. 21 декабря нового стиля сердце Герцога Лейхтенбергского похоронено в Мюнхене в церкви дворца Герцога Лейхтенбергского. ДЕКАБРЬ 22. Камер-юнкер Всеволожский²⁸⁹, наделав много долгов и захватив для залогов чужие деньги, в том числе у вдовы генерал-адъютанта Петра Федоровича Веймарна²⁹⁰ 19 тысяч рублей серебром, бежал за границу. На выносе тела обер-гофмейстера Опочинина изволили быть: Государь Император и все Великие Князья. ДЕКАБРЬ 25. В Зимнем дворце был большой выход и внутренний парад. ДЕКАБРЬ 27. 22-го декабря во время похорон обер-гофмейстера Опочинина камер-юнкер Толстой²⁹¹ подошел к фронту конной гвардии и хотел разговаривать с офицерами. Он за это посажен на 2 часа под арест. Из Парижа получено известие, что Иероним Бонапарт²⁹² провозглашен наследником престола. Многие этим недовольны, потому что ни он, ни сын его не пользуются общею любовью. 195 В 1851 году дворяне Витебской губернии обязались исправить в своих имениях православные церкви. Ныне за неисполнение этого в Лепельском уезде 67 помещиков отданы под суд. ДЕКАБРЬ 30. Из Варшавы приехал генерал-фельдмаршал князь Варшавский, граф Паскевич-Эриванский. Три версты не доезжая до города, у него сломался экипаж и его привезли в извозничьей карете. ДЕКАБРЬ 31. Император французов назначил Нансийского Епископа первым придворным милостыне-раздавателем, графа Вальяно — обер-гофмаршалом, барона Бевиля — первым дворцовым префектом, герцога Бассано — обер-камергером, графа Боччиоки — первым камергером, маршала Сент-Арно — обер-штабмейстером, Флери — первым штабмейстером, маршала Моньяна — обер-егермейстером, графа Эдгарда Нея — первым егермейстером, герцога Камбасереса — обер-церемониймейстером, а Бюра — придворным казначеем²⁹³. 1853 ЯНВАРЬ 1. Вместо Государственного секретаря Бахтина²⁹⁴, назначенного членом Государственного совета, назначен исправляющим должность Государственного секретаря Бутков²⁹⁵, а вместо Буткова правителем дел Комитета министров — Суковкин. Супруга Анатолия Николаевича Демидова, принцесса Матильда Иеронимовна приняла титул Императорского Высочества. Лудовик Наполеон предлагал ей получать от французской казны по 300 тысяч франков в год вместо 60 тысяч серебром, которые она получает от своего мужа; но она отказалась, сказав, что вернее получать 60 тысяч рублей козацких, нежели 300 тысяч франков французских. И умно сделала. Большого съезда при дворе не было. Были только приглашены генералы и флигель-адъютанты. ЯНВАРЬ 4. Государь Наследник Цесаревич и Великие Князья Константин, Николай и Михаил Николаевичи после траура по Герцоге Лейхтенбергском были в первый раз в Большом театре. Дебютировала г-жа Вьярдо²⁹⁶ в «Севильском цирюльнике». 1-го января было 50-летие дома барона Стиглица. Служащие в его конторе поднесли ему золотую медаль с изображением 1803-го, 1826 и 1853 годов, что значит: год учреждения его банкирского дома, год, в который он возведен в баронское достоинство, и год 50-летия. Желание публики слышать г-жу Вьярдо так велико, что в первое ее представление все коридоры в театре были полны в том уповании, что кто-нибудь из имеющих кресла умрет или занеможет. И точно, несколько человек почувствовали

себя дурно, и нашли в коридоре готовых покупателей их мест. О, люди! ГЕНВАРЬ 5. Статский советник Демидов застал у своей жены камер-юнкера князя Кочубея и в порыве ревности вызвал его на дуэль. Дуэль эта предупреждена, и князь Кочубей, объявив, что он волочился за горничною девушкою г-жи Демидовой, отправлен на службу в Смоленск²⁹⁷. ГЕНВАРЬ 6. При дворе был большой съезд. ГЕНВАРЬ 8. Из Смоленска получено известие, что дворяне хотели

заплатить долги своего губернского предводителя князя Друцкого-Соколяницкого²⁹⁸. 196 Поэтому пошли суждения, одни в пользу князя, другие против него, — кончилось тем, что долгов не заплатили, а между тем явились карикатуры: 1) представлена корова, которую доит князь Друцкой, 2) представлен князь с ящиком на груди, с каким обыкновенно ходят просящие милостыню на церковь. О, подлый люд! Служи им — и вот их благодарность! ГЕНВАРЬ 10. Командиру Кавалергардского полка генерал-майору Бреверну по его предкам дано наименование: граф Бревер де ля Гардий²⁹⁹. ГЕНВАРЬ 14. Аллан, бывший актер императорского французского театра, окончив у нас свое служение и получив пенсию, отправился в Париж. Около Парижа купил он землю и выстроил на оной дом, на котором написал: «Maison Allan», а русскими буквами: «Милости просим». ГЕНВАРЬ 15. В присутствии Государя Императора назначен, но отменен парад войскам гвардейского корпуса. ГЕНВАРЬ 17. Полиция обнаружила 309 человек беспаспортных людей, проживающих в Санкт-Петербурге. Их повелено одних отдать в арестантские роты, а других выслать на родину. ГЕНВАРЬ 19. Государь, в неисчерпаемой своей милости, освободил из Шлиссельбургской крепости графа Михаила Потоцкого³⁰⁰ и повелел жить ему в Пензе под надзором, куда он и отправлен. При этом случае вновь является странность характера этого человека: случай, хотя, по-видимому, неважный, но для характеристики человеческого рода поистине странный. Граф Потоцкий более года был заключен в крепости и во все это время не мог и не имел решительно ни с кем сношений; находясь в таком положении, кто бы не пришел в восторг при получении известия о своем освобождении; граф Потоцкий, напротив, принял эту весть равнодушно, и главная его забота состояла в том, чтобы не забыли приказать послать в Пензу те газеты, которые ему посылались в Шлиссельбург. ГЕНВАРЬ 20. Около Петергофа трое неизвестных разграбили Мартышкинский питейный дом и, вскрыв доски пола, положили двух сидельцев под пол и заколотили оный. Спустя несколько дней полицейский офицер Голощапов услышал в Полторацком питейном доме в Петербурге разговор двух крестьян о какой-то счастливой добыче. Он арестовал их, и дознано, что они разграбили Мартышкинский питейный дом. Это крестьяне: государственный — Давыд Иванов и графа Шереметева — Иван Андреев. Они сознались и обнаружили своего соучастника, также графа Шереметева крестьянина, Арсения Агеева. ГЕНВАРЬ 21. Какой-то прохожий солдат объявил, что в соборе Смольного монастыря явился образ Черниговской Божьей матери. Он это видел во сне и указал место хранения образа. Образ точно найден, обновлен, и на него сделали богатую ризу. Число верующих в эту чудотворную икону увеличивается. ГЕНВАРЬ 22. Граф Потоцкий Михаил во время содержания в крепости был заключен в каземат под № 7-м и всегда гневался на тюремщика, что он не величает его сиятельством. Тюремщик отвечал: «Я вас и знать не хочу, вы для меня № 7!» ГЕНВАРЬ 26. Из Парижа получено известие, что император Лудовик Наполеон 18 генваря женился на девице Евгении Монтио, графине Теба³⁰¹. 197 Итальянцы Орбон и Казанова привезли партию обезьян, которые ездят на лошадях, как в цирке. Публике это очень понравилось, и во время представлений всегда много зрителей. Были даны два представления в манеже Аничкинского дворца для царской фамилии. Государь Император изволил заметить, что много гвардейских нижних чинов посещают ночью питейные дома, и повелел это обнаружить. В одну ночь поймали там 70 человек. 8 декабря в Орловской губернии застрелилась дочь майора Похменева. 22 декабря во Владимирской губернии застрелилась девушка София Иванова, проживавшая несколько месяцев в доме помещика Дубенского под именем мальчика дворянина Васильева. ГЕНВАРЬ 27. Был бал у французского посланника маркиза Кастельбажака. На бале были Государь Наследник и Великие Князья Николай и Михаил Николаевичи. ГЕНВАРЬ 30. В торговый дом Симони и Якоби привезли по почте 4 бочонка с серебром в слитках. В тех бочонках оказалось 149 фунтов камня на 3500 рублей серебром. ГЕНВАРЬ 31. Был парад гвардейскому корпусу в присутствии Государя Императора. Когда в питейных домах нашли 70 человек гвардейских солдат, то повелено: откупщиков арестовать, из 3-х питейных домов

целовальников отдать на один год в арестантские роты, а питейные дома на одни сутки запечатать. Как в правилах сказано, чтобы за допущение в питейные дома солдат откуп платил денежный штраф, то министр финансов докладывал об этом Его Величеству и упросил откупщиков не трогать, а только арестовать управляющего откупом Голенищева, который и высидел на гауптвахте вместо 24 часов четверо суток. От запечатания питейных домов, по

словам министра финансов, откуп понес убытку до 150 тысяч рублей серебром. ФЕВРАЛЬ 3. Слышны большие жалобы, что на железной дороге делаются непрерывные кражи с товарных вагонов. Тоже, что на станциях смотрители часто выдают пассажирам фальшивые билеты.

ФЕВРАЛЬ 4. Скончался тайный советник Политковский³⁰². Он был правителем дел комитета 18 августа 1814 года. Все инвалидные капиталы переходили через его руки, и по его кончине обнаружилось, что он растратил более миллиона рублей серебром. Члены комитета, генерал-адъютанты Ушаков, Колзаков³⁰³, Гербель и другие, должны за это ответственность, и их имение описано. Бессовестно, безбожно! Бедный Государь день и ночь хлопочет и старается, чтобы все было исправно, а тут люди в таких чинах обманывают Его доверенность! Кому же верить? В маскераде в Дворянском собрании испанка Лопес подошла к французенке Люджи. Люджи сказала ей: «*Quel vilain masque!*»* Лопес за это ударила ее по щеке и обратилась в бегство.

Люджи догнала ее и дала ей несколько 198 толчков ногою по задку. Тем сражение и окончилось — вот новое доказательство высокого образования Западной Европы. ФЕВРАЛЬ 8. Был бал у Государя Наследника Цесаревича. Приглашенных было до 700 человек. ФЕВРАЛЬ 9. По случаю похищения покойным Политковским огромной суммы из инвалидного капитала назначен военный суд над всеми чинами, прикосновенными к этому похищению, и над членами комитета 18 августа 1814 года, которые слабостию надзора допустили оное. Председателем суда назначен фельдмаршал Князь Варшавский, а членами все генерал-аншефы. Новым председателем комитета 18 августа 1814 года назначен генерал-адъютант граф фон дер Пален³⁰⁴, а членами генерал-адъютанты: граф Апраксин, Плаутин, Философов и Гринвальд³⁰⁵. ФЕВРАЛЬ 10.

Получено телеграфическое известие, что какой-то итальянец нанес Императору Австрийскому две раны кинжалом в плечо, благодаря Бога неопасные. 10. По делу злодея Политковского лишены генерал-адъютантского звания генералы: Ушаков, Арбузов, Граббе³⁰⁶, Засс и адмирал Колзаков. Все они и генерал Мандерштерн преданы военному суду за бездействие власти, беспечность и допущение важного государственного ущерба, — первые пять арестованные, а Мандерштерн не арестованным. ФЕВРАЛЬ 11. По случаю рождения Ея Королевского

Высочества великой Герцогини Мекленбург-Шверинской, сестры Государыни Императрицы, вся свита Государя Императора приносила поздравление Ея Высочеству. В Эрмитаже было представление итальянской оперы и балет. ФЕВРАЛЬ 16. Злодей, нанесший ножом рану Императору Австрийскому, есть венгерец из Штульвейсенберха, он служил в гусарах, в последнее время был портным подмастерьем, имя его Ласло Леменьги. Вместо генерала Мондерштерна Санкт-Петербургская крепость поручена петергофскому коменданту генерал-лейтенанту Карсакову³⁰⁷. ФЕВРАЛЬ 18. Московский комендант Сталь³⁰⁸ скончался.

Комендантом назначен генерал-лейтенант Дебан-Скоротецкий. ФЕВРАЛЬ 23. Часовых дел мастер Буре сделал предложение отдать часть своего состояния и предложить всем ремесленникам уделить часть избытков своих на пополнение суммы, похищенной Политковским. При этом он рассуждал так: «Ежели у подсудимых отнимут состояние, то они пропадут, а мы, ремесленники, своим ремеслом пополним пожертвованное!» Ему объявили, что таковое действие ранноранне и предупредило бы милость и щедрость Государя. Честный человек Буре.

ФЕВРАЛЬ 25. Князь Чернышев, идя пешком по Большой Конюшенной, упал и очень расшибся.

Его довез домой граф Голенищев-Кутузов. Мазини, Кошут³⁰⁹ и их клеветы опять начали рассылать эмиссаров с злодейскими намерениями. Приняты меры против всех иностранцев, прибывающих к нам с английскими паспортами. ФЕВРАЛЬ 27. На сцене Александринского театра умерла скоропостижно актриса Гусева³¹⁰. 199 МАРТ 3. 3-го марта было первое заседание генерального военного суда в Георгиевском зале Зимнего Его Императорского Величества дворца. МАРТ 4. Сенатор Норов³¹¹ назначен товарищем министра финансов, и общий голос не одобряет этого назначения как сановника несведующего по части финансовой. Сенатор Брискорн³¹² был товарищем генерал-контролера, и у него найдены отчеты Политковского, исправленные рукою его, Брискорна. Он утверждает, что это было сделано с

ведома генерал-контролера и бывшего военного министра. Коллежская ассессорша Бауер убита упавшим карнизом того дома, где она жила; дом Мелиховой. Домохозяева бессовестно не исправляют домов своих. МАРТ 7. В Кронштадте сгорела лесная биржа. Этот пожар причинил 1-му страховому обществу 125 тысяч рублей серебром убытку. МАРТ 11. Получено из Москвы телеграфическое известие, в 9 минут, что загорелся Московский театр и что пожар так силен,

что его не могут потушить. При этом случае сгорело два работника³¹³. МАРТ 13. Из Америки приехал в Санкт-Петербург португальский подданный Гаррет, по фальшивому кредитиву Лондонского банка обманул здесь купца Вильсона, получил от него 18 тысяч рублей серебром и уехал за границу с мужем Вьярдо. О задержании Гаррета дано знать по телеграфу из Берлина в Париж и Лондон, и он уже находится в руках тамошнего правительства. Честные люди иностранцы! А между тем европейские правительства им потворствуют. Вот тебе и образованность, вот тебе и свобода! Скончался знаменитый актер Василий Андреевич Каратыгин³¹⁴. МАРТ 14. Английский клуб давал обед князю Варшавскому. Гостей было 450 человек. МАРТ 15. При похоронах Каратыгина стечение народа было так велико, что не было возможности войти в церковь. Народ не допустил поставить гроб его на дроги, а нес оный на себе. На сгоревшей в Кронштадте лесной бирже находился лес купца Громова, проданный иностранным купцам за 120 тысяч рублей серебром. Для избавления иностранных купцов от потери Громов выдал им вторично сгоревшее количество леса. Вот русский человек, а не немец! По случаю благородного поступка Громова английский посланник Сеймур произнес в Английском клубе похвальное слово на счет России вообще. Слухи носят, что лесная биржа в Кронштадте сгорела от поджога, сделанного купцом Чаусовым. Это подозрение падает на него оттого, что та биржа вторично загорелась со стороны дома, принадлежащего Чаусову. МАРТ 16. Когда Государь Император получил известие, что при пожаре московского театра много работников находится в опасности, то Его Величество послал по телеграфу в Москву следующие слова: «Пусть театр горит, спасайте людей». Вот царь! Во время пожара московского театра один рабочий, стоя на верхнем карнизе, должен был или сгореть, или броситься с крыши. Крестьянин Марин по веревке влез на крышу и спас погибавшего. Народ в это время снял шапки и молился. Когда Марин совершил свой человеколюбивый подвиг, то ему 200 грошами набросали до 200 рублей серебром денег. Он приехал в Петербург, и Государь приказал представить его к себе. МАРТ 17. По случаю растраты Политковским огромной суммы из инвалидного капитала граф Орлов подал мысль Ивану Алексеевичу Яковлеву³¹⁵ сделать денежное пожертвование в пользу того капитала. Граф Орлов полагал, что прилично было бы Яковлеву написать к Государю письмо следующего содержания: «В порывах молодости я проиграл Политковскому довольно значительную сумму и заплатил ему оную. Политковский разгласил, что эта сумма дает ему возможность вести такую роскошную жизнь, какую он вел, и, таким образом, я сделался невинною причиною, что его начальники вдалились в обман, который не мог бы иметь места, если бы я никогда с Политковским не имел денежных счетов, а потому прошу Ваше Императорское Величество дозволить мне внести в инвалидный капитал миллион рублей серебром, дабы этим пожертвованием сохранить неприкосновенность того священного капитала, которому незабвенный Император Александр I-й положил такое благочестивое начало, и чтобы я сим действием мог выразить мою признательность нашему правительству и вам, все милостивейший Государь, за те попечения, при которых возросло состояние моего покойного родителя». Иван Алексеевич Яковлев внял мысли графа Орлова и пожертвовал миллион рублей серебром. Государь Император, приняв милостиво это пожертвование, пожаловал Яковлева камергером и кавалером ордена святого Владимира 3-й степени и, призвав его к Себе во дворец, лично благодарил его. Яковлев этим благородным поступком увековечил свое имя, а те семейства, которые должны были бы пополнить растрченную сумму, будут молить за него Бога. Честный, благородный подвиг. МАРТ 19. Был в Большом театре концерт в пользу инвалидов. Публики было 1500 человек и Его Величество с Великими Князьями. МАРТ 21. Санкт-Петербургское купечество, узнав, что Чесменская богадельня должна 34 тысячи рублей серебром и не имеет средств выплатить этот долг, собрало между собою и иностранным купечеством 34 тысячи рублей серебром и поднесло их богадельне для уплаты долга. Сверх того Санкт-Петербургское купечество положило вносить ежегодно по 12 тысяч рублей серебром на содержание той богадельни. Честь и слава нашему купечеству. МАРТ 23. Из Берлина получено

известие, что там арестовано 82 человека, собиравших порох и разное оружие для внезапного восстания. О, мошенники! МАРТ 28. Stabat Mater воспрещено исполнять на театрах. Это совершилось по безыменному письму, полученному Митрополитом Филаретом³¹⁶. АПРЕЛЬ 5. Во время развода лейб-гвардии Измайловского полка горнист Василий Иванов вышел из фронта и жаловался Государю Императору, что ему не отдали именных денег. Солдаты потом его заплевали. 1-го апреля графиня Воронцова-Дашкова пригласила к себе на обед некоторых иностранных посланников, которые часто бывают у нее в доме. Когда они съехались, то им сказали, что это первое апреля. АПРЕЛЬ 8. Из Мюнхена получено известие, что Король, Королева³¹⁷ и Принцы ранены взрывом при производстве физических экспериментов профессором Либихом. 201 Князь Меншиков³¹⁸, прибыв в Константинополь, был окружен многочисленною прислугою от Дивана³¹⁹. Он всю эту прислугу отпустил с приличным награждением, сказав, что будет довольствоваться своею, и тем сделал то, что все его действия покрыты непроницаемою тайною, что правительству турецкому очень не нравится. АПРЕЛЬ 10. В Берлине обнаружен снова преступный союз, имевший целью произвести германскую социально-демократическую республику. Главные двигатели этого союза суть: доктор Ладендорф, доктор Фалькенталь, учитель Герке, купец Нео, доктор Кальман, купец Леви и токарь Папе. Эти господа избрали начальниками кружков: содержателя библиотеки Мюллера, цирюльника Гаскерля, поручика фон Яригес, слесаря Гертера, сигарочного лавочника Бея, учителя Бурмейстера, Энгеля. Все эти каналы арестованы. Светлейший князь А. С. Меншиков Глупо сделает прусское правительство, ежели их не повесит. АПРЕЛЬ 11-го. По делу злодея Политковского приговорены и подтверждено: Генерала Ушакова исключить из службы и сверх того выдержать под арестом в крепости 6 месяцев. Адмирала Колзакова уволить от службы. Генерала Мандерштерна оставить в прежней должности коменданта Санкт-Петербургской крепости и в звании члена Военного совета. 202 Генерала Арбузова назначить по-прежнему инспектором гвардейских запасных и гренадерских резервных и запасных батальонов. Генерал-лейтенантам Граббе и Зассу объявлен строжайший выговор. С генерала Ушакова и адмирала Колзакова взыскать то, что с каждого из них причитается по контрольному учету. АПРЕЛЬ 13. Получено телеграфическое известие, что в Константинополе турки старого покрова режутся с новыми. Князь Меншиков послал за нашими войсками для подания помощи правительству. АПРЕЛЬ 14. Обрушился 3-й этаж дома графа Штембок-Фермора в Рождественской части. Это хорошенькие постройки на продажу. О, спекуляторы! АПРЕЛЬ 16. Отставной прапорщик Бардовский донес, что из полиции бежал арестант Клементьев, которого кто-то уговаривал застрелить Государя во время открытия Благовещенского моста; что у следственного пристава Безсонова хранятся стихи преступного содержания; что в Петербурге есть много вредных людей, что заставляет думать, что кроется заговор против Государя и правительства. Мне кажется, что самый вредный человек есть господин отставной прапорщик Бардовский. Были опечатаны бумаги и рассмотрены у Безсонова и Бардовского; так и есть: оказалось, что Бардовский все врал. Не уймутся эти доносчики, доколе не явят над одним из них публичного примера строгости. Река Нева вскрылась. АПРЕЛЬ 19-го. День воскресения Господа Бога спасителя нашего. Во дворце был большой выход, и Государь Император изволил с нами христосоваться. Храни Его Господь. АПРЕЛЬ 20. Князь Варшавский (Паскевич) уехал в Варшаву. АПРЕЛЬ 23. Государь Император повелел заплатить долги генерал-майора Павла Константиновича Александрова. Справедливо и великодушно, ибо покойный министр императорского двора князь П. М. Волконский обидел Александрова при оценке Мраморного дворца, завещанного Александрову покойным его отцом, Великим Князем Константином Павловичем. У супруги Александрова есть горничная Авдотья Романовская, которая много способствует к долгам Александровых³²⁰. При уплате долгов ей выплатили 15 тысяч рублей серебром. Откуда она взяла их!? АПРЕЛЬ 25. Общество посещения бедных подчинено Человеколюбивому обществу и не может перенести этого, по его мнению, унижения. В Человеколюбивом обществе открылась ваканция правителя дел. Президент общества митрополит Никанор и главный двигатель дел, сенатор Дурасов³²¹ желают назначить правителем дел надворного советника Воянского³²², давно служащего помощником правителя дел, а Общество для посещения бедных старается дать это место надворному советнику Вагнеру, с тою целию, чтобы подчинить действия Человеколюбивого общества воле Общества посещения бедных. Для сего они интригуют через князя Олоевского³²³.

человека честного и доброго, но слабого, у своего президента, Великого Князя Константина Николаевича, и уже убедили Его Высочество написать к Митрополиту о предложении Вагнера на место правителя канцелярии. Митрополит этим недоволен, и Бог знает, что из этого выйдет. 203 АПРЕЛЬ 26. Получено достоверное известие, что супруга французского посланника Кастельбажака беспрерывно и во множестве выписывает из-за границы контрабандные товары и здесь торгует ими. АПРЕЛЬ 30. В присутствии Государя Императора был парад войскам гвардейского корпуса. Его Величество был доволен, и погода весьма благоприятная. МАЙ 1. Государь Император и Государыня Императрица выехали в Гатчину, Цесаревич и Цесаревна — в Царское Село. В Екатерингофе на гулянье было не более 10 тысяч человек, и то все простого народа. МАЙ 5-го. Скончался министр народного просвещения князь Ширинский-Шихматов³²⁴. Добрый, почтенный был человек. МАЙ 9. На Благовещенском мосту была закладка часовни. Между министром императорского двора графом Адлерберхом и директором почтового департамента Прянишниковым³²⁵ возникли неудовольствия, вследствие которых Прянишников хочет оставить службу.

Дубельт Л. В. Вера без добрых дел мертвая вещь // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 111—142. — [Т.] VI.

Желал бы, чтоб мое сердце всегда было полно смирения; чтобы слова мои были благумудры, разговоры не скоры; чтобы в трудах был бодр; чтобы никого не обижал, напротив, чтобы всем желал добро; никого не презирал, даже и самого убогого человека; чтобы ни над кем не смеялся и во всем видел бы добро; чтобы из уст моих всегда излетали бы только слова любви и благодати, а в делах виделась бы одна только скромность; чтобы наружный мой образ показывал внутреннее совершенство, выражая незлобие и всегашнее снисхождение и милость к ближнему; чтобы в каждом деле я был исполнен кроткой важности и постоянства; говорил немного, только о нужном; чтобы охотно выслушивал других и отдавал бы всякому должное уважение; чтобы мало смеялся и никогда не приходил в смущение; чтобы обхождение мое с другими было всегда кротко и без гнева; чтобы во мне не было никакой гордости, но простота без малейшего притворства, никакой изнеженности, но во всем совершенное смирение — одним словом, чтобы во всех делах моих сияла божественная, преизобильная благодать.

Желаю невозможного — но желаю!

Надо стараться, чтобы в нас славили и милость беспримерную, и приветливость, и смирение ангельское, и чтобы презирать и огорчать людей было бы мукою для нашего сердца.

Пусть небо накажет меня годом страдания за минуту, в которую умышленно оскорблю ближнего.

Не будьте животными, которые видят и чувствуют землю, по которой ходят, но не видят неба, которое над ними.

Жить — есть не баклуши бить, а как можно лучше мыслить и действовать; любить добро; возвышаться душою к его источнику, все другое есть шелуха. — Чем долее живем, тем более объясняется для нас цель жизни и ее совершенство. — Страсти должны не счастливить, а разрабатывать душу. — Делайте, что и как можете, только делайте добро; а что есть добро, спрашивайте у совести.

Первая обязанность честного человека есть: любить выше всего свое Отечество и быть самым верным подданным и слугою своего Государя.

Сыновья мои!¹ помните это. Меня не будет, но из лучшей жизни я буду видеть, такие ли вы русские, какими быть должны. — Не заражайтесь бессмыслием Запада — это гадкая, помойная яма, от которой, кроме смрада, ничего не услышите. Не верьте западным мифотворениям: они ни

люди, от которых, кроме смрада, ничего не услышишь, — все верное, осмысленное, мудрое, доброе, они не спасут вас, и никого к добру не приведут. — Передайте это и детям вашим — пусть и они будут чисто русскими, — и да не будет ни на вас, ни на них даже пятнышка, которое доказывало бы, что вы и они не любят России, не верны своему Государю. — Одним словом, будьте русскими, каким честный человек быть должен.

Помните, что мы всегда в долгу у нашего возлюбленного Отечества, и для его блага, не тут, так в другом месте, должны искать полезной деятельности. Чем менее другие требуют ее от нас, тем более должны мы требовать ее от себя как существа нравственного. — Для нас одна Россия должна быть самобытна, одна Россия истинно существовать; все иное есть только отношение к ней, мысль, привидение. — Мыслить, мечтать мы можем в Германии, Франции, Италии, а дело делать в России.

Не помню, от кого я это слышал. Кажется, от Ростовцева².

Россию можно сравнить с арлекинским платьем, которого лоскутки сшиты одною ниткою — и славно и красиво держатся. Эта нитка есть самодержавие. Выдерни ее, и платье распадется!

Не лучше ли красивая молодость России дряхлой, гнилой старости Западной Европы? Она 50 лет ищет совершенства, и нашла ли его? — Тогда как мы спокойны и счастливы под управлением наших добрых Государей, которые могут иногда ошибаться и ошибаются, но всегда желают нам добра.

Я не знаю лучшего подвига, лучшего наслаждения, как подать руку бедному и руководить слепого юношу, слепого по своей неопытности и молодости.

Кто оденет пеленою крещения новорожденного, того Матерь Божия оденет нетленной ризою своего милосердия.

Доколе человек умеет молиться, любить и мыслить, он не может быть несчастлив.

В нашей России должны ученые поступать, как аптекари, владеющие и благотворными, целительными средствами, и ядами, — и отпускать ученость только по рецепту правительства.

Турок должно беречь и поддерживать, потому что для государства всегда выгоден глупый сосед.

Надо стараться иметь гордый, непреклонный характер, но доброе, чувствительное сердце.

После кончины графа Бенкендорфа³ я встретил эту добродетель в высшей степени в графе А. Ф. Орлове⁴.

Иностранцы — это гады, которых Россия отогревает своим солнышком, а как отогреет, то они выползут и ее же кусают.

Обязанности полиции состоят: в защите лиц и собственности; в наблюдении за спокойствием и безопасностью всех и каждого; в предупреждении всяких вредных поступков и в наблюдении за строгим исполнением законов; в принятии всех возможных мер для блага общественного; в защите и вспомоществовании бедных, вдов и сирот; и в неусыпном преследовании всякого рода преступников.

Пусть же мне докажут, что такого рода служба не заслуживает уважения и признательности сограждан.

Кто из русских может забыть кроткую Елисавету⁵, венценосную супругу Александра Благословенного? Кто из русских может вспоминать о ней без умиления и чувства душевной, искренней признательности? Эта добродетельная Государыня, мать сирот и несчастных,

употребившая все дни незабвенной жизни своей на утешение страждущих и находившая сладкую, единственную награду в тихом, ангельском сердце своем, — была для России как некий дар Всевышней благодати! — Между многими, истинно неземными добродетелями всем была известна ее неизменная привязанность к великому Александру. — Следующий, хотя малозначащий случай доказывает, однако же, сколь безысключительно сердце ее было предано обожаемому супругу и сколь сильно действовало на Ее Императорское Величество одно имя его. Государыня Елисавета Алексеевна в 1818 году, следуя из Москвы в Санкт-Петербург, остановилась на Выдропужской станции для перемены лошадей. Незадолго перед тем через этот же ям проехал Император. Когда лошади уже были переменены и Ее Величество отправилась в дальнейший путь, выдропужский ямщик Иван Красовский, в доме коего, прежде заведения в этом яме гостиницы, всегда останавливалась царская фамилия, подбежал к карете и наречием, свойственным доброму русскому народу, начал просить Государыню удостоить его дом высоким своим посещением. «Матушка-Государыня, — сказал ямщик, — остановись, пожалуй, да зайди на старую квартиру откусать чайку!» Ее Величество, с обыкновенною ей ласкою, приняв милостиво это усердное приглашение, не менее того отказывалась исполнить просьбу Красовского по той причине, что дальний путь не оставлял ей лишнего времени. — Ямщик упорствовал, повторяя просьбу свою, и, наконец, громко закричал: «Матушка! Да ведь отец наш, Александр Павлович, приказал тебе зайти в избу мою». Услышав эти слова, Ее Величество в ту же минуту приказала остановиться, вышла из кареты и посетила обрадованного ямщика.

Вот черта покорности и любви к супругу! — Пусть Господь упокоит душу кроткой Елисаветы и даст ей место возле ангела, который на небесах.

Benjamin Constant⁶ сказал насчет Короля Прусского: «Il fait des innovations, et la dernière mesure qu'il prend, est toujours l'avant-dernière!»

Управляющий 3-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии должен поставить себе за неизменное правило: que chaque accuse doit être regardé comme innocent, jusqu'à ce que l'accusation portée contre lui soit démontée par des preuves directes et suffisantes.

Say⁷. Economie politique. — La meilleure manière de retenir les hommes et de les attirer, c'est d'être juste et bon envers eux, et d'assurer à tous la jouissance des droits qu'ils regardent comme les plus précieux: la libre disposition de leurs biens, la faculté d'aller, de venir, de rester, de parler, de lire et d'écrire avec une entière sûreté.

Последнее правило я признаю софизмом — оно клонит к свободе книгопечатания, а совершенная свобода книгопечатания есть бич человечества; она, поддержанная другими причинами, свела с ума всю Западную Европу и привела к ужасной мысли социализма.

Fenelon⁸. — L'homme le plus heureux est celui, qui croit l'être.

L'Hermite de la chaussée d'Antin⁹. L'amour-propre, hélas! est le plus sot des amours.

L'envie et la haine se lèvent plus matin que la justice et l'amitié.

Seneque¹⁰. O mes amis, il n'y a plus d'amis!

La Rochefoucauld¹¹. Ce que les hommes ont nommé «amitié» — n'est qu'une société, un menagement réciproque d'intérêts, un échange de bons offices; ce n'est enfin qu'un commerce, ou notre amour-propre se propose toujours quelque chose à gagner.

À la dernière revue je fais une remarque un peu désagréable: ce que l'opinion qu'on énonce sur un régiment, n'est presque jamais que l'expression du sentiment que l'on porte pour le chef.

Ou serait le mérite de servir à son pays, si l'on devait toujours compter sur la reconnaissance de la patrie*?

Монтескье¹². Нравы государя благоприятствуют свободе столько же, как и законы: подобно им, он может делать из людей скотов и из скотов людей. Если он любит людей свободных, будет иметь подданных; если же он любит людей подлых, будет иметь рабов. Желает ли он научиться великому искусству царствования? да приблизит к себе честь и добродетель; да призовет личное достоинство; да приклоняет к себе сердца; да обходится со всеми снисходительно. — Любовь последнего из его подданных должна ему быть приятна — они такие же люди. — Народы требуют к себе столь мало уважения, что справедливость требует им оное оказывать. (Sic.)

Не должно принимать всего близко к сердцу — напротив, должно всегда быть как можно скромнее, равнодушным на все, приказывать тихо, и ежели не исполнено, то повторить приказание без взыскания.

Слава Богу, что Великая Княгиня Анна Павловна¹³, наконец, Королева — давно бы пора. Она уже около 30 лет замужем, а все была только наследная принцесса. Умно сделал старый Король, что отдал свою полосу сыну, а сам пошел в захребетники. Право, умно!

Государь Наследник Цесаревич Александр Николаевич обручен¹⁴. Виноват, эта партия мне не нравится. Принцесса Дармштадтская чрезвычайно молода, ей нет 16-ти лет. По портрету не очень хороша собою, а наш Наследник красавец. — Двор гессен-дармштадтский такой незначайший! Принцесса росла без матери, которая умерла, оставя ее ребенком. Не знаю, что-то сердце сжимается при мысли, что такой молодец, как наш Наследник, делает партию не по сердцу и себе не по плечу.

Все великое и прекрасное так свойственно нашему Государю, что уж и не удивляет! Отеческое его попечение о голодных губерниях доказывает не только доброту, но какую-то рыцарскую добродетель. Про Александра Павловича говорили, что он был на троне — человек; про Николая надо сказать, что это на троне ангел — суций ангел. Сохрани только, Господи, его подольше, для благоденствия России. — Не нравится мне, что он поехал за границу; там много этих негодных поляков, а он так мало бережет себя! Я дал графу Бенкендорфу пару заряженных пистолетов и упросил положить их тихонько в коляску Государя. Как жаль, что Он не бережет себя. Мне кажется, что, принимая так мало попечения о своем здоровье и жизни, он сокращает жизнь Свою — да какую драгоценную жизнь! Счастливы те, которые так сблизка видят его дела. Сколько делает он добра России! везде заведения в пользу общую — в Одессе, даже для жидов, учредил училище. В Сенном, в 1812 году, французы разорили церковь, и с тех пор жители этого города оставались без службы. Они сетовали, тем более что других церквей поблизости не было. Кто же выстроил им новую церковь? Их помещики? Нет! выстроил ее Николай Павлович на свой счет. — В Смоленске все разоренные французами дома исправлены. А на Императрица Александра Федоровна и Великие Княжны Ольга, Мария и Александра

Императрица Александра Федоровна и Великие Княжны

Ольга, Мария и Александра чей счет? Государь пожаловал большие суммы денег Смоленску. — Велик Николай Павлович, чудо-Государь — какая конституция сравнится с его благодеяниями.

Многие находят, что А. Н. Демидов¹⁵ сделал глупость, женившись на дочери герцога Монтфорского; а я так радуюсь, что русский рядовой барин взял в супруги внучку и племянницу Императора и Короля, родственницу и нашего царского дома. Мне кажется, что это делает честь России, что ее простой дворянин может искать союза с иностранными владыками. Не понимаю, отчего наш Государь не согласился утвердить за Демидовым титул князя Флорентинского. Я почти уверен, что блистательная партия Демидова породила зависть в нашей аристократии и они уверили Государя, что такой брак вреден нашему Отечеству; тогда как, напротив, брак этот доказывает преимущество нашей нации и что русский богатый благовоспитанный дворянин равен западным князьям. Принцесса Матильда, прекрасная собою, конечно, имела много женихов между немецкими и итальянскими князьями, но предпочла дворянина из нации, которую

называют варварами. Воля ваша, я радуюсь этому браку и, любя Демидова за его благотворительность, горжусь этим браком, делающим честь России. Если бы все рассуждали беспристрастно и не давали бы воли своей гордости, то радовались бы вместе со мною; но русское начало так подавлено окружающим трон германизмом, что и русские сделались немцами и голос их ослабел для правды. Жаль, что Государь, всегда такой молодец, в этом случае не выказал своего обычного величия.

Сегодня мы молились на коленях за Наследника и его невесту и за благополучие их союза. Если бы он мог видеть, как усердны к нему русские, он бы порадовался! При молитве я не мог удержаться от слез — кажется, что и многие другие плакали. Воображаю, что должны чувствовать Государь и Государыня, видя своего первенца, своего любимца, Наследника такой обширной власти, славы, такого Престола, вступающего в такой важный союз, от которого должна зависеть вся будущая и его и России участь. Дай Бог ему счастья.

Неужели Великая Княгиня Мария Николаевна¹⁶ не приедет на эту свадьбу? На такую свадьбу?

При чтении церемониала об обручении Великой Княжны Ольги Николаевны¹⁷ я радовался. Эта свадьба по сердцу русских. Дай Бог, чтобы она была так счастлива, как того заслуживает, и столько, сколько желает ей того вся Россия. Не нарадуюсь, что жених ей пара и что Бог избавил ее от супружества с австрийским эрцгерцогом Стефаном. В Австрии она была бы так же несчастлива, как была покойная Александра Павловна¹⁸, тем более, что этот эрцгерцог Стефан сын того же Палатина Венгерского, который уморил с горя покойную Александру Павловну, такую же красавицу, какова наша Ольга Николаевна. Уж точно Бог ее помиловал от этого брака. В Австрии несметное семейство; эрцгерцог Стефан из младших, потому что он только двоюродный брат Императора. — Ее, бедненькую, заклевали бы там все тетушки, дядюшки, сестрицы и братцы! Ее красота не тронула бы их; они завидовали бы ей, старались бы затмить ее и для того загоняли бы ее различным образом, как делали с Великою Княгинею Александрою Павловной. — Ведь они немцы! — Даже теперь страшно, когда подумаешь, что Ольга Николаевна могла попасть туда. Слава Богу, что он избавил ее от этой напасти и послал ей жениха, более ее достойного, — хотя, конечно, нет на свете таких принцев, которые были бы совершенно ее достойны.

Заметили ли, как наши Царевны Александры недолговечны? — Из потомства Императора Павла Петровича умерло восемь Великих Княгинь и Княжен — из этого числа четыре Александры: Александра Павловна, Александра Михайловна, Александра Максимилиановна и теперь Александра Николаевна¹⁹. — Если сказать, что это потому, что много было Царевен этого имени, так еще более имени Мария, а Марии, слава Богу, живы. Смотрите: у Государя сестра Мария жива, сестра Александра умерла; у Него же дочь Мария здравствует, а дочь Александра скончалась. У Великого Князя Михаила Павловича дочь Мария жива, Александра умерла. У Великой Княгини Марии Николаевны дочь Мария жива, дочь Александра умерла. Конечно, не от имени они умерли, но как-то странно!²⁰

Когда же возвратится наша Цесаревна? Уж и она не хворает ли? Мне кажется, вся беда от того, что наши принцессы Великие Княжны рано замуж выходят. Мария Александровна венчалась 16-ти лет; Александра Николаевна 18-ти. Сами дети, а тут у них дети — какому же тут быть здоровью! — Крестьянки выходят замуж 16—17 лет, так какая разница в их физическом сложении! Крестьянки не носят шнуровок, едят досыта, едят много, спят еще больше, не истощены ни учением, ни принуждением. В них развивается одна физическая сила и потому развивается вполне, как в животных; но и тут, которая девка рано вышла замуж и много имела детей, в 30 лет уже старуха. — В большом свете гонятся за тонкою талией, за эфирностью и прозрачностью тела; а эти корсеты влекут за собою слабость и расстройство здоровья.

Рескрипт Государя на имя генерал-губернатора, по случаю похорон Великой Княгини Александры Николаевны, без слез нельзя читать. Дай Бог ему здоровья, что он любит свою Россию. Видно, любит, что изъявление ее привязанности и скорби может служить ему утешением в такую горькую минуту. — Боже мой! если бы наши Цари знали, как мы их любим,

как чувствуем их попечения. Конечно, теперешнее горе царского семейства есть общее горе, и надо бы наложить траур не только на придворных, но на всю Россию, и не на три, а надо бы горевать шесть месяцев, и без цветных лент.

Более всех жаль Государыню; она сама такая слабая — не теряла детей маленьких, каково же ей теперь потерять дочь взрослую, замужнюю красавицу! — Между тем должно быть, что чахотка — семейная болезнь, потому что мать Государыни также умерла очень молода и этою же болезнью; да и Государыня сама насилу избежала той же участи. Страшно и за Ольгу Николаевну; она такая эфирная и если будет иметь детей, Боже сохрани, чтоб и с нею того же не было. Не понимаю, отчего обвиняют мужа Александры Николаевны в ее болезни! Чем же он виноват, что ей досталась наследственная чахотка?

Жаль мне Великой Княжны Марии Михайловны. Каково это! из пяти дочерей у Елены Павловны²¹ остается одна Екатерина Михайловна²². Бедная мать! — Теперь Великий Князь Михаил Павлович²³ будет еще сердитее прежнего, потому что у него нрав такого рода, который не смягчается, а раздражается от огорчения. Наша бедная военная молодежь дорого заплатит за болезнь Марии Михайловны и, к несчастью, за ее кончину.

Как жаль, что умирают такие ангелы, как эти три великие княжны: Александра Николаевна, Елисавета и Мария Михайловны. Кому бы и жить, как не им? Молоды, прекрасны, всеми обожаемы, ни в чем не нуждались. Иному есть нечего; у другого все сердце изныло от печали, — тот жив!

Воображаю, как доволен Государь, что у него вдруг два внука, особенно, что у Наследника сын²⁴. Это видно по числу производств при рождении и крестинах. — Дай Бог, чтобы новорожденный рос, был здоров и веселил сердце деда, родителей и все русские сердца не только здоровьем, но еще более достоинствами, свойственными будущему повелителю шестой части света. Дай Бог! — Все русские помолятся об этом. — А я думаю, как вся Западная Европа бесится за это! Им бы хотелось, чтобы у нас и дети не родились.

Как хорошо быть русским; как хорошо везде за границей принимают русских! Дай Бог здоровья и всякого счастья нашим Царям, что они так прославили имя русское на земле, и дай Бог здоровья нашему Государю Николаю Павловичу, что он, при последнем трактате с Турцией²⁵, так занялся обеспечением для русских переезда в Иерусалим и пребывания их там на богомолье. Бывало, съездить в Иерусалим, поклониться святым местам было труднее, чем побывать на том свете; а теперь эта поездка сделалась прогулкою по милости Государя, который позаботился о том, чтобы сделать это путешествие доступным каждому из его подданных. Посмотрите, какими попечениями окружен русский в таком отдалении от Отечества, в Азии, между иноверцами! — Всем этим мы обязаны Государю; как не благодарить его за себя и за детей наших! Сердце радуется, что имя нашего Отечества так звучно в таком отдалении. А кому мы этим обязаны, как не Царям нашим, особенно нынешнему Государю Николаю Павловичу, который войною с Персией, и войною с Турцией, и выгодным миром, и условием о доставлении русским всех удобств при посещении Иерусалима еще более прежнего-прославил Россию на Востоке.

Если судить по прошедшему о будущем, то многие века пройдут как тени, унося с собою миллионы людей и память о них. От времени и обстоятельств не только веси, грады и твердыни исчезают с лица земли, но и царства отжившие падают, как древа, согнившие в корне. Между тем не угаснет звезда России, венчающая славные, мудрые дела Императора Николая Павловича в течение его 25-летнего царствования. При всей строгой наружности Императора Николая Павловича он человек самого мягкого, доброго сердца; чувства его всегда возвышенны, благородны — он настоящий рыцарь *sans peur et sans reproche**. — Последнему из министров труднее говорить правду, нежели ему. — При личных докладах Он выслушивает ее с величайшим вниманием; позволяет даже спорить с собою и свободно выражать свой образ мыслей и взгляд на дела и вещи. В таком самостоятельном, непреклонном характере это черта высокая, и мы редко, почти никогда не встречаем ее даже в мелких властелинах. Несколько дней

тому назад Он приказал мне посадить в крепость одного еврея, виновность которого еще не была совершенно доказана. Я осмелился возразить и сказал: «Дайте время, Государь, — рассмотрим дело подробно, и ежели он точно виноват, то не уйдет от нас, — ежели же он окажется невинным, то чем искупите Вы его невинное заключение?» — Правда, что он взглянул на меня так строго, что признаюсь, хоть сквозь землю провалиться, и я подумал: ну, быть беде! Но, помолчав несколько, он только сказал: «Нет, посади его в крепость!» Приказание я исполнил, а через 4 месяца обнаружилась совершенная невинность несчастного еврея. «Ты был прав, — сказал мне Государь, — теперь скажи, чем могу я вознаградить его невинное заключение?» — «Деньгами, — отвечал я, — этот народ готов за сто рублей просидеть и год в крепости». Его величество приказал выдать жида 4 т. рублей. Много ли таких людей, готовых так честно сознать свою ошибку? От излишнего усердия перенес я сегодня большое огорчение. Английский флот начал заводить винтовые корабли. Мне пришло в голову, что ежели их флот будет двигаться парами, а наш останется под парусами, то при первой войне наш флот тью-тью! Игрушки под Кронштадтом и пальба из пищалей не помогут. Похваляют это наши злодеи, иностранцы, чтобы усыпить нас, чтоб закрыть нам глаза, а в душе смеются. — Эту мысль я откровенно передал моему начальнику и сказал мое мнение, что здравый смысл требует, ежели иностранные державы превращают свою морскую силу в паровую, то и нам должно делать то же и стараться, чтобы наш флот был так же подвижен, как и их. На это мне сказали: «Ты, с своим здравым смыслом, настоящий дурак!» Вот тебе и на! Несмотря на то, что несколько времени назад меня называли дураком, я опять попался в ту же беду! — К нам приезжал Менье и другие иностранцы с предложением придать вящую силу нашему оружию. Комитет отвергнул их предложение, потому что они дорого просили за открытие их тайны. — «Помилуйте, — 122 сказал я, — наши комитеты жалеют денег, а не подумают о том, что эти механики передадут свои тайны другим европейским державам, и тогда при первой войне они разгромят нас своими новыми, вам неизвестными, разрушительными средствами». Тут проглотил я ту же пилюлю, которую проглотил при суждении о флоте. В Петергофе, во время доклада, Государь Николай Павлович, между прочим, сказал мне: «Ты знаешь, что Клейнмихель²⁶ спорит со мною о железных дорогах — боюсь, чтобы он опять не завел со мною тяжбы, как было по делу Лярского!»²⁷ — «Не может быть, Ваше Величество, — отвечал я, — граф Клейнмихель слишком Вам предан и слишком любит Вас, чтобы снова Вас огорчить». На это Государь возразил: «Я не люблю, чтобы меня так любили, как любит он!» Не знаю, замечают ли, что с тех пор, как англичане подружились с французами, то сделались такими же бешеными, как и они. В газетах тьма тому примеров. Слава Богу, что Государь выздоровел; но как огорчает всех, что и Государыня нездорова. Она такая слабая, много ли Ей надо! Дай Бог, чтобы и она скорее поправилась. Государь дал Франции денег взаймы²⁸. Поступок его, конечно, великолепный, но боюсь, что немногие оценят его. Иные скажут, что это из хвастовства; другие, что он хочет подкупить французское народное мнение; третьи станут жаловаться, зачем столько денег уходит за границу, когда сама Россия нуждается во многом. Мало кто поймет и оценит истинное побуждение высокой души Государя — желание отплатить добром лютейшим врагам своим. Впрочем — нечего смотреть на дураков и на неблагонамеренных людей. Угодить всем нельзя, так лучше же действовать по внушению сердца, когда внушение это так благородно. — Все честные люди довольны Его поступком и гордятся тем, что делает честь Отечеству. Для них Государь представляет Отечество, точно так же, как бывало это в старину для русских. Теперь толкуют иначе, и от того сердце болит. Россия была доселе сильна и велика; того и смотри, что распадется на части от нынешних узорчатых мнений. — Прежде, бывало, толковали так: «Как я буду исполнять свои обязанности, права мои придут сами собою!» Теперь же говорят вот как: «Давай мне права, а об обязанностях я знать не хочу!» Мне кажется, что казенное воспитание много портит молодежь нашу, не только в отношении нравственности в поведении, но также и насчет мнений против Государя. Когда родители сами воспитывают детей, они стараются внушать им чувства и правила порядочные. В корпусах же свирепствует такой дух непокорности, такое отчуждение от всего прекрасного, такой страшный эгоизм, что и самый лучший юноша заражается этими недугами; потом вносит их в общество и распространяет их там; а как общество наполнено воспитанниками корпусов, так и мудрено ли, что эта зараза каждый день делается сильнее! Корпуса стоят казне очень дорого, а корпуса губят Россию, истребляя все

хорошие чувства в молодых людях и заменяя доорые родительские правила каким-то неукротимым буйством, которое ни в чем не знает меры. Правительство, конечно, желает счастья тем, кого воспитывает; но ему неизвестно, какой ужасный дух господствует в корпусах. — Я сам воспитывался в корпусе, и, бывало, черт знает что делали кадеты! а теперь еще хуже. — Воспитание детей поручено Великому 123 Князю Михаилу Павловичу! Да разве он может быть хорошим воспитателем юношества? да разве он имеет понятие об истинном воспитаний?

Человек он честный, но сердитый, который думает только о том, чтобы у мальчика все пуговицы были застегнуты, чтоб фронт хорошо равнялся и чтобы дети проворно метали ружьем. Игрушки! — Да разве в этом состоит истинное нравственное воспитание? — Воля ваша, а этот человек беда России. Своим фронтом он сбил с толку и Государя. — Генерал-фельдцейхмейстер, генерал-инспектор по инженерной части, он не думает ни об укреплении границ государства, ни об улучшении оружия; отказывает приезжающим к нам иностранцам с предложением новой системы ружей и оставляет армию, вместо ружья, с палками! Он раз даже выразился, что война портит солдата и, по его разумению, достоинство войска состоит только в блистательных парадах. В этой слепоте он умел внушить доброму Государю, что мы-де забросаем всех шапками! Нет, шапками не забросаете неприятельской армии; десятка два хороших штыков размечут тысячи шапок. — Раз при мне он, рассердясь в Красном Селе, что какой-то солдат выставил немного вперед левое плечо, так раскричался, что пена показалась у рта, и, в гнев подняв кулак, он не проговорил, а прокричал гвардейским генералам: «Вами надо командовать вот так: в одной руке держать пук ассигнаций, а в другой палку!» — От этих обидных слов я видел слезы на глазах почтенных генералов. Такой человек может ли иметь понятие о воспитании юношества? — Кажется, что вся цель его жизни состоит только в насмешках над честными русскими, в каламбурах и в наказании молодых офицеров, не за преступление, не за безнравственность, а за какой-нибудь криво надетый кивер! Пуще холеры²⁹ огорчает Россию рекрутский набор, и такой большой, что ужас берет. Едва к марту кончили поставку рекрут, теперь, к 1 ноября, опять подавай по 10 человек с тысячи! — Два набора в одном году! Да этого никогда не бывало. Помещики и народ ропщут, и мне кажется, если б доложили Государю, как это истощает народные силы, он пощадил бы своих подданных, которые, конечно, ему дороги; но он так высоко стоит, что сам не увидит страданий народа. Эти частые и бесполезные наборы начинают производить ропот; никто не видит неприятеля, а теряем людей, как будто Наполеон опять на границах России. Подданные должны любить своего Государя, этим держится государство, и русское сердце всегда расположено к горячей любви к Царю; но когда человек ропщет, уж он не любит, — а это жаль и для Царя, и для подданных. Еще подумаешь, что такой повсеместный вопль доходит до Царя Небесного. Подумаешь, что бедствия-то на Россию накликают жалобы и плач отчаянных матерей, жен и отцов, у которых отнимают их драгоценнейшее сокровище для того, чтобы сделать их совершенно несчастными. В самом деле, что может быть несчастнее солдата, у которого нет ни кола, ни двора, ни семейства, ни жены, ни детей, ни свободы дышать или двигаться иначе, как по воинскому уставу. А что делается с его родителями, с женою, с детьми! Иногда мать умирает с горя, отец дряхлеет от грусти; жена делается публичною бабою; дети в сиротстве становятся негодьями, все семейство лишается пропитания, потому что он один кормил их. Наши же русские мужички очень долго горюют по рекруте. Им смерть не так тягостна, как рекрутство. Положил в могилу сына, поплакал, сказал: «Будь Его святая воля! — мой сын-де в верном месте; у Господа хорошо, не то, что здесь — и хлеб не родится! и трудно жить. У Господа на небесах все готово!» — и утешился. Но о рекруте он плачет долго, потому что знает, как его сыну жизнь тягостна. При том не видит тут перста Божия, а видит только волю человеческую. Не опомнилось еще одно, другое семейство от сдачи 124 кормильца своего в рекруты, как уже летит та же беда на третье и десятое. Все головы кружатся и у крестьян, и у начальников. Помещики уже не знают, кого выбирать, чтобы и крестьян побереечь, и волю правительства выполнить. Впрочем, сердце Царево в руке Божией! — Дал бы Господь, чтобы батюшка наш Великий Государь оглянулся на нас и пощадил бы детей своих. Если бы наш добрый Государь знал, какое это горе для всех, если б он видел эти обмороки, эти слезы, если б слышал эти вопли отчаянных жен и матерей, его сердце тронулось бы и он, в своем отеческом милосердии, придумал бы какой-нибудь другой способ пополнять войско. Кроме того горестного времени, в которое продолжается эта нравственная пытка как для

помещиков, так и для крестьян, еще и после как долго, сколько лет все эти семейства не могут утешиться. У них отнимают всегда самого лучшего, самого здорового, того, который в лучшем цвете лет и который был кормильцем всей семьи. — Не понимаю, отчего помещикам не позволяют нанимать рекрутов со стороны, как то делается в вольных деревнях! Вольные крестьяне имеют право нанимать за себя охотников; отчего же это самое не позволено помещикам? Кто идет охотой, тот не в отчаянии. Чем ближе человек к природе, тем чувства его

глубже и сильнее. От частого прикосновения к обществу и столкновения с его пороками чувствительность в человеке исчезает; но деревенские жители, особенно крестьяне, сохраняют свою природную чувствительность во всей силе. Наши паны этому не поверят, они даже не верят, что у крестьян есть чувство, а оно так — эта чувствительность так глубока в них, что горестного впечатления ни самое время истребить не может; и от того, у кого сдан был рекрут 20 лет тому назад, то семейство все еще тужит, все еще не может притти в порядок. Упадок духа производит в них расстройство в их жизни. Они беднеют от печали, потому что грустят непомерно и ничто не в силах их утешить. У них от огорчения все валится из рук; от тяжкого удара они грустят всю жизнь; тяжелее же рекрутства для них нет в мире ничего. Сдача рекрута расстраивает семейство навсегда. Отец и мать сданного рекрута, если люди не старые, вдруг хилеют и так изнемогают от слез и грусти, что часто делаются ни к чему не способными; меньшие дети уж им не милы, они почти не занимаются ими, потому что не могут забыть, что у них отняли самого лучшего их сына, того, над кем дышала их нежность, того, которого они готовили быть опорой их старости. Разумеется, когда главы семейства убиты горем, все в доме идет наыворот; семья беднеет, расстройство всего хозяйства наводит на них еще более уныния, и нет средства помочь им, потому что нет возможности вынуть из сердца их той занозы, которая глубоко вросла в нем. Все эти несчастья можно бы предупредить, если б позволено было нанимать охотников. Есть люди одинокие, удалые, праздношатающиеся, которым негде приютиться; они за несколько сот рублей с радостию наймутся в рекруты, потому что им оставлять некого и нечего. Есть множество гулевой молодежи, которая ищет только покутить и которой везде море по колено. То не лучше ли итти в солдаты такому молодцу, чем погибать целому семейству? И не лучше ли оставить жить мирную семью в полном составе своем, а принимать в военную службу таких людей, которым некуда головы приклонить и которые сами рады развязаться с своим бесполезным образом жизни? Читая французские газеты и видя, что французы не ищут войны ни с кем³⁰, я не понимаю, зачем мы станем воевать с этими сумасбродами? Они объявляют, что никого не тронут, лишь бы их не трогали; то будет ли рассудительно итти на них, так, ни с чего, оттого только, что нам не нравится их республика? Мне кажется, лучше принять меры, чтобы у нас не было охоты подражать им; война же непременно наделает много недовольных, и, по милости Михаила Павловича, 125 какое у нас оружие в сравнении с иностранными державами, чтоб воевать с кем-нибудь! — Пойдут налоги, рекруты, вот и повод к неудовольствию. Военные, конечно, рады будут походу, это их сенокос; но остальное народонаселение пострадает от этой войны, и тем менее будут ее оправдывать, что не поймут цели ее. Наши финансы не в блестящем положении, а чтобы поддерживать войну против целой Европы, надо много денег. Где же взять их? Разумеется, надо будет усилить налоги, против которых и теперь идет ропот. Война требует людей, надо новые рекрутские наборы, а уж и теперь от них все в отчаянии. Вся Европа станет за Францию, то где же нам справиться с целой Европой, когда и с Кавказом не справимся, хотя Кавказ нам домашнее дело и эта война идет у нас в кармане, под рукою, а и тут, сколько бьемся, а конца не добьемся! — Какое нам дело, что французы безумствуют; провались они сквозь землю, лишь бы мы были умны; они пусть себе хоть искусают друг друга — туда им дорога. — Стереть Францию с земли мы одни не можем, а нам против них никто помогать не будет, потому что все эти немцы заражены такими же мыслями. Конечно, это не мое дело, но мне кажется, что благоразумнее было бы оставить их блажить, сколько им угодно; тогда пример их несчастий скорее подействует на наши горячие головы, на наших передовых людей, как они себя называют, нежели война. Хоть бы мы и покорили их, то невозможно покорить их совершенно. Поляки еще и не так своевольны и развратны, а и то, сколько бед с ними, — да и они под рукою у нас, да и не мы одни их держим в руках, — а с французами сам Наполеон едва мог справиться, да и то как, — не давая им ни минуты опомниться. Положим, что мы одолеем их, но кто переделает их мнения, накопившиеся веками? Когда и у себя, в России, мы не в силах уничтожить свободомыслия, то

как же мы урезоним, или усовестим, или укротим французов? Не будет ли это немножко похоже на то, что пойдём чинить дом соседа, а не видим, что собственная наша изба валится! — Притом, если мы и одолеем этих сумасбродов, разве уймем их надолго? Разве уймем крикунов Европы и своих собственных? Тут-то и скажут: Смотрите, что делает Россия! Да это хуже Наполеона! Какое ей дело, где какая форма правления! Вот деспотизм! Бедные французы, они было так рассудительно хотели управлять сами собою — как же, *peuple Roi!** — управлять сами собою и

своею невинною республикою, а тут этакое тиранство, не дают им и управлять по-своему! Да русский царь настоящий Нерон, Диоклетиан, Калигула, да он даже настоящий Клейнмихель, он хочет всемирной империи! Европа должна думать о своей независимости! и пр. и пр. — А русские скажут: сидел бы наш батюшка-царь у себя дома да глядел бы за порядками своей земли; а что ему до бусурман до французов? оно выходит для нас, только рекрутов да денежек подавай! Когда же оставить им свободу блажить и дурачиться, сколько душе их угодно, тогда их собственная дурь доведет их до крайности; и тогда наши умники и крикуны увидят, что такое французы и их премудрость и что такое республиканское правление. — Умничанье вообще ослепляет людей; их можно убелить только на деле, допустив все бедствия безначалия, разумеется, не у нас, а у этих негодных французов. Увидели бы, что у них делается, и скорее поняли бы всю гнусность их поступков. А теперь все будут твердить: им ведь помешали, а то было бы хорошо! — Впрочем, я позволю отрубить себе голову, ежели эта взбаламученная республика продолжится долго и если господин президент не примет их в руки и не сделается Императором — да каким Императором? Что твой Наполеон I-й! 126 Ведь как-то невольно сравниваешь наш добрый русский народ с ближними европейцами и не можешь не отдать справедливости смирению и покорности наших славных мужичков. Как подумаешь, что теперь делается везде, какая путаница во всех образованных европейских государствах, то не можешь нарадоваться, как взглянешь кругом себя. Мир, тишина, трудолюбие, подчиненность! а сколько благодарности в этих добрых сердцах за малейшее к ним внимание! И все это от того, что наш народ не избалован вымышленною свободою и ни с чем не сообразными правами человека! правами, основанными на уничтожении ближнего. Но что странно, что в народе известны французские дела и все толкуют о том, что французский Король бежал. Но приятно слышать, как они толкуют — они говорят: «Вишь, что французы затеяли, все хотят быть большими! да какой же в избе будет толк, где все будут большие? Ведь в небе Бог один, на небе солнце одно и в семье отец один, так как же быть царям многим?» Утешительна такая привязанность к единовластию, потому что доказывает глубокую уверенность русского народа, что верховный правитель должен быть один, а не многие. Я несколько не сомневаюсь, что наша нравственная Россия-матушка слишком благоразумна, чтобы последовать примеру европейских понятий. У нас нравы так патриархальны, толку в простом народе так много, и много оттого, что у нас всякий занят делом, а не бьет баклуши, как французы. Заметьте: кто говорит вздор, кто несет и делает чепуху? те, которые истинным делом не умеют заняться; — а чтобы русский народ умел быть дельным, не надо у него из рук дела отымать. Отчего блажат французы и прочие западные народы? Отчего блажат и кто блажит? Не чернь ли, которая вся состоит из работников? а почему она блажит? не оттого ли, что им есть хочется и есть нечего? Оттого, что у них земли нет, — вот и вся история. Отними и у нас крестьян и дай им свободу, и у нас через несколько лет то же будет. Теперь русскому мужичку, если его никто не подстрекает, бунтовать некогда и незачем. У него своя полоса, оттого есть забота и постоянная надежда, что он не умрет с голоду. У него свой теплый угол, своя семья, своя корова, лошадки, овцы, свой огород, свое хозяйство, и если он не дурак, а между русскими совершенных дураков не много, то он может блаженствовать в своем быту, даже хоть он и помещичий. Ему и блажь в голову нейдет, потому что блажить некогда. Летом обрабатывает он землю, зимою на стороне добывает копейку, и, куда бы ни пошел, везде спокоен, потому что у него есть угол и семья, и все его чувства и мысли стремятся под родной кров, где живет все, что ему мило и дорого, где его всегда примут с радостью и любовью. — Дай ему свободу, он сначала и обрадуется, но потом что выйдет: или помещик его прогонит, или он сам, потеряв голову от магического слова «свобода», захочет попытать счастья в другом месте; пойдет шататься по городам, где потеряет свою святую, деревенскую нравственность, — и погибнет, и сделается то же француз. Человек редко предвидит свое будущее; — вот свободный народ дойдет до того, что, искавши лучшего, останется без кола

и двора, как иностранный работник. Что же выйдет из этого? Все нахлынут в города да на фабрики; сперва, может быть, от этого фабрикам и будет выгодно, но земли будет обрабатывать некому, — а как большая ее часть пролежит в пусте, тогда, разумеется, и на фабриках будет есть нечего. Между тем работник, который оставил свой крестьянский быт, не в состоянии жениться и содержать жену и детей; оттого он живет холостым и живет незаконно, отчего исчезает нравственность во всей массе народа. От безнравственности до безбожия один только шаг. Тут

делается всему голова собственный эгоизм; хочу есть становится первым законом; а чтобы можно было поесть, хоть весь мир долой! Таковы постепенные 127 причины французских и европейских беспорядков, и если Россия цела, так именно потому, что она не свободна. Если бы можно сначала образовать народ, привить к нему чувство чести и строгих обязанностей и сделать не скажу из зверя, но из получеловека сделать человека, а потом дать ему свободу, это было бы дело другое; но дай крестьянину, как он есть, свободу, у него сейчас явятся разные затеи. Он сейчас бросит свой родной кров и пойдет шататься. Вот теплое его гнездышко и разорилось, Сына станет учить грамоте, а тот выучится и станет развращать свои понятия чтением гадкой нынешней литературы. Журналы собьют его с толку, а повести и романы сведут совсем с ума! Вот он станет судить и рядить; тут явится честолюбие, надо быть чем-нибудь повыше — когда же тут землю пахать! В этом тумане умрет с голоду и мать, и сестра также. — Жены ему не надо, это обуза, а с его высшими взглядами он обузы не хочет. Он считает себя просвещенным, потому что бросил лапти и серый кафтан да умеет читать вечного жида и газеты; а между тем не чувствует, что он не просвещается, а развращается, потому что истинное просвещение основано на страхе и законе Божиим, а не на тонком сукне и лаковых сапогах. — Когда человек чувствует как должно, он судит как должно; когда же чувства обратились в чувственность, тогда вместо рассудка поселяется в голове один чистый бред. — Французы и все европейцы оттого и дошли до настоящего своего положения, что никто не хочет жить по-христиански, т. е. иметь старших и исполнять свои обязанности. Исполняйте свои обязанности, и права ваши Придут к вам сами собою! — Нет, говорят они, дай мне мои права, а об обязанностях подумаем после! — Наша русская образованная молодежь также начинает судить наыворот, потому что читает одни только романы, и я бы, на месте Государя, другого наказания не наложил на них, как выслал бы их за границу, в землю просвещения и свободы; пусть бы там любовались своими единомышленниками. Я уверен, что скоро пропала бы у них охота толковать пустяки и они не замедлили бы удостовериться, что нет земли святее и блаженнее земли русской, где, от Царя до мужика, на своем месте, следовательно, все порядке; а ежели что и не совсем ладно, ежели есть и у нас ржавчины, так это только потому, что нет нигде совершенства. Нет, не троньте нашего мужичка, а только подумайте об том, чтобы помещики с ними были милостивы. Пусть помещики подражают Зиновьеву³¹, тогда мужичок наш будет и свободен и счастлив. Как прочтешь в журналах и газетах, что делается в Европе, и особенно во Франции, то, право, все это кажется так непостижимо, что можно принять все напечатанное за выдумку и сказки! — У них там и климат, и изобилие, и просвещение, и усовершенствованные теории, и улучшенная администрация, и великолепные машины, искусства процветают, агрономия достигает неслыханных успехов, и чего, чего там нет! У нас же все худо; и дураки мы, и не умеет никто из нас ни хлеба сеять, ни даже есть его; и все у нас в ребячестве, и все делается дурно; и медведи-то мы, и раболепные невольники, и хуже нас нет существ на свете! а как посмотришь на поверку: в нашей медвежьей берлоге порядок, послушание, любовь к Государю, любовь друг к другу (ну это, может быть, и не совсем), любовь к своим обязанностям! А у них, в просвещенных, усовершенствованных странах, голод, непокорность, ненависть, баррикады, междоусобия, все бедствия, все гибельные страсти, которые ведут в ад и из ада исходят! Неужели и теперь наша умная молодежь не образумится и не перестанет слепотствовать в отношении к своему Отечеству и чужим краям? Есть и у нас худое, без этого нельзя. Но уж ежели можно жить счастливо где-нибудь, так это, конечно, в России. Это зависит от себя; только не тронь никого, исполняй свои обязанности, и тогда нигде не найдешь такой свободы, как у нас, и проведешь 128 жизнь свою, как в Царстве Небесном. Такие рассуждения, конечно, нашим журналистам, нашим передовым людям не по нутру, — верю; но дайте же и мне свободу по крайней мере думать, как мне хочется и как мне кажется. Все это доказывает, что просвещение тогда только истинно и приносит действительную пользу человеку, и вместе с тем всему обществу, когда ум и сердце

просвещаются одинаково. Если же образовывается только ум, а сердце зарастает тернием, тогда и просвещение яд, а не польза для человечества. — Теперь можно в этом удостовериться, посмотрев на европейскую суматоху и бедственные ее последствия. — Истинное просвещение должно быть основано на религии; тогда оно и плоды принесет сторицею. А когда просвещение религии знать не хочет и только опирается на дикое, бездушное эгоизме, так и плоды будут адские, как начало его адское! Читая журналы, видишь лихорадочное положение Франции.

Банкиры разорены или заблаговременно отказываются от своих занятий и запирают конторы, чтобы не обанкротиться. Затруднения всякого рода встречают все сословия на каждом шагу; и между тем в то самое время, когда хозяева разных заведений отпускают своих работников за неимением работы, эти работники собираются массами, чтобы истребовать себе прибавки жалования и уменьшения рабочих часов. Обман и невежество властвуют среди толпы и усиливают ее бедствия; несбыточные теории наполняют все умы, как бы для окончательного разрушения всякого общественного порядка; и между тем как весьма любезные и умные писатели проповедывают розовые идеи покойника Руссо о всеобщей любви и всеобщем братстве, — что делает народ, к которому они обращают свою проповедь о чистейшей филантропии? Полный зависти к тем людям, которые его достойнее, этот народ старается отнять у них насильно хлеб насущный и хочет уморить с голоду тех, кто его трудолюбивее. Негодяй и ленивец требует той же платы, какую получает неутомимый труженик. И какое отвратительное притворство утверждать, что братство и любовь к человечеству составляют правило такого народа, который не может понять самого простого условия в общежитии: пользоваться жизнью и другим не мешать! Для этого не нужно братства, а только одной простой честности. — Дело в том, что французское общество состоит из двух крайностей и потому его окончательности слишком удалены друг от друга. С одной стороны, чересчур много умственной утонченности, с другой преобладает дикое, необузданное невежество. Книгопечатание во Франции слишком недостойно называться наставником общества; оно только движет партиями и восстанавливает их одну против другой, не делая их ни умнее, ни рассудительнее. Насыпьте всем им золота, они станут целовать ваши ноги; постарайтесь доказать им ваше нравственное преимущество, ваше трудолюбие, дайте им даже собою пример порядка и добрых качеств, они перережут вам горло. Этот народ не может сносить чужого превосходства. В безумстве, которое приведет их к гибели, рабочие классы вообразили, что правительство может доставлять им постоянную работу и постоянное содержание. Последствия такого ожидания ужасны. Занятия и работы остановились, и между тем как все ссорятся о жаловании за труды свои, самая надобность в этом труде исчезает, оставляя вместо себя все ужасы голода и отчаяния. И это наши умники называют просвещением, свободою! И этого-то равенства, этого-то счастья желают они нашей спокойной России! фи — даже досадно. Французы сами смеются над коммунизмом. Полишинель проповедует и обещает равенство с тем уговором, чтобы все были одинакового возраста и пола! Все эти господа Луи-Бланы, Фурье, Консидераны³² ни что более, как полишинели. — Равенство! да возможная ли это вещь? Ведь люди разного возраста и пола, уж от одного этого не может быть равенства между ними. Мужчина сильнее женщины, взрослый сильнее ребенка, и как отношения, так и потребности тех и других должны быть различны — следовательно, какому же тут быть равенству! Слава Богу, что у нас все спокойно; мы слишком умны, чтобы подражать этим взбалмошным головам; а кто думает и чувствует по-ихнему, так тех туда бы и отослать — пусть любуются! Не впускать бы в Россию ни одного иностранца — вот и все тут; да та беда, что этого сделать невозможно. Пока у русского мужичка есть изба и своя полоса в поле; пока у него есть образ на стене и он умеет творить крестное знамение; пока он называется крестьянином, что значит не иное что, как христианин, за Россию опасаться нечего. Пускай себе пишут в иностранных газетах, что Россия скоро распадется, что в России нет народности, что она страдает под железным игом и тому подобные бредни, — все эти нелепости только смешны, когда помотришь, что делается у них и как спокойно у нас. Мы живем и судим просто, оттого и хорошо; не мудрим, а всякий старается, по крайнему своему разумению, исполнять свои обязанности, от того и идет все своим порядком. Порядок в мыслях, порядок в поступках. Мы знаем, что несть власть, иже не от Бога; знаем, что лучше иметь одного владыку, чем иметь их двести тысяч; что лучше покоряться законному, могучему властителю, который силен и защитит нас, чем повиноваться буйной, необразованной черни, которая умеет только жечь да грабить.

Знаем, что совершенства нет на земле. Какая же нам надобность прививать к себе образ мыслей чужих земель и действовать, как они действуют. Пусть они себе хоть сквозь землю провалятся — оно было бы даже и лучше, — лишь бы Россия была цела. Чем проще народ, тем он дельнее. Пусть наши мужички грамоте не знают, — да много ли французских и немецких мужиков, знающих грамоту? Не зная грамоты, они ведут жизнь трудолюбивую и полезную; их соображение не воспламеняется чтением журналов и всякой грязной литературы, возбуждающей

самые скверные страсти. Они постоянно читают величественную книгу природы, в которой Бог начертал такие дивные вещи, — с них этого довольно! Оттого они тихи, добры, кротки и послушны, что с малолетства знают все, что истинно надо знать человеку. Наши умники не знают русского народа, а чем ближе узнаешь его, тем более удивляешься его патриархальной простоте, врожденному уму, высокому рассудку и глубокой покорности. Это неисчерпаемый золотой родник, за который только надо уметь приняться, и он сторицею вознаградит за все труды и усилия. Одно доброе слово делает чудеса. Наш мужичок от природы и простоты своего сердца всегда благодарен за малейшее к нему внимание; в нем много природного ума и удивительной логики; мысли его ясны, чувства правильны, речь его не красна, но понятна и всегда чрезвычайно дельна. Он не теряет золотого времени на то, чтобы ходить по улицам с барабанным боем и распущенными знаменами, не пересаживает деревья с места на место, называя их древами свободы! не проводит жизни в пустых прениях в клубах или в таком же пустом и еще более вредном чтении самых дурацких афиш на всяком перекрестке, а живет мирно, обрабатывает свое поле и благодарит Бога за свой насущный кусок хлеба. Не троньте этот народ, оставьте его в патриархальной простоте и во всем природном его величии; а ежели вздумаете прививать к нему западные идеи да начнете мудрить, — худо будет! Я думаю, как Государю должно быть весело, что в такой сумятице и общей европейской сумасбродной бестолковщине русский народ ведет себя так прекрасно! Сердце радуется и растет от гордости, как сравнишь русских с негодными иностранцами. Вот хваленые их хартии, да конституции, да представительные 130 правления! До чего все это довело этих бешеных европейцев? Они свободны, а мы в неволе; однако же, кому из нас лучше? Мне кажется, этот величественный вид спокойствия России должен очень утешать Государя и бесить Европу и наших передовых людей. Многие упрямые русские жалуются на просвещение и говорят: Вот до чего доводит оно! — Я с ними не согласен. Тут не просвещение виновато, а недостаток истинного просвещения. Покойные граф Бенкендорф, граф Канкрин³³, живые граф Орлов, граф Киселев³⁴, граф Блудов³⁵, граф Адлерберг³⁶ — люди очень просвещенные, а разве просвещение сделало их худыми людьми? Напротив, оно развило в них все прекрасные семена, посеянные в них природою. — Не просвещение виновато, а кривые о нем понятия. — Просвещение должно состоять в познании и исполнении своих обязанностей; в развитии добрых склонностей; в присвоении себе самых высоких мыслей и самых благородных правил всех мудрых и добродетельных людей всех веков; в умении размышлять и владеть собою. Такая цель всегда будет доступна, ежели сердце обрабатывается в то же время, как просвещается ум, и если умственные познания основываются на привязанности к Богу. Графиня А. А. Орлова-Чесменская³⁷ скончалась. Жаль, что она так распорядилась своим имением. Конечно, все это имущество принадлежало ей и она была властна оставить его после себя кому угодно; но жаль, что ей угодно было рассыпать свое богатство на самую бесполезную и недостойную часть русского народонаселения! — Но зачем осуждать усопших. Ее было состояние, ее и воля. Каковы журналисты! печатают, что наш Государь, чтобы унять бунт на Невском проспекте, ускакал в Петергоф! — Кажется, заграничным мудрецам очень тяжело на нас смотреть. Сатана на образа смотреть не может — так и для них Россия. — Они с ума сходят от нашего спокойствия; нельзя нас взбунтовать, так давай клеветать! — Нечего сказать, хороша Европа — точно гнилое яблоко! Только та беда, что яблоко выбросишь в окошко, а их хоть бы всех в море бросить, — да нельзя! Несмотря на общий голос, выбравший Людовика Наполеона в президенты, уже печатают против него статьи в журналах и говорят, что надо его отдать под суд за то, что надел генеральские эполеты!³⁸ Всеми этому виною блажной нрав французов, их бестолковый характер, непостижимая ветреность и глупая самонадеянность; их буйные нравы, безграничная неводержанность мнений, языка и поступков, их страсть заводить бесконечные партии. Конечно, при таком направлении умов свобода книгопечатания прибавляет еще более вреда — это огонь к пороху, — но и без того было бы то

же. Надо знать французскую историю, и тогда удостоверись, что они всегда буйствовали и блажили, когда у них не только не было журналов и свободы книгопечатания, но когда они еще едва и писать умели. Их полководцы не умели подписывать своего имени, а уже были предводителями партий в междоусобных войнах против Короля. Конечно, у них что далее, то хуже; но этому причиной общая безнравственность, общий дух безначалия более, чем книгопечатание. Хороший человек не станет читать худых книг, порочного и безнравственного

листка и в руки не возьмет; а дурному человеку никакая цензура не помешает доставать худые книги. Запрещение, напротив, еще более раздражает любопытство и заставляет прочесть какую-нибудь скверность. 131 В Англии нет цензуры или есть самая слабая. В Бельгии тоже, а там никто не думает свергать с престола Королей. У нас свобода книгопечатания была бы вещь опасная, потому что у нас молодежь очень буйная, и головокружения и без того довольно; привычка судить криво все более и более усиливается от того, что у них и души, и толк вверх дном. Граф Е. Ф. Канкрин Не говорю я, чтоб неограниченная свобода книгопечатания не имела дурных последствий, но уверен, что не одно книгопечатание порождает смуты и беспорядки нашего времени. Воспитание порождает смуты и беспорядки нашего времени. Воспитание, худое направление мыслей, привычка считать себя умнее других — вот настоящие причины неустройства. С такими пороками хоть не было бы ни книг, ни журналов, все было бы то же. Во Франции, Германии и Италии суматоха произошла не столько от возмутительных писем, сколько от излишней свободы, от буйства и от голода. Мудрено ли, что бунтуют миллионы людей, когда им есть нечего? Голод не свой брат, он рассуждать не умеет. Ведь там нет крестьян, все народонаселение состоит из работников, у которых нет своего клочка земли. Уж сколько лет эта хваленая, заграничная, безземельная свобода висела как туча над Западною Европою и, наконец, разразилась, как давно скопившаяся гроза. Голодный желудок и без журналов раскричаться умеет. Вот и у нас все проповедывали свободу — пресловутый Анненков³⁹ уже 132 придумывал премудрые средства, как бы уничтожить чины, как бы устроить, чтобы вышедший в отставку министр был равен сапожнику! — и чуть-чуть было не совершилась эта страшная мера, которая лет через десяток, а много через двадцать, произвела бы и в России то же самое, что теперь видим на Западе. Но, к счастью нашему, Запад уже слишком взбесился — и это открыло глаза Государю и остановило начертание устава о равенстве. — Бог нас помиловал. Коммунисты искажают все в бреду своей бестолковой горячки; но мысль, что все должно принадлежать всем поровну, начертана из Евангелия. Так делалось у апостолов, так было между первыми христианами, такое положение существует и теперь в монастырях и всяких религиозных общинах, русских, католических, лютеранских и других, которые начало свое берут от Евангелия. Но, предписывая равенство между братьями, то есть людьми равного звания, Евангелие говорит: воздай кесареви кесарево, — и никто не был послушнее властям, даже языческим, как первые христиане, хотя языческие власти гнали их, жгли и мучили. Предписывая равенство и братство, определяя равную долю всем между собою, Евангелие вместе с тем предписывает и внушает все добродетели, которые делают человека совершенным и уподобляют его божеству. — Вот это-то коммунисты и не заметили в Евангелии, как Анненков, который так свирепо бросился составлять положение об уничтожении чинов. О Макиавели, Макиавели!⁴⁰ — Они провозглашают только равенство состояний, а то забыли, что при этом равенстве должны существовать и все христианские добродетели, которые не допустят ни одного человека, ни целого общества до худых поступков. — Евангелие требует, чтобы люди были, как ангелы, чисты, свободны, дружны, равны между собою, но покорны верховному властителю, Господу Богу и представителям Его на земле. Коммунисты же выбирают из Евангелия только то, что им нравится, а всего того, что потруднее и им не по вкусу, того и знать не хотят. — Евангелие гласит: исполняй свои обязанности к Богу и людям, и будешь счастлив! Коммунисты же говорят: исполняй только свою волю, а до других тебе дела нет! — Коммунисты просто секта, как были Ариане, Манихеи, Евтихиане⁴¹ и многие другие безмозглые нововводители, которые в средних веках не хуже теперешнего мучили весь мир, хотя тогда не только журналов, но и книгопечатания еще не знали! Всей европейской сумятице причиной бессмысленность ее жителей и происходящий от того повсеместный голод. К тому худое устройство их правительств, которые от их представительной системы слишком слабы, чтобы унять бунтующие страсти и волнение умов. Конечно, при таком положении дел свобода книгопечатания усиливает зло; но

закрой у нас все типографии, отними у них перья и бумагу, отрежь им даже языки, они выдумают какую-нибудь мимику и все-таки будут распространять свои вредные и блажные понятия везде, где только станут принимать их. Заметьте и у нас, кто блажит и кричит наиболее, как не те, у которых нет ни кола, ни двора! Бездомные люди всегда самые большие крикуны, так как же не кричать всей Европе, когда там все празднующиеся, все без домов, без земли, без угла, где голову приклонить! — Подкопайте наше самодержавие или пусть оно новыми

выдумками само себя подкопает, — и увидите, что в короткое время у нас будет то же, что в этой хваленной Европе. Всякий захочет, чтобы ничего не делать и чтобы к нему летели в рот жареные рябчики. Теперь же все тихо у нас, потому что образ правления нашего самый настоящий, сходный с природою, сходный с потребностями человека благомыслящего. 133 Наше правление стоит на самой середине между кровавым деспотизмом восточных государств и буйным безначалием западных народов. Оно самое отеческое, патриархальное, и потому Россия велика и спокойна. Частные случаи ничего не значат; возьмите общую физиогномию государства: довольство, мир, тишина, трудолюбие. В России кто несчастлив? только тунеядец и тот, кто своеволен. Перемени у нас, Боже сохрани, не только образ правления, но коснись только хоть некоторых постановлений, составляющих опору государства, — исчезнет порядок, исчезнет тишина, исчезнет личная безопасность и самые безмятежные люди сделаются бунтовщиками, потому что все будут недовольны. Одни потеряют много, другие выиграют мало, и в таком случае, где все недовольны, никакая строгая цензура не поможет, а где нет причины быть недовольным, там никакой Луи-Блан не взбунтует, хоть испиши он все перья и испечатай все типографские литеры целого мира. Ниспровергни у нас существующий порядок, — посмотри, что будет! Если бы крестьяне и сделались свободны, они получили бы свободу без земли, потому что ни один помещик своей земли не отдаст добровольно, а правительство наше слишком правосудно, чтобы отнять у нас нашу собственность и лишить нас последнего куска хлеба; — насильно не отымет оно у нас земли, которую мы наследовали от наших предков. И что ж бы вышло? Крестьяне наши, сделавшись вольными, но не имея земли, пустились бы приискивать себе род жизни и пропитания по городам, деревни опустели бы, как во Франции и Германии, — и пошла потеха! ибо в городах такое чудовищное стечение голодных желудков наделало бы тех же бед, какие происходят в Западной Европе. Голодный желудок раскричится пуще всякого журнала; он и без Луи-Блана зол на все и на всех, потому что другие сыты, а он есть хочет. Мне кажется, что Россия держится именно своею помещичьею организацией; что это польза государственная в высшей степени. На каждом пункте, где есть помещик, у Государя есть там неослабный блюститель порядка и выгод отечественных, и это такой слуга государства, который не требует ни жалованья, ни наград, а еще сам приносит обществу и казне дань своих трудов, как уплатою различных повинностей, так и тем, что вливает в общественную торговлю несметное количество зерен, питающих наше Отечество и служащих для его обогащения. — Смотрите, какой везде голод! Франция, Германия, Италия, даже самая богатая Англия, все умирают с голоду. У нас же столько хлеба, что мы и сами сыты, и в состоянии продать массы хлебных зерен иностранцам. Не будь помещичьих имений в России, много ли бы сами крестьяне наготовили хлеба? И теперь мы видим, что вольные крестьяне если и торгуют хлебом, то не своим, скупают его у помещиков. Итак, я уверен, что наша Россия велика, сильна и богата от того: 1-е) что в ней Государь самодержавный. 2-е) что в ней есть помещик, с властью над крестьянами и 3-е) от того, что есть в ней крестьянин, который кормит и себя, и помещика, и горожанина, и купца, и солдата, и вельможу, и самого Государя. Вольный крестьянин редко обрабатывает свою землю; он пускается в торги, в извоз, в разные спекуляции, его тянет туда, где есть трактир, чтобы выпить галинок чаю, чтобы поврать, а землю свою обрабатывать нанимает помещичьих крестьян. Сделайся же помещичий крестьянин вольным, и он также не захочет обрабатывать землю, ни свою, ни чужую, — и о хлебе тогда поминай, как звали! Пример западных государств не доказывает ли, что свобода разоряет народы? Они все свободны и в нищете страшной, отвратительной, возмущающей человеческие чувства, — наш народ не освобожден, а у нас нет такой нищеты, как на Западе. Они живут, как скоты, на улицах, под землею, а наши 134 в избе, и на столе каравай; — следовательно, не счастливее ли наш народ народов свободных? Это рассуждение ведет все-таки к книгопечатанию. Сделай наших крестьян свободными, никакая цензура не остановит тот вред, который сделан будет самим Государем.

Как скоро буйство свободы одолеет народом, тогда и цензура полетит к черту. Пусть Государь не думает, что, дав свободу крестьянам, не нужно будет более или менее изменить образ нашего правления; а малейшее изменение сделает в Престоле щели и подкопает его; тогда и без журналов, и не умея их даже читать, русский народ через полвека провалится в ту же пропасть, в которой теперь барахтаются свободные европейские народы. В средних веках не было журналов, ни возмутительных сочинений; никто не умел подписывать своего имени, а загляните в историю,

какие смуты покрывали всю Европу. — Точно так же, как и теперь, флегматические немцы дрались между собою и разорялись напропалую то за религию, то за Лютера, то за римского папу, то за пятерых вдруг избранных ими на царство государей. То давай им хартию, то не надо хартии; то им нужна золотая булла, то ее не надо, — и кровь лилась реками всегда и везде, где народ был свободен. Франция, Италия, Германия, даже самая Англия редкие 50 лет не были обгарены кровью междоусобной войны. Правда, что тогда многие дрались за государей; один хотел того, другой другого; а теперь дерутся только из того, чтоб не было государей. — Пусть не будет государей, увидим, что лет через 20 станут опять драться и кричать, чтоб были государи, что они необходимы, как кучер на козлах, как руль к кораблю, — что и правда, для блага и спокойствия народов. Война за государей, за республику, за религию, за мнения политические и религиозные, за свободу книгопечатания — все это одни предлоги, которым не будет конца, пока страсти бунтуют в человеке и он удаляется от здравого смысла и от истинной религии. Все состоит в том, что человек, не обузданный хорошими правилами, всегда будет блажить, всегда будет недоволен и всегда перемена, самая бесполезная, будет казаться ему улучшением его быта, — не рассуждая о том и не понимая в слепоте своей, что все его счастье, все его благосостояние зависит от него самого; — что ни война, ни крик, ни национальные собрания, ни президенты республик, ни центральные правления в Франкфурте⁴² не обеспечат его спокойствия, пока он сам не уймется. — Наш народ от того умен, что тих, а тих от того, что не свободен. — Но тут однако же надо сказать, что ежели крестьянам не должно давать свободы, то не должно, чтобы помещики и угнетали их, — таких помещиков в Сибирь! — Слава Богу, их немного. Все новое поколение преисполнено лучших мыслей, и быт крестьян улучшается, и когда помещик любит и бережет их, то жизнь их лучше свободных — они сами это говорят. Помещик самый надежный оплот Государя. Никакое войско не заменит той бдительности, того влияния, какие помещик ежеминутно распространяет в своем имении. Уничтожь эту власть, народ наплет и нахлынет со временем на самого Царя, как то было не раз в чужих краях. Помещик есть самый верный, недремлющий пес, охраняющий государство; он есть природный исправник, которому привычка, обычай и самые старинные предания придают столько власти, что она покажется баснословною на западе Европы. Дело только в том, чтобы эту власть не употреблять во зло, — ну, а это уж дело правительства. Конечно, мое мнение немного значит, но кто знает, в добрый час и оно может подействовать. Я помню, как в 1845-м⁴³ году все кричали о необходимости дать свободу крестьянам; подавали об этом проекты, рассуждения. Я находил их мнение ложным. ¹³⁵ Я не раз говорил: «Посмотрите, чем кончится ваша хваленая народная свобода за границей! Увидите, что не много пройдет времени и там опять будет революция, потому что там народ совершенно несчастнее нашего, даром что свободен; их свобода ведет только к нищете и безначалию!» И что ж, — много ли с тех пор прошло времени, а в феврале 1848 года, спустя только один год, мои слова обратились в пророчество! Неужели и теперь не увидят справедливость старинных суждений? Но вряд ли! — в городской суматохе нет времени опомниться, и, быть может, что не только наши дети, но и сам Государь, под внушением его окружающих, все еще будут опутаны мыслию о свободе народной. Вот и у нас заговор!⁴⁴ — Слава Богу, что вовремя открыли. — Надивиться нельзя, что есть такие безмозглые люди, которым нравятся заграничные беспорядки! На месте Государя я бы всех этих умников туда бы и послал, к их единомышленникам; пусть бы они полюбовались; чем с ними возиться и строгостью раздражать их семейства и друзей, при том тратиться на их содержание. Всего бы лучше и проще выслать их за границу. Пусть их там пируют с такими же дураками, как они сами. Право, такое наказание выгнало бы всякую дурь и у них, и у всех, кто похож на них. А то крепость и Сибирь, — сколько ни употребляют эти средства, все никого не исправляют; только станут на этих людей смотреть, как на жертвы, станут сожалеть об них, а от сожаления до подражания недалеко. — Выслать бы их из России как людей, недостойных жить в своем Отечестве, как язву и чуму, к которой прикасаться опасно.

Такие меры принесли бы чудесные плоды — впрочем, не мне судить об этом. Вот и тут не мое дело судить, а жаль, что Государь вступает за австрийцев⁴⁵. Тут не надо смотреть на толпу венгерских мятежников, а на всю Европу; так как же одной России справиться с целою Европою? — Русский Царь велик у себя; силен обширностью своих владений, преданностью и любовью своих подданных; но за границей Его влияние и власть совсем уже не то, что дома. Ведь он не может приказать венгерцам покориться; для этого нужно войско — оно и есть у нас, но

ведь оно нужно для себя, и стоят ли поганые австрийцы, чтоб русские проливали свою кровь за них? Война на Кавказе; охранение границ на таком необъятном пространстве; содержание внутренних караулов — да еще к тому европейская война! Сколько тут надо войска, сколько новых рекрутских наборов, а уж и теперь идет ропот, что за нашу преданность и любовь к Престолу и порядку нас же отягощают рекрутскими беспрестанными и сильными наборами. В манифесте о нынешнем наборе сказано, что холера опустошила войско, — да ведь та же холера опустошила и народонаселение в России. Иной уезд потерял четвертую часть своего населения, а рекрут должен ставить по ревизии. К болезни столь смертоносной присоединяется отчаянная горесть рекрутчины! Болезнь от Бога, а рекрутчина для скверной, неблагодарной Австрии, которая не раз уже нас обманывала! Стоит ли эта дрянь, чтобы за нее текла драгоценная русская кровь? Мы за них вступаемся, а они против нас делают и делают всякие подлости. Дам себе голову отрубить, если они при первом случае за нынешнюю им помощь не отплатят нам какою-нибудь черною неблагодарностью. Одним словом, — стоят ли эти дрянные австрийцы, чтобы русские гибли за них? — Мне так кажется, — лишь бы у нас в России было спокойно, а до других какое нам дело? провались они сквозь землю — пусть себе возятся, как хотят. Даже страшно, чтоб это вмешательство не распространило пожара и у нас, как потому, что отсутствие Государя может быть вредно для России, так и по 136 той причине, что этот поход произведет некоторое колебание и толки в народе, всегда опасные во времена политических переворотов. Притом наши солдаты увидят мятеж на месте, — почем знать, не привьются ли к ним мятежные мысли! — Возвратясь домой, они станут сообщать свои наблюдения вправо и влево, станут толковать по-своему — и наша святая, чистая, девственная Русь может заразиться ядовитым духом западных народов. Конечно, Россия велика и сильна; русский Царь у себя, дома, Бог земной! Но известно, что наше народонаселение очень слабо в сравнении с обширностью земель. На войне же нужны люди, а не земли. Не понесем мы на помощь Австрии степей и лесов наших, а понесем на пролитие кровь нашу, которой и то немного в России. Наши безлюдные губернии, опустошенные холерою, опустошаются еще и рекрутскими наборами; а это еще вопрос, может ли одна русская армия сладить с целою Европой. Все наши жертвования могут остаться втуне, и эта война сделает Россию только еще беднее и деньгами, и людьми. Европа невелика в сравнении с Россиею, но ее население вдесятеро сильнее нашего, каждый житель солдат! а этих солдат миллионы. Им нельзя будет не сражаться, когда театр войны будет у них; война делается народною, и всякий, даже и немец, станет за свое родное гнездо, за свое пепелище. С начала всех этих смут все радовались и восхищались, что Государь так величаво смотрел на этих уродов, но сам, как гранит, не трогался с места; теперь грустят, что он переменял мысли и что променял спокойствие своего государства на выгоды недостойной Австрии. Староверы опять начинают ворчать против просвещения. Не просвещение портит людей, а ложное его направление. Истинное просвещение, как и все истинное, есть благодеяние, дарованное свыше: но в том беда, что все можно употребить во зло. Огонь освещает и греет, если употреблять его рассудительно; а употреби его во зло, он произведет самые разрушительные действия. Ножик может служить очень полезным орудием, если употреблять его с разборчивостью; тот же самый ножик может резать человека! не виноват огонь, не виноват ножик, а виновата рука, дающая ему злодейское направление. Так и просвещение, — начало его и цель благодетельны, как все дары Божии. Но просвещение тогда только благодетельно, когда оно дитя Неба. Кто же виноват, что люди сделали из него исчадие ада? Человек истинно просвещенный знает, что он должен прежде всего исполнять свои обязанности и что права его сами собою возникнут и осуществляются. Вся история и вся нравственность целого мира состоят только в следующих двух словах: права и обязанности! В истинном их значении и познании заключается вся премудрость и все благополучие человеческой жизни, — а в превратном все бедствия. Человек, который твердо уверен, что права его проистекают от исполнения его обязанностей, никогда не будет вредным

членом общества, и чем он просвещеннее, тем полезнее для своих собратий. Тот же, который требует только прав, а об обязанностях и знать не хочет, тот доказывает, что истинного просвещения у него и в помине нет, хотя бы он говорил на всех диалектах земного шара и прочел бы все библиотеки, и печатные, и рукописные. Ну, словом, этот человек не что иное, как огонь, как нож в руках злодея. Истинное просвещение не состоит в том, сколько миллионов слов и фигур помещено в мозг человека, — а состоит в том, в каком порядке все это помещено в его

голове; доброе ли действие произвело на душу, рассудок и сердце¹³⁷ и принесло ли пользу в мире. Если же нет таких последствий от просвещения, так оно не истинное, а суетное, ничтожное, ложное и вредное, фиглярство, противное Богу и добрым людям. Поэтому не просвещение виновато в пороках человеческих, а эти пороки заглушают и искажают его. — Ну, что скажут на это мои любезные староверы? Государь грустит. Великий Князь Михаил Павлович скончался⁴⁶. Конечно, жаль Государя, но Михаила Павловича не жалеют. Он своею неумеренною строгостью пятнал царствование нашего доброго, великого Государя, как бывало граф Аракчеев⁴⁷ пятнал царствование Александра Благословенного. В наше время строгость не смиряет, а раздражает людей; а человек на такой высокой ступени, на какой находился Михаил Павлович, придавливая жестокою рукою всех от него зависевших, был более вреден, чем полезен государству. — Бог с ним! Конечно, Государю он был брат и Государю нельзя не жалеть о нем; поэтому и жаль, что Государево сердце беспрестанно стеснено близкими потерями; но у него есть свое семейство, жена, дети, внучата; все это ему дороже Михаила Павловича — есть кому его утешить, — лишь бы эти живы были. Особенно ежели Михаила Павловича во всех его должностях заменит Наследник, то многие порадуются. Этот добр, кроток, как должен быть будущий Венценосец, — тот был сердит и бешен, — и верно все заведения и самая гвардия будут не хуже, а только несравненно покойнее и счастливее теперешнего. Новый тариф заставляет всех плакать!⁴⁸ Удивительно, что у нас так мало патриотизма, что мы не можем обойтись без иностранных товаров! Англичане не позволяют самой малейшей безделицы ввозить к себе чужого, зато и фабрики их первые в мире; а у нас любят все чужое! И золото наше, и серебро, все уйдет за границу, как было прежде. Надо русскую промышленность поощрять, а не разорять. Уже два раза тарифы разорили наших фабрикантов. А всего хуже, что все наше золото уйдет к иностранцам и мы вдвойне победнеем, а они, с нашими деньгами, нам же повредят. Стоит ли из-за какой-нибудь дюжины петербургских щеголих давать западным разбойникам свое же оружие против себя! Наши товары очень хороши, разумеется, не для этих щеголих, не для этих государственных шмелей, а для общей массы покупателей. Не нравятся они только этим модницам большого света, так стоят ли они, чтобы из-за них Россия обеднела; чтоб ее промышленность пришла в упадок; чтоб с таким трудом добываемое золото ушло к врагам нашим для того, чтобы они богатели за счет России и ей же строили козни за ее же деньги? Бывало, при Императоре Александре I одних лент ввозили в Россию на двадцать миллионов. Что ж другого?! Тогда у нас фабрик почти не было; а что завело у нас фабрики? запрещение иностранных товаров. Теперь наши фабрики очень порядочные; не та прочность, конечно, как у других, но и до этого достигнут, если бы дать время совершенствоваться, а не разорять вдруг все фабрики ввозом чужих товаров. Говорят, что Государь дает Великой Княгине Екатерине Михайловне⁴⁹ приданого миллион рублей серебром да сверх того доходу слишком сто тысяч серебром. Ведь она и сама богата. Все, что принадлежало покойному Михаилу Павловичу, досталось ей; все, что имеет Елена Павловна, достанется ей же. Екатерина Михайловна должна быть богаче дочерей самого Государя, потому что они имеют только свои уделы, а она свой удел и уделы отца и матери. Государь так щедр, но я думаю, ему и то трудно, долгу много! ¹³⁸ Многие сокрушаются, что Принц Гессенский Александр женился на графине Гауке!⁵⁰ Какая же тут беда для России? Ведь Принц Гессенский не наш Великий Князь. Род его никогда у нас царствовать не будет. Какое нам дело, что иностранный принц женится на простой графине? Они там и много так делают. Покойный Король Прусский, отец нашей Государыни, и не молоденький, как Принц Гессенский, а был же женат на одной из своих подданных после смерти своей первой жены⁵¹. Да и наш Великий Князь Константин Павлович был же женат на простой польке, Грудзинской, которую уже потом возвели в достоинство княгини Лович⁵². Уже когда Константин Павлович, Цесаревич, предполагаемый Наследник русского престола, будучи сорока лет или более, развелся с женою. чтоб жениться на простой дворянке. то дватцатипятилетнем Принцу

Александрю еще простительнее жениться на графине Гауке. Он не русской и не царской крови. И какое влияние может он иметь на Россию? Если бы он и служил у нас, то брат нашей Наследницы, хотя впоследствии и Государыни, не более может иметь влияния на дела государства, как по занимаемой им должности. Эта же должность не может быть так огромна, чтобы опасаться пристрастия его к родственникам жены, у которой, может быть, их и нет в России. Вот как наш Наследник мечтал об Ольге Калиновской, это было страшно!⁵³ Кроме

того, что такому молодцу, сыну такого Царя, такому доброму, славному человеку такая жена не по плечу, кроме того, она полька, недалекого ума, с родни всем польским фамилиям, искони враждебным России, это могло бы задавить нас. Но брат Наследницы, принц небогатого и неважного дома, который у себя меньше значит, чем у нас князь Чернышев⁵⁴ или граф Орлов, — что ж за беда, если он женился по сердцу и взял не принцессу, а только графиню? — Ничего, — России ничего от этого не будет. Все бранят графа Клейнмихеля, что цены на железной дороге недешевы, и сожалеют, что почти весь сбор перейдет в карман американцев, с которыми сделан самый странный и разорительный контракт, в течение коего казне будет приходиться только пятая или даже шестая часть сбора, а прочее все американцам⁵⁵. Рассуждают так: когда же правительство выберет свои издержки, свой капитал, свои проценты? Каждый вагон, от столицы до столицы, доставляет сбору 600 рублей серебром. Из этого американцам по контракту следует, считая по 80 копеек за версту с каждого вагона, по 480 рублей серебром. Что же останется казне? 120 рублей серебром с вагона, и то ежели он полон, и то не все пассажиры едут от одной столицы до другой, а выходят в промежутках, следовательно, не всегда и 600 рублей может доставить каждый вагон. Что ж остается казне на все прочие расходы на удовлетворение процентов с 150 миллионов, употребленных на сооружение дороги? Железная дорога дело дивное, славное по тем затруднениям, какие представляли нескончаемые болота и пучины, лежащие на пути; но этот странный контракт чрезвычайно много тут испортил. Для казны убыток ужасный и для проезжающих вещь чувствительная, потому что цены назначены большие, особенно за провоз экипажей; а менее назначить нельзя, потому что казна и без того в большом накладе. Жаль, что бранят графа Клейнмихеля, он человек усердный, но все-таки досадно, как можно так мало думать о пользах государства. Как жаль принца Лейхтенбергского⁵⁶ и бедную Великую Княгиню Марию Николаевну! Молодая вдова, шестеро детей, скучно ей будет доживать, если не выйдет замуж. — Жаль Ее и жаль Государя, который так часто хоронит детей Своих. — По твердости Его души он сумеет перенести и этот удар, но каково будет Ему смотреть на Свою дочь, такую молодую, такую прекрасную, так 139 рано овдовевшую! — Дай Бог! чтобы Она опять, через год или два, вышла замуж и чтобы новые узы утешили Ее и Государя. Вот бы Ей муж Людовик Наполеон⁵⁷. Вот Франция опять Империя! Желаю, чтобы Людовик Наполеон упрочил власть свою во Франции. Прежде считал я его беспутным разбойником, а теперь вижу, что он человек мудрый. Боюсь и жаль будет, ежели наш Государь с ним не сойдется. Быть с таким человеком в ладах полезно. Сдружись Россия с Францией хорошенько, тогда гадкие англичане призадумались бы. Великий Князь Константин Павлович Весь свет во всем подражает Франции, особенно умственный мир. Образ мыслей везде сколок на французский лад; ежели Людовик Наполеон удержится во главе Франции при этой восторженной любви, которую ему оказывают, его мнения и высказываемая им преданность к религии непременно разольются по всему государству и принесут огромную пользу как Франции, так и всем странам, ей подражающим. Когда Вольтер⁵⁸ и его друзья провозглашали неистово безбожие, оно везде лилось с французским языком и французскими книгами. Когда Франция оказывала равнодушие к религии, весь мир был к ней равнодушен, исключая очень немногих. Когда самые новые писатели французские и немецкие стали говорить о Христе и его религии с почтением, стали и у нас, и в других государствах понемногу заговаривать, что Христос не выдумка и его религия лучше мусульманской. 140 Людовик Наполеон воспитан матерью⁵⁹, которая в своем роде была совершенство. Она внушила ему любовь к религии, так и не мудрено, что он сохранил прекрасное чувство в целости. Теперь же, если он, сделавшись во Франции Императором, и ничто не опрокинет его, то можно надеяться, что его приверженцы станут любить христианскую религию, как он любит ее сам. А глядя на французов, и прочие народы перестанут стыдиться быть христианами. Надо думать, что сам Бог ведет Людовика Наполеона на первое место во Франции, чтоб залечить ее раны и дать ей мирного и твердого покровителя.

Дай Бог новорожденному Императору Франции долго жить, расти в духе и силе Божией и укротить зверонравных французов до того, чтоб они сделались людьми. Дай Бог и то, чтобы наш Государь сдружился с ним. Подписываться ami* или frere** — все равно, — а польза была бы бо?льшею. Не послушался Государь людей опытных, ему преданных. Поссорился с Людовиком Наполеоном. Быть беде! Государь послал за границу графа Орлова⁶⁰; но вряд ли его ум и пылкое усердие принесут пользу. — А тут еще умники уверяют Государя, что турецкое войско

умирает от чумы и холеры — ну просто что некого будет бить! — Я осмелился сказать Государю, чтоб не верил благоприятным для нас известиям о неприятеле, что они всегда преувеличены, но чтоб крепился духом; может быть, Господь Бог поможет нам, и к его истории прибавится еще одна блистательная страница. Он поднял руки и отвечал: «Братец! духом-то не упаду, но здоровья не станет!» — Помогите ему Господь! Боже мой! не стало нашего Государя Николая Павловича! — Плач всеобщий, всеобщее изумление — никто не верит, чтоб этот дуб телом и душою, этот великан так внезапно свалился! После кратковременной болезни, 18-го февраля 1855-го года, в ? 1-го часа пополудни он отдал Богу Свою светлую, чистую, непорочную душу. Удар неожиданный, никто и не подозревал, что недуг его принял опасное направление. Скорбь так велика, что описывать ее дело невозможное. В тяжелое время вступает на Престол его Наследник. Дай Бог ему силы, не упасть духом под тяжестью, так неожиданно налетевшею на его плечи. 6-го августа 1856 Бог видит, что я служил без всяких видов честолюбия, для пользы моего Государя, моего Отечества и моих сограждан. Теперь возвращаюсь к ничтожеству и молю Господа, чтобы благословил благия намерения нашего юного Государя; — это будет всегда первым предметом моих желаний, — и смело могу сказать, что ежели по службе многие были счастливее меня, то, конечно, никто не был и не будет более предан своему Государю. *A la fin de ma carriere j'ai rencontre un homme*⁶¹, — *le voici: Il n'est ni Royaliste, ni Jacobin; il n'est ni mechant, ni bon, mais il n'a pas de coeur; il n'est pas bete, mais ce n'est pas un homme d'esprit; il est aristocrate, mais il n'a pas meme les vices d'un grand seigneur*^{***}. 141 Генварь 1862 Вот как нынешние просвещенные люди, в особенности литераторы, обманывают публику и даже самого Государя! На памятнике тысячелетию России⁶² предположено изобразить в барельефе мужей, способствовавших своими подвигами прославлению Российского государства, и между ими помещен Тарас Шевченко. Наши литераторы умели придать этой личности какой-то блеск, которого он отнюдь не заслуживает. Литературное достоинство этого ничтожного человека состоит в нескольких малороссийских песнях и повестях на старинном малороссийском наречии, которого теперь почти никто не понимает. Не думаю, чтоб эти песни и повести могли способствовать к прославлению России, а между тем приятели Шевченко, малороссияне, в числе пяти, шести человек, успели дать его ничтожному стихотворению такой вес и так уверить правительство, что их мнение на этот счет есть мнение общественное, что втянули лик Шевченки на памятник тысячелетия. — Шевченку я знал лично, но не имел с ним никаких сношений, следовательно, смею думать, что мое об нем суждение беспристрастно⁶³. О первой половине его жизни прочтите его некролог, там вы увидите, что он был сын крестьянина, что всякое принуждение к наукам и труду было для него тягостно и что он всю почти молодость провел в бегах, пьянстве и воровстве. Кое-как научился он рисовать, но как рисовать? Я видел его рисунки, это мыши кота хоронят. Шатаясь по свету до 30-летнего возраста, он прибыл в С.-Петербург и приобрел благосклонность покойных графа Вьельгорского⁶⁴ и Жуковского⁶⁵, эту благосклонность приобрести было нетрудно, они, дай Бог им Царство Небесное, в чистоте и доброте сердец своих, как живая Татьяна Борисовна Потемкина⁶⁶, во всяком мерзавце, даже во всяком разбойнике видели только человека несчастного и потому принимали в нем участие. Вьельгорский и Жуковский склонили покойную Императрицу Александру Феодоровну и все царское семейство к собранию некоторой суммы для выкупа Шевченка из крепостного состояния⁶⁷. Императрица оказала ему это благодеяние, и как отплатил он своей благодетельнице? В 1847 году был обнаружен заговор некоторых малороссиян против правительства, их намерение состояло в отложении Малороссии от России⁶⁸. Главными деятелями этого заговора были: Гулак-Артемовский⁶⁹, человек глупый, но богатый, следовательно, для заговорщиков полезный, отчаянный славянофил, кроме Кирилла и Мефодия никого не чтущий, потом Кулеш и, в особенности, его супруга⁷⁰, Андруский⁷¹, Костомаров⁷², Шевченко и еще не помню кто. Эти господа имели намерение сплести из Малороссии государство

Шевченко и еще не помню кто. Эти господа имели намерение сделать из Малороссии государство самостоятельное и отодвинуть ее к временам Гетманщины и Гайдаматчины, т. е. ко временам разбоев и грабежей, всегда выгодных для людей бездомных. При осмотре бумаг этих господ найдены в портфеле Шевченки дурно нарисованные, самые безнравственные картинки, большая часть из них составляла карикатуры на Особ Императорской фамилии и, в особенности, на Государыню Императрицу; и самые неблагопристойные стихи на счет Ея Величества. Когда спросили Шевченку: что это? он отвечал: «Простите, вперед не буду!» — Князь Орлов называл

их общество Украинофилами, и они, в 1847 году, были разосланы в разные отдаленные губернии. Ныне царствующий Государь простил Шевченку, он возвратился в Петербург и перестал пьянствовать потому, что допился до водяной болезни, от которой и умер. — Надо было видеть Шевченку, вообразите человека среднего роста, довольно дородного, с лицом, опухшим от пьянства, вся отвратительная его наружность самая грубая, необтесанная, речь мужицкая, в порядочном доме стыдно было бы иметь его дворником, и вот этого-то человека успели украинофилы выказать славою, честью и украшением Малороссии и под личиною 142 общественного мнения оскорбить, замарать его ликом памятник тысячелетия России! Если бы в подобных случаях, прежде их окончательного решения, повелено было обращаться в 3-е отделение Государевой канцелярии для узнания так сказать подноготной, то наши рифмоткачи не имели бы возможности так искажать истину и так дерзко обманывать правительство. Я уверен, что если бы Государь это знал, то приказал бы снять этот кусок грязи с светлого, чистого лица России и заменить его какою-нибудь достойною личностью, в которых Малороссия не имеет недостатка.

Бокариус М. В., Лурье Ф. М. Заметки и дневники Л. В. Дубельта // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 106—110. — [Т.] VI.

Леонтий Васильевич Дубельт (Дуббельт) родился в 1792 (1793) г. в семье дворянина Василия Ивановича Дубельта. История рода Дубельтов не опирается на вполне достоверные документы. Современники поговаривали, что отец Дубельта происходил из государственных крестьян и получил потомственное дворянство как дослужившийся до высокого офицерского чина. Семейное предание гласит, что молодой гусарский офицер, странствуя по заграницам и находясь в Испании, обольстил и «похитил принцессу царствовавшего королевского дома Медина-Челли и увез ее оттуда в Италию, где с нею повенчался».

Под руководством матери Леонтий получил домашнее образование и в 1801 г. поступил в Горный корпус. 16 февраля 1807 г. юного Дубельта произвели в офицеры и зачислили в Псковский пехотный полк. В сражениях Отечественной войны 1812 г. он хорошо проявил себя, был адъютантом знаменитых боевых генералов Н. Н. Раевского и Д. С. Дохтурова, под Бородином его ранило в ногу. Для офицера без связей Дубельт сделал необычную карьеру: в 1817 г. — произведен в подполковники, в 1822 г. — в полковники и назначен командиром Старооскольского пехотного полка.

В «Алфавите членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному высочайше учрежденною 17-го декабря 1825-го года Следственной Комиссией», составленном по распоряжению Императора Николая I правителем комиссии А. Д. Боровковым, о Дубельте имеется следующая запись: «В сведении, полученном в декабре от главнокомандующего 1-ю армиею, а ему представленном от генерала Ертеля в марте 1824 года, Дубельт был показан в числе членов масонской ложи, существовавшей в Киеве. После того отставной майор Унишевский в доносе своем показал, что еще в 1816 году заметил Дубельта принадлежащим к тайным сходбищам в Киеве и за сие открытие претерпевал от него разные гонения, по нахождению его, Дубельта, дежурным штаб-офицером 4 пехотного корпуса. Как Унишевский, обещавший открыть и уличить всех сообщников Дубельта, будучи призван по Высочайшему повелению в Комиссию, отозвался, что он, кроме уже показанного им, ничего более присовокупить не может, то Комиссия оставила сие без внимания».

Возможно, Леонтий Васильевич и совершил какие-нибудь противоправительственные поступки, но Следственной Комиссии их обнаружить не удалось.

После запрещения правительством масонских лож в 1822 г. командир Старооскольского пехотного полка полковник Дубельт письменно свидетельствовал, что состоял членом лож Эмануэль (Гамбург), Астрей (Санкт-Петербург), Соединенных славян (Киев) и Золотого кольца (Белосток)***. Впрочем, в эти ложи помимо декабристов входили Цесаревич Константин Павлович и будущие начальники Леонтия Васильевича А. Х. Бенкендорф и А. Ф. Орлов. У молодого Дубельта была шумная репутация, его считали «одним из первых крикунов-либералов в Южной армии», начальство на него косилось. В 1828 г. Дубельта вынудили подать рапорт об отставке «по домашним обстоятельствам». Ему удалось «сохранить мундир» и получить пенсию.

Еще в 1818 г. Дубельт женился на Анне Николаевне Перской, родной племяннице адмирала Н. С. Мордвинова. У них родились два сына — Николай (1819—1874) и Михаил (1822—1900). Младший сын был женат на Н. А. Пушкиной, дочери поэта. Поселившись в имении Рыскино Тверской губернии, Дубельт затосковал, жизнь стала для него невыносимой, денег на содержание семьи не хватало, сельским хозяйством он не умел и не хотел заниматься, помещичье существование его угнетало. Он привык к походам, лагерям и казармам, обществу офицеров. Сыновья росли, их требовалось учить, росли расходы. В последних числах 1829 г. Дубельт, оставив семью в деревне, отправился в столицу искать места для продолжения службы.

Н. С. Мордвинов помочь ему ничем не мог. После того как во время допросов декабристов обнаружилось, что бунтовщики в случае победы прочили старого адмирала во «Временное правительство», а затем он единственный выступил в Верховном уголовном суде за помилование декабристов, покровительство Мордвинова не могло помочь возобновлению карьеры. Для поступления в гвардию или хотя бы в армию с перерывом в службе и репутацией вольнодумца требовался весьма влиятельный ходатай. Днем, покинув свою каморку, Дубельт слонялся по городу в поисках старых друзей, вечерами посещал старика-адмирала, а по возвращении домой писал жене длинные письма-отчеты. Время шло, кончались скудные денежные запасы. «Чтобы меньше было у меня расходу, — писал он Анне Николаевне, — я решил не пить чаю и выдержал целую неделю; но мочи нет! по утрам так тошнит, что я выпил по крайней мере пять ведер воды; наконец, опасаясь занемочь водяною болезнью, я купил сегодня чаю и сахара, и теперь то напишу тебе строчку, то глотну чаю, и мне так хорошо!»

Придворный музыкант А. Ф. Львов вызвался переговорить с главноуправляющим III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, шефом жандармов, генерал-адъютантом, графом А. Х. Бенкендорфом о зачислении бывшего «крикуна-либерала» в Корпус жандармов. Леонтий Васильевич написал жене о своем намерении и 8 января 1830 г. получил от нее письмо с сомнениями в правильности такого решения. На другой день в Тверскую губернию полетело длинное послание с обстоятельным объяснением движущих Дубельтом мотивов:

«Ежели я, вступая в Корпус жандармов, сделаюсь доносчиком, наушником, тогда доброе мое имя, конечно, будет запятнано. Но ежели, напротив, я, не мешаясь в дела, относящиеся до внутренней полиции, буду опорой бедных, защитой несчастных; ежели я, действуя открыто, буду заставлять отдавать справедливость угнетенным, буду наблюдать, чтобы в местах судебных давали тяжёбным делам прямое и справедливое направление, — тогда чем назовешь ты меня? Не буду ли я тогда достоин уважения, не будет ли место мое самым отличным, самым благородным? Так, мой друг, вот цель, с которою я вступаю в Корпус жандармов; от этой цели никто не совратит меня, и я, согласясь вступить в Корпус жандармов, просил Львова, чтобы он предупредил Бенкендорфа не делать обо мне представление, ежели обязанности неблагородные будут лежать на мне, что я не согласен вступить во вверенный ему Корпус, ежели мне будут давать поручения, о которых доброму и честному человеку и подумать страшно. Предупредив таким образом будущего моего начальника, не могу ли я действовать открыто? Не должен ли я предполагать основательно, что сам Бенкендорф как человек добродетельный и благородный не будет давать мне поручения, которые несвойственны человеку честному?»

Император Николай I после подавления восстания декабристов приступил к реорганизации существовавших и созданию новых органов политической полиции. Основная идея проводимых им мероприятий заключалась в возрождении утраченной при Императоре Александре I централизованной системы политического сыска. Первые шаги были предприняты в отношении жандармских подразделений.

В странах Западной Европы жандармерия создавалась как военная полиция для наблюдения за войсками на марше, их расквартирования на постой и оказания помощи при погребении погибших во время сражений. Главной же задачей жандармерии являлась борьба с мародерством.

Первый жандармский полк в России появился в 1792 г. Его сформировал в составе гатчинских подразделений Наследник престола Великий Князь Павел Петрович. Пять лет спустя Император Павел I включил гатчинских жандармов в лейб-гвардии Конный полк. Император Александр I в 1815 г. переименовал Борисоглебский драгунский полк в жандармский, а затем рассредоточил его состав небольшими группами по армейским частям, где они выполняли обязанности военной полиции, в том числе и осведомительские. Меры, предпринятые Императором Александром I по образованию военной полиции, объясняются тем, что к Императору поступали тревожные сообщения о проявлениях вольнодумства среди офицеров и нижних чинов после возвращения армии из стран Западной Европы. Кроме жандармских подразделений полицейские функции выполнял Корпус внутренней стражи, образованный в 1810 г. В его составе 1 февраля 1817 г. была организована конная городская полиция — жандармы внутренней стражи — для поддержания порядка в столичных, губернских и припортовых городах. После волнений в Семеновском полку на жандармов как на военную полицию Император Александр I указом от 4 января 1821 г. возложил надзор за настроениями в войсках, а начальник Штаба гвардейского корпуса Бенкендорф «принял на себя смотреть».

К 1826 г. насчитывалось пятьдесят девять жандармских частей общей численностью более четырех тысяч человек. Такая раздробленность подразделений военной полиции привела Императора Николая I к мысли о скорейшем объединении жандармов под единое начало. Поэтому 25 июня 1826 г. Император подписал указ о назначении генерал-адъютанта, графа Бенкендорфа шефом жандармов — командиром всех жандармских частей Империи. В конце апреля 1827 г. появился указ об организации Корпуса жандармов с правами армии, а Бенкендорф превратился в его командира. Корпус состоял из двадцати шести отделений, расположенных в пяти территориальных округах Империи, и двух дивизионов — Петербургского и Московского, а также многочисленных губернских жандармских команд.

Дубельт был принят в Корпус жандармов в начале 1830 г., он получил назначение в Тверь, поближе к имению. Но перед самым отъездом к месту службы Леонтию Васильевичу предложили временно подменить заболевшего дежурного штаб-офицера Корпуса жандармов. Деловые качества новичка произвели нужное впечатление, и Бенкендорф пожелал оставить его при себе.

Уже в 1835 г. Дубельт получил должность начальника Штаба Корпуса жандармов и чин генерал-майора. На него легла вся нагрузка по реорганизации Корпуса жандармов. Окончательное завершение мер по объединению всех жандармских подразделений под эгидой Корпуса жандармов произошло в 1842 г. Стараниями Императора, его личного друга Бенкендорфа и Дубельта жандармерия в России превратилась в стойкую и жизнеспособную систему.

Под руководством начальника Штаба Корпуса жандармов Дубельта в 1836 г. было разработано Положение, в котором он подробно изложил обязанности, возлагавшиеся на жандармов. Им предписывалось наблюдение за исполнением законов, преследование разбойников, рассеяние «запрещенных скопищ», усмирение бунтов, преследование тайных обществ, конвоирование арестованных, производство обысков и дознаний, приведение в исполнение приговоров и прочее.

В 1836 г. по Корпусу жандармов числились двенадцать генералов, сто семь штаб-офицеров, 246 обер-офицеров, 4314 нижних чинов и 485 нестроевых. Территория России была разбита уже на восемь округов. Летом 1826 г. генерал-адъютант Бенкендорф представил Императору «Проект об устройстве высшей полиции», в котором писал: «Для того чтобы полиция была хороша и обнимала все пункты Империи, необходимо, чтобы она подчинялась системе строгой централизации, чтобы ее боялись и уважали и чтобы уважение это было внушено нравственными качествами ее главного начальника. Он должен бы носить звание министра полиции и инспектора Корпуса жандармов в столице и в провинции. Одно это звание дало бы ему возможность пользоваться мнениями частных людей, которые пожелали бы предупредить правительство о каком-нибудь заговоре или сообщить ему какие-нибудь интересные новости. Злодеи, интриганы и люди недалекие, раскаявшись в своих ошибках или стараясь искупить свою вину доносом, будут по крайней мере знать, куда им обращаться»*.

Император предпочел не возрождать непопулярное Министерство полиции, расформированное в 1819 г., и для создания авторитета новому учреждению политического сыска именным Высочайшим Указом от 3 июля 1826 г. сосредоточил все его службы в III отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии**. Начальником (главноуправляющим) нового учреждения Император Николай I назначил шефа жандармов Бенкендорфа. Первым же пунктом царского указа III отделению предлагалось руководство высшей полицией.

В 1839 г. Дубельт, оставаясь начальником Штаба Корпуса жандармов, получил должность управляющего III отделением. В это же время Бенкендорф был командиром Корпуса жандармов и начальником III отделения. Такое совмещение должностей бесспорно содействовало согласованности в работе двух этих органов, составлявших единый механизм.

В 1844 г. Бенкендорфа сменил граф Алексей Федорович Орлов. В этом же году Дубельт стал генерал-лейтенантом, в 1856 г. — генералом от инфантерии. К концу служебной карьеры он превратился в весьма влиятельного и вполне обеспеченного человека. Его годовой доход превосходил сто тысяч рублей: жалованье — тридцать тысяч, оброк с тысячи двухсот крестьян — двадцать тысяч, акции золотых приисков, дачи под Петербургом, сдаваемые в наем, и другие поступления — более пятидесяти тысяч.

Леонтий Васильевич покинул службу в 1856 г.

После 1828 г. Анна Николаевна Дубельт почти безвыездно жила в своем тверском имении, вела хозяйство, посылала мужу и сыновьям продукты, давала советы в письмах и в феврале 1853 г. тихо скончалась. По содержанию писем можно сделать вывод о том, что Дубельты были очень привязаны друг к другу.

На протяжении многих лет Дубельт вел поденные записи двух видов — заметки и дневники. Заметки писались в 1830—1862 гг. и содержат изложение мыслей автора и некоторых событий, свидетелем которых он был. Многие записи могут быть без труда датированы.

В 1913 г. заметки по авторской рукописи были впервые опубликованы в журнале «Голос Минувшего» (подготовка текста и примечания известного издателя Л. Ф. Пантелеева, предисловие С. П. Мельгунова). В конце заметок напечатаны две датированные дневниковые записи — от 6 августа 1856 г. и января 1862 г. Вероятно, к автографу заметок эта часть дневника была присоединена случайно после смерти Дубельта, возможно, публикаторы имели в своем распоряжении только этот отрывок из дневника.

Местонахождение оригинала заметок неизвестно.

В 1929 г. в издательстве «Красная газета» была подготовлена к печати книга «Дубельт Л. В. Заметки и дневник (1840—1862)», редакция, введение и примечания П. А. Садикова (1891—1942), предисловие С. А. Яковлева. Один экземпляр из заметки был перепечатан и утерян в

1942), предисловие С. Арского. Один экземпляр ее верстки был переплетен и хранился в библиотеке известного революционера и ученого М. А. Сергеева, одного из руководителей издательства «Красная газета» и редактора альманаха «Минувшие дни». После смерти Сергеева в 1965 г. верстка книги Дубельта попала к художнику Я. В. Вербовскому, а в 1968 г. была приобретена Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

Настоящая публикация выполнена по упомянутому корректурному экземпляру, сверенному с авторской рукописью. При подготовке текста сохранены особенности стиля автора, подчеркнутые слова выделяются курсивом.

Подготовка текста дневника и его перевод с французского и немецкого языков, выполненные Садиковым, а также написанные им и Пантелеевым примечания облегчили публикацию этого материала. Перевод подвергся несущественным изменениям.

М. В. БОКАРИУС, Ф. М. ЛУРЬЕ

Бокариус М. В., Лурье Ф. М., Сидорова М. В. Примечания: Заметки и дневники Л. В. Дубельта // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 304—335. — [Т.] VI.

1 Сыновья Л. В. Дубельта: 1) Николай Леонтьевич (1819—1874), генерал-лейтенант, начальник 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, генерал-адъютант; 2) Михаил Леонтьевич (1822—1900), генерал-лейтенант, был женат (затем разведен) на Наталии Александровне Пушкиной, дочери поэта.

2 Ростовцев Яков Иванович (1803—1860), генерал-адъютант. В молодости дружный с декабристами, Ростовцев 12 декабря 1825 г. написал будущему Императору Николаю I письмо с уведомлением о заговоре, не называя, впрочем, никаких имен. Впоследствии стал полным генералом и членом Государственного Совета. Был ближайшим и ревностным участником крестьянской реформы.

3 Бенкендорф, фон, Александр Христофорович (1783—1844), граф (с 1832 г.), генерал-адъютант, шеф Корпуса жандармов. В 1826 г. подал Императору Николаю I проект организации Министерства полиции и Корпуса жандармов. Император сосредоточил политическую полицию в III Отделении С. Е. И. В. Канцелярии, назначив Бенкендорфа его начальником, шефом жандармов и командующим императорской квартирой.

4 Орлов Алексей Федорович (1786—1861), граф, с 1856 г. — князь, внебрачный сын графа Федора Григорьевича Орлова и брат генерала Михаила Орлова. Орлов участвовал в усмирении восстания 14 декабря 1825 г. и после смерти графа Бенкендорфа в 1844 г. был назначен шефом Корпуса жандармов и главноуправляющим III отделением С. Е. И. В. Канцелярии. Был близким и доверенным человеком Императора Николая I, который называл его иногда «брат Алексей». В 1856 г. Орлов — участник Парижского мирного конгресса; по возвращении назначен председателем Государственного Совета и Комитета министров и возведен в княжеское достоинство.

5 Елизавета Алексеевна (1779—1826), супруга Императора Александра I, до замужества — принцесса Баден-Дурлахская Луиза Мария Августа.

6 Констан де Ребекк Бенжамен (1767—1830), французский политический деятель и писатель, конституционалист.

Слова относятся к королю прусскому Фридриху Вильгельму III (1770—1840).

7 Сэ Жан Батист (1767—1832), известный французский ученый-экономист.

8 Фенелон Франсуа де Салиньяк де ля Мот (1651—1715), архиепископ Камбрэ во Франции, известный французский писатель.

9 «L'Hermite de la Chaussée d'Antin» — французское повременное издание (1812—1815), рисующее современные нравы, вроде английского «Спектейтора», издавалось писателем и драматургом Жуй (1764—1846).

10 Сенека — римский философ I века нашей эры, времен римского императора Нерона, учителем которого он был и который приказал его умертвить.

11 Ларошфуко Франсуа, герцог де (1613—1680), французский писатель, участник фронды против Мазарини, за что временно был изгнан из Франции.

12 Монтескье Шарль Луи, барон де (1689—1755), французский мыслитель, публицист.

13 Анна Павловна (1795—1865), дочь Императора Павла I, в замужестве (с 1816 г.) за королем Нидерландов (с 1840 г.) Вильгельмом II (1792—1849).

Вильгельм I, король Нидерландов (1773—1843), отказался от престола в пользу сына в 1840 г.

14 Мария Александровна (1824—1880), урожд. принцесса Гессен-Дармштадтская. Обручение состоялось в 1840 г., брак совершен в 1841 г.

15 Демидов Анатолий Николаевич (1812—1870), князь Сан-Донато. В молодости служил в Министерстве иностранных дел, состоя при русских посольствах в Париже, Риме и Вене, но почти постоянно жил в своей итальянской вилле Сан-Донато (от нее княжеский титул, пожалованный ему Сардинским королем). В 1841 г. женился на племяннице Наполеона I, дочери бывшего короля Вестфалии, принца Жерома Бонапарта Матильде (1820—1904), графине де Монфор. От отца Демидов унаследовал колоссальное богатство (до 2 000 000 руб. дохода ежегодно), основал шелковую фабрику во Флоренции, щедро меценатствовал и жертвовал на благотворительные нужды и ученые цели, снаряжал экспедиции по горному делу.

16 Мария Николаевна (1819—1876), Вел. Кн., дочь Императора Николая I, замужем была: 1) с 1839 г. за герцогом Максимилианом Лейхтенбергским (1817—1852); 2) за графом Григорием Александровичем Строгановым (1824—1879), морганатический брак.

17 Ольга Николаевна (1822—1892), Вел. Кн., дочь Императора Николая I, замужем (с 1846 г.) за Карлом I, королем (с 1864 г.) Вюртембергским (1823—1891).

18 Александра Павловна (1783—1801), Вел. Кн., дочь Императора Павла I, замужем за эрцгерцогом австрийским Иосифом, палатином Венгрии (1776—1847).

19 Александра Николаевна (1825—1844), Вел. Кн., дочь Императора Николая I, замужем за наследным принцем Фридрихом Георгом Гессен-Кассельским. Умерла в Царском Селе.

20 Александра Михайловна (1831—1832), Вел. Кн., дочь Вел. Кн. Михаила Павловича. Александра Максимилиановна (1840—1843), принцесса Лейхтенбергская, дочь Вел. Кн. Марии Николаевны и Максимилиана, герцога Лейхтенбергского.

Мария Павловна (1786—1859), Вел. Кн., дочь Императора Павла I, в замужестве (с 1804 г.) за Карлом Фридрихом, великим герцогом Саксен-Веймарским.

Мария Михайловна (1825—1846), Вел. Кн., дочь Вел. Кн. Михаила Павловича. Мария Максимилиановна (1841—?), дочь Вел. Кн. Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского, в замужестве (с 1863 г.) за Вильгельмом, принцем Баденским (1829—1897).

- 21 Елена Павловна (1806—1873), Вел. Кн. (урожд. Фредерика Шарлотта Мария, принцесса Вюртембергская), супруга Вел. Кн. Михаила Павловича. Во время Крымской войны основала первую в России общину сестер милосердия. При ее содействии основано было Русское музыкальное общество.
- 22 Екатерина Михайловна (1827—1894), Вел. Кн., дочь Вел. Кн. Михаила Павловича.
- 23 Михаил Павлович (1798—1849), Вел. Кн., сын Императора Павла I. Его дети от супружества с Вел. Кн. Еленой Павловной: Мария Михайловна (1825—1846); Елизавета Михайловна (1826—1845), замужем за герцогом Адольфом Нассау (впоследствии великий герцог Люксембургский); Екатерина Михайловна (1827—1894); Александра Михайловна (1831—1832); Анна Михайловна (1834—1836).
- 24 Николай Александрович (1843—1865), Вел. Кн., старший сын Императора Александра II. После его смерти Наследником стал следующий сын — Вел. Кн. Александр Александрович, будущий Император Александр III.
- 25 Адрианопольский трактат 1829 г.
- 26 Клейнмихель Петр Андреевич (1793—1869), граф (с 1839 г.), министр путей сообщения (с 1842 г.). Под его руководством построено было несколько зданий в Петербурге — «Дом трудолюбия», Патриотический институт, Чесменская богадельня, новое здание Эрмитажа, Николаевский мост, отстроен после пожара Зимний дворец.
- 27 Вонлярлярский (Лярский) Александр Александрович (1802—1861), крупный подрядчик по постройке шоссейных и железных дорог.
- 28 В 1847 г. во Франции был сильный кризис вследствие неурожая; для облегчения закупок хлеба в России нашим правительством было приобретено от французского банка на 50 000 000 франков французской ренты.
- 29 Cholera была в 1848 г.
- 30 Это относится к дипломатическому циркуляру Ламартина (министра иностранных дел временного правительства Французской республики) от 2 марта 1848 г.
- 31 Вероятно, Зиновьев Михаил Николаевич, орловский помещик, напечатавший перевод «Осьмой сатиры Буало» (М., 1822).
- 32 Блан Жан Жозеф Луи (1811—1882), французский историк, публицист и общественный деятель, социалист, в 1848 г. — член революционного временного правительства. В мае 1848 г. против него было возбуждено преследование, и в августе он уехал в Лондон, где и пробыл вплоть до падения империи в 1870 г. Фурье Шарль (1772—1837), французский философ и социолог, один из основоположников утопического социализма. Консидеран Виктор (1808—1893), французский философ, друг и последователь Фурье, после которого стал во главе «социстарной школы». Военный инженер по образованию, с 1830 г. отдался пропаганде фурьеризма, основатель нескольких «фаланстер», публицист, политический деятель. После переворота Луи Наполеона в 1851 г. бежал, жил в Бельгии и Америке, с 1869 г. — снова во Франции.
- 33 Канкрин Егор Францевич (1774—1845), граф (с 1829 г.). Гессенец по происхождению, получил степень доктора прав Магдебургского университета, с 1797 г. — в России. С 1821 г. — член Государственного Совета по департаменту государственной экономии. С 1822 г. — министр финансов. Его министерство было направлено к поднятию русских фондов. Открыл много технических учебных заведений, организовывал промышленные общества, издавал сочинения, газеты и журналы, посвященные промышленности. Ему принадлежат проекты планов санкт-

петероургской таможни, оиржи, центральной физической обсерватории, технологического и Лесного институтов, Главного Штаба. В 1844 г. вышел в отставку.

34 Киселев Павел Дмитриевич (1788—1872), граф (с 1839 г.), государственный деятель, крупный администратор. В 1828—1829 гг. выдвинулся как начальник штаба 2-й армии, в сентябре 1829 г. был поставлен во главе управления Дунайскими княжествами (Молдавией и Валахией); с 1838 г. — министр народного просвещения. С 1856 г. — посол в Париже, с 1862 г. — в отставке.

35 Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864), граф (с 1842 г.), председатель Государственного Совета, президент Академии наук. Племянник Г. Р. Державина и родственник В. А. Озерова, был знаком с Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским, К. Н. Батюшковым, член кружка «Арзамас». Был дипломатом, делопроизводителем Следственной комиссии по делу декабристов, служил в ведомстве иностранных исповеданий, был министром юстиции, руководил кодификацией русских законов. В 1857 г. был назначен членом Комитета по крестьянскому делу, где был сторонником полного освобождения крестьян. Участвовал в судебной реформе 1860-х гг.

36 Адлерберг Владимир (Эдуард) Федорович (1791—1884), граф (с 1847 г.). В 1817 г. был назначен адъютантом к Вел. Кн. Николаю Павловичу. Был помощником правителя дел в Следственной комиссии по делу декабристов. В 1842—1857 гг. — главноначальствующий Почтового департамента. В 1852 г. назначен министром Императорского Двора, с 1856 г. также командующий Императорской главной квартирой, состоял членом Главного комитета по крестьянскому делу и комитета по устройству быта государственных крестьян. В 1870 г. был уволен от всех должностей и назначен членом Государственного Совета.

37 Орлова-Чесменская Анна Алексеевна (1785—1848), графиня, единственная дочь знаменитого Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского, камер-фрейлина. Свое состояние, оценивавшееся в одной недвижимости до 45 000 000 рублей, она раздавала на нужды церкви. Завещала большую часть имущества Новгородскому Антоньевскому монастырю.

38 Смотр войск в Сатори, на котором Луи Наполеон впервые появился в генеральской форме, был произведен 10 октября 1850 г. и явился одной из мер подготовки провозглашения империи.

39 Анненков Николай Николаевич (1800—1865), генерал-адъютант, член Государственного Совета. Был адъютантом Вел. Кн. Михаила Павловича, участник русско-турецкой войны (1828—1829), подавления польского восстания. С 1842 г. — директор канцелярии Военного министерства, в 1849 г. был членом Верховного суда над петрашевцами, также членом известного «Бутурлинского комитета», учрежденного в 1848 г. для высшего надзора за цензурой. В 1854—1855 гг. был новороссийским и бессарабским генерал-губернатором. В 1854—1862 гг. — государственный контролер, затем киевский, подольский и волынский генерал-губернатор.

40 Макиавелли Никколо ди Бернардо (1469—1527), флорентийский историк, писатель.

41 Ариане — христианская секта (от правления Ария, 256—336), исповедовавшая неравенство 1-го и 2-го лица христианской Троицы. Учение Ария было объявлено ересью на Никейском Вселенском соборе 325 г. Получило распространение среди готов, в XVI в. — в Польше.

Манихеи — христианская секта (от основателя перса Мани, III в.) с сильным налетом древнеперсидского учения о борьбе двух начал — света и тьмы.

Евтихиане — христианская секта (от архимандрита Евтихия, V в.), учившая о единстве «божеского» и «человеческого» естеств в Иисусе Христе («монофизиты»).

42 Франкфуртский сейм, образованный как всегерманское государственное учреждение после революции 1848 г.

43 В ноябре 1845 г. министр внутренних дел граф Л. А. Перовский представил Императору

Николаю I записку об «Уничтожении крепостного состояния в России» (подготовительные меры — введение инвентарей, право крестьян на движимую и недвижимую собственность, запрещение закладывать крестьян без земли, переводить в дворовые и т. п.). Для обсуждения этой записки был образован особый «секретный» комитет. В 1847 г. вышел закон о праве крестьян выкупаться на свободу при продаже дворянских имений с публичного торга, а в 1848 г. — о недвижимой крестьянской собственности.

44 Дело М. В. Буташевича-Петрашевского, арестованного 23 апреля 1849 г. за организацию общества, направленного к разрушению существующего строя.

45 Поход против восставшей Венгрии в 1849 г.

46 В 1849 г.

47 Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834), граф (с 1799 г.), генерал-адъютант, генерал-аншеф, военный министр.

48 Тариф 1850 г., значительно смягчивший запретительные ставки прежних тарифов.

49 Вел. Кн. Екатерина Михайловна вышла замуж за герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого 4 февраля 1851 г.

50 Александр, принц Гессенский (1823—1888), сын великого герцога Людвига II Гессен-Дармштадтского. Женат (28 октября 1851 г.) на графине Юлии Маврикиевне Гауке (1825—1895), получившей вместе с потомством титул принцессы Баттенберг. Она была дочерью генерала Маврикия Федоровича Гауке, венгерского цыгана родом, сына цирюльника, вступившего в польскую армию и благодаря расположению Вел. Кн. Константина Павловича быстро выдвинувшегося, получившего дворянство (в 1830 г. титул графа); с 1826 г. бывшего военным министром Царства Польского. Граф Гауке погиб во время восстания в ноябре 1830 г.

51 Фридрих Вильгельм III, король прусский (1770—1840), был женат вторым браком на графине Августе Гаррах, княгине Лигниц.

52 Константин Павлович (1779—1831), Вел. Кн., сын Императора Павла I, отказался от престола в пользу брата Вел. Кн. Николая Павловича. Был женат: на Вел. Кн. Анне Федоровне, урожд. принцессе Саксен-Кобургской (1781—1860), брак расторгнут в 1820 г., затем на Иоанне (Жаннетте) Антоновне, княгине Лович, урожд. графине Грудзинской (1795—1831).

53 Калиновская Ольга Иосифовна (?—1899), графиня, замужем за князем Иерением Клеофасом Михайловичем Огинским (1808—1863), тайным советником, гофмейстером. Их дети: Богдан Михаил Иосиф Франц (1848—1911), камер-юнкер; Михаил Николай Северин Марк (1849—?). Калиновская происходила из старинной аристократической польской фамилии; ее отец был кавалерийским генералом, мать из рода графов Потоцких. По воле Императора Николая I Калиновская была выдана замуж за князя Огинского, вдовца, ранее женатого на ее же родной сестре.

54 Чернышев Александр Иванович (1785—1857), светлейший князь (с 1841 г.), генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Участник наполеоновских войн, исполнял дипломатические поручения. С 1812 г. принимал участие в кампании против французов, в 1814 г. был произведен в генерал-лейтенанты. В 1815 г. со своим отрядом действовал против возвратившегося Наполеона, в 1819 г. находился с Императором Александром I на Веронском и Венском конгрессах. В 1826 г. был членом Следственной комиссии по делу декабристов, получил титул графа. В 1827 г. был назначен сенатором, товарищем начальника Главного Штаба и управляющим Военным министерством, в 1828 г. — членом Государственного Совета. С 1832 г. — военный министр, с 1848 г. — председатель Государственного Совета. В 1856 г. вышел в отставку.

55 Контракт с американцем Уайенсом, касающийся ремонта подвижного состава Николаевской железной дороги, был составлен так, что ограждал своими 95 параграфами лишь интересы контрагента, в полный ущерб казне: например, по ремонту вагонов, составлявшему главный расход по контракту, Уайенс получал в 17 раз более, чем этот ремонт обходился в других странах Европы. Подробные расчеты показывают, что за 12 лет ремонта подвижного состава Уайенсом казна заплатила ему до 30 000 000 рублей лишку. Когда впоследствии ведомство путей

сообщения считало необходимым не заключать вновь договора с Уайенсом, он готов был пуститься на какие угодно средства, действовал даже через американское посольство, лишь бы только удержать подряд за собой.

56 Максимилиан Евгений Иосиф Наполеон (1817—1852), герцог Лейхтенбергский, сын Евгения де Богарне, 1-го герцога Лейхтенбергского. Президент Академии художеств, главнoзаведующий Горным институтом, неперемeнный член ученого комитета корпуса горных инженеров; занимался гальванопластикой, учредил Гальванопластический завод, принимал горячее участие в железнодорожном строительстве России. Умер от туберкулеза на о. Мадейра.

57 Людовик Наполеон — Наполеон III, французский Император.

58 Вольтер Франсуа Мари (1694—1778), французский мыслитель.

59 Богарне, де Гортензи (1783—1837), дочь генерала Богарне и Жозефины (впоследствии стала супругой Наполеона I), жена Людовика Бонапарта, короля Нидерландов, брата Наполеона I.

60 Граф А. Ф. Орлов был отправлен в Вену в 1854 г. с предложением Австрии сохранить дружественный нейтралитет или вступить в союз. Император Франц Иосиф выразил желание, чтобы русские войска не переходили через Дунай: австрийское правительство опасалось, что появление русских за Дунаем будет сигналом к восстанию балканских славян и что это восстание может отдать в руки России весь Балканский полуостров.

61 Очевидно, это надо относить к заменившему графа Орлова на посту шефа жандармов князю В. А. Долгорукову.

Долгоруков Василий Андреевич (1803—1868), князь. В 1848—1852 гг. был товарищем военного министра, в 1852—1856 гг. — военный министр. В 1856 г. был назначен шефом жандармов и главноначальствующим над III Отделением; в 1857 г. был членом Комитета по крестьянскому делу. В 1866 г. покинул пост шефа жандармов и начальника III Отделения.

62 Памятник «1000-летие России» был воздвигнут в Новгороде в 1862 г. по проекту скульптора М. О. Микешина.

63 Знакомство Дубельта с Т. Г. Шевченко (1814—1857) произошло, очевидно, во время следствия по делу «Кирилло-Мефодиевского братства», когда все арестованные в 1847 г. члены последнего были привезены в Петербург в III Отделение.

64 Виельгорский Михаил Юрьевич (1788—1856), граф, музыкант, меценат.

65 Жуковский Василий Андреевич (1783 — 1852), русский поэт, скончался в Баден-Бадене, похоронен в Александро-Невской лавре.

66 Потемкина (урожд. Голицына) Татьяна Борисовна (1797—1869), жена действительного тайного советника А. М. Потемкина, статс-дама, устроила на свои средства ряд богаделен и приютов, раздавала деньги на церковные нужды.

67 Выкуп на волю крепостного Шевченко был произведен у помещика Энгельгардта за 2500 рублей в 1838 г. В этом деле участвовали В. А. Жуковский и К. П. Брюллов.

рукописи в 1838 г. В этом деле участвовали В. А. Жуковский и К. П. Брюллов.

68 «Кирилло-Мефодиевское братство» — тайное общество, основанное в Киеве в 1846 г., ставившее целью объединение славян на федеративных началах, причем Россия делилась на 14 областей (штатов), во главе коих должен был стоять общий сейм (славянский собор), с государственным языком великорусским; всем славянам должна быть возвращена самостоятельность и «нравственная свобода, основанная на христианском учении», крестьяне должны быть освобождены. Устав был написан Н. И. Костомаровым. Общество выпустило два воззвания: «Братьям украинцам» и «Братьям великороссиянам и полякам». В 1847 г. члены общества были арестованы и приговорены к заключению в крепости и ссылке.

69 Гулак-Артемовский Николай Иванович (1822—1899), окончил Дерптский университет, деятельный участник «Кирилло-Мефодиевского братства». Арестован в 1847 г., заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, затем приговорен к заключению в Шлиссельбургской крепости на три года. В 1850 г. был отправлен в Пермь, под надзор. В 1855 г. надзор с него был снят. Затем до 1886 г. был учителем на юге России.

70 Кулиш Пантелеймон Александрович (1819—1897), писатель, историк. В 1847 г. арестован по делу «Кирилло-Мефодиевского братства», сослан на три года в Тулу. В конце 1870-х гг. радикально изменил свои взгляды и враждебно относился к своим прежним друзьям, Костомарову и Шевченко. Жена его — Александра Михайловна (урожд. Белозерская) (1828—1911) — украинская писательница.

71 Андрузский Георгий (1827—?), студент Киевского университета, член «Кирилло-Мефодиевского братства», арестован в 1847 г., для окончания курса был отправлен в Казанский университет; в 1848 г. был определен на службу в Петрозаводск, в 1850 г., после обыска, при котором были найдены рукописи «преступного содержания», отправлен в Соловецкий монастырь, откуда освобожден в 1855 г.

72 Костомаров Николай Иванович (1817—1885), историк, один из основателей «Кирилло-Мефодиевского братства»; арестован в 1847 г. в Киеве; был приговорен к одному году заключения в Петропавловской крепости и выслан в Саратов под надзор. Осенью 1855 г. получил разрешение жить в Петербурге.

73 Карлье — бывший сыщик на службе у Гиске, начальника охраны общественной безопасности при короле Людовике Филиппе. В 1849 г. был назначен префектом полиции. В октябре 1851 г. получил отставку.

74 Жеребцов Алексей Михайлович (1797—1851), генерал-майор.

75 Фок, фон Максим Яковлевич (1777—1831), служил директором Особенной канцелярии Министерства внутренних дел, затем, с образованием III Отделения, был переведен туда на должность директора канцелярии.

76 Мопа Шарлемань Эмиль, де (1818—1888), бывший префект департамента Верхней Гаронны, назначен префектом парижской полиции 26 октября 1851 г.

77 Жирандэн Эмиль, де (1806—1881), французский публицист, с 1834 г. — депутат, сторонник правительства, редактор консервативного органа «La Presse». Во время революции 24 февраля 1848 г. ворвался в королевский дворец с готовым актом отречения, который и был подписан Луи Филиппом. Вел кампанию против временного правительства, в июне 1848 г. был арестован Кавеньяком; был республиканским депутатом Национального и Законодательного собраний, с 1852 г. — снова редактор «La Presse», поддерживал империю и Наполеона.

78 Луи Наполеон.

79 Головин Иван Павлович (1816 — после 1882), обучался в Дерптском и Берлинском университетах, служил в Министерстве иностранных дел, в 1843 г. издал за границей книгу «Дух политической экономии» и стал эмигрантом.

Вероятно, издаваемый Головиным журнальчик «Carillon», где им печатались фельетоны под общим заглавием «Les Prussiens, le russiens et les autres chiens a Nice» («Пруссачи, русаки и прочие собаки в Ницце»), имевшие успех сплетни среди проживавших в Ницце русских.

Герцен Александр Иванович (1812—1870), русский писатель, публицист, эмигрант. Весною 1850 г. был выслан из Франции и поселился в Ницце, с осени 1853 г. жил в Лондоне.

80 Гризи Карлотта (1819—1899), танцовщица, выступавшая с большим успехом в Париже и Петербурге (1850—1853).

81 Речь идет, видимо, об упразднении национального чешского правительства после взятия Виндишгрецем восставшей Праги в 1848 г. Ненависть к немецкому господству заставляла чехов отрицательно относиться к объединению Австрии с Германией и стремиться к сохранению Габсбургского господства. Поэтому такие, например, деятели-националисты, как Палацкий, ехать во Франкфурт не желали, считая, что создание новой Германии послужит только к усилению господства немецкого элемента над славянским.

82 В 1850 г. в Ольмюце состоялось свидание австрийских и прусских государственных деятелей, в результате которого Австрия добилась полного удовлетворения своих требований и отказа Пруссии от ведения широкой пангерманской политики.

83 Шварценберг Феликс Людвиг Иосиф Фридрих (1800—1852), князь, австрийский министр-президент.

Грюн Карл (1817—1887), немецкий писатель. В 1842 г. стал издавать первую радикальную газету в Германии — «Мангеймские вечерние ведомости». Изгнанный из Бадена, поселился в Кельне, занимаясь журналистикой, в 1845 г. — в Париже. В 1848 г. вернулся в Германию, был избран депутатом во Франкфуртский парламент, где примкнул к крайне левым; за «моральное» участие в восстании в Пфальце был заключен в тюрьму, затем выслан из Германии. Позже жил в Бельгии, Италии, Вене.

84 Меттерних Клеменс Венцель Непомук Лотар, герцог Портелла (1773—1859), князь, австрийский государственный деятель и дипломат. Во время Венского восстания в марте 1848 г. вынужден был бежать в Англию, где оставался до ноября 1848 г., затем жил в Брюсселе, в 1851 г. вернулся в Вену.

85 Виндишгрец Альфред Кандид Фердинанд (1787—1862), князь, австрийский фельдмаршал. В 1848 г. принимал участие в подавлении революции в Австрии. 11 июля бомбардировал Прагу, где восставшими были убиты его сын и жена. Затем двинулся на Вену, взял ее штурмом и расстрелял ряд деятелей революции.

86 Белая Криница — старообрядческий монастырь в Австрии. В 1830-х годах сектанты поповского толка стремились создать собственную духовную епархию-епископат. В старообрядчество согласился перейти босно-сараевский митр. Амвросий, в 1845 г. избравший местопребывание в Белой Кринице. В 1847 г. по настоянию русского правительства митр. Амвросий был сослан, а монастырь закрыт. Во время революции этот центр старообрядчества возродился, а место Амвросия занял митр. Кирилл.

87 Боде Лев Карлович (1787—1859), барон, обер-гофмейстер. Эмигрант, по происхождению эльзасец, воспитывался в России, был участником наполеоновских войн. В 1816 г. вышел в отставку, в 1831 г. вновь поступил на службу в Министерство Двора. Наблюдал за постройкой (1840-е гг.) Николаевского Кремлевского дворца в Москве.

88 Анзоров Хату, полковник, командир в 1840—1850 гг. лейб-гвардии кавказско-горского полуэскадрона.

89 Шамиль (1796—1871), имам дагестанских горцев, сын аварского узденя Денгау-Магомета.

90 Николаевская дорога — первая большая железная дорога в России. Постройка была начата с двух концов — между Петербургом и Чудовом и между Тверью и Вышним Волочком, за счет казны. Паровое движение было открыто в 1846 г. между Петербургом и Колпином, в 1849 г. — между Петербургом и Чудовом и между Вышним Волочком и Тверью. Официальное открытие состоялось 1 ноября 1851 г.; стоимость дороги ко времени открытия — 64 664 751 руб.

91 Бибиков Илья Гаврилович (1794—1867), генерал-адъютант, генерал от артиллерии, участник войн с Наполеоном, член «Союза благоденствия» в 1821 г., участник русско-турецкой войны 1828—1829 гг., подавления польского восстания 1831 г. В 1850 г. был назначен виленским военным губернатором, с управлением и гражданской частью, а также — гродненским, минским и ковенским генерал-губернатором. 11 декабря 1855 г. получил отставку.

92 Нарышкин Лев Кириллович (1809—1855). По окончании Царскосельского лицея служил в Министерстве иностранных дел, затем перешел в военную службу, участвовал в войне 1828—1829 гг. с Турцией и в подавлении польского мятежа. В 1835 г. — чиновник особых поручений Министерства внутренних дел, затем — государственного контроля; в 1842 г. был назначен исполняющим должность генерал-контролера контрольного департамента гражданских отчетов, затем генерал-контролером.

93 Вронченко Федор Павлович (1780—1852), граф (с 1849 г.), с 1844 г. — министр финансов. Его управление российскими финансами отмечено дефицитами, повысившими государственный долг России на 100 000 000 рублей.

94 Ремезов Сократ Андреевич (1792—1868), в 1849 г. — чиновник при министре финансов, с 1851 г. — управляющий экспедицией заготовления государственных бумаг.

95 Корф Модест Андреевич (1800—1876), барон (с 1872 г. — граф), статс-секретарь, член Государственного Совета. Окончил Царскосельский лицей в 1817 г. С 1849 г. — директор Публичной библиотеки. Под руководством М. М. Сперанского участвовал в составлении свода законов.

96 Греч Николай Иванович (1787—1867), педагог и журналист, издатель журнала «Сын Отечества».

«Северная Пчела» — литературная и политическая газета, до 1831 г. — под ред. Ф. В. Булгарина, в 1831—1860 гг. — под ред. Н. И. Греча и Булгарина.

97 Волконский Петр Михайлович (1778—1852), светлейший князь, министр Императорского Двора, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант Императора Александра I.

98 Штиглиц Александр Людвигович (1814—1884), барон. В 1846—1860 гг. был председателем Петербургского биржевого комитета. В 1860 г. был назначен первым управляющим в преобразованный из коммерческого Государственный банк. В 1866 г. был уволен и жил в Петербурге, жертвуя на благотворительные учреждения, организовал известное «Училище рисования барона Штиглица» с богатым музеем.

99 Эрнст Август, герцог Кемберлендский (1771—1851), первый самостоятельный (вне личной унии с Англией) король Ганновера (1837—1851).

100 Головинский Игнатий (1807—1855), архиепископ Могилевский и римско-католический митрополит в России.

101 Сухозанет Иван Онуфриевич (1785—1861), генерал-адъютант, участник наполеоновских войн, русско-турецкой войны 1828—1829 гг., подавления польского восстания 1831 г., первый директор Военной Академии, член Военного Совета.

102 Сабуров Андрей Иванович (1797—1866), гофмейстер, управляющий гофмейстерской частью Двора Вел. Кн. Константина Николаевича, затем — директор императорских театров. Английский клуб — старейший аристократический клуб в России, основан в 1770 г. (отделения в Петербурге и Москве). Число членов его было строго ограничено — 350 человек.

103 Меншиков Александр Сергеевич (1787—1869), светлейший князь, адмирал, генерал-адъютант, с 1830 г. — финляндский генерал-губернатор, в 1853 г. — чрезвычайный посол в Константинополе, главнокомандующий в Крымскую войну.

104 Бахерахт Роман Иванович — русский генеральный консул в Брюсселе в 1852—1855 гг.

105 Рохов, генерал-лейтенант — прусский посланник в России в 1850-х гг.

106 Николай Николаевич (1831—1891), Вел. Кн., третий сын Императора Николая I.

107 Потемкин Сергей Павлович (1787—1858), граф. Участвовал в войнах с Наполеоном I 1805—1807 гг., в 1809 г. вышел в отставку, жил в своем имении Глухове Курской губ. В 1841 г. переехал в Петербург. Был членом «Беседы любителей славяно-российского слова» адмирала Шишкова, переводчиком и оригинальным автором.

108 Шангарнье Никола Анн Теодюль (1793—1877), французский генерал и политический деятель. В 1848 г. приехал из Алжира в Париж и предложил свои услуги временному правительству. Ему было поручено командование Национальной гвардией.

Ламорисьер Кристоф Луи Леон Жюше, де (1806—1865), французский генерал. В 1846 г. был членом Палаты депутатов, в 1848 г. пытался спасти монархию Луи Филиппа, член Учредительного собрания. Участвовал в подавлении восстания рабочих национальных мастерских в июне 1848 г.

Шарра Жан Батист Адольф (1810—1865), полковник, участник июльской революции 1830 г. В 1848 г. был назначен помощником государственного секретаря и военным министром.

109 Бибилов Дмитрий Гаврилович (1792—1870), генерал-адъютант, министр внутренних дел. В сражении под Бородином потерял руку и перешел на гражданскую службу. Последовательно вице-губернатор — владимирский, саратовский и московский, с 1837 г. — киевский военный губернатор и генерал-губернатор подольский и волынский.

110 Бодэн Жан Батист Альфонс (1811—1851), медик, депутат Национального собрания от Шерского департамента.

111 Ледрю-Роллен Александр Огюст (1807—1874), французский политический деятель демократического направления, редактор в 1840 г. радикальной газеты «La Reforme», член палаты депутатов. В 1848 г. — министр внутренних дел, участник подавления восстания рабочих национальных мастерских. В законодательном собрании — лидер центристской партии монтаньяров. В 1849 г. Ледрю-Роллен бежал в Англию и оставался там до крушения Империи в 1870 г.

112 Тьер Луи Адольф (1797—1877), писатель и французский политический деятель. При Луи Филиппе был министром внутренних дел и премьер-министром. После революции 1848 г. —

член Национального собрания, в партии приверженцев низвергнутого короля и его династии («орлеанисты»). После падения Второй Империи Наполеона III Тьер — деятель Третьей республики, глава версальского правительства, подавившего Парижскую Коммуну 1871 г.

113 Елисейский дворец — резиденция президента Французской республики.

114 Афанасий (в миру — Александр Васильевич Дроздов) (1794—1876). Сын священника. В 1844—1856 гг. епископ саратовский, затем астраханский (с 1858 г. — архиепископ) до 1870 г. Единоверцы — старообрядцы, но «приемлющие священство от православной церкви» и находящиеся с нею в церковном общении.

115 Губернатором в Саратове в 1846—1854 гг. был Кожевников Матвей Львович, действительный статский советник, назначенный из атаманов Уральского казачьего войска.

116 Засс, фон Корнелий Корнельевич (1793—1857), генерал-адъютант.

117 Остен-Сакен, фон, дер, Дмитрий Ерофеевич (1789—1881), барон, затем (1855) граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант.

118 Пальмерстон Генри Джон Темпл (1784—1865), третий виконт, английский государственный деятель, глава вигов (либеральная партия), ярый противник России.

119 Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), граф, светлейший князь (1845), фельдмаршал. Получил образование в Англии, в 1803 г. был командирован в Грузию, где исполнял ряд ответственных дипломатических поручений. Участвовал в наполеоновских войнах (тяжело ранен при Бородине), в Заграничном походе, в течение трех лет возглавлял русский оккупационный корпус. В 1823—1844 гг. — новороссийский и бессарабский генерал-губернатор. В 1844 г. был назначен кавказским наместником. На Кавказе Воронцов провел ряд культурно-административных мероприятий: учреждение русского театра в Тифлисе, газеты «Кавказ», музея, пароходства на Каспийском море, организация учебного округа. В 1854 г. вышел по болезни в отставку, сохранив звание генерал-адъютанта и члена Государственного Совета.

120 Суковкин Акинфий Петрович (1809—1860), тайный советник, окончил курс Благородного пансиона при Александровском лицее, в 1848 г. назначен помощником статс-секретаря, в 1853 г. — управляющим делами Комитета министров.

121 Поливанов Михаил Юрьевич (1801—1880), генерал-лейтенант, участник подавления Польского восстания 1831 г. В 1843 г. был назначен управляющим Московской комиссариатской ко миссией, получил Высочайшую благодарность за порядок. Однако 4 марта 1850 г. ему был объявлен строжайший выговор за недоброкачественность касок, доставленных из Московской в Брест-Литовскую комиссариатскую ко миссию, а 18 марта за беспорядки, допущенные в Московской комиссии, был уволен от должности управляющего и 20 мая предан суду за «неисполнение предписаний начальства, изворотливость в донесениях и злоупотребления по должности». В 1851 г. Поливанов был признан виновным, лишен чинов, орденов, дворянства и разжалован в рядовые. Однако через 6 дней он был прощен, ему были возвращены чины, но от службы был отстранен. Считая себя невиновным, Поливанов пожаловался Императору Николаю I, и тот приказал пересмотреть дело в Генерал-аудиториате. Дополнительные данные позволили дело представить в ином свете: вина Поливанова заключалась в чисто формальных упущениях по службе, а потому в 1854 г. Высочайше было повелено сложить с него казенный начет и считать его не отставленным, а уволенным от службы. В 1855 г., уже при Императоре Александре II, Поливанов получил полное восстановление в правах и продолжал служить по комиссариатской части (интендантству) до выхода в отставку в 1877 г.

122 Вревский Павел Александрович (1808—1855), барон, генерал-майор свиты, директор канцелярии Военного министерства, генерал-адъютант (1854). 4 августа 1855 г. убит в сражении в пеки Ченной в Кным.

123 Ноинский Адам Иванович, тайный советник, генерал-ober-аудитор.

Генерал-аудиториат — высшее военно-судебное учреждение, основанное 24 января 1797 г. при Военной коллегии, затем существовавшее при Военном министерстве.

124 Юсупова (урожд. Нарышкина) Зинаида Ивановна (1809—1893), княгиня, жена князя Бориса

Николаевича Юсупова (1794—1849), во втором браке за Шарлем, графом де Шово, маркизом де Серр.

125 Знаменитый бриллиант «Полярная звезда» перешел к князьям Юсуповым через княгиню Татьяну Васильевну Юсупову (1769—1841), урожд. Энгельгардт, бывшую в первом браке за генералом Михаилом Сергеевичем Потемкиным, родную племянницу светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического. Вторым браком Т. В. Потемкина была за князем Николаем Борисовичем Юсуповым (старшим).

Потемкин Григорий Александрович (1739—1791), светлейший князь Таврический.

126 Рибопьер, де, Александр Иванович (1781—1865), граф, родственник князей Юсуповых.

127 Фердинанд II Карл Бурбон (1810—1859), король Неаполитанский (1830).

128 Тюильри — дворец в Париже, резиденция французских королей и императоров; выстроен по повелению королевы Екатерины Медичи.

129 Мироненко Григорий Иванович, надворный советник, в 1852 г. служил помощником начальника архива департамента военных поселений Военного министерства.

130 Никанор (в миру — Николай Семенович Клементьевский) (1787—1856), митрополит новгородский и Санкт-Петербургский. Сын священника Сергиева Посада, по окончании семинарии — учитель семинарии, в 1812 г. принял монашество. В 1814 г. — бакалавр исторических наук в Московской духовной академии. В 1819 г. архимандрит Никанор был назначен ректором Вифанской семинарии. В 1826 г. — епископ ревельский, викарий Петербургский, в 1831 г. — калужский епископ, затем последовательно минский, варшавский, с 1848 г. — митрополит новгородский. Во время пребывания в Западном крае был деятельным проводником обращения униатов в православие. Церковный писатель («Слова и речи»), почетный член Академии наук, Санкт-Петербургского университета, Медико-хирургической академии.

131 Потомство французского короля Луи Филиппа, герцога Орлеанского (из младшей ветви Бурбонов), умершего в изгнании в 1850 г.

132 Фиален Жан Жильбер Виктор, герцог де Персиньи (1808—1872), один из ближайших друзей Наполеона III, участник переворота 2 декабря 1851 г., министр внутренних дел.

Аббатуччи Жак Пьер Шарль (1792—1857), министр юстиции при Наполеоне III, происходил из корсиканской семьи, давно служившей Франции, племянник республиканского генерала Шарля Аббатуччи, умершего от ран в 1796 г.

Бино Жан Марсиаль (1805—1855), инженер, министр финансов в правительстве Наполеона III (1852).

133 Ланской Петр Петрович (1799—1877), генерал-адъютант (1849).

134 Михаил Николаевич (1832—1911), Вел. Кн., сын Императора Николая I.

135 Философов Алексей Илларионович (1799—1874), генерал-адъютант (1842), генерал от кавалерии, член Комитета о раненых, воспитатель Вел. Кн. Николая и Михаила Николаевичей.

136 Игнатъев Павел Николаевич (1797—1880), граф, генерал-адъютант. 14 декабря 1825 г. одним из первых прибыл со своей ротой Преображенского полка в Зимний дворец для охраны Императора, за что 21 декабря 1825 г. был пожалован во флигель-адъютанты. Участник русско-турецкой войны 1828—1829 гг., директор Пажеского корпуса. С 1854 г. — санкт-петербургский военный генерал-губернатор. С 1864 г. — председатель комиссии прошений, на Высочайшее Имя приносимых, с 1872 г. — председатель Комитета министров. Почетный член Академии наук (1856), Московского университета (1855), Медико-хирургической академии (1850).

137 Вероятно — Трубецкая Екатерина Никитична (1831—?), княжна, фрейлина Императрицы Александры Федоровны; в апреле 1855 г. вышла замуж за князя Павла Васильевича Голицына.

Барятинская Елизавета Александровна (1826—?) (урожд. графиня Чернышева). С 1840 г. замужем за князем Владимиром Ивановичем Барятинским (1817—1875), генерал-лейтенантом, генерал-адъютантом.

Возможно, Амосова Надежда Николаевна (1833—1903) или Амосова Анастасия Николаевна (1834—1882), обе воспитанницы театрального училища и дочери известной балерины Варвары Ивановны Амосовой.

Пиллар фон Пильхау Анна Карловна (1832—1885), баронесса, фрейлина.

Возможно, Адлерберг (урожд. Полтавцева) Екатерина Николаевна, статс-дама, жена графа Александра Владимировича Адлерберга или Адлерберг (урожд. фон Лерхенфельд) Амалия Максимилиановна (в первом браке баронесса фон Крюденер), жена графа Николая Владимировича Адлерберга.

Радина Любовь Петровна (1838—1917), известная танцовщица, состояла в труппе императорских театров до 1885 г. Имела успех в характерных танцах, мимических ролях.

138 Безобразов Григорий Александрович (1830—?), прапорщик лейб-гвардии Преображенского полка, вынужден был подать в отставку.

139 Гурко Владимир Иосифович (1795—1852), генерал от инфантерии, участник наполеоновских и кавказских войн, отличился при взятии Эривани и штурме Варшавы во время подавления польского восстания 1831 г. Отец известного генерал-фельдмаршала И. В. Гурко (1828—1901).

140 Перекрестов Павел Алексеевич, в 1852 г. — прапорщик лейб-гвардии Измайловского полка.

141 Никитин Василий Павлович (ум. 1889?), полковник лейб-гвардии Гусарского полка.

Юрьев Василий Гаврилович, в 1852 г. — капитан лейб-гвардии гарнизонного батальона.

Лопатский Раймонд Феликсович, коллежский асессор, чиновник государственного контроля (младший контролер VI-го отделения контрольного департамента гражданских отчетов).

Любомирский Марцелий Иосифович (1810—1866), князь.

142 Витовтов Павел Александрович (1797—1876), начальник штаба гвардейского корпуса, назначен генерал-адъютантом в 1849 г., затем состоял по инженерному корпусу, инженер-генерал.

143 Иосифович Павел Павлович (1820—1904) — Иосифович

143 Изабелла II Мария Луиза (1830—1904), королева Испании, наследовавшая отцу, королю Фердинанду VII Бурбону, трехлетним ребенком. Против нее, считая себя «законным» королем (по салическому закону, исключавшему женщин из престолонаследия), восстал ее дядя, брат Фердинанда, дон Карлос (Карл VI), поддерживаемый частью испанцев. В 1868 г. Изабелла была свергнута с престола революционерами, бежала во Францию и отказалась от трона.

144 «Линейными казаками» назывались в 1832—1860 гг. казачьи полки, несшие службу по кавказской линии (впоследствии Кубанское и Терское казачьи войска).

145 Кушелев-Безбородко Александр Григорьевич (1800—1855), граф, государственный контролер, сенатор, почетный опекун.

146 Мила — актриса французской труппы в Михайловском театре в Петербурге.

147 Геруа Александр Клавдиевич (1785—1852), генерал-адъютант, в 1826 г. — командир лейб-гвардии саперного батальона и генерал-майор; в 1852 г. — член Военного Совета и комитета, Высочайше утвержденного 18 августа 1814 г., инженер-генерал.

148 Тамбурины Антонио (1800—1876), знаменитый певец. 9-ти лет Тамбурины уже играл хорошо на валторне, затем у него образовался прекрасный баритон. Сперва он пел в церквях и концертах, на 18-м году вступил в Болонье на сцену и с тех пор приобрел европейскую славу. Играл в Вене, Лондоне, Париже и Петербурге.

149 Горчаков Михаил Дмитриевич (1791—1861), князь, генерал-адъютант, генерал от артиллерии.

150 Паскевич Иван Федорович (1782—1856), граф Эриванский, светлейший князь Варшавский. С 1832 г. по 1856 г. наместник Царства Польского. В 1854 г. был назначен главнокомандующим войсками на западной и южной границах, действовал на Дунае против турок; был контужен ядром, сдал командование князю М. Д. Горчакову и к армии уже не возвращался, оставаясь наместником Царства Польского.

151 Ржевуский Адам Адамович (1801—1888), граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Александровского комитета о раненых. Окончив курс в Венской инженерной академии, в 1821 г. вступил на русскую службу в уланский Украинский полк, участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. Принимал участие в подавлении польского восстания 1830—1831 гг. В 1835 г. командовал Малороссийским кирасирским полком и попал под следствие и суд за то, что солдаты его полка при проходе через город Дубно бесчинствовали и грабили жителей. Ржевуский отделался только 3-дневным домашним арестом. Во время Восточной войны 1853—1856 гг., когда союзная эскадра появилась в виду Кронштадта, Петербург был разделен на участки с военными губернаторами во главе и Ржевуский начальствовал над 4-й Адмиралтейской и Нарвской частями. Затем был назначен в Крым начальником Евпаторийского отряда, с которым и участвовал в нескольких сражениях. В 1862 г. был временно командующим Киевским военным округом.

Его жена — Александра Петровна, урожд. светлейшая княжна Лопухина (ум. 1852), в первом браке была за генералом А. А. Жеребцовым.

152 Георгий Максимилианович (1852—1912), герцог Лейхтенбергский, князь Романовский, сын Максимилиана де Богарне, герцога Лейхтенбергского и Вел. Кн. Марии Николаевны.

153 Туркул Игнатий Лаврентьевич (ум. 1856), министр-статс-секретарь Царства Польского, член Государственного Совета, тайный советник, сенатор, камергер, член комитета министров.

154 Зедделер Людвиг (Логгин) Иванович (1791—1852), барон, генерал-лейтенант, первый вице-президент Военной академии, редактор-издатель «Военно-энциклопедического лексикона», инспектор батальонов и полубатальонов военных кантонистов. состоящий при департаменте

военных поселений военного министерства. Издал 14 томов «Военно-энциклопедического лексикона», получив за него полную академическую «Демидовскую» премию.

155 Гамалея Николай Михайлович (1795—1859). По окончании Московского университета в 1810 г. поступил на службу в департамент уделов, в 1812 г. поступил в ополчение, проделав кампанию 1812—1814 гг., был ранен и произведен в поручики. В гвардии служил до 1830 г., затем вышел в отставку с чином действительного статского советника и был назначен витебским

гражданским губернатором. В 1831 г. был причислен к Министерству внутренних дел и командирован в Министерство финансов, в 1832 г. назначен тамбовским губернатором, в 1837 г. — директором 1-го департамента государственных имуществ. В 1840 г. — тайный советник, товарищ министра государственных имуществ, сенатор с присутствием в общем собрании Сената, в 4, 5 и межевом департаментах, в общем собрании первых 3-х департаментов и во временном общем собрании. В 1856 г. был уволен от должности товарища министра с оставлением в звании сенатора.

156 Константин Николаевич (1827—1892), Вел. Кн., сын Императора Николая I, генерал-адмирал, деятель крестьянской реформы 1861 г., наместник Царства Польского (1862—1863).

157 Воронцова-Дашкова (урожд. Нарышкина) Александра Кирилловна (1817—1856), замужем за графом Иваном Илларионовичем Воронцовым-Дашковым (1790—1854).

158 Возможно, Столыпин Алексей Аркадьевич (1816—1858), лейб-гусар, друг М. Ю. Лермонтова или Столыпин Алексей Афанасьевич (1832—?).

159 Набоков Иван Александрович (1787—1852), генерал от инфантерии.

160 Заика Никита Ефимович (1803—1860), тайный советник, директор канцелярии главноуправляющего путей сообщения и публичных зданий.

161 Известный в то время фокусник.

162 Голицын Андрей Михайлович (1792—1863), князь. В 1823 г. — флигель-адъютант, в 1826 г. — обер-квартирмейстер Гвардейского корпуса, в 1829 г. — генерал от инфантерии, тульский военный губернатор (1840—1846), генерал-губернатор витебский, могилевский и смоленский (1846—1853), сенатор (1853).

163 Протасов Николай Александрович (1798—1855), граф (1801), генерал-адъютант, товарищ министра народного просвещения, затем обер-прокурор Святейшего Синода.

164 Возможно, Корф Юлий Федорович, барон, действительный статский советник и председатель Санкт-Петербургского коммерческого суда.

165 Перовский Лев Алексеевич, граф, министр внутренних дел до 30 августа 1852 г., когда был заменен генералом Бибиковым.

166 Огарев Николай Александрович (1811—1867), генерал-адъютант. Участвовал в подавлении польского восстания 1831 г., с 1838 г. — адъютант Вел. Кн. Михаила Павловича.

Его мать — Огарева Варвара Андреевна (урожд. Клейнмихель), родная сестра графа П. А. Клейнмихеля.

167 «Президент желает Империи, а Франция — смеется» (или — «желает Генриха») — игра слов.

Генрих Карл Фердинанд Мари Дьедоннэ д'Артуа (1820—1883), герцог Бордосский, граф де

Шамбор, внук короля Франции Карла X и сын убитого в 1820 г. герцога Беррийского. Легитимисты называли его королем Генрихом V.

168 Уваров Алексей Сергеевич (1828—1884), граф, известный ученый-археолог. Окончил Санкт-Петербургский университет, слушал лекции в Берлине и Гейдельберге. Был первым председателем Московского археологического общества, инициатором археологических съездов, устройтелем Московского исторического музея, где хранятся его коллекции предметов древности и перевезенное после революции из его имения богатейшее собрание рукописей.

169 Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—1642), князь, воевода нижегородского ополчения 1611—1613 гг. Происходил из рода стародубских князей, вотчины которых находились недалеко от города Суздаля. Усыпальница князей Пожарских — в Спасо-Ефимьевском суздальском монастыре. 170 Иустин (в миру — Яков Евдокимович Михайлов) (ум. 1879), сын сельского дьякона. Окончил курс Киевской духовной академии со званием бакалавра, 1828 г. — ректор Киевской семинарии, 1834 г. — черниговской, с 1841 г. — епископ винницкий, с 1850 г. — владимирский. 171 Арсеньев Константин Иванович (1789—1865), тайный советник, академик, статистик, историк и географ. 172 Муравьев Петр Матвеевич (1805—1857), служил на флоте, затем вице-губернатор Владимирской губернии, председатель Нижегородской казенной палаты. 173 Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк, писатель, профессор Московского университета, академик. 174 Толстой Дмитрий Николаевич (1806—1884), граф, тайный советник, археолог. 314 175 Моден, де (урожд. Салтыкова) Елизавета Николаевна (1773—1852), графиня, жена французского эмигранта (затем на русской службе — обер-егермейстера) Гавриила Карловича де Реймонд, графа де Моден. Кавалерственная дама — дама, получившая орден Святой Екатерины, каковой давался только лицам женского пола из числа Императорской фамилии или особо приближенным ко Двору. Дочь графини Моден, графиня Мария Гавриловна, была замужем за генерал-майором Генерального Штаба Иосифом Францевичем Дайнезе (так у князя А. Б. Лобанова-Ростовского — «Русская родословная книга», СПб., 1895. Т. I. С. 395). 176 Панин Виктор Никитич (1801—1874), граф, министр юстиции, член Государственного Совета, с 1860 г. после смерти Я. И. Ростовцева председатель редакционной комиссии при Главном комитете по крестьянскому делу. Голицын Александр Федорович (1795—1864), князь, статс-секретарь (1838), член Государственного Совета (1852), камергер. Герстфельд Эдуард Иванович (1798—1878), инженер-генерал, сенатор, член Государственного Совета. 177 Кастельбажак Арман, де (1787—1864), маркиз, начал карьеру блестящим образом, совершив во времена Первой империи все кампании, служа в легкой кавалерии; королем Карлом X был назначен командиром гвардейского драгунского полка. Выйдя в отставку в 1830 г., вновь поступил на службу в 1837 г., был последовательно генерал-инспектором кавалерии и командующим II дивизией в Бордо. Смещенный в 1848 г. временным правительством, удалился в свое имение, где и получил в 1849 г. указ принца-президента Луи Бонапарта о назначении его послом в Россию. Был сторонником сближения Франции и России. 178 Георг, герцог Мекленбург-Стрелицкий (1824—1876), муж (1851) Вел. Кн. Екатерины Михайловны, генерал-адъютант, инспектор стрелковых батальонов (на русской службе). 179 Закревский Арсений Андреевич (1783—1865), граф (1830), министр внутренних дел (1828), 1848—1859 гг. — московский военный генерал-губернатор. 180 Шереметев Василий Александрович (1795—1862), камергер, тайный советник, член комиссии по принятию прошений, почетный опекун, управляющий экспедицией ссудной казны. 181 Юсупов Николай Борисович (1831—1891), князь, почетный опекун, гофмейстер, последний мужской представитель рода князей Юсуповых. Родство князей Юсуповых с графами Рибопьер следующее: у княгини Татьяны Васильевны Юсуповой, рожденной Энгельгардт, была от первого брака дочь Екатерина Михайловна Потемкина, замужем за графом Александром Ивановичем Рибопьером, а от второго брака был сын, князь Борис Николаевич Юсупов. Сын последнего — князь Николай Борисович Юсупов — женился против воли матери на своей двоюродной сестре, Татьяне Александровне Рибопьер, дочери А. И. Рибопьера и Е. М. Рибопьер. Брак этот по канонам православной церкви — в запрещенной степени родства. 182 Гилленшмидт Яков Яковлевич (1782—1852), генерал от артиллерии, инспектор всей артиллерии. 183 Ольденбургский Петр (Константин Фридрих) Георгиевич (1812—1881), принц, сын Вел. Кн. Екатерины Павловны и принца Петра Фридриха Георга Ольденбургского, генерал от инфантерии, член Государственного Совета, главноуправляющий IV отделением собственной Его

инфантерии, член Государственного Совета, главноуправляющий IV отделением собственной Его Величества канцелярии, почетный опекун, главный начальник женских учебных заведений ведомства Императрицы Марии, попечитель Училища правоведения, Александровского лицея, 184 Тенгоборский Людвиг Валерьянович (1793—1857), член Государственного Совета, действительный тайный советник, выдающийся экономист и статистик. 185 Возможно, Виельгорский Мих. Ю. 186 Игнатьев Гавриил Александрович (1768—1852), генерал от артиллерии, по образованию артиллерист и инженер, службу начал при работах на Северо-Екатерининском канале, участник Итальянского похода Суворова, войн 1805 и 1807 гг. В 1810 г.

— начальник работ по укреплению Бобруйска. В 1815 г. — минский военный губернатор, 1816—1826 гг. — начальник артиллерии 2-го, а затем 6-го корпуса, с 1826-го по 1833 г. — начальник артиллерийского департамента Военного министерства. В 1833 г. переведен по прошению на более покойную должность — члена генерал-аудиториата, где и служил до самой смерти. 187 Преображенский полк 14 декабря 1825 г. сохранил верность Императору Николаю I. 188 Шарлемань — Карл Великий (742—814), король франков, с 800 г. — император Западной Римской империи. 189 Фарнаваз (1777—1852), царевич грузинский, сын царя Ираклия II, брат последнего грузинского царя Георгия XIII. 190 Шереметев Дмитрий Николаевич (1803—1871), граф, гофмейстер, сын Прасковьи Ивановны (урожд. Шепелевой), крепостной актрисы, и графа Николая Петровича Шереметева. Был женат на Анне Сергеевне Шереметевой (не графине), своей дальней родственнице, умершей в 1849 г. В 1857 г. Шереметев женился вторично на Александре Григорьевне Мельниковой. Владея огромными богатствами (около 150 000 душ крепостных крестьян и несколько сотен тысяч десятин земли), Д. Н. Шереметев тратил очень много на благотворительность и, в особенности, на московский Странноприимный дом. 191 Шереметева Варвара Сергеевна, попечительница тверского отделения попечительства о бедных. 192 Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862), граф, канцлер Российской Империи, министр 315 иностранных дел, ближайший сотрудник Императора Николая I. Гурьев Александр Дмитриевич (1784—1865), граф, действительный тайный советник, сенатор, председатель департамента государственной экономии Государственного Совета, член Комитета министров. Брок Петр Федорович (1805—1875), министр финансов (1852—1858). Вследствие трудности финансового положения (Крымская кампания, недостатки государственных кредитных учреждений) и отсутствия определенного плана управление Брока русскими финансами было неудачно, привело к выкупу государственных кредитных билетов на 400 с лишком миллионов рублей и к расстройству денежного обращения. Кокошкин Сергей Александрович (1785—1861), генерал-адъютант, петербургский обер-полицеймейстер, затем — генерал от инфантерии, сенатор. 193 Павел Фридрих Август, принц Вюртембергский (1785—1852). 194 Демидов Павел Павлович (1839—1885), князь Сан-Донато. 195 Вяземский Павел Петрович (1820—1888), князь, историк, сын П. А. Вяземского, был младшим секретарем посольства в Гааге в 1852 г. Его жена — Мария Аркадьевна (урожд. Столыпина), в первом браке Бек. 196 Мишле Жюль (1798—1874), известный профессор истории в College de France, после революции 1830 г. — смотритель королевских архивов. Мишле вместе с Кине принял горячее участие в борьбе с иезуитами; после революции 1848 г. курсы Мишле были запрещены. В 1850 г. его лишили всех мест, жил в Бретани. Кине Эдгар (1803—1875), французский поэт, философ и историк. В 1848 г. был профессором College de France, член Учредительного собрания. Мицкевич Адам (1798—1855). Знаменитый польский национальный поэт, с 1840 г. — профессор славянской литературы в College de France. Умер в Константинополе. 197 Апраксин Степан Федорович (1792—1862), граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, участник войн с Наполеоном I, подавления польского восстания 1831 г., командир гвардейской кирасирской дивизии, председатель комитета о раненых. 198 Ливен (урожд. Бенкендорф) Дарья Христофоровна (1785—1857), княгиня. С 1835 г. жила за границей, главным образом в Париже. Была близким другом Меттерниха, затем Гизо. Бенкендорф (урожд. Донец-Захаржевская) Елизавета Андреевна (ум. 1857), графиня. В первом браке за генерал-майором П. Г. Бибиковым, во втором браке за графом А. Х. Бенкендорфом. 199 Моле Луи Матье (1781—1855), граф, французский политический деятель. 23 февраля 1848 г. король Луи Филипп поручил ему составить новый кабинет, но стать министром Моле не удалось, так как разразилась революция. Ноайль Поль (1802—1885), герцог, де, французский историк и член Парижской академии наук, один из виднейших легитимистов и соратников графа де Шамбора (Генриха V). 200 Киселев Николай Павлович (1800—1860)

советников графа де шамбора (1819—1871). 200 Киселев Николай Дмитриевич (1800—1867), русский дипломат. В 1840 г. был переведен из Лондона в Париж советником посольства, в 1841—1851 гг. исполнял должность поверенного в делах, в 1851 г. был назначен «находиться по особым поручениям при французском правительстве и управлять русским посольством в Париже». В этой роли он оставался до Крымской войны, сменив свой неопределенный титул на звание посла в 1853 г. 201 Лавров 1-й Евграф Михайлович, в 1852 г. поручик лейб-гвардии Уланского полка. 202 Менсдорф-Поульи Александр, фон (1813—1871), граф, австрийский генерал и государственный деятель. В 1850—1852 гг. вместе с прусским и голштинским комиссарами управлял Голштинией, в 1853 г. — чрезвычайный посол в России, в 1864 г. — министр Двора и иностранных дел в Австрии; политика его привела к войне с Пруссией 1856 г. По заключении мира вышел в отставку, в 1870 г. был назначен наместником Богемии. 203 Мандернштерн Карл Егорович, генерал от инфантерии, комендант Санкт-Петербургской крепости, член Военного Совета, директор Чесменской военной богадельни. 204 Лутковский Феопемт Степанович (1803—1852), контр-адмирал. В 1817 г. совершил кругосветное путешествие под начальством капитана Головнина, посетив, между прочим, остров Св. Елены, где был тогда заключен Наполеон I. В 1821—1824 гг. — вторичное кругосветное путешествие, затем плавал в Балтийском и Черном морях, участвовал в войне России с Турцией 1828—1829 гг. (под крепостью Анапой). С 1833 г. перешел на Балтийский флот и назначен состоять при генерал-адмирале Вел. Кн. Константине Николаевиче, с которым в качестве начальника штаба плавающего с ним отряда и совершал плавания ежегодно. 205 Шамшев Василий Иванович, генерал-майор, служил в лейб-гвардии Сводно-казачьем полку в 1852—1854 гг. 206 Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883), был арестован за свою статью о смерти Гоголя, напечатанную в «Московских ведомостях» в марте 1852 г. 207 Тришатный Александр Львович (1782—1852), генерал-лейтенант, командир Отдельного корпуса пограничной стражи. В 1847 г. он обвинялся «в допущении разных непростительных беспорядков и, вместе, в действиях, дававших повод подозревать в лихоимстве». Вследствие этого Тришатный и подчиненный ему генерал Добрынин «удалены от должности, с преданием военному суду, с содержанием в продолжение дела в крепости и с секвестрованием их имущества» (Корф М. А. Записки // Русская Старина. 1900. Февраль. С. 343.) Обвиняемые были приговорены к лишению чинов, орденов и дворянства и к разжалованию в рядовые. Император Николай I, однако, смягчил 316 решение очень сильно: не лишил Тришатного дворянства и приказал «за раны» производить ему инвалидный оклад пенсии по прежнему чину, с разрешением жить, где пожелает. 208 «Орлы» — значки, украсившие при Наполеоне I по древнеримскому образцу полковые знамена, при Наполеоне III вновь были восстановлены. 209 Хаджи-Мурат (ум. 1852), сподвижник имама Шамиля в его многолетней борьбе с Россией. В 1851 г. после двух неудачных стычек с русскими бежал от гнева Шамиля в отряд полковника князя С. М. Воронцова, был отправлен им в Тифлис. Весною 1852 г. при попытке побега был убит. 210 Сагтынский Адам Александрович, тайный советник, чиновник особых поручений III отделения собственной Его Величества канцелярии, почетный член Демидовского дома трудящихся, «правая» рука Л. В. Дубельта. 211 Александра Иосифовна (урожд. принцесса Саксен-Альтенбургская) (1830—1912), Вел. Кн., супруга Вел. Кн. Константина Николаевича. 212 Волконская Софья Григорьевна (1786—1868), светлейшая княгиня, дочь князя Григория Семеновича Волконского и сестра декабриста князя Сергея Григорьевича, вышла замуж за своего дальнего родственника, князя Петра Михайловича Волконского. 213 Нессельроде Дмитрий Карлович (1816—?), граф, единственный сын канцлера К. В. Нессельроде. От брака с графиней Лидией Арсеньевной Закревской имел сына Анатолия Дмитриевича (1850—?). Борх Александр Михайлович (?—1867), граф, первый обер-церемониймейстер, управляющий экспедицией церемониальных дел, почетный опекун. 214 Сансуси — дворец прусских королей, вблизи Берлина, построенный Фридрихом Великим. 215 Александра Федоровна (урожд. принцесса прусская Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина) (1798—1860), супруга Императора Николая I с 1817 г. После смерти Императрицы Марии Федоровны (1828) к ней перешло заведование учебными и благотворительными учреждениями «Ведомства Императрицы Марии». 216 Бьернеборг — город в инляндии, торговый порт в Ботническом заливе. 217 Бобринский Александр Алексеевич (1823—1903), граф, с 1850-го по 1853 г. — чиновник особых поручений при министре внутренних дел, впоследствии обер-

гофмаршал, был женат на графине Софье Андреевне шувалов (1830). Сын их, на крестинах которого был Император Николай I, — граф Алексей Александрович (1852—1927), впоследствии член Государственной Думы и Государственного Совета, вице-президент Академии наук, председатель Археологической комиссии, министр земледелия, писатель-археолог. 218 Берг Федор Федорович (1793—1874), граф (1853), генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал. 219 Штрэндман Карл Густавович (1786—1855), генерал от кавалерии, командир гвардейского резервного корпуса. 220 Фридрих Вильгельм IV (1795—1861), король прусский, брат супруги Николая I Императрицы Александры Федоровны. 221 Фридрих Вильгельм (1831—1888), принц прусский, будущий император германский Фридрих III, сын Вильгельма I, императора германского и короля прусского, племянник Фридриха Вильгельма IV, короля прусского, и Императрицы Александры Федоровны. 222 Суворов Александр Аркадьевич (1804—1882), граф Рымникский, светлейший князь Италийский, генерал-адъютант, генерал-инспектор пехоты, член Государственного Совета. С 1848 г. — генерал-губернатор Прибалтийских губерний и военный губернатор Риги; здесь зарекомендовал себя сторонником сохранения привилегий Остзейского края и покровительствовал немецкой части населения, будучи противником усиленного обращения латышей и эстов в православие. 223 Бреверн Христофор Иванович (1782—?), тайный советник, курляндский губернатор (1827—1853). 224 Браницкие, графы: Владислав Григорий (1782—1843), его жена Роза, урожд. графиня Потоцкая (1780—1862); их дети: Ксаверий (1815—1879), видный представитель радикального крыла польской эмиграции в Париже, во время Крымской войны пытался организовать польский легион для борьбы с Россией; Александр (ум. 1884); Константин Григорий (1824—1884); Владислав Михаил, камер-юнкер, служил по выборам дворянства в России, в 1884 г. умер в Париже; Елизавета (ум. 1876), в первом браке за графом Сигизмундом Красинским, во втором — за графом Людвигом Красинским; Софья (1821—?), замужем за князем Одескальки; Екатерина — замужем за графом Адамом Потоцким. 225 Лихардов Сергей Михайлович, генерал-лейтенант, управляющий петергофским дворцовым правлением и петергофскими фонтанами, числящийся по 1-му округу главного управления путей сообщения и публичных зданий. 226 Назимов Василий Иванович (1822—1885), служил в лейб-гвардии Преображенском полку, откуда уволен в отставку генерал-майором. 227 Гербель Карл Густавович (1788—1852), участник войн с Наполеоном I (ранен под Прейсиш-Эйлау), в 1823 г. — начальник гвардейской артиллерии, в 1828 г. — участник русско-турецкой войны, в 1831 г. при усмирении польского восстания за битву при Остроленке получил Георгия 3-й степени, в 1849 г. участвовал в венгерской кампании, генерал-адъютант. 228 Альберт (1828—1902), принц Саксонский, впоследствии Альберт I, король Саксонский. 229 Павел Фридрих Август (1785—1852), принц Вюртембергский, сын короля Вюртембергского Фридриха I Карла, племянник Императрицы Марии Федоровны и двоюродный брат Императора Николая I. 317 230 Бобринский Павел Павлович (1829—1860), граф, служил по департаменту Министерства юстиции, умер в Швейцарии, в Интерлакене, похоронен в Париже. Женат был на Людмиле Степановне (урожд. Колпашниковой). 231 Бобринский Алексей Алексеевич (1800—1868), граф (1817), на службе в свите Его Величества по квартирмейстерской части и в лейб-гвардии Гусарском полку; в Кавалергардском с 17 апреля 1824 г.; уволен из военной службы с пожалованием камер-юнкером и причислением к департаменту уделов — в 1827 г. С 1833 г. служил по Министерству финансов, член мануфактурного совета — с 1835 г. С 1846 г. — шталмейстер. Член многих ученых обществ и учреждений. 232 Ливен Вильгельм Карлович (1800—1880), барон, генерал-адъютант. Участвовал с полковником Ф. Ф. Бергом в экспедиции по Аральскому морю (1823), в русско-турецкой войне (1828—1829), усмирении польского восстания (1831). В 1833 г. был отправлен в Константинополь с особым поручением Императора Николая I по поводу конфликта между Турцией и Египтом, а затем командирован в Малую Азию «для наблюдения за отступательным движением египетских войск, бывших под начальством Ибрагим-паши». В 1855 г. — генерал-квартирмейстер Главного Штаба. В 1861 г. в чине генерала от инфантерии назначен рижским, лифляндским, эстляндским и курляндским генерал-губернатором, в 1863 г. — членом Государственного Совета, в 1871 г. — обер-егермейстером. Бетанкур Альфонс Августович, генерал-майор Свиты, служил в Кавалергардском полку, член комитета Государственного Совета, с 1855 г. — генерал-адъютант. 233 Дети Наследника Цесаревича и Вел. Кн. Александра Николаевича: Вел. Кн. Николай Александрович (р. 1843), Вел. Кн. Александр Александрович (р. 1845), Вел. Кн. Павел Александрович (р. 1847), Вел. Кн.

Вел. кн. Александр Александрович (р. 1845), Вел. кн. Владимир Александрович (р. 1847), Вел. кн. Алексей Александрович (р. 1850). 234 Ваза — губернский город в Финляндии, основан в 1623 г. на берегу обширной, но мелководной бухты Ботнического залива; благодаря поднятию почвы очутился в 5 километрах от моря. В 1852 г. пожар уничтожил старый город, и он был перенесен на настоящее место, тогда же официально переименован в Николайштадт. 235 Фредерикс Николай Петрович (1819—1883), барон, капитан-лейтенант, флигель-адъютант (1846), в 1853 г. был назначен для наблюдения за приемом рекрутов, в 1856 г. уволен от службы. 236 Басаргин Григорий Гаврилович (ум. 1853), вице-адмирал, астраханский военный губернатор,

картограф, участвовал при осаде Флиссингена в 1814 г., в 1823—1825 гг. произвел береговую съемку Каспийского моря, на основании которой изданы были гидрографическим департаментом карта от Ленкорани до устьев Куры и «Атлас волжских дельт и части западного берега Каспийского моря». 237 Везелев Михаил Михайлович, надворный советник. 238 Волконский Дмитрий Петрович (1805—1859), светлейший князь, старший сын князя П. М. Волконского, гофмейстер. В 1852 г. — вице-президент кабинета Его Величества, член комиссии о возведении Нового Эрмитажа и попечительского совета заведений общего призрения в Петербурге, старший по I отделению Санкт-Петербургской городской думы от владельцев из потомственных дворян. 239 Козлов Никита Кириллович, полковник, полицеймейстер города Севастополя. 240 Виллие Яков Васильевич (1795—1850), действительный статский советник, почетный лейб-медик, 33 года находился на военно-медицинской службе в России, из них 24 года состоял медиком Вел. Кн. Михаила Павловича, главный инспектор медицинской части по армии. Дивизионный доктор военно-учебных заведений. 241 Виллие Яков Васильевич (1765—1854), баронет, в России с 1790 г., действительный тайный советник, известный врач, лейб-хирург, в 1809—1838 гг. президент медико-хирургической академии. На завещанный им капитал при академии устроена «Клиника Виллие». 242 Гербель 2-й Сергей Карлович (1821—1854), ротмистр лейб-гвардии Уланского полка, умер от ран в Севастополе 12 ноября 1854 г. (ранен 25 октября). Поливанов Александр Иванович (1820—1884), ротмистр лейб-гвардии Уланского полка. За дуэль с Гербелем был разжалован в рядовые в Куринский пехотный полк. В 1854 г. произведен в прапорщики, затем в том же году ему был возвращен чин ротмистра, и он снова был переведен в Уланский полк. В 1858 г. уволен от службы. С 1865-го по 1869 г. был богородским уездным предводителем дворянства и председателем уездной земской управы. В 1877—1878 гг., во время русско-турецкой войны, вновь вступил в службу. В последние годы состоял для особых поручений при виленском генерал-губернаторе. Чевкин Николай Константинович (1830—1857), поручик лейб-гвардии Уланского полка. 243 Плаутин Николай Федорович (1794—1866), участник наполеоновских войн, русско-турецкой войны (1828—1829), командовал гусарским принца Оранского полком (за эту кампанию получил ряд боевых наград), участник подавления польского восстания (1831, ряд наград), венгерской кампании 1849 г. (награды русские и иностранные), в 1849 г. — начальник 2-й легкой гвардейской кавалерийской дивизии и генерал-адъютант, генерал от кавалерии; с 1853 г. — член комитета о раненых; с 1862 г. — член Государственного Совета. 244 Ридигер Федор Васильевич (1784—1856), граф (1847), генерал от кавалерии, генерал-адъютант. 245 Балабин Петр Иванович (1776—1856), генерал-лейтенант. Служил на флоте, затем в 1802 г. перевелся в Кавалергардский полк, 318 участвовал в наполеоновских войнах, в Финляндской кампании 1808 г., в войне 1812—1814 гг., в 1818 г. вышел в отставку. В 1826 г. — начальник I (Петербургского) округа корпуса жандармов, в 1832 г. по болезни вышел в отставку. 246 Балабин Евгений Петрович (1813—1895), камер-юнкер, сын П. И. Балабина и француженки Pauline Paris (Варвары Осиповны). Воспитывался в Благородном пансионе при Петербургском университете, в 1833 г. поступил на службу, сначала — в департамент мануфактур и внутренней торговли, затем перешел (последовательно) в департамент государственных имуществ, в Министерство внутренних дел и в Министерство народного просвещения. 28 мая 1852 г. Балабин получил длительный отпуск в Карлсбад для лечения. За границей принял католичество, вступил в Орден иезуитов. В 1853 г. суд приговорил Балабина (заочно) к лишению всех прав состояния и вечному изгнанию из России, в случае же самовольного возвращения в Россию — к ссылке в Сибирь на поселение. В 1880 г. ему, однако, был выдан из русского посольства в Париже паспорт на пребывание за границей, без права возвращения в Россию (чем опровергается известие о переходе его во французское подданство). Умер Балабин в Каире. 247 Шнейдер Людвиг (1805

— 18/8), немецкий писатель и драматург, испытал себя на многих поприщах: был артистом, преподавателем русского языка Берлинской академии, режиссером Берлинской оперы, чтецом при короле прусском. 248 Апраксин Николай Александрович (1821 — ?), граф, женат был на Луизе Мейер, артистке французской труппы Михайловского театра. Его отец, граф Александр Иванович (1782 — 1848), сенатор, служил первоначально в дипломатическом ведомстве, затем перешел на военную службу (участвовал в наполеоновских войнах), далее вновь вернулся на гражданское поприще (служил в 1822 г. в Министерстве финансов). 249 Катенин Александр Андреевич (1803 — 1860), генерал-адъютант, участвовал в подавлении восстания в Польше в 1831 г., с 1839 г. — комендант Императорской квартиры, затем начальник штаба I пехотного корпуса на Кавказе, участвовал в войне с горцами; с 1848 г. — командир Преображенского полка; в 1854 г. товарищ военного министра, в 1856 г. уволен от должностей по Военному министерству, в 1857 г. — генерал-губернатор оренбургский и самарский. 250 Баранов, фон, Эдуард Трофимович (1811 — 1884), граф. В 1838 г. поручик лейб-гвардии Измайловского полка, назначен флигель-адъютантом. В 1849 г. произведен в генерал-майоры и зачислен в свиту. В 1855 г., будучи начальником штаба гвардейских и гренадерских корпусов, назначен генерал-адъютантом, в 1866 г. — генерал-губернатор Прибалтийских губерний, затем виленский, гродненский и минский. В 1874 г. управлял Министерством двора, затем стал членом и председателем департамента экономии Государственного Совета. 251 Министр внутренних дел — Перовский Лев Алексеевич (1792 — 1856), граф (1849), с августа 1852 г. — министр уделов. 252 Милютин Николай Алексеевич (1818 — 1866), известный деятель крестьянской реформы, в то время — директор хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. Мордвинов Николай Александрович (1827 — 1884), чиновник особых поручений VIII класса хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. Арапетов Иван Павлович (1811 — 1887), правитель канцелярии департамента железных дорог Главного управления путей сообщения, деятель освобождения крестьян, близкий знакомый И. С. Тургенева, К. Д. Кавелина, А. В. Дружинина, И. П. Панаева, В. П. Боткина. Надеждин Николай Иванович (1804 — 1856), писатель, журналист, историк-этнограф. За напечатание в своем журнале «Телескоп» «Философического письма» П. Я. Чаадаева подвергся ссылке. В 1842 г. был назначен в Министерство внутренних дел и встал во главе редакции «Журнала министерства внутренних дел». Надеждин привлек к журналу крупные научные силы и сам поместил много ценных трудов по истории и статистике России. Уход в 1852 г. из министров графа Перовского и назначение Д. Г. Бибикова изменили характер журнала. Гвоздев Александр Александрович, директор департамента общих дел Министерства внутренних дел. 253 Лафайет Мари Жозеф Поль, маркиз де (1757 — 1834), французский политический деятель, участник войны за освобождение Северо-Американских Соединенных Штатов, Великой Французской революции. Во время Реставрации — левый депутат. В июльскую революцию был во главе Национальной гвардии, но затем склонился на сторону Луи Филиппа, чем способствовал его утверждению на престоле, скоро, однако, снова стал во главе парламентской оппозиции. 254 Васильчиков Илларион Илларионович (1805 — 1863), князь, киевский, подольский и волынский генерал-губернатор, генерал-адъютант. 255 Оленин Алексей Алексеевич (1797 — 1854), действительный статский советник, женат на княжне Долгоруковой Александре Андреевне (1807 — 1895), сестре князя Василия Андреевича Долгорукова. 256 Веллингтон Артур Уэллесли (1769 — 1852), герцог. В 1794 г. сражался против французов в Голландии, затем служил в Индии, где генерал-губернатором был его брат; в войне с маратхами принудил их к миру. В 1806 г. — член палаты общин, в 1807 г. — обер-секретарь по делам Ирландии. Затем Веллингтон ведет ряд кампаний против французов (ряд побед в Испании и Южной Франции) в 1809 — 1814 гг. Во время «100 дней» (возвращение Наполеона) 319 стал во главе англо-голландско-германской армии, одержал победу при Ватерлоо, затем командовал союзной оккупационной армией во Франции. Был представителем Англии на конгрессах (в Вене, Аахене, Вероне). Строгий тори (консерватор), Веллингтон играл в партии руководящую роль, с 1819 г. неоднократно был министром, в 1828 — 1830 гг. — глава кабинета, вынужден был провести в 1829 г. закон об эмансипации католиков; горячий противник избирательной реформы 1832 г., уступил лишь под угрозой назначения в палату лордов новых пэров и опасности революционного движения. В 1834 — 1835 гг. и 1841 — 1846 гг. был опять членом кабинета министров (министерство Роб. Пиля). С 1846 г. Веллингтон сохранил лишь почетные посты, но до самой смерти влиял на политику

благодаря доверию королевы Виктории и своей новой, несколько посреднической позиции между партиями. 257 Паррот Георг Фридрих (1767—1852), уроженец Монбельяра (Вюртемберг), профессор физики и математики и ректор Дерптского университета, академик, близкий друг Императора Александра I в дни его молодости и либеральных увлечений. 258 Фиески Джузеппе (1790—1836), заговорщик, покушавшийся на жизнь короля Франции Луи Филиппа при помощи «адской машины»; казнен вместе со своими соучастниками, Пепеном и Мореєм. 259 Волконский Григорий Петрович (1808—1882), светлейший князь, гофмейстер. 260 Мещерский Петр Сергеевич (1778—1856), князь, действительный тайный советник, сенатор, обер-прокурор

Святейшего Синода. Женат был на графине Екатерине Ивановне Чернышовой. 261 Ностиц (урожд. Морозова) Анастасия Ивановна, графиня, жена генерала русской службы гр. Григория Ивановича Ностица. 262 Кожин Петр Артамонович, отставной генерал-майор, бывший полковник Кавалергардского полка; женат был на Наталье Ивановне Новиковой (1807—1837). Его дочь — Екатерина Петровна, замужем за Григорием Александровичем Лошкаревым 1-м, впоследствии генерал-лейтенантом. 263 Лаблаш Луиджи (1794—1858), оперный певец (бас), ученик Неаполитанской консерватории, пел в Париже, в 1852—1857 гг. — в Петербурге. 264 Вероятно, Строганов Александр Сергеевич (1818—1864), граф, егермейстер, полковник лейб-гвардии Преображенского полка, путешественник и нумизмат. 265 Таубе, фон, Фердинанд Иванович (1805—1870), барон, полковник, начальник Царскосельской железной дороги, состоящей в ведомстве Главного управления путей сообщения и публичных зданий. 266 Абд-эль-Кадер (Абд-ал-Кадыр, в переводе — «Раб Всемогущего») (1807—1883), князь кабиллов, алжирского племени. Боролся во главе нескольких арабских племен против завоевателей-французов, в 1847 г. сдался и был отправлен во Францию. В 1852 г. был освобожден и жил в г. Бруссе (Малая Азия), а затем — в Дамаске. Оставил после себя труды религиозно-философского содержания и стихотворения. 267 Чарторыйский Адам (1770—1861), князь, друг Императора Александра I, член неофициального кружка. Играл большую роль в восстании 1830 г., будучи президентом временного правительства в Польше. Вскоре поселился в Париже и возглавлял польскую аристократическую партию, в Восточную войну принимал участие в организации польских отрядов в Турции против России. 268 Ошибка — Марии Николаевны. 269 Бенкендорф Константин Константинович (1817—1858), граф, племянник графа А. Х. Бенкендорфа. Лейб-гвардии Конного полка поручик и адъютант военного министра, в 1839 г. — флигель-адъютант, в 1849 г., состоя при Российской миссии в Берлине, был произведен из полковников в генерал-майоры с зачислением в свиту; в 1855 г. — генерал-адъютант. 270 Вероятно, Жеребцова Ольга Александровна, урожд. графиня Зубова, сестра фаворита Императрицы Екатерины II князя Платона Александровича Зубова (1765—1849). Упоминание о письме с отречением Вел. Кн. Константина Николаевича — вероятно, ошибка, и дело идет об отречении Вел. Кн. Константина Павловича. 271 Урусов Петр Александрович (1810—1890), князь, капитан лейб-гвардии Драгунского полка, адъютант при графе А. Ф. Орлове, в 1854 г. — чиновник особых поручений V класса при министре внутренних дел. 272 Нелидов Иван Аркадьевич (1805—1860), прапорщик, помещик Дмитриевского-на-Сване уезда (Курской губернии), сын Аркадия Ивановича Нелидова, действительного тайного советника, сенатора, почетного опекуна, курского губернатора, губернского предводителя дворянства Санкт-Петербургской губернии. И. А. Нелидов был родным племянником фрейлины Е. И. Нелидовой, фаворитки Императора Павла I, и родным братом фрейлины Варвары Аркадьевны Нелидовой, фаворитки Императора Николая I. Последнее обстоятельство и вызывало, очевидно, его уверенность в своих силах. Курским гражданским губернатором был в то время Владимир Александрович Казадаев (до 1854 г.). 273 Александра, великая герцогиня Мекленбург-Шверинская, жена великого герцога Павла Фридриха (1800—1842), дочь короля прусского Фридриха Вильгельма III. 274 Давыдов 1-й Николай Васильевич, поручик лейб-гвардии Преображенского полка. 275 Марио Джузеппе, маркиз де Кандиа (1812—1882), знаменитый итальянский певец (тенор). Служил в военной службе, с 1838 г. поступил на сцену, пел с большим успехом в Лондоне, на петербургской сцене в 1845—1852 гг., в Северной Америке, Париже и Лондоне. 320 276 Буркова Мина Ивановна, известная фаворитка графа Владимира Федоровича Адлерберга. 277 Вероятно, Обрескова (урожд. фон Фельгард) Анна Львовна (1803—1858), в первом браке фон Зеланд, вдова действительного тайного советника и сенатора. 278

Новицкий Николай Александрович, штабс-ротмистр Кавалергардского полка, адъютант шефа жандармов графа А. Ф. Орлова. 279 Нелидов Аркадий Аркадьевич (1804 — ?), штабс-ротмистр Кавалергардского полка и курский губернский предводитель дворянства (1850). Ахматов Алексей Петрович (1818 — 1870), штабс-ротмистр Кавалергардского полка, флигель-адъютант с 1849 г., в 1856 г., будучи в чине полковника, произведен в генерал-майоры и назначен в свиту, с зачислением по армейской кавалерии, в 1862 — 1864 гг. — обер-прокурор Синода. Вероятно, Викулин Семен Семенович, статский Советник, состоящий при Министерстве внутренних дел. 280 Священник училища правоведения, он же преподаватель закона Божьего православного

вероисповедания — Богословский Михаил Измаилович, протоиерей, магистр богословия. Директор — Языков Александр Петрович (1802 — 1878), генерал-майор. 281 Франц Иосиф I (1830 — 1916), император Австрии и король Венгрии с 1848 г. 282 Фульд Ашиль (1800 — 1867), министр французского императорского двора при Наполеоне III, финансовый деятель, с 1842 г. — депутат, поддерживал правительство. 283 Алопеус Федор Давыдович (ум. 1862), граф, адъютант герцога Максимилиана Лейхтенбергского, лейб-гвардии Гусарского полка полковник, 1852 г. — флигель-адъютант. В 1855 г., будучи в распоряжении Главнокомандующего Южной армией, за отличия в службе был произведен в генерал-майоры. 284 Оффенберг, фон, Генрих Петрович, барон, действительный статский советник, управляющий Курляндской палатой государственных имуществ в 1849 — 1854 гг. 285 Гернгросс Николай Александрович, секретарь канцелярии рижского военного губернатора и генерал-губернатора лифляндского, эстляндского и курляндского кн. А. Арк. Суворова. 286 Шереметев Сергей Дмитриевич (1844 — 1918), граф, старший сын графа Д. Н. Шереметева, впоследствии — генерал-адъютант, историк, председатель Общества любителей древней письменности, «Исторического общества ревнителей исторического просвещения в память Александра III», член Русского археологического общества. 287 Опочинин Федор Петрович (1779 — 1852), обер-гофмейстер, член Государственного Совета. Первоначально служил в гвардии, был адъютантом Вел. Кн. Константина Павловича, участвовал в войнах с Наполеоном 1805 и 1807 гг., в 1809 г. вышел в отставку и поступил на службу в экспедицию государственных доходов. В 1812 г. был назначен директором департамента разных податей и сборов (до 1819 г.). С 1826 г. служил почти исключительно по придворному ведомству, неся разные обязанности и поручения. 288 Ковальков Александр Иванович (1795 — 1852), товарищ статс-секретаря по I отделению Собственной Его Величества канцелярии и директор инспекторского департамента гражданского ведомства, тайный советник, камергер. 289 Всеволожский Николай Алексеевич, в звании камер-юнкера, член-корреспондент Специальной комиссии государственного коннозаводства (1849). 290 Веймарн Петр Вильгельм Федорович (1794 — 1846). В 1829 г. назначен флигель-адъютантом, будучи лейб-гвардии Семеновского полка полковником; в 1831 г. помощник начальника штаба Гвардейского корпуса, за отличия произведен в генерал-майоры, с зачислением в свиту; в 1834 г. — начальник того же штаба, назначен генерал-адъютантом. 291 В 1852 г. двое графов Толстых числились в звании камер-юнкеров: 1) граф Михаил Владимирович (1812 — 1897), доктор медицины, правитель дел совета Московского благотворительного общества, помощник неперменного секретаря Московского общества сельского хозяйства и член Московского попечительного о тюрьмах комитета; 2) граф Дмитрий Андреевич (1823 — 1889), вице-директор департамента духовных дел иностранных исповеданий, впоследствии — министр народного просвещения и внутренних дел, президент Академии наук. 292 Бонапарт Жером (1784 — 1860), брат Наполеона I, в 1807 — 1813 гг. — король Вестфалии, в 1850 г. — маршал Франции. 293 Епископ Нансийский — Менжо; Вальяно — Вейан Жан Батист Филибер (1790 — 1872), граф, маршал, с 1854 г. — военный министр; Сент-Арно, точнее Ашиль Леруа де Сент-Арно, настоящее имя Арман Жак Арно (1801 — 1854), в 1836 г. из армии вступил в иностранный легион в Алжире, где и отличился в сражениях, в 1851 г. — военный министр, в 1853 г. — маршал, в 1854 г. главнокомандующий французской армией (в Восточную войну) в Крыму, умер во время осады Севастополя; Флери Эмиль Феликс (1815 — 1884), граф, генерал и дипломат; Маньян Бернар Пьер (1791 — 1865), французский маршал, сражался с 1809 г. под начальством Наполеона, в 1838 г. отличился при покорении Алжира. В 1849 г. принял сторону Людовика Наполеона, в том же году усмирил восстание в Лионе, в 1851 г. — в Париже. Один из так называемой Елисейской братии. 294 Бахтин Николай Иванович (1796 — 1869), управлял делами

комитета министров, государственный секретарь и член Государственного Совета, деятель при освобождении крестьян и инициатор отмены откупов, литератор. 295 Бутков Владимир Петрович (1814—1881), государственный секретарь, член Государственного 321 Совета. Начал службу в Военном министерстве, с 1838 г. — чиновник для работ по продолжению свода военных законов. В 1850 г. — управляющий делами Комитета министров, а также управляющий делами секретного комитета о расколе, в 1854 г. — государственный секретарь, продолжал оставаться управляющим Кавказским и Сибирским комитетами. В должности государственного секретаря наблюдал за производством в государственной канцелярии дел особого комитета по крестьянскому вопросу, а с 1861 г. — деятельный участник в разработке и проведении судебной реформы 1864 г. В 1865 г. был назначен членом Государственного Совета, членом Комитета министров, главноначальствующим над Лазаревским институтом восточных языков. 296 Виардо-Гарсия Полина (1821—1910), знаменитая певица (меццо-сопрано). В Петербурге с большим успехом пела в 1843—1846 и в 1853 гг. В 1862 г. покинула сцену и занялась педагогической деятельностью в Баден-Бадене, с 1871 г. — в Париже (Буживале). 297 Демидов Павел Григорьевич (1858—?), отставной гвардии штабс-ротмистр, почетный попечитель Демидовского Ярославского лицея, женат был на гр. Софье Александровне Бенкендорф (ум. 1864), дочери гр. А. Х. Бенкендорфа. Вторым браком она вышла за кн. Сергея Викторовича Кочубея (1819—1880), статского советника, чиновника особых поручений при министре внутренних дел (1852), затем чиновника особых поручений при смоленском губернаторе (1854). 298 Друцкой-Соколинский Михаил Васильевич (1804—?), князь, был краснинским уездным предводителем дворянства в 1845 г. и смоленским губернским — в 1848—1856 гг. 299 Бреверн де ля Гарди Александр Иванович (1814—1890), граф (1852), генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В 1851 г. — командир Кавалергардского Ее Величества полка, в 1852 г. сопровождал Императора Николая I в Пруссию. В 1879 г. в чине генерала от кавалерии стал командующим Московским военным округом. В 1888 г. уволен «по расстроенному здоровью» и назначен членом Государственного Совета. 300 Потоцкий Мечислав Франциск (в православии — Михаил Станиславович) (1799—1878), граф, камергер, богатейший польский магнат, владелец огромного имения в Тульчине, которое в 1845 г. было взято в опеку, «с удалением владельца на безвыездное жительство в Великороссийские губернии». В 1854 г. жил в Пензе. Умер в Париже. 301 Евгения Мария де Монтихо де Гузман (1826—1920), дочь испанского гранда графа де Монтихо и Теба, герцога Палеранде, с 1851 г. жила в Париже, с 1853 г. — супруга императора Наполеона III Бонапарта. 302 Политковский Александр Гаврилович (ум. 1853), камергер, тайный советник, окончил курс в Московском университетском пансионе, затем служил в разных ведомствах, с 1839 г. — директор канцелярии комитета 1814 г. (по обеспечению инвалидов 1812 г.). Когда растрата открылась окончательно, Император Николай I приказал арестовать председателя и членов комитета 1814 г., лишить чинов и орденов и отдать под суд. Все ордена Политковского, разложенные в церкви в ожидании погребения, убрали, с покойника сняли мундир и после отпевания тела, вместо катафалка, отправили на кладбище на паре простых лошадей. Имущество его было описано. Впоследствии И. А. Яковлев покрыл в размере 3 500 000 рублей (ассигнациями) растрату, за что получил звание камергера, чин коллежского советника и орден Св. Владимира 3-й степени. 303 Ушаков Павел Николаевич (1779—1853), генерал-адъютант, начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии, генерал-лейтенант. 9 февраля 1853 г. назначен состоять по армии. Колзаков Павел Андреевич (1779—1864), адмирал, генерал-адъютант, принимал участие в действиях русского флота в Средиземном море в 1798—1801 гг., затем в финляндском походе 1808 г., в 1811 г. — флигель-адъютант Вел. Кн. Константина Павловича, участвовал в кампании 1812—1814 гг. В 1846 г. был назначен членом Адмиралтейств-совета, в 1847 г. — членом Александровского комитета о раненых. За дело Политковского получил отставку и исключен из числа генерал-адъютантов; Император Александр II вновь назначил его своим генерал-адъютантом. 304 Пален, фон, дер, Петр Петрович (1778—1864), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, член Государственного Совета. 305 Гринвальд Родион Егорович (ум. 1878), генерал-адъютант, член Государственного Совета, генерал от кавалерии. 306 Арбузов Алексей Федорович (1792—1861), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1825 г. — командир лейб-гвардии Павловского полка — назначен флигель-адъютантом, в 1844 г. — командующий пехотой Отдельного гвардейского корпуса, назначен генерал-адъютантом; затем

был инспектором гвардейских запасных и гренадерских резервных и запасных батальонов. Вновь получил звание генерал-адъютанта 13 апреля 1854 г. Граббе Павел Христофорович (1787—1875), граф (1866), генерал-адъютант. 307 Корсаков Николай Дмитриевич (1799—1876), генерал от кавалерии, комендант Петергофа, затем Санкт-Петербургской крепости. 308 Стааль Карл Густавович (1777—1853), генерал от кавалерии, сенатор, московский комендант. Участник наполеоновских войн, в 1818 г. вышел в отставку, в 1827 г. вновь вступил в службу, заняв место начальника одной из южных губерний, в 1830 г. был назначен московским комендантом, в каковой должности много содействовал прекращению холерных волнений (1830) в Москве и

других местах, председательствовал в комитете, обсуждавшем меры борьбы с эпидемией. В 1840 г. был назначен 322 сенатором общего присутствия московских департаментов. 309 Мадзини Джузеппе (1805—1872), итальянский революционер. По профессии адвокат, Мадзини был вначале карбонарием, сотрудничал в очень влиятельном журнале национального направления «*Antologia*». В 1830 г. арестован, в 1831 г. изгнан из Франции. Обратился к сардинскому королю Карлу Альберту с призывом стать во главе освободительного итальянского движения. В 1832 г. основал тайный союз «Молодая Италия» и газету «*La giovine Italia*». Организованные им заговоры в Генуе и Савойе (1833—1834) кончились неудачей, он был присужден в Сардинском королевстве к смертной казни. В 1836 г. его выслали из Швейцарии. С 1842 г. Мадзини поселился в Лондоне и оттуда вел деятельную пропаганду в Италии. В 1849 г. Мадзини в Риме — «триумvir» вместе с Армеллини и Саффи и главный руководитель провозглашенной Римской республики, почти диктатор. После борьбы с французскими войсками и их победы Мадзини опять уехал в Лондон, где сблизился с Л. Кошутом, А. О. Ледрю-Ролленом, ранее ему знакомым А. И. Герценом и другими изгнанниками, став душою «Европейского комитета», целью которого была Европейская федеративная демократическая республика. Не переставал он агитировать и в Италии, был близок к гарибальдийцам и, горя самоотверженною любовью к родине и ее единству, почти примирился с монархией итальянского (бывшего сардинского) короля Виктора Эммануила II. В 1870 г. он вернулся в Италию. Кошут Лайош (1802—1894), венгерский общественный деятель, публицист, адвокат. В 1837—1840 гг. за свою общественную деятельность сидел в тюрьме, боролся за независимую Венгрию. В 1848 г. был министром финансов. Император Франц Иосиф I не утвердил правительства Кошута. Началась вооруженная борьба — и Кошут стал президентом национального правительства и фактическим диктатором Венгрии. После сдачи революционных войск в 1849 г. Кошут с 5000-ым отрядом пробился в Турцию и был заочно приговорен к смерти. 310 Гусева Елена Ивановна (1787—1852), известная актриса, прослужила на сцене в Петербурге более 40 лет, ее ампуа были: купчихи, няньки, сварливые женщины, кухарки. 311 Норов Николай Николаевич (1802—1860), в 1849 г. — обер-прокурор IV департамента Сената, затем сенатор, был товарищем министра финансов с 20 февраля 1853 г. по 20 февраля 1872 г. 312 Брискорн Максим Максимович (1788—1872), сенатор, товарищ генерал-контролера. Начал свою службу в канцелярии начальника Главного Штаба, был с Императором Александром I на Аахенском конгрессе, на 3-м сейме Царства Польского, на конгрессах в Лайбахе и Вероне. В 1832 г. стал директором канцелярии Военного министерства. В 1843 г. Назначен товарищем государственного контролера и в 1844 г. — сенатором. В 1853 г. в связи с растратой Политковского Брискорн попал под следствие и был уволен. Звание сенатора он сохранил. В 1856 г. вновь был назначен управлять канцелярией Военного министерства, в 1857 г. — председателем «Комитета для устройства образования и судьбы военных кантонистов» и членом Военного Совета. 313 Московский Большой театр сгорел дотла 11 марта 1853 г., к 20 августа 1856 г., он был заново отстроен по плану архитектора А. К. Кавоса. 314 Каратыгин Василий Андреевич (1802—1853), знаменитый трагический актер, переводчик ряда пьес В. Гюго, А. Дюма. Происходил из талантливой артистической семьи. 315 Яковлев Иван Алексеевич (1804—1882), статский советник, камергер. Происходил из старинной купеческой семьи, возведенной в конце XVIII века в дворянство и обладавшей огромными богатствами (заводы на Урале, полотняная фабрика в Ярославле, дома, капиталы). 316 Филарет (в миру — Василий Михайлович Дроздов) (1782—1867), митрополит московский (1826—1867). Сын коломенского соборного протоиерея; окончив в 1803 г. семинарию, поступил учителем семинарии, выдвинувшись своими блестящими проповедями, в 1808 г. постригся в монахи. Занимал должность бакалавра богословия в Петербургской духовной академии, в 1811 г. стал

архимандритом, в 1812 г. — ректор и профессор Петербургской духовной академии. С 1817 г. — епископ, с 1821 г. — архиепископ московский. 317 Максимилиан II Иосиф (1811—1864), король Баварии с 1848-го по 1864 г.; его жена — Фредерика Франциска Августа Мария Гедвига (1825 — ?), урожд. принцесса Прусская. 318 Князь А. С. Меншиков был отправлен в Константинополь в 1853 г. в качестве чрезвычайного посла с категорическим ультиматумом Турции относительно «покровительства» России над турецкими подданными православного вероисповедания. 319 «Диван» — персидское слово, обозначающее канцелярию или совет в Персии, Бухаре, Хиве и Турции. Обыкновенно употребляется для обозначения турецкого правительства (султанского).

320 Александров Павел Константинович (1808—1857), генерал-майор, сын Вел. Кн. Константина Павловича и г-жи Фредерикс. Оставил после себя сильно расстроенное состояние. Был женат на княжне Анне Александровне Щербатовой (1808—1870). 321 Дурасов Федор Алексеевич (1785 — после 1853), сенатор, в молодости служил на флоте, участник наполеоновских войн, в 1821 г. Вышел в отставку и назначен в Сенат в чиновники к обер-прокурору 2-го департамента, участвовал в сенаторских ревизиях. В 1838 г. — обер-прокурор Сената, в 1848 г. назначен сенатором. В 1849 г. — член смешанной военно-судной комиссии, учрежденной в Петропавловской крепости, 323 в 1853 г. — помощник главного попечителя и председателя совета Человеколюбивого общества митрополита новгородского и сибургского Никанора. 322 Волянский Федор Яковлевич, коллежский советник, в 1854 г. был управляющим канцелярией Человеколюбивого общества. 323 Одоевский Владимир Федорович (1803—1869), князь, сенатор, гофмейстер, известный писатель. Был председателем правления Общества посещения бедных, подчиненного Человеколюбивому обществу. Членом того и другого общества состоял Вел. Кн. Константин Николаевич. 324 Ширинский-Шихматов Платон Александрович (1790—1853), князь, министр народного просвещения, академик. Моряк по образованию, служил первоначально на флоте. С 1824 г. благодаря адмиралу Шишкову, министру народного просвещения, был назначен директором его канцелярии. В 1850 г. стал министром. 325 Прянишников Федор Иванович (1793—1867), действительный тайный советник, член Государственного Совета, с 1824 г. служил по почтовому ведомству, в 1827 г. был командирован в Англию для изучения постановки почтового дела, в 1841 г. назначен директором почтового департамента, провел ряд улучшений в ведомстве, в 1854 г. «по расстроенному здоровью» был уволен и назначен членом Государственного Совета, в 1857 г. вернулся вновь к почтовому делу главноначальствующим над почтовым департаментом. В 1863 г. окончательно подал в отставку по болезни. 326 Монпансье, де, Луиза, герцогиня, младшая сестра королевы Изабеллы, была замужем за Антуаном, герцогом де Монпансье, сыном бывшего короля Франции Луи Филиппа.

Дневник Наследника Цесаревича Великого Князя Александра Александровича. 1880 г.

Александр Александрович, вел. кн. Дневник Наследника Цесаревича Великого Князя Александра Александровича, 1880 г. / Публ. [вступ. ст. и примеч.] С. Н. Семанова, О. Ю. Щербаковой, А. Мамонова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 344—357. — [Т.] VI.

Великий Князь Александр Александрович, будущий Император Александр III (1845—1894) с молодых лет вел дневниковые записи, вел почти ежедневно, хотя обычно кратко.

В ГАРФ (Ф. 677. Оп. 1. Д. 307) хранится дневник Цесаревича, представляющий собой тетрадь в кожаном переплете с золотым обрезом, с замком, запираемым на ключик. В тетради 332 позолоченные по канве страницы. Дневник был начат 24 августа 1875 г. и закончен 14 марта 1880 г.

«Российский Архив» предлагает читателю дневниковые записи Великого Князя Александра Александровича за 1880 г., накануне гибели отца, Императора Александра II.

Публикация осуществляется по новой орфографии, в соответствии с современными синтаксическими правилами. Подчеркивания, сделанные автором, воспроизводятся курсивом. Даты даются по старому и новому стилям с сохранением авторского написания — в виде дробей.

Фотография любезно предоставлена ГАРФ.

1880 год

1/13 Января. Вторник. Петербург. Утром, в 9 ч. собрались все поздравить Папа¹, а потом пили у него кофе. В 11 ч. был большой выход в большую церковь и потом прием дипломатического корпуса. После завтрака все разъехались по домам, и остальной день провел спокойно и приятно дома и дурацких визитов не делал. Обедали с Минни² вдвоем, а потом я читал и писал, а Минни поехала в оперу. В ? 12 она вернулась, и мы еще закусили и болтали, и была Гр. Воронцова, а в 1 час легли спать.

Да благословит Господь наступивший год, и да утешит Он нас счастьем и спокойствием нашей дорогой родины! Аминь!

2/14 Января. Среда. Петербург. Рождение Алексея³. Утро провел дома, а в 11 ч. отправились с Минни в Зимний Дв(орец) к обедне и поздравить Папа. Потом был большой завтрак для всех. В ? 2 вернулся с Минни домой, и читал и занимался до 3 ч., а потом катались с детьми на коньках.

Обедали в 6 ч. у Алексея наверху, были Папа, Владимир с женой⁴, Д. Коко, Костя и Митя⁵. В ? 8 вернулись домой, а в 9 ? поехали провести остальной вечер у Тези и Юрия⁶; играли в рулетку, а потом ужинали и в ? 2 разъехались и легли спать. Погода постоянно стоит отличная от 2° до 5° морозу.

3/15 Января. Четверг. Петербург. Село Лебяжье. Утром был у Папа за докладами, а потом был у меня Воен(ный) Министр, с которым нужно было переговорить о Записке Баранова⁷, по поводу защиты Балтийского моря. Остальной день провел дома. Катались в 3 ч. на коньках с детьми. Обедали дома вдвоем с Минни, а потом читал, курил и занимался. В ? 10, простившись с Минни и детьми, отправился на Балтийскую ж(елезную) д(орогу) и в 10 ч. отправились с Владимиром и Алексеем в Ораниенбаум на охоту. С нами поехали: Кн. Трубецкой, Кн. Б. Ф. Голицын, Гр. Клейнмихель, Васмунд⁸ и Генер.

Вилланов — командир Учебного батальона. Приехавши в Ораниенбаум, отправились прямо в почтовых санях в Село Лебяжье и остановились в лоцманской слободке, в доме начальника лоцманов Кап. 2 р. Гада. После ужина легли спать.

4/16 Января. Пятница. С. Лебяжье. Шишкино. Ораниенбаум. Петербург. Отправились в 9 ч. утра на охоту на лосей в Шишкино. Первый круг оказался пустым, потом завтракали в домике Ностица. Второй круг не удался, лоси вышли; наконец (на) третий захватили 3 лосей и стреляли по всем. Я свалил одного с первого выстрела, но он поправился и встал, все-таки я надеюсь, что его найдут.

5 ? вернулись в Лебяжье и, поспавши немного, сели обедать, а в 8 ? отправились обратно в Ораниенбаум, дорога отличная и ехали скоро. В ? 10 отправились по ж(елезной) д(ороге) в Петербург, и в 11 часов я был уже дома, и провели остальной вечер с Минни вдвоем, а в 12 ? легли спать.

5/17 Января. Суббота. Петербург. Крещенский Сочельник. Утром был у Папа за докладами, вернувшись домой, были с Минни и детьми у обедни и освящен(ия) воды. Потом окропили весь дворец и наши комнаты, а потом мы сели завтракать. Обедали у Папа с братьями и гостями.

Вечер провели дома, читал и писал. Морозы стоят настоящие крещенские от 12° до 15°.

6/18 Января. Воскресение. Петербург. Крещение. Утро провел дома, а в 11 ч. отправился в Зимний Дв(орец) к обедне. Папа был у службы в малой церкви с дамами, а мы все были в большой у Архиер(ейской) обедни. Выхода не было, а после обедни был обычный крестный ход на Иордан и были собраны все знамена и штандарты; на Неве не было особенно холодно, всего 11° и тихо. Потом завтракали у Папа в малахитовой. Вернулись домой в 2 часа. Обедали опять у Папа с братьями и были Митя и Михен. Обед был в честь Кабардинцев, по случаю их полкового праздника. После обеда зашли к Алексею, покурить и переодеться, а в 8 ч. отправились в балет «Млада»⁹, музыка которого нам всем очень нравится, и давно не было такого милого балета. В 11 ? вернулись домой, а в ? 1 легли спать.

7/19 Января. Понедельник. Петербург. Утро провел как всегда, а потом завтракал у Алексея и в 11 час. отправился с ним в Госуд(арственный) Совет, куда он назначен 2 числа, но не членом, а пока только присутствовать. Обедали и вечер провели дома.

8/20 Января. Вторник. Петербург. Сегодня 18° морозу, собирались вечером ехать в Лисино на охоту, но, конечно, охота была отказана. Ничего особенного сегодня не было. От Мама¹⁰ известия все тоже самое: один день лучше, другой хуже, а лихорадка все еще продолжается постоянно. Вчера вечером Павел¹¹ вернулся из Канн. В 12 ч. я принимал массу молодых офицеров Корпуса, всей пехоты и пешей артиллерии.

9/21 Января. Среда. Петербург. Утром был у Папа, а в 12 ч. принимал у себя дома всех офицеров Кавалерии и Конной Артил(лерии) Корпуса. Потом завтракали, а в 1 час поехали на панихиду в крепость по Т. Елене. Мороз очень силен от 16° до 18°. Обедали дома и вечер я тоже провел у себя, читал и писал.

10/22 Января. Четверг. Петербург. Утро провел у Папа. Ничего особенного не было. Завтракали у Т. Саши¹² по случаю дня рождения (нрзб.), а потом вернулись домой. Вечером я был в Адмиралтействе на нашей музыке и ужинал там. В 1 час легли спать.

11/23 Января. Пятница. Петербург. Утро был у Папа, потом завтракал у Алексея. В 1 час был в манеже смотр Л(ейб) Гв(ардейскому) Уланскому полку; очень хороший. Сегодня сносная погода и только 10° морозу, и поэтому снова катались на коньках с Ники¹³. Обедали дома и вечер провели тоже.

12/24 Января. Суббота. Петербург. Утро провел у Папа, потом завтракали у Алексея, а в 1 час был в манеже смотр Кирасирскому Ея В(еличества) полку, очень хороший. Обедали сегодня у Т. Кати¹⁴ с гостями по случаю 50-лет(него) юбилея ее Дяди Августа Виртембергского¹⁵, командира Прусского Гвард(ейского) Корпуса, и по этому случаю Папа и мы все были в Прусских мундирах. Вечером были в Французском театре, а вернувшись, зашли еще к Гр. Апраксиной, где застали ее сестру Софу, Гр. С. Толстую и Оболенского¹⁶. В 1 час легли спать.

13/25 Января. Воскресение. Петербург. У обедни были дома, потом завтрак, вечный развод! Развод был от Семеновского полка и, в виде перемены, ординарцы были от 2ой бригады Кирасир, так как они пришли сюда для смотров, а 1ая бригада пошла на их места в Царское Село и Гатчину. Внутр(енний) Караул в Зимний Дв(орец) был от Кирасир Ея Величества, по крайней мере хоть это было что-нибудь новенькое! Обедали у Папа за семейным столом. Потом поехали в балет, а в 11 ? вернулись домой. Легли спать в 1 час.

14/26 Января. Понедельник. Петербург. Утром был у Папа, а потом завтракали у Алексея. В ? 1 отправился на смотр в манеж Гв(ардейской) Стр(оевой) бригады и 3го бат(альона) Новочеркасского полка; все было очень хорошо. Остальной день провел дома и вечер тоже.

15/27 Января. Вторник. Петербург. Гатчина. Утро провел у Папа и завтракал у Алексея. В ? 1

отправился в манеж на смотр Кирасирского Его Величества полка; тоже отлично. Остальной день был дома. В ? 7 был у нас обед для Бар. Лангенау, Австрийского посла, и его жены по случаю их отъезда. Были приглашены еще Кн. Суворов, Кн. и Княгиня Воронцовы, Н. К. Гирс¹⁷, Бар. Бежтоньсгейм, Капит. Клент, Кн. Оболенский и Гр. Апраксина.

В 9 ч., простившись с Минни и детьми, отправился на охоту в Гатчину с Папа, братьями и проч(ими) приглашенными. Я целый год не был в милой Гатчине и рад был снова попасть туда в наши симпатичные комнатки.

16/28 Января. Среда. Гатчина. Петербург. Встали в 8 ?, а в ? 10 собрались в арсенале к кофе. В ? 11 отправились с Владимиром, Алексеем, Гр. Хрептовичем и Воронцовым¹⁸ в олений парк, где Папа застрелил старого зубра, а потом поехали на охоту в ремиз. Погода теплая, всего 1° морозу. Охота была удачная и убили более 150 штук. Я убил 47 штук разной дичи. Потом были еще на псарне и травили медведей молодыми собаками. Вернулись домой в 4 часа. Немного поспали, а в ? 7 обедали в арсенале. В ? 9 отправились обратно в Петербург. В 10 ч. был дома и остальной вечер провели с Минни вдвоем. В 1 час легли спать.

17/29 Января. Четверг. Петербург. Утро провел у Папа и потом завтракал у Алексея, и в ? 1 отправился в манеж на смотр Артил(лерийской) бригады и пешей учебн(ой) Батареи. Все сошло благополучно. Остальной день провел дома и принимал. Обедали дома с Минни, а в 8 ч. она отправилась в оперу, а я в Адмиралтейство на музыку и ужинал там. В 1 час легли спать.

18/30 Января. Пятница. Петербург. Утро провел у Папа. Завтракал у Алексея, а в ? 1 отправился на смотр 2ой и 5ой Конной Бата(реи) и учебной Конной с Казачьим арт(иллерийским) взводом. Тоже Папа остался очень доволен. Вернувшись, принимал до 3 ?, а потом катался с детьми на коньках. Обедали дома, потом Минни поехала в Русский театр на бенефис Савиной¹⁹, а я еще остался читать и заниматься. Около 10 ч. отправился тоже в театр. В 12 вернулись и легли спать около 1 часу.

19/31 Января. Суббота. Петербург. Утром был у Папа, а потом завтракали у Алексея с А. Б. Перовским. В 1 час был смотр Учебному батальону, 4му бат(альону) Новочеркасского полка и Учебн(ому) Эскадрону, и все эти части представились в отличном виде. Остальной день провел дома; гуляли с детьми в саду, опять тает и 3° тепла. В 6 ч. обедали у нас Папа, Владимир, Михен, Алексей, Павел, Костя и Митя. Вечером были в Французском театре. Легли в ? 1 спать.

Сегодня в 2 ч. дня Мама, Слава Богу, благополучно выехала из Канна в обратный путь в Россию вместе с Мари и Сергеем²⁰. Дай Бог, ей благополучно доехать!

20 Января / 1 Февраля. Воскресение. Петербург. Утро провел дома, и у обедни были с Минни и детьми в нашей церкви. После общего завтрака отправился на развод от Финляндского полка. Остальной день провел дома. Погода теплая, 3° тепла и каток испортился совершенно. Обедали в 6 ч. у Д. Петра Ольденбургского²¹, и все были очень в духе. Потом отправились целой компанией в балет «Младу», а в 11 ? вернулись домой и в 1 час легли спать.

От Мама, Слава Богу, известия очень хороши, и она благополучно продолжает путешествие.

21 Января / 2 Февраля. Понедельник. Петербург. Утро провел как всегда, а потом завтракал у Алексея. В ? 1 отправился на смотр Л(ейб) Гв(ардейского) Конногренадерского полка; полк представился в блестящем виде, как в конном, так и в пешем, просто прелесть. Остальной день провел дома, принимал и читал. Гуляли и возились с детьми в садике; кататься на коньках невозможно. На улицах снег так стоял, что уже все мы и извозчики на колесах. Обедали дома и вечер провел тоже, а Минни была еще в Немецком театре с Папа. Легли в 1 час.

23 Января / 3 Февраля. Вторник. Петербург. Утро провел у Папа и завтракал в последний раз у Алексея, так как сегодня кончаются все смотры Папа. В 1 ч. отправился в манеж на смотр Л(ейб) Гв(ард). тоже отлично. Погода теплая, но туманно и темно. Обедали в 6 ч. у Папа и были

приглашены все начальники частей, которые еще не обедали у Папа, и все высшие начальники. Мини тоже обедала с нами. Вечер провели до 9 ? дома, а потом были у Тези и Юрия и играли в рулетку, и потом ужинали, а в 2 ч. вернулись домой и легли спать. Сегодня Мама благополучно достигла границы, и завтра мы ждем ее сюда в 4 часа.

23 Января / 4 Февраля. Среда. Петербург. Гатчина. В ? 11 утра отправились с Минни на Балтийскую дорогу и в 11 ? отправились через Лигово, Красное Село в Гатчину. Поехали еще с нами Алексей, Победоносцев²² и Н. М. Баранов, уже в статском платье. Погода сегодня

совершенно весенняя, светло, тепло и чудное солнце с самого утра. В Гатчине мы осмотрели на пруду подводную лодку инженера Джевецкого²³, который при нас сделал несколько удачных опытов с своей лодкой и кончил тем, что подвел мину под плот и отойдя взорвал ее отлично. Эта лодка, я уверен, будет иметь большое значение в будущем и сделает порядочный переполох в морских сражениях. После опытов мы зашли во дворец, а ? 3 отправились на Варшавскую станцию, где застали уже Папа, Владимира, Михен и Павла. В 3 ч. пришел поезд Мама, и мы вошли в вагоны. Нашли Мама очень изменившейся и очень слабой, но, Славу Богу, все-таки путешествие она выдержала замечательно хорошо. Мари и Сергей приехали тоже. В 4 ч. благополучно прибыли в Петербург. Вернувшись домой, я читал, а потом немного поспал, а в 6 ? обедали у Папа с братьями и Мари и Михен. Мама обедала одна, и после мы у нее были, но не долго. В 8 ч. вернулись домой и вечер провели дома. Легли в 1 час спать.

24 Января / 5 Февраля. Четверг. Петербург. Имянины нашей Ксении²⁴. Утром был у Папа за докладами, а потом, вернувшись домой, пошел к обедне. В 12 ч. был у нас фамильный завтрак, более 20 человек. Папа не мог быть, так как у него опять лихорадка от простуды. Сегодня все еще тает и тепло, как в Ноябре. Обедали дома, а в ? 9 ездили с Минни к Мама, которую нашли очень изменившейся с тех пор, что видели ее в последний раз в Канне.

В ? 10 был у нас наш музыкальный вечер нашего хора; собралось 49 человек. У Минни был тоже вечер и были: Владимир с женой, Кн. А. С. Долгорукий²⁵ с женой, Гр. Шувалова (Бетси), Гр. Апраксина, В. В. Зиновьев²⁶, А. Н. Стюрлер, Гр. Воронцова, Кн. Барятинский (нрзб.), Кн. Оболенский, Гр. Перовский и И. П. Новосильцев²⁷. После ужина разошлись и легли спать в 2 часа.

25 Января / 6 Февраля. Пятница. Петербург. Утром был у Папа и оставался там до 12 ч., потом завтракали с братьями и Мари у Папа, а в ? 1 был благодарственный молебен в библиотеке, Папа и Мама служили молебен в уборной Мама. В 1 ? я отправился к Д. Косте²⁸ на совещание, на котором были: Валуев²⁹, Кн. Урусов, Маков, Дрентельн³⁰ и Госуд(арственный) Секретарь Перетц. Рассматривали по приказанию Папа записки Д. Кости и Валуева о преобразовании Госуд(арственного) Совета, учредив при нем собрание депутатов от представителей: Дворянства, Земства и Городов. Оба проекта были единогласно отвергнуты по многим причинам, о которых здесь я не стану распространяться, так как пришлось бы исписать несколько страниц, а главная причина, что эта мера никого бы не удовлетворила, еще больше бы запутала наши внутренние дела и все-таки в некотором роде была бы одним из первых шагов к Конституции!

Вернулся домой только в ? 4 и пошел погулять в садик с детьми. Обедали с Минни дома. Вечером я писал и читал до 12 ч., а потом еще посидел немного у Минни и болтали с Гр. Воронцовой. В 1 ? легли спать.

26 Января / 7 Февраля. Суббота. Петербург. Утро провел у Папа, а в 12 ч., вернувшись домой, принимал представляющих; было 11 человек. После завтрака был еще В. В. Зиновьев с докладом. Обедали у Папа за субботенным обедом и потом были у Мама, которая все в том же печальном положении и долго не выдерживает разговора, так это ее утомляет.

В 8 ч. я вернулся домой, а все прочие отправились в театр к французам. Я читал и занимался до 10 ч., а потом тоже поехал в Фр(анцузский) театр. После театра поехали ужинать к Гр.

Вечером и провели время своим приятным, а в ? 2 вернулись домой и легли спать.

Воронцову и провели время очень приятно, а в 12 вернулись домой и легли спать.

27 Января / 8 Февраля. Воскресение. Петербург. Утро провел дома, потом были с Минни и детьми у обедни в нашей церкви, а после завтракали с нашими. Развода не было, так как Папа немного простудился и не выходит. В 6 ч. обедали у Папа за семейным обедом*, а потом были в балете, как всегда все вместе. Легли спать в 12 ?.

28 Января / 9 Февраля. Понедельник. Петербург. Утром был у Папа за докладами и остался там завтракать, а потом отправился в Гос(ударственный) Совет. В 2 ч. вернулся домой и читал, а в 3 ? пошел в сад гулять. Катались тоже на коньках после 8 дней перерыва. Обедали дома с Минни вдвоем, а потом поехали в Русскую оперу. «Майская ночь» Римского-Корсакова мне не понравилась, мало мелодии и все речитатив. Вернувшись, я читал, а потом пошел к Минни, где были: Гр. Воронцова, Апраксина и Кн. Оболенский. В ? 2 легли спать.

29 Января / 10 Февраля. Вторник. Петербург. Утро провел у Папа и Горчакова³¹. В ? 2 только вернулся домой и еще принимал до ? 4, а потом катались на коньках с детьми. Обедали дома и была Гр. Воронцова. Вечер провели тоже дома и легли спать в 1 час. Слава Богу, Мама чувствует себя довольно хорошо и ухудшения никакого нет. Бедная Елена Шереметева очень опасно больна после родов, и температура почти постоянно 40° и 41°. Доктора полагают, что у нее венозная лихорадка. Дай Бог ей бедной поправиться. Сегодня минуло ей 19 лет! Только!

30 Января / 11 Февраля. Среда. Петербург. Утро провел до 11 ч. дома, а потом был у Папа за докладами. Вернувшись домой, принимал, а потом завтракали. День провел обыкновенным образом и обедали дома. Вечером заезжали к Мама, а потом поехали с Минни к Тези и Юрию. После ужина разъехались и легли в 2 часа.

31 Января / 12 Февраля. Четверг. Петербург. Утро и день прошли обыкновенным образом. Обедали дома. Погода не холодная, 2° и 3° морозу, но снегу нет, так что продолжаем ездить в колясках. Вечером заезжали с Минни к Мама, а потом я поехал в Адмиралтейство на нашу музыку, а Минни в оперу. После ужина вернулся домой и легли в ? 2 спать.

1/13 Февраля. Пятница. Петербург. Утром был у Папа и завтракал там. Видел Мама, которая сегодня не так хорошо спала и слабее. В ? 2 был смотр в манеже 8го Флотского Экипажа, и моряки представились отлично. Вернувшись домой, читал и занимался, а потом катался на коньках с детьми. Обедали дома и вечер провел у себя до 11 ?; а потом пошел к Гр. Апраксиной, где ужинали и были: Гр. Воронцов с женой, Софа Апр., А. Н. Стюрлер, А. Б. Перовский и Кн. Оболенский. В ? 2 разошлись и легли спать. Это был последний ужин у Апраксиной перед ее свадьбой и прощание с ее милыми комнатами.

2/14 Февраля. Суббота. Петербург. Утром был у Папа за докладами, а потом остались к обедне по случаю храмового праздника малой церкви. После завтрака разъехались по домам. Обедали в 6 ч. у Папа с братьями и Мари и были тоже у Мама. Потом я вернулся домой, читал и занимался, а в 10 ч. отправился в Фр(анцузский) театр, где была Минни и прочие. Вернулись в 12 ч. домой и закусили у Минни в уборной, была тоже Гр. Апраксина, с которой мы провели последний вечер, а завтра уже ее свадьба, и вечером они отправляются в Варшаву и оттуда в Вену. Погода стоит хорошая 2° морозу, но все без снегу.

3/15 Февраля. Воскресение. Петербург. День свадьбы Гр. Апраксиной и Кн. Оболенского. Утро провел дома и в 11 ч. отправился с Минни и детьми к обедне в нашу церковь. Потом завтракали, а в ? 1 я отправился на развод от Гвард(ейского) Экипажа. Потом вернулся домой и переоделся на свадьбу. В 3 ч. была свадьба Оболенского и Апраксиной в нашей церкви. Папа и Мини были пос(ажеными) от(цом) и мат(ерью) у Апраксиной, а я вместе с матерью Оболенского у него. Приглашенных было очень много, церковь была переполнена, и все обошлось благополучно и хорошо. Потом все собрались внизу в приемных и поздравляли молодых. В 4 ? разъехались, и я пошел кататься с детьми на катке. В 5 пили чай у Минни с Апраксиной и Оболенским, и

простились с ними, так как сегодня же вечером они отправляются за границу.

В 6 ч. обедали у Папа за семейным столом, а потом были у Мама и зашли к Алексею, а в 8 ч. отправились в балет «Млада», кажется, уже в 8й раз. В 11 ч. вернулись домой, и была у нас Гр. Воронцова, а в 1 час легли спать. Несмотря на то, что мы с Минни очень рады и счастливы свадьбой Апраксиной, но теперь, когда она окончательно оставила наш дом и уехала, нам обоим ужасно грустно. Совершенно как будто кто умер из близких в нашем доме, разом как-то опустело!

Не легко было жене расставаться с милейшей Графиней, это был такой друг, каких мало на свете, и такой славный и честный человек! Для жены это действительно огромная потеря, потому что второго такого друга не может быть. Не легко расставаться с такой женщиной, которая провела у нас в доме 10 лет, разделяла постоянно с нами и горечь и радость и привязала к себе решительно всех наших. Одно остается утешение, что все-таки она остается близко к нам, и надеюсь, мы часто будем ее видеть и по-прежнему останемся друзьями. Дай Бог ей счастья и радость, которую она вполне заслуживает!

4/16 Февраля. Понедельник. Петербург. Утро провел у Папа за докладами, а потом был у Сергея. В 11 ? приехал Князь Болгарский³² с Сергеем, который ездил его встречать. В ? 1 завтракали вместе у Папа, а потом я был у Мама, которая сегодня чувствует себя слабее и кашель увеличился. В ? 2 отправились с Сергеем на панихиду по бедному старику генер.-адъютанту Барону Ливену, который скончался вчера вечером. Наконец, в ? 3 вернулся домой, и остальной день и вечер провели вдвоем с Минни, а в ? 1 легли спать. Сегодня мороз до 14°.

5/17 Февраля. Вторник. Петербург. Утром был у Папа за докладами, а потом, вернувшись домой, принимал представляющихся. Сегодня очень холодно, утром было до 18° и ветер страшный. В 3 ? ездили верхом с Минни и детьми в нашем манеже, а потом пили чай, и в ? 5 я лег поспать. В ? 6 отправился на Варшавскую дорогу встречать вместе с братьями: Д. Александра и Людвига³³. Со станции все отправились в Зимний Дв(орец) к обеду, и только что мы успели дойти до начала большого коридора Папа и он вышел навстречу Д. Александра, как раздался страшный гул и под ногами все заходило и в один миг газ везде потух³⁴. Мы все побежали в желтую столовую, откуда был слышен шум, и нашли все окна перелопнувшими, стены дали трещины в нескольких местах, люстры почти все затушены и все покрыто густым слоем пыли и известки. На большом дворе совершенная темнота, и оттуда раздавались страшные крики и суматоха. Немедленно мы с Владимиром побежали на главный караул, что было не легко, так как все потухло и везде дым был так густ, что трудно было дышать. Прибежав на главный караул, мы нашли страшную сцену; вся большая караульная, где помещались люди, была взорвана и все провалилось более чем на сажень глубины, и в этой груде кирпичей, известки, плит и громадных глыб сводов и стен лежало вповалку более 50 солдат, большей частью израненных, покрытых слоем пыли и кровью. Картина раздирающая, и в жизнь мою не забуду я этого ужаса!

В карауле стояли несчастные Финляндцы, и когда успели привести все в известность, оказалось 10 человек убитых и 47 раненых. Сейчас же вытребованы были роты первого батал(ьона) Преображенских, которые вступили в караул и сменили остатки несчастного Финляндского караула, которых осталось невредимыми 19 человек из 72 нижних чинов. Описать нельзя и слов не найдешь выразить весь ужас этого вечера и этого гнуснейшего и неслыханного преступления.

Взрыв был устроен в комнатах под караульной в подвальном этаже, где жили столяры. Что происходило в Зимнем Дв(орце), это себе представить нельзя, что съехалось народу со всех сторон. Провели вечер у Папа, в комнатах Мари. Мама, Слава Богу, ничего не слышала и ничего не знала, так она крепко спала во время взрыва. В ? 12 вернулись с Минни домой и долго не могли заснуть, так нагружены были все нервы и такое страшное чувство овладело всеми нами. Господи, благодарим Тебя за новую Твою милость и чудо, но дай нам средства и вразуми нас, как действовать! Что нам делать! 6/18 Февраля. Среда. Петербург. Утром был дома, а в ? 11 отправился в Конюш(енный) госпиталь осмотреть раненых, которых нашел 34 человек, прочие

размещены в разных местах. Есть еще человека 3 или 4 тяжелораненых, и мало надежды на выздоровление. Оттуда отправился к Папа на доклады и оставался там завтракать, а в 1 час был выход в большую церковь и благодарственный 351 молебен; съехалось много во дворец и тоже дамы, и «ура» раздалось сильное, когда Папа появился в залах. После этого мы вернулись домой и остальной день провели дома, а вечер у Воронцовых, играли в карты и ужинали, а в 2 ? легли спать. Мы еще все находимся под этим страшным впечатлением и решительно покоя не находим, все более и более думаем об этой небывалой адской проделке! Великий Князь Александр Александрович. 1870-е годы 7/19 Февраля. Четверг. Петербург. Утро все провел у Папа, много толковали об мерах, которые нужно же, наконец, принять самые решительные и необыкновенные, но сегодня не пришли еще к разумному. Следствие идет своим 352 порядком, и кое-что открывается интересного и полезного. Завтракали у Папа, а потом ездили с ним в Казанский Собор и оттуда в Конюшенный госпиталь осмотреть раненых, которых осталось 14 человек, а остальные отправлены в полковой госпиталь. Потом поехали в госпиталь Финляндского полка, в котором застали конец панихиды в церкви по 10 убитым взрывом. Было все начальство, все офицеры и почти половина полка. Грустно и тяжело было видеть эти 10 гробов несчастных солдат, таким страшным образом покончивших жизнь! Потом обошли всех раненых, большею частью все хорошо идут, и надо надеяться, что они поправятся. В 4 ч. только вернулся я домой и пошел еще к детям в сад. Обедали дома, а вечером я был на нашей музыке в Адмиралтействе и ужинали там, а Минни была у Мари. В 1 час вернулся домой и легли спать. 8/20 Февраля. Пятница. Петербург. День прошел благополучно, но тревожно, как все эти дни. Сегодня утром были похороны Финляндских солдат; много набралось военных и публики. Начинают поступать много пожертвований в пользу семейств убитых и раненых. 9/21 Февраля. Суббота. Петербург. День прошел обыкновенным образом. Обедали у Папа с братьями, Д. Александром, Людвигом и Сандро³⁵. Мама, Слава Богу, не хуже, а по временам даже лучше, и она довольно бодра. Вечером были в Франц(узском) театре, но я приехал позже, только к 10 ?, потому что у меня был А. Р. Дрентельн, с которым толковали о настоящем печальном времени. Вернулись с Минни в 12 ч. домой и скоро после легли спать. Погода стоит опять теплая и выпал снег; ездим в санях снова. 10/22 Февраля. Воскресение. Петербург. Утро провел дома, и в 11 ч. были в нашей церкви у обедни с Минни и детьми. В ? 1 после завтрака отправился в манеж на развод Егерского полка. Обедали у Папа за фамильным столом, а потом были в театре в балете. Потом заехали к Т. Саше с Минни, Ежени³⁶, Алеком³⁷ и ужинали, а в 1 ч. вернулись и легли спать. 11/23 Февраля. Понедельник. Петербург. Все утро провел у Папа и завтракал там. В 1 ? час вернулся домой. Остальной день оставался дома, принимал, читал и занимался. Обедали у Владимира, а потом я вернулся домой, а проч(ие) поехали в Немецкий театр. В ? 9 был у меня Гр. Лорис-Меликов³⁸, который получает новое назначение, а именно Председателя Верховной Комиссии, в которой должны соединиться все политические дела, и ему предполагается дать большие права и полномочия. Толковали с ним слишком два часа и о многом успели переговорить. В ? 11 он уехал, а я еще читал и писал до 12 ч. Потом приехали Минни, Михен, Владимир и Людвиг, которые катались в тройке. Сели ужинать у меня в кабинете, а в 1 ? разошлись и легли спать. 12/24 Февраля. Вторник. Петербург. Лисино. День прошел, ничего особенного не было. Вечером в ? 10 отправились с Папа, братьями и проч(ими) в Лисино на охоту и ночевали там. 13/25 Февраля. Среда. Лисино. Петербург. С 11 ч. утра до ? 4 были на охоте в парках. После обеда в ? 8 отправились в Тосну, где встретились с Д. Мишей и Т. Ольгой³⁹ и Митей и вместе отправились в Петербург. Вечер провели дома вдвоем с Минни. 14/26 Февраля. Четверг. Петербург. День прошел обыкновенным образом. Сегодня вступил в новую должность Гр. Лорис-Меликов; дай, Боже, ему успеха, укрепи и настави его Вечером был в Адмиралтействе на нашей музыке и ужинал там. В 1 ч. вернулся и легли спать. 15/27 Февраля. Пятница. Петербург. Утро провел у Папа и был у Мама. В 1 ? вернулся и принимал с Минни нового Австрийского посла Гр. Калбноки. 353 В 2 ч. были на панихиде по бедному Вячеславу⁴⁰; сегодня год со дня его кончины. Обедали дома, а в ? 10 был у нас наш музыкальный вечер, и приглашенных было много. Папа мы встретили с гимном, и потом было «ура!». Играли особенно удачно и стройно. После ужина легли спать в ? 2 часа. 16/28 Февраля. Суббота. Петербург. Утро и день прошли обыкновенным образом. В 6 ч. встречали Д. Низи⁴¹ и Альфреда⁴²; а потом обедали все у Папа, в Помпеевской Столовой Ан-Мама. Вечером были в Фр(анцузском) театре и наслаждались «Niniche». Потом ужинали у Владимира, а в 1 ч. разъехались и легли спать. 17/29

наслаждались «тишине». Потом ужинали у Владимира, а в 1 ч. развлекались и легли спать. 17/22
Февраля. Воскресение. Петербург. У обедни были дома, потом завтракали, а в 1 час был развод
от Л(ейб) Гв(ардейского) Саперного батальона. В 2 ? ездили с Минни к Мама, а потом домой и
катались с детьми на коньках. Сегодня погода ясная и тает, но ветер страшный, совершенная
буря. Семейный обед был у нас в 6 ч.; было 30 человек. Потом отправились большой
компанией в балет, давали «Младу». Вернувшись домой, скоро легли с минни спать. 18 Февраля / 1
Марта. Понедельник. Петербург. Утро провел у Папа, а потом завтракал дома, а в 2 ч. поехали с
Минни в санях на панихиду в крепость по милостивому Ан-Папа. Остальной день провел дома, но
после панихиды были еще в Госуд(арственном) Совете. Обедали с Минни вдвоем, и потом я

читал и занимался. ? 10 мы поехали с Минни к Гр. Шереметеву на вечер. Было довольно много
приглашенных, и наслаждались пением его певчих до ? 1, а потом ужинали и в 2 ч. вернулись
домой и легли спать. 19 Февраля / 2 Марта. Вторник. Петербург. Юбилей 25 лет царствования
Папа. Утром в ? 10 я поехал в Зимний Дв(орец) к Папа и Мама и застал их за кофеем. В ? 10
собралась вся фамилия поздравлять Папа, и все, имеющие Преображенский мундир, были целый
день в нем. В 10 ч. была военная серенада перед Папа комнатами на разводной площади; были
собраны музыки от всех полков и представители частей Петерб(ургского) гарнизона и его
окрестностей, по 100 человек с полка. Папа вышел на балкон, и музыка началась при
оглушительных криках «Ура!» всех офицеров, солдат и массы народа. Гимн повторяли
несколько раз, и был салют от 2х Гвард(ейских) батарей. Серенада удалась отлично, и это было
великолепное начало торжественного дня. В 11 ч. Папа принял в своей приемной и арсенале всю
свиту. В ? 12 был прием в белой зале всех начальников частей Гвардии и всех офицеров
юбилейных полков Государя. После этого был прием в приемной всего Государ(ственного)
Совета. В 12 ч. начался выход в большую церковь. Никогда я не видал такой массы народу на
выходе, и в особенности дам. Отслуживши молебен, пошли обратно, и в Петровской зале Папа
принимал Дипломатический корпус. Потом был семейный завтрак в малахитовой зале. Только
в 2 ч. я вернулся домой. Семейный обед был в 6 ч. у Папа в малахитовой, а потом мы поехали
все в оперу, где Итальянцы давали «Жизнь за Царя» и очень не дурно. Энтузиазм был огромный.
Гимн повторяли раз 6 и «Ура!» единодушный. Оттуда поехали в Русскую оперу, давали ту же
оперу, и тоже настроение публики было самое восторженное, и Гимн повторяли более 10 раз!
Вообще этот день произвел на нас самое отрадное и приятное впечатление, и Бог благословил
этот торжественный и Славный праздник! Вернулись домой в 12 ч. порядочно уставшие и скоро
после легли спать. 20 Февраля / 3 Марта. Среда. Петербург. Утро провел у Папа и завтракал там.
Только что успели мы очнуться от страшного кошмара 5 февраля в Зимнем Дв(орце), как
сегодня около ? 3 часа узнали о нападении на жизнь Гр. Лориса-Меликова 354 у его квартиры43,
но, к счастью, несмотря на то, что убийца стрелял в упор, Граф ранен, но разорвана шинель и
мундир и легкая контузия. Я поехал к нему и застал целый раут, ужас, что народу наехало и
приезжало поздравить Графа, и народ на улице толпился массой. Слава Богу, что уцелел этот
человек, который так нужен теперь бедной России! Остальной день провел дома, а вечером были
у Юрия и Тези и там играли в карты, а потом ужинали. В 2 ч. вернулись домой и легли спать. 21
Февраля / 4 Марта. Четверг. Петербург. Утро провел у Папа и завтракал там. Сегодня начался
уже суд над убийцей Гр. Лориса и к 3 ч. все было кончено, а завтра утром назначена уже казнь.
Вот это дело и энергично! Ничего особенного сегодня не было. Обедали дома. Вечером был у
меня Гр. Лорис-Меликов, толковали более часу о теперешнем положении и что предпринять. В
10 ? отправился к Д. Мише и Т. Ольге, где была уже Минни. В ? 1 вернулись домой и легли
спать. 22 Февраля / 5 Марта. Пятница. Петербург. Утро провел обыкновенным образом у Папа.
Сегодня в 11 ч. утра совершилась казнь на Семеновском плацу при огромном стечении народа и
совершенно спокойно. День провел относительно спокойно. Обедали дома, потом читал и
занимался, а в ? 10 поехал за Минни в оперу и оттуда отправились к Гр. Воронцову на вечер.
Играли в quinze с Воронцовым, Албером, Вобу Шуваловым и Балашевым. Потом ужинали, а в ?
3 вернулись домой и легли спать. 23 Февраля / 6 Марта. Суббота. Петербург. Ничего особенного
не было весь день. Обедали с братьями у Папа и были у Мама. Потом все поехали в
Франц(узский) театр, а я домой заниматься. В 10 ? поехал тоже в театр, а оттуда ужинать к
Эжену и Зине44 и в 2 ч. вернулись и легли спать. 24 Февраля / 7 Марта. Воскресение. Петербург.
У обедни были дома и завтракали со всеми нашими, а потом я читал, писал и занимался. В 3 ч.
катались дети с Минни в Таврическом, а я гулял в нашем садике, и идет целый день густой снег

катались дети с Минни в Таврическом, а я гулял в нашем садике, и идет целый день густой снег, так что опять отличный санный путь. Обедали в 6 ч. у Папа за семейным столом, а потом были у Мама. В 8 ч. отправились большой компанией в балет; давали в первый раз старинный балет «Дева Дуная». В 10 ? вернулись домой и легли спать раньше. 25 Февраля / 8 Марта. Понедельник. Петербург. Масляница. Утром был у Папа за докладами, а потом завтракал там и был у Мама, которая, Слава Богу, чувствует себя не хуже. Остальной день провел дома, а обедали у Папа в Зимнем Дворце. Потом поехали в Русскую оперу, где давали «Купец Калашников», новая опера Рубинштейна; всего второй раз давали ее и запретили, так как сюжет весьма грустный и не своевременно давать теперь подобные представления. Музыка очень хороша и в особенности

финал. В 11 ч. вернулись домой и скоро после ужина в моем кабинете и были: Воронцов с женой, Шереметев и А. Б. Перовский. В ? 2 разошлись и легли спать. 26 Февраля / 9 Марта. Вторник. Петербург. День моего рождения. Утро провел дома. Минни и дети принесли свои подарки ко мне в кабинет, и Минни пила кофе. В 11 ? пошли принимать поздравления, и набралось более 200 человек. Потом собралась вся фамилия, и мы отправились к обеду в нашу церковь. Потом был большой завтрак, семейный и для всех прочих в бальной зале. В ? 2 мы поехали с Минни к Мама и Папа, который не мог приехать к нам, так как он кашляет и сегодня холодно и скверная погода. Вернувшись домой, катался с детьми на коньках, а потом пили чай с Минни в ее уборной. В 6 ч. обедали у Папа с братьями, Д. Александром, Людвигом, Сандро и Алфредом. Вернувшись домой, читал, писал и занимался. Минни поехала в ? 10 к Владимиру, чтобы ехать в тройках, а потом я поехал тоже к 355 12 ч., и там ужинали и провели время весьма приятно и весело; нас было человек 20 за столом. В 2 легли спать. 27 Февраля / 10 Марта. Среда.

Петербург. Утро провел у Папа и завтракал там, а потом зашел к Мама. В 1 час поехали с Минни и детьми в балет; давали «Дон Кихот», и Ники и Жоржи⁴⁵ были очень довольны и веселились. В 3 ? вернулись домой и катались с Минни и детьми на коньках. Обедали наконец дома вдвоем с Минни, а потом читал и занимался. В 9 ч. Минни поехала к Тези и Юрию, а ко мне приехал Гр. Лорис-Меликов, и мы с ним просидели до 10 ч. Вчера Папа окончательно решил подчинить Гр. Лорису 3-е Отделение. А. Р. Дрентельн оставляет совершенно это место и назначается членом Госуд(арственного) Совета, а заведывать делами 3 Отд(еления) будет Черевин⁴⁶. Это первый шаг к объединению полиций, и дело может только выиграть от этого. Около 11 ч. я тоже поехал к Тези. Играли в карты, а потом ужинали, а в 2 ч. легли спать. 28 Февраля / 11 Марта. Четверг. Петербург. Утро провел у Папа и завтракал там, а потом был у Мама. В ? 2 отправились с Алексеем в балет, и приехали туда Минни, Михен и Владимир. В 3 ? вернулись домой и катались с детьми на коньках. Обедали дома вдвоем. До 10 ч. я занимался и читал, а потом у нас был вечер и приглашенных было более 20 человек. Пели тирольцы, и очень не дурно, 4 женщины и 2 мужчин, а третий играет на цитре. Играли тоже в карты, а потом сели ужинать, и в ? 2 разошлись и легли спать. 29 Февраля / 12 Марта. Пятница. Петербург. Утро провел у Папа, был у Мама. Во ? 2 поехали с Минни в балет, и были еще Алексей, Д. Миша, Т. Ольга, Эжени и Алек.

Вернувшись домой, катался на коньках с детьми. В 6 ч. обедали у Д. Петра Ольденбургского. В 8 ч. вернулся домой, а Минни была с проч(ими) в Немецком театре. Я читал и занимался до 11 ч., а потом вернулась Минни, и мы читали у нее в уборной и потом закусили, а в 12 ? легли спать. Страшно подумать, что в эти 5 лет было прожито. Сначала беспокойные годы до Турецкой войны, потом сама война 1877 и 1878 гг. и, наконец, самые ужасные и отвратительные годы, которые когда-либо проходила Россия: 1879 и начало 1880 г. Хуже этих времен едва ли может что-либо быть! Да Благословит Господь нас и теперь и да даст утешение, и чтобы конец этого года даровал бы нам мир и тишину! Аминь! Кончена эта книга 2/14 Марта 1880 г. С. Петербург. Аничков Дворец. ПРИМЕЧАНИЯ 1 Александр II (1818—1881), Император, старший сын Императора Николая I и Императрицы Александры Федоровны. Вступил на престол 19 февраля 1855 г 2 Мария Федоровна (урожд. София-Федерика-Дагмара, принцесса Датская) (1847—1928), Вел. Кн. С 1866 г. супруга Наследника Цесаревича. 3 Алексей Александрович (1850—1908), Вел. Кн. Сын Императора Александра II. Генерал-адъютант, генерал-адмирал. С 1881 г. — главный начальник флота и Морского ведомства, член Государственного Совета. 4 Владимир Александрович (1847—1909), Вел. Кн. Сын Императора Александра II. Генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884—1905), член Государственного Совета. Мария Павловна (Михень, Михен) (урожд. герцогиня Мекленбург-Шверинская) (1854—1923). Вел. Кн. 5 Константин Константинович (1858

герцогиня мекленбург-шверинская) (1854—1925), вел. кн. 5 Константин Константинович (1850—1915), вел. кн. Сын вел. кн. Константина Николаевича. Генерал-адъютант, генерал от инфантерии, поэт, печатался под псевдонимом «К. Р.». 356 С 1899 г. — президент Академии наук. Дмитрий Константинович (1860—1919), вел. кн. Генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Расстрелян в январе 1919 г. в Петропавловской крепости. 6 Лейхтенбергский Георгий Максимилианович (1852—1912), герцог, кн. Романовский. Женат первым браком на герцогине Терезии Ольденбургской. 7 Баранов Николай Михайлович (1837—1901), генерал-лейтенант, сенатор. Служил в Русском обществе пароходства и торговли (1858—1861). Участник русско-турецкой войны (1877—1878), петербургский градоначальник (1881). 8 Васмундт Г. Р. (1838—1904), флигель-адъютант, начальник штаба Петербургского округа. 9 Балет А. Ф. Минкуса (1826—1917), хореография М. И. Петипа (1818—1910). Премьера «Млады» состоялась 2 декабря 1879 г. в Петербурге. 10 Мария Александровна (урожд. Принцесса Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария Гессенская) (1824—1880), Императрица. 11 Павел Александрович (1860—1919), вел. кн. Сын Императора Александра II. Генерал от инфантерии, почетный председатель Русского общества охраны народного здоровья и покровитель всех поощрительных коннозаводских учреждений в России. 27 января 1919 г. расстрелян в Петропавловской крепости. 12 Александра Петровна (1838—1900), вел. кн., дочь принца Петра Георгиевича Ольденбургского. Супруга вел. кн. Николая Николаевича (старшего). С 1889 г. — инокиня Анастасия Киево-Покровского женского монастыря. 13 Николай Александрович (1868—1918), вел. кн. Будущий Император Николай II. 14 Екатерина Михайловна (1827—1894), вел. кн., в замужестве Мекленбург-Стрелицкая, дочь вел. кн. Михаила Павловича, брата Императора Николая I. 15 Принц Вюртембергский Август (1785—1885), генерал-адъютант кавалерии со званием генерал-фельдмаршала. В 1831 г. поступил на прусскую службу ротмистром лейб-гвардии полка. В 1858 г. — командир гвардейского корпуса, был губернатором Берлина. В 1878 г. — главнокомандующий пограничными войсками. 16 Оболенский Алексей Дмитриевич (1847—1917), кн., шталмейстер, сенатор, член Государственного Совета. 17 Гирс Николай Карлович (1820—1895), статс-секретарь, товарищ министра иностранных дел. С 1882 г. — министр иностранных дел Российской Империи. 18 Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837—1916), гр., генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Участник русско-турецкой войны (1877—1878), командовал кавалерией руцукского отряда Наследника Цесаревича. С 1881 г. начальник охраны Императора Александра III, главноуправляющий государственным коннозаводством. С августа 1881 г. — министр Императорского Двора и уделов. 19 Савина Мария Гавриловна (1854—1915), актриса. С 1874 г. — в Александрийском театре. 20 Мария Александровна (1853—1920), вел. кн. Дочь Императора Александра II. С 1874 г. замужем за Альфредом-Эрнестом Альбертом Великобританским, герцогом Эдинбургским. Сергей Александрович (1857—1905), вел. кн. Сын Императора Александра II. Генерал-адъютант, член Государственного Совета. В 1887—1891 гг. — командир лейб-гвардии Преображенского полка. С 1891 г. — московский генерал-губернатор. Убит эсером И. П. Каляевым. 21 Принц Ольденбургский Петр Григорьевич (1812—1881), генерал от инфантерии, член Государственного Совета. 22 Победоносцев Константин Петрович (1827—1907), обер-прокурор Синода (1880—1905), член Государственного Совета. 23 Джевецкий Степан Карлович (1843—1938), инженер, один из первых в мире создателей подводных лодок, в том числе с электрическим двигателем (1880). До 1892 г. работал в России, затем во Франции. 24 Ксения Александровна (1875—1960), вел. кн. Дочь Наследника Цесаревича, супруга вел. кн. Александра Михайловича. 25 Долгорукий А. С. (1842—1912), кн., обер-церемониймейстер, член Государственного Совета. 26 Зиновьев Владимир Васильевич (1814—1891), генерал, гофмаршал Двора Наследника Цесаревича. 27 Новосильцев И. П. (?—1890), шталмейстер. 28 Константин Николаевич (1827—1892), вел. кн., второй сын Императора Николая I. С 1853 г. по 1881 г. возглавлял Морское ведомство, в 1862—1863 гг. был наместником в Царстве Польском. В 1865 г. назначен председателем Государственного Совета. 29 Валуев Петр Александрович (1814—1890), граф (1880), статс-секретарь. В 1853 г. — курляндский губернатор. Министр внутренних дел (1861—1868), председатель Комитета министров и главноуправляющий канцелярии Его Величества по принятию прошений (1879—1881), член Государственного Совета. Автор романа «Лорин» (1882). 30 Дрентельн Александр Романович (1820—1888), генерал-губернатор Юго-Западного края, член Государственного Совета. 31 Горюхов Александр Михайлович (1798—1882), кн. С

края, член Государственного Совета. 31 Горчаков Александр Михайлович (1790—1865), кн. С 1817 г. на дипломатической службе, министр иностранных дел (1856—1882). С 1867 г. — канцлер. 32 Александр I (1857—1893), принц Баттенбергский. Сын принца Александра Гессенского. Участник русско-турецкой войны (1877—1878). В 1879 г. тырновским великим собранием единогласно избран князем Болгарским. 33 Александр (1823—1888), принц Гессенский. Сын герцога Людвига II Гессен-Дармштадтского, брат Императрицы Марии Александровны. 35 С 1845 г. на русской службе. В 1853 г. вступил в австрийскую службу и был возведен в звание фельдмаршала-лейтенанта. Людвиг (1837—1891), герцог Гессенский. 34 Взрыв с целью покушения на Императора Александра II в Зимнем дворце был произведен С. Н.

Халтуриным (1856/57—1882). 35 Александр Михайлович (1866—1933), Вел. Кн., генерал-адъютант, вице-адмирал, четвертый сын Вел. Кн. Михаила Николаевича. В 1900 г. назначен председателем совета по делам торгового мореплавания. В 1904 г. — председатель особого комитета по усилению флота на добровольные пожертвования. Председатель комитета по восстановлению памятников Севастопольской обороны. 36 Ольденбургская Евгения Максимилиановна (урожд. герц. Лейхтенбергская) (1845—1925), кн. Романовская, жена принца А. П. Ольденбургского. 37 Ольденбургский Александр Петрович (1844—1932), принц, генерал-адъютант, сенатор, член Государственного Совета. 38 Лорис-Меликов Микаэл Таризелович (1825—1888), граф, генерал-адъютант. Начальник Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия с чрезвычайными полномочиями (1880). Министр внутренних дел, член Государственного Совета. 39 Михаил Николаевич (1832—1909), Вел. Кн., четвертый сын Императора Николая I, генерал-фельдмаршал. С 1863 г. по 1881 г. — наместник на Кавказе. С 1881 г. — Председатель Государственного Совета. Ольга Федоровна (урожд. принцесса Цецилия Баденская) (1839—1891), Вел. Кн. С 1857 г. замужем за Вел. Кн. Михаилом Николаевичем. 40 Вячеслав Константинович (1862—1879), Вел. Кн., внук Императора Николая I. 41 Николай Николаевич (1831—1891), Вел. Кн. Сын Императора Николая I, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, генерал-инспектор по инженерной части и генерал-инспектор кавалерии. С 1876 г. — главнокомандующий действующей армией. 42 Альфред-Эрнест-Альберт (1844—1900), принц Великобританский, герцог Эдинбургский. Второй сын королевы Виктории. Супруг Вел. Кн. Марии Александровны, дочери Императора Александра II. 43 Покушение совершил революционер-народник Млодецкий Ипполит Осипович (1855—1880), повешен. 44 Лейхтенбергский Евгений Максимилианович (1847—?), герцог, кн. Романовский. Женат первым браком на Д. К. Опочининой, вторым — на Зинаиде Дмитриевне Скобелевой (?—1899), получившей лично и для потомства титул графини Богарне, а в 1889 г. — титул светлейшей герцогини Лейхтенбергской. 45 Георгий Александрович (1871—1899), Вел. Кн., сын Наследника Цесаревича. 46 Черевин Петр Алексеевич (1837—1896), генерал-адъютант, генерал-лейтенант. Петербургский градоначальник, товарищ министра внутренних дел (1880—1883). Начальник дворцовой охраны при Императоре Александре III. Публикация С. Н. СЕМАНОВА, О. Ю. ЩЕРБАКОВОЙ, А. МАМОНОВА

Воспоминания Н. А. Вельяминова о Д. С. Сипягине

Вельяминов Н. А. Воспоминания Н. А. Вельяминова о Д. С. Сипягине / Публ. [вступ. ст. и примеч.] О. Ю. Щербаковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 377—392. — [Т.] VI.

Воспоминания о министре внутренних дел Российской Империи Д. С. Сипягине являются частью мемуарного наследия Николая Александровича Вельяминова под общим заглавием «Встречи и знакомства» (РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Ед. хр. 3).

Дмитрий Сергеевич Сипягин родился в 1853 г., закончил Санкт-Петербургский университет. В 1884 г. был избран предводителем дворянства Московской губернии. Через два года назначен харьковским вице-губернатором. В 1888 г. — курляндским губернатором, а в 1891 г. — московским. Товарищем министра внутренних дел Сипягин стал в 1894 г., в следующем году —

главноуправляющим Собственной Его Величества канцелярией по принятию прошений. Дмитрий Сергеевич был призван к управлению Министерством внутренних дел в 1899 г., а утвержден в звании министра в 1900 г. Таков послужной список этого государственного деятеля.

Первая встреча Вельяминова с Дмитрием Сергеевичем состоялась в 1894 г., последняя — в 1902 г. К Вельяминову были обращены предсмертные слова Сипягина.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ СИПЯГИН

«Коли кричит, значит, барин».

Русская поговорка

I

Не помню, в котором году, но, вероятно, это было в 1894, в первых числах июля меня очень просили приехать в Ильинское, под Москвой, к больному адъютанту Вел(икого) Князя Сергея Александровича¹, З. Ф. Джунковскому, с которым мы до того одновременно служили в Преображенском полку. Болезнь была несерьезная, Джунковский лежал, и врачи не умели ему помочь — так думал он и его окружающие, но в сущности это было не так, излишне беспокоились его друзья.

Я приехал в Ильинское б/В^{II} в сопровождении моего двоюродного брата, друга и товарища Джунковского, А. Н. Вельяминова, состоявшего тогда чиновником для поручений при В(еликом) К(нязе) Сергее Александровиче. Когда я сидел у Джунковского, к нему зашла навестить его как больного В(еликая) К(нягиня) Елизавета Федоровна² и пригласила меня обедать, обещая отправить меня тотчас после обеда на ст. Химки, чтобы на другое утро я мог уже быть в Петербурге. Так как это было б/В^{II}, т. е. на другой день после именин Вел(икого) Князя, то в Ильинском были еще гости и за обедом было много народу. Хозяева были со мной очень любезны и меня как нового гостя посадили рядом с хозяйкой, по левую ее руку. Направо от Вел(икой) Княгини сидел Вел(икий) Князь Михаил Николаевич³, тогда председатель Государственного Совета, а рядом со мной — какой-то толстый и очень лысый статский господин, с которым меня познакомили перед обедом, но фамилию которого я не расслышал. Господин этот был очень большого роста, очень некрасивый, с почти голой головой, лет за 50. По его очень не аристократической наружности, покрою черного сюртука и небрежно повязанному немодному галстуку я почему-то решил, что он из крупных московских купцов, может быть, председатель города или какой-нибудь организации, приехавший, видимо, вчера поздравить Вел(икого) Князя и оставшийся здесь почему-либо на сегодня; во всяком случае — птица крупная, но не из крупнейших.

За все время обеда разговор шел между Вел(иким) Князем, хозяйкой, мною и этим лысым господином. Великий Князь спрашивал меня, как идет холерная эпидемия в Петербурге, о причинах слабых результатов борьбы с ней и т. п. Я говорил, конечно, совершенно откровенно, не стесняясь, бранил порядки городской думы, слабый надзор правительственных чинов, халатное отношение министерства внутренних дел к санитарному состоянию столицы и России вообще и т. д. Великий Князь, любивший иногда поговорить с врачами о медицинских вопросах, очень заинтересовался тем, что я говорил, и поддерживаемый Великой Княгиней, тоже интересовавшейся медициной, все более и более вызывал меня на откровенности. Меня удивило, что лысый господин был видимо в курсе дела, знал разные подробности о ходе эпидемии, несомненно был знаком с деятельностью городских дум Петербурга и Москвы, во многом соглашался со мной, подтверждая передаваемое мною, и т. д. В этом я увидел подтверждение моих предположений и окончательно решил, что это один из крупных московских городских деятелей и не особенный поклонник министерства вн(утренних) д(ел). Разговор принял очень оживленный характер, и я, уже совершенно не стесняясь, критиковал медицинский департамент, медицинский совет и некультурное отношение к санитарным вопросам министерства и его

представителей. После обеда я тотчас простился, чтобы не опоздать на поезд, и, провожаемый двоюродным братом, пошел садиться в экипаж.

— Ты что-то очень много реферировал за обедом, — сказал мне брат. — О чем вы это так оживленно говорили?

— Да я воспользовался случаем и сделанными мне вопросами и посвящал Председателя Госуд(арственного) Совета и супругу московского генерал-губернатора во все безобразия нашего городского хозяйства в столицах и врачебной администрации.

Мне показалось, что брат сделал удивленное лицо, видимо, что-то хотел мне сказать, но не успел, так как я уже сидел в коляске и приказал ямщику трогать.

— Ах да, — крикнул я брату, уже отъезжая, — кто этот господин, который сидел рядом со мной?

— Разве ты не знаешь, это товарищ министра вн(утренних) д(ел) Сипягин, — услышал я ответ уже сквозь стук отъезжавшего экипажа.

Вот так нажил себе приятеля, подумал я. Интересно, что думал Вел(икий) Князь, слушая мои откровения и нелестные для министерства речи рядом с товарищем министра...

Через несколько времени после этого я как-то шел по платформе Балтийского вокзала, чтобы сесть в Петергофский поезд, и остановился с кем-то из знакомых. Мимо нас прошел какой-то человек в форменном сюртуке и такой же фуражке, очень похожих на дорожный костюм гоф-фурьеров и камердинеров. Человек этот поклонился мне очень любезно. Лицо его мне показалось знакомым, и я, думая, что это кто-либо из придворных служителей, крикнул ему «здравствуйте» таким тоном, каким мы говорили с зазнавшейся придворной прислугой. «Как вы однако странно обращаетесь с сановниками», — заметил мне мой собеседник. «С какими сановниками?» — спросил я удивленно. «Да вот с Сипягиным, ведь это восходящая звезда...» Тьфу ты пропасть, подумал я, опять попался, что он будет думать обо мне...

В ближайшую осень кто-то пригласил меня гостем на облаву в великосветское охотничье общество. Я принял приглашение и в темное петербургское утро, часов в 6, приехал на rendez-vous охотников в царских комнатах Балтийского вокзала. Было еще рано, и в полутемной зале на диване сидел один господин в охотничьем костюме. Я подошел и представился. «Да мы давно с вами знакомы», — ответил мне господин довольно суровым тоном и, не вставая, сухо подал мне руку. Я извинился, всмотрелся и узнал Сипягина. Он остался сидеть, молчал и больше не сказал ни слова. Мне показалось, что на этот раз он несколько обиделся. Весь этот день мы провели вместе, но Сипягин не сказал мне ни слова и как будто не замечал меня. Ну, значит, действительно нажил себе приятеля...

Четвертая моя встреча с Д. С. была иного характера. Сипягин в 1899 г. был назначен после И. Л. Горемыкина⁴ министром внутренних дел и, как говорили, был в большой силе. Мы встретились с ним в курительной комнате во время большого бала в Зимнем Дворце. Но для того, чтобы выяснить интерес этой встречи, я должен сделать отступление и рассказать одно предшествовавшее обстоятельство.

II

После «усмирения» чумы в Киргизских степях, как шутя говорили тогда, Принц Александр Ольденбургский⁵ стал носиться с мыслью о необходимости реорганизации врачебно-санитарного управления в Империи и, по возможности, создать министерство народного здоровья. Это было во время министерства Горемыкина, который вообще ничего не понимал в этих вопросах, считал гигиену и санитарию «пустяками», а Принца Александра Петровича беспокойным, неуравновешенным человеком, даже «опасным» в государственных делах. Кто инспирировал

Принца, я не знаю, но он стал убеждать Государя, заинтересовал Его и получил обещание способствовать проведению этого проекта. Как-то раз — как я это наверное знаю — Принц был у Государя рано утром, до доклада министров, и сильно взвинтил Государя в желательном для себя направлении. И. Л. Горемыкин, знавший уже о подходах Принца и готовый к отпору, приехал в этот день к докладу и увидел, к своему неудовольствию, выходявшего из кабинета Государя раскрасневшегося от горячего разговора, но очень веселого и довольного Александра Петровича. «Когда вошел в кабинет, — рассказывал потом Горемыкин одной нашей общей приятельнице, — я застал Государя в довольно взволнованном состоянии. Он с места начал мне говорить о только что слышанном от Принца и объяснять мне необходимость организовать для оздоровления России особое ведомство. Я, однако, уже подготовленный к приступу, возражал Государю очень энергично, вскоре переубедил Его, доказав всю нелепость особого министерства народного здравия. Государь несколько упорствовал, не потому, что Он был убежден в справедливости мыслей Принца, а потому, что Он, видимо, уже успел дать Принцу какие-то обещания и Ему было неприятно отказываться от них. Вероятно, Принц так скоро не успокоится и будет продолжать свои атаки на Государя, — говорил Горемыкин, — но я не сомневаюсь, что из этого несчастного проекта ничего не выйдет. Все это «пустяки» (любимое выражение Горемыкина), и я сумею парализовать это временное влияние Принца на Государя».

Не знаю, случайно ли эти доклады Принца и Горемыкина следовали один за другим или Государь намеренно желал выслушать подряд два противоположных мнения, но я лично не сомневался, что победа останется за министром вн(утренних) д(ел). Зная хорошо характер Государя, чиновную мудрость Горемыкина и бесшабашную горячность Александра Петровича, я понял, что дело Принца проиграно.

Действительно, Принц не унимался, не стесняясь бранил министерство вн(утренних) д(ел), косность Горемыкина и при помощи нескольких близких ему лиц из среды врачей и свободомыслящих чиновников пытался составить по этому вопросу записку Государю; для этого он собирал совещания, торопил и терзал всех и сам много говорил. Конечно, разговоры, происходившие во дворце Принца, передавались Горемыкину, и этот хитрый старец, заручившись и помощью Виттеб, подводил у Государя систематически свои контрмины.

Однако у Принца и его помощников дело не ладилось. Тогда Александр Петрович вызвал меня и просил составить ему таблицу, в которой была бы ясно изображена организация врачебно-санитарного управления в отдельных государствах Европы. Не скрою, что, исполняя желание Принца, я схитрил — составил таблицу и при ней представил пояснительную записку за своей подписью. Записку эту Принц, к моему удивлению, в оригинале передал Государю. Через несколько времени Горемыкин рассказал той же нашей общей приятельнице, жалуясь на Принца, что Государю передали чью-то записку, которую Государь, заклеив подпись, передал для прочтения ему, Горемыкину. Последний отзывался об этой записке, как о чем-то очень наивном, но не скрывал свою досаду, что не знает и не может догадаться, кто ее автор. Беспокоило Горемыкина, по-видимому, то, что, кроме Принца, еще кто-то влиял на Государя, а кто был этот «кто-то», ему было неизвестно. Между тем эта записка, написанная очень просто, произвела на Государя известное впечатление, и Горемыкину нужно было во что бы то ни стало контрпарировать ее влияние, а он не знал, чье это было влияние и насколько оно опасно.

Еще через несколько времени ко мне, как будто случайно, зашел д(окто)р Б. М. Шапиров, медицинский инспектор корпуса пограничной стражи, человек очень близкий в доме Витте, и между прочим заговорил о большом интересе, по словам Витте, который Государь проявляет за последнее время к вопросу об улучшении санитарного состояния России. Государь дал С. Ю. Витте, рассказывал Шапиров, для прочтения записку о необходимости реорганизации врачебного управления в Империи. Государь, видимо, придает этой записке большое значение, но Сергей Юльевич находит, что записка написана слабо — пожалуй, для Государя, но не для министров; она очень утопична; С. Ю. не придает всему этому делу серьезного значения. Конечно, тут влияет на Государя Принц Ольденбургский, но эта записка написана кем-то другим; к сожалению, подпись автора заклеена «Не знаете ли вы кто ее писал? Не вы?» — спросил меня неожиданно

подпись автора записки: «Вы знаете ли вы, кто ее пишет. Это вы?» — спросил меня неожиданно Шапиров, видимо ожидая, что я буду затронут мнением Витте и сгоряча стану защищать свое произведение и этим себя выдам. Я, улыбаясь, сказал, что об этой записке не имею понятия. «Ну, зачем вы скрываете? — сказал Шапиров, — С. Ю. сразу догадался, что писали записку вы». Я отрицал. Шапиров ехидничал. По-видимому, по моему тону он все же понял, что автор записки действительно я сам. Тогда он повел подход с другой стороны и переменял тон. «В сущности, — продолжал он, — С. Ю. ведь согласен, что санитарное состояние России ужасное, он не прочь помочь и готов изыскать средства, но, конечно, не такие, какие требует Принц; так С. Ю. сказал и Государю. На организацию Главного Управления С. Ю. пошел бы и даст средства, но министерство народного здоровья он считает неуместным, несвоевременным и вообще нецелесообразным. Против министерства он будет возражать, но на доброе дело, чтобы быть приятным Государю, средства найдутся. Государь, видимо, очень заинтересован этой запиской и приказал С. Ю. по прочтении непременно вернуть ее Ему. Я думаю, что это дело можно наладить, — кончил Шапиров, — но вам нужно поговорить с С. Ю.». Миссия Шапирова была мне, конечно, вполне ясна. С. Ю. по обычаю был готов идти на компромисс, но стремился отделаться по возможности небольшой подачкой, ему, видимо, казалось, что выгоднее пойти на соглашение со мной, чем торговаться с Принцем или в один прекрасный день получить неожиданно Высочайшее Повеление. Кроме того, С. Ю. нужно было знать, как велика у меня поддержка.

Не знаю, правильно ли передал мне Шапиров взгляд на дело Витте, но я нашел очень показательной точку зрения министра финансов на такой государственной важности вопрос, как санитарное благоустройство страны; я доказывал в своей записке всеми признанную истину о бесспорно большом влиянии состояния здоровья населения на экономические стороны жизни государства, а министр финансов был согласен помочь «доброму делу» и угодить Государю, как будто оздоровление страны можно было рассматривать как филантропическую затею Принца, Государя или кого-нибудь другого. Мне показалась такая точка зрения настолько несерьезной, что я замолчал и решил дело бросить.

Вскоре после этого разговора я по какому-то случаю представлялся Государю и спросил Его: «Читали ли Вы, Ваше Величество, мою записку?» — «Да, конечно (любимое выражение Государя), и я очень сочувствую точке зрения Александра Петровича и вашей. Записка ваша лежит у меня на столе, но я пока не нахожу времени двинуть дело вперед. Нужны средства, а мы пока ими не располагаем. Даст Бог — найдем».

Позже, в 1898 г., когда все это дело еще оставалось без движения, а я был назначен медицинским инспектором министерства двора, Государь сказал мне: «Пока покажите, что можно сделать организацией санитарии в дворцовых городах (Царское Село, Гатчина и Петергоф), это будет испытание в маленьком масштабе».

III

Возвращаясь к Сипягину. По обычаю, обойдя залы и посмотрев Царский выход, я пошел курить и болтать с знакомыми, но таковых не встретил и сидел в курительной один, прямо против входной двери.

Вошел Сипягин. На этот раз я его узнал — он был в парадном егермейстерском мундире, был более представительен, и ему все встречавшиеся глубоко кланялись. Я тоже встал и поклонился. Увидев меня, он подошел, пожал руку и, закулив папиросу, сел рядом со мной.

«Я очень рад, что встретил вас, мне нужно с вами переговорить по важному делу, — начал Д. С.* — Вы знаете, что по должности министра вн(утренних) д(ел) я отвечаю за врачебно-санитарное дело в России, которое, как вы тоже знаете, насколько я помню наш разговор в Ильинском, очень плохо поставлено. Человек я верующий и верю в будущую жизнь. С тех пор, что я министр, я плохо сплю под давлением ответственности, на меня возложенной, но всего более меня гнетут врачебно-санитарные вопросы. Смертность в России громадная, и по ночам мне все

кажется, что во всякой лишней смерти русского человека виновен я и что за все эти смерти с меня будет взыскано на том свете. Совесть мучает меня. Вместе с тем, я совершенно в этих смертях не повинен, ибо ничего не понимаю в медицинском деле, за которое отвечаю. Мне нужна помощь в этом отношении компетентных людей. Каждый день мне приходится решать специально врачебные вопросы, в решении которых я не компетентен, и это меня гнетет. Вот, напр(имер), Одесская городская больница — там необходимо что-то сделать, это просто клоака, но я слышу разнородные мнения и предложения, а сам никакого мнения не имею и иметь не могу. Наша теперешняя организация санитарного дела в России также беспомощна, как и я. Необходимо поставить это дело так, чтобы снять с меня ответственность. Все это я говорил

Государю*, и Он посоветовал мне обратиться к вам. При этом Государь передал мне чью-то записку, думаю, что вашу. Записка эта по мысли справедлива, но это литературное произведение, с которым мы, чиновники, ничего сделать не можем, а мне нужна записка, проектирующая новую организацию управления врачебной частью в Империи и мотивирующая негодность организации теперешней. Скажите мне ваше мнение по этому вопросу. Самое трудное в этом деле — это установить взаимоотношения между правительством и органами самоуправления, между департаментами хозяйственным и медицинским...»

Говорили мы все время бала, до ужина. Я изложил Сипягину все свои мысли по этому вопросу. Д. С. спорил мало и больше слушал меня. Беседу со мной он вел совершенно по-товарищески, не как всесильный сановник, а как равный с равным. Я между прочим признался, что записка, им упомянутая, написана мною. Сипягин, выразил сожаление, что записку эту он прочитал очень бегло, так как Государь дал ее ему только на короткое время. В результате Д. С. попросил меня завтра же прислать ему копию этой записки и заготовить другую, на основании которой он мог бы начать проводить новую организацию законодательным путем.

Своей простотой, любезностью и товарищеским отношением, если можно так выразиться, Сипягин купил меня, кажется, я до того никогда не говорил с министром по делу так долго (часа два), просто и откровенно.

Между прочим, Д. С. сказал мне, что хорошо знает, как этим вопросом интересуется Принц Ольденбургский. «Знаете, ведь он милейший и добрейший человек, но при его горячности и порывистости дела с ним не сделаешь. Жду ваши две записки — одну поданную Государю и другую новую и обстоятельную, — не для монарха, а для министров». (Странно, повторение слов Витте, — подумал я, — вероятно, уже сговорились.) На этом мы расстались.

Я отлично понял, что Д. С. лично был не так заинтересован делом, как он старался показать; несомненно, он с первых же шагов желал угодить Государю и в этом отношении сразу пошел по пути, противоположному тому, по которому шел Горемыкин. Может быть, он считал излишним создавать себе противника в Принце, который, пользуясь своим положением, не очень стеснялся в критике деятельности министров, а это могло иногда сделаться и неприятным, — недаром французы говорят: «*Méditez, meditez, il en restera toujours quelque chose*»**.

Вместе с тем из этого первого разговора с Сипягиным я мог сделать два вывода: первый, что он человек не государственного ума, ибо приведенные им мотивы необходимости реорганизации врачебного управления в Империи и потребности оздоровления России нельзя было признать точкой зрения государственного человека; второй, что он человек, по-видимому, доброжелательный, способный выслушивать других, а не навязывающий своего мнения людям, в известных вопросах более компетентным, чем он сам, т. е. человек, не впадающий в тон непогрешимого сановника, в тон, столь излюбленный многими, если не большинством наших русских сановников, которым, между прочим, так грешили Витте, Горемыкин и многие другие, и это обещало, что с Сипягиным можно сговориться.

На следующий день я приказал переписать мою записку и послал ее Сипягину, составление же новой записки я пока отложил.

Прошла зима. Весной Сипягин заболел. После ангины он захворал острым суставным ревматизмом на подагрической почве — форма болезни, которая у пожилых людей всегда очень продолжительна и мучительна. Сначала Д. С. лечил его домашний врач (фамилию забыл), который пригласил меня по желанию больного, а потом уже я привлек В. Ф. Кернига и Л. В. Попова.

Сипягин жил тогда в своем маленьком особняке, рядом с дворцом В(еликого) К(нязя) Алексея Александровича⁷; дом и вся обстановка были очень скромны. Выделялась в нижнем этаже только одна столовая под сводами и в русском стиле. Стол и русские лавки стояли в углу под образами. В этом отношении Д. С. оригинальничал. Он был большой гастроном, любил хорошо покушать, может быть, выпить — немного, но хорошо, любил угощать других, и его столовая была что-то в роде *sanctuarium*'а*.

Всю жизнь Д. С. был холостяком, и бабьих историй за ним не водилось, что было отчасти понятно при его некрасивой и массивной фигуре. Уже после 50 лет, товарищем министра вн(утренних) д(ел), он женился на тоже уже немолодой Княжне Вяземской, известной в большом свете под именем Ары Вяземской, дочери археолога Кн. Вяземского и сестре Графини Е. П. Шереметевой (супруги Графа Сергея Дмитриевича⁸).

Княжну Ару я встречал в молодости с ее матерью в школе лекарских помощниц при Рождественском лазарете Красного Креста, где старая Княгиня была попечительницей. Тогда Княжне было лет 25, она была очень крупная, красивая и породистая девушка, на английский лад воспитанная и одетая, державшаяся по-мужски, очень просто и свободно. Помню, что тогда она произвела на меня чарующее впечатление действительно великосветской барышни.

Когда я в первый раз приехал к больному Сипягину, я увидел его жену уже седой, но сохранившейся, довольно полной женщиной; полнота при ее очень большом росте придавала ей какую-то массивность, чуть ли не фигуру великанши. Такое же впечатление производил и Сипягин, и в этом отношении муж и жена представляли собой действительно пару очень больших, крупных, хорошо кормленных, несколько ожиревших людей. По типу Александра Павловна несколько напоминала собою Императрицу Екатерину, только в сильно увеличенном виде. По-видимому, она, как и супруг, не брезговала хорошим столом.

Эту позднюю свадьбу двух уже седых людей я объяснял себе очень просто: она засиделась в девах, жила у сестры Графини Шереметевой и чувствовала себя, вероятно, бездомной; он, сделавшись сановником, нуждался в представительнице дома, подобрать более подходящего человека, как Александра Павловна, было трудно — не знаю, насколько она была умна, но она была удивительно представительна, до крайности корректна, тактична и при этом родовита. Родство с Графом С. Д. Шереметевым, человеком очень близким ко Двору и с большим там влиянием, тоже чего-нибудь стоило. Может быть, некоторая слабость Александры Павловны и Дмитрия Сергеевича к хорошей кухне тоже послужили почвой для этого союза. Так думал я, но, по-видимому, ошибался. Теперь мне рассказали другое: говорят, что Д. С. был влюблен в кн. Вяземскую в молодости и сделал ей предложение, но она ответила, что «ее надо заслужить». Когда Д. С. занял пост товарища министра, он возобновил предложение и получил согласие. Если это так, то это делает только честь обоим и придает этому браку особенно симпатичный характер.

Когда я был у заболевшего Сипягина в его очень скромной спальне, общей с женой, я увидел, что Сипягины, по-видимому, были и хорошие супруги; это удивило меня — странно было видеть эту близость между этими седыми, ожиревшими и недавно женившимися колоссами. Как я заметил потом, он — старый холостяк — чувствовал себя в этой семейной обстановке очень хорошо; она относилась к нему очень предупредительно, заботливо и мило, как настоящая любящая жена. Говорю обо всем этом потому, что такие отношения были, по-моему, характерны для «хороших

говоря обо всем этом потому, что такие отношения были, по-моему, характерны для «хороших людей». Бывал я у них часто очень рано, и А. П. всегда поражала меня своей удивительной английской выдержкой; уже в 8 ? — 9 часов утра она появлялась в кабинете мужа, где он лежал больным, одетой, зашнурованной и причесанной; никогда, когда бы я ни приезжал, я не видел ее в «халате», такой она была и в 9 часов утра, и в 2 часа ночи.

Вся эта скромная обстановка, жизнь в своем маленьком доме, без претензий, эта «дружба-любовь» к жене, простота обращения с нами, врачами, и мужа и жены, — все это подкупало меня; познакомившись с четой Сипягиных ближе, я не раз говорил себе; вот настоящий русский барин, не «аристократ», как это понимают в Западной Европе, а именно «барин»; и министром остался тем, чем он был, и обстановки не изменил, и на старости сумел найти себе подходящую жену... Д. С. любил все русское, свою небольшую подмосковную усадьбу, был страстным охотником, а я наблюдал, что люди, любящие деревню и истые охотники, а следовательно, и любители природы — большею частью «хорошие люди».

За время лечения Д. С. я полюбил и его, и его жену, и ту атмосферу, в которой они жили. В доме Сипягина чувствовалось какое-то разумное спокойствие, уравновешенность, какая-то уверенность — не было ни суеты, ни нервности, ни шатания, и это было очень характерно для дома министра внутр(енних) дел во время неуравновешенного царствования Императора Николая II; получалось впечатление, что Сипягин знает, чего он хочет и что он делает.

Болея Д. С. довольно долго и тяжело. Неприятное впечатление производил у него бред при нормальной температуре. Поправляясь, он как-то раз высказал мне предположение, что болезнь его приняла такой тяжелый оборот вследствие переутомления; особенно под гнетом занятий с директором департамента полиции Зволянским. Бредил он, действительно, больше делами этого департамента и Зволянским. «Вы понимаете, — говорил он мне, — что, вступив в должность, я не имел понятия о делах департамента полиции и должен был учиться этой науке с азбуки. Зволянский сидел у меня с докладами до 2—3 часов ночи; это меня так переутомляло, что я и здоровым бредил по ночам политическими делами; не мудрено, что этот бред продолжался у меня и обострился во время болезни». У меня этот разговор оставил впечатление, что Сипягин интересовался этими делами по обязанности, что в сущности это претило его барской натуре, но он об этом никогда не говорил. Как больной он был с врачами очень приятен, точно исполнял наши требования, но изводил своими капризами прислугу, которая тем не менее его очень любила.

Болей он не переносил и иногда при попытках его ворочать так кричал от болей в суставах, что С. Ю. Витте, услышавшим эти крики в гостиной Александры Павловны, как с человеком очень трусливым и впечатлительным, сделалось дурно, о чем мы с Сипягиным немало смеялись.

По поводу болезни Д. С. произошел следующий инцидент. Должен сказать, что Сипягин и Витте были большими друзьями. Особенно дорожили этими отношениями С. Ю. Витте и его жена, и это было вполне понятно. Сипягина Государь считал «своим», любил его и верил ему. К Витте у Государя доверия всегда было мало, и С. Ю. отлично знал это. Поэтому влияние Д. С. на Государя и дружба с Сипягиным были нужны Витте. При этом Д. С. был не особенно умен, ему нужен был советник более искусный в интригах, чем он сам, а Витте как человек очень умный и ловкий эксплуатировал Сипягина, влиял на него, и через него на Государя — это было для Витте очень ценно. Матильду Ивановну Витте Сипягин любил и даже несколько ухаживал за ней еще холостяком. В салоне Александры Павловны Матильду Ивановну принимали без предубеждений, и здесь она встречала цвет аристократии и придворных — это было ей очень лестно и нужно, чтобы как-нибудь достичь приема ко Двору. Поэтому Витте и его жена очень ухаживали за четой Сипягиных, и ежедневно кто-нибудь из них заезжал, чтобы справиться о состоянии здоровья «дорогого Дмитрия Сергеевича». Скажу больше, Сипягин был необходим политике Витте, дружба с этим влиятельным консерватором «le pesait»*, он очень боялся потерять Сипягина и от меня это не скрывал. Когда болезнь Д. С. затянулась и как будто не поддавалась нашему лечению, Витте как-то раз просил меня заехать к нему и подробно стал

спрашивать меня о состоянии здоровья своего «друга». при этом С. Ю. задал мне вопрос, не нахожу ли я нужным выписать какую-либо заграничную знаменитость, напр(имер), проф. Leyden а, так как он — С. Ю. — петербургским терапевтам Кернигу и Попову не доверяет. «Средствами не стесняйтесь, — добавил С. Ю., — я дам нужную сумму (Сипягин был далеко не богат). Я уже говорил об этом Государю и при следующем докладе скажу Ему об этом снова».

Обозленный этим непрошеным вмешательством Витте, видимо, желавшего к тому же действовать именем Государя, когда семья никаких сомнений нам не высказывала, и припомнив приглашение из Берлина проф. Bergmann'a к Боголепову⁹ после его ранения, и тоже по инициативе Витте, я сказал С. Ю. довольно резко, что довольно было для русских врачей одного позора — приглашения Bergmann'a, а второго позора не нужно — ничего неясного, сложного у Сипягина нет, нужно только время, — сказал я, — приглашение иностранца послужит только поводом для насмешек немцев над нами и над недоверием к нам наших же министров.

«Не забывайте, — возразил Витте, — что Сипягин нужен Государю и России; я еще раз переговорю об этом с Государем, и если Он согласится призвать кого-либо, то мне решительно все равно, обидны ли будут насмешки немцев Кернигу и Попову, — нам нужно, чтобы Сипягин был здоров. Ведь Вам это не может быть неприятно, — попробовал Витте подкупить меня. — Вам я верю и приглашать иностранного хирурга я не предлагаю». Меня этот уверенный и властный тон Витте еще больше рассердил, но, зная его упрямство, я ничего больше не сказал и уехал. До доклада Витте у Государя оставалось два дня. В тот же день вечером я, ничего не говоря, попросил Александру Павловну устроить мне спешно свидание с графом С. Д. Шереметевым; она исполнила это, и на другое утро я встретил Шереметева у Сипягиных. Я прямо поставил ему вопрос — беспокоится ли семья и желает ли она консультацию с иностранцем? Шереметев ответил отрицательно и заявил, что жена и вся семья вполне доверяют мне и приглашенным мною врачам. «В таком случае прошу Вас, граф, по возможности сегодня или завтра съездить к Государю и успокоить Его, так как Его Величество беспокоится за Д. С., а Витте все предлагает Ему вызвать иностранца, что я считаю излишним и не политичным по отношению к министру вн(утренних) дел. Иностранцам 386 совершенно не нужно знать, в каком состоянии здоровье наиболее близкого к Государю Его министра, тем более, что Д. С. по временам бредит и, Бог знает, что может наговорить немцу». Шереметев был, видимо, тоже недоволен вмешательством Витте и обещал мне исполнить мою просьбу. Сам я тотчас написал письмо Государю, в котором изложил мое мнение о состоянии здоровья Сипягина, полное доверие к врачам семьи и нежелательность приглашения иностранного консультанта. Дня через три я снова встретил Витте и спросил его, говорил ли он с Государем. — «Да, — сказал С. Ю., — но Государь находит, что это дело семьи, а граф Шереметев, которого Он случайно видел, против консультации». Так я спас Кернига и Попова от неприятного вмешательства Витте, о чем мои коллеги и не подозревали. Сипягин поправился и, по моему совету, поехал долечиваться в Aix-les-Bai, откуда вернулся совершенно здоровым. В следующую зиму Сипягин переехал в новый министерский дом на Фонтанке, специально для него перестроенный и роскошно отделанный. И там была устроена русская столовая, но уже очень роскошная. Отделка дома происходила в отсутствие Д. С. под руководством Трепова¹⁰ и значительно повредила Сипягину в общественном мнении, а Трепову, кажется, и по службе, так как он перестарался и значительно превзошел смету. В Петербурге много говорили, что отделка и меблировка дома министра вн(утренних) дел слишком роскошна и стоила безумно дорого. Сипягина громко обвиняли за то, что он позволил себе такую роскошь. Говорили — вот думали, что этот барин не польстится на казенный сундук для отделки своей квартиры, а вышло иначе — сделал он, как все. Мне лично было очень досадно за Д. С., было бы лучше, если бы его казенная квартира была устроена скромнее, это более подходило бы к типу старого барина, каким его справедливо многие считали. Конечно, во время болезни я с Д. С. о делах не говорил, а в следующую зиму с ним не встречался. Ранней весной в так называемых левых кружках заговорили о готовящемся покушении на Императрицу Марию Федоровну и о том, что покушение это не невозможно. По этому поводу у меня был разговор с состоявшим тогда при Императрице Князем В. А. Барятинским, который просил меня побывать у Сипягина и узнать его мнение. Я попросил у Сипягина аудиенции, и он принял меня на другое утро у себя в кабинете на Фонтанке. Я изложил

ему наши опасения и просил его меня не спрашивать, из какого источника мои сведения. «Мне достаточно, — сказал Д. С., — что Вы мне это говорите; больше мне, разумеется, от Вас знать ничего не нужно, а тем более спрашивать у Вас что-либо. Мы этого не слышали, и я сомневаюсь, чтобы это было серьезно; во всяком случае я приму все меры». Затем он сам спросил меня о судьбе моей обещанной ему записки. «Я все жду ее, и теперь наступил момент, когда она мне будет очень нужна». Я ответил, что не писал ее, так как питаю очень мало надежды на какой-либо успех. «Напрасно, — заметил он, — дайте только время, и я энергично примусь за это дело. Правда, после нашего разговора прошло более года и это Вас расхолодило, но, знаете, год в жизни государства то же, что день в жизни человека. Очень прошу Вас теперь же составить

записку, но, конечно, чтобы это осталось между нами. Меня во всем этом деле немало смущает то, что у меня нет человека, которого я мог бы поставить во главе всей реорганизационной работы с тем, конечно, чтобы лицо это осталось затем и руководителем всей врачебно-санитарной части в Империи. Мне называли несколько лиц и очень хвалили Данилевского» (профессор химии и позже начальник Академии; рекомендовал Данилевского, конечно, 387 Витте со слов Шапирова, близкого друга Данилевского, которого Шапиров провел и в Академию при Пашутине). «Какого Вы мнения по этому поводу?» — спросил Д. С. Я с ужасом услышал имя Данилевского и объяснил Сипягину всю нецелесообразность брать на данную роль кабинетного ученого, хотя бы и умного, но никогда не занимавшегося администрацией и далеко стоящего от медицины собственно. По-моему, на такую должность надо брать непременно врача — и притом врача с именем, известного русскому обществу своей практической деятельностью, который представлял бы собой авторитет не только для врачей, но и для администраторов. «Все это прекрасно, — сказал Сипягин, — но где же взять такого человека. Ведь вот на вас, напр(имер), не могу же я рассчитывать; навряд ли вы согласились бы променять профессуру и вашу практику на чисто административную должность». «Не знаю, — ответил я, — все зависело бы от тех условий, в которые я был бы поставлен». «Тем не менее, простите, я сомневаюсь, чтобы вы пошли на это», — закончил Д. С. как-то рассеянно, встал и простился. Перед тем, однако, чтобы браться за составление записки, я решил посоветоваться с очень хорошим моим приятелем Александром Семеновичем Стишинским¹¹, который в то время занимал пост товарища министра вн(утренних) д(ел) и был в очень близких отношениях с Сипягиным. Я не разделял мнения о необходимости и даже возможности создать новое министерство здравоохранения и полагал достаточным для начала образовать Главное Управление при министерстве вн(утренних) дел, предполагая, что министр вн(утренних) дел мог бы быть одновременно и министром здравоохранения так же, как он состоял тогда и министром почт и телеграфов, и с тем, чтобы начальник Главного Управления здравоохранения пользовался бы правами товарища министра. Осуществить такой проект было бесспорно легче, чем провести новое министерство, — нужно было меньше средств и такой проект не вызвал бы слишком большой оппозиции со стороны других министров и в Государственном Совете; при этом я уже знал, что Витте даст свое согласие на такую комбинацию, и проект, представляемый Сипягиным при поддержке Витте и соответствующий желаниям Государя, имел за собой все шансы быть принятым. Для начала следовало бы назначить избранное лицо на бывшую тогда вакантной должность председателя медицинского совета и поручить тому же лицу должность директора медицинского департамента. Такое временное объединение двух должностей можно было легко провести тогда Высочайшим повелением, а избранное для сего лицо получило бы возможность ознакомиться с истинным положением дела на основании материалов медицинского совета и медицинского департамента, изучить деятельность этих учреждений на практике и представить затем обоснованный и подробный проект организации Главного Управления для проведения его законодательным порядком. Все это не требовало большой ломки, больших средств, не затрагивало интересов других ведомств и могло быть проведено в жизнь без всякого шума и трескотни. А. С. Стишинский в принципе согласился со мною и спросил меня, не согласился бы я взяться сам за все это дело. Я ответил ему, что ради пользы дела, которому я придаю государственное значение, я, может быть, согласился бы отдаться ему целиком, если мне будет предоставлена достаточная самостоятельность, тем более что, по-моему, Главное Управление со временем превратится в особое министерство, но я не знаю, как относится Д. С. Сипягин ко мне. А. С. Стишинский предложил от себя переговорить с Сипягиным и позондировать почву. 388

Через непродолжительное время Стишинский приехал ко мне и сообщил, что Д. С. отнесся очень сочувственно к моему проекту, но пожаловался, что не имеет в виду подходящее лицо. А. С. указал на меня. Сипягин высказал, что лучшего кандидата он не знает, но сомневается в моем согласии. Стишинский ответил, что знает меня давно как человека идейного и не сомневается в моем согласии. «В таком случае и отлично, — сказал Сипягин, — я очень рад; пусть он скорее подаст записку, и я уверен, что мы с ним поладим». «Пишите же скорее записку, — закончил Стишинский наш разговор, — и я вперед поздравляю вас с успехом. Я лично считаю, что вопрос можно считать решенным». Происходило это в мае 18... г.; я тотчас уехал к себе в «Гарболово» и там три дня, не вставая от стола, в тиши написал записку, которую и привез для прочтения

Стишинскому. Он одобрил и благословил представить ее министру, что мною и было исполнено. После этого, летом, я был в качестве врача на даче у Сипягина. После консультации Д. С. сказал мне, что прочитал мою записку, в общем согласен со мною, но считает необходимым об этом вопросе еще подумать и с кое-кем переговорить. Вероятно, он пригласит меня зимой для дальнейших переговоров. VI В феврале 1902 г. я был вызван экстренно в «Рамонь» к Принцу Александру Петровичу*, тяжело заболевшему. Там я произвел Принцу тяжелую операцию вследствие гнояного воспаления нижней челюсти. Пробыл я там дней десять и передал еще тяжелобольного Принца моим заместителям, что меня немало беспокоило. По возвращении в Петербург я застал своего единственного 13-летнего сына, бывшего на руках своей воспитательницы, больным дифтеритом. Хотя, по словам врачей, опасность миновала, но все же не вполне, и это повергло меня в большое горе. Утро в день приезда я провел с сыном и с нетерпением ждал в 3 часа консультации с К. Л. Раухфусом. Предоставляю читателю судить о моем душевном настроении. Здесь тяжело больной сын, там в «Рамони» оперированный Принц Александр Петрович, ответственность за которого целиком падала на меня как на оператора, и я очень беспокоился о том, как справятся с Принцем мои заместители, принимая во внимание его крутой нрав. Вдруг в 2 часа звонок от швейцара. Выхожу сам в переднюю и вижу бледное, испуганное лицо курьера министра вн(утренних) д(ел). — Ваше Пр-ство, — говорит он, — Александра Павловна просят Вас сейчас же приехать в Государственный Совет — там ранен Дмитрий Сергеевич¹². — Где же А. П.? — спрашиваю я. — Они сейчас выехали из дома, когда им сказали по телефону, что Министр ранен и просит их приехать, а меня послали к Вам и приказали просить Вас приехать сейчас же. Тяжелая была минута. Приходилось бросить больного сына, не дождавшись консилиума и телеграммы из «Рамони», жаль было и Сипягина, которого, как я уже сказал, я успел полюбить как человека. Никогда не забуду этого кошмарного дня. 389 По дороге спрашиваю курьера: «Расскажи мне все толком». «Да что же я могу сказать?! — отвечает он. — Д. С. позавтракал сегодня рано и поехал в Совет, а через 10 минут говорят по телефону, что министр вн(утренних) дел ранен выстрелом из револьвера в подъезде Совета. Они очень просят супругу приехать. Больше ничего не знаю». Мучительно долго тянется время переезда с Кирочной на Морскую. Наконец, подъезжаем. Вижу у маленького подъезда Совета, налево от большого, группа людей, полицейские, все суетятся; стоит санитарная карета Максимилиановской лечебницы. Вбегаю в подъезд. Навстречу мои санитары несут на носилках человека; носилки короткие, и ноги раненого висят; тело прикрыто шубой. Подбегаю и вижу мертвенно-бледное лицо Сипягина; глаза закрыты, он лежит без сознания. Рядом с носилками, потупя голову, идет его жена, с другой стороны господин в вицмундире; узнаю его, это д(окто)р Петров, врач Государственного Совета. За носилками — группа членов Совета. — Куда ранен? — спрашиваю Петрова. — В живот, и тяжело; все обмороки один за другим. Везем к Вам в Максимилиановскую. — Кто стрелял? — спрашиваю на ходу. — Какой-то офицер; приехал, подал министру в руки пакет и выстрелил в упор в живот. С трудом помещаем грузное тело в карету. Тронулись. Вскиакиваю на извоз и спешу вперед, чтобы распорядиться. Бледный швейцар лечебницы докладывает мне, что наверху все готово, успели приготовить комнату и постель. Сейчас ожидают приезда Государя. Привозят раненого, вносят и кладут в постель. С моим ассистентом С. В. Гольдбергом и санитарями с трудом освобождаем раненого от платья. Комната наполняется народом — кто эти люди, не могу разобрать. Прошу всех выйти, кроме Александры Павловны, которая стоит у кровати, мрачная, но спокойная, как мрамор. Снимаем кое-как наложенную Петровым перевязку. В области желудка — довольно зияющая рана от пули большого калибра. Пульс едва ощутим, бледность лица еще увеличивается. Быстро решаю,

что оперировать не стоит, останется под ножом. Наскоро перевязываю. Гольдберг впрыскивает камфору. — Ну, что, — спрашивает жена. — Плохо, — отвечаю я. — Вижу, — говорит она. Внутреннее кровотечение, — говорю я тихо Гольдбергу, — вероятно, тяжелое повреждение печени от выстрела в упор — он погибает. С. открывает глаза, видит меня, улыбается и тихо жмет мне руку... «Не старайтесь, Николай Александрович, не стоит, конец, я умираю», — полушепотом говорит умирающий Д. С., с трудом крестится, и снова глубокий обморок. Кто-то входит в комнату и говорит мне: «От Государя спрашивают, как состояние Д. С.?» «Скажите, что плохо», — отвечаю я. Камфора пульса не поднимает. Гольдберг готовится к нужному для вливания солевого раствора. «Товарищ министра юстиции сообщает по телефону, что сейчас

приедет Государь, застанет ли?» — спрашивает меня кто-то за спиной. — «Не знаю». Еще кто-то спрашивает: «Генерал Гессе спрашивает из Дворца, можно ли приехать Государю?» Этот вопрос заставляет меня на минуту задуматься. Несомненно, Государь желает непременно приехать к Сипягину, но Его задерживают, и никто не желает взять на себя ответственность. Соображаю, что за всякие случайности в стенах лечебницы ответственность в известной мере падает на меня как на директора учреждения. (Как это характерно, думаю я теперь, когда пишу эти строки; первая мысль окружающих Государя — не предохранить Его, а снять с себя 390 ответственность.) «Скажите генералу, — говорю я, отчеканивая каждое слово, — что я не знаю, кто и что на подъезде и в коридорах; ни за что отвечать не могу». Пульса нет, Д. С. все еще без сознания. Но вот он открывает глаза, целует руку жены, молча, но улыбаясь. Опять теряет сознание, руки синеют, начинаются редкие глубокие вздохи. «Ну, что?» — опять слышу вопрос через приоткрытую дверь. «Кончается», — отвечаю я со слезами в голосе. Комната наполняется народом — кого здесь только нет?!.. И семья, и какие-то генералы, министры, члены Совета, чиновники... Дмитрий Сергеевич еще раз открывает глаза, смотрит на меня печально, потухающим взором и, видимо, хочет что-то сказать мне. Я нагибаюсь к его лицу, он целует меня и тихим шепотом говорит мне: «Скажите Государю, что я умираю за Него и за Россию...» Глаза закрываются снова, лицо делается совершенно покойным, дыхания нет. «Кончился», — говорю я со слезами на глазах и вдруг слышу сзади громкие всхлипывания, оборачиваюсь и вижу, на коленях, в вицмундире и звездах, как он приехал в Совет, стоит С. Ю. Витте и горько плачет, как ребенок, истерически всхлипывая на всю комнату. Подвязали челюсть, сложили руки, положили в них образок. Кончилось министерство Сипягина... Выхожу в коридор. «Передайте по телефону в Зимний Дворец, генералу Гессе от моего имени, для доклада Государю Императору, — говорю я одному из стоящих здесь полицеймейстеров, — что министр внутренних дел сейчас скончался». Говорю, и самому не верится. Но вот идет уже духовенство, несут свечи и начинается первая панихида перед телом умершего. Все молятся на коленях, а С. Ю. Витте все громко плачет... Кончилась панихида, спешу домой к своему дорогому больному, но меня останавливает какой-то господин и приглашает в отдельную комнату. «Потрудитесь сообщить, что вы видели касательно убийства министра вн(утренних) д(ел)». Это прокурор. Какую же комическую роль играет юстиция в такие минуты, исполняя с серьезным лицом формальности. Исполняю и этот долг — что же я могу сказать? Видел рану и видел, как министр умер. Даю это показание и подписываю его. Разве это не смешно? Еду измученный домой. Слава Богу, сыну лучше. Раухфус просил передать, что опасность миновала. Подают телеграмму из «Рамони» — там тоже все благополучно. Несколько полегчало на душе. Иду к себе в кабинет отдохнуть и собраться с мыслями, но вот идет курьер и докладывает: «Прокурор просит Ваше Превосходительство пожаловать сегодня в час ночи в дом министра вн(утренних) д(ел) на вскрытие». (Еще одно неприятное испытание!) Тяжелое впечатление производит на меня это вскрытие. В подъезде суeta, масса полиции и каких-то людей, крышка гроба. На столе в богатой русской столовой, при ярком освещении парадной люстры лежит массивное обнаженное тело Сипягина. Окруженный толпой чиновников профессор судебной медицины в черном переднике с ножом в руках членораздельно диктует для протокола результаты наружного осмотра «трупа». Меня раздражают вопросы окружающих: «А почему не сделали операции? Разве нельзя было спасти?» и т. п. «Сейчас увидим, был ли я прав», — отвечаю я сухо. Брюшная полость переполнена кровью, желудок пробит насквозь, тяжелое повреждение печени и разможжение правой почки. Рана безусловно смертельная — хоть это утешение, спасения не было, я был прав. Поздно ночью возвращаюсь домой. пытаюсь заснуть после дороги и этого кошмарного дня: но не спится. в

дремоте мне все слышится шепот умирающего Сипягина «Скажите Государю, что я умираю за Него и за Россию», и страшно делается за Россию... 391 Что бы ни говорили будущие историки про Сипягина, что бы ни писали его биографы, а эта смерть говорит неизмеримо много в его пользу. Он жил барином, в хорошем смысле этого слова, служил барином, действительно был предан Государю, как старый русский боярин; любил Государя искренно, по-детски, может быть, не как человека, а как воплощение монархической идеи; Д. С. верил во всемогущество Бога, верил в Россию и ее будущность и, сраженный рукою убийцы, умер, как солдат, спокойно, улыбаясь, как умирают дети и настоящие православные мужики, как умирали Сусанины, ни разу даже не спросив, кто убийца и что с ним случилось. Он умер, смотря потухающим взором на жену

и до последнего вздоха думая о Государе и России... Сипягин был человек далеко не выдающегося ума и был не государственный человек; он был не лишен великорусской хитрости, царедворства и соответственной этому фальши и неправдивости, но его политические и религиозные принципы делали его человеком цельным, убежденным и в общем честным. Революционеры хорошо знали, кого они убивают, избирая свою жертву из числа приближенных Императора Николая II. Россия потеряла в Сипягине мало, но Государь потерял в нем очень много — истинного, верного и действительно преданного слугу. Сипягин принадлежал к тому типу людей, кои были так нужны Государю Николаю Александровичу и коих вокруг него почти не было. «Почему он так кричит?» — спросил меня Витте во время болезни Сипягина. «Потому, — отвечал я, — что он русский барин старого типа, типа псовых охотников; он наверное кричал на своих псов и бил их арапником, но при этом очень любил их и готов был взять их к себе в спальню; он кричит от малейшей боли, но искренно благодарит людей, которые ухаживают за ним и причиняют ему эту боль. Он кричит в целом ряде случаев, потому что в этих случаях кричали все его предки; на охоте и от боли он не может не кричать». Сипягину надо было жить полстолетия раньше, быть предводителем в богатой губернии, а не министром в царствование Императора Николая II. Когда он был курляндским губернатором, балтийские бароны любили его, несмотря на его типично русский нрав, но, вероятно, не потому, что он был особенно образцовым губернатором, а потому, что он был любезен, вежлив, гостеприимен и обращался с ними не как русский чиновник, не как сатрап, а как русский боярин; этих качеств его было, пожалуй, еще достаточно для губернатора в более культурных балтийских губерниях, но, бесспорно, их было мало для министра. Императору Николаю II такие люди, как Д. С. Сипягин, были нужны в качестве приближенных придворных, но не в качестве руководителей судьбами России в XX столетии. ПРИМЕЧАНИЯ 1 Сергей Александрович (1857—1905), Вел. Кн., четвертый сын Императора Александра II. Генерал-лейтенант, генерал-адъютант, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. С 26 февраля 1891 г. назначен московским генерал-губернатором, командующим войсками Московского округа. Член Государственного Совета. 4 февраля 1905 г. убит И. П. Каляевым. 2 Елизавета Федоровна (урожд. принцесса Гессенская) (1864—1918), Вел. Кн. Супруга Вел. Кн. Сергея Александровича, сестра Императрицы Александры Федоровны. Настоятельница Марфо-Мариинской обители в Москве. Убита 18 июля 1918 г. под Алапаевском. 3 Михаил Николаевич (1832—1909), Вел. Кн., четвертый сын Императора Николая I. Генерал-фельдмаршал, участник русско-турецкой (1877—1878) и Крымской войн. С 1863-го по 1881 г. — наместник на Кавказе. С 1881 г. — председатель Государственного Совета. 4 Горемыкин Иван Логгинович (1839—1917), сенатор. Член Государственного Совета, председатель Совета министров (1906, 1914—1916). 5 Ольденбургский Александр Петрович (1844—1932), принц, генерал-адъютант, сенатор. Член Государственного Совета. В I мировую войну — главноначальствующий санитарной и эвакуационной частей. 392 6 Витте Сергей Юльевич (1849—1915), граф, министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892—1903), председатель Комитета министров (1903—1905), председатель Совета министров (1905—1906). 7 Алексей Александрович (1850—1908), Вел. Кн., сын Императора Александра II. Генерал-адъютант, генерал-адмирал. Главный начальник флота и Морского ведомства (1880—1905), член Государственного Совета. 8 Шереметева (урожд. Вяземская) Екатерина Павловна (1849—1929), графиня. Шереметев Сергей Дмитриевич (1844—1918), граф, историк, председатель Археографической комиссии, член Государственного Совета. 9 Боголепов Николай Павлович (1846—1901), профессор римского права, ректор Московского университета (1883—1887. 1891—1893). министр народного просвещения (1898—1901). Убит эсером П. В.

Карповичем. 10 Возможно, Трепов А. Ф. (1864—?), статс-секретарь, член Государственного Совета. 11 Стишинский Александр Семенович (1851—?), товарищ государственного секретаря (1896), в 1900—1904 гг. товарищ министра внутренних дел, председатель комитета по борьбе с немецким засильем (1916), член Государственного Совета. 12 Покушение было совершено 2(15) апреля студентом-эсером Балмашевым С. В. (1881—1902).

Японские дневники А. Н. Куропаткина

Куропаткин А. Н. Японские дневники А. Н. Куропаткина [с 27 мая по 1 июля 1903 г.] / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Е. Ю. Сергеева, И. В. Карпеева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 393—444. — [Т.] VI.

Публикуемые дневники военного министра России А. Н. Куропаткина хранятся в РГВИА (Ф. 165. Оп. 1. Д. 1928. Л. 1—42). Они посвящены его поездке в Японию летом 1903 г.

Алексей Николаевич Куропаткин (1848—1925) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Выпускник Павловского военного училища (1866) и Академии Генерального Штаба (1874). Участник покорения Средней Азии (1866—1883) и русско-турецкой войны (1877—1878), начальник Закаспийской области (1890—1897), военный министр (1898—1904), главнокомандующий вооруженными силами России на Дальнем Востоке (1904—1905). Командовал корпусом, армией и фронтом в 1915—1916 гг. Был туркестанским генерал-губернатором (1916—1917), с мая 1917 г. в отставке.

Общая военно-политическая ситуация на Дальнем Востоке во время поездки характеризовалась обострением противоречий между Россией, Англией, Германией, Францией, США и Японией, ведущими борьбу за достижение преобладающего влияния в Китае и Корее. Еще 26 марта 1902 г., после русско-китайского договора об эвакуации войск России из Маньчжурии, заключенного под очевидным воздействием англо-японского соглашения от 17 января того же года, казалось, что Петербург пойдет на уступки в плане «открытия» северо-восточного Китая для торгово-экономической деятельности иностранных предпринимателей. Япония в связи с этим надеялась на признание Россией своих преимущественных прав в Корее, а также на облегчение возможности экономического проникновения в Маньчжурию.

Однако нота царского правительства от 5 апреля 1903 г., уведомлявшая заинтересованные государства о приостановке вывода русских войск в связи с невыполнением Китаем пунктов конвенции 26 марта, вызвала решительный протест Лондона, Вашингтона и Токио против нарушения «трактатных» прав держав на территории Китая.

Общественное мнение Японии было серьезно встревожено решением Петербурга. В прессе появились статьи, предсказывавшие войну в самом ближайшем будущем. Проходили заседания Совета министров Японии, сановники зачастили на аудиенцию к императору*.

Учитывая обострение ситуации вокруг дальневосточного вопроса, царь по совету министра финансов С. Ю. Витте и руководителя МИД В. Н. Ламздорфа решает направить в Японию Куропаткина с миссией, имевшей ряд конкретных целей. Прежде всего военный министр должен был провести основательный зондаж позиции Токио относительно приостановки вывода русских войск из Маньчжурии. Затем следовало выразить озабоченность Петербурга по поводу негативного влияния, которое оказывал англо-японский союз на положение России в Азиатско-тихоокеанском регионе. Наконец, Куропаткин должен был выяснить состояние боеготовности вооруженных сил Японии, имея в виду вероятность войны.

Необходимо подчеркнуть, что пресса Японии, США и стран Западной Европы широко освещала

поездку министра, в то время как газеты России ограничились краткими информационными сообщениями, стараясь придать визиту сугубо деловой, «рабочий» характер.

Оптимистические нотки в японской печати, которые были слышны перед началом миссии Куропаткина, сменились, однако, разочарованными комментариями после его завершения. Действительно, никаких официальных документов в результате проведенных встреч и бесед подписано не было. Более того, уже в ходе переговоров для Куропаткина стало очевидным, что Япония твердо выступает с позиции силы на Дальнем Востоке и полна стремления доказать на деле свою гегемонию там. Русский военный министр убедился, что амбиции Токио подкреплены серьезной подготовкой к войне на берегах Тихого океана. Поэтому в основание всей дальнейшей дальневосточной политики Петербурга он считал необходимым положить «поддержание мира с Японией», по крайней мере до создания достаточного военного противовеса японцам.

Записки Куропаткина о поездке на Японские острова летом 1903 г. никогда не печатались в полном объеме. В журнале «Красный архив», впервые опубликовавшем дневники военного министра с 17 ноября 1902 г. по 7 февраля 1904 г., записи о поездке в Японию отсутствуют. Автор предисловия и комментариев к этой публикации М. Н. Покровский объяснил это тем, что дневники, рассказывавшие о визите, по-видимому, утрачены.

Попытку разобрать и издать часть рукописного наследия Куропаткина предпринял А. М. Зайончковский, который выступил 4 января 1925 г. с докладом о подготовке воспоминаний бывшего военного министра к публикации.

Ему удалось найти копии дневниковых записей о миссии в Японию и даже начать подготовку их к изданию. В фонде Куропаткина имеется машинописный вариант дневников с правкой самого автора. Однако смерть Куропаткина (1925) и Зайончковского (1926) не позволила завершить работу. В результате дневники так и остались не введенными в научный оборот, что значительно сузило возможность глубокого понимания ситуации, сложившейся на Дальнем Востоке к середине 1903 г.

Текст публикуемых дневников передается в современной орфографии с сохранением языковых и стилистических особенностей оригинала. Описки, опечатки, орфографические ошибки исправляются без оговорок. Исправления ошибок, приводящих к искажению содержания записей, оговорены в примечаниях. Даты приводятся по старому стилю.

ДНЕВНИК

С 27 мая 1903 г. по 6 июня 1903 г.

27 мая

Крейсер «Аскольд» на пути из Владивостока в Симоносеки (Япония). 4 мая я получил от государя императора в Никольске-Уссурийском депешу, в которой указывалось, что мне вслед будет прислана копия с депеши, посланной одновременно адм(иралу) Алексееву¹, и предлагалось задержаться в Приморской области, дабы дождаться г(енерал)-м(айора) Вогака², который ознакомит меня с предначертаниями государя. В депеше затем указывалось, что в Порт-Артур посылается ст(атс)-секр(етарь) Безобразов³ с выработанными существенными изменениями по журнальному постановлению по совещанию 26 марта⁴.

Из полученной 6 мая копии с депеши адм(иралу) Алексееву я увидел:

- 1) что на него под непосредственным руководством самого государя предположено возложить высшее и ответственное управление по всем ведомствам;
- 2) он должен был в крупных чертах наметить форму, в которую это новое положение может быть облечено;

3) указывалось, что государь принял окончательное решение точно исполнить договор 26 марта 1902 года⁵;

4) указывалось, что одною из задач адм(иралу) Алексееву ставилось безотлагательное принятие мер, чтобы не допустить проникновения в 395

Манчжурию иностранного влияния в каком бы то ни было виде, для чего признавалось необходимым:

В минимальный срок и не останавливаясь перед нужными расходами поставить нашу боевую готовность на Дальнем Востоке в равновесие с нашими политико-экономическими задачами. Дать очевидное для всех доказательство решимости отстаивать наше право на исключительное влияние в Манчжурии и далее дословно:

«Дать широкое развитие деятельности русских предпринимателей в Манчжурии при полной поддержке центральных управлений и местных властей, в особенности в районах, представляющихся важными в политическом и военном отношениях.

Для выполнения первого пункта поручаю Вам совместно с военным министром выяснить истинное положение государственной обороны на Дальнем Востоке и наметить необходимые военные мероприятия.

Для выполнения второго пункта Вам надлежит совместно с статс-секретарем Безобразовым установить сущность наших политико-экономических задач в Манчжурии и на берегах Тихого океана и составить план их целесообразной постановки.

Вполне рассчитываю на Вашу опытность, знание дела и испытанную преданность престолу и отечеству для выполнения этого поручения, которому придаю первостепенное государственное значение.

Николай».

Так как в депеше ко мне указывалось, что государь считает скорейшее прибытие мое в Петербург необходимым, то я испросил указание государя, как поступить: ехать ли в Японию или прямо в Порт-Артур железною дорогою, и не следует ли, дабы скорее прибыть в Петербург, не дожидаться Вогака в Приморской области, чтобы не потерять неделю времени, а ехать, как будет указано в Порт-Артуре.

11 мая (в Иманеб) я получил депешу государя, отправленную того же числа, в которой значилось, что Вогак передаст мне важное поручение государя и что он назначается сопровождать меня в Японию. Что поездку в Японию государь считает полезною.

В своей депеше государю я указывал, что отмена моей поездки в Японию, разрешенной государем по просьбе японского правительства и получившей широкую огласку, произведет в Японии возбуждение умов, особенно в связи с тревогою, которая замечается в Японии по поводу усилившейся нашей деятельности на Ялу⁷.

Государь по этому поводу ответил:

«Сожалительно, что совершенно закономерное появление русских лесопромышленников с охраною вызывает возбуждение умов в Японии. Надеюсь, что подобные недоразумения прекратятся, для чего я дал надлежащие указания министру иностранных дел для барона Розена»⁸.

В ожидании приезда Вогака государь поручил мне посетить Николаевск-на-Амуре.

С тревогою я ожидал приезда Вогака. Перемена в решениях государя, очевидно, произошла по докладам о положении дела на месте Безобразова и Вогака. Многое из новых веяний совершенно представлялось мне необходимым. Объединение власти на Дальнем Востоке (и) в Манчжурии представлялось мне настоящим, особенно после ознакомления на месте с сим вопросом. Представлялось необходимым и положить конец нашим уступкам на востоке. Эти уступки, однако, были роковым образом связаны с первым несоответственным интересам России шагом: с правительственным сообщением о том, что мы ничего не хотим взять у Китая, что мы с ним не воевали и что мы Манчжурию возвратим. Все остальные наши уступки вращались около этого

коренного ошибочного шага. Никто этого шага от нас не требовал. Напротив, все были глубоко убеждены, что мы, выставив 200 тыс. войск, пролив кровь 2000 человек, истратив массу миллионов, возьмем себе всю или часть Манчжурии. Китай на нас напал, и вместо сантиментов с ним, вместо закрывания глаз на то, что в сущности мы вели борьбу не с боксерами, а с правительством, мы к удивлению всего мира делали вид, что помогаем правительству Китая в борьбе с восстанием⁹. Дальнейшее развитие этой комедии выразилось в договоре 26 марта 1902 года. Наши попытки получить что-то задним числом не удалось. Дипломаты тотчас отступили перед японцами.

Между тем писали мы одно, а собирались делать другое.

Мои упорные настояния не отдавать северной Манчжурии и не выводить оттуда войск начали получать осуществление. Государь император всегда сочувственно относился к моей борьбе с Ламздорфом¹⁰ и Витте¹¹, дабы жертвы, принесенные Россиею, не оказались бесплодными, дабы магистраль¹² проходила по русским владениям (хотя и не присоединенным к России на общих правах). В этом году Витте и Ламздорф признали наконец необходимость оставить наши войска в этой части Манчжурии, и государь соизволил на это.

И вдруг указание в депеше Алексееву, что мы должны точно выполнить договор 26 марта.

Этот пункт депеши адмиралу Алексееву меня более всего и тревожил. Я видел резкое противоречие поставленной цели со средствами.

Целью ставилось не допускать проникновения в Манчжурию иностранного влияния, в каком бы то ни было виде. Дабы эту цель выполнить, надо быть хозяевами в Манчжурии. Иметь право ставить таможенные линии, иметь свои позиции, иметь право выдворять вредных иностранцев, иметь право ставить свою вооруженную силу всюду, куда мы захотим. В общем, дабы выполнить эту задачу в Манчжурии, мы должны по отношению к иностранцам в этой стране иметь большие права, чем мы имеем таковые в России. Увы, в России мы не можем на основании трактатов не допускать иностранного влияния в каком бы то ни было виде. Иностранцы могут свободно проживать в России, торговать в России, приобретать миллионные имущества, вкладывать сотни миллионов в предприятия. Значительные отделы русской промышленности, напр(имер) нефтяное дело, хлопчатобумажное и угольное в Царстве Польском, в сущности находятся в иностранных руках. Послы, посланники, консулы энергично охраняют интересы своих соплеменников, давая хороший, но до сих пор бесполезный урок нашим дипломатам. Таким образом, если бы Манчжурия была присоединена к России и составила составную ее часть, то и тогда мы не могли бы закрыть доступ туда иностранного влияния «в каком бы то ни было виде».

Но для меня совершенно непонятно, каким образом мы можем выполнить это при точном выполнении договора 26 марта 1902 года. По этому договору мы выводим свои войска из Манчжурии, прекращаем введенный в ней правительственный надзор, возвращаем Китаю все права на эту провинцию с небольшими оговорками, остаются лишь соглашения по Восточно-китайской железной дороге.

Мне ставилась тяжкая задача определить вместе с Алексеевым необходимые военные

мероприятия, которые должны быть:

- 1) в равновесии с нашими политико-экономическими задачами на Дальнем Востоке;
- 2) они должны давать нам право на исключительное влияние в Манчжурии.

Эти мероприятия становятся для меня крайне неясными при условии точного соблюдения договора 26 марта 1902 г.

Очищая северную Манчжурию, мы теряем базу для наших войск и в то же время теряем средства скоро помочь оторванному Квантуну.

Как бы для меня ясны были депеши государя, если бы в них было указано оставить ту или другую часть Манчжурии за Россией территориально. Отдавая же Манчжурию китайцам территориально, нам отстаивать лишь политико-экономические интересы в этой стране представляется для меня невыполнимым и невыгодным для престола и Родины делом.

Прежде всего какие это такие экономические интересы мы теперь имеем в Манчжурии? Совершенно незначительные, ибо и вся торговля наша с Китаем по вывозу туда обидно мала.

Безобразов все старается об организации эксплуатации богатств Манчжурии. Но стоит ли это дело ставить для России превыше всего? Наша Россия, Кавказ, Сибирь еще полны огромными естественными богатствами, и все это лежит пока без движения за недостатком знания, энергии и капитала. Мы недостаточно культурны, чтобы воспользоваться богатствами, лежащими у нас под носом, а нас призывают отвоевывать у иностранцев богатства в Манчжурии. Кому это нужно? России? Совсем нет. России много дела и у себя дома, и много задач предстоит решить, и задач тяжких, кои много важнее «лесного предприятия на р. Ялу»¹³. Кому же тогда пойдут на пользу эти предприятия? Небольшой кучке людей, которые будут основывать предприятия или на казенные, или на иностранные деньги. Работать будут иностранцы. Некоторые предприятия окажутся дутыми. Разорят многих людей. Многие второстепенные и третьестепенные агенты наживут состояния, за все заплатит или русский мужик, или иностранец. Русский капиталист на эти неверные дела не пойдет. И вот из-за таких сомнительных для России выгод мы должны быть готовы к разрыву не только с Японией, но с Европой. Я много слышал о предприятиях Вонлярлярского¹⁴ на Аляске и не доверяю таким же новым предприятиям. Там тоже собирались отстаивать русское дело, а теперь уже впускают 300 американцев — разведчиков золота и хотят и просят пустить еще 200. Туземцам повезут водку, создадут компанию, привлекут иностранные капиталы и затем, как думают во Владивостоке, лопнут, прикарманив часть иностранных денег.

Вчера приехал Вогак, и я с ним занимался утром и вечером.

Я продолжаю питать к нему доверие и симпатию. Он работал со мною в Главном Штабе, и уже тогда с 1889 года у нас установились добрые отношения. Это умный и даровитый работник, но прослужив непрерывно 11 лет на Дальнем Востоке, он сузил свой горизонт и стал, конечно, придавать преувеличенное значение тому, что видел, и тому, что переживал.

Вогак кроме изустных разъяснений передал мне следующие письменные документы:

- 1) свою записку, которой государь придал серьезное значение, под заглавием: «Значение договора 26 марта 1902 года в развитии вопроса о Манчжурии»;
- 2) отчет об особом совещании 7 мая 1903 г.¹⁵ под высочайшим государя императора председательством;
- 3) записку адм(ирала) Абаза¹⁶ к совещанию 7 мая;

4) программу для Японии

т) программу для Японии.

Записка Вогака составлена очень хорошо и под нею за исключением последней страницы можно подписаться. Он прав в большинстве случаев там, где делает диагноз положению. Он не прав там, где (на последней странице) предлагает лекарство от болезни.

Лекарствами он считает:

- 1) прекращение политики уступок, которая опасна именно потому, что может привести нас к войне;
- 2) надо дать понять державам, что, очищая Манчжурию согласно договору 26 марта 1902 г., Россия не намерена, однако, уступать там кому-либо своего места и что мы готовы поддержать это решение с оружием в руках;
- 3) но готовность эта должна быть действительною, и к немедленному установлению таковой должно направить все наши усилия. Неизбежные при этом жертвы сторицей окупятся.

Когда я попросил Вогака определеннее высказываться о нашей боевой готовности на Дальнем Востоке и определить, хотя (бы) приблизительно, что же мы должны сделать, дабы поднять нашу готовность на требуемую высоту, то Вогак оказался не подготовленным к этому вопросу. Никаких подсчетов сил наших и сил наших противников он не делал и указать мне, какое же число батальонов, батарей и сотен нам надо еще прислать на Дальний Восток, не мог или не хотел сказать. Последнее мало вероятно. Ему казалось, однако, совершенно правильно, что положение Порт-Артура пока не обеспечено, и, кроме того, он высказывал мысль, что японцы не могут сделать высадки одновременно всеми силами и что потому мы должны стремиться иметь достаточные силы для отражения первых эшелонов.

Я долго с ним говорил о задачах военного ведомства не только на Дальнем Востоке, но и на западе. Указал на тяжкие наши недочеты на западе, указал, что опасность России и императорскому трону грозит с запада, а не с востока, что с запада собираются грозные тучи, что и в России не спокойно, что поэтому при ограниченности денежных средств, коими Военное министерство будет располагать в следующее пятилетие, я не выполню своего долга перед государем и родиною, если не буду горячо отстаивать увеличение нашей боевой готовности на западе, как то уже было предназначено самим государем. Что расходование сил и средств, кои нужны России, чтобы твердо стать на Висле, Наре, Немане, в юго-западном крае, будет роковою ошибкою, за которую мы можем тяжело расплатиться. Что нельзя нам играть в руки вероятных врагов наших. Что Вильгельм¹⁷ и вся Германия радуются каждой новой затрате России на Дальнем Востоке, ибо, ослабляя себя этим на западе, мы вместе с сим теряем постепенно право на голос в европейских делах, подобающий России как великой европейской, а не азиатской державе. Но восторг Германии, Англии, Америки, Австрии, Италии, Швеции, Турции будет неописуем, если мы ввяжемся в войну с Японией. Одним ударом получится два важных результата: ослабление России и ослабление Японии. Мы, конечно, выйдем победителями, но жертвы, нами принесенные, будут так громадны, что мы на западе станем тоже очень ослаблены и с нами можно будет перестать стесняться. Япония, которая должна неизбежно сцепиться в довольно близком будущем из-за экономических, важных и жизненных для нее причин с Англиею, Америкею и даже Германиею, сцепится с нами из-за лишь фиктивно важных для нас интересов. Мы своими руками вытащим каштаны из огня для других и можем порядочно испортить если не руки, то пальцы на руках...

Я выражал ему полное свое убеждение, что ни Безобразов, ни он, конечно, не желают зла России, а расходование наших небольших средств по военному ведомству на дальнейшее усиление нашего положения на Дальнем Востоке, откладывая еще на неопределенное время удовлетворение наших главнейших для России и вопиющих нужд на западной границе, и будет этим злом для России. Поэтому, если государем будет решено произвести дальнейшие усиления войск и увеличение военных средств по сухопутному ведомству сверх предположений, уже

существующих на предстоящее пятилетие, то для сего надо приискать и новые, сверх предположенных по предельному бюджету, средства. С этим мнением Вогак вполне согласился. Из депеши ген(ерала) Сахарова¹⁸ видно, что и Безобразов держится того же взгляда, но что Витте говорил Сахарову, что непредвиденные расходы по Дальнему Востоку должны быть отнесены на предельный бюджет.

По экономическим вопросам Вогак признал себя вполне не подготовленным. Это дело ведет, по его словам, Безобразов. Вогак сказал, что Безобразов пользуется большим доверием государя и что с этим надо считаться, но что Безобразов не упрям и доступен убеждениям своих противников и он, Вогак, охотно берется служить буфером, дабы Безобразов не зарывался по военным вопросам. Вечером Вогак откровенно сказал мне, что он весь день думал об нашем разговоре, согласен, что он, служа 11 лет на Дальнем Востоке, стал несколько односторонне смотреть на вещи и дела и что он сожалеет, что поместил в конце своей записки указанные выше предложения.

По второй записке, составляющей отчет о заседании 7 мая, Вогак признал, что заседание это не пришло ни к каким результатам, что никого оно не удовлетворило, все чувствовали себя не по себе. Особенно гр(аф) Ламздорф считает себя обиженным таким поворотом дела, при котором Министерство иностранных дел является обвиненным в создании, путем уступок, такого положения, из которого приходится выходить ценою чрезвычайных усилий и чрезвычайных жертв. Ламздорф считает свое положение пошатнувшимся, и, быть может, ему придется поставить «вопрос о доверии», т. е. уйти. Витте старается сойтись с Безобразовым на почве экономических начинаний первого, но и в заседании наиболее энергично указывал на возможность при «новом курсе» войны с Япониею.

Вогак предполагает, что будут, вернее уже были, еще совещания и что мне по телеграфу должны передать новые решения.

Относительно наиболее тревожного для меня вопроса: как надо понимать выражение в депеше ад(миралу) Алексееву о точном соблюдении договора 26 марта 1902 г., есть ли это выражение только временного характера, и лишь по форме или и по существу. Его величество пришел к заключению в необходимости точного соблюдения договора и по вопросу об очищении от войск Манчжурии. (Я напомнил при этом о противоречии сего решения с решением по экономическим интересам.) Вогак выразил мнение, что и государь должен иметь сомнения относительно возможности выполнения, и при том точного, договора 1902 года, но что он связан своим словом и, пока обстоятельства не изменятся, государю нельзя иначе выражать свою волю, как в той форме, которая дана в депеше к Алексееву, но что и его величество безусловно неизменного значения вопросу о неизбежном очищении от наших войск всей Манчжурии не придает. Это заявление меня обрадовало и успокоило.

Относительно записки Абаза можно сказать, что она написана горячо все на ту же тему наших уступок и об их опасности.

В программе для меня переговоров с государственными людьми Японии, которым я должен буду придать частный характер, я должен буду:

1. Признать, что Япония сделала большие успехи по всем отраслям, не исключая и военной.
2. Признать, что Японии предстоит известная будущность среди государств Дальнего Востока, но лишь при условии правильных отношений к России (не употреблять слово «соглашение»).
3. Указать, что внешняя политика Японии, ее союз с Англиею¹⁹, постоянное бряцание оружием, постоянные протесты против самых законных действий России, несдержанность и тенденциозность прессы ведут к совершенно противоположным результатам.

4. Напоминание об огромных жертвах, принесенных Россией на Дальнем Востоке. Жертвы эти принесены и для пользы других. Россия имеет законное право если не вернуть затраченный капитал, то обеспечить получение на него соответствующих процентов.

5. Указать на легальный путь для сего, выразившийся в заключении договора 26 марта 1902 г. Напоминание о безусловном праве России объявить в 1900 году войну Китаю (нападение на Благовещенск)²⁰ со всеми последствиями этого.

6. Подтверждение, что мы исполним этот договор, если другие державы тому не помешают.

7. Напоминание, что страстное, ничем не оправдываемое отношение некоторых держав, и в их числе и Японии, к нынешним действиям России может замедлить выполнение договора, ибо мы не можем допустить, чтобы эвакуация Манчжурии, начатая по собственному желанию России, получила вид акта, вынужденного посторонним давлением.

8. Указать, что это страстное и никакими серьезными причинами необъяснимое отношение Японии к действиям России препятствует последней надлежащим образом отнестись к жизненным интересам Японии, которых Россия не намеревалась отрицать или игнорировать (воздержаться, однако, от обсуждения Корейского вопроса²¹).

9. Выражение уверенности, что Япония употребит все усилия к поддержанию правильных, добрых соседских отношений с Россией.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

Новое направление нашей политики на Дальнем Востоке, быть может, в будущем и даст выгоды России, но в настоящем увеличивает опасность не только войны с Японией, но и войны с европейскими державами. Экономические интересы Японии и других держав в Манчжурии, особенно в бассейне Ляо-хе, еще до нашего прихода в Манчжурию получили такое развитие, что, конечно, державы, если и согласятся перенести насилие над ними, то лишь до первого удобного случая обрушиться на Россию. В особенности все заинтересованные державы примут все меры, дабы вызвать войну России с Японией. Накладывание нами руки на северную Корею послужит и для Японии новым толчком к войне.

Достаточно сказать, что, например, за 1899 год, до волнений, общий торговый оборот по Инкоу составлял 7 253 000 фунтов стерлингов, кроме оборота драгоценностей на 2 200 000 ф. ст. Ввоз иностранных товаров равнялся 3 260 000 ф. ст. Главные статьи ввоза были: опиум на 109 000 ф. ст., бумажные товары 2 033 000 ф. ст., шерстяные товары 50 000 ф. ст., металлы 1 190 000 ф. ст.

Наибольший спрос был на американские мануфактурные товары. Индийская пряжа увеличилась в привозе с 401 000 ф. ст. до 718 000 ф. ст. Японская пряжа увеличилась с 50 000 ф. ст. до 147 000 ф. ст. Торговля с Японией все растет. Ныне японцы ввозят в Манчжурию своего изделия платки, полотна, сукна, фланель. Вывоз в Японию в 1898 году был 84 000 ф. ст., а в 1899 году — 258 000 ф. ст.

Бобы, бобовая гуща и бобовое масло было вывезено главным образом в Японию, на сумму 2 450 000 ф. ст. Итого (вес) грузов, доставленных в Нью-Чуанг²², равнялся 1 008 000 тонн, на 1120 пароходах и 44 парусных судах. Японский флот все растет, и ныне по числу судов Япония занимает в Нью-Чуанге первое место, но по числу тонн английские стояли выше. В 1901 году оборот торговли по Нью-Чуангу все еще на 1 000 000 фунтов стерлингов был менее, чем в 1899 г. В 1901 году число судов под японским флагом, вошедших в порт, превысило и по числу тонн английский ввоз.

Закрывать доступ в Манчжурию иностранным товарам, иностранным капиталам и иностранному

влиянию составит для адмирала Алексеева весьма трудную задачу, чреватую притом последствиями.

Нам надо, в общем, более усиленно готовиться к войне с Япониею, чем мы это делали до сих пор. Япония в случае войны с нами, в особенности в союзе с одною из морских держав, может выставить против нас за малым исключением все свои действующие войска, состоящие из 12 дивизий, 52 (3-х бат(альонных)) 403 полков, 51 эскадрона, 114 батарей с 684 оруд(иями), общию численностью 193 000 чел. при 61 000 лошадей.* В Японии останется территориальная армия в 104 бат(альона), 26 эскадронов и 312 ор(удий) силою в 118 000 чел. и 34 000 запасных войск. Мобилизация войск оканчивается на 7-й день, обозы готовы на 14-й день. Десантные средства

состоят из 166 коммерческих, субсидируемых судов общим водоизмещением в 327 000 тонн. Половина этих судов в 7 дней может быть сосредоточена на линии Нагасаки — Иокагама. Эта половина подымет две дивизии пехоты со всеми тяжестями. Через неделю соберется и другая половина. Через месяц по объявлении войны около 6 дивизий может быть собрано в Корею или быть высажено на Квантуне. В течение другого месяца соберется вся армия с запасами. Японцы могут: 1) напасть на нас на Квантуне, 2) напасть на нас во Владивостоке, 3) занять Корею и укрепиться там или произвести наступление из Кореи в направлении к Мукдену или к Порт-Артуру в связи с наступлением к сему пункту (Мукдену) китайских сил. К вспомогательным операциям могут быть отнесены: 1) овладение островом Сахалин, 2) овладение устьями Амура и г. Николаевском. Нам надо преимущественно готовиться отстоять Порт-Артур. Овладение этим пунктом и затем занятие Кореи по линии П(х)еньян — Гензан в ожидании нашего перехода в наступление, мне кажется, должно составить наиболее желательный и возможный план действий японцев. Наступление из Кореи в Манчжурию тоже возможно, если Китай дружно восстанет в Манчжурии и прекратит связь с Россиею по Восточно-Китайской жел(езной) дороге, и особенно возможно, если Россия будет одновременно с Япониею воевать еще и на западе с Тройственным союзом²³. Нападение на Владивосток, пока наши войска не выведены из Никольск-Уссурийского и Новокиевского районов, маловероятно, но готовиться и там надо (в том числе и в заливе Посьета). Нападение на остров Сахалин и устья Амура при настоящем необеспеченном состоянии этих районов может обещать большой успех, так что и там надо нам принять меры. Как показали нам существующие расчеты, мы** можем выставить достаточные для борьбы с Япониею силы в южной Манчжурии лишь во вторую половину года по объявлении мобилизации. Мы должны перевести, кроме войск Приамурского округа, и два корпуса войск из Европейской России. В этот томительный период Квантун останется, быть может, отрезанным от России уже на второй месяц по объявлении мобилизации. Дабы выручить наш гарнизон, надо будет разбить японские войска. Мы кладем, что нам необходимо для гарнизона иметь годовой, а еще лучше 1 ? годовой запас довольствия. Но по протяжению линий обороны гарнизон Порт-Артура, состоящий ныне из 15 батальонов пехоты, должен быть признанным не вполне достаточным для упорной и притом активной обороны. Эти 15 батальонов, конечно, могут быть подкреплены 4—6 тыс. молодцов-матросов и 2000—4000 вооруженных 404 жителей, но все эти силы недостаточны, если японцы направят против Порт-Артура большую часть своей армии. Полагаю, усиление гарнизона Порт-Артура и сообщение ему способности к активным действиям будет достигнуто: 1) сформированием второго крепостного полка — 4 бат(альона), 2) сформированием второй стрелковой бригады с тремя батареями — 8 батальонов, 24 ор(удия), 3) преобразованием саперной роты в батальон, 4) сведением в корпус войск двух стрелковых, одной казачьей бригады, саперного батальона и артиллерии. Получим корпус войск в 17 бат(альонов), 12 сотен, 54 ор(удия) силою до 19 000—20 000 человек. Для всех вновь формируемых и ныне расположенных в Порт-Артуре частей запасы (крепостные) должны быть содержаны в 1 ? годовой пропорции и построены магазины. Вновь формируемым войскам надо построить помещения. Постройку укреплений в Порт-Артуре надо ускорить, а с усилением гарнизона, быть может, их придется раздвинуть до Голубиной бухты и занять позицию на впереди лежащей против сухопутной линии укреплений командующей высоте. Имея 24 батальона пехоты, моряков, ополчение, крепостных артиллеристов и пр., всего силою до 30 000 бойцов в Порт-Артуре, можно с полным успехом держаться против всей японской армии. Дополнением к Порт-Артурским укреплениям надо скорее возводить укрепления (форт-заставу) на Цзинь-чжоуской

позиции²⁴. Имея корпус войск, мы, конечно, можем действовать в поле более смело, чем теперь, но отнюдь не желательно задаваться целью защищать против высадки каждый пункт Квантунского полуострова. Весьма возможно демонстративными действиями отвлечь этот корпус от Порт-Артура и отрезать его от крепости и разбить отдельно. Тогда и крепость не выдержит энергичной осады или атаки. Слабым пунктом Квантуна ныне является Дальний. Это будущая готовая база для противника, и придется подумать: что надо сделать, чтобы Дальний не явился легким призом? Но лучше пусть Дальний будет занят, чем и там возводить такие же укрепления, как и в Порт-Артуре. С формированием новой стрелковой бригады полки 4 и 5 бригады, задержанные временно на Квантуне, должны быть возвращены к своим бригадам. Объединение в руках адмирала Алексеева всей власти на Дальнем Востоке вызывает вопрос:

может ли он управлять делами Дальнего Востока и командовать сухопутными силами из Порт-Артура. Я решил этот вопрос в отрицательном смысле. Так как главною задачею адмирала Алексеева ставится эксплуатация в русских интересах Манчжурии, то ему и надо сидеть в центре Манчжурии. Таковым ныне, несомненно, является Харбин. Из Харбина легко управлять всеми войсками, расположенными в Манчжурии и на Квантуне, и легче, чем из Порт-Артура, направлять деятельность всех представителей разных министерств. Главная составная этой деятельности будет все же железная дорога, ее развитие, ее эксплуатация, ее охрана, заселение полосы отчуждения. Эту деятельность легче всего направлять из Харбина. Связь Приамурского края с Манчжурией легче всего достигается тоже из Харбина: по железной дороге в двух пунктах и по р. Сунгари в третьем. Труднее непосредственно ведать делами Тихоокеанской эскадры, но с этим надо помириться. В особенности Порт-Артур, невыгодный в мирное время, станет невозможным для такого ответственного лица, как адмирал Алексеев, в военное время. Нельзя, чтобы он 405 со своими центральными управлениями был отрезан от России. Перенесение резиденции адмирала Алексеева в Харбин будет выгодно и потому, что Харбин быстро разовьется в крупный русский центр и могущественно будет содействовать, чтобы первоначально вся северная часть Манчжурии по магистраль стала русскою. Наиболее простое решение в военном отношении для лучшего прикрепления Манчжурии к России — это образование из нее вместе с Квантуном нового военно-административного округа, который и надо назвать без околичностей Манчжурским. В Харбине сосредоточить и военно-окружные управления сего округа в том составе и с теми полномочиями, которые будут для сего предназначены. С образованием сего нового военного округа Приамурский военный округ явится уже второлинейным, подобно тому, как в 1867 году Оренбургский военный округ явился второлинейным с основанием Туркестанского военного округа. Возможно будет при этом в новом округе и оставить 2-й Сибирский корпус, который и ныне за малым исключением весь расположен в Манчжурии. Имея в виду скорейшее сосредоточение наших войск у Ляояна, на направлении японцев из Кореи к Мукдену, имея, кроме того, в виду более прочное занятие железной дороги, казалось бы, нормальную дислокацию 2 Сиб(ирского) корпуса можно установить такую: Резиденция Е. И. Алексеева в Порт-Артуре 406 Штаб 2 Сиб(ирского) корпуса — Харбин Штаб 5 стр(елковой) бригады — Харбин Три стрелковых полка 5-й бригады, 1 казачий полк, 2 батареи, 1 саперный батальон — Харбин 1 стрелковый полк и 1 батарея — Фулярди Штаб 4-й стр(елковой) бригады — ст. Мукден Два стрелковых полка, 1 батарея, 1 казачий полк, 1 казачья батарея — Мукден 1 полк, 1 батарея — Куанчендзы 1 полк, три сотни, 1 батарея — Ляоян Наконец, третьим армейским корпусом нового Манчжурского военного округа будет корпус из частей пограничной стражи в составе: 12 стрелковых батальонов (три стр(елковые) бригады) и 36 сотен конницы (три конные бригады), и 6 батарей, в том числе три конные. Корпусу на Квантуне можно присвоить наименование 3 армейский Сибирский; корпусу из пограничной стражи — 4 арм(ейский) Сибирский корпус. В военное время в состав 2 и 3 корпусов поступает еще по одной резервной бригаде из мобилизуемых в Забайкалье, а 4 ар(мейский) Сибирский корпус удваивает число стрелковых батальонов. Всего в Приамурском и Манчжурском военных округах соберется 4 корпуса войск, дающих каждый по 24 батальона, всего 96 батальонов, в том числе 28 резервных. Ближайшим подкреплением этой силы будет служить, как и ныне, корпус войск, мобилизуемый в Сибирском военном округе, силою в 32 батальона. Эти новые мероприятия вызовут следующие постоянные и единовременные расходы (приблизительно). Постоянные в год: Содержание одной стрелковой бригады — 1 205 000 руб.

Трехбатарейного дивизиона — 229 000 руб. Крепостного 4-х батальонного полка — 541 000 руб. Трехротного саперного батальона — 150 000 руб. Итого: 2 125 000 руб. Прибавляя сюда содержание корпусного управления, управления коменданта и усиление окружных управлений, надо прибавить примерно 125 000 руб. Кроме того, необходимо принять и прибавить расходы по инженерному ведомству на отопление и освещение, расходы по артиллерийскому ведомству на боевую практику — еще 500 000 руб. Всего новый ежегодный расход по Квантуну и по Манчжурскому военному округу составит до 3 000 000 рублей в год. Единовременные расходы тоже будут весьма значительны. Приблизительно их можно исчислить так: Единовременные расходы по новым формированиям (считая и парки, и госпиталя) — 4 000 000 Стоимость годового запаса продовольствия: муки, крупы, овса, сахара, чая и соли для вновь формируемых частей в 1 ? годичном размере — 1 050 000 руб. Постройка магазинов 300 000 руб. Постройка помещений на Квантуне: Для стрелковой бригады — 3 000 000 руб. крепостного полка — 1 500 000 руб. трех батарей — 600 000 руб. Постройка помещений в Манчжурии: 1) В Харбине — 4 500 000 руб. В том числе для 6 батальонов — 2 250 000 руб. для казачьего полка — 700 000 руб. 407 Е. И. Алексеев. 1903 г. для 3-х батарей — 600 000 руб. для казачьей батареи — 200 000 руб. для окружных управлений и церкви — 750 000 руб. 2) В Фулярди — 1 000 000 руб. В Мукдене — 2 600 000 руб. В Ляояне — 1 250 000 руб. В Куанчендзы — 950 000 руб. на 1 резервный батальон в Хайларе — 500 000 руб. Итого: 17 250 000 руб. Госпитали — 1 000 000 руб. Кроме того, в дополнение к предполагаемым ассигнованиям надо произвести расходы по увеличению боевой готовности крепостей и позиций. Из осмотренных мною требуют дополнительных ассигнований: Владивосток — 3 000 000 руб. Посыет — 300 000 руб. Николаевск (в устье Амура) — 700 000 руб. На Сахалине (Александровск и пост Корсаковский) — 300 000 руб. Полагаю по прежним расчетам необходимо будет прибавить и по Порт-Артуру — 4 000 000 Итого: 7 300 000 руб. 408 А всего постоянных (годовых) расходов — 3 000 000 руб. И единовременно (кругло) — 25 000 000 руб. Очевидно, эти денежные средства не могут, и твердо верю, что и не должны, быть взяты из предельного бюджета. Нельзя, по моему глубокому убеждению, ослаблять ни на один миллион рублей средств, рассчитанных на усиление нашего положения на западной границе, ибо от нашей силы там зависит будущее России и будущее ее державных вождей. 28 мая Вчера, окончив писание, я передал на прочтение генерал-майору Вогаку, прося сделать замечания: правильно ли я записал его слова и вообще наш разговор, и высказался относительно других, изложенных мною соображений. Вчера около 9 ? часов вечера он возвратил мне дневник, сказав, что прочел его два раза. Что, в общем, все написанное мною кажется и ему верно схваченным (могут быть оттенки) и доказательным. Особенно важным представляются ему соображения относительно перенесения в Харбин главного управления. При этом, по словам генерал-майора Вогака, северная Манчжурия действительно скоро станет нашею. Предположенные расходы и он признал весьма значительными и повторил мнение, что на общий бюджет военного министерства они, конечно, отнесены быть не могут. Из того, что я видел и слышал, государя более всего тревожила и даже раздражала неопределенность наших отношений к Манчжурии и Корее. Новый курс должен был поэтому заменить неопределенность определенностью. По этому существенному вопросу прежде всего надлежит припомнить, что знаменательные правительственные сообщения о том, что мы не ведем войны с Китаем²⁵, и о том, что мы очистим Манчжурию, составлялись и были обнародованы без всякого участия военного министерства. Никогда еще не было, чтобы в прежнее время в деле, в котором была привлечена вооруженная сила государства, где участие этой силы решило участь Манчжурии и Пекина, государи русские не спрашивались с мнением лица, которому было вверено ими же управление вооруженными силами государства. Можно было не принять совета, но выслушать этот совет военного министра для пользы дела следовало бы. Конечно, военный министр, ранее обнародования правительственного сообщения, подал бы голос за то, чтобы военные действия, в которых мы потеряли 2000 человек, считались войною. Конечно, военный министр настаивал бы, чтобы хотя северная часть Манчжурии осталась за Россиею. Я делал эти заявления много раз и словесно и письменно, но уже после того, как государево слово было произнесено. В каждом совещании это уже данное обещание висело над нами, давило нас и заставляло хлопотать о мелочах, ибо главное — очищение Манчжурии — признавалось делом решенным. Тем не менее невозможность для России отдать после всех принесенных жертв северную Манчжурию, забыть,

что китайцы напали на Благовещенск, переносить неудовольствие, а потом вмешательство разных держав в дело (Манчжурское)²⁶, которое должно было быть нашим внутренним делом, становилась все яснее не только для государя, но и для Ламздорфа и Витте. Уже вопрос об оставлении за нами северной части Манчжурии перестал встречать сопротивление у гр(афа) Ламздорфа и Витте, как вдруг явилась новая полоса, которую мы переживаем теперь. С каким бы глубоким чувством удовлетворения истинных интересов России я принял весть, что знаменитое правительственное сообщение признано государем, ввиду образа действий Китая и других держав, не отвечающим 409 интересам России и что мы возвращаем себе свободу действий в Манчжурии. Явилась бы определенность, хотя и не без тревог на первое время. Но все меры предосторожности и расходы имели бы строго определенный характер и соответствовали

бы реальной выгоде для России обезопасить свое положение на Дальнем Востоке, обезопасить, в особенности, положение Приамурского края, угрожаемого нашествием желтолицых. Мы получили бы возможность присоединить, в той или другой форме, часть или всю Манчжурию (я бы стоял только за присоединение северной Манчжурии, и то без права подданства). То же решение, которое, по-видимому, теперь принято, определенности не приносит. Мы запутаем Манчжурское дело еще более. Нельзя точно выполнять договор 26 марта 1902 года и в то же время быть хозяевами экономического положения Манчжурии и не допускать в нее иностранного влияния в какой бы то ни было форме. Таким образом, мы прежнюю неопределенность заменим неопределенностью же. Изменилась форма, но неопределенность осталась по существу. Разница, однако, получилась большая. Прежняя неопределенность была тяжела, вызвала уступки, но к войне привести не могла. Новая неопределенность требует тоже уступок, ибо обещает вывод войск из Манчжурии, но в то же время может легко вызвать войну с Японией. Война эта будет противна самым существенным интересам России, война эта будет величайшим благополучием для наших врагов. Война эта, если начнется, то даже конченная в нашу пользу, составит только первое звено целой серии войн на Дальнем Востоке. Поэтому надо очень вдуматься: какие же такие причины могут прежде всего вызвать эту войну? Самые важные интересы России на Дальнем Востоке К. И. Вогак у своего дома в г. Тяньцзине. 1899 г. 410 заключаются в Приамурском крае. За этими интересами идут интересы в Манчжурии. Еще менее важны для России в настоящее время наши интересы в Корее. Если бы Япония угрожала нашим интересам в Приамурском крае, я понимал бы, что без войны с нею обойтись трудно. Если бы Япония угрожала нашим интересам в Манчжурии, то надлежало бы попытаться обойтись без войны. Тем не менее я понял бы, что в крайности без войны обойтись трудно. Но если Япония и не подумает угрожать нашим интересам в Приамурском крае, если она согласится не мешать нам в Манчжурии, но будет просить нас признать, что в Корее ее интересы важнее русских, уступит даже нам право на преобладающее влияние в северной части Кореи, то мы должны придти с нею к соглашению, даже отказавшись вовсе от Кореи, только бы не начинать с нею войну. Ибо если мы из-за Кореи начнем войну с Японией, то мы истинные интересы России на Дальнем Востоке по важности их поставим в обратном порядке и за это и будем наказаны войною. Даже победоносная война с Японией будет тяжким наказанием для России, и история никогда не простит тем советникам государя, которые убедили его принять настоящие решения, если они приведут к войне. Это будет наказание за поставление сравнительно ничтожных для России интересов в Корее выше интересов Манчжурии, выше интересов Приамурского края. Это будет в особенности заслуженное наказание за то, что в делах Дальнего Востока мы не разобрались в коренном для России вопросе: мы, принимая решения, не взвешивали относительной важности этих дел с делами внутренней России и в особенности с делами, определяющими безопасность России на западной границе. Силы и средства России уже тяжело напряжены. Если мы даже без войны вновь затратим большие силы и средства на Дальнем Востоке, то будем в силах это сделать, только одновременно ослабляя себя на западной границе. Это будет игра в руки врагов наших. Если же дело дойдет до войны, то нам придется вести ее при очень большом напряжении сил наших. Даже победоносная война ослабит нас надолго на западной границе. Даже победоносная война может нам дать самое большое — Корею. Это новое владение, быть может, и неизбежно необходимое для России через 50—75—100 лет, ныне явится для нас тяжкою обузою, потребует огромных жертв и послужит на долгие годы яблоком раздора между нами и Японией. Несомненно, даже побежденная Япония при первой

возможности (напр(имер), при европейской войне) нападет на нас в Корее и будет в лучшем нас положении относительно близости своей базы, средоточия всех своих сил и средств. 30 мая, в г. Токио 28 мая мы высадились в Симоносеки на японскую почву. Утро было несколько туманное, но тем не менее поездками по заливу можно было выяснить, что Симоносеки серьезно укреплен как военный порт. 29-го утром выехали курьерским поездом по обычному для сего поезда расписанию и сделали 1000 верст в 27 часов времени. Временами по узкоколейной дороге шли со скоростью 60—65 верст. Несмотря на прочитанные мною описания, поражен культурой проеханных мною местностей. Несомненно, что в отношении культуры масса населения опередила нас, русских, весьма значительно. Обработка полей изумительна. Порядок в деревнях, по-видимому, большой, насколько то можно было судить из окна вагона. Проехали в экипаже

город Кобе. Производит сильное впечатление порядок, чистота, значительные постройки сего города и спокойная, полная чувства 411 собственного достоинства уличная толпа. То же впечатление вынес я сегодня, разъезжая с визитами к разным лицам по Токио. Завтра представлюсь японскому императору. В. Н. Ламздорф. 1902 г. 31 мая (13 июня) Сейчас возвратились из дворца, где представлялись и завтракали у императора²⁷. По приказанию государя передал японскому императору поклон и выражение искренних чувств дружбы и добрых соседских отношений. Он подал мне руку. Первое впечатление неблагоприятно. Некрасив, мешковат. Лицом несколько напоминает покойного Черняева²⁸. Но взглядевшись ближе и пристально в глаза этого замечательного человека, который займет в истории Японии выдающееся место, понимаешь, что у этого правителя огромный характер, высокий разум, смелость и привычка к большой власти. Глаза производят впечатление: глубокие, неподвижные, блестящие... Но застенчив и не имеет привычки к приемам. Император на приеме сказал мне через переводчика: «Надо надеяться, что теперь, когда великая железная дорога оканчивается, сношения между двумя государствами станут, к их взаимной выгоде, более частыми». Спросил о здоровье его величества нашего государя и где его ныне резиденция. При прощании вторично подал руку. Представил ему всех чинов свиты, в числе генералов: Соллогуба, Вогака; полковников: Бернова и Кнорринга; подполковников: Илинского и Сиверса; ротмистра барона Сакена, врачей: Дейкуна и Пясецкого²⁹, 412 прапорщика милиции Торчинова. При представлении присутствовал наш посланник барон Розен с чинами миссии. После отправились для представления императрице³⁰. Маленькая, довольно изящная, немолодая женщина, в белом атласном платье, с небольшим числом украшений, приняла нас очень любезно. За нею стояли две статс-дамы и внимательно наблюдали за всеми и за всем. Опять через переводчика после установленных трех поклонов подходили к руке, целовали ее. Мне пришлось целовать руку три раза. Прежде всего императрица спросила о здоровье нашей государыни Александры Федоровны³¹ и ее августейших детей. Где живут? Где теперь находится государыня-мать? Где теперь великий князь Борис³²? Спросила также о нашем путешествии. Не устали ли? Говорила еле слышным голосом. Видимо, конфузилась. Но каждому стремилась сказать несколько слов. В ожидании приема у императора познакомился со старшими государственными и придворными чинами, приглашенными вместе с нами к императорскому завтраку. Отмечу следующих: 1) Министр-президент генерал граф Кацура³³ (бывший военный министр). Успел переговорить с ним по многим пунктам привезенной мне Вогаком программы. Относится сочувственно к необходимости установить определенные с Россией отношения. Сознает, что многим державам выгодно ссорить Россию с Японией. Говорил, что император и в правящих кругах иначе смотрят на дело, чем пресса и горячие головы. Армия, сказал Кацура, не хочет войны с Россией. Не хочет войны и народ, ибо это было бы разорением страны. Я успел ему, между прочим, сказать, что мы в Манчжурии принесли такие жертвы, что имеем право на преобладающую в ней роль. 2) Маршал Ямагата³⁴, член Верховного военного совета, был министром-президентом. Начальствовал одною из армий в войне с Китаем. Стар, но еще бодр. Говорил о дружественных отношениях в Печили между русскими и японскими войсками. 3) Начальник Главного Штаба маршал маркиз Ояма³⁵. Старый, обрюзглый. Похож на скопца. Старого направления. 4) Военный министр генерал-лейт(енант) Тераучи³⁶. Очень симпатичное производит впечатление. Энергичное, нервное лицо. Я знал его в 1884 году на больших маневрах во Франции (бассейн Луары, 17-й корпус Левалея³⁷). Правая рука не действует от раны, полученной во время гражданских войн. Смотрит на военное дело трезво и по-европейски. Сторонник соглашения с

русскими. 5) Министр иностранных дел барон Комура³⁸, бывший в Петербурге, хотя и недолго, посланником. Встретились как старые знакомые. Он в 1900 году был у меня в Мисхоре, когда откланивался государю по случаю назначения в Пекин. Рядом со мною сидел двоюродный брат императора принц Фусими — начальник 1-й дивизии. Интеллигентное лицо. Спокойные манеры. Несколько говорит по-французски. Успел и с ним сказать несколько слов о необходимости более спокойного отношения к нашим делам на Дальнем Востоке. Во время завтрака император несколько раз обращался ко мне с вопросами о путешествии. Особенно интересовал его вопрос о том, во сколько дней, с окончанием постройки дороги, можно будет приехать из Петербурга в Токио? Спрашивал про проезд морем. Благодарил за заботы и внимание к японским офицерам в Петербурге. Он много говорил с Фусими. Несколько раз негромко смеялся, голос властный, но

не громкий. После завтрака, подождав меня к себе, император удостоил довольно продолжительною беседою. Прежде всего он сказал: — Прошу Вас передать государю мои чувства искреннего к нему расположения и симпатии. 413 — Много слышал через Мурата³⁹ о том, какой хороший прием находят в России японские офицеры. Прошу Вас об этом и на будущее время. — Что Вы увидите в Токио? — Сколько пробудете дней? Мало. Желательно, чтобы Вы лучше ознакомились с нашею страной. Ответил: — Достаточно, чтобы укрепить мои симпатии и к стране, и к ее обитателям. — Очень, очень нужно, чтобы мы и русские чаще видели друг друга. — Да, ваше величество, тогда легче будет установить правильные, основанные на взаимном доверии, отношения. Видя, что император несколько раз с относительным оживлением кивал мне головою, я взял смелость безо всяких на то полномочий высказать пожелание, чтобы наследник японский побывал в России. Принято это было с хорошою улыбкою, причем император сказал: быть может, это и состоится. Отпуская меня, император сказал: — Познакомился с Вами, известным военным человеком, с большим удовольствием. Желая Вам долго так же доблестно служить вашему государю и родине, как это Вы делали до сих пор. Представители японского правительства — премьер-министр Окума (в центре) и министр иностранных дел Като (слева). Начало XX в. 414 Сказав эти лестные для меня слова, император стал ко мне несколько боком, что и обозначило конец аудиенции. Императора очень портит плохо сидящая на нем европейская одежда и в особенности то, что, стоя, он выворачивает несколько ноги внутрь. Косолапость эта незаметна (или я не заметил ее) в движении. Мне и всем спутникам дали японские ордена следующих степеней*. При представлении я благодарил за себя и за своих спутников императора. Забыл прибавить, что во время завтрака император выразил свое удовольствие по поводу того, что я прислал военному министру в гостинец пойманную мною сегодня рыбу. Сегодня утром в течение двух часов времени я поймал на удочку в прудах дворцовых (во дворце, где мы живем) пять больших судаков общим весом, вероятно, около пуда. Пруды сообщаются с открытым морем особым каналом (...) 1 июня, воскресенье Вчера был парадный обед у военного министра г(енерал)-л(ейтенанта) Тераучи. Были два, императорских принца. Помещение казенное довольно скромное. Обед европейский, хорошо сервированный, хорошо поданный. Я сидел рядом с Тераучи против принца Фусими. Справа от него сидел Розен, слева — начальник Главного Штаба маршал Ояма. Я сидел левее военного министра. Правее его сидел другой принц, Канин⁴⁰, тоже императорского дома. Воспользовался длинным обедом, чтобы поговорить с Тераучи по пунктам данной мне программы. В Тераучи мы имеем убежденного сторонника мира. Я указывал ему на ряд укулов, делаемых нам в Манчжурии, на травлю в прессе и пр. Несколько раз возвращался к вопросу о результатах военного столкновения России с Япониею. Он согласился со мною, что даже победоносная Япония будет совершенно обессилена. Он откровенно признавался, что Япония не имеет денег для большой войны. Говоря об организации японской армии, я указал на слабость их конницы и на незаконченность ее организации (не все полки имеют 4-х эскадронный состав и еще нет пятых эскадронов, которые могли бы составить запасные части). В случае войны с нами, говорил я, мы очень быстро, даже если японская конница будет избегать столкновения с нами, доведем японские эскадроны до ничтожного состава. Имея в несколько раз превосходящую числом и притом казачью конницу, мы вынудим японскую конницу находиться в вечной тревоге, не расседлывать лошадей, голодать, потому что не пустим на фуражировки, и т. д. При этих условиях конский состав, и без того плохой (японской конницы), не выдержит. Подобьются спины, начнутся болезни, падеж. Пехота, мало прикрываемая конницею, будет измучена нашими

казаками. Они не дадут ей отдыха ни днем, ни, особенно, ночью. Войска будут очень утомляться и падут духом. Тераучи ответил, что вопрос о лошадях очень их тревожит. Что они принимают меры, дабы улучшить местный конский состав, и недавно еще выписывали производителей из России. Я говорил ему также о невозможности, как они делали в войне с китайцами, главное количество грузов переносить на людях. Понадобятся транспорты (конские) и полевые железные дороги. Вспомнили по этому поводу генерала Леваля, у которого мы 19 лет назад вместе учились 415 управлению войсками. Тераучи спросил: продолжает ли Леваль писать об устройстве тыла армии? Тераучи считает, что довольствие рисом, главное в японской армии, где рис заменяет хлеб и мясо, имеет свои недостатки, ибо приготовление риса требует довольно значительного времени. Я спрашивал также: как делают они, чтобы иметь достаточное число унтер-офицеров (они не имеют достаточного числа и офицеров), ибо у них произведенный в войсках в унтер-офицеры должен служить лишний год или два на службе, с соответствующим сокращением времени службы в запасе. Вопрос этот тревожит и Тераучи, ибо при их системе унтер-офицерское звание может составить по существу не награду, а наказание. Хозяин затруднялся ответом и уклончиво ответил, что они рассчитывают прибавить содержание, что основывают унтер-офицерскую школу. Принц Канин производит хорошее впечатление. Он воспитывался во Франции в Сан-Сирской школе⁴¹ под руководством Тераучи, который в это время был в Париже (1883—1885 г.) военным агентом. Небольшого роста, плотный, с прекрасным цветом лица, он мало имеет характерных черт японского типа. Три года тому назад был в Петербурге. С удовольствием вспоминает виденные им войска в Красном Селе. Генералы Ямагути и Фукусима (на переднем плане) и японский полевой штаб Инспектор военно-учебных заведений не производят благоприятного впечатления. Тераучи хотя и спокойным тоном, но с некоторою несдержанностью⁴¹⁶ выразился, что опыт отделения военной учебной части в самостоятельное от военного министерства управление вполне не удался. Что утратилась связь между армией и школой для армии. После обеда я долго беседовал с адмиралом Ито⁴², победителем китайцев в морском бою у Ялу⁴³. Относительно высокого роста, плотный, с приятным энергичным лицом настоящего морского волка, Ито производит очень хорошее и благоприятное впечатление. Очень популярен во флоте и пользуется влиянием и ныне. По словам нашего морского военного агента Русина, Ито очень горячий партизан мирного соглашения с Россией. Много говорил с ним. Он с своей стороны помнит всех наших военных агентов и подчеркивал свое хорошее к ним отношение. Звал его в Петербург. Вчера получил странную, огорчившую меня депешу, подписанную Гессе⁴⁴. В ней значилось, что согласно с высочайшею волею я должен задержаться в Японии или переплыть в Сеул, но не прибывать в Порт-Артур ранее 17 июня. Сколько могу понять, эта необычайная мера принимается, чтобы дать время Безобразову прибыть в Порт-Артур ранее меня. По-видимому, государю успели внушить недоверие к возможным моим мнениям по устройству нового порядка дела на Дальнем Востоке. Не знаю. По моему мнению, принятая относительно меня мера, обидная и для меня, всего более обидна для Алексева. Точно это маленький ребенок, которого надо оберегать от военного министра. Точно не от Алексева зависело, по моем прибытии в Порт-Артур, заняться со мною обычными делами: осмотром войск, укреплений. Что же касается обсуждения новых вопросов, то уклоняться от них «до приезда Безобразова с инструкциями». Жаль, что государю нашему в большом предпринятом им деле приходится прибегать к малым средствам. Та неопределенность, которая по-прежнему, как мне кажется, царит в новых начинаниях, весьма рельефно сказывается и по отношению к моей поездке. То мне приказывают возможно скорее прибыть в Петербург и в то же время заставляют терять неделю времени в ожидании Вогака. То мне приказывают возможно сократить время пребывания в Японии, то теперь приказывают более чем удвоить время пребывания в Японии... Все эти маленькие огорчения по форме сношений (путаница требований) и большое огорчение по существу — ибо чувствуются признаки недоверия ко мне — не остановят меня с полною откровенностью и прямою высказывать и отстаивать мнения, кои я признаю соответствующими пользе государя и государства. Пока признают мою службу полезною России, я иначе действовать не буду и не могу. СМОТР ВОЙСКАМ ГАРНИЗОНА В ТОКИО⁴⁵ (1 июня, воскресенье) На смотр были собраны: 1-й, 2-й и 4-й гвардейские полки, 1-й и 3-й пехотные полки 1-й пехотной дивизии (1-й полк без 1-го бат(альона)), гвардейский и 1-й кав(алерийский) полки (по 3 эскадрона), 13-й полевой артил(лерийский) полк (6 батарей). Всего:

15 батальонов, 6 эскадронов, 30 орудий. В ротах было по 42—43 ряда, в эскадронах по 35 рядов. Смотр производился для меня принцем Фусими, начальником 1-й дивизии. Войска были очень хорошо выровнены, хорошо одеты. Салютовали при объезде знаменами. Тишина в строю полная. Держали ружья правильно. Принц не здоровался. Форма французская. Белые штаны, башмаки со штиблетами. 417 Ранцы со скатанною шинелью. Имели изящный даже вид. По наружному виду все это молодежь. Рост, в общем, несколько выше, чем я ожидал. Похожи на наших кадет старших классов. Есть большое число довольно коренастых фигур. С ружьем и ранцем управляют свободно. Лошади в артиллерии, на мой взгляд, разнообразны и плохи. Лошади в коннице лучше, но тоже довольно слабы. Лошади под офицерами пехоты не хуже наших. Сбруя в артиллерии и седла очень поношенные, но материальная часть самих орудий в полном порядке.

Военный министр сказал мне, что они не очень довольны обувью, неудобною в грязь, и что предполагают заменить ее родом нашего, с небольшими голенищами, сапога. Церемониальным маршем проходили, в общем, в большом порядке. Замечания можно было сделать те же, что и на Марсовом поле. Начальники частей заезжали плохо. Одного занесла лошадь в публику*. Некоторые батальоны шли значительно хуже других. Проходили батальонными колоннами, в которых рота была выстроена за ротой. (В ротах три взвода. Унтер-офицеры в первой и во второй шеренгах.) Знамена опять склонялись. Некоторые батальоны прошли с очень хорошим равнением. Музыка играла марш примерно на 120 шагов в минуту. Поражает с непривычки выкидывание колена несколько вверх. Делает марш неестественным. В некоторых батальонах шли много натуральнее, чем в других. Артиллерия и конница проходили с хорошим равнением. Запасный лафет на малой рыси остановился, ибо свалилась лошадь и свалила и другую. Долго не могли распутать. Строевое батальонное учение прошло очень хорошо. Батальонный был выбран отборный. Учил батальон хорошо. Ружейные приемы сложнее наших, но делались очень дружно. Ходили стройно и в ногу. При захождениях все части, кроме ведущей, пристраивались беглым шагом. Несмотря на довольно жаркий день, запыхавшихся не видел. Ученье с тактическим предположением (противник обозначался забором) прошло тоже гладко, но некоторые ошибки я отметил. Их же заметил и мой коллега — японский военный чин. Началось с рассыпания одной роты полностью в цепь. За нею рассыпалась другая, тоже полностью. Наступление сначала велось шагом, затем перебежками поротно, что мне понравилось. Перебежки начинают офицеры. Они же первые опускаются на землю, когда надо остановиться. Ложатся после и встают для перебежки в два приема, что лишнее. Прицелы ставили. Огонь вели не особенно торопливый. Затем удлинители левый фланг, рассыпав в цепь еще одну роту, и тоже полностью; перевели остальную роту в развернутом строю за правый фланг и повели атаку. Ошибками я признал отсутствие мер для освещения местности на флангах и отсутствие поддержки за левым флангом. В общем, войска японские произвели впечатление надежных войск. Нижние чины имеют военное самолюбие. К войску население относится с большою любовью. Слабее стоят вопросы унтер-офицерский, офицерский и конский. Офицеров не хватает. Приходится производить из унтер-офицеров, очень мало теоретически подготовленных. Ротные на местах. Возраст 30—48 лет. 48 лет — предельный возраст для капитанов. Командиры полков относительно молоды. Генеральский состав тоже относительно молод. 418 Начальник гвардейской дивизии производит отличное впечатление. Он в японо-китайскую войну решил с бригадою участь Порт-Артура. Начальник 5-й дивизии на Печилийском театре⁴⁶ оказался выдающимся генералом. Военный министр Тераучи считается таким же. Маршал Ямагата, бывший командующий 1-й армией в войне с Китаем, и теперь еще бодр. Он пользуется очень большою популярностью в армии. Был чрезвычайно строг и требователен, но начиная с себя. Граф Кацура был военным министром три года тому назад По уму и административным дарованиям выдающийся государственный человек*. Близко зная теперь, кроме того, генерала Мурата, бывшего у нас военным агентом, я без ложного стыда могу признать, что виденные мною японские выдающиеся генералы не хуже наших. Осторожнее признавать японскую военную силу по своим достоинствам равную европейским**. При обороне наш батальон может противиться двум батальонам японским. Но при наступлении и нам надо рассчитывать двойные силы. Японцы не хуже турок и в отдельных случаях могут создать нам, новые Дубняки и Плевны⁴⁷, где и 5—6 русских воинов при невинных окопах. Обдумывая возможно более выгодный для нас способ действий против японских войск, пришел к заключению, что нам

необходимо прежде всего воспользоваться своим превосходством в коннице. Уничтожив, обессилив японскую конницу, надо замотать, истомить пехоту. Тревогами по ночам сделать ее нервной. После этого и после лишений в продовольственном отношении в японскую армию будет внесено нравственное и материальное расстройство, которым и надо воспользоваться для решительных ударов. Японская армия — это все же южане. Они будут пылки в атаке и упорны днем в обороне. Но усталые, утомленные и потерпевшие несколько поражений, они склонны будут к панике в ночных действиях. Этим и надо воспользоваться, нападая на них ночью нашими отборными частями и с отборными начальниками. Надо помнить при этом, что даже самые лучшие войска ночью подвержены панике и что ночью действий большими массами не следует допускать. Очень важно, чтобы наши войска не понесли в начале кампании частных поражений.

Это подняло бы дух японской армии и всего японского народа на большую высоту. При вторжении нашем в Японию там нас встретит народная война. Японцы — горячие патриоты, мужественны и в своих школах ведутся ныне в военно-патриотическом направлении. Люди, долго жившие в Японии, думают, что в народной войне примут участие даже женщины. 4 июня. Киото (Японская Москва) 1-го июня имел важное совещание с японским министром иностранных дел бароном Комура по порученным мне вопросам. Переводил г(енерал)-м(айор) Мурата. Я, имея перед собою карту, объяснил, что в то время, когда Япония еще не выходила на путь цивилизации и силы ее не принимались на Дальнем Востоке в расчет, мы уже получили границу в Манчжурии до 2400 верст по прямым линиям 419 и в России уже явилось сознание в необходимости искать выхода к теплому морю. Затем в крупных чертах я указал сделанные нами затраты по Манчжурии в последние 10 лет. Определил их в 800 мил. руб. (400 мил. дорога, 400 мил. флот, Порт-Артур, сухопутные силы). Указал затем, что результаты получились нежелательные для России. Добровольное желание наше увести войска привело к требованиям, чтобы мы уходили. Нас как бы гонят, и при этом грозят. Китайцы подняли голову и способны сделать наше положение в Манчжурии, с уводом войск, нестерпимым: вместо ожидавшихся экономических выгод, построенная железная дорога, если мы не примем мер, будет работать на пользу местного населения, иностранцев и во вред нам. Наши товары оттеснят к Байкалу, наши селения в молодом Приамурском крае обеднеют, ибо не в силах конкурировать с дешевой китайской мукой и зерном, перевозимыми по Уссури и Сунгари. В Манчжурии возникнут водочные заводы, которые уменьшат акцизные сборы, и пр. По всем этим причинам Россия не может допустить продолжение такого порядка вещей и, вероятно, будет вынуждена принять меры, кои найдет нужными, дабы твердо отстоять в Манчжурии свои интересы. Начал с того, что указал Комуре, что говорю от своего имени, а не от имени русского правительства. Комура начал ответ тоже с заявления, что он будет говорить от своего имени, как барон. Он сам хочет идти навстречу возникшим затруднениям, дабы решить их без потрясений. Неочищение нами Манчжурии тревожит его по следующим двум причинам: 1) Мы станем близ Корейской границы и получим на эту страну такое влияние, которое противно интересам Японии. 2) Нарушив наше соглашение с Китаем и начав хозяйничать в Манчжурии, мы дадим повод и другим державам поступать так же, напр(имер) немцам в Шандуне⁴⁸; французам в Юннане⁴⁹, англичанам в Шанхае. Начнется раздел Китая, чего не хочет ни Россия, ни Япония. Я разъяснил Комуре, что нас нельзя сравнивать в наших правах на Манчжурию с другими державами, что ни Германия, ни Англия своими границами не соприкасаются с территориями, где устраивают ныне железные дороги, подобно тому, как соприкасаемся мы, что никто не израсходовал 800 мил. руб. и не пролил кровь 2000 чел.*. Я прибавил, что в 1900 году, когда мы к удивлению европейских держав выставили для защиты своих интересов в Манчжурии 220 000 чел., все были убеждены, что мы оставим Манчжурию за собою. Никто бы тогда этому решению и не противился бы, признавая таковой результат естественным. Мы пожелали очистить Манчжурию, полагаясь на образ действий других держав. Тут мы и обманулись. Великодушное желание государя сохранить Китаю все его права на Манчжурию было объяснено как признак нашей слабости, нас стали травить, заключать против нас соглашения подобно англо-японскому, германо-английскому⁵⁰, стали добиваться прав, например по проложению железной дороги Пекин — Калган, и пр. Мы далее терпеть не можем, и нас вынудит, вероятно, именно образ действий других держав к принятию мер по защите наших существеннейших для России интересов. Барон Комура ответил, что, соглашаясь с важностью интересов России в Манчжурии, соглашаясь, что эти интересы

важнее интересов в Китае Германии, Англии, Америки, он не может согласиться, чтобы наши интересы в Манчжурии были важнее и существеннее японских интересов в Корее. Они, японцы, в 1895 году завоевали Корею, они дали ей независимость. Корея 420 примыкает к Японии. Все, что происходит в Корее, самым чувствительным и даже болезненным образом отражается в Японии. Глаза и все лицо Комуры оживилось. Интересы Японии в Корее так велики, сказал он, что для защиты их Япония пойдет на все жертвы, пойдет на войну. Я ответил, что в мои намерения не входило даже упоминать слово «Корея», но так как он совершенно не разделяет наши интересы в Манчжурии от японских интересов в Корее, то я вынужденным нахожусь напомнить ему, что у нас с Японией относительно Кореи существует определенное соглашение. Что по сему соглашению мы могли бы завтра же ввести в Корею свои войска в том же числе, в котором они введены в Корею японцами, но что мы этого не делаем, а между тем происходит странное и нетерпимое для великой России явление: японцы настоятельно требуют (и прессе грозят России) исполнения ею, Россией, соглашения с Китаем 26 марта 1902 года, а между тем, когда мы самым скромным образом хотим пользоваться своими правами в Корее, приобретенными соглашением с Японией, на нас начинается травля, как будто мы нарушили неприкосновенность территории Японии. Комура был в затруднении: как ответить на это, — но с тупостью и упорством лишь повторил свою фразу о том, что японцы пойдут на все жертвы, дабы отстоять свои интересы в Корее. Ранее, между прочим, он прибавил, что Япония желает сохранить самостоятельность Кореи. Я призвал Комуру к внимательному и беспристрастному, спокойному изучению положения дел в Манчжурии, дабы найти средства, как выйти из возникших затруднений, не доводя дела до тех жертв, про которые мне дважды упоминает Комура. Комура, прощаясь, ответил, что способы уладить эти дела есть. Надо их только найти. Он просит меня, вернувшись в Петербург, передать наш разговор гр(афу) Ламздорфу, и доложить содержание его государю, и помочь уладить все дела мирно. Сам он в Токио будет работать для той же цели. Повторил, что интересы Японии в Корее — единственные. 5 июня, четверг Кобе 1 июня, воскресенье, имел вторично продолжительный разговор с военным министром г(енерал)-л(ейтенантом) Тераучи. Очень против войны с Россией. Признает обширность наших интересов в Манчжурии. Считает, что необходимо найти соглашение. Считает, что оно возможно. Война, по его словам, разорит Японию. Просил меня по содержанию нашего разговора переговорить с первым министром*. Разговаривал вечером в субботу долго с первым министром (министром-президентом) графом Кацура. По-видимому, расположен к России. Понимает обширность сделанных Россией затрат в Манчжурии. Говорил, что он как военный желает прежде всего определенности. Что неизвестность, чего хочет, что сделает Россия, томит всех. Что так далее жить нельзя. Он сторонник соглашения с Россией. Надо, по его словам, чтобы я переговорил с министром иностранных дел. Признает наши интересы в Манчжурии преобладающими. В понедельник, 2 июня, вечером после обеда у бар(она) Розена долго говорил с маркизом Ито, наиболее влиятельным в Японии лицом по делам этой страны. В сильных выражениях Ито уверял в своей симпатии к России и в 421 готовности работать для достижения соглашения с нею. Основанием его действий всегда будут служить золотые слова, сказанные ему русским царем в Петербурге. По его словам, государь сказал Ито, что не хочет разрыва с Японией и рад будет соглашению с нею. Это и составляет основание для действий Ито. Слова государя глубоко врезались в его память, повторял он не раз. Указывал, что русские затрагивают в Манчжурии интересы весьма серьезные других наций. Я в виде вопроса спросил его: не полагает ли он, что если между интересами японскими и русскими существует демаркационная линия, то эту линию, по мнению японцев, переходим только мы, а по мнению нашему — только японцы; Ито ответил, что соглашается, что и японцы могут нарушить русские интересы. Затем я выражал беспокойство по поводу слишком страстного отношения к России прессы и общественного мнения. Указывал, что из бесед с выдающимися представителями власти в Японии я понемногу прихожу к убеждению, что в правящих сферах сознают особые права России в Манчжурии, готовы искать и найти способы соглашения с нами, но в то же время пресса опять начинает возбуждать умы, опять совершенно превратно толкует об обязанностях России по отношению к Манчжурии и о правах Японии не только на Корею, но и на Манчжурию. Ранее я перечислил маркизу Ито принесенные нами в Манчжурии жертвы. Я спрашивал Ито: не опасается ли, что в Японии наполое возбуждение может взять верх нап

благодаря разумению людей, стоящих у власти. Маркиз Ито ответил: «Баркою управляет кормчий. Но надо, чтобы кормчий знал, куда надо править». При этом он снова вспомнил слова, сказанные ему государем. И его, как и других, более всего тяготит неопределенность положения, занятого Россией на Дальнем Востоке, и не только в Манчжурии, но и в Корее. Говоря о нежелательности разрыва с Россией, Ито говорил, что в Японии 47 мил. населения, а в России 140. Борьба трудна и истощит Японию*. В тот же день (2 июня), когда разошлись все гости, я передал бар(ону) Розену все слышанное мною от правящих Японией лиц, и мы вместе составили депешу государю императору. Дабы иметь в руках документ, что содержание депеши разделялось бароном Розеном, я просил его лично написать проект основной части депеши, касающейся веденных мною разговоров, а именно о взглядах в Японии на наши дела в

Манчжурии и на нашу деятельность в Корее. Депешу я составил в вагоне на пути в Кобе и дал прочесть ее г(енерал)-м(айору) Вогаку, который прочитал ее дважды и согласился с содержанием ее. В течение всего времени, проведенного мною в Токио (четыре дня), моим неизменным спутником и пособником во всех сношениях, переводчиком с лицами, которые не знали французского языка, был генерал-майор Мурата. Вогак и Самойлов⁵¹ помогали мне, прочитывая главнейшие из статей, появляющихся в газетах⁵². Писано было много. Главное, изощрялись газеты на английском языке. Содержание посланной мною государю депеши из Киото (4 июня) следующее: «Всеподданнейше доношу, что за время пребывания в Токио я познакомился с выдающимися государственными людьми Японии, (в) том числе маркизом Ито, маршалом Ямагата и министрами. Имел продолжительные от своего имени разговоры по вопросам, привезенным мне генералом Вогаком, с 422 первым министром графом Кацура, с военным министром ген(ералом) Тераучи и министром иностранных дел бароном Комура. Пришел к заключению, что стоящие ныне во главе правительства лица признают настоятельную необходимость для России выйти из занятого ею на Дальнем Востоке неопределенного положения, которое тяготит всех. Эти лица, в том числе маркиз Ито, вполне оценивают опасность для Японии разрыва с Россией и расположены с вниманием и уважением отнестись к интересам России в Манчжурии. К сожалению, общественное мнение, руководимое сильной и влиятельной партией, относится к России с недоверием и даже враждебностью. Представители этой партии продолжают усиленно пропагандировать, что даже при отказе нашем от Кореи нельзя допустить России хозяйничать в Манчжурии. Что касается лиц, стоящих ныне у власти, то по вопросам, волнующим Россию и Японию, возможно сделать следующие выводы из мнений, мною выслушанных: Относительно Манчжурских дел мы можем не опасаться столкновения с Японией, но под неперемennым условием, дабы мы, несмотря на наши неоспоримые права в Корее, воздержались от активного пользования этими правами. При крайне нервном отношении японцев ко всему, что касается Кореи, даже самые законные наши предприятия на корейской почве могут, в связи с нашими требованиями по Манчжурскому вопросу, вызвать взрыв народного возбуждения, перед которым правительство не устоит. Это мнение разделяется даже наиболее расположенными к нам государственными людьми Японии. Это же мнение вполне разделяет и наш посланник в Токио барон Розен». Подписано г(енерал)-а(дъютант) Куропаткин Генерал Мурата, состоящий при мне с 28 мая и хорошо мне знакомый за время бытности его военным агентом в Петербурге, очень часто разговаривает со мною об японских делах. С тревогою относится к действиям партии, требующей для Японии чуть не преобладающей деятельности и в Манчжурии. Относится к возможности захвата нами особенно северной Манчжурии спокойно. Корея и корейские дела его очень тревожат. Как и все японцы, он относится к этим делам с особою чувствительностью. Видно, что это болезненное место у всех. Сказывается всюду скрытая мысль, что Японии без Кореи существовать в близком будущем и развиваться нельзя. ПРЕДЛОЖЕНИЕ БАРОНА РОЗЕНА 2 июня вечером барон Розен ознакомил меня со своими предположениями по японским делам, которые он намеревается сообщить Алексееву (Розен уже получил приказание подчиниться указаниям Алексеева). Он предложит, как план действий, чтобы Манчжурию объявить на правах Боснии и Герцеговины⁵³. Признавать права богдыхана, но делать все, подобно австрийцам, по своему желанию и даже ввести войска. При этом бар(он) Розен ставит неперемennым условием, чтобы мы отказались от активных действий в Корее, иначе, по его мнению, разрыв с Японией неизбежен. Розен радуется повороту, при котором уступкам нашим клепается конец. Розен возмущался нашими

повороту, при котором уступкам нашим кончается конец. Розен возмущался нашими правительственными сообщениями, в которых мы обещались очистить Манчжурию. Не был согласен и с договорными пунктами соглашения 26 марта 1902 года. За принесенные жертвы мы имели право оставить за собою Манчжурию. Жаль, что этого не сделали ранее, но, по словам Розена, лучше теперь, чем еще упустить время. Но он снова и снова повторял о необходимости для нас не путаться в 423 корейские дела. Между тем полученная им депеша о том, чтобы нам добиваться получения концессии на постройку железной дороги от Сеула до Ялу, его очень тревожит. Несколько лет тому назад он был сторонником раздела сфер влияния в Корее по линии Пхеньян — Гензан между Россией и Японией. Желательно и ныне, по его мнению, возобновить попытку заключить это соглашение, но если этого нельзя будет достигнуть, то лучше, по мнению барона Розена, вовсе отказаться от Кореи, сосредоточив все наши усилия на

Манчжурии. Относительно плана барона Розена я высказал мнение, что занятие нами всей Манчжурии вызовет занятие Японией Кореи. Что мы вынуждены будем усилить значительно свои войска на Дальнем Востоке. Я указывал, что если усиление сих войск произойдет за счет особых кредитов, то мне трудно будет противиться сему решению (относительно всей Манчжурии). Но что если снова за счет ослабления западной границы мы будем усиливать свое положение на Дальнем Востоке, то Россия может тяжко поплатиться за такую ошибку. Мы сыграем в руку врагов наших. Особенно если дело дойдет до войны с Японией. Мы будем разбиты на западе, и тогда поколеблется и трон. Это будет результат политики приключений, если мы такую политику изберем на Дальнем Востоке. Поэтому надлежит принять все меры, дабы придти к соглашению с Японией. В этих видах надо предвидеть возможность уступки в составленном бар(оном) Розеном плане. А именно, провести предлагаемую им программу только по отношению к северной Манчжурии, в пределах, кои я неоднократно докладывал государю. Тогда возможно, что мы достигнем соглашения с Японией, и ввода японских войск в Корею не произойдет. Барон Розен, по-видимому, согласился с важностью этих доводов. Все это весьма серьезно. При 47 000 000 населения Япония, приняв германскую систему, что она охотно сделает, если достанет деньги, может иметь армию в мирное время в три раза большую, чем теперь (1% населения), т. е. армию в 450 000 мирного состава. Но даже допустив, что она доведет свою армию только до половины сего состава, т. е. даст в армию не один, а только полпроцента населения, то и тогда мирный состав японской армии составит 225 000, а военный 450—500 тыс. постоянных, не считая территориальных войск. Несомненно, что в скором времени японцы вполне заберут Китай в военном отношении в свои руки и получают возможность выставить до 500 тыс. китайских войск с японскими инструкторами*. Таким образом, если мы теперь не добьемся соглашения с Японией, то в относительно близком будущем мы можем быть вынуждены вести борьбу на Дальнем Востоке с 400—500 тыс. японских и 400—500 тыс. китайских войск, кроме восставшего населения. Какие же Россия имеет на Дальнем Востоке интересы, которые стоили бы опасности втянуть Россию в такую борьбу, когда мы слабы на западе, тревожны в центре и крайне слабы на востоке? Неужели пресловутая позиция на Ялу окупит России кровь десятков тысяч сынов ее, трату сотен миллионов рублей в первую войну с Японией и, главное, окупит несомненную опасность, что после первой войны нам придется вести их несколько и в результате, если одновременно мы будем атакованы и на западе, потерять всю Сибирь до Байкала. (...) Ее (Японии) база — вся страна, будет находиться в 900 верстах морского пути от нашего берега и всего в 200 верстах от корейского. Мы, вытянувшись своим населением все утончающеюся к востоку ниточкою до Восточного океана, все же вынуждены будем базой своих действий считать европейскую Россию, удаленную от театра действий от 5000 до 7000 верст. Очевидно, что для серьезной войны с Японией одноколейной Сибирской железной дороги не 424 хватит. Надо будет проложить вторую колею и увеличить число пропускаемых в одну сторону поездов до сорока. Вся эта линия на значительном ее протяжении идет вдоль границы с Китаем, а частью на территории Китая. Поэтому в случае одновременной войны и с Китаем линия эта надежно признана быть не может. Все эти мысли получают особенно тревожный характер, если предположить, что мы, втянувшись в войну с Японией, будем атакованы на западе или, что вернее: атакованные на западе, будем атакованы и на Дальнем Востоке. 6 июня, Кобе Французский военный агент в Токио*, очень толковый офицер, живущий в Токио 4-й год, говорил мне следующее: Финансовое положение Японии очень затруднительное. Замедляются даже срочные платежи. Что, не получив денег на стороне, Япония воевать не может. Но

даже срочные платежи. Это, не получив денег на стороне, Япония восставать не может. Это несомненно, что если деньги будут даны, то Япония не остановится перед войною с нами, особенно из-за Кореи. Самомнение в Японии развито очень сильно. Об армии население преувеличенного мнения, но население армию любит и ею гордится. Что действительно армия ныне должна считаться очень серьезною величиною на Дальнем Востоке. Сделано очень многое. Японцы воинственны и будут в делах храбры. Их пехота отлична, вынослива. Материальная часть артиллерии неудовлетворительна. Конский состав слаб, но принимаются меры к улучшению его. Младшие офицеры хороши. Старшие войсковые начальники слабы, потому что не имеют практики в военном деле. Вследствие огромной культурности страны негде учиться. Больших сборов войск вовсе не делается. Небольшим частям тоже учиться весьма трудно. Весь театр действий на маневрах представляет как бы ряд небольших дефиле, по которым должны

тянуться войска узкими колоннами. В общем, французский военный агент относится к японской армии с уважением. (...) ДНЕВНИК С 7 июня 1903 г. по 16 июня 1903 г. 7-го июня, Япония, деревня Шивая Вчера переехал из Кобе в Шивая. Всего полчаса езды. На самом берегу моря. Относительно пустынно. Хорошие прогулки. Море очень, напротив того, оживлено. Пароходы снуют весьма часто. Японские лодки, можно сказать, ежеминутно. Ни на Черноморском побережье, ни в Крыму, ни в Териоках, ни в Ривьере (Болье) ничего подобного не видел. Сегодня Самойлов привез мне копии с секретных депеш, посланных бароном Розеном гр(афу) Ламздорфу. Ламздорфу. Длинная депеша от 4 (17) июня меня огорчила. После неоднократно высказанных мне на словах мнений о том, что нам не следует допускать с нашей стороны какой бы то ни было активной деятельности в Корее, после огорчения, что мы в последнее время начали такую деятельность допускать, огорчений, что мы начали добиваться получить концессию на постройку железной дороги от Сеула до Ялу, после помещения и в этой депеше несколько раз повторенных 425 заверений, что наша активная деятельность в Корее может вызвать войну с Япониею, — барон Розен неожиданно пишет: «Сообразно с этим, мы могли бы со своей стороны, в своих действиях в Корее в пределах обязательств, принятых нами по существующим соглашениям, и в пользовании неоспоримо принадлежащими нам правами руководствоваться одними собственными интересами, хотя бы такие действия и казались задевающими сентиментальные или даже реальные интересы Японии в этой стране. Такая постановка вопроса внесла бы ясность и определенность в наши отношения с Япониею, и пр., и пр.». Что это все значит? Это и есть активная политика, которой так боится барон Розен. Мы можем заявлять японцам, что право на такую активную деятельность мы в Корее имеем, но не надо допускать этой деятельности, если мы не хотим создать себе угрозы войны с Япониею. Самойлов сообщил мне также, что военный министр Тераучи начал собирать ночные совещания. В каком-то приморском пункте происходит сбор резервистов флота. В Пекине идут горячие переговоры. Поставлены, по словам Вогака (от барона Розена), новые требования, и невыполнение их будет рассматриваться как отказ наш от обязательства вывести войска из Манчжурии. В Петербурге английский посланник⁵⁴ предъявил протест по отношению к нашим обязательствам в Манчжурии. Этим исчерпываются полученные мною новости. По вопросу Манчжурскому, чем долее я думаю, тем опаснее мне представляется налагать руку на Мукденскую провинцию. Конечно, некоторые выгоды (материальные) мы можем извлечь из этой провинции. Весьма заманчива и на первый взгляд очевидна и выгода стратегическая — привязать Порт-Артур к России, но, уверен, для России эти выгоды не выкупаются невыгодами. Прежде всего, Япония не может помириться с тем, что мы будем хозяйничать на правом берегу р. Ялу. Не помирится с тем, что в сущности мы на несколько сот верст войдем в соприкосновение с Кореєю. Но нам надо не менее серьезно считаться и с 400-миллионным Китаем. Мукден, священный в глазах китайцев город, будет всегда служить предметом для будущих действий китайцев, служить целью их действий. Врезавшись между Кореєю и Китаем глубоким клином, мы очень ухудшим свое стратегическое положение, ибо нашим путям сообщения с Россиею японцы и китайцы будут угрожать с двух флангов. Эта угроза и теперь уже серьезна, а через 20 лет, когда японцы с китайцами будут в силах выставить против нас армию в несколько сот тысяч человек, эта угроза станет грозною. И зачем это нам принимать на себя тяжкую роль сразиться при невыгодных условиях с желтою расою? Даже при успехе мы совершенно обессилим себя в центре и на западе, а при неуспехе потеряем Сибирь до Байкала. Нам надлежит действовать совершенно иначе. Обстоятельства и притом экономического характера (а не чисто политического, как у

иначе. События, и притом экономического характера (а не чисто политического, как у нас), складываются так, что в непродолжительном времени Англия, Америка и Германия должны будут вступить в решительную борьбу с японцами за рынки в Китае и в других странах, и борьба эта может кончиться войною. Мне и представляется необходимым и желательным так вести свои дела, чтобы не мы, а указанные выше державы и притом без жертв с нашей стороны уничтожили японский военный флот. Я об этом писал еще в 1895 году и продолжаю верить, что только лишение Японии права иметь свой военный флот устранил страшные бедствия на материке Дальнего Востока. Во-вторых, в скором будущем эксплуатация Китая европейскими нациями должна вызвать взрыв в Китае, резню европейцев, поход затем европейцев против Китая и, вероятно, раздел Китая. Лично не боюсь этого раздела, ибо раздел обессилит Китай и свяжет руки европейцам на западе, развязав им руки по отношению к Китаю на востоке.

Европейцы на себе узнают, подобно тому, как мы теперь узнали, во что обходится так называемая активная политика на Дальнем Востоке. Вместо того, чтобы, твердо став в северной Манчжурии, твердо связав Приамурский край с остальной Россией, спокойно ждать грядущих событий, должных принести ослабление Японии и Китая, мы принимаем меры, дабы к удовольствию Европы сплотить против себя Японию и Китай и дать этим двум державам первую битву на полях Манчжурии и Кореи при весьма невыгодных для нас условиях. Вчера долго беседовал с ген(ерал)-м(айором) Мурата. Это умный, культурный и искренне расположенный к России японец и в то же время патриот. Он отлично понимает опасность для Японии войны с Россией, но ясно намекает, что правительство может быть увлечено в войну с отчаянием, как он говорит, в сердце. Особенно его тревожит вопрос Корейский. Его предложение невыполнимо. Он снова советует нам великодушие, которое, по его словам, более приличествует сильной России, чем Японии. Великодушие мы должны проявить и по отношению к Манчжурии, выведя из нее свои войска (...). **ЦЕНТРАЛЬНАЯ КАДЕТСКАЯ ШКОЛА (ИОНЕН-ГАККО)** 2 июня, понедельник Начальник школы полковник Изаки. Около 400 учеников. Курс трехлетний. Поступают из шести подготовительных кадетских школ (три старших класса). По окончании курса выпускаются унтер-офицерами в войска, где служат один год, после чего поступают в военное училище. Кроме этой школы, по сведениям полк(овника) Самойлова, есть еще частная школа с программой и правами Ионен-Гакко, около 600 учеников. Помещение деревянное, простое, но вполне удовлетворительное. Осталось до 240 человек, ибо недавно был выпуск. Возраст от 17 до 21 года. Попадают, значит, в офицеры около 24 лет. Относительно всего населения юноши сильные и рослые. По словам Тераучи, в войсках служат перед военным училищем не один год, а 6 месяцев. Он думает, что и это лишнее. Лучше это время прибавить ко времени пребывания в военном училище, ибо годичный курс там очевидно мал. Классы центральной школы просты, но хороши. Был на уроках физики и русского языка. Успешно. Читали из Аксакова⁵⁵ («Жизнь под снегом»), преподаватель русский — университетского образования. Физические упражнения поставлены отлично и, на мой взгляд, лучше, чем у нас. Старый японский бой на палках произвел на меня сильное впечатление. Приходят в азарт. Не думают о защите. Кричат, нападая свирепо. В масках и особых нагрудниках. Дозволяется переходить в борьбу грудь с грудью, валить противника на землю и снимать с него маску, что считается победою. Бьют от души, прыгают, уклоняясь от удара. Движения очень быстры и гибки, но не грациозны. Прыгают, как зверьки. Босые. Это упражнение, несомненно, развивает смелость и силу. Выстроенные ученики смотрят перед собою. Стоят совершенно неподвижно, точно манекены. Совершенно как один. Дисциплина большая. Гимнастика на машинах хороша. Мы смотрели с высокой насыпи с очень крутым скатом. Я предложил, чтобы эту площадку кадеты взяли штурмом. Исполнили отлично. Лезли с особым криком — карканьем. Отметил трех, взобравшихся первыми. Надо им прислать часы. (...) 427 Берут в кадетские корпуса по конкурсу, всех сословий. Только дети офицеров, убитых на войне, поступают на казенный счет без конкурса. **ВОЕННАЯ ШКОЛА (УЧИЛИЩЕ)** Начальник училища г(енерал)-м(айор) Тикачи был в отпуску. Около 600 учеников всех родов оружия. Курс — 1 ? года. Тераучи говорил — 1 год. После курса выпускаются подпрапорщиками в войска (выпуск уже состоялся), где по прослужении одного года, с одобрения товарищей-офицеров, производятся в первый офицерский чин. Были выстроены три роты. Четвертая находилась на занятиях гимнастикою. Одна рота состояла из довольно крупных юношей. Все в форме своих полков. Фуражки в гвардии —

околыши красные. Все довольно сильные физически, коренастый народ. Лица некрасивы, но энергичны. Смотрят прямо перед собою. Выравнены были отлично. Строевое учение и приемы проделали удивительно согласно. Точно машина, все делали как один. Шаг с выбрасыванием колена. Строевая часть поставлена отлично. Теоретическая часть поставлена слабее. Видел работы по глазомерной съемке. Хороши. Все ориентировочные предметы нанесены отдельно с пояснением. Видел письменные упражнения в иностранных языках. У некоторых очень хорошо. Фехтование на эспадронах из бамбука напоминает народный бой, виденный мною в кадетской школе. Мало правил. Бьют усиленно. Толкают друг друга, кричат. Схватываются грудь с грудью, валят на пол и снимают маску. Производит сильное впечатление. Босиком. В бой на ружьях тоже вносят огромное одушевление. Прыгают, кричат. Видел борьбу. Шлепают друг друга на пол со всего размаха. Все это, несомненно, должно развивать силу и смелость. Гимнастика на

машинах слабее. По наклонной лестнице лезут плохо. На ней делают не те упражнения, что у нас. Приемы при орудиях обыкновенны. Материальною частью недовольны. Горные орудия удовлетворительны. Видел и приемы при осадных орудиях, медных, вроде наших 6-дюймовых. В этой школе соединены все отделы. КАВАЛЕРИЙСКИЙ ОТДЕЛ Очень интересен. Видел две смены. Лошади сборные, разного роста, пород. Много седлистых. Тело у многих лошадей плохо. Обе смены ездили без стремян. Оказали лихость. После езды по открытому манежу быстро взбирались по крутой тропинке, но что еще труднее: все, галопом, спускались вниз. Шли гуськом. Все без стремян, и ни один не свалился. Затем спустились во второй, нижний манеж, и, все без стремян, проходили через препятствия. Проходили смело, но самые препятствия не достаточно серьезны. Посадка хороша. Будут смелые ездоки. Тут есть чему и нам поучиться. Меня не хотели вести на кухню. Настоял. Бедно и нет той чистоты, которую я привык уже встречать в Японии. Столовая очень бедная. Приборы деревянные. Главное блюдо: рис в кадушках (деревянных). Порции большие. Кадушка немного меньше листа записной книги. Утром и вечером тоже получают рис. Хлеба нет. Кроме риса на тарелке для каждого лежало по рыбине, вроде нашей сельди. Пища вкусная. Тут же особый японский салат и чай. Все очень просто. Думаю, что у солдат пища почти та же, но ее достаточно и она вкусно приготовлена. 428 Кухня содержится не достаточно опрятно, или мне так показалось, потому что она чистилась после обеда. Много разлито воды. Пол не в порядке. В отхожие места, несмотря на мое напоминание, меня не водили. Спальни на 6—7 человек. Очень просты: кровати деревянные. У каждого есть свой шкаф. Персонал училища очень многочисленный. Меня встречало свыше 20 офицеров и преподавателей. В общем, вынес благоприятное впечатление. АРСЕНАЛ Выделяет до 350 ружей в день. Ныне менее. 3500 рабочих. Все японцы. Очень широко и хорошо поставлен. Тут же делают и патроны. Ложи из местного орехового дерева не имели, по расположению волокон в шейке, надежного вида. Придумали особые металлические накладки для увеличения прочности шейки. В арсенале делают и ремонтируют повозки. Орудия делают в арсенале в Осаке. Масса зданий. Всюду конные железные дороги. Рабочие имели очень толковый и уверенный вид. Видел за 4 дня в Токио много солдат. Все они были хорошо, опрятно одеты; все отдавали исправно честь. Офицеров тоже встречал довольно большое число. Держат себя с большим достоинством. Городовые в военной форме очень вежливы и внимательны. Военные за мелкие услуги «на чай» с нас не брали. Толпа народа на улицах Токио весьма симпатичная. Многие снимают шляпы. Девушки и особенно девочки-подростки делают нам грациозные поклоны. В общем, женщины довольно изящны, грациозны. Мужчины — некрасивы, но лица у многих энергичные. Джинрикши (человек-лошадь) поражают способностью бежать несколько верст, везя вас в своей тележке. Мало видел на улицах старых людей. В воскресенье масса народа на улицах. (Ранее воскресных дней не признавалось. Это тоже новшество, в деревне не привитое.) Вечером фонари. На реке в Токио огромное оживление. Ездил вверх по реке на таможенном пароходе. Есть яхт-клуб для студентов в Токио. Видел их на нескольких лодках, занимающихся гребным спортом. Жизнь кипит. Особой бедности не видно. Население довольствуется очень малым. Лица, в общем, приветливые и скорее довольные, чем мрачные. Город рекою делится на две части. Масса каналов прорезывает город. Дома свешиваются над каналами, как в Венеции. Заречная часть беднее. Населения около одного миллиона. В переходе лежит Иокагама, тоже с большим населением. С отливом каналы, где не остается воды, издают сильное зловонье. Дворец, в котором я жил, содержан в отличном порядке. ВЫСТАВКА В ОСАКА ОБЩИЕ

ЗАМЕЧАНИЯ Прошелит прохождение обиходности, обиход предметов и, впрочем, в нем

ЗАМЕЧАНИЯ производит впечатление обширностью, обилием предметов и, главное, видом самых сложных машин, ситцев и дорогих нежных тканей и самых деликатных инструментов, напр(имер) хирургических, сделанных уже в Японии японскими рабочими и под руководством японских техников. Прогресс, очевидно, весьма большой, и невольно является сложный вопрос о ближайшем будущем страны «Восходящего солнца». Япония так двинулась по пути промышленности, что ей необходимы внешние рынки. Встретив при отыскании их и в 429 борьбе за них массу противников, особенно Америку, Англию, Германию, Япония быстро начнет страдать перепроизводством. Может наступить острый кризис. Особенно важно то, что земледельческая Япония не прогрессирует вместе с промышленною Япониею. Напротив, есть признаки, что, несмотря на высокий, уже давно приобретенный уровень, земледельческая деятельность ныне находится в неблагоприятных условиях. Количество земли, способной к

обработке, сравнительно с населением невелико. Поэтому количество продуктов недостаточно для питания населения. Его скромное питание мне напоминало иногда голодовку. Несомненно, что все производимые землею продукты вздорожали, и с этой точки зрения земледельческая деятельность стала как будто выгоднее, чем ранее, но, с другой стороны, возросли: 1) Цены на все продукты и произведения, которых земледельцы не производят вовсе или производят в недостаточном количестве (предметы одежды, строительные материалы, орудия производства, предметы пищи: рис, рыба, морская капуста и пр.). Возросли цены и на удобрительные туки. 2) Возросли цены за аренду земли. По словам рыбаков, которые со мною ловят рыбу, они за свои участки уплачивают как арендную плату половину валового сбора. 3) Возросли значительно налоги. По всем этим причинам земледельческому населению живется труднее, чем было ранее. Не мудрено поэтому, что японский земледelec, производя рис высокого качества, продает его, чтобы купить себе в пищу рис плохого качества. По изложенным причинам выставка в Осака не может дать верной картины процветания или даже культурного роста страны. Видны лишь казовые стороны, а горькие стороны скрыты. Немалое также затруднение к оценке в отдельности разных сторон деятельности населения, поскольку это выражено на выставке, представляет система выставки. Каждому департаменту (а их 45 и три города) отведены особые места для выставки их продуктов. Быть может, для местных деятелей и полезна такая система, ибо может дать сравнительные данные по различным производствам, но иностранцам видеть повторение одних и тех же, напр(имер), образцов зерен, причем никто не может на выставке объяснить, в чем разница, в чем интерес? — мало поучительно. Наконец, сделаю и еще одно замечание. Для меня был подготовлен осмотр выставки довольно полно. Масса всяких чиновников ходила со мною. Полицейские, даже переодетые, охраняли меня от возможных, по мнению японских властей, покушений со стороны каких-либо фанатиков. Со мною ходили префект и председатель выставочного комитета. Но, за самыми малыми исключениями, никто не мог объяснить мне по интересовавшим меня вопросам. Отвечали лишь условно. Поэтому, кажется, у них есть представители от департаментов, неспециалистов для объяснения публике по разным отделам не видел. При этом очевидно, что и посетители выносят из посещения выставки много менее, чем если бы им разъяснили смысл выставленного. В отдельности я видел довольно большое число японцев, которые ходили и что-то записывали. Были, вероятно, приготовлены и каталоги, и указатели выставки на японском языке. Был мне доставлен путеводитель по выставке на английском языке. В смысле числа посещений выставка, кажется, успеха не имела. В наибольшие дни было до 150 000 посетителей (один, два дня). Затем число посетителей начало быстро убывать, и в день нашего посещения, 5 июня, число посетителей было незначительно. В эти дни, по словам председателя, число посещений доходит до 12 000. За вход платят 10 коп. Значит, в эти дни сбор лишь 1200 руб. Затраты же сделаны правительством большие. Купленные на выставке произведения не передают покупателям, а хранят до конца выставки. Порядок на выставке образцовый. Нет крика, брани. Не видел 430 дел ни одного человека пьяного. Толпа ведет себя удивительно чинно. Женщины и молодые девушки гуляют одни. Масса детей. Все им дают дорогу. Даже признака ухаживаний со стороны мужчин, ломаний, кривляний со стороны дам и девиц, что отравляет впечатление каждой выставки, особенно в России, тут я не видел. Много простого, бедно одетого народа. Костюмы больше простые. Много японцев в европейском костюме. Женщины в местных. Простота нравов еще большая. Кормление открыто детей грудью ничье внимание не привлекает (кроме европейцев). Несколько дешевых как бы

ресторанов-столовых дают посетителям дешевый (относительно) местный стол. Тут же пивные (с прислужницами девушками), которые японцами усердно посещаются. Чай во многих местах. С точки зрения моральной, поведение японской толпы безупречно и доказывает большую культурную зрелость этого населения. Европейцев мы видели на выставке очень мало. Мне говорили, что в Кобе и Осака проживает до 2000 европейцев, но по выставке мы видели их очень мало. Внимания на себя европейцы не обращают. ПО ОТДЕЛАМ Наибольшее внимание я отдал отделу земледельческому. Отдел очень богатый, но все повторение с малыми вариациями по департаментам. Обилие сортов риса и гороха. Много чая, индиго, хлопка. Особенно усердно представлен рис. С большим вниманием представлены болезни разных растений. В общем, земледельческие орудия еще примитивны, но железа более, чем у нас. Орудия многочисленнее и сложнее, чем у нас. Есть особые приборы для вырывания травы, для проделывания борозд, для сеяния. Молотба первобытная. Но уже усовершенствованные машины быстро пошли в ход. У наших рыбаков в д. Шивая видел сеялку. Плуги заменяют род наших сох. Расчет пока идет на лошадиную и бычью тягу, но не на пар. Но главным образом земледельческий труд падает прямо на человека, в том числе и на женщину. Например, при возделывании рисового поля труд лошади, сравнительно с трудом человека, не велик. Вырывание рассады и рассаживание ее по грядкам, сколько я видел на протяжении тысячеверстного переезда из Симоносеки в Токио, в значительной степени лежит на женщинах. Почти по колена в воде, они целыми днями работают, согнувшись до поверхности земли, покрытой водою. На выставке много представлено разных удобрительных туков. Отдел морской представлен беднее, чем то можно было ожидать. Разнообразие рыб большое. В жизни населения играют роль только немногие породы. Все больше выставлено в сушеном, вернее, в вяленом виде. Население мяса не ест, и рыба составляет главное подспорье к рису, составляющему главную пищу японцев, заменяющему хлеб. Представлено много разных моллюсков, тоже Идущих в пищу. Сети, снасти, модели лодок, модели рыбного производства и рыбной ловли дают довольно верное понятие об этом промысле. Местные лодки мало представлены, может быть потому, что они очень однообразны и существуют в одном и том же виде многие века без изменений. Много морской капусты. Огромное значение для Японии имеет лов рыбы у наших берегов. Лесной отдел очень богат. Прекрасные экземпляры строительного леса. В распиленном виде сосновые доски поражают шириною. Говорят, такие мачтовые леса исчезают. Видно огромное значение бамбука. Мануфактурный отдел очень хорошо представлен. Некоторые отделы (если закрыть глаза на толпу и некоторые местные украшения) одинаково можно было принять за отделы Парижской⁵⁶, Нижегородской⁵⁷ или других 431 выставок. Хлопчатобумажные ткани делают большой успех. Хлопок привозится в Японию из других местностей. Чуть ли кроме Китая не начали получать в Японии хлопок из Индии. Шелковый отдел очень хорош. Машинный отдел и путей сообщения наиболее наглядно представляет рост Японии в техническом отношении. Сложный паровоз, электрическая машина для лучей Рентгена⁵⁸, рояль, хирургический инструмент — все представлено как сделанное из местных (по преимуществу) материалов и японскими мастерами. Успех очень большой, которым японцы справедливо гордятся. Тут же смотрел пушечный отдел. Большие береговые орудия, снаряды — все своей работы. Выставлено и ружейное производство. Огромное богатство каменного угля и разных руд представлено хорошо. Народное образование. Отведен особый павильон. Много интересного. В отделе путей сообщения, кроме железнодорожного дела, представлено довольно полно и кораблестроительное дело. Отдел острова Формозы⁵⁹. Осмотрен мною очень подробно. Заслуживает внимания, что в сравнительно короткий срок японцы много сделали для изучения острова. Есть, хотя и не полные, карты. Есть геологические и сельскохозяйственные исследования. По стенам висят наглядные по разным богатствам острова картограммы. Проведена железная дорога. По-видимому, остров обещает в будущем стать не бременем, как ныне, а доходною статьею. Особенно важны: производство формозского чая и соль. Население в горах еще не вполне замирено⁶⁰. Военная сила на острове — три пехотных бригады с соответствующим числом других родов оружия. Заслуживают также внимания разные формозские изделия из соломы. Отдел физического развития заслуживает полного внимания. Выставлен особым обществом. Некоторые приборы и машины выставлены на воздухе, и прохожие практикуются на них. Особенно привлекает общее внимание подвешенное параллельно земле, в аршинах полуторах от

земли, бревна, по которому надо пройти, несмотря на то, что бревно сильно раскачивается в стороны. Отдел художества и искусства занимает довольно большое отдельное здание. Все произведения в старом стиле: статуэтки, вазы, боги и пр. удивительно хорошо сработаны. Имеют многое за себя и рисунки по шелку, бумаге и полотну старым японским способом (без перспективы), ибо все это весьма оригинально. Слабее всего представлен подражательный отдел живописи европейской. Много плохих полотен. Начали являться на этих полотнах и изображения голых женщин. Осмотрен мною и отдел, примыкающий к выставке, частных хозяев, где все тотчас же можно продать и купить. Быть может, этот отдел особенно заслуживает внимание, ибо наиболее представляет народное производство. Масса фарфоровых и иных изделий, посуды и других. Масса предметов одежды, обуви. Тут же местные предметы роскоши: духи, косметика, уборы. Тут же краски, изделия из кости, лаковые изделия. Все что просто — очень дешево.

Проехал через весь город Осака два раза. Миллионное население. Очень чинно, несмотря на огромное оживление. Чистота относительно достаточная. Две реки и масса каналов пересекают город. Большое количество фабрик. Это промышленный центр Японии. 9 июня, селение Шивая (...) Осматривал чайную фабрику в Кобе. Очень интересное дело. Вырабатывает до миллиона пудов в год. Кажется, эти цифры преувеличили мне. До 200 рабочих, в том числе до 100 женщин. Сорт черного чая, которого я взял образцы, очень подходящ для войск и по доставленным мне сведениям может 432 обойтись на каждый фунт дешевле такого же сорта китайского чая на 15—20 коп. Желательно подробнее ознакомиться с этим вопросом. Третий день живу в селении Шивая⁶¹. Усердно посещаю соседние деревни и наблюдаю жизнь прибрежного населения. Земли мало. Кормит население большей частью море. Условия аренды земли тяжелы. Помогает перевозка на лодках разных строительных грузов в Осака и Кобе. Население не зажиточно и особой опрятности не замечал*, кроме некоторых случаев. Обиход большинства рыбаков довольно бедный. Жизнь трудовая. Развлечений мало. Население некрасивое, но довольно сильное. Смелые моряки. На море молодцы. Третьего дня ездил с тремя рыбаками в море ловить рыбу. Довольно большое волнение. Управлялись искусно и смело. Вечером, проходя, видишь библейские сцены. Вся семья берет одну и ту же ванну. Переводчик говорил, что эту же воду оставляют иногда и на несколько дней. Вдоль берега идет железная дорога в Симоносеки. Две колеи. Поезда очень часты. Вероятно, более 60-ти в обе стороны в сутки. Пассажирские довольно пусты (утром). По местности Шивая и Суммы напоминают мне более всего Болье (близ Монте-Карло), но берег менее оживлен, чем в Болье, зато море несравненно более оживленно, чем в Болье. (...) 10 июня, Шивая Вчера осмотрел подробно кораблестроительный частный завод, основанный Мацукатою^{**}. Большое дело. Дает 12% дивиденда. Разрастается. 4000 рабочих. Все японцы. Прекрасно оборудован один док. Есть свой канал. Будут строить другой для судов большого измерения. С прошлого года получили правительственный заказ на два миноносца. Видел их в работе. Доканчивается постройка большого коммерческого парохода. В доке тоже чинится большой японский пароход. Чинятся еще несколько (меньшего размера) судов. Работа кипит. Нет брани, криков. Рабочие весьма внимательно относятся к своему делу. В кузнечном отделе видел очень красивого и сильного молодого японца-кузнеца. Вообще же кузнецы жидковаты. Много делается вручную, что уже давно у нас работается машинами. Директор завода, очень сведущий японец, сам признавал, что некоторые машины требуют замены их новыми, причем число рабочих могло бы быть значительно уменьшено. Рабочими очень доволен. Два раза в год устраивает им праздники, на которых раздает призы за лучшую работу. Железо получается главным образом из Англии и частью из Германии. Лучшего качества в круглых болванках до 1 рубля за пуд (с провозом). У себя на заводе делают из него сталь. Предложил ему ознакомиться с железоделательной промышленностью у нас и высказал мнение, что мы через один из портов на Черном море, при помощи судов добровольного флота, могли бы продавать наше железо из Донского бассейна. На это директор сказал мне, что он посетил Англию, Германию, Россию, чтобы лучше изучить порученное ему дело. Всюду, кроме России, встретил внимание и доверие. В России можно сказать, что его не пустили ни на один кораблестроительный или машиноделательный завод. Сказал это с горечью. Свое железо в Японии есть, но не умеют еще придать ему высокие качества. На дворах и между заводскими зданиями беспорядок, кучи отбросов, мусора, сложены, вернее, свалены в беспорядке. Все имеет слишком 433 рабочий вид, затрудняющий даже

сообщение между различными частями завода. Вонь нет. Работают все мужчины. Видел лишь несколько женщин. Рабочие истощенного вида не имеют. Вчера же был в окрестностях, вернее, на окраине города Кобе, дабы видеть знаменитый у путешественников по Японии каскад. Действительно, зрелище красивое, но не величественное. Прекрасная панорама открывается на рейд, наполненный судами, и на город. Это зрелище сильнее каскада. Крутые скалистые горы, покрытые к вершинам богатою, ярко-зеленою растительностью, стесняют горизонт к стороне каскада. С мостика чайного дома, устроенного у каскада, вы видите его перед собою. Струя вследствие засухи не велика, но непрерывно падает с большой высоты. Внизу близ каскада префект и Мурата провели меня в сад одного из основателей завода*, сопровождавшего меня при обходе завода. Прекрасное владение. Сад небольшой по нашим понятиям и очень большой по японским. Отличное состояние цветов, растений. Много цветов. Дорожки узкие. Сад идет

террасами. Отовсюду удивительный вид на город и рейд. Виден наш красавец «Аскольд». Имеется музей. Владелец сада по праздничным дням открывает сад и музей для всех желающих. Выше выстроен европейский небольшой комфортабельный дом. Одна половина его отделана по-японски. Пили местный чай, местный из сада нашего хозяина. Очень интересовались производством в России сахара, дабы попытаться свои грузы чая обменивать на сахар. Указал, что их усилия начать вывоз из России сахара встретят в России полное сочувствие. Что благодаря существующей покровительственной системе сахар наш в Англии дешевле, чем в России. Сорта дадим какие пожелают. Что сахарное дело могло бы у нас с открытием новых рынков получить огромное развитие, но что и ныне это производство занимает одно из первых мест в России и приносит нам весьма большой доход. Рассказал об осмотренном мною в прошлом году сахарном производстве Харитоненко³ в Черниговской губернии, где хозяйство ведется на 20 000 десятин. (...) 11 июня, вечер Сейчас еще имел продолжительный разговор с генералом Мурата. Он боится более всего, чтобы южная кровь японцев, которая, как он сам признал, не всегда в военном деле полезна, не увлекла бы Японию в войну с Россиею, даже с сознанием правящих сфер, что война эта может быть только гибельна для страны. Он говорил, что действия России в Манчжурии вызывают непрерывную тревогу в Японии, но что тревога эта сделалась совершенно нервною, когда обнаружилась активная деятельность России и в Корее. Все заверения правящих сфер, что Россия действует на основании предоставленных ей прав, не ведут ни к чему. В Японии знают историю России и знают, как она поглощает своих соседей. Знают, как она съела Турцию, Кавказ, Туркестан, Сибирь. Теперь ест Манчжурию и, еще не проглотив ее, запускает зубы в Корею... Мурата боится, что если не будет дано Японии действительного доказательства миролюбия России и признания Россиею обязательными заключенных ею соглашений, то Японию будет трудно удержать от войны. Чем дальше ждать, тем Японии труднее будет выиграть кампанию. Вот почему, по мнению Мурата, для отвращения войны России надо явить акт великодушия и очистить от своих войск Манчжурию. Говорил он о том, чтобы нам продать Китаю Восточно-Китайскую железную дорогу. 434 Шивая, 12 июня Сегодня уезжаем в Нагасаки. Вчера вечером посетил рыбака, который рыбачил со мною все эти дни. Живет с женою, с женатым сыном и взрослою дочерью. Все работают. В доме особая половина, удивительно чистая. Там он нас и принял. Угостил чаем. Познакомил со всею семьею. Я подробно обошел все помещение. Осмотрел все имущество. Особенно подробно осмотрел рыболовные принадлежности. Все в порядке. Крошечный садик в порядке. Банка с золотыми рыбками. Большая ваза с мальками, которые в банке растут, чтобы потом служить наживкою для ловли рыбы. Дочь — 17-летняя девушка — окончила местную деревенскую школу с шестиклассным курсом. Большое увлечение образованием. Книг в доме не оказалось, все учебники отданы девочке-соседке. Хозяин говорит, что от черной работы не отвыкла. Проживает на пищу 30 руб. в месяц. Всего проживает 50 руб. в месяц. Сбережений нет. Говорит, что прежде жилось легче. Домик — его собственность. С соседями живет очень дружно. Саке пьет. (...) Вчера вечером Мурата говорил со мною с особою откровенностью. В вопросе корейском он принадлежит к партии благоразумных. Он признает, что если Россия будет преследовать в Корее активную политику, то Япония принесет все жертвы, но будет противиться этому, и если все же дело не дойдет до войны, то Японии тем не менее придется занять южную Корею своими войсками и предотвратить самое страшное для Японии дело: занятие всей Кореи Россиею. Мурата много раз возвращался к положению, что политические люди Японии знают историю

России, и по ее бывшим действиям полагает, что в программу России ныне входит занятие и присоединение к России всего Корейского полуострова. Мысль об этом приводит японцев в ярость и отчаяние. Только опасение существования такого плана со стороны России может подвигнуть японский народ на разрыв с Россиею, со всеми неизбежными последствиями сего разрыва. Но если бы Россия оставила в покое Корею, то, быть может, возможно будет установить соглашение, по которому в северной Корее японцы не будут преследовать экономических задач, не будут иметь там предприятий, не будут эксплуатировать богатства. Что касается остальной Кореи, то ген(ерал) Мурата считает, что и там японцы должны иметь только экономическую деятельность, должны эксплуатировать Корею, но не вводить туда свои войска. Он хорошо понимает, что ввод в Корею войск вызовет большие расходы и, главное, создаст более причин к разрыву с Россиею, ибо и Россия захочет ввести свои войска в северную Корею.

Если японцы тем не менее будут вынуждены ввести в Корею войска, то это будет вина России, ибо если Россия, не допуская японцев в северную Корею, и сама не будет там устраиваться, то и японцам не будет основания расходоваться и в Корее на поддержание там вооруженного с Россиею мира, который может перейти в отчаянную борьбу из-за Кореи, которая (Корея), по мнению Мурата, России совсем не нужна. 13 июня. Крейсер «Аскольд» На пути в Нагасаки Вчера на переезде на крейсер «Аскольд» наблюдал погрузку японских войск на пароход, идущий в Формозу. Мурата говорил, что они сменяют там свои войска периодически. О том, что эти войска назначаются на Формозу, сказал мне Мурата. Я не проверял справедливость его заявления. Около полуроты стояло на большой шаланде, приставшей к борту парохода, и по одному по трапу люди переходили на пароход. В большом порядке. По всем и ранее 435 полученным известиям часть эта поставлена в Японии прекрасно. Удивительно неподвижно стояли солдаты в шаланде. Совершенно как манекены. Шли вчера весь день японским средиземным морем⁶⁴. Красоты местности редкие. Пясецкий не знал, куда смотреть, что схватить в фотографич(еский) аппарат и на рисунок для будущей панорамы. Сочетание моря с массою заливов, островов, с берегами, покрытыми высокими горами, удивительное. Горы уходят вдаль рядами, с причудливыми очертаниями. Ближайшие к средиземному морю невысоки, покрыты большею частью яркою растительностью. Несмотря на крутость скатов, где только возможно, разделаны террасами пашни. Масса селений и городков приютилось у берегов. Много заводов. Но главная прелесть средиземного японского моря — это жизнь на самом море. Ничего подобного я ранее не видел. Масса лодок с рыбаками снуют днем и ночью. Суда парусные и пароходы встречаются ежеминутно. «Аскольд» должен был замедлять ход, дабы не разрезать какую-либо лодку. В узкостях входы и выходы из средиземного моря защищены. Видел одну батарею с правой стороны, недавно выстроенную и хорошо примененную на острове к местности, на 10—12 орудий. (...) 15 июня, Нагасаки Прибыли 13-го. Если известие о тайфуне не подтвердится, то сегодня после полудня пойдем в Порт-Артур. Нагасаки очень понравился мне. Редкой красоты местность при входе в залив и рейд. Порт ныне при огромных судах становится относительно невелик, но представляет площадь свыше двух верст длины и версты ширины и в значительной части наполнен судами всех наций. Огромные океанские пароходы грузились углем (женщины, установившись на трапах, передавали из рук в руки корзины, наполненные углем), две японских миноноски, наши два парохода Восточного Общества⁶⁵; масса других более мелких, и все это облеплено маленькими местными фуме. По берегам и внутри стоят сотни больших фуме. Картина поразительная. Кстати, о наших пароходах Восточно-Китайского общества. Капитаны с них ко мне не явились. Директора русско-китайских банков ни в Кобе, ни здесь не явились. Точно это совсем не русские предприятия. А между тем тут лежат миллионы русских денег. Надо будет просить С. Ю. Витте изменить этот беспорядок. Это какие-то государства в государстве. Остановились в довольно хорошем, на самом берегу, отеле. Поехал сейчас же в русский лазарет. Заведует доктор кол(лежский) сов(етник) Элленбоген. В хорошем порядке. Много заботливости. Больных три офицера, один чиновник и 56 матросов. Размещены прекрасно, но сифилитики размещены вместе с другими больными. Очень много тяжелых, чахоточных. Один умирающий. Чиновник млад(ший) инж(енер) Сергеев, кореец, тоже умирает от чахотки. Чиновнику надо оказать пособие. Из нижних чинов один болен цингой. Вид нижних чинов невеселый. Чисто, но рубашки рваные. Помещение для прислуги недостаточно убрано. Пища отличная. Есть прогулки. Выздоровливающие и уже назначенные на выписку

представлялись бодро. Часовня в порядке. Вчера осмотрел на Инасе кладбище и часовню наших моряков. Огорчился. Прежде все это содержалось в большом порядке и каждому матросу клали простую надгробную плиту с надписями. Офицерам ставили каменные, иногда очень изящные, и например, капитану Доможирову значительный памятник. Но вот уже несколько лет после занятий Порт-Артура такого порядка не держатся. Матросов хоронят с небольшим деревянным крестом, с мелкою надписью. Видел кое-где кресты уже покосившимися, на одной могилке не нашел и креста. Часовенка тоже запущена, штукатурка пообваливалась. Надо 436 все это исправить и действовать по-прежнему. Послал нашего военного агента Самойлова составить список всем чинам, коим не положены надгробные плиты, и представить мне; отвезу его к Алексею. Другие экземпляры надо дать военно-морскому агенту в Токио и нашему консулу в Нагасаки. О кладбище заботился до сих пор консул. Надо, чтобы эту заботу разделял и доктор,

заведующий лазаретом. Непосредственное поддержание в порядке нашего кладбища возложено на старшего бонзу расположенного тут же в весьма поэтичном уголке буддийского храма. Он нас и водил по кладбищу и затем угощал чаем в помещении храма. Бонза получает за свой труд 30 рублей в год. В Нагасаки о русских сохранена добрая слава. Теперь мы стали являться реже. Есть в Иноса гостиница, содержащая знаменитою Оматсу, в которую с приходом русских судов пускают только русских. Был и там. Приняла нас приветливая, пожилая, но очень милая женщина. Показала дом и, главное, показала массу фотографий наших моряков. Среди портретов показала особенно ей дорогой с трогательною надписью «милой Оматсу». Есть портрет Александра Михайловича⁶⁶ с теплою надписью. Портреты Бориса и Кирилла Владимировичей⁶⁷. По стенам висят группы наших моряков. Хозяйка говорит по-русски. С грустью заметила, что теперь русские эскадры стали заходить в Нагасаки реже. Зайдет одно судно, простоит два-три дня и далее. Осмотрел вчера большой частный, принадлежащий одному лицу кораблестроительный завод «Мицубиси». Огромное дело. 5000 рабочих. Оборот в год свыше 5 мил. руб. Строят ежегодно до 20 000 тонн. Мы видели в постройке пароход (купец) в 420 футов длины, 5600 тонн водоизмещения. Будет стоить 1 600 000 руб. Уголь свой, но железо английское. В листах 80 руб. за тонну. Тонна чугуна 40 руб. Зависимость большая. Просил изучить дело: нельзя ли нам ставить русское железо. Казенных заказов не было. Будут ли миноносцы. Два дока уже есть. Много служили для русских судов. Теперь строят огромный — третий. Прежде тут было два завода: казенный и частный, но казна уже давно продала свою часть еще отцу Мицубиси. Ныне расширение завода требует 1 600 000 руб., которые и даются одним лицом. Работают современные машины. Кузнецы слабы по сложению. Повторяю: порядок нашел редкий. При заводе больница, школа. Рабочие получают: чернорабочие по 60 коп. в день. Вычитают 5 коп. и прибавляют 5 коп. Эти 10 коп. ежедневно откладываются и служат пособием во время увечия, в случае болезни. Школа техническая хорошо поставлена. 5 классов. Поступают по конкурсу из окончивших народные школы. Обошел подробно. Все преподавание идет по учебникам, изданным на английском языке. В Японии учатся по английским книгам, читают газеты, издаваемые англичанами, и привыкают смотреть на многое английскими глазами. Недоверие и даже неприязнь к русским и России в значительной степени прививается японцам англичанами. ПО РЕЛИГИОЗНОМУ ВОПРОСУ Очень поражает в Японии большая веротерпимость. В Токио наш отец Николай⁶⁸ один из самых популярных людей. Но масса так называемого интеллигентного общества с новыми реформами стала жить в безверии. В школах военных никакого религиозного образования и воспитания не дают. При школах храмов не имеется. Будущие офицеры всевышнему, равно вззирающему на все народы и на все религии, не молятся ни в горе, ни в радостях. То же и в армии. Это большая слабость японской армии. Без религии, без веры в промысел⁴³⁷ выдержать тяжкие испытания воины, выдержать тяжкие потери и лишения могут отдельные лица, но массы не могут. В школах вместо религии преподается высшая мораль: любовь к родине, императору, уважение к семье. Все это еще бродит, но чувствуется, что если на Дальнем Востоке где-либо христианство может надеяться иметь распространение, то это именно среди японцев. Ездил сегодня в окрестности Нагасаки деревню Моги — 9—10 верст. Подъем и спуск. 3 джинрикши. Около часа времени. Несколько больше. Прекрасные виды. Огромная культурность. Каждый клочок даже по крутым скатам гор, где только можно было, обработан. Поражает, что на большой относительно высоте вода так искусно утилизируется, что допускает посевы риса. Некоторые рисовые поля не более средней

величины комнаты, а есть и совсем ничтожные. Обработка их производилась при нас. Удивительно тщательно. Все по шнуру садили женщины и мужчины рассаду. Много бамбуку. Встречаются и пальмы довольно большой величины. Их кора идет на разные изделия. Сегодня праздничный воскресный день, и дорога особенно оживлена учениками и ученицами, делающими прогулку из Нагасаки в Моги, чтобы там выкупаться, позавтракать и возвращаться обратно. Деревня Моги на берегу залива. Население — рыбаки. Хороший улов лангустов и больших креветок. Ловил и я, но лов не был удачен. (...) Перед самым отходом «Аскольда» в Порт-Артур получил от Гессе следующую депешу, отправленную из Петергофа 14 июня: «Безобразову поручено совместно с Вами и г(енерал)-а(дъютантом) Алексеевым обсудить нужные мероприятия, как экономические, так и политические и военные». Это новое изменение сделанных ранее распоряжений. Быть может, тут только редакционные неправильности. В

депеше Алексееву, присланной мне в Кобе, значилось, что военные мероприятия поручалось обсудить адмиралу Алексееву совместно со мной. Теперь оказывается, что Безобразову поручено обсудить и военные мероприятия. Но, с другой стороны, я допускаюсь к обсуждению мероприятий экономических и политических, о чем в указанной выше депеше не упоминалось. (...) 16 июня. Крейсер «Аскольд» Проходим мимо берегов, вернее, островов Корейского архипелага. Сейчас выйдем в Желтое море. Пересматриваю все материалы по Японии и подвожу итоги. Завтра начнется другая работа (в Порт-Артуре). Из сборника сведений об японских вооруженных силах, издание Глав(ного) Штаба, 1903 г., снова обратил внимание на огромные морские средства, коими располагает ныне Япония. Военный флот показан в 142 судна, с 271 000 тонн. Из них броненосцев 1-го класса — 6, от 12 000 до 15 000 тонн каждый. Четыре из них, сколько мне говорили, совершенно одного типа и составляют главное ядро японского флота. Для внешних действий принимается, что Япония может располагать 30 судами в 230 000 тонн. Все броненосцы, и все крейсера, и канонерские лодки первого класса. Вооружение хотя и сильное, но разнообразное. Есть 12(дюймовые) калибры. Снарядов мало: всего по 60 на 12(дюймовое) орудие. В общем, суда первой категории имеют 356 скорострельных орудий крупного калибра. Минные суда до 31 узла хода. Ход броненосцев от 16 до 23 узлов. 438 Транспортные средства весьма значительны. Судов парового флота к 1 января 1902 г. считалось 753, водоизмещением 498 000 тонн. Ход невелик — до 13—15 узлов. Матросы отличные. Правительство платит субсидию одному обществу (Ниппон-Юзен-Кайта) 2 200 000 руб. ежегодно и другому (Иока-Шозен-Кайта) 150 000 руб. в год. Первое общество имеет 88 пароходов, 149 000 тонн. Все не менее 1000 тонн (кроме 10). Второе общество имеет 70 судов, водоизмещением 52 000 тонн. Кроме того, существует до 100 небольших компаний. В военное время указанные выше общества предоставляют военному ведомству за известную плату свои суда, запасы угля, мастерские. Военное ведомство, таким образом, может иметь в своем распоряжении 166 транспортных судов в 327 000 тонн. В семь дней можно будет сосредоточить половину этих судов в 160 000 тонн. При расчете 1 чел. на три тонны и 1 лошади на 10 тонн эти суда могут поднять одновременно две дивизии с орудиями, повозками и двухнедельным запасом. На 14-й день правительство может получить остальные суда еще на две дивизии. Затем во вторую очередь явится возможность перевозить одновременно 4 дивизии. (...) **ЗАКЛЮЧЕНИЕ** Для меня несомненным представляется нижеследующее из всего того, что я видел, слышал, читал и обдумывал по русско-японским делам: 1) Наши интересы на Дальнем Востоке наиболее важны в Приамурском крае, затем в Манчжурии и уже потом в Корее. В последней наши экономические интересы пока почти отсутствуют. 2) Занятие нами всей Кореи не будет по силам России и кроме тяжких жертв и возвращения обратно Кореи (при содействии иностранных держав) ничего России не принесет. 3) Занятие северной части Кореи с разделом ее пополам даст России сильную позицию, но, дабы ею воспользоваться, потребуются громадные жертвы на проведение дорог, устройство укреплений, формирование и содержание корпуса войск. 4) Занятие всей Кореи Япониею нам не выгодно и потому не может быть допущено. Надо, однако, иметь в виду, что фактически Япония могла бы занять Корею, сильно в военном отношении только разорившись, и в то же время в случае войны с нами стала бы уязвимою и на суше. 5) В общем, Корея ослабит нас, если мы не будем иметь плана высадки в Японию. Корея усилит Японию, если она будет в силах наступать против нас в Манчжурии. Корея ослабит Японию, если ей придется действовать против нас оборонительно. Корея, занятая нами, тоже, конечно, ослабит

нас, ибо, не задаваясь целью атаковать Японию на ее материке, мы, занимая Корею, будем находиться под близкими ударами всей армии Японии и вынуждены будем к тяжким жертвам для содержания в Корее двух корпусов войск, связанных с Сибирью и Европейской Россией многочисленными шоссейными и железнодорожными путями. Мы вынуждены будем для защиты Кореи содержать в Тихом океане флот более сильный, чем Японии. 6) По изложенным соображениям выгодно и для нас, и для японцев, чтобы Корея не была занята ни нами, ни японцами. 7) Из-за Кореи японцы, вне всякого сомнения, объявят нам войну. Англия и Германия будут в барышах от этой войны. Это будет общее ликование всех врагов России. 439 Участники переговоров между Россией и Японией в Портсмуте (США). 1905 г. Слева направо: С. Ю. Витте, Р. Р. Розен, президент США Т. Рузвельт, уполномоченные Японией — министр иностранных дел Комура и посол в США Такахира 8) Первая война с Японией, какие бы таковая не имела

результаты, не будет последнею: напротив, эта война откроет целую серию войн России с Японией и, прибавим, с Китаем. В результате нам придется сразиться с миллионною армиею японцев и китайцев и при атаке нас одновременно и на западе потерять Сибирь до Байкала. 9) Нельзя играть в руки врагам нашим. Дела на западе и дела внутренние обязывают нас к крайней осторожности в наших решениях на Дальнем Востоке. 10) Основанием своих действий на Дальнем Востоке в эти годы надо положить поддержание мира с Японией. Это важнее всяких корейских интересов. Средством к сему должны служить: а) особая забота твердо стать в северной Манчжурии; б) предоставление известной свободы действий державам в южной Манчжурии (без новых договорных портов) и в) возбуждение вновь вопроса о гарантии нейтралитета Кореи не только Россией и Японией, но и другими державами, особенно Америкой и Францией. 16 июня 1903 г. Крейсер «Аскольд». 440 ДНЕВНИК с 16 июня 1903 г. по 1 июля 1903 г. 16 июня 1903 г. Крейсер «Аскольд» Наше пребывание в Японии происходило в следующем порядке: 26 мая — отъезд из Владивостока. 28 « утром приход в Симоносеки. 29 « утром с курьерским поездом в Токио. 30 « утром (7 ч. 30 м.) прибытие в Токио. Остановка в летнем дворце. Завтрак у бар(она) Розена. Парадный обед у нас во дворце. 31 мая — представление императору. Завтрак у императора. Обед у японского военного министра. 1 июня — парад войск. Завтрак у принца Фусими. Обед у японского министра иностранных дел. 2 июня — осмотр кадетской и военной школ, арсенала. Завтрак в арсенальном саду у начальника Гл(авного) Штаба Ояма. Обед у нашего посланника. 3 июня — отъезд в Киото. Приезд туда. Осмотр города. 4 июня — осмотр Киото. Вечером отъезд в Кобе и приезд туда. 5 июня — осмотр выставки в Осака. 6 июня — осмотр Кобе, переезд в деревню Шивая. 7—11 июня — в дер. Шивая. Ловля рыбы. Осмотр окрестностей. июня — отъезд из Кобе на «Аскольде» в Нагасаки средиземным морем. июня — приезд к 5 часам п(о) пол(удни) в Нагасаки. июня — в Нагасаки. июня — отъезд из Нагасаки. июня — в море. 17 (июня) — приезд в Порт-Артур. ПРИМЕЧАНИЯ 1 Алексеев Евгений Иванович (1843—1917), генерал-адъютант, адмирал, командующий войсками Квантунской области и морскими силами России на Тихом океане (1899—1903), наместник Николая II на Дальнем Востоке (1903—1905). 2 Вогак Константин Ипполитович (1859—?), генерал-майор (с 22 апреля 1907 г. генерал-лейтенант), военный агент России в Японии (до 1896 г.) и Китае (1896—1903). 3 Безобразов Александр Михайлович, статс-секретарь с мая 1903 г., член Особого комитета по делам Дальнего Востока (1903—1905). 4 Особое совещание 26 марта 1903 г. было созвано Николаем II для обсуждения вопроса о деятельности «частного общества по эксплуатации русских концессий в Маньчжурии и Корее». Участвовали: генерал-адмирал Вел. Кн. Алексей Александрович, министры: финансов — С. Ю. Витте, иностранных дел — В. Н. Ламздорф, военный — А. Н. Куропаткин, внутренних дел — В. К. Плеве, а также контр-адмирал А. М. Абаза. На совещании развернулась дискуссия вокруг «всеподданнейшей» записки Абазы о необходимости расширения русской концессии на р. Ялу, возглавить которую в связи со стратегической важностью для России этого мероприятия должен был особый статс-секретарь при поддержке министерств иностранных дел, военного и финансов. На совещании точка зрения Абазы и Плеве, а также поддержавшего их Николая II о создании противовеса японскому влиянию в Корее и Маньчжурии встретила оппозицию со стороны Витте, Ламздорфа и Куропаткина, выступивших за исключительно коммерческий характер Ялуцзянского лесопромышленного предприятия, соблюдение сроков вывода русских войск из Маньчжурии и поддержание статус-кво в отношениях с Японией. Совещание закончилось

компромиссом между сторонниками и противниками агрессивного внешнеполитического курса России на Дальнем Востоке. С одной стороны, было решено всемерно содействовать расширению концессии на р. Ялу путем создания акционерного общества с привлечением иностранных капиталов. С другой — не получили 441 поддержки планы Абазы о придании концессии военно-стратегического характера. Царь, однако, не утвердил пункт итогового документа совещания, ограничивавший деятельность акционерного общества лесоразработками. 5 Договор 26 марта (8 апреля) 1902 г. между Россией и Китаем относительно условий временного пребывания и вывода русских войск из Маньчжурии в течение 1902—1903 гг. был подписан в Пекине. 6 Город в Приморской области. 7 Река на границе Китая и Кореи в Южной Маньчжурии. 8 Розен Роман Романович (1847—1922), барон, дипломат, посланник России в Японии (1897—1900, 1903—1904), посол в США (1905—1911). 9 Боксерское восстание —

антииностранное народное движение ихэтуаней (боксеров, как неправильно называли восставших иностранцы), охватившее в 1898—1901 гг. ряд провинций Китая. 10 Ламздорф Владимир Николаевич (1844—1907), граф, министр иностранных дел России (1900—1906). 11 Витте Сергей Юльевич (1849—1915), граф, министр финансов (1892—1903), председатель Комитета Министров (1903—1905) и Совета Министров (1905—1906) России. 12 Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), построена Россией в Маньчжурии (1897—1903), соединила Забайкалье с Владивостоком. 13 Частная лесная концессия, охватывающая бассейны рек Ялу и Тумыни и тянувшаяся на 800 километров вдоль китайско-корейской и русско-корейской границ от Корейского залива до Японского моря. Формально частная концессия была приобретена в 1901 г. «Русским лесопромышленным товариществом», за спиной которого стояла могущественная придворная группировка «безобразовцев». 14 Вонлярлярский Владимир Михайлович (1852—?), отставной гвардии полковник, бывший ординарец Вел. Кн. Николая Николаевича (Старшего) (1877—1878), крупный новгородский помещик и промышленник, директор двух бумагопрядилен в Петербурге, председатель Новгородского общества сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности, член общества содействия русской промышленности и торговле. Вел крупные лесные операции в России и владел золотыми приисками на Урале. Пытался организовать добычу золота на Аляске. 15 Совещание высших должностных лиц Российской империи под председательством Николая II состоялось 7 (20) мая 1903 г. в Петербурге. В совещании приняли участие Витте, Ламздорф, Безобразов, Вогак, Абаза и другие. Совещание приняло решение о начале так называемого нового курса русской политики на Дальнем Востоке, заключавшегося в фактическом отказе от выполнения пунктов русско-китайского договора 26 марта (8 апреля) 1902 г. и ускоренном наращивании военной мощи России на Тихом океане. 16 Абаза Алексей Михайлович (1853—?), генерал-майор, контр-адмирал, племянник министра финансов А. А. Абазы и родственник статс-секретаря А. М. Безобразова, управляющий делами Особого комитета по делам Дальнего Востока (1903—1905). 17 Вильгельм II Гогенцоллерн (1859—1941), император Германии и король Пруссии (1888—1918). 18 Сахаров Виктор Викторович (1848—1905), генерал-адъютант, генерал-лейтенант, начальник Главного Штаба (1898—1904). 19 Англо-японский союз — соглашение между Великобританией и Японией, подписанное в Лондоне 17 (30) января 1902 г., о нейтралитете одного из союзников в случае войны другого с какой-либо державой; предусматривало военную помощь союзнику, если к его противнику присоединится одно и более государств. Заключенный сроком на пять лет союз гарантировал «специальные интересы» Англии в Китае, а Японии — в Кореи и Китае, а также право на вмешательство союзников в дела этих дальневосточных государств, если их интересам будет угрожать какая-либо опасность из-за беспорядков внутри Китая и Кореи. 20 16—17 и 19 июля (н. ст.) 1900 г. китайские войска пытались атаковать г. Благовещенск, переправившись через р. Амур, а также вели артиллерийский обстрел города с китайского берега с 15 июля по 3 августа (н. ст.). 21 Имеется в виду вопрос о статусе получившего независимость в результате японо-китайской войны 1894—1895 гг. Корейского королевства в связи с борьбой между Россией и Японией за установление контроля над Кореей. 22 Нью-чжуан (Инкоу) — город-порт в Южной Маньчжурии. 23 Военно-политический блок Германии, Австро-Венгрии и Италии, направленный против Франции и России, сложился в 1879—1882 гг. Просуществовал до 1915 г., когда Италия вступила в войну на стороне Антанты, а не своих партнеров по союзу. 24 Укрепления у местечка Цзиньчжоу в южной части Маньчжурии,

прикрывавшие подходы к Порт-Артуру с севера. 25 Имеется в виду ряд нот и правительственных заявлений, сделанных Россией летом 1900 г. во время подавления восстания ихэтуаней, в частности циркулярная нота МИД и правительственное сообщение от 12 (25) августа 1900 г., говорившее о том, что Россия не считает себя в состоянии войны с Китаем, ибо его правительство было вынуждено выступить против иностранцев только под давлением мятежников. 26 Речь идет о судьбе трех северо-восточных провинций Китая в связи с оккупацией их русскими войсками летом — осенью 1900 г. 27 Мейдзи Тэнно (1852—1912), с 1867 г. — император Японии. У Куропаткина было превратное представление о нем перед поездкой 442 в Японию. Об этом свидетельствует, в частности, дневниковая запись от 10 (23) апреля 1903 г.: «Относительно Японии государь сказал мне с насмешкой, что я в императоре увижу довольно странную и неприятную фигуру, с которой можно будет говорить только с переводчиком.

Костюм увижу странный, и странные будут жесты. Государь сделал при этом довольно презрительную гримасу...» (Красный Архив. 1922. Т. 2. С. 41). 28 Черняев Михаил Григорьевич (1828—1898), генерал-лейтенант, активный участник войны Сербии и Черногории с Турцией (1876), туркестанский генерал-губернатор (1882—1884), член Военного Совета (1884—1886). 29 Соллогуб Василий Устинович (1848—?), генерал-лейтенант, состоял в распоряжении военного министра (1900—1905). Бернов Евгений Иванович (1855—?), полковник, командир эскадрона 22-го драгунского Астраханского полка. Кнорринг Андрей Романович (1862—?), полковник, адъютант военного министра (1899—1904). Илинский Сергей Петрович (1867—?), подполковник (с 6 декабря 1903 г. полковник), состоял в распоряжении начальника Главного Штаба (1902—1903). Сиверс Николай Николаевич (1869—?), подполковник (с 6 декабря 1903 г. полковник), состоял в распоряжении начальника Главного Штаба (1902—1903). Остен-Сакен Александр Федорович, барон, ротмистр, член свиты Куропаткина в Японии. Пясецкий Павел Яковлевич (1844—?), военный врач. 30 Харуко, супруга императора Мейдзи. 31 Александра Федоровна (1872—1918), Императрица, супруга Николая II. 32 Борис Владимирович (1877—1943), Вел. Кн., генерал-майор свиты, двоюродный брат Николая II. 33 Кацура Таро (1847—1913), граф, военный министр (1898), премьер-министр Японии (1901—1906). 34 Ямагата Аритомо (1838—1922), маршал, премьер-министр Японии (1889—1890, 1898—1900), морской министр (1903). 35 Ояма Ивао (1842—1916), маркиз, маршал, военный министр (1891), начальник Главного Штаба (1903—1904), главнокомандующий экспедиционными силами Японии в Маньчжурии (1904—1905). 36 Тераучи Масатакэ (1852—1919), генерал-лейтенант, военный министр Японии (1902—1912). 37 Леваль Жюль Луи (1823—1908), французский генерал и военный писатель, военный министр Франции (1885). 38 Комура Ютаро (1855—1911), дипломат, посланник в Корею, Китае и США (1895—1898), министр иностранных дел Японии (1901—1905, 1908—1911). 39 Мурата Цунээши (1838—1921), генерал-майор, военный агент Японии в России в конце XIX — начале XX в. 40 Канин, принц, племянник императора Мейдзи. 41 Сен-Сирская военная школа — привилегированное высшее военно-учебное заведение Франции. Основана в 1803 г. в пригороде Парижа Фонтенбло, откуда в 1808 г. по распоряжению Наполеона I перенесена в местечко Сен-Сир близ Версаля. 42 Ито Хиробуми (1841—1909), маркиз, премьер-министр Японии (1885—1888, 1892—1896, 1898, 1900—1901), генеральный резидент в Корею (1906—1909). 43 Имеется в виду крупное морское сражение близ устья р. Ялу между флотами Японии и Китая, происшедшее 5 (17) сентября 1894 г. и закончившееся разгромом китайского флота. 44 Гессе Петр Павлович (1846—1905), генерал-адъютант, генерал-лейтенант, дворцовый комендант Николая II с 21 марта 1896 г. 45 Присутствие Куропаткина на военном параде в Токио, а также посещение им военно-учебных заведений не прошли мимо внимания японской прессы. Реакция на эти факты была весьма критической. Так, «Токио Асахи» 3 (16) июня 1903 г., описывая парад и положительный отзыв Куропаткина о боевой и строевой подготовке японских войск, отмечала, что это были обычные комплименты. Но, «если правду сказать», продолжала газета, «то японская армия превосходит русскую по опытности и дисциплине...». Еще более резкий комментарий та же газета поместила в номере от 10 (23) июня 1903 г.: «Напрасно показывали наши войска генералу Куропаткину. Вероятно, думали удивить его успехами нашими, но он не такой человек, чтобы не видеть и недостатков. У нас есть старинная поговорка: «Хорошо знающий себя и неприятеля непременно победит». Наверное, когда генерал Куропаткин вернется в Россию, он станет усовершенствовать свою армию и сделает ее лучше нашей. Не следовало

показывать войска — мы вообще очень откровенны». (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4612. Л. 3—16.) 46 Имеются в виду боевые действия войск западных держав против восставших ихэтуаней и отдельных частей регулярной китайской армии в ряде провинций Китая, примыкающих к Печелийскому заливу Желтого моря (главным образом, в столичной провинции Чжили), в 1900—1901 гг. 47 Дубняк и Плевна (Плевен) — города в Болгарии, за которые во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. происходили упорные бои. 48 Шаньдун — провинция в Китае. 49 Юньнань — провинция в Китае. 50 Соглашение между Великобританией и Германией, подписанное 3 (16) октября 1900 г., предусматривало поддержание принципа «открытых дверей» и свободы торговли в Китае, а также необходимость двусторонних консультаций в случае агрессивных действий других держав на его территории. 443 51 Самойлов Владимир Константинович (1866—?), подполковник (с 6 декабря 1903 г. полковник), военный агент России в Японии (1902—1904). 52 Японские газеты широко и подробно освещали визит Куропаткина. Практически все газеты поместили его биографию и статьи о визите. Так, «Осаки Асахи» писала 28 мая (10 июня) 1903 г., в день высадки военного министра в порту Бакан (Симоносеки): «Наше правительство уже приготовилось с радостью встретить его... Вообще прием будет чрезвычайно почетный, народ также с почтением встретит генерала...» Подчеркивая значение визита, газета отмечала, что «в ряду русских министров генерал Куропаткин стоит наравне с Витте, русский император больше верит ему, чем Ламздорфу, проекты генерала Куропаткина, безразлично, касается ли это военных или гражданских дел, исполняются как законы, взгляды его на внешнюю политику имеют большое значение...». «Ничи-Ничи» от 28 мая (10 июня): «Мы желаем, чтобы русский министр подробно ознакомился с финансовым, экономическим и политическим строем страны и узнал наши интересы. Может быть, тогда бы исчезло чувство неприязни между обеими странами и установилась дружба...» Отмечая неофициальный характер визита, газета «Дзи-Дзи» 30 мая (12 июня) 1903 г. тем не менее выражала надежду, что «хотя генерал Куропаткин только военный министр, но не раз его мнение, касающееся политики, принималось в соображение, поэтому его ознакомление с Японией будет иметь влияние на политические дела...» Некоторые газеты выражали надежду на мирное разрешение конфликтной ситуации на Дальнем Востоке. Так, «Кокумин» 30 мая (12 июня) писала: «Если министр подробно ознакомится с Японией, то он увидит, что она желает мира. Маньчжурский вопрос еще стоит у нас перед глазами, но из-за него мы не сделаем генералу ничего неприятного... Министр сам видел Маньчжурию, теперь увидит Японию. Следовательно, у него будет достаточно материала для разрешения Маньчжурского вопроса...» «Токио Асахи» 31 мая (13 июня) 1903 г. отмечала как важный факт рукопожатие двух военных министров — русского и японского. А газета «Нироку» 5 (18 июня) 1903 г. даже поместила вымышленный договор между Россией и Японией, будто бы заключенный Куропаткиным. В то же время многие органы печати выражали сомнение по поводу возможности заключения русско-японского соглашения. Так, «Чиува Симбун» 31 мая (13 июня) 1903 г. писала: «Говорят, будто бы русский военный министр приехал с особым поручением в Японию, но это неправда. Он просто приехал, чтобы все разведать и посмотреть наших министров. Россия уже завладела Маньчжурией, теперь хочет забрать и Корею. Может ли Япония противиться этому — вот вопрос?... Россия похожа на змею, которая без конца глотает лягушек...» 12 (25) июня 1903 г. «Асахи» отмечала: «По поводу приезда русского военного министра ходят разные слухи: говорят, что он приехал заключить соглашение с Японией по поводу Востока, но это неверно, ибо для такого соглашения послали бы чиновника из министерства иностранных дел, а не военного министра... Почему тогда суетятся наши министры? Вот говорят, что уже заключено русско-китайское соглашение. Где же тогда англо-японский союз и где Америка?... Чтобы обеспечить Порт-Артур, русским надо занять позицию на берегах Ялу и провести прямую железную дорогу от Владивостока на Артур. Вот почему русские под видом рубки леса и другими предлогами появились на Ялу... Если бы теперь военный министр прямо поехал на Ялу, то это было бы слишком явно, вот поэтому он и приехал сперва в Японию посмотреть нашу готовность и другие вещи. Мы смотрим, что произойдет здесь, а между прочим надо ждать событий с другой стороны. Будем же настороже...» Подводя итоги визита Куропаткина, «Химедзи Симбун» писала 14 (27) июня 1903 г.: «Вообще полагают, что приезд русского военного министра не имел полномочий для ведения политических переговоров. Если он хотел заключить японо-русское соглашение, то напрасно, ибо наше правительство не имеет

намерения нарушать англо-японский союз...» (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4612. Л. 3—16.) Русская пресса также широко освещала поездку Куропаткина в Японию. Преобладали довольно оптимистические оценки перспектив урегулирования русско-японских разногласий вокруг Маньчжурии и Кореи. Так, «Московские Ведомости» 21 июня (4 июля) 1903 г. опубликовали заметку под многообещающим заголовком «Дипломатическая победа России». Автор со ссылкой на британское издание «Морнинг Лидер» писал, что «миссия ездившего по Японии русского военного министра увенчалась полным успехом», так как «генерал Куропаткин уже подписал конвенции с Японией и Китаем». По мнению газеты, русско-японская конвенция, подписанная Куропаткиным, гарантировала нейтралитет Японии и наносила «смертельный удар» японо-английскому союзу, заключенному 17 (30) января 1902 г. Британские средства массовой информации с нескрываемой тревогой сообщали о пребывании русского военного министра на Японских островах. Газета «Дейли Кроникл» от 6 (19) июня 1903 г. в статье «Русские интриги. Попытки расколоть англо-японский союз» отмечала, что генерал Куропаткин выбран для осуществления своей миссии как «один из самых опытных специалистов-востоковедов в России, а также наиболее удачливых политиков, искушенных в азиатских проблемах». Высказывалось предположение, что в обмен на уступки по корейскому вопросу Куропаткин намеревается добиваться нейтралитета Японии в благоприятном для России решении маньчжурской проблемы. В свою очередь известный консервативный журнал «Нэшнл Ревью» за июль 1903 г. выражал уверенность, что Германии не удастся извлечь выгоду из противоречий между Англией и Россией, а также подорвать англо-японский союз, воспользовавшись опасениями, появившимися в британских политических кругах в связи с поездкой русского военного министра на Дальний Восток (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4962. Л. 108, 117, 190—190 об.).

53 Бывшие югославянские провинции Оттоманской Турецкой империи Босния и Герцеговина были временно оккупированы войсками Австро-Венгрии в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Согласно решениям Берлинского конгресса 1878 г. обе провинции, формально оставаясь в составе Турции, получили автономию. 6 (19) октября 1908 г. Австро-Венгрия официально объявила об аннексии Боснии и Герцеговины. 54 Имеется в виду сэр Чарльз Стюарт Скотт, посол Великобритании в России (1898—1904). 55 Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859), русский писатель. 56 Международная выставка 1900 г. в Париже с целью показа разносторонней деятельности народов в области экономики, техники, науки, культуры и искусства. 57 Всероссийская выставка изделий промышленности 1896 г. в Нижнем Новгороде. 58 Рентген Вильгельм Конрад (1845—1923), немецкий физик. 59 Формоза (Тайвань) — остров в Восточно-Китайском море. 60 После захвата Японией острова Формозы в результате победы в войне с Китаем 1894—1895 гг. население в течение нескольких лет продолжало вести партизанскую войну против японских оккупационных сил. 61 Во время пребывания в деревне Шивая Куропаткин дал интервью редактору газеты «Токио Асахи», которое было опубликовано 15 (28) июня 1903 г.: «Ген. Я наслаждался рыбной ловлей в Сиюя (Шивая), видел красивые виды и чувствовал себя в безопасности. Ред. Был слух, что г(осподи)н Витте приедет в Японию, но, к сожалению, он не приехал. Ген. Он очень занят и по состоянию своего здоровья не может ехать на Восток. Я же не имел спешных дел и мог провести несколько месяцев вне России. Ред. Отличается ли то, что Вы видели в Японии, от того, что о ней думают в России? Ген. В России две партии: одна считает, что Япония дошла до высшей степени развития, и восторгается Японией, другая — наоборот. Поэтому очень трудно узнать истину по одному описанию Японии. История доказывает, что государства не могут в несколько лет достигнуть больших успехов, поэтому сомнительно, чтобы Япония в 30—40 лет достигла совершенства. Я лично видел, что в Японии образование, и в особенности земледелие, сделали большие успехи. Благодаря старанию и трудолюбию японцев за 30—40 лет сделаны большие успехи. Японцы хорошо относятся к иностранцам...» (РГВИА. — Ф. 165. Оп. 1. Д. 4612. Л. 15—16). 62 Кавасаки Созо (1837—1912), предприниматель, директор кораблестроительного завода. 63 Харитоненко — сахарозаводчик Черниговской губернии. 64 Имеется в виду так называемое Внутреннее море — часть Тихого океана между Японскими островами. 65 Созданное в 1899 г. «Обществом КВЖД» морское пароходство имело к 1903 г. 20 крупных пароходов, в задачу которых входило поддержание сообщения между портами Приморской области, южной частью Ляодунского полуострова, а также Сахалином. 66 Александр Михайлович (1866—1933). Великий Князь. 67 Кирилл

Владимирович (1876—1938), Великий Князь. 68 Отец Николай (Иоанн Касаткин) (?—1912), настоятель русской православной церкви в Токио.

Солдатский песенник

Круглов М. А. Солдатский песенник / Публ. [и вступ. ст.] А. Л. Налепина, О. Ю. Щербаковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 472—487. — [Т.] VI.

«Российский Архив» публикует нетрадиционный материал, который обычно не привлекает внимание историков. В какой-то мере его можно определить как фольклорный исторический источник. Это так называемые народные тетради-песенники, которые часто заменяли книгу и являлись результатом творчества их создателей. Традиция эта не исчезла до наших дней и сохранилась в ряде социальных слоев, но главным образом среди школьников и студентов.

В дореволюционной же России в альбомы провинциальных и столичных барышень, чиновников и просто грамотных людей записывались наиболее понравившиеся тексты — стихотворения, романсы, экспромты, пожелания и т. д. и т. п. Некоторые альбомы XIX—XX вв. сохранили автографы поистине бесценные, принадлежащие перу великих писателей, художников, музыкантов, общественных деятелей. Такие альбомы являлись и являются предметом исследования специалистов.

В то же время существовала огромная масса достаточно банальных рукописных сборников, которые были распространены среди грамотного населения России, и в частности среди грамотного крестьянства. Такие сборники не содержали редких автографов и уникальных текстов, их художественный уровень был невысок, но соответствовал культурным запросам их создателей и владельцев. Однако как исторический источник такие рукописные сборники важны и уникальны, если исследователь и просто читатель задался целью определить социально-культурный контекст эпохи, «аромат времени», который изменчив и не фиксируется в традиционных «серьезных» исторических памятниках. К культурному контексту эпохи можно отнести и песенный репертуар, состав текстов которого (их варианты, переделки и даже ошибки и искажения) волей-неволей отражал особенности того или иного исторического периода.

Публикуемый песенник относится к годам Первой мировой и Гражданской войн, а также первого десятилетия советской власти. Песенник представляет из себя самодельную тетрадку, сшитую холщовой ниткой, в 90 страниц (заполнено текстом только 79). Эта тетрадь была подарена А. Л. Налепину в июле 1965 г. во время фольклорной экспедиции Московского государственного университета в Архангельскую область ее составителем и владельцем Михаилом Андреевичем Кругловым (1895 г. р.), жителем села Усть-Кожа, участником знаменитого «брусиловского прорыва». В начале 1918 г. после ранения и ампутации правой руки Круглое оказался в Воронежском земском госпитале, где и был составлен публикуемый сборник. Михаил Андреевич был прекрасным сказочником, и даже когда просто рассказывал о своей жизни, то эпизоды своей биографии переплетал с импровизированной солдатской сказкой (как он говорил — «солдатской выдумкой»), остроумной и веселой, но, как правило, нескромного содержания, «с картинками».

Вот как, например, отразились события войны и факт тяжелого ранения в его устном повествовании, где традиционная сказка, сюжет которой был распространен повсеместно, впитала в себя факты реальной биографии рассказчика. Сказка была о жене, которая отправилась искать мужа, ушедшего на фронт прямо из-под венца:

«Поискала она, поискала, а адреса-то не нашла. Оделась она мужиком и — в военкомат. А тогда в военкомате не раздевали. Приехала на фронт, стала служить да узнавать про мужа. Поступила в учебную команду унтером (прапором, по-старому) и приехала в ту часть, где служил мужик.

Построила солдат и ну мужика по щекам лупить. За пуговицы там, за шинель. И так каждый день. Мужик все время в наряде. Она-то меня узнала, а я ее нет. Раз требует офицер на квартиру.

— Ваше благородие, такой-то явился!

— Сказывай, женатый был?

— Эх, ваше благородие, женатый был, женку любил, — и все ему рассказал.

— А ты женку-то...?

— Нет.

— Дурак же ты! Раздевайся и ложись сюда.

Я некался-некался, разделся и повалился ни жив ни мертв. Офицер огонь потушил и тоже повалился.

— Ну, лапни! Ну, что тут делать.

— Ваше благородие, да ты же женщина!

Она встала, вышла в другую комнату и вернулась женщиной. Ну, тут я женку на кровать и повалил. Да приговариваю:

— Ты меня днем, а я тебя ночью. А она говорит:

— Ты приходи ко мне ночевать, да никому не сказывай.

С той поры служить мне стало хорошо. В наряде ни разу не был. А потом пошла женка на комиссию, и признали ее женщиной. А меня-то в руку ранило, так без руки и приехал домой, и стали мы поживать».

Практически каждый факт собственной биографии Круглое обыгрывал такими текстами. Находясь в госпитале, он стал учиться писать левой рукой (чем объясняется нетрадиционный левый наклон его письма) и воспроизвел практически весь песенный репертуар русского окопного солдата-крестьянина Первой мировой войны. После госпиталя записи производились уже дома, в селе Усть-Кожа, и носили эпизодический характер, от случая к случаю, и так до 1927 г. Часть текстов, видимо, была услышана от других лиц, и тогда в конце текста появлялись записи типа «Красовская» — видимо, фамилия человека, от которого был услышан текст. В конце тетради записаны наиболее известные народные способы лечения тех или иных болезней.

В публикации сохранены орфографические и стилистические особенности подлинника.

ВОЕННЫЕ ПЕСНИ

№ 1

Хорошо вам быт(ь) на воле

Слушат(ь) ласковы слова

Посидели б вы в окопах

Испытали б то что я

Здес(ь) сидиш(ь) в открытых ямах

Сверху дождик моросит
Как засыплет с пулемета
То повер(ь) не усидиш(ь)
А получиш(ь) приказанье
Из окопов вылезай
Только голову покажеш(ь)
Вдруг шрапнели зажуж(ж)ат
Тут мы бросимся в Атаку
С криком громкое ура!
Страшно видит(ь) серу массу
Все кровавый тела
Лежит раненой солдатик
Голос жалобно звучит
Доколи меня товарищ
Успокой меня навек
Шли бои по многим суткам
Но солдат не унывал
Все он думал про победу
Да о мире толковал
Шли Карпатскими горами
Шли мы славу добывать
Но успехи изменилис(ь)
Нам пришлось отступат(ь)
Много пало наших братьев
Много крови пролито
Оттого что вед(ь) начальство
Все немецкое было?
Не представил нам снарядов
Сухомлинов генерал

Был министром он в России
Много роскоши узнал
И товарищ его верный
Мясоедов был шпион
Много там он на шпионил
Но повешен был потом
А когда здавали мы Варшаву
Там был немец генерал
Он набил свои карманы
И в Германию удрал
И была крепост(ь) небольшая
Эта крепост(ь) Осовец
Мы долго в ней держались
Комендант был молодец
Мы надеялись на крепость
Осовецкия форты
Через два дня лиш(ь) узнали
Что без боя отдали?
Вы все чисты и умыты
И семья у вас кругом
Нас кусают паразиты
Но отчасти мы их бьем
У вас теплые квартиры
Как у важных у Господ
Через нас летят мортиры
То в окоп то перелет
Вы дождались Христа Славы
Вам там певчи пропоют
А нам пули и снаряды

Жит(ь) на свете не дают
Не дождат(ь)ся нам отрады
Не дождат(ь)ся Миру нам
Через нас летят снаряды
И в окопе плохо нам...

Конец

№ 2

Близ моря на дальном востоке
В ущельях карпатских горах
Льются кровавы потоки
С утра до вечерней зори
И слышны орудийны раскаты
Чугунные пушки гремят
Рвутся шрапнели гранаты
И землю взрывает фугас
Там бьются солдаты за правду
И смерт(ь) не страшна храбрецам
В бой идут они смело
Их Божия Матер(ь) хранит
А дома отец во кручине
И с ним призадумавши мать
Отец нам читает газету
О сыне он хочет узнат(ь)
Из Армии пишут газеты
И брызнули слезы из глаз
Что сына убили в Карпатах
Им пишет военной приказ
Убит он германской гранатой
И кости в долине лежат

Никто не узнает могилы
Засчитника Русской земли
Никто из знакомых не придет
Из родных никто не придет
И эта могила весною
Зеленой травой обрастет
Зарастет она диким бурьяном
Не засчитник здес(ь) русской солдат
Из дома поехал веселой и храбрый
Сердечно простился с семьей
А дома жена молодая
Склонившись над малым дитя
Плачет рыдает горюет
О муже своем дорогом
Остались малые дети
Остались на век сиротат(ь)
А я друг любезный мечтаю
И плачу я друг по тебе
Ложуся я спат(ь) на постельку
Всю ноч(ь) я не вскрою глаза
А дети про вас вспоминают
Скорол(ь) наш папа придет
Зальюся я гор(ь)ким слезами
Малюткам своим говорю
Отец ваш давно уж в могиле
Давно он землею зарыт
Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок
Лежат на нем камни тяжелы

Чтоб встать он из гроба не мог.

5 марта 1918 года

Конец

№ 3

Полноч(ь) наступает

Луна горит светло

Отряд наш выступает

С бивака своего.

припев

Горные вершины

Я вас вижу внов(ь)

Карпатския долины

Кладбища удалцов

Идем мы тихо стройно

Подходим мы к горам

Карпатския долины

Виднеются уж нам.

припев

Полковник наш бывалой

По фронту проскакал

Ребята не робейте

Он громко нам сказал.

припев

Горные вершины и т. д.

Пойдем вперед ребята

Помощник с нами Бог

Собьем мы супостата

И впух их разоб(ь)ем.

припев

Пришли на те поляны

Где кров(ь) лилас(ь) рекой

Где русския дружины

Дралис(ь) за Край родной.

припев

Уж пушка вестовая

О смерти говорит

А пуля роковая

Нас с жизнью примирит.

припев

Прощай моя невеста

Родительской мой дом

Мне к вам не воротит(ь)ся

Свинец свистит кругом.

припев

Конец

№ 4

Последний ден(ь) нам братцы миновало

Завтра рано еду я

Еду еду друзья с вами

Покидаю край родной

Завтра рано на рас(с)вете

Распрощус(ь) жена с тобой

Распрощуся я с полями

И с родимой стороной

Там далёко за горами

Где лежал я на холме

Все могилы заросщёны

На моей могиле крест

-----Г-----
Вот убит наш здес(ь) товарищ

В чужедальной стороне

В чужедальной стороне

Да на Германской на земле

Соберем мы братцы покойники

И напишем письмецо

Отошлем мы это письмо

К отцу с матерью родной

К отцу с матерью родной

И к женки молодой

Пуст(ь) оне его читают

И узнают как страда(ю)т

Как страдают на войне

Да на Германской стороне

К нам никто в окоп не влезет

Лиш(ь) солдатики одне

Зажуж(ж)али вдруг снаряды

Засвистели тучи пул(ь)

К нам летят германски пули

Солдатский песенник. Фотография.

Им навстречу наш картеч(ь)

Немцы бегают в окопах

Где бы лутше им залеч(ь)

Нам не надо залегат(ь)

Нам к Берлину пут(ь) держать Конец

№ 5

Вдол(ь) по линии Кавказа

Молодой орел летал

Он летал пепел во(й)сками

Он не сам перед вождём

Православной русский вождь

Вожд(ь) с походом нас проздравил

Отдавал такой приказ

Чтобы были у вас ружья

Ружья новья винтовки

Мы поедem за границу

Бит(ь) картечию врага

Перебьem перестреляем

Остальных мы в плен воз(ь)мем

Под ракитою зеленой

Русский раненой лежит

Он не сам ее склонил

Немец шашкою срубил

Ты не вейся черный ворон

Над моею головой

Ты слетай ко черный ворон

На родиму сторону

Ты скажи моей невесте

Что я женился на другой

Я женился повенчался

В чистом поле под кустом

Перва сваха шашка остра

Угощала точно мат(ь)

А невеста пуля метка

Прямо в груд(ь) ко мне впилась

Взял приданое большое

Много лесу и лугов

Деревушку небольшую

С Петропавлский гополок

С четырехгранным торчком

Конец

№ 6

На взморье мы стояли

На германском бережку

На взморье мы смотрели

Как волнуется волна

Не туман ли с моря всходит

То сильный дождичек шумит

Посулился цар(ь) германской

Русско войско победит(ь)

Вреш(ь) ты вреш(ь) ты враг германец

Тебе русских не побит(ь)

У России войска много

Русский любит угостит(ь)

Угостит свинцовой пулей

На закуску стальной штык

Штык стальной четырехграной

Груд(ь) германскую пронзит.

Конец

№ 7

Пишет пишет цар(ь) германской

Пишет русскому Вождю

Заберу я всю Европу

Сам в Россию жит(ь) пойду

Зажурился цар(ь) великий

Сам он ходит по Москве

Не журился цар(ь) великий

Мы России не здадим Собирем мы войска много Пойдем с немцем воеват(ь) Заберем Карпатски горы Будем зиму зимоват(ь) Прозимуем эту зиму Летом будем отступат(ь). Конец Воронеж 9
замк(ий) воспит(ел) М. Крупнов № 8 Ехали солдаты Со службы домой На плечах погоны На

земский) госпиталь) м. Крутлов лежали солдаты со службы домой на плечах попоны на
грудах кресты Кресты золотые На солнце горят Едут по дорожке Родител(ь) стоит Здоро?во
папаша Здоро?во сынок Рас(с)кажи папаша Про семью свою Семья Слава Богу Прибавилась
Молодая жинка Сына родила Сын отцу ни слова Седлает коня Подъезжает к дому Мат(ь) с
женой стоит Мат(ь) стоит с улыбкой Жена во слезах Мат(ь) сына просила Прости сын жену
Тебе мат(ь) прощаю Жене никогда Закипело сердце В солдатской груди Заблестала шашка 477
Во правой руке Скатилаь головка С неверной жены Боже ты мой Боже Что я натворил Жену я
зарезал Себя погубил Жену похоронят Меня закуют Маленьку сиротку В люди отдают Конец №
9 Вы послушай стрелочки? Я Вам песенку спою припев Да ой ли ой да люли Я Вам песенку
спою Да про службищу про свою По три года мы прослужили Ни очен(ь) мы ни тужили На
четвертому году Стали думат(ь) и гадат(ь) Кабы дома побыват(ь) Да отца с матерью видат(ь) И с
молодой женой поспат(ь) Вот пришел полку указ Что нашему полку Кавказ Вот пришел второй

Что нам ехат(ь) домой Ехат(ь) к жинке молодой Здравствуй милая жена Как жила ты без меня Я
жила то хорошо Прослужил бы год ешо Рас(с)кажи с кем гуляла И кому еще давала Я давала
Фомичу А теперь уж не хочу Муж жену тут похвалил И на койку повалил припев Да ой ли ой да
люли... Конец № 10 припев Взвейтес(ь) соколы орлами Полно дома гореват(ь) То ли дело под
шатрами В поле лагерем стоят(ь) Там был город полотняной Морем улицы шумят Позолотою
румяной Медны маковки горят припев Там едва заря настанет Строй пехотный закипит
Барабаном в небо грянет И штыками заблестит припев Закипит тогда волною Богатырская рука
Строй на строй пойдет стеною И покатится ура! припев Все покорны нашей воле По отбою
кончен спор Во потешном ратном поле Под песню знает дружный хор. припев Конец № 11 Ревет
и грохочет мортира вдаль Снаряд оглушительно рвется И братья костями на землю легли И стон
над полями несется Чудовища мчатся один за другим Людей словно мусор сметая Взлетает земля
и клубится как дым И грохот звучит не смолкая Но молча живые пред смертью стоят И зная их
поднято гордо Не дрогнет наш русский великий солдат И натиск врага встретит твердо Кров(ь)
льется потоком и рвутся тела На мелкие части снарядом Смерт(ь) косит и косит людей без числа
Земля словно сделала(ь) адом Но слышна команда солдатам вперед И двинулос(ь) стройно
рядами Русское войско в тяжелой поход И в бой беспощадный с врагами А враг не жалеет
снарядов для нас Ружейных он пуль не жалеет Летят за фугасом на воздух фугас И небо от гнева
краснеет Настала последняя наша пора Сдават(ь)ся мы в плен не желаем Вперед же товарищи с
Богом ура За родину мы погибаем За правое дело мы в битву пошли Но жребий нам пал
неминучий... Пусть скажет вес(ь) свет что мы с честью легли Во славу России великой. Конец
478 № 12 Вечер вечерет, орудия гремят А бедные солдаты в окопчиках сидят Станет лиш(ь)
смеркат(ь)ся и станет холодней Выйдеш(ь) из окопа и вздохнеш(ь) послободней Выйдеш(ь) на
площадку согреет(ь) кипятку С таким аппетитом попьеш(ь) там чайку Летит снаряд германской
Жуж(ж)ит как эроплан А каждый из нас знает Что это чемодан Снаряд перелетает И делат
недолет А каждый в сердце думат Что он меня убьет, Кухни нам подвозят Лиш(ь) в сутки один
раз И то это бывает Вечерний поздний час Вдруг слышалас(ь) команда Берите котелки А
вторая полурота Немного обожди Федфебель наш шибает Во всею глотку орет А ротный возле
кухни По морде солдат бьет Вернемся мы от кухни Поджавши животы Холодны и голодны В
секрет надо идти В секрете нам доносят Противники идут Беритес(ь) за винтовки Патроны
поднесут Защелкали затворы Раздался шумный свист Противники отбиты Спускайте все курки
Винтовки по бойницам А сами отдохни Землянки у нас плохия Только от дождя Снарядом
пробивает Народ там гибнет зря Стало лиш(ь) темнен(ь)ко Солдатики идут У всех в руках
носилки И раненых несут На станцию приносят И грузят на вагон В Россию отправляют Чтоб
вылечит(ь) потом Лечите не лечите Мы снова в бой пойдем За неверную Россию Лутше здес(ь)
порем Конец Василий Зырянов № 13 Из-за гор горы едут мазуры Едут едут — Мазурочки
Везут везут — Два веночка Венцы золоты Венки золотые Заехали Мазуры на дивчинин двор
Стук бра стук бра в окошечко Выйди сердце на крылечко Дай коню воды Дай коню воды Не
могу я встат(ь) коню воды дат(ь) Мне мамаша приказала Чтоб я с вами не стояла Мамаши боюсь
2 раза Мамаши не бойся садис(ь) на мой воз Садис(ь) садис(ь) на конечка Мы поедем в край
далекий Там мы заживем 2 р(аза) Конец № 14 Ой на горе та жнецы жнут 2 р. Як по под горою —
яром долиною Казаки идут припев Эй долиною эй Широкою казаки идут Ой попереди
Дорошенко 2 р. Ведет свое войско Войско запорожско — хорошей(ь) ко Ой позади Сагайдачной

2 р. Что променял жинку На тютюн на люльку Неудачник Ой вернися Сагайдачный 2 р. Возьми свою жинку Отдай тютюн люльку Неудачник Ой мне с жинкою не возит(ь)ся 2 р. А тютюн да люлька Казаку в дорози Пригодится припев Эй долиною эй... Эй кто в лесе отозвися 2 р. Ест(ь) тютюн и люлька А ты Даш(ь) огнива Закурит(ь)ся 479 припев Эй долиною эй Широкою казаки идут Конец № 15 Ой там за Дунаем Да за широким Дунаем Молодец гуляет 3 р. Да он кричит укает Подай подай перевозу Яй перевезуся На свой на свою краину. Хот(ь) раз, хот(ь) раз сподивлюся На свою краину Не так на краину Як на ту дивчину Конец № 16 В тиши ночной Во тьме глубокой Пред освященною луной С прелестной девой черноокой Прощался мальчик молодой Прощайте глазки голубыя Прощайте волосы русы(я) Прощайте кудри завитыя И ты красавица прощай Не мог тобой налюбоваться Не мог от сердца оторват(ь) Но время время нам расстат(ь)ся Тебя мне больше не видат(ь) Она на груд(ь) к нему склонилас(ь) И все шептала не забуд(ь) Тебя я милой не забуду Пока на свете буду жит(ь) Свистит свисток и поезд мчится

Звонок уныло прозвонит И ты поедеш(ь) мой голубчик Но Бог с тобой сщастливый пут(ь) Прощайте ласковыя взоры Прощай мой милый дорогой Разделят нас долины горы Вроз(ь) будем жить теперь с тобой Когда ты будешь во окопах Тогда ты вспомни про меня А я в эту трудную минуту Молит(ь)ся буду за тебя Услыши Бог мое моление 480 И мы увидимся с тобой Опят(ь) пойдем мы в воскресенье С тобой в зеленый сад гулят(ь)... Конец № 17 Из-за острова навстречу На простор речной волны Выплывают расписныя Стеньки Разина челны На переднем Стенька Разин Обнявшис(ь) с княжной сидит Свадьбу новую справляет Сам веселой и хмельной А позади слышен ропот Нас на бабу променял Одну ноч(ь) с ней провозился Сам на утро бабой встал Сзаду ропот и насмешку Слышит грозный Атаман Своей могучию рукою Обнял княжну за легкий стан А она закрывши очи Не жива и не мертва Молча слушает хмельныя Атамановы слова Волга Волга мат(ь) родная Волга матушка река Не видала ты подарка От донского казака Одним взмахом поднимает Он красавицу княжну И за борт ее бросает В набежавшую волну Что вы братцы приуныли Или Филька брат спляши Грянем братцы удалую На помин ея души Из-за острова навстречу На простор речной волны Выплывают расписные Стеньки Разина челны Конец № 18 Как во нашей деревушке Нова новина припев Трай рай рай нова новина Молодая дивчинина Сына родила Не вспоила не вскормила В море бросила Молодые рыболовцы Рыбу ловили Не поймали шуки рыбы Поймали длина Рас(с)мотрели раздвигилис(ь) Гляд(ь) мало дитя Как во нашей деревушке Все званы ревут Молодую дивчининку Под наказ ведут А за нею стара мати Плачет рыдает Не плач(ь) не плач(ь) стара мати Дома еще пят(ь) Не пускай их на вечерку Пускай дома спят На каждую дивчининку Солдатииков пят(ь) Хот(ь) хотится не хотится Надо целоват(ь) Хот(ь) хотится не хотится Надо им и дат(ь) припев Трай рай рай... Конец № 19 Поехал казак на чужбину далеку На своем верном кони вороном Он свою родину навеки спокинул Сам не вернется в отеческий дом Напрасно казачка жена молодая Утро и вечер на север глядит Ждет не дождется любезного друга Скоро л(ь) к ней милой казак прилетит Там за горами метелицы вьются И сильны морозы зимою трещат Там на лужайке там на зеленой Кости казацки под снегом лежат Казак умирая навек завещал Насыпат(ь) курган в земли в головах Пуст(ь) на кургане калина родная Качаяс(ь) красуется в ярких цветах Пуст(ь) вольная пташка садяс(ь) на калину Порой прощечечет ту песн(ь) обо мне Что некогда жил здес(ь) казак на чужбине Он помнил о милой родной стороне Конец № 20 За Уралом за рекой Казаки гуляют И стрелою каленой За реку пускают 481 припев Гей гей гей ну ну гуляй За реку пускают Казаки не простаки Вол(ь)ныя ребята Все на шашках тумак И живут богато припев В темном лесе до полночи В поле разъезжают Всю добычу стерегут Свищут не зевают припев Наш товарищ — острый нож Сабля лиходейка Пропадем хотя за грош Жизнь наша копейка Сладко выпьем поедим Все горе забудем И уж больше по лесам Мы ездит(ь) не будем. припев Конец № 21 Спите орлы боевые Спите спокойной душой Вы заслужили родныя Счастье и вечной покой Долго и тяжело страдали Вы за отчизну свою Много вы грома слышали Много и стонов в бою Ныне забывши бывшее Раны тревоги труды Вы под могильной землею Тесно сомкнули ряды Спите орлы боевыя Спите спокойной душой и далее Конец № 22 Любезной друг уведомляю Что кончен наш кровавый бой Своих с победой поздравляю Себя с оторванной рукой Хот(ь) много мы и пострадали От перекрестного огня Но все разбили все забрали Руки нет правой у меня Я в госпитале умираю Вдали от родины своей Своим об этом сообщаю Пишу я левою рукой Родные надеялис(ь) конечно Здравым встретит(ь) храбреца Но ошибаются глубоко Руки нет правой у меня Когда я

с родиной прощался Поехал молодец и весел Тепер(ь) калекой я остался Руки нет правой у меня Гармон(ь) венскую хорошу Тебе на память подарю И ты сыграш(ь) «Умер бедняга» ...В лазарете далеко Когда я с милою прощался Очен(ь) плакала она Когда ж узнает мил скончался Умрет наверное она Пока не умер все мечтаю И слезы капаят из глаз И прощаюс(ь) друг с тобой Пишу я левою рукой Конец Михаил Круглов № 23 Славное море священной Байкал Славный кораб(ль) омулевая бочка Эй баргузин пошевеливай вал Молодцу плыт(ь) недалече 2 р. Долго я звонкия цепи носил Долго бродил я в горах Акатуя Старый товарищ бежат(ь) пособил Ожил я волю почуя 2 р. Шилка и Нерчин не страшны тепер(ь) Горная стража меня не поймала В дебрях не страшен прожорливый звер(ь) Пуля стрелка миновала 2 р. Шел я лесом сред(ь) белого дня Вдали городов озираясь зорко Хлебом кормили крестьянки меня Парни снабжали махоркой 2 р. Славное море священной Байкал Славный мой парус кафтан дыриватой Эй баргузин пошевеливай вал Слышатся грома раскаты 2 р. Конец № 24 Бывали дни веселыя Гулял я

молодец Не знал тоски кручинушки Как вольной удалец Придеш(ь) поздно с пашенки Лошадок убереш(ь) И к ней тропой знакомою В заветной дом пойдеш(ь) Она уж дожидается Красавица меня Глаза полуоткрытыя 482 Румяна и бела Однажды в конце осени Пришел любви конец И к ней приезжий с ярмарки Присватался купец Тогда она красавица Забыла про меня Оставила вспокинула В хоромы жит(ь) пошла Живет у черта старого Как в клетке золотой Как куколка нарядная С распущенной косой Оставшис(ь) в одиночестве Я точно опьянел И всю ту ночь темную В раздумьи просидел Блеснула мысл(ь) злодейская Во тьме нашел топор Простился с отцем с матерью И вышел через двор Иду а ночь темная Вдали журчит ручей И дело совершилося Тепер(ь) я стал злодей Угонят молодца За девку черноокою За черта за купца Конец 9 марта 1918 года Г. Воронеж 9 зем(ский) Госпиталь. М. Круглов № 25 Мой кустом вес(ь) износился Без подметок сапоги На Усть-Кожу я явился Где одни лиш(ь) босяки Скоро с ними я спознался Друзей много поразвел В каждый день пьян напивался Жизн(ь) веселую там вел Приобрел себе Анюту Лет семнадцат(ь) будет ей Ничего что молодая Нам жилось неплохо с ней Баба славная Анюта Я не раз ей ревновал И любил ее сурьезно Все деньжонки отдавал А тепер(ь) я с ней рас(с)тался И вспокинул навсегда С ней другой уже спознался Настоящий лабада Конец 23/IV 1918 Круглов № 26 Ой у лузи, таше пры березы Червона калына Спородыла молода дивчына Хорошого сына 2 р. Ой деж вона его спородыла В зелени дибровий Тай ныдала тому козакови Ни ещастья ни доли 2 р. Тики дала тому козакови Лычко чорны брови Булоб тоби моя ридна маты Цых брив не даваты 2 р. Булоб тоби моя ридна маты Щастья долю даты Развивайся зеленой дубы Завтра мороз буды 2 р. Яй морозу того не боюся Сичась разовьюся Собирайся молодой казачек Завтра мороз буды 2 р. Яй похода того не боюся Зараз собыруся Конец № 27 Дружно товарищи в ногу Духом окрепнем в борьбе Царство свободы народов Грудью проложим себе Вышли мы все из народа Дети семьи трудовой Братский союз и свобода Вот наш девиз боевой Долго в цепях нас держали Долго нас голод томил Черныя дни миновали Час искупленья пробил Все что их держалися треном Дело рабочей руки Сами набьем мы патронов К ружьям привинтим штыки Свергнем могучей рукою Мы роковой навсегда И водрузим над землею Красное знамя труда Конец Усть-Кожя 28/VI 1918 г. ОТРЫВКИ ИЗ ПЕСЕН ЧУМАКОВ Ой ты красавица гордая да пышная, Отчего ко мне с вечере не вышла Ой как же мне выходить. Станут вороги судит(ь). Пускай судят. Как и разумеют. Придет пора что и не посмеют... 483 Ой запив чумак запив Сидя на рыночку Тай пропив чумак пропив Усю худобочку... Ой в поле криница там холодная водица. Там чумак волов поит, Волы ревут воды не пьют Дороженьку чуют А чтоб те вы серы волы да в Крым не ходили Как вы меня Молодого навеки смутили Помер помер чумаченько на недели рано, Схоронили чумаченько в зеленом бурьяне, Насыпали над чумаком високу могилу Посадили над могилой красную Калину, Прилетела кукушка и сказала Ку-Ку, Подай сынку подай орлик хот(ь) правую руку Ой рад бы я моя мати и обе подати. Да налегла сыра земля неможно подняти... Шумят вербы в конце гребли что я насадила, Нету нету миленького что я полюбила, Нету нету миленького нету моего солнца Не с кем слова перемолвит(ь) сидя у оконца, Чернобровый белолицой и кария очи, Не с кем слова перемолвит(ь) сидя до полночи... Ой под мостом мостом Трава зеленеет За хорошим мужем Жена молодеет Ой под мостом мостом Плеснулася рыбка Я ж у тебя мат(ь) моя Все расту нешибко Пусты меня мать из хаты Я не заплутаюсь Только парней подзадорю Да и тем покоюсь... Ой весна весна степь развеселила А не только поле как долины горы А не только речки как упасть сердечки Уж

все куры на нашесте Петух на пороге, Уж все парни на улице, А мой на дороге Не топила, не дымила, Стало в сенцах дымно, А как выйду я из хаты Ему станет видно Чьи-то пчелы серед(ь) сада, Мой по долине, Ой кто любит черны очи, А я голубыя. Ой месяц, ты месяц ясный Не свети другому, Только милому Как будет он идти до дому И не видно ж его дому, Видно только грушу Туда ж, туда ж позывает Рано поздно душу И не видно его дому, Видно только дубчик. Возле его недалеко Живет мой голубчик... Ой на горе, под горою Сидит голуб(ь) с голубкою Они себе целуются Целуются, милуются Когда б моя красавица да такая Как голубка у голубя молодая Я ее все целовал бы миловал. А до печи бы кухарочку нанял, А уж к ней самой татарочку И я сам бы поводицу ей ходил Мою б милую за рученьку водил. И давай еще считат(ь) То за брюхо, то за спину То засуну, то задвину То повытащу назад Раз два три четыре пят(ь) Бабам любо, девкам туго, А солдатам хорошо Раз дала, два дала А третий раз подумала И сказала завтра дам. Жду. Прощайте родныя Прощайте друзья Прощай дорогая невеста моя Теперь (нрзб.). Любил я

Клавдеек Любил я Аних Теперь уж не буду Любить никаких Понравится не откажусь. Красное яблочко, розовый Цвет, любил я девченок Теперь уже нет... Зарюсь на молодиц. Прощай моя невеста Родительский мой дом 484 К вам я не вернуся Свинец свистит кругом А может приеду. М. Круглов О, Господи Боже, Россию спаси Сколько ... развелось на Руси В желтых ботинках ажурных чулках С красным крестом на груди, рукавах Только лиш(ь) тени на землю падут Где ни попало, там и ... Старой лихой командир Прапорщик юной сапер бомбардир. Всем без отказа дают в лазорете В ж... сидячку и раком Упольстившись на сестрины глазки Смотриш(ь) дня через три ... в перевязке Носит под видом прекрасной сестрицы Шанкер, бобоны и сифилисы Одни мы у Бога, лиш(ь) просим Нельзя ли войну прекратит(ь) Иначе всех заразят на Руси, Господи Боже, Россию спаси. Конец ПРИПЕВЫ Я в неделю пью, пью В понедельник сплю, сплю А во вторник снопи сорок Пшениченку жну, жну 2 раза В среду возила В четверг молотила В пятницу веяла А в субботу меряла 2 раза А в неделю продала С хлопцами пропила Слава тебе Господи, Что до дила довела Хватилась тогось ДУНЯ Вышла Дуня за ворота А за нею солдат рота Припев Ой ой Дуня я Дуня ягода моя 485 Распустила Дуня ленту А за Дуней все студенты Распустила Дуня косу А за нею все матросы На лужок всех позвала И плясать красиво стала Вдоволь Дуня наигралась И с солдатами осталась Ночку коротат(ь) Сколь им весело Три деревни, два села Восем(ь) девок, один я, Куда девки, туда я, Девки в лес по малину, Я залез на Катерину В ПОХОДЕ Вечер шумно повалились спать Утром рано раздалось вставай... Скоро проснулись, умылись водой... Попили чаю и стали сбират(ь)ся вперед Накинул на плечи мешок (1) вещево́й, Сумочку (2) с хлебом, баклагу (3) с водой, Палатку (4) с веревкой (5), шинель (6) с котелком (7), На пояс лопатку (8), патронов штук 100, Противогаз и винтовку на лево плечо Все это на плечи навесил себе Тяжело и больно, режет плеча И пот грязной капат с лица Рубашка грязная, открытая грудь Дорога пыльная дохнуть не дает Погода жаркая, нет близко воды По камню ступаеш(ь), стон исходит с груди Верст десять отмериш(ь), дают отдохнут(ь) Ни больше ни меньше как десят(ь) минут С устали сядеш(ь), хочеш(ь) попить Хлеба достанеш(ь) лиш(ь) хош закусить, Вставай, раздалась команда Снова встаеш(ь) и как пьяной плетеш(ь)ся Верст тридцать отмериш(ь), дума скоро бивак, Придеш(ь) на бивак, костры разведеш(ь) Согрееш(ь) чайку и с устатка попьеш(ь) Ляжеш(ь) на травку, хош отдохнут(ь) Как раз в это время обед привезут. Пойдеш(ь) за обедом, надо в очеред(ь) стат(ь) Много людей полчаса простоят(ь) Супу получиш(ь) и каши дают Пойдеш(ь) пообедаш(ь) и думаш(ь) заснут(ь) Только задремлеш(ь) и хочеш(ь) заснуть Как в это время приказ привезут И вставай раздается команда. Это когда нету близко врага А если враг назади, то не надо дороги А идеш(ь) по горам, лесам и лощинам, Мелкия речки вброд переходиш(ь) А большия плывеш(ь) В гору ползеш(ь) на локтях и коленях Ноги двигая с трудом И трудно самому от жару Бросил далеко мешок вещево́й Сумочку с хлебом, шинель с котелком Все покидал, что лишнее было Остался с одной лиш(ь) винтовкой Пройдеш(ь) верст шестьдесят устал Не тут то и было, надо окопы копат(ь) Полк растянулся попал кто куда Своих не найти, в часть другую угодил Так там и остался, разошлис(ь) далеко А полк напишет домой, что без вести пропал И дома горюют и плачут о сыне родном Вот кака трудна военная служба. Вот как страдает солдат на войне, А дома считают, что сын на войне Бьется за веру и правду, и не знают того Что он пропадает больше всего и Войны невидавши... Очевидец № 28 В реке бежит гремучий вал В горах безмолвие ночное Казак усталый задремал Склонясь на копие стальное Не спи казак во тьме ночной Чеченец ходит за рекой Казак плывет на челноке Влада по дну речному

сети Казак утонеш(ь) ты в реке Как тонут маленькие дети. Купаясь жаркою порой Чеченец ходит за рекой На берегу заветных вод Цветут богатые станицы Веселой пляшет хоровод Бежите русские певички Спешите красные домой Чеченец ходит за рекой ЧЕРНАЯ ШАЛЬ Гляжу как безумный на черную шаль И хладную душу терзает печаль Когда легковверен и молод я был Младую гречанку я страстно любил Прелестная дева ласкала меня И скоро я дожил до черного дня Однажды я созвал веселых гостей Ко мне постучался презренный еврей 486 С тобою пируют (шепнул он) друзья Тебе изменила гречанка твоя Я дал ему злата и проклял его И верного позвал раба моего Мы вышли я мчался на быстром коне И кроткая жалость молчала во мне Едва я завидел гречанки порог Глаза потемнели я весь изнемог В покой отдаленный вхожу я один Неверную деву лобзал арменин Невзвидел я свету булат загремел Прервать поцелуй злодей не успел Безглавое тело я долго топтал И молча на деву бледнее взираю Я помню моления текущую кровь Погибла гречанка погибла любовь С главы ее мертвой сняв черную шаль Отер я безмолвно

кровавую сталь Мой раб как настала вечерняя мгла В дунайские волны их бросил тела С тех пор не целую прелестных очей С тех пор я не знаю вечерних ночей Гляжу как безумный на черную шаль И хладную душу терзает печаль 5/III (19)27 г. Красовская. ЗА ЛЮБОВЬ НАГРАДА Жил в деревне я покуда Полюбил жену соседа Приглянулася, эх навернулася И соседка тож казалось Мною антирисовалась Приглянулся, эх навернулся Да неладно с мужем вышло В бок ему ревнивцу дышло Все пронюхал, все расчунал Вот сказала мне разочек Приходи в овин, дружочек, На свиданье, эх милованье Ну пришел к местечку любви И давай тут краю в губы Целоват(ь)ся, эх обнимат(ь)ся На дворе то рассветало А голубка не пускала Полюбилися, эх все забылось Чу овин то растворили Муж с работником вскочили Держать палки, эх быть знать свалке Не себя, а жалко любви Как нас били душегубы А кнутище, эх палок чище Личико белое у крали Точно луну ободрали Покраснело, эх посинело Я ж с такого угощенья В ребрах чувствовал крушенье Потужили, эх поучили. 12/III (19)27 г. Красовская. Краткий обзор болезней 1. Чесотка Лечить: порошка серного цвета 10 частей и вазелина — 80. Мазать на 2—3 часа, а затем смыт(ь) мылом и водой теплой. Прodelьывать, пока не уничтожится боль. 2. Корь Признаки. Корь имеет: лихорадка, сып(ь), катар дыхательных путей и слизистой оболочки глаза, сильный кашель, болит 3—4 дня, потом сыпь на лице, теле и на конечностях, а также и сходит сыпь крупная, жар до 40. Болезнь продолжается около 2-х недель. Исход был благоприятной, за исключением осложнений, при которых смерть наступает в 1-ю неделю. Корь лечения почти не требует. 3. Скарлатина У больного появляется вокруг: озноб, лихорадка, боль в горле и почти всегда рвота, на 2-й день кожа больного покрывается скарлатинистой сыпью. 3—4 дня боль остается в одном положении, а может и усилит(ь)ся, после должно начат(ь)ся выздоровление. Если все нормально. При осложнении боль затягивается. 487 Заканчивается часто смертью больного. Лечит(ь) нормальную почти не требуется. Но при маленьком осложнении обязательно. 4. Оспа Недомогание 8—14 дней, дальше озноб, жар сильный, боль головы, поясницы. На следующий день появляется краснота или мелкая сыпь, а на 3—4 ден(ь) оспинные прыщи, жар падает. 6 дней прыщи созревают, жар снова повышается. Больной бредит, положение плохое. Публикация А. Л. НАЛЕПИНА, О. Ю. ЩЕРБАКОВОЙ

Из масонских бумаг генерала А. А. Жеребцова

Жеребцов А. А. Письмо великого мастера провинциальной ложи А. А. Жеребцова в Министерство внутренних дел о целях и задачах масонства // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 96—97. — [Т.] VI.

1 октября 1816 г.

На обязанности моей Великого Мастера Провинциальной ложи имею честь Вам донести о нашем обществе нижеследующее:

Орден Свободных Каменщиков есть училище добродетели. Все, что Религия Христианская к украшению нравственного человека имеет в себе извешнего, заключается в правилах

украшению нравственного человека имеет в себе изящного, заключается в правилах, прилагаемых к исполнению Свободным Каменщиком, а потому основания свободного каменщического Ордена суть не имея как те же самые, кои заключаются в Христианстве, из чего следует, что истинный Свободный Каменщик, в точности, а не по единой наружности исполняющий все добровольно принятые на себя обязанности, есть не иное что, как истовый и деятельный Христианин.

Так как род человеческий большею частию стремится к приобретению вещей, к временности относящихся, которые многочисленностью своею коренную его внимательность в такое приводят развлечение или раздробление, что человек вообще лишается свободы быть внимательным к обыкновенным словесным нравоучениям; то Орден Свободных Каменщиков учение свое преподает через Иероглифы, оставляя знаменования оных раскрывать каждому из своих членов не иначе, как через прилежное размышление, чего достигнуть не возможно иначе, как укротя в себе наперед стремление страстей и склонностей и, соединяя ими, сосредоточив всю свою внимательность к обозрению предлагаемых Орденом иероглифов.

Главнейшие предметы науки каменщической суть познание самого себя, природы и Творца всяческих.

Любовь к Государю и Отечеству, повиновение Государю и властям, от него учрежденным, и любовь к ближнему, ко всему человеческому роду и даже к своим врагам суть главнейшая обязанность каждого истинного Свободного Каменщика.

Благодарение суть одна из важнейших обязанностей каменщических; для чего всякий член сего общества сверх того, что при открывающихся ему ежедневно случаях обязан оказывать помощь страждущему под бременем убожества, в собраниях братских всякий раз кладет в кружку для бедных что заблагорассудит, и сии заботы поручаются достойным членам и ответственным членам, которые делают всепоможения требующим оного, тайно, не делая из того никакого тщеславия, так что тот, кто получает вспоможение, часто не знает, от кого оно происходит.

Словом сказать, Орден Свободных Каменщиков в членах своих предлагает Отечеству наилучших граждан, усерднейших Государю подданных, неустрашимых Отечества защитников, правосудных судей и точных и деятельных исполнителей всех обязанностей истинного Христианина и честного человека.

Руководствуясь сими правилами, пять лож, а именно 1-я Елизаветы к Добродетели, 2-я Соединенных друзей, 3-я Пламенеющей звезды, 4-я Трех коронованных мечей в Митаве и 5-я Трех Добродетелей, стремятся к достижению вышеизъясненного совершенства и, будучи соединены узами братской любви и единодушия, работают единообразно по древним ритуалам и законам Ордена, известным в России, и находятся под управлением Великой Провинциальной Ложи, в которой по неограниченной любви и доверенности братьев избран я Великим Мастером и по званию сему пекусь о порядке работ в Ложах сих, за который и отвечаю, зная совершенно, каким духом они ведома.

Ложи, под управлением Великой Провинциальной Ложи находящиеся, разделяются на три степени, называющиеся Иоанновскими.

Сверх оных есть высшие степени, кои в каменщической науке дают яснейшие и подробнейшие подтверждения тому, что в Иоанновских степенях учат. Оные степени разделяются на четыре следующим образом. 4-я и 5-я принадлежат или, лучше сказать, составляют Шотландские ложи Сфинкса и св. Георгия, управляемые Шотландскою Директориею, в коей я Президент; 6-я и 7-я составляют Капитул Рыцарей Храма, в коем я Великий Префект.

Все сии три отделения Ордена Свободных Каменщиков находятся под Светом Ордена, составленного из 9 членов, и старших братьев, пекущихся о сохранении порядка во всех трех отделениях. Старший брат между нами Иван Васильевич Бёбенз. Но управление всего состава и

... ответственность пред Правительством лежит на ложе яко на Великом Префекте Капитула и Великом Провинциальном Мастере.

А. ЖЕРЕБЦОВ

Жеребцов А. А. Речь, говоренная 20-го сентября 1816-го года Великим Провинциальным Мастером А. А. Жеребцовым при закрытии Великой Директоральной [ложы масонской] Владимира к порядку // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 94—95. — [Т.] VI.

В(ЕЛИКАЯ) П(РОВИНЦИАЛЬНАЯ) Л(ОЖА)

Предмет сегодняшнего нашего собрания есть закрытие Великой Директоральной ? ... Владимира к порядку, чтобы на месте оной открыть вскоре торжественно древнюю Великую Провинциальную Ложу, бывшую в нашем Отечестве еще в 1787-м году под управлением покойного В ... М ... Князя Гагарина², столь уважаемую предками нашими истинными Свобод, каменщиками и соотечественниками.

Да поможет нам великий Строитель Миров оную соорудить на истинном фундаменте Ордена (т. е. порядка).

С закрытием Великой ? ... Владимира закроем все, что не должное среди оной и бб ... происходило, замажем оное лопаткою совершенного забвения.

Наконец мы приступаем к делу великому, коего мы хоть недостойные орудия, но на то есть воля вышняя: повинуемся в смирении ей. Бог есть наш единый и великогомущий Великий Мастер, а долг наш есть Ему поклоняться, Ему угождать и через внутреннее наше совершенство с Ним сблизиться и даже уподобиться Ему. Природа есть великая наша ? ..., по Его воле нам данная для познания и удостоверения нас в Его могуществе и милосердии, в изыскании оной всего, что может быть понятно братьям и роду человеческому. Ежели нам дано и зло, возле его же не дано ли и добро; ежели мы имеем болезни, нам даны и лекарства; ежели мы имеем бедность, Орденом через природу имеем и вспоможение; ежели имеем печали, имеем в Ордене утешение; ежели упадаем через оный, то и встаем; ежели бродим во тьме, то и просвещаемся познанием природы; через Орден приобретаем великую милость, данную нашим Великим Мастером.

Оно начинается с познания самого себя, труднейшей науки для обыкновенных человек, долженствующих при первом воззрении на себя усматривать только грубое, скорбное, иногда угасающее — только тьму при слабо мерцающей искре света. Орден есть зеркало, показывающее безобразие наше, Орден иероглифами наружными возбуждает в нас внутренние размышления и приводит нас в счастливое положение. Мыслить, видеть, слышать, чувствовать и наконец принимать благие намерения исправить себя, улучшиться. Сердце наше есть дикий камень, который должны обтесывать, а мы сами есть малая ? ..., в которой должны работать и держать ее в порядке. Наша совесть есть священный молоток В ... М ..., приводящий нас в сей порядок, он враз открывает и закрывает ? Счастлив будет тот, кто прежде закрытием оной скажет: я доволен, я получил плату за мою работу. Истинный наш ритуал есть неукоризненная нравственность: Мастер наш открытое Его слово: Св. Евангелие; Его же признавать и не исповедовать и не следовать оному есть не быть Своб. каменщиком, но презреннейшим из тварей.

Наши Акты суть ближайшая к истине, потому их держаться должно свято и нерушимо и притом помнить, что ? ... есть школа премудрости и добродетели, и потому приходить в нее как в истинное училище с сердцем открытым и с благословением неограниченным.

Бог есть любовь: Он для Блага нашего изливает на нас милости свои через учение Ордена нашего, а мы, каменщики, должны разделить любовь сию не только с братьями одними, но и со

всеми подобными нам человеками.

Единый свет, горящий всегда в ? ..., и по закрытии ее указывает нам на тот свет, иже просвещает всякого человека, грядущего в МИР. Ложа же не иначе открывается возжением троякого света вокруг лежащего пред очами нашими ковра и открытием одного возжением троичного же света на жертвенник и раскрытием Св. Евангелия. Три света на жертвеннике образуют Святую Троицу, три света, окружающих ковер, означают три силы, составляющих существо человека, по подобию Всевышнего сотворенного, и такие три главные (кардинальные) добродетели: веру, надежду и любовь; а шесть, в звезде горящих, показывают соединение торжественного с земным по шестидневному творению Его.

Наконец все народится на своем месте, в Ордене ничего нет лишнего или недостающего: все имеет свое ощутительное означение, и потому упоен нас Строитель Миров прибавить или отнять и единое звено из связующей и ведущей нас к Блаженству цели, сие покажет неразумение наше Ордена и слепую гордость, страшнейшую из пороков, от коей пал и виновник зла. Все в Ордене доказывает нам великие истины, завернутые в иероглифический язык; стоит нам прямо заняться оным, и Орден отчасу делаться будет нам знакомее, стоит последовать означенному тремя знаками трех наших степеней: ученической — в образовании головы нашей; товарищеской — в ощущении сердца; и мастерской — в приложении всей нашей натуры состоящих. Тогда-то мы и будем Рыцарями Духовного Храма.

Для победы над нечистой силой Орден нас не только учит теоретической науке, но посредством учения его через теорию дается нам вернейшее познание и суть к практическому познанию Бога, натуры и самого себя.

Ежели мы были в ? ... научены, я за счастье бы поставил, люб(имые) бб., сказать вам, что я вижу на поверхности, в символах и прочих иероглифах Ордена: оно было бы для вас не ново, но и хорошие воспоминания иногда полезны: я бы вам сказал очень мало об Ордене, ибо еще во все мое учение о нем одно узнал я то, что ничего не знаю, недостойн даже имени Мастера, ибо я сам слабый еще ученик.

Корнеев В. Е., Сахаров В. И. Примечания: Из масонских бумаг генерала А. А. Жеребцова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 97. — [Т.] VI.

1 По масонской символике ? — ложа; ... — масоны, масонский; бб. — братья-масоны; ВМ — великий мастер.

2 Гагарин Гавриил Петрович (1745—1808), князь, действительный тайный советник, сенатор, президент Коммерц-коллегии. Руководитель масонских лож шведской системы в России в конце XVIII в.

3 Бёбер Иоганн Вильгельм (Иван Васильевич) (1746—1820), действительный статский советник, директор 2-го кадетского корпуса, руководитель масонских лож шведской системы в начале XIX в.

Публикация В. Е. КОРНЕЕВА,

В. И. САХАРОВА

Корнеев В. Е., Сахаров В. И. Из масонских бумаг генерала А. А. Жеребцова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 93—94. — [Т.] VI.

Русское масонство, разгромленное Императрицей Екатериной II в 1792 г., было отчасти реабилитировано при Павле I, но по-настоящему возродилось в начале правления Александра I.

Новый расцвет российского тайного общества «вольных каменщиков» был тесно связан с наполеоновскими войнами, с зарубежными походами русской армии. Поэтому наибольшее распространение масонство получило в среде гвардейских и армейских офицеров. Во время походов они вступали в ложи немецких и французских «братьев», там познавая начала орденской «божественной науки».

В русских войсках постепенно образовались свои «походные» ложи; для армейских и гвардейских офицеров в Вильно была создана ложа Св. Георгия Победоносца, для моряков — кронштадтская ложа «Нептун» и одесская ложа Понта Эвксинского. В них состояли сотни генералов и офицеров, начиная с генерала-фельдмаршала князя М. И. Кутузова и кончая неизвестными прапорщиками и корнетами. Списки их, поданные в 1822 г. после запрещения масонских лож командирами воинских подразделений в вышестоящие инстанции, опубликованы

Тирой Соколовской* очень выборочно, нуждаются в дополнениях и внимательном изучении.

Среди военных масонов высших степеней особым доверием «братьев» пользовался Александр Александрович Жеребцов (1780 — после 1828). Став в юности офицером лейб-гвардии Преображенского полка, он подал в отставку и по примеру отца начал придворную службу, будучи пожалован Павлом I в камер-юнкеры и Александром I в камергеры. В Отечественную войну 1812 г. Жеребцов участвовал в формировании Петербургского ополчения, возглавил его 4-ю дружину, сражался под Полоцком, при Чашниках, Смоленах, на Березине, брал Кенигсберг, осаждал Данциг. За боевые отличия был награжден многими русскими и иностранными орденами и золотой шпагой «За храбрость» и из действительных камергеров переименован в 1813 г. в генерал-майоры. Впоследствии Жеребцов командовал бригадой, по некоторым данным получил чин генерал-лейтенанта. С 1828 г. в отставке. Женат он был на княжне Александре Петровне Лопухиной, дочь их Ольга вышла замуж за графа А. Ф. Орлова, всецельного николаевского вельможу, в молодости масона петербургской ложи Соединенных друзей.

В биографии Жеребцова есть тайная страница — он был деятельным и влиятельным масоном, состоял в руководстве петербургских «братьев». В 1816 г. Жеребцов возглавил возрожденную в северной столице Великую провинциальную ложу, при открытии которой произнес торжественную речь великого мастера. Генерал-масон знал о пожелании Императора Александра I и приказе Управляющего Министерством внутренних дел графа В. П. Кочубея, прямо касающихся деятельности ордена и требующих обязательного представления списков «братьев» и отчетов о работе лож в Особенную канцелярию Министерства внутренних дел, выполнявшую функции тайной полиции.

Будучи человеком верноподданным и законопослушным, Жеребцов отправил в Особенную канцелярию текст своей речи и объяснительную записку о назначении масонства. В том же 1816 г. генерал отбыл к месту службы, и на посту главы Великой провинциальной ложи его сменил граф Михаил Юрьевич Виельгорский, известный мистик и музыкант-любитель. Однако А. А. Жеребцов оставался почетным членом петербургской иоанновской ложи Елизаветы к добродетели*.

Речь и объяснительная записка Жеребцова печатаются по подлинникам, хранящимся в фонде Особенной канцелярии Министерства внутренних дел (ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 3. Ед. хр. 54. Л. 42—47).

Ф. Ф. Ушаков и Санакарский монастырь

Ушаков Ф. Ф. и Санакарский монастырь / Публ. [и вступ. ст.] Л. Гусаровой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 97—99. — [Т.] VI.

В ГАВМФ (Ф. 313. Оп. 1. Д. 1871. Л. 2—3) обнаружен документ, свидетельствующий о последних годах жизни (с 1809-го по 1817 г.) выдающегося русского флотоводца адмирала Федора Федоровича Ушакова.

Выйдя в отставку, Федор Федорович поселился в принадлежавшей ему деревне Алексеевке Темниковского уезда Тамбовской губернии, неподалеку от Санаксарского монастыря, который он часто посещал и даже по несколько дней жил в нем.

Санаксарский монастырь, основанный, по-видимому, в конце XVII в., много лет находился в состоянии запустения и играл скромную роль по сравнению с более известным, расположенным в 40 верстах от него, Саровским монастырем.

Возобновлением деятельности и известностью Санаксарский монастырь обязан родному дяде

Ушакова, иеромонаху Феодору (в миру Иван Игнатьевич Ушаков), который был настоятелем монастыря с 1762-го по 1791 г., похоронен около монастырского храма, а над могилой его возведена небольшая часовня.

Ф. Ф. Ушаков похоронен рядом с дядей, слева от входа в часовню. На его могиле поставлен памятник в виде колонны, посередине которой встроены куб с надписями, а наверху помещена урна из черного мрамора с позолоченными шаром и крестом.

Свидетелем последних лет жизни адмирала и его погребения был настоятель Санаксарского монастыря иеромонах Нафанаил, к которому в конце 1828 г. обратился епископ Тамбовский Афанасий с просьбой сообщить о последних годах жизни Ф. Ф. Ушакова. Публикуемое письмо является ответом на этот запрос.

Письмо настоятеля Санаксарского монастыря

иеромонаха Нафанаила

Владыке Афанасию епископу Тамбовскому

Высокопреосвященнейший Владыко

Милостивейший отец

и Архипастырь!

На полученное Вашего Высокопреосвященства архипастырское отцелюбезнейшее писание о доставлении сведения о последнем времени жизни покойного Адмирала Федора Федоровича Ушакова сим с потщанием моим всеугоднейше спешу донести. Оный Адмирал Ушаков, сосед и знаменитый благотворитель Санаксарской обители, по прибытии своем из Санктпетербурга около 8-ми лет вел жизнь уединенную в собственном своем доме, в своей деревне Алексеевке разстоянием от монастыря через лес версты три, который по воскресным и праздничным дням приезжал для богомолия в монастырь к службам Божиим во всякое время, а в Великий Пост жил в монастыре в келье для своего пощения и приготовления к приобщению Святых Тайн по целой седмице и всякую продолжительную службу с братиею выстаивал не упустительно и слушал Благоговейно. В послушаниях же монастырских ни в каких не обращался, но по временам жертвовал от усердия своего обители значительным Благотворением, также бедным и нищим творил всегдашния милостивыя подаяния и вспоможения. В честь и память Благодетельного имени своего зделал во обитель в соборную церковь дорогия сосуды, важное евангелие и дорогой парчи одежды на престол и на жертвенник. Провождая остани дни жизни своей крайне воздержано, и окончал жизнь свою как следует истинному христианину и верному сыну святыя церкви 1817-го года октября 2-го дня, и погребен по желанию его в монастыре подле сродника его из дворян, первоначальника обители сей иеромонаха Федора по фамилии Ушакова ж кроме же вышеописанного других постопамятных каких-либо действий его в монастыре не

ж, кроме же вышеописанного, других достопамятных каких-либо действий его в монастыре не происходило. О чем с глубочайшим ко особе Вашего Высокопреосвященства высокопочитанием достоверно донеся, остаемся с чувствительнейшею признательностью, будучи крайне осчастливлены благосклонным вашим архипастырским нас грешных приветствием с Христова Рождествен праздником.

Генваря 3-го дня 1829-го года.

Вашего Высокопреосвященства милостивейшаго и всеблагодетельнейшаго отца и архипастыря всепреданнейший и усерднейший послушник и богомолец Санаксарского монастыря настоятель иеромонах Нафанаил с братиею.

Публикация Л. ГУСАРОВОЙ

Записка К. Ф. Толя 1831 г.

Толь К. Ф. Записка К. Ф. Толя 1831 г. / Публ. [вступ. ст. и примеч.] М. В. Сидоровой, В. М. Безотосного // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 99—105. — [Т.] VI.

Среди официальных документов российского военного делопроизводства одним из главных жанров является характеристика подчиненного, составляемая его командиром для продвижения по службе, представления к награде или отпуску, в ответ на запрос вышестоящего начальства. Но редко встречаются явно предназначенные для «внутреннего пользования» развернутые отзывы руководителей русской армии о ее высших командных кадрах, о ведущих боевых генералах, командирах корпусов, дивизий и бригад. Эти «закрытые» документы отличались обычно особой конфиденциальностью и основательностью, ибо чаще всего тайно готовились для царствующего монарха, членов его семьи и правящей верхушки империи в преддверии определенных военных реформ и кадровых перемен. В 1737 г. такую записку о 31 своем подчиненном составил для Императрицы Анны Иоанновны генерал-фельдмаршал Б. Х. Миних. В 1820 г. начальник штаба 2-й армии П. Д. Киселев подготовил для Императора Александра I 32 аттестации генералов, включая свою собственную. Эти документы весьма своеобразно дополняют и комментируют агентурная справка о 64 русских генералах, составленная адъютантом французского посла в России капитаном де Лонгрю для императора Наполеона накануне Отечественной войны 1812 г., и записка А. П. Ермолова.

Генерал-адъютант граф Карл Федорович Толь (1777—1842) во время польской кампании 1830—1831 гг. был начальником Главного Штаба действующей армии под командованием генерала-фельдмаршала И. И. Дибича. После смерти Дибича Толь стал временным главнокомандующим русскими войсками в Польше. Его записка была составлена в Варшаве 10 сентября 1831 г. и 30 ноября подана Императору Николаю I с характерной надписью: «Ни дружеские связи, ни родство, а истинное убеждение внушили мне сделать прилагаемые здесь замечания на счет отличнейших генералов действующей армии».

Составить и представить Императору такую записку генерала заставили следующие обстоятельства. В июне 1831 г. в его армию был назначен новый главнокомандующий — генерал-фельдмаршал граф И. Ф. Паскевич-Эриванский. Генерал признавал незаурядную личную храбрость фельдмаршала, однако был невысокого мнения о его способностях полководца. Приехав в армию, Паскевич сразу стал отменять распоряжения Толя, между ними возникли разногласия. Каждый из начальников приписывал себе основную роль при взятии Варшавы, в результате между ними произошел окончательный разрыв. Обиженный Толь подал в отставку и, получив ее, отбыл из армии, даже не уведомив о своем отъезде главнокомандующего. В армии остались друзья и знакомые Толя, ставленники Дибича, и с самого начала своей службы Паскевич относился к ним настороженно. Однажды в беседе с Толем фельдмаршал раздраженно заявил: «Граф Дибич всегда был против меня и с ним вся его главная квартира, которая Бог знает

что обо мне писала! Генералы Красовский, Муравьев, Остен-Сакен, как недостойные, должны были оставить Кавказский корпус, а граф Дибич не только принял их к себе в армию и последних двух представил в генерал-лейтенанты, но и прочих Генерального Штаба полковников Вольховского, Гасфорта покровительствовал всеми мерами»*. Понятная тревога за судьбу своих сослуживцев побудила Толя составить для царя записку, где перечисленные «отличнейшие генералы» в основном характеризовались с положительной стороны, но где имелись и вполне объективные критические суждения о характерах и способностях этих военачальников.

Рукопись хранится в ГАРФ в личном фонде Императора Николая I (Ф. 672. Оп. 1. Д. 68).

Отличнейшие Генералы в действующей Армии, в 1831 году ГЕНЕРАЛ ОТ КАВАЛЕРИИ ГРАФ ВИТТ¹. Весьма способен быть Начальником Главного Штаба Армии. Распорядителен и благоразумен во всех своих действиях. Хитрый человек; но отдельно командовать Корпусом не может, ибо не смел и не решителен — многие на счет его отзывались, якобы он трус. Сие несправедливо, ибо в Прагском сражении и в делах при Шиманове и других видел я его в жесточайшем огне, хотя с некоторой суетливостью.

ГЕНЕРАЛ ОТ КАВАЛЕРИИ БАРОН КРЕЙЦ². Отличный Корпусный Командир; смел и решителен; и с весьма хорошими военными познаниями; может командовать отдельно, что уже доказал на деле; фальшивого и самолюбивого характера.

ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТ БИСТРОМ³. Любим войском, храбр и довольно распорядителен; смел и решителен в действии; но мало образован. Отдельно командовать не может. Самолюбивого характера.

ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТ РИДИГЕР⁴. Отличный Корпусный Командир; весьма образован в военном деле. Осторожен в действиях своих и даже имеет слабость видеть вещи в черном виде; но когда вступит в дело, то блистателен храбростью своей без опрометчивости; вообще сказать можно, что благоразумный Генерал; может командовать отдельно, что уже показал на деле.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ НАБОКОВ⁵. Отличный дивизионный Командир — весьма распорядителен, сохраняет всегда порядок в войске, знает солдата и любим подчиненными. Храбр и благоразумен в действии, но весьма слабое имеет образование вообще; не может командовать отдельно.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ НЕЙДГАРТ⁶. Отличный Корпусный Командир быть может. Таковой же Начальник Главного Штаба и Генерал-Квартирмейстер, имеет весьма хорошее образование, мягок в обхождении, любим подчиненными и уважаем Начальниками; храбр без опрометчивости и благоразумен во всех своих действиях; может командовать отдельно.

ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТ КНЯЗЬ ГОРЧАКОВ⁷. Может быть отличный Корпусный Командир. Весьма образованный Генерал во всех частях военного искусства — блистательной храбрости и решителен; немного тороплив в своих действиях. Может командовать отдельно.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ БАРОН ОСТЕН-САКЕН⁸. Отличный дивизионный Командир — может командовать и большими массами Кавалерии, так что его первым Кавалерийским Генералом нашей Армии считать можно; весьма благоразумен, блистательной и холодной храбрости; может командовать отдельно. Весьма образованный Генерал. Один порок в нем мне известный, что неприятеля всегда сильнее полагает, нежели есть, и от того приводит в недоумение Главнокомандующего.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ МУРАВЬЕВ⁹. Достоин быть Корпусным Командиром, ибо он все имеет к тому способности. Весьма попечителен о подчиненных и строго сохраняет порядок в войсках. Весьма образован во всех частях военного искусства. Смел, решителен и блистательной храбрости. Любим войском. Один порок мне известный, что слишком пренебрегает неприятелем

и от того упускает из виду иногда простые правила тактических предосторожностей.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ МАНДЕРШТЕРН¹⁰. Отличный дивизионный Командир, имеет хорошие военные познания. Любим подчиненными, блистательной храбрости; может командовать Авангардом; но слаб к подчиненным по особенному добродушию.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ОБРУЧЕВ¹¹. Отличный дивизионный Генерал и таковой же Дежурный Генерал. Хорошее имеет военное образование, весьма деятелен, трудолюбив, распорядителен и холодной храбрости в деле. В беспрестанных заботах по должности Дежурного Генерала и по тому часть его была всегда в большой исправности.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ГЕРСТЕНЦВЕЙГ¹². Отличный может быть Корпусный Командир. Весьма хорошее имеет образование во всех частях военного искусства. Способен быть Начальником

Главного Штаба Армии — весьма деятелен и распорядителен. Смел, решителен и блистательной храбрости — может командовать отдельно.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР СИВЕРС (КОМАНД(ИР) 2-й ГУСАРСК(ОЙ) ДИВ(ИЗИИ)¹³). Хороший дивизионный Командир — имеет изрядное образование — деятелен на форпостную службу, которую знает очень хорошо; храбр и смел в действии. Немного слаб в командовании.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР АЛФЕРЬЕВ¹⁴. Хороший дивизионный Командир; имеет хорошие военные познания. Храбр и благоразумен в действиях.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ШТРАНДМАН¹⁵. Хороший бригадный Командир. Отличной смелости, решимости и храбрости в действиях Кавалерийской службы. Хороший Командир передовых постов, ибо он осторожен, благоразумен и весьма деятелен.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР БАРОН ОФЕНБЕРГ 1-й¹⁶. Отличный дивизионный Командир быть может; имеет способности командовать большими массами Кавалерии.

Имеет весьма хорошие военные познания и вообще образование. Храбр, смел, решителен. Сохраняет порядок в войсках и дисциплину. Сей Генерал известен мне, находясь еще полковым Командиром Павлоградского Гусарского полка, где все сии способности я в нем открыл, быв Начальником Штаба 1-й Армии.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР БАРОН ДЕЛЛИНГСГАУЗЕН¹⁷. Хороший может быть дивизионный Командир. Имеет хорошее образование, смел, храбр и решителен в действии.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР БЕРХ¹⁸. Отличный Генерал-Квартирмейстер, может быть со временем и Начальником Главного Штаба Армии; имеет хорошее образование, весьма деятелен, смел, решителен и блистательной храбрости; немного ветреного характера, но хорошего свойства человек; может командовать отдельно. Ума хитрого и весьма способен для всякого рода негосиаций.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР СТАТКОВСКИЙ (Л(ЕЙБ) Г(ВАРДИИ) П(ЕШЕЙ) АРТИЛЛ(ЕРИИ)¹⁹). Отличный артиллерийский Генерал, весьма хорошего образования во всех частях военного искусства. Холодной храбрости и весьма распорядительный Генерал.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ГРАББЕ²⁰. Может быть не только отличный Дивизионный Командир, но имеет способности и Корпусного Командира. Весьма образованный Генерал — благоразумен в действиях своих — блистательной храбрости, холоден в действии против неприятеля и потому весьма распорядителен среди самой большой опасности. Знает употребление всех родов войск и повсюду подает пример собой; может командовать отдельно.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ЛИДЕРС²¹. Отличный дивизионный Командир быть может. Имеет хорошее образование. Весьма храбр без опрометчивости. Отличный авангардный Генерал

хорошее образование. Весьма храбр без опрометчивости. Отличный авангардный Генерал.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР МАРТЫНОВ (ГРЕНАД(ЕРСКОГО) КОРП(УСА))22. Отличный дивизионный Генерал быть может. Весьма образован, отличной храбрости без опрометчивости; деятелен и распорядителен.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ГРАФ ТОЛСТОЙ23. Имеет хорошее образование, храбр и смел, благоразумен в своих действиях и хороший партизан.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР АНРЕП24. Хороший бригадный Генерал; имеет весьма слабое образование. Смел, храбр и отличный партизан.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ШИЛЛИНГ25. Хороший бригадный Генерал. Имеет изрядное образование. Смел и храбр до опрометчивости. Славный партизан.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР РЕАД26. Отличный может быть дивизионный Командир и Начальник Авангарда; деятелен, смел и храбр; имеет очень хорошее образование.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ДАНЕНБЕРГ27. Весьма образованный Генерал, благоразумен, может быть отличный Начальник Корпусного Штаба и имеет все способности Генерал-Квартирмейстера Армии. Скромного характера и весьма трудолюбив. Храбр и решителен в действии.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ВЕЙМАРН28. Отличный Начальник Штаба, распорядителен и деятелен; имеет хорошее образование.

Примечание. В сем списке не помещены отличнейшие в нашей Армии Генералы, Граф Пален 1-й29 и Красовский30. Первый, потому что способности его, неоднократно на опытах доказанные, довольно известны всей Российской Армии, чтобы здесь упомянуть об оном. О втором же как не принадлежащем к действующей Армии ничего сказано не было; но по всей справедливости сей Генерал заслуживает первое место в списке сем как по быстроте своих видов, отличным военным дарованиям, неутомимой деятельности, решительности и блистательной храбрости. Зная его весьма близко, паче из Турецкой войны 1829 года, должно сказать, что успех, одержанный над Корпусом Ромарино при вогнании в Галицию, решительно принадлежит никому другому, как Генерал-Лейтенанту Красовскому. Желательно, чтобы душа его соответствовала вышепомянутым военным качествам и была бы откровеннее.

В Варшаве 10-го Сентября 1831 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Витт, де, Иван Осипович (1778 (1781) — 1840), граф, генерал от кавалерии, участник наполеоновских и русско-турецкой (1828—1829) войн. За действия в Польше в 1831 г. был удостоен ордена Св. Георгия 2-го кл.

2 Крейц Киприан Антонович (Циприан-Гвальберг) (1777—1850), граф, генерал от кавалерии, участник наполеоновских и русско-турецкой (1828—1829) войн.

3 Бистром Карл Иванович (1770—1838), генерал от инфантерии, участник русско-шведской (1787—1789), наполеоновских, русско-турецкой (1828—1829) войн. За действия в Польше в 1831 г. был удостоен ордена Св. Георгия 2-го кл.

4 Ридигер Федор Васильевич (1784—1856), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, участник наполеоновских, русско-шведской (1808—1809), русско-турецкой (1828—1829) войн. В 1831 г. командовал 4-м резервным кавалерийским корпусом на Волыни и в Южной Польше. За отличие был произведен в чин генерала от кавалерии и получил звание генерал-адъютанта и пенсию в 50 000 рублей.

5 Набоков Иван Александрович (1787—1852), генерал от инфантерии, генерал от кавалерии

5 Пашоков Иван Александрович (1787 — 1832), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, участник наполеоновских войн. В 1831 г. командовал 3-й гвардейской дивизией, находился во всех крупных сражениях и был награжден орденами Св. Владимира 2-й ст., Св. Александра Невского, Св. Георгия 3-го кл. В 1832 г. получил назначение командиром Гренадерского корпуса.

6 Нейгарт Александр Иванович (1784 — 1875), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, участник наполеоновских, русско-шведской (1808 — 1809), русско-турецкой (1828 — 1829) войн. В 1831 г. исполнял обязанности начальника штаба действующей армии. За отличие при штурме Варшавы был награжден орденом Св. Георгия 3-го кл. В 1842 — 1844 гг. командовал Отдельным Кавказским корпусом.

7 Горчаков Михаил Дмитриевич (1793 — 1861), князь, генерал от артиллерии, генерал-адъютант.

Участник кампании 1812 — 1814 гг., русско-турецкой войны 1828 — 1829 гг. В 1831 г. исполнял должность начальника штаба 1-го пехотного корпуса, а затем начальника артиллерии действующей армии. Во время Крымской войны командовал русскими войсками в Крыму, затем был наместником Царства Польского.

8 Остен-Сакен Дмитрий Ерофеевич (1789 — 1881), барон, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, участник наполеоновских, русско-персидской (1826 — 1828), русско-турецкой (1828 — 1829) войн. За отличие в боевых действиях 1831 г. был произведен в чин генерал-лейтенанта. Во время Крымской войны руководил обороной Севастополя.

9 Муравьев (Карский) Николай Николаевич (1794 — 1866), генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Участник кампании 1812 — 1814 гг., русско-персидской (1826 — 1828), русско-турецкой (1828 — 1829) войн. В 1830 — 1831 гг. командовал гренадерской бригадой Отдельного Литовского корпуса. За отличие при штурме Варшавы был произведен в генерал-лейтенанты и назначен командиром 24-й пехотной дивизии. Во время Крымской войны руководил взятием турецкой крепости Каре.

10 Мандерштерн Карл Егорович (1785 — 1862), генерал от инфантерии, участник наполеоновских и русско-турецкой (1809 — 1811) войн. В 1830 г. был назначен командующим 1-й бригадой 1-й пехотной дивизии. Во время боевых действий командовал отдельным отрядом, авангардом Гренадерского корпуса, 1-й пехотной дивизией. Был ранен в челюсть с повреждением кости. Награжден орденом Св. Георгия 3-го кл. и Св. Анны 1-й ст. и пожалован в генерал-лейтенанты. Занимал должность коменданта Риги, затем — Петербургской крепости.

11 Обручев Владимир Афанасьевич (1793 — 1866), генерал от инфантерии, участник кампании 1812 — 1814 гг. и русско-турецкой войны 1828 — 1829 гг. В 1831 г. занимал должность дежурного генерала действующей армии. За штурм Варшавы был награжден орденом Св. Георгия 3-го кл. и произведен в генерал-лейтенанты. В 1842 г. назначен оренбургским генерал-губернатором и командующим Отдельным Оренбургским корпусом.

12 Герштенцвейг Данила Александрович (1790 — 1848), генерал от артиллерии, участник русско-турецкой войны 1806 — 1812 гг. и кампании 1812 — 1814 гг. За отличие в боевых действиях в Польше в 1831 г. был награжден орденом Св. Владимира 3-го кл., произведен в чин генерал-лейтенанта и назначен начальником артиллерии Гвардейского корпуса.

13 Сиверс Владимир Карлович (1790 — 1862), граф, генерал от кавалерии, участник кампании 1812 — 1814 гг., русско-шведской (1808 — 1809) и русско-турецкой (1828 — 1829) войн. В 1831 г. командовал 2-й гусарской дивизией. За отличие в боевых действиях был награжден орденом Св. Владимира 2-й ст. и золотой саблей с алмазами «За храбрость» и удостоен звания генерал-лейтенанта. В 1833 г. назначен командиром 1-го резервного кавалерийского корпуса.

14 Олферьев Павел Васильевич (1787 — 1864), генерал от кавалерии, участник наполеоновских,

русско-персидской (1826—1828) и русско-турецкой (1828—1829) войн. В 1831 г. в чине генерал-майора командовал лейб-гвардии Уланским полком. За сражение при Остроленке был награжден орденом Св. Георгия 3-го кл. и назначен командиром бригады (лейб-гвардии Уланский и лейб-гвардии Драгунский полки), участвовал в штурме Варшавы.

15 Штрاندман Карл Густавович (1786—1855), генерал от кавалерии, участник русско-турецкой войны (1806—1812) и кампании 1812—1814 гг. В 1831 г. командовал лейб-гвардии Гродненским гусарским полком и за отличие при штурме Варшавы награжден орденом Св. Георгия 3-го кл., а также орденом Св. Анны 1-й ст. После окончания боевых действий командовал бригадой, дивизией, корпусом.

16 Оффенберг Иван Петрович (1792—1870), барон, генерал от кавалерии, участник кампании 1812—1814 гг. В 1831 г. командовал 2-й бригадой 1-й уланской дивизии и за отличие при штурме Варшавы награжден золотой саблей с алмазами «За храбрость». В 1832 г. получил в командование лейб-гвардии Конноегерский полк.

17 Деллингсгаузен Иван Федорович (1794—1845), барон, генерал-лейтенант, генерал-адъютант, участник кампании 1812—1814 гг. и русско-турецкой войны (1828—1829). В 1831 г. был дважды ранен и за отличие в боевых действиях награжден орденами Св. Анны 1-й ст. с короной, Св. Владимира 1-й ст., Св. Георгия 3-го кл., назначен начальником штаба 2-го пехотного корпуса, пожалован в генерал-адъютанты.

18 Берг Федор Федорович (1793—1874), граф, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, участник кампании 1812—1814 гг. и русско-турецкой войны (1828—1829). За отличие в боевых действиях в Польше в 1831 г. произведен в генерал-майоры. Последовательно занимал должности генерал-квартирмейстера Главного Штаба, финляндского генерал-губернатора, наместника Царства Польского.

19 Статковский Александр Осипович (1795—1837), генерал-майор, участник кампании 1812—1814 гг. В 1831 г. командовал 2-й гвардейской артиллерийской бригадой, отличился во многих сражениях. Был награжден орденами Св. Станислава 1-й ст., Св. Анны 1-й ст., Св. Георгия 3-го кл. и золотой шпагой с алмазами с надписью «За храбрость». Позднее занимал пост директора Московского кадетского корпуса.

20 Граббе Павел Христофорович (1787—1875), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, участник наполеоновских и русско-турецкой (1828—1829) войн. В 1831 г. сражался под Минском, Калушиным (получил контузию в бедро), Остроленкой и при штурме Варшавы. Был награжден орденами Св. Анны 1-й ст. и Св. Георгия 3-го кл. В дальнейшем занимал должности командующего войсками на Кавказской линии, был наказным атаманом Войска Донского.

21 Лидерс Александр Николаевич (1790—1874), граф, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, участник кампании 1812—1814 гг. и русско-турецких войн (1806—1812 и 1828—1829). В 1831 г. командовал 1-й бригадой 3-го пехотного корпуса. За отличие в боях был произведен в чин генерал-лейтенанта, получил пенсию в 2000 руб. и назначение начальником штаба 2-го пехотного корпуса. Участвовал в Крымской войне (1853—1856). В 1861—1862 гг. был наместником Царства Польского.

22 Мартынов Николай Петрович, генерал-майор, участник кампании 1812—1814 гг. За отличие в военных действиях в 1831 г. был награжден орденами Св. Владимира 3-й ст., Св. Анны 1-й ст., Св. Георгия 4-го кл., получил пенсию в 2000 рублей и назначение командиром 2-й бригады 2-й гвардейской дивизии.

23 Толстой Алексей Петрович, граф, генерал-майор, участник русско-персидской (1826—1828) и русско-турецкой (1828—1829) войн. В 1831 г. за отличие в боевых действиях в Польше был награжден орденами Св. Анны 1-й ст., Св. Владимира 2-й ст. и назначен начальником штаба 3-го

резервного кавалерийского корпуса.

24 Анреп-Эльмпт Иосиф Романович (1798—1860), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, участник русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Во время боевых действий в 1831 г. командовал отдельными отрядами. За отличие был произведен в генерал-майоры, награжден орденом Св. Анны 1-й ст. и золотой саблей с алмазами с надписью «За храбрость», назначен командиром 1-й бригады 2-й драгунской дивизии. С 1841 г. — начальник Черноморской береговой линии.

25 Шилинг Яков Васильевич, генерал-майор, участник кампании 1812—1814 гг. За отличие в боевых действиях в Польше в 1831 г. был произведен в чин генерал-майора, награжден золотой саблей с алмазами с надписью «За храбрость», орденом Св. Станислава 1-й ст., получил пенсию в 2000 руб. и назначен командиром 2-й бригады 2-й драгунской дивизии.

26 Ред Николай Андреевич (1793—1855), генерал от кавалерии, генерал-адъютант, участник кампании 1812—1814 гг. В 1831 г. командовал Ольвиопольским гусарским полком и за отличие в сражении под Прагой произведен в генерал-майоры. Во время Крымской войны 1853—1856 гг., командуя 3-м пехотным корпусом, погиб в сражении на р. Черной 4 августа 1855 г.

27 Данненберг Петр Андреевич (1792—1872), генерал от инфантерии, участник кампании 1812—1814 гг. В 1831 г. находился во всех основных сражениях. Во время штурма Варшавы посылался в качестве парламентаря. Был награжден орденом Св. Владимира 2-й ст. Во время Крымской войны 1853—1856 гг. командовал корпусом.

28 Веймарн Петр Федорович (1795—1846), генерал-лейтенант, генерал-адъютант, участник кампании 1812—1814 гг. В 1831 г. за отличие в боевых действиях был награжден орденом Св. Анны 1-й ст., произведен в генерал-майоры и назначен начальником штаба Гвардейского корпуса. В 1842 г. занял пост дежурного генерала Главного Штаба.

29 Пален Петр Петрович (1778—1864), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, участвовал в Персидском походе 1796 г., в наполеоновских и русско-турецкой (1828—1829) войнах. В 1831 г. командовал 1-м пехотным корпусом, за отличие был награжден орденами Белого Орла и Св. Андрея Первозванного. В 1847 г. назначен инспектором всей кавалерии.

30 Красовский Афанасий Иванович (1780—1849), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, участник наполеоновских, русско-турецких (1806—1812 и 1828—1829) и русско-персидской (1826—1828) войн. В 1831 г. находился в чине генерал-лейтенанта и командовал отдельным отрядом, одержал победы под Юзефовым и при Лагове, затем занял Краков. Был награжден орденом Св. Александра Невского с алмазами и удостоен звания генерал-адъютанта.

Публикация М. В. СИДОРОВОЙ,

В. М. БЕЗОТОСНОГО

Первая правительственная делегация САСШ в России

Фокс Г. Письмо Краббе Н. К., 3 февраля 1870 г. Ловель, Массачусетс // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 340—342. — [Т.] VI.

Письмо Г. Фокса к Н. К. Краббе¹⁴

Его Превосходительству

Г. Вице-Адмиралу Краббе,

Генерал-Адъютанту и Морскому Министру

3 февраля 1870 г.

Ловель, Массачусетс

В Сев. Амер. Штатах.

Январь 15го 1870 г.

Милостивый Государь.

Честь имею уведомить о получении письма Вашего из С.-Петербурга от 21 мая 1869 г., в котором Вы сообщаете мне о лестном впечатлении, произведенном в России особым посольством от Конгресса Северо-Американских Соединенных Штатов в 1866 г., которого я имел честь быть главою и которое служило выражением чувств, связующих Американскую нацию с Россиею.

Картина, упоминаемая в Вашем письме, которую удостоил своим одобрением Его Императорское Величество, была получена вскоре после того и составляет в настоящее время самый видный и привлекательный предмет в моем доме. Эта картина служит залогом воспоминания того момента в истории обеих наций, когда обе они жили одною жизнью и Америка разделяла с Россией опасения и радости.

Портреты их Императорских Величеств, подаренные Адмиралом Лесовским, фотографии Князя Горчакова и г-на Морского Министра, чтимые дары из собственных их рук, портрет Его Высокопреосвященства Митрополита Филарета, красивые дипломы на звание почетного гражданства от Кронштадта, Петербурга и Костромы вместе с последнею картиною составляют драгоценные документы нашего дома.

Великолепный миниатюрный портрет Величайшего из Российских Монархов, разукрашенный бриллиантами и дарованный Его Императорским Величеством, был представлен всем лицам нашего Правительства в Вашингтоне, и Конгрессом издан особый закон, предоставляющий мне право принять этот подарок.

Великолепная шкатулка из малахита, поднесенная С.-Петербургскою Думою, была выставлена публично и заслужила всеобщее удивление.

Диплом на звание почетного гражданства Москвы, с которым я был поздравлен в самый день приезда в эту столицу августа 12/24 князем Щербатовым, Городским Головою и которое впоследствии подтверждено было депешей Российского посланника в Вашингтоне, еще не получен¹⁵.

11 числа сего месяца я послал Вам через г. г. Остин, Болдвин и К^о в Нью-Йорке на Бременском пароходе ящик, содержащий нижеследующие предметы:

Для одного из братьев Милютиных:

История флота Соед. Штатов в 2-х частях.

Пистолет.

Визитная карточка.

Для другого брата Милютина:

Национальный реестр, I часть.

Пистолет.

Визитная карточка.

Полковнику Мюссару

Рапорты Секретаря флота Соед. Штатов в годы восстания, в 4-х частях.

Рапорт главного строителя мостов в Иллинойсе и StLouis, 2 брошюры.

Крестьянину Леонтьеву:

Американский флаг.

Покорнейше прошу Ваше Превосходительство принять на себя труд приказать, чтобы эти ничтожные предметы были доставлены по принадлежности в знак моей признательности щедрым жертвователям за поднесение мне настоящей картины в то время, когда мои официальные обязанности уже были окончены.

В этом же ящике заключаются:

Штуцер Спенсера, заряжающийся с дула или с казенной части, по желанию.

Американский флаг.

Русский флаг, изготовленный по моей просьбе в здешнем городе.

Официальный рапорт касательно принятия однообразной системы для нарезов винтов и гаек, с приложением образцов.

Письмо к Секретарю флота Соед. Штатов от инженера, строившего броненосные суда для наших Западных рек, с предложением некоторых изменений в системе устройства мониторов и Книга обращиков американских ситцев.

13/25 августа 1866 г. я посетил одну из ситцевых фабрик в Москве, и взятые мною оттуда образчики ситцев нашли многих подражателей в этой части Соединенных Штатов; многие из этих рисунков с некоторыми изменениями печатаются с большим успехом.

Желание отвечать услугою за услугу побудило меня собрать эти образчики для раздачи их ситцевым фабрикам в России, как будет признано за лучшее.

Посылаемые флаги служат для указания принятого здесь способа окраски их во всевозможные цвета, дабы избежать швов.

Один из флагов, назначенный мною для Вашего Превосходительства, надеюсь, будет принят Вами в знак воспоминания последних минут, проведенных на «Рюрике».

Скорострельный магазинный карабин я желал бы поднести Его Императорскому Величеству в знак глубочайшего уважения.

С совершенным почтением имею честь быть Вашим покорнейшим слугой

Г. Фокс

Любопытная переписка: [Крabbе Н. К. Письмо Фоксу Г., 21 мая 1869 г. Петербург] //

Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 340. — [Т.] VI.

Любопытная переписка¹²

Нижеследующая переписка, помещенная в газете «Portsmouth Journal», показывает чувства, питаемые Россией к этой стране и к одному из граждан Ловеля, мы с удовольствием перепечатаваем ону.

Письмо от Морского Министра Вице-Адмирала Краббе

Петербург, Россия, Мая 21, 1869 года

Достопочтенному Густаву Фоксу, Портсмут № 11 в Американских Соединенных Штатах

Милостивый Государь.

Русский народ никогда не забывает почтения и уважения, высказываемого его любимому Императору, и память об американском посольстве 1866 г. еще свежа. В доказательство этого факта имею честь по просьбе череповских купцов братьев Милютиных переслать Вам рамку, в которой вставлено изображение небольшого подстава¹³; картина эта была представлена Государю Императору и милостиво одобрена Его Величеством.

Льщу себя надеждой, что эта картина будет служить для Вас и Ваших близких приятным воспоминанием того впечатления, которое произвело в России посольство от Американского Конгресса, бывшее под Вашим начальством.

Пользуюсь этим случаем, чтобы уверить Вас в моем уважении и имею честь быть.

Описание рамы и картины. Рама резная, из русского дерева разных цветов, сделана по рисунку полковника Мюссара. Резная работа была сделана в 12 дней русским крестьянином Леонтьевым. Предметы, изображенные на раме, суть следующие: Византийский крест. Чаша. На каждой стороне по звезде. Русская солонка. Хлеб. Русское полотенце. Герб Новгородской губернии. Голубь с масличной веткой.

Самая картина изображает подстав с надписями на нем. По обеим сторонам рамки представлены колосья, эмблемы плодородия. Вся работа сделана в чисто русском стиле.

Манганари М. П. Телеграмма исполняющего должность командира Севастопольского и Главного командира Николаевского портов вице-адмирала М. П. Манганари Лесовскому С. С., 11/12 августа 1866 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 339. — [Т.] VI.

Телеграмма исполняющего должность командира

Севастопольского и Главного командира Николаевского портов

вице-адмирала М. П. Манганари С. С. Лесовскому¹¹

Императорский телеграф в Кронштадте

ТЕЛЕГРАММА

Подано в Николаеве

11 августа 1866 г.

Получено в Кронштадте

12 августа 1866 г.

Адмиралу Лесовскому

Узнав о приходе Кронштадт американской эскадры, Черноморцы поздравляют Балтийцев с прибытием дорогих гостей, которым просят передать искреннее уважение как братьям по ремеслу и представителям глубоко уважаемого народа.

Фокс Г. Телеграмма Г. Фокса городскому голове Курска Тиханову, 10 августа 1866 г. //

Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 339. — [Т.] VI.

Телеграмма Г. Фокса городскому голове Курска Тиханову¹⁰

(10 августа 1866 г.)

Курск — Городскому голове

Выражая мою глубокую признательность за Вашу депешу, я буду счастлив передать моим соотечественникам то сочувствие, с которым Россия приняла поздравление американского народа.

Фокс

Тиханов. Телеграмма городского головы Курска Тиханова Фоксу Г., 9 августа 1866 г. //
Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 339. — [Т.] VI.

Телеграмма городского головы Курска Тиханова Г. Фоксу⁹

Телеграф в СПб.

В Петербург

9 августа 1866 г.

Господину Помощнику Статс-Секретаря Морских Сил Северо-Американских Штатов Капитану Фоксу.

Курский Городской Голова от имени Курского Купеческого и Мещанского Общества по единодушному желанию имеет честь принести Вам и всем прибывшим с Вами лицам поздравление с благополучным прибытием в Российскую Столицу. Настоящее прибытие Ваше в Россию служит новым доказательством расположения Северо-Американского народа к русскому. Позвольте же просить Вас принять искреннее наше заявление, что мы живо сочувствуем расположению к России Северо-Американского народа и что такое сочувствие Северной Америки к России мы высоко ценим как семейную связь Великих Народов.

Городской Голова Тиханов с Купечеством и

Мещанским Обществом

Випе-апминап Манганани

Долгоруков В. А. Телеграмма московского генерал-губернатора князя В. А. Долгорукова министру государственных имуществ Зеленому А. А., 4 августа 1866 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 338. — [Т.] VI.

Телеграмма московского генерал-губернатора

князя В. А. Долгорукова

министру государственных имуществ А. А. Зеленому⁷

Телеграф главной станции

4 августа 1866 года

ПБГ. МСК. Министру государственных имуществ. В казенном доме.

Завтра отправляется депутация к американцам с письменным приглашением от городского головы посетить старушку матушку Москву⁸.

Князь Владимир Долгоруков

Лесовский С. С. Письмо контр-адмирала С. С. Лесовского старшинам Кронштадтского Морского Собраниа, 6 июля 1866 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 338. — [Т.] VI.

Письмо контр-адмирала С. С. Лесовского

старшинам Кронштадтского Морского Собраниа⁵

В Кронштадтское Морское Собрание

Г. Управляющий Морским министерством поручил мне быть Главным Руководителем при приеме капитана Фокса и офицеров американской эскадры. Вспоминая тот радушный и истинно дружеский прием, то гостеприимство, которыми пользовались наши эскадры в Бостоне, Нью-Йорке, Вашингтоне и Сан-Франциско, я считаю долгом уведомить г. г. членов Кронштадтского Морского Собраниа о скором прибытии наших заокеанских друзей, потому что наши моряки в главном пункте своего местопребывания, в Кронштадте, захотят принять участие в встрече и приеме дорогих гостей и угостить их с русским радушием в оплату за то угощение, которым пользовались многие из них.

Сообщая о скором прибытии американской эскадры, имею честь просить г. г. старшин Морского Собраниа сделать зависящие распоряжения и не оставить меня уведомлением о результатах настоящего сообщения⁶.

Свиты Его Величества Контр-Адмирал Лесовский

6 июля 1866 г.

Совместная резолюция Сената и Палаты представителей Конгресса Соединенных Штатов, май 1866 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 338. — [Т.] VI.

Совместная резолюция Сената и Палаты представителей

Конгресса Соединенных Штатов⁴

Решение.

Май 1866

Конгресс Соединенных Штатов Америки с чувством глубокой скорби узнал о покушении на жизнь Императора России, покушении, сделанном врагом эмансипации.

Конгресс шлет свои поздравления Его Императорскому Величеству и Русской нации и поздравляет 20 миллионов освобожденных от крепостной зависимости по случаю чудесного избавления от опасности Государя, высоким помыслам и сердечной доброте которого обязаны они благодеяниями дарованной им свободы. Также решено просить Президента Соединенных Штатов представить копию настоящей резолюции Его Величеству Императору Всероссийскому.

Стекль. Письмо российского посланника в Северо-Американских Соединенных Штатах Стекля управляющему Морским министерством Краббе Н. К. 1, 3/15 мая 1866 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 337. — [Т.] VI.

МИНИСТЕРСТВО

ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ

МИССИЯ

в Северо-Американских

Соединенных Штатах

ВАШИНГТОН

Мая 3/15 дня 1866 г.

Милостивый государь, Николай Карлович!

Вашему Превосходительству, вероятно, известно, что Президент Джонсон предписал посланнику Северо-Американских Соединенных Штатов в Петербурге поздравить Государя Императора по случаю спасения Его Величества от угрожавшей ему опасности².

Сенат и Палата депутатов Конгресса, желая с своей стороны выразить сочувствие и уважение к Августейшей особе нашего Монарха, единогласно приняли резолюцию, приложенную к сему в копии для вторичного поздравления Его Императорского Величества.

Подобное решение представителей народа здешней страны без примера в истории Соединенных Штатов, и Президент захотел придать ему еще большее значение, поручив Товарищу Морского Министра Капитану Фоксу поднести означенную резолюцию Его Императорскому Величеству.

Г. Фокс отправится в Европу на мониторе «Майантономо» (Miantonomoh), одном из лучших по постройке в Американском флоте. Я льщу себя надеждой, что Ваше Превосходительство сделает все от Вас зависящее для оставления в Г. Фоксе приятного воспоминания о России, тем более что он, будучи одним из влиятельнейших лиц здесь, постоянно старался оказывать все возможные услуги морским офицерам, находившимся в Америке по поручениям от нашего

правительства. Это обстоятельство дает мне также право иметь честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, всенижайше довести от меня до сведения Государя Великого Князя Константина Николаевича, имя и заслуги которого пользуются общеизвестностью и уважением в Соединенных Штатах, что Его Императорское Высочество, в качестве Генерал-Адмирала русского флота, польстит всем Американским морякам, приняв с особенным вниманием одного из самых достойных из числа их, соединяющего с учеными и административными практические познания.

Предполагая, что в памяти всех наших морских офицеров до сих пор должны быть живы рассказы о гостеприимстве, с каким приняли тому три года назад их товарищей в Америке³, я как представитель России здесь, без сомнения, буду иметь счастье услышать, что наш флот воспользуется редким случаем иметь в Русском порте Американский военный корабль и захочет встретить с радушием Г. Фокса и г. г. офицеров, подчиненных его.

Покорнейше прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Стекль

Гусарова Л. Н. Первая правительственная делегация САСШ в России // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 336. — [Т.] VI.

В РГА ВМФ хранятся документы о первом официальном посещении России представителем правительства Северо-Американских Соединенных Штатов летом 1866 г. Ответственная миссия была возложена на помощника морского министра САСШ капитана Густава Фокса, который по поручению президента САСШ Э. Джонсона должен был доставить в Россию резолюцию Конгресса, принятую в связи с покушением на Александра II. Этой миссией президент Джонсон хотел подчеркнуть неординарность события и дружеское отношение САСШ к России.

Для приема Фокса в России была образована особая комиссия из офицеров и специалистов флота, которую возглавил контр-адмирал С. С. Лесовский, побывавший в 1863 г. в Америке с эскадрой русских судов.

Программа пребывания американской делегации предусматривала, помимо официальных визитов, завтраков и обедов, посещение и осмотр адмиралтейств, заводов, учебных заведений, храмов и соборов, дворцов, Эрмитажа, Академии наук, поездку в Москву, Нижний Новгород, Кострому.

25 июля 1866 г. около 10 часов утра в сопровождении судов броненосной эскадры Балтийского флота два американских корабля — монитор «Майантономо» и пароход «Августа» — отшвартовались на малом Кронштадтском рейде. Капитан Фокс с двумя секретарями находился на мониторе, командиром которого был командор Джон Бомон, пароходом командовал командор Александр Муррей.

О визите американской делегации было широко известно в России. На имя Фокса поступали телеграммы с приветствиями и приглашениями от моряков, купцов, представителей городов.

7 и 9 августа Фокс и капитаны Бомон и Муррей сопровождали Александра II во время посещения Кронштадта. 10 августа в честь Фокса был дан обед в Большом Петергофском дворце. 11 августа Фокс с офицерами в сопровождении С. С. Лесовского выехали в Москву. Затем американская делегация посетила ярмарку в Нижнем Новгороде и Кострому, «дабы видеть дом, в котором жил Михаил Федорович Романов с матерью, когда его призвали на царство». (Ф. 930. Оп. 49. Д. 508. Л. 154.)

20 августа представители русского купечества телеграфировали в Кострому: «Ярмарочное

русское купеческое общество, простившееся с американской миссией в Нижнем, поздравляет благополучным прибытием и дружески приветствует». (Ф. 930. Оп. 49. Д. 508. Л. 178.)

Как отмечал Н. К. Краббе, «прием американцев повсюду, где они появлялись, отличается тем же радушием и энтузиазмом... Американские суда просто осаждаются посетителями». (Ф. 410. Оп. 2. Д. 2432. Л. 177.) Во время посещений различных учреждений Фоксу были преподнесены многочисленные подарки, документы и книги по интересующим его вопросам.

В начале сентября американские корабли покинули Россию. В день отъезда капитана Фокса из Петербурга в Кронштадт его посетила делегация представителей города Череповца, которая поднесла американскому гостю хлеб-соль. Фокс в знак памяти вручил американский флаг с автографом.

Через три года, в январе 1869 г., Александру II от имени купцов Милютиных, уроженцев г. Череповца, была подарена картина («виньетка в рамке»), изображающая «воспоминание о посещении России американцами в 1866 г.». Копию картины Краббе отправил Фоксу в Америку.

Письмо Фокса к Краббе, завершающее публикацию, свидетельствует, что автор его сохранил самые приятные впечатления о посещении России, ему доставило искреннее удовольствие отблагодарить русских за прием, оказанный ему и в его лице американскому народу, первым официальным представителем которого в России он являлся.

Гусарова Л. Н. Примечания: Первая правительственная делегация САСШ в России // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 342—343. — [Т.] VI.

1 Ф. 410. Оп. 2. Д. 2862. Л. 2—3.

Подлинник. На письме имеются пометы Н. К. Краббе: 1. Доложено Государю Императору и Высочайше повелено принять с русским радушием, для чего составить программу приема и потребные на это деньги получить из Государ. казначейства сверхсметным кредитом. 23 мая 1866 г. Царское Село. Н. Краббе. 2. Поручено составление программы к.-а. Лесовскому. Сообщено его превосходительству С. С. Лесовскому 26 мая. № 1612».

2 4 апреля 1866 г. на Александра II было совершено покушение Д. В. Каракозовым.

3 Имеется в виду пребывание русских кораблей в Америке в сентябре 1863 г., когда в период гражданской войны впервые в Нью-Йорк пришла русская эскадра в составе пяти кораблей под командованием контр-адмирала С. С. Лесовского. Американцы встретили русских моряков восторженно. На приеме в ратуше мэр Нью-Йорка, приветствуя офицеров эскадры, сказал: «Мы желаем через вас заявить наше уважение и нашу дружбу вашему правительству и народу. Мы признаем в вашем государе императоре Александре просвещенного правителя могущественной страны... В его подданных мы видим мужественный и предприимчивый народ, который идет быстрым шагом по пути прогресса. Мы высоко ценим сочувствие и дружбу такого народа» (Морской сборник. 1863. № 11).

4 Публикуется перевод резолюции. (Ф. 410. Оп. 2. Д. 3046, Л. 7 об. — 8; копия на англ. яз. — Д. 2862. Л. 4.)

5 Ф. 930. Оп. 49. Д. 508. Л. 40. Рукописная копия.

6 28 июля 1866 г. в Морском Собрании Кронштадта в 5 часов вечера в честь офицеров американских кораблей был дан обед, который сопровождался «хором музыкантов», присланных из 4-го флотского экипажа. (Ф. 283. Оп. 2. Д. 206. Л. 232; Ф. 930. Оп. 49. Д. 508. Л. 112.)

7 Ф. 930. Оп. 49. Д. 508. Л. 142. Телеграфный бланк.

8 Москва готовила самый радушный прием и хотела показать во всей ширине русскую натуру. (Ф. 410. Оп. 2. Д. 2432. Л. 178 об.) Приглашения поступали от многих учреждений и организаций: Синод предлагал присутствовать при наречении в епископы архимандрита Макария, министр юстиции приглашал на любое судебное заседание и д. р. (Ф. 930. Оп. 49. Д. 508. Л. 47 об., 54, 55.) Прием, оказанный американским морякам, произвел большое впечатление. Приводим выдержку из доклада Н. К. Крабе Императору Александру II: «Ваше Императорское Величество, одобрив мой отчет по осмотру в 1864 г. броненосной эскадры, изволили выразить, что подобные осмотры весьма полезно производить и на будущее время. В нынешнем году в отсутствие Его Императорского Высочества генерал-адмирала Вашему Величеству благоугодно было приказать мне осмотреть броненосную эскадру, находящуюся в Транзунде. Так как день

ухода моего в море, 3 сентября, совпал с днем отплытия американских судов из Кронштадта, то я предложил посланнику Конгресса Фоксу и командирам «Августы» и «Майантономе» прощальный завтрак на пароходе-фрегате «Рюрик» и затем сопровождал их в начале пути. Последние часы, проведенные американцами посреди русских, показали еще раз, как искренне расположение их к нашему отечеству и как глубоко они ценят радушный сделанный им прием. В прощальной своей речи Фокс сказал, что «сердце его растаяло, согретое излияниями лучей дружбы его русских друзей», и слезы, катившиеся по лицу этого достойного и почтенного представителя американской нации, свидетельствовали, что эти слова исходили из глубины души... 25 сентября 1866 г.» (Ф. 410. Оп. 2. Д. 2876. Л. 1 — 1 об. Подлинник.) На докладе имеется помета Императора: «Прочел с удовольствием».)

9 Ф. 930. Оп. 49. Д. 508. Л. 157, 158. Телеграфный бланк.

10 Ф. 930. Оп. 49. Д. 508. Л. 164. Рукописная копия.

11 Ф. 930. Оп. 49. Д. 508. Л. 170. Телеграфный бланк.

12 Ф. 410. Оп. 2. Д. 3046. Л. 16 — 17. Перевод с английского.

13 Подстав имел следующие надписи: на лицевой стороне — «При отправлении обратно из С.-Петербурга посольства, прибывшего от американского Конгресса для поздравления Государя Императора по поводу чудесного спасения его жизни 4 апреля 1866 г., депутаты гор. Череповца поднесли хлеб-соль посланнику Г. Фоксу и в лице его благодарили американцев за сочувствие». На левой боковой стороне — «Фокс сказал на это следующее: как солнце стоит в середине вселенной и соединяет своим тяготением все светила небесные, так и царь Русский соединяет в себе все чувства земли русской, и вот теперь перед нами выступает одна из единиц необъятного русского царства с чувствами беспредельной любви и преданности своему Императору».

На правой боковой стороне: «Отдавая посланнику хлеб, испеченный в г. Череповце, депутация объяснила ту его особенность, что он всегда подымается, как бы сильно не сжали его, на что Г. Фокс отвечал: этот хлеб похож на Россию и Америку, обе эти страны также подымаются, как бы сильно не сжали их извне». На ленте около бокала: «Бокал, сломанный Фоксом после осушения его за благоденствие г. Череповца, переданный в память о нем вместе с фотографической карточкой». На банте около флага: «Национальный американский флаг, подаренный гор. Череповцу с собственноручной надписью Г. Фокса: «To The(ir) profit from Focks». 3 сентября 1866 г.

Депутатами были череповецкие купцы Милютины, Озерцов, Волков и Тарасов. Рисунок подстава составлял и исполнил Мюссард». (Ф. 410. Оп. 2. Д. 3046. Л. 6 — 8.)

Сам подстав был подарен купцами Милютиными городу Череповцу и хранился в Череповецкой городской думе, а его изображение отражено в картине, подаренной Фоксу

городской думе, а его изображение отражено в картине, подаренной Фоксу.

14 Публикуется перевод с английского языка. (Ф. 410. Оп. 2. Д. 3046. Л. 19—21; подлинник — Л. 22—25.) Имеется помета Н. К. Краббе: «Его Величество изволил благосклонно принять подносимый штуцер и вместе с тем разрешил и прочим лицам принять присланные Фоксом подарки. 2 февраля 1870 г.»

15 Помимо перечисленных Фоксом подарков, Министерство внутренних дел вручило ему 37 томов Изданий Министерства, в том числе: «Списки населенных мест России по губерниям» (изд. 1861 и 1866 гг.) и «Численность крепостного населения России по 10-й народной переписи» (изд. 1861 г.). Музеем Горного института подарены коллекция русских минералов, образцы холодного оружия (кинжаль, сабля и др.) из златоустовской стали и геологическая карта России: Синодом — три экземпляра Нового Завета, украшенного хромофотографическими изображениями работы академика Солнцева, и народное издание русского перевода Четвероевангелия.

Строительное управление Морского министерства поднесло планы местности всех адмиралтейств и морских арсеналов: Кораблестроительный департамент — описание русских броненосных судов, Артиллерийский — описание морских орудий и мест их изготовления, Инспекторский — правила приема и образования морских офицеров, матросов, описание учебных заведений и др. (Ф. 283. Оп. 2. Д. 206. Л. 387, 388.)

Публикация Л. Н. ГУСАРОВОЙ

Наградное дело сотника Пешкова

Наградное дело сотника Пешкова / Публ. [вступ. ст. и примеч.] В. М. Безотосного // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 366—375. — [Т.] VI.

Дмитрий Николаевич Пешков родился 26 октября 1859 г. в семье казака станицы Албазинской Амурского казачьего войска. В 1877 г. Пешков сдал экзамен на вольноопределяющегося и был принят в Иркутское юнкерское училище. Закончив курс обучения по первому разряду, 2 августа 1882 г. был произведен в подхорунжие, а 3 декабря того же года — в чин хорунжего. Служба его проходила в Амурском казачьем конном полку, и здесь в 1886 г. он получил следующий чин — сотника*.

В 1889 г. Пешков решился на рискованное предприятие — конный переход от Благовещенска до Петербурга.

Одной из причин предпринятого им путешествия стало известие о конной поездке корнета М. В. Асеева из Лубен в Париж**. В 1889 г. Пешков решил доказать, что азиатские лошади («монголки»), которые использовались забайкальскими и амурскими казаками, не только не хуже европейских породистых скакунов, но и гораздо выносливее. Помимо прочего сотник хотел испытать и свои силы и возможности.

Для путешествия верхом он взял своего строевого 13-летнего коня по кличке «Серый» (или «Серко»)*. Исхлопотал шестимесячный отпуск и, не придавая своей поездке официального характера, но с разрешения непосредственных начальников, в 6 ч. утра 7 ноября 1889 г. после молебна в Николаевской церкви г. Благовещенска отправился в переход. Его путешествие продолжалось 193 дня, конечной цели он достиг 19 мая 1890 г. (средняя скорость в пути 56 верст в сутки, а все пройденное расстояние — 8283 версты).

Самые трудные переходы Пешков совершил зимой, следуя в 40-градусный мороз по Забайкалью и Сибири. Путь от Верхнеудинска до Иркутска сотник проехал больным. В Томске он был арестован как беглый каторжник. К счастью, это неприятное недоразумение быстро выяснилось. После Омска дорога потеряла прежний риск и опасность. К его особе стали проявлять интерес

После смерти дяди потерял прежний респект и опасения. К его особе стали проявлять интерес представители прессы. Во многих городах ему были организованы пышные встречи (Казань, Н. Новгород, Владимир, Москва, Тверь, Новгород).

Почти триумфальный прием его ожидал перед въездом в Петербург на 12-й версте Московского шоссе. Для торжественной встречи были выстроены два эскадрона лейб-гвардии Казачьего и Атаманского полков с трубачами и хорами полковых оркестров. Здесь же находилась кавалькада из нескольких сотен офицеров-кавалеристов, прибывших по собственной инициативе.

Около месяца провел Пешков в Петербурге. 23 мая 1890 г. он был представлен начальнику Главного Штаба генерал-адъютанту Н. Н. Обручеву. 27 мая на параде лейб-гвардии Конногренадерского и Уланского полков Император Александр III вручил ему орден св. Анны 3-й степени, затем беседовал с ним и осмотрел Серого. После парада Пешкова пригласили на завтрак во дворец, где он был представлен всем членам Императорской Фамилии. 8 июня герой-

путешественник удостоился приглашения на завтрак, устроенный Августейшим атаманом всех казачьих войск, Наследником Престола Николаем Александровичем. В этот день будущий Император Николай II принял в дар от Пешкова его коня Серого.

Дальнейшую судьбу Пешкова можно проследить по архивным документам. В зачет конного пробега сотнику был предоставлен шестимесячный отпуск. Пешков его использовал для путешествия по святым местам Палестины. По возвращении из отпуска он был зачислен в офицерскую кавалерийскую школу в Петербурге, где успешно закончил курс по отделу эскадронных и сотенных начальников. В 1898 г., уже находясь в своем полку, Пешков получил в награду чин есаула и принял участие в походе в Китай (1899—1900 гг.), за что в 1901 г. был удостоен двух орденов — св. Станислава 2-й степени с мечами и св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

В 1901 г. его вновь вызвали в Петербург и прикомандировали к Николаевскому кавалерийскому училищу, а в 1902 г. назначили исправлять там же должность командира казачьей сотни*.

О его военно-педагогической деятельности вспоминал в своих мемуарах один из учеников, генерал А. Г. Шкуро**. В конце 1907 г., уже имея чин полковника, он был назначен командиром Амурского казачьего полка, но командовал полком недолго. Прибыв 20 марта 1908 г., он уже 15 августа подал в отставку и выехал в Петербург 12 декабря 1908 г.***

Комплекс публикуемой делопроизводственной документации о награждении относится к 1890 г., к моменту после завершения Пешковым своего путешествия. Его наградное дело хранится в фонде 400 («Главный Штаб») РГВИА.

В XIX в. наградное делопроизводство было сложным и долгим. Сначала подавалось представление о награждении непосредственным начальником, которое далее проходило по иерархическим ступеням, обрастая справками, выписками, мнениями и другими дополнениями. Все это делалось для убеждения вышестоящих начальников в необходимости награды.

Случай с Пешковым был необычным с точки зрения бытовавшей практики. Награда была получена в минимальные сроки, без представления и без запрашивания непосредственных начальников. Ввиду очевидности значимости конного пробега Пешкова и его общественного резонанса представление было сразу подано на имя Императора. Но даже после Высочайшего одобрения потребовалось большое количество документов по согласованию действий различных ведомств, имевших отношение к раздаче наград. Из 26 документов «дела» Пешкова для публикации было выбрано 15 основных (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Ед. хр. 17313. Л. 1—8, 11, 16, 18, 22, 24, 27, 28).

Журн. ВЫСОЧАЙШ. повелен.

28 Мая 1890 г. № 1387.

Военный Министр имел в виду лично всеподданнейше ходатайствовать перед Вашим Императорским Величеством при представлении Сотника Пешкова о награждении его:

или орденом по Высочайшему усмотрению

или переводом его тем же чином в одну из гвардейских казачьих частей.

Сверх сего Военный Министр ходатайствует, чтобы время отпуска, употребленное Сотником Пешковым на поездку из Благовещенска в Петербург, было засчитано ему в командировку, и полагает определить его с открытием нового курса в офицерскую кавалерийскую школу.

24 Мая 1890 года

За Военного Министра

Генерал-адъютант Обручев1

2

Экстренно

6 ОТД(ЕЛЕНИЕ)

Сейчас заготовить всем доклад о награждении С. Пешкова орденом Св. Анны 3 ст.

Готовый доклад СЕГОДНЯ представьте Начальнику Главного Штаба.

25 Мая 90 г.

Г(енерал)-Л(ейтенант) Величко2

3

1го Конного полка Амурского казачьего войска Сотник Пешков, 30 лет, из казачьих детей Амурского казачьего войска. Окончил курс наук в Иркутском юнкерском училище по 1 разряду и состоит

в службе

с 1 января 1877 г.

» офицерском звании

» 3 декабря 1882 г.

» настоящем чине

» 3 » 1886 г.

Исполнял в полку должность казначея, заведующего оружием и временно хозяйством полка, ныне состоит субалтерн-офицером3.

Орден не имеет.

Наград не получал.

Холост.

Выехал из Благовещенска в отпуск 7 ноября прошлого 1889 года.

В списке по старшинству за прошлый год аттестован «выдающийся».

25 Мая

Полковник Степанов⁴

4 За Военного Министра,

Генерал-Адъютант Обручев

Испрашивается ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволение.

На пожалование Сотнику 1го Конного полка Амурского казачьего войска ПЕШКОВУ ордена Св. Анны 3 ст., минуя орден Св. Станислава 3 ст., во внимание к особым лишениям, понесенным им во время следования из Благовещенска в С. Петербург.

Сотник Пешков в службе с 1го января 1877 года.

Офицером с 3 декабря 1882 года.

В настоящем чине с 3 декабря 1886 года.

Наград не получал.

В списке по старшинству за минувший год аттестован «выдающийся».

5

Глав. Штаба

Журн. ВЫСОЧАЙШ. повел.

28 мая 1890 г. № 1388.

Прибывший 19го сего мая из Благовещенска в С.-Петербург Сотник 1го Конного полка Амурского казачьего войска ПЕШКОВ происходит из казачьих детей названного войска. Окончил курс наук в Иркутском юнкерском училище по 1 разряду.

МИНИСТЕРСТВО

ВОЕННОЕ

— — — —

ДОКЛАД

по

ГЛАВНОМУ ШТАБУ

— — — — —

Отделение 6

стол 1

— — — — —

25 Мая 1890 года

№ 725

О пожаловании сотнику

Пешкову ордена Св. Анны 3 ст.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР

ВЫСОЧАЙШЕ соизволил на пожалование Сотнику Пешкову ордена Св. Анны 3 ст.

26 Мая 1890 года.

За Военного Министра

Генерал-Адъютант Обручев

В службе с 1го января 1877 года.

Офицером с 3го декабря 1882 года.

В настоящем чине с 3го декабря 1886 года.

Исполнял в полку должность казначея, заведывающего оружием и временно хозяйством полка, ныне состоит субалтерн-офицером.

Наград не получал.

Выехал из Благовещенска в отпуск 7 ноября 1889 года.

В списке по старшинству за минувший год аттестован «выдающийся».

Ввиду последовавшего предварительного соизволения ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА на награждение Сотника Пешкова орденом вообще, во внимание к особым лишения, понесенным им во время настоящего путешествия, показалось бы возможным назначить ему орден Св. Станислава 3 ст., о чем и повергается на ВЫСОЧАЙШЕЕ благоусмотрение.

Благоугодно ли будет ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ Всемилостивейше соизволить на пожалование Сотнику Пешкову ордена Св. Анны 3 ст.

Генерал-Адъютант Обручев

6

МИНИСТЕРСТВО

ВОЕННОЕ

ВОЕННОЕ

ГЛАВНЫЙ ШТАБ

Отделение 6

Стол 1

— — —

25 Мая 1890 г.

№ 24203

В канцелярию капитула орденов

Главный штаб просит не позже утра 26 сего Мая доставить орденские знаки: Св. Владимира 4 ст., Св. Анны 3 ст. и Св. Станислава 3 ст. по одному.

За пом. Нач. Глав. Штаба: Генерал-Майор

Нач. Отд.: Генерал-Майор

Верно: Столоначальник

Гертик

Иванов

Капиунов

371

7

Главный Штаб № 32312 26 мая 1890

КАПИТУЛ

РОССИЙСКИХ

ИМПЕРАТОРСКИХ

и

ЦАРСКИХ

ОРДЕНОВ

В следствие отношения от 25 сего Мая, за № 24203, Канцеляриею Капитула Орденов препровождаются при сем в Главный Штаб орденские знаки: Св. Владимира 4 степени, Св. Анны 3 степени и Св. Станислава 3 степени — по одном.

26 мая 1890 г.

№ 2188

8

ОПИСЬ

УКАЗУ

представленному к ВЫСОЧАЙШЕМУ подписанию

по Главному штабу

Мая 26 дня 1890 года.

№

Высочайше назначенная награда

1

О пожаловании Сотнику

Пешкову ордена Св. Анны.

Орден Св. Анны 3 ст.

Генерал Адьютант Обручев

9

Помощник Начальника

Главного Штаба

26 Мая 1890 г.

№ 125

С-Петербург

Милостивый Государь

Владимир Александрович

Начальник Главного Штаба изволил лично передать Сотнику Пешкову орден Св. Анны 3 ст. в Петергофе 27 мая. — Настоящее письмо не вручено по принадлежности за выбытием полковника Сухомлинова в Красное Село.

Губ. секретарь Кешментовский 28 мая 1890 года.

Его Высокоблагородию

В. А. Сухомлинову⁵

Государь Император Всемилоостивейше соизволил пожаловать прибывшему 19-го сего Мая из Благовещенска в С-Петербург Сотнику 1-го конного полка Амурского казачьего войска ПЕШКОВУ орден Св. Анны 3-й степени.

Препровождая при сем, для выдачи по принадлежности, пожалованные орденские знаки, прошу о получении оных уведомить Главный штаб.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Ф. Величко

10

Копия

ХАБАРОВКА6

Командующему войсками округа

Сотнику 1 конного полка Амурского казачьего войска Пешкову Всемилоостивейше пожалован орден Анны 3 степени. Вместе с тем Высочайше повелено время отпуска, употребленное Пешковым на поездку из Благовещенска в Петербург, зачесть ему в командировку и определить его, с открытием нового курса, в офицерскую школу.

№ 857.

Подписал: Г. Л. Величко.

Верно: Столоначальник Капиунов.

«28» Мая 1890 г.

По Главному Штабу

11

МИНИСТЕРСТВО

ВОЕННОЕ

— — —

Отделение VI

Стол 1

— — —

29 Мая 1890 года

№ 24883

С препровождением

ВЫСОЧАЙШЕГО Указа.

В капитул Орденов

Главный Штаб, препровождая при сем Указ Капитулу, удостоенный ВЫСОЧАЙШЕГО подписания в 27 день 1890 года, о ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕМ пожаловании поименованного в Указе сем Сотника Дмитрия ПЕШКОВА кавалером ордена Святыя Анны 3-й степени, просит следующую по означенному Указу грамоту доставить в Главный Штаб.

С С П

Орденские же знаки выданы Сотнику Пешкову из числа орденов, доставленных при отношении Капитула от 26 сего Мая за № 2188.

За Пом. Начальника Глав. Штаба: Г(енерал)-М(айор) Лобко7

Начальник. Отделения: Генерал-Майор Гертик

Верно:

За Столоначальника: Дмитриев

12

Главный Штаб № 36321 9 июня 1890

НАЧАЛЬНИК

ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

КАЗАЧЬИХ ВОЙСК

— — —

«7» Июня 1890 г.

№ 1620

— — —

С.-Петербург.

Милостивый Государь,

Филадельф Кириллович

По поводу отзыва Главного Штаба, 6-го сего июня, № 26359, имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что в памятной записке моей, переданной начальнику Главного Штаба, о возможных наградах и милостях Сотнику ПЕШКОВУ, было именно указано, что «так как Сотник Пешков затратил на свою поездку весьма крупную для него сумму денег, то в связи с отсрочкою для него отпуска было бы возможно признать этот отпуск за командировку; как за таковую по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению выдать Сотнику Пешкову ДВОЙНЫЕ ПРОГОННЫЕ деньги от города Благовещенска до С.-Петербурга, что составит 821 руб. 49 коп.» и т. д.

Таким образом, цель признания поездки Сотника Пешкова за командировку заключалась не только в сохранении для него права на отпуск, но и для того, чтобы пополнить его расходы на поездку (свыше 800 руб.) ДВОЙНЫМИ прогонными деньгами, что было одобрено и так именно понималось лично как самим Военным Министром, так и начальником Главного Штаба.

Так как, с одной стороны, Окружное Интендантское Управление Петербургского военного округа на основании буквального текста Высочайшего по сему повеления отвергает самую выдачу каких бы то ни было прогонных денег Сотнику Пешкову, а в отзыве Главного Штаба № 26359, по-видимому, допускается истолкование того же ВЫСОЧАЙШЕГО повеления лишь в том смысле выдачи Сотнику Пешкову ординарных прогонных денег (всего 400 р.), то я убедительнейше прошу Ваше Превосходительство исходатайствовать согласие Его Высокопревосходительства Генерал-Адъютанта Обручева, во избежание дальнейших спорных истолкований смысла ВЫСОЧАЙШЕГО повеления 27 мая, испросить дополнительное

толковании смысла ВЫСОЧАЙШЕГО повеления 27 мая, испросить дополнительное ВЫСОЧАЙШЕЕ повеление о выдаче Сотнику Пешкову двойных денег на 2 лошади от г. Благовещенска до С.-Петербурга, в возмещение его издержек по поездке, так как обе эти цифры почти равняются между собой.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

В. Золотарев⁸

Секретно

36321

Помощник

Начальника

Главного Штаба

— — —

«8» Июня 1890 г.

№ 606

Его Пр-ву В. Г. Золотареву

63/90

Милостивый Государь, Василий Григорьевич

Содержание письма Вашего Превосходительства от 7 сего июня за № 1620, о выдаче Сотнику ПЕШКОВУ двойную прогонных денег на 2 лошади от г. Благовещенска до С.-Петербурга, было доложено мною Начальнику Штаба.

Его Высокопревосходительство, имея в виду, что время отпуска, употребленное Сотником Пешковым на поездку из Благовещенска, высочайше повелено лишь зачислить ему за командировку, а не принимать эту поездку за командировку, состоявшуюся по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению, приказал уведомить, что поэтому время означенной поездки следует считать за обыкновенную командировку, согласно чему Сотник Пешков и имел бы право на получение лишь ординарных прогонных денег.

Засим если Ваше Пр-во признали бы необходимым во возмещение понесенных Пешковым по поездке издержек выдать ему дополнительное денежное вспомоществование, то в сем случае могло бы быть испрошено разрешение на выдачу ПЕШКОВУ единовременного пособия из сметных сумм Главного Штаба по получении об этом ходатайства Вашего Превосходительства, с указанием размера просимой выдачи.

Уведомляя о сем Ваше Превосходительство, вследствие письма за № 1620, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал: Ф. Величко

Верно: За Столоначальника Дмитриев

37390

МИНИСТЕРСТВО

ВОЕННОЕ

— — —

ГЛАВНЫЙ ШТАБ

— — —

отделение VI

стол 1

— — —

19 июня 1890 г.

№ 28406

Ответ на № 2499

В Канцелярию Капитула Орденов

Грамота на орден Св. Анны 3й степени в Главном Штабе получена и по принадлежности отправлена, с тем, чтобы следующие по сему пожалованию единовременные деньги, по истребовании от кавалера, доставлены были в Капитул орденов.

Под.: За Помощника Начальника Главного Штаба Генерал-Майор Лобко

Скр.: Начальник Отделения Генерал-Майор Иванов

Верно: За Столоначальника Дмитриев

15

37390

МИНИСТЕРСТВО

ВОЕННОЕ

— — —

ГЛАВНЫЙ ШТАБ

— — —

Отделение VI

Стол 1

— — —

19 июня 1890 г.

№ 27400

С препровождением

грамоты

Дополнение № 24596

В Главное Управление Казачьих войск

Главный Штаб, препровождая при сем, в дополнение к ВЫСОЧАЙШЕМУ приказу от 26 минувшего Мая, грамоту на орден Св. Анны 3-й степени, пожалованный Сотнику ПЕШКОВУ, просит о получении уведомить и сделать распоряжение об истребовании от кавалера и доставлении в Капитул Орденов единовременных по сему пожалованию денег двадцати рублей, порядком, указанным в 240 ст. и примечании к ней Т. 1 Учрежд. Орд. (издания 1876 года) и циркуляра Главного Штаба от 11 ноября 1887 г. № 212.

За Пом. Начальника Глав. Штаба: Генерал-Майор Лобко

Начальник Отд.: Генерал-Майор Иванов

Верно: За Столоначальника Дмитриев

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Обручев Николай Николаевич (1830—1904), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, видный военный деятель во время правления Императоров Александра II и Александра III.

С 1881 г. — начальник Главного Штаба. В момент награждения сотника Пешкова исполнял обязанности военного министра.

2 Величко Филадельф Кириллович (1833—1898), генерал от инфантерии. С 1882 г. — генерал-лейтенант. В 1890 г. занимал должность помощника начальника Главного Штаба.

3 Субалтерн-офицер — младший офицер.

4 Степанов Михаил Петрович, с 1885 г. — помощник начальника отделения Главного Штаба. В 1894 г. вышел в отставку с чином генерал-майора с мундиром и пенсией.

5 Сухомлинов Владимир Александрович (1848—1926), генерал от инфантерии. С 1909-го по 1915 г. — военный министр. В 1890 г. занимал должность начальника Офицерской кавалерийской школы и имел чин полковника.

6 Хабаровка — нынешний Хабаровск. Документ был адресован дальневосточным военным властям.

7 Лобко Лев Львович (1838—1907), генерал-лейтенант, известный военный цензор. С 1868-го по 1891 г. служил в Главном Штабе.

8 Золотарев Василий Григорьевич (1837—1891), генерал-лейтенант. С 1881 г. служил в Главном Управлении казачьих войск, в 1886 г. был назначен начальником этого Управления.

Публикация В. М. БЕЗОТОСНОГО

Письмо С. Ю. Витте к С. Д. Шереметеву

Витте С. Ю. Письмо Шереметеву С. Д., 26 июня 1900 г. / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Л. И. Шохина // *Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах*. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 375—376. — [Т.] VI.

Письмо С. Ю. Витте к С. Д. Шереметеву

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844—1918), назначенный Императором Николаем II в 1900 г. членом Государственного Совета, относился к министру финансов Сергею Юльевичу Витте весьма критически. Однако личные контакты между государственными деятелями такого ранга были неизбежны. Публикуемое письмо свидетельствует о стремлении Витте установить с графом более тесные отношения. Это подтверждает и фотография Витте, с интересной надписью на ней: «Общее горе — скрепляет дружбу. Сергей Витте. 2 мая 1902 года.». Фотография подарена после убийства эсеровским террористом министра внутренних дел Д. С. Сипягина, женой которого была Александра Павловна Вяземская, сестра супруги Шереметева.

Письмо хранится в РГАДА (Ф. 1287. Оп. 1. Д. 291. Л. 8—9 об. Автограф).

Искренноуважаемый граф Сергей Дмитриевич

Сердечно рад был получить от Вас любезные строки. Димитрию Сергеевичу¹ слава Богу совсем хорошо — теперь дело лишь времени. Можно с полной уверенностью сказать; что через месяца 2—3 мы совсем забудем волнения, которые пережили вследствие его болезни. Ваш совет поехать после лечения в Полтавское имение, по моему мнению, превосходен. Это самое лучшее место при его недуге. Я ему сегодня об этом говорил, и он, видимо, к этому склонен.

В смерти графа Муравьева² было просто что-то роковое. Четыре года тому назад по его совету, поддержанному генералом Ванновским³, мы коварно захватили Порт-Артур и Данлаван, вопреки моим настоятельным советам не делать этого шага. Правда, пример (впрочем, с нашего ведома) дала нам Германия⁴. С тех пор пошла в Китае каша⁵. Я тогда все это предсказывал и из-за этого нажил массу неприятностей и неблагоприятных расположений. Перед развязкой или, вернее, перед началом развязки гр(аф) Муравьев приехал ко мне говорить об начавшемся движении в Китае. Я ему припомнил все течение этого дела. Он дипломатически от разговора о прошедшем уклонился, и мы больше говорили о будущем. Он смотрел довольно оптимистически, уехал от меня в 12 ч. ночи, а утром скончался. Как человека мне его жаль: он был человек недурной, с сердцем, но, конечно, Россия в нем ничего не потеряла. Это был *bon vivant** с большою дозой легкомыслия и придворною угодливостью. А эти качества, в особенности легкомыслие и самонадеянность, нас губят. В конце-концов Россия, конечно, не пропадет, но мне чувствуется, что предстоит много разочарований и трудных времен.

Сердечно Вам преданный

26-го (июня 1900 г.)

С. Витте.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853—1902)— министр внутренних дел в 1900—1902 гг.

2 Муравьев Михаил Александрович (1845—1900) — министр иностранных дел в 1897—1900 гг., в 1898 г. добился аренды Россией городов Порт-Артур и Дальний и концессии на постройку железной дороги Порт-Артур — Харбин.

3 Ванновский Петр Семенович (1822—1904) военный министр в 1882—1897 гг., член

Государственного Совета (1898).

4 В 1897 г. Германия создала на побережье Китая военно-морскую базу Циндао.

5 Когда писалось письмо, русские войска участвовали в подавлении «Боксерского восстания» в Китае (1899—1901 гг.).

Публикация Л. И. ШОХИНА

Письмо М. В. Катковой к С. Д. Шереметеву

Каткова М. В. Письмо Шереметеву С. Д., 26 сентября 1906 г. / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Л. И. Шохина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 444—446. — [Т.] VI.

Письмо М. В. Катковой к С. Д. Шереметеву

Письмо Марии Владимировны Катковой графу Сергею Дмитриевичу Шереметеву небезынтересно для характеристики П. А. Столыпина во время первой русской революции. Напомним, что Столыпин с 1902 г. был губернатором в Гродно, в 1903—1905 гг. — в Саратове, с 26 апреля 1906 г. — министр внутренних дел, с 8 июля 1906 г. — председатель Совета министров.

Сергей Дмитриевич Шереметев (1844—1918) — известный общественный деятель, ученый-историк и придворный одновременно. Он имел чин обер-егермейстера Императорского Двора и состоял хранящейся в его личном фонде (РГАДА. Ф. 1287), содержится критика Столыпина с консервативных позиций. Шереметев называл его «диктатором», проводившим свою политику, не считаясь с мнениями других, в том числе с Государственным Советом (где Шереметев входил в группу «правых»). Кроме того, в Аткарском уезде Саратовской губернии находилось имение Баланда, принадлежавшее Шереметеву, по поводу которого Шереметев сталкивался со Столыпиным в 1905 г.

Шереметев переписывался со многими выдающимися людьми конца XIX — начала XX в., не исключая известного публициста Михаила Никифоровича Каткова, поддерживал знакомство с его семьей. В архиве сохранилось несколько писем жены сына Каткова, Андрея Михайловича, Шереметеву и черновики его писем к ней. Наибольший интерес представляет публикуемое конфиденциальное письмо от 26 сентября 1906 г. В архиве нет ни инициативного письма Катковой, ни ответного письма Шереметева. Можно лишь догадываться, что речь идет о каком-то подписном листе в поддержку Столыпина, на котором Шереметев отказался подписываться.

М. В. Каткова — С. Д. Шереметеву

Знаменское¹, 26 сентября 1906 г.

Многоуважаемый Сергей Дмитриевич

Простите, что еще не отвечала Вам, но я все еще слаба и легко утомляюсь. У меня была сильнейшая невралгия во всей правой ноге, и она отнялась. Теперь мне, слава Богу, лучше, и я стала кое-как ковылять с помощью палки. Завтра, Бог даст, перееду в Москву. Конечно, я вовсе не сетую на Вас, что Вы не подписались на листе, но мне очень жаль, что Вы судите Столыпина по внешности его действий, т. е. опирающимся на почву «17 октября» якобы. Хорошо ли Вы его знаете? Говорили ли с ним? В прошлом 1905 году, в ноябре месяце я провела с ним более 2-х недель в Саратове, и, конечно, все наши разговоры вертелись на событиях, ужасно горестных нам обоим. Зная Вашу discretion* и уверенная, что это останется между нами, я считаю своим нравственным долгом передать Вам некоторые взгляды Столыпина. Не забудьте, что тогда еще не прошло месяца с «манифеста» и вся Россия пылала и стонала от натиска революционеров. и

не просто мисль с манифестом, а вся жизнь человека и государства, и единственным ответственным человеком всего этого Столыпин считал «Святополка»², он называл его «государственным изменником» и считал начало его измены с 6-го ноября 1904 г. Конституцию он считает невозможной в и для России. Манифест 17-го октября его поверг прямо в отчаяние, но он считал и находит, что раз уже что совершилось, единственно, что может доказать его неосуществимость и непригодность для России, — это скорейшее его проведение в жизнь. Еще осенью прошлого года, когда Думы еще не было и выборов никаких еще не было, он предвидел ее окончание роспуском, он пророчил несколько созывов и несколько роспусков, доколе вся страна не разберется и не поймет, что конституции места нет в России. Он считает, что горький опыт лишь может разбудить самосознание усыпленных умов дурманом «конституции» и воскресить в них истинный дух патриотизма русского. Слишком много упущено и распущено за эти последние 12 лет!³ Столыпин — смелый и сильный человек, в нем истинная любовь к Родине, и для спасения ее и восстановления на путь истины он ни пред чем не остановится, даже перед этим жестоким опытом. Для него священнее всего престиж самодержца, и он его не подведет. Далее Вы пишете, что он не был с Вами «корректен» ни как губернатор, ни как председатель Совета⁴. Пожалуйста, напишите мне, в чем? Тогда, в ноябре, он работал 20 часов в сутки, ел раз в день и был страшно издерган и измучен, ведь при начале погромов зараз в пяти уездах у него было лишь 80 казаков и один резервный батальон пехоты... Все предыдущее лето он предупреждал «петербургское начальство» и еще в июле и позже несколько раз просил об усилении гарнизона и о присылке войск, но ему со всех сторон отказывали. Я видела ответы. Вот меня и мучает, чем он был «некорректен» с Вами? Это, должно быть, недоразумение, он такой рыцарь со всеми. А насчет его брата Саши, да он его за последние двадцать лет почти не видал, не был с ним в постоянной переписке даже, а про его «писание» отзывался не иначе, как: «неудавшийся фейерверк», «бред сумасшедшего», «белены объелся» — и не считает его талантливым. Вот все, что могу сказать — не в защиту Пети, а в объяснение его поступков для Вас одного.

Моя статейка вышла не в «Еженедельнике», а в № 18 «Голоса русского». Прилагаю Вам этот №5 и очень прошу Вас откровенно мне высказать Ваше мнение о ней и Вашу критику. Буду с нетерпением ожидать Ваш ответ в Москве, такой же откровенный, как и первый. А ежели я чего не так сказала, то меня простите великодушно. Крепко жму Вашу руку.

Преданная Марья Каткова.

P. S. Пожалуйста, дайте прочесть мою статью Катерб и Петру⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикуется по автографу. РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 790. Л. 11 — 14. Подчеркнутые автором слова выделяются курсивом.

1 Имение Катковых в Подольском уезде Московской губернии.

2 Святополк-Мирский Петр Дмитриевич (1857 — 1914), князь. В 1902 — 1904 гг. — генерал-губернатор в Вильно, Ковно и Гродно, с августа 1904 г. по 18 января 1905 г. — министр внутренних дел. Его политика вошла в историю под названием «эпоха доверия». Он произвел частичную амнистию, ослабил цензуру, разрешил земские съезды. В ноябре 1904 г. разработал проект включения в Государственный Совет выборных представителей от земств и городских дум.

3 Речь идет о царствовании Императора Николая II. Шереметев считал последним настоящим русским самодержцем Александра III, умершего в 1894 г.

4 5 марта 1905 г. Шереметев просил Столыпина принять управляющего Баландским имением Циммермана, 2 июля 1905 г. просил назначить в Баланду «особого пешего урядника». «Крестьяне обращаются ко мне с настойчивыми требованиями скостить всю арендную плату за

землю, — писал Шереметев Столыпину. — С своей стороны я сообщил управляющему, что готов оказать всякую льготу ввиду неурожаев всякими отсрочками, но чтобы скостить все — считаю несправедливым и неудобным». (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 2998. Л. 135 об., 193 об.)

5 Приложение к письму не сохранилось.

6 Супруга Шереметева — Екатерина Павловна (урожд. Вяземская).

7 Вероятно, имеется в виду сын Шереметева.

Публикация Л. И. ШОХИНА

Справка Департамента полиции о масонах в России

Справка Департамента полиции о масонах в России / Публ. [вступ. ст. и примеч.] В. Е. Корнеева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 446—448. — [Т.] VI.

В начале XX в., разрабатывая и осуществляя широкий комплекс практических мероприятий по борьбе с революционным движением в России, Департамент полиции обратил внимание на оживление в российском обществе масонских идей. В результате в фонде Департамента отложилось значительное количество документов, связанных с масонской проблематикой. В них затрагивался широкий круг вопросов — от зарождения, развития и проникновения масонства в Россию до агентурных разработок конкретных лиц и групп, подозреваемых в участии в масонском движении.

Публикуемая справка, приложенная к докладу Департамента полиции министру внутренних дел о масонах в России, дает представление об исторических изысканиях полицейских чиновников и вместе с тем свидетельствует об их квалификации. Как отмечалось в справке, она была составлена на основе опубликованных материалов и данных, извлеченных из архивов III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В целом документ дает достоверное представление о распространении масонства, его организационных формах и активных деятелях в России.

Текст справки печатается по машинописному подлиннику, хранящемуся в ГАРФ (Ф. 102. О. О. 1905 г. Д. 12. Ч. 2. Прод. VI. Л. 249—251).

Справка-приложение к докладу Департамента полиции министру внутренних дел Н. А. Маклакову¹ о масонах в России

19 марта 1913 г.

«Иллюмениты» в России

До запрещения масонства в России Указом от 1 августа 1822 года и 1826 года² оно существовало в виде разных ритуалов.

1) Ритуала Цинендорфа — Иоаннического, принятого 91 ложей в Германии и находившегося в зависимости от «Великой Ложы Германии» в Берлине,

2) Масонство «иллюменитов» Вейсгаупта³, наиболее известное. Вейсгаупт был профессором в г. Ингольштадте. В 1776 году основал свой орден по системе, принятой у иезуитов, причем с 1780 года наводнил его еврейством. В 1785 году он был задержан полицией, лишен места профессора и предан суду. В 1786—1787 гг. подлинные акты Баварского правительства об «иллюменитах», проникнувших в Россию, были посланы Русскому Императорскому Двору. Официальный

документ Баварского правительства так объясняет цель и правила «иллюменитов-масонов», раскрытых следствием:

1. Уничтожение всех начал спокойного бытия, порядка и законных властей: Государей, дворянства, духовенства в каждой стране и каждого народа;
2. Вся власть к начальникам «иллюменитов», тайные повеления которых должны исполняться беспрекословно, жертвуя честью, имуществом, жизнью;
3. Достижение цели оправдывает средства и благо ордена «иллюменитов», извиняет клеветы, убийства, клятвопреступления, измену, возмущения. Словом, все то, что «предрассудки» называют преступлениями;
4. «Иллюмениты» должны овладеть всеми правительственными местами в стране, замещая их Своими членами. Влиятельное лицо, не согласное с целью «иллюменитов», должно быть покрыто клеветой;
5. Законные правители считаются «иллюменитами» похитителями власти, от которой «иллюмениты» считают себя свободными;
6. Готовность на самоубийство есть необходимая добродетель «иллюменита». «Иллюменит», желающий достигнуть высших должностей, должен быть свободен от всякой религии. Масоны-«иллюмениты», по словам Магницкого⁴, писавшего о них особый доклад Императору Николаю I в 1831 году, хитро создают нужное им положение и общественное мнение с помощью школы, науки, прессы и литературы. Нужное для «иллюменитов» общественное мнение держится на следующих началах: «Долой Бога, да сгинут троны, да здравствует разум и свобода совести». Отклик такого образа мыслей выражается либерализмом, оправдывающим все преступления. Успех «иллюменитов», по словам Магницкого, немало зависит от того, что действуют они по вековому плану «твердо и опытно», а против них поступают «нерешительно» и «без всякого плана». «Отсюда же их необходимое желание внушить юным сердцам стремление к разврату и преступлениям».

Этот самый «иллюменизм» процветал в русском масонстве в XVIII-м столетии под именем «Мартинизм» и «Розенкрейцерство», для которых «мартинизм» служит подготовительной степенью (с. 21 брошюры Ф. Минского «Орден мартинистов»). Тогда в Россию и Польшу было послано из Европы множество миссионеров-«иллюменитов» во главе с агентом Женетом. В Петербурге была основана ложа, членами которой были Елагин, князья Трубецкие, Гагарины, Куракины, Лопухины и Новиков. Новиков переехал в Москву и основал там ложу «мартинистов», завел типографию и начал наводнять Россию масонскими тенденциями. Вскоре он был арестован.

В 1814 году по возвращении Императора Александра I-го из-за границы, последовал наисильнейший прилив «иллюменитов» из Парижа, и они скоро достигли такой силы, что всюду выбирались в дворянские должности, проникли в Синод, Сенат и заняли профессорские кафедры в университетах. Так, например, профессор Грегуар, француз, изгнанный из Франции как царевубийца, был принят Автономией Казанского университета в почетные члены.

Масонство Иоанническое объединялось «Великой Ложей Астреи» в Петербурге, где в 1818 году было 7 лож: «Петра к Истине», «Палестины», «Александра Коронованного Пеликана», «Избранного Михаила», «Соединенных друзей», «Пламенной Звезды», «Орла Российского», в Кронштадте была ложа «Нептуна к Надежде», в Ревеле «Изиды» и «Трех Секир», в Митаве «Трех Коронованных Мечей», в Москве «Александра тройственного спасения», в Полтаве «Любви к истине», в Житомире «Рассеянного мрака», в Киеве «Ложа соединенных славян», в Симбирске «Ключ к добродетели» и в Феодосии «Иордана».

Кроме того, при действующей армии была ложа «Георгия Победоносца».

кроме того, при действующей армии была ложа «Георгия Победоносца».

В состав высших должностных членов этих лож входили:

Граф Василий Мусин-Пушкин, Князь Лобанов-Ростовский, Христиан Гинуэль, Федор Шредер, Густав и Василий Лерхе, Граф Федор Толстой, Петр Гальмерсен, Егор Эллизен, Барон Карл Унгерн-Штернберг, Петр Фок, Павел Пезаровиус, Барон Александр Корф, Федор Шуберт, князья Иван и Павел Гагарины, Князь Петр Трубецкой, Василий Григорович и многие другие, принадлежавшие также к масонству «иллюменитов».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Маклаков Николай Алексеевич (1871—1918), министр внутренних дел в 1913—1915 гг., член Государственного Совета.

2 Имеется в виду рескрипт Александра I «О уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ», данный Управляющему Министерством внутренних дел графу В. П. Кочубею 1 августа 1822 г., и подтверждение его Николаем I в 1826 г. после событий 14 декабря 1825 г.

3 Вейсгаупт Адам (1748—1830), профессор естественного и канонического права в университете г. Ингольштадта (Германия), основатель ордена иллюменитов.

4 Магницкий Михаил Леонтьевич (1778—1855), попечитель Казанского университета, один из главных гонителей масонства. «Всепопданейшие письма» Магницкого Николаю I об «иллюменитах» хранятся в ГАРФ; опубликованы Н. К. Шильдером в журнале «Русская Старина», 1899, № 1—3.

5 Елагин Иван Перфильевич (1725—1793), обер-гофмейстер, сенатор, действительный тайный советник, управляющий Главной дирекцией театров. В 1750 г. открыл ложу, работавшую по английской (елагинской) системе.

Публикация В. Е. КОРНЕЕВА

Школьные сочинения о Первой мировой войне

Школьные сочинения о Первой мировой войне / Публ. [вступ. ст. и примеч.] В. М. Боковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 449—458. — [Т.] VI.

Публикуемые сочинения написаны в декабре 1914 г. учениками двух классов петроградской школы Тименкова-Фролова. Школа была четырехклассной и давала начальное образование и элементарные сведения по бухгалтерии. Различны возраст и подготовка у авторов сочинений: среди них есть и совсем дети, едва владеющие пером, и почти взрослые юноши, пишущие довольно бойко. Не случайна форма большинства сочинений в виде «Письма к другу»: в старой русской школе сочинение на свободную тему имело традиционно и прикладное назначение, вырабатывая у ребенка умение и навык писания писем.

Переживания первых месяцев «Великой войны», о которых так много писали взрослые современники, в полной мере разделялись и детьми. Вместе со всеми они провожали запасных на фронт, участвовали в манифестациях, следили за ходом военных действий, и сочинения — бесхитростные и верные тому свидетельства.

Эта любопытная коллекция находится в собрании этнографа и литературоведа Ивана Спиридоновича Абрамова (1874—?), хранящемся в РГАЛИ (Ф. 1235. Оп. 1. Ед. хр. 194).

Редакция благодарит А. В. Безрукову за фотографии Ливенского полка 1916—1917 гг., любезно предоставленные для иллюстрации материалов о Первой мировой войне.

1

Евгений Полханов

19 июля 1914 года Россия была потрясена тем, что Германия объявила России войну. Россия приняла это объявление спокойно, и народ встал против могущественного врага, как один человек. Узнал я следующим образом. У нас на даче была манифестация. Когда толпа манифестантов пришла на станцию, то один прилично одетый господин держал в руках телеграмму. Скоро у него собралось много народу, и он прочел вслух следующее, что если Россия не кончит мобилизацию, то Германия объявит войну России. После этого воздух огласился криками: «Долой Германию! Да здравствует Россия!» — и манифестация пошла дальше по дороге, крича.

Вскоре я в газетах прочел высочайший манифест, в котором Государь призывал народ соединиться вместе против могущественного врага.

Я часто смотрел, как отправляли солдат на войну. Когда поезд трогался, то поднимался плач, но солдаты смеялись. В вагоны солдатам кидали газеты, спички, папиросы и офицерам цветы. Таким образом я узнал об объявлении войны России Германией.

2

Платонов

О войне я услышал самым обыкновенным образом. 17 июля была объявлена мобилизация. День выдался очень пасмурный. В то время я жил в Ораниенбауме. Когда я вышел на улицу, то меня поразила та перемена, которая произошла в это утро. Народ собирался кучками и толковал о приближающейся войне. Среди дачников возникла тревога, что скоро здешних жителей будут выселять. Произошло (это) потому, что одна семья уехала в Петербург. В городе осматривали лошадей этого уезда, платили деньги, а лошадей отправляли в Петербург. Все переменялось. Произошло это так неожиданно, что подробно описать невозможно. 19 июля я встал рано. Моросил дождик. Я отправился погулять. Придя на вокзал, я увидел там множество офицеров и солдат, которые разгружали поезда, а груз таскали на пароход, который идет в Кронштадт. Дождь пошел сильнее, и я должен был идти домой.

После обеда пришел почтальон, который должен приходить утром, и сказал, что Германия объявила войну России, а потому почта пришла так поздно. Женщины рассказывали разные небылицы, например, что у немцев есть такая машина, которая 44 часа без отдыха стреляет, и наши не знают...

3

Иван Варламов

Что я знаю о войне

Я жил это лето в Старой Деревне. Перед войною была забастовка. Вдруг на 19-е июля Германия объявила России войну. Государь наш тоже объявил Германии войну и велел, чтобы собирались запасные солдаты. Это все происходило скоро, даже негде было солдатам жить, и их помещали в банях, некоторых в училища, так например, в училище Петра I и в некоторые гимназии.

К нам 22-го июля приехал дядя и сказал нам, что его взяли запасным солдатом и что 26 июля он уезжает на войну. Как раз 22-го июля у меня мать была именинница. Вечером дядя попрощался с нами и уехал к себе. Везде в это время на улицах Петрограда шевелился народ. У нас на полях учили солдат устраивать окопы, учились стрелять и т. п. Я каждый день почти ходил смотреть, как они учатся стрелять, как делают окопы, как они разделились на две группы, одна на поле, а другая в лесу, одни изображали русских, а другие немцев и друг с другом сражались, это мне очень понравилось.

Мне удалось быть на вокзале, где отправляли солдат на войну. Жалостно было смотреть, когда отец уезжал на войну, а мать с детьми стоят и плачут. Один раз я видел такой случай. Отец уезжал на войну, а жена его очень плакала, как только дали три звонка, поезд тронулся, а жена его протянула к нему руки и хотела схватиться за дверь, но она сорвалась и упала под колеса, и ее всю раздавило колесами.

Публика в вагоны бросала кто что мог, кто папиросы, спички, кто цветы, фрукты и т. п. Очень скучно было смотреть на эти происшествия.

4

А. Задворнов

Мобилизация

1914 года в самом разгаре летнего сезона в августе месяце в один из прекрасных дней, в ночь нашего престольного праздника, когда все с великим и радостным напряжением дожидались той счастливой минуты, но это не вышло, как думали мы. Печальное известие пробудило среди тихой ночи. К нам пришли и сообщили, что собирают запасных.

Я, проснувшись от сильного шума, слышал рыдание и вопль бедных женщин и крик мужчин. Наутро вместо великой радости, веселого смеха и песен снова слышались рыдания и вопли. Все должны были отправлять мужей, отцов или сыновей. Я не знал, что будет с бедными женами, детьми и дочерьми, они готовы были в истезании рвать на себе одежды, все даже забыли, что такой торжественный праздник. Вместо того, чтобы принимать долгожданных гостей, они должны были сами свести своих милых работников, свести на то место, где должны были расстаться, может быть, навсегда. К вечеру, когда уже все провожавшие вернулись, то сразу было видно, что вся деревня опустела, и даже не стало слышно песен мужчин, а только собирались под окно и разговаривали про своих мужей.

Школьные сочинения о Первой мировой войне. Фотография.

Мне не пришлось посмотреть дальше эту печальную картину, я уехал в Петроград. Когда я приехал в Петроград и пришел домой, то папа мне сказал, что его родного брата взяли на войну, а у мамы троих братьев. Мне не так было жалко маминых братьев, как папиного брата, потому что у него осталось семь человек детей. Покудова он находился в Петрограде и часто приезжал к нам на лошади. Потом он пришел в последний раз и сказал, что он идет завтра в 6 часов вечера. Мы пошли его провожать на Варшавский вокзал, мы его проводили, и с тех пор он нам не шлет писем!!!

5

Николай Ковалев

Дорогой товарищ, Сережа, шлю я тебе письмо, как я живу в деревне. Нам очень хорошо в деревне, но не знаю, как тебе. Мы все время проводим весело, ходим в лес за ягодами и собираем грибы. А иногда я с дедушкой хожу в рыбу, а иногда я один хожу и приношу рыбы, а иногда и паков. Хожу с пелушкой на охоту, и пелушка убивает тетеревей и зайцев. Но вот прихочит

манifestация, что забирают на войну запасных и велели быть готовым. И мы думали, что наш папа тоже забрат на войну. Мы были растроганы и плакали. Но папа не хотел присылать письмо, не хотел нас расстроить, что он взят на войну и что отправлен в Царское Село. Но мы знали, что ево взяли на войну, и мы не вытерпели и на следующий день поехали. Когда мы приехали, то папа был в Царском Селе. Но потом он приезжал к нам на ночь, потом его отправили на войну, и 26-го августа был ранен в голову осколком шаропнели, потом после он был отпущен на поправку на 6 месяцев, и теперь мы живем, как жили раньше.

6

Николай Медведев

Здравствуй, дорогой товарищ.

Когда мы жили на даче, то вдруг смотрим, в газете написано, что Германия объявила войну России. Тогда будто бы что-то случилось, народ уже был не такой веселый, стало как-то скучно. Рядом с нашей дачей была дача № 16, там жил дворник по имени Николай, у его была жена и дети. Жена его была всегда веселая, бывало, посмотришь, а она ходит по дороге да песни поет, а теперь посмотришь — она только плачет. У нас был дворник, его звали тоже Николай. Вот раз приходит урядник и говорит: «завтра в пять часов утра на проверку в Сестрорецк». Наш Николай и говорит: «напоследок выпить надо» — и пошел в Сестрорецк, купил там бутылку вина, принес домой и давай вино пить. На другой день они поехали вдвоем с тем Николаем.

Мы сидели на другой день и обедали, вдруг слышим крики: ура! ура! Мы смотрим — а это наши Николаи поехали в Петроград.

7

Константин Петров

К нам пришла тетя и сказала, что Германия объявила нам войну и что завтра дядю возьмут на войну. На следующий день, когда мы пришли на вокзал, то поезд уже стоял приготовленный. Когда мы пришли, то перед отъездом поезда осталось пятнадцать минут и все пошли на молебен. После молебна мы распрощались с дядей. Когда дядя уехал, то мама увидела нашего знакомого, которого тоже отправляли, но я не мог больше смотреть, как женщины, дети и старички плакали, и я ушел домой.

На следующий день вечером я где-то услышал на улице, что раздается громкое «Ура!!!». Я пошел и вижу, что ходят с манифестацией, даже маленькие дети. Когда мы прошли по всем улицам, то зашли в церковь и попросили у батюшки отслужить молебен. Батюшка отслужил молебен и во время молебна сказал проповедь. Вот первые слова батюшки: «Опять наступило тяжелое время для России. Германия объявила войну».

8

Михаил Петров

Наступила вторая Отечественная война. Никогда русский народ не переживал такого тяжелого времени, как в этот знаменательный 1914 год. Когда Вильгельм своей миллионной армией вступил в пределы нашего Отечества, то каждый русский человек встал на защиту своей родины. Каждый почувствовал себя сыном матушки России.

Вторая Отечественная война началась из-за того, что один сербский подданный убил австрийского наследника и Франц-Иосиф на склоне дряхлых лет задумал объявить войну Сербии. К австрийцам хотела присоединиться и Германия и хотела объявить войну России.

19 июля 1914 года в 10 часов вечера я возвращался с братом из Галерной гавани и ехал в трамвае № 5. Проехавши Николаевский мост, в трамвай вошел офицер и произнес громким голосом: «Германия объявила России войну».

Нас с братом это очень заинтересовало, и мы слезли с трамвая и пошли по Невскому проспекту пешком. Народу было очень много, и на каждом почти шагу стояла толпа народу и все почти разговаривали про политику. Дойдя до «Вечернего Времени», мы с братом остановились и прочитали, что Германия объявила России войну. Домой мы пришли в 11 часу и говорили каждому знакомому, попадая нам навстречу, что Германия объявила России войну.

На следующий день была объявлена манифестация у Казанского собора в 7 час. веч. На эту манифестацию я не поспел, а пошел на другую манифестацию с двумя товарищами, с Борей и Володей. Мы шли по Невскому прос. и ничего не видали. Скоро мы дошли до «Вечернего Времени». Здесь мы остановились и также ничего не видали и хотели идти домой. Не успели мы

сделать 10 шагов, как оттуда вышел сторож и держал в правой руке палку, к которой было прибито полотно, и на одной стороне было написано «Долой Австрию», а на другой — «Да здравствует Сербия». К этой манифестации присоединился и я со своими товарищи. Толпа народа запела российский гимн «Боже, Царя храни». Когда толпа народа дошла до ресторана «Соловьева», то с балкона, который выходит на Невский проспект, один какой-то господин сказал речь. Но я его плохо слышал, так (как) у него голос был осипши, и только слышал, как он сказал: «Братья, до нас доходят слухи, что Белград взят». После его речи народ стал просить музыки, но он ответил, что музыки здесь нет. Не успела толпа народу завернуть на Литейный пр., как в толпу въехал на извозчике молодой офицер и держал в руках портрет Государя. Когда народ увидал его, то запел русский гимн. Когда народ подходил к Царскосельскому вокзалу, то немного не доходя один студент играл с балкона на корнете русский гимн, ему пришлось повторить его три раза.

Дойдя с манифестацией до Царскосельского вокзала, я возвратился домой. Когда я подходил к Николаевскому вокзалу, то я у памятника Александру III встретил другую манифестацию, но ее я прошел. Домой я возвратился в 12 час. ночи. Ночь я спал очень хорошо, так как я очень устал.

27 июля я снова пошел на манифестацию. Здесь, у Зимнего дворца, я видал Государя. Он говорил с балкона, что «я не заключу мир до тех пор, пока ни один неприятельский воин не выйдет из Русской земли».

О войне я особенно ничего не слышал. Везде я слышал, что война будет в пользу России и ее союзников. Слышал я, что много гибло германских крейсеров, как, например, «Магдебург» (крейсер 1-го ранга). Как будто бы он сел на мель и не мог выбраться. Русские, заметив его, пустили по нему огонь, и ему пришлось сдаться. Взяли в плен капитана этого крейсера и много других чинов. Слышал я еще о георгиевском кавалере Козьме Крючкове. Что он налетел на германскую разведку в 22 солдата. Он вступил с ними в бой и стал жестоко сражаться. У него выхватили саблю, но он, не теряясь, выхватил у германского солдата пику и начал сражаться ей. Но вскоре на подоспели и его товарищи и спасли его. Козьма Крючков получил 1 лошадь его получила тоже 11 ран. Награжден он был Георгиев. Через неделю он снова возвратился в бой. Я слышал даже про этого славного героя песню в Петровском коммерческом училище, которая заканчивается словами: «На Дону казак простой, а в бою казак герой».

Вот что я слышал о войне.

Письмо твое я получил, ты пишешь, что твоего брата взяли на войну, жалею, но что ж делать, ведь он пошел на защиту своей родины, пожертвовать своей жизнью за «царя и отечество», и это доброе и святое дело. Моего двоюродного брата Ивана тоже взяли, он был ратник ополчения 2-го разряда. Он на Западноевропейском фронте и сражается с немцами. Был уже в восьми боях, ходил и в штыки, был ранен в левую руку, но теперь уже поправился и опять в бою. Он кланяется тебе и желает успехов в учении. Пишет, что под Варшавой, когда они были около нее, день и ночь летают наши аэропланы и стерегут город от нападения немецких. Немецкие аэропланы и дирижабли посещают Варшаву довольно часто, но большей частью улетают, не причинив никакого вреда. У них была на Рождество елка в окопах и горело 5 штук свечей.

Первые два дня Рождества были только небольшие перестрелки, а на третий пошли занимать неприятельские окопы. По его словам, немцы упорно дерутся и мало сдаются без сопротивления. Попавшие в плен немцы молчаливы и угрюмы, австрийцы же составляют противоположность: они веселы, целыми массами сдаются в плен. Они скоро дружатся с недавними врагами и

забывают злобу, которую таили в себе несколько часов тому назад. Он пишет, что приходится делать очень большие переходы, особенно тяжело было осенью, когда нога вязнет в липкой грязи, холодный ветер пронизывает тебя со всех сторон, а сверху идет мелкий дождь. Удовольствие из средних, впрочем, какого удовольствия можно ожидать на войне?

Мы ему посылали две посылки, из коих дошла только одна, с теплыми вещами и бельем. Он пишет, что уже 3 месяца не были в бане и не переменили белье. Паразитов бездна. Больших морозов еще не ощущалось.

За тем до свидания, пиши больше про своего брата. Остаюсь твой товарищ

10

А. Лисенков

Дорогой товарищ Ваня, как ты поживаешь и как твое здоровье, я, слава Богу, здоров. Ваня, у нас много чего нового, у меня баллы не очень хорошие. Михаил Петровича взяли дезинфектором на войну. Он нам присылает письма каждый день, мы тоже ему посылаем. Ему приходилось даже несколько дней голодать, он писал, что они работают не по своему назначению, что даже приходится следить за чистотой улиц, а если кто скажет, что худо, то прямо отправляют в окопы. Подумай, Ваня, что даже зауряд-чиновников, нет даже и снисходительности. Ваня, знаешь, что даже ему пришлось продать теплую пару белья за рубль с чем-то, и купил на это поесть и несколько открыток. Но (если) посылать туда посылки, то не скоро доходит.

Погода в Петрограде ничего, все снег идет, иногда бывает оттепель. У нас в саду горка есть, катаемся почти каждый день на ней, а на коньках редко когда катаюсь. Дома не особенно весело. Владимиру надо призываться в Старой Руссе 3 февраля 1915 года.

Ваня, напиши, пожалуйста, все ли живы и здоровы, кого взяли у вас на войну? Я еще забыл тебе написать, что я начал заниматься выпиливанием.

Ну, пока, до свиданья, твой товарищ

11

Борис Михненко

Летом 1914 года я жил в Лесном. Когда была забастовка, то 19 июля появился слух, что Австро-Венгрия объявила войну России. Сразу забастовка притихла, и везде стали набирать рекрутов. Я ходил к участку и видел только что набранных мужчин, которые прощались с женщинами. При этих сценах много было пролито слез. У нашего двоюродного брата взяли сына в санитары в обшивку

У них еда была много больше, чем у нашего десертника взяли сына в санитары в больницу Красного Креста. Когда взяли солдат, то Лесной опустел, что я часто замечал на улицах.

О войне я слышал очень много: в газетах писали, что Австрия, ненавидя и хотя уничтожить Сербию, объявила ей войну. Сербия, видя, что ей не справиться с Австрией, просила помощи у России. Австрия, видя, что Россия не откажет в просьбе Сербии, объявила России войну. Перед объявлением войны она, за 12 часов раньше, начала бомбардировать пограничные наши крепости. Германия, союзница Австро-Венгрии, также объявила войну России и взяла пограничные города и места, но потом отступила с большим уроном. Когда русские стали одолевать австрийцев и немцев, то противники склонили к войне Турцию с Россией. У Австрии Россия захватила всю Галицию и очень много пленных. Раненные рассказывали, что они в Сувалках били немца из траншей, потому что, говорили они: «Немец боится русского штыка и не подпускает к рукопашному бою». Немцы подступили и взяли Варшаву, но потом отступили с большим уроном.

Школьные сочинения о Первой мировой войне. Фотография.

Я очень много знаю об наших героях и, между прочим, о Кузьме Крючкове, который убил одиннадцать немцев, сам получил 16 ран и переменил 4 лошади, которые были под ним убиты. Прележав в госпитале две недели, он поступил в передние ряды нашей армии.

12

Александр Николаев

Я услышал о войне 19-го июля, когда мой отец приехал домой, то сказал, что Германия объявила нам войну. Когда Германия объявила нам войну, то каждый день вечером в товарных вагонах возили солдат. Мой брат записался добровольно разведчиком. Он писал нам письма, что дела идут хорошо. Раз он написал, что когда их 19 поехали на разведку, то они наткнулись на германский разъезд, состоящий из 70 человек. Германцы погнались за ними, и под моим братом была убита лошадь, его товарищ посадил на свою и вдвоем усаkali.

Раз в газетах написали, что арестовали германских тайных телефонистов. Командир одной из наших батарей обратил внимание на необычайно быструю пристрелку и верное направление и падение немецких артиллерийских снарядов. Он быстро переменил позицию нашей батареи, едва только батарея приготовилась к стрельбе, как в нее снова полетели немецкие гранаты. Командир сообразил, в чем дело, и направил офицера с несколькими пехотинцами в близстоящую ветряную мельницу. Мельница оказалась пустой, но на самом верху, под верхней крышей, офицер нашел двух немцев, переодетых в крестьянские костюмы. Оба телефониста были арестованы, а офицер, прекрасно владея немецким языком, продолжал сообщать по телефону на германскую батарею указания, куда направлять артиллерийский огонь. До конца боя наш офицер давал германцам направления для стрельбы, и немецкие снаряды массами падали в болото.

13

Г. Малафеев

Дорогой мой товарищ Сережа, шлю я тебе сердечный привет и желаю всего хорошего. Сережа, у нас в Петрограде очень холодно, я хотел узнать, как у вас в деревне, когда будешь писать, то пропиши все, как у вас.

Дорогой товарищ Сережа, у нас в Петрограде очень много учут солдат, они поют песни, и я очень люблю слушать. Сережа, я слышал, что скоро будут очень сильные бои около большой крепости Кракова. Сережа, у нас газеты продают каждый день и очень много пишут, один раз я читал газету, я там нашел, что немцы хотят взять Варшаву. Сережа, я слышал, что у немцев нечего есть, другие говорят, что у них уже берут на войну 10 лет, другие говорят, что у них раньше были каски, а теперь их нет, у них теперь шапки плохие.

Сережа, я учусь в четырехклассном училище, у нас со школы убежало два мальчика. Сережа, писать больше нечего. До свиданья, остаюсь жив и здоров, того и тебе желаю. Твой любезный друг.

14

Н. Воронов

Здравствуй, дорогой Миша, как ты поживаешь? Знаешь ты, что Германия объявила войну? У нас на речке мужик ловил сетями рыбу. Сначала у него шло. Потом закинул он на третий раз и когда стал вытаскивать, было очень тяжело, он кой-как осторожно вытащил. Смотрит, а это была мина. Он не понял и хотел бросить. Но здесь был (городовой), он заметил, что это мина. И сказал: «Не смей бросать, это мина, если ты бросишь, то она взорвет и убьет тебя». Городовой позвал пристава. Пристав скрыл это. Эту мину осторожно положили в ящик и повезли на

ломовике, только не знаю, куда.

Как только объявили войну, я испугался, потому что был далеко от Петрограда. Миша, знаешь, что ведь Коля уехал на войну. Потом прислал письмо мне и пишет: «я пошел на станцию в Петрограде — там отправляли солдат на войну, и я с одним солдатом подружился, и он сказал: поедем на войну. Я обрадовался, сел под лавку, меня он чемоданами закрыл и положил подушку на меня. Близко Варшавы стали смотреть кондуктора, нет ли мальчишек, которые хотят убежать на войну. Они несколько мальчишек нашли, а меня пропустили. Я обрадовался. Когда приехали в Варшаву, на меня надел шинель солдат и я вышел как будто бы солдат, меня не заметили, и я с солдатами поехал на германскую границу. Я побывал на войне и озяб. И заболел лихорадкой. Потом пришел на станцию Варшаву, стал ходить там. Вдруг идет начальник, он арестовал меня и отправил домой. Спросил, где я живу, и посадил на машину. Он послал кондуктора со мной, чтобы я не убежал. Я доехал благополучно. Денег с отца не взяли, и я был очень рад, что не взяли с отца денег».

15

П. Казадаев

Письмо к товарищу

Дорогой мой товарищ Николай.

Люблю я тебя, как солнышко красное. Приходи ко мне, я буду тебя ждать с удовольствием. Мы с тобой будем говорить про войну. Сначала нам объявили войну немцы. Через несколько дней стали громить посольство. Я слышал, что один мальчик 13 лет, Осип, убежал на войну и получил Георгия 4-ой степени. И теперь ранен в ногу.

Приходи, пожалуйста, Николай, приходи ко мне, мы попьем чай и пошли бы гулять на Невский пр. Потом пришли, попили второй раз чаю и пошли домой. Затем до свидания.

16

Е. Федоров

Дорогой товарищ Коля!

Давненько мы с тобой не видались, ну, как ты живешь, что поделяешься? Отчего не напишешь мне подробнее о своей жизни? Коля, что ты делаешь весь день? Я, например, провожу время так: утром (только по средам, четвергам и субботам встаю в 8 часов) иду в школу, кончаю в три часа, побегать, прочитаю газету и делаю уроки. Ты знаешь, что особенно я уроками не занимаюсь

побеждаю, читаю газету и делаю уроки, ты знаешь, что бесспорно я уроками не занимаюсь, как, например, историю, географию я учу в школе, а письменные, русский и бухгалтерию, я делаю дома. Ты знаешь мою память, если я выучу вечером урок, то утром знать ничего не буду, и мама мне велела делать уроки утром, что, конечно, мне удастся лучше. Ну, после школы я занимаюсь чтением книг, слушаю граммофон, поиграю вместе с братом, он на гитаре, я на балалайке, и еще занимаюсь выпилкой из дерева. Ты знаешь, что я получаю журналы, и там прилагаются рисунки для склеивания и выпиливания, ну, я занимаюсь этим делом или покупаю и сортирую марки в альбом. У меня есть марок 657 штук, но в альбом надо что(-то) около полторы тысячи.

Но больше всего я интересуюсь войной! Читаю газету, но люблю слушать, когда старшие рассказывают об войне. Так, один знакомый рассказывает, что Великий князь Николай Николаевич ругается очень нехорошо, но дела против немцев ведет очень хорошо. И я его за это очень люблю, такого полководца у нас не было. Как ты думаешь, чем кончится война? Конечно, я думаю, что русские победят, но ведь иметь такого врага, как Германия, очень опасно, ведь

Германия готовилась к войне 40 лет, у них ведь все как хорошо оборудовано, ведь таких пушек, как у Германии, еще ни у кого нет. Я был в лазарете у нас в Почтовом и на улице Морской, носил им папиросы, бумагу, и солдатики говорили, что наши дела не очень идут хорошо, например, в газетах пишут, что немцы сдаются сотнями, а солдатики говорят, что немец скорее убьет себя, чем сдастся в плен. Ну, что австрийцы, так это верно, они сдаются очень много. А знаешь, что немцы делают, они дают солдатам, конечно, на передовых позициях, консервы и вообще дают самое лучшее, между тем как резервы жуют сухари. Это они делают нарочно, чтобы заманить наших в плен. Ты знаешь, у нас одного знакомого, Матченко, он попал в плен и прислал нам письмо, пишет, что ему живется очень плохо. Австрийцы смеются и есть дают какие-то объедки.

Живу я, слава Богу, хорошо, ни об чем не скучаю, всего у меня есть.

Ну, пока прощай,

пиши, не забывай.

Публикация В. М. БОКОВОЙ

Воспоминания унтер-офицера армейской разведки

Кучеренко И. В. Воспоминания унтер-офицера армейской разведки / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Е. Б. Тимофеевой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 458—466. — [Т.] VI.

Публикуемые воспоминания описывают события, происшедшие во время I Мировой войны на Северо-Западном фронте в сентябре 1914 г. Автор — Иван Васильевич Кучеренко, старший унтер-офицер команды разведчиков 253-го пехотного Перекопского полка, входившего в состав 1-й армии.

Воспоминания записаны в ученической тетрадке с синей обложкой. В конце тетрадки — стихотворение и маленькая пьеса на военные темы, они также публикуются здесь.

Автограф хранится в ГАРФ (Ф. 6281. Оп. 1. Ед. хр. 178). Текст воспоминаний приведен к нормам современного правописания при сохранении некоторых особенностей стиля автора.

Первый день мобилизации

и за 5 месяцев пребывания на войне

и за 3 месяцев пребывания на войне

В деревне все тихо и спокойно, никто не думал, что в скором времени разразится гроза, гроза над всем миром, и что каждому из нас придется оставить на время, а иному и навсегда, свой родной дом, Отца, Мать, а иному жену и детей, и гордо стать с оружием в руках для защиты Царя и Родины.

Но в деревне пока шла работа как и всегда, кто рожь возил со степи, а кто уже успел смолотить, возил зерно для продажи в ближайшее местечко. 17 июля в деревне почалась небывалая суматоха, десятники¹ то и дело бегали со двора в двор, сзывая всех к управе, пришел и я.

«Да в чем дело?» — спрашивали крестьяне друг у друга, но никто ничего не отвечал, ибо никто не знал о случившемся, да откуда могли мы знать, если наше село обхватило, как пожаром.

Вдруг выходит на крыльцо сельский Староста и указал знак рукой замолчать, все утихло, насторочив свои уши, точно желая выслушать речь своего Старосты, который в свою очередь не заставил себя долго ждать и проговорил: «Вот что, ребята! Нашелся враг, который вновь нападает на нашу Матушку Россию, и нашему Батюшке Царю нужна наша помощь, врагом нашим является пока Германия».

«Это немцы, немцы! — разносилось по толпе. — Ах! они окоянные, еще мало им, смотри, какими благами пользовались в России. Где первая земля — все занимают немцы, а еще и воевать вздумали».

«Да оно всегда так, — проговорил чернобородый мужик. — Пусти свинью за стол, то она и лапки положит на стол, так и немцы, тут живет, хлеб-соль у тебя ест, а тебя во всякое время готов утопить в ложке воды».

«Тише! тише! — раздался голос старосты. — Да вот что, ребята, для того чтобы не терять времени со списками, кто чувствует себя здоровым и годится послужить на пользу нашему Отечеству, то все вы должны явиться к 2м часам дня 18го июля в присутствие Уездного Воинского Начальства г. Алешки, и разойдись. Советую захватить 2 пары белья, а остальное все там вам дадут, только скорей, а я побеспокоюсь насчет подвод».

«Не нужно, Иван Васильевич! Мы на своих поедem», — ответила уходящая толпа народа.

Воспоминания унтер-офицера армейской разведки. Фотография.

Все забыли о своих полевых работах, во всех избах горели лампы пред Святыми Угодниками.

Боже мой, сколько слез, пролитых при уходе нас. Моя пятилетняя девочка сидела на руках у меня и прижалась ко мне, говорила: «Тятя! зачем ты уходишь, на кого ты оставляешь нас, кто нам будет зарабатывать деньги и покупать нам хлеб», — и своими тоненькими ручками обхватила мне шею и крепко, крепко прижалась ко мне. Я слышал стук ее младенческого сердца, и своими губками начала целовать мне щеку.

На вопросы ей я ничего не мог ответить и от слез не мог удержаться, лишь ответил: «Деточка, я скоро приеду».

По всей деревне только и слышно прощанья да проклятие несло на немцев.

В это время пришли мои родители. Отец меня благословил крестом, который надел мне на шею, а мать в свою очередь, обливаясь слезами, говорила: «Милый мой сын, идешь ты на смертное дело, да спасут тебя от вражей пули мои материнские слезы».

Я больше ничего не слышал и что делал, не знаю. Сердце как-то сжалось, и я торопился скорей
покажи (чтобы не смущать бабушку и маму)

уехать (чтобы не слышать бабьих рыданий).

Лошади стояли запряжены, жена торопилась и укладывала в корзинку необходимые для меня вещи, но вдруг двери отворились и в избу вошел мой дед, которому отроду было 97 лет.

«Бог помощь, дорогие детки, — проговорил дед кряхтя, садясь около меня рядом. — А что, Иван, уходишь?»

«Да, дедушка! ухожу, пойдем проклятых немцев бить».

«Да... дело неплохое, не мешало бы проклятым идолам поотрубать немного крылья, а то они уж больно широко их распустили». И дед взглянул на девочку, которая все время сидела у меня на руках, перекрестился и что-то шептал.

Жена заявила, все готово, а мама зажгла лампаду, и все мы стали на колени и молились Богу, после чего я оделся и вышел на двор. Мне казалось шуткой, ибо военную службу я любил до смерти. В голове только и было: приеду я в полк, мне опять наденут в Унтера², пойду на войну и во чтобы то ни стало постараюсь заслужить Георгия, я сел на подводу, голос все больше и больше подымался. Я брату велел скорее выезжать, который все время что-то возился около лошадей. Мать и братья сел(и) на подводу, взял за вожжи и тронул лошадей. Мама крикнула вослед: «Сынок, перекрестись!» А жена держала девочку на руках, горько плакала...

Брат погнал лошадей вовсю, и мне стало легче не слыша бабьих рыданий. В Алешках съехалось множество народа. Куда 18 июля приехали и мы. Толпы народа на улицах такие, что трудно было пройти сквозь их. Они носили портрет ГОСУДАРЯ, окрашенный флагами, шум был такой, что трудно было понять, одни пели «Боже, Царя храни», другие кричали: «Да здравствует Русский Царь со своим народом», а третьи кричали: «Долой немцев, смерть!», «Смерть немцам!», «Да здравствует Непобедимая Русская Армия! Ура!»

При разбивке меня назначили в Перекопский полк 8 роту, но когда назначали в команду разведчиков, я стал просить, чтобы меня назначили. Ротный командир не пускал меня в разведчики, но я настаивал на том, что я хочу быть разведчиком, наконец меня зачислили в команду, и я был очень рад, но не долго полк стоял, и нас отправили на позицию на германский фронт, еще стояли мы в Херсоне, я всегда покупал газеты, в которых то и дело писалось о коварстве немцев, как они издеваются над мирными жителями, не щадя даже малолетних детей, коих убивали на глазах их родителей. Меня солдаты слушали, а на лице их можно было заметить, что каждый солдат желал как бы скорей поехать и жестоко наказать варваров за их зверские дела, наконец желанного мы дождались.

Не помню, какого числа мы приехали в М. Олита³, в котором мы простояли ровно 5 суток, приходит вестовой и передал приказание К. р.4 одеваться и скорей строиться. «Одеваться так и одеваться», — с улыбкой ответили солдаты, когда мы вышли из местечка, было уже темно, тучи начали сгущаться и брызгал дождь, а ветер как назло все больше и больше разбирался, переходу было все на 5 час, но при такой погоде трудно было окончить и за 10 часов.

Ветер такой разобрался, что трудно было держаться на ногах, ночь темная, хоть выколи глаз, а дождь лил как с ведра, впереди нас шел обоз, который останавливался через каждые пять-десять шагов.

Мы накинули на себя палатки, но они нас не спасли от дождя, все промокло насквозь и дрожь такая проняла, что зуб на зуб не попадешь, наконец полковник остановил обоз, а нам велел выйти наперед, и мы минули обоз, пошли веселей. Время приближалось к утру, а дождь все лил и лил, вот развиднелось и впереди нас показался густой и высокий лес, поверх которого сиял церковный Крест.

«Да это деревня, что ли?» — отозвался мой товарищ.

«Да, деревня, — ответил я ему, — вот Бог да поможет, дойдем, сейчас же разведем костер и посу(ши)мся». Но не так вышло, как мы думали. Командир полка передал: «Обозы назад! Батальоны влево в цепь», — обозы, один другого перегоняя, шарахнули назад, а мы бегом рассыпались в цепь.

«Ложись!» — команда К. П.5

Мы легли, несмотря что грязь была такая, что ноги не вытянешь, ротные командиры бегом побежали к полковнику. Полковник дал надлежащее распоряжение, мы поротно цепью пошли вперед.

«Что за оказия? — ворчали солдаты. — Неужели проклятый германец уже добрался сюда, видь это Виленская губерня».

«Пушай идет... Капканы скрозь расставлены, и дурной немец улезет, что только ушами ляпнет».

«Да, начальство знает, что делает, нам их не учить», — повторяли солдаты. Впереди нас была речка. Она неглубока и узка, и мы по шею в воде, помогая друг другу, перешли ее и направились в лес. Я не знаю, где девалось три батальона, но 2й батальон остановился в лесу.

Здесь батальонный Командир сказал, нашему батальону дана задача не допустить переправу немцев через реку, и нам необходимо выслать к реке разведчиков. В это время я был при роте, а потому меня первого вызвал К. р.: «Кучеренко!»

«Чиво изволите, В. Б.»6, — и я быстро подбежал к нему.

«Вот что, голубчик, возьми себе товарища и иди вот в таком направлении (и указал мне рукой), сейчас будет река, и ты хорошо рассмотри», — но не успел окончить приказание К. р., как раздался оглушительный выстрел с орудий. Снаряд разорвался над лесом, и осколки посыпались по лесу. Тут же повторился второй и третий, и пошла пальба такая, что нельзя было понять, кто куда стреляет: они на нас, наши батареи на них, коих шрапнели с визгом летали и рвались впереди и сзади нас.

К. р. указал мне рукой идти. Я пошел с товарищем вперед. Когда мы вышли из леса, была открыта поляна, на которой росли лишь маленькие кустарники, мы сбросили вещевой мешок и ползком стали пробираться вперед, вот опять лес, я влез на выс(о)кое дерево, и мне было хорошо видно вся река и что делалось на стороне противника, я видел, как германцы перебежали с лесу в окопы, я начал было их считать, но их так было много, что я бросил считать и лишь смотрел в бинокль, но тут мне пришлось излезть, так противник меня заметил и весь свой огонь перевел по этой опушке леса, в которой находились мы. Мой товарищ сначала было бросился удирать, но я крикнул ему «Ложись!». И он лег. Германец не меньше как 50 снарядов выпустил по нас, но мы остались невредимы и, окончив свое дело, благополучно вернулись к своим, и обо всем замеченном доложил К. р.

Вечером я провел батальон к реке, и мы себе устроили окопы. Ночь прошла спокойно, вот и утро, а все тихо, смотрим: ходит женщина на протии(во)положной стороне, она машет руками и кричит: «Нэма пане. Герман ушел к бесу. Кури, утки забрав».

Мы, не подозревая ничего, вышли с окоп, но тут же раздался залп орудий. Снаряды перелет, второй! недолет, от которого задрожала земля, но благодаря 6 и батарее(е) 64-й дивизии, которая своим огнем заставила замолчать противника. Вот уже вечер, противник вновь открыл пальбу с орудий, но в течение всего дня у нас даже не было раненых.

Я был наблюдателем, мне слышно было, что у противника идет какая-то спешная работа, стук

колес доказывал, что противник что-то подвозит ближе к реке. Я обо всем доложил К. б.7

«Наверно, сегодня противник намеревается начать переправу», — сказал К. б. — А ну-ка, начнем и мы хитрить немцев». И батальонный приказал 10и человекам бросить ружья и амуницию и всюю бежать в лес.

Германец увидал и открыл губительный огонь по отступающим, от которого было четыре легко ранены. Германец был уверен, что мы все удрали, а потому, лишь только стемнело, начал переправу. Я, будучи в разведке, увидел, как немец начал переправу, и в свое время доложил Начальству.

Воспоминания унтер-офицера армейской разведки. Фотография.

Здесь-то мы немца и поймали и такого завдяли ему перцу, что он долго... долго будет помнить ночь 15 сентября и реку Неман.

На следующий день мы переправились через реку, но германцев и след простыл, мы увидели женщину, которая вчера кричала нам, на вопросы она отвечала: «Немцы меня силом и под угрозой смерти заставляли кричать и обманывать вас».

Немцы ушли, лишь оставили следы крови да могилы, в которых, по рассказам местных жителей, немцы хоронили по несколько десятков солдат своих в одну яму.

Нам дали обед, после которого пошли догонять немцев. Везде валялись лошади да мертвые германские солдаты, которых они не успели похор(он)ить. В одном месте лежало много убитых германцев, коих подбирали наши санитары. Я спросил: «Много уже подобрали?» — «320 человек уже похоронили», — ответили санитары. — «Триста... двадцать... человек...», — подумал я и посмотрел в сторону, где еще лежало приблизительно человек еще 300.

Минули Сувалки и остановились в какой-то деревушке, вот стемнело, стал брызгать дождь, а тут тревога, за 5 минут полк построен, священник подошел и, осенив нас крестом, проговорил: «Да поможет вам сам Господь».

Мы пошли, куда? Никто не знал, солдаты меж собой шутили: «Эх! попадись окоянный немец. Раздушу, как мышонка!» — проговорил оди(н) из самых здоровенных солдат.

Недолго мы шли, и рассыпались в цепи, и цепью начали продвигаться вперед и вперед, наша артиллерия стреляла перекидным огнем. Вот пошла и оружейная стрельба, а также затарахтели пулеметы, а мы перебежками все вперед и вперед. Бой разыгрался не на шутку, стрельба всех родов оружия, команда ротных Командир, крики санитаров, стоны раненых, все это сливалось в один гул, от порохового дыма образовался нечто туман. Картина была ужасная. Наконец вот и окопы германцев. Ротный Командир выскочил вперед, выхватив свою шашку, видно, Герой хотел крикнуть: «За мной вперед, ура!», — но был сраженный вражей пулей. Такая участь постигла и К. б., а полуротный был ранен, и мы остались без вождя.

Но в нас такая была злоба на немцев, что мы сами с криком «Ура!» пошли в штыки и много перекололи немцев, а остальных 69 человек забрали в плен.

Настала полная тишина, лишь кое-где слышны были стоны раненых. Я начал искать тело любимого К. р. Штб. Кап.8 Николая Ваймана. Смотрю, лежит раненый солдат весь (в) грязи. «Во что раненый?» — спросил я его. «В обе ноги, — ответил солдат, — помоги ради креста добраться мне на перевязочный пункт». «Да не бро(шу) тебя, товарищ», — и я лег, а ему велел взбираться мне на спину. Он взобрался, я начал подыматься, но он такой был тяжелый, что сколько я не кряхтел, но поднять не мог. Несчастный смотрит, что дела не будет, и засмеялся: «Нет, товарищ, ты меня не донесешь». Он сел опять на землю, а я весь истекаю потом, побежал искать санитаров, которым указал, где лежит моя ноша, а санитары пошли и подобрали Героя.

Тело Командира также подобрали. Остальная часть ночи прошла спокойно, приближалось утро, кохны подвезли нам ужин, но лишь стало разведнеться, мы опять пошли в наступление, но лишь успели мы пройти несколько сот шагов, как загремели неприятельские батареи. Тут начали палить и наши, пулеметы, как тенер, запели песню, помогая ревущему басу.

Бой был ужасным и продолжался целый день. Пули и шрапнели летали и рвались над нашими головами, земля дрожала. Клубы дыма густой струей подымались вверх от горящих домов. Казалось, что это уже Конец света, но мы все вперед и вперед.

Стало темно, вот и стрельба прекратилась, лишь обломки подгоревших домов трещат и с грохотом падали на землю. Мы пошли веселей, вот и окопы немцев, но немцев и след простыл, оставив раненых и убитых, а остальные ушли. Мы стали их догонять и гнались ровно 45 верст, перешли границу, началась Германия, а немцы все удирают и удирают, наконец остановились. И мы выкопали себе ноч(ью) окопы, в которых не выходя просидели ровно 15 суток. Как только развиднелось, то мы увидали впереди себя (шагов в 400) германские окопы.

«Отвечайте! Как К. р.! Здорово, немчуры!» — шутя, кричали мы немцам, которые выглядывали с своих окопов.

Стрельба шла без перерыва, а иногда совершенно утихала, все бы ничего, только пища была всегда холодная, более часто нам выдавали по ? фунта сала, в сушки, которого в нас образовался целый караван. И мы с товарищем придумали хорошую выдумку, пошли вечером, нашли себе жестяную кострюлю, продолбали в дне несколько дырок, назбирали около горелых домов перегорелого угля и (в) окопе развели огонь. Дыма нет, а жар мы (...), и таким образом мы с товарищем жили все 15 суток припеваючи.

Воспоминания унтер-офицера армейской разведки. Фотография.

Чай у нас есть, сало жарим, раз достали картошки и заделовали котлеты и что только нам было угодно. Солдаты этой смо(л)янкой были недовольны. Шутя, между собой говорили. Остановка за яйцами, а то и цыпят бы можно расплодить. Дурно сидим, а все-таки была польза. К чемайдамам⁹ мы привыкли и не обращали на них внимания, ибо немец их пустил не меньше как 300 штук в каждый день, и если подвести итог выпущенных число чемаданов за все 15 суток, то получится 4500 снарядов, которыми даже не ранил ни одного солдата. Бывало, как летит снаряд, то смеялись и говорили мы: «Вот! Дурной немец. Шлет нам гостинец, который попадает в пустую бочку».

Наконец мы, оставив свои окопы, перешли в наступление.

Немцы, увидав наше приближение, начали удирать, лишь оставив одну роту, которую мы сомняли, как Кошка Мышку, а за остальными по их пятам гнались ровно три дня, лишь остановило нас заранее приготовленное ими проволоочное загрождение, около которого мы стояли ровно 2 месяца. Здесь мы подкопались сапами¹⁰ под проволоку, бой у нас шел лишь ручными бомбами и ружейным огнем, ибо расстояние между нами было самое большее 50 шагов. Один раз мы, прорезав проволоку, перебрались на их сторону. Часовые нас увидели и пустились удирать, мы за ними.

Мой товарищ кричит удирающему немцу: «Гальт! Гальт!»

Но немец удирал вовсю. Мы открыли стрельбу и убили немца, сорвав с него погоны, и возвратились к своим.

Но 28 января меня ранело в штыковом бою, и я сейчас лежу в Госпитале в Спиридоновской Богодельне г. Москве¹¹. Чисто одевают меня и хорошо кормят. Сестры милосердия заботятся и

беспокоются о нас, как о своих детях, а доктора посещают нас в день несколько раз.

За удачн(ую) разведку на реке Неман я награжден Георгием 4 ст.

Стар. Ун. Оф. Команды разведчиков 253 Пех. Перекопского полка

Иван Васильев Кучеренко.

Вильгельм и Варшава

Дибро тому, кто бачыв

Варшаву,

в ней все можно

достать, що тобі тильки

пиднараву.

Полячки там красыви,

и беседы часто бувають,

тільки и горо, що видтиль

нимцив выганяють.

Я сцики раз хотив

подывыца,

а воны вси на мене яко глянуть,

то мини нигде и

схороница,

а теперь не знаю, ща

Вам и сказать,

бо мини уже крила общипала,

не можно ей литать.

А хочица, дуже хочица

на Варшаву подывыца,

та боюсь, колы б не пришлось

пьяному напица.

Оно, бачыте, яки добри

моды Русски,

ны таки, як наши Прусски,

воны як зачнут уже

гулять

та наливать,

то абы вспив ты выпывать.

Вильгельм и Султан¹²

Вильгельм.

Как Ваше? Что Вы

такой бледный?

Султан.

Видите, приятель, мое здоровье

плохое. А чувствую себя

совершенно бессильным.

А в желудке что-то буровит,

и мне сейчас так стало чувствительно, что, наверно,

придется оставить

столицу и уехать для

(нрзб.) лечения внутрь

своей страны.

В.

О милый. Ваше здоровье

плохое и болезнь, которая

мучает Вас, очень опасна,

я бы Вам советовал обратиться

к медицинской помочи.

С.

А почему Вы знаете,

что моя болезнь опасна.

В.

Да я страдаю также,
и болезнь у нас почти одинакова.

С.

А чем Вы лечитесь?

В. При появлении этой мучительной болезни я сейчас же еду в (В)Аршаву,
где мне прин(е)сут компресс,
и я сейчас же и возвращаюсь.

С.

Ну что-же, Вам лучше после компресса?

В.

Конечно, мне сейчас же и полегчает.

С.

Что же, милый, я так ослаб,
что ехать не могу в Россию,
а у себя таких специалистов
не имею.

В.

Не надо Вам ехать, Вам
стоит только написать
рецепт в Россию, а оттуда с удовольствием
вышлют в самой Константинополь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Десятник — заведующий десятком изб или приближения людей, старший артельщик.

2 Унтер-офицер — первый военный чин после звания рядового или ефрейтора.

3 Малая Олита — город в Виленской губернии (современное название — Алитус).

4 Здесь и далее: командир роты.

5 Здесь и далее: командир полка.

6 Ваше благородие.

7 Здесь и далее: командир батальона.

8 Штабс-капитан.

9 Имеется в виду разновидность снарядов.

10 Сапа — ров, траншея, применявшийся при осаде крепостей для постепенного под огнем противника к его укреплениям.

11 Спиридоновская богадельня находилась на С.-Петербургском шоссе, названа по фамилии попечительницы Веры Богдановны Спиридоновой.

12 Турция вступила в I Мировую войну 16(29).10.1914 на стороне германского блока. В декабре 1914-го — январе 1915 г. турецкая армия потерпела поражение от русских войск в Закавказье.

Публикация Е. Б. ТИМОФЕЕВОЙ

Письма из немецкого плена

Письма из немецкого плена / Публ. [и вступ. ст.] М. В. Миловской // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 467—471. — Из содерж.: Миловский М. Н. Письма Миловской К. Д., 1915—1917 гг. — С. 468—471. — [Т.] VI.

Михаил Николаевич Мидовский (1894—1932), сын преподавателя I Московской классической гимназии Н. М. Мидовского, воспитанный в русских традициях, осенью 1914 г. ушел добровольцем на фронт. В феврале 1915 г. во время наступления под г. Торнау был ранен и взят в плен. Михаил Николаевич содержался в немецком лагере близ Виттенберга, а после неудачного побега в 1916 г. — в Вербене (филиал лагеря Гарделеген) до освобождения в 1918 г.

Публикуемые письма Миловского относятся к 1915—1917 гг. и адресованы свояченице Ксении Дмитриевне Мидовской (урожденной Ромашковой) (1894 г. р.)*. Они интересны тем, что являются подлинным документом времен I мировой войны.

В этих коротких письмах, написанных на открытках, посылаемых редко (военнопленным разрешалось писать на родину лишь только два раза в месяц), просматриваемых немецкой и русской цензурой, интересен «эзопов» язык, которым вынуждены были пользоваться, по-видимому, обе стороны. Так, например, о жизни в лагере Мидовский пишет: «Мясникова не встречал», — т. е. ни разу мяса не давали, или: «Сытов навещает меня... редко», — т. е. редко бывает сыт, и т. д. О своем побеге Михаил Николаевич сообщает так: «...я писал относительно «Мцыри». Попытка последовать его примеру кончилась... неудачно».

Почти во всех открытках — благодарность за письма, о ценности которых в плену пишет сам Миловский: «Надо испытать все пережитое мной, тогда будет понятно, что значат письма с родины».

Сохранившиеся в семейном архиве Ксении Дмитриевны письма-открытки Михаила Николаевича (к сожалению, только 12) — свидетельство чистых и благородных отношений.

М. Н. Миловский — К. Д. Миловской

18/IV ст. ст. (1915) Вы правы, Ксения, хороши только иллюзии в связи со стремлением к скорому осуществлению. Когда же ясна фиктивность их — они тяготят. Моя теперешняя мертвая жизнь — в то же время богатая жизнь духа. Надо надеяться. Это необходимая принадлежность. Так хотел бы поделиться своими мыслями с кем-нибудь, облегчить грудь, но... душу можно ль рассказать? И незачем... Может быть смешно. Просто непонятно может быть!

Но я не раскисаюсь последнее время. Это непостижимо. Хочу победить и себя и условия. Всего хорошего. Благодарю за письма. Михаил.

23 мая ст. ст. (1915) Благодарю Вас, Ксения Дмитриевна, за письма и книги. Книги весьма интересные, особенно «Бюллетени литера(туры) и жизни». Ваш выбор очень удачен. Вы пишете, чтобы я больше писал. Да что писать! Так все однотонно и пошло. Знаете, как осенний день. Кругом тучи, ни малейшего просвета не видно. Всего хорошего. Привет супругу. Очень приятно, что помните меня. Михаил.

7 февр(аля) н. с. (1916) Дорогая Ксения Дмитриевна!

Вы не ошиблись. Благодарю Вас. Надо испытать все пережитое мной, тогда будет понятно, что значат письма с родины. Неужели супружеское счастье не мешает Вам вспомнить меня!? Как это мило! Я, ничего... здоров... Бодрюсь. Труд спасает меня. Имею маленькую просьбу к Вам и брату. Вы, наверное, снимались с мужем? Да? Так вот, если мама будет посылать мне посылку, вложите туда карточку. Заранее благодарю и желаю всяческих благ. Привет всем! Михаил.

8/21 февр(аля) 1916. Дорогая Ксения Дмитриевна! Вчера получил от Вас и брата несколько коллективных писем. Благодарю Вас. Радуюсь успехам Вашего новогоднего спектакля и удачному Вашему выступлению в роли капельмейстера. Что новенького вообще?.. и в области литературы и искусства в частности? Ужасно соскучился по всему красивому. Ведь видим только голые стены да оборванных пленных. А сегодня ровно год, как я в плену. Великая годовщина, нечего сказать! Тошно становится. В общем здоров и бодр. Всем приветы. М.

24/II ст. ст. 1916. Сердечно благодарю Вас за письма. Вчера получил от Вас и брата коллективное письмо. Радуюсь Вашему семейному счастью. Как Ваши успехи на машинке? Мои дела погано. А успехи в науках ничего, подвигаются вперед. В общем все старое, конечно. Единственное развлечение — письма с родины. Ну, всего хорошего! Желаю всего, всего наилучшего. Привет мужу. Ваш благодарный и признательный Михаил Миловский.

25/IV (1916) Благодарю Вас за интересный выбор книг. Особенно интересны «Бюллетени лит(ературы) и жизни». Я теперь вообще с жадностью ловлю каждую новость из искусства и литературы. Набрасываюсь на каждую печатную русскую страницу. Боже! Как я теперь люблю книгу. Она мешает погрузиться окончательно в это болото, которое, я чувствую, неумолимо, но верно затягивает меня. Но какие надо силы!.. чтобы выкарабкаться... Пишите. Ваш Михаил.

22/VI (1916) Дорогая Кс(ения) Дм(итриевна), на днях получил Ваше письмо от 13/V. Не бойтесь, что мелко пишете: письма благополучно доходят. Вы справляетесь о моих знакомых? Благодарю. С Мясниковым я не виделся с самого взятия в плен. Филиппова и Веселова тоже давно не видел. Даже Сытов навещает меня очень, очень редко. Только когда получаю посылку. В моей однообразной жизни был перерыв. Жил 3 недели, как Мцыри по выходе из монастыря. Теперь все по-старому снова. Получил еще 3 книжки «Бюллетеней». Наверно, это Вы послали. Благодарю Вас. Засим желаю всяких благ. Привет супругу. Михаил.

6/VII (1916) № 21. Я очень благодарен Вам, Ксения Дмитр(иевна), за Ваши письма*. Вы так интересно, увлекательно пишете! Вот хотя бы сегодняшнее от 22/V. Прекрасно понимаю Вас. Вообще заметил в Ваших письмах смену двух настроений: светлорадостной любви к жизни и какого-то горького разочарования перед ее стихийной неустроенностью. Не правда ли? Вы богаче меня в этом отношении: у меня осталось только разочарование. Последняя надежда рухнула, как я уже писал Вам. Всего хорошего. Привет супругу. Михаил.

10/23 августа (1916) № 12. Получил на днях Ваше письмо. За которое, конечно, очень благодарен. Что это Вы там путали насчет Мечникова? Ведь, кажется, теория анабиоза принадлежит проф(ессору) Бахметьеву! Ну, извините! Это неважно. Получили ли Вы мое письмо, где я писал относительно «Мцыри». Попытка последовать его примеру кончилась, как видите, неудачно. Теперь еще тяжело себя чувствую. Думы одолевают. Все противно до

отвращения. Прощайте! Михаил.

15 июля н. с. 1917. Очень благодарен Вам за письма. Вы пишете, что теперь редко приходится писать, т. к. нет открыток. Можно посылать закрытые письма. Я получил от мамы недавно 3 закрытых письма (через Стокгольм) и сам нередко посылал Вам: не знаю, дошли ли они. Посылок я не получал очень давно. Скука достигла апогея. Состояние духа очень угнетенное. Вам трудно представить, как тяжело жить. Получили ли Вы мои стихи? Шлю всем сердечный привет и благодарность за письма. Всего хорошего. Вчера нас перевели в другую кампанию. Михаил.

1 августа н. с. 1917. Дорогая Ксения Дмитриевна! Вот уже больше месяца прошло, как я тщетно каждый день с возрастающим нетерпением жду от кого-нибудь письма. Их все нет и нет. Объясняю я это несовершенством почтовых порядков. Во всяком случае отсутствие писем действует угнетающим образом. Лень ужасная охватывает меня сейчас. Целыми днями лежу на койке и читаю книгу или газету. Последнюю выписываю лично. В моей жизни все по-старому. Сегодня, между прочим, получил деньги (не откажитесь передать папе мою благодарность)! Желаю Вам всего хорошего. Привет супругу. Мих(аил) Миловский.

10 августа н. с. 1917. № 2. Ксения Дмитриевна! С 3го августа нахожусь в новом лагере «Werben». Он не самостоятельный, как другие лагеря (потому, что мал по размерам), и относится к лаг(ерю) Гарделеген. Здесь нет никаких организаций, ни комитета, ни библиотеки, но, по-видимому, все это организуется впоследствии. Теперь опять придется ждать немало времени, пока наладятся письма и посылки. Чувствую себя очень тяжело. Все опять нет никакой надежды на скорое возвращение. Газету получаю и здесь. Писем не получал очень, давно. Пишите чаще. Ваш Михаил.

Публикация М. В. МИЛОВСКОЙ

Том VI) Из дневника графа С. Д. Шереметева. 1917 г.

Ксения Александровна, вел. кн. Письмо Шереметеву С.Д., 7 октября 1917 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 488. — [Т.] VI.

Великая Княгиня Ксения Александровна —

С. Д. Шереметеву

7 окт(ября 1917 г.)

Дорогой граф Сергей Дмитриевич

Сегодня Феликс Ю(супов) едет в Москву, и я пользуюсь случаем, чтобы Вам написать. Все, что Вы пишете, нас глубоко тронуло, и мама и я Вас от души благодарим за Ваши письма. Она Вам напишет с следующим случаем.

Ее здоровье лучше, но она очень медленно поправляется, и хотя кашель прошел, хрипоты больше нет и ухо поправилось, силы не возвращаются. Но доктор доволен сердцем. Она пока еще не выезжает, но сидит на балконе. Погода чудная, летняя, к сожалению, сегодня стало холодно и дует сильный NW. Трудно поправляться в такое тяжелое время, когда душа в вечной тревоге за близких, за бедную Россию, и приходится все это видеть и переносить, не имея возможности помочь...

Сил нет видеть, куда толкают бедную, истерзанную Россию и как все гибнет, и все, чем она гордилась, поругано, втоптанно в грязь. А войска? Что сделали с нашей несравненной армией эти

изверги, как ее развратили и отравили — разве не понадобятся года, чтобы ее снова привести в порядок? Так все больно и горько! Понимаю, в каком настроении и состоянии Вы должны быть и как Вы должны страдать. Но мы все страдаем теми же страданиями и понимаем и сочувствуем друг другу.

Когда началась корниловская история², нас окончательно заперли в Ай-Модоре, никто не имел права выезжать и к нам никого не впускали. Это продолжалось недели три, но в таком положении мы находились уже несколько раз, так что мы к этому привыкли и ничему больше не удивляемся! Из милости правительство прислало сюда комиссара (специально для мамы) для посредничества между им (правит(ельством)) и Севастоп(ольским) комитетом (собач(ьих) депутат(атов)), в руках которого мы фактически находимся уже 5 месяцев!

Из Тобольска мы получаем изредка письма, и на днях мама получила письмо (по почте) от Ники³. Можете себе представить, как это ее взволновало, и после этого она несколько дней не могла прийти в себя и нервы совсем разошлись. Хочется верить, что еще не все пропало, что когда-нибудь наша бедная Россия снова оправится и будет тем, чем была, но какой ценой?! Вот что страшно.

От всей души желаю Вам и графине здоровья и очень огорчаюсь, что она больна⁴. Какое горе и какой ужас — убийство бедного Бориса Вяземского. Бедная Лили, сердце обливается кровью при мысли о ней. Примите и передайте, пожалуйста, мой сердечный привет и также всем Вашим детям. Радуюсь, что Павел⁵ поправился, очень ему кланяюсь.

Душевно Вас любящая Ксения⁶.

Адрес: Его Сиятельству Графу С. Д. Шереметеву. Воздвиженка, 8.

Шохин Л. И. Примечания: Из дневника графа С. Д. Шереметева, 1917 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 491—492. — [Т.] VI.

¹ Коковцев Владимир Николаевич (1853—1943), министр финансов в 1904—1914 гг., председатель Совета министров с сентября 1911 г. по январь 1914 г., с 30 января 1914 г. в отставке, член Государственного Совета с 1905 г., граф с 1914 г., с 1918 г. в эмиграции. Шереметев приветствовал назначение В. Н. Коковцева главой правительства после П. А. Столыпина, которого считал опасным для государства.

² Верховный Главнокомандующий генерал Л. Г. Корнилов 25 августа (7 сентября) 1917 г. двинул войска на Петроград, чтобы подавить волнения.

³ Николай II (1868—1918), Император Всероссийский до отречения 2 марта 1917 г., сын Императрицы Марии Федоровны.

⁴ Шереметева (урожденная Вяземская) Екатерина Павловна (1849—1929), графиня, жена С. Д. Шереметева.

⁵ Шереметев Павел Сергеевич (1887—1943) сын С. Д. Шереметева, член Государственного Совета.

⁶ Ксения Александровна (1875—1960), Вел. Кн., дочь Императора Александра III. После Февральской революции 1917 г. проживала вместе с матерью, вдовствующей Императрицей Марией Федоровной в имении Ай-Модор в Крыму.

⁷ Московская казенная палата в отдельном доме на Воздвиженке.

⁸ Керенский Александр Федорович (1881—1970), председатель Временного правительства с

8(21) июля 1917 г., Верховный Главнокомандующий с 30 августа (12 сентября) 1917 г., с 1918 г. в эмиграции. Шереметеву было непонятно столкновение между членами социалистических партий, которые для него все на одно лицо. Видимо, Керенский был ему и внешне неприятен, Шереметев предпочитал бороду по моде Александра III.

9 Экономическое общество офицеров Московского военного округа в отдельном доме на Воздвиженке.

10 Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918), генерал от инфантерии, Верховный Главнокомандующий с марта до 21 мая (3 июня) 1917 г., начальник Штаба Верховного Главнокомандующего с 30 августа (12 сентября) по 10(23) сентября 1917 г., прибыл на Дон в ноябре 1917 г. для организации Добровольческой армии вместе с Л. Г. Корниловым и А. И. Деникиным.

11 Брусилов Алексей Алексеевич (1853—1926), генерал от кавалерии, Верховный Главнокомандующий с 22 мая до 18(31) июля 1917 г., затем — в отставке, с 1920 г. в Красной армии.

12 Барон де Бай, гость из Франции, друг Шереметева.

13 Гудович Александр Васильевич (1868—1918), зять Шереметева, кутаисский губернатор до марта 1917 г.

14 Графиня Сольская, петроградская соседка Шереметева, проживавшая рядом с его особняком на Фонтанке.

15 Николаева, секретарь Шереметева.

16 Рейхардт, управляющий хозяйством Шереметева.

17 Уличный комитет самоуправления.

18 «Московское осадное сидение» в Смутное время, при царе Василии Шуйском — цитата из подлинных документов XVII в.

19 По-видимому, имеется в виду контора по управлению хозяйством Шереметева.

20 Рябцев Константин Иванович (1879—1919), полковник, правый эсер, начальник штаба Московского военного округа с 21 июля (9 августа) 1917 г., командующий войсками округа с 2(15) сентября до 2(15) ноября 1917 г., смещен с должности Военно-революционным комитетом, расстрелян деникинцами за то, что отдал Москву большевикам.

21 Верховский Александр Иванович (1886—1941), полковник, командующий войсками Московского военного округа с 3(16) июля по 2(15) сентября 1917 г., выступил против корниловщины вместе со своим начальником штаба Рябцевым, с 3(16) сентября — генерал-майор, военный министр Временного правительства до 20 октября (3 ноября) 1917 г., впоследствии служил в Красной армии.

22 Гудович Марья Сергеевна (1880—?) дочь Шереметева, жена Александра Васильевича Гудовича.

23 Основная библиотека Шереметева находилась в его подмосковном имении Михайловское.

24 Выражение из старинных документов: такой-то с товарищи, т. е. с шайкой.

Публикация Л. И. ШОХИНА

Шохин Л. И. Вступительная статья: Из дневника графа С.Д. Шереметева, 1917 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 487. — [Т.] VI.

Сергей Дмитриевич Шереметев (1844—1918) вел дневник почти всю жизнь. Его записи лаконичны, похожи на хронику, на основе которой он мог бы впоследствии писать воспоминания. Наиболее насыщена информацией последняя часть дневника за 1917 г. Шереметев подклеивал в дневник важнейшие письма, писал там черновики собственных посланий. Для автора это была рабочая тетрадь, постоянно находившаяся под руками. В то же время, будучи историком и издателем, Шереметев относился к дневнику как к источнику сведений, которым воспользуются будущие исследователи.

В настоящее время дневник хранится в фонде Шереметевых в РГАДА.

При публикации сохраняются многоточия. Подчеркнутые автором слова выделяются курсивом.

Даты даны по старому стилю.

Формулярный список А. С. Ермолова

Формулярный список действительного тайного советника, члена государственного совета А. С. Ермолова / Публ. Н. А. Малеванова, А. Н. Дорошенко // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 495—508. — [Т.] VI.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК

I. Чин, имя, отчество, фамилия, должность, лета отроду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание.

Статс-Секретарь, Действительный Тайный Советник Алексей Сергеевич ЕРМОЛОВ, член Государственного Совета, Попечитель ИМПЕРАТОРСКОГО Александровского Лицея.

Родился 12 ноября 1847 г., вероисповедания православного.

Кавалер орденов: Российских: Св. Владимира 1-й и 2-й ст., Св. Александра Невского с бриллиантовыми украшениями, Белого Орла, Св. Анны 1-й ст. и Св. Станислава 1-й ст.

Иностранных: Французских — Почетного Легиона Большого Креста, Командорского Креста и «*Mérite Agricole*» Офицерского креста; Бухарских — Искандер-и-Салис с бриллиантами и Таджикской Короны, драгоценными камнями украшенного; Шведского — Вазы Большого Креста; Прусского — Красного Орла I ст.; Итальянского — Св. Маврикия и Лазаря Большого Креста; Румынской Короны Большого Креста; Болгарского — Св. Александра I ст.; Датского — Данеброга Большого Креста; Японского — Восходящего Солнца I ст. и Персидского — Льва и Солнца I класса, украшенного бриллиантами.

Имеет медали: серебряные в память царствования ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III и в память Священного Коронования ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II-го, темнобронзовую за труды по первой всеобщей переписи населения Империи 1897 г. и светлобронзовую нагрудную медаль в память 300-летия Царствования Дома Романовых;

знаки: Красного Креста, Попечительства ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ о слепых, в память окончания градусного измерения на острове Шпицберген, нагрудный знак, ВЫСОЧАЙШЕ учрежденный для лиц, приносивших ИХ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВАМ личные верноподданнические поздравления по случаю 300-летия

Царствования Дома РОМАНОВЫХ в дни юбилейных торжеств, и за окончание курса в Лицее.

Содержание получает по 18 000 р. в год.

II. Из какого звания происходит.

Из дворян.

III. Есть ли имение: У него самого и у родителей.

Родовое.

Воронежской губ., Бобровского уезда, 1248 десятин земли.

IV. Есть ли имение: У него самого и у родителей.

Благоприобретенное.

Рязанской губ., Ряжского уезда, 1325 десятин земли. Дом в г. Сочи,

Черноморской губ.

V — VI. Есть ли имение: У жены, если женат.

Родовое, благоприобретенное.

Нет.

VII — IX. Где получил воспитание и окончил ли полный курс наук в учебном заведении; когда вступил в службу; какими чинами, в каких должностях и где проходил оную; не было ли каких особых по службе действий или отличий; не был ли особенно чем-либо награждаем, кроме чинов. Годы, месяцы и числа.

По окончании курса наук в ИМПЕРАТОРСКОМ Александровском Лицее с золотой медалью, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению утвержден в чине IX-го класса. 1866, Декабря 3.

Приказом Министра Государственных Имуществ от 16 октября 1867 г., за № 35, причислен к Министерству. 1867, Октября 16.

Указом Правительствующего Сената от 25 ноября 1870 г., за № 10 366, произведен, за выслугу лет, в Коллежские Ассессоры, со старшинством — с 1870, Октября 16.

Прикомандирован для занятий к Сельскохозяйственному Музею Министерства. 1871, Ноября 24.

По окончании курса наук в С.-Петербургском Земледельческом Институте Советом Института, в заседании 7-го июня 1871 г., удостоен ученой степени кандидата сельского хозяйства, в чем и выдан ему диплом, за № 1152. 1871, Декабря 11.

Приказом по Министерству финансов:

1) от 3 апреля 1872 г., за № 6, перемещен в Департамент Неокладных Сборов Чиновником Особых Поручений VI кл. при Министре — с 1872, Марта 8 и 2) от 9 октября 1872 г., за № 13, назначен Младшим Ревизором Департамента Неокладных Сборов — с 1872, Августа 16.

Указом Правительствующего Сената от 1 апреля 1875 г., за № 1020, произведен, за выслугу лет, в Надворные Советники, со старшинством — с 1874, Октября 16.

Приказом по Министерству финансов от 20 июля 1876 г., за № 8, назначен Старшим Ревизором Департамента Неокладных Сборов — с 1876, Марта 1.

Избран Действительным Членом ИМПЕРАТОРСКОГО Русского Географического Общества. 1877, Октября 5.

За отлично-усердную службу ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалован в 20 день января 1878 г. чином Коллежского Советника, со старшинством — с 1877, Октября 16.

Приказом Министра Государственных Имуществ от 3 февраля 1879 г., за № 3, назначен Старшим Редактором Статистического Отдела Департамента Земледелия и Сельской Промышленности, с оставлением на службе и по Министерству Финансов. 1879, Января 15.

С разрешения Министра Государственных Имуществ:

1) командирован в Воронежскую и Таврическую губернии для собрания сведений о состоянии народных школ, о положении сельского духовенства и влиянии его на местное население и о состоянии помещичьих хозяйств. 1879, Июня 9.

и 2) назначен Членом от Министерства Государственных Имуществ в ВЫСОЧАЙШЕ учрежденную при Министерстве Путей Сообщения Комиссию, из представителей разных ведомств, для начертания проекта сети подъездных путей к железным дорогам. 1879, Сентября 4.

По свидетельству Главного Управления Общества попечения о раненых и больных воинах от 25 сентября 1879 г., № 12 540, получил знак Красного Креста. 1879, Сентября 25.

С разрешения Управляющего Министерством Государственных Имуществ командирован в средние и южные губернии России для собрания сведений по овцеводству. 1880, Мая 24.

Избран Действительным Членом Кобелякского Сельскохозяйственного Общества. 1880, Июля 22.

Назначен Чиновником Особых Поручений V-го класса Министерства Финансов. 1880, Октября 4.

ВЫСОЧАЙШИМ приказом по Министерству Государственных Имуществ от 1-го января 1881 г., за № 1, произведен, за отличие, в Статские Советники, со старшинством с... 1880, Октября 16.

Приказом по Министерству Финансов от 1-го апреля 1881 г., за № 13, назначен Вице-Директором Департамента Неокладных Сборов. 1881, Марта 1.

Приказом Министра Государственных Имуществ от 12-го апреля 1881 г., за № 5, назначен Членом Ученого Комитета Министерства Государственных Имуществ, с увольнением от должности Старшего Редактора и с оставлением в должности Вице-Директора Департамента Неокладных Сборов. 1881, Апреля 1.

ВЫСОЧАЙШИМИ приказами по Министерству Финансов:

1) от 14-го мая 1882 г., за № 13, произведен, за отличие, в Действительные Статские Советники. 1882, Мая 14

и 2) от 15-го мая 1883 г., за № 14, назначен Директором Департамента Неокладных Сборов. 1883, Мая 15.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалован кавалером ордена Св. Станислава I степени. 1884. Апреля

ВЫСОЧАЙШИМ приказом по Министерству Финансов от 8-го октября 1884 г. объявлено ВЫСОЧАЙШЕЕ благоволение за полезные труды по содействию к развитию отечественного сельского хозяйства. 1884, Октября 8.

ВЫСОЧАЙШИМ приказом по Министерству Финансов, за № 9, произведен, за отличие, в Тайные Советники. 1887, Апреля 5.

С ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения назначен Председателем ВЫСОЧАЙШЕ учрежденной при Министерстве Финансов Комиссии для объединения и согласования акцизных уставов. 1889, Июня 2.

Назначен Членом от Министерства Финансов в ВЫСОЧАЙШЕ учрежденную Комиссию по вопросу о таможенном объединении Великого Княжества Финляндского с Империей. 1890, Января 5.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалован кавалером ордена Св. Анны I-й степени. 1890, Апреля 1.

По всеподданнейшему докладу Министра Финансов объявлена ВЫСОЧАЙШАЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА благодарность за полезные и ревностные труды по пересмотру таможенного тарифа. 1891, Июня 14.

Назначен Членом от Министерства Финансов в ВЫСОЧАЙШЕ учрежденную Комиссию для обсуждения мер к поддержанию дворянского землевладения. 1891, Декабря 27.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ разрешено принять и носить пожалованный Французским Правительством орден Почетного Легиона Командорского Креста. 1892, Августа 7.

ВЫСОЧАЙШИМ приказом по Министерству Финансов назначен Товарищем Министра Финансов. 1892, Сентября 7.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ разрешено принять и носить пожалованный Французским Правительством офицерский крест ордена «Merite Agricole». 1892, Сентября 10.

Приказом Министра Государственных Имуществ от 30-го октября 1892 г., за № 11, уволен от должности Члена Ученого Комитета Министерства Государственных Имуществ, согласно прошению, по случаю назначения Товарищем Министра Финансов. 1892, Октября 30.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалована аренда из государственного казначейства, с 1-го ноября 1892 г. на шесть лет по две тысячи пятьсот рублей в год. 1892, Ноября 2.

Ученым Комитетом Государственных Имуществ присуждена большая золотая медаль Министерства, назначаемая в поощрение за труды и успехи в сельском хозяйстве, о чем доведено до сведения ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. 1892, Декабря 14.

Избран Почетным Членом:

ИМПЕРАТОРСКОГО Московского Общества Сельского Хозяйства. 1892, Декабря 18.

ИМПЕРАТОРСКОГО Вольного Экономического Общества. 1893, Января 28.

ВЫСОЧАЙШИМ приказом по Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии от 28-го марта 1893 г., за № 5, назначен Управляющим Министерством Государственных Имуществ. 1893, Марта 28.

Избран Почетным Членом:

Российского Общества Садоводства. 1893, Апреля 17.

Попечительства ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ о слепых. 1893, Мая 6.

Института сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии. 1893, Июня 4.

С ВЫСОЧАЙШЕГО разрешения ездил по делам службы в разные местности Империи с 22-го июля по 18-ое сентября 1893 г.

Избран Почетным Членом:

Харьковского Общества сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности. 1893, Сентября 29.

Лесного Общества в С.-Петербурге. 1893, Октября 16.

Московского Общества любителей птицеводства. 1893, Октября 23.

Российского Общества покровительства животных по Донскому Отделу. 1893, Декабря 4.

Российского Общества покровительства животных в С.-Петербурге. 1893, Декабря 10.

Русского Энтомологического Общества. 1893, Декабря 13.

ВЫСОЧАЙШИМ приказом по Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии от 1-го января 1894 г. назначен Министром Государственных Имуществ. 1894, Января 1.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалован кавалером ордена Св. Владимира 2-й степени. 1894, Января 1.

Избран Почетным Членом:

ИМПЕРАТОРСКОГО Минералогического Общества. 1894, Января 14.

Бессарабского Общества сельских хозяйств. 1894, Января 23.

Российского Общества плодоводства. 1894, Января 23.

Смоленского Общества исправительных учреждений для несовершеннолетних. 1894, Февраля 2.

Московского Лесного Общества. 1894, Февраля 14.

Киевского Общества сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности. 1894, Февраля 16.

Донского Общества сельского хозяйства. 1894, Марта 10.

За воспоследовавшим преобразованием Министерства Государственных Имуществ
ВЫСОЧАЙШИМ приказом по Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии от 22-го марта 1894 г., за № 2, назначен Министром Земледелия и Государственных Имуществ. 1894, Марта 22.

Избран Почетным Членом:

ИМПЕРАТОРСКОГО Кавказского Общества сельского хозяйства. 1894, Апреля 5.

Туркестанского Отдела ИМПЕРАТОРСКОГО Российского Общества садоводства. 1894, Апреля 12.

Общества Витебских сельских хозяев. 1894, Апреля 29. Лохвицкого Общества сельских хозяев. 1894, Мая 5.

С ВЫСОЧАЙШЕГО разрешения ездил по делам службы во внутренние губернии с 9-го июня по 4-ое июля 1894 г. Избран Почетным Членом:

Тобольского Губернского Музея. 1894, Июня 26.

С ВЫСОЧАЙШЕГО разрешения ездил по делам службы на Кавказ и в Туркестанский край с 12-го августа по 18-ое октября 1894 г.

Избран Почетным Мировым Судьей Бобровского уезда на трехлетие 1834—1897 гг. 1894, Октября 10.

Избран Почетным Членом:

ИМПЕРАТОРСКОГО Общества любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, состоящего при Московском Университете. 1894, Октября 15. Уральского Общества любителей Естествознания в г. Екатеринбург. 1894, Октября 29.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, по всеподданнейшему докладу Военного Министра, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ соизволил на предоставление звания Почетного Казака Ессентукской станицы Терского казачьего войска. 1894, Ноября 13.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ разрешено принять и носить пожалованный Его Светлостью Эмиром Бухарским орденом Таджикской Короны, драгоценными камнями украшенный. 1894, Ноября 17.

Избран Почетным Членом Общества взаимного вспоможения бывших воспитанников высших сельскохозяйственных учебных заведений. 1894, Ноября 22.

Избран Почетным Членом:

Кубанского Экономического Общества. 1895, Января 10.

Курского Отдела Московского Общества сельского хозяйства. 1895, Февраля 25.

Мстиславского Сельскохозяйственного Общества. 1895, Февраля 27.

Принимал участие в занятиях ВЫСОЧАЙШЕ учрежденной Особой Комиссии для выработки проекта законоположений по устройству Черноморского побережья Кавказа. 1895, Апреля 5.

С ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения, последовавшего в 8 день мая 1895 г., принял звание Почетного учредителя ВЫСОЧАЙШЕ разрешенного 2-го Съезда Русских деятелей по техническому и профессиональному образованию. 1895, Мая 8.

Избран Почетным Членом Стародубского Общества сельского хозяйства и животноводства. 1895, Мая 27.

С ВЫСОЧАЙШЕГО разрешения ездил по делам службы в Олонецкий край, восточные губернии России и в Сибирь с 18-го июля по 4-ое октября 1895 г.

Предоставлено право ношения ВЫСОЧАЙШЕ установленного 1 июля 1895 г. особого золотого нагрудного знака Попечительства ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ о слепых. 1895 Июня 1

Избран Почетным Членом:

Калужского Общества сельского хозяйства. 1895, Сентября 23.

Холмского Православного Свято-Богородицкого Братства. 1895, Октября 13.

Череповецкого Общества пчеловодства. 1895, Ноября 25.

Великолукского отдела ИМПЕРАТОРСКОГО Российского Общества садоводов. 1895, Декабря 11.

ИМПЕРАТОРСКОГО Русского Географического Общества. 1895, Декабря 20.

Российского Общества Рыбоводства и Рыболовства. 1895, Декабря 21.

Кунгурского Общества Пчеловодства. 1896, Января 8.

На основании ВЫСОЧАЙШЕГО указа от 26 февраля 1896 г. получил серебряную медаль на Александровской ленте в память Царствования ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III. 1896, Февраля 26.

С ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения утвержден иностранным Членом Французского национального Общества Земледелия. 1896, Апреля 8.

ВЫСОЧАЙШИМ приказом по гражданскому ведомству от 14 мая 1896 г., за № 32, произведен, за отличие, в Действительные Тайные Советники. 1896, Мая 14.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ прибавлено к пожалованной 2 ноября 1892 г. аренде по 2500 руб. сроком на шесть лет еще по 1500 руб. в год, до окончания срока аренды. 1896, Мая 14.

Согласно ВЫСОЧАЙШЕМУ указу от 26 мая 1896 г. пожалована серебряная медаль на Андреевской ленте в память Священного Коронования ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II. 1896, Мая 26.

Избран Почетным Членом в состоящее под Августейшим покровительством ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА Южно-Русское Общество Акклиматизации. 1896, Июня 2.

Избран Почетным Членом в состоящее под Августейшим покровительством ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ Прибалтийское Православное братство. 1896, Октября 1.

С ВЫСОЧАЙШЕГО разрешения ездил по делам службы во внутренние губернии, затем в отпуск за границу с 30-го июля по 15 октября 1896 г.

Избран Попечителем церковно-приходской школы села Таганаш Перекопского уезда, Таврической губернии, в каковом звании утвержден Его Высокопреосвященством Архиепископом Таврическим и Симферопольским. 1897, Января 23.

На основании ВЫСОЧАЙШЕГО повеления от 30 января 1897 г. получил темнобронзовую медаль, учрежденную за труды по первой всеобщей переписи населения Империи 1897 г., на ленте государственных цветов, при свидетельстве, за № 16. 1897, Февраля 20.

По всеподданнейшему докладу Председателя ВЫСОЧАЙШЕ учрежденной Комиссии о

предупреждении занесения в империю чумной заразы и о борьбе с нею с ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения назначен Членом означенной Комиссии. 1897, Февраля 28.

Избран Почетным Членом:

Московского Общества Охоты. 1897, Февраль 28.

ИМПЕРАТОРСКОГО Общества размножения охотничьих животных и правильной охоты. 1897, Мая 10.

Избран Действительным Членом Общества Ревнителей Русского исторического просвещения в память ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III. 1897, Мая 17. Избран Почетным Членом Южно-Русского Общества пчеловодства. 1897, Мая 27.

С ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения ездил по делам службы за границу и во внутренние губернии Империи с 30 июня по 10 августа и с 24 августа по 4 октября 1897 г.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ разрешено принять и носить пожалованные иностранные ордена:

Шведский — Вазы Большого Креста. 1897, Июня 29.

Прусский — Красного Орла I-ой степени. 1897, Сентября 9.

Избран Почетным Членом:

Казанского ветеринарного института. 1897, Ноября 7.

Общества для содействия и развития кустарной промышленности в Тульской губернии. 1897, Ноября 24.

ИМПЕРАТОРСКОГО Общества для содействия Русскому Торговому Мореходству. 1898, Января 22.

Виленского Общества исправительных земледельческих колоний и ремесленных приютов. 1898, Января 28.

Русского Общества голубиноного спорта. 1898, Февраля 21.

Российского Общества сельскохозяйственного птицеводства. 1898, Февраля 24.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ разрешено принять и носить пожалованный Его Величеством Королем Румынским орден Румынской Короны Большого Креста. 1898, Апреля 14.

Избран Почетным Членом Попечительского Общества о доме трудолюбия в Екатеринбурге. 1898, Мая 2.

Получил нагрудный знак, установленный для окончивших курс в ИМПЕРАТОРСКОМ Александровском Лицее. 1898, Июля 22.

С ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения ездил по делам службы во внутренние губернии и в Сибирь с 1 июля по 18 августа и за границу с 27 августа по 17 октября 1898 г.

Избран Почетным Членом Астраханского Общества садоводства и огородничества. 1898, Октября 17.

Арендное производство по 4000 руб. в год ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ продолжено с 1-го ноября 1898 года на 4 года. 1898. Ноября 11.

Избран Почетным Членом:

Клинского Общества сельского хозяйства. 1898, Ноября 19.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного Общества взаимной помощи штейгеров Южной России. 1898, Декабря 9.

Белгородского Сельскохозяйственного Общества. 1899, Января 2.

Общества вспомоществования бедным С.-Петербургского Казанского Собора. 1899, Января 9.

Саратовского Отделения ИМПЕРАТОРСКОГО Музыкального Общества. 1899, Февраля 15.

Избран Членом-Корреспондентом Главной Физической Обсерватории. 1899, Марта 31.

Избран Почетным Членом С.-Петербургского Пригородного Пожарного Общества. 1899, Апреля 1.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ разрешено принять и носить пожалованный Его Высочеством Князем Болгарским орден Св. Александра I ст. 1899, Апреля 3.

С ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения ездил во внутренние губернии России и на Кавказ с 31 июля по 18-ое октября 1899 г.

Избран Почетным Членом:

Рязского Общества сельского хозяйства. 1899, Октября 2.

Попечительного Комитета Вятской Губернской Публичной Библиотеки Имени ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-го. 1899, Ноября 3.

ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии Наук. 1899, Декабря 17.

Чириковского Общества сельского хозяйства. 1899, Декабря 28.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалован кавалером ордена Белого Орла. 1900, Января 1.

Избран Почетным Членом:

Елизаветпольского Общества сельского хозяйства. 1900, Января 24.

Виленского Общества сельского хозяйства. 1900, Февраля 5.

Попечительства ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ о глухонемых. 1900, Февраля 25.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ разрешено принять и носить пожалованный Его Величеством Королем Дании Большой Крест ордена Данеброга. 1900, Марта 9.

Избран Почетным Членом:

Крюковского Сельскохозяйственного Общества Владимирской губернии. 1900, Марта 18.

Самарского Общества Охоты. 1900, Апреля 18.

Вспомогательного Общества «Санатории на Ессентукской группе Кавказских минеральных

вод». 1900, Апреля 23.

Волынского Общества Охоты. 1900, Мая 23.

Общества изучения Амурского края. 1900, Июня 5.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ разрешено принять и носить пожалованный Японским Императором орден Восходящего Солнца I степени. 1900, Июня 19.

С ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения ездил по делам службы во внутренние губернии России и на Кавказ с 5-го августа по 10-ое октября 1900 г.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ разрешено принять и носить пожалованный Его Величеством Шахом Персидским орден Льва и Солнца I-ой степени с бриллиантовыми украшениями. 1900, Сентября 23.

Избран Почетным Членом:

Земледельческого Общества сельского хозяйства Сувалкской губернии. 1900, Ноября 9.

Сочинского Общества сельского хозяйства. 1900, Ноября 19.

Получил серебряную медаль, присужденную Комитетом Сельскохозяйственной выставки в Одензе. 1900, Ноября 11.

Избран Почетным Членом:

Саратовского Отдела Общества содействия женскому сельскохозяйственному образованию. 1901, Февраля 6.

Кунгурского Общества Пчеловодства. 1901, Марта 21.

Виленского Отдела ИМПЕРАТОРСКОГО Российского Общества Рыбоводства и Рыболовства. 1901, Апреля 17.

С ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения назначен Членом Совета ИМПЕРАТОРСКОГО Александровского Лицея, о чем опубликовано в ВЫСОЧАЙШЕМ приказе по гражданскому ведомству от 6 июня 1901 года, за № 46, с... 1901, Мая 25.

Избран Почетным Членом:

Воинского Благотворительного Общества Белого Креста. 1901, Мая 13.

Костромского Общества Пчеловодства. 1901, Июня 14.

Луцкого Общества сельского хозяйства. 1901, Июня 16.

Озерицкого церковно-приходского Попечительства. 1901, Июля 29.

С ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения ездил по делам службы во внутренние губернии, на Кавказ и за границу с 20 июля по 18-ое октября 1901 г.

Избран Почетным Членом:

Курляндского Общества исправительных приютов и земледельческих колоний. 1901, Августа 22.

Харьковского Ветеринарного Института. 1901, Сентября 28.

Псковского Общества сельского хозяйства. 1901, Ноября 25.

Донецкого Сельскохозяйственного Общества. 1901, Декабря 16.

Объявлена МОНАРШАЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА благодарность за ревностное и полезное участие в ВЫСОЧАЙШЕ учрежденном Особом Совещании по делам дворянского сословия. 1901, Декабря 27.

Избран Членом-Корреспондентом Французской Академии Наук по Отделу Сельскохозяйственной Экономии. 1902.

Избран Почетным Членом:

Гоголевского Сельскохозяйственного Общества. 1902, Января 5.

Алатырского Общества сельского хозяйства. 1902, Января 29.

Всероссийского Пожарного Съезда. 1902, в Москве, Февраля 4.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ разрешено принять и носить Бухарский орден Искандер-и-Салис с бриллиантами. 1902, Февраля 21.

Избран Почетным Членом:

Общества Уральских Горных Техников. 1902, Февраля 22.

Киевского Общества взаимопомощи Земледельцев и Лесоводов с высшим и средним образованием. 1902, Февраля 25.

Эстляндского Общества Садоводства. 1902, Марта 8.

Донского Отдела ИМПЕРАТОРСКОГО Российского Общества Садоводства. 1902, Марта 10.

Совета Саксаганского Общества сельского хозяйства. 1902, Апреля 22.

С ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА утвержден Почетным Членом Совета Александровской Общины Сестер Милосердия «Утоли моя печали». 1902, Апреля 25.

Избран Почетным Членом:

Общества содействия образованию и деятельности женщин по садоводству и огородничеству. 1902, Апреля 27.

Общества Красноуфимских рыболовов. 1902, Мая 2.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ разрешено принять и носить Французский орден Почетного Легиона Большого Креста. 1902, Мая 2.

Избран Почетным Членом:

Общества Попечения о питомцах ИМПЕРАТОРСКОГО С.-Петербургского Воспитательного Дома округов Николаевской железной дороги. 1902, Мая 29.

С ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения ездил по делам службы во внутренние губернии России и на Кавказ с 20-го июня по 18-ое июля 1902 г.

Избран Почетным Членом:

Пронского Общества сельского хозяйства. 1902, Июля 28.

С ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения ездил по делам службы за границу и во внутренние губернии России с 1-го августа по 17-ое октября 1902 г.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ разрешено принять и носить Итальянский орден Св. Маврикия и Лазаря Большого Креста. 1902, Августа 24.

Избран Почетным Членом Русского Горного общества. 1902, Октября 14.

Арендное производство по 4000 р. в год ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ продолжено с 1-го ноября 1902 г. на четыре года. 1902, Октября 28.

Избран Почетным Членом:

Мглинского Сельскохозяйственного Общества в Черниговской губернии. 1902, Октября 31.

Забайкальского Общества сельского хозяйства в Чите. 1902, Ноября 1.

Общества «Ясли» в Нижнем Новгороде. 1902, Ноября 10.

Ростовского на Дону Отдела б. ИМПЕРАТОРСКОГО Московского Общества Сельского Хозяйства. 1902, Ноября 17.

Благотворительного Христоролюбивого Общества «Самопомощь в болезнях». 1902, Ноября 17.

ВЫСОЧАЙШЕ учрежденного Комитета по устройству Музея Прикладных Знаний в Москве. 1902, Ноября 17.

Крымского Горного Клуба. 1902, Ноября 27.

Лукинского Сельскохозяйственного Общества Вятской губернии. 1902, Декабря 1.

Избран Почетным Попечителем школы садоводства «Затишье» Общества Попечения о бедных и больных детях. 1902, Декабря 10.

Избран Почетным Членом ИМПЕРАТОРСКОГО Юрьевского Университета.

1902, Декабря 16.

Получил нагрудный знак в память окончания градусного измерения на острове Шпицберген, при рескрипте ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА от... 1902, Декабря 18.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалован в звание Статс-Секретаря ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА. 1903, Января 1.

Избран в Почетные Члены:

Саратовского Общества сельского хозяйства. 1903, Февраля 26.

Дубровского Сельскохозяйственного Общества. 1903, Марта 6.

Бессарабского Общества садоводства. 1903, Марта 10.

Красноуфимского Общества «Практических Пчеловодов». 1903, Марта 16.

Избран Почетным Гражданином гор. Пятигорска. 1903, Марта 29.

Избран Почетным Членом:

Самарского Отдела ИМПЕРАТОРСКОГО Российского Общества садоводства. 1903, Марта 31.

Общества Попечения о безприютных детях. 1903. Апреля 27.

Даровского Сельскохозяйственного Общества. 1903, Апреля 29.

Косинского Сельскохозяйственного Общества Вятской губернии. 1903, Мая 4.

Избран Почетным Учредителем 3-го Съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию. 1903, Мая 5.

Избран Почетным Членом С.-Петербургского Благотворительного Общества последователей гомеопатии. 1903, Мая 9.

С.-Петербургского Комитета Попечения о сестрах Красного Креста. 1903, Мая 23.

Общества содействия благоустройства Сестрорецкой Приморской дачной местности. 1903, Июня 19. Плоцкого Православного попечительства. 1903, Июня 20. Обвино-Лысьвинского Сельскохозяйственного Общества. 1903, Июня 27. С ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения ездил по делам службы во внутренние губернии и на Кавказ с 30-го июля по 15 октября 1903 года. Избран Почетным Членом Кукнурского Сельскохозяйственного Общества. 1903, Сентября 28. Избран Почетным Членом Красноуфимского Сельскохозяйственного Общества. 1903, Октября 22. Избран Почетным Членом: Вохминского Сельскохозяйственного Общества. 1903, Октября 27. Манчажно-Кадешниковского Общества сельского хозяйства. 1903, Октября 26. Попечительского Общества о доме трудолюбия для подростков в гор. Ряжске, Рязанской губернии. 1903, Ноября 1. 505 Болгарского Книжного Дружества в Софии. 1904, Января 11. Петергофско-Царскосельско-Ямбургского Общества сельских хозяев. 1904, Января 18. Орловского, Вятской губернии, Сельскохозяйственного Общества. 1904, Февраля 14. Алексеевского Сельскохозяйственного Общества. 1904, Февраля 15. Избран Действительным Членом С.-Петербургского Общества «Самаритянин». 1904, Февраля 17. Избран Почетным Членом: Дебесского, Вятской губернии, Сельскохозяйственного Общества. 1904, Марта 20. Мелитопольского Сельскохозяйственного Общества. 1904, Апреля 3. Сельскохозяйственного Общества Астраханских калмыков. 1904, Апреля 10. Казанского Общества сельского хозяйства. 1904, Мая 11. Гродненского Общества сельского хозяйства. 1904, Июня 5. Токтай-Белякского Сельскохозяйственного Общества Уржумского уезда, Вятской губернии. 1904, Июня 20. Московского Славянского Общества. 1904, Июня 28. С ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения ездил во внутренние губернии России с 24 июня по 20-е июля 1904 года. ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалован кавалером ордена Св. Александра Невского. 1904, Августа 11. С ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения ездил на Урал, во внутренние губернии России и на Кавказ с 14 августа по 15 октября 1904 г. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, по всеподданнейшему докладу Председателя Особого Сопровождающего по обеспечению судьбы осиротевших в войну с Японией детей офицерских и нижних чинов, в 20-й день сентября 1904 г. ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ соизволил назначить Членом этого Сопровождающего. 1904, Сентября 20. Избран Почетным Членом: Ветлужского Общества сельского хозяйства. 1904, Октября 26. Ачкинского Общества сельского хозяйства, 1904, Ноября 9. Сосновского Сельскохозяйственного Общества. 1904, Ноября 18. Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Харьковского Земледельческого Училища. 1904, Ноября 30. Шумилипского Сельскохозяйственного Общества. 1904, Декабря 7. Деркульского Сельскохозяйственного Общества Донской области. 1904, Декабря 15. Владимирского Общества любителей Естествознания. 1905, Февраля 13. Именным ВЫСОЧАЙШИМ указом, Государственному Совету данным, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ повелено быть Членом Государственного Совета, с оставлением в звании Статс-Секретаря. 1905, Мая 6. По случаю сего назначения удостоен ВЫСОЧАЙШЕГО рескрипта следующего содержания: «Алексей

Сергеевич. Призванные в 1893 году по Воле Незабвенного Моего Родителя к управлению Министерством Государственных Имуществ, преобразованным засим в Министерство Земледелия и Государственных Имуществ, вы посвятили все свои силы исполнению возложенных на вас ответственных обязанностей. В течение 12-ти лет вы с свойственным вам глубоким знанием дела ревностно заботились об усовершенствовании вверенных попечению вашему многоразличных частей означенного ведомства, причем самоотверженной неутомимой деятельностью своей, всегда проникнутой истинным прямодушием, снискали полное Мое доверие. 506 Ныне, ввиду первостепенной важности законодательных работ, предпринятых по Моим указаниям, желая воспользоваться вашей просвещенной опытностью, а равно в изъявление искренней признательности за долголетние обильные труды ваши на служебном поприще, Я Указом, сего числа данным, назначил вас Членом Государственного Совета. Пребываю к вам навсегда неизменно благосклонный». На подлинном Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано: «и благодарный НИКОЛАЙ». В Царском Селе 6 мая 1905 г. Содержание, по званию Члена Государственного Совета, ВЫСОЧАЙШЕ поведено производить по 18 000 руб. в год. Именным ВЫСОЧАЙШИМ указом, Государственному Совету данным, назначен на 1906 год к присутствованию в Государственном Совете. 1906, Апреля 25.

ВЫСОЧАЙШИМ приказом, отданным по гражданскому ведомству 21 июля, за № 56, назначен попечителем ИМПЕРАТОРСКОГО Александровского Лицея, с оставлением Членом Государственного Совета и в звании Статс-Секретаря. 1906, Июля 21. Именным ВЫСОЧАЙШИМ указом, Министру Финансов данным, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ поведено из пожалованного арендного производства по 4000 р. в год выдавать с 1-го ноября 1906 г. в течение двух лет по две тысячи рублей в год. 1906, Декабря 11. Именным ВЫСОЧАЙШИМ указом, Государственному Совету данным, назначен на 1907 г. к присутствованию в Государственном Совете. 1907, Января 1. ВЫСОЧАЙШИМ приказом по Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ объявлена МОНАРШАЯ благодарность за труды, понесенные в качестве Председателя и деятельного руководителя занятиями Центрального Комитета по оказанию врачебно-продовольственной помощи населению, пострадавшему от неурожая в 1906 и 1907 годах. 1907, Ноября 7. Именным ВЫСОЧАЙШИМ указом, Государственному Совету данным, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ назначен на 1908 год к присутствованию в Государственном Совете. 1908, Января 1. ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалован знаками ордена Св. Александра Невского с бриллиантовыми украшениями. 1908, Января 1. Именными ВЫСОЧАЙШИМИ указами, Государственному Совету данными, назначен: 1) к присутствованию на 1909 г. в Государственном Совете. 1909, Января 1; 2) на 1910 г. к присутствованию в Государственном Совете. 1910, Января 1; 3) на 1911 год к присутствованию в Государственном Совете. 1911, Января 1; 4) на 1912 год к присутствованию в Государственном Совете. 1912, Января 1. ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалован кавалером ордена Св. Владимира I-ой степени. 1912, Января 7. ВЫСОЧАЙШИМ приказом по гражданскому ведомству от 2 апреля, за № 15, утвержден Почетным Попечителем Ряжской гимназии, согласно избранию, на три года, с... 1911, Мая 26. 507 Именным ВЫСОЧАЙШИМ указом, Государственному Совету данным, назначен на 1913 г. к присутствованию в Государственном Совете. 1913, Января 1. Предоставлено право ношения на груди ВЫСОЧАЙШЕ учрежденной в память 300-летия Царствования Дома РОМАНОВЫХ светлобронзовой медали. 1913, Февраля 21. На основании ВЫСОЧАЙШЕГО повеления, последовавшего в 18 день февраля 1913 г., пожалован нагрудный знак, ВЫСОЧАЙШЕ учрежденный для лиц, приносивших ИХ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВАМ личные верноподданнические поздравления по случаю 300-летия Царствования Дома РОМАНОВЫХ в дни юбилейных торжеств 21 — 24 февраля 1913 г. 1913, Февраля 22. Именным ВЫСОЧАЙШИМ указом, Государственному Совету данным, назначен на 1914 год к присутствованию в Государственном Совете. 1914, Января 1. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ соизволил разрешить Статс-Секретарю Ермолову, по разстроенному здоровью, до полного восстановления сил, проживать внутри Империи или за границей и присутствовать в заседаниях Государственного Совета лишь тогда, когда здоровье позволит, с сохранением получаемого им содержания. 1914, Февраля 17. Объявлена ВЫСОЧАЙШАЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА благодарность за труды по

организации состоявшей под ВЫСОЧАЙШИМ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Покровительством сельскохозяйственной и культурно-промышленной выставки Черноморского побережья Кавказа «Русская Ривьера», бывшей в С.-Петербурге в ноябре и декабре месяцах 1913 года. 1914, Мая 6. ВЫСОЧАЙШИМ приказом по гражданскому ведомству от 19 января 1915 года, за № 4, утвержден вновь Попечителем Ряжской гимназии, согласно избранию, на 3 года, с 26 мая 1914 г., с оставлением его Статс-Секретарем. 1914, Мая 26. Именным ВЫСОЧАЙШИМ указом, Государственному Совету данным, назначен на 1915 г. к присутствованию в Государственном Совете. 1915, Января 1. Именным ВЫСОЧАЙШИМ указом, Государственному Совету данным, назначен на 1916 год к присутствованию в Государственном Совете. 1915, Декабря 30. Таковым же указом назначен на 1917 год к присутствованию в Государственном Совете. 1917, Января 1. Скончался. 1917, Января 4. X. Был ли в походах против неприятеля и в самих сражениях и когда именно? Не был. XI. Подвергался ли наказаниям или взысканиям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе; когда и за что именно; по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке; не был ли оставлен в подозрении по преступлениям, влекущим за собою такие ограничения; когда, каким судом и за что именно? Нет. XII. Был ли в отпусках, когда и насколько именно времени; являлся ли на срок, и если просрочил, то когда именно явился, и была ли причина просрочки признана уважительною? Был: в 1868 г. с 7 июня на три месяца и с 6 сентября на 28 дней; в 1869 г. с 7 августа на 28 дней — из этого отпуска явился 1 сентября; в 1870 г. 508 с 26 июня на три месяца; в 1871 г. с 1 июня на 28 дней, явился 24 сентября, просрочив по болезни, и причина признана уважительной; в 1872 г. с 23 июня на 29 дней; в 1877 г. с 7 июля на два месяца; в 1881 г. с 19 июня на 1 месяц; в 1885 г. с 21 августа на 1 месяц; в 1891 г. с 20 июня на три месяца, явился тремя днями ранее срока, и в 1896 г. с 30 июля по 15 октября, в 1906 г. с 6 ноября на 1 месяц. Из прочих отпусков являлся в сроки. XIII. Был или в отставке с награждением чинов, или без того, когда и с которого по какое именно время? Не был. XIV. Холост ли, женат, на ком; имеет ли детей, кого именно; год, месяц и число вступления в брак, а также рождения жены и детей; где дети находятся и какого они и жена вероисповедания? Женат на дочери подпоручика, девице Ольге Федоровне Плахово; имеет дочерей: Фрейлину ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ ГОСУДАРЫНЬ ИМПЕРАТРИЦ Наталью, родившуюся 7 декабря 1880 г., Марию — 21 сентября 1888 г. и Ольгу — 18 февраля 1893 г. Супруга и дети вероисповедания Православного. Публикация Н. А. МАЛЕВАНОВА, А. Н. ДОРОШЕНКО Сноски к стр. 495 * РГИА (Государственный совет). Ф. 1162. Оп. 6. Д. 194.

Материалы к биографии военного летчика И. И. Скасырского

Материалы к биографии военного летчика И. И. Скасырского / Публ. [вступ. ст. и примеч.] С. Г. Нелиповича // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 509—517. — [Т.] VI.

Предлагаемые документы освещают одну из интересных сторон истории I Мировой войны 1914—1918 гг. В эти годы западные союзники России немало способствовали развитию ее военной авиации. Их промышленные поставки составляли 25% отечественного производства аэропланов и 75% авиамоторов*. Кроме того, в Великобритании и Франции в 1915—1917 гг. учились и стажировались сотни русских летчиков, наблюдателей, мотористов и авиамехаников. Курсанты из России участвовали в боевых действиях на Западном фронте. Такие русские асы, как А. Казаков, Е. Крутень, М. Братолобов, отличились в небе Франции.

После февраля 1917 г. поток командированных на Запад резко увеличился, а число возвращающихся постоянно сокращалось. Наиболее дальновидные люди предпочитали спокойно пережить смутное время вне родины. Но среди этих «невозвращенцев» были энтузиасты авиации. Так попал во Францию казак Иван Иванович Скасырский, полный георгиевский кавалер, талантливый инженер, отказавшийся в дни войны от мирной технической карьеры и

добровольцем ушедший на фронт. Для ускорения отправки на учебу во Францию его произвели в прапорщики, отдавая дань не только его мужеству в боях, но и техническим знаниям дипломированного и известного за рубежом инженера. К сожалению, дальнейшая судьба Скасырского неизвестна.

1

Секретно

НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ

ВОЕННОГО ВОЗДУШНОГО ФЛОТА

№ 973

8 и 20 февраля 1917 года высочайше разрешено командировать во Францию и Англию 30 офицеров и 200 солдат для обучения полетам.

В числе этих чинов бывшим полевым генерал-инспектором Военного Воздушного Флота при Верховном Главнокомандующем¹ предположено было командировать и вольноопределяющегося, ныне прапорщика, Лейб-Гвардии Атаманского казачьего полка² Скасырского как получившего высшее техническое образование в России, а также имеющего заграничный диплом и знающего хорошо французский язык.

В настоящее время названный офицер прикомандирован к Управлению Военного Воздушного Флота.

Командируемым во Францию для указанной цели офицерам нормы подъемных и путевых денег были утверждены того же, т. е. 8 и 20 февраля 1917 года.

Принимая во внимание, что прапорщик Скасырский командировается за счет разрешенного командирования, в виду того, что фактически командировано было только 26 офицеров вместо 30, полагалось бы соответственным удовлетворить названного офицера всеми денежными отпусками, кои установлены для вышеозначенных офицеров.

СПРАВКА: Согласно ст. 13 утвержденных 25 октября 1916 года «Правил о порядке разрешения на время войны по Военному Министерству дел» с изменениями, последовавшими 20 декабря 1916 года, командирование военнослужащих за границу и назначенные пособия командируемым разрешаются, если условия довольствия не отступают от существующих узаконений или особо состоявшихся общих разрешений — Начальниками Главных Управлений за военного министра.

ИСПРАШИВАЕТСЯ: Угодно ли будет представить настоящее ходатайство на благовоззрение военного министра³.

Вр(еменно) и(сполняющий) д(олжность)

начальника Управления

Генерального штаба полковник Дюсиметьер⁴

РАЗРЕШАЮ:

За Военного Министра вр(еменно) и(сполняющий) д(олжность)

начальника Управления Военного

Воздушного Флота подполковник Гончаров

3 мая 1917 г.

2

Секретно

ОТПУСК

В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

(Отдел Генерал-Квартирмейстера)

№ 1539

Исх. № 964с

С разрешения Военного Министра в ближайшие дни командировается во Францию для обучения полетам совместно с командированными в феврале сего года офицерами прапорщик Лейб-Гвардии Атаманского полка Скасырский.

Сообщая о сем, Управление Военного Воздушного Флота просит не отказать в зависящих распоряжениях об оказании названному офицеру возможного содействия.

При этом Управление Военного Воздушного Флота считает необходимым добавить, что заграничный паспорт будет выбран у Петроградского Общественного Градоначальника.

Точно о дне отъезда будет сообщено дополнительно.

Подписал:

Вр(еменно) и(сполняющий) д(олжность) начальника отделения

военный летчик подполковник Гончаров

Верно:

И(сполняющий) д(олжность) начальника отделения капитан Деркачев

2 мая 1917 г.

3

Секретно

ОТПУСК

ВОЕННОМУ АГЕНТУ ВО ФРАНЦИИ1

№ 1557/982с

Вследствие состоявшегося при посредстве членов союзной конференции соглашения и с разрешений, последовавших 8-го и 20-го февраля сего года, во Францию были командированы для обучения полетам на аэропланах 16 офицеров.

В виду того, что было разрешено командировать 20 офицеров, а командировано только 16, Управлением Военного Воздушного Флота командируется за счет неотправленных офицеров для той же цели и на тех же основаниях прапорщик Лейб-Гвардии Атаманского полка Скасырский².

Прапорщик СКАСЫРСКИЙ при командировании удовлетворен по нижеследующему расчету:

Подъемными в размере 1200 рублей

Путевыми — 825 —

И суточными на 120 дней по 30 франков

Подписал:

И(полняющий) д(олжность) начальника Управления военный инженер полковник Яковлев³

Верно:

И(сполняющий) д(олжность) начальника отделения капитан Деркачев

6 мая 1917 г.

4

ИНЖЕНЕР СКАСЫРСКИЙ*

СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Донской казак из потомственных дворян.

Отца и матери нет в живых.

Имеет двух братьев¹:

Один — окончивший Александровский Лицей и Пажеский Корпус (см. стр. 2) — прапорщик Преображенского полка (находится в действующей армии).

Второй — окончивший Николаевское Кавалерийское Училище — штабс-ротмистр Гродненского Гусарского полка (находится в действующей армии).

Инженер Скасырский женат на дворянке Янине Иосифовне Робовской.

Жена — сестра милосердия. Награждена медалью на Анненской ленте с надписью «за усердие».

Детей нет.

ОБРАЗОВАНИЕ

Инженер Скасырский получил высшее техническое образование как в России (Петроград²), так и за границей (Северо-Американские Соед(иненные) Шт(аты). Нью-Йорк, Бостон).

Состоит с 1908 года членом Американского Общества Гражданских инженеров (Member of The American Civil Engineering Society M. I. T.).

Бегло говорит по-французски и английски, зная также эти языки с технической стороны (благодаря своему пребыванию в зарубежных технических учебных заведениях).

(благодаря своему проживанию в заграничных технических учебных заведениях).

За границей по делам службы преимущественно во Франции и Англии инженеру Скасырскому пришлось быть 8 раз.

Инженер Скасырский является автором нескольких чисто технических трудов (об автомобильном деле, двигателях внутреннего сгорания, теории горения и проч.). В 1914 г. был редактором технического журнала «Русский Инженер»³.

СЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Служил последовательно инженером завода, начальником Технического отдела и помощником Директора Американского Завода (Westinghouse С°).

Затем служил инженером при Техническом отделе Управления Казенных железных дорог и работал в Отделе Иностранных Правительственных заказов Министерства (путей сообщения).

В Декабре 1913 г. был командирован (см. письмо Тов(арища) Министра Пут(ей) Сообщ(ения)) Его Высочайшим Превосходительством г. Министром Путей Сообщения⁴ на заводы Англии, Франции и Германии по поводу правительственного заказа (1 500 000 р.) и детально осмотрел все главные заводы Англии, Франции и отчасти Германии⁵.

В Июле 1916 г.⁶, с объявлением войны, движимый исключительно чувством патриотизма и горячей любви к Родине, бросил службу и решил поступить охотником-рядовым на передовую позицию, хотя имел, подобно своему брату (см. выше стр. 1), полную возможность поступить в Пажеский Корпус на ускоренные курсы, для чего отправился на театр военных действий и лично явился к командиру Атаманского полка Князю БОРИСУ ВЛАДИМИРОВИЧУ⁷ с просьбой принять его в свой полк охотником-добровольцем.

Князь БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ согласился, и с тех пор казак-охотник Скасырский до сего времени находился в полку. За свою выдающуюся храбрость и боевые отличия охотник Скасырский лично награжден 16 Апреля 1916 г. походным атаманом Князем БОРИСОМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ Георгиевскими крестами 4-ой и 3-ей степени одновременно.

Зимой 1915—1916 гг. Скасырский был награжден Георгиевской медалью 4-й степени и произведен за храбрость и находчивость в боях в урядники.

Летом 1916 г. награжден Георгиевским крестом 2-й степени и Георгиевской медалью 3-ей степени.

Осенью 1916 г. во время нахождения полка в глубоком резерве инженер Скасырский охотой вызвался отправиться в пехоту, находившуюся в бою, был прикомандирован к Литовскому полку и принял участие в боях под м. Шельвов (на Влад(имир)-Волынском направлении), во время коих был ранен 27 Сентября 1916 г. шрапнелью (пробито навывлет бедро), но, несмотря на рану, остался в строю еще 2 дня, исполняя свои обязанности, и снял 28 Сентября важные кроки и планы с позиции противника, за каковые отличия награжден Его Превосходительством командиром Литовского полка Георгиевским крестом 1-ой степени и произведен в подхорунжие.

В Октябре 1916 г. охотник Скасырский принужден был поступить для излечения своей раны в Собственный МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ подвижной лазарет и в настоящее время оправился от своего ранения.

На днях инженер Скасырский представлен к производству за боевые отличия в прапорщики Атаманского полка.

РЕЗУЛЬТАТЫ ХОДАТАЙСТВА ИНЖЕНЕРА СКАСЫРСКОГО

Инженер Скасырский наблюдал всю свою боевую деятельность за работой неприятельских аэропланов над нашими позициями и в тылу наших войск и пришел к глубокому убеждению, что при условии обладания быстроходным аэропланом-боевиком с первоклассным двигателем и при полном пренебрежении к опасности он мог бы принести Родине большую пользу, летая на аэроплане, и утилизировать свои технические знания, знакомство с языками и проч., так как сбить неприятельский аэроплан — значит избежать многих жертв от бомб, сброшенных с него, не говоря уже о пропаже сведений, которые неприятелю удалось бы собрать во время разведки.

Посему инженер Скасырский:

- 1) Обладая боевым опытом (отмечен награждением Георгиевскими крестами всех степеней и Георгиевскими медалями 3-ей и 4-ой степени),
- 2) Обладая железными нервами (что неоднократно было проверено в боях и разведках), находчивостью, крепким здоровьем и выносливостью,
- 3) Обладая техническими знаниями и основательным знакомством с двигателями внутреннего сгорания (изучал их в Сев(еро)-Амер(иканских) Соед(иненных) Шт(атах) теоретически и практически).

И. И. Скасырский. Фотография.

- 4) Обладая довольно большими материальными средствами, которые позволяют не стесняться в расходах при изучении авиационного дела за границей,
- 5) Зная довольно основательно Францию и Англию с технической стороны и имея почетные билеты по всем жел(езным) дорогам Англии и Франции, что особенно ценно теперь при затруднительности путешествий в военное время, — решил посвятить себя отечественной авиации и возбудить соответствующее ходатайство.

Во время своего пребывания в Киеве и посещения Управления Воздушного Военного Флота инженера Скасырского изъявил желание видеть Князь АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ.

31-го Января с. г. во время в высшей степени милостивой аудиенции Князь АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ лично объявил Скасырскому, что он согласен на его немедленную командировку за границу в одну из авиационных школ Франции на 2—3 месяца с тем, чтобы по возвращении он, Скасырский, остался прикомандированным к отечественным авиационным войскам. Кроме того, Князь АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ направил Скасырского к начальнику Управления Воздушного Военного Флота в Петрограде полковнику Яковлеву и сказал, чтобы Скасырский от его имени обратился к Яковлеву за содействием при выполнении различных формальностей, связанных с заграничной командировкой.

3-го Февраля Скасырский отправился в Управление Воздушного Военного Флота в Петроград, был принят начальником Управления полковником Яковлевым, после чего немедленно была отправлена из Управления Воздушного Военного Флота телеграмма на имя командующего Атаманским полком.

Одновременно Скасырским была послана (6 Февраля) в действующую армию подробная докладная записка по команде (на имя командующего 4-ой сотней Атаманского полка подъесаула Грекова).

5-го Февраля в Петроград прибыл Князь АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ и при встрече с полковником Яковлевым имел разговор о командировке Скасырского за границу.

В Феврале месяце в Управлении Воздушного Военного Флота была получена ответная телеграмма от командующего Атаманским полком с извещением о получении представлений

телеграмма от командующего Атаманским полком с извещением о неимении препятствии со стороны полка к прикомандированию Скасырского к Управлению Воздушного Военного Флота.

В начале Марта Скасырский отправился в действующую армию в свой полк и, выполнив все нужные формальности, прибыл обратно в Петроград.

Князь АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ сообщил 31 Января во время своей беседы с Скасырским, что после прикомандирования Скасырского к Управлению Воздушного Военного Флота он будет немедленно командирован Управлением Воздушного Военного Флота за границу в одну из авиационных школ Франции на 4 месяца, после чего по возвращении будет прикомандирован к одной из авиационных частей действующей армии на передовых позициях для использования знаний, приобретенных им за границей.

Явившись 6-го Апреля с. г. в Управление Воздушного Военного Флота к полковнику Дюсиметьеру, Скасырский узнал, что все формальности, связанные с его командировкой за границу, могут быть окончены в течение одной недели, но при условии, что он, Скасырский, поедет за границу в чине прапорщика, а не подхорунжего, ибо в первом случае командировка

состоится после непосредственного доклада начальника Управления Воздушного Флота господину Военному Министру, тогда как во втором случае необходимо входить с особым представлением в Военный Совет, что сопряжено с большей тратой времени и более сложно.

Полковник Дюсиметьер сообщил инженеру Скасырскому, что было бы крайне желательно ускорить его производство за боевые отличия в прапорщики, так как он мог бы тогда выехать в командировку немедленно после производства и этим избежал бы напрасной траты времени.

Инженер-технолог подхорунжий И. Скасырский

Петроград, 8-го Апреля 1917 г.

22-го Апреля 1917 года приказом Армиям Юго-Западного фронта за № 477 инженер Скасырский произведен за отличия в боях в прапорщики, о чем ему лично было объявлено Главнокомандующим Генералом Брусиловым в г. Каменец-Подольске.

Инженер-технолог прапорщик И. Скасырский

Петроград, 28 Апреля 1917 г.

5

В УПРАВЛЕНИЕ ВОЗДУШНОГО

ВОЕННОГО ФЛОТА1

№ 1115

12 марта 1917 г.

На основании отношения Начальника Канцелярии АВГУСТЕЙШЕГО Полевого Генерал-Инспектора Воздушного Военного Флота за № 6163 от 10-го Марта сего года при сем командировается в Управление Воздушного Военного Флота пользующийся правами по образованию 1-го разряда подхорунжий Иван Скасырский для обучения полетам и перевода впоследствии в Воздушный Флот.

Приложение: Послужной список.

Командующий полком

полковник Михайлов2

Вр(еменно) и(сполняющий) д(олжность) полкового адъютанта

подъесаул Хрипунов

6

Копия

(ТЕЛЕГРАММА)

ВОЕННАЯ ДАРМИЯ*

Командиру Лейб-Гвардии Атаманского полка

Предполагая использовать техническую подготовку охотника младшего урядника Ивана Ивановича Скасырского как инженера-технолога на авиационной службе прошу не отказать телеграфировать, нет ли препятствий прикомандированию его Увофлоту целью перевода впоследствии одну из авиачастей. 786

Подписал:

И(сполняющий) д(олжность) начальника Увофлота

полковник Яковлев

(По Управлению Военного Воздушного Флота)

Отделение Инспекторское 770

Верно:

И(сполняющий) д(олжность) начальника отделения

капитан Деркачев

4 февраля 1917 г.

7

НАЧАЛЬНИКУ 3-й ГВАРДЕЙСКОЙ

КАВАЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ

9 марта 1917 г.

№ 7943

В случае неимения препятствий прошу распоряжения о командировании вольноопределяющегося Лейб-Гвардии Атаманского полка Ивана Скасырского в Управление Воздушного Военного Флота для обучения и перевода впоследствии в воздушный флот. Согласия АВГУСТЕЙШИХ Походного Атамана и Полевого

Генерал-Инспектора Военного Воздушного Флота, а также командира Л. Гв. Атаманского полка имеются.

Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Генерал-майор Богаевский¹

И(сполняющий) д(олжность) адъютанта

Генерального Штаба капитан Шляхтин

Препятствий не встречается.

Ком(андующий) 3 Гв(ардейской) кав(алерийской)

Див(изией) генерал-майор Арапов²

8

ТОВАРИЩ МИНИСТРА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

Копия

По докладу моему от 20 ноября с. г. Ваше Высокопревосходительство изволили одобрить мое предположение о необходимости командировать на заводы Англии для ускорения окончательного выяснения условий заказа стрелочных переводов двух инженеров, в числе которых было предложено командировать инженера надворного советника Никифорова.

В заседании Комиссии по снабжению железных дорог стрелочными переводами помощник управляющего Хозяйственным отделом дейст. ст. сов. Коковцев доложил мне, что в настоящее время в виду накопления работы в Хозяйственном отделе по случаю приближения сроков выдачи заказов в потребность будущего года и по той причине, что один делопроизводитель Хозяйственного отдела и его помощник получил служебное перемещение, представляется крайне затруднительным отпустить инженера Никифорова на 20 дней за границу. Вследствие сего имею честь испрашивать разрешения Вашего Превосходительства командировать за границу вместо инженера Никифорова — инженера Скасырского, владеющего английским языком.

В случае одобрения моего предположения имею честь ходатайствовать, в целях ускорения отъезда инженера Скасырского, о выдаче ему 250 руб. авансом в счет командировочного довольствия, которое полагал бы назначить ему в размере 20 руб. в сутки.

Подписал:

Товарищ Министра Путей Сообщения Н. Щукин

Верно:

За Управляющего Отделом инженер Слободзинский

25 ноября 1913 г.

На подлинном Господином Министром положена резолюция: «Согласен. 25/11».

На подлинном Господином Товарищем Министра положена резолюция «У(правление) Ж(елезных) Д(орог). К дальнейшему. 25/XI.13 Н. Щ.».

Верно:

За Управляющего Техническим Отделом инженер Слободзинский

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГВИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 50. Л. 618 об. Подлинник. На бланке Управления Военного Воздушного Флота.

1 Этот пост с августа 1914 г. по март 1917 г. занимал Вел. Кн. Александр Михайлович (1866—1933), генерал-адъютант, генерал от кавалерии, в 1910—1914 гг. возглавлял Главное Инженерное управление, в 1916—1917 гг. —

Управление Военного Воздушного Флота. С 1918 г. в эмиграции.

2 Скасырский был произведен в прапорщики за отличие в боях приказом командующего Юго-Западным фронтом № 477 от 22 апреля 1917 г. (Ф. 493. Оп. 3. Д. 50. Л. 636 об.). Полное название полка — лейб-гвардии Атаманский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича казачий полк. До сформирования в 1916 г. 3-й гвардейской кавалерийской дивизии входил во 2-ю бригаду 1-й гвардейской кавалерийской дивизии.

3 С 1 марта 1917 г. этот пост занимал Гучков Александр Иванович (1862—1936), лидер партии «Союз 17 Октября», председатель Центрального военно-промышленного комитета. С 1918 г. в эмиграции.

4 Дюсиметьер Леон Павлович (1883—?), военный летчик, сын швейцарского гражданина, на русской службе с 1901 г. Окончил Николаевскую военную академию Генштаба. В 1914—1916 гг. — в 21-м корпусном и 1-м армейском авиационных отрядах, с мая 1915 г. — командир авиационной группы 2-й армии. В 1916 г. прошел стажировку во Франции, по возвращении — на административной работе в УВВФ. Кавалер орденов Св. Станислава 3-й и 2-й степеней (1908, 1914), Св. Анны 4-й степени, Св. Владимира 4-й степени, Св. Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия (1915).

2. РГВИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 50. Л. 621 об. Заверенная копия.

3. РГВИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 50. Л. 627 об. Заверенная копия.

1 В то время — Игнатьев Алексей Алексеевич (1877—1954), полковник. В 1918—1937 гг. — на советской дипломатической службе во Франции, затем — в Красной армии, генерал-лейтенант (1944).

2 Скасырский выехал во Францию через Мурманск 6 мая 1917 г.

3 Яковлев Дмитрий Васильевич, военный летчик и инженер, до марта 1917 г. был помощником начальника Управления Военного Воздушного Флота, преподавал в Николаевской инженерной академии.

4. РГВИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 50. Л. 630—632 об. Подлинник.

1 Скасырский родился 18 октября 1883 г. в станице Ермаковской 1-го Донского округа. Его отец, Иван Борисович, полковник, в предвоенные годы заведовал мастерскими Казанского порохового завода. О братьях сведений не найдено. (Ф. 493. Оп. 3. Д. 50. Л. 635.)

2 Окончил Технологический институт Императора Николая I.

3 Журнал «Русский Инженер» издавался с мая 1914 г. и прекратил свое существование после начала войны. Вышел всего один сдвоенный номер.

4 В то время — Рухлов Сергей Васильевич (1852—1918), в 1903—1905 гг. — товарищ

главноуправляющего торговым мореплаванием и портами Вел. Кн. Александра Михайловича. Один из лидеров Всероссийского Национального Союза.

5 В декабре 1913 г. — январе 1914 г. Скасырский посетил: в Англии — заводы «Кэммэл Лэйрд энд Ко ЛТД», «Хэдфилд», «Виккерс». «Т. Саммерсон энд Ко ЛТД», «Дарлингтон Рэйлуэй Плэнт энд Фаундри К° ЛТД»; во Франции — заводы «Шнейдер-Крезо»; в Германии — «Дортмунд Уньон».

6 Скасырский пошел на фронт добровольцем 28 июня 1915 г. За разведки, вылазки, снятие кроков неприятельских позиций во время боев на Холмской и Влодавской позициях и на р. Стоход был награжден Георгиевскими медалями 4-й и 3-й степеней «За храбрость» (27 июля 1915 г. и 4 ноября 1916 г.), Георгиевскими крестами 4-й, 3-й, 2-й, 1-й степеней (27 апреля, 4 ноября 1916 г. и 25 февраля 1917 г.), серебряной медалью на Станиславской ленте «За усердие» (24 января 1917 г.). 26 февраля 1916 г. произведен в урядники, 25 февраля 1917 г. — в подхорунжие. (Ф. 493. Оп. 3. Д. 50. Л. 635 об, 643 об.)

7 Борис Владимирович (1877—1943), Вел. Кн., генерал от кавалерии, шеф и походный атаман казачьих войск России. С 1918 г. в эмиграции.

8 Брусилов Алексей Алексеевич (1853—1926), генерал от кавалерии, в 1914—1916 гг. командовал 8-й армией, весной 1916—1917 гг. — Юго-Западным фронтом. Верховный главнокомандующий в мае — июле 1917 г. С 1920 г. в Красной армии, инспектор кавалерии.

5. РГВИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 50. Л. 638. Подлинник. На бланке строевого отделения полка.

1 10 марта 1917 г. начальник канцелярии полевого генерал-инспектора Военного Воздушного Флота при Верховном главнокомандующем генерал-майор Барсов Анатолий Николаевич ходатайствовал об откомандировании Скасырского из полка. (Ф. 493. Оп. 3. Д. 50. Л. 641.)

2 Михайлов Тимофей Васильевич, полковник. В 1915—1918 гг. командовал лейб-гвардии Атаманским казачьим полком.

6. РГВИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 50. Л. 639. Заверенная копия.

7. РГВИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 50. Л. 642. Подлинник. На бланке начальника штаба походного атамана. 1 Богаевский Африкан Петрович (1872—1934), генерал-майор Свиты Его Императорского Величества. В 1919—1920 гг. — генерал-лейтенант белогвардейских войск, атаман Донского казачьего войска. С ноября 1920 г. в эмиграции. 2 Арапов Петр Иванович, генерал-майор. В 1916—1917 гг. командовал 3-й гвардейской кавалерийской дивизией. 8. РГВИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 50. Л. 634 об. Публикация С. Г. НЕЛИПОВИЧА

Том VI) Д. Д. Языков. Материалы для «Обзора жизни и сочинений русских писателей и писательниц»

Языков Д. Д. Материалы для «Обзора жизни и сочинений русских писателей и писательниц». Вып 15: (Русские писатели и писательницы, умершие в 1895 году) / Публ. @ Г. Ю. Дрезгуновой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 518—540. — [Т.] VI.

ГЕНРИЦИ (фон) Александр Александрович (родился в 1824 году — умер в сентябре 1895 года в Гельсингфорсе) — доктор медицины.

Некролог

В Гельсингфорсе, на днях, внезапно скончался один из немногих остававшихся в живых участников славной обороны Севастополя, финляндский окружной военно-медицинский инспектор, совещательный член военно-медицинского ученого комитета, доктор медицины и хирург, Александр Александрович фон Генрици. Покойный родился в 1824 году, окончил курс в Медико-Хирургической Академии и начал службу в качестве ординатора в казанском госпитале, где ему пришлось бороться с холерой, свирепствовавшей тогда на востоке России. В 1851 году, будучи доктором медицины, А. А. прикомандировался к Клиническому госпиталю в Петербурге для изучения хирургии под руководством покойного Н. И. Пирогова. Сдав экзамен на звание хирурга, он был назначен штаб-лекарем в Азовский пехотный полк, с которым весной 1853 года, при начале Восточной войны, выступил в пределы княжеств и участвовал во всех перипетиях трудной кампании. С этим же полком он пришел и в Крым, где, с сентября 1854 г. по январь 1855 г. был все время на передовых перевязочных пунктах, подавая помощь раненым; с 15 января находился в Севастополе, участвуя в рекогносцировке в Евпатории, в сражении на р. Черной и организуя перевязочные пункты. По окончании войны покойный уехал за границу для изучения хирургии и военно-санитарного дела в Пруссии, Австрии, Франции и Англии. Затем был главным врачом киевского военного госпиталя, помощником одесского военно-медицинского инспектора и с 1873 г. — финляндским окружным военно-медицинским инспектором. По его идее и благодаря его настойчивым хлопотам было учреждено в Гельсингфорсе военно-санитарное общество, председателем которого он состоял до конца жизни. Покойный помещал свои многочисленные труды в разнообразных периодических изданиях. Из них назовем его «Воспоминания о Восточной войне 1853—1856 гг.» («Русская Старина», 1878 г.). За участие в Восточной войне он имел ордена: Св. Анны 3 ст. и Св. Станислава 2 ст. с мечами. Покойный, отличаясь гуманным отношением к своим подчиненным, постоянно стремился поднять значение военно-медицинского сословия («Новое Время», 1895, № 7019).

Библиография

О нем:

«Новое Время», 1895, № 7019.

«Исторический Вестник», 1895, кн. 11, с. 655.

ГЕРМАН (умер 18 декабря в Петербурге) — епископ.

Некролог

Вчера, 18 декабря, в Александро-Невской лавре скончался член Св. Синода, преосвященный Герман, управляющий московским Донским ставропигиальным монастырем. Почивший пастырь принимал деятельное участие, когда жил в Новгороде, в составлении описи рукописей, хранившихся в архиве Софийского новгородского собора. Из ученых трудов преосвященного Германа назовем ценное исследование жизнеописания преподобного Иоанна Лествичника и его «Лествицы постепенного нравственного усовершенствования». Как оратор, покойный был хорошо известен своими симпатичными, тепло и сердечно произносимыми речами («Новое Время», 1895, № 7117).

Библиография

О нем:

«Церковные Ведомости», 1895, № 51—52, с. 1865—1868; 1896, № 5, с. 180—181.

«Московские Церковные Ведомости», 1895, № 52, с. 527—528.

«Московские Ведомости», 1895, № 351.

«Новое Время», 1895, № 7117.

«Народное Образование», 1896, № 1.

ГИЛЬДЕБРАНД Иван Бернардович (умер 19 марта в Петербурге) — преподаватель французского языка.

Некролог

19 марта внезапно скончался один из лучших преподавателей французского языка в столице Иван Бернардович Гильдебранд. Уроженец Франции, покойный начал свою педагогическую деятельность в России домашним учителем и несколько лет был гувернером в доме кн. Кочубея. Впоследствии, получив звание учителя гимназии, он преподавал сначала в Царскосельской гимназии, потом в гимназии при Историко-филологическом институте и в 8-й гимназии; кроме того, он преподавал некоторое время в 1-м реальном училище и в женской гимназии г-жи Шаффе. Как преподаватель, И. Б. отличался основательным знанием своего предмета, интересом и любовью к своему делу и замечательной серьезностью в понимании его.

Напряженная работа изо дня в день свела его преждевременно в могилу, переутомив и подорвав его силы. И. Б. составил руководство для изучения французского языка «Cours elementaire de Langue francaise», в 2 частях, представляющее труд вполне самостоятельный, тщательно продуманный и весьма ценный в педагогическом отношении («Новое Время», 1895, № 6849).

ГИЛЯРОВ Федор Александрович (родился в 1841 году — умер 4 августа 1895 года в Химках) — преподаватель русского языка.

Некролог

В Химках, на даче, скончался 4 августа Федор Александрович Гиляров.

Покойный, сын московского священника, состоявшего при церкви Св. Владимира, близ Ивановского монастыря, высшее образование получил на историко-филологическом факультете Московского университета. По окончании курса кандидатом в 1866 г. он вступил на педагогическое поприще и состоял в течение пятнадцати лет преподавателем русского языка в 5-й мужской гимназии, Елизаветинском институте и Александровском военном училище. Во время этой педагогической службы им вместе с А. И. Кирпичниковым были напечатаны: «Этимология русского языка» (М., 1868), достигшая теперь до тридцати изданий, и «Русская хрестоматия для низших классов гимназий» (М., 1869), «Сборник для чтения и письменных упражнений» (М., 1871), «Исторические и поэтические сказания о Русской земле в хронологическом порядке событий» (М., 1872, 405 стр.), «Этимология церковного славянского языка» (М., 1876), «Предания русской начальной летописи» (М., 1877, 325 стр.), «Царство Сербское», очерк (М., 1877, V + 194 стр.) и «Школа родного языка: азбука преимущественно для сельских школ» (М., 1878, 140 стр.).

Одновременно с учебными занятиями Ф. А. Гиляров принимал живое участие в «Современных Известиях» (1867—1887), издававшихся его родным дядей Н. П. Гиляровым-Платоновым, и сотрудничал в «Московских Ведомостях», печатая описание Донского и Новодевичьего монастырей и обзоры исторических журналов.

Выйдя в отставку, покойный с 1883 г. предпринял собственное периодическое издание. Сначала оно выходило под заглавием «Афиши и Объявления», а с 1885 г. под названием «Вестник». Эта небольшая московская газета преимущественно посвящалась театру: в ней помещались афиши, содержание пьес, новости и слухи, касавшиеся русской сцены, и т. д.

Кроме того, Ф. А. Гиляров состоял действительным членом Общества Любителей Российской Словесности при Московском университете (с 22 мая 1872 года) и состоял в нем временным

секретарем (1875—1878 гг.) («Московские Ведомости», 1895. № 214).

Библиография

Его:

Статья «Материалы для физиологии общества» («Московские Ведомости». 1860, № 62).

15 лет крамолы (4 апреля 1866 — 1 марта 1881) (М., 1883, Т. I, ч. 1).

Обзор «Русские Исторические Журналы» («Библиотека для чтения», прил. к «Царю Колоколу», 1892, кн. 1—6).

О нем:

«Московские Ведомости», 1895, № 24.

«Новое Время», 1895, № 6983.

«Русское Слово», 1895, № 212, 218.

«Исторический Вестник», 1895, кн. 10, с. 300—301; 1897, кн. 6, с. 759—760.

«Русское Обозрение», 1897, кн. 10, с. 728—731.

«Воспоминания» («Русский Архив», 1904, кн. 1—6).

ГЛЕБОВ Андрей Николаевич (родился в 1857 году — умер 22 октября 1895 года в окрестностях Красного Села) — инженер.

Некролог

22-го октября в окрестностях Красного Села охотилась компания спортсменов. Охота окончилась печально. Один из ее участников — инженер Андрей Николаевич Глебов — был смертельно ранен. Егерь, подававший Глебову ружье, зацепил за курок и произвел нечаянный выстрел. Весь заряд попал в бок. Немедленно раненого доставили в ближайшее селение, где и были оказаны возможные меры помощи. Несчастный промучился более двух часов, сохраняя все время и память, и самообладание. Последние минуты покойного были трогательны. Перенося невыразимые страдания и чувствуя приближение смерти, А. Н. собрал утешающие силы и сделал распоряжения о делах и о семье. За несколько времени до смерти он приобщился. При последних минутах его жизни присутствовали сотоварищи по охоте, глубоко потрясенные случившимся, князя Тенишев и Долгоруков. А. Н. родился в 1857 г., происходил из дворян Ярославской губернии. Окончив в 1875 г. военную гимназию, он выдержал в этом же году конкурсные экзамены в горный и технологический институты. Поступил в последний. Окончил его блестяще. По окончании курса он отправился на юг. В Донецком бассейне, в рудниках он, начав с должности десятника, очень быстро благодаря своим выдающимся способностям сделался управляющим рудниками. Глубокое и всестороннее знание горного дела края привело А. Н. к замечательным открытиям. Он в 1893 г. открыл на юге золото.

В следующем году им учреждено акционерное общество для разработки и добывания золота и других металлов, также найденных им. А. Н. открыл первый золото в Европейской России и даже в Европе. Недавно им организовано новое товарищество для добывания угля («Новое Время», 1895, № 7060).

Библиография

О нем:

«Московские Ведомости», 1895, №№ 295, 297.

ГОЛУБЕВ Александр Алексеевич (родился в 1836 году — умер 9 октября 1895 года) — действительный член Императорского Общества Истории и Древностей Российских.

Некролог

Я видел и беседовал с покойным Александром Алексеевичем Голубевым всего два раза, и он навсегда запечатлелся в моей памяти. Это был энергичный и честный труженик, причем как внешняя, так и внутренняя скромность никогда его не покидала.

А. А. Голубев происходил из духовного звания. Окончив курс в Пензенской семинарии, он, чтобы прокормить свою семью, после смерти отца поступил на службу к одному волжскому купцу шкипером на его судах.

Два года покойный был на этой «черной», по его словам, службе. Как хорошего и честного служаку, купец очень любил А. А. После этого покойному удалось устроить своих сестер и выполнить давно лелеемую им мысль поступить в Московский университет. Здесь он закончил свое образование на юридическом факультете и затем поступил на службу в Московский Архив Министерства Юстиции. Плодами занятий его в Архиве были известные ученые произведения: «Сыскной приказ в 1730—1773 гг.», «Расправная палата при Сенате», «Исторический очерк Св. Синода до 1740 года», «Атаман Илюшка Пономарев», «К истории бунта Стеньки Разина». Все эти произведения были напечатаны в «Чтениях при Императорском Обществе Истории и Древностей Российских». Кроме того, его сочинение «Понизовая вольница» своевременно обратило на себя всеобщее внимание.

Покойный состоял действительным членом Императорского Общества Истории и Древностей Российских. Неуклонно посещая заседания этого Общества, А. А. Голубев сделал много интересных докладов. Мир праху твоему, честный труженик! Д. А. С-ов («Московские Ведомости»,

1895, № 280, 281).

Библиография

О нем:

«Московские Ведомости», 1895, №№ 280, 281.

«Новое Время», 1895, № 7049.

«Исторический Вестник», 1895, кн. 12, с. 1009—1010.

ГОРБУНОВ Иван Федорович (родился в 1831 году — умер 24 декабря 1895 года в Петербурге) — артист Александрийского театра, писатель.

Некролог

С чувством большого сожаления приходится отметить кончину даровитого артиста Александрийского театра и известного рассказчика народных сцен Ивана Федоровича Горбунова и передать о нем ряд воспоминаний.

Покойный по месту рождения и воспитания, по первым шагам своей артистической деятельности всецело принадлежал Москве. Здесь он родился в 1831 году и воспитывался в Московском Набилковском училище, а затем примкнул к тому литературному кружку, который известен под

названием «молодой редакции» журнала «Москвитянин». Тут окружающие его лица, как, например, Б. Н. Алмазов, А. А. Григорьев, Е. Н. Эдельсон и начинающий драматург Островский, развили в нем вкус и природное влечение к сценической деятельности. Особенно сильно сказалось влияние Островского и его приятеля — артиста П. М. Садовского. Благодаря советам этих двух лиц юный Горбунов 16 ноября 1853 года впервые выступил на домашнем спектакле у г-жи Пановой в пьесе Островского «Не в свои сани не садись», где играл полового, а сам автор комедии — роль Маломальского. Ровно через год, 16 ноября 1854 года, покойный уже дебютировал на Московском Малом театре в бенефисе Садовского, исполняя роль купеческого сына в комедии Владыкина «Образованность», и тогда же был принят в число артистов лучшей драматической труппы. Это было прекрасной школой для начинавшего молодого артиста, оставившей след на всей сценической его карьере.

Но молодой Горбунов только один год пробыл на московской сцене: 16 ноября 1855 года состоялся его дебют в Александрийском театре, и после удачного исполнения роли пастуха в пьесе Стаховича «Ночное» он перешел в петербургскую драматическую труппу, где в течение сорока лет служил истинным украшением сцены, играя главным образом купцов, приказчиков и так называемые мужские роли.

Однако комический талант покойного еще рельефней выразился в бытовых юмористических рассказах, которые Горбунов мастерски передавал и со сцены, и среди приятельских кружков. Эта неподражаемая прелесть народного языка и тона сказала уже в первом произведении покойного, написанном в Москве и напечатанном в «Отечественных Записках» (1855 г., кн. 9), под заглавием «Простой случай». Затем такие рассказы и сцены появлялись в разных журналах, например, в «Современнике», «Искре», «Общезанимательном Вестнике», «Петербургских Ведомостях», «Ниве», и позже вышли отдельной книгой (Спб., 1861), теперь достигшей девятого издания. Особенно же замечательны были его шуточные «речи генерала Дитяткина», подделки под старинный язык документов XVII и XVIII столетий, — эти «доношения» и «челобитные», напечатанные в «Альбоме М. И. Семевского» (Спб., 1888).

Кроме рассказов, И. Ф. Горбунов написал несколько небольших пьес, поставленных и на сцене, как, например, «Комедия на станции» (1856), «Полтора рубля» (1857), «Охота пуще неволи» (1858), «Постоялый двор» (1864), «Самодур» (1868) и «На реке» (1876); но эти произведения имели меньший успех, чем «рассказы» и «сцены из народного быта».

В последнее же время покойный артист с необыкновенной энергией отдался изучению прошлой истории русского театра. Он собрал любопытные старинные материалы и напечатал вереницу статей под заглавием: «Первые русские придворные комедианты — Волков, Дмитриевский, Плавильщиков, Шумский, Троепольская, Шушерин, Яковлев, Сандунов» («Русский Вестник», 1892, кн. 2, 3, 9, 12) и «Московский театр в XVIII столетии» (1893, кн. 1). Его же заботами и трудами теперь устроен в фойе Александринского театра замечательный музей, где хранятся портреты замечательных драматических деятелей и ряд документов по истории русского театра. Этот музей в связи с талантливыми рассказами, записанными импровизациями и добросовестными исследованиями театральной стороны останется долговечным памятником деятельности покойного артиста И. Ф. Горбунова. Летописец («Московские Ведомости», 1895, № 357).

Библиография

Его:

Затмение солнца («Новое Время», 1879, № 6, 7).

Безответственный (там же, № 8).

На ярмарке (там же, № 12).

Дневник («Новое Время», 1884, февраль).

Белая зала («Новое Время», 1890, № 5043).

Отрывок из комедии «Наследство» («Новое Время», 1892, № 5690).

О некотором зайце («Русская Старина», 1898, кн. 3, с. 537—541).

Отжившие типы («Русская Мысль», 1900, кн. 10).

Горбунов И. Ф. Сочинения. Под ред. и с пред. А. Ф. Кони, 2 тт. (Спб., 1902).

Горбунов И. Ф. Сочинения. (Императорское Общество Любителей Древней Письменности. 1904—1910).

О нем:

«Московские Ведомости», 1895, № 357; 1898, № 4, 158.

«Новое Время», 1895, № 7122, 7123; 1898 № 7866.

«Русская Мысль», 1896, кн. 12, с. 31—57.

Воспоминания С. Максимова (Ежегодник Императорских театров, сезон 1895—1896 гг. с. 479—483).

«Исторический Вестник». 1896, кн. 2, с. 656—667; кн. 3, с. 1063.

«Нива», 1896, № 2.

«Вестник Европы», 1898, кн. 11, с. 5—63; кн. 12, с. 437—481.

В. А. Тихонов. Воспоминания об И. Ф. Горбунове («Исторический Вестник», 1899, кн. 1, с. 167—186).

Граф П. Шереметев. Отзвуки рассказов И. Ф. Горбунова 1883—1895 гг. (СПб., 1901, 146 стр.).

«Новое Время», 1904, № 10301.

«Русский Архив», 1908, кн. 5, с. 155—158.

«Исторический Вестник», 1910, кн. 9, с. 834—836.

«Новое Время», 1910, №№ 12448, 12496.

ГРУДЕВ Геннадий Владимирович (родился 21 октября 1796 года — умер 12 декабря 1895 года в Москве) — тайный советник, чиновник.

Некролог

12 декабря в 6 часов вечера скончался старейший гласный Московской Городской Думы, видный общественный деятель, тайный советник Геннадий Владимирович Грудев.

Имя его принадлежало к числу самых популярных в первопрестольной столице. Столетнего старца, можно сказать, знала вся Москва. Всех поражала в старце ясность ума, бодрость и энергия, не оставлявшая его до самой кончины. До последнего времени он не переставал интересоваться общественными вопросами и вносить в них свою опытность и знание.

Человек, на которого в последние дни жизни москвитин, вышедший из думской залы, был популярен

неудивительно, что весть о кончине маститого старца вечером из думской залы, где получено было первое известие, облетела всю столицу и встречена с искренним сожалением. Г. В. Грудев в разнообразных кругах пользовался большим уважением и любовью.

Покойный, по происхождению дворянин Костромской губернии, получил образование в Костромской гимназии. Служебная деятельность Г. В. Грудева началась в начале нынешнего столетия в Костромской казенной палате. В 1811 году покойный оставил службу в палате и перешел в Ардатовское городское правление. Здесь он служил менее года, перейдя вскоре в Костромскую палату окружного суда. Затем некоторое время он принимал участие в комиссии по снабжению государства солью.

В 1818 году поступил в правление Императорской Академии Наук, где скоро занял должность помощника библиотекаря Академии Наук. В 1824 году, по предложению министра финансов, Г. В. Грудев занял место чиновника особых поручений при правлении Государственного Заемного Банка, в котором впоследствии исправлял должность директора отделения. В 1828 году он перешел на службу в Департамент

Уделов и был командирован для осмотра Московского удельного округа и составления его

статистического описания. За исполнение этого поручения Г. В. Грудев был Высочайше награжден перстнем. Эта командировка имела большое влияние на всю дальнейшую деятельность его, которая переносится с этого времени в Москву. Ему было поручено исправлять должность управляющего Московской Удельной Конторой, а в 1832 году он был утвержден в этой должности. Во время бывшей в 1830 году в Москве холеры покойный заведывал Сретенским домом для больных, за что вместе с другими, участвовавшими в прекращении эпидемии, удостоился получить Высочайшее благоволение. Служба Г. В. Грудева по Удельному Ведомству продолжалась недолго; в 1833 году он оставил ее. В 1839 году он был избран дворянством посредником по Подольскому уезду. В 1845 году покойный уже занимал должность чиновника особых поручений по Министерству Народного Просвещения. Служба в этом Министерстве продолжалась до 1850 года, когда он вышел в отставку. Дальнейшая деятельность покойного принадлежала главным образом Москве. В 1866 году он был избран почетным мировым судьей, а в 1869 году занял должность председателя мирового съезда. С 1871 года началась деятельность Г. В. Грудева по Московской глазной больнице в качестве члена Совета; в 1875 году он был избран председателем совета этой больницы и оставался в этом звании в течение 20 лет, не переставая заботиться о пользе и развитии учреждения. Много потрудился покойный на пользу Москвы в качестве председателя ныне реформированного и перешедшего в ведение города Комитета по призрению и разбору нищих. В Московской Думе он был старшим гласным. Несмотря на свой преклонный возраст, покойный аккуратно посещал думские заседания, не переставая интересоваться делами городского управления. До последнего трехлетия он состоял представителем города в Московском Губернском Земстве. Чин тайного советника он получил в 1885 году. За свои заслуги на разных поприщах служения Г. В. Грудев имел в числе других знаков отличия ордена Белого Орла и Св. Владимира 2 ст. Г. В. Грудев был добрым и отзывчивым человеком, всегда принимавшим близко к сердцу интересы бедного населения столицы («Московские Ведомости», 1895, № 344). Библиография О нем: «Московские Ведомости», 1885, № 175; 1895. №№ 148, 344. «Русский Архив», 1896, кн. 4, с. 638—640. «Из рассказов Г. В. Грудева» («Русский Архив», 1898, кн. 1, с. 426—439). «Русская Старина», 1910, кн. 4, с. 163—164. ДЕСПОТ-БРАТОШИНСКИЙ-ЗЕНОВИЧ Александр Иванович (родился в 1829 году — умер 24 апреля 1895 года в Крыму) — действительный тайный советник, общественный деятель. Некролог 24 апреля, вдали от родных и друзей, скончался на 67-м году жизни в Оленсе, в Крыму, действительный тайный советник Александр Иванович Деспот-Братошинский-Зенович, один из видных деятелей шестидесятых годов. Большую часть своих трудов покойный отдал крайнему Востоку, где память о нем чрезвычайно жива и поныне даже среди простого народа. А. И. происходил из древнего магнатского западно-русского рода. Окончив курс в Московском университете в 1848 г., он стал готовиться к профессорской деятельности, но случайные обстоятельства изменили его первоначальный план. Несмотря на то, что А. И. жил в Москве в семье своего дяди по матери, московского генерал-губернатора П. А.

Тучкова, он во время пребывания П. А. Тучкова за границей был ошибочно заподозрен в неблагонадежности и сослан на жительство в Пермскую губернию. Впоследствии ошибка выяснилась, но А. И. уже не пожелал возвратиться из Перми, где служил в канцелярии губернатора. В это время уезжал в Сибирь гр. Н. Н. Муравьев (Амурский). А. И. был рекомендован ему, как человек талантливый и энергичный. Муравьев принял живое участие в его судьбе и предложил ему сначала место переводчика главного управления Восточной Сибири, а потом — пограничного комиссара кяхтинского градоначальника. С этого момента целое десятилетие работал А. И. на китайско-русском пограничье, и плоды его деятельности показывают, до какой степени кипучей была эта работа. Он принимал участие 524 в коммерческих собраниях Кяхты, руководил ими и указывал купечеству пути для изменения стеснительных условий торговли. Местное общество отличалось крайней косностью и отсутствием всяких интеллектуальных интересов — А. И. старался всеми силами прийти на помощь ему и оживить: по его инициативе стали выписываться журналы, устраиваться литературные беседы, основался клуб, а в Троицкосавске — детский приют. После назначения его на пост градоначальника жизнь этого отдаленного русского уголка потекла еще живее. Как находил А. И. возможным поспевать всюду, решительно непостижимо: он помогал местному крестьянству советами и выпиской на свои средства семян, чем значительно поднял земледелие в

этом крае; ему принадлежит видная роль в деле заключения с Китаем трактата 1860 г., сохраняющего и теперь свою силу; он открыл злоупотребления кяхтинской таможни и этим увеличил доходы казны до полутора миллионов ежегодно; благодаря ему был снаряжен первый огромный караван в Китай и т. д. Все это не мешало ему давать уроки в воскресных школах и собирать у себя местное общество. В 1862 г. А. И. был назначен тобольским губернатором и управлял губернией в продолжение пяти лет. За это время население, особенно переселенцы, ценя заслуги покойного, успело полюбить его и с сожалением простилось с ним, когда он получил новое назначение в Петербург. Вторая половина жизни А. И. протекла в столице, но нравственные связи его с любимой окраиной никогда не прерывались. Он принимал участие в комиссии об устройстве каторжных работ на Сахалине, об административном делении Сибирского края, о выборе места для сибирского университета, причем окончательное решение состоялось на основании усиленных стараний и представлений А. И. Долго было бы говорить о других административных трудах покойного. Жизнь его интересна и вне этой официальной деятельности. Занимаясь в тиши своего кабинета изучением современной русской и иностранной литературы, он среди книг, своих мертвых друзей, не забывал и живых, и все благородное, доброе и светлое находило в нем живой отклик. Двери его дома были всегда открыты для нуждающегося. Он жил исключительно для других и не оставил после себя никаких средств («Новое Время», 1895, № 6909). Библиография О нем: «Новое Время», 1895, № 6909. «Исторический Вестник», 1895, кн. 8, с. 516; 1907, кн. 7; 1911, кн. 5, с. 585—593. «Русская Старина», 1896, кн. 2, с. 301—302. ДЕСТУНИС Гавриил Спиридонович (родился 16 марта 1818 года — умер 19 марта 1895 года в Петербурге) — доктор греческой словесности, профессор Петербургского университета. Некролог В Петербурге, 19 марта, скончался Гавриил Спиридонович Дестунис. Замечательна была общественная и ученолитературная деятельность этого человека. Сын кефалонийского грека Спиридона Юрьевича Дестуниса, известного эллиниста, он родился 16 марта 1818 года в Петербурге и получил тщательное домашнее воспитание под руководством своего отца. Прекрасно подготовленный, покойный поступил в Петербургский университет на первое отделение философского факультета (1834 г.) и затем блистательно окончил курс первым кандидатом в 1838 г. Казалось, пред ним открывалось широкое научное поприще, но неожиданно развившаяся сильная хроническая болезнь не позволила ему в течение семи лет ни служить, ни заниматься наукой. Лишь два года (1845—1847), проведенные в благодатном климате Греции, возвратили молодому Дестунису здоровье и так сблизили его с родиной предков, что ее язык и народ, преимущественно в Византийский период, сделались исключительным предметом его изучения и научных работ. Тогда-то из-под его пера появились первые труды в избранной области, как, например, «Прогулка по Акрополю» («Журнал Министерства Народного Просвещения», 1848), «О переводе «Одиссеи» В. А. Жуковским» (там же, 1850), «Очерк Клефтского быта» («Вестник Императорского Географического Общества», 1854). «Очерки возрождающейся Гнепии» («Библиотека для

«Географическое общество», 1867), «Первый обзор древнейшей географии (с древнейших до чтения», 1858, кн. 5), «Историческое сказание иноков Комнина и Прокла о разных 525 деспотах Эпирских» (СПб., 1858), «Материалы для рассмотрения вопроса о следах славянства в нынешнем греческом языке» (1858—1860 гг.), «Ватопедский снимок Птолемеевой географии, Сказания прииска Панийского и Византийские источники» (СПб., 1860). Все эти труды в 1869 г. доставили Г. С. Дестунису сначала кафедру Византийских древностей и литературы в Петербургском университете, как стороннему преподавателю, а затем, по возведении его в степень доктора греческой словесности (1865 г.), звание экстраординарного и позже ординарного профессора классических наук. Но эта профессорская деятельность была прервана новой болезнью, заставившей его покинуть университет в 1879 г. и через некоторое время поступить на службу в Министерство Иностранных Дел драгоманом IV класса. Тем не менее он продолжал, хотя и с большими перерывами, свои научные занятия. Так, им были изданы: «История Прокопия Кесарийского» (СПб., 1862), «Об амуре, греческая былина» (СПб., 1877), «О Кеанфоине» (СПб., 1881), «Рассказ о путешествии по св. местам Даниила, митрополита Ефесского» (Прав. Палестинский Сборник, вып. VIII), «Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода» (СПб., 1883, 127 стр.) и «Историко-топографический очерк сухопутных стен Константинополя» («Труды VI Археологического съезда», Одесса, 1887, т. III) («Московские Ведомости», 1895, № 80). Библиография О нем: «Московские Ведомости», 1895,

№ 80. «Исторический Вестник», 1895, кн. 6, с. 931—932. ДОБРОНРАВОВ Григорий Иванович (умер 7 июля 1895 года в Москве) — автор. Библиография О нем: «Московские Церковные Ведомости», 1895, № 331. ДОБРОСЕРДОВ Дмитрий Тимофеевич (умер 12 мая 1895 года) — врач. В пятницу, 12-го сего мая, в 8 час. веч. после тяжелой и продолжительной болезни скончался бывший старший врач Каменец-Подольского военного лазарета Дмитрий Тимофеевич Добросердов, о чем вдова и мать с глубокой скорбью извещают родных и знакомых. Панихиды ежедневно в 1 ч. дня и 8 ч. веч. в квартире покойного: Удельная, рядом с вокзалом, дом Иордана. № 19, кв. 2. О дне погребения последует извещение особо («Новое Время», 1895, № 6898). ДОМОНТОВИЧ Иван Иванович (родился 3 января 1815 года — умер 23 июля 1895 года в Стрельне) — тайный советник. Некролог На даче в Стрельне, 23 июля, скончался старейший питомец Петербургского университета, тайный советник Иван Иванович Домонтович. Потомок генерального судьи Запорожского войска, он родился 3 января 1815 г. и воспитывался сначала в Петербургском высшем училище, а затем на историко-филологическом факультете Петербургского университета, где окончил курс со степенью кандидата в 1833 г. По выпуске из университета покойный поступил на службу по духовному ведомству и служил в течение тридцати трех лет, занимая впоследствии должность вице-директора духовно-учебного управления и место управляющего делами Высочайше учрежденного присутствия по улучшению быта православного духовенства. С 1866 г., выйдя в отставку, И. И. Домонтович был избран в гласные Петербургской думы и там в продолжение почти тридцати лет принимал живое участие в разных комиссиях; между прочим он особенно занимался делом столичной канализации и даже издал «Записки по проектам об отводе городских нечистот» (СПб., 1874) («Русское Слово», 1895, № 202). Библиография О нем: «Церковные Ведомости», 1895, № 31. «Московские Ведомости», 1895, № 203. «Новое Время», 1895, № 6969. 526 «Русское Слово», 1895, № 202. «Исторический Вестник», 1895, кн. 9, с. 830—831. ДРАГОМАНОВ Михаил Петрович (родился в 1841 году — умер 8 июня 1895 года в Софии) — историк и публицист. Некролог В Софии скончался 8 июня известный русский эмигрант Михаил Драгоманов, в последние годы состоявший профессором истории при софийской высшей школе. Покойный — уроженец Полтавской губернии, свое гимназическое и университетское образование получил в Киеве, где с 1870 г. занимал кафедру истории при университете Св. Владимира. За свою антиправительственную пропаганду Драгоманов лишился должности в Киеве и уехал за границу, поселился в Галиции и сделался там организатором мало-русской партии, отличающейся полной враждебностью к России и ко всему русскому. Драгоманов явился одним из ярких проповедников независимости Малороссии и освобождения ее из-под «гнета» русского правительства, мешающего будто бы свободному развитию хохлацкой нации, к которой причислял себя Драгоманов и которой он, согласно своим историческим исследованиям, пророчил великую будущность в союзе со свободной и независимой Польшей. Политическая пропаганда навлекла на Драгоманова недовольство даже Австрийского правительства: он вынужден был оставить

Драгоманов под давлением даже австрийского правительства, он вынужден был оставить Галицию и переехать в Швейцарию, где поселился в Женеве и прожил много лет, участвуя во многих русских революционных изданиях, печатавшихся в том городе. Нигилист-историк Драгоманов не мог не привлечь симпатий нигилиста-министра Стамбулова, который и пригласил его в 1889 г. занять кафедру в высшем учебном заведении в Софии. Преподавая юным подданным Фердинанда Кобургского историю по методу украинофилов и хохломанов, Драгоманов в Софии занимался также изданием материалов для характеристики жизни и деятельности русских эмигрантов и революционеров. «До последнего издыхания своего, — говорит вольномыслящая «Франкфуртская Газета», — Драгоманов остался верен своим свободным убеждениям. Принадлежа официально к греко-православной церкви, он тем не менее завещал, чтобы его похоронили по протестантскому обряду (!). Так как в Болгарии допускается только церковное погребение, то у покойного Драгоманова остался только этот путь, чтобы устроить себе гражданские похороны, к которым протестантский обряд подходит ближе, чем православный». Это служит лучшей характеристикой людей вроде Драгоманова («Московские Ведомости», 1895, № 166). Библиография Его: О легенде мироздания (София, 1894). М. А. Бакунин. Критико-биографический очерк (Казань, 1906). Политические сочинения. Том первый: Центр и Окраины (М., 1908, 486 стр.). Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену (Женева, 1892, 227 стр.). Автобиография («Былое», 1906). О нем: «Русская Мысль», 1895, кн. 7,

отд. II, с. 187—188. «Московские Ведомости», 1895, № 166. «Новое Время», 1895, № 6926. «Исторический Вестник», 1895, кн. 8, с. 515. Русовой С. Памяти М. П. Драгоманова («Русская Мысль», 1905, кн. 8, отд. II, с. 50—71). «Вестник Европы», 1913, кн. 10. ДУХОНИН Михаил Лаврентьевич (родился 31 августа 1837 года — умер 17 декабря 1895 года в Москве) — генерал-лейтенант. Некролог Безвременная, всеми оплакиваемая кончина генерал-лейтенанта Михаила Лаврентьевича Духонина побуждает нас сообщить самые главные сведения из жизни этого выдающегося военного деятеля и истинно русского человека. М. Л. Духонин, дворянин Смоленской губернии, родился 31 августа 1837 года. По окончании курса наук во 2-м кадетском корпусе он был выпущен прапорщиком в 1855 г. в лейб-гвардии Финляндский полк. В 1861 г. подпоручик Духонин поступил в Николаевскую Академию, в которой блестяще окончил курс с серебряной 527 медалью. Боевая деятельность покойного началась рано. В 1863 г. при подавлении польского мятежа он участвовал в нескольких боях и за оказанное отличие был награжден орденом Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом, а в 1866 г. был произведен в подполковники и назначен начальником штаба 1-й пехотной, затем 15-й пехотной дивизии. В 1873 г. М. Л. Духонин был назначен командиром 55-го пехотного Подольского полка, с которым и выступил в поход 1877—1878 гг. 15 июля 1877 г. он участвовал с полком, в составе 14-й пехотной дивизии, которой командовал генерал Драгомиров, в форсировании переправы через Дунай у Зимницы, в бою на Систовских высотах и при взятии Систова; при этом он был ранен в кисть правой руки на вылет. За отличие в этих боях полковник Духонин получил Монаршую благодарность и награжден орденом Св. Георгия 4 ст. Вскоре затем М. Л. Духонину пришлось действовать с полком на Шипке. В то время, когда ничтожная горсть наших храбрецов героически защищала Шипкинский перевал против тридцатитысячной армии Сулейман-паши, истощая последние свои усилия, на помощь героям примчалась 14-я пехотная дивизия генерала Драгомирова, с генералом Радецким, а в ее составе и Подольский полк под командой М. Л. Духонина, сделавший в последние сорок часов около семидесяти верст, двигаясь почти безостановочно при страшной жаре. С прибытием подкрепления Шипкинская позиция была спасена, и началось знаменитое в истории военного искусства пятимесячное Шипкинское сидение, с которым имя М. Л. Духонина связано самым тесным образом. 13 августа полковник М. Л. Духонин участвовал с частями полка в штурме укреплений «Лесной горы», взятых после упорного боя. В этом сражении покойный был контужен в обе ноги. 17 августа на М. Л. Духонина возложено было начальствование передовой позицией на горе Св. Николая, занятой с этого дня подольцами. После падения Плевны на Шипку были посланы подкрепления, которые генерал Радецкий направил на Балканы, в обход Шипкинских позиций, в тыл туркам, с целью освобождения Шипкинского гарнизона: справа от Шипки двинулась колонна генерала Скобелева и слева — князя Святополк-Мирского. Утром 28 декабря с высот Св. Николая было ясно видно, как разгорался сильный бой с левой колонной. Опасение за критическое положение обходных колонн ежеминутно возрастало. В 11 часов утра генерал Радецкий призвал командующего

колонн ежеминутно возрастало. В 11 часов утра генерал Гадецкий призвал командующего Подольским полком генерал-майора М. Л. Духонина и, прочтя ему телеграмму князя Святополк-Мирского с просьбой о содействии его отряду, объявил, что настала минута выручить товарищей и что эту задачу он возлагает на 2-ю бригаду 14-й пехотной дивизии, которой командовал покойный с 14 августа вместо генерала Петрушевского. Через полчаса подолыцы двинулись на штурм с генералом Духониным во главе, прямо по шоссе шириной около семи шагов, вправо от которого круто поднимались обледенелые скалы, а слева ниспадал чрезвычайно глубокий овраг, занесенный сугробом. Этот замечательный штурм был произведен настолько решительно и энергично, что небольшая штурмовавшая колонна удержала против себя половину турецкой армии, не дав ей возможности обрушиться на наши обходные колонны, перешедшие в это время также в энергичное наступление. Таким образом, окруженная со всех сторон турецкая армия должна была сдаться. В Подольском полку после этого штурма уцелели всего лишь 3 офицера и 235 нижних чинов. Генерал Духонин был ранен в голову. Наградами ему были: за 13 августа — золотая сабля за храбрость, за 5 сентября — чин генерал-майора, за 30 октября — орден Св. Станислава I степени с мечами и за 28 декабря — орден Св. Анны I степени с мечами; кроме того, он был зачислен в списки Подольского полка, с присвоением ему мундира. Вскоре затем генерал М. Л. Духонин был назначен начальником штаба 4-го армейского корпуса, которым командовал генерал М. Д. Скобелев и под начальством которого он закончил поход 1878 года. В

1882 г. покойный был назначен помощником начальника штаба Варшавского военного округа, а в 1885 г. — Выборгским комендантом. В последней должности М. Л. Духонин пробыл по 1889 г., и его служебная деятельность за время пребывания в Финляндии известна по массе затронутых им вопросов, касающихся поддержания в Финляндии русских интересов. В 1886 г. он был произведен в 528 генерал-лейтенанты, а в 1889 г. был назначен начальником 36-й пехотной дивизии. В 1893 г., когда генерал С. М. Духовской был назначен Приамурским генерал-губернатором, М. Л. Духонин призван был занять пост начальника окружного штаба Московского военного округа, а летом текущего года получил высшее назначение на должность командира 4-го армейского корпуса. Продолжительная служба в мирное время и замечательный боевой опыт создали в лице М. Л. Духонина выдающегося военного деятеля, на которого возлагалось много надежд. При своих замечательных дарованиях покойный был одушевлен сильной любовью к своему отечеству и во всякое дело вносил оживленную энергию. Поэтому наша армия потеряла в нем одного из наиболее выдающихся своих генералов. Кроме перечисленных наград М. Л. Духонин имел ордена Белого Орла, Св. Владимира 2 степени и др. («Московские Ведомости», 1895, № 350). Библиография О нем: «Московские Ведомости», 1895, № 350. «Русское Слово», 1897, № 22. ДЬЯКОВ Александр Александрович (родился 2 ноября 1845 года — умер 16 июля 1895 года в Одессе) — писатель. Некролог Из ряда представителей современной печати выбыл талантливый писатель Александр Александрович Дьяков, скончавшийся в Одессе. Нам мало знакома биография покойного, но зато известна его литературная деятельность, которая продолжалась в течение двадцати лет. В 1875 г. А. А. Дьяков, после глубокого разочарования в заграничных нигилистических кружках, находясь в Швейцарии, прислал М. Н. Каткову свой первый рассказ под заглавием «Кружок». «Рассказ, по словам нашего знаменитого публициста, имел достоинства как по содержанию и направлению, так и в литературном отношении; он отличался характеристическими чертами, метко схваченными с натуры и явно свидетельствовавшими, что автор по собственному опыту знаком с тем миром, который он описывал. Можно было заключить, что автор сам когда-то принадлежал к числу молодых людей, попавших в сети нигилистической пропаганды, но успел вырваться из нее и понять всю ее мерзость. Мы могли только радоваться при виде человека, которого Бог избавил от лукавого. Рассказ его был напечатан («Русский Вестник», 1875, кн. 12; 1876, кн. 5) и произвел впечатление». С тех пор А. А. Дьяков, находясь большей частью в Праге, где проходил курс в тамошнем Политехникуме, и только в конце 1877 г. на короткий срок навестив Москву, сделался сотрудником «Московских Ведомостей» и «Русского Вестника». В течение пяти лет (1875—1880 гг.), под псевдонимом А. Незлобии, он помещал в газете «Письма из Сербии и Черногории», а в журнале — свои рассказы: «В народ» (1876, кн. 9), «В Белграде и на позиции» (1876, кн. 12), «Weltschmerz» (1877, кн. 2), «От судьбы не уйдешь» (1878, кн. 4) и «Пророк» (1880, кн. 4). Все эти рассказы вышли и отдельной книгой под названием «Кружковщина», с приложением статьи «Нигилизм и литературное развитие» (Одесса, 1880, 508 стр.), а затем

приложением статьи «Тупицизм и литературное развитие» (Одесса, 1880, 300 стр.), а затем вторично, под простым названием «Рассказы А. Дьякова — А. Незлобина» (СПб., 1881, 460 стр.). С начала же восьмидесятых годов и почти до кончины А. А. Дьяков, под обычным псевдонимом «Житель», в петербургской газете «Новое Время» еженедельно вел воскресный фельетон, откликаясь на современные общественные вопросы то в виде рассказа, то в форме публицистической статьи. Большая часть таких фельетонов потом вышла отдельно под следующими заглавиями: «На отдыхе» (СПб., 1885, 360 стр.), «Сусальные звезды» (СПб., 1885, 337 стр.), «Картинки и этюды» (СПб., 1888, 310 стр.), «Наши дома» (СПб., 1891, 260 + 16 стр.), «Денежная оргия» (М., 1893, 548 стр.), «Рублевая деревня» и др. Последний фельетон А. А. Дьякова, под названием «Ангел мой», появился в нескольких номерах «Нового Времени» и был закончен лишь 2 июля (№ 6946). В этом предсмертном фельетоне в заключительной главе находились такие строчки, написанные точно по предчувствию: «Я чувствовал одиночество в толпе, и где бы я не был, мне все хотелось куда-то уйти... Все 529 определилось. Жизнь испорчена. Презрительный вызов мне брошен... Конец всему...» («Московские Ведомости», 1895, № 196). Библиография О нем: «Северный Вестник», 1895, кн. 8, отд. II, с. 82—83. «Московские Ведомости», 1895, № 196. «Новое Время», 1895, № 6962, 6967, 6968, 6974. «Исторический Вестник», 1895, кн. 9, с. 823—827. ЕВРОПЕУС Александра Константиновна (умерла 15 марта 1895 года в Петербурге) — литературный работник. В ночь с 14-го на 15-е

марта скончалась Александра Константиновна Европеус. Покойная обладала хорошим образованием и 30 лет посвятила литературным работам. Шестнадцать слишком лет она служила корректором при типографии министерства путей сообщения во время управления министерством К. Н. Посыета, работала в «Биржевых Ведомостях», в «Русском Мире» во время редакторства М. Г. Черняева. Под псевдонимом А. К. Владимировой были напечатаны ее сочинения: «Без вины виноватые», «Законоположение о незаконорожденных», «О воспитательных домах в Европе и Америке». Очень много статей для детского возраста напечатала она в журнале «Игрушечка». А. К. всегда отличалась редкой добротой сердца. Много помощи оказала нуждающимся эта добрая женщина, несмотря на то, что сама существовала единственно литературной работой («Новое Время», 1895, № 6842). Библиография О ней: «Новое Время», 1895, № 6842 «Исторический Вестник», 1895, кн. 5, с. 663. ЕЛИСЕЕВ Александр Васильевич (родился 1 августа 1858 года в Свеаборге — умер 22 мая 1895 года в Петербурге) — доктор медицины, путешественник. Некролог 22 мая скончался от дифтерита, 37 лет от роду, известный путешественник, доктор медицины Александр Васильевич Елисеев. Покойный воспитывался в Кронштадтской классической гимназии, а затем окончил курс в Петербургском университете по естественному отделению и Императорской Медико-Хирургической Академии. В звании военного врача Александр Васильевич служил в полевых войсках и при госпиталях, причем занимался специально хирургией. В 1887 г. он вышел из военной службы и, состоя при Министерстве Внутренних Дел, занимался частной практикой. Еще в бытность гимназистом в 1875 г., покойный обошел часть Финляндии, дойдя пешком через Кояну до Улеаборга. В 1876 г. он объехал всю Западную Европу, исключая Балканского полуострова и Англии, а в 1881 г. отправился впервые на Восток, причем посетил Египет, дошел до Сиута, а затем через Каменистую Аравию проехал на верблюде в Палестину. В следующем году Александр Васильевич совершил поездку в Скандинавию и Лапландию, в 1883 г. вторично посетил Египет, причем дошел до первых порогов, объехал берега Красного моря и через Акабу проехал в Синайскую пустыню, посетив на пути Перу. В 1884 г. покойный был командирован Палестинским Обществом в Святую Землю для изучения положения русского паломничества. Исполнив это поручение, он отправился в Триполи, попытался пробраться в Феццан, но, объехав часть Туниса и Алжирии, совершил только двухмесячную экскурсию в Сахару до Гадамеса. В 1886 г. он прошел поперек Малую Азию; в 1889 г. совершил поездку на Дальний Восток, причем объехал Южно-Уссурийский край, изучая русскую колонизацию; затем полтора месяца пробыл в Японии и на обратном пути посетил Цейлон. В 1893 г. неутомимый путешественник попытался пробраться в Судан, занятый махдистами. но после разгрома каравана едва спасся бегством через пустыню по шести горным порогам Нила. Недавно Александр Васильевич возвратился из путешествия в Абиссинию. Во всех путешествиях покойного главной целью служили антропологические, этнографические и медицинские вопросы. Литературой покойный стал заниматься с 1878 г. и за этот период времени написал трех томов «По белым свету» 530 и

заниматься с 1876 г. и за этот период времени, помимо трех томов «По белу свету» 350 и нескольких книг, написал до ста различных статей как по специальным, так и по общим вопросам, не считая множества газетных заметок и статей. Несколько выдающихся по своему интересу статей А. В. Елисеева было напечатано в нашем журнале «Русское Обозрение». В портфеле редакции журнала находятся две большие и крайне любопытные статьи покойного, доставленные им незадолго до его смерти. Они будут напечатаны нами в возможно непродолжительном времени («Московские Ведомости», 1895, №№ 141, 145). Библиография Его: Статья «На берегу Красного моря» («Вестник Европы», 1883) «Вдоль берегов Трои» («Русское Обозрение», 1895, кн. 7 и 8) «В стране рабов» («Русское Обозрение», 1896, кн. 1, 2, 4, 6, 7, 8, 9) «По белу свету», очерки и картины из путешествий по трем частям Старого света (СПб., 1898, Т. IV; Петроград, 1915, Тт. I, IV). Елисеев А. В. В тайге. Изд. 3-е, П. П. Сойкина (СПб., 1910). О нем: «Русское Слово», 1895, № 140 «Московские Ведомости», 1895, №№ 141, 145 «Новое Время», 1895, № 6906, 6907, 6908, 6910 «Кавказ», 1895, № 306 «Русское Обозрение», 1895, кн. 6, с. 1027—1028 «Исторический Вестник», 1895, кн. 8, с. 512—515 «Природа и люди», 1896, кн. 1 ЕЛЬЦИНСКИЙ Василий Иванович (1831—умер 13 сентября 1895 года во Владимире) — врач, действительный статский советник. Некролог 13 сентября, в 3 часа ночи, во Владимире скончался от паралича сердца бывший ординарный профессор Московского Университета и врач Императорского Лицея в память Цесаревича Николая,

действительный статский советник Василий Иванович Ельцинский. Покойный, оставив Университет в 1894 г. по расстроенному здоровью, в мае текущего года по болезни должен был расстаться и с Лицеем, где служил с самого основания, в течение 27 лет. Летом он переехал во Владимир на постоянное место жительства, но пожить ему там пришлось недолго. За последнее время здоровье его продолжало ухудшаться и наконец в ночь на сегодняшнее число не стало в живых известного в свое время московского профессора и врача, оставившего после себя добрые воспоминания среди слушателей и многочисленных пациентов. В. И. Ельцинский происходил из духовного звания; отец его был священником. Покойный получил медицинское образование в Московском Университете на медицинском факультете, в котором окончил курс в 1857 г. со званием лекаря. В том же году он начал заниматься в хирургическом отделении госпитальной клиники; в 1860 г. он был определен ординатором Екатерининской больницы и состоял при ней в течение пяти лет. В 1865 г. В. И. Ельцинский был назначен штатным ординатором при терапевтическом отделении госпитальной клиники. В 1872 г. он был удостоен степени доктора медицины за представленную диссертацию под заглавием: «О прободении грудной клетки при скоплении в мешках грудной плевы жидкого выпота». Осенью того же года он был утвержден доцентом по кафедре патологии и терапии. С введением нового университетского устава, покойный был назначен экстраординарным профессором по кафедре частной патологии и терапии; а года за два до выхода из Университета он был возведен в звание ординарного профессора. В. И. Ельцинский пользовался большими симпатиями среди студентов. Покойный был опытным врачом и добрым, отзывчивым человеком, глубоко преданным своему делу. В Императорском Лицее в память Цесаревича Николая он оставил по себе добрую память. Здесь советами и помощью его пользовались целые поколения лицеистов и все обращающиеся к нему встречали в нем самое отзывчивое и сердечное участие. Интересы Лицея всегда были дороги покойному и близко принимались им к сердцу. Смерть его, последовавшая на 64 году, вызвала искреннее сожаление среди бывших сослуживцев и пациентов («Московские Ведомости», 1895, № 253). Библиография О нем: «Московские Ведомости», 1895, № 253; 1896, № 32 «Новое Время», 1895, № 7022 531 «Русское Слово», 1895, № 254 «Исторический Вестник», 1895, кн. II, с. 655—656 Календарь Императорского Лицея в память Цесаревича Николая за 1896—1897 учебный год, М., 1896. ЖАНДР Александр Павлович (1825 — умер 4 октября 1895 года в Петербурге) — сенатор, вице-адмирал. Некролог 4 октября скончался один из немногих оставшихся в живых защитников Севастополя, сенатор, вице-адмирал Александр Павлович Жандр. Смерть его последовала от крупозного воспаления легких. Покойный родился в 1825 г. и окончил курс в Морском кадетском корпусе в 1844 г. А. П. Жандр служил в Черноморском флоте под командой незабвенного героя Севастопольской обороны вице-адмирала В. А. Корнилова, при котором ему пришлось состоять для особых поручений и флаг-офицером. Во время Крымской кампании покойный на пароходе «Владимир» участвовал в битве с турецко-

египетским пароходом «Перваз-Бахры». В этом бою он выказал храбрость и большую распорядительность и получил орден Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом. Во время осады Севастополя А. П. Жандр в качестве флаг-офицера постоянно находился при В. А. Корнилове, который на его глазах был смертельно ранен ядром, причем осколок последнего контузил и покойного в ногу. Несмотря на сильную контузию, А. П. Жандр подбежал к своему раненому командиру и помог перенести его за бруствер Малахова Кургана. Контузия, полученная покойным, была настолько сильна, что он не мог оставаться на театре войны и выбыл из строя храбрых защитников Севастополя. Впоследствии А. П. Жандр служил в Морском Министерстве и занимал должности вице-директора и директора Департамента морских отчетов. Затем он был приглашен на службу в Государственный Контроль, в котором состоял генерал-контролером морской отчетности. Назначение его на пост сенатора последовало в конце 70 годов. Кроме государственной службы, покойный в течение более четверти века занимал должность директора-распорядителя Общества «Кавказ и Меркурий». В 1885 г. он оставил государственную службу ради этого Общества, когда была объявлена несовместимость должностей. В 1893 г. покойный вновь назначен был присутствовать в Департаменте Герольдии Правительствующего Сената. Когда управляющим Морским Министерством был адмирал Шестаков, А. П. Жандр принимал участие в разработке положения по управлению этим Министерством. После него остался весьма ценный труд, носящий заглавие «Материалы для истории обороны Севастополя и

для биографии В. А. Корнилова». Сенатор А. П. Жандр имел много знаков отличия и в числе их: бриллиантовые знаки ордена Св. Александра Невского, ордена Белого Орла, Св. Владимира 2 ст. и др. Погребение тела почившего состоялось 7 октября в Сергиевской пустыни («Московские Ведомости», 1895, № 278). Библиография О нем: «Московские Ведомости», 1895, № 278 «Новое Время», 1895, № 7042 «Исторический Вестник», 1895, кн. 12, с. 1010—1011. ЖАНДР Николай Павлович (родился в 1817 году — умер 5 декабря 1895 года в Петербурге) — автор, действительный статский советник. Некролог Вчера, 5-го декабря, скончался от паралича сердца действительный статский советник Николай Павлович Жандр — автор трагедии «Нерон», нескольких других драматических произведений, рассказов и мелких стихотворений. Покойный родился в 1817 г., образование получил в морском кадетском корпусе. Свою непродолжительную служебную деятельность он начал во флоте под командой покойного М. П. Лазарева. Будучи морским офицером Н. П. написал ряд стихотворений, посвященных описанию моря и природы. Перед крымской кампанией он был вынужден семейными обстоятельствами покинуть флот, поступил на службу в удельное ведомство и исполнял разного рода ответственные поручения в качестве чиновника по особым поручениям при покойном Л. А. Перовском. В конце 50-х годов М. Н. Муравьев 532 пригласил покойного заведывать церковными постройками в Северо-Западном крае. В 60-х годах Н. П. вышел в отставку и всецело посвятил свои силы литературе. В 1864 г. он издал в двух томах одно из крупных своих произведений в стихах — роман из минувшей эпохи, под заглавием «Свет». Несколько страниц этого романа посвящено описанию героических подвигов защитников Севастополя и до сих пор цитируется на обедах севастопольцев. В это же время он закончил трагедию «Нерон», поставленную в первый раз в 1869 г. на сцене Мариинского театра с участием покойного Самойлова в заглавной роли и г-жи Жулевой в роли Агриппины. Пьеса выдержала несколько представлений. В 1882 г. во время всероссийской выставки в Москве была поставлена другая крупная пьеса покойного — драма «Марфа посадница». Из других неизданных пьес Жандра назовем драму «Германик». В 1888 г. Н. П. собрал все свои стихотворения и рассказы в стихах («Мой сосед», «Покинутая роза» и др.) и издал их в двух томах. Стихотворения покойного печатались в «Отечественных записках» и др. изданиях. Как человек, Н. П. отличался горячим темпераментом, но в то же время и замечательной добротой и сердечностью («Новое Время», 1895, № 7104). Библиография О нем: «Новое Время», 1895, № 7104 «Исторический Вестник», 1896, кн. 2, с. 738. ЗАГРАДИН Петр Георгиевич (умер 6 июня 1895 года в Петербурге) — доктор медицины. Некролог 6-го июня в Петербурге умер, 46 лет, от склероза аорты и венозных артерий сердца, помощник главного врача Крестовоздвиженской общины, доктор медицины Петр Георгиевич Заградин. Покойный кончил курс в 1875 г. в Медико-Хирургической академии и поступил на службу военным врачом; в 1877—1878 гг. участвовал в русско-турецкой войне, а также в походе против восставших горцев Терской области; потом был врачом Владимирской

гимназии, а затем перешел на службу в Петербург, где и получил место ординатора, а с 1888 г. — помощника главного врача Крестовоздвиженской общины. Покойный отличался скромностью и пользовался глубоким сочувствием больных, знакомых и сослуживцев. Не долга была жизнь этого врача-филантропа, не блистала она радостями житейскими и вся отдана была на выполнение самого высокого призвания человека — посвятить себя всецело ближнему, врачуя и облегчая недуги страждущих. Самоотверженно, не щадя себя, безустанно работая на пользу болящего человечества, покойный надорвал свои силы и безвременно угас, не оставив, как и большинство русских врачей, никаких средств. Много раз П. Г. помогал своим пациентам-беднякам, а таких было очень много; он никогда почти не брал гонорара, существуя своим небольшим жалованием («Новое Время», 1895, № 6946). **ЗИНОВЬЕВ Михаил Алексеевич** (родился 19 февраля 1838 года — умер 2 декабря 1895 года) — лифляндский губернатор. Некролог Телеграф принес известие о внезапной кончине в поезде Балтийской железной дороги лифляндского губернатора, генерал-лейтенанта Михаила Алексеевича Зиновьева. Генерал М. А. Зиновьев родился 19 февраля 1838 г.; получил образование в Михайловском артиллерийском училище, которое закончил в Михайловской артиллерийской академии. На военную службу он вступил в 1855 г. Получив в 1864 г. назначение на должность штаб-офицера при Московском окружном артиллерийском управлении для заведывания Московским учебным полигоном, М. А. Зиновьев занимал эту должность до июня 1870 г., когда был назначен начальником Московского учебного артиллерийского полигона. Затем он последовательно состоял командиром нескольких артиллерийских бригад. Во время Русско-турецкой кампании он за боевое отличие был произведен в генерал-майоры. В 1884 г. генерал Зиновьев был назначен Седлецким губернатором, откуда через год был перемещен на пост лифляндского губернатора, который занимал до конца жизни. Чин генерал-лейтенанта им получен в 1887 г. Кроме Русско-турецкой войны, покойный принимал участие в кампаниях 1855, 1867 533 и 1868 гг. В числе орденов, он имел Белого Орла, Св. Владимира 2, 3 и 4 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 1 ст., Св. Станислава 1 ст., Св. Георгия 4 ст. и много других знаков отличия («Московские Ведомости», 1895, № 335). Библиография Его: Опыт исследования земского устройства Лифляндской губернии (Рига, 1906). О нем: «Московские Ведомости», 1895, № 335 «Новое Время», 1895, №№ 7100, 7101. **ЗОЛОТАРЕНКО Петр Петрович** (умер 18 октября 1895 года) — артист Императорских театров. Некролог 18 октября, после продолжительной болезни, скончался бывший артист Императорских театров Петр Петрович Золотаренко. Покойный состоял вторым дирижером балетного оркестра в течение продолжительного времени и вышел в отставку в прошлом году. Кроме того, он дирижировал оркестрами в некоторых частных театрах. П. П. Золотаренко пользовался репутацией вполне опытного дирижера. Покойным написана музыка к балету «Кольцо Любви» и несколько других музыкальных произведений («Московские Ведомости», 1895, № 289). Библиография О нем: «Московские Ведомости», 1895, № 289 «Русская Музыкальная Газета», 1895, № 12 Ежегодник Императорских театров, сезон 1895—1896 гг., с. 497—498. **ИСЛАВИН Владимир Александрович** (родился в 1820 году — умер 27 мая 1895 года в Петербурге) — член совета министра земледелия и государственных имуществ, действительный тайный советник. Некролог На днях скончался член совета министра земледелия и государственных имуществ, действительный тайный советник Владимир Александрович Иславин. Покойный пользовался известностью весьма сведущего человека по делам иностранных колоний в России. По окончании курса в бывшем Дерптском, ныне Юрьевском университете, он в начале своей служебной деятельности был секретарем бывшего в то время министра государственных имуществ графа П. Д. Киселева. Затем, в 50-х годах, ему было поручено председательствовать в попечительном комитете об иностранных поселенцах южного края России. При преемнике графа Киселева, графе М. Н. Муравьеве, В. А. был директором канцелярии министра. В 1861 г. назначен членом совета министра. Покойный участвовал во многих комиссиях и неоднократно получал командировки в разные губернии России. Им напечатано несколько этнографических описаний, из которых пользуется известностью его исследование «Самоеды в домашнем и общественном быту», изданное в 1847 г. Умер он 75-ти лет от роду («Новое время», 1895, № 6921). Библиография О нем: «Московские Ведомости», 1895, № 146 «Новое Время», 1895, № 6921. **КАМЕНЕЦКИЙ Валентин Горданович** (умер 10 января 1895 года в Петербурге) — доктор медицины. Библиография О нем: «Новое Время», 1895, № 6770

1895, № 6 / 18. КАРПЕНКО Аристарх Иванович (умер 6 июня 1895 года в Церово, под Москвой) — редактор неофициальной части «Московских Губернских Ведомостей». Некролог ... *1872 г., когда Аристарх Иванович перешел в канцелярию московского губернатора, заняв в ней первоначально должность младшего помощника правителя. В 1882 г. состоялось назначение его старшим помощником правителя канцелярии. Впоследствии он был сверхштатным старшим чиновником особых поручений при московском губернаторе. В 1883 г. 534 А. И. Карпенко занял должность правителя канцелярии московского губернатора и редактора неофициальной части «Московских Губернских Ведомостей». В 1885 г. последовало назначение его членом московского отделения Крестьянского Земельного Банка; отсюда по прошению перешел на службу в канцелярию Московского генерал-губернатора, где с 1888 г. занимал должность старшего делопроизводителя до самой кончины. Чин коллежского советника он получил в 1893 г. В числе орденов покойный имел: Св. Владимира 4 ст., Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 3 ст., персидский орден Льва и Солнца 3 ст., кроме того, золотую медаль в память освящения храма Христа Спасителя и др. Кончина А. И. Карпенко вызвала искреннее сожаление среди всех знавших его. Сослуживцы потеряли в лице покойного доброго и симпатичного товарища, пользовавшегося между ними любовью и уважением («Московские Ведомости», 1895, № 155). Библиография О нем: «Московские Ведомости», 1895, № 155. КАРПЕЧЕНКО Владимир Михайлович (умер в ноябре 1895 года в Тифлисе) — врач. На днях скончался в Тифлисе доктор

В. М. Карпеченко. Покойный пользовался репутацией опытного хирурга и был известен не только на Кавказе, но и за пределами его («Новое Время», 1895, № 7106) КЛЮШНИКОВ Иван Петрович (родился 2 сентября 1811 года на хуторе Криничном, Сумский уезд, Харьковская губерния — умер 16 февраля 1895 года там же) — поэт. Некролог Едва ли многие из современных читателей заглядывают в наши прежние журналы и помнят небольшую вереницу замечательных стихотворений, подписанных странным псевдонимом (-ф-). Между тем, за этой оригинальной подписью скрывался старейший и даровитый русский писатель Иван Петрович Ключников, можно сказать «сей остальной из стаи славной», один из тех поэтов, которые справедливо считали себя прямыми учениками пушкинской школы. Этому-то полузабытому писателю, недавно опочившему навеки в глубокой старости, мы и посвящаем настоящие строки. Иван Петрович Ключников, сын дворянина, родился 2 сентября 1811 г., в имении своего отца (Сумского уезда, Харьковской губернии) и там же, среди довольства и благодатной природы юга, провел счастливые детские годы, как позже сам признался в следующих стихах: Я помню детство: в радужных лучах Жизнь предо мной роскошно расстилалась; Взор отдыхал на розах, а в мечтах Лишь радость новой радостью сменялась... За таким светлым детством настали годы образования, сначала на родине, под руководством домашнего учителя, а затем в Московской первой гимназии и на словесном факультете Московского университета. Как даровитый и серьезно занимавшийся студент, Иван Петрович окончил курс со степенью кандидата в 1832 г. и тотчас же, по выпуске из университета, занял место преподавателя истории и литературы в Московском Дворянском Институте. Одновременно со своими педагогическими занятиями Ключников отдался изучению философии и первым стихотворным опытам. Войдя в тогдашний замечательный кружок Н. В. Станкевича, он скоро проявил обширное знакомство с философскими системами и природный поэтический талант. Так, известно, что с ним Станкевич читал Шеллинга и Канта. Тогда же Ключников, наделенный замечательным остроумием, стал славиться в кружке своими импровизированными эпиграммами, которые, по преданию, могли считаться образцовыми по меткости и соли. Говорят, он даже написал в то время необыкновенно остроумное «Обозрение всемирной истории», мастерски читал его своим друзьям, но не пустил в печать. Впервые же Ключников выступил в печати со своими лирическими стихотворениями только в 1838 г., когда за подписью -ф- в «Московском Наблюдателе» (ч. XVII—XVIII) поместил четыре поэтические произведения: «Элегию», «Половодье», «Я не люблю тебя» и «Медный всадник». С той поры молодой автор под тем же псевдонимом в течение трех лет появлялся с плодами своей лиры в «Московском 535 Наблюдателе», «Отечественных Записках» и «Современнике», а затем не только замолк на время, но даже покинул педагогическое поприще и уехал из Москвы на родину. На прощанье с древней столицей, он написал прочувственное стихотворение, из которого для образца мы приводим следующие строки: ...Гляжу на древний град: Вот он свидетель величавый И русских бед, и русской славы... Скрижаль родных

воспоминаний И царства русского глава, Былого летопись живая, Золотоглавая Москва! Москва — предел моих желаний, Где я расцвел, где я увял, где наслаждался, где страдал... Свое молчание Ключников прервал было в 1849 г. когда напечатал единственное прозаическое сочинение, повесть, под названием: «Любовная сказка» («Отечественные Записки», кн. 6), но затем последовал еще более долгий перерыв, почти на целые тридцать пять лет. Только в 1883 г., благодаря убеждению племянника, теперь также покойного, В. П. Ключникова, старый поэт поместил на страницах «Русского Вестника» (1883, кн. 2) пять стихотворений: «Новый год писателя», «В родном домике», «Беатриче», «Пред иконой Богоматери» и «Nova ars poetica». Наконец, девять лет назад, появились две лебединые песни маститого писателя в том же журнале, под заглавием: «Ad Venerem Uraniam» и без названия (1886, кн. 5). Последние годы своей долгой жизни Иван Петрович Ключников прожил безвыездно в своем имении, хуторе Криничном (Сумского уезда Харьковской губернии). Там, занимаясь хозяйством, он все свои досуги посвящал чтению, причем никогда не пользовался очками. У него на столе постоянно лежало Евангелие и книжки известного журнала «Вера и Разум», которые особенно интересовали его своими богословскими и философскими статьями. Лишь в последние два года покойный начал прихварывать. Особенно же его подкосила смерть сына в декабре прошлого года. С того времени он постепенно стал слабеть и неожиданно скончался в два часа пополудни 16 февраля. Зная жизнь и деятельность И. П. Ключникова, мы в заключение можем сказать, что покойный,

особенно в последние годы, оправдывал свои же дивные стихи, известные по любой хрестоматии: Все прекрасно в Божьем мире; Сотворимый мир в нем скрыт; Но Он в чувстве, но Он в лире Но Он в разуме открыт. Познавать Его в творенье Видеть духом, сердцем чтить, — Вот в чем жизни назначенье, Вот что значит в Боге жить! Д. Я. (Д. Д. Языков. «Московские Ведомости», 1895, № 63). Библиография Его: Стихотворения: «Первый урок», «Жаворонок», «Я уже давно за слезы упоенья» («Московский Наблюдатель», 1839, кн. I) «Весна» («Отечественные Записки», 1839, кн. 7), «Песнь инвалида (1840, кн. 1), «Собирателям моих элегий», «Поэзия», «Ночное раздумье» (1840, кн. 2), «Малютка», «Старая печаль» (1840, кн. 3), «Мой гений», «Красавицы» (1840, кн. 4), «Ей», «Городок» (1840, кн. 6), «Когда горя преступным жаром» (1840, кн. 7), «Осенний день», «Претензии» (1840, кн. 8), «Песня» (1840, кн. 9), «Жизнь», «Меланхолик» (1840, кн. 10), «Ночная молитва», «Слава Богу» (1840, кн. 11), «К Москве» (1840, кн. 12), «Воспоминание» (1841, кн. 6). «На смерть девушки» («Современник», 1840, т. XVII) «После представления Гамлета» (Альбом Семевского М. И. «Знакомые», Спб., 1888, с. 255) О нем: «Русский Архив», 1880, т. II, с. 273 «Московские Ведомости», 1895, № 63 «Новое Время», 1895, № 6832 «Исторический Вестник», 1895, кн. 5, с. 662; 1898, кн. 6, с. 804—810 «Известия отделения русского языка и словесности», 1912, т. XVII, кн. 4. КОЖЕВНИКОВ Иван Осипович (умер 27 января 1895 года в Москве) — председатель Московского общества ветеринарных врачей, действительный статский советник. Некролог 27 января скончался председатель Московского общества ветеринарных врачей, действительный статский советник Иван Осипович Кожевников. Покойный родился в городе Екатеринославе, где получил 536 первоначальное образование в местной гимназии. Для высшего образования он поступил в Харьковский ветеринарный институт, в котором отлично окончил курс. Первоначальная деятельность покойного, довольно продолжительная, протекла в кавалерийских полках, где он занимал должность ветеринарного врача. Во время пребывания в Варшаве покойный защитил диссертацию на ученую степень магистра ветеринарных наук. Затем, И. О. Кожевников в течение нескольких лет состоял преподавателем иппологии в Тверском юнкерском кавалерийском училище. Ему, между прочим, принадлежит и «Руководство по иппологии». Далее в течение продолжительного времени покойный состоял окружным ветеринарным врачом Московского военного округа и оставил эту должность года три тому назад. И. О. Кожевников был одним из старейших членов Московского Общества ветеринарных врачей, в котором долгое время занимал председательское место и не переставал интересоваться его делами до последних дней своей жизни, несмотря на тяжелую болезнь. Покойный был добрым и сердечным человеком, пользовавшимся симпатиями среди сослуживцев. Он скончался на 62 году своей жизни. Отпевание тела его последует 29 января в церкви Св. Бориса и Глеба, что у Арбатских ворот («Московские Ведомости», 1895, № 29). Библиография О нем: «Московские Ведомости», 1895, № 29. КОЖУХОВ Евгений Алексеевич (умер 27 января 1895 года в Петербурге) — председатель С.-Петербургского цензурного

комитета, тайный советник. Некролог 27 января, как сообщил телеграф, скончался председатель С.-Петербургского цензурного комитета, бывший одно время председателем и Московского комитета, тайный советник Евгений Алексеевич Кожухов. Покойный, родом дворянин Костромской губернии, получил образование в Московском университете. По окончании курса со степенью кандидата, он начал службу в канцелярии московского гражданского губернатора в 1847 г. Но в канцелярии губернатора покойный оставался не долго: в том же году сперва был назначен правителем дел Тюремного комитета, а потом, как человек, знающий иностранные языки, был переведен в С.-Петербургский Почтамт. С этого времени до 1868 г. служба покойного Евгения Алексеевича проходила в почтовом ведомстве. Будучи уже в чине действительного статского советника, Евгений Алексеевич принимал деятельное участие в заключении почтового договора с Пруссией, в комиссии по обсуждению вопроса об оплате телеграфных депеш, участвовал в Высочайше учрежденной под председательством члена Государственного Совета адмирала Метлина комиссии для пересмотра законоположений о казенных подрядах, поставках и хозяйственных операциях вообще. В 1868 г. Евгений Алексеевич был назначен тверским вице-губернатором и занимал эту должность в продолжении 11 лет, пока в 1879 г. не был назначен председателем Московского цензурного комитета, с производством в тайные советники. Через четыре года покойный был назначен членом Совета Главного управления по делам печати, и в 1885 г. ему было поручено председательствовать в

Петербургском цензурном комитете, с оставлением в звании члена Совета Главного управления по делам печати («Московские Ведомости», 1895, № 30). Библиография О нем: «Московские Ведомости», 1895, № 30 «Новое Время», 1895, № 6796. КОНИССКИЙ Валерий Иванович (умер 27 декабря 1895 года в Нижнем Новгороде) — заведующий нижегородской городской библиотекой. Некролог 27-го декабря, в Нижнем Новгороде, скончался, в преклонных летах, заведующий нижегородской городской библиотекой Валерий Иванович Конисский. Имя В. И. Конисского тесно связано с историей возникновения и развития местной городской библиотеки, оказавшей немалые услуги местному обществу и доведенной покойным до ее нынешнего образцового состояния 537 В. И. Конисский был предан своему делу до самозабвения. Это был страстный библиоман, глубоко и многосторонне образованный человек и идеалист в лучшем, возвышеннейшем смысле этого слова. Среди провинциальных общественных деятелей В. И. Конисский занимал выдающееся место. Это была во многих отношениях оригинальная, самобытная личность, глубоко любившая свою родину и отдавшая ей свои богатые умственные и душевные силы. Имя Конисского пользовалось в нижегородском обществе широкой популярностью, любовью и всеобщим уважением, созданными покойным его долголетней и в высшей степени плодотворной деятельностью в качестве заведующего местной городской библиотекой. Это был идеально честный и истинно гуманный человек, редкий в наше время, бесребреник, всю свою долгую и трудную жизнь проживший бедняком, и бедняком умерший. Никто из обращавшихся к нему за помощью никогда не встречал отказа, и сотням молодых людей он оказывал свое духовное и материальное содействие. Составлявшиеся им ежегодно отчеты по библиотеке отличались образцовой ясностью, полнотой и точностью. Ему же она обязана обстоятельной и превосходной печатной каталогизацией. Не далее как за несколько дней до своей кончины, В. И. Конисский был еще всецело поглощен занятиями по составлению подробнейшей истории городской библиотеки к предстоящей всероссийской выставке в Нижнем Новгороде («Новое Время», 1895, № 7126). Библиография О нем: «Новое Время», № 7126. КОНТРИМ Вячеслав Игнатьевич (умер 15 февраля 1895 года в Москве) — доктор медицины. После продолжительной и тяжелой болезни, 15 февраля, в 8 часов утра, скончался. Вынос тела из Университетских Клиник в римско-католическую церковь св. апостолов Петра и Павла последует 16 февраля, в четверг, в 4 часа дня. О дне погребения будет объявлено особо («Московские Ведомости», 1895, № 46). КОПЫЛОВ Андриан Федорович (умер 6 декабря 1895 года в Петербурге) — старший цензор С.-Петербургского комитета цензуры иностранной, действительный статский советник. Некролог 6-го декабря скончался от разрыва сердца, на 58 году жизни, старший цензор С.-Петербургского комитета цензуры иностранной, действительный статский советник Андриан Федорович Копылов. Покойный кончил в 1858 г. курс в университете св. Владимира по историко-филологическому факультету первым кандидатом. Начав свою службу в черниговской гимназии, где он преподавал историю, учительствуя затем в

немировской гимназии, он в 1863 г., по представлению покойного попечителя Киевского округа Н. И. Пирогова, был командирован на казенный счет с ученой целью за границу. Покойный слушал лекции в университетах: Берлинском и Тюбингенском и занимался у Дройзена, Момлзена, Гнейста, Паули и др. После командировки А. Ф. перешел на службу в Привислинский край учителем истории во вновь открывшуюся в Варшаве «русскую» (теперь — «первая») гимназию; вскоре, затем был назначен инспектором мужской и женской гимназий в Люблине. В 1867 г. он был приглашен в качестве исполняющего должность ординарного профессора занять кафедру русской истории в варшавской Главной школе, преобразованной в 1869 г. в университет. Покойный читал лекции в продолжении пяти лет, затем до 1883 г. занимал должность начальника учебных дирекций келецкой и радомской. В 1886 г. гр. Д. А. Толстой, близко знакомый с его деятельностью на учебном поприще, определил его на службу по министерству внутренних дел. В С.-Петербургском комитете цензуры иностранной А. Ф. служил с 1888 г. Покойный принимал деятельное участие в качестве постоянного сотрудника в «Русском Вестнике», в котором поместил ряд статей, и кроме того, вел отдел иностранной библиографии («Новое Время», 1895. № 7111). Библиография О нем: «Новое Время», 1895, № 7111 «Исторический Вестник», 1896, кн. 2, с. 738—739. 538 КОРНИЛОВ Федор Петрович (родился 7 марта 1809 года в Домбровицы Волынской губернии — умер 24 августа 1895 года близ Харькова) — статс-секретарь, член Государственного Совета, действительный тайный советник.

Некролог Телеграф принес известие, что 24 августа, по пути в Крым, на последней станции перед Харьковом, внезапно скончался в вагоне курьерского поезда статс-секретарь, член Государственного Совета, действительный тайный советник Федор Петрович Корнилов. Покойный, сын генерал-лейтенанта П. Я. Корнилова, участника в Суворовских походах и Отечественной войне, родился 7 марта 1809 г. в местечке Домбровицы Волынской губернии, и воспитывался в благородном пансионе Императорского Царскосельского Лицея. По окончании курса в этом заведении с серебряной медалью, он начал свою гражданскую службу с 17 октября 1829 г. в канцелярии Комитета Министров. Здесь покойный прослужил до 8 декабря 1830 г., когда поступил в число чиновников при директоре Департамента Податей и Сборов. Отсюда, в январе 1838 г., он был назначен непременным членом Вятской комиссии народного продовольствия и скоро в том же году переведен на службу в Тамбовский приказ общественного призрения. Затем, с 8 января 1844 г., Федору Петровичу пришлось служить в Петербурге начальником Департамента Общих Дел при Министерстве Внутренних Дел, пока граф А. А. Закревский, назначенный московским генерал-губернатором, не пригласил его на должность правителя своей канцелярии (с 30 октября 1848 г.). На этом месте покойный пробыл более десяти лет и к началу шестидесятых годов снова возвратился в Петербург и, как состоявший при Министерстве Внутренних Дел, принял участие в разработке крестьянской реформы. Позже он служил в Комитете Призрения заслуженных гражданских чиновников и в Императорском Человеколюбивом Обществе, а с 1875 г. был назначен членом Государственного Совета. По отзыву лиц, знавших покойного, Федор Петрович во всю свою многолетнюю службу являлся неутомимым деятелем и симпатичным русским человеком. Еще в 1848 г. известный писатель В. И. Даль так отзывался о нем в письме к Погодину: «Корнилов человек весьма хороший. Вы найдете в нем очень образованного, умного, любознательного и благородного человека» («Жизнь и труды Погодина», Н. Барсукова, кн. IX, с. 333). («Московские Ведомости», 1895, № 233). Библиография Его: «Письма к Владимиру Алексеевичу Корнилову» («Русская Старина», 1901, кн. 1, с. 215—216). О нем: «Московские Ведомости», 1895, №№ 233, 234 «Новое Время», 1895, № 7002 «Исторический Вестник», 1895, кн. 10, с. 304 «Наблюдатель», 1899, кн. 1, с. 360—361. КОРОВЯКОВ Дмитрий Дмитриевич (умер 6 января 1895 года в Петербурге) — литератор. Некролог Скончавшийся 6 января от разрыва сердца Дмитрий Дмитриевич Коровяков, известен своими многочисленными и дельными статьями о театре, печатавшимися в «Русском Вестнике», «Артисте», «Северном Вестнике», «Новостях» и др. периодических изданиях. Покойный любил театр и сценическое искусство. По окончании университетского курса он, в продолжении более 20 лет, тщательно следил за драматическим репертуаром. Сблизившись в конце 70-х годов с артистическим миром, Д. Д. настаивал на необходимости не только практической школы для подготовки артистов, но и возможно полного теоретического их образования. С этой целью, по собственной инициативе, покойный учредил в 1882 г. при обществе любителей сценического

искусства драматическую школу, в которой был директором и преподавал теорию и практику дикции и декламации. В этой школе перебивало немало молодежи, часть которой в настоящее время занимает видное положение на провинциальных и частных сценах. Когда драматическая школа, приютившаяся в бывшем зале «Демут», была закрыта, Д. Д. продолжал настаивать на возможно широком развитии искусства выразительного чтения. Он доказывал необходимость для школы обратить внимание на орган человеческой речи и научить каждого из учащихся разумно и умело управлять своим 539 голосом. Это он пропагандировал не так еще давно и в Петербурге, и в Москве, и в Киеве, на публичных лекциях. Кроме того, он организовал при педагогическом музее военно-учебных заведений курсы выразительного чтения. Его лекции не остались безрезультатными. Учебное ведомство обратило должное внимание на выразительность ученического чтения, и для многих учителей книга покойного «Искусство выразительного чтения» послужила полезным методическим руководством хороших приемов дикции и декламации. Эта книга выдержала в продолжении двух лет два издания. Статьи о театре покойного, напечатанные в «Русском Вестнике», были изданы отдельной книгой под заглавием «Около театра». Нельзя не отметить также деятельность Д. Д. Коровякова по обществу для вспомоществования нуждающимся сценическим деятелям, преобразованному в прошлом году в театральное общество. Он в продолжении многих лет был секретарем этого общества и в последнее время особенно много и энергично работал по устройству в марте съезда театральных

деятелей. Покойный, как человек, отличался недюжинным умом, энергичным, трудолюбивым и твердым характером. Умер он 45-ти лет от роду («Новое Время», 1895, №№ 6775, 6777). Библиография Его: Статья «А. С. Яковлев — русский трагический актер» («Ежегодник Императорских Театров», СПб., 1895). О нем: «Северный Кавказ», 1895, кн. 3, отд. II, с. 107 — 108 «Новое Время», 1895, №№ 6775, 6777. КОСТЫЧЕВ Павел Андреевич (родился 17 февраля 1845 года в Москве — умер 21 ноября 1895 года в Петербурге) — директор Департамента земледелия. Некролог В Петербурге, 21 ноября, неожиданно скончался директор Департамента земледелия Павел Андреевич Костычев. Покойный, сын потомственного дворянина Тамбовской губернии, родился 17 февраля 1845 г. в Москве и первоначальное образование получил в Московской земледельческой школе. По переезде же в Петербург, он выдержал экзамен при одной из классических гимназий и с 1864 г. поступил в Агрономический (ныне — Лесной) институт. Здесь в 1869 г. ему пришлось окончить полный курс кандидатом сельского хозяйства и лесоводства, а затем около трех лет занимался при Институте для усовершенствования в науках. Только с 1872 г. он начал свою службу по Министерству финансов, но через четыре года покинул занимаемую должность пробирера и вступил на педагогическое поприще в воспитавший его Институт преподавателем растениеводства (с 9 апреля 1876 г.), земледелия (с 5 ноября 1877 г.) и почвоведения (с 1 сентября 1880 г.). Затем, удостоенный степени магистра агрономии (9 ноября 1881 г.), покойный, не оставляя кафедры в Институте, был причислен к Департаменту земледелия и сельского хозяйства, а также допущен в звании приват-доцента к чтению агрономических лекций в Петербургском университете. Он не покинул преподавания в Институте даже и потом, когда был назначен инспектором сельского хозяйства (с 29 апреля 1893 г.) и директором Департамента земледелия (с 17 апреля 1894 г.). Кроме педагогической и административной деятельности, П. А. Костычев был известен своими учено-литературными трудами. С одной стороны, ему принадлежали переводы сочинений: Розенберг-Липинского «Практическое земледелие» (СПб., 1873, 1876 и 1888 гг.), Ленгенталя «Сельскохозяйственные растения» (СПб., 1876) и Новацкого «Руководство к возделыванию хлебных злаков» (СПб., 1889). С другой стороны, кроме статей в сельскохозяйственных журналах, им напечатаны следующие самостоятельные труды: «Лекции о скотоводстве» (СПб., 1872), «Нерастворимые фосфорнокислые соединения почв», магистерская диссертация (СПб., 1881), «Общедоступное руководство к земледелию» (СПб., 1884), «Учение о механической обработке почв» (СПб., 1885), «Почвы черноземной области России» (СПб., 1886), «Посев полевых растений» (СПб., 1889), «Обработка и удобрение чернозема» (СПб., 1892) («Московские Ведомости», 1895, № 324). 540 Библиография Его: «Чтение об удобрении почв» (СПб., 1884) «Возделывание важнейших кормовых трав и сохранение их урожаев» (СПб., 1886) «Почва, ее обработка и удобрение», практическое руководство (СПб., 1898, 316 с.) «Что есть на земле и какие бывают земли» (М., 1909) «О разведении хлебов и других сельскохозяйственных растений» (М., 1910). О

нем: «Московские Ведомости», 1894, № 119 «Московские Ведомости», 1895, № 324 «Деревня», 1896, № 2 Публикация Г. Ю. ДРЕЗГУНОВОЙ Сноски к стр. 518 * Продолжение. Начало см.: «Российский Архив», т. I, II—III, V.

Альбом фотографий семьи дворян Михалковых

Фотографии из альбома семьи дворян Михалковых // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — Между с. 544—545. — [Т.] VI.

Составление, публикация в электронной форме: ФЭБ, 2007.

Список иллюстраций

Между с. 544 и 545: К разделу «Галерея».

Альбом фотографий семьи дворян Михалковых

1. В. С. и Е. Н. Михалковы с сыновьями Николаем и Александром. Конец 1850-х гг.
2. В. С. Михалков. 1860-е гг.
3. В. С. Михалков и Е. В. Галл в Назарьеве
4. С. В. Михалков
5. Н. В. Михалков
6. С. В. Михалков. Путешествие в Палестину
7. С. В. Михалков. Путешествие в Египет
8. Беседка в Петровском
9. Во дворе усадьбы
10. Вид на Волгу
11. На набережной перед домом в Петровском
12. Е. В. и Н. А. Галлы
13. Е. В. Галл и А. В. Михалков
14. Конюшни в Петровском
15. Лошади во дворе усадьбы
16. Амбары в Петровском
17. Улица в селе Петровском
18. Во дворе усадьбы
19. А. В. Михалков с детьми и гостями во дворе дома

20. Двор усадьбы в Петровском

21. А. В. Михалкова

22. С. В. Михалков

23. С. В. и А. В. Михалковы, З. Г. Губченко, Варя и Маня Страшкевич, доктор Макаров и Тихвинский

24. В гостях у С. В. Михалкова: И. Н. Хлебников, А. А. Майер и Ф. А. Бычков

25. В гостях у С. В. Михалкова: И. Н. Хлебников, А. Я. Фриде (в первом ряду); управляющий имением Ф. А. Губченко, К. Н. Лытиков, П. П. Стеблов, А. А. Майер, М. К. Гутьяр (во втором ряду); Е. Н. Опочинин, Ф. А. Бычков, А. Ф. Лавров, Н. Н. Мелентьев, пристав Шершин (в третьем ряду)

26. Пикник. Начало 1890-х гг.

27. Пикник. Начало 1890-х гг.

28. Пикник. Начало 1890-х гг.

29. А. В. Михалков

30. С. В. Михалков с племянниками Таней, Володей, Никой и Александром Галлами

31. Е. В. Галл с детьми

32. Володя Галл

33. Ника Галл

34. С. В. Михалков и Н. А. Галл с Мариной и Никой Галлами

35. Е. В. Галл с детьми

36. Таня Галл и Марица Михалкова

37. Александр и Ника Галл с гувернанткой (сидят), Володя Галл, Марица Михалкова и Таня Галл (стоят)

38. Таня Галл и Володя Михалков

39. Марица Михалкова

Альбом фотографий семьи дворян Михалковых / Публ. В. Н. Козлякова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 543—544. — [Т.] VI.

Семейные фотографии дворян Михалковых, владельцев усадьбы в с. Петровском на р. Шексне бывшего Рыбинского уезда (ныне в черте г. Рыбинска), хранятся в настоящее время в коллекции фотодокументов ГАЯО.

Собирателем фотографий членов семьи и создателем альбомов был последний хозяин усадьбы Сергей Владимирович Михалков (24.6.1858—19.10.1905) — представитель древнего русского дворянского рода, предок которого Гридица Михалков упоминается в грамотах 1498 г.*.

Из нескольких сотен для этой публикации отобраны фотографии, которые лучше всего

из нескольких сотен для этой публикации отобраны фотографии, которые лучше всего иллюстрируют усадебный быт: снимки отца и матери, братьев и сестры С. В. Михалкова, их детей и родственников, гостей усадьбы. Дом, парк, гости, фотографирующиеся на память на увитом плющом крыльце (по обилию таких снимков в архиве можно заключить, что это был неперенный ритуал, соблюдавшийся в разные годы), выезды на пикники и лошади из собственной конюшни. Но, главное, лица, без которых невозможно представить потерянный уклад русской жизни.

На первых снимках из альбома изображены действительный статский советник Владимир Сергеевич Михалков (1817—1900), его жена Елизавета Николаевна (урожд. Голицына) и их дети: Николай (род. в 1854 г.), Александр (род. в 1856 г.), Сергей, Борис (род. в 1861 г.), Константин (род. в 1864 г.) и единственная, самая младшая, дочь Елизавета (род. в 1865 г.), вышедшая замуж за Н. А. Галла.

Основатель и «патриарх» семейного клана В. С. Михалков учился в Дерптском университете (окончил его в 1839 г. с золотой медалью), впоследствии недолго служил по ведомству Министерства иностранных дел, вернулся в Ярославскую губернию, с которой и была связана его дальнейшая судьба. Здесь с 1849 г. состоял почетным смотрителем Ярославского уездного училища и с 1854 г. — почетным попечителем Ярославской гимназии. Далее последовали долгие годы службы на должностях дворянского и земского самоуправления. С 1857 г. В. С. Михалков был рыбинским уездным предводителем дворянства и переизбирался каждый раз по истечении трехлетнего срока вплоть до 1871 г., таким образом непосредственно участвуя в проведении в своем уезде реформы 1861 г. (был награжден специальным знаком отличия за это) и других преобразований 60-х гг. XIX в. В земстве В. С. Михалков служил с 1866 г., неоднократно избирался почетным мировым судьей Рыбинского округа и гласным Рыбинского уездного земского собрания.

В 1886 г. его избрали почетным мировым судьей по Звенигородскому округу и в 1890 г. он окончательно переехал в подмосковную усадьбу с. Назарьево Звенигородского уезда, где и провел последние годы жизни, лишь изредка приезжая в Петровское к оставшемуся там хозяином сыну Сергею.

В. С. Михалков, пронесший по всей жизни заветы «старого дерптского студента» (так был озаглавлен некролог о нем в «Русских Ведомостях» 16 декабря 1900 г.), и в служебной деятельности и в увлечениях содействовал развитию культуры: печатал научные статьи по геологии, создал замечательные геолого-минералогические и другие коллекции, собрал библиотеку, ставшую примечательным явлением в русской провинции, 50 тысяч томов которой было передано им в Санкт-Петербург, в библиотеку Академии наук*.

Сергей Владимирович, вступивший в управление усадьбой в Петровском, окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета в 1881 г. и отчасти повторил путь отца: был почетным мировым судьей Рыбинского округа, гласным Рыбинского уездного земского собрания (с 1889 г.). В 1891—1896 гг. избирался рыбинским уездным предводителем дворянства, а с 1896 г. был губернским предводителем**. Отсюда и круг его знакомств, в основном, среди высшего чиновничества Ярославской губернии: ярославский губернатор (1887—1896) А. Я. Фриде, земский начальник Рыбинского уезда и известный коллекционер Е. Н. Опочинин, начальник Рыбинской речной полиции А. А. Майер, жандармский полковник М. Д. Прозоровский, рыбинский уездный предводитель дворянства И. Н. Хлебников, земский начальник Ф. А. Бычков, рыбинский городской голова К. Н. Лытиков, директор рыбинской мужской гимназии П. П. Стеблов, полицеймейстер М. К. Гутьяр, мировой судья А. Ф. Лавров, земский начальник Рыбинского уезда Н. Н. Мелентьев, пристав Шершин. С. В. Михалков был женат на Агриппине Владимировне Страшкевич (урожд. Волковой). Для обоих супругов это был второй брак. Агриппина Владимировна занималась благотворительностью, состояла членом разных попечительских советов. После развода с Сергеем Владимировичем она снова вышла замуж. Видимо, семейные коллизии привели к тому, что С. В. Михалков отошел от всякой служебной

деятельности в Ярославской губернии.

После 1917 г. усадьба в Петровском была национализирована, мебель, картины, коллекции, книги и фотографии поступили на хранение в Рыбинский музей.

Публикация В. Н. КОЗЛЯКОВА

Ю. К. Мейер. Записки последнего кирасира

Записки последнего кирасира / Публ. [и вступ. ст.] А. В. Шахова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 547—636. — Из содерж.: Мейер Ю. К. Записки белого кирасира. — С. 549—636. — [Т.] VI.

«Российский Архив» публикует воспоминания Юрия Константиновича Мейера (1897 — 1994), корнета лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка.

Полк этот, один из старейших в Российской империи, был сформирован в 1704 г. по указу

Императора Петра Великого. В Мюнхенской Публичной библиотеке хранится письмо Императора за № 635 от 28 марта 1704 г. к боярину Тихону Никитичу Стрешневу: «*Min Her. Я говорил Вам, чтобы сего лета прибрать два полка драгун, один поскорее, а другой как наберется, о чем нонче подтверждаю, чтобы один поскорее и людей полутче набрать и прислать*».

На основании этого письма вышел указ, который заканчивался словами: «...и из тех недорослей набрать в драгуны два полка, две тысячи человек. А ружей, фузей и к ним перевязи с крюки и бошмаки, пистолы с ольстре, лядунки, шпаты взять на них из оружейной палаты, да им же сделать из земского приказа немецкие седла из войлока и с пахвы, узды с мунштуком и с наперстными, шляпы и прислать в разряд. И о том в те приказы послать памятиж».

26 июля 1704 г. во исполнение этого указа был сформирован из дворянских недорослей Драгунский Иоганна Данееля Портеса полк, затем переименованный в Невский драгунский полк. В 1731 г. он стал Лейб-Кирасирским. Переименованный в июле 1917 г. в Подольский кирасирский, полк был расформирован в декабре того же года, просуществовав 213 лет, служа верой и правдой российским императорам и Родине.

Началась Гражданская война. По инициативе небольшой части офицеров-кирасир, присоединившихся к Добровольческой армии, при Сводно-Гвардейском полку была сформирована команда конных разведчиков, которая положила начало возрождению лейб-гвардии Его Величества полка. С сентября 1919 г. Мейер — прапорщик, а затем корнет этого полка Добровольческой армии. О действиях Мейера в бою 30 октября 1919 г. командовавший 2-м эскадронам А. Д. Кучин (убитый 17 февраля 1920 г. под станцией Егорлыцкой) писал в своем дневнике: «... Корнет Мейер принял командование 2-м полуэскадронам и весь день вел бой как в пешем, так и в конном строю, выделяясь своей храбростью и порывом вперед».

К середине августа 1920 г., после боев в Северной Таврии, в Лейб-эскадроне осталось в живых всего 17 кирасир, и тогда же он был пополнен остатками эскадрона кирасир Ее Величества, входившего в состав того же Гвардейского кавалерийского полка. В августе Мейер со своим полком отправился на фронт. В бою под деревней Федоровка он был ранен и эвакуирован в госпиталь.

Наступили последние дни пребывания Добровольческой армии в Крыму. 31 октября итальянский пароход «Корвин», перегруженный ранеными из ялтинского госпиталя княгини Барятинской (там лежал раненый Мейер) и другими беженцами, вышел в море.

Эскадрон кирасир Его Величества в составе Гвардейского кавалерийского полка во главе с

Эскадрон кирасир Его Величества в составе 1 варденского кавалерийского полка во главе с командиром полка полковником Сафоновым погрузился в Ялте на пароход «Крым» и прибыл в Константинополь. Окончательным пунктом эвакуации армии, согласно приказу Главнокомандующего П. Н. Врангеля, был определен полуостров Галлиполи. Начался «период галлиполийского сидения», продолжавшийся до августа 1921 г. Через некоторое время Мейер оказался в Белграде, где уже находились его родители. В первые годы эмиграции Мейер поставил перед собой три цели: не опуститься морально, преуспеть материально и продолжить борьбу за Россию. Знание немецкого и французского языков помогло ему устроиться в немецкую торговую фирму в Белграде, представлявшую иностранные фирмы на Балканах и Ближнем Востоке. Впоследствии он стал директором отделения, а затем и самостоятельным торговым агентом.

Ю. К. Мейер.

В апреле 1941 г. после капитуляции Югославии и оккупации ее германской армией. Мейеру удалось связаться с одним из бывших своих сослуживцев и поступить на работу в его частную контору в Берлине.

С началом войны Германии против Советского Союза русская эмиграция оказалась перед серьезным выбором: победа нацистов («пораженцы») или победа большевиков («оборонцы»). Формировалась идея так называемой третьей силы (за Россию без немцев и большевиков).

Так было в гражданскую войну в Испании, когда к генералу Франко прибыло около 70 русских добровольцев-эмигрантов. Так случилось и в сентябре 1941 г., когда в Югославии был создан из русских эмигрантов Отдельный Русский Корпус (затем — Русский Охранный Корпус), который на протяжении всей войны вел боевые действия с югославскими партизанами и с советскими частями.

На Восточном фронте также создавались русские национальные формирования, главным образом из военнопленных. Одним из них был Казачий кавалерийский корпус, сформированный генералом германской службы Гельмутом фон Паннвицем (казнен в 1947 г. по приговору советского суда как военный преступник). С 1944 г. практически все русские национальные части были объединены в Русскую Освободительную Армию (РОА) под командованием бывшего генерал-лейтенанта Красной Армии А. А. Власова.

Ю. К. Мейер с самого начала примкнул к движению генерала Власова. Он был назначен чиновником по особым поручениям при Гражданском управлении Комитета освобождения народов России (КОНР).

После капитуляции Германии с 1945-го по 1953 г. Ю. К. Мейер жил и работал в Мюнхене, а затем в Обераммергау, где преподавал русский и немецкий языки в Школе военной разведки американской армии. В 1947 г. он издал книгу С. С. Ольденбурга «Царствование Императора Николая Второго» (второе издание в 1982 г.). В 1990 г. перевел с немецкого и издал в США книгу С. Б. Фрелиха «Генерал Власов (Русские и немцы между Гитлером и Сталиным)». Он один из старейших сотрудников нью-йоркского «Нового Русского Слова», регулярно печатается в газетах «Русская Мысль» (Париж), «Русская Жизнь» (Сан-Франциско), «Наша Страна» (Буэнос-Айрес) и в журналах «Возрождение» (Париж), «Возрождение» (Нью-Йорк) и «Наши Вести» (Монтрой).

С, 1953 г. Мейер живет в США. Пятнадцать лет проработал в Школе разведки американского ВМФ в Анакосте (пригород Вашингтона), участвует в политической деятельности, являясь членом Республиканской партии США и президентом Республиканского клуба.

В 1973 г. Мейер принял участие в организации Конгресса русских Американцев (КРА) и в течение нескольких лет входил в состав Главного правления КРА, будучи также председателем

вашингтонского отделения этой организации.

Бывшие кирасиры лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка составили в эмиграции Объединение полка. В 1993 г. в живых оставалось лишь двое кирасир — подполковник А. С. Бразоль и корнет Ю. К. Мейер. В феврале 1993 г. Бразоль скончался. В начале 1994 г. скончался Мейер.

Публикуемая рукопись находится в фонде Общества истории Гражданской войны в России (Москва).

ЗАПИСКИ БЕЛОГО КИРАСИРА

МЫ — ПОМЕЩИКИ

Моя семья по отцу дворянская и помещичья. Предок майор Мартын Мейер получил пожалованное при Екатерине Великой село Спасское-Кубань в Малоархангельском уезде Орловской губернии. Семья Мейеров там осела, и мой дед Александр Николаевич Мейер, родившийся в 1832 году, всю свою жизнь прожил в этом имении, дослужился до чина действительного статского советника и был много лет уездным предводителем дворянства, а при освобождении крестьян — мировым посредником. Моя мать, Анна Федоровна Гончарова, происходит тоже из семьи дворян Бессарабской губернии. Ее отец был генерал-лейтенантом и командовал бригадой.

Дед Мейер приобрел соседний хутор Ивановку, и к тому моменту, когда меня мальчишкой стали возить в Кубань, все имение составляло 1200 десятин, что для Орловской губернии считалось маленьким. Не буду отрицать, что в те годы (1904—1917), несомненно, большая часть земли в нашем районе принадлежала помещикам. Железнодорожная станция, на которой мы сходили, называлась Змиевка и была расположена на Московско-Курской железной дороге в 60 километрах от Орла. Следующая к югу станция была Поньри, от которой отходила ветка на Малоархангельск. Как за наше время изменились представления о времени, нужном для поездок! В Орле мы — отец, мать и я — садились на извозчика и ехали верст пять на Орловский вокзал. Почему-то в те времена вокзалы губернских городов были всегда расположены не только просто на окраине города, что было бы понятно, но еще версты за две от окраины. В Орле в те времена считалось особым шиком поехать на лихаче на вокзал ужинать: тамошний повар славился на весь город. Потом на почтовом поезде мы со скоростью 25 верст в час попадали в Змиевку.

Одно название станции будит в вас утерянные воспоминания о типичной русской станции начала этого века. Деревянное двухэтажное здание рядом с водонапорной башней, с несколькими путями, часто без особых перронов; внутри небольшое помещение с оконцем билетной кассы, дверь в буфет, в котором на прилавке к приходу поезда выставляются бутерброды и тартинки, прикрытые полукруглыми колпаками из железной проволоки — защита от мух, которые тут же гибнут, пытаясь с жужжанием и напрягая крылышки освободиться от клея желтой бумаги. Тут же дамская комната с креслами и диванами или с деревянной спинкой, на которой выгравированы инициалы названия железной дороги, или с клеенчатой обивкой, покрытой белыми холщовыми чехлами.

Второй этап путешествия закончен. Выходим на подъезд станции, на небольшую площадь с булыжной мостовой, обсаженную чаще всего осинами или липами. Кучер Николай, высланный нас встречать, подает к подъезду тройку. Коляска небольшая. Родители помещаются на удобном, глубоком и мягком заднем сидении, а я как мальчуган сажусь на откидную скамеечку, спиной к кучеру и лицом к родителям. 28 верст от Змиевки до Кубани мы проезжаем не спеша, за три часа. Итак, переезд в общем в 70 верст занимает часов 8.

Булыжная мостовая от переезда через железнодорожные пути тянется всего полверсты, и наступает момент, воспоминание о котором до сих пор, через 70 лет, наполняет меня чувством

блаженства. Коляска съезжает на проселочную немощеную дорогу. Пыль ли на ней или грязь, но езда становится мягкой и нетряской. Лесов в этой средней части Орловской губернии почти не осталось, только в деревнях повсюду разлапые ракиты, а в усадьбах в саду и рощах — могучие дубы в 200—300 лет. Изредка на горизонте вы видите небольшую группу таких дубов, последние остатки от немилосердной вырубki. Местность сравнительно ровная, пологая, с медленными подъемами к какому-нибудь гребню. Кругом поля. Вид их, конечно, меняется в зависимости от времени года. Но если ехать в конце июня, то вот она, серо-желтая рожь, перемешанная вдоль дороги с полынью и с проглядывающими из ее гущины васильками, или красновато-розовая пшеница, которую, впрочем, здесь сеяли мало из-за недостаточного тепла в период вызревания. Колос у ржи грубый с длинной остью, у пшеницы он, я бы сказал, просто очень изящен. При принятом в те времена трехполье это — так называемый озимый клин, первый в трехлетнем круговороте. А вот и яровой клин с весенним посевом. Тут на первом месте овес со своими кистями, склоняющимися под весом наливающихся зерен. Гораздо реже на полях помещиков вы можете летом увидеть белый ковер цветущей гречихи мелкими белыми цветами и под ними красными тонкими стеблями или в конце июля ковер клевера с его темно-красными мохнатыми шарами-цветами на фоне зеленых листьев. Если вы выбираете дорогу, ведущую за крестьянскими дворами, чтобы объехать громадные лужи, прямую трясину на главной улице села, то позади изб вы увидите высокую коноплю с наливающимися кистями зерен, сплошные ярко-зеленые ряды гряд окученного картофеля, весной цветущего мелкими белыми цветами с желтым пестиком, или осенью — уже крупные светло-зеленые кочаны капусты.

При такой езде со станции Змиевки в Кубань вы в первом десятилетии нашего века убеждались, что Орловская губерния была дворянская и что при каждом селе было имение, да еще лучших российских дворянских родов. Первым на пути было Куракино. Александр Борисович Куракин был в те времена губернским Предводителем дворянства. Через 7 верст вы проезжали Столбцкое, имение Михаила Михайловича Мацнева. В 12-м и 13-м году он построил на свои средства на своей земле больницу для крестьян. В двух верстах от Столбцкого было имение Емельянова. И когда мы начинали приближаться к родному гнезду, то в низине открывалась деревня Алексеевка с имением Сергея Сергеевича Олив, бывшего в конце прошлого века помощником Главноуправляющего Уделами князя Виктора Сергеевича Кочубея. Когда коляска минует последний дом деревни и откроется широкий простор полей, то на горизонте в четырех верстах по пологому подъему мы видели две ракиты, так называемую Часовенку. Они были небольшие со сбитыми в сторону ветвями и редкой листвой — очевидно, давно воткнутые в землю вехи-путеводители, разросшиеся и удержавшиеся, невзирая на постоянные налеты ветров. Для меня и моей матери это было не столь важно, но для отца это был первый привет родной земли. Когда мы достигали вершины возвышенности у Часовенки, то уже катились по собственной земле, и за пологим спуском длиной с версту виднелась наша усадьба, пруд, плотина с двумя рядами мощных ракит, за прудом большой амбар с красной железной крышей и дальше купы столетних дубов в так называемой верхней роще. На каждой деревенской плотине есть маленький деревянный мост над протоком, по которому уходит лишняя вешняя вода. И вот шум колес по доскам этого мостика всякий раз для меня как бы замыкал прошедший период — жизнь в Самаре, гимназию, все городские удовольствия, — и начинался новый этап величайшего спокойствия и деревенских развлечений.

Проехав плотину, кучер Николай подхлестывает пристяжных, которые переходят в галоп, и мы на быстром ходу проезжаем сначала птичий двор — грязную избу под тенью ракит. Спешно разбегаются куры с выводками цыплят, крикают утки с утятами, переваливаясь и спеша к сажалке за птичником. Поясню, что такое сажалка. Это вырытый в земле бассейн величиной примерно метров 20 на 10 для водоплавающей птицы. Оттуда слышен гогот гусей. Дальше мы быстро едем по аллее из больших ракит, оставляя в стороне скотный и отдельный воловий дворы, и между двух въездных кирпичных столбов с пирамидальными верхушками. Их уже выстроил мой отец как знак, что вы въехали в самую усадьбу. Тут как раз растут девять громадных дубов, очевидно, еще с поры Смутного времени, и дальше тянется так называемый старый фруктовый сад, в отличие от нового, посаженного в самом конце прошлого века, с яблонями, грушами и сливами. Еще несколько саженей, и открывается широкий двор — луг с клумбами цветов, и мы

по половине овала этой дороги подкатываем к подъезду барского дома. Не думайте, что он очень роскошен. Он — деревянный, в два этажа, снаружи покрытый деревянным тесом, выкрашенным в темно-розовую краску. Большие окна снабжены двустворчатыми ставнями, которые повар или горничные по вечерам закрывают, для чего служат щеколды. Утром их открывают и закрепляют к стене такими же щеколдами.

На звон бубенцов нашей тройки высыпают нас встречать. В первую очередь тетя Таля, старшая из поколения моего отца, ведущая хозяйство имения, и многочисленная прислуга. Вот первое крыльцо, на нем сбоку стоит ручная пожарная машина, дальше следует вторая большая передняя с непередаваемым свежим запахом, неведомо как создающимся в старых помещичьих домах. Дом небольшой. Внизу небольшой зал, за ним гостиная, дальше столовая. Из гостиной выход на террасу в сад, защищенную от солнца крышей и густой стеной дикого винограда. Из гостиной двери в большую столовую. Кроме того, в нижнем этаже шесть спален, вытянутых вдоль коридора, проходящего по середине дома, с лестницей на верхний этаж. Там тоже коридор и по одну сторону тоже шесть комнат — три бывшие детские, а теперь спальни для приезжей молодежи вроде меня, и три для прислуги. Наверху по другую сторону коридора — большие кладовые и гардеробная, в которой десятками лет хранились платья бабушек и формы дедов. Этим добром мы пользовались, устраивая живые картины.

Для освещения в гостиной, зале и столовой висели керосиновые лампы с белыми фаянсовыми абажурами. В некоторых спальнях у ночных столиков были стоячие лампы, а когда дом был переполнен, то спать в отдельные комнаты шли со свечой. В спальнях на больших деревянных или мраморных умывальниках стояли фаянсовые разукрашенные тазы и кувшины, в которые горничные с утра наливали воду. К такому ассортименту принадлежала выдержанная в том же стиле ночная посуда. Для того чтобы помыться целиком, надо было пройти по саду полтора-два шага до бани, а летом ходить за полверсты в деревянную купальню на пруду. Место удобств называлось «чу» и состояло из сиденья, под которым была глубокая асептическая яма, которую чистили два раза в год. Спускать воду можно было, так как над сиденьем был устроен металлический бак, который прислуга наполняла водой. С умилением вспоминаю металлический крючок, укрепленный на бронзовой пластинке, изображающей венецианского льва. На этот крючок тетя Таля насаживала аккуратные квадраты газетной бумаги. Пипифакса тогда, во всяком случае в провинции, не было.

В саду перед террасой были цветники, которые по ужасной тогдашней моде украшались разноцветными стеклянными шарами, помещенными между цветами. От дома расходились аллеи лиственниц, липовая, жасминовая, кленовая. Жасминовая упиралась в густейшие заросли кустов и камыша с коричневыми бархатными головками осенью. Эти заросли спускались под обрыв, на дно бывшего большого пруда. На противоположном берегу начинался луг крестьян. Еще в конце прошлого столетия плотину прорвало, и с тех пор владельцы имения, то есть мой дед, не могли сговориться с крестьянами о восстановлении плотины. Вода из Студеного ключа, из которого привозили воду и который выходил из-под земли в низине луга в версте от сада, в микроскопическом масштабе повторяла ту же работу, которую делала река Колорадо в Гранд-Кэньоне. При паводке обрушивались подмытые берега, и овраг становился все шире и глубже. В соседней березовой роще, выросшей на торфянике, в почве образовались глубокие трещины и отдельные деревья с землей сползали вниз. Для нас, детей, эти места были идеальными для игры в индейцев. Все герои Майн Рида и Фенимора Купера побывали на откосах этого оврага. Забыл упомянуть, что острая проблема отопления при отсутствии лесов для Кубани не существовала. За садами в низине был большой торфяник. Специалисты-резчики приходили весной с лопатами, похожими на лопаточки, которыми берут кусок торта, вырезали аккуратные кирпичи торфа, которые искусно складывали в продуваемые со всех сторон пирамиды для сушки.

Усадьба Кубани была построена по старому принципу. Ничто не должно было ускользать от глаза бдительного хозяина. Поэтому, если он сидел на скамеечке у подъезда главного дома, то перед ним по овалу располагались: баня, расхожий амбар с продуктами для рабочих, каретный сарай, большая каменная конюшня, для тепла покрытая соломой, ледник — деревянный домик

срубом с глубокой ямой, которую зимой набивали глыбами льда с пруда и укрывали их соломой. Там на полках хранилось молоко. Дальше шел колодец и большая каменная людская, жилье для рабочих с кухней, где повариха Харитинья приготавлила обед и ужин для рабочих. Рядом с домом, но с другой стороны, была каменная кухня, где готовил еду хозяевам повар Николай Упатов.

За пределами этого овала находились еще одна большая кирпичная людская, в которой жил главный пастух Рязанцев, житный двор, где под навесами стояли сеялки, косилки, конные грабли, плуги и где были целые завалы всякого старья, накопившегося за десятки лет. За житным двором была псарня с собаками. Напротив житного двора был большой скотный двор. Эти постройки были — срубы, соединенные в несколько венцов, под соломенной крышей. В отдельном стойле стоял бык-производитель. Стадо у нас было симментальской породы. Почему-то в России полагалось, чтобы бык был неукротимой злобы и представлял постоянную опасность. Поэтому нам, детям, запрещали вертеться около скотного двора, когда пастух гордо и медленно вел Снежка на цепи с кольцом, продернутым через ноздри, на водопой к сажалке. Зимой в доильне коровы стояли постоянно, и навоз с соломой из-под них не убирался. Таким образом, они к марту месяцу стояли почти у переметов крыши и должны были глубоко гнуть шеи, чтобы добраться до корма в больших яслях. Еще дальше были расположены амбары, одноэтажные деревянные

срубы, с ровным досчатым полом для ссыпки зерна, под железной крышей; тут же невдалеке кузница и, наконец, рига, которая служила для молотьбы, когда барабан и веялки приводились в движение конской тягой. Восемь лошадей ходили по кругу, вращая громадное горизонтальное колесо, которое через шестерни и маховое колесо давало с помощью ременной передачи нужную скорость зубчатому барабану. Так как этим способом нельзя было молотить по мере подвоза копен с поля, то они вокруг риги складывались в скирды высотой в двухэтажный дом с искусно выведенными из уложенных снопов двускатными крышами. Такие скирды стояли правильными рядами в несколько рядов и образовали своего рода городок, в котором мы играли в прятки и догонялки, крадучись на перекрестках и осторожно выглядывая из-за угла скирды. Рига перерабатывала этот запас хлеба зимней молотьбой.

Возможно, что все эти подробности покажутся скучными нашим молодым читателям второго и третьего поколения после нас. Но прежде, чем описывать самих помещиков, я прилагаю старания, чтобы описать ту обстановку, в которой протекала их жизнь.

Переломными годами в поведении помещиков нужно считать годы первой революции 1905 — 1907. Основным чувством помещиков стал страх и стремление, невзирая на всю любовь к насиженным гнездам, покинуть их. Но помимо неуверенности в будущем, было еще одно явление, которое вело к уходу помещиков из своих имений. Это измельчание помещичьих владений. Дело в том, что, например, поколение моего отца было весьма многочисленное. Очевидно, деды были уверены в своем будущем и обзаводились большими семьями. У моего деда Мейера было шестеро детей, у деда Гончарова, отца моей матери, — девятеро. И по соседству у помещиков к концу прошлого века всюду было много детей. Теперь, если как пример взять мою семью, складывалась такая перспектива на будущее. Как я уже сказал, у деда Кубань с хутором Ивановкой составляла 1200 десятин. После его смерти каждому из шестерых детей досталось бы по 200 десятин. Дальнейшее хозяйство могло бы вестись только сообща. Но так как эти шесть отпрысков, по всей вероятности, обзавелись бы своими семьями, то им не было бы места для жизни в прародительском доме. Поэтому среди помещиков в поколении моего отца наблюдался, если можно так выразиться, уход на отхожие промыслы, и связь с родной землей терялась, тем более потому, что одновременно с уходом являлось желание продать свой удел. Именно это произошло с моей семьей. Три моих тетки после революции 1905 года продали хутор Ивановку, то есть свои доли, в общем 600 десятин. Их примеру последовал и средний брат Леонид. От всего имения осталось 400 десятин, принадлежавших моему отцу и его младшему брату Жорику. Но с таким сокращением площади менялась вся рентабельность владения таким участком земли. И это вынудило и этих двух последних владельцев уйти в город и искать источник существования на службе.

Между прочим, характерная вещь. В конце прошлого столетия то, что у американцев называется планированием семьи, стало проводиться неукоснительно в помещичьих семьях и стало вполне возможным, несмотря на то, что в те времена никаких мер против зачатия и никаких пиллюль не существовало. Если в поколении отца было шестеро братьев и сестер, то в следующем поколении детей было только четверо, и в каждой семье только по одному ребенку. То же самое было в семье Олив: при пяти членах в старшем поколении у них в следующем поколении было только три отпрыска. Мое поколение, ставшее жертвой революционного катаклизма и эмиграции, напуганное неуверенностью в будущем, пошло еще дальше, и вообще большинство браков осталось бездетными. Редко кто решался обзавестись одним ребенком. Только в нынешнее время наши дети опять увереннее смотрят на будущее и стали производить на свет по несколько детей.

Возвращаясь к поколению моего отца, надо заметить, что в помещичьем быту повторялось в уменьшенном масштабе то, что привело к концу удельный период, когда для новых поколений удельных князей не хватало вотчин. Система майората, или немецкого «Эрбхоф», при которой имение переходило к старшему в роде и не могло быть поделено, в коренной России не применялась. Она действовала в прибалтийских губерниях, занесенная туда из Германии.

Следуя таким образом общему велению судьбы, и в Кубани всего через три года после смерти прародителя Александра Николаевича Мейера четыре наследника продали свои доли, и из 1200 десятин осталось всего 400 при несоразмерно большой усадьбе. Правда, нужно сказать, что три сестры моего отца, замужняя Мария и незамужние Наталия и Валерия, сохранили до конца жизни горячую любовь к родному гнезду. Наталия оставалась все время управляющей имением, и Валерия жила с ней в Кубани. Теперь я сам под конец своей жизни понял и горько ощущаю нашу общую вину, грустную судьбу моих теток.

Возьмем младшую Валерию. Все Мейеры были очень высокого роста и не особенно красивы. Валерия окончила институт в Орле, знала хорошо французский язык, имела приданое за проданную землю около 80 000 рублей, но, зарывшись в глуши деревни, так и не нашла себе жениха. Единственно, что она себе позволила, это поездку два раза в Монте-Карло, куда она ездила вместе с замужней сестрой Марусей и своим зятем, орловским присяжным поверенным Леоном Иосифовичем Кржевским, поляком, католиком. Все остальное время она безвыездно жила в Кубани. Представьте себе, примерно 10 месяцев в году жизнь вдвоем с сестрой в доме, окруженном зимой наметами снега, плохо освещенном керосиновыми лампами, без общения с другими людьми для молодой девушки! В 1909 году она стала болеть. У нее оказался абсцесс в кишечнике. Что мог в таком случае сделать земский врач, ее лечивший? Каковы должны были быть мысли у этой девушки, умиравшей в глуши! Наконец, очевидно, когда у нее начался перитонит, сестра Таля спохватилась и приняла крайние меры — везти Валеру в Москву. Был конец марта, и дороги были непроезжими ни для саней, ни для коляски. Крестьяне Кубани несли Валеру на носилках, сменяясь, 26 верст до спального вагона на станции Змиевке. На следующий день по приезде в Москву она скончалась.

Судьба тети Тали была не менее трагична. Она была болезненная, худая, всегда подтянутая. Много читала, выписывала ряд журналов и, конечно, «Русское Слово». Каждый вечер слушала доклад приказчика и намечала программу работ на следующий день. Но, конечно, в зимние месяцы и этого занятия не было. Как все помещицы, она лечила крестьян. Набор лекарств был ограниченным: хина, касторка, капли Иноземцева, йод. Отношения у нее с деревенскими были хорошие. Наш уезд в 1917 и 18 годах был спокойным. Усадеб не жгли и помещиков не убивали. Правда, большинство из них покинули усадьбы в начале 1918 года. Когда в наш дом в Кубани вселился комитет бедноты, тете Тале оставили ее комнату. Там она и прожила до 1921 года, потеряв всякую связь с родными. Мои родители и я были уже за границей, Кржевские пытались бежать на юг, но вернулись в Москву и притаились. Так всеми забытая тетя Таля умерла в 21 году от рака.

Хочется сказать несколько слов и о дяде Леониде. Он был ростом в сажень, охотник и любитель лошадей. Очень нравился женщинам и любил в клубе играть в «шмэн де фер»*. Его любовь к лошадям, когда он жил в Орле, дошла до того, что он из спальни своей первой жены переселился в конюшню и спал за перегородкой рядом со стойлом серого орловца-рысака и кровного англичанина под седло. Революция застала его в Самаре, он был тогда юрисконсультom Удельного округа и слыл либералом. Поэтому после февраля служащие избрали его председателем своего комитета. Но дальше этого его либерализм не пошел. Он умер в 1932 году в Самаре, но ни разу не пошел на службу к большевикам. Он развелся со своей второй женой и до конца жизни (ему было 56 лет) был частником. На своей любимой кобыле он зимой возил в город по заказу дрова. Для этого он сам пилил на берегу реки Самарки деревянные части севших на мель и брошенных барж. На общем фоне великих семейных трагедий с расстрелами, Соловками и Гулагом судьбы моей семьи могут показаться счастливыми, но я считаю своим долгом показать, как складывалась и более удачная жизнь так называемых бывших людей при большевизме.

После революции 1905 года повсеместным явлением была продажа помещиками своей земли Крестьянскому поземельному банку, который продавал ее на льготных условиях крестьянам. Упомянутые мною соседи по имению тоже частично продавали землю. Тут следует, однако, отметить довольно любопытный факт — рождение нового класса в деревне. Издавна в ней существовали прасолы — мещане, зажиточные крестьяне. Одним из главных деяний была скупка у помещиков хлеба, овощей, фруктов и вывоз их в города, где продукты скупались торговцами. Этот класс рос весьма быстро и богател. Конечно, была большая разница между прасолами, откупавшими, например, в Кубани урожай яблок, груш и слив и разбивавшими в так называемом молодом саду большой шалаш, покрытый кошмами и брезентами, в котором они жили целое лето скорее как сторожа от деревенских мальчишек, и прасолом, торговавшим хлебом. Вокруг шалаша, по мере поспевания, на рогожах лежали груды аниса, антоновки, белого и желтого налива, апорта или разного сорта груш вплоть до бергамотов и дюшесов и гарнцами сваливались сливы — ренклоды и обычная слива венгерка. С ней я через 10 лет в изобилии повстречался в Югославии, точнее Сербии, где из нее гнали «шливовицу». Конечно, обороты такого прасола, садового сторожа, были невелики. Но были прасолы другого масштаба. На своих или нанятых подводах они осенью, или скорее как только устанавливался санный путь, вывозили содержимое помещичьих амбаров в города. Это были целые обозы, и нажива тут была велика. Это давало возможность прасолам скупать у помещиков небольшие имения и организовывать свои хозяйства. Мне помнится один из прасолов нашей округи Ерохин. Прасолы были твердым консервативным народом, больше верящим слову, чем подписи на бумаге. Мой сосед В. С. Олив рассказывал мне, как Ерохин дал ему по одному слову 50 000 рублей на какое-то дело. Судьба этого простого человека была своеобразна. Он прекрасно понимал, что ждет его и его семью, когда в деревне власть перейдет к беднякам и дезертирам, и быстро устремился на юг и в эмиграцию. О торговых способностях этого человека с только начальным образованием можно судить по тому, что в 50-х годах у него во Флориде был большой супермаркет. Конечно, отнюдь не все помещики впадали в ликвидационные настроения. Были среди них и такие, которые в первые два десятилетия этого века упорно стали переходить к интенсивному сельскому хозяйству. При жизни деда все еще держались векового трехполья: озимый клин, яровой, паровой. На последнем ничего не сеялось, только с осени поднимали жнивье. Земля на нем паровала — отдыхала. Его использовали для выпаса скота. Система эта называлась трехполем. Мой отец и дядя Жорик сразу же перешли к многополью. К основным культурам ржи, пшеницы и овса прибавились посевы кормовых трав — клевера и вики и корнеплодов, главным образом картофеля. Все эти культуры благодаря длинным корням рыхлили землю и делали ее более плодородной, уходя глубже в нее. До этого периода помещики опережали крестьян только в пахоте. Они использовали плуги, главным образом трехлемешные, и не простые, а дисковые бороны, в то время как наши орловские Микулы Селяниновичи все еще ходили за сохой. Уборка урожая тоже была различная. Крестьяне косили рожь и овес, пользуясь косами с деревянными тройными граблями, пристроенными над косой, которые позволяли укладывать скошенную рожь в правильные рядки. Серп почти вышел из употребления. Помещики же обзаводились жнейками и косилками, главным образом с системой американского изобретателя Мак Кормика. Это была

и косилками, главным образом системы американского изобретателя мак-Кормика. Это было неуклюжее сооружение, в которое впрягалась пара лошадей с дышлом между ними. При движении длинные ножи, состоящие из десятков плоских конусов, проходили туда и обратно через соответствующие выступы деревянной платформы. Система действовала по принципу машинки для стрижки волос. Центром машины была так называемая голова. Она была чугунная, а бежавшие вокруг по разным рельсам четыре широкие грабли исполняли следующие функции: первая пригибала к платформе рожь, вторая клала срезанную рожь на платформу, третья и четвертая сбрасывали рожь с деревянной платформы на землю в виде валка. Для рабочего на железном косяке было сидение, соответственно выгнутое для удобства. Но так как рядом вертелись упомянутые грабли, у меня в памяти запечатлелось, что рабочий всегда сидел как-то боком, отклоняясь от граблей. То же самое делал и я, так как очень любил косить. Вот и теперь, через много лет, передо мною стоит картина желто-серого поля ржи с редкими васильками и голубого неба с белыми облачками. Две взмыленные лошадки тянут косилку, у вас в руках вожжи, и вы должны все время следить, чтобы они шли вплотную вдоль нескошенной ржи, и таким образом можно было бы косить во всю длину ножа. На железное сиденье необходимо подложить кусок кошмы, или сложенный мешок, или другое веретье, иначе будет не работа, а пытка! Над лошадьми выются овода, и вы кнутиком сгоняете их с круп лошадей. Тяжелой сельской работой была вязка. Сброшенные валки ржи надо было связать. Это делали девки. Не удивляйтесь этому термину. В деревне в нем ничего унижительного не было, это была женская рабочая сила, и термин «девки» никакого отношения не имел к их поведению. Главным образом это были девушки из Полесья, которые приходили группами на рабочий летний и осенний сезон. Даже в летнюю пору они были с головы до ног закутаны платками, 557 кофтами, длинными до пят юбками и передниками, руки их были с ладонями завернуты в белые тряпки. Особенностью их костюма были обращавшие на себя внимание заплаты на их блузах, приходившиеся как раз на груди. Но, повторяю, вязка была каторжной работой. Сколько раз надо было согнуться, собрать граблями сжатый валок, перехватить его перевязлом, заткнуть концы перевязла под него самого! К концу дня надо было снести снопы и сложить их в крестцы. Поясню, что такое крестец. Четыре снопа укладываются так, что колосья всех четырех кладутся друг на друга, а концы снопов торчат аккуратно в 4 стороны. Получается крест. На первый ряд укладываются еще два ряда по четыре снопа в каждом и, наконец, наверх кладется 13-й так, чтобы он покрывал середину крестца, где колосья — временная защита от дождя. Обыкновенно 4 крестца укладываются в ряд, и они составляют копну. Это как раз то количество, которое можно уложить в деревенскую телегу и получить высокий воз. Клин, на котором идет вязка, меняется с каждым часом: одна полоса занята еще не связанными валками, потом лежат разбросанные снопы и, наконец, на другой стороне клина — ряды копен. Крестьяне судили об урожае по числу копен на десятину: 7—8 копен было недород, 18 и больше, 20 копен — считалось большим урожаем. К началу второго десятилетия нашего века появились сноповязалки. Они не только косили, но и вязали снопы шпагатом. Первые типы этих машин были несовершенны, часто ломались, и при молотье всегда были жалобы подающего в барабан, так как он должен был резать шпагат ножом. Но эти сноповязалки освобождали женщин от каторжной работы. Идя по пути интенсификации хозяйства, отец и дядя Жорик обновили инвентарь, приобрели новые плуги, новые косилки, выбросили извечные телеги с деревянными осями, которые мазались дегтем. Было построено 8 больших дрог, которые назывались фурами. Они были с железными осями, вдвое длиннее телег, вместо максимальных 30 пудов для телеги в них можно было грузить до 100 пудов. Главное же, у пруда был выстроен винокурный завод. Неочищенный спирт гнали из картофеля с большим содержанием крахмала и в железных бочках доставляли его на ректификационный завод, где спирт очищался и из него выпускалась водка низшего качества «красная головка». Эта попытка ввести в Кубани промышленность окончилась неудачей. Завод проработал две зимы, потом началась война, продажа водки была запрещена, и винокурение прекратилось. Единственной выгодой было то, что паровой двигатель завода был использован для работы паровой молотилки, и молотье в риге прекратилось. Прошу извинения у читателя, что занял столько времени описанием сельскохозяйственных работ. Каково же было поведение помещиков в сезоне этих работ? Прежде всего обратим внимание читателя на прибор, висевший в Кубани в зале на стене. Это был барометр. Все члены нашей семьи проявляли к нему в деревне

неослабевающий интерес, и первым жестом входящего в залу было постучать пальцем по барометру. Если черная стрелка отклонялась слегка вправо, лицо стучащего расплывалось в улыбку, когда же стрелка, дрогнув, шла слегка налево, лицо его омрачалось. Барометр был предсказателем дождя, а его у нас в Орловской губернии было больше чем достаточно. Чаше всего стучать по барометру было излишним: шум воды в желобах и свинцовое небо были убедительными доказательствами. Для нас, детей, дождь означал лишение поездки верхом, игр в саду, возможного пикника, на котором в дальней роще на костре в котелке варили пшениный кулеш, а на ивовых свежих прутьях в огне костра жарили шашлык. Для взрослых вопрос был гораздо серьезнее. В дождь работа на полях прекращалась. В свое время дед почти не выходил из своего кабинета 558 и на барометр не смотрел. Вечером слушал доклад приказчика и обычно задавал вопрос насчет погоды. Приказчики знали, что сообщение о дожде вызовет недовольство, и поэтому бодро отвечали: «Вызвездило, Ваше Превосходительство!» — хотя не будь дед глухим, он прекрасно мог бы слышать журчание дождевой воды по трубе за окном. В дальнейшем я подыду к взаимоотношениям помещиков и крестьян и сельских рабочих. Теперь я с удивлением вспоминаю, что даже в 12—13-летнем возрасте я смутно инстинктом угадывал, что здесь что-то очень неладно. Проезжая со станции через несколько деревень, я чувствовал себя в чужом и непонятном мне мире, встречавшиеся мужики и бабы были мне непонятны, как существа с другой планеты, и я чувствовал какую-то неловкость, смотря на их телеги со скрипучими колесами, клоками соломы и сена, обтрепанной веревочной сбруей и видя спину

кучера Николая в синей суконной поддевке, в шляпе с павлиньими перьями, держащего в рукавицах вожжи чистокровных холеных и крупных лошадей. И при таком отчуждении и взаимном непонимании поведение всех членов семьи и родственников, приезжавших к нам летом, могло только раздражать коренных жителей деревни — крестьян. В первые годы взрослые часами играли в крокет. Каково было рабочим и тем же девкам, работавшим в поте лица, смотреть, как баре гоняют шары деревянными молотками! Чаше всего мы с отцом в паре играли против двух теток — Маруси и Валеры. Когда партия подходила к концу и я видел, что у теток преимущество, я, ожидая своей очереди, сходил с площадки в липовую аллею и ревел, потом с отчаянием ударял по своему шару, который тем временем загнали на край площадки, в отчаянной попытке крокировать шар противника на другом конце площадки и, промазав, всхлипывая, опять уходил под липы. Я думаю, что у взрослых не было чувства неловкости перед рабочими. Они безмятежно веселились. Так, в поединке между Жориком и Леоном было условлено, что проигравший в будущем не смеет входить на площадку, а, стоя за забором и сняв шапку, должен спрашивать победителя: «Разрешите посмотреть на вашу мастерскую игру!» В последние три года была устроена и теннисная площадка. Но я думаю, что и эта игра не вызывала много сочувствия у проходивших мимо рабочих. Были еще две вещи, которые могли раздражать рабочих и крестьян. Любимым занятием хозяев, прежде всего тети Маруси, потом моего отца, а за ним и других членов семьи, было пойти на молотьбу, сесть на скамейку и наблюдать, как подъезжают фуры, как работает подающий в барабан, раструсивая снопы, как вязанками отвозят солому, а главное — как нагружают телеги мешками умоложенного зерна. Сначала телега шла на весы, и очень часто я сам с интересом бегал туда, взвешивал и отмечал в тетради, сколько прибавилось пудов зерна в амбарах; что касается моего отца, то он утром или после раннего обеда в полдень верхом выезжал в поля и шагом следовал или за одним из плугов, или за жнейкой, внимательно наблюдая за тем, чтобы не было огрехов, особенно на углах клина. Я думаю, что это было общим занятием помещиков-хозяев. Потом, уже в эмиграции, мне рассказывали про одного помещика, прокурора Окружного суда и затем губернатора, который, когда был в отпуску в своем имении, ходил за плугом и аккуратно поднимал редкие камешки, попадавшиеся в новой борозде, и выносил их за межу. Мы в Кубани по воскресеньям, когда не было работы, иногда сами запрягали две фуры (это было, конечно, во время уборки хлеба), выезжали в поле и грузили копны в повозки. При этом вырабатывалась особая техника орудования вилами-двойчатками. Конечно, мы, члены семьи, молотить сами не могли, поэтому только клали привезенные снопы в скирды. Мой отец умел очень хорошо это делать, особенно 559 вершить, то есть укладывать верхнюю конусообразную часть. Подавать вилами тяжелые снопы наверх было нелегко, и тут необходимо было применять систему, как уравнивать сноп на вилах и как подавать его наверх, используя инерцию первоначального рывка. Лето 1917

года мои родители и я провели в Кубани. Наш уезд был спокойный, и там никаких самочинных действий крестьян не было. Ранней осенью имение даже принесло большой доход, если считать, что «керенки» имели реальную ценность. У нас было 90 десятин под картофелем, и один из прасолов скупил весь урожай и вывозил картофель прямо в Москву. Насколько мы не понимали размера надвигавшейся грозы, видно по тому, что мой отец, казалось бы, разумный человек, не учитывал возможности прихода большевиков. Весной после февральской революции он подал в отставку, будучи последним управляющим Мургабским Государевым имением в Закаспийской области, и, таким образом, лишился большого жалования. И, несмотря на жизненно приобретенный опыт, он думал, что усадьбы во всяком случае останутся за помещиками.

Поэтому в сентябре он ездил в Петроград и заказал полное машинное оборудование паровой мельницы. Он хотел установить его в здании винокуренного завода. Это оборудование пришло на станцию Змиевку в феврале 1918 года и осталось невыкупленным. Тогда мы в Орле уже слегка прозрели и начали понимать размеры наступавшей катастрофы. В те годы мне уже было 20 лет, и я стал свидетелем и жертвой перемены режима. Может быть, мне не стоило бы писать о судьбе моих родных. Их можно считать счастливыми, так как даже те, кто остались в России, казнены не были. О своих тетках и дяде Леониде я уже писал. Дядя Леон, бывший присяжный поверенный в Орле, был талантливым человеком с большим разнообразием интересов. Он был охотником, один из первых в Орле завел себе мотоциклет; у него в квартире была настоящая слесарная мастерская с рядом самых современных станков. Имея талант художника, он в Кубани долго

просиживал за мольбертом, рисуя пейзажи, и очень удачные. Леон был энтузиастом фотографом и сразу же хватался за любую техническую новость. Так как то время было началом цветной фотографии, он немедленно выписал себе из Парижа аппарат и пластинки на стекле Джугла и Люмьер. Этот способный человек последние 12 лет своей жизни прожил простым счетоводом на железной дороге в Москве. И когда я посылал им посылки через Торгсин, его жена Маруся писала нам, что перед самой кончиной он с трогательной радостью съел единственный апельсин из такой посылки, считая это большим счастьем. Мне думается, на основании того личного опыта, который я приобрел в деревне, что конфликт землевладения в России был бы целиком разрешен в течение лет 50 переходом почти всей земли в руки крестьян. Что касается нашей Кубани, то она была превращена в совхоз и целиком уничтожена в 1943 году. Во всем том районе шли ожесточенные бои с немцами и знаменитое сражение в Белгородско-Курской луке. Хотя, казалось бы, наш район был дальше на север, немецкие сводки не раз упоминали о боях на реке Неруч, а это как раз в 10 верстах от Кубани. Говоря о судьбе помещиков в связи с революцией, необходимо задать себе вопрос, как сумели приспособиться к новым порядкам многочисленные люди, служившие у помещиков. В большинстве случаев они были из местных крестьян, не имевших земли. Для того чтобы представить себе, какое количество людей принадлежало к этому классу, перечислю персонал в нашей маленькой Кубани: повар и горничная в господском доме, повариха и ее помощница — для рабочих, два кучера, приказчик и его помощник, скотник и подпасок, садовник, птичница и 8 человек постоянных рабочих. В связи с этим приведу несколько 560 мелочей, сохранившихся в памяти. Еще со времен деда Александра Николаевича повар подавал каждый день к любому супу жареные пирожки с мясом. Эта традиция сохранилась до конца жизни в Кубани. По поводу крутого нрава деда была в ходу такая легенда. В Кубань приехал в гости вице-губернатор. Дед требовал, чтобы суп всегда был очень горячим. Прислуга поставила перед бабушкой суповую миску. Вопреки доброму воспитанию, она первую тарелку всегда, даже при гостях, наливала деду. Суп оказался недостаточно горячим, и поэтому дед, откушав первую ложку, вылил содержимое своей тарелки обратно в миску с приказом нести суп греть. Мой отец приукрашивал этот рассказ, утверждая, что дед при этом плюнул в свою тарелку. Второй кучер Сергей и мамка Соломея, ключница, кормилица моего отца, были в молодости крепостными. Садовник Александр был очень любознательным самоучкой. Мой отец, сидя в саду, спрашивает идущего мимо Александра с толстой книгой в руках, что он читает. Ответ: «Шопенгауера, Константин Александрович!» — «Ну и что же?» — спрашивает отец. — «Ничего не понимаю! Но уж очень здорово погибает». Судьба этих верных слуг, всю жизнь зависевших от работы в имении, нам, ушедшим в эмиграцию и потерявшим связь с нашей деревней, почти неизвестна. Землей их не наделили, а главное, в 1921 году приволжская эпидемия холеры дошла в первый раз до центральных губерний. Тогда мамка Соломея и

молочный брат отца Михаил умерли без всякой медицинской помощи. Нет сомнения, что не только они в Кубани были жертвами холеры. Читатель может спросить, как заполняли свой досуг помещики, подобные семье Мейер. Я с отцом ездил верхом или на дрожках по несколько часов по полям, на которых шла работа, или были на молотье. У моего отца была навязчивая идея обратить усадьбу с ее садами и рощами в нечто подобное английскому поместью. Для этого надо было уничтожить наследие старого времени. Дело в том, что отдельные сады и рощи были окружены рвами с целью не допускать в них свой и крестьянский скот. Эти рвы и валы выкопанной земли поросли акацией, раkitами и кустарником. По несколько часов в день мы с отцом работали на этих рвах, выкорчевывая и засыпая их. Проезжая в 1914 году через Москву, я на Мясницкой улице в одном из немецких технических магазинов купил образцовые топоры, лопаты и пилу. Летом мы купались в пруду. Тетя Таля выстроила деревянную купальню с погруженным в воду дощатым полом. Мы ездили на ею же купленной лодке, прилаживая на ней парус из простыни; стреляли из монтекристо воробьев и лягушек на пруду. В дождливую погоду в доме играли в карты, в «короли», и много читали, сначала Майн Рида, Купера, потом Чарскую, Жюль Верна. Становясь старше, я присоединялся к взрослым и читал Тургенева и Лескова (наших орловчан), потом увлекался рассказами Куприна. Взрослые читали бывшего тогда в большой моде Леонида Андреева, Мережковского, первые рассказы Бунина, в дешевом сытинском издании Пшибышевского и д'Аннунцио, не говоря уже о так называемой железнодорожной литературе — книгах, продававшихся в киосках на вокзалах, как, например, Вербицкой, Нагродской и Фонвизина, — конечно, не автора «Недоросля» и «Бригадира», а совершенно теперь забытого писателя легких романов. Взрослые переживали литературную сенсацию Арцыбашева с его «Саниным». Большая часть членов семьи с интересом следила за спортивными событиями и скачками. Я помню, как, будучи мальчуганом, я дрожал от волнения, дожидаясь результата матча между белым Джефрисом и черным Джонсоном в боксе. Победа тогда осталась за черным как первым предвестником будущей монополии черных чемпионов тяжелого веса. Волнующую радость вызвала у нас победа в 1912 году француза 561 Лаутеншлегера на машине «лоррен дитрих» во второй по счету автомобильной гонке в Индианаполисе. С тех пор, мне кажется, иностранные гонщики ни разу не выигрывали этой гонки. Не меньший интерес вызывали отчеты о московских и петербургских скачках. К тому времени один из главных коннозаводчиков в России М. И. Лазарев привез из Англии двух производителей Галтимора и Айриш Лада. Галтимор дал вереницу русских дербистов. Я помню, как дрожало мое сердце при описании очередного дерби, когда лазаревский Галоп, сын Галтимора, под жокеем негром Винкфильдом побил выдающуюся кобылу Ракету, кажется, Ведерниковых, под русским жокеем Головкиным. Как ни странно, но, несмотря на все, на все страшные катаклизмы войн и революций, имена Галтимора и Винкфильда всплыли значительно позже в моей памяти. В 40-х годах в Германии я узнал, что Лазарев продал перед Первой войной Галтимора немцам, и он прославился там как производитель. Что же касается Винкфильда, то я прочитал два года тому назад в американской газете, что он умер здесь, в Соединенных Штатах, дожив до 93 лет.

ДЕТСТВО И ИГРЫ У меня как-то мало воспоминаний сохранилось о раннем детстве. Жили мы тогда в Самаре в доме Юрына, что на Саратовской улице. Над нами жила семья Шишковых. Дети там были немного старше меня. В мою память врезалось четкое воспоминание. Рождество, раннее утро, за окнами темнота. Почему-то я не мог заснуть, и нянька принесла меня в гостиную и посадила на диван. Горит керосиновая стоячая лампа, поблескивают украшения на елке, горничная подметает пол. Я занят упряжкой. Расписанная деревянная лошадка в розвальнях, помните, они делались тогда из желтого лубка, все как следует, с вогнутыми впереди полозьями и отнoсами. Задумчиво я вожу упряжкой вдоль по дивану. Еще помню, как сижу на подоконнике, весна, окно открыто, и кухарка Николавна спрашивает меня, что мне принести из булочной. Я кричу: «Розанчики!» — и развожу широко руками — вот столько! Каково же мое возмущение, когда она вместо розанчиков приносит плюшки и рогульки. В сердцах я кричу: «Чтоб ты мне не смела, чтоб ты мне не надо!» Сверстники помнят, как мы скакали верхом на палочке. На нее была насажена голова лошади с половиной туловища из папье-маше, а сзади была перекладина с двумя колесиками. На лошади была сбруя с маленькими бубенцами. В один прекрасный день моя мать увидела, что одного бубенчика не хватает, и, зная мою скверную привычку брать в рот что попало, испугалась, что я его проглотил.

На следующее утро я с матерью встречаю на лестнице Анночку Шишкову. Она на три года старше меня. Мама говорит Анночке: «Послушай, как у Юры в животике звенит бубенчик!» Это было в 1901 году. Прошло 50 лет. В Париже я иду в бюро Софии Михайловны Зерновой поговорить о помощи приюту «Монжерон». Меня встречает представительная красивая дама с сединой и предлагает мне сесть и подождать. Сажу, а она работает за пюпитром. И вдруг я слышу неожиданный вопрос: «Скажите, что у Вас еще звенит бубенчик в животе?» Боже мой! Мы не видались десятки лет, и я не узнал Анночки. Теперь она Шмеман, мать протоиерея А. Шмемана. А вот еще один из моих подвигов детства. Я уже старше и участвую как мальчик с образом на свадьбе моей тети Юлии Гончаровой, выходящей замуж 562 за Петра Африкановича Сафонова, будущего члена Государственной Думы 3-го и 4-го созывов. Веселые дяди дали мне выпить целый бокал шампанского, и я провозглашаю тост: «Ну, черти, пейте и целуйтесь!»

Время идет, и наступает пора сознательных игр. Я один в семье, и мне предоставляется самому выбор, во что играть. Начинаю с оловянных солдатиков. За углом на Заводской улице лавчонка, в которой в лубочных овальных коробках продаются раскрашенные солдатики. Кто еще помнит о них? Но я быстро разочаровываюсь. Дело в том, что они плохо стоят на ногах и при схватках легко валятся и поэтому выбывают как убитые. С моим другом Алешей Белоцерковским переходим на пуговицы. Их труднее убивать. Убитыми считаются только перевернутые. Их у меня и у Алеши по несколько тысяч. В то время галантерейные магазины были полны роскошными дамскими пуговицами из кости, металла, перламутра, разных форм и цветов, с эмалью. Из таких пуговиц формируются гвардейские полки. Но самые ударные части, гоплиты — это костяные запонки для наволочек. Вы помните, они были желтоватые и состояли из двух костяных кружочков, соединенных осью, и надевались на две противоположные петли на наволочке. Их можно было победить, только поставив вертикально и заставив кататься. Так вот эти полчища занимали нас часами. Были войны, были парады, были учения и маневры. Подумайте, сколько было нужно времени, чтобы составить из тысяч пуговиц стройные каре или рассыпать цепи по полу! Одновременно велись и дипломатические переговоры, ставились ультиматумы, вырабатывались условия. Главой моего государства была мужская запонка для воротника рубашки. Вы помните костяной кружок с двумя металлическими дужками, которые на пружинке можно было развернуть в две стороны? Скоро мы усовершенствовали средства коммуникации. Тогда мы жили в доме Чельшева на той же Саратовской, в третьем этаже, а Белоцерковские в первом. По наружной стене со двора мы провели провода и установили телефоны. События срочно передавались туда и обратно. Для пополнений надо было копить деньги и потом идти в магазин Покидышева, что на углу Панской, и в сладостном возбуждении выбирать дюжины восхитительных дамских пуговиц. Техника тоже играла большую роль в наших забавах. Мне подарили большой пассажирский пароход с большим кормовым колесом. Такие ходили при Марке Твене по Миссисипи. Так вот, я снял это колесо, насадил его на ось вместе со шкивом и сделал ременной привод к довольно большому пропеллеру. В ванной комнате, когда я подставлял колесо под струю крана в ванне, колесо и пропеллер начинали бешено вертеться. Я уверял, что это очень способствует очищению воздуха в этом помещении...

Другим изобретением была моторная лодка. Из березовой чурки я вырезал и выдалбливал лодочку. В корме просверливал под косым углом дырочку. Теперь вы, наверно, помните масленки, из которых смазывали швейные машинки Зингера? Кругленький металлический сосуд с привинченной трубочкой. Так вот, вместо масла я наливал в сосуд воду и превращал масленку в паровой котел, подставляя под нее в лодке огарок свечи или чашечку со спиртом. Трубка вставлялась в дырочку в корпусе лодки. Когда вода закипала, пар начинал с силой вырываться из трубки в воду и приводил лодку в движение. Руль ставился под углом, и лодка в ванне сама двигалась по кругу. Толчок к строительной инициативе был дан началом воздухоплавания. Я с товарищами бегал на тогда весьма частые лекции и скупал книжонки, повествующие об Икаре, Лилиентале, Сантес Дюмоне, Монгольфье, Гамбетте, перелетевшем на шаре из осажженного Парижа, о братьях Райт, Блерио и Латаме, Вуазене и т. д. На берегах Волги в окрестностях росли громадные 563 осокори, и их кора была замечательным материалом для вытачивания и вырезания пропеллеров. Потом такой винт насаживался на круглую палочку. И когда вы придавали этой палочке вращательное движение между двумя ладонями, пропеллер возносился к потолку. У меня был знаменитый «Ромул», бывший все рекорды. (Названия выбирались оттого,

что мы начали изучать древнюю историю.) Но делали мы и аппараты тяжелее воздуха. Остов, состоявший из одной жердочки, крылья из бумаги на перекладках, мотор из растягиваемого резинового шнурочка, закрепленный в несколько оборотов на неподвижном крючке на конце самолета и на подвижном, заканчивающем ось пропеллера. Крутя пропеллер, вы свертывали резинку в последовательные узелки. В долгие зимы летать приходилось в закрытом помещении, и гостинные даже из угла в угол были недостаточны. Помню, что для установления рекорда я пользовался домовой лестницей. Сознаюсь, что поиски обширного закрытого помещения у меня остались на всю жизнь. Так, уже здесь, сидя на концертах в Конститушен Холл в Вашингтоне, я с удовольствием примерялся, как хорошо было бы с верхних мест запустить свой аэроплан через партер в противоположный угол. Что касается воздушных шаров, то мы лепили их из папиросной бумаги. Дома мы имели разного размера кубики, некоторые продолговатые длиной в 20 сантиметров. Мы расправляли мешок из папиросной бумаги на двух таких кубиках и подставляли паяльную лампу. Пузырь мгновенно наполнялся горячим воздухом и летел к потолку. Как мы не устроили пожара — совершенно непонятно. Но на даче мы делали сам шар из той же папиросной бумаги в сажень величиной, нижнее отверстие расправляли, укрепляли жердочками и прикрепляли на проволоке большой ком ваты, пропитанной спиртом. На земле нагрев производили той же паяльной лампой, а перед отлетом поджигалась вата. Шар уносился в лучах солнца на большую высоту. Но эту забаву пришлось прекратить: соседи-дачники грозились жаловаться полиции, так как такие шары представляли опасность в смысле пожара.

Но еще до этого периода мы обожали запускать змея. Не жалкие треугольные змеи Америки, а плоский змей величиной до груди взрослого человека! Для его сооружения надо было идти на лесной двор и покупать деревянные дранки, которые употреблялись при штукатурке стен, длинную связку мочалы для хвоста и, наконец, в канатную пеньковую лавку Попова, что на Заводской улице. Там покупались мотки бечевки. Как сейчас помню непередаваемый смоляной запах канатов для барж и пароходов в этом магазине. Дранки скреплялись крестовиной, на каркас наклеивалась твердая цветная бумага. Путлице — три веревочки от верхних углов и середины змея — определяло нужный угол к ветру. К нижним углам прикрепляли мочальный хвост, быстро сходящийся в один конец. Потом во дворе один заносил змея, другой маневрировал бечевкой, то пуская, то натягивая. Бечева с мотка перематывалась на палочку крест-накрест. Наконец, змей попадал в нужное течение ветра и стремительно возносился над городом, усиленно натягивая бечеву. Приходилось бежать на угол Заводской, за целый квартал, смотреть, перешел ли он эту границу. Мы обожали автомобили и строили их сами, выпиливая колеса из фанеры и делая шину из клистирной трубки. У меня был автомобиль, капот которого состоял из коробки от гильз фабрики Катык. Кто не помнит роскошную цветную картинку турчанки на ее крышке? Нужно сказать, что мы уже тогда усердно читали газеты: московское «Русское Слово» и местные «Волжское Слово» и «Самарскую Газету» и были в курсе всех спортивных мировых событий. Мы были совершенно потрясены описанием первой гонки в Индианаполисе, которую выиграл Харун со скоростью 564 77 миль в час, и поклялись с Алексеем, что непременно поедем туда, когда вырастем. Пока же мы на карачках, двигая свои автомобили, ползали чуть ли не версту от наших дач на берег Волги, устраивая гонки. Мой отец с сожалением называл нас идиотами. Данный Алексею обет я выполнил в 1959 году, когда ездил в Индианаполис на знаменитую гонку. Средняя скорость была уже около 150 миль в час, а в настоящее время на пробных заездах гонщики подходят вплотную к 200 милям. Алеше на «500 — Инди» побывать не пришлось: в 1919 году он был убит в своем самолете в борьбе с красными. Не думайте, однако, что мы все только выдумывали игры. Мы без конца читали. Начинали с Лукашевич и Чарской, вдохновлялись «Газаватом» и «Черной Тучей». Я обожал книжку «С севера на юг», автора не помню. Это история журавлей, летящих с Тихвинских болот в Египет. До сих пор один из журавлиных персонажей, Верхогляд, остается для меня типом человека. А потом мы стали захлебываться Майн Ридом с его «Всадником без головы», Фенимором Купером, потом Жюль Верном, позже Дюма и Марк Твенем. Беда была в том, что мы слишком спешили с чтением. Уже в средних классах гимназии мы одолевали Толстого, но воспринимали «Войну и мир» и «Анну Каренину» только поверхностно, больше по части боев и барьерных скачек, а «Воскресение» понять не могли. Еще хуже было с Достоевским. Такие вещи, как «Бесы», «Идиот», «Братья Карамазовы», пришлось перечитывать значительно позже. Нужно еще

упомянуть, что у многих моих сверстников, как и у меня, были гувернантки, немки и француженки, и с ними мы читали иностранных авторов. Я обожал романы, посвященные эпохе германского нашествия на Европу, и до сих пор помню Амаласвину, королеву Равенны. Вместе с этим у меня уже в том возрасте создались представления о Византии при Юстиниане, и особенно об его полководцах Велизарии и Нарзесе. Уже тогда в голове неотступно бродил Виконт де Бражелон, мушкетеры, мы знали, что такое Варфоломеевская ночь. В «Кво вадис» нас пленяли Петроний и Урс, как и герои трилогии Сенкевича. Еще до поступления во второй класс гимназии отец подарил мне атлас Маркса. У книги было два важных качества. Она была в твердом переплете, и ею можно было хорошо треснуть врага по затылку. Но открытая она раскрывала баснословное наслаждение. Я открывал атлас на архипелагах Тихого океана и на полу в гостиной, водя пароходик, плавал из Новой Гвинеи на остров Св. Пасхи, на Паумоту Марианны и т. д. Через 40 лет, когда мне приходилось следить за «прыжками» американцев с острова на остров, для меня не было неожиданностей — все карты мира с детства сохранились с большой ясностью в моей памяти. Читатель должен принять во внимание, что, помимо игр, чтения, еще до гимназии приходилось заниматься и учить уроки по несколько часов. Меня готовила к гимназии Мария Вениаминовна Португалова, сестра известного социал-революционера. А кроме того, каждый день были уроки немецкого и французского языка. Тогда станет ясно, что уже в этом возрасте нам не хватало времени, а я еще не упомянул спортивные игры — лапту, футбол в теплое время, коньки и позже лыжи зимой. Чтобы дополнить картину того, чем мы занимались,

надо вспомнить и деревню, имение. Мой отец служил в Удельном Ведомстве и получал двухмесячный отпуск раз в два года. Летом, когда он служил, мы жили на даче, а на следующий год летом ездили в имение Спасское-Кубань, в Орловскую губернию. Развлечения там были связаны с сельскими работами. Вот идет молотьба. Еще был жив дед Александр Николаевич, предводитель дворянства. Паровой молотилки тогда еще не было. Молотят в риге. Привод конный в восемь лошадей. Темнота и пыль. Лошади с завязанными глазами ходят по кругу, гудит зубчатый 565 барабан, издают шум веялки, когда не раструженный сноп поглощается барабаном, — как будто гремит гром. Покрикивает погоняла на приводе. Детей в ригу не пускают: там сразу же засоришь глаза. На ржи двое рабочих вилами закладывают вязанку соломы выше человеческого роста, затягивают веревкой и петлю надевают на крюк. Пара волов тянет вязанку к омету. Дорогу к нему вместе с хоботьями и остатками соломы дотерли до паркетного блеска. У омета петлю вязанок надевают на крюк каната, тянувшего вязанку с помощью шкива на высоком столбе в конце омета наверх. Когда крюк надет, рабочий стучит вилами по канату и погонщик за ометом подгоняет волов, а те тянут вязанку на омет. Вот сейчас в ушах так и звенит заглушаемое иногда ветром «цоб-цобе!». Самое интересное при возвращении пары волов к риге сесть на пук соломы, оставшийся на петле веревки, и катиться по выглаженной дороге с риском вымазаться о воловий помет. А еще можно устроить себе гнездо в передней части омета, укрыться в соломе, смотреть в серое небо или на пустое поле, слушать легкое завывание ветра и в соломенном укрытии чувствовать какое-то блаженное спокойствие и уют. Рядом конопляник, и зернышки конопли уже созрели. Наберешь их горсть и жуешь. Когда мне было уже 12 лет, отец подарил мне плотничий верстак, и я целые дни проводил с рубанком, стамеской, пилами в руках и, например, строил себе управляемые сани — бобслей, бегал в слесарную мастерскую сваривать стальные полозья. Но и до этого мы много занимались ремеслами. Одним из занятий было выпиливание рамок лобзиком. Была специальная деревянная подставка, которую привинчивали к столу. Пилочки для лобзика были тоненькие синей стали. Они с помощью винтов-зажимов стягивали деревянную рамку лобзика и легко попадались, если нажим был сильнее. Можно было купить тонкую доску драгоценного дерева палисандра, красного или черного дерева, покупался также чертеж рамки с замысловатыми вырезами. Он накладывался на доску, и мы старательно выпиливали все арабески, просверливая дырочку в доске и продевая в нее пилку. Потом тонким напильником сглаживали пропиленные места. Такая рамка с гордостью подносилась родителям по случаю дня рождения или именин. Можно было также выжигать по дереву, водя по доске раскаленной иглой с пробковой ручкой, или раскрашивать гончарные чашечки, вазочки, пепельницы эмалевыми красками и обжигать их под глазурь. А сколько было разных общих игр для нескольких детей! Помните блошки, прыгающие в чашку, когда нажимаешь на их край более крупным кружком, или триктрак, в котором пешки двигались вокруг большого креста, смотря по

тому, как выпадали кости. Между прочим, эта игра еще и до сих пор широко практикуется взрослыми арабами. Я не описываю здесь разнообразных видов спорта, о которых я буду говорить в отдельной главе. Дорогой читатель, не взыщите, что испытываю ваше терпение бесконечными мелочами. Моя цель — показать, как в моем поколении не существовала проблема использования детьми времени. Наоборот, им его не хватало. Играя и читая, не говоря уже об учении, они приобретали громадное количество сведений в самых разнообразных областях. Сама игра приучала их к инициативе, к творчеству, к свободному мышлению. Я отнюдь не был исключением. Все мои товарищи из семей среднего, скорее скромного достатка были заняты так же, как и я. Какая колоссальная разница с американскими детьми! Какую роковую роль сыграло здесь в Америке телевидение. Оно решает для американских детей проблему времени. Они убивают его, часами развываясь на ковре и уныло смотря дурацкие фильмы с бесконечными драками, дикими скачками или погоней 566 на автомобилях, с ужасающими катастрофами и полной безнаказанностью убийц. Какие ложные представления создаются у детей о наказании преступлений или о правах шерифов, которые в любом фильме пристреливают нужное число граждан, хотя бы и злодеев, но по собственной инициативе и без всякой ответственности. Каждый Сочельник, каждый день рождения американские дети оказываются перед грудями пестрых, старательно завернутых и перевязанных ленточками пакетов, в которых они находят дорогие игрушки. Но эти игрушки построены по тому же принципу, как и американское ученье, — с целью не утомлять мозг ребенка. Ведь система «райт ор ронг», «йес ор но» или «мюльтипл чойс» облегчает на 50 или 25 процентов работу мозга. И счастливчик, как в лотерее, может выдержать экзамен, ставя наобум крестики в случайно подвернувшийся квадратик, ничего не зная и не понимая задания. Точно так же и в игрушках деятельность детей ограничивается тыканьем пальцем в кнопки или поворачиванием рычажков. Остальное сделает или электрический шнур к штепселю, или батарейка. Это в детстве использование принципа, применяемого при выдаче права на автомобильную езду. Драйвер знает несколько приемов нажима на такие же педали, рычаги и кнопки, но сплошь и рядом не имеет никакого представления о функции мотора, трансмиссии и не может определить, что к чему под крышкой капота. Немудрено, что американские дети не имеют случая проявить свою инициативу, дать свободу своей творческой мысли. САМАРА Я должен считать себя волжанином, хотя и родился на севере, в городке Вельске Вологодской губернии. Но с 11-месячного возраста и до 17 лет я прожил в Самаре. Мой отец служил в Удельном Ведомстве, и его первым местом службы был г. Вельск. По всей вероятности, молодым читателям нужно будет пояснить — что такое Удельное Ведомство. Оно входило в состав Министерства Двора, и в его ведении находились многочисленные имения и предприятия, доход с которых обеспечивал уплату по цивильному листу содержания Государя и его семьи, а также всех Великих Князей и Великих Княгинь. Само Удельное Ведомство было на Литейном проспекте в Санкт-Петербурге. В здании была домовая церковь, которую очень любили петербуржцы, и представители столичной знати обыкновенно венчались в этой церкви. Так как Ведомство было основано при Императоре Павле Первом, то чиновники его носили нагрудный знак с белым мальтийским крестом, так же как и окончившие Пажеский Его Величества Корпус. В провинции Удельное Ведомство имело округа. Такой округ был и в Вельске, так как Ведомство владело сотнями тысяч десятин лесов в Вологодской, Вятской и Архангельской губерниях и получало большой доход от продажи лесов. Лесоводство велось уже в те времена весьма планомерно, и лес вырубался на делянках, достигая 60-летнего возраста. Другие округа в Казани, Самаре, Москве, Киеве управляли имениями, земли которых сдавались в аренду крестьянам. В ведении Уделов находились и два крымских имения Ливадия и Массандра. В последней велось образцовое виноделие, и удельные вина считались лучшими в России. В одном из своих рассказов Куприн передает смешную историю об одном из гостей, который забрался в громадную тысячеведерную бочку, опьянел там от винных паров, и с каким трудом его извлекли оттуда. В ведении Уделов было также и Мургабское Государево имение в Закаспийской области, о котором я расскажу в отдельной главе. 567 Итак, первым местом службы моего отца был Вельский удельный округ, где я родился весьма удачно в день именин моего отца Константина, 19 сентября. Естественно, что у меня никаких воспоминаний о родном городе не осталось, так как отца перевели в Самару и моя мать везла меня одиннадцатимесячным младенцем в возке из Вельска до ближайшей

железнодорожной станции на линии Москва — Архангельск. Дело в том, что Вельск был расположен на расстоянии 240 верст от этой станции, и сообщение было возможно лишь зимой по санному пути. Летом дорога, проходившая по болотам, была вместо мостовой покрыта поперек жердями, которые под колесами прыгали, как клавиши рояля, и ехать можно было только шагом. Единственно, что я знаю со слов матери, это что в Вельске пекли замечательные шаньги, лепешки из толокна, кроме того, там была рыба нельма, по вкусу даже превосходящая стерлядь. Таким образом, Самара является моим родным городом. Она резко отличалась от городов, расположенных вокруг Москвы, как, например, Калуга, Орел или Рязань. То были тихие города без промышленности, без экономической инициативы, без строительства. За 15 лет, в течение которых я бывал в Орле, там я не видел ни одного нового, только что выстроенного дома, кроме гостиницы «Берлин», переименованной при начале войны в «Белград», принадлежавшей будущему гетману Украины коропадскому. Другое дело Самара. Там городское строительство шло усиленным темпом. Несколько банков выстроили свои импозантные здания на главной Дворянской улице. Хозяйственное значение Самары подтверждалось тем, что Государственный банк имел там не отделение, а контору. Этим Самара приравнивалась к Киеву, Харькову и другим крупным городам. Начиная со второго десятилетия нынешнего века Самара была выбрана как один из центров военной промышленности. В 5 верстах к северу от Самары была выстроена так называемая трубочная фабрика, изготовлявшая дистанционные трубы для артиллерийских снарядов, а на другом берегу речки Самарки, около

станции Кряж, были выстроены большие пороховые заводы. В Самарской губернии было мало дворян-помещиков, но в Самаре нарождался новый класс русского общества, класс деловых людей, торговцев, промышленников и землевладельцев. Они составляли отдельную группу в самарском обществе. Приведу несколько имен: Аржанов, братья Шихобаловы, Соколов, Башкиров, Курлин, Сыпины, Хохлачевы. У некоторых из них были в Самаре большие паровые мельницы. У коммерц-советника Аржанова было 200 000 десятин земли в Новоузенском и Николаевском уездах. О масштабах сельского хозяйства можно судить по следующему. На юге Самарской губернии был так называемый Бенардакинский хутор в 90 000 десятин, приобретенный Мальцевыми. Я лично видел, как там поднимали жнивьё. По клину в 5 верст длиной и в версту шириной шло 200 плугов с четырьмя верблюдами в каждом. Аржанов был награжден званием коммерц-советника, потому что выстроил образцовую больницу для Общины Красного Креста, которая обошлась ему в 600 000 рублей. Своему хозяйственному росту Самара была обязана нескольким обстоятельствам. Она лежала на перекрестке и была перевалочной станцией двух великих путей: реки Волги и железной дороги, которая уходила до Владивостока и у станции Кинель ответвлялась на Ташкент и весь Туркестан. Вторым выгодным обстоятельством было то, что Самара была центром хлебного района. Начиная с ноября, когда устанавливался санный путь, улицы Самары, ведущие к двум элеваторам и многочисленным амбарам, были забиты санями-подводами с хлебом. Бывали дни, когда приходило до десяти тысяч подвод. Все они направлялись 568 на Сенную площадь, которая кончалась крутым обрывом к реке Самарке. Там на протяжении версты под обрывом были выстроены четырехэтажные деревянные амбары. Верхний этаж был на уровне обрыва у Сенной площади. Подводы по мосткам прямо подъезжали к амбару и ссыпали зерно вниз. Внизу же на берегу Самарки находились подъездные железнодорожные пути и пристани на реке для погрузки хлеба в баржи. Техника, конечно, была в те времена весьма примитивная, и десятки тысяч пудов перебрасывались грузчиками вручную. У меня сейчас стоят перед глазами ражие грузчики с мешками, сшитыми в виде шишака, покрывающего голову и плечи. Эти люди вскидывали на плечо мешок с мукой в пять пудов и легко шли с ним по одной доске, перекинутой с берега на баржу. Походка у них была эластичная, ритмичная, и доска сильно пружинила под их шагами. Трудно себе представить, до каких размеров было развито пассажирское движение по Волге 70 лет тому назад. Ежедневно в Самаре в навигацию проходило вверх и вниз по Волге примерно по десяти пароходов. Конкурировали общества «Кавказ и Меркурий», «Самолет», «Пароходное общество по Волге» и «Купеческое общество». У ряда обществ было по два парохода в день вверх и вниз по реке. Я еще застал в Самаре два парохода по американскому образцу, то есть с кормовым громадным лопастным колесом. Они были такими, как описывал Марк Твен, и звались «Ориноко» и «Миссисипи». Остальные пароходы и буксиры имели лопастные колеса по

двум бортам. Только перед самой войной «Самолет» построил первые винтовые пароходы, назвав их именами Великих Княжен — «Ольгой» и «Татьяной». Все пароходы были белые, кроме пароходов «Самолета». Те были розовые. Благодаря сравнительной близости Баку топливом на пароходах была нефть. Пароходы были двухпалубные. На верхней палубе были рубки, рестораны и каюты для пассажиров первого класса и второго класса. На нижней палубе были помещения третьего класса. Кормили на пароходах очень хорошо, и в Самаре был обычай ездить вечером обедать на них. В Нижнем Новгороде было еще два крупных пароходства: Анны Кашиной и братьев Каменских. Эти пароходы ходили по Каме. При поездке по Волге вас поражала интенсивность движения. Почти непрерывно вы встречали пароходы или бесконечные по длине плоты, сплавляемые по течению, или мимо вас как лебедь проплывала беляна: искусно сложенная из пиленого леса баржа с избушкой наверху. Белянами их стали называть за блестящий бело-желтый цвет их дерева. По сравнению с Волгой американские реки Гудзон и Делавер, и даже залив Чесапик Бей, поражают своей пустынностью. По Волге ходили караваны баржей, и нам, мальчишкам, непременно хотелось встретить самый мощный буксир, носивший таинственное название «Редедя Князь Касожский». Первое время моя семья из Самары ездила во время отпуска отца в Орловскую губернию поездом по Сызрано-Вяземской железной дороге и затем пересеживалась на Курскую дорогу. В то время пассажирские вагоны были еще четырехосные, купе для четырех человек, в первом и втором классах с диванами, обтянутыми тиком с красно-белыми полосами, с валиками по бокам. Мальчишкой 6—7 лет я любил

запрягать эти валики в ремни от пледа и изображал кучера на паре или даже тройке. Тогда, помимо чемоданов, всегда кожаных, подушки, простыни и одеяла заворачивали в портплед и затягивали их двумя параллельными ремнями с ручкой посередине, чтобы удобнее было их носить. Ночью спали на своем белье. Вечером проводник вставлял толстые стеариновые свечи в фонари над дверью купе, которые слабо освещали вагон. Читать при таком свете было невозможно. Когда засыпали, фонарь задергивали занавеской. В те времена на второстепенных дорогах вагонов-ресторанов не было. 569 Можно было получить у проводника только кипятков. Но зато нельзя было пропускать отдельные станции, рестораны которых славились своими блюдами. Так, в Сызрани надо было обязательно заказывать солянку по-московски, в Ряжске есть шницель по-венски, а в Туле и Вязме покупать знаменитые медовые пряники. Обязательно возили с собой и большие корзины со всякой домашней снедью. Пусть читатель не делает печального вывода о примитивности поездок по русским железным дорогам. Уже начиная с 1910 года из Петербурга вечером с Николаевского вокзала отходило каждые полчаса 10 курьерских поездов прямого сообщения на Севастополь, Минеральные Воды, Баку, волжские экспрессы и другие. Все вагоны были на каретках с электричеством, и казенные вагоны ничем не уступали вагонам Международного общества. И тогда уже волжский экспресс, с которым я часто ездил, покрывал расстояние в 600 верст до Москвы за 9 часов, имея только шесть или семь остановок. Удивительно, как годами сохраняется слуховая память. Я до сих пор помню звук вагонных колес, когда поезд замедлял ход по мосту имени Государя Александра Третьего через Волгу, однокорейному тогда и единственному. Этот звук был совсем необычный, когда колеса переходили с одной мостовой фермы на другую. Позже мы стали ездить сначала по Волге до Нижнего Новгорода, оттуда поездом на Москву и дальше в Орел. В памяти сохранилось, как в мелководье капитаны проводили пароходы по так называемым перекатам, то есть мелям поперек реки. Матрос стоял на носу и опускал в воду длинный шест с видными зарубками и цифрами и выкрикивал на капитанский мостик монотонно и тягуче глубину под пароходом: 9 футов! 10 футов! Новый класс крупных дельцов поражал дворянское общество Самары не только размерами своей деловой деятельности, но и роскошью жизни. В Самаре не было казенного дома для губернатора. Губернатору Якунину поэтому нанимали особняк Курдина, с двусветным залом, тремя гостиными и 30-ю комнатами. У братьев Шихобаловых за городом на берегу Волги, к северу от Самары, было две дачи, скорее это были загородные дворцы. Задолго до Второй мировой войны они были выбраны большевиками как штаб-квартиры для Политбюро и Сталина, на случай отступления. Во исполнение этого проекта под ними в известковом кряже Жигулей были выдолблены громадные подземные убежища, превосходившие в несколько раз бункер Гитлера под Рейхсканцелярией в Берлине. Так как все дачи были выстроены высоко над берегом, то в даче, например, Сапожникова был лифт к берегу, купальне и пристани. Ряд этих магнатов

промышленности и торговли имел свои пароходы для поездок из Самары на дачи или для крейсирования по Волге. Я уже сказал, что в Самарской губернии было мало помещиков-дворян, поэтому их общество в Самаре было немногочисленно: Наумовы, Осоргины, Шошины, Батюшковы, гр. Толстые, Шишковы, Карамзины, Алашеевы, Верховские. Большое оживление в общественную жизнь Самары внес перевод после Японской войны из Калиша в наш город 5-го Александрийского гусарского полка. Я позволю себе сделать маленький вклад в малую историю и рассказать о людях, которые иначе навек бесследно исчезли бы из памяти потомков. В дворянском обществе Самары первую роль играла семья Александра Николаевича Наумова. Он последовательно и одновременно был губернским предводителем дворянства, шталмейстером, членом Государственного Совета по выборам и, наконец, в 1916 году министром земледелия. Его жена Анна Константиновна, урожденная Ушкова, была очень богатой женщиной. Семья Ушковых была крупным пайщиком чайной фирмы Кузнецова. Ее сестра Наталия 570 Константиновна была первой женой С. А. Кусевицкого, который после ее смерти женился второй раз на ее племяннице Ольге Александровне Наумовой. У Наумовых был особняк на Дворянской улице с чудным видом через Струковский сад на Волгу. При выезде дипломатического корпуса из Москвы в октябре 1941 года английское посольство было помещено в этом особняке. Семья графов Толстых самарских состояла из трех братьев — Александра, Мстислава и Алексея, в будущем знаменитого писателя, дружившего со Сталиным. Алексей был незаконным сыном отца-Толстого, который его усыновил. Братья относились к

нему недоброжелательно, и это решительно повлияло на его характер. Во всех его романах проглядывает тщательно скрываемый комплекс неполноценности и озлобления против своего общества. У вдовы Батюшковой было 4 сына. Старший Константин произвел на нас неизгладимое впечатление, появившись на Рождество 1912 года в форме лейтенанта болгарской армии. Он участвовал волонтером в Балканской войне. Вторым Федор вышел в Александрийский полк. След его я нашел в книге Ивана Лукьяновича Солоневича «Россия в концлагере». Федор отбывал 10 лет в Соловках и заведовал спортивной частью лагеря. Мне пришлось быть свидетелем довольно редкого случая смерти участника на барьерных скачках. Корнет Верховский сломал себе шейные позвонки при прыжке через мертвое препятствие «ирландский банкет» в стипль-чезе. Лошадь задела передними ногами препятствие и упала через голову вместе со всадником. Верховский скончался через час на ипподроме, не приходя в сознание. Как я уже сказал, прибытие Александрийского полка в Самару было событием. Я был тогда гимназистом, но офицеры стали часто бывать в нашем доме. Я назову ряд фамилий, которые последним живым александрийцам покажутся каким-то вещанием с того света: полковники Михонский и Кондоиди, ротмистры Дерюгин и братья Иваненко, корнеты и поручики Шах Назаров, князь Авалов, Бек Бак Марчиев. Как полагается, сыновья самарцев стали усиленно представляться в полк, и в 1913 году в форме черных гусар появились Карамзин, Алашеев и покойный Верховский. Полком тогда командовал полковник барон Сесиль Артурович Корф, педантичный, строгий немец, подтянувший полк после графа Шувалова. В манеже полка мне пришлось видеть кобылу одного из Иваненок, который, входя в состав русской команды, выиграл на ней в Лондоне приз короля Эдуарда Седьмого. Размеренная жизнь самарского общества иногда нарушалась событиями, которые вызывали волнения и пересуды. Так, в веселой компании однажды, после обильных возлияний, князь Авалов поспорил с Мстиславом Толстым на тему о фехтовании. Толстой не был военным, но учился в Юрьевском университете, в котором по немецкому образцу процветала цензура. Не долго думая, оба оголились до пояса и вступили в бой на саблях. Авалов победил, ранив Толстого в кисть руки. Вот еще одно похожее событие. На очередном съезде дворян после банкета и горячих патриотических речей один из участников, тяжелый широкогрудый человек, расстегнул рубашку под фраком и призвал присутствующих целовать его грудь как «мать — сыру землю русскую». Утром он проснулся в гостинице и не мог понять, отчего вся грудь его была в синяках и подтеках от зубов русских патриотов. Тогда в Самаре, когда я был гимназистом средних классов, мне в голову не приходило выяснять, существует ли дискриминация между подлинно русскими и иноземцами. Только теперь ретроспективно я могу сказать, что такой дискриминации не было. Как в Римской Империи гражданином мог быть 571 представитель других народов и стать «цивес Романум», так и в дореволюционной России можно было стать «цивес Россикум». При мне Управляющим

Удельным округом был Терлецкий, его помощниками последовательно Филиппович и Стефанович, поляки, а Филипович еще и католик. В Самаре была большая колония евреев, людей с высшим образованием. Никакой дискриминации по отношению к ним не было. Приведу в пример отца моего друга Алеши Белоцерковского. Он был известный присяжный поверенный, домовладелец, владелец первого кинематографа в Самаре. Перед войной он ездил с семьей в Париж, купил там автомобиль «лорен дитрих» и на нем приехал из Парижа в Самару. Мой друг Алеша после гимназии поступил в московский Катковский Лицей, блестяще его окончил, пошел в военную авиационную школу в Ораниенбауме и погиб, сражаясь в рядах армии Колчака. В гимназии было несколько евреев. Все это были дети зажиточных родителей, докторов, инженеров, адвокатов. С Вайнштейном, Гринбергом и Клейнерманом мы играли в теннис. К Маре Гринбергу мы относились с великим почтением, потому что он летом в Гамбурге выиграл турнир учеников средних немецких школ. Я прошу извинения у читателя за то, что я в описании опускаюсь до уровня фельетона, но прежде всего эти впечатления были впитаны мною в возрасте от 10 до 14 лет. В Самаре был большой и хороший театр, в котором зимой играла драматическая труппа. Помимо классиков, Островского и Чехова, шли «Ревность» Арцыбашева, «Вера Мирцева», вещи Андреева и Амфитеатрова. Там я видел «Синюю птицу» Метерлинка. В Народном доме давались также драмы и читались почти каждый день доклады и лекции. Начиная с 1907 года стали открываться биоскопы, наступала эра фильма. Потом кинематографов было около 10, но нам, гимназистам, вообще было запрещено посещение их, так что настоящий

хороший фильм с Верой Холодной я смог увидеть лишь через неделю после выпускного акта в гимназии. Самара отличалась от многих губернских городов тем, что имела постоянное каменное здание цирка. Это было одним из главных развлечений самарцев. Если в Петербурге и Москве цирки были под вывеской итальянцев Чинизелли и Труцци, то Самара была под влиянием Сибири, где цирк пользовался громадным успехом. Обыкновенно тут гастролировал цирк Стрепетова из Омска, приезжали к нам и знаменитые Бим и Бом. Помимо обычных, веками установленных номеров, обыкновенно третья часть программы отводилась чемпионату французской борьбы. Хотя результаты все были подстроены, но доверчивая публика с громадным интересом относилась к этому виду спорта. Нас, учащихся, пускали в цирк, и мы знали наизусть все технические приемы борьбы: «тур де тет», «тур де бра», «бра руле партерр», «двойной нельсон» — все это было нам известно. Нужно сказать, что французская борьба была тогда популярна во всем мире, и схватки таких чемпионов, как немец Гакеншмидт или американский поляк Збышко Циганевич и наш национальный русский герой казак Иван Поддубный, пользовались широкой известностью. В Самаре, правда, нам их не удалось увидеть. У нас на первых местах был чемпион Поволжья Иван Заикин, позже ставший летчиком и летавший круг над ипподромами на своем «фармане» или «вуазене», привлекая чуть ли не все население города. При параде борцов выступал организатор турнира студент Лебедев, в поддевке, с обильной похвалой представлявший, например, Ваньку Каина, чемпиона Уфы и ее окрестностей, японца Сараки, у которого была такая сила в руках, что другой чемпион Шемякин показывал кисти своих рук со страшными синими и багровыми синяками. Дальше делал шаг вперед негр Бамбула, чемпион почему-то Египта. Турнир тянулся неделями, и Лебедев, видя, что интерес 572 у публики пропадает, вводил новый элемент. Появлялась красная или черная маска и объявляла, что бьется об заклад и заплатит своему победителю 1000 рублей. В публике начиналось гадание, кто же скрывается под маской. В свое время я был очень горд тем, что летом 1912 года в Зоологическом саду в Москве видел действительно выдающегося по технике борца Луриха, рижанина, и новую звезду тяжелого веса Вахтурова. Пусть читатель будет снисходителен ко мне и не думает, что я — поверхностный наблюдатель с чепухой в своих воспоминаниях, ничего не знавший о жизни бедных слоев населения. Я действительно не имел с ними соприкосновения. Одно могу сказать: за 17 лет я побывал во всех углах Самары, во всех ее пригородах и слободах. Дома там были почти сплошь деревянные срубы из кондового дерева, со ставнями на окнах и вырезными украшениями. Я не видел ни одного дома в запущенном состоянии, той трагедии больших американских городов, где целые кварталы состоят из брошенных владельцами и разрушающихся домов. Подлинную нищету в смысле жилья я увидел позже в Белграде, где по длинному склону холма были выстроены хижины из досок от керосиновых ящиков, то, что встречается почти во всех крупнейших городах Азии и Южной

Америки, так называемые шентихаус. В Белграде этот поселок назывался Ятаган-Мала. В Самаре труппы не было. Не было и признака установившегося коллективного строя очередей. В Самаре я их никогда не видел, разве только у театра за билетами на Собинова. Отказ в магазине от продажи какого-нибудь товара из-за отсутствия его на полках был просто невероятен. Все магазины по Дворянской, Панской и другим улицам были полны, да и бакалейные, галантерейные или москательные лавки в слободках имели все нужное для населения. Климат всего южного Поволжья неровный. Осадков мало, и при мне было два года, когда на юге Самарской и в части Астраханской губерний возникал в деревнях голод. Но его никто не замалчивал, а немедленно земство, правительство и Красный Крест организовывали полную помощь, и несчастье обходилось без смертей от голода. Передовая молодежь сейчас же устремлялась на помощь и «ехала на голод». Материальное равновесие всех классов населения объяснялось исключительно низкими ценами на все. Никакого неуклонного возрастания цен не было. В России действовал закон спроса и потребления и конкуренции отдельных предпринимателей. Никаких трестов и монополий не было, и это давало возможность не только богачам (их было мало), но и людям среднего достатка, чиновникам и служащим, жить зажиточно и закупать в лучших магазинах города. Вместо московского и петербургского Елисеева у нас был Егоров, не уступавший столичным магазинам. В нем вы могли купить любые заграничные деликатесы, любые иностранные вина и сыры. С воспетыми Пушкиным шампанским Моэта и вдовы Клико и лимбургским пирогом я познакомился у нашего Егорова.

При устройстве приемов, да и просто к столу, за рыбой самарцы ездили на берег Волги в живорыбные садки. Там можно было выбрать нужную по размерам живую стерлядь. Для зажиточных людей в Самаре был ряд развлечений. Было два клуба, в которых велась крупная игра в «шмен де фер» и «макао». Был кафешантан под обычным названием «Аквариум». Летом в Струковском саду был открыт громадный ресторан, а на Волге на большой барже — роскошно обставленный яхт-клуб. Наши охотники дошли даже до того, что, насмотревшись на тир-о-пижон в Монте-Карло, на фоне лазури Средиземного моря, устроили свой на Коровьем острове, на фоне серой Волги. В первые годы нашего столетия доктора лечили больных легкими кумысом. В пяти верстах от Самары было такое кумысо-лечебное заведение доктора Яценко. Это был сад, разбитый на 20 десятинах с тридцатью дачами, главным 573 зданием и музыкальной беседкой. Кумыс в бурдюках с утра доставлялся башкирами и татарами на все дачи. Такое же заведение, но более феешенбельное, было к северу от Самары на берегу Волги. Оно было основано старым самарским доктором Постниковым, пользовавшимся громадной популярностью. Зимой на ровном льду Волги устраивались бега. Овальная расчищенная и углаженная снегом дорожка длиной в версту окружалась забором. Нужно сказать, что, как ни странно, в Самаре у извозчиков были хорошие рысаки-орловцы. Самым знаменитым извозчиком был Николай Ратан с внешностью Стеньки Разина. Он первый завел экипаж на «дутиках» (резиновых шинах). Летом довольно часто на казенном пароходе ездили в Царевщину, где был курган Стеньки Разина, на тоню к рыбакам. Они при гостях вытаскивали невод с большим количеством рыбы. Потом варились знаменитая на всю Самару уха. Кроме того, гостей потчевали так называемыми жарехами. Рыбу, я уж не помню какую, выпотрошив, насаживали на длинную лучину, которую наклонно втыкали в землю вокруг догоревшего костра, в котором было еще много угольев. Время от времени рыбу переворачивали на этих вертелах. После Самары я впервые натолкнулся на такое приготовление на Октябрьской ярмарке в Мюнхене, таким образом вокруг костра там жарили цыплят. Раз в Самаре были бега, то, естественно, среди энтузиастов велись бесконечные разговоры и споры о преимуществах породы орловских рысаков перед американскими метисами. Замешана была тут национальная гордость, но надежды возлагались, к сожалению, только на одного орловца, знаменитого серого Крепыша. Дело в том, что один из главных русских коннозаводчиков Н. В. Телегин перешел на разведение метисов. В Америке он купил трех рысаков-метисов Аллен Винтера, Боб Дугласа и Дженерал Этча. В то время в Москве как наездники монопольно царили англичане отец и сыновья Кэтоны, Франк Вильям и Самуил. Если мне память не изменяет, при заезде Крепыша и Аллен Винтера выиграл последний, всего на полупряжки. Этот проигрыш сторонники русской породы объяснили тем, что наездник Крепыша всю дистанцию ехал так называемым вторым колесом, то есть не по бровке. Уже в 1915 году мне повелось в Петропавле на Семеновском плацу вылететь знаменитых в то время потомков

упомянутых производителей метисов. Телегинский Тальони победил не менее знаменитого Фаталиста Лежнева. И до сих пор, когда я представляю себе прошлое, имена лошадей Прости, Пылюга, Варвар, Железный наполняют сердце грустными воспоминаниями об ипподромах, об утренних поездках, о поддужных — конюшенных мальчиках, скачущих рядом с американкой. Ныне; когда я думаю о прожитой жизни, то прихожу к печальному заключению, что всю ее я пережил на переломе. Сначала бытовые условия. Не успели мы родиться, как началась техническая революция. С ней я столкнулся в 1903 году шестилетним мальчиком. Мы жили в доме Чельшева на Саратовской улице, в квартире из 6 комнат с балконом, на третьем этаже. Говорит ли вам что-нибудь фамилия Чельшева? Наверное, немного людей вспомнят его. Это был богатый купец, владевший несколькими жилыми домами и большой баней в Самаре. Он был членом Государственной Думы последних двух созывов и ярким противником винной монополии. Он хотел сделать Россию «сухой». Помню его в Народном доме в Самаре, большого, представительного человека в синей поддевке, с расшитым воротом рубашки, в блестящих сапогах, взывающего к своим землякам, требуя от них прекращения пьянства. Так вот, в этой квартире у нас были керосиновые лампы. И в один прекрасный день пришли монтеры и стали ввинчивать вдоль карнизов в комнатах маленькие белые изоляторы и прикреплять на них белый шнур. Он спускался белой полоской по белым головкам изоляторов к штепселю или выключателю 574 внизу, чтобы их можно было доставать рукой. В магазинах появились самые разнообразные бронзовые люстры, стоячие лампы, а в детской у меня с потолка свешивалась на

блоке лампочка под зелено-белым стеклянным абажуром, внутри он был белый, а снаружи зеленый. Таково было наше первое знакомство с лампочкой Эдисона. Потом на письменном столе у отца появился телефон с трубкой и рукояткой, которую надо было поворачивать и звонить на телефонную станцию. Появились затем первые автомобили. Отец Алеши Белоцерковского катал нас в воскресенье взад и вперед по Дворянской улице до изнеможения. На даче на Волге у нас была хорошая весельная шлюпка, а теперь появилась моторная лодка дяди Леонида. Все это было великими событиями, совершенно менявшими жизнь. Однажды весной я с родителями на извозчике поехал на ипподром. Там первый раз в жизни я увидел летающего человека. Это был Владимир Лебедев, описавший круг на своем «фармане». Потом под Петербургом он с братом построил фабрику, строившую первые русские самолеты. Человек без особого труда усваивал все эти технические новшества, в корне менявшие весь жизненный уклад. Для нас же, детей, открывалось необъятное поле деятельности: постройки игрушечных самолетов, вырезание из коры осокоря пропеллеров, постройка моделей автомобилей. В гимназию я поступил сразу во второй класс. В чиновничьих и обеспеченных кругах тогда считалось нужным как можно дольше давать детям домашнее образование и посылать их в гимназии экстернами, чтобы весной они держали экзамены за пройденный класс. Меня в гимназию готовила учительница Мария Вениаминовна Португалова, сестра известного социал-революционера. Но никаких революционных идей она мне не прививала. В возрасте 7—10 лет мы, мальчишки, мало обращали внимания на развертывавшиеся перед нами исторические события. О русско-японской войне у меня сохранились самые отрывочные воспоминания. В Орле осенью я с родителями провожал на войну моего младшего дядю Митрофана Гончарова. Он был корнетом Черниговского гусарского полка. Помню серый холодный день. Ветер гонит мимо мрачной трехэтажной казармы пыль, обрывки сена и соломы. Гусары выводят из конюшен лошадей и с погрузочной ramпы вводят их в товарные вагоны. Помните ли вы надпись на этих вагонах: «8 лошадей — 40 людей»? Бедный дядя Митя с войны не вернулся. В первые же дни на фронте он утонул, переправляясь вплавь через реку в Маньчжурии. Знакомые стали присылать с войны родителям замечательные вазы и пепельницы «клуазоне», эмалевые по металлу с художественно выложенными рисунками из бронзовой проволоки. Когда эскадра адмирала Рождественского вышла в свой героический поход, я начал собирать усиленно открытки наших кораблей. Как сейчас помню величественный вид флагмана «Граф Суворов» с черным корпусом и белыми надстройками. Потом запечатлелось еще событие. Моя мать везла меня на извозчике в церковь причащаться и радостно раскланялась с князем Голицыным, только что вернувшимся с войны. Через несколько минут на повороте я вывалился из саней и оказался лежащим спиной в большой куче талого снега. Белый костюмчик сразу же пропитался желтой водой. Причастие пришлось отложить. Точно так же у меня не сохранилось почти никаких воспоминаний о первой

пришлось столкнуться. То же так же у меня не сохранилось по тем никаким воспоминаниям с первой революции. Помню только, что отец взял меня на прогулку и в большом сквере с памятником Государю Александру Второму разговаривал довольно дружелюбно с рабочими-забастовщиками. Потом, очевидно, мне передалось волнение и возмущение родителей при вести, что на улице был убит жандармский полковник Бак, который бывал у нас. Остановливаясь на этих мелочах, я хочу сказать, что с раннего детства нас воспитывали в полном политическом неведении, что трагически сказалось потом, когда мы сами были втянуты в политику. 575 Первая мужская гимназия слыла очень строгой. Во главе ее стоял директор Александр Николаевич Павлов, поддерживавший строгую дисциплину. Никогда в жизни потом мне не пришлось так усиленно заниматься, как в гимназический период. Возвращаясь к трем часам домой, я должен был до вечера выучить все уроки и пересказать их матери, причем по географии, двум историям и естественной истории мать требовала, чтобы я последовательно одну за другой повторял все фразы учебника в данном уроке. Кроме того, вечером приходилось тратить часа полтора, занимаясь с гувернантками-учительницами — француженкой и немкой. Результатом такой долбежки было получение в каждом году перед каникулами похвального листа. Для этого нельзя было иметь в выводе за год ни одной тройки. Так вот, нужно сказать, что за весь период учения, то есть с 1908-го по 1915 год, мы в классе никогда не разговаривали на политические темы. Интересы к ним не было. Только уже после февральской революции мы узнали, что два наших одноклассника братья Милоновы еще в бытность в гимназии состояли в кружке социал-демократов. Однако никакой агитацией себя не проявляли. Хотя это было 63 года тому назад, но

я до сих пор помню во всех подробностях актовое здание гимназии, в котором мы держали выпускные экзамены на аттестат зрелости. Одиночные парты, расставленные далеко друг от друга для письменных экзаменов. Большой стол, покрытый зеленым сукном, к которому мы подходили, чтобы брать билеты на устных экзаменах. Даже сейчас переживаешь тогдашние настроения. Смотришь в окно на молодую радостную зелень Соборного сада, ломаешь голову, как справиться с длинным периодом Тита Ливия — письменный перевод с латинского, и для утешения рассматриваешь портреты русских императриц на стене. Между прочим, я первый раз почувствовал влечение к женщине, смотря на глубокие декольте Елизаветы Петровны и Анны Леопольдовны. Никогда в жизни я не работал так усиленно, как в этот месяц май 1915 года. Подготовка к устным экзаменам сводилась к двум-трем дням. Успех был неожиданный, я получил круглые пятерки, но так как у меня были в году две тройки, то наградили меня только серебряной медалью. Событием в этот период жизни была поездка с родителями за границу. Мне было 14 лет и я претендовал на роль гида для отца и матери. Уже в те времена существовал русский путеводитель по Европе Филиппова, наш русский Бедкер. Я его прилежно изучал и водил родителей по Вене, Венеции, Милану, Парижу и Берлину. Из всего путешествия опишу только один эпизод, который наглядно иллюстрирует, какие парадоксальные совпадения может готовить нам судьба. Моя мать захотела посмотреть Страсти Господни, разыгрываемые каждые десять лет в баварской деревне Обераммергау в память чудесного прекращения эпидемии чумы в конце XV века. Я припоминаю, как мы приехали на маленький вокзал, как шли между полями и лугами, а носильщик вез на тачке наши чемоданы. Помню гостиницу «Виттельсбах отель», в которой мы остановились. Сами «пассионсшпиле» на меня впечатления не произвели. А теперь я задам читателю вопрос: мог ли я в 1910 году думать, при каких условиях я опять в будущем окажусь в Обераммергау? Тогда ведь никто не думал о Первой мировой войне, не думал о революции и эмиграции. А прошло 42 года, и я оказался в том же Обераммергау, с тем же «Виттельсбах отелем» на площади, но уже не туристом, а учителем, преподающим русский и немецкий языки американским офицерам и Джи Ай, из которых часть была неграми. Действительно, неисповедимы пути Божии. Другим важным событием в моей гимназической жизни стала поездка в 1912 году в Москву на торжества по случаю столетия Отечественной войны. Я удостоился представлять нашу гимназию в числе трех делегатов от 8-го, 7-го 576 и 6-го классов. Мы входили в состав представителей от Казанского учебного округа. По прибытии в Москву нас поместили в Медвединскую гимназию, и прикомандированный к нам армейский поручик усиленно стал учить нас прохождению церемониальным маршем. По части «равнения направо» он зачастую приходил в отчаяние. Так или иначе, мы прошли на кремлевской площади перед Государем и довольно складно ответили на Его приветствие «Здорово, казанцы!». Были на торжественном спектакле в Большом театре, где давалась «Жизнь за Царя». Каждый из нас

торжественном спектакле в Большом театре, где давался «жизнь за царя». Каждый из нас получил юбилейную медаль на Владимирской ленте и большой портрет Государя с Его факсимиле. Когда идешь в строю, все внимание обращено на равнение. Только на дробную часть секунды глаза запечатлевают фигуру Государя, Царскую семью и раззолоченную свиту. Мысль о том, что этому историческому многовековому периоду осталось жить только пять лет, никому из нас не могла прийти в голову. Возвращаясь домой, я что называется не чувствовал под собой ног от восторга. На пароходе я как взрослый заказывал себе порцию свежей икры с зеленым луком и шницель по-венски. Пиво заказать не решался и в смысле роскоши удовлетворялся водой Эссентуки № 20. По возвращении, после утренней молитвы, перед всеми классами гимназии мы, трое делегатов, Вася Ершов, Алеша Белоцерковский и я, выстроились на подиуме в мундирах с полученными медалями, держа в руках жалованные портреты Государя, и А. Н. Павлов в вицмундире произнес патриотическую речь. Выросши на Волге, я считаю себя волжанином и питаю неистребимую любовь к этой реке. Через 70 лет я часто езжу «на Волгу», в Маунт Вернон, имение Джорджа Вашингтона, выхожу на поляну за домом и любуюсь широким плесом Потомака. Он так напоминает мне могучие водные просторы матери-Волги. В Самаре зимой мы по воскресеньям переходили ее на лыжах на другой берег к селу Рождествено. Как передать поэзию зимних красок широкого белого снежного пространства самой реки, темно-серые, почти черные контуры леса на другом берегу, все это под серым тусклым небом или, наоборот, светло-голубым в ярком блеске солнечного дня! Ритмически переставляешь палки, оставляя на снегу отпечатки кружков, прикрепленных на их концах. Идешь финским ходом, шаг правой, шаг

левой, потом отталкиваешься двумя палками и по инерции катишься метра два вперед. Лыжи у нас тогда не были похожи на лыжи нынешних лыжников. Они были длиннее и уже, имели только один поперечный широкий ремень, который мы поддевали носком валенка или приводивших нас потом в восторг пьекс — финской лыжной обуви в виде мягкого кожаного полусапога, имевшего на носу загнутый кверху и назад крючок, который поддевал ремень лыжи. Верхний раструб был широкий и мягкий, и мы затягивали его пестрой широкой тесьмой, которая кокетливо заканчивалась кисточкой. Эти лыжи были пригодны только для бега по ровному, ни резких поворотов, ни торможения, ни тем более прыжков с ними делать было нельзя. Поэтому если мы и устраивали состязания, то только в беге по ровному на 5—10 верст или эстафетой. У нас тогда был насмешливый термин «тряпичный гонщик». Мы уверяли, что некоторые из наших товарищей, чтобы казаться более тренированными, обматывали тряпками икры под штанами, чтобы они были более выпуклыми. Весной Волга была совсем другой. Зимой она была унылой, застывшей в движении и как-то наводила мысли на вечность, неизменность мира, в котором твоя жизнь — только короткий миг. Весной же она была радостной, внушала бодрость, энергию, желание новых приключений. Она разливалась на много верст, к югу от Самары, например, около села Екатериновки верст на двадцать. В пойме образовывались островки со светло-зеленой порослью кустов, на которых, 577 точно как у дедушки Мазая, иногда можно было увидеть зайцев. Вода сходила медленно, и к концу июня на пойме оставались лишь небольшие протоки, так называемые ерики, где можно было ловить щук. И весной мы часто пользовались Волгой и крейсировали по ней в шлюпках. До аутригеров с катающимися сидениями мы в Самаре еще в те времена не дошли, но четырехпарная шлюпка (четыре пары весел) была для нас достаточно быстрой. Высшим достижением для нас была «кругосветка». Посмотрите на карту, и вы увидите, что Волга описывает большую луку. Из Самары мы вниз по течению гребли до села Екатериновки, где река поворачивала на юг. Там нанимали дроги, грузили шлюпку и по образцу древних славян преодолевали волок, спуская лодку в маленькую речку Усу, которая текла на север с другой стороны Жигулевского хребта, и опять-таки по течению гребли на север до ее впадения в Волгу. Выйдя на Волгу, мы опять-таки все время по течению плыли обратно к Самаре. Путешествие обыкновенно продолжалось три дня, надо было покрыть 200 верст. Спальных мешков у нас тогда не было, и мы ночью у костра спали, завернувшись в одеяла и пледы. Это был длинный пикник, мы варили на костре в котелке кулеш или уху и дополняли это бутербродами и пирожками, взятыми из дому. Вы видите, что этот первый период моей жизни, да и всех русских, особенно от 1907-го до 1914 года, отличался спокойствием и твердой налаженностью. В гимназии кончился период строгой дисциплины, насажденной, пока министрами были Шварц и Кассо, и началась новая страница либерализации при новом министре народного просвещения графе Игнатьеве. Для того, чтобы парализовать опасность участия

народного просвещения графе Гипатеве. Для того, чтобы парализовать опасность участия учеников в революционных организациях, директора гимназий получили указания всемерно покровительствовать спорту. Наш директор Павлов принял эту директиву «а ла леттр» и доверил организацию спорта мне. Это дало мне возможность вольничать в классе. Чувствуя опасность, что учитель меня вызовет, и не будучи уверен в своих знаниях, я поднимал руку и говорил, скажем: «Николай Александрович, разрешите мне пойти к директору. Мне надо ему доложить...» В кабинете у директора мы серьезно обсуждали шансы нашей команды в матче против Второй гимназии, и Александр Николаевич серьезно вникал в детали, почему, например, Володя Пешт представляет для нас главную опасность. Мощным магнитом для нас в то время был открывшийся магазин Байкова — отделение из Москвы, — торговавший спортивными приборами. Там мы покупали лыжи марки Темпо и Хапавези, теннисные ракетки английского производства Дрива (неправильное произношение) и Дохетти и были в восторге, когда в Москве открылась русская мастерская и стала выпускать ракетки марки «Максим». Кстати, кто из читателей помнит название коньков того времени? С загнутым носком, как на знаменитом портрете в Национальной Галерее в Вашингтоне, они назывались «снегурочками», и отношение к ним было презрительное — коньки для девчонок! Наиболее распространенными были «Нурмис», потом появились «хоккейные», и верхом достижения были «гоночные» с длинным лезвием. В том же магазине мы покупали приборы для легкой атлетики: копье, диск, ядро, и обувь — бутсы для футбола и спайки для бега, с небольшими гвоздями на подошве. Очередное событие, и скорее очень радостное и обещающее массу нового, произошло весной 1913 года. Мой отец был

помощником управляющего Удельным округом в Самаре и получил назначение — быть управляющим Мургабским государевым имением. 578 МУРГАБ Откроем карту от Каспийского моря на восток до Ташкента и поведем карандашом от Красноводска на берегу моря вдоль железной дороги, пройдем Ашхабад и, наконец, натолкнемся на кружок с надписью Мары (на дореволюционных картах — Мерв). Следующая станция к востоку будет Байрам Али, в свое время центр Мургабского государева имения. Если повести карандашом от Мары на юг, вдоль железной дороги к Кушке, то вдоль этой линии будет виться голубой ленточкой река Мургаб. Все эти обширные пространства и дальше на восток до Алма-Аты (прежде Верный) и Чимкента носили общее название Туркестан и являлись последним русским завоеванием во второй половине прошлого века. Теперь общее название этих мест — Средняя Азия, или отдельные советские республики Туркменистан, Узбекистан и Казахстан. Это громадная ровная впадина, дно высохшего, миллионы лет тому назад существовавшего моря. И до сих пор по южному склону с высоких горных хребтов все реки текут на север и сливают свои воды в Аральское море, как Сырдарья и Амударья. Другие, более мелкие, как Мургаб и Теджен, теряющие воду на орошение, до Аральского моря не доходят, а теряются в обширных солончаках. Климат в Мургабе резко континентальный с полным отсутствием дождя в течение 10 месяцев. Вегетационный период для хлопка, то есть без осадков, около 10 месяцев, превосходит тот же период в Египте. Открытые коробки хлопка не должны попасть под дождь, так как белоснежное волокно пожелтеет, а с другой стороны, каждый лишний день произрастания удлиняет волокно на микромиллиметры и повышает его ценность. Итак, дожди, а иногда даже снег, выпадают только в январе и феврале. Зимой солнце не греет, и ночью бывают морозы. Зато летом температура обычно, и особенно в пустыне, вокруг 110—115 градусов Фаренгейта. В одной рубашке на солнце выходить нельзя: обожжете спину. Поверх нужна еще легкая куртка. Туркмены и узбеки (до революции — сарты) спасаются от жары теплой одеждой. У туркмен темно-красные халаты с мелкими, близко лежащими желтыми полосками, на темно-зеленой шелковой подкладке. Таким халатом я производил сенсацию в Лицее и в курьерском поезде где-нибудь между Рязанью и Москвой, когда утром шел умываться. У узбеков халаты пестрые, все в цветах, но — представьте себе! — стеганные. Это при такой жаре. На головах у всех туземцев папахи, но не казачьи из мерлушки, а из целого черного барана. Как же люди севера, из России, переносили такую жару в такой долгий срок? В домах служащих имения были сводчатые потолки и вентиляторы, настольные, быстро вращавшиеся и описывавшие треть или полукруг туда и обратно на вертикальной оси, и вентиляторы, медленно вращавшиеся на потолке, с большими деревянными лопастями, действовавшими, как опахала. Но и сама природа помогает людям переносить жару. Прежде всего абсолютная сухость воздуха («юмидити зиро») переносится куда легче, чем 90 градусов Фаренгейта. В Америке при влажности в 90 процентов А

переносится куда легче, чем 50 градусов Фаренгейта в Америке при влажности в 50 процентов. А потом ночью в Мургабе вы ощущаете себя, как на Луне. Дело в том, что при полном отсутствии облачного покрова накопленная за день жара в камнях и в песке почвы после захода солнца стремительно улетучивается ввысь, и спать можно хорошо, так как из окон веет прохладой. Ночуя в пустыне, в июле месяце к двум часам ночи надо натягивать на себя одеяло. Сама местность представляет собой пустыню с бесконечными цепями невысоких песчаных холмов, барханов, покрытых пустынной растительностью: колючками и даже большими кустами, полудеревьями с искривленными ветвями 579 и стволами саксаула. В долине между барханами вы наталкиваетесь на банки движущегося песка. В бассейнах рек широкой полосой простирается лёссовая, исключительно плодородная почва. Ее слой достигает нескольких футов. Будь тут достаточно воды, эти оазисы вдоль рек были бы мировой житницей. Но осадков вообще, как я сказал, тут нет, а искусственное орошение не дает возможности использовать всю плодородную лёссовую почву. Воды в реках не хватило бы. Вся история Мургабского оазиса из века в век зависела от орошения, от способности людей перепрудить реку, поднять ее уровень и пустить самотеком воду в арыки-каналы, заливая поочередно отдельные делянки. Всякий новый завоеватель, приходя в оазис, осаждал главный город-крепость, уничтожал плотины, чтобы лишить защитников воды. Победив, он подвергал огню и мечу сам город, оставляя только стены, строил рядом свой город, и через десятки лет ему удавалось восстановить плотины. Земля, превратившаяся в пустыню, опять расцветала. В нескольких верстах от Байрам Али тянутся эти развалины, свидетели прошлого. Самое древнее урочище называется Искандер Кала. Эту

цитадель выстроили военачальники Александра Македонского при их походе на Индию. В полуверсте от этого квадрата цитадели, напоминающего кратер на Луне, расположено другое урочище, которое было создано вассалом великого завоевателя Тимура Тамерлана, Султаном Санджаром, и его династией. Так как за отсутствием камня строительным материалом был кирпич-сырец, то от построек сохранились только остатки стен, не превышающие роста человека. Единственным архитектурным памятником высится мечеть Султана Санджара, сильно разрушенная, но сохранившая еще большой и плоский купол. Уже здесь в Америке я в советском альманахе, посвященном Туркменистану, нашел фотографию этой мечети. К чести советских ученых, они добились частичной реставрации здания. Там, где я по развалинам стен влезал как по лестнице до самого купола, теперь все пробоины заделаны и высятся восстановленные стены. Между прочим, в этом же альманахе через несколько страниц я натолкнулся на фотографию здания, которое в Байрам Али до революции называлось «дворцом». На самом деле это был дом управляющего. Снята часть фасада с окнами гостиной и будуара моей матери. Теперь в этом доме детская санатория. Но в Америке я могу показывать эту фотографию, говоря: «Здесь мы жили». За урочищем Султан Санджара начинается другое обширное урочище очередных завоеваний бухарцев. Оно опоясано глинобитными высокими стенами, но внутри все те же развалины домов, хотя это завоевание произошло в половине XVIII века. Новые пришельцы оказались несостоятельными и не смогли восстановить плотин на Мургабе. Страна превратилась в пустыню, за исключением узких прибрежных полосок, где воду из реки черпали при помощи колес, приводимых в движение верблюдами. В стране сложилось поверие, что те новые люди, которые смогут восстановить плотины, будут навеки владеть этой землей. Такими людьми оказались русские, пришедшие в Мервский оазис в 1884 году. Это было последним территориальным присоединением Российской Империи, и притом бескровным. Номинальная власть принадлежала в то время султанше Гюль Джамал Бай. Она отдала свой народ, туркмен, под высокую руку Белого Царя. Еще в мое время она жила в Мерве в большом одноэтажном доме, с большим числом прислуги. Наследником ее был сын Юсуп Хан — громадный туркмен, очень представительный и весьма мрачного вида. Его наследником был его сын, уже офицер нашей пограничной стражи в отставке. Он потерял ногу, выпав в пьяном виде из поезда между Байрам Али и Мервом. Семья султанши получала содержание из Кабинета Его Величества, который вначале ведал этой присоединенной 580 областью. Потом она была передана в управление Удельного Ведомства. Последнее решило воплотить в действительность существовавшее предание о вечном владении, и, если не ошибаюсь, в 1901 году на Мургабе была построена первая настоящая плотина со шлюзами-регуляторами. Был создан перепад в несколько метров и построена гидроэлектрическая станция мощностью в 10 000 л. с., передававшая ток за 40 верст в Байрам Али. К 1911 году были закончены все работы по плотины Искандер Кала и

40 верст в Байрам Али. К 1911 году были закончены две другие большие плотины Иолотань и Султан Бент, образовавшие крупные озера. За Султан Бентом озеро тянулось на юг на 25 верст. Когда вы на тройке ехали по унылой серо-желтой степи с редкими кустами колючки, то уже за несколько верст видели массивные, из серого гранита воздвигнутые башни, служившие для спуска и подъема тяжелых железных щитов шлюзов, регулирующих пропуск воды. Строителем плотины был известный в России инженер Валуев. Два десятка лет после прихода к власти большевики в своих иллюстрированных изданиях помещали фотографии Иолотани, выдавая ее за свое достижение. Между прочим и выстроенный ныне Большой Туркменский канал, ведущий воду от Кирков из Амударьи к Мургабу и дальше к Теджену, в значительной степени построен по проектам Валуева и Максимова, созданным еще в наше время. Нужно сказать, что в проблеме ирригации решающей является формула, учитывающая коэффициент испарения воды в канале и определяющая его рентабельные утечки. Последние зависят от многих факторов: глубины и ширины канала, в первую очередь, его длины, водонепроницаемости почвы, траты воды на самозащиту, то есть, например, сколько воды берут деревья, которыми густо обсажен канал для создания тени, и так далее. Практика Мургабского имения показала, что, например, самый длинный Валуевский канал в 70 верст, отходящий от Султан Бента, несмотря на все защитные меры, был нерентабелен, так как на его конце непроизводительная потеря воды равнялась 70 процентам. При своей грандомании и хищничестве советские инженеры, конечно, забыли об этой решающей формуле, хвастались, что сделали канал судоходным и непроизводительно теряли колоссальное количество воды. Проект Валуева — Максимова предвидел себе альтернативу —

на длинных участках в пустыне заключить канал в бетонные трубы, проложенные под землей, и уберечь воду от испарения и просачивания. Мургабское имение занимало площадь в 220 000 десятин, но воды хватало лишь для полива 70 000 десятин. Главная сеть каналов начиналась у плотины Гиндукуш. От нее отходил Царский канал, тянувшийся на 40 верст, с многочисленными ответвлениями, напоминающими обширный треугольник наподобие дельты Нила. На всей сети каналов в несколько сот верст протяжением были выстроены бетонные регуляторы, с помощью которых можно было пропускать в любое ответвление точное количество воды, измеряемое кубометрами/минутами. Каждый день составлялась длинная схема с приказом пропускать через приблизительно 100 регуляторов определенное количество воды, измеряемое в «сотках» кубометра. Со своей стороны регуляторы каждый день доносили, о пропущенном ими количестве воды. Все здания на территории имения имели электрическое освещение, и директивы о расходе воды давались по телефонной сети. На всех регуляторах были телефоны. Вода растекалась по все более мелким каналам с укрепленными повышенными берегами, выше окружающей местности. Сами поля были разделены на небольшие квадратные делянки, окруженные земляными валиками. Орошение сводилось к тому, что вода из канала-арыка выпускалась на такую делянку и заливала ее, потом валик к соседней делянке разрывался заступом, и вода заливала следующую и т. д. Главной культурой был хлопок; кроме того, сеялась пшеница для местного населения, и после пшеницы на тех же участках — 581 люцерна для корма скота. Обязателен был предпосевный полив, после чего поля с хлопком заливали в период созревания еще 2—3 раза, в зависимости от того, сколько было воды в водохранилищах за плотинами Иолотань и Султан Бент. У станции Байрам Али была построена усадьба имения. Она занимала 700 десятин и была превращена в парк, фруктовые сады и виноградники. Все улицы были засажены высокими тенистыми карагачами. В усадьбе были построены дома для служащих. В центре, на небольшой площади с расходящимися по радиусам тенистыми аллеями стоял одноэтажный дом управляющего. Конечно, дворцом его никак нельзя было назвать. В нем было двенадцать комнат плюс нужные хозяйственные помещения и комнаты для прислуги: повара, двух лакеев и горничной. Достижением были две кафельные ванны в полу, своего рода небольшие бассейны. У железнодорожной станции вытянулись хлопкоочистительные заводы. Туркмены при сборе урожая привозили хлопок-сырец, то есть содержимое коробки, состоящее из белого волокна, выросшего на большом числе семян в каждой коробке. Вес распределялся приблизительно так: одна часть волокна и четыре части семян. Сначала машины отделяли волокно от семян. Потом прессами из них выжималось растительное масло. После этого жмыхи выходили из пресса в виде длинных коричневых пирогов и служили прекрасным кормом для скота. Масло рафинировалось. Необходимо было устранить довольно противный привкус; но

высшие сорта были качеством не ниже оливкового и могли употребляться в заправке любых салатов. Была еще установка, которая семена брила в прямом смысле слова, и отделенные мельчайшие волоски, так называемый линтер, шел как взрывчатка на изготовление динамита. Несомненно, все это образцовое электрифицированное хозяйство производило громадное впечатление на местное кочевое население, которое до прихода русских вело нищенское существование. Если в данном случае назвать русских колонизаторами, то они, будучи хозяевами, совершенно не вмешивались в бытовую, культурную и религиозную жизнь туркмен. За редчайшими исключениями никто из туркмен не говорил по-русски, и от них этого не требовали. Все мусульманские праздники русскими признавались. С другой стороны, орошение большой площади пахотной земли создало невиданное благосостояние для местного населения. Туркмены, жившие на территории имения, превратились в исполщиков. Они оставались кочевниками и жили в кибитках. Им отводились деланки земли, которую они обрабатывали. Через несколько лет, если они перемещались в другое место, они там получали новые участки. Урожай пшеницы, люцерны или огородов оставался им целиком, и только урожай хлопка делился пополам. Дейханы получали расчет в деньгах за свою половину. Другую половину брало имение как аренду за пользование всей системой орошения и за заводскую обработку хлопка. Даже при такой системе первые 24 года имение приносило убыток и только в 1916 году в первый раз принесло чистый доход свыше одного миллиона рублей. На примере Туркестана я должен сказать, что Россия была несомненно колониальной империей. Вся обширная область Средней Азии была населена народами, не имевшими ничего общего с

русскими. Колонизация этой страны была административной, то есть русские, жившие в ней, были служащими, управлявшими этой страной. Никаких попыток переселить в эту область русских и посадить их на землю — не было. В этом отношении Туркестан был полной противоположностью Сибири, куда шло массовое переселение крестьян из Европейской России. В Мургабском имении делались робкие попытки поселить отдельные русские семьи в районе регулятора № 17. Для них даже строились 582 дома. Но климат и само хлопковое хозяйство были настолько необычны, что большинство поселенцев сбегало. Никаких попыток обращения в православие местного населения не делалось. Правда, в Байрам Али в 1916 году закончили постройку величественного собора с золотым куполом, по размерам не нужного для местного прихода. Собор был значительно выше упомянутой мечети Султана Санджара, и целью его было внушить уважение местному населению к завоевателям. Необходимо еще отметить то отсутствие национальной дискриминации, которое бы ошеломило американцев, приехавших в Туркестан в начале этого века. Русским не могло прийти в голову запретить туркменам и сартам ездить в первом классе поездов или посещать рестораны и кинематографы. Конечно, местные жители по своему укладу жизни, образовательному уровню, по своим интересам настолько были чужды русским, что о какой-либо дружбе не могло быть и речи. У моего отца, как он считал, были друзья — состоятельные туркмены Аким Хан, Чары Яры в Байрам Али. С помощью переводчика он вел с ними длинные разговоры, приглашал их на охоту и ездил к ним в пустыню охотиться. Но что у них вообще было в душе — оставалось для нас загадкой. Правда, преданность русским частично была доказана тем, что быховские узники пустились в свой поход на юг под охраной Текинского дивизиона, который вернулся к себе на родину, только проводив Корнилова до Екатеринодара. Конечно, перспектива пожить в такой волшебной стране с экзотическими охотами, с таинственным историческим прошлым, с субтропическим климатом была мною принята с восторгом. Но родители решили оставить меня в Самаре кончать гимназию, с тем, чтобы я жил у дяди Леонида. Наслаждаться жизнью в Мургабе поэтому мне пришлось только во время отпусков. За три с половиной года я ездил туда 14 раз. Чтобы быть в нашей «Индии» подлинным англичанином, я заставил отца купить тропический холщовый шлем, который потом присвоил себе. В усадьбе при нашем приезде было всего два автомобильчика Форда, модель Т, вошедшие в историю. Там я и научился управлению. Держать экзамен на право езды не приходилось: ни дорожных знаков, ни встречных машин, ни правил езды не было. Зато была бесконечная забава. Например, ехать вечером с отцом на автомобиле за 20 верст в пустыню к Чары Яры. Там взбираться на верблюда, опустившегося на землю, чуть было не лететь через голову, когда он после понукания расправлял сначала задние ноги (у них имеется лишний сустав), потом переводить его в галоп, сидя на деревянном седле с одной только веревкой вместо

поводьев! Разве это не было сказкой! Представьте себе, что я ее частично пережил снова через 50 лет, в эмиграции. На острове Родосе я как турист, теперь уже по лестнице, взобрался на верблюда и дал себя снять на этом неподвижном «корабле пустыни». Неприятное воспоминание осталось у меня только от верблюжьего молока. Гостей в кишлаках встречали, поднося им это молоко в небольших чашках. Оно было теплое, жирное, синеватое и довольно вонючее... Дальше следовал обильный ужин на кошмах и коррах. Приходилось руками брать жирные куски баранины, а потом подавали достархан — разнообразные сладости, вроде знаменитой баклавы. Еще забавнее было, когда хозяева выносили из кибитки две железные кровати с медными шариками, ставили их на песке, и мы с отцом укладывались спать под открытым небом. Как я уже упоминал, в середине ночи надо было натянуть на себя одеяло. Охота на джейранов в пустыне и экзотическая природа, конечно, производила на меня глубокое впечатление. От Байрам Али железная дорога пролегла по пустыне Каракум, и на протяжении 120 верст вода на станции доставлялась в поездах-водянках. Это были обычные железнодорожные открытые 583 платформы, на которых стояли громадные деревянные бадьи во много тысяч ведер. Колодцы в пустыне не могли дойти до уровня подземных вод. Указанным способом заправлялись на станциях водонапорные башни, где локомотивы брали воду. Из окна вагона на разъездах было любопытно смотреть, как из-под крышки такой бадьи поднимались комары, но жара была такая, что они, пролетев несколько шагов, высыхали и мертвыми падали на землю. Я помню, как-то летом приехала в Байрам Али с визитом семья полковника Михайлова, начальника железнодорожных сообщений при ташкентском генерал-губернаторе. Сначала они хотели

остаться в вагоне. В борьбе с невыносимой жарой пришлось крышу вагона покрыть кошмами и все время поливать их водой. От испарения над вагоном стояло облако пара. Мои родители поспешили перевести гостей к себе. В Байрам Али у моего отца постоянно бывали официальные гости, приезжавшие смотреть образцовое хозяйство и по тому времени крупное культурное достижение. Туркестан управлялся генерал-губернатором, а начальниками областей были не штатские, а военные. Любопытно, что в Ташкенте губернаторами последовательно были наши генералы, потом командовавшие на войне или уже откомандовавшие. До войны был Самсонов, покончивший с собой после поражения его армии под Сольдау. После него, уже во время войны, был Мартос и, наконец, сам А. В. Куропаткин, после того, как его в штабе Северного фронта заменил генерал Рузский. Между прочим, А. В. Куропаткин, будучи в гостях у моих родителей, шутливо благословил меня «на ратный подвиг», когда я приехал домой вольноопределяющимся Семеновского полка. В Ашхабаде в то время был начальником генерал Леш. Бывали и неожиданные гости, например германский военный агент и его помощник в Тегеране. Они пересекли пустыню и границу и сели в поезд в Теджене. В Байрам Али они провели целый день, и я, зная хорошо немецкий язык, сопровождал их при поездке по имению. Они были довольно неделикатны, начав расспрашивать меня о гарнизонах в Ашхабаде, Мерве и Кушке. Я постарался наговорить им фантастической чепухи. Очевидно, у них были сведения из другого источника, так как на их лицах довольно примитивно выражалось недоумение. Большим событием для Туркестана было в 1915 году открытие в Голодной степи Романовского канала, питаемого водой с большой современной плотины на Сырдарье. Таким образом было орошено несколько десятков тысяч десятин. Проект был выполнен на средства Министерства земледелия. После торжества много знатных гостей из столицы побывало у моих родителей. Пример Голодной степи сразу же показал, насколько опасно засоление почвы. При равнинности почвы подземные воды не имеют естественного стока. Каждый полив повышает их уровень: по закону капиллярности вода поднимается обратно вверх и вымывает на поверхность соль, превращая почву в бесплодный солончак. Для того, чтобы бороться с этим явлением, необходимо сразу же закладывать не только оросительную сеть арыков, но и превентивную подземную дренажную сеть, которая под известным углом падения будет выводить воду орошения в какую-нибудь низину. При уже известном проценте засоления почвы такая сеть должна из предупредительной превращаться в лечебную. Такая сеть создается следующим образом: параллельно на расстоянии десятка в два метров в земле роются рвы шириной в 20—30 метров, для чего существуют особые лопаты. На определенной глубине в два или больше метра на дно такого рва закладывается фашинник (примитивный способ туземцев), оставляющий пустоты, по которым вода стекает к более крупным коллекторам. Мы заменяли фашинник сырцевыми гончарными трубами,

которые укладывались на дне рва, примыкая одна к другой своими концами. Через эти 584 открытые швы вода проникает в трубку и стекает в коллектор. После 25 лет орошения при нас пришлось перекопать всю усадьбу Байрам Али и с помощью дренажа вымыть из почвы излишек соли. Вспоминая жизнь в Мургабе, все время наталкиваешься на парадоксальные противоположности. Со стороны сада при доме управляющего был разбит большой цветник по правилам француза Ленотра. Он освещался электрическими фонарями. Немного дальше была бетонная теннисная площадка, на которой мы играли только поздно вечером, тоже при электрическом освещении. И вместе с тем иногда я просыпался поздней ночью от жалобного завывания шакала, подошедшего через цветник к самому дому. Осенью надо было привыкнуть к глухому звону так называемых ботал — больших чугунных колоколов размером в большую кастрюлю, которые вешались на шею передового и замыкающего верблюдов в караване из 5—6 животных. Текинцы везли хлопок для сдачи на площадь обыкновенно ночью. Везли его в громадных белых холщовых мешках, которые свешивались до самой земли по одному с каждого бока верблюда. В те времена я увлекался легкой атлетикой, и моими любимыми дисциплинами были бег на 800 и 1500 метров и 110 метров с барьерами. Тренировался я в трусиках в аллеях сада, вдоль которых пролегалла большая дорога. Какое впечатление я должен был производить на толстых туркмен в их халатах и необъятных папах, сидящих на ослах, когда они видели, как сын управляющего в почти голом виде прыгал через деревянные барьеры! В версте от главного дома начиналось обширное поле и большая усадьба главного агронома. Здесь в крупных размерах велись опыты с гибридизацией американских и египетских сортов хлопка с местными

сортами Кок-чигит и Кара-чигит. Главный агроном Цабель (брат знаменитой московской артистки Яблочкиной) уверял, что удалось вывести сорт, по длине волокна и шелковистости не уступавший египетскому сорту Мако. В те времена еще не было вагонов-холодильников, и поэтому дыни и абрикосы, выводимые в Закаспийской области, не могли попасть в Центральную Россию. У нас там были знаменитые чарджуйские дыни, большие, продолговатые, с темно-зеленой морщинистой кожей. Иногда поздней осенью их удавалось довести до Самары, подвешивая в вагоне в сетках из лыка. Но сорта абрикосов, которые уже через два часа, лежа на блюде, показывали темные пятна, нечего было и думать везти в Россию, настолько они были нежны и сочны. В имении была и энтомологическая станция на 5-м регуляторе, где велось изучение местных насекомых и принимались меры по борьбе с вредителями. Для развлечения служащие собирались в большом здании собрания со зрительным залом. Главным образом там проводились сеансы кинематографа, хотя фильмы по времени немного отставали от России. Там мы видели Лисенко, Холодную, Максимова и других корифеев немого русского фильма. Служащим имения, особенно инженерам, контролерам полива, агрономам, приходилось много ездить по имению. К их услугам на конюшне имения было 10 троек. Я уже писал о двух автомобильчиках Форда. Дальнейшая моторизация транспорта оказалась неудачной. В 1914 году был куплен большой открытый седан, один из первых автомобилей, построенных на русском Балтийском заводе. Тогда он казался нам по удобству и комфорту чем-то вроде Роллс-Ройса. Однако ездить на нем пришлось недолго. В 1915 году его пришлось отдать на нужды армии. Лошади в имении были очень хорошие. На тройке управляющего мы ездили до плотины Султан Бент 70 верст за 8 часов с перерывом в три часа. Коренником был орловский могучий рысак Орел, а пристяжными два золотых текинца Чибис и Джайран. Для объезда полей было два десятка верховых лошадей, в том числе кровная рыжая кобыла Фру-Фру. Между прочим, 585 с ней была связана романическая история, взволновавшая весь персонал имения еще при прежнем управляющем А. Н. Малахове. Он был человеком уже в годах, весьма циничным. Второй раз он женился на молодой девушке, которая, очевидно, тяготилась этим браком и скучала. Она часто выезжала верхом на этой самой Фру-Фру и встречалась с молодым, красивым и воспитанным агрономом. В один прекрасный день Фру-Фру пришла в конюшню одна, без всадницы, а лошадь агронома привели текинцы. Влюбленные бежали в поезде. Вспоминая такого рода события, я не намерен возбуждать страсти и споры. Все это только история, показывающая, чем тогда интересовались люди и что их волновало. Между прочим, в собрании и в гостях было условлено не говорить о службе и проблемах хозяйства, этого требовали дамы, но именно эти темы поглощали весь интерес и рвение мужчин. До А. Н. Малахова управляющим был Еремеев, бывший офицер одного из лучших полков. Вместе с одним из высших чиновников Главного

управления уделов Толстым он оказался замешанным в денежных неправильностях и хищениях. Они были судимы и осуждены. Об этом случае я упоминаю по следующему соображению. За 10 лет моей сознательной жизни в России, кроме указанного случая, я знал только еще об одном уголовном процессе, в котором был осужден один из высших чиновников империи, начальник Департамента полиции В. Лопухин. Враги Российской империи сумели ложно и подло убедить весь либеральный мир в том, что Россия была коррумпированной страной, состоящей сплошь из взяточников и растратчиков, а на самом деле за 10 лет там на скамью подсудимых сели, кроме двух интендантов, только три высших чиновника. Откройте ныне американские газеты, и вы за редким исключением непременно каждый день будете узнавать, что такие-то конгрессмены, сенаторы или губернаторы принимали денежные подарки и были замешаны в денежных мальверзациях. Теперь я глубоко сожалею, что в те далекие времена я как подросток только поверхностно интересовался более серьезными вопросами, чем охота, верховая езда и спорт. Поселок при усадьбе Байрам Али был, например, любопытнейшим сборищем людей самых разнообразных наций. В полицейском участке насчитывали до 11 национальностей. Помимо коренных туркмен и русских, были сарты (узбеки), армяне и греки. Дальше шли таджики, тарачинцы — монгольского происхождения, джимшиды — кочевое племя из Пакистана, говорившее на почти неизменном санскритском языке. Сколько интересных сведений можно было почерпнуть из разговоров с ними, пользуясь услугами переводчиков, состоявших на службе имения! По истории края в то время существовала только монография профессора Жуковского, очень общая и неглубокая. Никаких раскопов в упомянутых урочищах не производилось.

Познание края надо было искать в книгохранилищах Бухары, Коканда, Андижана и Самарканда, но для этого требовалось серьезное знание местных языков и много времени. Характерно, как русские в начале этого века были мало подготовлены как туристы. В первую очередь мы ездили в Европу, потом по проложенной тропе в Крым и на Минеральные Воды и совершенно без внимания оставляли архитектурные и исторические сокровища собственной страны. Мало кому приходило в голову объехать церковные центры в Ростове, Владимире, Рязани, Угличе, Суздале, посетить изумительные деревянные храмы вроде Кижей. Точно так же я много раз проезжал проездом Самарканд и ни разу там не остановился. От этих долгих переездов остается общее впечатление скуки. Пассажиров почти не было. От Ташкента на юг по Закаспийской железной дороге в вагон-ресторанах все блюда готовили на бараньем сале, и я до сих пор помню вкус их. Оставалось только читать и 586 спать или считать телеграфные столбы от станции до станции. Вот от этого к концу жизни в памяти сохранилась такая чепуха: Джилга, Дарбаза, Кабул Сай, Монтай Таш, Арысь, Туркестан — названия станций на перегоне от Ташкента на север. От Арыси отходила ветка в несколько сот верст к Верному (ныне Алма-Ата). Полупустыня и полустепь только на станции Аральское море сменялась видом бескрайнего водного пространства, светло-бирюзовой пелены, сливавшейся с воздухом на горизонте и со светло-желтыми пологими берегами. По всей вероятности, они были так пологи, что надо было пройти с версту в воде, пока она доходила вам до пояса. Дальше к северу шла холмистая степь. Такой пустоты я никогда больше в жизни не видал. Недаром тогда так называемая Тургайская область, с главным городом Кустанаем, не могла приютить даже своего начальника, губернатора, и он жил в Оренбурге, создавая из этого города особый случай для России: в нем жило и работало два губернатора. Кто тогда в вагоне мог думать о том, что эта пустая степь по велению Хрущева превратится в целину? Кто мог предвидеть, что через полвека от одной из станций протянется на восток мощеная дорога и линия столбов к знаменитому советскому космодрому Байконуру? В те времена обращала на себя внимание только станция Эмба, с которой во втором десятилетии этого века были связаны надежды на новые нефтяные месторождения вдоль реки того же названия. Однако надежды эти потом не оправдались. Последняя станция перед Оренбургом была Меновой Двор. Из вагона вы видели невысокую стену, окружавшую порядочный квадрат с башенками по углам. Это было место, где кочевники-казахи обменивали свое сырье на немудреные товары, в которых нуждались. После этого уже станцию Оренбург можно было считать началом Европы. За всю свою жизнь, в поисках сравнений, я только один раз почувствовал себя, как в Туркестане. Мы с женой ехали автобусом из Каньона Йосимити в Монтерей в Калифорнии, и вдруг на одной остановке я увидел ту же гамму красок и приблизительно тот же ландшафт. В красновато-бурой пустыне высились башни каменной

плотины и за ней расстиралось голубое пространство водохранилища. Я вышел из автобуса, добежал до башни шлюза и, даже не закрывая глаз, создал себе иллюзию, что мне не 70, а 15 лет, и я стою на плотине Султан Бента. Этот день вообще был знаменательным. Он создал еще одну, на этот раз вкусовую перемышку за десятки лет к детству. Ради рекламы автобус туристов остановился в поселке, в котором все население было занято сушкой фруктов. В большом туристическом центре разрешали даром брать из лотков 24 сорта сушеных фруктов. Там были абрикосы, винные ягоды, груши, яблоки, виноград, изюм. И мой язык и небо передали мне тот же вкус, как в Самаре, когда моя мать давала нам на сладкое компот из калифорнийских сушеных фруктов. Тогда я понял, что нахожусь у первоисточника того, что любил в детстве. ОХОТЫ

Страсть к охоте была, очевидно, врожденной в нашей семье. Мой отец и дядя Леонид были страстными охотниками. У меня она развивалась с момента, когда мне подарили монтекристо, стрелявшее дробинками. Мне было 10 лет, и на даче я немилосердно стрелял в воробьев, сидевших стайками у отдельно стоящей кухни у оврага. Сознаюсь, что у меня не было угрызений совести в сознании, что я убиваю. Точно так же мы с моим двоюродным братом Аликом медленно ездили в шлюпке по пруду вдоль берега и высматривали сидевших 587 на берегу лягушек. И у нас не было сожаления, когда лягушка в предсмертном прыжке подсакивала и падала мертвой в воду. Но раз мальчишкой я осознал ужас того, что я убиваю. На даче как-то я крался по тропинкам, изображая траппера. На небольшой прогалине высоко надо мною на ветке сидела сорока, вертелась и потряхивала хвостом, не подозревая об опасности. Я тщательно целился и выстрелил. Сорока с жалобным криком упала, ударилась о землю, приподнялась и опять повалилась на бок. Из ее шеи текла кровь. Меня объял ужас, жалость, желание помочь, исправить свой грех и сознание безнадежности положения. Трясаясь от волнения, я зарядил ружьецо и добил несчастную сороку, но память об этом случае и до сих пор вызывает боль в сердце. Так 70 лет тому назад я в первый раз осознал, что значит лишать жизни живое существо. Однако должен признаться, что в последующие годы при охотничьей страсти я больше не переживал таких угрызений, а война и революция создали чувство ненависти к врагу, и в отдельных случаях его смерть давала мне даже удовлетворение. Что же касается охоты, то мой отец и я оказались просто в привилегированном положении. Как я уже сказал, мой отец служил в Удельном округе в Самаре. Округ состоял, насколько помню, из 23 больших имений общей площадью чуть ли не в 100 000 десятин. Они были расположены в лесистых частях Самарской, Симбирской и Уфимской губерний, и служащие Удельного Ведомства пользовались неограниченным правом охоты. Начальник округа приглашал на волчьи облавы, на лося, на глухариный ток губернатора, предводителя дворянства и других видных людей губернии. Но на эти охоты отец меня не брал, зато я был полон его рассказами. Все это кончилось в 1917 году, и мой охотничий опыт оказался ограниченным, я думаю, только пятью годами. На настоящую охоту я попал в первый раз, когда мне было 14 лет. Свой рассказ я начну с того, что мне под самый конец помещичьей эры пришлось пережить великое волнение — участие в охоте с борзыми. Еще при моем деде у нас в имении была псарня за телятником, около осинового рощи. При мне осталась только одна свора, состоящая из двух кобелей Аскольда и Карая и муругой суки Вьюги. К тому времени в средних и восточных уездах Орловской губернии ни о какой настоящей охоте с борзыми не могло быть и речи. В лучшем случае наездкой по полям можно было поднять из небольшого лога несчастного зайчишку. Возможно, что в западных уездах — Брянском, Карачаевском, Трубчевском, Севском — еще сохранились большие лесные пространства и там можно было найти красного зверя. Из больших охот в этой полосе сохранилась лишь охота Великого Князя Николая Николаевича в имении Першино. И я помню, с какой гордостью мой товарищ по лицу Алеша Сталь фон Гольштейн рассказывал, как он в Першине затравил зайца. Бедный Алексей! Он был первым умершим из нашего курса. У него слишком поздно определили аппендицит, и он скончался через несколько месяцев после своего охотничьего подвига. Итак, осенью на орловских полях мои выезды с собаками кончались, за редчайшими случаями, безуспешно. Другое дело было в Самарской губернии. Там было раздолье. У отца были хорошие отношения с Аржановым, к сожалению, не помню его имени и отчества. Он был купцом, землевладельцем, одним из членов нарождавшейся мощной русской буржуазии. Он владел примерно 100 тысячами десятин, был коммерции советником; этим званием был награжден за то, что выстроил на свои средства большую современную больницу

Красного Креста в Самаре, обошедшуюся ему в 600 000 рублей. Аржанов был страстным борзятником. В 1911 году отец и дядя Леонид привезли осенью из имения нашу свору. Привез ее по железной дороге наш второй кучер старик Сергей. Как сейчас помню его, стоящего в тулупе в кухне нашей городской квартиры с 588 тремя громадными собаками. Поселили его с собаками в громадном доме Аржанова. Отец обещал взять меня на охоту. Я думал, что в лучшем случае буду скакать при травле, не имея собак, но неожиданно дядя Леонид предложил тянуть жребии — кому быть с нашими собаками. Отец согласился. Им было легко, они все равно получили бы по своре аржановских собак, как было при прежних облавах. Судьба была ко мне благосклонна, жребий пал на меня. Не буду растягивать рассказ излишними подробностями. Утром в имении Аржанова, куда мы приехали накануне, я умирал от волнения. Ночью не спал, боясь, что будет мороз, и тогда нельзя будет травить. Дело в том, что у борзых очень нежные ноги, и при скачке по замерзшим комкам пахоты или жнивья они так ушибаются, что останавливаются и могут сильно покалечиться. Но день выдался тихий, серый. Для меня выбрали крупного гнедого мерина. При травле лучше сидеть в казачьем седле с передней и задней лукой, чем на английском седле. При скачке по пересеченной местности по пахотному полю чувствуешь себя тверже в стременах. Медленно едем шагом к лесному острову. Охотников шестеро: Аржанов, мой отец, дядя, я и двое друзей Аржанова. Собаки, опустив головы, идут рядом с лошадьми. За нами группа человек в двадцать крестьян-загонщиков. Разъезжаемся по назначенным местам вдоль опушки леса. Становлюсь за высокие кусты, скрывающие меня и лошадь, с открытым видом вперед и через ветки вбок, вдоль опушки. Теперь придется долго ждать, пока облава зайдет за остров и

медленно, стуча палками по стволам и покрикивая, начнет его пересекать. Я — мальчишка. Но это уже врожденное — я во власти природы родной земли. Передо мной унылое серое поле, бесконечный поднятый пар, дальше луг, уходящий в низину, потом взволк и желтовато-бурое жнивье. В светлой мути на горизонте верстах в двух контуры более темного серого лиственного острова. Глубокая тишина, воздух сырой и вместе с тем какой-то благодатный. Нет ярких красок, и эта скромная тихая природа, великая по своей бескрайности, хватает за душу как что-то неотторжимое, с чем с детства сросся и что до конца жизни будет стоять перед глазами; и мысль — отсюда ты вышел и сюда должен уйти. Собаки лежат и спят, мерин тоже опустил голову, попробовал дотянуться до листа кустарника и раздумал. Но вот тишина начинает прерываться отдельными криками и стуком палок. Облава идет. Все во мне дрожит от ожидания, я до боли смотрю через ветви вдоль опушки — что пошевелится, что появится. Тут повторяется то, о чем часто говорят борзятники. Зверя чуют и видят первыми сплошь и рядом не охотники и не собаки, а лошади. Вдруг как электрическая искра пробежала по моему гнедому. Он стремительно поднял голову, повернул ее в сторону, поднял уши и присел на задние ноги. Я смотрю в указанном им направлении. Примерно в двухстах саженях от меня за кустом стоит волк, по размерам прибылой. Стоит и думает. Лишь бы не ушел обратно, чтобы прорваться через облаву! Слава Богу, собаки лежат и не чувствуют его. Медленно, опустив полено хвоста между ног и наклонив голову, как бы нюхая землю, волк переходит в галоп, отделяясь от опушки и беря направление на остров на горизонте. Тут уж я не могу сдерживать гнедого. Он рвет повод, пляшет на задних ногах, рвет трензель, мотая головой. Собаки вскочили, и вот наступает один из самых увлекательных моментов. Они увидели волка, и вы можете вылететь из седла, если вовремя не выпустите намотанный на левую ладонь конец ременной своры. Другой конец ее у вас через плечо, и она продета через металлические кольца на ошейниках собак. И если вы сразу не отпустите конца из руки, они так рванут вас, что можно вылететь из седла. Собаки увидели и пошли. Нет смысла кричать им «ату». Гнедой тоже участвует в скачке, и вы присутствуете при замечательной картине. Как природа могла создать такой идеальный подвижный механизм! Смотрите на эту мощную стальную пружину собачьего спинного 589 хребта. Как она круто сгибается, сводя передние и задние ноги борзой, и потом, с неимоверной силой расправляясь, кидает корпус собаки на сажени вперед. Ритмическое движение таких трех пружин впереди наполняет вас не только восторгом, но прямо благоговением перед гением природы. Первой к волку спешит более легкая Вьюга. Она идет ему в хвост и берет его за гачи. Волк на полном скаку круто поворачивается в воздухе, и Вьюга с визгом отлетает от его открытой пасти. Но для волка это гибель: Вьюга сорвала его с темпа и он потерял несколько долей секунды. Теперь Аскольд, шедший в хвост волку, вдруг начинает склоняться влево и выходить на высоту волка. Стальная

пружина спины работает все сильнее, круче и чаще. Вот зверь и собака на одной высоте, голова в голову. И тут наступает момент, который охватывает охотника ужасом восторга. Аскольд вдруг меняет направление и гигантским прыжком берет волка по месту, то есть за загривок за ушами. Хватка мертвая, зверь и собака летят несколько раз через голову, пока не замирают на земле. Две другие уже тут, навалились на волка, держа его зубами. Мое описание похоже на фильм замедленной проекции. На самом деле все происходит гораздо быстрее, чем я описываю. Гнедой сразу же домчал меня до зверя и собак, лежащих на земле, и, даже осев на зад, остановился. Он знает, что должен делать охотник. Полагается прямо с седла падать на волка и собак. Доезжачие делают это в полушубках. Я же скромно соскакиваю на ноги, спешно вытаскивая из кармана струнку. Это деревянная палочка с прикрепленным ремешком. Ее надо вставить в пасть волка и замотать его чипец ремнем. Это мне к великой моей гордости и удастся. Дальше я вяжу задние ноги волка. Беда с мертвой хваткой волкодавов. У них бывает судорога челюстных мускулов, и вы не можете разжать их челюсти. Приходится пользоваться ручкой арапника, а вместе с тем боишься повредить им зубы и пасть. Характерно, что собаки, лошадь и охотник работают в унисон. Несмотря на горячку скачки, лошадь никуда не уходит и стоит рядом как вкопанная. В этой травле мне повезло. Волк вышел близко ко мне, и мой сосед дядя Леонид был слишком далеко, и хотя он и пустил собак, они все же не смогли достать нас. Моя роль счастливица кончается. Доезжачий вяжет передние ноги волку и вскидывает его к себе на седло. Хочу отметить разную судьбу зверей при охоте с борзыми. Бедные зайцы обыкновенно гибнут сами от разрыва сердца в последнем отчаянном прыжке. Лисицу борзые разрывают в один момент, а

волкам полагается оставаться живыми. У Аржанова их держали в больших клетках и через некоторое время выпускали. Я помню только один случай, когда на самарском ипподроме уже зимой устроили садки, то есть выпускали волка и опять травили. Так я стал не только свидетелем, но и участником забавы русских помещиков прошлого столетия, описанной нашими писателями и реально изображенной в картинах Соколова. Может быть, цинично говорить об охоте как о поэтическом переживании, но, например, вальдшнепиная тяга всегда вызывает воспоминания о прелести начинающейся весны. Апрель месяц, лес серый, бурый, стволы голые, на земле прелый лист, в логах и оврагах еще лежит снег, кромка которого как крупитчатый сахар, и медленно и тихо журчат из нее тоненькие ручейки. Над перекрестками просек светлое голубое небо, а сквозь стволы розовато-золотой отблеск умирающего заката. Стоишь в этой тишине, наострив слух, и вдруг слышишь с замиранием сердца ожидаемое «хор-хор-хор». Надо немедленно вскидывать ружье в направлении звука: судьбу выстрела решает доля секунды, целиться невозможно, стреляешь навскидку из двадчатки (калибр) мелкой дробью, бекасинником. Вальдшнеп молнией проносится над просекой, лучше если по косой. 590

Стрельба трудная, не так уж часто он валится под деревья маленькой и жалкой грудкой перьев. Вот еще поэтическая охота — на селезень с кряквой. Обстановка совсем другая: полдень, май, тепло, даже жарко. Волга разлилась широко. У села Екатериновки, что на южном конце Самарской луки, поймы залиты на 20 верст в ширину. От суши между полноводными ериками остались только островки. На берегу строим примитивный шалаш из ветвей ивы со свежими зелеными листиками. Главное укрытие сверху. На колышек у берега за ногу привязываем серую крякву. Она плавает по кругу и радостно крякает. Селезень слышит этот любовный зов издалека. И в этой охоте нельзя пропустить решающий и очень короткий момент, тем более трудный, что приходится стрелять, сидя с поджатыми ногами. Никогда не знаешь, когда и с какой стороны как молния подлетит селезень — сзади, спереди, сбоку, и вдруг он со всего разбега повисает в 20—30 саженях над кряквой. Если уловить точно этот момент, то сама стрельба нетрудная, по почти неподвижной цели. Но уже в следующую секунду селезень камнем падает на утку, и тогда стрелять уже поздно. Обыкновенно мы совмещали эту охоту с лучением рыбы поздним вечером, в полной темноте. Вот старая, вся черная, просмоленная лодка, на носу ее ставим ацетиленовый фонарь. Это уже прогресс. Крестьяне на железном листе на носу лодки вместо фонаря разводили яркий костер из сухих веток. На корме попутчик медленно толкает лодку в мелком ерике шестом, без всплеска погружая его в воду, а вы впереди сразу за фонарем, с острогой в руке. Она на короткой рукояти в метр или полтора, железная, с тремя или четырьмя зубами. Фонарь освещает тихую воду у берега. Она чистая, и сквозь нее видно песчаное дно. Охота главным образом за щуками, которые спят у берега и обычно не реагируют на свет фонаря или

он их гипнотизирует, появляясь неожиданно. Бить надо под углом и ниже рыбы, учитывая преломление света у поверхности воды. Все зависит от счастья. Можно так проплавать и три часа, не найдя рыбы, а иногда повезет сразу. Обидно только, что острога разрывает рыбу, особенно маленькую. Но само скольжение по темной воде вдоль черных берегов с кустами, стоящими стеной, под звездным небом, если повернуться спиной к фонарю, рождает в вас впечатление полного слияния с природой. Прошло больше 20 лет после такого лучения рыбы на просторах волжской поймы. И следующий раз мне пришлось лучить рыбу в совсем другом обстановке. Мы с женой проводили свой отпуск в Дубровнике, в Югославии. Это маленькая средневековая сокровищница, маленький итальянский городок, окруженный стенами и круглыми башнями, с узкими переулочками и крутыми лестницами, все дома под красной черепицей. Узкая гавань для венецианских фелюг запиралась железной цепью между двумя башнями. Туда же приехал наш большой друг Дмитрий Александрович Кузьминский в свадебное путешествие со своей женой Ниной Николаевной. Его страстью были охота и рыбная ловля, и ради них он был готов оставить даже молодую жену. Вот мы с ним и наняли у рыбака-хорвата лодку, тоже с сильным фонарем на носу, и выехали на середину гавани. Вода кристально прозрачная, видно в ней чуть ли не на 10 метров в глубину, и первое ваше впечатление, что где-то далеко внизу колеблются извивами тонкие черные линии. Это вы видите спинки рыб, а то, что они представляются вам зигзагообразной линией, объясняется рябью на поверхности воды. Острога здесь тоже совсем другая, узкая, всего в два зубца и насажена на очень длинное древко, метра в 3 длиной. На верхнем конце ее еще и ремень с петлей, надеваемой на руку. Бьют рыбу вертикально

с силой, толчком, погружая острогу в воду. Надо преодолеть отпор воды. Рыбак с силой бросает острогу, все древко уходит под воду и тянет за собой ремень. Потом вода выбрасывает деревянное древко, при удаче с рыбой на остроге. Само лученье здесь тоже весьма увлекательно. Вокруг тесной гавани, за узкой набережной, сгрудились средневековые дома, по концам ее две круглые башни. Жарко. А под вами прозрачная как стекло вода, подернутая рябью, с перламутровой глубиной, в которой в свете фонаря трепещут черные линии спинок рыб. Казалось бы, не трудно нацелиться и попасть. Но нужна большая сила, чтобы острога под давлением воды не склонилась в сторону. Мы с Митей Кузьминским оказались неофитами, и наши усилия — безрезультатными. Рыбак же без промаха взял трех рыб, так называемых скумбри, а по-нашему, по-крымски, скумбрий. Теперь перенесемся с 53-го градуса северной широты в Самарской губернии на 38-й градус, почти на самый юг Российской Империи, в Ашхабадскую область. В другой главе я опишу, как мой отец был в 1913 году назначен управляющим Мургабским Государевым Именем и какую гамму впечатлений я вынес из этой далекой окраины. Сейчас же ограничусь описанием одной из замечательных охот, которые доступны только участникам африканских сафари. Я говорю об охоте на джейранов — антилоп Средней Азии. Место действия пустыня Кара Кумы — Черные Пески, тянущиеся от берегов Амударьи на востоке через солончаки реки Мургаба около Мерва (теперь Мары) к таким же солончакам Теджена и дальше к Асхабаду (теперь Ашхабад). Пустыня это песчаная, но отнюдь не ровная. Она состоит из параллельных долин, разделенных цепями невысоких холмов, барханов, и, как ни странно, богата растительностью. Дальше на север встречаются даже густые заросли саксаула — деревья пустыни, достигающего в высоту 5—6 метров, разлапного с судорожно искривленными ветвями кустарника, с узкими серебристо-серыми листочками. На юге вдоль железной дороги Чарджуй—Мерв—Асхабад, где в пустыню вкраплены плодородные земли оазисов, саксаул исчез. Его вырубili на топливо местные жители туркмены. Кроме саксаула в пустыне вы найдете кусты колючки, кустообразной травы по пояс человека с острыми колючками. Туркменам от них защищают полы их красно-желтых халатов из шелка-сырца, нам же, европейцам, помимо сапог, надо нашивать леи на галифе не там, где они нужны для шлюса верхом, а прямо спереди для защиты ляжек. Эта растительность скрепила песок и в некоторых местах создала даже подобие гумуса коричнево-бурого цвета. Только там, где цепь барханов спадает в долину, имеются мысы движущегося песка. Когда дует местный самум «текинец», то именно эти гряды песка заполняют воздух непроглядной мглой несомых вихрем песчинок, набивающихся в нос, рот и особенно в глаза. Мы с отцом выезжаем из усадьбы за 40—50 верст с вечера в пустыню на автомобиле Форд, модель Т. Это та крошечная машинка с двумя скоростями на 4 человека, которая легла в основу успеха предприятия Форда. Едем мы к

становищу туркменов, к приятелю отца Чары Яры. Он с трудом, но все же может объясниться по-русски, и поэтому мы не берем переводчика. Становище состоит из трех больших кибиток. Нас принимает хозяин и его сыновья. Вечером в кибитке нас кормят, как полагается, жирной бараниной, которую с подноса надо брать руками, и достарханом, то есть восточными сладостями. Перед едой в фаянсовых кружках дают верблюжье молоко. Оно теплое, зеленоватого цвета и очень жирное, а главное с каким-то тошнотворным запахом. Я ограничиваюсь одним глотком, первым и последним в жизни. Несколько слов о погоде и жаре. Это — лето, и в пустыне днем свыше 110 градусов по Фаренгейту, но влажность 0. Это и понятно, с конца февраля по декабрь не выпадает ни капли дождя, и воздух абсолютно сух. Небосклон без одного облачка, и отсутствие их и выгоревшая голубизна неба начинают действовать 592 гнетуще. Эта сухость, однако, очень облегчает перенесение жары. Тело просто высыхает, и вы даже не потеете и не чувствуете особой жажды. Надо избегать пить. Тогда выступает пот, и жажда только усиливается. Среднеазиатская пустыня похожа на поверхность луны. Днем почва до предела накаляется, но с заходом солнца земля стремительно отдает накопленное тепло атмосфере. Его не задерживают ни влажность воздуха, ни слой облаков. Поэтому к двум часам ночи, если спать в пустыне на открытом воздухе, нужно теплое одеяло. Температура к этому времени падает до 50 градусов по Фаренгейту. Смешно, когда гостям выносят из кибитки и ставят на песок широкую металлическую кровать с большими латунными шарами на четырех углах спинок. Смешно потому, что в двадцати шагах на приколе стоят несколько громадных верблюдов, смачно сплевывающих зеленую слюну и издающих, открыв

широко пасти, унылый и жуткий рев. Утро. Спешим одеться. Ночью конюх привел наших верховых лошадей, кобыл Аду и Рогнеду. Оружие — карабины с телескопическим прицелом и с вилкой, так как придется стрелять из лежащего положения. У меня австрийский манлихер, у отца — маузер. Но кто же эти джейраны? Это антилопы пустыни. Ради мимикрии они нежно-бежевой масти, темнеющей к хребту, с белой грудью и задом под коротким хвостиком. Это место называется «зеркалом». Держатся они семьями, состоящими из самца-вожака, нескольких самок и молодняка. Иногда они соединяются в более многочисленные группы с несколькими самцами. Днем они уходят далеко в пустыню, а ночью идут на водопой. Так как этот район находится поблизости от имения, то они идут за два десятка верст к Валуевскому каналу. Охотиться можно двумя способами. Накануне найти по следам в песке их путь к водопою. Как правило, они возвращаются на заре по тому же пути. Еще в темноте залечь на этом лазу так, чтобы с выбранного места ветер дул не на лаз, а в противном направлении. Джейраны очень чутки на запах и могут обнаружить вас по вашему запаху, доносимому ветром. Теперь нужно выбрать укрытое кустиками место, приладить карабин на вилке, залечь на песок и вооружиться терпением. Но обыкновенно его не хватает, и поэтому мы с отцом предпочитали другой способ охоты, наездкой. Едешь просто верхом по долине. Печет как в доменной печи, солнце слепит. Мертвая тишина. Вдруг лошадь пугливо шарахается. Передо мной бежит на своих кривых, широко расставленных ногах, переваливаясь, громадный ящер. Его спинной панцирь в серых и медно-красных широких поперечных полосах. От головы до хвоста он длиной 25—35 сантиметров. Для баланса, а может быть для угрозы, он широко размахивает хвостом длиной в метр. Хвост тоже в кольцах красных и серых полос. Иногда встречаются экземпляры без хвоста — результат боев самцов между собой. Этот по временам поворачивает свою безобразную голову, мешок на шее широко раздувается, и он злобно шипит на лошадь, почти наступающую на него. Говоря об одежде, я забыл упомянуть, что в одной рубашке в полдень быть невозможно, солнце прожжет кожу на плечах и спине до волдырей. Поверх рубашки надо надевать легкую защитную курточку. На голове английский колониальный шлем тоже защитного цвета — предмет моей гордости, приобретенный в Петербурге с целью носить его в русской колониальной империи вблизи экватора. Медленно верхом поднимаюсь на гряды барханов с тем, чтобы только поднять голову над хребтом и осмотреть соседнюю долину. Лучше даже спешиться. Может оказаться, что джейраны будут сразу же близко по ту сторону хребта. Напрягаешь глаза. Сплошь и рядом ничего не увидишь, но иногда повезет. Вдруг в версте или немного дальше на противоположном скате долины неожиданно 593 блеснет на солнце яркое белое пятно. Это «зеркало» джейрана. Он повернулся к вам задом или грудью. Хватаешься за бинокль и видишь небольшое стадо. Самец стоит, повернулся и выдал себя, самки и несколько молодых лежат на

песке, и их почти не отличить от окружающей почвы. Определяешь, как скрадывать, сползаешь с холма, возвращаешься к лошади, которую оставил у сопровождающего туркмена, и сначала рысью, а потом шагом начинаешь скрадывать добычу. Приходится огибать долину, чтобы выйти к другому склону. Приблизительно через полчаса можно быть у нужного места. Теперь, уже спешившись, медленно взбираешься на бархан. Джейраны на месте. Ветер, к счастью, не к ним, а от них. Надо проползти шагов двести от куста до куста колючки, вон до того более крупного куста, там останется шагов триста, и можно будет стрелять. Вот тут и начинается настоящее усилие, от которого пот проступает сквозь рубашку и куртку. Ползешь, опустив голову, прижавшись к раскаленному песку, обжигающему ладони. Боишься, чтобы песок не попал в затвор карабина. Лучше его туго обвязать платком. Проползешь шагов тридцать и замрешь, чтобы отдышаться. Наконец, вот он, конечный куст. Джейраны безмятежны. Лежишь и набираешь воздух в легкие. Потом прилаживаешь вилку карабина и первый раз смотришь в прицельную трубу. На крестовине из горизонтальной и вертикальной линий с небольшим кончиком в окуляре обозначаются сначала лежащие самки, а потом стоящий козел. Нельзя торопиться! Старательно выцеливаешь и нажимаешь на спуск. Козел делает скачок, делает несколько шагов и, шатаясь, валится на бок. Самки и молодняк вскочили. Они слышали выстрел, но не поняли, откуда звук. После секунды растерянности они несутся в мою сторону. Я вскочил на ноги, едва успев послать другой патрон в затвор, и стреляю в стремительно бросившееся мимо меня стадо, и, конечно, мажу. Но блаженство и гордость не знают границ: заповлевал козла! Пусть читатель не подумает, что охота всегда так успешна, как описанная тут. Гораздо чаще

бывает, что, пока вы едете в объезд, джейраны уже ушли со старого стойбища. Еще чаще скрадывание ползком не удастся, и они вас видят или почуют, пока вы еще далеко от них. Тогда в несколько секунд их и след простыл за верхней кромкой барханов. Если стадо большое и там несколько козлов, стоящих все время на страже, то ваши шансы минимальны. Лучше не тратить силы: вас увидят или почуют. Пора вернуться из пустыни к усадьбе. Дело в том, что воды в Мургабе не хватает, и из 250 тысяч десятин в год можно оросить не более 70 000 десятин. Поэтому даже недалеко от усадьбы есть залежные земли, черед которым для обработки придет через несколько лет. Эти пространства земли заросли густой колючкой, и если сойти с дороги и пойти вглубь, то из-под ваших ног с шумом начнут вырываться фазаны, самцы и самки. Красавцы с медно-красной золотистой грудью, темно-синей головой и пестрыми длинными перьями хвоста. Курочки же совсем скромные, серенькие и значительно меньше. Стрелять их запрещено. Можно только отстреливать самцов. Стрельба нетрудная. Когда фазан бежит и взрывается на воздух, его полет медленный, прямой и медленно поднимающийся над землей. Можно идти и без собаки. Но раз я беру с собой Лорда, рыжего пойнтера, доставшегося нам от предшественника отца — Александра Николаевича Малахова. Лорд пробивается через колючку и поднимает сразу без стойки нескольких фазанов. Вдруг я перестаю видеть его голову и спину. Бегу в этом направлении и вижу Лорда, лежащего на боку с вываленным языком. Его грудь и бока ходят высоко и прерывисто, ища воздуха. Я бросаю ружье, с трудом взваливаю на себя потерявшую сознание собаку и бреду к линии деревьев. Это обычный ландшафт. Ровное поле, заросшее колючкой и ограниченное на расстоянии в одну-две версты тянущимися за горизонт деревьями. Они растут 594 тут по берегу более крупных каналов-арыков. Цель моя донести Лорда в тень и положить его в воду. Но я еле дошел до этой цели и сам с собакой погрузился в воду. Потом пришлось идти в усадьбу, вызывать ветеринара, ехать уже в экипаже за Лордом. Но мои усилия не помогли. Лорд сдох, не придя в сознание. Сначала мы думали, что причина его смерти укусы змей, но потом определили солнечный удар. Зимой надо ехать на водохранилища. Это озера, образовавшиеся за тремя плотинами: Гиндукушем, Иолотанью и Султан Бентом. Морями их назвать нельзя. У плотин и дамб они шириной в три-четыре версты и длиной, постепенно сужаясь, верст 10—15. Если вы посмотрите на карту, то убедитесь, что эти небольшие озера являются единственными водными пространствами среди пустыни, на сотни верст от большой реки Амударьи или Аральского моря. И поэтому, когда зимой вы выезжаете на дамбу, вы не можете прийти в себя от изумления: вся вода покрыта плавающей птицей. Гуси и утки из России прилетают сюда на зимовку. Тут же цапли и журавли. Среди них трудно найти те породы, которые круглый год живут в этих широтах. На сваях у берега вы увидите серо-белых пеликанов с их бесконечными носами и раздувающимися зобами, точно таких же, как ныне во

Флориде. Есть даже и порода фламинго, но почти совсем белых. Это скопление птицы создает совершенно особые условия для охотников. На утренних зорях, если стоять за плотиной со стороны воды, ежеминутно на вас со всех сторон налетают стаи уток. Стреляя дуплетом и из двух дустволок, передавая их по очереди егерю, один из сослуживцев отца поставил рекорд — за одно утро 76 уток. Безгранично было разнообразие охоты в России. Мне в этом отношении не повезло — надо было родиться раньше. На таких охотах, как глухариный ток, как большие волчьи облавы, как охоты в степи на дроф и стрепетов, мне побывать не пришлось, о них я слышал только увлекательные рассказы от моего отца и дяди. Передам только рассказ моего отца о глухарином токе. Начало апреля. Снег в лесу сошел, кроме глубоких рытвин и по северным склонам оврагов, но деревья стоят еще голые. Восток еще не светлеет. Ночевать надо в сторожке лесника. В лесу стоит какая-то набожная тишина, внизу тьма. Поднимаешь голову и видишь небо с большими ясными звездами и слушаешь. В воздухе разлита какая-то особая радость возрождающейся жизни. Чудно пахнет прелым листом, тающим снегом — зима прошла. Лесник говорит, что глухарь поет недалеко, саженьх в двухстах. Слушаешь и ждешь, и вдруг слышится начало первой части глухариной песни. Ее надо слушать, не издавая никаких звуков. За ней следует вторая часть, при которой у глухаря закрываются ушные заслонки, и он в любовном экстазе ничего не слышит. Это очень короткий период, в который надо сделать два-три громадных скачка в направлении глухаря и в любом положении замереть, чтобы не выдать себя очень чуткой птице. Бывает, что в темноте летишь, спотыкаясь, в рытвину, наполненную снегом и под ним талой водой. Но упаси Бог встать. Надо лежать и ждать следующей очереди

пения. Иногда глухарь возьмет и замолкнет, что-то почуял. И тогда трясешься от страха, что вспугнул его и он улетит. Но при удаче. ловкости и, главное, благоприятной местности примерно через час преодолеваешь пространство и оказываешься у ствола большой сосны. Очень высоко над вами на большой горизонтальной ветви вы видите темную массу птицы. В азарте она иногда расправляет большие крылья и делает несколько шагов по ветке вперед и назад. Сам выстрел нетрудный — он по сидящей птице, ясно выделяющейся на фоне светлеющего неба. Убитая птица тяжело падает с дерева к вашим ногам. Но такой успех бывает нечасто. Все зависит от умения подкрасться, не напугав птицу. Бывает, что вы сделали полпути, 595 а глухарь вас почуял, сорвался и улетел. Значит, все усилия на этот день пропали даром. Совершенно безнадежно, когда два глухаря токуют на небольшом расстоянии друг от друга и глухие периоды их пения не совпадают. Тогда лучше и не пытаться: одного из них непременно всполошишь.

СМУТНЫЕ ГОДЫ ПЕТРОГРАД Этим именем я называю период моей жизни начиная с окончания гимназии в 1915 году. Я уже писал о том, что нашему поколению выпала доля оказаться на великом переломе, пережить великую ломку, исчезновение векового строя монархии в России, видеть только его конец, пережить Первую мировую войну, уже значительно поколебавшую прежние устои общества, быть свидетелями двух революций, принять участие в гражданской войне и, наконец, попав в лагерь достойных оплакивания побежденных, уйти в изгнание. По существу тот уклад, тот быт, который казался нам вечным, кончился летом 1914 года. В июне газеты заполнились сообщениями об убийстве в Сараеве наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его морганатической супруги графини Хотек. Русское общественное мнение с 1908 года считало Австро-Венгрию, после аннексии Боснии и Герцеговины, врагом России, особенно когда выяснилось, что австрийский министр иностранных дел Эренталь нагло обманул нашего министра Извольского при свидании в Бухлое.

Последующие июль и август месяцы 1914 года можно считать для России периодом величайших ошибок в оценке положения и в решениях. Удивительно, что наши отцы, весь русский правящий класс, за редчайшими исключениями, оказались во власти бессмысленных воинственных настроений. Убийство в Сараеве произошло в так называемый Видовдан — национальный праздник сербов, своего рода День независимости. Франц Фердинанд, принимая участие в этом празднестве, хотел символически подчеркнуть, что он желает в Австро-Венгрии поставить многочисленные народы славянского происхождения на равную ногу с немцами и венграми. Защищаемая им идея как-то совсем не вязалась с его моральным обликом. Он был прямым гордым представителем Габсбургской династии с непоколебимым убеждением в превосходстве германской расы. И, несмотря на это, он с большой прозорливостью понимал, что необходимо сделать в стране вступки полякам, чехам, хорватам. Эти его намерения являлись смертельным

ударом по надеждам и притязаниям сербов, мечтавших о воссоединении южных славян, живших в Австро-Венгрии, с целью превращения крохотной Сербии в мощную славянскую державу. Эти настроения в Белграде и были идейным двигателем задуманного и совершенного террористического акта. Вот эта сущность и была неизвестна в России или, может быть, намеренно замалчивалась знавшими ее. Уже через 10 лет в эмиграции русские узнали, что в Белграде в 1914 году не только мечтали о воссоединении славян, но и работали в этом направлении. Главной задачей было устранение Франца Фердинанда как главного врага объединения славян под верховенством Сербии. И поэтому неудивительно, что террористы из Боснии во главе с Гаврилой Принципом еще весной 1914 года оказались в Белграде и прошли курс стрельбы и бомбометания на учебном военном поле Баница под Белградом. Организация убийства австрийского престолонаследника была делом сербского полковника, начальника отдела в Военном министерстве Аписа Дмитриевича, который одновременно был главой тайной офицерской организации «Черная Рука». За 10 лет до этого 596 она уже сыграла решающую роль в убийстве короля и королевы из династии Обреновичей, которая опиралась на поддержку Вены. При содействии сербских властей террористы были направлены в городок Ужице и при их помощи перешли через границу в Боснию, бывшую тогда на территории Австро-Венгрии. Все это летом 1914 года было величайшим секретом и, конечно, совершенно неизвестно в широких кругах русского общества. Все вышесказанное почерпнуто мною из книги сербского министра Йовановича, члена кабинета Николы Пашича. За это откровение Йованович сразу же поплатился и был уволен с министерского поста. Характерно и то, что осуществивший этот замысел с

сербской стороны полковник Дмитриевич тоже был устранен: в 1917 году он был расстрелян по приговору военного суда на Салоникском фронте. Остается тайной, было ли наше русское посольство в Белграде осведомлено о замыслах военного министерства и готовящемся покушении на Франца Фердинанда. Йованович прямо указывает, что наш военный агент в Белграде полковник Артамонов был об этом осведомлен. Неизвестно, известил ли он об этом посланника Гартвига и заменившего его, после его внезапной смерти в австрийском посольстве, советника нашего посольства В. Н. Штрандтмана. Опять-таки остается тайной, довели ли чины нашего посольства до сведения министра иностранных дел Сазонова все происшедшее в Белграде. Как известно, войны можно было избежать, если бы Петербург приказал Белграду подчиниться одному из пунктов австрийского ультиматума. Австрийские следственные власти из показаний арестованных установили причастность сербских военных к совершенному акту, и их требование произвести следствие своими чиновниками в Белграде было вполне уместно. Но именно этот единственный пункт ультиматума с согласия Петербурга не был принят сербским правительством, с объяснением, что он нарушает суверенитет Сербии. Подоплека убийства нам в 1914 году была неизвестна, а на самом деле в судьбах мира на одной чашке весов лежало нарушение суверенитета маленькой страны, к тому же несшей ответственность за случившееся, а на другой — мировой военный конфликт. Русские, то есть правящий дворянский класс, и вообще интеллигенция, включая либералов всех оттенков, объединились в патриотическом порыве и требовали и желали войны. Гордое сознание того, что Россия встает грудью на защиту маленького государства, которому угрожает великая держава, одушевляло всех. Не берусь судить, изменились ли бы эти настроения, если бы стало широко известно, что именно это маленькое государство, будучи само во власти мегалломании, было ответственно за учиненное убийство, и если бы оценка положения была более разумна. Что же касается русского правительства, допустим, даже не знавшего о том, что убийство Франца Фердинанда было подготовлено в Белграде, то оно должно было учитывать, что междоусобная война трех империй должна была в значительной мере подорвать авторитет монархического принципа. Еще более важным было соображение, по которому всеми способами надо было избежать войны до конца 1917 года. Ведь по военной и морской программе, раны, нанесенные армии и флоту на полях Маньчжурии и у Цусимы, удалось бы залечить лишь к этому сроку. У нас по-прежнему не было тяжелой артиллерии, если не считать нескольких орудий Гвардейского дивизиона; перевооружение армейских полков не было закончено; ни один из крупных дредноутов еще не сошел со стапеля. Все эти соображения не принимались в расчет. Пренебрегая своими интересами, мы сыграли в руку Сербии, а главным образом Германии, не желавшей упустить случая спазиться с нами. пока еще Россия слаба. и Франции с ее неистовым желанием взять

...му им пришлось с нами, пока еще в юном возрасте, наравнять с ее немецкими немцами, реванш и отвоевать 597 Эльзас и Лотарингию. Идя на войну, мы действовали в угоду Делкассе, главному французскому проповеднику, реванша. Сознаюсь, что мне в 17 лет все это не приходило в голову. Я, как и все, проявлял неограниченный воинственный энтузиазм. Насколько молодежь летом 14-го года не понимала, что ее ожидает, можно судить по тому, что, вернувшись в гимназию в 8-й класс, мы все стали добиваться, чтобы курс был ускорен и выпуск состоялся перед Рождеством. Мы серьезно боялись, что не успеем повоевать с немцами, мы были убеждены, что война может кончиться раньше. Любопытно, что даже военное начальство впадало в такую же ошибку. Так, в Николаевском кавалерийском училище нормальный курс был значительно сокращен. С тех пор Россия уже не жила прежним вековым порядком. Первым знаком, что прежний быт уходит в прошлое, стали вести о потерях близких. В октябре 1914 года под Ивангородом был убит мой дядя Степан Гончаров, офицер Семеновского полка. Его в полку любили, но подсмеивались над ним. Ему надо было, бы жить при Екатерине Великой. Кумиром его был его однополчанин генералиссимус Суворов. Дядя жил и служил по его рецептам. В собрании он убеждал однополчан не пить и не курить и сам, конечно, не прикасался ни к рюмке, ни к папиросе. Командуя ротой, на фронте он с помощью денщика таскал с собой громадную трубу на треноге для определения дистанции для стрельбы. С этой целью он и под Ивангородом вылез во весь рост из окопа и стал прилаживать это приспособление. Немцы, увидав такое неожиданное явление и по всей вероятности приняв черную трубу за пулемет нового русского типа, сосредоточили огонь и по трубе, и по дяде. Каушенский бой с подвигом барона П. Н. Врангеля, взявшего со своим эскадром Конного полка немецкую батарею, стал одним из

славных подвигов войны, но стоил Первой гвардейской кавалерийской дивизии 11 офицеров убитыми. Все это лишь указывало на необузданный порыв русской молодежи и оставляло без внимания утерю важнейшего элемента армии — ее кадров мирного времени. К концу 1915 года русское общество перестало играть в профессионалов-патриотов. Крупные неудачи на фронте вразумили его. Началось недовольство правительством. Желанный момент для левых пораженцев, как огня боявшихся победы России, которая, конечно, укрепила бы монархический строй. Начались интриги, гнусные сплетни против Государя и Его семьи. Все, что ни предпринимал Государь, все подвергалось злобной критике. Началась министерская чехарда. На эту яростную кампанию не повлияли в 1916 году даже победы Брусилова и Юденича, свидетельствовавшие, что армия восстановила боеспособность и кризис боеприпасов изжит. Должен сказать, что, несмотря на свою политическую неопытность, я с возмущением слушал разглагольствования моих сверстников в Лицее и Пажеском корпусе и офицеров гвардии, приезжавших с фронта. Они с пеной у рта говорили о необходимости дворцового переворота и заточении в монастырь Государыни Александры Федоровны. Эти политические младенцы мнили себя лейб-кампанцами, шедшими за Елизаветой Петровной в Зимний дворец, или заговорщиками во главе с Паленом, ведшим их для устранения Императора Павла Первого. Мысль о том, что дворцовые перевороты в XVIII и XIX веках были возможны только потому, что народ был к ним безразличен и не участвовал в политике, не приходила им в голову. При изменившихся условиях всякий дворцовый переворот, произведенный гвардией, должен был стать сигналом к революции, во главе которой станут мощные политические партии. Ведь на самом деле так и случилось. Убийство Распутина и было типичным актом, направленным против самой основы самодержавного строя. С конца декабря 1916 года путь для революции был открыт. 598 Но я забежал вперед. Весной 1915 года я кончил гимназию в Самаре. По серьезности экзаменов, по усиленной затраченной работе это было событием, происходившим по установленным правилам твердого порядка, и осталось у меня в памяти как принадлежащее подлинной старой царской России. До известной степени и осенние экзамены для поступления в Лицей носили тот же характер. Скажу несколько слов об Императорском Александровском Лицее. Широкой публике это учебное заведение стало известным благодаря тому, что воспитанником первого лицейского курса был Пушкин. С 1811-го до 1843 года Лицей помещался в Царском Селе в здании со знаменитой галереей Камерона. Потом он был переведен в Санкт-Петербург в большое белое четырехэтажное здание на Каменноостровском проспекте. Задумано это учебное заведение было для подготовки государственных чиновников, главным образом для дипломатической, судебной и административной службы. Весь курс его продолжался 6 лет. В Лицее было два

приготовительных класса — младший и старший — и три общих класса. Эти пять классов

приготовительных классов, младших и старших, и три общих класса. Эти пять классов соответствовали курсу 8 классов классической гимназии. За этим курсом следовали три года университетского курса. Классы считались в обратном порядке, начиная с шестого общего младшего класса и кончая первым выпускным старшего университетского. Программа старшего курса соответствовала курсу юридического факультета университета, с добавлением ряда предметов и, особенно, изучения трех иностранных языков — немецкого, французского и английского. Лицей был одним из трех привилегированных учебных заведений Российской Империи вместе с Императорским Училищем Правоведения и Пажеским Его Величества Корпусом. Туда принимались лица дворянского сословия, и их отцы или один из дедов должны были быть в звании действительного статского советника или генерал-майора. Для Пажеского Корпуса — тайного советника или генерал-лейтенанта. Учебная привилегия заключалась в более коротком курсе. Прохождение курса гимназии и университета занимало 12 лет, а Лицея — 8. Однако нужно было принимать во внимание, что в младший приготовительный принимали учеников, которые уже прошли предметы, соответствующие третьему классу гимназии. Привилегия во времени учения в конце концов сводилась к одному году при прохождении университетского курса: три года вместо четырех. Дальнейшая привилегия состояла в том, что лицеисты с высокими баллами заканчивали Лицей с чином 9-го класса, надворными советниками, в то время как оканчивающие университет могли получить только чин 10-го класса. Воспитанники Императорского Училища Правоведения выходили с такими же чинами по табели о рангах, но прием в Училище был открыт для всех. Если принять во внимание, что ежегодный выпуск из Лицея не превышал 35—50 человек и то же самое было в Правоведении, то число лиц,

пользовавшихся этими привилегиями по образованию, в целой Империи было крайне незначительно. По старшинству по службе чин надворного советника давал три года. Воспитанники Лицея имели свою внутреннюю организацию. Вновь поступавшие принимались голосованием в курсе. Первый, то есть старший, класс имел известные права в самой жизни Лицея. Он выбирал генералов «от фронта», «от кухни» и т. д. Первый следил за дисциплиной всех воспитанников, второй — за уровнем питания. В Лицее было два музея: Пушкиниана и Лицеана, в них хранились реликвии и воспоминания о поэте и о других выдающихся лицеистах, как, например, о князе А. М. Горчакове, канцлере Российской Империи, бывшем одного выпуска с Пушкиным. Об этих музеях заботились два генерала очередного старшего класса, от Пушкинианы и от Лицеаны. По окончании 599 Лицея выходящий курс в особой церемонии передавал права курсу, переходящему в первый класс. Лицеисты во всех классах делились на приходящих, живших дома с родителями, и казеннокоштных, живших в Лицее. За свое существование с 1811-го по 1917-й год Лицей сумел создать и сохранить замечательную атмосферу внутренней искренней дружбы, лишенной всякого высокомерия, в сознании своих обязанностей как представителей служилого класса, однако с известным духом либерализма и просвещенного гуманизма, унаследованного от первого курса и установленного тогда Пушкиным, Пушным, Кюхельбекером и бароном Дельвигом. Эта дружба распространялась не только на членов того курса, к которому лицеист принадлежал: она была общая для всех лицеистов, от стариков до молодежи, и по окончании Лицея получала яркое подтверждение в ежегодном праздновании дня основания Лицея 19 октября по старому стилю, где все лицеисты в данном городе собирались на общий банкет. Внешний жест, которым это сродство душ и умов подтверждалось, был поцелуй, которым лицеисты обменивались при встрече, и не только учась в Лицее, но и потом в частной жизни. Монархические убеждения были тверды, и особой любовью пользовалась государыня Мария Федоровна, Августейшая Покровительница Лицея. Она иногда приезжала в Лицей и обходила классы. Младшие лицеисты, невзирая на любую погоду, бежали в одних курточках по саду до ворот за выездом Государыни. В Лицее была введена 12-балльная система. При выпуске воспитанники за блестящие успехи награждались Большой золотой (большая редкость) и малыми золотыми медалями. Но и по окончании каждого класса за высокий средний балл в награду выдавались ценные книги по собственному выбору награждаемых. Номер курса отмечался римскими цифрами. Я был воспитанником LXXIV курса. Последним курсом, окончившим Лицей весной 1917 года, был LXXIX. Внимательно читающим эти строки может прийти в голову вопрос: почему в Лицее за 106 лет существования оказалось только 79 курсов? Объясняется это тем, что во второй половине XIX столетия выпуски были через полтора года. Итак, в конце августа 1915 года я со своей матерью приехал в

выпуски были через полтора года. Итак, в конце августа 1915 года я со своей матерью приехал в Петербург, чтобы держать экзамены в 3-й класс Лицея. Сделал я это успешно, хотя пришлось писать сочинения на трех языках — немецком, французском и английском. Я стал жить в Лицее. Кстати, могу сообщить, что за учение и жизнь, то есть питание и даже казенную курточку с брюками (которую мы носили только в Лицее) и мундир, за год в 1915 году надо было платить 720 рублей. Поступивших, как я, в третий класс нас было двенадцать. И в отношении к нам подтвердилась традиционная лицейская дружба. Мы были приняты с большим радушием коренными лицеистами нашего курса, и за какой-нибудь месяц нас приняли в курс. Здесь хочу подчеркнуть и следующую подробность. Лицей отнюдь не был учебным заведением для сыновей высших сановников Империи или семей, которые оставили след в истории России. Точно так же процент титулованных был не так велик. Нас всего в курсе было 42. Моими товарищами были не только Голенищев-Кутузов, Толстой, Рюриковичи — князь Масальский, князь Путятин или правнук друга Пушкина, барона Антона Дельвига — Андрей, но и сыновья семей, историей не прославленных: Юрша, Щелкунов, Гун, Метц, Мусман. Передо мной сейчас две группы нашего курса: большая — это коренные члены курса после окончания последнего общего класса и меньшая — нас 12 поступивших в третий, университетский класс. Смотришь и думаешь с унынием, как судьба распорядилась этой молодежью. Первой жертвой, напомнившей нам о смерти, был уже в 1916 году Алеша Сталь фон Гольштейн. Его отец был управляющим делами Великого Князя 600 Николая Николаевича. Еще в октябре 1915 года Алексей радостный вернулся из Першина, имения Великого Князя в Тульской губернии, со знаменитой борзой охоты и хвастался, что взял зайца. А через несколько месяцев мы хоронили его как жертву

аппендицита. Смотря на ряды своих товарищей, теперь думаю: как мало тогда многим из них оставалось жить, всего несколько лет. Вот Юра Дубенский, расстрелянный в Одессе в 1919 году; Борис Боткин, зверски замученный под Царицыном; Щелкунов, убитый на фронте под Киевом; Дима Гирс, пошедший на службу в Красную армию, командовавший дивизией против басмачей в Туркестане и расстрелянный собственным начальством; застрелившийся в 1918 году Юрша. В эмиграции лицейское объединение издавало памятные книжки со списками лицеистов и краткими сведениями о них: указанием службы, места жительства, года и места смерти. Почитавший эти списки скоро замечал, что в последних курсах у почти половины фамилий не хватало сведений, даже не было крестов — знаков смерти. Это были те, кто остался в России и сгинул, не оставив следа. Вернемся в Лицей. Отдельные предметы на старшем курсе читали лучшие профессора Петербургского университета. Система преподавания была своеобразная. Год распадался на два семестра. Сентябрь, октябрь и начало ноября читались лекции, после этого до Рождества шли репетиции, то есть устные экзамены за пройденную часть курса. С января до половины марта опять читались лекции, а потом до конца апреля лицеисты опять сдавали репетиции. Весь май был посвящен уже настоящим экзаменам за все пройденное в году. Таким образом, наши знания проверялись в учебном году три раза. Это было возможно только благодаря тому, что воспитанников в каждом курсе было всего несколько десятков. Помимо отпуска на Рождество и на Пасху, была еще отпускная неделя на лицейский праздник 19-го октября. Усадьба Лицея занимала целый квартал по Каменноостровскому проспекту. Главное здание было в глубине, и перед ним был большой сквер со старыми ветвистыми деревьями. Слева от главного здания был дом, в котором жили воспитатели отдельных курсов. За главным зданием находился большой тенистый сад, и в правой части его было здание, где помещались приготовительные классы, с подъездом на боковую улицу. В главном здании на первом этаже были канцелярии, квартира директора Лицея, генерал-лейтенанта Шильдера, известного историка, офицера Семеновского полка, и большой обеденный зал для шести курсов. В следующих трех этажах справа и слева от главной лестницы — помещения для трех общих и трех старших курсов. Переезд в это помещение совпал с царствованием Государя Николая Первого, известного своим спартанским духом. В то время как в Царском Селе еще был уют, у лицеистов были отдельные комнаты, была мягкая мебель, то в Петербурге помещения носили казарменный характер. Общий дортуар с узкими железными кроватями и крохотной тумбочкой-столиком для каждого, с общей умывалкой — длинным рядом умывальников. Помещения для лекций с деревянными партами и ряд так называемых училок, отдельных небольших комнат с большим деревянным столом в каждой и деревянными стульями, с уныло висящей с потолка электрической лампой под зеленым фаянсовым абажуром. Единственной общей комнатой для свободного времяпрепровождения

фаянсовым абажуром. Единственной общей комнатой для свободного времяпрепровождения была чайная с большим столом, роялем и опять-таки деревянной мебелью. Обмундирование лицеистов состояло из черной курточки в талию с красным стоячим воротником и черных брюк, которые, как у моряков, не имели ширинки, а запахивающуюся слева направо полосу, которая затягивалась вокруг талии тонким сыромятным ремешком. Эти курточки носились только в Лицее. При выходе из него был обязателен мундир зеленого цвета с красным воротником 601 и золотым шитьем на нем для старших и серебряным для общих классов. При путешествии и в провинции можно было при зеленых брюках носить двубортную серую тужурку с позолоченными пуговицами и красными петлицами на отложном воротнике. Летом полагались белые полотняные кители с золотыми пуговицами и стоячим воротником. В Петербурге мы были обязаны носить треуголки, а в провинции фуражки с зеленым верхом и черным околышем. Пальто-шинели были черными. Высшим достижением считалась николаевская шинель, серая с бобровым воротником, но в моем курсе мало кто ее имел. Она принадлежала той эпохе, когда были собственные выезды. Вообще, проблема передвижения по городу для лицеистов в мое время не была достаточно разрешена. У подъезда Лицея обычно стояло несколько извозчиков, но постоянное пользование ими казалось дорогим удовольствием, особенно для приходящих. Они пользовались трамваем. Начальство, скрепя сердце, это терпело, но сидеть в трамвае в треуголке не полагалось. Единственным местом, где лицеисты могли ездить, была передняя площадка, рядом с вагоновожатым, там мы обычно и стояли. Весь наш гардероб, равно как и носильное белье казеннокоштных, находился в ведении так называемых дядек, которые все эти вещи хранили в шкафах и комодах, отдавали белье в стирку, без конца чистили бензином белые

замшевые перчатки и гладили брюки. Помимо казенного мундира, все лицеисты при поступлении шили себе у хорошего портного собственные. Уклад жизни походил на кадетский корпус. На завтрак и обед мы ходили попарно, строем. У каждого за большим столом соответствующего курса было свое место. Еда была питательная, но об ее особом вкусе говорить не приходилось. Даже на старшем курсе уходить в город в будние дни можно было, только предупредив об этом курсового воспитателя. У нас им был милейший старик, француз Перре. Возвращаться из воскресного отпуска и вообще из города нужно было до полуночи. Опаздывающие записывались швейцаром. Я должен признаться, что, несмотря на дружеский прием и приятное общение с друзьями, эта казарменная жизнь меня угнетала. После жизни дома или у дяди в Самаре с хорошо обставленной своей комнатой, с пользованием всей квартирой, обставленной мягкой мебелью, с личной полной свободой лицейская казарма в первые месяцы совсем мне не понравилась. Я и сейчас с содроганием вспоминаю момент просыпания утром. Против моей кровати окно, за ним едва брезжит серый унылый день, такой, какой только может быть в Петербурге в октябре, никакого уюта впереди. В первый год я воспользовался отпуском на неделю, отказавшись от празднования лицейского праздника, и сбежал в Орел к своим родным. Потом я в первый раз в жизни применил способ, поддерживающий психическое равновесие. Я высчитал, что до следующего отпуска в декабре, на Рождество, остается 2 месяца, что составляло около 1400 часов, и находил удовлетворение и душевную бодрость, высчитывая мысленно все время убыль часов. Это было абсолютной победой над временем. Особенно выгодны были 9 часов сна ночью. Утром я вычитал их из оставшегося времени, и это придавало мне бодрости. В тяжелые времена эта мера расчета — сколько еще осталось до окончания тяжелого периода — очень помогает сохранять душевную бодрость. В литературе я нигде не встречал описания этого психического метода, кроме книги французского писателя, преступника, сидевшего на Чертовом острове на каторге в Гвиане. Папильон тоже считал часы, которые надо было выдержать в изоляции. В конце концов все это можно счесть за блажь избалованного мальчишки. Я быстро освоился с петербургской обстановкой. В отпуск я ходил к моей тетке, вдове Степана Гончарова, семеновского офицера, убитого, как я уже упоминал, 602 под Ивангородом. Она жила в офицерском флигеле полка. Из окна ее квартиры я видел небольшой канал, а за ним боковой фасад Царскосельского вокзала. В мрачные серые дни осени и зимы белый дымок уходящего поезда навевал тоскливые мысли о таком же дымке, за которым я следил из дома в Самаре. И там, и здесь они рождали во мне тоскливо-бодрые мысли о бесконечных путешествиях на восток и на запад. Почти все субботы и воскресенья были заняты. Днем посещение музеев и коньки на пруду в Таврическом саду, вечером — или театр, или игра в бридж у товарищей по Лицею. Тогда Петербург поразил меня тем, что в любой торговой области все было захвачено иностранцами и

Петербург поразила меня тем, что в любой торговой области все было захвачено иностранцами, и сами русские сильно злоупотребляли иностранными названиями. Возьмем рестораны. Они назывались: «Кюба», «Донон», «Эрнест», «Констан», «Фелисьен», «Вилла Роде». Русскую честь защищал один «Медведь». Известными кондитерскими были «Верен», «Рабон», хуже — «Крафт», который выпустил шоколадные конфеты «лоби-тоби». Конкурировать с ними мог только Иванов на площади Мариинского театра своими клубничными тортами. Главным цветочным магазином был «Эйлерс», букету которого посвятил свои стихи поэт Н. Агнiewicz. Лучшие часы должны были быть от Бурэ с Невского проспекта. Треуголку и фуражку я заказывал у Вотье, в доме Пассажа на Невском. Владелец гордо сообщил мне, что у него только семь клиентов с моим размером головы. Кинематографы назывались «Паризиана», «Пикадилли» и даже «Солей». Манеж, в котором мы гарцевали, принадлежал Боссе. Пить пиво надо было у Лейнера, что на углу Невского и Мойки. На Морской был итальянский ресторан Пивато. О Фаберже упоминать не буду. Многие из русских эмигрантов, особенно приехавших в Соединенные Штаты после Второй мировой войны, в первый раз о нем услышали от американцев. Дело в том, что в Америке пользуются громадной популярностью фарфоровые пасхальные яйца, изготавливавшиеся этим ювелиром по заказу Дворцового ведомства и частных лиц. Большие коллекции таких яиц можно видеть в музеях в Ричмонде (Вирджиния) и в Балтиморе. Был в Петербурге еще один ювелир, мастер Кортман, имевший большой магазин. Его специальностью было изготовление нагрудных полковых знаков, брелоков, жетонов и колец для военных и гражданских лиц. Они были бесконечно разнообразны. Возьмем для примера Лицей. По окончании лицеисты могли носить на мундире знак об окончании Лицея. Каждый

курс придумывал свой маленький значок из серебра. Он не только имел его для себя, но и дарил лицеистам других курсов, то есть обычно заказывал их десятками. Окончившие Лицей носили также золотые кольца с маленьким барельефом головы Государя Александра Первого, основателя Лицея. При окончании курса и прощании с Лицеем разбивался курсовой ручной колокол из бронзы, которым все время регламентировали нашу жизнь. Он нас будил, вызывал в классы и в столовую. Кусочки разбитого колокола разбирались всеми воспитанниками курса, оправлялись в золотую оправу и носились как брелоки на цепочках карманных часов. Был еще круглый жетон, золотой с красной эмалью, с годом основания Лицея 1811, с его девизом «Для Общей Пользы» и номером курса. Честь русского ремесленного совершенства среди этих многочисленных иностранцев поддерживал еще Савельев, у которого все кавалеристы заказывали шпоры. У савельевских был знаменитый серебряный звон. Сапоги шил идеально Мещанинов. В Мариинский театр было трудно попасть, так как там было три абонементов, но я получал билеты от сослуживца отца по Уделам, Александра Александровича Сиверса, и слушал там «Травиату» и «Хованщину». Легче было получать билеты в Музыкальной драме и Александринке, где еще играли именитые 603 старики Давыдов и Варламов. В театре Сувориной на Фонтанке я видел «Веру Мирцеву» и «Ревность». Но, конечно, по молодости лет меня привлекал более легкий жанр. Для этого нужно было идти в Палас на Михайловской площади. Тут мы восторгались бесподобной Наталией Ивановной Тамара. Там же я слышал Кавецкую, Потоцкую и даже Липковскую, скорее оперную певицу, певшую в Паласе «Веселую вдову». На втором месте для нас был театр в Пассаже, в котором выступала очаровательная Грановская. Веселились мы в театрах легкого жанра и знали наизусть «Иванова Павла», там же шла и «Вампука». В Петербурге было два театра фарса. В памяти до сих пор сохранилось название «Ух, и без задержки!». Большим развлечением был каток в Таврическом саду с большой деревянной вышкой, с которой мы по ледяному скату летели далеко на замерзший пруд. Для этого там были короткие железные сани с обитым красным плюшем сидением. Мы эти сани ставили друг на друга и устраивали человеческую пирамиду в три этажа. В этом усиленно принимали участие ученицы гимназии кн. Оболенской, где учились дочери петербургского общества. Нашими спутницами на горах были барышни Тотлебен, Лысогорские, Софья Мещерская и др. Но такого рода упражнения представляли известную опасность. Так однажды, когда пирамида внизу превратилась в клубок тел и саней, Ася Старицкая сломала ногу. Мы играли в хоккей на льду, и тут я пережил унижение. Моя практика в Самаре оказалась недостаточной, и в матче против одной из гимназий меня после первых 20 минут (я играл защитника) с позором погнали в раздевалку. Балов во время войны не было, и я не помню, чтобы

мы где-нибудь танцевали. Зато усиленно играли в бридж. Теперь кажется странным, что в 1915 — 16 годах жизнь шла в частных домах по-прежнему, так же уютно, как и раньше, ни в чем не ощущался недостаток, а уже два года спустя все это сменилось холодом и голодом. Особенно я любил бывать у моего товарища Бори Боткина. Его отец был советником нашего посольства в Берлине. От него я узнал, что в критические моменты перед самой войной, в 1914 году, когда решалась судьба всего человечества, наш посол Сергей Николаевич Сербеев был в отпуску в имении в Орловской губернии, и его заменял С. Д. Боткин. Я был дружен с Ниной и Соней Лысогорскими, мы были в свойстве. Их отец был помощником петербургского градоначальника по гражданской части. В их казенной квартире я увидел техническое новшество: взяв телефонную трубку, мы могли слушать оперы из Мариинского театра и Музыкальной драмы. Очевидно, там были поставлены звукоусилители, принимавшие музыку на расстоянии. Уже после Рождества мои минорные настроения испарились. К лицейской жизни я привык, вошел в нее, и этот короткий период по май месяц был похож на установленный целым веком порядок. Экзамены для перехода во второй класс я сдал с успехом и получил в награду богатейший том Истории Отечественной войны, с многочисленными цветными иллюстрациями. Но весной опять все перевернулось. Вышел приказ о призыве учащихся в высших учебных заведениях. Им давалось 4 месяца для выбора части, в которой они хотели бы служить, или для поступления в военное училище или школу прапорщиков. От этой обязанности освобождались лишь слушатели последнего курса учения. Так, 73-й курс Лицея остался в нем и окончил его весной 1917 года. Наш же курс целиком покинул Лицей. Оставалось решить — куда поступать. В Пажеском корпусе во время войны были созданы ускоренные курсы, выпускавшие через 9 месяцев (вместо

двух лет в мирное время) прапорщиков из трех отделений: пехотного, кавалерийского и артиллерийского. Очередной курс начинался 1 июня 1916 года, и он уже был заполнен. Пришлось записаться на следующий 604 курс, начинавшийся 1 февраля 1917 г. Проведя 4 месяца у себя в имении, я, для того чтобы поступить по приказу, вернулся в Петроград и явился в Семеновский полк. И тут же сразу попал в обстановку, совсем не похожую на порядок мирного времени. Дело было в том, что военным командованием была сделана роковая ошибка. Усиленные призывы крестьян и рабочих уже пожилого возраста забили все казармы, а их было особенно много в столице. Ведь там и в мирное время стояло восемь полков первой и второй гвардейских пехотных дивизий. В Царском Селе была еще расквартирована стрелковая гвардейская дивизия. Хотя казармы отдельных полков и были рассчитаны на полный состав в 4000 человек, но в 1916 году в так называемых запасных батальонах полков, то есть в полковых казармах, было по 6—7 тысяч новобранцев. Они жили в невероятно скученных условиях. Главная же трагедия была в полном отсутствии унтер-офицерских кадров, то есть тех учителей, которые должны были обучать новобранцев. Сказывалось также и недостаточное число офицеров в запасных батальонах: они все были нужны на фронте. Получился полный хаос. Новобранцами никто не занимался, и они не знали, что с собой делать. Неделями они толклись на казарменных дворах или без увольнения в отпуск ходили по улицам столицы и гроздьями висели на подножках переполненных трамваев. Пришлось на остановках выставить заставы, которые снимали этих бесправных отпускных и отправляли их в части, где даже не было взысканий: не было возможности сажать всех под арест, их было слишком много. Вся эта масса людей изнывала от скуки и, главное, была в отчаянии, думая о судьбе своего хозяйства — ведь в деревне с их уходом остались только бабы. Эти люди представляли собой самую благодатную почву для политической пораженческой пропаганды, чем широко воспользовались крайние революционные элементы. Агитаторы свободно проникали в казармы, за редким исключением их у ворот никто не задерживал. Основным лозунгом было «Кончай войну!». Как велико было противоречие его с лозунгом нашей либеральной интеллигенции «Война до победного конца». Я думаю, что выступление с ним на казарменном дворе в то время было сопряжено с опасностью для жизни. Общий развал отразился и на нашей судьбе, трех вольноопределяющихся — лицеиста Г. Н. Гильшера, правоведа Б. В. Никольского и моей. Поселиться в казарме не было никакой возможности, люди спали на полу между нарами. Мы жили дома, я — у своей тетки генеральши Гончаровой. В полк ходили раз в неделю на 4 часа, и там нас обучал строю унтер-офицер Левкович. Успех такой военной подготовки был весьма сомнительный, хотя Левкович заставлял нас делать перебежки на одной из улиц около Семеновского ипподрома и с криком «ура» и

винтовкой наперевес поражать соломенные чучела. Наконец, в начале декабря командиру запасного батальона полковнику Павлу Назимову, знаменитому создателю в мирное время так называемых потешных (нечто вроде разведчиков-бойскаутов), надоело наше присутствие, и, произведя нас в ефрейторы и поздравив с приемом в полк, он отпустил нас в отпуск до поступления в Пажеский корпус. Это дало мне возможность последний раз съездить к родителям в Байрам Али. В конце декабря туда пришли вести об убийстве Распутина. Первый шаг к революции был сделан людьми, думавшими все решить путем дворцового переворота. Самим фактом этого преступления и отсутствием всякой кары для провинившихся был нанесен смертельный удар царской власти. Подлинные революционеры поняли происходящее как доказательство незащитности и слабости режима. 1 февраля 1917 г. я явился в Пажеский корпус. Будучи вольноопределяющимся Семеновского полка, я пошел на пехотное отделение. Этот последний пятый ускоренный курс при корпусе был заполнен студентами и воспитанниками 605 Лицея и Правоведения, призванными по приказу прошлого года. Уже тот факт, что курс был ускоренным, менял большинство традиций корпуса. В мирные времена пажи несли службу на торжественных приемах в императорских дворцах. Высочайшей честью было быть камер-пажем Государя. Императрицы и Великие Князья и Княгини тоже имели своих камер-пажей. Со времени войны приемов не было, и поэтому мы и не думали о том, чтобы стать камер-пажами или сшить себе мундиры мирного времени. Пажеский корпус был привилегированным заведением. В мирное время туда могли поступать сыновья или внуки тайных советников и генерал-лейтенантов. Для ускоренных курсов было сделано послабление: принимались сыновья и внуки действительных статских советников и генерал-майоров. Первые три недели в корпусе

прошли в строевом обучении вновь поступивших. Их нельзя было выпускать за ворота корпуса, не научив как следует отдавать честь и становиться во фронт при встречах с генералами. Артиллеристы и кавалеристы при длинных шинелях имели шашки на белых портупях, а мы, пехотинцы, — так называемые тесаки, подобие короткого римского меча с золоченым прямым рифленным эфесом, висевшие на белых поясах. Уже в этот последний месяц русской монархии в корпусе чувствовалось сильное нарушение традиционных порядков. Директора корпуса генерал-майора Усова не было: он командовал частью на фронте. Его заменял генерал-майор Н. Н. Риттих, тихий и незаметный человек, которого мы редко видели. Хранителем старых пажеских традиций был полковник Карпинский, но и он растерялся, имея дело с пестрой компанией вновь поступивших. Само начальство, отделенные офицеры братья Лимонт-Ивановы, Поздеев, Щербацкой вяло относились к своим обязанностям. Жизнь в корпусе во многом напоминала уже описанную жизнь в Лицее: тот же казарменный дортуар, те же пустые классы и общая столовая. РЕВОЛЮЦИИ Так подошло роковое 25 февраля, когда начались события, целиком перевернувшие жизнь не только народов России, но и всего мира. Я стал свидетелем великого события — февральской революции, но должен сознаться, что я ее почти не видел. Беспорядки из-за снабжения хлебом разыгрывались в пригородах — Охте, Лиговке, Васильевском острове, Петербургской стороне. Туда ходить нам не пришлось — мы были заняты занятиями, и начальство неохотно давало отпуска. Поле моих наблюдений ограничивалось кварталом Садовой до Невского и кварталом этого проспекта, по которому я ходил в Европейскую гостиницу, где жили мои родители. Отец каждый год приезжал в Петроград для доклада. Один только раз я видел поперек Невского на высоте Городской Думы тонкую цепочку лейб-казаков запасной сотни в конном строю. Перед ними была пустая улица. Усмирить беспорядки было некому. Нечего было даже и думать двинуть учебные команды запасных батальонов гвардейских полков, стоявших в городе. В 1905 году можно было послать Семеновский полк в Москву для подавления восстания на Пресне, и командир полка генерал Мин справился с этой задачей в самый короткий срок. Правда, потом он был убит революционерами. Сейчас командир батальона полковник Назимов не мог и подумать вывести хотя бы одну роту на подавление беспорядков. 200 000 призванных в столице, затаив дыхание, следили за происходящим. Все они были воодушевлены надеждой, что на фронт идти не придется, что того и гляди отпустят по домам, и войне вообще будет конец. Особых насилий над офицерами поначалу не было, если не считать того, что унтер-офицер Волинского полка убил своего офицера, и ареста офицеров в Преображенском полку. 606 Любопытно было наблюдать настроения людей, судьба которых была связана с монархическим режимом. Они остолбенели и просто были не в состоянии объять все

последствия случившегося. Я всегда верил в разум моего отца. Но тут он показал, что совсем не понимает последствий происшедшего. А на самом деле для нашей семьи революция была равносильна полной материальной катастрофе. Ведь было совершенно ясно, что отец потеряет службу, потому что без монарха Министерство Двора и Уделов должно быть ликвидировано в кратчайший срок. Но, очевидно, и там не понимали, что происходит, потому что отец приходил с Литейного, где помещалось Удельное Ведомство, с радостным сообщением, что его собираются назначить управляющим Казанским округом. С другой стороны, можно было легко предвидеть, что революция непременно повлечет за собой аграрную реформу и имущества помещиков будут отобраны. Непонимание событий моими родителями подтвердилось переселением их в дни революции из гостиницы в квартиру их друзей Толстых. (Александр Николаевич Толстой был петербургским вице-губернатором.) В таком переезде было мало логики, так как именно там можно было ожидать ареста хозяина революционерами. У Толстых мы прожили несколько дней и были свидетелями, как за углом, на Офицерской, жгли архивы департамента полиции. К Толстым революционеры не пришли. Он не был взят ими на учет, потому что петербургский губернатор и вице-губернатор отвечали за порядок в губернии, за исключением самой столицы, где эта ответственность лежала на градоначальнике. Я уже писал, что первый раз в жизни я испытал чувство неотвратимости и полного бессилия, когда в солнечный весенний день в начале марта увидел на углу Невского и Садовой, как бодрые революционеры сбивали молотками императорский герб с вывески аптеки поставщика Императорского Двора. Наше начальство в корпусе притаилось, и, очевидно, никто не пытался вывести корпус на улицу для поддержания порядка. Через несколько дней мы были посланы нести охрану Британского и Французского

посольств. Французский посол Морис Палеолог кратко нас приветствовал, разместил на антресолях посольства, что на Французской набережной. Кормили нас на золотых тарелках, но отвратительно — вареной картошкой, кашей и какими-то вареными овощами. Британское посольство было тогда на Марсовом поле — большое красное здание на углу, где трамваи поворачивали налево, чтобы выйти к памятнику Суворову, перед въездом на Троицкий мост. От пребывания там осталось только воспоминание о дне похорон жертв революции. Стоя на часах у ворот посольства, можно было наблюдать бесконечные шеренги рабочих и работниц, проходивших мимо спешно выкопанных на середине Марсова поля общих могил. Они шли, взявшись за руки по 8 человек в ряду, и уныло пели «Вы жертвою пали в борьбе роковой...». Нужно сказать, что февральская революция была действительно бескровной. Среди революционеров почти не было жертв. И говорили даже, что для престижа к похороненным пришлось прибавить тела убитых городских. В середине марта корпус повели к Таврическому дворцу присягать Временному правительству. Это был тот день, когда Великий Князь Кирилл Владимирович привел ко дворцу Гвардейский экипаж, которым он командовал, надев красный бант. Монархисты ему этого никогда не простили. Мы, конечно, бантов не надевали. На одной из улиц, где мы были построены, перед нашим фронтом появился большой массивный человек, председатель Государственной Думы М. В. Родзянко, который не нашел ничего лучшего, как сказать нам: «Ваш старший фельдфебель вас приветствует». В такой революционной обстановке было с его стороны курьезом вспоминать, что он был камер-пажом. Начался период полного непонимания происходящего. С одной стороны, Совет рабочих и солдатских депутатов предложил корпусу прислать своих постоянных делегатов. На собрании были выбраны один вестовой и паж Желтухин, вышедший потом в Кавалергардский полк, и это совпало с изданием приказа номер 1, подписанного военным министром Временного правительства А. И. Гучковым, направленного против офицерства и подорвавшего военную дисциплину в частях. Наше начальство, видя, что все разваливается, поспешило распустить нас в отпуск по случаю Пасхи. Начавшийся немедленно сумбур по всей стране и на фронте опровергал на каждом шагу основной лозунг революционной интеллигенции — «Война до победного конца!». Я перешел на кавалерийское отделение. Выяснилось, что корпус не сможет пойти в свой летний лагерь. Он был самовольно занят одной из революционных частей. Поэтому по существу все дальнейшее в смысле прохождения курса на звание прапорщика превратилось в символику. Нас посылали на 2 — 3 дня в Александровскую слободу около Царского Села, чтобы делать кроки местности, потом куда-то около Сестрорецка на берег Финского залива для решения тактических задач и, наконец, в Павловск для учений в конном строю. Эти отдельные экскурсии продолжались по несколько

дней, а в перерыве нам разрешали уезжать на две-три недели. Скажу прямо, там я ничему не научился. Срок обучения был укорочен на один месяц, и А. Ф. Керенский произвел нас в прапорщики 1 сентября 1917 г. Невзирая ни на что, пажи моего выпуска стремились продолжать традицию мирного времени. Они выбирали полк, в котором хотели служить, представлялись, то есть являлись офицерам полка, ждали приема, то есть постановления собрания офицеров полка. Правда, не шли так далеко, чтобы заказывать форму мирного времени. В Николаевском кавалерийском училище изоляция от политических событий была гораздо больше, поэтому там по старому обычаю ко дню производства доблестные корнеты надевали форму полков мирного времени. Все мы были в каком-то оцепенении и не понимали, что происходит. Апрельская и июльская попытки большевиков свергнуть Временное правительство нас мало чему научили. Попытка Корнилова нас взволновала. Сведения о ней дошли до меня в поезде, когда я возвращался из деревни в Петроград. Среди ехавших со мной офицеров началось обсуждение — спешить ли в столицу, чтобы присоединиться к войскам генерала Корнилова. По указанию Его Высочества Князя Гавриила Константиновича, ехавшего в том же поезде, мы решили остановиться в Москве и только на следующий день ехать в Петроград. Так мы и сделали. Но попытка Корнилова кончилась ничем, а генерал Крымов, видя неудачу, застрелился. После позорной неудачи на Галицийском фронте, где после первых двух дней успеха разложившиеся части отказывались продолжать наступление и беспорядочной толпой устремились в тыл, мне стало ясно, что нет никакого смысла выходить в какой-нибудь полк, что армия перестала существовать. Поэтому после производства в прапорщики общей кавалерии я просто остался в Петрограде, поселился в гостинице «Регина» на Мойке и стал усиленно сдавать экзамены по

программе Лицея. В то время Лицей уже не существовало, главное его здание было занято под госпиталь, канцелярия переехала в дом воспитателей. Нужно отдать должное Александру Александровичу Повержо, которому удалось получить согласие профессоров Лицея и дать возможность лицеистам моего LXXIV и следующего LXXV курсов сдавать экзамены на дому у профессоров. Мне надо было сдать 22 экзамена за второй и первый классы и написать сочинение. Месяцы октябрь и ноябрь я провел в неистовом учении и сдал 8 или 9 экзаменов. И вот опять по велению судьбы я стал свидетелем второй революции в России, октябрьской. Впрочем, говорить о том, что я был ее свидетелем, 608 нельзя. Должен сознаться, что я ее не заметил. 25 октября я играл в бридж у знакомых и в полночь возвращался к себе в гостиницу. Я шел по набережной Мойки и пересек Невский около ресторана Лейнера, знаменитого своим пивом. Этот перекресток всего в полутора кварталах от арки Главного Штаба на Морской, откуда велось наступление на Зимний дворец через Дворцовую площадь. Переходя Невский, я ничего не заметил. Я не слышал и знаменитого выстрела с крейсера «Аврора» по Зимнему дворцу. О свершившемся я узнал утром от служащего гостиницы. В ноябре я уехал в Орел, получив в Главном Штабе с помощью полковника А. Н. Фролова приказ о причислении меня к запасному Конно-артиллерийскому дивизиону. Здесь я застал опять-таки полный развал. Большинство офицеров разъехалось по домам, часть, как капитаны Бауман и Старосельский, пробирались на юг, откуда приходили вести о создании вооруженных сил для борьбы с большевиками. Как ни странно, к Рождеству я оказался единственным офицером в дивизионе. Под моей командой осталось 2—3 писаря в канцелярии и взвод вестовых, на ответственности которых был уход за лошадьми, которых было свыше 400, но они все были больны чесоткой. Ветеринар считал, что ее можно вылечить, втирая в пораженные места чистый спирт. Я отправился в Городской исполком и был там принят председателем Михаилом Ивановичем Буровым, бывшим рабочим железнодорожных мастерских. Я просил его выдать ордер на получение нескольких ведер чистого спирта с рективизировочного завода. Буров сразу же перешел к делу: «Дам, но половину мне». Мы так и сделали. Я сам съездил в розвальнях на завод, погрузил четверти со спиртом и привез половину на дом Бурову. Остальная часть досталась вестовым и, конечно, больше способствовала их бодрому настроению, чем лечению лошадей. В конце концов в феврале месяце я разослал по соседним волостям объявление, приглашавшее крестьян разобрать этих лошадей. Так я ликвидировал конский состав. Тем временем и все солдаты разошлись, и дивизион оказался тоже ликвидированным. Все эти месяцы я усиленно занимался и готовился к экзаменам, два раза ездил в Петроград сдавать их. В общем, получал высокие отметки, но один раз вышел большой конфуз. Я пришел к приват-доценту Н. С. Тимашеву сдавать уголовный процесс.

Нужно сказать, что при громадной спешке я между экзаменами оставлял для окончательной подготовки к данному предмету 3—4 дня. На этот раз моя обычно хорошая память, особенно зрительная, мне целиком изменила. Когда Тимашев сказал мне — на какую тему говорить, я в первый раз в жизни при всей изобретательности оказался перед полным неведением. Я абсолютно ничего не мог припомнить. Пришлось прервать тягостное молчание и признаться, что отвечать не могу, память отказывается. Тимашев был милостив и сказал: «Приходите через неделю». Я напряг все силы, и через неделю Тимашев поставил мне 11. Мои усилия увенчались, наконец, финальным успехом, и 18 апреля 1918 г. А. А. Повержо вручил мне диплом об окончании Лицея 9-м классом с чином надворного советника. С этим документом я вышел из учительской в доме, превращенном в солдатский госпиталь. Тут я в последний раз в жизни сел на трамвай номер 3. Так кончилась моя связь с моей «альма матер». Я был не один из таких неполноценных юристов. Почти все мои однокурсники и часть воспитанников 75-го курса получили таким образом высшее образование. Обязаны мы этим энергии Александра Александровича Повержо и нашим профессорам, которые без преподавания согласились удовлетвориться только экзаменами. Сочинение я писал в Орле, по торговому праву, выбрав темой контрокорент. Сознаюсь, что без всякого практического опыта все функции и преимущества банковского текущего счета казались мне совершенно непонятными измышлениями автора учебника. Теперь, через столько лет после первого 609 произведения на эту тему, я на основании жизненного опыта смог бы написать исправленное издание, которое теперь, несомненно, показалось бы нам детским лепетом. Так закончилась моя учебная подготовка к жизни. Я особенно подчеркиваю печальную истину, что кроме гимназии эта

подготовка была эфемерной и символической. Я говорю не о себе лично, а обо всем моем поколении. Война и революция не дали нам возможности создать в себе твердый фундамент знаний и не подготовили нас к практической жизни. Подготовка к юридической деятельности была, как видите, спешной, без практических занятий, без освоения нужного теоретического материала. Еще хуже было с военной подготовкой. За три года я проходил подготовку к службе в трех родах оружия: сначала раз в неделю готовился быть пехотинцем в Семеновском полку и первые четыре недели в Пажеском корпусе. Потом стал кавалеристом. В Орле оказался ликвидатором Конно-артиллерийского запасного дивизиона, а в годы Гражданской войны опять вернулся в ряды кавалерии. Знаний я никаких не приобрел, даже установленные военные традиции мне были известны только понаслышке. Когда я два раза исполнял обязанности адъютанта части, я был совершенно беспомощен. Бесконечные ведомости, отношения и бланки полковых канцелярий были для меня тайной за семью печатями, а военные писаря — моими начальниками. Они вели дело и меня не спрашивали. ОРЕЛ В апреле 1918 года я вернулся в Орел. Я уже упоминал, что Орел был полной противоположностью Самары. Это был город, который как бы замерз за сто лет до нашего времени. Промышленности в нем не было, в мое время никто не строил новых домов, кроме разве гостиницы «Берлин» — потом переименованной в «Белград» и принадлежавшей гетману Павлу Скоропадскому. В Орле, правда, еще до войны был электрический трамвай, построенный Бельгийским обществом, с потешными, почти квадратными вагончиками. Прицепные были открытые, с рядами поперечных скамеечек, под брезентовой крышей. Правда, помимо мужской и женской государственных гимназий, в которых в свое время учились мои отец и мать, был еще Институт благородных девиц и славный Бахтина Кадетский корпус. Верхняя часть города состояла из тихих улиц и переулков, вдоль которых в садах и палисадниках скрывались скромные, большей частью одноэтажные дома орловских помещиков. Я уже говорил, что Орловская губерния была дворянской, и многие помещики на зиму переезжали в городские дома, кроме того, все время увеличивался тот процент бывших землевладельцев, которые, продав последнюю землю, окончательно обосновывались в городе, находя службу в акцизном управлении, в казенной палате и быстро развивавшемся земстве. Бунин убедительно описал эту жизнь в своем произведении «Жизнь Арсеньева». Когда произошла полная смена властей во всей России после февральской революции, бывшие сановники сбежали в родной город. Весной 1918 года в Орле насчитывалось 11 бывших губернаторов. Дуайеном нужно было считать Сергея Николаевича Свербеева, нашего посла в Берлине в 1914 году. Он был барин и дипломат старой школы. С ним в Орле жили три его сына Димитрий, Владимир и Сергей, так называемый Долгоносик, потом в

Гражданскую войну ставший вольноопределяющимся моего полка. В начале Садовой улицы был дом Николая Павловича Галахова, тоже бывшего губернатора и бывшего офицера Семеновского полка, красавца-старика с замечательными голубыми глазами 610 и большими белыми усами. Он приходился близким родственником И. С. Тургеневу, и его городской дом был обставлен мебелью, привезенной из Спасского-Лутовинова, имения Тургенева. При советской власти дом Галахова был превращен в музей имени Тургенева; уже в Америке, через много десятков лет, я в магазине В. П. Камкина купил сортимент открыток этого музея. Меня кольнуло в сердце, когда я увидел на открытках кресла карельской березы в гостиной и красного дерева диван в кабинете, на котором мне пришлось довольно часто сидеть в 1918 году, когда я посещал дочь Николая Павловича, Киру Николаевну, которая была моей помощницей по службе в швейной мастерской. На той же Садовой жил В. С. Мятлев, известный сатирик-поэт, офицер Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка. Было время, когда весь Петербург и Москва декламировали его саркастические поэмы. В одной из них он описывал погром в Москве немецких магазинов на Мясницкой в 1915 году и поведение генерал-губернатора князя Юсупова. Мне из нее запомнилась только одна фраза: «И до сих пор еще неясно, что означал красивый жест — Валяйте, братцы, так прекрасно! или высказывал протест». Жалкую роль бывших людей царского режима при бегстве в Одессу Мятлев запечатлел в такой чеканной строфе: «Господин Энно!.. Господин Энно! (французский консул в Одессе при прибытии десантного корпуса маршала Франше д'Эпере). А ему плевать и смотреть смешно». В Орле мы чувствовали нити, протянутые к временам Тургенева. Так, в самом конце Садовой на довольно крутом обрыве в болотистую широкую долину речки Орлика стоял дом, который описан в «Дворянском Гнезде».

При мне в этом доме с садом, выходившим на обрыв, жила милейшая семья Морица Оттоновича Паррота, члена суда, и его четырех сыновей Владимира, Александра, Сергея и Глеба. Между прочим, потрачу несколько строк на комичный случай. Несмотря на приход большевиков, мы, молодежь, еще усиленно цеплялись за остатки прежнего быта, играли в саду Дворянского собрания в теннис по всей форме, в белых костюмах. В Орле была прехорошенькая и милая барышня, только что кончившая гимназию, Таня Лосева, за которой я усиленно ухаживал. После тенниса как-то мы пошли с ней на Орлик, под Дворянским Гнездом сели в лодку, и я стал грести по капризным извилинам речонки мимо крестьян, косивших на берегу. Один из них, покатываясь со смеху, закричал мне, указывая на мои белые теннисные брюки: «Что же ты, барчук, срамишь девушку, в одном исподнем без штанов щеголяешь!» Так в начале лета доживали последние дни помещики в Орле: Матвеевы. Талызины, Боборыкины, Левшины, Куракины, Оливы, Шамшевы, Блохины. Шепелевы-Воронович, Володимировы. Беспечность и непонимание ими надвигавшейся грозы были непостижимы. Так, в дни, когда Ленин боролся со смертью после выстрела Доры* Каплан и все газеты исходили бешеной слюной, провозглашая массовый террор, Владимир Сергеевич Олив серьезно развивал мысль об организации своего рода дворянского клуба, где мы все могли бы часто встречаться. Скоро и в Орле была организована ЧеКа, во главе которой стал латыш Рамо. Летом и в начале осени она почти никого не арестовывала, собирала информацию. Здесь выяснилось одно верное правило: при терроре надо было жить в городе, в котором вас никто не знал, в котором вы не служили и были незаметным. ЧеКа вылавливала только коренных жителей города, всем известных как домовладельцев и бывших чиновников. От выстрела Доры Каплан 611 колесо истории запнулось: небольшая доля сантиметра в пути пули решила историю мира. Она пошла бы, вероятно, другим путем, не выживи Ленин. Только много позже я осознал одну истину. Сразу после революции мы были настроены против евреев. Их преобладающая роль в первых рядах большевиков, такие вожди, как Бронштейн, Нахамкес и др., давали нам основания к ненависти. И мы тогда не учитывали, что на другом крыле еврейства были пророческие провидцы грядущей мировой катастрофы, вызываемой большевизмом-коммунизмом. Евреи первые поняли это и перешли к действию. Канегисер убил Урицкого, Дора Каплан почти застрелила Ленина. Тогда же таинственно погиб крупный большевик Володарский, и, как тогда говорили, тоже от руки еврея. Вечная им слава за их непоколебимую решимость. Развивая эту мысль, я до сих пор отказываюсь понять, как после неудачного июльского восстания большевиков, когда Ленин укрылся в Финляндии, не нашлось небольшой группы серьезных людей, чтобы, помимо Временного правительства, выследить и убить его. Вернувшись из Петрограда в Орел, надо было думать, на что жить. До этого я получал жалование из

артиллерийского дивизиона, но за полной его ликвидацией приходилось искать службу. От всех прежних учреждений к весне 1918 года в Орле остались лишь комитеты Объединенных земств и Союза городов, то есть те общественные либеральные организации, которые начиная с 1915 года пришли на помощь царскому правительству и организовали по всей России производство всего нужного для армии. В частности, они использовали все токарные станки для изготовления стальных стаканов для артиллерийских снарядов. Самый общественный дух этих организаций давал возможность им поддерживать отношения с новой большевистской властью. И вот такому комитету удалось получить от орловского исполкома заказ на изготовление френчей для Красной армии. Материалом для этого были старые военные длиннополые шинели, лежавшие горами на интендантском складе. Имелись и нужные для производства мастерские. К френчам прибавился заказ на латание старых солдатских сапог. Мастерские были в большой орловской пересыльной тюрьме. Перед самой войной для них было выстроено новое здание и на верхнем этаже было в большом зале установлено 56 швейных машин с электрическим погоном. Кроме того, были помещения для кройки с большими столами. Мастерские пустовали, как и вся тюрьма. Уголовные сидельцы как родственник элемент были выпущены на волю, а политических еще почти не было. Так вот, комитетом во главе с председателем Губернской земской управы Сергеем Николаевичем Масловым, милейшим человеком и видным членом конституционно-демократической партии, было решено поручить мне руководство изготовлением френчей, с заданием возможно быстрее набрать нужное число швей. Заведующим сапожной мастерской был назначен Владимир Сергеевич Олив. Работницы были набраны весьма быстро. Это все были или окончившие в этом году гимназию и институт барышни, или ученицы

8 класса, свободные во время летних каникул. У Олива рабочий коллектив состоял из гимназистов, кадет и вольноопределяющихся демобилизованного артиллерийского дивизиона. Единственным настоящим специалистом был у меня закройщик, старый рабочий интендантства, чахоточный и тихий человек. В помощь мне была назначена Кира Николаевна Галахова, в свое время считавшаяся первой красавицей Орла. Как видите, на общем фоне большевистской власти и надвигающегося террора бывшие люди сумели организовать свое гнездо. Настроение у молодежи было беззаботное, и перерыв на завтрак на тюремном дворе превращался в непередаваемое веселье и повальное ухаживание сапожников с нижнего этажа за моими швеями.

612 Что же касается работы, то можете себе представить, что? я и Олив могли организовать в таком деле, о котором до этого времени вообще не слыхали. Я мог поддерживать внешнюю рабочую дисциплину среди девиц, и благодаря тому, что машины были электрические, мастерская выполняла производственную норму, то есть сдавала к вечеру нужное число френчей, но каких?.. Дело в том, что шинельное старье было самых разнообразных оттенков. Одни были разных серых оттенков от светлых до темных, некоторые были зеленоватые, некоторые с синеватым отливом и даже встречались с каким-то фиолетовым налетом. Френч состоял из 23 частей, отдельных рукавов, частей воротника, накладных четырех карманов, лацканов и т. д. Мой закройщик бесповоротно отказался кроить все части френча из одной шинели, что обеспечило бы однотонность френча. Он расправлял полы шинели, накладывал в толстую стопу эти полотнища и потом по лекалам выкраивал сразу по десятку каждой части френча. Из этих нарезанных кусков его помощники набирали сортименты по 23 частям и передавали такие пакеты в швейную мастерскую. Рассортировать эти горы нарезанных частей по оттенкам цветов не было никакой возможности: для этого потребовалось бы несколько десятков работниц. Поэтому готовые френчи были похожи скорее на одежду арлекина. Один рукав был серый, другой желтый, нашивные карманы представляли собой скромный спектр. Я в панике доложил об этом комитету, опасаясь, что при приемке заказчиком получится грандиозный скандал и всех нас за явный саботаж пошлют на тот свет. Но беспечность была велика, и решение вышло — продолжайте в том же духе! Я и продолжал еще полтора месяца. Потом мне пришлось уйти, но я знаю, что карикатурные френчи были приняты без всяких последствий для бракоделов. Уйти же мне пришлось из-за неизбежной в тот год в каждом русском городе регистрации военнотружущих и возможного призыва в Красную армию. С этого момента в моей жизни началось ловчение, явление столь присущее всем угнетенным и преследуемым. На регистрацию я пошел, но сразу же после этого направился в открывшееся военное учреждение ОКАРТУ (Окружное артиллерийское управление). Начальником его был очень почтенный

старый артиллерийский полковник. Я был принят туда военным писарем и таким образом забронировал себя от призыва в строевую часть. Моим начальником был бывший губернатор Борис Николаевич Хитрово. Другие служащие все тоже были представителями чуждого по советской номенклатуре класса. В то время в Орле еще не было расстрелов. Они, наверное, внушили бы нам осторожность. Теперь, с вершины моих 90 лет обозревая пройденный извилистый путь, я с внутренним содроганием вспоминаю, какие неосторожные глупости столько раз в жизни мне приходилось делать. Не только я сам рисковал жизнью, но мог обречь на расстрел всю канцелярию ОКАРТУ. Дело сводилось к следующему. В Орле открывала действия украинская комиссия, получившая от советской власти право выдавать пропуска украинцам для выезда на родину, на Украину. Очевидно, в Брестском договоре с немцами большевики обусловили порядок обмена гражданами между Советским Союзом и Украиной, в тот момент занятой немцами. Во исполнение этого соглашения Украина прислала в ряд городов Советского Союза свои комиссии, которые проверяли права просителей-украинцев на репатриацию на родину. Правительство в Киеве было гетманское, русофильское, поэтому русские, пожелавшие бежать из-под советского ига, старались превратиться в украинцев и создавали соответствующую для себя легенду, не смущаясь полным незнанием украинского языка. Такого рода прошения принимались комиссией благосклонно, и приблизительно через месяц просители получали на украинском языке свидетельство о том, что они украинцы 613 и имеют право вернуться к себе на родину. Кроме того, надо было иметь свидетельство из советских учреждений, в том числе для людей призывного возраста, о том, что они регистрировались и свои военные обязанности выполнили. Так вот, мой рискованный поступок

сводился к тому, что я двум своим знакомым, поручику Князеву и другому офицеру, фамилию которого я, к сожалению, позабыл, выдал удостоверения на бланке ОКАРТУ с печатью и подделанной подписью начальства о том, что они служили в ОКАРТУ и по предъявлении украинских документов отпускаются со службы. Б. Н. Хитрово пришел в дикий ужас, опасаясь, что на пограничном пункте в хуторе Михайловском советские чиновники могут что-то заподозрить, проверяя документы Князева и другого офицера, и запросят ОКАРТУ, что выяснит подлог. Теперь я с ужасом вспоминаю мою тогдашнюю беспечность, но в те времена, помню, я даже мало волновался. От Орла до границы с тогдашней Украиной было недалеко, всего 4 часа езды поездом. В хуторе Михайловском был пропускной пункт. Там советские пограничники вас опрашивали и осматривали ваш багаж. Дальше была полоса в пять верст «номенслэнд». Местные крестьяне создали себе хороший заработок: когда советский пункт вас пропускал, они грузили на телеги багаж пропущенных. Садиться на повозки разрешали только старикам и больным, остальные должны были идти пешком — и пускались в путь на украинскую сторону. Там у шлагбаума вас встречали сперва немецкие солдаты, а потом вы попадали на украинский пост. Мне до сих пор непонятно, как там беспрепятственно пропускали людей, заявлявших, что они украинцы, но не знавших ни слова на мове. Все это мы, мои родители и я, проделали без затруднений. Погода была теплая, без дождя. Две ночи пришлось провести на полу еврейской халупы, лежа вповалку с другими переселенцами, пока наконец мы не попали в товарный поезд, шедший в Конотоп, где опять пришлось целый день ждать поезда на Киев. Усталость, конечно, сказывалась, и я помню, что мы улеглись прямо на траве в городском саду и проспали несколько часов. Нужно сказать, что хутор Михайловский был самым легким переходом. В Гомеле и других пропускных пунктах допрос был гораздо строже, там людей задерживали, и они были вынуждены пытаться нелегально перейти границу с помощью местных проводников, что было связано с большим риском. Поскольку мы при переходе имели при себе документы украинской комиссии с придуманной нами легендой о своей жизни, с указанными местами рождения на Украине, мы не решились взять с собой наши подлинные русские документы, я, в частности, мое метрическое свидетельство, аттестат зрелости, лицейский диплом, приказ о производстве. Все это осталось в Орле. Я помню, что такой потере мы не придавали большого значения. Наша наивность была безгранична: мы предполагали, что скоро сможем вернуться в освобожденный от большевиков Орел. Советская власть тогда казалась нам такой противоестественной и поэтому обреченной на свержение. КИЕВ Киев оказался переполненным беженцами из России. Туда сбежался весь чиновный Петроград. У моей тетки Марии Андреевны (вдовы младшего брата моего отца, Жорика, умершего от аппендицита в 1911 году), жившей на Левашевской улице,

приехавшие друзья спали в столовой и гостиной. Мы с трудом внедрились сюда. Созданием такого буржуазного оплота мы были обязаны немцам, занявшим Украину, Крым, чуть ли не Ростов. Неисправимые бывшие 614 люди, невзирая на тесноту жилья, старались жить прежней беззаботной жизнью. Ресторан первой классной гостиницы «Континенталь» на Николаевской был переполнен теми же офицерами, которых в 1917 году вы встречали в ресторане гостиницы «Астория» в Петрограде. В театре шла оперетка «Сильва» венгра Кальмана, и все считали обязательным ее послушать. После продовольственной скудности Орла нас поразили магазины и базары Киева своим богатством: громадные белоснежные пшеничные хлеба, свиное сало в два вершка толщиной и т. д. Надо было как-то зарабатывать, и я без труда поступил на службу сначала в департамент торговли, во главе которого стоял И. Н. Ладыженский. Моим непосредственным начальником был барон Анатолий Анатольевич Врангель, красивый и очень элегантный, бывший правовед. Этот департамент стал базой для правоведов. Там я познакомился с Г. Г. Миткевичем, Н. Д. Тальбергом, Н. Л. Пашенным. Кто мог предполагать, что наши жизненные пути пойдут по одной трассе в эмиграции и через Югославию, Германию и Соединенные Штаты закончатся почти через 60 лет кончиной упомянутых друзей. Я весьма скоро ориентировался в обстановке и скоро нашел мощную лицейскую базу. Она обосновалась в громадном особняке на Институтской, и руководящую роль там играли бывшие чиновники Кредитной канцелярии из Петрограда. Там это учреждение было привилегированным и по своему составу не уступало Министерству иностранных дел. В Киеве во главе его стояли лицеисты: К. Е. фон Замен, Г. Г. Лерхе, знаменитый в Петрограде своей окладистой бородой, Скерст, Валуев, Крылов и др. В общем, сразу же обнаружилось величайшее недоразумение:

Киев был столицей украинской державы, национальным языком ее был украинский, а чиновники, как я сказал, были все русские, не знавшие ни слова по-украински и до сих пор ничего общего с этой страной не имевшие. Деловые бумаги в упомянутых учреждениях должны были писаться на украинском языке, а писались они по-русски и для соблюдения формы передавались двум барышням, сестрам Волковым, которые в этом департаменте Министерства финансов были единственными знавшими украинский язык и переводившими всю служебную переписку. Гетман Скоропадский делал попытки создать собственные украинские воинские части. Начальником Генерального Штаба при нем был полковник Ген. Штаба Александр Владимирович Сливинский, бывший начальник штаба дивизии, которой командовал граф Келлер. Сливинский незадолго до нашего приезда женился на моей тетке Марии Андреевне, у которой мы жили. Создание гетманской армии ни к чему не привело, так как после ухода немцев в декабре 1918 года эти части не смогли оказать серьезного сопротивления партизанским отрядам Симона Петлюры. Жизнь в Киеве осенью 1918 года была веселой. В ней в равной мере принимали участие и коренные жители Киева: Вишневские, Прибыльские, Бразоли, де Витты, Черныши, Кандыба, Князья Трубецкие, Безак, Ковалевские, Глебовы, Тарновские. К киевлянам присоединились бежавшие из России кн. Святополк-Мирские (два сына с матерью), гр. Клейнмихель, Крейтоны, Швецовы и др. Да простит мне читатель перечисление всех этих фамилий лиц, по всей вероятности ему неизвестных, но ведь мое повествование является своего рода малой летописью, в которой я упоминаю для их родных ряд этих имен. Все это общество жило беззаботной жизнью, ходило в театры, кино, в гости друг к другу, играло в карты, в теннис, устраивало катания по Днепру на парусных лодках киевлян. Опять-таки проявлялась полная беспечность. Эти пришельцы совершенно не учитывали подлинного настроения страны, в которой они жили. Ведь гетман держался только благодаря присутствию 615 немцев. И сила национальных украинских настроений получила ясное подтверждение при террористическом акте, жертвой которого стал немецкий командующий войсками на Украине маршал Эйхгорн. Мало кто учитывал, что наше русское благополучие в Киеве всецело зависело от событий на западе Европы, а там уже с половины июля наметилось неизбежное поражение Германии. Немецкий фронт был прорван, война из окопной перешла в маневренную с вынужденным постоянным отступлением немцев. Несмотря на это, 19-го октября мы, лицеисты, отпраздновали в веселом настроении наш праздник. На банкет собралось 110 лицеистов, и председательствовал Александр Александрович Риттих, бывший министр земледелия при последнем Государе. Всего через три недели после этого произошло событие, положившее конец нашему бытию на Украине. 11 ноября в Компьенском лесу во Франции немцы подписали акт о перемирии и

признали свое поражение. Конец войны обуславливал очищение немцами всех занятых ими чужих территорий. Украина не была исключением, и немецкие эшелоны радостно отправлялись на родину. Незадолго до этого в правительстве Гетмана были произведены большие перемены. То был так называемый русский переворот. В частности, он выразился в смещении министра иностранных дел Дорошенко, все время проводившего так называемую щирую украинскую политику. Он и подобрал служебный персонал министерства из украинцев. Даже после его смещения это ведомство продолжало защиту украинских национальных интересов. На место Дорошенко Гетман назначил скромного тихого старичка Афанасьева, директора конторы Государственного банка в Киеве. Тот сразу начал жаловаться, что украинские служащие просто игнорируют его указания, и просил помощи у министра финансов, который командировал из нашего учреждения четырех служащих — Валуева, Крылова, Пашенного и меня, и мы составили личный секретариат Афанасьева в Министерстве иностранных дел. Так как Украина была признана только Германией, то ноты немецкому правительству писались по-немецки. Мы это и делали. Обращения к союзникам писались по-французски. Министерство иностранных дел помещалось в особняке Терещенко, на Терещенской улице, знаменитой своими каштанами. Работы, в общем, было мало, но, конечно, наш тайный кабинет вызывал большое раздражение у коренных служащих министерства, которых Афанасьев с нашей помощью мог обходить. Когда немцы стали покидать Украину, то русские военные в Киеве сделали попытку создать собственные формирования с целью защиты гетманского режима. Во главе этих формирований стал генерал Кирпичев. В эти отряды, названные дружинами, записалось несколько сот офицеров. Мы несли охрану внешнего периметра города Киева. Я делил свое время между

министерством и дружиной. Мы занимали пост в конце Большой Васильковской улицы около так называемого Красного трактира. Мне с моим приятелем Сергеем де Виттом пришлось несколько раз патрулировать в этом районе фруктовых садов и огородов, но при этом мы ни разу не встретили противника — украинцев Петлюры. Конечно, благодаря дружине я редко бывал в министерстве, и это мне очень помогло, когда пришли украинцы. Насколько до самого крушения гетманского строя господствовало полное непонимание событий, можно судить по следующему. Известный киевский банкир и делец вел с моим отцом серьезные переговоры о назначении отца управляющим большой концессией в Туркестане, которую он собирался получить от правительства в Москве. Выбор его пал на моего отца, который был управляющим Мургабским имением и, естественно, считался первым специалистом по ирригации и культуре хлопка. Киев стал для бежавших с севера своего рода ловушкой. Падение режима гетмана и замена его национальным режимом Симона Петлюры не рассматривалось непосредственной 616 опасностью. Шовинисты сепаратисты украинцы открыто заявляли, что они ярые противники большевиков. Оптимисты среди русских уповали, что они сумеют оказать сопротивление большевикам. Поэтому, когда начался уход немцев, только лица, особенно выделявшиеся при гетмане, поспешили бежать на юг, в Одессу, Крым и Екатеринодар. Многие же легкомысленно остались в Киеве в расчете, что если и новые украинцы окажутся неприемлемы, то всегда удастся ретироваться на юг. В этом отношении они допустили серьезную ошибку. К таким оптимистам принадлежала и моя семья. Мы остались в Киеве. При Петлюре первым серьезным сигналом опасности для меня был арест членов тайного кабинета при Афанасьеве. Валуев, Крылов и Пашенный оказались за решеткой в Лукьяновской тюрьме. Мне отчаянно повезло. Поскольку я большую часть времени проводил в кирпичевской дружине, я не попадался на глаза украинским чиновникам министерства на улице Терещенко, и они обо мне в свою тайную полицию не донесли. Громадной ошибкой, конечно, была переоценка военных сил Петлюры. Без особого сопротивления большевики в течение января и февраля 1919 года заняли всю Украину. В это время бежать на юг было невозможно, потому что поезда вообще не ходили. В феврале украинцы Петлюры без сопротивления сдали большевикам Киев. К чести украинцев нужно сказать, что перед своим уходом они выпустили из Лукьяновской тюрьмы своих политических заключенных. Это спасло моих друзей по службе в Министерстве иностранных дел Гетмана. Этот новый опыт с властью большевиков при анализе лишь много лет спустя доказывает, какими политическими младенцами мы были. Например, мы с Пашенным, не размышляя, согласились стать членами антикоммунистической организации, созданной инженером Палибиным. Правда, никакой революционной деятельностью не занялись и через две недели узнали, что Палибин был

арестован и немедленно расстрелян. Весной 1919 года весьма популярный доктор Юрий Ильич Ладыженский, ставший известным потом в Женеве после процесса Конради как организатор антибольшевистского союза, создал в Киеве Политический Красный Крест. Целью его была защита политических противников большевиков в их учреждениях. Тем временем ЧеКа, обосновавшись в богатом особняке на Екатерининской улице в Липках, начала действовать всерьез, арестовывая старожилов-киевлян и расстреливая их. Участие в этом Красном Кресте было прямым вызовом для ЧеКа. И все-таки мы по глупости, Пашенный, граф Михаил Нирод и я, пошли работать к Ладыженскому. Это продолжалось немногим более двух месяцев, и мы чудесным образом уцелели. У ЧеКа явно хромало осведомление. Я ушел из Креста из-за того, что в нем мы работали без вознаграждения, а надо было жить и для этого зарабатывать. Без большого труда я нашел службу в финансовом учреждении, наследнике гетманской кредитной канцелярии. Но весьма быстро повторилась орловская история. Регистрация военнослужащих и мобилизация в Красную армию. На путях ловления пришлось идти в штаб 12-й советской Красной армии, и тут я столкнулся с явлением, которое при последующем анализе привело меня к убеждению, что оно обеспечило победу красных в Гражданской войне. Штаб 12-й армии помещался в том же особняке Терещенко, в котором я работал при Гетмане. Личный состав штаба состоял из русских штабных офицеров во главе с командиром бывшим генерал-лейтенантом Семеновым и его начальником штаба генерал-лейтенантом Давыдовым. Начальники отделений оперативного и разведывательного и их помощники также были строевыми офицерами императорской армии. При первой встрече я сразу же нашел общих знакомых по Орлу и Петрограду. Большевистская прослойка была поначалу незаметна, 617 хотя

Семенов делил власть с членом Реввоенсовета Республики Покровским, а контролировал их разведывательное отделение, куда я попал, комиссар Кирильчук, довольно добродушный коммунист украинец. Меня приняли как переводчика, хотя я не знал ни украинского, ни польского, а только немецкий и французский, которые, конечно, в работе штаба не были нужны. Все мои сослуживцы в отделении, как и я сам, принадлежали к категории, именуемой большевиками «контра», и это было тем явлением, которое дало в конце концов победу большевикам. Троцкий сумел организовать Красную армию и дать ей победу в борьбе против белых благодаря помощи кадрового офицерства. Но целиком возлагать на офицеров всю вину, может быть, и нельзя. После того, как в конце 1917-го и в начале 1918 года старая армия разошлась, офицеры вернулись к своим семьям. К лету 1918 года по всей Европейской России была установлена советская власть. Пробраться на юг или за Волгу было весьма трудно. Офицеры оказались перед тяжелой альтернативой. Брать с собой семью в своем бегстве и переходе через охраняемые рубежи почти никто не решался. По существу, приходилось оставлять семьи на произвол судьбы, с риском, что они подвергнутся преследованиям, когда большевики установят исчезновение их глав. Толчком было объявление регистрации и призыва. Мне кажется, что две трети офицерского состава остались в пределах, занятых большевиками, малодушно выжидая, как повернутся события, и по призыву пошли в Красную армию. Саботировать ее боевые операции решались, может быть, только единицы, большинство же исполняло свои обязанности. Этим я хочу сказать, что если допустить невероятное — что все офицерство сумело бы пробраться в те районы, где начиналось военное сопротивление большевикам, пополнило бы ряды белых и лишило бы большевиков помощи как специалисты военного дела, — то, может быть, к осени 19-го года белые дошли бы не только до Орла, но и до самой Москвы. У Троцкого, правда, был еще козырь в руках. Новая власть была поддержана унтер-офицерскими кадрами в армии. А нужно признать, что строевые фельдфебели, вахмистры и старшие унтер-офицеры в знании военного дела далеко превосходили офицерскую молодежь, только что спешно испеченных прапорщиков, корнетов и поручиков. По своим знаниям и опыту эти старослужащие могли с успехом заменить прежних командиров в чинах полковников и генерал-майоров. Такие унтер-офицеры, как Буденный, Тимошенко, Рокоссовский или Жуков, пройдя академию Генерального штаба, превратились в выдающихся военачальников. Служба в армейском штабе имела для меня громадное значение. О положении на фронте советские газеты Киева упорно молчали. Служа в штабе, я был прекрасно и непрерывно ориентирован в неудачах Красной армии, которая катилась на север под ударами белых. С тогдашней беззаботностью я устно информировал о положении людей разведывательной организации «Азбука» и одного

человека из тайной польской разведки. Весной 19-го года мне пришлось побывать на митинге в большом Киевском театре. Выступал Троцкий и с безграничным пафосом говорил о победном шествии мировой революции. Поводом было провозглашение в Венгрии коммунистической республики во главе с Бела Куном. Как полагается, красный трибун не считался с правдой, заявляя: «Войска нашей Красной армии широкой волной вливаются в Венгрию». В тот второй год большевистской власти обе стороны — властители и мы, их противники. — набирались опыта. Большевики собирали информацию, расследовали прошлое каждого, а мы, противники, продолжали камуфляж, применялись к условиям и ловчили. Я забыл упомянуть, что еще в месяцы, когда Киев находился в руках украинской Рады, произошел трагический случай, мотивы которого так и остались невыясненными. Я уже упоминал, что А. В. Сливинский 618 во время войны против Германии был начальником штаба кавалерийской дивизии, которой командовал граф Келлер, один из наших выдающихся кавалерийских начальников. Под самый конец правления гетмана Келлер в сопровождении своего адъютанта полковника Пантелеева приехал в Киев и жил у Сливинских на Левашевской улице, где в то время жили и мы. При приходе украинцев Келлер и Пантелеев переселились в другое место. В одну из ночей в декабре они возвращались домой и у памятника Богдану Хмельницкому были встречены патрулем. Из кого он состоял, так и не удалось выяснить. Тут же на месте они были расстреляны. Осталось неизвестным, что было причиной — политическая расправа или грабеж. При большевиках мои родители и я переехали с Лютеранской (уж очень близко мы жили от ЧеКа) в церковный дом при Софийском соборе, в казенную квартиру управляющего делами собора Лузгина. Они сдали нам большую гостиную. Там я стал свидетелем того, что аппарат террора далеко еще не достиг

своей зверской непреклонности. Обитатели квартиры были однажды разбужены налетом чекистов с ордером на обыск у Лузгина. Допрос происходил в столовой, рядом с нашей комнатой, и, конечно, мы оделись и тоже пришли в столовую. Я имел нахальство показать свои бумаги из Разведывательного отделения Штаба армии, что произвело на чекистов явное впечатление. При этом они, несомненно, проявили большую наивность, потому что даже поверхностное лицезрение моей семьи сразу же должно было убедить их, что перед ними стоят явно выраженные контрреволюционеры. Еще удивительнее было то, что, просмотрев бегло какие-то бумаги Лузгина, чекисты его с собой не увели и не арестовали. Летом события стали развиваться быстрыми темпами. Добровольческая армия, несмотря на свою малочисленность, по широкому фронту шла на север и запад. На киевском направлении была взята Полтава, наметился удар на Бахмач, отрезающий Киев от Москвы. С другой стороны украинские части Петлюры двигались на Киев с запада. Их ядром были так называемые галерчики — кавалеристы генерала Галлера. Это были галичане, сохранившие выправку и дисциплину австрийской армии. Решительный момент наступил, когда по Штабу армии был отдан приказ готовиться к уходу в Чернигов. Надо было решить, как остаться в Киеве, не став подлинным дезертиром. Я пошел к комиссару нашего отделения Кирильчуку и заявил ему, что прошу откомандирования в строевую часть, так как считаю, что теперь надо защищать советскую власть с оружием в руках. Не знаю, какое впечатление на комиссара произвела моя патриотическая тирада, но он не возражал и приказал мне выдать приказ о назначении меня в распоряжение командира батальона, стоявшего в Дарнице за Днепром. Я туда отправился пешком через Цепной мост. В батальоне я нашел полный хаос, и сразу же мне удалось убедить адъютанта батальона сделать меня связным со штабом армии. Опять я получил документ, пропуск, дававший мне возможность вернуться в Киев. На следующий день я это и сделал. Весь вопрос сводился к расчету времени. Точно ориентироваться в событиях я не мог, утерев связь с Разведывательным отделением. Мое положение могло бы стать катастрофичным, если бы взятие Киева затянулось. Но на следующий день по возвращении домой рано утром мы проснулись от оглушительного грома: трехдюймовый снаряд галерчиков взорвался, попав в угол дома Софийского собора. Большевики ушли из города, не защищая его. Выйдя на улицу, мы увидели конный разъезд украинцев. Был солнечный жаркий день. Мы с родителями спустились на Крещатик и пошли на Печерск. Утром все это пространство города было «номенслэнд». На Печерске, наконец, мы встретили конную разведку одного из пехотных полков Добровольческой 619 армии. Командовал взводом мой приятель Женя Энден, офицер 4-го Стрелкового полка Императорской фамилии, а взводным у него был Николай Кврис, лишеист моего курса. Их окружала толпа киевлян. Идя на Печерск, мы одно

время шли с какой-то женщиной, плакавшей навзрыд. Сквозь слезы она нам говорила: «Вот вы счастливые, уцелели и идете встречать своих освободителей. А я — одна, моего мужа расстреляла ЧеКа». До четырех часов мы простояли на Печерске. Город был занят с двух сторон, с запада — украинцами, с востока — русскими. Несколько часов велись переговоры о совместном занятии города, но, очевидно, безрезультатно. Потом обе стороны дали приказ своим частям двигаться в центр города. Военные части спустились к Крещатику. У Городской Думы, куда мы вышли, возникла перестрелка между украинцами и русскими, но продолжалась она несколько минут, и украинцы стали отходить. Они оставили город и заняли позицию на реке Ирпене в 20 верстах от Киева. Русские за ними не пошли, и этот узкий проход остался ничьим. В будущем это спасло 9-ю советскую армию, находившуюся еще далеко к югу от Киева.

Соединись украинцы с русскими, она оказалась бы отрезанной от ухода на север. На самом деле она через два месяца свободно прошла через эту горловину между Ирпением и Киевом.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА. 1919 ГОД Через несколько дней я пошел в вербовочное бюро, открытое ротмистром Г. А. Доленга-Ковалевским Кирасирского Его Величества полка. Он приехал вербовать добровольцев для формирования 3-го эскадрона своего полка. Отзыв был отличный, он набрал свыше 120 человек, почти исключительно гимназистов и кадет. Меня он прикомандировал к полку, ему был нужен командир третьего взвода формируемого им эскадрона. Вскоре я расстался с моими родителями, которые поехали в Ростов. Я же поехал в большое село в Полтавской губернии Шарковщину, где формировался третий эскадрон полка и стояла его запасная часть. Это были счастливые месяцы для нас всех, противников большевиков. С фронта приходили радостные вести: на главном московском направлении взят Курск, а дивизии

корниловцев и дроздовцев волной катились к Орлу. Г. А. Ковалевский сам был киевлянин, выпущен из Николаевского кавалерийского училища летом 1913 года, сначала был прикомандирован к Лейб-Гвардии Кирасирскому Его Величества полку, стоявшему в Царском Селе, где в день полкового праздника 21 июня 1914 года Государю было угодно повелеть ему надеть полковую форму. Напомнил о нем Государю за обедом в этот день ротмистр нашего полка и флигель-адъютант Николай Александрович Петровский. Для Ковалевского это был один из самых счастливых дней его жизни. Молодым читателям моих воспоминаний это может показаться какой-то сказкой, но на самом деле эти чувства безмерного восторга и преданности Монарху были свойственны всей русской военной молодежи. Они были привиты ей в кадетских корпусах и военных училищах, особенно в славной Гвардейской школе — Николаевском училище. Верность долгу, верность присяге, гордое сознание служения Отечеству, честность, верность слову — вот были душевные качества, с которыми кадеты вступали в жизнь; и они могли похвастаться еще одной чертой характера — дружбой до конца жизни со своими однокашниками. Ныне, когда с последнего выпуска из Кадетского корпуса, просуществовавшего до начала Второй мировой войны в Югославии, прошло почти 50 лет, описанный дух доблести, чести и взаимной дружбы сохранился нетронутым и таким же, какой царил в дореволюционных выпусках 620 из корпусов. И этим объясняется, что и теперь, к концу 70-х годов, объединения кадет являются самыми крепкими союзами в эмиграции, несмотря на то, что их ряды быстро редуют из-за преклонного возраста и человеческой слабости. Вот таким воодушевленным кадетом и доблестным юнкером по своему душевному складу и был Ганя Доленга-Ковалевский. С доблестью прослужив всю войну в рядах родного полка, главным образом в третьем штандартном эскадроне, глубоко пережив трагические месяцы развала армии и выстрадав расформирование полка, он был в предельном воодушевлении в Киеве, набирая будущих кирасир для восстановления родного третьего эскадрона. Может быть, порыв воодушевления не был так силен у старших офицеров полка, к которым я явился по прибытии в Шарковщину, полковника Н. А. Петровского, кн. Н. М. Девлет-Кильдеева и А. П. Толмачева — уж слишком настоящая обстановка разнилась от той блестящей службы в Царском Селе до войны... Но зато у моих офицеров по эскадрону, корнетов Всеволожского, Пузыревского и эстандарт-юнкера Вальца энтузиазм был так же велик, как у командира эскадрона! Сам Ковалевский был очень доволен результатом, в его вербовочное бюро в Киеве пришло свыше 120 добровольцев. Но только уже в Шарковщине мы учили, что имели дело с молодежью почти без всякой военной подготовки. Было несколько кадет, но большинство было только что кончившее средние школы — гимназисты и реалисты старших классов. Многие из них никогда не ездили верхом. Все это были сыновья

решения старших друзей и комиссаров, которые по ним никогда не судили. Вероятно, все это были сыновья семей интеллигенции, и это было очень показательным при определении, в каком классе общества борьба против большевистской власти и коммунизма находила поддержку. В числе записавшихся добровольцами не было ни одного строевого солдата, хотя с окончания войны против немцев прошел всего год с небольшим; не было и рабочих, и только очень небольшое число студентов. Шарковщина была большим украинским селом, и, судя по чистым хатам с горницами, деревянными полами и даже мебелью, крестьяне были состоятельны. Без особого труда вновь прибывшие были размещены на постой. Но опять и тут было заметно одно очень прискорбное явление: между жителями села и чинами полка была полная отчужденность. Крестьяне нас не замечали, но и наша молодежь не делала никаких попыток к сближению, к откровенному разговору, к обмену мнениями. Что же касается нас, офицеров, мы общались с жителями через денщиков и вестовых. Только много лет спустя, размышляя о причинах нашей неудачи, я понял, что в этой отчужденности уже таился приговор нам. Народ не был на нашей стороне и занимал выжидательную позицию. Само собой разумеется, никто из крестьянской молодежи Шарковщины не пошел к нам добровольцами. Мы начали спешное обучение наших новых кирасир. Погода стояла чудная, обучение строю на большой площади в середине села вселяло бодрость и уверенность. Надо было вновь сформированный эскадрон посадить на коней, которых пришлось реквизиовать у крестьян. Комиссия назначила день привода лошадей в нашей волости. Тогда мне не пришло в голову, какой процент крестьян не отозвался на вызов комиссии, это тоже было бы показательным в смысле отношения к власти, установленной Вооруженными силами Юга России. Крестьяне покорно принимали мало что стоившие денежные знаки Добровольческой армии. Во всяком случае нужное количество лошадей — свыше ста — было получено, и

конский состав оказался очень хорошим. Началось обучение эскадрона по-конному. Вооружение кирасира состояло из винтовки (которой он мог пользоваться спешенным) и шашки, главного оружия в конной атаке. Кроме того, первый ряд эскадрона был вооружен пиками. 621 Нужно сказать, что обучить пользованию пикой наших юнцов было делом совершенно безнадежным. Для правильного владения этим оружием нужны были сильные люди и настоящие кавалеристы, а наши молодцы еще совсем нетвердо сидели в седле. Для того, чтобы правильно рубить шашкой, существовало упражнение — рубка лозы, т. е. тонких ивовых прутьев, вставленных в деревянную стойку на высоте предполагаемого конного противника. По очереди кирасиры переходили в галоп и должны были вытянуть шашку вперед и рубить лозу верхней третью клинка. При острой шашке лоза срезалась легко. Но достаточно было опоздать на долю секунды и ударить лозу нижней половиной шашки, как лоза только ломалась и не срезалась. Пики были только обузой для наших кирасир. Только через год, уже в Таврии, я знаю один случай, когда наш киевский кирасир Сахновский пикой ранил советского пехотинца. Единственно в стрельбе из винтовок удалось добиться удовлетворительных результатов. Коренные офицеры моего полка переживали счастливые минуты. Они восстанавливали родной полк. По статуту до революции полк, как и все три остальных полка Первой гвардейской кавалерийской дивизии — Кавалергарды, Конный полк и Кирасиры Ея Величества, — имел в строю 4 эскадрона. К осени 1919 года по мере движения из Крыма наш полк сформировал Эскадрон Его Величества, 2-й эскадрон, и наконец мы формировали третий. Помимо этого, на фронте была наша пулеметная команда, а в Шарковщине запасная часть. Как же было не радоваться старшим офицерам! В запасную часть удалось включить и духовой оркестр одной из гимназий, если не ошибаюсь, из Екатеринодара. Это дало возможность за дружеской беседой господ офицеров после обеда вечером в торжественных случаях, как в добрые старые времена, выпить бокал вина под бравурные звуки хора трубачей и благодарить дирижера, учителя музыки, который ходил у нас под кличкой «Капельдудкина». Один такой вечер остался у меня в памяти на всю жизнь. Это было, когда старший полковник Н. А. Петровский прочитал нам почто-телеграмму, полученную с фронта от общества офицеров двух эскадронов, согласно которой я был принят в полк. Володя Пузыревский побежал домой и принес мне пару полковых погон, которыми я тут же заменил мои погоны общей кавалерии. Потом, уже в эмиграции, выяснилось, что я был последним офицером, надевшим форму нашего полка. В сентябре пришло радостное известие о блестящих действиях нашего лейб-эскадрона под селом Британами, в Черниговской губернии, в атаке на башкирскую красную бригаду. Этот период нужно считать расцветом наших надежд. Прежде всего налицо были успехи белого оружия, во-вторых — особенно для старших офицеров

Всего налицо были успехи советского оружия, во-вторых, особенно для старших офицеров гвардейских полков, — гордое сознание, что они восстанавливали родные полки. Ведь наш дивизион теперь имел уже три эскадрона в строю и входил в состав Сводного полка Первой Гвардейской кавалерийской дивизии. Кавалергарды, Конногвардейцы и Кирасиры Ея Величества тоже имели по три эскадрона, но в полку могли держать только по два, да и то на фронте полк состоял из 8 эскадронов вместо полагающихся по дореволюционному регламенту четырех. Правда, осенью 19-го года дивизион Кирасир Ея Величества действовал в отделе и воевал в тылу с красными отрядами партизана Шубы. Сводным же полком на фронте командовал кавалергард Д. Корсиковский, которого мы, молодые офицеры, за его воинский порыв звали «неистовый корсиканец». Бригадой, состоявшей из двух сводных полков Гвардейской кавалерии Первой и Второй дореволюционных дивизий, командовал кирасир Ея Величества генерал-майор Данилов. В свою очередь эта бригада входила в состав кавалерийской дивизии, начальником которой был кавалергард 622 Миклашевский. Другой дивизией, входившей в состав 5-го кавалерийского корпуса, командовал генерал-майор Ингерманландский гусар Барбович, один из выдающихся кавалерийских начальников. Командовал корпусом генерал Юзефович. Я подробно описываю состав этого военного соединения с целью показать, что в Добровольческой армии образовался центр притяжения гвардейских и армейских кавалеристов, по убеждению монархистов, открыто считавших, что они борются за реставрацию. Почти без исключения они были помещиками и не скрывали, что их целью является также и восстановление помещичьих прав на землю. Поэтому неудивительно, что их отношение к крестьянам в районах, которые занимали наши части, было не дружественное, а скорее враждебное. Если не ошибаюсь, в конце сентября пришел приказ нашему третьему эскадрону присоединиться к действующему полку и заменить наш лейб-

эскадрон, уходивший на отдых. Наш эскадрон был переброшен железнодорожным эшеленом в район Кролевца. Участок, на котором действовал наш полк, был второстепенным фланговым в отношении главного направления на Орел. Стояло чудное «бабье лето», и боевые действия скорее походили на маневры в мирное время. Там я получил задание глубокой разведки в направлении на Шостку, в которой издавна были большие военные пороховые заводы. За моим взводом в том же направлении должна была выступить бригада генерала Данилова. Через несколько часов я подошел с моим взводом к защитному городку Воронежу (не смешивать с большим губернским городом того же имени). Так как противника не оказалось, я его с моими 12 кирасирами занял, послал наблюдателей на колокольню, с которой хорошо были видны Шостка в трех верстах и открытая полевая дорога к ней. Из расспросов жителей выяснил, что Шостка занята советской пехотной бригадой и несколькими сотнями кавалеристов, о чем я донес Данилову. На следующий день наша бригада попыталась атаковать Шостку, но была отбита сосредоточенным огнем советской пехоты и тремя или четырьмя батареями. Пришлось отойти за Воронеж. Другой военной операцией для меня была посылка моего взвода в глубокую рекогносцировку за 40 верст с целью выяснить присутствие противника в большой слободе Марчихиной Буде. Она была уже в Севском уезде Орловской губернии. На этот раз мы на полпути натолкнулись на советский разъезд и вступили с ним в перестрелку, в которой был ранен в живот один из моих кирасир. Его удалось отправить на реквизированной телеге местного крестьянина, в сопровождении другого кирасира, за 50 верст в ближайший полевой лазарет. Бедный молодой гимназистик скончался там через несколько дней от перитонита. За отсутствием пенициллина тогда ранения в область живота почти всегда кончались смертью. Это было первым напоминанием для моих новичков, что война — не шутка. В Марчихиной Буде мы побывали, но противника в ней не оказалось. Это был самый северный пункт, которого мне удалось достичь в нашем наступлении. Сохранилось и меланхоличное ощущение возвращения в родную губернию. В середине октября мы продвинулись в г. Глухов. На эти полтора месяца наш эскадрон, как, впрочем, и другие эскадроны нашей бригады, не обслуживался обозами, да их, в общем, и не было. Жили мы за счет «благодарного населения», как цинично называли такое снабжение наши старшие офицеры. Квартирьеры высылались вперед, выбирали лучшие дома для постоя офицеров и кирасир, а вестовые и денщики, попав в деревню или село, немедленно устраивали ловлю гусей, уток и, в крайнем случае, кур. Так мы питались за счет населения, уж не говоря о хлебе и молоке. В каком-то районе вблизи Глухова наши кирасиры установили наличие у баб очень нарядных черных нагольных 623 тулупчиков и начали их отбирать. Выпал снег, начались морозы, и побитые ветром пшеницы вынуждали солдат самим позаботиться о

стал, начались морозы, и подбитые востром шинели вынуждали солдат самим позаботиться о теплой одежде. О помощи нашего интендантства не было и речи. Вот все эти мелочи рисуют определенную картину взаимоотношений между населением и частями Добровольческой армии. Я хочу подчеркнуть, что настоящих грабежей и изнасилований не было. На моей памяти было несколько расстрелов и повешений местных коммунистов из солдат-дезертиров, которых выдавали местные жители. Только позднее, когда вместо младенческого задора стали приходить в голову более серьезные мысли, я понял, что именно такого рода поведение по отношению к крестьянам таило залог нашей неизбежной неудачи. Никто из участников Гражданской войны с белой стороны не понял, что суть гражданской войны совсем не та, чем в войне с другими государствами. В ней борьба оружием играет второстепенную роль, первую играет борьба идеологий. Красные это прекрасно понимали и целиком использовали идеологическое оружие. В любом занятом ими месте они развертывали яростную пропаганду, не стесняясь выдвигать самые заманчивые и лживые лозунги. У них было и то преимущество, что заманчивые обещания преподносились населению что называется своими людьми, теми же сыновьями крестьян и рабочих. С нашей же стороны даже не было самой простой попытки объяснить народу, за что мы боремся. Генералы, возглавлявшие белые силы, были беспомощными политическими неопитами. Единственно, что они могли придумать, это был лозунг созыва Учредительного Собрания, которое все разрешит. Если крестьяне спрашивали, что будет с помещичьей землей, агитатор Освага отвечал: «Учредительное Собрание решит». Само собой разумеется, что крестьяне не имели никакого представления о таком учреждении. Большевистские же агитаторы сразу били по этому единственному и ничего не говорящему доводу с нашей стороны. Им было достаточно сказать, что Учредительное Собрание уже имело место и было без сопротивления разогнано матросом Железняковым. Наша пропаганда могла вестись двояко: фронтовым частям должны были быть приданы чины Освага — центрального пропагандного учреждения. Их задачей было бы созывать в любой деревне или селе, которое мы занимали, сход и разъяснять народу, за что мы боремся и почему население должно нас поддерживать. За полтора года моего пребывания на фронте я таких пропагандистов ни разу не видал. Мысль о том, что необходимо вести идейную борьбу, не приходила в голову нашему военному начальству. Его поведение было чем-то средним между карательной экспедицией и занятием враждебной территории, без повальных репрессий против мирного населения. Как обстояло дело с активной идейной пропагандой в новых формированиях Добровольческой армии, в их военных основах — дивизиях корниловцев, дроздовцев, алексеевцев и марковцев, — сказать не могу. По существу, они боролись с большевиками, отстаивая демократию, и этим определенно отличались от нас, восстанавливавших императорские части и бывших откровенными реставраторами. Но я никогда не слышал о том, что и в этих частях существовал хорошо организованный пропагандный персонал. По мере продвижения вперед высшее командование должно было позаботиться об организации гражданской администрации. При маневренной войне и наличии партизанского движения по тылам организовать гражданское управление на местах было явно невозможно. Слабые попытки, которые в этом направлении предпринимались, только убеждали население, что наступающие белые — реставраторы. Так, например, высшее командование и состоявшее при нем правительство в 1919 году последовательно назначало курским губернатором А. С. Римского-Корсакова, орловским — Ф. Д. Свербеева и даже, в порядке 624 анекдота, тульским — моего отца, хотя из Тульской губернии был к моменту общего наступления занят только один Новосильский уезд. Для обывателей оставалось полной тайной, как эти губернаторы должны были устанавливать твердый порядок в своих губерниях, какой создавать полицейский аппарат. Мой отец три месяца был заведующим продовольственной частью при киевском генерал-губернаторе А. М. Драгомирове. Для начала управления Тульской губернией он в Киеве нашел только чиновника для особых поручений. Наступила зима, и наш полк сделал своей базой город Глухов. Меня откомандировали в штаб полка в качестве временно исполняющего обязанности адъютанта при командире полка полковнике графе Бенигсене. Со своей обязанностью я справлялся с грехом пополам. На фронте было затишье, хотя на главном московском направлении, несомненно, произошел решающий психологический перелом. Гражданская война, несомненно, доказывала, что военный порыв ограничивается определенным сроком, по истечении которого он выдыхается и иссякает даже без поражений. Здесь, конечно, играет роль и сознание непосильной задачи: в нашем случае — расширение фронта с каждым шагом на север и

сознание непосильной задачи. В нашем случае — расширение фронта с каждым шагом на север и сознание недостаточности наших сил. Под самый конец нашей стоянки в Глухове я сдал обязанности адъютанта ротмистру Безобразову, вернувшемуся из отпуска, и присоединился ко второму эскадрону нашего дивизиона. Мой третий эскадрон действовал в отделе. Это дало мне возможность принять участие в кавалерийской атаке. Советский батальон повел наступление редкими цепями из соседнего села Слоута на Глухов. Цепям противника надо было преодолеть версты три до околицы города. Они медленно шли по довольно глубокому снегу. Два эскадрона нашего полка пошли в встречную атаку. День был серый. На далеком фоне темных перелесков виднелись отдельные темные фигурки солдат, медленно шедших нам навстречу, ложившихся в снег и, судя по доносившейся трескотне, выпускавших по нам обойму или несколько выстрелов. Из-за глубокого и рыхлого снега мы тоже двигались довольно медленно. Со мной случилась тут постыдная история. Моя лошадь попала передними ногами в глубокую рытвину, спрятанную в заносе. Я не успел осадить ее поводом, и мы вместе полетели через голову. Соседние кирасиры бросились ко мне, считая меня первой жертвой. На самом деле падение было, как на перину. По мере нашего наступления противник растерялся. Перебежки прекратились, и, наконец, когда мы были совсем близко, советские солдаты повернули и побежали к околице села, сбиваясь из цепи в толпу. Нам удалось окружить их до входа в село. Они стали бросать винтовки. Несколько человек из них было убито кирасирами, имевшими револьверы. Мы взяли 113 пленных, которых под конвоем погнали в Глухов. Я задерживаюсь на этом случае, так как он представляет собой военно-юридический казус в ведении Гражданской войны. Тогда никому из нас и в голову не приходило думать об ответственности, которую мы принимали, решая судьбу этих пленных. А с ними произошло следующее. Они поступили в ведение нашего коменданта города Глухова,

гвардейского полковника. Через два или три дня пришел приказ о спешном очищении нами Глухова, которому угрожал заход с тыла красных. Комендант был человек решительный, гнать и кормить пленных при отступлении он не мог, движение по железной дороге прекратилось. Недолго думая, он приказал всех пленных расстрелять. Полэскадрона, который был в его распоряжении, на эту задачу хватило. При отступлении, при боях с наступающим противником, большого внимания на этот случай не обратили. И только через много лет в эмиграции этот инцидент подвергся обсуждению и вызвал резкое осуждение со стороны нескольких прямых участников тогдашней военной кампании. 625 В гражданской войне точное определение правового положения гражданского населения еще более усложняется. Военные действия ведутся сторонниками двух различных политических идеологий. Они являются не только военными в форме, но еще в большем проценте штатскими, зачастую действующими в помощь военным частям своей стороны. Практически перед участниками гражданских войн ставится вопрос — в какой мере можно рассматривать такого рода штатских врагами наравне с военными? Вспоминая о нашей атаке под селом Слоутом, я подумал о следующем противоречии. Никто не будет оспаривать, что одной из главных задач воюющих является убийство противников. Поскольку участие в войне считается исполнением патриотического долга, казалось бы, участники должны гордиться числом убитых врагов и у них в памяти должны запечатлеваться все детали такого рода столкновений. На самом деле, однако, я устанавливаю, что за мою долгую жизнь, невзирая на сотни самых откровенных разговоров со своими боевыми товарищами, эта тема убийства врагов на войне никогда не затрагивалась. Никто не рассказывал, сколько он убил людей и как. Я помню, что я в шуточной форме, уже здесь в Америке, спросил милейшего коллегу по школе Петра Петровича Зубова: «Петр Петрович, сколько Вы убили в боях противников?» Хочу пояснить, что Зубов пошел на Первую мировую войну против немцев вольноопределяющимся Кавалергардского полка и за свою доблесть заслужил до производства в офицеры полную колодку — 4 солдатских Георгия. Потом в армии генерала Юденича он командовал единственным конным полком Юго-Западной армии. Уже в Америке Петр Петрович, будучи глубоко верующим, из года в год собирал до 100 000 долларов для Владимирской духовной академии, добываясь субсидий у американских обществ. Нужно было видеть круглые от изумления глаза Зубова при моем вопросе. «Конечно, никого!» — прозвучал его ответ. Вернусь, однако, к Слоуту и опишу один момент, свидетелем которого я стал. Красноармейцы, как я уже сказал, бежали по глубокому снегу к селу, смешно прыгая и проваливаясь в снег. Остался и не бежал один рослый парень в полушубке и черной кожаной фуражке с красной звездой. Он бросил винтовку, сдернул ремень, расстрелял патроны. В руках у него

фуражке с красной звездой. Он бросил винтовку, очевидно, расстреляв патроны. В руках у него был наган. Мы с одним унтер-офицером из конногвардейцев скакали к нему. Мой сосед вложил шашку в ножны и вытащил парабеллум. Он был ближе к комиссару, но я слышал хлопки выстрелов из его нагана. Когда конногвардеец был уже в нескольких шагах от комиссара, у того револьвер дал осечку. В этот же момент я услышал выстрел парабеллума. Фуражка комиссара взлетела на аршин в воздух, а повыше переносицы на лбу расплылось кровавое пятно. Он сделал два падающих шага назад и упал в снег мертвым. Это подсакивание головного убора при попадании в голову мне живо вспомнилось десятки лет спустя, когда я в американском журнале смотрел фотографии расправы с чиновниками Батисты. На фотографии был шеф полиции, и за ним шел коммунист Кастро. Снимок был сделан в тот момент, когда коммунист выпустил пулю из револьвера в затылок полицейскому. И вот у него тоже взлетело прямо вверх на аршин канотье, точно так же, как под Слоутом фуражка комиссара. Вернувшись еще раз в штаб полка, я нашел телеграмму от отца. Он с матерью вернулся из Ростова в Киев, собирается уезжать и спрашивает, могу ли я приехать на несколько дней. Граф Бенигсен дает мне отпуск. Путешествие от Глухова до Киева в товарных вагонах с рядом пересадок занимает три дня. Особенно изводит, когда паровоз ползет на подъем, все тише и тише, и ты, лежа на полу в темноте, гадаешь — вытянет или не вытянет? Если нет, то это новая проволочка в несколько часов. 626 Родители уезжают через три дня в Одессу и дальше в Новороссийск. Все мои розыски через штабы, где находится мой полк, ни к чему не приводят. Из Глухова он ушел и, очевидно, влился в общий поток отступления. Что все-таки значит молодость и еще нетронутая нервная система! Мы вовлечены во всеобщую катастрофу, предвидение будущего ограничивается двумя-тремя днями, а в пути — таким же количеством часов. С двоюродным братом Аликом решаем ехать с моими

родителями в Одессу и искать полк с юга. Отцу отведен товарный вагон. Его заполняют служащие Продовольственного отдела при штабе генерал-губернатора Киева. Путешествие до Одессы длится 32 дня, туда мы попадаем на Рождество. Удивляться нечему. В вагоне мы сталкиваемся с врагом, давшим осенью 19-го года победу большевикам, — вшами и сыпным тифом. Они почти целиком разгромили белую рать. Первым заболевает Алик. В Кременчуге помещаем его в госпиталь и, по существу, оставляем на произвол судьбы. Но вечером, в том же Кременчуге, за ужином в вокзальном ресторане я чувствую такой предсмертный холод-озноб, который врезается в память на всю жизнь. На узловой станции Знаменка меня кладут в железнодорожную больницу. Родители не бросают меня и остаются в Знаменке. И вот тут в течение 15 дней судьба решает вопрос — погибнуть всей семье или нет. Прежде всего, все основания предполагать, то отец и мать тоже заболеют. Но главное, того и гляди Знаменку займут большевики и, конечно, поспешат ликвидировать таких врагов народа, как тульский губернатор и кирасир Его Величества. Но, представьте себе, по милости Божьей мы преодолеваем этот критический период. Мой тиф не был особенно тяжелым, и я почти не терял сознания. Через 15 дней нас принимают на бронепоезд, и мы опять начинаем движение на юг. Через несколько дней я в состоянии помогать команде поезда грузить дрова на тендер. Вот тут мы оказываемся в тупике. В глубокой лощине речонка. На том берегу магистраль на Одессу. Но один из быков моста взорван, и наши военные инженеры возводят из шпал и бревен высоченный бык, на который натягивают уцелевшую ферму. Ждем дня три окончания работы. Удастся перевести паровоз, хотя все сооружение качается и грозно и отчаянно скрипит. Бронированные платформы с орудиями, каждую в отдельности, перекачиваем на руках. Они легче паровоза. А после этого пассажирские вагоны уже не представляют собой проблемы. Канун Нового года встречаем с родителями в Вознесенске в купе первого класса и распиваем раздобытую бутылку вина. На следующий день мы уже в Одессе. Один из рискованнейших периодов нашей жизни преодолен. Живем в Лондонской гостинице две недели, дожидаясь отплытия «Саратова». Он переполнен до отказа, удастся получить три сидячих места на диване за обеденным столом в кают-компании. Приходим в Севастополь. Любопытно, как в молодости упрямо отказываешься считаться со всей ненормальностью жизненных условий и упорно играешь комедию нормальной жизни. С Графской пристани упрямо идешь в Океанографический музей — мы не беженцы, а туристы! Ночью в Феодосии я схожу с «Саратова» и расстанусь с родителями. Они едут дальше в Новороссийск. Увижу я их опять только через 11 месяцев в г. Нише, в Югославии. В Одессе я выяснил, где находится запасная часть нашего полка. Она стоит в колонии Окреч у станции

Грамматикино, на железной дороге Джанкой — Владиславовка. В 5 часа ночи схожу с поезда на пустынной маленькой станции, справляюсь у дежурного. Надо только перейти пути, там ряд одноэтажных домиков, стучу и попадаю в комнату Всеволожского из моего эскадрона. Даже есть свободный диван. Сергей радостно кричит: «Мемка! А мы думали, тебя уже нет в живых!» Еще одна страница жизни переворачивается. 627 ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА. 1920 ГОД Начался последний этап моего участия в Гражданской войне. Грамматиково представляло собой крохотный поселок у железнодорожной станции, ряд небольших одноэтажных домов, вытянутых в один ряд вдоль путей, ни кустика, ни деревца, никакого хозяйства во дворах. Зато колония немецких колонистов Окреч в версте от Грамматикова, равно как потом Аблеш, которую мы, кирасиры, сделали своей штаб-квартирой на весь 1920 год, производила на нас глубокое впечатление. В ровной степи эти колонии были настоящим оазисом. Вдоль улицы стояли большие кирпичные дома с подвалами, по несколько комнат в каждом. Во многих домах были паркетные полы. Служебные постройки во дворах поражали своей солидностью. Вдоль улицы были асфальтовые тротуары, и все селение было в густой тени садов и аллей. В полуверсте от Аблеша лежала убогая татарская деревенька, состоящая из глинобитных мазанок под соломенными крышами, в которые можно было войти, лишь пригнув голову. Вокруг них не было признаков хозяйства, только пыль и грязь. Такую же бедность и запустение мне пришлось увидеть еще раз в жизни через полвека в испанской эстрамадуре по дороге из Бадахоса в Севилью. Такие же мазанки, ни кола, ни двора, и на рыжеватом безграничном фоне необработанной степи на горизонте сделанная из досок громадная фигура быка для корриды. Крымская же степь в 20-м году являла громадную разницу жизни пришельцев — немецких колонистов, богачей-помещиков — и нищих татар, то есть основного населения, а также убогое

существование русских поселенцев. Возникал вопрос, неужели за полтора столетия, со времен Екатерины, немецкий пример не оказал никакого влияния на коренное население этой части Крыма? Грамматиково было возвращением для нас к разбитому корыту. В 40 верстах к югу был тот Ак Манай, с которого мы начали ровно год тому назад наше победное шествие к северным пределам Черниговской губернии. Наша запасная часть сумела отойти с Шарковщины прямо в Крым. На запасном пути в Грамматикове стоял ее эшелон из 36 вагонов. Был товарный вагон с небольшой платформой, ступеньками и дверью, в вагоне были окна, и он был обставлен несколькими стульями, столом и двумя топчанами для сна. Это была штаб-квартира заведующего хозяйством полковника Заботкина. Содержимое других вагонов хранилось в тайне, но ликвидация этого имущества дала нам возможность летом обернуть денкинские «колокольчики» в массивные американские золотые доллары, которые после эвакуации в начале эмиграции, несмотря на ограниченность суммы, были спасительным эликсиром при первых шагах в новой жизни. Здесь я должен дать объяснение. Читателю может показаться, что наша запасная часть при отступлении занималась грабежом. На самом деле она вывозила вполне законно товар, не желая, чтобы он достался врагу. Мне могут возразить, что такая военная добыча в Крыму не могла принадлежать одной войсковой части, а должна была быть передана правительству. Со слов полковника Заботкина я знаю, что это и было сделано, и в порядке соглашения с интендантством нашей запасной части причиталась только часть из реализации всего товара. Никаких нарушений закона не было. При этом я хочу предупредить читателей. В дальнейшем повествовании о моей жизни им придется столкнуться с описанием юридических положений, которые могут вызвать у них сомнения в их допустимости. Устранить такие положения с жизненного и делового пути не было возможности, особенно если учесть наше положение эмигрантов. Можно было вообще о них умолчать, но тогда картина была бы неполной и на ней остались бы белые пятна. Конечно, могу вас заверить, что их было очень немного, но они были настолько характерны, что без них не удалось бы составить ясное представление о нашем бытии. До приезда генерала Врангеля из Новороссийска крымским участком фронта командовал генерал Слащев. Войск у него на Сиваше у Перекопа и Танганаша не было. И велика была оплошность красных, что они в январе и феврале не заняли Крыма, оставив нашей армии, отходящей через Кубань в Новороссийск, последний клочок русской земли, откуда мы смогли опять начать наступление. Слащев назначил нашего полковника Николая Александровича Петровского командующим гвардейским отрядом. Под его командой от корпусов и дивизий гвардии остались: одна рота, взвод кавалерии, наша пулеметная команда и два

полевых орудия. Петровскому с громадным трудом удалось в марте вырваться из красного окружения. Положение было безнадежное. Спасти его могло только чудо или собственная пуля перед пленением. В этих боях пал наш офицер, командир пулеметной команды, маркиз делли Альбици. Его мать была русская, но сам он вышел, очевидно, в отца. Это был настоящий итальянский кондотьер, брютет, красавец, громадного роста, силач. Мне казалось, что он был прямым подобием венецианского полководца Колеоне, чья конная статуя в латах высится на одной из площадей Венеции. Он был настроен трагически, ждал смерти и в ее преддверии вкладывал всю свою страсть в жаркую любовь к молодой русской женщине, жившей в Грамматикове. Его тело не удалось вывезти с поля битвы, и горе этой женщины было так велико и неподдельно, что до конца жизни резко врезалось в мою память. Пришли к нам горькие вести и о бое под станицей Егорлыцкой, где были убиты наши офицеры — старший Кучин и Алеша Черкасский. Все говорило за то, что нашей вооруженной борьбе с красными приходит определенный конец. Ведь когда удалась эвакуация нашей армии из Новороссийска, то в Феодосии с транспорта сошли и прибыли вместо трех эскадронов нашего полка всего несколько взводов по несколько рядов. Помимо потерь в боях, тиф косил наши силы, и люди оставались в больницах по пути. Те счастливы, которых везли в обозе, а их за недостатком места было немного, переносили болезнь лучше, чем лежащие в затхлых больницах, так как они имели возможность днем дышать ледяным воздухом на дорогах. Замечательно все-таки, как сильна нервная система у молодежи. Несмотря на перенесенный разгром, болезни, ранения, отчаянное положение и беспросветное будущее, у меня и у моих сверстников настроение было жизнерадостное. Я помню шумную попойку в Грамматикове, после которой мы хотели топить «Капельдудкина», дирижера хора трубачей, в каком-то пруду и подняли шум на весь поселок.

Командир полка Корсиковский посадил нас на три дня под арест на гауптвахту. Другое отношение к событиям было у старших офицеров. Г. А. Доленга-Ковалевский, командир 3-го эскадрона, был в полной прострации, в припадке фаталистического безволия. Еще в сентябре прошлого года он был полон энергии и самоуверенности, когда в Полтавской губернии формировал свой любимый третий эскадрон и потом повел его на фронт. Но за эти зимние месяцы все пошло прахом, и не было уже сил начинать все сначала. Надежда была на нового Главнокомандующего, генерала Врангеля. Я уже писал о том, что наши вожди, генерал Алексеев, Деникин, Драгомиров и другие, оказались не политиками и не поняли, что гражданская война выигрывается не силой оружия, а политическими лозунгами. В этой области они проявили полную неподготовленность. Но, кроме того, сказался, очевидно, и опыт войны с немцами. Война была окопной, неподвижной, маневра не было. А Гражданская война вся была построена на маневре. Постоянных фронтов не было. Победу 629 давал обход противника, молниеносное окружение, собственный прорыв из поставленной врагом западни. Генерал Врангель еще в июле 1917 года был назначен начальником 11-й кавалерийской дивизии, и на нем опыт окопной войны глубоко не отразился. У него были способности настоящего вдохновенного полководца. Он мог поднять дух войск, люди шли за ним и верили ему. Наша крымская кампания 1920 года осталась малоизвестной военным историкам, но она замечательна тем, что после сильнейшего разгрома, длиннейшего отступления, морской эвакуации генерал Врангель смог поднять остатки сил на новый победоносный поход, на выход в Северную Таврию, на выдвижение до Александровска. Победы давались нам летом 1920 года гениальностью задуманного маневра. Военные эксперты, изучая походы Наполеона, считают, что он свой военный гений больше всего проявил в зимней кампании 1814 года, когда он стремительностью маневра отбивал натиск немецких, австрийских и русских армий, во много раз превосходивших его силы, и бил их в боях под Бар ле Дюк, Бар сюр Об, Вошан, Шампо бер, Монтеро, Монмирай и Фер Шампенуаз. Такая же серия побед с крохотными силами давалась нам благодаря военному гению Врангеля, и имена Узкуев, Большого и Малого Токмака, Алексеевки, Константиновки, Мелитополя достойны войти в военную историю наравне с названными местами во Франции. Когда я думаю об этой блестящей кампании и сравниваю ее с кампанией Наполеона, хотя обе кончились поражением, передо мной встает картина баталиста Мейсонье «1814». В серой мути тусклого зимнего дня движется группа всадников во главе с французским императором. Его лик мрачен, он погружен в глубокую думу. И по аналогии таким же полководцем представляется Врангель, тоже главной фигурой на картине под названием «1920-й». Только вместо зимнего пейзажа на ней серо-бурая степь

Северной Таврии. Гениальный маневр приносит победу. Боевые части, высадившись в крымских портах, идут прямо на фронт. От Гвардейской кавалерийской бригады чуть ли не в 16 эскадронов остался полк в 6 эскадронов. Отдельные дивизионы из трех эскадронов сведены каждый в эскадрон неполного состава. Генералу Врангелю предстоит трудная задача назначить командира полка. Принимая во внимание старшинство полковников первой и второй дивизий, имеется очень много кандидатов с равными правами, но выбор крайне труден, так как может повлечь обиду у других. Поэтому последним командиром того, что осталось от императорской гвардейской кавалерии, назначается армейский гусар, полковник Генерального Штаба Сергей Николаевич Ряснянский. Я не попадаю на фронт, а исполняю обязанности адъютанта запасной части при полковнике князе Н. М. Девлет-Кильдееве. Жизнь в Аблеше привольная. Время от времени посылают в командировки. Один раз за американским обмундированием еду в Феодосию к американскому майору Тейлору. Секретарша у него была Ася Старицкая, хорошая моя знакомая по Орлу. Мне выдают 60 комплектов, больше, чем я ожидал и просил. Тут произошло недоразумение: Тейлор думал, что я получаю вещи для всего гвардейского полка, а на самом деле я хлопочу за запасную часть лишь одного эскадрона. Другой раз посылают в Джанкой, чтобы привезти оттуда из госпиталя нашего офицера Петю Максимова, лежавшего там в сыпном тифе. Еду в уже описанном вагоне. На носилках переносим Максимова в вагон: он без сознания. Потом хлопоты, чтобы вагон прицепили к поезду, идущему в Феодосию, и возвращение в чудный весенний день. На горизонте синеют горы, солнце сияет, в душе нет никаких забот. Началось наше наступление, и Северная Таврия занята нами. Власти объявляют мобилизацию призывных коренного населения. Военский начальник 630 присылает бумагу — такого-то числа забрать 29 новобранцев, предназначенных для пополнения нашей части. Это все парни из громадного села

Узкуи, имеющего репутацию гнезда разбойников. С двумя кирасирами я принимаю мобилизованных. На ночь приходится запереть их в сарай. Утром двоих не досчитываемся. Они ночью подкопали стенку и ушли. Но, как ни странно, оставшиеся до самого конца прослужили в полку и часть их даже эвакуировалась с нами. Но куда интереснее были командировки в Севастополь, что неизменно было связано с заездом в Ялту. Полковник Заботкин вручает мне толстые пачки «колокольчиков» и даже керенок. Задание — приобрести на них твердую валюту. В Севастополе у меня налажена связь с рядом агентов, между прочим с лицеистом В. В. Крыловым, моим бывшим сослуживцем по тайному секретариату министра Афанасьева в Киеве. Боюсь покупать бумажки, хотя бы они были английскими фунтами. Заказываю золотые доллары и французские луидоры. Приходится ждать, пока они придут из Константинополя. Севастополь полон знакомых и друзей. После завтрака в Морском собрании английские морские офицеры приглашают к себе на эскадренный миноносец — на дринок. Кажется, первый раз в жизни пью виски с содой. Но из этого двухчасового общения выношу убеждение в полном взаимном непонимании. Англичане смотрят на нас свысока. Стоянка в Севастополе им надоела, ведь война кончилась, их тянет домой, а тут их заставляют быть свидетелями внутренней драки русских, результат которой их совершенно не интересует. Поэтому и помощь этим русским весьма эфемерная, в лучшем случае — несколько френчей и башмаков. Оружия и боеприпасов не дают или пытаются закончить всю эту авантюру предложением помирить Врангеля с Троцким, пригласив их на Принцевы острова. Итак, наступило последнее лето нашей жизни на родине. Крым в 1920 году, особенно южное побережье — Ялта, Гурзуф, — был тем крохотным клочком, на котором очутились последние представители русского общества из Петрограда, Москвы и других больших центров. На этой пяди русской земли оставались еще немногие представители Династии, спасшиеся от казни большевиков. Государыня Мария Федоровна, Великие Князья Николай и Петр Николаевичи, Великая Княгиня Ксения Александровна с многочисленной семьей. Они жили в имениях Дюльбэре и Ай-Тодоре, и еще в 1919 году там была организована военная охрана, состоявшая из молодых гвардейских офицеров. Этим отрядом командовал георгиевский кавалер полковник Федотьев. Приспособляемость русских была изумительна. Несмотря на отсутствие настоящих квартир, скученность жизни, недостаток в питании, настроение было веселое. Развлекаться отпрашивались в Симферополь. Необходимость охранять упомянутые дворцы отпала, когда сестра Государыни Марии Федоровны вдовствующая королева Англии прислала за ней дредноут. Государыня настояла у англичан принять на борт несколько сот русских из Ее окружения, которые этим самым стали гостями короля

английского. Дредноут ушел на Мальту, где многие русские высадились, а потом в Англию. В Ялте средоточием последних остатков монархической России была гостиница «Россия». Она была населена целиком генералами императорской армии, которые числились в резерве Главнокомандующего и не могли получить назначения в действующие части, так как эти части были наперечет. Большой обеденный зал гостиницы «Россия» был в те три-четыре месяца 1920 года точной копией петроградской «Астории» и «Европейской» гостиницы. Не судите строго людей, доживавших последние дни на родине. Под защитой молодежи, героически дравшейся в степях Северной Таврии, они убивали время игрой в бридж и покер. Все свободные помещения Ялты были забиты до 631 отказа. Даже свитские флигеля в Ливадии были предоставлены в распоряжение привилегированных беженцев с севера. Я несколько раз летом приезжал в Ялту, и мы весело проводили время в компании молодых барышень, знакомых еще по Петрограду. Вместе с Таней и Софой Швецовыми, Надеждой Щербатовой, Мальцевой и другими мы гуляли, ездили в Массандру дегустировать вино, ездили в Дюльбэр к знакомым. Постоянным участником был и Стенбок-Фермор, влюбленный в Надежду Щербатову. Когда на далекое прошлое смотришь сквозь призму накопленного жизненного опыта, одолевает стыд за свою глупость и легкомыслие. Я уже писал, что высшим достижением щегольства был английский офицерский френч с переделанным воротником. Для дальнейшего подражания англичанам, и в первую очередь принцу Уэльскому, было необходимо иметь кизилую палку и небрежно опираться на нее при прогулке по набережной. Должен сознаться, что в один прекрасный день в Севастополе меня на улице встретил генерал Абрам Михайлович Драгомиров и разнес в пух и прах за распушенный вид. Тогда я обиделся, а теперь думаю, как мы в том возрасте сами не понимали всего трагизма нашего положения. Как ни странно, в Ялте в то лето никто не купался, и пляж

был пустынным. В Севастополе была допотопная деревянная купальня на прибрежных камнях, и в нее со второго этажа по лестнице спускались прямо в глубокую воду. Обыкновенно, возвращаясь из Ялты в запасную часть, я вечером укладывался на палубе, на юте небольшого грузового парохода, поддерживавшего сообщение вдоль берега Крыма. Со мной всегда была скатка казенного серого одеяла, а шинель, сложив, можно было положить под голову. И до сих пор помню блаженное чувство радости жизни, когда я смотрел на яркие звезды при плавной носовой качке парохода. В Феодосии утром до поезда всегда было время пойти на пляж и выкупаться. В августе пришел и мой черед отправиться на фронт. Гвардейский полк находился тогда в районе двух громадных сел по 5—6 тысяч жителей в Северной Таврии, Константиновке и Алексеевке. Я получил в командование взвод незнакомых мне солдат и, наконец, чуть ли не через год опять сел на лошадь. Беда была в том, что я сразу же схватил сильнейшую сенную лихорадку: из носа лился нескончаемый поток и никаких платков не хватало. От слез в глазах я почти ничего не видел перед собой. Положение было дурацким — не мог же я, только что прибыв, отпрашиваться в отпуск по болезни. Ночь на сеновале я почти не спал. Утром наш полк вошел в соприкосновение с неприятелем. У околицы села, примерно в полутора верстах, высились три белых дома немецких колонистов, это были отдельные близко стоящие друг к другу хутора. Они были заняты красной пехотной частью, как потом выяснилось, сибиряками, перешедшими в свое время от Колчака к красным. Перед домами они наспех вырыли индивидуальные окопчики, и, очевидно, рота их залегала в них. Кругом расстилалась ровная степь. Меня вызвал командир эскадрона и дал мне задание: «Берите пулеметный взвод кавалергардов и идите во фланг противнику. Когда выйдете на его высоту, идите к нему возможно ближе и откройте огонь по линии окопов». Опять-таки в подчинении моем оказались незнакомые люди. Несколько слов о самом взводе. Два пулемета «максим», установленные на заднем сидении крымских тачанок, рессорных пролетов немецких колонистов. Стрельба назад с тачанки. Номера в удобном положении — стоят на коленях на дне пролетки. На каждой тачанке — наводчик, второй номер и кучер. Тройка лошадей. Итак, нас было восемь человек — пулеметчики, я и мой вестовой. Слава Богу, мой насморк стал легче и не так мешал мне. Я повел взвод 632 рысью во фланг красным. Очень быстро мы вышли на высоту крайнего дома, примерно в версте от него. До сих пор очень ясно помню белую стену и только одно окно в первом этаже. Я знал одну беду при такого рода использовании пулемета. Хотя тачанки были рессорные, но их при езде по жнивью, и особенно пахоте, страшно трясло, и достаточно было патронам слегка сдвигаться в старых пулеметных лентах, как начиналась трагедия с заминками.

У меня был расчет, что хотя бы один пулемет сможет сразу выпустить длинную очередь во фланг окопу, и я подниму красных, а там видно будет. Надо было подойти ближе, и я поднял взвод в галоп. У меня все время была мысль: «Довольно!», но так как красные не шевелились, дурацкое удалство звенело в ушах: «Поближе, поближе!» Наконец, примерно в трехстах шагах от дома я скомандовал: «Налево кругом! Первый пулемет — огонь по линии окопов!» События разыгрались с такой быстротой, что я до сих пор не могу точно установить их последовательность. Первое, что я заметил, были два солдата в окне дома. Они открыли огонь из винтовок. Наш первый пулемет заклинило. Я вижу, как кучер опрокидывается с козел на землю и наводчик тоже ложится плашмя. Они были убиты выстрелами из окна. Я успеваю только скомандовать второму пулемету: «Огонь по окну!» Но еще до этого кобыла подо мной резко вздрагивает, я соскакиваю и вижу рану в ее плече. Почти одновременно меня, как палкой, сильно ударяет по левой ноге выше щиколотки и сбивает меня с ног. Из сапога бьет кровь. Тем временем второй номер на первом пулемете устранил заминку, и оба пулемета бьют всю по линии окопа. Окно молчит. Наш огонь поднял роту противника, и солдаты спешно бегут к домам, пытаясь скрыться между ними. Здесь, слава Богу, мы берем реванш: наши очереди ложатся в цель, и не один десяток красных падает, сбитый пулями. Остаться между домами им не удастся, так как с фронта их начинают поливать наши взводы, идущие в спешном порядке. На первом пулемете опять заминка. Красные начинают выбегать из-за домов на открытые гумна, и тут опять на короткий промежуток второй пулемет режет их очередями, пока опять не случается заминка. Как только наш огонь умолкает, красные останавливаются и начинают стрелять. Я тем временем влез в тачанку первого пулемета, стянул сапог и из-за сильного кровотечения перетянул ногу выше колена кожаным поясом. Вместе со вторым номером втаскиваем тело кучера в тачанку.

Слава Богу, лошади стоят, хотя кроме моей кобылы ранены еще две. Под огнем красных шагом начинаем отходить. Через версту добираемся до полевого медицинского пункта. Фельдшер делает мне перевязку, накладывает жгут, предупреждая: «Через час снимите». Самое замечательное: очевидно, из-за кровоизлияния от сенной лихорадки не осталось и следа. Меня перегружают в другую тачанку, мой вестовой садится на козлы, и мы пускаемся в дальний путь — в полковой лазарет в колонии Окречь, рядом с Грамматиковым. Это около двухсот верст, и мы делаем этот переход за три дня. Ночью останавливаемся в селах, но сплю я ночами в тачанке. Ранен я был 20 августа, стоит очень жаркая и ясная погода. Надо объехать Джанкой. Там опасный госпиталь: главный хирург без разбора ампутирует ноги и руки под предлогом, что «лечить нет времени». Так пострадал наш бедный Володя Пузыревский. Ему джанкойский мясник отнял ногу выше колена и исковеркал всю его дальнейшую жизнь. Валентин Тимковский тоже неосторожно попал в джанкойский госпиталь и, услышав, что хирург хочет и ему ампутировать ногу, на костылях и с наганом в руках, угрожая персоналу, выбрался из этой мясорубки. Моя повязка в первые часы пропитывается кровью, но потом, когда я снимаю жгут, который доставляет острую боль, кровавое пятно не увеличивается. Наконец, в Окрече попадаю в руки врача Захарова. За три дня развилась 633 флегмона, внутренний нарыв, и нога стала внизу как большое полено. Но мне везет. Пуля была японская, меньшего калибра, и пробила кость, не расщепив ее, а только порвала сухожилие. От этого лечение простое: каждое утро сую ногу в жестяной ящик от патронов, почти в кипяток. До сих пор помню неистовую боль в громадном нарыве, пока наконец на 12-й день не чувствую вдруг чудесное облегчение. Нарыв прорвался и заполняет ящик застоявшейся кровью и гноем. Лежим в маленьких комнатах дома немецкого колониста. Вечерами погружаемся в кромешную темноту: нет освещения. Но компания поддерживает настроение. Здесь Конного полка герцог Димитрий Лейхтенбергский, Герман Фермор, наш Сережа Вальц со страшной рубленой шашечной раной выше уха, через всю щеку, Володя Пузыревский. Мое пребывание в лазарете продолжается 42 дня. Выхожу оттуда на костылях, хромая, так как сухожилие срослось с кожей. В конце октября меня посылают в здравницу, устроенную в ялтинском имении княгини Барятинской Учам. Это последний русский дворец, который мне пришлось видеть. Все музейные вещи на стенах, в горках и шкапах. Старая княгиня получила казенные кровати, одеяла и белье и расставила все в своих гостиных. К тому времени я уже хожу с палкой. Наступают неожиданные холода. Последняя фаза нашей отчаянной борьбы заканчивается. После Рижского мира Троцкий перебросил свои войска с польского фронта, и теперь красные во много раз превосходят наши силы. А главное — замерз Сиваш, и позиции на

перешейках у Перекопа и Танганаша красные обходят по льду. Мы прижаты к морю. Но судьба к людям в Ялте оказывается несказанно милостивой. В пустынной гавани у пирса стоит маленький итальянский грузовой пароход «Корвин». Остается абсолютной тайной, что его сюда занесло. Наша княгиня отказывается взять свои ценности, кроме самого необходимого, но настаивает на том, что отвечает за казенное имущество, в первую очередь за одеяла, и требует, чтобы мы свернули их в баулы и взяли с собой для сдачи начальству. ПРОЩАЙ, РОССИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ Итак, наступили последние дни на родине. Здесь в Ялте они были совсем прохладные, серые, иногда с дождем, а за горами, в степи и у Сиваша, стояли сильные морозы. Это были последние дни октября по старому стилю. Ялта замерла и опустела. Многие выехали в Севастополь, так как в случае эвакуации Ялта стала бы ловушкой со своей пустой гаванью. Мы погрузились на «Корвин» вместе с княгиней Барятинской и казенными одеялами, которые она считала своим долгом сдать начальству, и одновременно оставляла в своем Учае ценнейшие вещи. «Корвин» был переполнен. Княгиню поместили в одной из немногочисленных кают; нам с Ермолинским удалось занять узкое место для лежания на открытой палубе у капитанского мостика. Мы помогли тут же устроиться Тане и Софе Швецовым и сестре кирасира Ея Величества — Гончаренко. Соседями были генерал Чекатовский с красавицей женой. «Корвин» простоял до сумерек у пристани, потом отдал концы и медленно вышел из ялтинской бухты. Для всех нас это был момент исторический, начинавший новый период жизни и, возможно, определявший все ее дальнейшее течение. При всей своей глупой самоуверенности я все-таки ощутил значительность момента, пробрался на корму и долго смотрел на темный силуэт гор, уходящих за горизонт. У самой воды, где-то там далеко, мерцали редкие огоньки Ялты. На всю жизнь память о подлинной родине-России сконцентрировалась в этих искорках света

береговых огней на непроглядно темном фоне берега и моря. 634 После роскоши Учама мы по молодости не особенно горевали, улегшись на одеялах и укрывшись другими, и должен признаться, что я эти ночи на палубе спал хорошо. Мешала только узость места, так что приходилось поворачиваться с соседями с боку на бок по команде. Очевидно, революционные катастрофы вызывают у ее жертв одинаковую реакцию — внешнюю душевную бодрость и просто комическую попытку поддержать прежние привычки. В парижской Консьержери, под угрозой ножа гильотины, процветали флирты и дамы усиленно следили за своими туалетами. Нам гильотина не предстояла, в будущем была полная неизвестность, но мы тоже глупо держали тон и днем между редкими приемами примитивной пищи усиленно играли в бридж. Нам везло, ветра и дождя не было, и к вечеру третьего дня мы вошли в Босфор и присоединились к «России на водах» на рейде у азиатского берега Моды, где бросили якорь все суда, успевшие уйти из портов Крыма и взявшие на борт около 280 000 военных разных частей и гражданских беженцев. Удача эвакуации объяснялась главным образом тем, что красные весьма осторожно двигались через горы из Симферополя к побережью, потеряв связь с нашими отступающими частями, и этим дали время для планомерной погрузки. Все наличие плавучих средств было использовано. Все баржи были взяты на буксир. Говорят, что даже старый броненосец класса «Потемкин» был использован как плавучее средство и с помощью буксиров отведен в Константинополь. С первого же дня стоянки в Моды торговцы-турки атаковали на своих яликах русские суда, предлагая съестное. Тут быстро выяснилось отсутствие денег у беженцев. «Колокольчики» и голубые 500-рублевки были у многих толстыми пачками, но турок они не интересовали. Обмен шел на мелкие золотые и серебряные вещи. Курс был, конечно, грабительский. На веревочке спускалось в ялик золотое колечко, по всей вероятности, связанное с трогательными воспоминаниями, а обратно тянули жареного цыпленка. Мне в этот период жизни, несомненно, везло. За месяц до эвакуации мой отец через знакомого прислал мне из Белграда 1000 немецких марок. Тогда это была хорошая валюта. Через свои спекулянтские связи в Севастополе я разменял марки частью на рубли, частью на турецкие лиры. И теперь на борту теплохода онигодились. Я безбожно торговался с турками на яликах на всех языках — немецком, французском и английском — и покупал турецкие лепешки-лаваши, винные ягоды, крутые яйца и даже раз цыпленка. На глазах у толпы любопытных поглощать все это для утоления собственного аппетита было нельзя, да и я сам охотно делился этими крохотными запасами с нашей компанией. На третий день стояния на рейде к «Корвину» подошел американский военный баркас, на котором я увидел майора Тейлора, того самого, у кого я получал обмундирование для

нашего эскадрона. Рядом с ним стояла его секретарша Ася Старицкая, которая впоследствии стала его женой. Тейлор, увидав меня, закричал: «Переходите на баркас! Мне нужен переводчик!» Выяснилось, что при разговорах с беженцами рождались недоразумения, и с судов крыли американцев такими матерными эпитетами, что использовать Асю как переводчицу становилось невозможным. Я сразу схватил свой рюкзак, оставил одеяла и, невзирая на протесты коменданта парохода генштаба полковника Дубяго, полез, держась за веревку, за низкий борт «Корвина». Насколько помню, мы направились к «Саратову», океанскому пароходу Добровольного флота. Все палубы на нем были битком набиты корниловцами или дроздовцами. Тейлор спросил через меня, что им нужно в смысле провианта. Ответ был естественный: хлеба, картошки, капусты и мяса. Тейлор пожал плечами. Очевидно, такой ответ он уже слышал и предложил молоко в порошке, американский сыр, плитки шоколада и, если не ошибаюсь, употреблявшийся уже тогда в первую 635 войну барбазоль — крем для бритья. В рупор ответили остроумной отборной бранью. Правда, такой отказ мы не всюду получали. На меньших судах, где были главным образом штатские беженцы с семьями, охотно брали американское добро. К вечеру я ступил на берег Константинополя. У меня был адрес Саши Куриса, нашего вольноопределяющегося, отпущенного после ранения и еще ранним летом уехавшего с матерью в Константинополь. Он даже нашел службу в знаменитом отеле турецкой столицы «Пера Палас». Гостеприимство Курисов было безгранично. У них было две комнаты, и в главной помещалось на полу одиннадцать вновь прибывших беженцев. Потом потянулись дни полного неведения о ближайшем будущем. Во дворе нашего посольства стояла густая толпа беженцев, питавшаяся слухами и ждавшая указаний. Но какие указания мог дать посол Чарыков? Наша судьба решалась высшим командованием союзников. Первой приятной весточкой было сообщение о

том, что нужно идти в голландское консульство. Королева Вильгельмина милостиво взяла нас под свое покровительство и приказала выдавать всем голландские паспорта для иностранцев. Как сейчас помню большой двойной лист канцелярского размера, на лицевой стороне которого во всю величину красовался голубой голландский государственный герб. Это было, конечно, внушительнее того маленького тоненького листочка, который нам выдали еще осенью в Крыму и который носил скромное название «Заграничный паспорт Правительства Вооруженных Сил Юга России». Должен сказать, что жизнерадостность нас не покидала. С увлечением мы превратились в туристов. Я сумел сберечь в рюкзаке мягкую шерстяную шляпу. На мне был английский плащ «бербюри» еще из Петербургского экономического общества. Нам был дан совет, поскольку мы уже по существу бесправно болтались по турецкой территории, снять погоны. Одним словом, я безболезненно превратился в подлинного английского туриста, щеголяя в чудных английских коричневых ботинках, из полученных мною за месяц для своих офицеров от С. П. Шатиловой, жены начальника штаба Главнокомандующего генерала П. Шатилова. Веселой компанией мы совершили несколько туров по Константинополю. Начали с Ая-Софии. Но на меня из всех мечетей произвела большое впечатление своей строгостью и угрюмостью Ахмедие, расположенная в конце громадного поля, бывшего византийского ристалища. Чудесной по своим мозаикам была мечеть Сулеймание. Учтите, что все мы были подлинными неофитами, потому что в наших гимназиях история Восточно-Римской (Византийской) империи, а тем более последующей Оттоманской, изучалась очень поверхностно. Что мы знали? Кодекс Юстиниана, отрывки из истории Вселенских Соборов и ересей Ария, несториан, иконоборцев, имена славных полководцев Нарзеса и Велизария. Другим слоем познаний были переживания при чтении таких авторов, как Лоти и, особенно, Клод Фарер. Герои его романа «Человек, который убил» были знакомы всей нашей компании, и мы даже совершили паломничество на одно из мест, где разыгрывался этот роман, в самом конце Золотого Рога, в небольшую, но чтимую мечеть в местечке Эйуб. У меня до сих пор стоит перед глазами мрачная безлюдная равнина, заросшая крапивой и чертополохом, у подножья цепи древних городских стен, защищавших Византию от нашествия варваров с севера и запада. Ведь эти укрепления были построены при императоре Феодосии в пятом веке. Это было преклонение и раздумье о древних и непонятных веках; а одновременно в нескольких десятках километров дальше за этой равниной была линия укреплений Чаталджи, последнего оплота турок перед натиском славянских союзников в 1912 году. 636 Во всех наших туристических походах был и интерес, и веселье, и дружба, и флирт, но было и одно узкое место... Нас одолевал голод, и, заходя в самые дешевые турецкие харчевни,

мы с мукой выбирали самую дешевую еду: какую-нибудь похлебку, жареную рыбешку длиной в указательный палец и кефир. В Константинополе я пробыл всего 11 дней, пока не пришла выхлопотанная мне отцом югославская виза. Точнее, тогда эта страна называлась Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев. На третий и четвертый день пребывания в Константинополе я на ялике поехал на транспорт, на котором эвакуировались офицеры моего полка как из боевого эскадрона, так и запасной части. Ялик сильно качало, и требовалась известная ловкость, чтобы вскочить на трап парохода в тот момент, когда волна поднимала лодчонку до его уровня. Это была грустная эпитафия к славной двухсотлетней истории полка, основанного Петром Великим. Мы разъезжались в разные стороны, прощаясь на рейде чужой страны, на фоне чуждых нам вод Босфора и Мраморного моря. Это было особенно тяжело для кадровых офицеров, вступивших в полк до войны и готовых прослужить в нем всю жизнь или даже в старости остаться при нем в Царском Селе. А здесь, на палубе торгового парохода, мы думали о создании общества офицеров, о том, чтобы поддерживать постоянную связь друг с другом и отмечать наш полковой праздник. На нашей ответственности оставались солдаты-кирасиры, небольшой эскадрон. Судьба военных частей еще не была решена. Вскоре их отправили в Галлиполи, и командовать кирасирами героически вызвался полковник Г. А. Доленга-Ковалевский. В дальнейшем я расскажу о их судьбе. И под конец нашего свидания мы разделили полковой денежный запас — золотые доллары, которые я летом предусмотрительно закупал в Севастополе и Ялте. Я не помню уже, сколько досталось каждому из нас. Мне, кажется, немногим более двухсот долларов. Я сразу хочу ответить тем лицам, которые сочтут, что мы делили русское добро. Русского добра не было. Оно было целиком отобрано большевиками. Красные рассчитывали, что белые бесславно превратятся в нищих бродяг за границей, и нашей задачей было доказать, что мы,

несмотря ни на что, выживем, не опустимся и по-прежнему останемся серьезным политическим их противником. Каждый из нас потерял из-за большевиков не одну сотню тысяч рублей личного имущества, и у меня ни минуты не было угрызения совести, когда я брал эти золотые монеты как микроскопический трамплин в будущую жизнь. Эта борьба за сохранение лица, за приобретение авторитета в совершенно новых условиях началась немедленно после приезда в Константинополь. Одна из наших молодых дам Вера Ивановна Фермор вышла замуж за французского командующего эскадрой адмирала Дюмениль. Ряд русских деятелей убедили американца Уэтмора открыть в окрестностях Константинополя «Роберт Колледж» — среднее учебное заведение, в которое поступили наши русские подростки. Образование давалось хорошее, и уже после Второй мировой войны я встречал воспитанников этого колледжа, делавших блестящую деловую карьеру. Публикация А. В. ШАХОВА

Е. И. Достовалов. О белых и белом терроре

Очерки Е. И. Достовалова / Публ. [и вступ. ст.] Н. Сидорова, И. Кондаковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 637—697. — Из содерж.: Достовалов Е. И. О белых и белом терроре. — С. 637—697. — [Т.] VI.

Архивные документы и литература дают скудные биографические сведения о Евгении Исааковиче Достовалове (1882—1938). Родился в Семипалатинской губернии в семье статского советника, воинское воспитание и образование получил в Сибирском кадетском корпусе, Константиновском артиллерийском училище и Николаевской академии в Петербурге.

Служил в Сибири, на Дальнем Востоке и на Кавказе. В русско-японскую войну Достовалов в составе действующей армии принимал участие в боях под Мукденом и Линшинцу, был награжден орденом святой Анны III степени и произведен в поручики (ЦГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 33860. Л. 1—4).

Первую мировую войну штабс-капитан Достовалов встретил в Восточной Пруссии. Последний его чин в Российской Императорской армии — подполковник, исполняющий должность начальника штаба 15-й пехотной дивизии

В Белом движении Достовалов участвовал с момента его возникновения. В 1918 году он с группой офицеров первый поднял восстание против большевиков в Крыму.

Во время Гражданской войны Достовалов занимал крупные посты в армиях А. И. Деникина и П. Н. Врангеля. К моменту ее завершения он — генерал-лейтенант, начальник штаба 1-го армейского (Добровольческого) корпуса, дважды раненный в боях (ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 6. Л. 313—314 об.).

После эвакуации из Крыма Достовалов некоторое время находился в Галлиполийском военном лагере, а вскоре уволился из армии. После отставки он начал работать над воспоминаниями*. Дальнейшая его судьба неизвестна, хотя есть сведения о возвращении его в Советскую Россию, где, по-видимому, он был репрессирован.

Воспоминания публикуются по подлиннику, хранящемуся в РЦХИДНИ (Ф. 71. Оп. 135. Д. 193. Л. 1—159). Публикаторами полностью сохранен авторский стиль.

О БЕЛЫХ И БЕЛОМ ТЕРРОРЕ

КЛАДБИЩЕ БЫВШИХ ЛЮДЕЙ

Вершина Олимпа стала розовой. Над малярийными болотами Вардара поднялись туманные утренние облака. Через час будет жарко и душно.

Выхожу из барака и, перейдя вонючий и грязный, окаймляющий лагерь ров, где догнивают павшие лошади,дохлые собаки и кошки, выбрасываемые из города, иду зеленеющим полем на работу.

Пока иду, есть время подумать о настоящем и будущем. О прошлом думать не стоит, а настоящее скверно и будущее тревожно.

Малярия в полном разгаре. Пол-лагеря лежит, а остальные перемогаются и в промежутках между приступами лихорадки ходят на работу или безнадежно ищут ее. Я тоже лежал два дня, но сегодня мне лучше. И надо идти, иначе уволят с работы. Наш лагерь особенный, отборный.

В нем около полутора тысяч русских беженцев, выброшенных революцией из России. Из них около 300 «надежных» казаков, остальные присланы

Врангелем по особому заказу королевы, цвет «Белого тыла», вдохновляющий на подвиги армию, считавший себя солью земли русской, опорой былой государственности и трона.

Но греческое правительство, за отсутствием денег, загнало белую аристократию в этот малярийный лагерь и о нем забыло. Среди прочих бывших генералов, бывших губернаторов, предводителей дворянства, князей и графов имелись у нас свои реликвии, вывезенные из России и еще не умершие от голода и от малярии: старик генерал Пржевальский, прогремевший своими победами на Кавказе, бывший командующий армией, служащий теперь ночным сторожем на одном из городских складов, и старуха Дурново, жена бывшего царского министра, потерявшая рассудок от нищеты, старости и отчаяния. По праздникам старуху выводят в лагерную церковь. Она считает свое пребывание в лагере временным, верит, что скоро уедет в Париж, и все болтает о старых министрах, сановниках, придворных, ожидающих ее в Париже, давно исчезнувших или превратившихся, как и она, в людскую беженскую пыль, развеянную по миру.

Беженский лагерь занимает бараки бывшего военного французского госпиталя. Бараки разрушаются. На ремонт их нет денег.

Зимой норд-ост продувает их насквозь. Выломанные окна завешены тряпьем или заколочены жестянками. и оттого внутри бараков темно.

Вокруг поля, болота и памятники войны — осыпающиеся, заросшие травой окопы и тысячи неизвестных солдатских могил.

Жизнь в лагере монотонная, скучная, наполненная с утра до вечера сплетнями, воспоминаниями, ожесточенной борьбой за паек и пособие и безумными, иступленными надеждами и мечтами на будущее.

Из газет в лагерь допускаются только «Новое Время» и черносотенные «Казачьи Думы».

Самые невероятные слухи и вести из России ежедневно передаются по лагерю, и в воспаленной, нездоровой атмосфере несбыточных надежд и отчаяния рождаются фантастические проекты новых походов на Москву. Появились маньяки и сумасшедшие. Число их быстро растет.

На прошлой неделе сошел с ума морской офицер-лейтенант. Его увезли в больницу, но три дня подряд, уже безумный, ходил он по лагерю и рассказывал об огромных богатствах, найденных им в своем бараке. Потом отправился в порт, потребовал шлюпку и, взобравшись на первый корабль, объявил себя его командиром.

Тогда же, почти одновременно, покушались на самоубийство безработный поручик, дроздовец, заставший свою жену в обществе богатого грека, и девушка, отчаявшаяся найти работу и не умевшая еще продавать себя.

А вчера старый генерал Веселовский, под большим секретом, сообщил мне о состоявшемся назначении его командующим фронтом в России, но каким — не хотел сказать, и вообще пока просил никому не говорить об этом — возможны интриги. Председатель ревизионной комиссии общества «Единение эмигрантов» неожиданно объявил о своем изобретении, с помощью которого можно уничтожить на 500 верст вокруг все живое. Он ждет приезда Врангеля, чтобы предложить ему это средство в борьбе с большевиками. Он же, по ночам, видел дьявола и вел с ним переговоры о визе в Сербию.

За твердость политических убеждений комендант назначил этого бесспорно сумасшедшего старика старшим в бараке.

Сошел с ума председатель монархического союза сенатор Савельев, прогнал доктора, лечившего его дочь от малярии, повесил над ее кроватью магический треугольник и запретил принимать лекарства.

Все чаще поговаривали о близком сумасшествии самого коменданта лагеря, кривоногого генерала Кирилова, в распоряжениях которого явно проглядывала ненормальность.

Развелось бесконечное количество спиритов. Главными медиумами считались бывший нововременец Гофштетер, два полковника, один художник и контрразведчик с подходящей фамилией Жохов. По ночам они собирались в пустых, заброшенных бараках и вертели столы до утра. Ежедневно освежали лагерь новостями из потустороннего мира: то убитый французский капрал заявил: «Бойтесь огня, воды и ветра». То Александр Македонский (почему-то особенно часто тревожили его великую тень) предсказал: «1923 год вернет вам утерянное».

А в лунные ночи на шоссе, что идет от лагеря в горы, можно видеть старика Гофштетера в обществе своих поклонников, молчаливо, часами стоящих с лицами, обращенными к луне, и простирающих к небу трясущиеся от лихорадки руки. Это спириты ловят «астралы».

Безумие и отчаяние надвигаются на забытый, заброшенный лагерь, где собрались изломанные, все потерявшие, беспомощные и озлобленные осколки старой России.

Понемногу забыла о «гостях» кооплева и не отвечает на просьбы Нелалекий самовлюбленный

полюсному заводу «Металл» королева и не стала на прощанье поджигать, самовольно русский консул Щербина, называющий беженцев «мои подданные», перестал показываться в лагерь. Уменьшается работа и сокращается паек.

А наряду с этой кошмарной фантастикой цепко и уверенно укрепляют свою власть спекулянты, лавочники и назначенная Врангелем администрация.

Народилась и крепнет лагерная буржуазия; лагерная власть заигрывает с ней и откровенно презирает остальных. Кроме лавочников и администрации, объявились и другие охотники поживиться мертвечиной.

Заходили по лагерю скупщики, за бесценок берущие последние одежду и вещи, вывезенные из России; появились свои и заглядывали из города сводницы, приглашавшие молодых беженков на доходную и легкую работу, гадалки и колдуны, обещавшие за драхму все, о чем днем и ночью страстно мечтали беженцы, и лагерная полиция, назначенная комендантом, стала откровенно брать взятки.

Развелось воровство и из лагеря перешло в город. Собственную нищенскую церковь уже обкрадывали два раза.

Жены пошли служить в кафе и рестораны и гордились успехом у греков, а мужья гордились заработком своих жен.

Разврат принял грандиозные размеры, и борьба с ним оказалась не под силу. Сама председательница дамского суда чести генеральша Б. была уличена в преступной связи с капитаном, похитившим ее любовь и бриллиантовые серьги, и дамский суд чести прекратил свое существование.

Днем и ночью играли в карты и пропивали последние гроши. Так много никогда, должно быть, не пили.

Жена лагерного священника открыла ресторан с крепкими напитками, и батюшка в рясе и с крестом стоял за буфетной стойкой, разливая водку пьяным посетителям. Его фотография в роли кабатчика ходила по рукам, и враги религии послали ее в редакцию погибшей «Воли России».

Окончательно спились моряки. Адмирал Иванов, в общежитии «Дядя Ваня» (открывшее под этим названием лавочку), объявил себя командующим русской салоникиской эскадрой и свой барак переименовал в «Гангут».

Два других барака, где жили морские офицеры, назывались «Мария» и «Три Святителя». Все сутки, по положению, на этих «кораблях» выбивались склянки и строго соблюдался «адмиральский час». Вахтенные на «Трех Святителях»

640

и «Марии» зорко следили за горизонтом и при появлении в районе барачков интересной беженки кричали адмиралу в рупор: «В море замечена шлюпка». Адмирал наблюдал «шлюпку» в бинокль и иногда отдавал приказание: «Спустить катер, захватить шлюпку и привести».

К двум часам дня вся эскадра была пьяна, и, если были еще деньги, «Гангут» в сопровождении «Марии» и «Трех Святителей» «выходил в море». Так назывались увеселительные прогулки по лагерю или в город.

В городе открылся оккультный русский кабинет, и полиция занялась ловлей продавцов «русского золота». Так назывались предприимчивые люди, продававшие наивным турчанкам и жадным грекам мелкие позолоченные колына, на которых они научились ставить пробу. «Последнее, что

...руками медные носовые платки, на которых она нашла следы крови. Последнее, что осталось — обручальное золотое кольцо жены».

Мечтали об открытии на шумевших в Константинополе «тараканьих бегов», подставляли проезжавшим автомобилям ноги, чтобы отдохнуть в госпитале и получить пособие за увечье, и тайно и явно интриговали друг против друга, сбивая и без того ничтожную заработную плату.

С каждым днем становилась труднее жизнь.

А из России шли тревожные вести.

Неурожай на Волге захватил обширные, богатые районы, но российское несчастье и голодная смерть, уносившая ежедневно тысячи русских людей, никого не трогали и ни в ком не вызывали сочувствия. Откровенно радовались затруднениям советской власти и мечтали о скором конце ее, восстаниях голодного народа и триумфальном возвращении домой. Спорили о будущих назначениях, пенсиях и чинах.

Бывшие коменданты, воинские начальники, приставы и прочая старая российская рухлядь, вывезенная Врангелем, оправившись от первого испуга, мечтали о расправах с мятежным народом и губернаторских постах в покоренной России. В самодельном театре-балагане пели патриотические песни, танцевали лезгинку и требовали «гимн».

В Союзе георгиевских кавалеров портрет бывшего царя украсили цветами и траурными лентами, монархисты собирали подписи под каким-то адресом и уговаривали беженцев кому-то «бить челом».

Все больше забывалась Родина. Помнили только себя и свои обиды. Все шире и глубже вырастала бездна, отделявшая бывших людей от живой, настоящей России, и быстро, физически и духовно, разлагалась и умирала родовитая, сановитая старая Русь. Могильные черви заплзали по ее разлагающемуся телу, и сквозь дырявые беженские лохмотья, не сдерживаемая ничем, хлынула грязная, барская муть.

Здесь, в этом лагере белых яснее, чем где-либо, обозначилась смерть старой России, и тяжелый запах тления шел от пропитанных малярией, безумием и развратом бараков.

Молодой офицер, работавший со мной, рассказывал последнюю спиритическую новость: «Александр Македонский сегодня ночью заявил о скором прекращении американского пайка». Возвращение на Родину по его же, Александра Македонского, словам откладывается до 1924 года.

А через неделю, проездом в Константинополь, в лагерь заехал Врангель. Он нашел все в блестящем порядке, лагерь — «лучшим из беженских лагерей» и обещал возвращение в Россию на днях. Было непонятно, кто врет: Врангель или Александр Македонский. Скептики утверждали, что оба.

Но «орлы»-интенданты, контрразведчики, полицейские, спириты и сумасшедшие приветствовали заявление своего «вождя» громкими и радостными криками.

В ИЗГНАНИИ

После эвакуации армии авантюризм и беспринципность Врангеля развернулись еще шире. В угоду союзникам мы занялись ликвидацией в Константинополе и в Галлиполи кемалистов. Почему мы, выброшенные из России, сами голодные и несчастные, занялись преследованием кемалистов — мне до сих пор непонятно. В Галлиполи ко мне несколько раз являлся начальник контрразведки корпуса, бывший в то же время и агентом Климовича и союзной полиции в Константинополе. Он просил штаб корпуса одолжить ему пулеметы для фиктивной продажи кемалистам. Платил он это по предписанию сенатора Климовича, который действовал по

кемалистам. делал он это по предписанию сенатора Климовича, который действовал по указанию штаба Врангеля и союзной полиции. Пулемет, конечно, не продавался, но на эту удочку ловились кемалисты, которых затем отправляли в тюрьму и там вешали.

Я категорически отказался выполнить это гнусное приказание и имел по этому поводу бурные объяснения. Но обошлись и без меня.

Когда французы стали угрожать галлиполийцам лишением пайка и собирались арестовать Врангеля, последний, не задумываясь, снова решил отыгаться на офицерах, которые чуть-чуть не были брошены в самую рискованную, самую печальную и безнадежную из всех его авантур. В случае приведения в исполнение французами своей угрозы, то есть ареста Врангеля, корпусу было приказано ночью «ликвидировать» галлиполийский гарнизон французов, перебить сопротивляющихся, захватить оружие, лошадей и имущество и двигаться походным порядком на Адрианополь.

Был подготовлен и написан приказ для атаки и указаны пункты, которые надо было пройти до рассвета, чтобы избежать обстрела французскими миноносцами. Было снято разведчиками все расположение французских войск, и некоторые командиры полков лично произвели разведку французского расположения. Кутепов объявил, что он идет в Адрианополь и далее в Болгарию, где он думает соединиться с болгарскими четниками, расположенными к нам хорошо и с которыми уже установлена связь.

Одновременно в Константинополе велись работы по подготовке восстания. Угрозой удара в тыл англо-французскому гарнизону предполагалось приковать его к Константинополю и дать свободу действия галлиполийскому корпусу.

Естественными союзниками нам в этой операции (удар по тылу французов и англичан) Кутепов считал кемалистов. Чтобы условиться о деталях выступления, Кутепов съездил в Константинополь к Врангелю. Руководителем восстания и для подготовки его был назначен полковник Самохвалов.

Вся затеянная авантюра ярко рисует типичные черты характера Врангеля и его полную неразборчивость в средствах для достижения намеченных личных целей. Раньше в Крыму, во всем завися от французов и ими поддерживаемый, Врангель завел у себя в Севастополе негласный германский генеральный штаб. Спасенный французами из Крыма, продолжая сам состоять на их содержании, решил устроить им «Варфоломеевскую ночь». Провоцируя и вешая кемалистов в угоду союзной англо-французской полиции, он предполагал опереться на них в Константинополе. Ведя переговоры о допущении нас на сербскую территорию, искал соединения с их врагами — болгарскими четниками. Удивляться однако этому нельзя. Это было естественным следствием начатой Врангелем еще на Кубани и продолжавшейся в Крыму лживой и всегда двойственной политики.

Французы приняли меры, пригрозив Врангелю, и не дали совершиться этой глупейшей аванюре, за которую опять-таки пришлось бы расплачиваться офицерам.

В приютившей армию Болгарии началась та же политика. С прибытием корпуса приступили к подготовке новой авантюры, которая имела целью изменить существующий государственный строй Болгарии и могла повлечь за собой весьма серьезные осложнения вообще на Балканах. Русская контрразведка занялась выяснением мест обширных тайных складов оружия и патронов, которые, по сведениям, имелись у болгар, укрытые от союзной контрольной комиссии. Этим оружием решено было воспользоваться с тем, чтобы при содействии местных консервативных партий произвести переворот в целях создания близкого к России плацдарма для развертывания сил будущей интервенции. Русские части предполагалось передвинуть и расположить вблизи этих складов, за которыми следовало вести тщательное наблюдение. Болгарам было трудно бороться с этим, так как они сами скрывали эти склады от Антанты. Гостеприимству болгарского народа и

правительства пришлось выдержать серьезное испытание.

Но и эта авантюра в конце концов была своевременно предупреждена болгарским правительством, и остатки врангелевской армии в Болгарии кончили свое существование.

Сейчас в Сербии вырабатываются планы новых авантур, предупреждать которые, пожалуй, не стоит потому, что они поведут к окончательному уничтожению разбойничьего белого тыла, заменившего рассыпавшуюся армию и группирующегося около Врангеля, где не осталось и следа идеологии первых корниловских добровольцев.

Так быстро шел процесс разложения и вырождения за границей Добровольческой армии, являя собой очередной акт трагедии русского офицерства.

В изгнании я имел возможность еще ближе познакомиться с вдохновляющим нас белым тылом. В Галлиполи я поднял вопрос о том, что необходимо нам точно выяснить, какова же наконец наша дальнейшая политическая программа. Из Константинополя доносились самые противоречивые сведения. Все стремились нас опекать и охранять от распыления и куда-то снова вести. Куда, зачем, во имя чего? Кто наши союзники: Махно, Петлюра, румыны, поляки или французы? Я был начальником штаба армии и этого не знал. В политическую мудрость и искренность наших верхов я уже не верил. В это время шел спор между Врангелем и представителями константинопольской «русской общественности» за право распоряжаться отпускаемыми для армии средствами и за власть, и Врангель писал высшим начальникам секретные указания о кознях Хрипунова и других. Кутепов, вернувшись из Константинополя, рассказывал о засилье женщин и о влиянии «бабьего царства» на Врангеля. Мне хотелось знать правду, и, посоветовавшись с Кутеповым и по его указанию, я послал двух офицеров в Константинополь с приказанием побывать всюду — и в ставке Врангеля, и в руководящих общественных кругах и выяснить наши цели и задачи на будущее. Один был профессор Давац, бывший общественный деятель, другой — с университетским образованием, полуштатский, полувойенный, просто толковый и умный офицер. Из доклада обоих вернувшихся офицеров мне совершенно очевидной стала картина полного сумбура, царившего в головах споривших за влияние в армии, хотевших куда-то ее вести и даже неспособных ясно и определенно формулировать свои намерения.

Давац выполнил миссию хуже и по обыкновению сделал глупость и прямолинейно заявил Хрипунову и другим, что «генерал Достовалов в вас сомневается».

Хрипунов обиделся, написал письмо Кутепову, обвиняя меня во враждебных отношениях к общественности. По этому поводу Кутепов заметил совершенно правильно, что не надо было такого дурака, как Давац, посылать. Результаты исследования дали, однако, довольно обширный материал для правильного суждения о том, в какие новые авантюры может завлечь снова армию и ее офицеров константинопольский белый тыл. Такой картины не могли дать ни наша официальная переписка, ни даже личные разговоры и лживая, допускаемая в Галлиполи печать.

Еще более увеличилась путаница в головах офицеров впоследствии, когда Врангель разослал свое письмо председателям офицерских союзов в эмиграции, в котором говорил, что армия должна быть вне политики, но что сам он убежденный монархист. Письмо было явно рассчитано на недалеких. Если Главнокомандующий — убежденный монархист, то как его армия вместе с ним будет поддерживать притязания республиканцев?

И еще много раз впоследствии белый тыл являл мне свое неумное и корыстное лицо. Месяца через три пребывания в Галлиполи я был послан в Грецию к королеве Ольге и королю Константину с просьбой принять часть армии и беженцев на территорию Греции.

И Константин и Ольга обещали свою помощь, Ольга даже расплакалась, жалела, что у нее мало денег, говорила о проданных ею браслетах для поддержания русского госпиталя и, когда я

уезжал, прислала своего адъютанта с длинным письмом, которое просила передать Врангелю и с которым просила ознакомиться и меня.

В этом письме королева сообщала сама и прикладывала к нему показания русских «зубров» о большевистской деятельности в Греции бывшего российского посланника Демидова и его жены и просила содействия для удаления Демидова из страны. Дело заключалось в том, что Демидов был хорош с Венизелосом и королева и придворные круги не могли ему это простить.

Ознакомившись с содержанием королевского письма, я, севши на пароход, выбросил письмо в море.

В Берлине генерал Келчевский рассказывал мне, что в Сербии к нему и генералу Сидорину явился Бурцев и уговаривал их примириться с Врангелем. На вопрос, заданный Бурцеву, разве он не знает, что за авантюрист Врангель, старый сыщик вынул из портфеля пачку бумаг и, потрясая ими, сказал: «Знаю, все знаю, вот здесь у меня есть такие документики, которые в один момент могли бы уничтожить Врангеля, но я этого не делаю. Важен не Врангель, важна идея». Но какая же это все-таки должна быть «идея», проводить которую Бурцев собирается при помощи Врангеля?

Я полагаю, что из опубликованного, далеко не полного материала, который имеется в моих руках, станет вполне ясным тот ужасающий моральный гнет, в котором приходилось жить русским беженцам на Балканах, где собрался весь субсидируемый цвет врангелевских героев и его контрразведки. Я не хочу подвергать врангелевскому террору своих друзей, но письма, которые я получаю от беженцев-офицеров бывшей врангелевской армии из Сербии и Греции, рисуют яркую картину разложения белого тыла.

Таких, как я, разочаровавшихся в эмигрантской идеологии и в идеях, защищаемых Врангелем и Бурцевым, много. Нас будет еще больше. На нас клеветают и нас ненавидят, потому что мы любим не Врангеля, а Россию и, убедившись в истинных целях, к которым стремятся теперешние балканские руководители, снимаем с них маски, ибо мы гораздо больше любим родину, чем Врангель и его друзья, продающие Россию французам, полякам и румынам за право владеть хотя бы одним княжеством московским.

На какие новые тяжкие и несмываемые преступления перед Россией увлекает он оставшуюся в Сербии совсем неопытную и юную русскую молодежь?

Какие новые унижительные испытания ожидают поверивших ему офицеров? И кто стоит во главе закабаленной на Балканах кучки офицеров и солдат?

Вот небольшая справка о нынешних ответственных руководителях врангелевской армии. Во главе всякой армии стоит генеральный штаб — мозг армии, направляющий, обучающий, внедряющий в нее руководящие военные, а теперь и политические идеи. Во главе генерального штаба врангелевской армии стоит сам барон Врангель — офицер генерального штаба. Его ближайший помощник и начальник всех офицеров генерального штаба армии — начальник штаба армии генерал фон Миллер. Непосредственный помощник Миллера и начальник над офицерами генерального штаба в пехоте — генерал фон Штейфон (о его «преданности» России говорил в своей лекции еще Пуришкевич).

И, наконец, начальник штаба, а значит, и руководитель офицеров генерального штаба в коннице — генерал фон Крейтер (организатор убийства Воровского — Полунин был при нем бессменным, прославившимся своими зверствами начальником контрразведки).

Эти «истинно русские люди» — барон Врангель, барон фон Миллер, фон Штейфон, фон Крейтер — и направляют политику армии, больше всего крича о своей тоске по кремлевским святыням, о поруганной православной вере и о верности союзникам (французам, румынам и полякам) до конца.

Но «истинно русское настроение» не ограничивается генеральным штабом армии. Разветвление «патриотического» генерального штаба идет дальше. Военным представителем Врангеля во Франции является генерального штаба генерал Хольмсен (русской службы), а врангелевским агентом в Германии тоже «русский» — полковник генерального штаба фон Лампе со своими помощниками фон Гагманом и Каульбарсом. И только два импонирующих полякам военных представителя Врангеля в Сербии и Греции, генерал Невадовский и Потоцкий, вносят диссонанс в эту однородную и хорошо подобранную компанию.

Зато удивительно гармонирует с подбором руководителей заявление «блустителя престола», промелькнувшее недавно в газетах. «Блуститель» приветствует инициативу офицеров врангелевской армии барона Корфа, барона Гейкинга и Бергмана, заявляющих о своем желании отчислять «в русский национальный фонд» часть своего скудного жалования.

Удивительно не то, что барон Корф, барон Гейкинг и Бергман жертвуют на «русский национальный фонд», а удивительно то, что до сих пор ни император Вильгельм, ни маршал Пилсудский не участвовали в этом «высоком патриотическом русском деле» и не жертвуют ни Врангелю, ни «блустителям», и только Керзон, Пуанкаре и католические патеры по мере сил поддерживают «национальный русский порыв».

Все эти истинно русские миллеры страшно религиозны и фанатически православны. Целый сонм попов, бежавших во Францию и Сербию, ревностно превозносят их святой порыв.

Помню, однажды, во время мировой войны, на одном из биваков в Восточной Пруссии я услышал разговор из соседней солдатской палатки. Говорил унтер-офицер, степенно выкладывая слушателям свои впечатления о Германии и немецкой культуре: «Одна только вера нас и спасает... А коли ежели посмотреть и сравнить ихний народ и наш народ — так наш народ одна сволочь...»

Но «истинно русских патриотов» не в состоянии спасти даже вера.

645

ЭМИГРАЦИЯ

На пятом году изгнания и на седьмом году революции ни единого проблеска не заметно в эмигрантской печати. В 1924 году все как в восемнадцатом, девятнадцатом, двадцатом...

Что это — обратившийся в привычку шантаж или действительно страшное, неизлечимое, как прогрессивный паралич, помутнение рассудка, проявление безнадежной болезни российской эмиграции, ничему до сих пор не научившейся и ничего не способной понять? Ослепли или притворяются слепыми эмигрантские верхи? Как просмотрели они этот уничтожающий, трагический для них сдвиг настоящей, а не лозаннской Европы? Поймут ли они, спекулянты лозаннской кровью, суровый приговор над собой или с упорством маньяков, не считаясь с мимо несущейся жизнью, упрямо и тупо будут повторять заученные семь лет тому назад слова?

Увы! Отрава прошлого, гипноз воспоминаний и стадная психология сильнее голоса рассудка. В процессе окаменения мысли, зашедшем, по-видимому, уже далеко, ничего неожиданного нет.

В нашей российской истории, в примерах былых массовых эмиграций мы найдем роковые грани того, к чему неизбежно и с каждым годом быстрее идет обезумевшая, ослепленная бессильной ненавистью зарубежная Русь.

Ослепило ее эмигрантское болото, высосало, обезличило, притупило, подчинило своим неизменным законам и, впитав все цвета эмигрантского спектра, смешало в один густой, безжизненный комок. Этот серый коверный комок, оторванный от России, блуждает и

безнадежно-серый комок. Этот серый человеческий комок, оторванный от Родины, будет жить еще долго, постепенно умирая для России, слепой, озлобленный, смешной и никому не нужный.

После седьмой неудачной переэкзаменовки в Крыму новая волна бывших русских людей расплескалась по берегам Босфора. И сейчас же, с мечтами о восьмой, властители старой России протянули молящие и жадные руки ко всем, у кого надеялись найти оправдание, сочувствие, поддержку.

Вспомнили и о бежавших из России от «гонения жестокой власти» казаках-некрасовцах, уже более 100 лет живущих в Турции. Послали в казачьи станицы своих представителей убеждать и просить и получили ответ. Врангель опубликовал его в приказе по «армии».

Когда я читал это послание казаков, более 100 лет оторванных от России, мне казалось, что время остановилось и старая Русь конца XVIII века встала, нетронутая, забытая и нелепая, со страниц этого удивительного, написанного старинным и странным слогом, письма. «Вы говорите нам, — писали люди XVIII века, — что вы так же, как и мы, бежали из России от гонения жестокой власти. Но это неправда. Мы бежали не от гонения власти, а от преследования своих же братьев казаков, ибо несть власти не от Бога и власти Российской мы повиновались всегда...»

Вдали от Родины, окруженные чуждым миром, который, однако, не посягал на их внутреннюю свободу, предоставленные самим себе, эти люди замкнулись в своем кругу и ревниво, на протяжении столетия, сохраняли свою, унесенную из России «правду». Сохранить эту «правду» в чистоте, уберечь ее от чужого, враждебного взора стало для них целью существования,

оправданием принесенных жертв и разлуки с Россией, и они сделались подозрительными ко всему, что могло зародить сомнение, поколебать их веру в святость и необходимость совершенного и творимого «подвига».

В Турции, в России, во всей Европе люди боролись, мучались, волновались. Менялся уклад жизни, и отношения между народами и правителями менялись. Рушились троны, гремели войны, как гроза, проносились революции,

646

и косматые волны народных восстаний мешали в кровавую пену властителей и рабов, вековые традиции и незыблемую, старинную правду.

А они все крепче берегли свои старые обычаи, осторожно и подозрительно осматривались вокруг, и боязнь надвигающегося, непонятного, нового пропитывала их нелепую, странную жизнь. Россия и весь мир жили своею жизнью, но что им было до мира и России? Какую связь они сохранили с родиной, что общего осталось у них с народом, из которого они вышли, плотью от плоти которого они были?

И тогда, впервые для нас, еще сидевших в Галлиполи, сквозь неясную завесу будущего резко и четко проступили роковые черты того, о чем мы не думали, когда покидали Севастополь, и о чем думать было непривычно и страшно. ...И невольно вспоминается другое. На практические занятия летом в 1910 году я вместе с офицерами Генерального Штаба попал в окрестности города Печоры. Работать пришлось на участке, где жили «полуверцы». Так называли крестьяне жителей нескольких деревень, русских, но не говоривших по-русски, носивших оригинальные белые одежды и живших своей замкнутой, обособленной жизнью. Давным-давно, когда строилось московское государство, русские цари, укрепляя свою западную границу, заложили здесь ряд деревень, населив их своими людьми. Потом граница отошла к востоку. Волна иноземного нашествия захлестнула русские пограничные деревни, и новые господа сделали все, чтобы вытравить в маленькой группе воспоминания о России. Бороться было трудно, и невольные эмигранты уступили. Они переняли язык победителей, их одежду, подчинились их законам, но сохранили в полной неприкосновенности все, до чего не коснулась или не хотела

касаться рука победителей — старые обычаи Московской Руси, древние обряды и свою православную веру. И по мере того, как уступали во всем, что наружно отличало их от хозяев или мешало последним, все упорнее и фанатичнее становилась их преданность старине, тому немногому, что осталось у них своего, внутреннего, тайного, как последняя гордость угнетенного и обезличенного народа, как последняя связь и воспоминание о Родине. Россия развивалась и крепла. Ее западная граница докатилась до Балтийского моря, и невольные эмигранты снова очутились в России. Но вернулись они в нее уже чужими. Новая Россия была им непонятна, и чувствовали они себя в ней так же, как чувствовали их прадеды в те годы, когда, оторвавшись от Родины, они были поглощены другим, незнакомым и чуждым народом. Но фанатическая преданность своему, тому, что сохранили они и пронесли через все испытания, осталась доньше. Остались и замкнутость, выработанная на чужбине, и верность древним воспоминаниям. И до сих пор, как живой анахронизм, как духовная мумия Московской Руси, они живут, чужие среди родного народа, своей обособленной жизнью и избегают сходиться с соседями. Русские крестьяне знают их историю, но русскими их не считают и называют этот столь претерпевший осколок Московской Руси презрительным именем «полуверцев». История нынешней русской эмиграции, конечно, не так длинна и печальна. Но общие роковые черты людей, оторванных от родного народа, уже начали проявляться. Этому способствует быстрый темп жизни в России и меры, предпринимаемые эмигрантскими верхами к тому, чтобы исказить и затруднить доходящие сведения о Родине. За три-четыре года русская эмиграция успела соорганизоваться и выработала свои меры защиты (газеты, контрразведка, террор) против проникновения 647 и распространения враждебных идей, идущих из Советской России. В Америке, в Париже, на севере Африки, на Балканах, в глухих закоулках Китая — повсюду образовывались эти человеческие комки — надежные кадры будущих «некрасовцев» и «полуверцев». Планомерная пропаганда «священного подвига» углубляет вражду. Какое дело вождям, спекулирующим белым товаром, что русский народ жаждет покоя и мира, что он устал от критики и Гражданской войны и что он не желает возвращаться к порядкам, лелеемым эмигрантами. Какое им дело до подлинной 130-миллионной России. Пусть с каждым днем углубляется пропасть. У них свое представление о России и своя, ими хранимая правда. Окаменелость взглядов и преданность исчезнувшим в России формам жизни отражается во всем. Постепенно искажается за границей русский язык. Об этом уже вопит на страницах «Руля» Яблоновский. Представления о задачах России или допотопно стары, или сумбурны и бесконечно противоречивы. Под влиянием обстановки и для удобства существования даже на дореволюционное понимание русской идеи все гуще ложится отпечаток страны, приютившей эмигрантов. И повсюду интересы России должны поневоле вуалироваться и искажаться в угоду взглядам хозяев, и вместе с широко распространяемой ложью в эмигрантских массах проскальзывают местные взгляды и местный патриотизм. Не приходится уже говорить о том влиянии, которое оказывает на массу эмиграции бесчисленное количество русских, особенно женщин, заполняющих все контрразведки мира, с особенной яростью служащих интересам оплачивающей их страны. Эмигрантская молодежь, воспитываемая в эмигрантских школах, уже искалечена. Она вернется в Россию (если вернется) совсем чужой. В Лозанне один швейцарец, прослушавший показания свидетелей защиты, говорил потом мне: «Безнадежные люди. Все показания их сводятся к воспоминаниям об обидах, нанесенных им в первые дни революции, и о современной России они, по-видимому, ничего не знают. Пройдет еще 10—20 лет. Ваша родина залечит раны, нанесенные ей Гражданской войной. Спокойная мирная и счастливая жизнь установится в России, а эти люди будут жить своими воспоминаниями и представлять себе Россию такой, какая она была двадцать лет тому назад. Для России они уже теперь чужие». Те эмигранты, у которых хватит здравого смысла и сил, чтобы бороться с засасывающим и мертвящим эмигрантским болотом, конечно, вернутся к своему народу. Чем позже, тем будет хуже для них. Но еще на долгое время в Европе и во всем мире останутся острова непримиримых, никому не нужных людей, острова мертвых, населенные выходцами с того света, как живой анахронизм, как историческая гримаса, и будет судьба их печальной и жалкой, и жертвенный подвиг их в глазах нового поколения будет нелепым и смешным. ПРЕКРАСНАЯ ГРЕЦИЯ Полное разочарование ожидает каждого, кто стал бы искать в современной Греции черты великого народа древности. Дух суровых спартанцев, блеск афинской культуры и ее изящество, по-видимому, покинули ее навсегда. В современной Греции нет ни больших

художников, ни великих скульпторов. Ее литература бедна и не дала ни одного великого имени. Долгая война не выдвинула ни одного талантливого вождя. Ее народные песни унылы и дики. 648 Среди балканских народов, в этом глухом закоулке Европы, она не хуже других. Но рядом с Европой и Россией это — все-таки Балканы, а древние величественные развалины, разбросанные повсюду, еще сильнее подчеркивают безвкусицу городов, ушедшую красоту и бессилие творчества, скованного равнодушием купцов и жандармов — нынешних повелителей маленькой страны. Но яркие краски юга, лилово-опаловые горы, море и теплый, всегда напоенный ароматом трав и цветов воздух — прекрасны. Три четверти Греции — горы. Горы безлюдны, красивы и дики. Население все сбежалось в долины. Там чинары, платаны, оливы, олеандры, кактусы, пальмы и прозрачные, холодные ручьи. Македонию и Фракию я прошел пешком. Рядом с зараженными болотами Вардара, окруженные осыпающимися окопами и бесконечными могилами, лезут в горы старинные башни Салоник. Город интернационален. Армия генерала Сарайля оставила здесь догнивающее имущество и могилы. Она проложила дороги в горах и провела водопровод. Русская революция выбросила сюда вымирающую от нужды и лихорадки беспомощную людскую плесень. Испанская инквизиция привела сюда толпы евреев. Их теперь около 60 тысяч, и вся торговля и все деньги в их руках. Яркими пятнами на улицах выделяются их национальные костюмы, с которыми не могут расстаться старики. Турки, греки, сербы, евреи и русские наполняют крикливой толпой улицы города, набережные в порту. В летние дни белая вершина Олимпа смотрит на город. Олимп пустует. Куда девались греческие боги? Остался один Гермес, но и у него дела идут, по-видимому, неважно. Об этом свидетельствует целый лес мачт стоящих без работы судов. Через залив, на конце одного из пальцев Халкедонского полуострова, высится другая святая гора — Афон, предмет возжеланий, мечтаний отчаявшихся в поисках работы беженцев. Но доступ в монастыри закрыт для русских. Железная дорога из Салоник в

Афины, огибая подножье Олимпа, то взбирается на лиловые, пахнущие вереском горы, то опускается в розовые олеандровые долины, и за окном вагона целый день качаются красивые силуэты гор. В Афинах все то же ласковое солнце, все тот же веками вздымающийся к небу Акрополь с застывшими в небе колоннами Парфенона. А внизу еще бурлящие страсти, мертвая зыбь взбаламученного людского моря, сознание бессилия, растоптанные надежды и горькое пробуждение маленького народа, взволнованного кратким миражем величия и славы. Мелькают потускневшие мундиры гвардейцев-эвзонов, широкие шаровары критян. Элегантные автомобили, элегантные туалеты. Договором, подписанным в Севре 10 августа 1920 года, началась эпоха авантюры. Упоение победами продолжалось не дольше, чем цвели розы в долине Казанлыка на Марице и на жарких берегах быстрых рек сонной Анатолии. Севрская сказка осталась опьяняющей грезой в памяти Греции. Все совершилось так быстро... После сентябрьского прорыва 30 апреля — 29 мая 1918 года — Мудрос. Еще через полгода пали форты Смирны, и зачарованная миражем Византии греческая армия бросилась в сумасшедшую анатолийскую авантюру. Азарт и борьба самолюбий заглушили предостерегающие голоса. На двенадцатом году непрерывной войны одного присутствия Константина на фронте оказалось мало. Не хватало людей, снарядов, денег и нервов. После изнурительно тяжелой борьбы в сентябре 1922 года последние остатки греческой 649 армии были сброшены в море ликующими полками кемалистов. Собравшись на острове Митилена, флот и полковник Пластирас с остатками армии готовились повернуть историческое колесо. Война отшумела. Выдохлась революция. Портреты королей сдираются во второй раз. Повсюду физиономия Венизелоса. Надолго ли? Болезнь величия кончилась. Отгорели сладкие, безумные мечты. Ранящей насмешкой вспоминается раздававшаяся два года назад на каждом перекрестке песня: Весь мир мы завоюем, Софию мы возьмем! Наступили серые будни. На всем серый след неудачной войны и серой революции. Настроение кислое, как греческое вино. В кафе как всегда сидят одни мужчины. Если присутствует женщина, то обязательно с мужем или с женихом. В Афинах в шикарном кафе можно встретить и одних гречанок, но в средних кафе и повсюду в провинции этого, не бывает. Если женщина пришла не с мужем или не с женихом, значит, она проститутка или иностранка. Женщина бесправна. Когда умирает муж, все имущество переходит к детям, а если их нет, к родственникам мужа. Муж не имеет права заранее составлять завещание в пользу жены. Это разрешается делать только в минуту смертельной опасности, и то с согласия священника и врача, которые должны при этом присутствовать. Когда умирающему суют в руку бумагу и жена со

слезами умоляет не заойть ее в завещании, а священник и врач изъявляют свое согласие его засвидетельствовать, муж должен понять, что расчеты с жизнью кончены. Если в умирающем теплилась еще искра надежды и вера в выздоровление еще поддерживала силы, в момент, когда ему вкладывают в руки перо, все кончено для него: иллюзий больше не существует. Бороться бесцельно, пора «опускаться на дно». Для женщины с болезнью мужа начинаются трагические дни. Несмотря на любовь к нему, она должна зорко следить, чтобы не пропустить минуты, когда надо появиться с бумагой, врачом и священником. Иначе ее на другой же день после смерти мужа выгонят из квартиры. Родственники заинтересованы в том, чтобы больной умер без завещания, и всячески стараются убедить жену, что муж ее не сегодня-завтра выздоровеет. Ей и самой невыгодно и опасно торопиться. А вдруг врач ошибается и муж встанет на ноги. Житья не дадут тогда ни родственники, ни муж до следующей «смерти». Никто не может запретить мужу бить свою законную жену. В Каламате, прелестном городке на юге Пелопоннеса, хозяин соседнего дома ежедневно избивал свою жену. Когда на дворе начинались крики, приходили соседи посмотреть на расправу и при каждом артистически нанесенном ударе говорили: «кала», то есть «хорошо». Бесприданница, как бы красива она ни была, никогда не выйдет замуж. Но самой безобразной девице с приданым замужество обеспечено. Приданое копят с детства и складывают его в сундуки. Сверху лежит опись вещей. Жених, прежде чем рассмотреть невесту, внимательно по списку проверяет вещи, критикует их, делает свои отметки и пишет, что и сколько надо добавить. Председатель социалистического клуба в Каламате Н., вполне интеллигентный человек, рассказывал мне трогательную историю своей первой неудачной любви. «Я очень любил ее и она меня тоже, — говорил он с чувством. — Я не представлял себе жизни без нее и мечтал на ней жениться. И я всего-то просил у ее родителей пятьдесят тысяч драхм, которые мне были нужны для 650 расширения моего дела. Мне обещали. Родители ее

очень богатые люди и могли дать во много раз больше. И что же Вы думаете? Когда дело дошло до расчета, они предложили мне только сорок тысяч. Вы можете себе представить — вместо 50 всего 40. Я с негодованием отказался и ушел, не простившись. А как я ее любил. Никогда уж так не полюблю больше». Гречанки очень добродетельны. Так же добродетельны, как и безобразны. Измена мужу — явление очень редкое. Поведение русских беженек вызвало у них бурный протест. Королеве и правительству посыпались петиции, подписанные греческими женщинами, с просьбой защитить их семейные очаги от покушения легкомысленных русских дам. Но гречанки волновались недолго. Через полгода увлечение греческих мужей прошло. В сильно потрепанном виде и с разбитыми мечтами вернулись русские дамы к своим мужьям. Теперь они в загоне и варятся в собственном беженском соку. Аналогичное явление, по-видимому, произошло во всем мире. Греки — практики, коммерсанты, любят устойчивость и солидность. Они сами сознаются, что их женщины выродились и ни с какой стороны не похожи на классических красавиц Древней Греции. Но поколениями вырабатывались привычки и вкусы. Современные греки расценивают красоту женщин по толщине ног. Ноги у гречанок самые толстые в Европе, к этому привыкли и по ногам определяют все остальное. Толстыми ногами гордятся. Лицом интересуются мало. Оно рассматривается как неизбежное приложение к ногам. Русские беженки не могли похвастаться ни ногами, ни приданым, и после краткой борьбы поле сражения осталось за греческими «Кириессами». Трудно сказать, что, кроме развалин и природы, замечательно в современной Греции. Музеи бедны. Все лучшее расхищено или продано и увезено в Европу. Едят греки скверно. Все жарится на противном оливковом масле. К греческой кухне сразу трудно привыкнуть. Вино отвратительное. Язык труден и некрасив, как женщины. Музыка дикая и пронзительная. Чем больше шуму и треску, тем лучше. В маленьких ресторанах и кабаках, на народных торжествах и на свадьбах любимые инструменты — зурна, барабан и шарманки, разбитые и расстроенные, как греческие финансы. Всякий, кто может держать в руках драхму, торгует. Торгуют крестьяне, офицеры, солдаты, министры, священники, жандармы... Душа современной Греции, плоская, практичная и скучная, вся во власти драхмы. Четвертая часть населения служит в полиции и в жандармах. У жандармов много работы. Когда меня и генерала Лазарева по ходатайству Врангеля выслали из Салоник в Каламату за «коммунистическую пропаганду», я познакомился в дороге со славным, добродушным турком Али. Двадцатилетним юношей в 1910 году уехал он из родных Салоник в Америку. За двенадцать лет многому научился, скопил деньги и, узнав о смерти отца, в 1922 году вернулся в родной город

позаботиться о матери. Недолго Али пробыл в Салониках. На третий день его схватили жандармы и повели на допрос. «Почему приехал? Где скитался? Почему 12 лет был в Америке?» В результате его сослали на Пелопоннес. Деньги отняли, имущество конфисковали. Теперь Али проклинает Грецию, с отчаянием думает о матери и страстно мечтает о возвращении в Америку. В Афинах в вагон привели поручика Л., задержанного на границе Сербии, куда он пробирался без визы, о которой безрезультатно хлопотал более года. Долго водили его по тюрьмам и, наконец, решили сослать на Пелопоннес. Там, за Коринфским каналом, этот «страшный преступник» будет неопасен. Но преступление 651 его было какое-то странное. Даже жандармы, сопровождавшие нас, не понимали, за что, в сущности, ссылают человека. Из Афин в Каламату выехали рано утром. За окном снова горы и ветреные морские дали. В полдень узкой черточкой мелькнул и отрезал нас от материка голубой Коринфский канал. К вечеру старший жандарм стал разговорчивее и показал бумагу, по которой мы отдавались под надзор жандармского отделения в Каламате. В списке, приложенном к этой бумаге, против фамилии Али было написано — «американский шпион», а против фамилии поручика Л. жандарм, подумав немного, жирными буквами выдал — «коммунист». Его жандармской душе были противны сомнения и неясность. ЗА ЧТО И КАК МЫ БОРОЛИСЬ Революция отнеслась к офицерам жестоко. Тот, кто уже может рассматривать этот факт в перспективе, быть может, найдет в нем известные исторические оправдания. Но мы, с первых дней революции и до конца ее объявленные врагами народа, которым нет места в строительстве новой России, не могли ни думать, ни рассуждать спокойно. Во главе всех контрреволюционных групп, поднявших оружие против большевиков, встали офицеры, предводительствуемые своими вождями. Уже в начале 1918 года в Москве и по всей России шла вербовка офицеров, отправлявшихся на Юг или в Сибирь для формирования армий Корнилова и Колчака. Когда стало ясно, что импотентная демократическая середина не

способна увлечь за собой Россию и массы от нее отходят, наступила пора действовать тем, кто стоял на флангах. Эти фланги все чувствовали и все переживали сильнее. И ненавидели они сильнее. Те, кто шли к власти, испытали долгие годы гонений и закалились в борьбе. Те, кто потеряли власть, испытывали теперь всю тяжесть гонений, и язык оружия был привычным и единственно понятным им языком. Так началась война сторон, где каждая была сильна волей и ненавистью. Отсутствие рутины, оригинальность мысли, ясное сознание поставленной цели давали большевикам огромное преимущество. Офицеры знали солдата, ими воспитанного и дисциплинированного, и его любили. Но суровые стены казармы допускали откровенность и даже нежность отношений лишь в определенных рамках, и очень редки бывали случаи, чтобы солдаты делились с офицерами своими затаенными крестьянскими думами о земле, о своей бедности, о разрухе крестьянского хозяйства, о вековых обидах на помещиков, о тяжелых и несправедливых условиях наемного и фабричного труда. Да это было и невозможно. Офицер, увлекшийся подобными разговорами, немедленно навлек бы на себя неудовольствие начальства. Офицеры знали солдата и его не знали. И хотя солдаты, с которыми они занимались, были самый подлинный рабоче-крестьянский русский народ, — они не знали народа. В борьбе, начатой офицерами, они сами оказались трагически одиноки. 130 тысяч помещиков, желавших властвовать над 130 миллионами крестьян, и те сословия, составлявшие поверхностный слой в государстве, которым жилось хорошо при старом режиме, сделали их оружием в своих руках и повели на борьбу с народом. Рабочие, крестьяне, вся эта далекая от них, 652 глухо и давно волнующаяся масса сермяжной Руси, 95% русского народа со всеми его затаенными желаниями и веками накопленной обидой были для них неведомы. Всем своим воспитанием, скудным, односторонним образованием они подготавливались к определенной роли. Круг их понятий и представлений приковывал их к блестящей нищете. Им многое запрещалось делать, о многом они не смели говорить, от многого они были ограждены высокой стеной условностей. Большинство офицеров, конечно, не были врагами народа, какими их объявила революция. Напротив, офицеры, не колеблясь, жертвовали жизнью для счастья этого народа, но это счастье они понимали по-своему, а главное, они не задавались вопросами, совпадает ли их туманное представление о счастье народа с желанием самого народа. Любили ли мы Россию? Настоящую, живую? Я думаю, что мы любили свое представление о ней. Но поскольку офицерский корпус в целом был оружием в руках правящей аристократической группы, которая хотела, чтобы армия защищала интересы их класса, и поскольку интересы этого класса были противоположны и

враждебны этому народу, офицеры оказались врагами народа. В этой искусственной оторванности от народа, в исключительности их понятий и представлений, привитых воспитанием, прошел первый, еще не сознаваемый ими, акт офицерской трагедии. Верные себе, они пошли в белые армии умирать за сказку, за мираж, который казался им действительностью, пошли умирать за старые и отжившие фетиши, которые группа политических дельцов, напудрив и подкрасив, подсовывала им, за фетиши вредные и не нужные ни русскому народу, ни самим офицерам. Ошеломленные громкими криками и приказами, науськиваемые и натравливаемые спрятавшейся за их спиной кучкой купцов, помещиков и бюрократов, они ошиблись, принимая их вопли за голос России. Непосредственные, наивные, привычно дисциплинированные, они повсюду составляли наиболее крепкую опору Белого движения, ибо против решительных и реальных действий большевиков они одни могли противопоставить реальную же силу. Вокруг крепкого офицерского ядра, привычно и быстро начавшего формировать дисциплинированные воинские части, стала группироваться штатская масса людей, оставшаяся без дела, потерявшая влияние, престиж, богатства, разношерстная по своему составу, одержимая страстным желанием вернуть утерянные привилегии. Преступление Врангеля перед офицерами заключалось в том, что он сознавал безнадежность начатого им дела и после эвакуации подтвердил, что в Крыму он гальванизировал труп, но сколько тысяч молодых офицерских жизней было принесено в жертву этой гальванизации. Впрочем и сами вожди белых армий признали узкоклассовый, а не всенародный характер возглавлявшегося ими Белого движения. В своих воспоминаниях генерал Деникин говорит: «Армия в самом зародыше таила глубокий органический недостаток, приобретая характер классовый, офицерский». Деникин видел глубокую ненависть к ней народных масс. «Было ясно, что Добровольческая армия выполнить своей задачи во всероссийском масштабе не сможет». Несмотря на это, Деникин и Врангель устилали Россию

офицерскими телами за дело, в торжество которого они сами не верили. Впоследствии Деникин, несмотря на избыток офицеров, отказал Колчаку в его просьбе прислать офицеров, в которых сибирская армия чувствовала острый недостаток. Не имея надежды на успех, он в то же время боялся конкуренции другого такого же обреченного. 653 Во главе контрреволюционных армий встали выдвинутые великой войной генералы, концентрировавшие в себе все специфические качества офицерского корпуса, политическое мировоззрение которого прошло через фильтр кадетских корпусов, военных училищ, и долгие годы военной службы. Немудрено, что в зависимости от того или иного случайного окружения, личного влияния и талантливости лиц, советников военных вождей создавалась и обнародовалась та случайная политическая программа, за которую шли умирать русские офицеры и увлекаемые ими массы уже совсем не рассуждавших дисциплинированных солдат. Если в тылу армий Юга России и шла политическая борьба, то она шла между политическими группами, объединившимися вокруг Деникина, Донского Круга и Кубанской Рады. Офицеры в ней участия не принимали. В Крыму сильнее заговорили и подняли голову оправившиеся от испуга старые бюрократы, воинствующие священники, помещики и жандармы. Снова они делали политику, а офицеры утверждали ее своими телами. И до самого конца офицерская масса, непривычная к политике, не умевшая и не желавшая разбираться в политических программах, по привычке покорная и дисциплинированная, шла на убой, твердо веря, что начальство все разберет и устроит и что политика их не касается. Вот почему от республиканца Корнилова, когда корниловский полк пел «Царь нам не кумир», и до монархиста Врангеля командующие белыми армиями спокойно, в зависимости от обстановки и окружения, меняли свои политические программы с полной уверенностью, что это не вызовет никаких волнений в армии. Вот почему те же самые войска, которые при Деникине вешали каждого, кто был против «единой неделимой России», спокойно признали при Врангеле казачье-украинскую ситуацию и в своих федеративно-показных стремлениях дошли до признания своим желанным союзником (презиравшего нас, как и поляки) не признававшего никакой государственности разбойника Махно. Под покровительством и поддержкой французов в самый разгар их симпатий, закончившихся признанием Крыма, вырастала и крепла германская дружба. Был сформирован под руководством немецких офицеров особый конный дивизион из немцев-колонистов. Но, боясь охлаждения и подозрений официальных покровителей-французов и рассчитывая в будущем на немцев, Врангель 10 июля 1920 года разослал в высшие штабы секретную инструкцию, в которой предупреждал

начальников о необходимости соблюдать полную осторожность в выражении своих симпатий к немцам, так как «внимательное ознакомление с современным положением Германии показывает, что ждать от нее помощи в ближайшее время нельзя. Между тем снабжение армии и Крыма всецело зависит сейчас от отношения к нам Франции». Под влиянием этих неожиданных и разнообразных политических комбинаций в головах офицеров царил полный сумбур. В результате эта покорная, дисциплинированная масса, у которой «служба в кость въелась», из приказов и газет и по собственному первому опыту революции знала только одно: там, по ту сторону фронта, их и их семьи ждут оскорбления, а может быть, смерть. Здесь они — люди, пользующиеся всеми человеческими правами, вздохнувшие свободно от вечного ужаса ожидания тюрьмы и расстрела. Они наконец успокоились. Их окружила привычная обстановка. Выбитые из колеи революцией, беспомощно и тоскливо озиравшиеся вокруг, травимые и брошенные всеми, они снова нашли свое место. Измученные и несчастные, они пошли за теми, кто понял их душевное состояние и их приласкал. И вместе с надетыми снова погонами они приняли на себя тяжкое обязательство — 654 защищать своей кровью врагов народа, авантюристов и проходимцев. Этим начался второй акт их офицерской трагедии. Я не хочу сказать, что офицеры ровно ничего не понимали в происходящих событиях, как тот исторический китаец, который, будучи взят в плен, перед расстрелом на вопрос, за что он сражался, ответил: «За родную Кубань». Но в их понимании своей политической программы, туманного «счастья народа», за которое они отдавали жизнь, было много китайского. Вот характерный случай, происшедший в штабе Добровольческого корпуса: на одной из станций, к югу от Ростова, уже при отходе армии к Новороссийску в вагоне столовой штаба Добровольческого корпуса по какому-то случаю был товарищеский ужин чинов штаба. Полковник генерального штаба Александрович громко заявил, что «Единая Неделимая Россия» умерла. Будущее принадлежит Федеративной России — и

предложил тост за будущую Федеративную Россию. Тост был встречен молчанием и недоумением. Слово «федеративная» у нас почти запрещалось к произношению. Это слово имелось в официальном названии государства у большевиков. Дня через два телеграммой начальника штаба Главнокомандующего полковник Александрович был объявлен неблагонадежным, взят под надзор и откомандирован в резерв. А еще через два месяца, в Крыму, в том же штабе Главнокомандующего уже имелся генерал Кирей, специально ведавший вопросами сношений с Украиной (слово, которое тоже не произносилось при Деникине), с которой мы добивались союза и налаживали добрые союзнические отношения с самостийным Петлюрой, казачьими государствами, всевозможными разбойничьими атаманами, кишевшими в Днепровских плавнях и на Украине, ставившими главным условием союза с нами «деньги и автономию». Полковник Александрович снова был призван к деятельности и разыскал в плавнях и на Украине много старинных друзей Врангеля, а слова «федеративная» и «Украина» получили гражданство, так же, как и «Родная Кубань». А умиравшие два месяца тому назад офицеры и солдаты за «Единую, Неделимую» теперь умирали за «Федеративную» и за «Хозяина». Как быстро менялись политические настроения на верхах в зависимости от того, крепло или ослабевало наше положение, и какое было отсутствие и там ясного и определенного понимания поставления себе целей, рисует хотя бы следующий факт, рассказанный мне в Екатеринодаре полковником генерального штаба Дрейлингом. «Еще в начале революции я написал одну книгу, — говорит Дрейлинг, — и предложил ее издать ставке генерала Корнилова. Мне вернули ее с указанием, что книга напечатана не будет, как очень правого направления. Прождав некоторое время, когда во главе армии стал Деникин, я снова явился в штаб с просьбой издать мою книгу. Через несколько дней мне снова вернули рукопись, но уже с указанием, что книга издана не будет, как слишком левого направления». Так книга издана и не была, ибо в быстрой смене настроений верхов Добровольческой армии полковник Дрейлинг пропустил момент, удобный для напечатания книги. Несмотря на быструю смену настроений на верхах, несмотря на чехарду политических программ и общее к ним пренебрежение, одно оставалось всегда неизменным, не ослабевало в верхах и подогревалось и культивировалось в низах — это ненависть, глубокая ненависть ко всем, кто так или иначе явился виновником революции или сочувствовал и содействовал ей. Сражаясь с большевиками, армия боролась не только против них, она боролась против всех так называемых завоеваний революции, неприемлемых для нее, и против большевиков, потому что они сейчас были у власти. 655 Керенский с его реформами в армии,

соц. демократы, соц. революционеры, лидеры демократической части Государственной Думы, сочувствовавшие революции, Временное правительство, одним словом, все, кто своими речами и действиями подготовил и сочувствовал революции в России, были их заклятыми врагами. Ненавидели Милюкова, ненавидели и травили разъезжавшего с армией Родзянко и мечтали о том, как расправиться с ним, когда с революцией будет покончено. Их ненавидели так же, как и большевиков, а может быть, сильнее. Это отношение ко всем зачинщикам революции все крепло по мере того, как правела армия, проходя свой путь от Корнилова к Врангелю. Большевики были определенные люди, и их приход к власти многим казался даже желанным. Неоднократно приходилось слышать, еще до Октябрьской революции, выражение желания, чтобы большевики захватили власть в России. Казалось, что большевизм с его крайностями продержится недолго, и тогда будет найдена наконец та равнодействующая, тот политический и государственный строй, который, устранив увлечения революцией, вернет России ее утерянное величие и офицерам — их старое, почетное место в государственной армии. Большинство не сомневалось в том, что это будет монархия. Правда, первый Главнокомандующий Добровольческой армии был республиканец. Но республиканские течения как дань времени быстро испарились из армии. Корнилову прощали его «свободомыслие», но вспоминать об этом как-то стеснялись и не хотели. На публичном собрании в день годовщины смерти Корнилова Деникин произнес речь: «Пройдут года, и к высокому берегу Кубани придут поклониться его друзья, придут и его палачи. И он простит им, темным, заблудившимся людям. Но одним не простит он — прелюбодеям мысли и слова, разрушившим государство и армию...» Когда мы выходили из собрания, генерал, шедший со мной, неожиданно сказал: «Да, Керенского; Милюкова и Родзянко я повесил бы сам собственноручно». Вспоминаю характерный для настроения восставшего офицерства рассказ генерала Кутепова из первых времен существования Добровольческой армии, который он любил

повторять и который всегда неизменно вызывал общее сочувствие слушающих. «Однажды, — рассказывал Кутепов, — ко мне в штаб явился молодой офицер, который весьма развязно сообщил мне, что приехал в Добровольческую армию сражаться с большевиками «за свободу народа», которую большевики попирают. Я спросил его, где он был до сих пор и что делал. Офицер сказал мне, что был одним из первых «борцов за свободу народа» и что в Петрограде он принимал деятельное участие в революции, выступив одним из первых против старого режима. Когда офицер хотел уйти, я приказал ему остаться и, вызвав дежурного офицера, послал за нарядом. Молодой офицер заволновался, побледнел и стал спрашивать, почему я его задерживаю. Сейчас увидите, сказал я, и когда наряд пришел, я приказал немедленно расстрелять этого «борца за свободу». Конечно, по необходимости диктаторствующие круги Добровольческой армии объединялись иногда для сотрудничества даже с представителями социалистических партий против общего в этот момент врага — большевиков, но это был союз не по любви, а по расчету и на время. Каждый в глубине души признавал это и чувствовал, что объединяется с врагом, никто не сомневался в том, что после победы над большевиками предстоит такая же упорная и жестокая борьба со своими временными союзниками. Я не отрицаю того, что 656 в армии были и искренние друзья социалистов. Таковые были даже и среди генералов, занимавших ответственные посты в армии. Но это были редкие, случайные единицы, и масса не разделяла их убеждений. Очень хорошо испытали на себе истинное отношение армии такие «борцы за свободу народа», как Гучков и Родзянко, несмотря на постоянное и, наверное, искреннее желание быть ей полезными. Постоянно приходилось мне слышать мнения, высказываемые самыми различными людьми, что хорошо бы повесить Керенского за то, что разложил армию, Милюкова за то, что подготовил революцию, Гессена за то, что пачкает Белое дело жидовскими руками, Винавера за то, что жид и хотел отделить Крым от России, и т. д. Я нисколько не сомневаюсь, что, если бы победили добровольцы, всех «повешенных» демократических друзей Врангеля ожидала бы участь Набокова. Рано или поздно. За что же, в конце концов, боролись офицеры? Какою представлялась им будущая освобожденная от большевиков Россия? В общем они не хотели того, что только что пережили со времени начала гонений на офицеров. Какой это будет государственный строй, который вернет им старое положение в государстве и в армии и обеспечит уважение к их человеческому достоинству — они не знали. Многим казалось, что это будет монархия, но мирились также и с республикой. Главная масса офицеров по-прежнему проявляла полную безучастность к тому, что будет с другими сословиями в государстве.

Вопросы рабочих, крестьянский представляли решать начальству, об этом вообще было мало разговоров. Знали твердо одно. Хотелось отдохнуть и жить спокойно после стольких лет войны. Наш старый дом, конечно, нуждался в ремонте, все это сознавали, но офицеры хотели жить в старом, отремонтированном доме, таком спокойном и уютном, где каждая вещь была давно знакома и занимала свое место. Большевики хотели сломать этот дом, построить свой новый и заставить нас жить в нем. Этого офицеры не хотели и боялись, и дальше этих больше сердцем, чем умом переживаемых стремлений их желания пока не шли. Но и эти неоформленные мечты умирали по пути от Орла к Новороссийску и были окончательно похоронены в Крыму. Ответ на то, за что фактически умирали русские офицеры в рядах Добровольческой армии, дают деникинский Юг и, в особенности, врангелевский Крым, «образцовая ферма», «прообраз будущей России» с его кошмарным воровством, и взяточничеством, и расстрелами, пытками и тюрьмами, с его убогим крестьянским и рабочим законодательством, с его выжившими из ума губернаторами, воинствующими попами, контрразведками, публичными казнями женщин и подростков, грабежами и насилием и нескрываемым, рвущимся наружу, несмотря на массовые казни и переполненные тюрьмы, негодованием распинаемого народа. Вот тот строй, «прообраз будущей России», за который фактически боролись и умирали офицеры. Несмотря на громкие приказы и демократические выкрики, было совершенно ясно, что «крымская ферма» есть полная реставрация старой России, где введено было лишь военное положение, где весь народ был взят под подозрение и рассматривался как обвиняемый. Это была старая полицейская Россия, и выразителем ее идеологии были Кривошеин, епископ Вениамин и специалист жандармского сыска сенатор Климович. Полусумасшедшие фанатики-попы, грабители всех чинов и рангов, мстители 657 из рядов привилегированных сословий, потерявшие с началом революции все прежние привилегии, иступленно мечтавшие о расправах с «бунтовщиками», контрразведчики,

сделавшие убийство своей профессией, начальники всех степеней, опьяненные безнаказанностью и безграничной властью над населением, садисты и психопаты, получившие возможность свободно проявлять свои инстинкты и покровительствуемые начальством, тысячи жуликов, спекулянтов, темных дельцов, старавшихся урвать что-нибудь в общей неразберихе, — все это сплелось в кошмарный кровавый клубок, намотавшийся вокруг армии и катившийся вместе с ней от донских степей до Орла и до врангелевской западни в Крыму. И тысячи русских офицеров, составляющих основу белых армий, покорные, привыкшие к повиновению, никогда не думавшие и считавшие предосудительным думать о политике, совершенно не разбиравшиеся и не хотевшие разбираться ни в каких политических программах, не понимавшие и не способные понять глубокого значения происходящих событий, шли по российским полям, слепые, как святой Денис, неся на руках свою ничего не видящую голову. Конечно, те верхушки старого государства, которым во что бы то ни стало хотелось сохранить прежний государственный порядок, увлекавшие офицеров на войну с народом, отлично понимали цели борьбы, но в массе белых офицеров этого отчетливого понимания не было. Здесь был и инстинкт самосохранения и инерция долгого одностороннего воспитания и дисциплины. Белой мечты как ясного представления о лучшем для России социальном строе, за который нужно бороться, в массе офицеров не было. Об этом никто не говорил. Это предоставлялось потом решить начальству. Все это вместе, трагическое и сумбурное, называемое Белым движением, было плодом обиды, мести, эгоизма, корысти и недоумения. И меньше всего в нем было государственного, и белая мечта казалась так туманно-неясна или так цинично-эгоистична, что за все время Гражданской войны верхи белых армий не могли и не хотели определенно ее сформулировать, а она была простая и ясная: «Верните нам нашу власть, наши прежние привилегии, наши состояния и наши убытки». И повсюду на огромных развалинах России от Орла до Новороссийска и на крошечной территории Крыма картина была одна и та же. Впереди шла армия, насаждавшая ненавистный народу старый порядок, около армии, цепляясь за нее, беснуясь, проклиная революцию и сводя старые счеты, праздновали свою победу все те гонимые революцией классы, которым не было места по ту сторону фронта. За ними шла густая масса спекулирующих и беспринципных людей, которым было все равно, кого грабить. Это были люди, пользовавшиеся моментом. И на все это смотрел, волнуясь, ворча, протирая глаза и окончательно просыпаясь, народ занимаемых территорий, который по мере продвижения вперед белых армий все больше и сильнее склонялся в своих симпатиях к большевикам. Офицеры исполнили взятое на себя тяжкое обязательство и

во славу идиота-царя, купцов, помещиков, попов и жандармов, во славу мошенников, спекулянтов и эксплуататоров рабочего народа десятками тысяч офицерских могил покрыли Россию от Орла до Черного моря и от Урала до Владивостока. Бездарная политика и стратегия белых вождей удесятирjala их жертвы... Революция разрушила армию. Обе стороны стали создавать ее заново. Сначала это была импровизация. На стороне большевиков был энтузиазм революционного народа, обширная территория с громадным источником людского пополнения, большие запасы, оставшиеся от войны, склады обмундирования и оружия, фабрики и заводы. На стороне добровольцев был мозг армии, многочисленное офицерство с его организаторским опытом и военными знаниями. Потом к этому присоединилась помощь Антанты в виде вооружения (оружие, пушки, танки, аэропланы), снаряжения и военной техники. В этот первый период борьбы белые армии были и лучше управляемы, и сильнее армий красных. Когда армия Деникина подошла к Орлу, а армия Колчака владела Сибирью, исчезло неравенство в отношении источников пополнения армии людьми, уголь, хлеб оказались в руках белых и было явное превосходство в источниках конского пополнения и в технике. Наше военное творчество не было стеснено ни в чем. Положение большевиков было критическое, и все же белые армии в результате оказались разбитыми и у Орла, и в Сибири, и в Крыму. Каковы же причины этого повсеместного разгрома белых? Они крылись не только в одном сочувствии революционно настроенных масс к большевикам. Их было много. Я, укажу на те, которые, по моему мнению, играли главную роль в нашем военном поражении. Изучая Красную армию на поле сражения (не по советским источникам, а по личным наблюдениям), я могу отметить три периода ее организации. В первые месяцы Гражданской войны это были вооруженные толпы людей, многочисленные, но недисциплинированные, не объединенные единым командованием, действовавшие вразброд, управляемые начальниками почти без военных знаний и военного

опыта. Эти толпы легко разбивались белыми, полки которых имели не только командный состав, но и в рядах простых бойцов много офицеров. Этот период сравнительно легких побед над неорганизованной Красной армией и явился одной из причин будущих поражений белых. Он создал в войсках Южной армии особую тактику Гражданской войны — презрение к противнику и карьера молодых офицеров, без знания и опыта, но отличавшихся большой личной храбростью и умением увлечь за собой людей в этой партизанской войне. Добровольческая тактика заслонила собой настоящее военное искусство, а перед огромным самомнением молодых и невежественных командиров, ослепленные их успехами и отчасти терроризированные ими, принуждены были капитулировать командные верхи. Молодые офицеры быстро делали карьеру, на все ответственные посты продвигались эти вундеркинды, и лица, участвовавшие в 1-м Кубанском походе, считались способными занять любое ответственное место в армии. Старые офицеры, имевшие боевой опыт и знание, постепенно оставались не у дел. По мере продвижения вперед и расширения территории и увеличивалась армия, формировались новые части, но это была все та же Добровольческая армия 1-го Кубанского похода, где бывшие взводные командиры командовали полками, ротные командиры сделались начальниками дивизий, командиры полков командовали корпусами. Да, рядовая масса полков поблекла, посерела и стала более безразличной и беспринципной. И, подойдя к Орлу, Белая армия жила все тем же опытом Кубанского похода, той же тактикой, с той же системой комплектования и назначения командного состава. К этому времени в Красной армии произошли большие изменения. Там шла напряженная организационная работа. Большевистский штаб оказался на месте. Он проявил недюжинный и гибкий талант. Из первых опытов борьбы ему стала ясна необходимость немедленного создания регулярной армии, и он сумел заставить офицеров работать для создания этой армии. Поняв огромное значение конницы в Гражданской войне, он лихорадочно и быстро начал создавать ее. У Орла мы наконец встретились с регулярной и стойкой красной пехотой, правда, составленной пока из чужестранцев, послуживших ядром, опираясь на которое можно было проводить регуляторство в войсках. Но главная заслуга большевиков заключалась в преодолении анархических и своевольных течений в Красной армии, внедрении порядка и дисциплины в ту вольницу, которую она собой представляла, в укреплении власти командного состава и внедрении в рядовую массу бойцов и командного состава стремления к совершенствованию. Белое командование проглядело этот процесс в армии противника и не придало ему того значения, которого он заслуживал. В этот период, не понимая того, что латыши

и китайцы лишь первый шаг к формированию регулярной армии, лишь средство, чтобы ее взять в руки и, опираясь на прочную силу, установить порядок, дисциплину и регулярство в Красной армии, не понимая того, что инородческие части и коммунистические ячейки в полках сыграли ту же роль, что и офицерские роты в полках Добровольческой армии, белые тупо кричали о жестокости китайцев и латышей и о страданиях русского народа, отданного во власть инородцам. Этому факту огромной важности в деле совершенствования Красной армии было придано иное значение. Он был истолкован как самозащита народных комиссаров против русского народа, который за ними не идет, и у Орла, несмотря на огромную и богатую территорию в тылу, заключавшую в себе все необходимое для формирования крепкой и сильной армии, несмотря на многочисленное превосходство в технике, несмотря на угнетенное настроение беспрерывно отступавших красных, несмотря, наконец, на полную свободу для нашего военного творчества, мы проиграли кампанию, столкнувшись с регулярными частями Красной армии и, главное, с лучшим, чем у нас, руководством войсками и лучшей стратегией. Вытянутое в одну сплошную нитку одинаковой силы по всему фронту, наше боевое расположение носило на себе все тот же характер сумбурной неразберихи, отсутствия ясного, определенно выраженного плана действий, как и все политические устремления и идеология белых вождей. Полное отсутствие резервов, несмотря на громадное число шатающихся в тылу и что-то формирующих офицеров, избравших себе это специальностью, превращало операцию в авантюру и отражало в себе все то же непонимание обстановки, непонимание противника, огромную самоуверенность и легковесность мысли на что-то надеющихся белых руководителей. Сражение у Орла отмечает собой второй период в развитии Красной армии, сделавшей громадные успехи с начала войны, и отмечает с нашей стороны все ту же тактику и окаменелость мозга командования Южной армии, которое ничему не научилось и ничего не хотело понять. Наше командование никак не могло уяснить

того, что причиной наших успехов были не наши совершенства, а больше недостатки в организации, обучении и командовании красных и что теперь эти недостатки постепенно устраняются. Поражение у Орла огорчило, но не переубедило нас. По-прежнему наш командный состав выше всего ставил свой собственный боевой опыт Гражданской войны, да многие из нашего состава и не имели другого опыта. Но время шло, и обстановка менялась. У красных появился командный состав, и части стали насыщаться коммунистами. У нас шло обратное явление: процент офицеров в частях с развертыванием армии все уменьшался и их постепенно выбивали. В Крым отошли Добровольческий корпус и те казачьи части, которым оказалось место на пароходах. Офицеры, составлявшие по-прежнему душу армии, 660 и казаки, эвакуировавшиеся в Крым, отлично понимали, что ожесточенный противник будет беспощаден, и потому дрались в Крыму с решимостью отчаяния. И пока протяжение фронта армии соответствовало нашим силам и против нас еще не было большого превосходства, мы снова одержали ряд блестящих пирровых побед. Этому помогло еще то обстоятельство, что красное командование, считая Крым второстепенным участком, бросило свои лучшие части для преследования армии Деникина на Кубань и затем сосредоточило их на польском фронте. В первый период обороны Крыма наши части маневрировали лучше стоящих перед нами красных. Мы были богаче их техникой, и нашими победами мы были обязаны отчаянной храбрости офицеров и казаков, считавших свое положение почти безвыходным. Но в области тактики и обучения войск мы трагически застряли на опыте 1-го Кубанского похода, а в области стратегии мы шагнули еще дальше назад. Несмотря на громкие призывы о реорганизации армии и критику Деникина, Врангель, надев поднесенный ему корниловцами мундир, вполне примирился с вундеркиндами и признал существующий порядок. В течение второго периода борьбы, на полях Северной Таврии, у Каховки и на перешейках, мы увидели новую Красную армию, еще более совершенную, чем та, с которой мы расстались у Новороссийска. В деле обучения бойцов и искусстве маневрировать, она значительно продвинулась вперед. Мы увидели перед собой уже не латышские и китайские части, мы увидели отличные русские дивизии. 51-я пехотная дивизия и огневая бригада поразили нас своей выучкой, умением наступать и обороняться, стойкостью и дисциплиной. Это было неожиданно. Начальник одной белой дивизии доносил, как трудно и непривычно бороться с 51-й дивизией, которая, будучи обойдена со своих флангов, не отступает, а дерется. Мы находили прекрасно устроенные, примененные к местности и оборудованные окопы, с хорошо продуманным перекрестным обстрелом, с отмеченными дистанциями огня и т.

д. Каховский плацдарм был укреплен образцово. Красные полки научились бороться с танками, и при атаке Каховского плацдарма почти все наши танки остались в плену у большевиков. Красная армия вырастала на наших глазах и перегнала нас в своем росте. И это несмотря на то, что у нас даже в рядах простых бойцов служили офицеры, несмотря на полную свободу военного творчества, на большое количество офицеров генерального штаба и специалистов всякого рода. Но и тогда еще не все поняли, что в Красной армии, где командный состав постепенно занимал подобающее ему место, шла упорная и успешная работа, давшая прекрасные результаты. Было ясно, что вместо прежних толп появились почти регулярные войска и что в глубоком тылу у большевиков сформировались части, воспитываемые и обучаемые на опыте большой войны. В Северной Таврии мы увидели применение в красных полках пулеметных групп в наступлении, в полках — команды гренадер и огнеметы, и в Крыму они победили нас не столько своим численным превосходством, сколько выучкой, организацией и лучшим нашего управлением войсками. А мы по-прежнему, несмотря на перемену названия, топтались на месте и все еще считали свои части более совершенными. Не потому ли, что мы были загипнотизированы мыслью о несовместимости свободного военного творчества с большевистским режимом, не потому ли, что на нашей стороне было больше офицеров и были танки и аэропланы, которых не было у большевиков? Конец Крыма отмечает третий период развития Красной армии, в эпоху Гражданской войны все более и более совершенствующейся. 661 А наша военная мысль и в Крыму работала по-прежнему вяло, а чаще не работала вовсе, и наши первоначальные победы мы покупали не уменьем, а ценой офицерских жизней, заменить которые нам было нечем. Решив покончить с армией Врангеля, красное командование, укрепив Каховский плацдарм и отбив наши атаки, стало сосредоточивать под прикрытием его сильную ударную группу. Нам были хорошо известны состав и численность группирующихся там частей. Благодаря неосторожности

красных, плохо зашифровывавших свои радиogramмы, мы могли ежедневно следить за движением к Каховке частей конной армии Буденного еще с тех пор, когда его дивизии располагались в районе Александрии. План красного командования был прост и ясен: увлекая наши силы все далее и далее на северо-восток, нанести удар собранным в Каховке кулаком по кратчайшему и важнейшему направлению на Перекоп и, отрезав нашу армию от перешейков, одним ударом ликвидировать крымский фронт. Что же делает Врангель? Несмотря на то что главные и лучшие силы противника сосредоточиваются в Каховке, в трех переходах от Перекопа, то есть от самого убойного для нас места, он оставляет против Каховской группы слабый небоеспособный корпус Витковского, растягивает свой фронт почти на 500 верст и лучшие и боеспособные части, Добровольческий корпус и донцов сосредоточивает на второстепенном, потерявшем для нас всякое значение правом фланге в 150 верстах от Перекопа, то есть в 7—8 переходах. Мало того, с каждым днем эта растяжка все увеличивается. Было ли это проявление свободного творчества или просто глупость, мы не знаем, но результат получился известный. В косности и окаменелости военной мысли и в быстром совершенствовании Красной армии отразилась вся сущность боровшихся обеих сторон. Одной, боровшейся за старое, всем складом своего ума боявшейся всякой новизны и неспособной к резким переменам, и другой, для которой в новых достижениях была цель и смысл существования, не боявшейся никакой ломки, не связанной никакими традициями, никакой рутинной. И своевольное, дерзкое, новое, быстро меняющееся и быстро приспособляющееся, смело и решительно отбрасывающее все, что проявило себя негодным, победило традицию, косность и рутинерство. Так было, так будет! Изгнанием начался третий и последний акт офицерской драмы. Их поношенные офицерские погоны и дырявые мундиры, их раны и ордена, их заслуги перед союзниками в Мировую войну, их галлиполийское сидение и тяжелые каторжные работы в рудниках, в шахтах, на железных дорогах — за граница не оценила. За границей ценят доллар и не любят тех, кто садится на шею, кто сбивает заработную плату. И постепенно, все больше расходясь с живою Россией, забывая в тяжелой борьбе свои военные познания, стала опускаться и редеть офицерская масса. Но это же изгнание многому нас научило. Мы, бывшие русские генералы и офицеры, разбросанные по всему миру (ибо у нас есть единомышленники везде), видели и поняли многое. Мы косили сено во Фракии, мы убирали хлеб в Болгарии, мы строили железные дороги в Сербии, мы копали землю в Польше и Венгрии, работали у фабричных станков в Германии и во Франции. Мы расчищали виноградники, добывали в шахтах уголь, были сапожниками, слесарями, плотниками, портными

и повсюду соприкасались с рабочим людом всех стран, мы видели одну общую, роднящую их печаль. И везде мы видели одно и то же горе, ту же нужду, те же надежды, ту же отчаянную эксплуатацию труда. 662 И перед нами постепенно исчезали границы; но у рабочих станков мы не смели говорить о своем прошлом. Тем, кто питался и питается подачками из Парижа, Мюнхена, от Хорти, от католических кругов Франции, от Пилсудского и других — не понять нас. И когда нищими, плохо одетыми эмигрантами мы разбрелись по всему миру, стали искать работу, повсюду нас встречали с самым нескрываемым презрением, с нами не хотели разговаривать, нас отсылали ждать в передней и изредка, в знак особой милости, нам подавали два пальца. Нас повсюду, пользуясь нашей беспомощностью и нашим несчастьем, нашей беззащитностью, эксплуатировали, как рабов. Нам не платили заработанное скудное жалование, нас обсчитывали, увольняли без объяснения причин. В лучших случаях за каторжный труд мы получали половину того, что платили местным рабочим, так как их предприниматели боялись. Мы нигде не могли найти себе защиты, а наши посланники и консулы, сохранившиеся от старого времени, презирали нас так же, если не больше. Некоторым повезло, но масса эмиграции опускалась все ниже и ниже, стала заниматься спекуляцией и темными делами. Помню характерный разговор двух старых полковников, уже откомандованных полками, бывших рабочими в группе, где я был за старшего. Один рассказывал другому впечатления о визите к третьему, тоже полковнику, товарищу по полку, служившему кухонным мужиком в одном богатом доме. Он был в восторге от этого посещения: «Живет отлично, — рассказывал он о жизни товарища, — пища хорошая, на кухне за перегородкой у него кровать, ест, сколько хочет, хозяева не стесняют. Когда я сидел у него, пришла барыня (так и сказал: «барыня»), ничего, не рассердилась, даже велела мне дать тарелку макарон. Хорошо устроился человек!» Государственный строй, который мы защищали своей кровью, жестоко мстил нам за это. Мы не

пойдем теперь в Россию защищать и восстанавливать этот строй... В истории России были войны, когда офицеры и солдаты вдохновлялись на бой сознанием, что они идут выручать и спасать какой-нибудь маленький, обижаемый кем-нибудь народ. Это был благородный порыв. Теперь задачи России шире, они необъятны. Россия идет в первых рядах человечества, освобождая его, творя величайший подвиг, и мы, пробывшие долго в самой гуще рабоче-крестьянской международной массы, мы чувствовали и видели, как к ней, великой красной России, устремлены теперь все надежды и взоры веками страдающей, веками обиженной рабочей человеческой массы. Какое счастье чувствовать теперь себя русским, какое счастье слиться опять со своим народом в одном бескорыстном и чистом порыве! В темную ночь перед страшной битвой Геракл молил богов о том, чтобы поскорее наступил рассвет. Он хотел видеть лицо своих врагов, чтобы быть уверенным в победе. Солнце уже взошло над Россией, и русский народ видит лица врагов и друзей. Мы не сомневаемся в его победе. И мы не боимся белого террора. Мы сами отчаянные. Мы сами прошли через горнило долгой Гражданской войны. Во всеоружии ее опыта, в случае повторения иностранных интервенций, хотя бы и одобренных «патриотическим» врангелевским штабом, встанут в тылу иностранных армий организованные, смелые, многочисленные и неуловимые партизаны, сводя на нет могущество иностранной техники, отвлекая войска с фронта, заставляя охранять каждый клочок занятой русской территории, уничтожая связь, разрушая сообщения, наводя ужас и панику в тылах неприятеля, вырезая проволоку, вражеских вождей и штабы. В этой грядущей последней, отчаянной борьбе русские офицеры, разбросанные по всему миру, снова сольются с родным народом в 663 одном великом порыве, и те, кому суждено будет погибнуть, умрут со счастливым сознанием до конца исполненного долга перед родиной и народом. И снова между искалеченной искусственно привитыми традициями отжившего мира офицерской средой, ничего общего с белым тылом не имеющей, и новой, но родной и близкой советской Россией, установится живая, кровная, неразрывная навеки связь. О БЕЛЫХ И БЕЛОМ ТЕРРОРЕ Четыре года прошло с тех пор, когда на печальный закат русской контрреволюции была брошена тень крымской авантюры. Порыв революционной бури разбросал по Европе защитников старой России, но главная масса осела и осталась доживать свой век на Балканах. В самом глухом закоулке Европы собрались бывшие властители России — тупые, косные, жадные и мстительные — такие, какими они были всегда. Политический хаос в Европе, общая неудовлетворенность, резко обнаружившаяся непримиримость интересов, страх победителей перед завтрашним днем, заставляющий терять

голову и идти на авантюры, создают обстановку, из которой Врангель и его друзья еще могли некоторое время извлекать пользу. Но времена меняются. Не в отрицательных, а в положительных ценностях нуждается усталое человечество. На смену героям безвременья, авантюристам, дегенератам и садистам идут сильные и здоровые люди, уверенно и смело на обломках старого строящие новую жизнь. Тем, кто не может осмыслить этого и понять свои заблуждения, все трудней и трудней будет жить. И оттого, что они чувствуют свое бессилие, свое ничтожество и ненужность, все злобнее и мстительнее становятся последние, вымирающие остатки старой России. Как раньше из Галлиполи, так теперь из Сербии бегут бывшие русские офицеры, спасаясь из врангелевского плена. Недавно два офицера, отчаявшись получить визу, улетели из врангелевской армии на сербском аэроплане. Террор белых над русскими людьми, длящийся уже четыре года, является естественным средством духовного облика руководителей белого тыла, заменившего собой рассыпавшуюся армию Врангеля. И чтобы было понятно то, что происходит сейчас на Балканах в среде бесправной, запуганной беженской массы, полезно будет еще раз вернуться к страницам деникинской и врангелевской эпопеи. В них можно найти объяснение разнузданности, насилию, клевете, мести и глупости умирающего за границей белого тыла и понять то непонятное, что до сих пор творится в Сербии. Четыре года прошло с тех пор, когда русские корабли, эвакуировавшие армию Врангеля, прибыли в Константинополь. Четыре долгих года тяжелых страданий, физических и духовных, в течение которых сомнение, зародившееся еще на полях Кубани, крепнувшее с каждым днем в Крыму, превратилось в непоколебимую уверенность. Сомнение в важности и необходимости того, что мы делали для России. На военном совете в поезде Деникина в Новороссийске, перед эвакуацией армии, я был один из тех, кто стоял за продолжение борьбы с большевиками в Крыму. Когда мы покидали Новороссийск, нам казалось, что белая мечта не погибла, что тяжелые ошибки недавнего

прошлого поправимы, что на последнем клочке нашей земли, где численное превосходство противника парализуется 664 естественной силой позиции на узких крымских перешейках, мы создадим новую русскую армию, свободную от прежних недостатков, и русскую государственность, основанную на праве и справедливости. На долю Врангеля, этого беспринципного авантюриста и честолюбца, выпала задача ценою тысячей жизней доказать еще раз бесплодность наших попыток воскресить в России умерший старый строй и окончательно на полях Северной Таврии и в болотах Перекопа похоронить нашу белую мечту. И когда заодно с поляками, спасая их, презиравших нас, мы воевали с русским народом, превращая в развалины его достояние, когда, покровительствуемые французами, мы пропускали на фронт и в штабы для работы германских офицеров генерального штаба, обманывая и тех и других, и когда страшной работой контрразведок мы заливали кровью несчастного населения города и села Крыма и лицемерно кричали об ужасах красного чека, жгучая боль и отчаяние охватывали сердце, но еще не было силы уйти... Бессмысленную и недалекую нетерпимость Деникина заменили в Крыму нечистоплотные и невероятные комбинации Врангеля. Для нас стали сразу приемлемы и желанны поляки, отнимавшие у нас исконно русские земли; Махно и десятки других атаманов разбойничьих шаек, которых мы снабжали деньгами и которые грабили и разоряли население, называя себя нашими союзниками; Петлюра и самостийные украинцы, с которыми мы вели переговоры и с которыми также нужно было расплачиваться Россией; наконец, французы и одновременно немцы. В Крыму только через мой штаб 1-й армии по приказанию Врангеля были пропущены для работы на фронте и в тылу три офицера немецкого генерального штаба. Все они имели предписание от ставки и уверяли, что мы скоро получим помощь от Германии, которая будет действеннее французской. Один немецкий офицер генерального штаба, пропущенный по приказанию Врангеля, служил в марковской батарее, затем, ввиду того что это стало известно французам, был для вида арестован, но в Севастополе снова выпущен и явился в батарею проститься. Прибывший недавно в Берлин офицер марковской батареи К. спрашивал меня, не могу ли я ему помочь разыскать его бывшего сослуживца по батарее, офицера германского генерального штаба барона Л. Так под покровительством и при поддержке французов, в самый разгар их симпатий, закончившихся признанием, вырастала и крепла германская дружба. Политика Деникина была неумной, но все же лично он был честным человеком. Врангель не имел и этого последнего ореола в глазах широкой армейской массы. В самый тяжкий для армии момент отхода к Новороссийску из глубоких эгоистических и честолюбивых побуждений

Врангель нанес Добровольческой армии предательский удар в спину, много способствовавший ее окончательному разложению, когда она еще держалась у Ростова. Желая дискредитировать Деникина, он пустил по рукам офицеров, стоявших на фронте, письмо с критикой его политики и стратегии. Дух армии он подорвал, разложению ее способствовал, но сам, заменивши Деникина, повторил все ошибки своего предшественника, внося уже полную беспринципность и авантюризм и в политику, и в стратегию. После бесплодных, стоивших много крови и разочарований авантюристических операций на Дону и Кубани, основанных на полном непонимании и полной неосведомленности, Врангель завершил поражение Крымской армии на редкость бездарными операциями в Северной Таврии. Не я один так расценивал стратегические таланты Врангеля. Уже через год после моего ухода из армии высланный из Болгарии генерал Кутепов, проездом через Салоники, зашел ко мне. Прощаясь, он сказал: «Я знаю, что Вы б65 собираетесь писать книгу об обороне Крыма. Я прошу Вас отметить тот факт, что я настойчиво просил генерала Врангеля отвести своевременно армию на перешейки и не допустить ее уничтожения в боях с неравным противником на невыгодных и растянутых позициях Северной Таврии. Но генерал Врангель этого не сделал». С удовольствием исполняю эту просьбу, тем более, что глубоко уверен, что карьера Александра Павловича Кутепова уже никогда не заблестит ни под знаменами Врангеля, ни под белыми знаменами вообще. О политике деникинских кругов писалось много. Ее узость и близорукость, повлекшие за собой постепенную изоляцию Добровольческой армии, на пути к Москве растерявшей все симпатии и казачества и народа вновь занимаемых областей, уже нашли достойную оценку в печати. Отличительным свойством политики Врангеля были цинизм и полная неразборчивость в средствах для достижения поставленной цели реставрации старой России. Эта политика скоро дала себя знать. Гробовым молчанием и ужасом встретило казачье население Тамани проезд Главнокомандующего по улицам города после десанта. Не поднялись и

не присоединились Дон и Кубань. Поляки, оттяпав при помощи Врангеля то, что было им нужно от России, и прихватив еще добрую часть исконно русских земель, предали его в самый критический момент. Украинские самостийники от союза отказались. Атаманы различных шаек, действуя на территории Крыма, союз заключили, но разоряли население, дискредитируя власть, на которую опирались они, и, получив оружие и помощь деньгами, переходили на сторону красных. Но, если Врангель не нашел друзей за пределами крымского фронта, может быть, он нашел их в Крыму? Что ответило ему население Крыма на его заботы устроить их счастье? Увы! Из стремления создать «образцовую ферму» ровно ничего не вышло, да и выйти не могло. Своей политикой в отношении населения Крыма Врангель добился в конце концов совсем обратного. Народ возненавидел его и армию, и наше пребывание в Крыму послужило лучшей агитацией в пользу большевиков. В основании постройки «образцовой фермы» лежало не желание сделать население маленького полуострова счастливым своим существованием, а стремление втереть очки иностранцам и партийным главарям, и потому, что она была показной и неискренней, она была бездушной и жестокой. Никто не верил серьезно обещаниям новой власти, поэтому крестьяне совершенно не интересовались гвоздем врангелевской программы — законом о земле. Разъясняя этот закон крестьянам, я удивлялся всегда их безучастию. Во внутреннем управлении царил хаос. Вместо права и законности, о чем шумно кричали, властно царили грабеж и разбой. Население категорически отказывалось давать людей в армию, и насильно мобилизованные разбегались. Добровольцев в армию Крым уже не давал. Генерал Кутепов доносил, что «армия состоит из прибывших из Новороссийска офицеров, казаков и взятых в плен красноармейцев. Крым не дает ни добровольцев, ни мобилизованных». Хлеб укрывался, лошади и скот угонялись в степь, с телег и повозок снимались колеса и прятались, чтобы не нести тяжелой, разоряющей население подводной повинности. Совершенно так же, как с движением вперед в тылу Деникина появился Махно и повстанцы, закишили «зелеными» Крымские горы и плавни рек. «Благодарное» население не давало даже рабочих тылу, и туда приходилось отправлять взятых в плен красноармейцев для работы в портах, отказываясь от единственного, совершенно надежного пополнения, на которое серьезно рассчитывали наши совершенно потерявшие голову стратеги. б66 Население и армия голодали. Есть люди, которые считали это естественным, сравнивая положение Крыма с осажденной крепостью. Это неверно. Мы долго владели Северной Таврией, где скопились громадные запасы зерна и муки. Голодали же исключительно из-за неумелого использования пепервозочных спелств. безлействующих или

не только потому, что на полуострове не было никаких ресурсов, кроме хлеба, съеденного жителями, но и потому, что население полуострова, обязанное отдавать последние, ничтожные запасы хлеба за бумажки, на которые ничего купить было нельзя, не могло быть довольным таким положением. Но в гораздо большей степени вызывала недовольство самая система реквизиций или, правильнее говоря, отсутствие в этом деле всякой системы и справедливости, причем главная тяжесть реквизиций падала на беднейшее и без того уже обобранный население. У одного брали по несколько раз, и брали все, у другого не брали ничего. Всякий протест считался проявлением большевизма, каравшимся здесь же смертной казнью по усмотрению любого реквизирующего или попросту грабящего добровольца. Власть не умела реализовать справедливо эти реквизиции и не могла справиться с своеволием тоже голодающих частей. Вспоминаю историю назначения на ответственный пост начальника снабжения бездарнейшего из генералов — Вильчевского. Он был начальником штаба у Кутепова, но Кутепов был им недоволен. Чтобы смягчить его уход, надо было дать ему какую-нибудь компенсацию, и Кутепов предложил похлопотать за него перед Главнокомандующим, у которого Вильчевский пользовался симпатиями. Вильчевский заявил желание устроиться на должность начальника снабжения при ставке. Ходатайство было послано, и Вильчевский, пользовавшийся особыми симпатиями Врангеля, был назначен на этот в высшей степени важный пост, требовавший человека большого ума, дельного, опытного и решительного. И живое дело снабжения утонуло в море бумаги и мертвых бюрократических распоряжений. Огромное недовольство вызывала тяжелая, как я уже указывал, подводная повинность, настолько неумело и плохо организованная, что по крайней мере две трети реквизируемых подвод блуждали по Крыму совершенно без всякой надобности. Вместо того чтобы сразу реквизировать для армии необходимое количество повозок, конечно, соблюдая всю справедливость и равномерность обложения, и представить остальную часть повозок для хозяйственных работ и

нужд населения, установлена была повозочная повинность деревень, командированных на три недели свои подводы в армию. Повозки эти, попадая в войсковые части, уже больше оттуда не возвращались, так как полки, стремясь иметь побольше обозов, не отпускали их. Вышедшие из деревень вторые партии повозок на смену первым долго блуждали по Крыму, пока находили свою часть, но чаще не доходили до места назначения и силой разбирались другими частями. А полки, не получившие смены своих повозок и ввиду естественной убыли (болезнь лошадей, порча повозок), требовали пополнения, и деревня отправляла третью партию повозок, когда не вернулась еще и первая, и население оставалось совершенно без лошадей, телег и работников, и в самый горячий период останавливались все полевые работы. Если в деревнях и оставалось несколько телег и лошадей, то крестьяне, удрученные участием первых трех партий, подрубали колеса у телег и угоняли лошадей в степь. Часто, прослужив значительно дольше, чем следует, в части, не видя конца своей повинности и зная, что дома разоряется хозяйство, крестьяне по ночам убегали из обоза, их ловили и беглеца расстреливали как большевика. Для части это было очень выгодно, ибо с этих пор подвода и лошадь становились собственностью. 667 Оценив это, впоследствии стали практиковать различные способы заставить хозяина дезертировать без лошади и повозки, например держать под обстрелом в бою, морить голодом и т. д. Результатом такой распорядительности явилось полное разрушение хозяйства, непомерный рост обозов в частях, глубокое и справедливое озлобление сельского населения и рост зеленого движения. Конечно, на бумаге и для иностранных военных агентов все представлялось иначе. Из моего штаба я послал два пространных рапорта в ставку, рисуя тяжелое положение населения, но эти рапорты потонули в общем море бумаг и угодливо ликующих криков. Объявленная после долгих колебаний реквизиция лошадей была организована также плохо. Это решение было принято после того, как попытка купить лошадей ничего не дала. В это же время части, пришедшие из Новороссийска без обозов и лошадей и вынужденные маневрировать и сражаться, возить за собой кухни, пулеметы, патроны, пушки, не имея возможности покупать за назначенную цену лошадей, просто забирали их у населения и давали квитанции, за которые никто ничего не платил. В этот долгий период колебаний население было основательно ограблено, а когда была объявлена мобилизация, то цена на наши бумажные деньги настолько пала, что эта реквизиция представляла собой уже чистейший грабёж. И этот грабёж производился пристрастно — и у хозяина, имеющего 10 лошадей, и у хозяина, имеющего две лошади, фактически забирались по одной. Так же реквизировались и другие нужные армии предметы и продукты. Отнимали кони

едом. Так же реквизировались и другие нужные армии предметы и продукты. Сжигали корм, резали молочный скот, вырубали на топливо сады и разбирали строения. Проезжая однажды во второй раз по одной татарской деревне, я увидел большую площадь, где раньше стояли дома. Остались только трубы. Предполагая, что был пожар, я спросил начальника войсковой части, стоявшей там, отчего произошел пожар и не виновата ли небрежность войск. Бравый полковник ответил мне, что это были «большевистские» дома, то есть дома, среди хозяев которых были люди, подозреваемые в большевизме, и полковник — комендант местечка — приказал разобрать их на топливо. «Большевики здесь еще есть, и дров хватит», — успокоил меня перед отъездом полковник. Такой же тяжелой и неприятной, и также по нашей нераспорядительности, была квартирная повинность. Но и это было еще не все и не главное. Если на огромных пространствах тыла генерала Деникина борьба с повстанцами была затруднительна, то на крошечной территории Крыма это казалось более достижимо. Тем не менее с ними ничего сделать не могли. Врангель назначал и сменял генералов, с фронта отрывались крупные войсковые части, а зеленое движение разрасталось и было неуловимо. Это происходило не только потому, что население было терроризировано зелеными и боялось открыть карательным отрядам места их убежищ. Нет, оно сочувствовало им и в борьбе их не было на нашей стороне. Недовольная и ограбленная войсками и начальством всякого рода, терроризированная и расстреливаемая контрразведкой часть населения уходила в Днепровские плавни и в болота Сиваша, и можно с уверенностью сказать, что, перешагнув за Днепр, наша армия имела бы за спиной ту же картину, что и с армией Деникина, и наши сообщения с Крымом, подвергаясь постоянным угрозам, потребовали бы много войск для охраны. Таково было отношение спасаемого от большевиков населения «образцовой фермы», единодушно в конце концов возненавидевшего спасителей. 668 Политика Врангеля в отношении населения шла все время ощупью. Никакого плана государственного строительства не было. Были старые люди, еще более старые в смысле духа и реформаторства,

чем при Деникине, которые, будучи извлечены из архива, стали припоминать то, что считали лучшим для народа в свое время. Не понимаемые этим народом и сами неспособные понять его, они докатились до террора и залили маленький клочок русской земли, еще находящийся в их власти, кровью его несчастного населения. Войска проходили вперед, волна грабежей подавалась к северу, и разоренные деревни, как растоптанные сапогом муравейники, начинали заколачивать дыры и залечивать раны, нанесенные крестьянскому хозяйству. Ненадолго и непрочно. Вскоре другое, еще более страшное зло заставляло жителей деревень и городов бросать дома, семьи и хозяйство и убегать в горы и плавни, увеличивая кадры зеленых. Этим злом, отравившим населению жизнь, злом, как злокачественная язва разъедавшим силу и дух Добровольческой армии и особенно широко развернувшимся в Крыму, злом все увеличивающимся, требующим для оправдания своего существования все новых крови и жертв, злом, находившимся под особым покровительством Врангеля, бороться с которым не решались даже люди, занимавшие большие и ответственные посты, была повсюду раскинувшая свои сети, безответственная и всесильная контрразведка, вдохновляемая бывшим шефом жандармов Климовичем, поставленным Врангелем во главе ее. На нее опиралось и ее указаниям следовало, отделяя друзей от врагов, правительство «образцовой фермы». Армия шла на север, а в разоренных деревнях садилась и прочно свивала себе гнезда контрразведка. Раскинувшаяся на всем пространстве Крыма и Северной Таврии, она творила свое страшное дело, превращая население в бесправных рабов, ибо малейшее недовольство ее деятельностью, малейший протест приводил человека к мучительным истязаниям и петле. Невозможно описать злодеяния, совершенные за три года ее агентами там, где проходили победоносные белые войска. Так же как и бездарные военные распоряжения, она подготовила падение создавшей ее власти. Состав контрразведывательных отделений был самый пестрый. В одном он был однороден: на 90% это были патентованные мерзавцы, садисты, люди легкой наживы с темным прошлым. Помню одну телеграмму Деникина Май-Маевскому. В ней Деникин требовал предания суду «этих мерзавцев контрразведчиков Шкуро». Май-Маевский прочитал эту телеграмму Кутепову, и оба нашли ее выражения резкими. Телеграмму переделали, и она была передана Шкуро в смягченном виде. То, что сказал Деникин о контрразведчиках Шкуро, можно смело сказать почти про всех контрразведчиков армии. Ввиду отвращения и гадливости, которые внушала деятельность этих бандитов всем порядочным людям, учреждение это часто меняло свое название, но этот фиговый листочек ни от кого не скрывал его грязной сущности. Пышно расцветшей деятельностью контрразведки в Крыму способствовало то

сущности. пышно расцветшей деятельности контрразведки в Крыму способствовало то обстоятельство, что многие из начальников Добровольческой армии за три года Гражданской войны потеряли всякое уважение к человеческой жизни и людским страданиям. Зверство, насилие и грабеж вошли в обиход жизни и никого не трогали. Слезы и мольбы расстреливаемых вызывали смех. В некоторых частях все рядовые офицеры по очереди назначались для приведения в исполнение приговора над большевиками. Повесить, расстрелять, вывести в расход — все это считалось обычным, будничным делом. Это не осуждалось, это считалось признаком воли, твердости характера, преданности идее. Не расстреливавшие, или не вешавшие, или мало вешавшие считались тряпками, слабыми людьми, не способными к управлению частью в этой обстановке. Проснулись дремавшие инстинкты и многим отуманили сознание навсегда. Полная безнаказанность позволяла проявлять этот инстинкт в чудовищной форме. Много писалось уже о гнусностях и зверствах контрразведки, и то, что скажу я, будет не ново. Есть люди, которые, обманывая себя и других, оправдывают это ужасное учреждение заботами о счастье «горячо любимой» родины, но я не могу не сказать и не повторить здесь еще раз того, что считаю сказать своим долгом, именно потому, что имею право быть услышанным как бывший начальник штаба цвета войск Добровольческой армии, и потому, что в борьбе с этим злом слово мое даже для врагов должно быть авторитетным. И я не могу молчать об этом, даже если бы врангелевская контрразведка наметила своей жертвой меня. Полная обесцененность жизни, всегдашняя и легкая возможность найти жертву, полная безнаказанность за пытки, издевательства и убийства давали в этой кошмарной обстановке широкую возможность для всевозможных садистов без боязни наслаждаться острыми ощущениями. Стоило раз, два убить, и страсть к убийству росла. Особенно много было загублено молодых девушек и женщин. Это было так легко сделать. Нравится женщина — ее ничто не стоит обвинить в симпатиях к большевизму, в особенности если она одинока, если у нее нет сильных и влиятельных

защитников. Подослать к ней агента — и достаточно одного неосторожного слова, чтобы схватить ее и посадить в особую камеру, всегда имевшуюся при контрразведках, и тогда она вся во власти зверя. Ежедневными угрозами смерти, угрозами смерти родных, обещаниями свободы ее, обезумевшую и трепещущую, сбиваемую ловкими вопросами, легко заставить сказать все то, что требуется, наговорить на себя то, чего не было, а затем, запротоколировав ее показания, насладившись, повесить или, если есть уверенность в том, что она будет молчать, опозоренную, искалеченную и уже надоевшую, великодушно выпустить на свободу. Впрочем, контрразведчики могли это делать спокойно потому, что той, которая посмела бы поднять шум, было бы еще хуже. Спокойно, потому что все были запуганы, все боялись, потому что женщин вешали публично на городских площадях, даже в одежде сестер милосердия. Когда я просматривал списки лиц, значившихся за контрразведками, мне казалось, что всю революцию сделали женщины, главным образом девушки и подростки, и главная масса большевиков состоит из них. Сколько погибло и навсегда душевно искалечено их в застенках контрразведок, страшно сказать. Все презирали контрразведку и все боялись ее. Даже Кутепов в минуты искренности высказывал свое презрение к ним. Но он был ушиблен желанием, во что бы то ни стало поддержать славу железного генерала и потому подписывал все смертные приговоры, которые ему представлялись, считая, что здесь надо вешать всех, а там Бог разберет, кто большевик и кто правый. Ясно, конечно, что при всем этом повсюду, и в России, и за границей, кричали о зверствах красной чеки и считали это одним из главных козырей своей пропаганды. Население смотрело, сравнивало и делало выводы. Выводы эти, подкрепленные нашими безумными грабежами, были таковы, что наши отступающие войска нередко обстреливались жителями покидаемых нами деревень. 670 Работа контрразведок не казалась армии столь ужасной. К ней привыкли. А повседневные ужасы Гражданской войны закалили нервы. В распоряжении каждого начальника были свое войсковое отделение контрразведки, которое распространяло свои действия и на население ближайшего тыла, и конвой, служащий для охраны начальника, но главным образом употреблявшийся для выведения в расход неугодных и большевиков. Контрразведка особенно пышно расцвела в Крыму, ибо новый Главнокомандующий нуждался в укреплении своей власти, и, избрав своими ближайшими советниками Кривошеина, епископа Евлогия и специалиста сыска жандарма Климовича, он, в противоположность Деникину, начавшему в конце концов борьбу со злодеяниями контрразведчиков, ей особенно покровительствовал. В программу контрразведки при Врангеле входила борьба не только с тайными большевиками, но и с тайными и явными

Брапелсе входила борьба не только с тайными большевиками, но и с тайными и явными деникинцами. Особенная слежка шла за дроздовской дивизией, где симпатии к Деникину были сильнее, чем в других частях армии. В рапортах начальника контрразведки 1-го корпуса и армии часто указывались лица, «преданные Деникину». В Галлиполи контрразведкой даже бы раскрыт (вероятно, в действительности не существовавший) деникинский заговор в дроздовской дивизии. Указывалось на портрет Деникина, висевший в столовой дроздовцев: во главе заговора якобы были полковник Колышев и прочие. В Крыму к борьбе с деникинцами Врангель привлек даже священников. Какие только проходимцы не пользовались религией и попами для своих личных целей. Отбрасывая почти весь период деникинской контрразведки, столь же ужасной, я укажу лишь на некоторые факты и следствия ее деятельности в Крыму. Прибыв в Крым и расположившись со штабом в Симферополе, Кутепов решил сразу произвести соответствующее впечатление и затмить Слащева. Последний был уже достаточно знаком Крыму. Надо было найти большевистскую организацию, а если нет, то придумать ее и виновных (возможно больше) повесить. Для усиления впечатления надо было публично демонстрировать крымскому населению прибытие железного генерала. Так началась карьера нового начальника кутеповской контрразведки подпоручика Муравьева. Бывший, по его словам, товарищем прокурора уже пожилой человек и карьерист, он сразу понял, чего хотел Кутепов, и работа началась. Муравьев прославился тем, что по требованию начальства мог кого угодно и в чем угодно обвинить и предоставить какие угодно доказательства. Впрочем, времена и люди были такие, что сделать это было нетрудно. Впоследствии в Галлиполи Муравьев, уже произведенный Врангелем за отличную контрразведывательную работу в поручики, сам раскрыл мне секрет своих успехов. «Лучшее средство для получения необходимых данных, Ваше Превосходительство, — это порка. Я, сознаюсь, грешен и упорствующих в признании своей вины — порю. Держу и порю, пока не сознается и не скажет, что нужно, и не выдаст сообщников». Легко себе представить, каково это

было вечно фигурировавшее в кутеповском полевом суде «искреннее сознание» подсудимых. Они ошибались. Ни одного из них «искреннее сознание» не спасло от расстрела. Нужно заметить, что для поставки большевиков существовали специалисты, поставлявшие в нужный момент большевиков, когда они иссякали и не находились. В Салоникском русском беженском лагере проживал некий бывший полицейский чиновник Тилинин. Он также специализировался в Крыму по части сыска и поставлял большевиков в наши полевые суды и в контрразведки в 671 Крыму. Он попал в Салоники в мою партию топографических рабочих и сразу же начал доносить на своих товарищей всякие гадости. Этот полуинтеллигентный тип, вспоминая однажды первые шаги своей карьеры, рассказывал, что у него долго не было «фарту» и он не находил преступников, но нужда заставила, и он нашел способ. Он завел себе собаку, которую приучил бросаться на человека и лаять, когда он делал рукой один малозаметный, но знакомый собаке жест. «После этого мои дела пошли в гору, а в Крыму я даже сделал карьеру. Когда донесут о каком-либо происшествии в участке, я приезжаю и спрашиваю старосту: ну, кто тут у вас есть такой, от которого надо отделаться? Подозрительные и нежелательные были всегда. Я приходил на место происшествия, куда вели и мою собаку-сыщика, а затем вместе с понятым шел и арестовывал «подозрительных». Когда собака подходила к наиболее подозрительным или нежелательным, я делал ей знак, она лаяла, и все видели, что преступник найден, часто даже удавалось уговорить обвиняемого сознаться для облегчения участи, потому что указаниям собаки все верили безусловно. Если свидетелей не было, то после собаки находились и свидетели. Таким образом, найти в деревне большевика ничего не стоило в любой момент. Начальство меня очень ценило». Через месяц после начала работы Муравьева на улицах Симферополя закачались на столбах первые повешенные. Среди них было несколько несовершеннолетних мальчиков-евреев и одна женщина в костюме сестры милосердия. Напрасно обращались к Кутепову различные делегации от города и земства с просьбой о помиловании несовершеннолетних, Кутепов был неумолим и искренне возмущался просьбой членов Городской Думы не производить публичной казни в городе, так как это зрелище тяжело отражается на психике детей и подрастающей молодежи. Конечно, просьбу эту Кутепов отклонил, и вскоре за первой партией последовали вторая, третья и так далее. Чтобы судить о приемах действий агентов контрразведки, укажу следующие факты. Однажды, будучи уже начальником штаба 1-й армии, я услышал из окна своего кабинета (штаб помещался в Мелитополе) крики и плач. Взглянув в окно, я увидел молодую женщину, которая стояла, которую тащила какая-то другая субъект. Она плакала и

молодую женщину, хорошо одетую, которую тащили какие-то два субъекта. Она плакала и просила отвести ее в штаб армии. Увидев ее, я узнал в ней жену одного гвардейского офицера, бывшего на фронте со своей частью, старого добровольца. Когда по моему приказанию всех их привели в штаб, выяснилось, что дама эта была на вокзале и имела несчастье понравиться двум дежурившим там агентам контрразведки. Один из них пытался ухаживать за ней, но она его резко оборвала, тогда они стали ее преследовать. Проходя мимо штаба, дама остановилась, чтобы завязать распутившийся шнурок на ботинке. Этого было достаточно, чтобы схватить ее и потащить в контрразведывательное отделение, откуда она бы уже не вышла. На мой вопрос, какие основания были у агентов для ареста дамы, они ответили, что завязывание шнурка на ботинке есть обычный условный знак большевистских шпионов, а значит, и эта дама кому-то подавала знак. Дело разъяснили. Установили ее личность и служебное положение мужа, и несчастную женщину отпустили. Сколько, думал я, женщин ежедневно на улицах крымских городов поправляют развязавшийся ботинок и сколько случаев, чтобы обвинить в шпионаже и большевизме тех из них, которые понравятся агенту. Мне известны несколько случаев сумасшествия в застенках крымской контрразведки. Вспоминаю одну такую жертву: мать, сидевшая вместе с дочерью, не могла перенести ужасных издевательств, которым подвергалась там 672 дочь, и когда последнюю повесили, то мать была выпущена на свободу уже сумасшедшей. Потом еще долго она ходила в мой штаб и по секрету рассказывала всем, что ведь дочь-то была невинна. Вид ее производил жуткое впечатление. Но то, что известно мне, не составляет и тысячной доли тех ужасов, которые творили в Крыму над беззащитным населением хорошо оплачиваемые и откармливаемые палачи врангелевской контрразведки. Агенты контрразведки никого не боялись и действовали нагло. Помню, в штаб армии приехал генерал, начальник кавказской туземной бригады. Он рассказывал, что начальник контрразведки, находившейся в месте расположения его штаба, стал ухаживать за девушкой, сельской

учительницей, и когда ему не удалось от нее ничего добиться, обвинил ее в большевизме и арестовал. Генерал приказал ее освободить и отправить к родным в Севастополь. Через некоторое время, однако, от этого агента пришло донесение, в котором он уже обвинял самого генерала в симпатиях к большевизму. В Симферополе во время нашего пребывания повесилась некая Зверева, молодая красивая женщина. Расследование этого самоубийства выяснило, что она была арестована контрразведкой и систематически подвергалась пыткам. Угрозами смерти ее заставили наговорить на мужа то, чего он никогда не делал, после чего мужа судили и повесили. Несчастная не выдержала угрызений совести и покончила с собой. Спустя год после эвакуации один офицер, служивший в Феодосии, рассказывал мне, что дочь его домохозяина, гимназистка Лисовская, жившая с родителями и братом в Феодосии, по какому-то глупому подозрению была схвачена контрразведкой. Главная причина была та, что она понравилась агенту. В течение двух недель ежедневно начальник контрразведки совершал над несчастной девушкой насилие, а затем она была передана агентам. Через месяц ее, зараженную венерической болезнью, выпустили на свободу. Она тоже стала ненормальной, а брат ее после этой истории исчез. Он ушел к зеленым. Преступление контрразведки, как всегда, осталось безнаказанным. Бороться с контрразведкой, покровительствуемой правительством и Врангелем, никому не было под силу. Впрочем, бороться было можно, но для этого нужны были большие деньги. Однако чаще всего деньги тоже служили обстоятельством причастности к большевизму или спекуляции. Обыкновенно тех, у кого находили большие суммы денег, обвиняли в спекуляции, а лица, у которых были драгоценные вещи или бриллианты, не оправдывались никогда. Стоило агенту контрразведки увидеть бриллиантовый перстень на руке подозреваемого — и судьба его была бесповоротно решена. Такие живыми никогда не уходили. Многие контрразведчики составляли себе таким образом большие состояния и теперь хорошо живут за границей. Так был собран богатейший золотой фонд, переданный Врангелю в Константинополе. После того как ящик с драгоценностями взял на хранение в свою каюту генерал Шатилов, большая часть их пропала. Но дело было замято Врангелем. Когда, наконец, за вопиющие преступления, несмотря на упорную защиту его Слащевым, предали суду за вымогательство и расстреляли начальника слащевской контрразведки, у него в чемодане нашли около двадцати золотых портсигаров и много других драгоценностей, отобранных им у расстрелянных и повешенных жертв. Помощник начальника ялтинского контрразведывательного отделения капитан Калюжный в Салониках рассказывал мне, что при аресте одного из офицеров, как офицера контрразведки в штаб арестовала одного

мне в присутствии еще двух офицеров, как однажды контрразведка в Ялте арестовала одного видного большевика. 673 От этого арестованного ждали важных разъяснений, и Калюжный приказал его усиленно сторожить. Но утром его разбудил офицер, бывший в карауле, и сказал, что при обыске у арестованного нашли 500 000 рублей и потому они его на рассвете вывели в расход. Офицер этот принес деньги, приходившиеся на долю Калюжного. Пришлось донести, что при попытке к бегству преступник убит. Такие донесения были обычны. Расследований почти никогда не производилось. Это — воспоминания русских. Такие же воспоминания остались и у иностранцев, посещавших белую Россию. В январе 1921 года я ехал из Константинополя в Афины на греческом пароходе «Поликос». Я был в штатском костюме. Пароходный буфетчик, грек, говоривший по-русски, узнав, что я русский, но не зная, кто я, рассказывал мне печальную историю своей попытки завязать торговые сношения с белыми. «Когда денкинские войска были в Харькове, — говорил он мне, — мне пришла в голову несчастная мысль привезти в Россию товары для населения. Я знал, что русские нуждаются во всем, и привез из Греции большую партию товаров, вложив в это дело все свое состояние. Я получил разрешение в штабе генерала Деникина провезти товары в Харьков. Но когда я приехал туда, меня арестовала контрразведка генерала Кутепова, заявив, что я большевистский шпион. Мои оправдания и жалобы не имели успеха. Генерал Кутепов на мое указание, что я иностранный подданный и привез товары не только с целью самому заработать, но и дать населению то, что ему недостает, сказал, что, значит, я кроме того еще и спекулянт, и обещал меня повесить. Генерал Деникин, до которого дошли мои жалобы, приказал меня освободить. Однако я не получил ни товаров, ни денег конфискованных. Жалобы мои остались без последствий, и меня только еще раз обещали повесить. Теперь вот работаю буфетчиком на пароходе, а до этой поездки был богат. Мой пример подействовал на многих греков и отбил охоту ехать в Россию, где могут ограбить и повесить ни за что». Такие случаи были обычным явлением. То же наглое издевательство и

грабеж продолжались и в Крыму. Грабеж этот шел под флагом борьбы со спекуляцией. Спекулянты действительно кишели кругом как черви, но крупных спекулянтов не трогали. Они платили определенную дань, или имели удостоверения, участвуя в продовольственных поставках, или состояли в администрации. Над торговцами и купцами поэтому всегда висел дамоклов меч контрразведки. Часто, выводя в расход, просто сводили старые счета. «Однажды мне донесли, — рассказывал капитан Калюжный, — что в Ялту приехал некий Нератов. Он был, по моим сведениям, большевик, но кроме того я знал, что он ругал меня, моего брата и нашу семью. Я немедленно арестовал его. К несчастью, был получен приказ о препровождении его в тюрьму для предания суду. Это могло затянуться надолго и неизвестно чем кончиться. Ночью, отправляя его в тюрьму, я назначил надежных людей и пошел сам с ними. Нератов, должно быть чувствуя что-то, все время жался ко мне. Но когда мы зашли в глухой переулок, я отпустил его на один шаг вперед и в упор выстрелил ему в затылок. Донес, конечно, о попытке к бегству». Калюжный с удовольствием вспоминал этот случай, рассказывая все детали, как предчувствовал свою смерть Нератов, как он хрипел, умирая, как его били уже мертвого он сам и чины его конвоя. Тот же Калюжный в присутствии еще двух русских инженеров Осипова и Голушкина рассказывал мне, что в Ялте была группа интеллигентных светских молодых людей — палачей-добровольцев. Они убивали каждую ночь из любви к искусству. 674 Обыкновенно днем кто-нибудь из них заходил в отделение и спрашивал, будет ли ночью работа. Почти всегда среди арестованных были люди, которых спокойно и без последствий можно было вывести в расход. Если работа была, в полночь к определенному месту берега подходила шлюпка, в которую молодые люди принимали одного или нескольких арестованных с их узелками и чемоданами. Им объясняли, что их везут на пароход для отправки в Севастополь. Затем лодка отчаливала, выходя на глубину и стараясь не попадать в луч прожектора английского миноносца. Затем один из тех, кто сидел ближе к арестованному, бил его железным болтом по голове, а иногда и просто тяжелым камнем. Слышалось только хрипение или легкий стон добываемых людей на дне лодки. Тотчас привязывали убитому камни на шею и на ноги и вместе с вещами спускали в море. Иногда до утра отмывали кровавые пятна на лодке, но часто, несмотря на все старания, это не удавалось. Так изо дня в день приличные, воспитанные и хорошо одетые люди из ялтинского общества проделывали по ночам свою страшную работу. Не они ли, эти молодые люди, творят теперь террористические акты в Европе над неугодными им эмигрантами все по той же указке и под тем

же высоким покровительством! О том же, но не с такими подробностями, рассказывал мне бывший начальник гарнизона Ялты генерал-лейтенант Зыков во время своего приезда в Галлиполи. Генерал Зыков утверждал, что некоторых из этих палачей он видел в Константинополе. Они собирались продолжать свою работу за границей, а пока работали в константинопольской союзной контрразведке. Так работала контрразведка в центрах и на глазах у всех. А то, что пришлось мне видеть и слышать по местечкам и деревням Крыма, далеко превосходит описанное. Население воистину начало задыхаться. Жуткий, животный ужас постепенно охватывал незащищенных жителей крымских деревень. И с каждым днем невыносимей становилась жизнь в «образцовой ферме». На некоторых начальников контрразведывательных отделений был возложен сбор контрибуций во вновь завоеванных городах. Так действовал Шкуро в Воронеже, так составляли свои средства другие. Можно себе представить, как взималась эта контрибуция. Знаменитый рейд Мамонтова явился сплошным широко организованным и безнаказанно откровенным грабежом. Для характеристики личного состава контрразведки приведу еще один случай: однажды в Салониках (я жил в русском беженском лагере) прибежал в наш барак в одном белье офицер, поручик Гришин, и заявил, что его избил в бараке «В» солдат Диденко. Коменданта и полицмейстера не было. Дело пошел разбирать я. Оказалось, что оба они, и солдат и офицер, служили в Крыму в контрразведке генерала Слащева, и при одном из грабежей Гришин, пользуясь положением начальника, обделил Диденко и даже наказал его. Последний затаил злобу и затем, когда оба сделались беженцами и положение их сравнялось, часто, выпив водки, вспоминал несправедливость Гришина и бил его. Офицеры этого барака советовали мне не волноваться по поводу случившегося. Это такой грязный субъект, говорили мне они про поручика Гришина, что его стоит бить и Диденко бил его за дело. Действительно, на следующий день Гришин помирился с Диденко и отказался от каких-либо претензий. Оба они были сначала опорой контрразведки Слащева, а после его ухода

продолжали то же дело у Витковского. Нужно отдать справедливость, что хотя контрразведчиков и боялись все, но все их и единодушно презирали. 675 Почти все офицеры относились к ним брезгливо. Это была действительно самая гнусная и темная профессия, которую я когда-либо видел, и она усиленно культивировалась Врангелем и его приспешниками. Единодушная ненависть, которую возбуждало к себе правительство, опиравшееся на контрразведку, темный ужас, который вносили кровавые действия в среду обезличенного и бесправного населения, не могли не отражаться на успехах и силе армии Врангеля. В Гражданскую войну, которая велась преимущественно за счет «благодарного населения», — в особенности. Ни одна власть, конечно, не может обойтись без мер самосохранения, но в Крыму контрразведка из орудия охранения власти от тайного натиска врагов ее превратилась в орудие сведения личных счетов, мести, грабежей и угнетения, и она была возведена Врангелем в культ. И это несмотря на то, что он неоднократно получал предостережения о гнусной работе контрразведки. Результатом этой работы было то, что население Крыма провожало в Симферополе и других городах наши уходящие войска выстрелами и проклятиями. П. Струве, конечно, отлично знал, как наша армия страдала от враждебного отношения к ней населения, как это подтачивало и ослабляло ее силу, и тем не менее он сознательно лгал, утверждая, что Белая армия погибла от недостатка «хорошего конного строя». Слова его были подхвачены эмиграцией и успокоили контрразведчиков, Гессена и Милюкова. Кровавая работа контрразведки находила полный отклик в действиях войсковых начальников. Я приведу здесь некоторые характеризующие эпоху и людей факты; многие мнили, что спасают Россию, они и теперь еще продолжают претендовать на эту роль, и за границей, ощущая привычную потребность крови, продолжают свою гнусную работу, стараясь террором приковать эмигрантов к своей идеологии. Путь таких генералов, как Врангель, Кутепов, Покровский, Шкуро, Постовский, Слащев, Дроздовский, Туркул, Манштейн, и множества других был усеян повешенными и расстрелянными без всякого основания и суда. За ними следовало множество других, чинами поменьше, но не менее кровавых. Один полковник генерального штаба рассказывал мне, что еще во время так называемого 2-го Кубанского похода командир конного полка той дивизии, где он был начальником штаба, показывал ему в своей записной книжке цифру 172. Цифра указывала число собственноручно им расстрелянных большевиков к этому моменту. Он надеялся, что скоро дойдет до 200. А сколько было расстреляно не собственноручно, а по

приказанию? А сколько каждый из его подчиненных расстрелял невинных людей без приказа? Я пробовал как-то заняться приблизительным подсчетом расстрелянных и повешенных одними белыми армиями Юга и бросил — можно сойти с ума. Однажды генерал Витковский в Харькове докладывал Кутепову, что он сделал замечание генералу Туркулу, который после хорошего обеда вместе с приближенными офицерами уж слишком поусердствовал над только что взятой партией пленных. Так и сказал — «поусердствовал». Усердием называлась излишняя трата патронов для стрельбы в цель по пленным красноармейцам. Генерал Егоров (бывший после меня начальником штаба 1-го корпуса) рассказывал мне в Салониках, что ему известен факт, когда генерал Туркул приказал повесить одного пойманного комиссара за ногу к потолку. Комиссар висел так очень долго, потом его убили. Подвешивание как вид наказания вообще было у нас очень распространено. Полковник Падчин рассказывал мне, что однажды, когда он был у генерала Туркула, последнему доложили, что пойман комиссар. Туркул приказал 676 его ввести. Мягким голосом, очень любезно Туркул пригласил комиссара сесть, предложил ему чаю с вареньем и велел позвать свою собаку. «Я почувствовал, — говорил Падчин, — что сейчас произойдет что-то скверное, и вышел. Действительно, через некоторое время из комнаты слышались отчаянные вопли, а затем вывели всего окровавленного комиссара и расстреляли. Оказывается, Туркул затравил его своей собакой, которая была приучена бросаться на людей при слове «комиссар». Собака эта впоследствии была убита случайным осколком бомбы с красного аэроплана. Офицеры-дроздовцы говорили мне, что еще более жесток генерал Манштейн. Ветеринарный врач Бердичевский рассказывал, что он был свидетелем, как однажды в Крыму около колонии Гейдельберг среди взятых в плен красноармейцев оказался мальчик, бывший кадет симбирского кадетского корпуса. Когда мальчик заявил, что он кадет, генерал Манштейн лично зарубил его и еще долго рубил шашкой мертвого до неузнаваемости. Бывший офицер штаба генерала

Дроздовского рассказывал, что однажды в бою под Кореновской к наблюдательному пункту, где находился генерал Дроздовский, привели взятых в плен 200 большевиков и спрашивали, куда их отправить. Были ли это большевики или мобилизованные, как они заявляли, вчера большевиками крестьяне, проверено не было, но генерал Дроздовский, не отрываясь от бинокля, коротко бросил: «В расход!» — и тогда их принял под свое покровительство начальник конвоя генерала Дроздовского. Тут же у подножья холма началась расправа над пленными. Начальник конвоя приказал им выстроиться в одну шеренгу и скомандовал: «Ложись!» Затем долго ровнял их, чтобы головы всех расстреливаемых были на одной линии, и по очереди выстрелом в затылок из винтовки убивал лежащего. На соседа еще живого брызгали кровь и мозги, но начальник конвоя штыком заставлял его подползать к убитому, выравнивал его голову, убивал и переходил к следующему. Забава эта продолжалась два часа. Расстрелянные лежали ровно, как на последнем параде. Этот господин мог сразу вписать в свою книжку цифру 200. Впрочем, сам Дроздовский в недавно изданном его дневнике пишет (цитирую по дневнику): «Сердце, молчи и закаляйся, воля, ибо этими дикими, разнузданными хулиганами признается и уважается только один закон: око за око. А я скажу: два ока за око, все зубы за зуб» (стр. 53). «Внутри все заныло от желания мести и злобы. Уже рисовались в воображении пожары этих деревень, поголовные расстрелы и столбы на месте кары с надписью, за что. Потом немного улеглось: постараемся, конечно, разобраться, но расправа должна быть беспощадной: два ока за око» (стр. 64). Эта расправа вылилась в следующее: «После казни пожгли дома виновных, перепороли всех мужчин моложе 45 лет, причем их пороли старики (что потом было с этими стариками, когда ушел Дроздовский?), затем жителям было приказано свести даром весь лучший скот, свиней, птицу, фураж и хлеб на весь отряд. Истреблено было 24 человека» (стр. 68). «А в общем страшная вещь Гражданская война: какое озверение вносит в нравы, какую смертельную злобой и местью пропитывает сердца: жутки наши жестокие расправы, жутка та радость, то упоение убийством, которое не чуждо многим добровольцам» (стр. 71). «При занятии противоположного берега прикончили одного заспавшегося красногвардейца. В городе добились 15 вооруженных, замешкавшихся или проспавших, да по мелочам в Любимовке — немцы еще пощадят, а от нас нет пощады» (стр. 87). «К вечеру были передопрошены все пленные и ликвидированы. Всего этот день стоил бандитам 130 жизней» (стр. 93). «Уничтожение их продолжалось, в плен не брали, раненых 677 не оставалось. Было зарублено до 80 человек» (стр. 99). «Два ока за око... австрийский комендант

просил комиссаров, еще не казненных, передать ему. Дружески поговорили и... все, кого нужно было казнить, были уже на том свете...» (стр. 118). «Попа-красногвардейца выдрали. Только ради священства не расстреляли» (стр. 130). Но это было только начало деятельности генерала Дроздовского и его помощников на походе в Добровольческую армию. Это была, так сказать, проба пера, когда «сердце приучалось к молчанию» и «закалялась воля». Потом на Кубани и до Орла, а в особенности в Крыму, работы его преемников были чище, глубже как по изобретательности, так и по числу жертв. «Два ока за око, все зубы за зуб». Этот призыв вошел в плоть и кровь, сделался мечтой всех считающих себя обиженными, группирующихся теперь в Сербии около Врангеля. Невозможно представить себе тех ужасов, того моря крови, которым снова была бы залита Россия, если бы этим отуманенным местью людям удалось хотя бы на короткое время снова стать у власти в России. Только враг своего народа мог бы желать этого. Бесчисленное количество расстрелянных и повешенных падает на генералов Постовского и Шкуро. Оба они, будучи пьяницами и грабителями по натуре, наводили ужас на население завоеванных местностей. Однако по общему признанию в армии наибольшей кровожадностью и жестокостью отличался убитый в Болгарии генерал Покровский. Кутепов... Трудно говорить о своем начальнике, с которым провел вместе два года, но справедливость требует сказать, что и он не отличался в отношении жестокости от других. В нем было два человека. Один носил в себе все необходимое для военного вождя — ясный ум, быстроту и правильность решений, умение быстро схватывать и оценивать обстановку, храбрость, полное спокойствие в тяжелых обстоятельствах, безусловную честность и бескорыстность. В общем малообразованный, он много читал и всегда горячо интересовался военными науками. Я всегда с удовольствием исполнял его боевые и организационные распоряжения, которым могли бы позавидовать многие из наших офицеров генерального штаба. За восемь лет пребывания на должностях начальника различных штабов я много видел начальников и должен признаться, что в смысле разумности, твердости, спокойствия и ясности указаний это был один из лучших моих начальников. Я ехал принимать штаб 1-го корпуса, напутствуемый совершенно определенными отрицательными указаниями ставки Деникина о личности генерала Кутепова, моего нового начальника. И скоро убедился, что все, что говорилось о нем, ложь. Он всегда живо интересовался всем, что было нового в военной науке, и, не будучи в академии, сам прошел весь курс военных наук академии, посещая лекции вольнослушателем. Он никогда не стеснялся брать на себя ответственность за отдаваемые распоряжения — качество, которое не очень часто встречается среди начальников. Но в нем был и другой человек, второй Кутепов, странно уживавшийся с первым, — самовлюбленный, карьерист, склонный к интригам, жертвующий всем ради своего благополучия, жаждущий власти и рекламы, могущий предать каждого в любую минуту, когда ему будет полезно для карьеры, как предал он генерала Деникина, генерала Сидорина и других, жестокий и равнодушный к страданиям и убийствам, совершенно не ценящий человеческую жизнь. Он чрезвычайно жестоко карал подчиненных за самые даже маленькие упущения по службе, когда он не боялся никаких последствий, и смотрел сквозь пальцы на часто тяжелые преступления старых добровольцев, боясь 678 потерять свою популярность у этой вольницы. Впрочем, как будет видно дальше, последнее зло было следствием нездоровой организации армии вообще, и, будучи не в силах изменить эту организацию, Кутепов не боролся со злом. Как цельная фигура контрреволюции он, несомненно, крупнее Врангеля. Но он никогда не мог бы быть вождем, даже контрреволюционным. Иногда он был смешон. Любил говорить речи. На гимнастическом празднике технического полка в Галлиполи он начал речь: «В здоровом теле — здоровый дух, как говорит старая русская поговорка». И не понимал, почему засмеялись офицеры. Путь его, так же как других генералов Добровольческой армии, проходил по тенистой аллее повешенных. Жутко вспомнить, какие ничтожные причины иногда вызвали его приказание «расстрелять», и оно сейчас же приводилось в исполнение. Когда после долгой голодовки транспорт наш из Константинополя прибыл в Галлиполи, продавцы хлеба окружили корабль. Наших денег не брали, а местных у солдат не было, завязался товарообмен. На беду на палубу вышел Кутепов. Он подошел к ближайшему солдату, менявшему рубашку на хлеб, и приказал конвою взять его и расстрелять. Тот, простой крестьянин, как и все другие, не понимал, в чем дело. Когда несчастного свезли на берег и на глазах у всех расстреляли, негодование долго не могло улетучиться. Вспоминаю в Крыму его обходы проходящих мимо корпуса партий пленных. Медленно обходил

он выстроенные ряды красноармейцев и вглядывался в их лица, выражение глаз, одежду. Иногда он задавал вопросы. Малейший неудачный ответ, особый штрих в костюме определял судьбу пленного. «В сторону», — коротко говорил Кутепов, и тотчас же конвой отводил обреченного в сторону, а вечером всех обреченных расстреливали. Эти люди погибали буквально за покроем костюма, фасон фуражки («вся власть советам»), выражение лица, в которых Кутепову казались признаки комиссарства или большевизма. Просьбы о помиловании приводили его в ярость. Много таких фильтров проходили пленные по пути, и неудивительно, что эти люди попадали наконец в запасные батальоны нашими врагами. Плоть от плоти Добровольческой армии, «старейший доброволец», он в подчиненных ценил выше всего твердость воли и характер, другими словами — жестокость и беспощадность. Это он считал выражением преданности идее. Он ненавидел людей с мягким характером, поэтому при нем так вольготно жилось всем профессиональным убийцам. Проездом через Салоники Кутепов вспомнил в Союзе георгиевских кавалеров свои действия в Крыму. Я присутствовал при этом разговоре. «Вот, — говорил Кутепов, — меня обвиняют в том, что я расстрелял массу людей в Галлиполи, а я ведь всего-то расстрелял девять человек. И из-за этих пустяков подняли такой шум». В одном был прав Кутепов. Девять человек было каплей в море расстрелянных им. Отличительной чертой Кутепова были карьеризм и способность все принести в жертву ради карьеры. Отсюда склонность к двуличию и предательству. Помню, на меня произвел особое впечатление случай с атаманом Володиным. Один из крымских союзников Врангеля, он был разбойник чистейшей воды, но он имел соответствующий мандат на партизанские действия от Врангеля, и ему оставили право иметь свой отряд. Конечно, от этого друга Врангеля хуже всего пришлось населению, и решено было в конце концов его ликвидировать. Володина заманили в засаду и обезоружили со всем отрядом, привезли в Мелитополь и тут решили повесить. 679 Для виду был устроен полевой суд. Когда суд уже состоялся и приговор Кутеповым был подписан, Володин, не знавший еще об

утверждении приговора, хотел увидеться с Кутеповым. Кутепов принял его очень ласково, внимательно выслушал, обещал все сделать, конечно, освободить и ... вечером повесил. Когда Володина вели на казнь, он все повторял: «Это же недоразумение, пошлите спросить Кутепова, он же обещал мне, что смертной казни не будет». Такой же характер носили его действия во время удаления Деникина и во время процесса генералов Сидорина и Келчевского. Пропуская массу других таких же потерявших человеческий облик начальников, выдвинутых на верхи Добровольческой армии, не могу не указать на безусловно ненормального человека, дегенерата и садиста генерала Шпаковского, явившегося к нам с рекомендацией Лукомского и занимавшего высокий пост начальника тыла Добровольческого корпуса. Он был вершителем судеб населения обширного тыла Добровольческого корпуса. Шпаковский приехал в штаб корпуса в Белгороде и должен был возглавлять административную власть там, где еще не сконструировалась власть губернаторская. Бледный, с массой бриллиантов на пальцах, с расширенными зрачками больных глаз, он производил неприятное впечатление. Первый разговор его с Кутеповым произошел при мне. Шпаковский начал прямо: «Чтобы был порядок, надо вешать. Вы, Ваше Превосходительство, как смотрите на это? Вешать или не вешать?» Кутепов, который всегда был на стороне вешающего, а не вешаемого, ответил: «Конечно, вешать». И после короткого разговора бесправное население было передано в полную власть зверя. Шпаковский привез свою контрразведку, которая деятельно принялась за работу. В этот период все были словно помешанные. Огромные и сложные функции тыла, дающего жизнь и силу армии, требовали от тыловых администраторов исключительных способностей. Считалось, что всеми этими качествами обладает тот, кто вешает. Шпаковский буквально не мог спокойно заснуть, если в течение дня он никого не повесит. Скоро среди населения начались вопли, это заставило его еще более усилить террор. Приговоренных к смертной казни Шпаковский водил лично на место казни, и зимой их водили в одном белье и босиком. Однажды посланный в управление начальника тыла за справкой мой адъютант прибежал взволнованный и доложил мне, что приказания исполнить не мог, так как, придя в управление, он застал такую картину — передаю дальше словами его рапорта: «Еще при входе я услышал какие-то стоны и крики, несшиеся из комнаты адъютантов Шпаковского. Войдя в нее, я увидел компанию офицеров, совершенно пьяных, в числе которых были адъютанты и контрразведчики Шпаковского. Они сидели за столом, уставленным бутылками. Перед ними стоял голый человек, один из смертников,

предназначенных в ближайшую ночь к расстрелу. Все лицо, голова и грудь его были в крови, и кровь стекала по телу. Руки были связаны на спине. Пьяные офицеры царапали тело мертника вилками и столовыми ножами, тушили зажженные папиросы о его тело и забавлялись его криками. Зрелище было так отвратительно, что я не мог исполнить Вашего приказа и ушел. Но справку получить все равно нельзя, так как они все пьяны». Мой доклад Кутепову об этом результатов не имел, и Шпаковский остался на своем месте. 680 Офицеры телеграфной роты, командированные от штаба корпуса обслуживать связь в городе, где действовал Шпаковский, рассказывали мне о невероятных зверствах, чинимых этим генералом в городе Изюме и других местечках, где он был. Когда начался наш отход от города Орла и дальше, Шпаковский обычно задерживался после ухода штаба корпуса в месте стоянки еще на несколько часов или на день и, оставшись один, предавался дикой страсти, избивая остающееся беззащитное население. Недаром обозы наших частей и отдельные отставшие группы людей из отходивших полков подвергались жителями поголовному истреблению. Ненависть к нам населения в районе Славянска, Изюма и на всем пути до Ростова была такая же, как в Крыму. Офицер телеграфной роты поручик Мальцев, командированный для исправления связи в пункт, где находился генерал Шпаковский, увидел, что на контрольном телеграфном столбе на вокзале висело три трупа. Поручик Мальцев обратился к генералу Шпаковскому за разрешением снять тела, так как они мешали работе по исправлению проводов. Генерал Шпаковский приказал ему исправить провода, не снимая повешенных, при этом Шпаковский лично наблюдал за смущением и отвращением офицера (юрист, окончивший университет), производившего необходимую работу между тремя качающимися и все время задевающими его мертвецами. Когда мы, отходя от Орла, остановились снова в Белгороде, произошел случай, который, кажется, подействовал и на генерала Кутепова. Во всяком случае, скрыть его было нельзя. Дело в том, что озверевшие и пьяные сотрудники Шпаковского, ведя ночью нескольких осужденных на казнь, не выдержали и

изрубили их прямо на базаре. Утром жители нашли свежую кровь и части тела одного из казненных, забытые на базарной площади. Одну руку принесли в полицейское управление, и ночное происшествие раскрылось. При эвакуации Харькова произошел инцидент: Шпаковский зашел на вокзал, где заметил одного выпившего молодого офицера-кавказца. Он арестовал его и потребовал, чтобы тот отдал ему оружие. Офицер был доброволец, плохо говоривший по-русски, горец. У него была отличная старинная дедовская шашка, которой он очень дорожил и, видимо, гордился. Отдать оружие было для него страшным оскорблением, и он, положив руку на эфес шашки, сказал, что отдаст оружие только командиру корпуса. Горца повели к Кутепову. Шпаковский, приведя его в оперативный вагон, настаивал перед Кутеповым на предании офицера смертной казни, так как действия его подрывают дисциплину и что, положив руку на эфес, горец, так сказать, угрожал ему применить против него оружие. Молодой офицер клялся, что у него никаких дурных намерений не было, что он хотел явиться только к самому командиру корпуса, которому одному он отдаст свое оружие, что он и его брат поступили добровольцами в армию еще при жизни Корнилова, что он четыре раза ранен. Но все было напрасно. Кутепов приказал его расстрелять. Ко мне подошел наблюдавший эту сцену полковник генерального штаба Александрович и сказал: «Ваше Превосходительство, мы все просим Вас спасти этого офицера. Разве Вы не видите, что он не виноват, и если мы будем казнить за это офицеров, кто будет с нами воевать? А этот, — он указал на Шпаковского, — я все время наблюдал за ним, он наслаждался, видя, как волнуется и томится обреченный офицер». Мне удалось уговорить Кутепова отменить свое приказание и предать офицера суду. Полевой суд, собравшийся на следующий день, свидетельскими 681 показаниями установил полную невиновность офицера в покушении на Шпаковского и оправдал его. Офицера отпустили на свободу. После суда Шпаковский зашел ко мне и укоризненно сказал: «Напрасно Вы настояли на полевом суде. Человек он молодой и горячий, теперь он будет мне мстить. Надо было его расстрелять». У нас произошел короткий и неприятный для Шпаковского разговор. Вскоре он получил другое назначение и ушел из корпуса. Я не знаю, где после этого проявлял он свою деятельность, но знаю, что на всем пути от Орла до Харькова своими действиями он способствовал укоренению той страшной ненависти к белым, которую мы, уходя, оставляли в населении. Я уверен, что если бы белые армии Юга с теми руководителями, которые были тогда и которые бесчинствуют теперь на Балканах, занимаясь травлей иначе мыслящих эмигрантов, вновь появились в России,

они вскоре вызвали бы против себя поголовное восстание населения. Пустить их в Россию может только враг России. Таков был начальник тылового района войск Кутепова. Можно себе представить, что делалось в этом тылу, где орудовала еще стая таких же маленьких Шпаковских. Но когда он ушел, все чувствовали, что все симпатии Кутепова остались все же со Шпаковским. Этот господин и теперь является оплотом Врангеля. Недавно в «Новом Времени» была напечатана приветственная телеграмма Врангелю от Шпаковского, который оказался уже председателем Союза георгиевских кавалеров в одной из беженских колоний в Сербии. Таких садистов, действовавших спокойно, под охраной закона, была масса, и большинство их, еще более разнузданных, эвакуировалось из Новороссийска в Крым. Но в Крыму вся работа их, разбросанная прежде на громадных пространствах тыла Деникина, сосредоточилась на населении маленького полуострова. Под их защитой пышным цветом расцвела всемогущая крымская контрразведка. Этому способствовало еще и то обстоятельство, что два самых авторитетных и крупных старших войсковых начальника, с которыми считался и которых побаивался Врангель, генералы Слащев и Кутепов, соперничали между собой в проявлении твердости воли и характера. «От расстрелов идет дым, то Слащев спасает Крым», — песня эта не давала покоя Кутепову. Оба они избрали публичную смертную казнь основой управления, оба презирали общественное мнение, видели во всем только крамолу, которую призваны искоренить. Один был крайне неуравновешенный кокаинист, неврастеник, другой — полуобразованный, беспощадный и жестокий, ушибленный болезненным желанием во что бы то ни стало поддержать славу железного генерала. Оба — продукты Гражданской войны, оба на ней сделали карьеру, оба отуманены безнаказанностью и властью и оба одинаково ожесточенно боролись против малейшего проявления независимости того жалкого учреждения, которое именовалось судом Добровольческой армии. Независимого суда вообще в белых армиях не было: был суд кутеповский, слащевский, Шкуро и т. п. Суд в белых армиях был насмешкой над правосудием.

Во главе судебного ведомства стоял генерал Ронжин, человек с таким гибким взглядом на закон, что он как нельзя более подходил к настроению и обстановке. Выше всего он считал волю начальника. Сам по себе безгласный, бесцветный и беспринципный, он отличался исполнительностью. Он мог инсценировать какой угодно процесс, вроде циничного процесса генералов Сидорина и Кельчевского. При Деникине он преследовал врангелевцев и казаков, при 682 Врангеле — деникинцев и врагов Врангеля. Он слепо исполнял волю того, кто был в настоящий момент сильнее, и жевал свой кусок хлеба. Этот человек часто любил говорить об образцовой постановке судебного дела в войсках белых армий и еще недавно читал лекцию на эту тему в Сербии. Его особенно теплым отношением пользовался сформированный Кутеповым военно-полевой суд в Симферополе, более других повесивший и расстрелявший большевиков. Поэтому я остановлюсь на деятельности этого суда немного подробнее. Ввиду того что Крым представлял собой «осажденную крепость», главная масса дел решалась в военно-полевых судах. Для искоренения крамолы и устрашения населения начальники и, в частности, Кутепов требовали от этих судов беспощадности. В Симферополе — местопребывании штаба Кутепова — был сформирован отборный полевой суд. Во главе его был поставлен полковник Литвиненко, впоследствии за свою особо ревностную службу в должности председателя военного полевого суда произведенный Врангелем в генералы. Прошлого его было таково: незадолго до революции, во время русско-германской войны он на занятии в резервном полку убил ударом кулака солдата-еврея, не исполнившего по слабости здоровья какого-то ружейного приема. Преданный за это суду, он бежал на фронт, где его выручил командир полка, ответивший на запрос, где поручик Литвиненко, донесением, что последний убит в одном из боев. Тем дело и кончилось. Дальше помогли революция и общая неразбериха. Человек с такими понятиями о правосудии был для Кутепова находкой, и он назначил его председателем военно-полевого суда в Симферополе. Членами суда назначались по выбору Кутепова офицеры наиболее твердого характера, но иногда Литвиненко ходатайствовал о замене, когда кандидат все же проявлял относительную мягкость. Уже после эвакуации из Крыма Литвиненко рассказывал мне, что приговоры по делу составлялись обычно до суда, а самый суд являлся простой формальностью. Вопрос о том, кого вешать, решался заранее. В Салониках в присутствии еще одного генерала генерал Литвиненко рассказывал мне об одном таком процессе. «Я поселился, — говорил он, — в Симферополе в доме, где жила моя теперешняя жена. Я сразу в нее влюбился, но целый месяц ухаживал

безуспешно. Мешал мне один штатский, который также ухаживал за ней и который, видимо, ей нравился. Однажды, сидя в театре, я увидел, что в соседнюю ложу вошла моя жена с этим господином. Это так взволновало меня, что чаша моего терпения переполнилась. Я едва досидел до конца акта, а затем, выйдя в фойе, позвал всегда дежуривших в театре агентов и приказал этого господина взять. Разговор с ним был короткий. Он был обвинен в большевизме и через четыре дня повешен. Приговор суда, конечно, Кутепов утвердил. Устранив это препятствие, я скоро после этого женился. Жена, пораженная произошедшим, уже более не сопротивлялась». Так совершалось правосудие в Крыму. Симферопольский военно-полевой суд, составленный из лиц, подобных Литвиненко, осудил на смертную казнь, повесил и расстрелял множество людей, иногда зеленую молодежь, почти детей, из которых, я глубоко уверен, три четверти были совершенно невинны. Никакие заявления, никакие просьбы и мольбы отдельных лиц и общественных организаций в расчет не принимались. Все смертные приговоры утверждались немедленно, а Врангель благодарил Кутепова за твердость. Смешно и грустно 683 поэтому слышать и читать жалкий лепет бывшего главного прокурора врангелевской армии, сидящего теперь на пайке в Сербии, старика Ронжина об образцовом правосудии в Крыму. Примеров, подобных рассказанному мною, множество. Стоявшие наверху их отлично знают. В Лозанне на процессе Конради генерал Добровольский, бывший губернатором в Новороссийске при Деникине, заявил, что последний, прибыв в Новороссийск, прежде всего подтвердил ему: «Мало вешаете, надо больше вешать». Контрразведка, произвол начальников всех ступеней, военно-полевые суды, предание которым всецело зависело от усмотрения малых и больших диктаторов, убивали, конечно, в корне гражданские свободы, которые официально провозглашались в местностях, занятых белыми армиями. На фоне общего бесправия и произвола резко выявилась безумная деятельность Климовича, Кривошеина, епископа Вениамина и Евлогия, ближайших советников Врангеля. Истеричный и страстный епископ Вениамин не довольствовался речами, он

стал рассылать повсюду проповедников-священников, которые часто произносили возмутительные речи. Это были, так сказать, духовные контрразведчики. В своих речах они проповедовали крестовый поход против большевиков со всей свирепостью средневековых проповедников и именем Бога заранее освящали и прощали погромы и убийства. В одном из полков Добровольческого корпуса, два таких священника, ругавшие в своих речах бывшего Главнокомандующего Деникина, были удалены офицерами после проповеди из полка. (Священники часто привлекались Врангелем к травле бывшего Главнокомандующего.) Барон Врангель особенно и везде старался подчеркнуть свою преданность религии, но в частях это толковали по-своему. Я не знаю, был ли Врангель действительно так набожен, как он хотел казаться; и он везде старательно подчеркивал и искренно верил, что епископ Вениамин и его сотрудники помогут ему в борьбе с его противниками, но армия относилась к этому весьма скептически, и в рядах ее епископ Вениамин не пользовался никаким уважением. О нем отзывались с презрением и насмешкой. Вспоминаю один очень показательный эпизод на смотре дроздовской дивизии, который Врангель устроил после того как эвакуированный из Новороссийска Добровольческий корпус отдохнул. Должен был приехать и Вениамин. Была дождливая погода. Дроздовцы были выстроены в поле и ждали приезда Врангеля. Вдруг пошел дождь. В это время, пересекая поле, показалась баба. Она шла, завернувшись в простыню, и ее мокрая фигура производила комическое впечатление. Кто-то из дроздовцев громко крикнул: «Смотрите, Вениамин идет». И сейчас же из рядов послышались крики и смех: «Вениамин! Вениамин!» — и не стихали все время, пока баба проходила перед полком. На фоне бесправия одних и безнаказанности других развились и достигли чудовищных размеров взяточничество и грабежи. Много говорить об этом не стоит. Сколько уже исписано страниц о грабежах и взяточничестве в белых армиях, от которых трепетало население. Укажу лишь несколько, которые совершали и которыми гордились крупные начальники. Помню, после взятия Киева добровольцами командующий 1-й армии генерал Май-Маевский отправился из Харькова в Киев. Половина его поезда была нагружена спиртом, который его адъютанты по прибытии распродали в городе. Когда Май-Маевский вернулся в Харьков, Кутепов вместе со мной пошел с докладом к командующему. На столе у Май-Маевского лежал чудной работы массивный золотой портсигар с его огромной монограммой из крупных бриллиантов. Май-Маевский, увидев, что мы смотрим на редкую вещь, 684 спокойно сказал: «Это в знак признательности за поездку в Киев мне

поднесли вчера адъютанты». Помню, в Курске Шкуро пригласил вечером в свой поезд старших начальников. Вечер был интимный с обильным возлиянием. Выпив, Шкуро велел адъютанту принести шкатулку и стал показывать присутствующим редкие и крупные бриллианты, переливая их из ладони в ладонь и объясняя, где и в каком городе во время Гражданской войны он заработал эти драгоценности. Бриллианты эти представляли громадное состояние. Генерал Мамонтов, возвращаясь после своего знаменитого похода, послал в Новочеркасск жене телеграмму, которая стала известна в штабе: «Поздравляю, надеюсь, что в России теперь никто не будет носить таких бриллиантов, как ты». Убитый в Болгарии генерал Покровский нагреб громадное количество камней и золотых вещей и хранил их в номере гостиницы «Киста» в Севастополе, где он жид во времена Врангеля. Однажды к нему явился генерал Постовский, переночевал, и чемодан с бриллиантами исчез. Контрразведка рапортом начальнику штаба Донской армии генералу Кельчевскому донесла, что все следы указывают на то, что чемодан унес Постовский. Дело, однако, было прекращено по просьбе Покровского, который не мог вспомнить всех вещей, лежавших в чемодане, а главное, не мог и не хотел объяснить, откуда и как у него появились эти вещи. В Константинополе части войск отдали Врангелю некоторую долю своих золотых и бриллиантовых запасов. Хранить их взял к себе в каюту начальник штаба Врангеля генерал Шатилов. Через некоторое время проверкой была обнаружена пропажа большей части вещей. Врангель просил союзную полицию поиски вещей прекратить и дело замял. Войска беспощадно грабили население, это вызывалось, как я уже говорил, столько же общей распущенностью, сколько и необходимостью существовать, ибо ни интендантство, ни другие отделы снабжения ничего фактически армии не давали. Грабежи населения особенно усилились в Крыму, так как снабжение армии было фактически налажено еще хуже, чем при Деникине, а помощь союзников отсутствовала и ресурсы края и населения были еще беднее, чем на территории войск генерала Деникина. Обыкновенно взять большой город значило обеспечить

себя многим необходимым надолго и с избытком. Полки и дивизии, бравшие города, обогащались. Этим полкам завидовали. Завидовали дроздовцам, поживившимся при взятии Харькова, и марковцам, взявшим Курск. При взятии Курска начальник марковской дивизии генерал Тимановский окружил город караулами и в течение целых суток не впускал в него никого из командированных от штаба корпуса, штаба армии и ставки. Все прибывшие из ставки и корпуса комиссии по учету военной добычи задерживались на ближайшей станции. Армия остро нуждалась во всем: в автомобилях, резине, сахаре, коже, сапогах, мануфактуре и т. д. Но генерал Тимановский заявил, что он никого в Курск не пустит, и город сутки оставался в его власти. А в это время там происходило следующее. Капитан Ходатский, офицер офицерской роты III марковского полка, рассказывал мне следующее: «Когда мы вошли в Курск, нам повезло, мы нашли большие склады кожи. Командир офицерской роты немедленно выставил вокруг складов наши караулы. Затем, оставив целыми замки и печати, мы проделали отверстие в стене и всю ночь возили на подводах товар из складов в помещение роты, и к утру три четверти помещений было забито кожами. Затем перед рассветом отверстие в стене было 685 заделано, и склады с целыми замками и печатями были переданы прибывшим из штаба армии комиссиям. Четыре дня подряд в помещении роты шла торговля — продавали спекулянтам товар. Деньги делили на всех. После этого у офицеров появилась масса денег. Шла сильная игра и попойки, во время одной из них сильно избили за что-то ротного командира». А в это время армия оставалась без сапог. Поручик Тилинин рассказывал мне другой трагикомический случай. В этом же Курске было захвачено три вагона сахару. Но часть, захватившая сахар, не успела выгрузить его из вагонов до прибытия комиссии и, комиссия, опечатав вагоны, приставила часовых и сама поместилась рядом. Все были страшно огорчены, но выручил один смелый и находчивый офицер. Между ним и начальником караула произошел короткий разговор: — Дело плохо, надо устранить комиссию. Надежны ли ваши люди? — Совершенно, они моей роты. — Тогда необходимо, чтобы после первых же выстрелов, которые раздадутся ночью вблизи, они бежали. После этого я обстреляю вагон с комиссией. Если там кого-нибудь убьем, не беда. — Понял, будет сделано. С наступлением темноты затрещал пулемет, и стражи немедленно бежали. Затем, побросав чемоданы, бежали в полном составе члены комиссии, а к утру весь сахар исчез из вагонов, перейдя в собственность доблестной части. Председатель комиссии донес, что ночью большевики сделали на станцию набег. Так разграбили Курск, так Шкуро разграбил Воронеж, так были

разграблены другие города... В Крыму все осталось по-старому, и после заверений и приказов Врангеля, заявлявших о полном перерождении армии, пришлось на всех дорогах расставлять заставы для перехватывания транспортов с товарами, которые войсковые части направляли в город для продажи. Чинами моего штаба было захвачено и отправлено в интендантство много таких транспортов с кожей и бумагой. И это при полном кожаном и бумажном голоде в Крыму. Тем не менее большая часть награбленного имущества благополучно доходила до мест назначения и распродалась. Только транспорт награбленного с широких проезжих дорог свернул на проселок. После двух с половиной лет Гражданской войны все более разлагавшиеся морально остатки южных белых армий очутились за границей. Весь цвет их — 1-я армия Кутепова, марковцы, дроздовцы и корниловцы — собрался на Галлиполийском полуострове. Через пять месяцев пребывания в Галлиполи у Врангеля и Кутепова возник проект: устранив французские части, пробиваться с боем в Адрианополь и далее в славянские страны. Но командный состав колебался. И пока французы не положили предел этой новой авантюре, начальники справедливо доказывали Кутепову, что из этого предприятия ничего не выйдет. И главной причиной этих колебаний была общая уверенность, что части корпуса до цели не дойдут и, выйдя из полуострова, разбредутся для грабежа турецких селений. На диком, с редким населением, окруженном морем и проволокой полуострове, охраняемом со стороны материка двойной линией французских и греческих войск (не считая собственных юнкерских караулов), поддерживать порядок и дисциплину было легко. Стоило лишь припугнуть лишением пайка. Сохранит ли армия дисциплину по выходе из полуострова — за это никто ручаться не мог. 686 А это были лучшие, наиболее стойкие и наиболее дисциплинированные части Добровольческой армии, и откровенное мнение о них начальников, высказанное в тот момент, когда приходилось отвечать за грабежи не перед Врангелем, а перед Европой, было лучшей аттестацией того дела и того государственного строя, защищать и восстанавливать которые вожди этой армии собирались

при помощи этих войск. В БЕЖЕНСКОМ ЛАГЕРЕ* Около полутора лет провели мы в русском беженском лагере в Салониках, управляемом комендантом и военной администрацией по назначению Врангеля. В течение этих кошмарных полутора лет мы были свидетелями невероятных и гнусных насилий, которые Врангель и его сообщники проделывали над группой беженцев с целью удержать их в повиновении и создать пропасть, отделявшую их от живой, настоящей России. Мы испытали на себе весь произвол власти догнивающих на Балканах представителей отжившей России, по какому-то непонятному недоразумению продолжающих оказывать свое влияние на судьбу и даже жизнь многих тысяч русских эмигрантов в Греции и Сербии, стесняющих на каждом шагу их свободу и право думать и говорить о России иначе, чем это желает правящая эмигрантская клика. И все-таки мы были также свидетелями, как, несмотря на все стеснения, преграды и кары, с каждым днем все сильнее и сильнее в запуганной и бесправной беженской массе пробуждалось сознание нелепости своего положения и росло стихийное и неудержимое стремление к возвращению домой, к слиянию с Россией. В нашей колонии, почему-то носившей название лагеря, было до 2000 русских беженцев, преимущественно штатских и казаков. Этот лагерь пользовался особым покровительством королевы Ольги, просившей Врангеля при формировании лагеря прислать в Грецию «благонравных» беженцев. Поэтому при отправлении эмигрантов в Салоники производился специальный отбор по происхождению и благонадежности. Отбором занимались князь Путятин (считал себя претендентом на российский престол) и граф Толстой (петроградский губернатор при Керенском), которые, не стесняясь, вводили в заблуждение королеву. Например, полковник Святополк-Мирский (не князь), служивший в добровольческом корпусе, был зачислен во все списки князем. Сам Святополк-Мирский объяснял свой новый титул так: «Князь Путятин, составлявший для королевы список русских, отправляемых в Грецию, спросил меня: «Вы князь?» — «Нет», — ответил я, «Ну, ничего, — сказал Путятин, — запишем Вас князем, королеве будет приятно». Я не протестовал и с тех пор ношу этот титул». В столь специфически обставленном лагере царили и особые порядки. Однажды во время обхода лагеря комендант его генерал Томилов сделал замечание одному офицеру, который позволил себе разговаривать с ним, скрестив на груди руки и отставив ногу. Неожиданно стоявший рядом с Томиловым греческий жандармский полковник закричал: «Смирно перед генералом!» — и ударил офицера хлыстом по лицу. 687 У Томилова не хватило мужества защитить этого офицера, и он промолчал. И хотя

удар был нанесен по лицу всех беженцев, чуть слышно запротестовала беженская масса и сейчас же смолкла. Дело было замято, офицеру пришлось уехать, специфический лагерь оказался на стороне жандарма: «Не может так офицер, хотя и беженец, стоять перед генералом». И много было другого, уродливого и тяжелого в нашей жизни. Беженская масса, собранная в Салоникском лагере, по своему составу (бывшие помещики, старые генералы и чиновники всевозможных ведомств, бывшие командиры, воинские начальники, интенданты, священники, много жандармов и контрразведчиков) в большинстве беспомощная, малодетельная, напуганная, не привыкшая к работе, вечно дрожащая за кусок хлеба, паек и квартиру в тяжелой борьбе за существование, давно потеряла облик политических эмигрантов. Мало чем интересующаяся, кроме сохранения существования, замученная малярией и голодом, не способная к протесту, она была отличным объектом для управления и материалом для создания такой «преданно-врангелевской» группы, от которой за паек и мифические обещания можно было без особого усилия получать и все необходимые восторги, и нужные в данный момент резолюции. И этот лагерь должен был служить выразителем русского общественного мнения и оплотом влияния Врангеля на русскую беженскую массу в Греции. Чтобы сохранить его от разложения и проникновения нежелательных политических влияний, на смену «слабому» генералу Томилову был назначен произведенный в Константинополе в генералы некий беженец Кирилов, который, сделавшись комендантом Салоникского лагеря, стал вводить в нем административные приемы управления, почерпнутые из опыта командования полком в Гражданскую войну. Комендант этот пользовался особым покровительством Врангеля за свою твердость в деле управления беженцами и получил специальные инструкции для «чистки лагеря». Прибыв в начале лета 1922 года в Салоники, Кирилов вместе с салоникским консулом Щербиной, человеком недалеким и крайне правых убеждений, стал вводить в лагере распорядок жизни по военному уставу. В первом приказе он объявил себя «хозяином» лагеря. На беженцев окончательно установился простой и

практический взгляд. Они необходимы как тяглое и податное сословие, которое надо предохранить от распыления, проникновения вредных влияний, ибо за счет его кормится врангелевская администрация. Оно не должно причинять беспокойства начальству. В союзники для борьбы с независимыми беженцами призывалась греческая полиция, и приказ коменданта о новом распорядке жизни в лагере консул Щербина повез на утверждение губернатора Македонии. Долго уклонявшаяся греческая администрация по примеру Сербии втягивалась в борьбу врангелевцев против не разделяющих их убеждения русских. В июле того же года в целях окончательного подчинения и обезличения беженцев Кирилов отдал приказ по лагерю, в котором указывал, что когда кончится период малярии, будет назначен общий час утреннего подъема беженцев (некоторые долго спят) и общий час «отхода» ко сну. После этого часа выходить из бараков запрещалось. Посещение друг друга после 12 часов ночи воспрещалось также. Воспрещались всякие собрания и собиранья подписей без разрешения и утверждения коменданта и вводились другие стеснения беженцам. Была сформирована, кроме находившейся в лагере греческой, еще русская полицейская команда из казаков, которая стала вторгаться во все мелочи б88 частной жизни беженцев, вплоть до проверки уборки помещений семейных, куда они иногда врывались без разрешения. Казачья команда эта за паек и жалование стала причиной в лагере. Лагерный полицеймейстер, казачий генерал Алпатов, играя в популярность, часто пьянствовал с казаками, иногда напиваясь до бесчувствия и заставляя тогда присутствующих петь «Боже, царя храни». Впервые была заведена русская тайная полиция, состоявшая на жаловании у греков. К беженцам установилось высокомерное и грубое отношение со стороны администрации. С июля 1922 года все газеты, кроме «Нового Времени», «Казачьих Дум» и «Монархического Вестника» были окончательно запрещены для распространения в лагере и за корреспонденцией беженцев установлен надзор. Милюковская газета «Последние Новости» была запрещена к продаже и чтению. Жизнь в лагере стала невыносимой, но казенный паек и квартира, страх быть выброшенным с семьей на улицу на голод и нужду, увеличивающаяся безработица заставляли беженцев терпеть и молчать, а некоторых даже хвалить начальство. Однако нашлись и такие, кто не захотели подчиниться наглому вторжению в их частную жизнь и резко протестовали против новых порядков. Их протест вызывал сочувствие беженцев. Это заставило начальство и полицию принять решение покончить с недовольными беженцами, не стесняясь в выборе средств. В обстановке греческой действительности это сделать было очень легко. Так были арестованы,

посажены в тюрьму и посланы в ссылку без срока на Пелопоннес два генерала и три офицера. Впоследствии, уже после нашего освобождения, бывший посланник в Афинах так излагал нам свой взгляд на причины нашей ссылки: «Я думаю, что вы, занимая высокие должности в прошлом, были громоздки для лагеря, и со стороны консула и коменданта ваша ссылка явилась следствием желанья нивелировать лагерь...» Особенному преследованию со стороны лагерной администрации подвергались лица, которые собирались возвратиться в Россию, говорили о жизни в России что-либо хорошее или читали газеты крайне левого направления. На совещании у консула был составлен план провокации. В это время начальник греческой салоникиской сыскной полиции, часто бывая в лагере по делу об одной краже, произведенной русскими, близко познакомился с комендантом, который и указал ему после совещания с консулом на необходимость очистить лагерь от «опасного для Греции» политически неблагонадежного элемента. На последовавшем затем втором совещании у консула был составлен список лиц, подлежащих удалению, причем комендант лагеря, основываясь на инструкциях, полученных свыше, особенно настаивал на немедленном аресте генерала Достовалова на том основании, что он выписывает газету «Накануне» и, значит, ведет «большевистскую агитацию» в лагере. В этот список вошло много лиц, в том числе: генерал Достовалов, генерал Лазарев, полковник генерального штаба Александров, полковник Староскольский, инженер Осипов, инженер Яковиди, сибирский промышленник Кубрин и другие. Сведения начальнику полиции решено было давать не прямо и официально, а через низших агентов сыска, которые информировались начальником канцелярии коменданта. Обыски начались с полковника генерального штаба Александрова, у которого нашли один номер газеты «Накануне», который и отобрали, затем были у генерала Достовалова, у которого забрали несколько номеров этой газеты, и у генерала Лазарева, у которого отобрали его переписку с консульским отделом советской миссии в Берлине по вопросу о восстановлении его в правах 689 российского гражданства и возвращении в

Россию. За день до этого обыска из квартиры генерала Достовалова во время его отсутствия был похищен (как потом оказалось, чинами комендантской полиции) второй экземпляр его рукописи «Гражданская война на Юге России». Затем начались обыски у других лиц. В результате по подозрению в большевистской пропаганде были посажены в тюрьму и сосланы на острова и в отдаленные места Греции генерал Достовалов, генерал Лазарев, инженер Яковиди и гражданин Кубрин. В эту же группу по подозрению в большевизме был включен летчик, поручик Лебедев. Официального, однако, обвинения предъявлено не было. Генералу Достовалову было заявлено, что он будет немедленно (через два часа) отправлен на остров на ломки мрамора (откуда не возвращаются), и только вмешательство командующего войсками Македонии спасло его от каторжных работ. Следствия никакого не было. Лишь около 10 дней агенты русской и греческой сыскной полиции тщательно собирали по лагерю слухи. Просьбы о назначении суда встречались насмешкой, просьбы опросить наших свидетелей — также. Консул и комендант и агенты Врангеля в Афинах приняли все меры, чтобы не допустить суда над нами. В тюрьме и в пути до места ссылки мы подверглись всевозможным лишениям и унижениям со стороны греческих жандармов. Наши прошения и заявления греки оставляли без ответа, говоря, что они признают единственной законной русской властью в Греции лишь старого русского посланника в Афинах г. Демидова, через которого только мы и можем направлять все свои просьбы и жалобы. Ознакомившись с делом, г. Демидов нашел ссылку и арест наш несправедливыми и обвинения недоказанными и предпринял шаги для нашего освобождения. Одновременно группа греческих социалистов, расследовав наше дело, решила, действуя через своих представителей, внести запрос в парламент о вовлечении греческой администрации в борьбу русских политических партий и о ее незаконных действиях в нашем деле. Однако грозные события, разразившиеся в Малой Азии, быстрая смена правительств и революция помешали осуществлению этого намерения. Действия г. Демидова, вначале успешные, после переписки военного представителя Врангеля в Афинах генерала Невадовского со штабом Врангеля стали затягиваться. Пересмотр нашего дела, предпринятый губернатором Македонии по просьбе г. Демидова и представителя Лиги Наций г. Корфа, ничего нового не дал, и греческий министр внутренних дел согласился на наше освобождение, если г. Демидов за нас поручится. После переписки со штабом Врангеля Невадовский в письме от 1-го сентября старого стиля предложил нам от имени посланника дать подписки дословно следующего содержания: «Генералы Достовалов и Лазарев обязуются

никогда не заниматься на греческой территории, ни вообще где-либо большевистской или какой-либо иной политической пропагандой». В письме говорилось, что подписка такого содержания нужна представителю Лиги Наций г. Корфу и губернатору Македонии Стаису (в это время уже уволенному от должности и преданному суду). Далее в этом же письме представитель Врангеля в Греции генерал Невадовский уже совершенно цинично добавлял, что в случае присылки такой подписки нам будет немедленно дано освобождение, право приезда в Афины, деньги на проезд, даровая квартира в Афинах и визы — одному в Германию, другому в Россию. 690 Отлично понимая, что подписка такого содержания не нужна ни представителю Лиги Наций, ни отданному под суд министру, и видя в этом требовании лишь новый шантаж берущего нас за горло врангелевского бандита, мы категорически отказались дать такую подписку и обязались лишь не заниматься на территории Греции никакой политической пропагандой. 11-го сентября старого стиля генерал Невадовский получил подписки и сообщил нам письменно (от 12-го сентября), что ввиду появления в газете «Накануне» нашего письма, в котором мы изобличали деятельность белых на Балканах, дело освобождения вновь откладывается до посылки нами в эту газету опровержения с указанием невинности в нашей ссылке консула Щербины и Кирилова. «Это, — добавлял Невадовский, — может быть, улучшит ваше положение». И в этом же самом письме, издеваясь над нами, представитель Врангеля добавлял вновь: «Посланник, разобрав ваше дело, усмотрел в вашем аресте несправедливость и отсутствие улик и доказательств виновности». Конечно, написать такое опровержение мы отказались, ибо все доказательства провокации консула и коменданта были у нас налицо. После этого еще в трех письмах Невадовский, вновь угрожая нам, требовал прислать опровержение в газеты, указывая, что только это может улучшить наше положение и что наша обязанность — опровергнуть нападки большевиков на Врангеля и Кутепова (прилагалась статья по поводу нашей ссылки из «Вестника Земледельца»). На последние его совершенно циничные письма мы не отвечали совсем и начали действия в

другом направлении. После шестимесячного пребывания в ссылке мы были наконец приказом министра внутренних дел освобождены, и нам разрешено было выехать из Греции. Причем ввиду получения нами от наших друзей предостерегающих писем из Сербии, представителем Лиги Наций было оказано нам содействие в проезде и в получении виз в Германию через Италию. Делу нашего освобождения мы были исключительно обязаны помощи некоторых общественных деятелей греков и председателя социалистического клуба в Каламате, который глубоко возмущался преступной работой в Греции врангелевцев. Пришлось, однако, для успокоения стремящихся нас задержать в ссылке агентов Врангеля, до конца вести все хлопоты по нашему освобождению через русские управления даже и тогда, когда фактически наше освобождение было уже подписано греческим министром внутренних дел. Пришлось прибегнуть к этой хитрости, ибо у нас имелись достоверные сведения о новой готовящейся против нас провокации с целью помешать нашему выезду из Греции. Насилия, которым подвергались мы, продолжают твориться над русскими беженцами в Греции и Сербии и теперь. За два дня до нашего отъезда из Греции по доносу русских монархистов в Афинах была арестована одна пожилая дама только за то, что сын ее уехал в Россию. Монархисты решили отомстить его старухе-матери. Вместе с ней была арестована группа ее знакомых русских. Сотни русских беженцев, не желающих подчиниться наглым указаниям врангелевских бандитов, и ныне томятся и избиваются в тюрьмах Сербии и Греции. Есть, однако, полное основание предполагать, что в недалеком будущем тяжелое положение русских в этих странах изменится к лучшему, ибо правительства Сербии и Греции начинают уже тяготиться назойливым и наглым вмешательством повсюду русских монархистов и врангелевцев, захвативших монополию представительства России и пользующихся местной администрацией для сведения личных счетов. Однако и по сие время жизнь в этих странах независимо мыслящих русских еще очень тяжела и полна неожиданностей. Доносы, аресты, убийства, 691 выведения в расход по добровольческому способу (все как в Крыму) продолжают широко практиковаться среди несчастного русского населения этих двух стран. После уничтожения остатков армии Врангеля оплачиваемые им сотрудники превратились просто в шайку разбойников, пускающих в ход всякое оружие, от клеветы до ножа включительно, против тех, кто не желает подчиниться их указке. Во имя справедливости и гуманности, во имя установления дружеских отношений с живой, настоящей Россией, во имя, наконец, безопасности и спокойствия своей страны правительства Сербии и Греции должны принять все меры для

и экономикой своей страны, а также и сербскими и германскими властями все меры для уничтожения хозяйничающих на их территориях врангелевских шаек. Представители Лиги Наций в Сербии и в Германии, ныне спокойно наблюдающие творящиеся там безобразия, должны оградить от врангелевского террора тех русских, которые, будучи связаны тысячами жизненных нитей, временно принуждены жить там. Ибо никакой врангелевской армии или штаба армии в действительности не существует. Осталась озлобленная кучка бандитов, не способных ни к какой созидательной работе, догнивающих на Балканах, отравляющих воздух Греции и Сербии злобой, местью и ненавистью, существующих только потому, что враги России не теряют надежды воспользоваться их услугами в тот час, когда они захотят снова залить кровью Россию. **«ЖЕРТВЕННЫЙ ПОДВИГ»** На галлиполийском пленении нескольких тысяч обманутых русских офицеров и солдат кучка правых политических дельцов продолжает делать «гешефт». Поэтому своевременно сказать несколько слов правды об этой темной, окутанной ложью странице белой агонии, которую спекулирующая на ней группа белградских торговцев живым товаром старается окружить ореолом подвижничества, ореолом жертвенного подвига во имя родины. Все написанное здесь представляет дословную передачу подлинных документов и показаний лиц, как игравших видную роль в Белом движении, так и тех, кто явился лишь жертвами этой бессовестной спекуляции. Когда сделалось ясно, что Крым удержать невозможно, Врангель отдал приказ о погрузке остатков своей армии на пароходы. В этом приказе он подчеркивал два пункта: 1) он, Врангель, не берет на себя никаких обязательств за дальнейшее будущее армии и ее содержание. Он считает себя лишь обязанным спасти тех, жизни коих угрожает опасность при советской власти, предоставляя им места на пароходах, но снимает с себя всякую ответственность за их будущее; 2) всем, кто мог безнаказанно для себя остаться в Крыму, состоял ли он в рядах армии или нет, безразлично, рекомендовалось настойчиво во имя общего дела не садиться на пароходы. Таким образом, этим приказом Врангеля разрывались существовавшие между ним и офицерами и солдатами армии прежние отношения подчиненности

и представлялась каждому свобода выбора и действий в будущем. Но каждый из активных участников Белого движения, где Врангель был лишь один из многих случайно выдвинутых контрреволюцией вождей (всего было 18 всевозможных «правителей» и «главнокомандующих»), имел право претендовать на свое место на русских пароходах, которые никогда не принадлежали ни лично Врангелю, ни его правительству. Так все и поняли этот приказ, и с этой минуты каждый считал себя свободным устраивать свою судьбу по своему желанию. И если посадка на 692 пароходы производилась по войсковым частям, то это было следствием ясно сознаваемой каждым необходимости сохранения порядка в этот трагический момент, а также следствием инерции в подчинении и привычки к дисциплине, которая еще продолжала сохраняться и на которой, как увидим ниже, построили свое благополучие штатские и военные дельцы. Однако начальники и штабы уже заметно потеряли прежний авторитет, и было много случаев, когда им приходилось бороться и вступать в споры с войсковыми частями за место на пароходе. Главная масса Добровольческого корпуса была посажена на пароходы «Саратов» (штаб Кутепова и корниловская дивизия) и «Херсон» (штаб корпуса, генерал Писарев и дроздовская дивизия). По выходе в море Кутепов в разговоре со своими ближайшими помощниками заявил, что его тревожит мысль о будущем. «Все Вы можете бороться с жизнью и устроитесь как-нибудь, но я — я могу только командовать войсковой частью и не представляю себя в другой роли». В разговорах со своими сотрудниками Кутепов зондировал почву о возможности сохранения армии в том виде, как она есть, высказывая взгляд, что распыление армии будет невыгодно для всех и что спасти людей от голода можно, только сохранив армию и дисциплину. По прибытии в Константинополь он, однако, объявил в своем штабе, что все, кто желает и может покинуть пароход, имеют на это право, и часть штаба Кутепова простилась и сошла на берег. Но сойти на берег в Константинополе было нелегко ввиду ограничений, установленных по этому вопросу союзным командованием, и не всем желавшим удалось это сделать. В Константинополе Кутепов виделся с совершенно растерявшимся Врангелем и высказал ему свои взгляды на необходимость сохранить армию, очистив ее от обременяющего, мало дисциплинированного элемента. Тем не менее Врангель отдал второй приказ, в котором, подтверждая свою неответственность за будущее армии, указывал категории лиц, которые считались уже не состоявшими в ней, и тех, которые при желании могли в армии остаться. Вместе с тем все офицеры и солдаты, состоящие в армии считались свободными заявить о своем желании ее покинуть и выйти из ее состава

армии, с тысячей свободными людьми с своим женой и ее дочкой и в вынужденном составе.

Местом высадки для частей 1-й армии (Кутепова), сведенных впоследствии в корпус, союзное командование в Константинополе указало Галлиполи. Во время стоянки на рейде в Константинополе и в пути до Галлиполи Кутепов был занят наведением порядка на пароходе, и постепенно первоначальная растерянность окончательно уступила место твердой решимости командовать тем, что останется, до конца, а дальше будет видно. Среди командного состава мысль Кутепова встретила полное сочувствие. За долгое время войны, европейской и Гражданской, все отвыкли от производительного труда. Жизнь, не обеспеченная жалованием и пайком, жизнь, где нужно бороться за существование, незнакомая и непривычная, пугала больше войны. Война, опасности — это была родная стихия: большинство высших начальников (от командиров полков и выше) были молодые офицеры, вся сознательная жизнь которых прошла в войне. Военная служба была их ремеслом, и Гражданская война давала широкий простор для выдвижения на командные верхи авантюристам. Риска они не боялись. От мирной жизни отвыкли, и она казалась им пресной. Долгая война, участие во всевозможных авантюрах последних лет искалечили и притупили их сознание и выработали особые легкие взгляды на жизнь. Этот элемент, всплывший на поверхность случайно, не особенно стеснявшийся в средствах, был отличным материалом для проведения того плана, который задумал Кутепов. Но для сохранения армии в том виде, как она есть, для поддержания дисциплины и предохранения частей от распыления, для сохранения командных должностей необходимы были соответствующая обстановка и, главное, сочувствие французов, которые давали средства на содержание армии. Судьба покровительствовала Кутепову. Еще по дороге из Константинополя в Галлиполи, рассматривая карту дикого полуострова и оценивая место будущей высадки, он сказал: «Отсюда уйти будет трудно. С трех сторон море, а с четвертой можно и не пропустить. А кто уйдет, побродит по полуострову и с голода вернется обратно». Обстановка для сохранения армии создавалась благоприятная. Вторая часть задачи — сочувствие французов к сохранению

существующего порядка — достигалась провокацией. Нужно было только внушить французам мысль, что предоставленная самой себе, вышедшая из повиновения своим начальникам масса в 25 тысяч человек, к тому же вооруженная (французы были уверены, что Кутепов прячет в Галлиполи даже пушки, и сильно преувеличивали число сохранившихся патронов и оружия), делалась опасной для населения, для сохранения мира на Балканах и способной на самые неожиданные выступления. Сделать это было легко. Кутепов решил сохранить возможно больше оружия, не особенно протестовать против слухов о сильном вооружении корпуса, а Врангелю был отправлен доклад для предоставления французам — о той опасности для мира, какую представляет собой его армия, лишенная командного состава, своей организации и дисциплины. Впрочем, до вступления на галлиполийскую почву Кутепов все еще колебался, и на «Саратове» был объявлен приказ Врангеля о новых условиях службы в армии и о свободе каждого принять решение: уйти или остаться. Конец этим колебаниям положил начальник дроздовской дивизии, молодой 26-летний генерал Туркул, произведший переворот на «Херсоне», когда он вошел на галлиполийский рейд. Когда командир 1-го корпуса генерал Писарев, бывший старшим начальником на «Херсоне» приказал своему начальнику штаба генералу Егорову объявить офицерам и солдатам, находившимся на пароходе, второй приказ Врангеля о предоставлении каждому права остаться или уйти из армии (перейти на положение беженцев), генерал Туркул объявил этот приказ недействительным и арестовал и генерала Писарева, и его начальника штаба. Получив записку от генерала Писарева о произошедшем, Кутепов отправил на «Херсон» своего начальника штаба генерала Достовалова с приказанием расследовать произошедшее. Расследование выяснило, что генерал Туркул считает приказ Врангеля ненужным и вредным и объявлять его своей дивизии не позволит. К удивлению генерала Достовалова, Кутепов вполне присоединился к мнению генерала Туркула и решительно ничем не реагировал на незаконные действия своего подчиненного. Больше того, в нем он нашел то, что во время пути он искал среди окружающих, и поступок генерала Туркула окончательно положил предел его дальнейшим колебаниям. На «Саратове» было объявлено, что приказ Врангеля будет разъяснен дополнительно. Примерно через час после этого, выйдя на палубу, Кутепов заметил одного солдата, менявшего свою рубашку на хлеб, который привезли к пароходу турки. «Как, продавать казенное имущество?» — закричал Кутепов и немедленно вызвал конвой, который, посадив в полку несчастного солдата, совершенно не понимавшего, в чем дело, и наивно после приказа

людку несчастного солдата, совершенно не понимавшего, в чем дело, и павшего после приказа Врангеля считавшего себя свободным, отвез его на берег. Здесь же на глазах у женщин и детей, солдат и офицеров обоих пароходов солдат был расстрелян. Так был разъяснен приказ. В головах эвакуированных солдат и офицеров получился сумбур. Выходило так, что все остается по-старому. Долго волновалась втихомолку палуба, 694 но протестовать никто не смел, и с этой минуты вопрос о праве ухода из армии больше не поднимался. Об этом просто не смели говорить. Сойдя на берег и расположив по квартирам войсковые части, Кутепов принял ряд мер для укрепления дисциплины и воспрепятствования распылению корпуса. Ему удалось запугать и убедить начальника французского гарнизона полковника Томасена в том, что его вооруженная масса людей будет подчиняться только своим начальникам и что только они одни могут предотвратить грабежи и разбои, которые начнутся немедленно после того, как дисциплина ослабнет. Полковник Томасен вполне поверил этому и отправил в Константинополь соответствующий доклад генералу Шарпи. В результате мер, принятых Кутеповым, в Галлиполи появилась знаменитая «губа» — старая турецкая тюрьма, всегда переполненная и охраняемая юнкерами, куда стали сажать всех наказываемых в дисциплинарном порядке. Появился военно-полевой суд. Всего Кутепов расстрелял в Галлиполи, по его собственным словам, «пустяки» — девять человек. Перешеек был прегражден цепью юнкерских караулов и проволокой и наблюдался французским батальоном чернокожих, за которыми еще далее стояла цепь греческих караулов. Всех записавшихся в беженцы (каковых, несмотря на террор, оказалось все-таки около 2000) пропускали через строгий контроль, лишали обмундирования и вещей под предлогом, что вещи нужны в первую очередь армии. Пропускались в беженцы только больные, калеки и инвалиды, и беженский батальон поставили в самом низком, лихорадном месте. Командиром батальона был назначен генерал Кочкин, глупости которого неоднократно удивлялся вслух Кутепов. Кочкин разделил беженцев (калек и инвалидов) на роты и взводы и ежедневно устраивал им занятия пешим строем, гимнастикой и военные прогулки. Жизнь в

беженском батальоне превратилась в ад, и скоро оттуда стали поступать заявления о раскаянии и возвращении их в строевые части. Списки раскаявшихся объявлялись в приказе, беженцы болели, умирали, а их все держали и никуда не отправляли. Ежедневно из полков поступали длинные списки бежавших ночью, многих из них находили чернокожие французские солдаты и греческие жандармы, избивали беглецов и приводили обратно. Незнание местности вселяло безнадежность, но побег не уменьшался. Много бежало на азиатский берег, к Кемалю. Уезжавшие в отпуск (пускались только благонадежные) в большинстве назад не возвращались. Бежавшие из списка частей не исключались. Кутепов запретил это делать, чтобы не вызывать уменьшения выдаваемого числа пайков. По этому поводу часто происходили недоразумения с французами, которые доказывали, что состав частей значительно меньше представляемого. Несмотря на некоторую прибыль из Константинополя отчаявшихся в поисках работы и хлеба людей, состав корпуса в последнее время был около 16 000, но в списках показывалось всегда 30 000 — 32 000 человек. Впрочем, лишние пайки до солдат не доходили. В то же время усиленно велась агитация на тему, что беженцы везде мрут с голоду и умоляют о возвращении в армию. Повсюду расклеивалась субсидируемая Врангелем бурцевская газета «Общее Дело». Вновь возобновила свои действия контрразведка, и тайные отделения ее завелись во всех полках. Снова все были взяты под подозрение, и ежедневно сыпались доносы на лиц, «разлагающих армию». Даже верные дроздовцы были объявлены ненадежными за то, что повесили в своем собрании портрет Деникина. Об этом преступлении Кутепову докладывалось ежедневно. Но Кутепов, чувствовавший большое уважение к Деникину, не хотел карать преступников. 695 Контрразведкой был объявлен неблагонадежным и представитель земскогородского союза, присланный из Константинополя для открытия мастерских. Кутепов запретил ему вход в лагерь, и он уехал в Константинополь. Только после пререканий с Хрипуновым допустили другого, благонадежность которого была вполне проверена. Но Врангель, извинившись перед Земгором, свалил вину на исполнителей и вполне одобрил действия Кутепова. Мало того, генерал Шатилов прислал секретное предписание Кутепову, где от имени Врангеля сообщал провокационные сведения о том, что общественные деятели в Константинополе во главе с Хрипуновым настаивают на передаче им контроля над расходуемыми на армию суммами, что Главнокомандующий решил не допускать, так как это поведет к умалению его прав и «к смене, а может быть и полному уходу командного состава». Секретная борьба интриги против

может быть, и полному улоду командного состава». Скрытая борьба, интриги и против общественности и натравливание продолжались в течение всего пребывания в Галлиполи. Это было напрасно, ибо круги белой общественности, конкурируя с Врангелем за право распоряжаться жертвемыми на армию средствами, отнюдь, не добивались ее уничтожения. Но подвижимый патриотизмом Бахметьев прислал из Америки крупный куш, и «жертвенный подвиг» Кутепова и Туркула оказался великолепной курицей, приносящей золотые яйца. Все дело было в том, чтобы поделить яйца; но интересы всех, и Врангеля и Хрипунова в том числе, сходились на том, чтобы сохранить эту курицу и возможно более увеличить рекламой ее доходность. И Врангель и так называемые общественные деятели не были инициаторами «подвига», но быстро поняли, что в балканской неразберихе это будет безопасное и выгодное дело, и поспешили примазаться к нему. Месяца через четыре после выгрузки в Галлиполи явился в корпус посланец Земгора князь Павел Долгоруков. Он просил разрешения поговорить с офицерами. Тяжело было слушать монотонные и откровенные излияния этого престарелого рамолика, и обыкновенно группа слушателей быстро редела. Все беседы его сводились к бесконечным и циничным заявлениям: «Держитесь, господа, потому что если вы распылитесь, то мы не удержимся в Константинополе и тоже должны будем прекратить свою работу. Мы держимся только вами». Отсюда ясно, что и в интересах Земгора было сохранить подольше и побольше галлиполийцев. Противодействия Земгора нечего было опасаться. Командный состав в Галлиполи приобрел, таким образом, новых союзников, и для окончательной гармонии в действиях по одурманиванию тех, кто сидел в палатках, надежно охраняемый от распыления, и за семь верст таскал на своей спине скудный паек, нужно было только распределить сферы влияния и доходы. Спекуляция белым товаром шла вовсю. Шла нагло и торжествующе. Однажды от Врангеля пришла телеграмма для объявления корпусу, что желающие ехать в Восточную Сибирь могут записаться. Телеграмма была объявлена в приказе по корпусу в то время, когда Кутепов был в отсуствии. По прибытии в Галлиполи Кутепов сделал выговор начальнику штаба и заявил, что

«можно объявлять сколько угодно о записи в Аргентину или в африканские легионы, все равно туда много не пойдет, так как условия жизни очень тяжелые, но в Сибирь поедет большинство и мы (командный состав) останемся ни с чем». Телеграмма Врангеля была объявлена недействительной и запись в Сибирь прекращена. Все, казалось, шло хорошо. Но были и темные пятна, с которыми приходилось бороться. С невероятными трудностями и риском пробивались беглецы из Галлиполи на волю и рассказывали правду о «жертвенном подвиге». 696 Появились описания галлиполийской жизни и гнусностей, творящихся там, в газетах. В Салониках в одном бараке жило 130 таких беглецов, и он назывался «галлиполийским». Однажды из помещения французского коменданта под сильным конвоем чернокожих на пристань провели группу в несколько сот офицеров и солдат и, посадив их на пароход, отправили в Константинополь. Оказалось, что это были лица, бежавшие из лагеря, искавшие убежища у французов и укрывавшиеся во дворе французской комендатуры, где им удалось упротить коменданта выручить их из галлиполийского плена. Эти сцены стали повторяться. Пришлось установить наблюдение и за домом французского коменданта. Французское командование стало действовать решительнее и настойчивее. Пришлось уступить. При отправлении одной группы беженцев разыгралась такая сцена. Кутепов случайно был на пристани. Когда трап был поднят и пароход стал отчаливать, вся масса беженцев столпилась к борту и до конца, пока было слышно, осыпала проклятиями и руганью Кутепова, который ничего уже не мог сделать. «Негодяи, мерзавцы, рабов из нас хотели сделать!» — доносилось с парохода. Кутепов со свитой ушел под град ругательств. После этого случая переход в беженцы стал обставляться еще строже. Но не только в этом наглом закреплении попавших в ловушку людей состояло преступление Врангеля и Кутепова и содействующих им политических спекулянтов. Самое страшное было в другом. Ужас заключался в том, что бессознательным и слепым оружием для проведения в жизнь своего эгоистического плана они сделали вывезенных из Крыма мальчиков-юнкеров, почти детей. Почти 2000 этой зеленой молодежи в возрасте от 15 до 18 лет, совершенно безграмотной, ибо многие из них бросили давно учиться и с 12—15 лет пользовались всеми прелестями свободной жизни в условиях Гражданской войны, были превращены Кутеповым в галлиполийских тюремщиков, охранителей, караульных и наблюдателей за остальной массой солдат и офицеров. Из всего корпуса только эти дети были полностью вооружены. На них возлагалась фискальная служба, карачи при тюрьмах и бандажках, эти дети охраняли парашютов и лодки беженцев на

служба, караулы при тюрьмах и гауптвахтах, эти дети охраняли перешесек и ловили озежавших на волю офицеров и солдат, ходили патрулями по городу ночью, охраняя спокойный сон начальства, приводили приговоры в исполнение. В свободный от наряда День они зубрили винтовку, часами занимались пешим строем и уставом, шли в караулы на дороги, к гауптвахтам и тюрьмам. Их невежественные руководители и учителя сами перезабыли за шесть лет войны даже и свое военное дело. Главная цель обучения сводилась к выработке из них дисциплинированных и послушных автоматов, готовых на все. Так калечилась нравственно насильственно удерживаемая в темноте, безграмотная, не знающая жизни, совсем юная молодежь. Напрасно некоторые настаивали на том, что Гражданская война кончилась, что нельзя убивать нравственно молодежь и делать их никуда не годными в жизни людьми, что надо учить их тому, что им будет важно и нужно в жизни, — это только обостряло отношения и усиливало подозрительность. Рабовладельцам это было невыгодно, и лучшие годы юношей и детей проходили в караулах и изучении устарелых уставов, вырабатывая неучей, бездельников и будущих авантюристов. И теперь еще они, сидя в Белграде, все охраняют, щелкают шпорами, ничего не делают, получают паек и мечтают о привольных временах Гражданской войны. Этот морально загубленный элемент получает новое назначение формировать кадры «патриотической» молодежи, террористов и несчастных, никудашных 697 неудачников, которые сейчас должны изображать преданную массу, а потом, когда прозреют, будут проклинать погубивших их негодяев. Но проклятия уже сыпятся на их голову. Образованный ныне Кутеповым «Орден галлиполийцев» преследовал тайную и чудовищную мысль — создать окончательную пропасть между Россией и одураченными галлиполийскими статистами, использовать их для враждебных против России актов, надолго оторвать их от родины — и имел в основе все ту же цинично-эгоистическую цель не остаться в одиночестве, над чем-то властвовать, из чего-то черпать доходы. Чужое счастье, молодые жизни — все ставилось на карту, все приносилось в жертву собственному благополучию и эгоизму. Но многие уже поняли и многие горько раскаиваются. И пока под

тройным караулом сидели в Галлиполи «святые статисты» с яхты «Лукул», из Земгора, от Бурцева, Карташева и других рассылались слезные прошения пожертвовать хоть копейку на «жертвенный подвиг». И получали и кормились. В истории Белого движения Галлиполи явилось своего рода «делом Эмбер». Это был величайший шантаж, величайшее надувательство общественного мнения и главным образом жертвователей, наглый обман и насилие над личностью. Но старая привычка повиноваться начальству, террор, безвыходность положения, лживая агитация и полная неосведомленность о том, что делается за пределами Галлиполи, давали широкий простор произволу и спекуляции. Галлиполи было естественным следствием низкой нравственности белого командного состава во главе с Кутеповым и Врангелем. Галлиполи было естественным последствием деморализующего влияния Гражданской войны, постепенно вытравившей у белых руководителей после ряда неудач все чувства, кроме эгоизма и самосохранения какой угодно ценой. Знаменитое «дело Эмбер» повторилось в Галлиполи в более крупном масштабе, и под пустую, ничего не стоящую шкатулку с надписью «Жертвенный подвиг» и теперь еще продолжают вымогаться у доверчивых людей крупные ссуды. И не только карикатурой, но, может быть, самым правильным из представленных проектов «галлиполийского нагрудного знака» был прекрасно исполненный рисунок одного полковника, весьма популярного в Константинополе, изображавший груду французских консервов, из-за которых выглядывало смеющееся лицо Кутепова. Февраль, 1924 г. Публикация Н. СИДОРОВА, И. КОНДАКОВОЙ

Указатель имен

(Концевая страница) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 704. — [Т.] VI.

«Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.)». Выпуск VI. — М.: Студия «ТРИТЭ» — «Российский Архив», 1995. — 704 с.; ил. ISSN 0869—2010

Альманах посвящен истории Государства Российского. В нем помещены ранее не публиковавшиеся исторические документы (воспоминания, дневники, письма, литературные и философские произведения), хранящиеся в отечественных и зарубежных архивах.

Все документы публикуются без изъятий. Среди них — материалы к биографиям барона Мюнхгаузена (1739—1741 гг.) и военного летчика И. Скасырского, заметки и дневники Л. В. Дубельта, дневник Наследника Цесаревича Александра Александровича, воспоминания Н. А. Вельяминова о Д. С. Сипягине, подборка материалов о Первой мировой войне, воспоминания участников Гражданской войны, фотографии из семейных альбомов дворян Михалковых.

Альманах снабжен научно-справочным аппаратом.

Для историков, культурологов, архивистов и для всех интересующихся отечественной историей.

0503020000—0010

Р — — — — — — — — —

А 19 (02)—95

ББК 63.3 (2)

РОССИЙСКИЙ АРХИВЪ

История Отечества
в свидетельствах и документах

XVIII—XX вв.

Выпуск шестой

Студия «ТРИТЭ»

творческо-производственное объединение

Никиты Михалкова

Редакторы В. В. Шибеева и О. Ю. Щербакова

Художественные редакторы Е. Н. Волков и Л. М. Ордынская

Технический редактор Т. П. Кириллова

Корректоры Л. Д. Лихачева и Н. А. Несмеева

Издат. лицензия ЛР № 030130 от 3,10,1991 г.

Сдано в набор 25.05.94. Подп. к печати 23.03.95 г. Формат 70 ? 100 1/16.

Гарнитура «Академическая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 57,02 +

+ альбом = 59,61. Усл. кр.-отт. 119,55. Уч.-изд. л. 78,77 + альбом = 80,92.

Тираж 10 000 экз. Изд. № 10. Заказ № 754

Издательский отдел «Российский Архив» ТПО «ТРИТЭ»

103001, Москва, Мал. Козихинский пер., 11

ГПП «Печатный двор» Комитета Российской Федерации по печати.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

Принятые сокращения // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 703. — [Т.] VI.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАЯО — Государственный архив Ярославской области

РГА ВМФ — Российский Государственный архив военно-морского флота

РГАДА — Российский Государственный архив древних актов

РГАЛИ — Российский Государственный архив литературы и искусства

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

РГИА — Российский государственный исторический архив

РЦХИДНИ — Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории

ВУА — Военно-ученый архив

Д. — дело

Ед. хр. — единица хранения

Карт. — картон

Л.; об. — лист; оборот листа

О. О. — Охранное отделение

Оп. — опись

Стб. — столбец

Ф. — фонд

(Титульные листы) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — С. 1—3. — [Т.] VI.

Два чувства дивно близки нам —

В них обретает сердце пищу:

Любовь к родному пепелищу,

Любовь к отеческим гробам...

А. С. Пушкин

2

ББК 63.3(2)

Р 76

Редакционная

коллегия

А. Д. Зайцев

Н. С. Михалков

А. Л. Налепин (главный редактор)

Т. Е. Павлова

Т. В. Померанская

В. И. Сахаров

В. В. Шibaева

О. Ю. Щербакова

Серийное оформление В. М. Мельникова

Макет Л. М. Ордынский

В подготовке издания

принимали участие

А. Н. Кузнецова и А. Н. Дорошенко

Ответственность за археографическую подготовку текстов

несут авторы публикаций

Том выпущен при содействии

Коммерческого банка

развития иностранного туризма

ИНТУРБАНК

0503020000—010

Р — — — — — — — —

А 19(02)—95

ISSN 0869—2010

© Студия «ТРИТЭ», РИО «Российский Архив». 1995

РОССИЙСКИЙ

АРХИВЪ

История Отечества

в свидетельствах и документах

XVIII—XX вв.

— — — — —

VI

Студия

«ТРИТЭ»

НИКИТЫ МИХАЛКОВА

«РОССИЙСКИЙ АРХИВ»

Москва

1995